

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

ISSN 2306-9015

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ XXIX (1)

**INDO-EUROPEAN LINGUISTICS
AND CLASSICAL PHILOLOGY XXIX (1)**

УДК 80/81
ББК 81.2
И 60

Индоевропейское языкознание и классическая филология XXIX (1) / Гл. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2025. — 1142 с. (= Индоевропейское языкознание и классическая филология, 29 (1), 2025).

Indo-European Linguistics and Classical Philology XXIX (1) / Edited by Nikolai N. Kazansky. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS, 2025. — 1142 p. (= Indo-European linguistics and classical philology, vol. 29 (1), 2025).

ISSN 2306-9015 Indoevropskoe âzykoznanie i klassičeskaâ filologîâ
ISSN 2658-6452 (электронная версия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик РАН Н. Н. Казанский (отв. редактор);
д. филол. н. А. А. Алексеев (СПбГУ), Prof. Dr. V. Blažek (Brno),
д. филол. н. Н. А. Бондарко (ИЛИ РАН),
д. истор. н. Н. В. Брагинская (РГГУ),
д. филол. н. А. Ю. Братухин (Пермь, ПГНИУ),
д. филол. н. А. Л. Верлинский (ИЛИ РАН),
к. филол. н. Г. М. Воробьев (Гент)
д. филол. н., член-корр. РАН Н. П. Гринцер (ИМЛИ РАН),
к. филол. н. П. А. Кочаров (Вюрцбург),
к. филол. н. Е. Р. Крючкова (ИЛИ РАН, отв. секретарь),
Prof. HDR D. Petit (Paris), д. истор. н. А. В. Подосинов (МГУ/ИВИ РАН),
д. филол. н. А. Н. Соболев (ИЛИ РАН), Prof. Dr. Dr. V. Sadovski (Wien),
д. филол. н. А. И. Солопов (МГУ), д. филол. н. А. И. Фалилеев (ИЛИ РАН),
к. филол. н. А. В. Шацков (Вюрцбург)

Журнал учрежден и издается
Институтом лингвистических исследований РАН

ISSN 2306-9015 © Коллектив авторов, 2025
ISSN 2658-6452 (электронная версия) © ИЛИ РАН, 2025
DOI: 10.30842/ielcp23069015
DOI: 10.30842/ielcp2306901529

ОГЛАВЛЕНИЕ

АБУЗИНА С. С. Aries informat primi cunabula mensis, анонимная поэма о знаках зодиака: комментарий, публикация и перевод.....	9
АЛЕКСАНДРОВ Б. Е. Рескрипт царя Ини-Тешшуба <i>Emar</i> 18: исторический контекст и правовое содержание.....	24
АЛЕКСЕЕВА А. А. Есть ли infinitiuis imperatiuis в трактате Цельса «О медицине»?.....	51
АНАШКИН А. В. Особенности народных верований в Поздней Византии в зеркале канонических ответов Иоасафа Эфесского.....	60
АНТОНЕЦ Е. В. Письмо Сикко Полентона к Никколо Никколи: две редакции текста и Петербургская рукопись Lat. F.XVIII.12 (РНБ)... ..	79
АПЕНКО М. С. Аристоник и Мемфисский декрет 182 г. до н. э.: к вопросу о лояльности жречества Птолемею V.....	109
АРСЕНЬЕВ М. Н. Караимская средневековая книга: фрагменты Торы X века из Второго собрания А. С. Фирковича (Араб.-евр. 211+). ..	122
БАЛАХОВСКАЯ А. С. Коллективная биография в античной литературе и «Лавсаик» Палладия Еленопольского.....	145
БЕЛИКОВ А. Е. Материалы для сравнительного исследования словарного запаса Силия Италика (пересечение со Стацием и поэзией I века н. э.).....	157
БЕХТЕР А. П. Папирус и камень: элементы папирусной скорописи в боспорской эпиграфике.....	166
БИТНЕР К. А. Кумранская версия текста одного библейского отрывка (Ис 42:1–9).....	180
БОГДАНОВ И. В. Синтаксическая роль презентативной частицы <i>mk/mt/mtn</i> в Истории крестьянина.....	196
БОНДАРКО Н. А. Семантические особенности дериватов с приставками <i>în-</i> и <i>îz-</i> в средневерхненемецких текстах Мейстера Экхарта (на материале проповеди S101).....	223
БРАГИНСКАЯ Н. В., ШМАИНА-ВЕЛИКАНОВА А. И. Две аллюзии в одном стихе: Passio Perpetuae et Felicitatis: XII, 3.....	249
БРАТУХИН А. Ю., ДУДКО П. А. Климент Александрийский о возможности причастия сущности.....	266
БРАТУХИНА Л. В. Образ Цирцеи в поэме Э. Паунда «The cantos» (canto CVI).....	283
БУЗУРНЮК Е. Н. «Другие женщины из деревни»: выход хора и организация драматического действия в «Женщинах в народном собрании» Аристофана.....	294
ВАСИЛЬЕВ А. В. Decem legati в римской дипломатии в Восточном Средиземноморье в начале II в. до н. э.....	305
ВАСИЛЬЕВА И. Э., КИСИЛИЕР М. Л. «Песнь о войне русских с французами» или о другом «греческом проекте».....	317
ВЕДЕШКИН М. А. «Expositio totius mundi et gentium» как источник по религиозной топографии Римской Империи середины IV в.....	371

БЕРЛИНСКИЙ А. Л. Thucydides on the change in the relation between names and things (3.82–83).....	399
ВИНОГРАДОВ А. Ю. Два среднегреческих гапакса из рукописей «Лествицы»: δοῦκάω и μετανοκτικόν.....	425
ВОЛОШИНА О. А. Метаязык описания синтеза глагольной словоформы в грамматике Панини.....	431
ВЫДРИН А. П. Простые глаголы ягнобского языка.....	440
ГАВРИЧЕНКОВ А. Н. О первоначальной семантике древних именных основ со значением ‘самец’, ‘мужчина’, производных от индоевропейских корней * <i>u</i> ers-, * <i>ers</i> -.....	455
ГВОЗДЕЦКАЯ Н. Ю. Рецепция и адаптация христианского апокрифа в древнеанглийской поэме «Андрей».....	466
ГИМАДЕЕВ И. Р. Миф о Фалерне Силия Италика в свете истории фалернского вина.....	483
ГОЛИКОВА М. С. Выражение <i>servire temporibus</i> в текстах древнеримских авторов.....	505
ГУСЬКОВ Е. А. Преторианские префекты и римский нобилитет в ранней Империи.....	525
ДВЯНИТИН Ф. Н. От микенского <i>ku-wa-no</i> , греческого κῶναος к имени Ціана: вещества, цвета и героини.....	538
ДЕСНИЦКАЯ Е. А. «Два облика» Брахмана в «Брихадараньяка-упанишаде» 2.3.....	550
ДЖАКСОН Т. Н. «Холодная Свитьод» и ее место в пределах ойкумены по «Саге о Нитиде» и «Саге об Инглингах».....	562
ДЖУНКОВА К. В. В поисках общеславянского языка. Неизвестный словацкий перевод Евангелия от Матфея с церковнославянского языка начала XX века.....	573
ДЗИЦКОЙТЫ Ю. А., ФАЛИЛЕЕВ А. И. Названия десны в осетинском языке.....	593
ДОМОСИЛЕЦКАЯ М. В. Платан (платан восточный <i>platanus orientalis</i> L.): к этимологии албанских фитонимов.....	611
ДРАЧЁВА Н. В. Влияние атомистической теории на лингвистическую доктрину Марка Теренция Варрона.....	620
ЕГОРОВА С. К. Место действия 5 Эпода Горация, или к вопросу о собаках (Ног. <i>Epod.</i> 5, 58).....	633
ЕМЕЛЬЯНОВ В. В. «Шумерский вопрос» Ф. Вайсбаха и современные границы шумерского вопроса	640
ЕСЕЛЕВА А. А. Именные композиты <i>hlaford</i> , <i>ealdhlaford</i> и <i>ealdhlafordcynn</i> в древнеанглийском языке.....	669
ЖЕЛТОВ А. Ю., ЖЕЛТОВА Е. В. Некоторые наблюдения над динамикой индоевропейских систем терминов родства в типологическом контексте.....	675
ЖУГРА А. В. Почему герои албанского эпоса так часто пьют воду?.....	713
ЗАБУДСКАЯ Я. Л. «(Не)трагический» Орест в греческой фразеологии.....	718
ЗАЙЦЕВ Д. В. Сагунт и Fides: некоторые комментарии ко второй песне «Пуники» Силия Италика.....	725
ЗАХАРЧЕНКО А. О. Конструкция <i>ab urbe condita</i> в прозе Саллюстия.....	736
ЗЕЛЬЧЕНКО В. В. Георгий Писида и комар.....	750
ЗОЛЯН С. Т. Мгер-старший и Мгер-младший в эпосе «Неистовые сасунцы»: двойная семантика одного имени.....	768

Ибрагимов И. И. Многозначность целевых показателей (на материале русского и древнегреческого языков).....	782
Иванов С. В. «Феминизация» этнических групп в Средневековой Европе: кровотечение иудеев и недуг уладов.....	797
Иванова Е. Ю. Инициальные клитики в болгарских говорах в свете контактологии.....	815
Илюшечкина Е. В. Замечания по поводу топики «первооткрывателя» (Plin. <i>Hist. Nat.</i> VII 191–214).....	846
КАЗАНСКИЙ Н. Н. Проблемы комментирования и сопоставления в русско-латинском параллельном корпусе.....	857
КАМЕНЕВ Д. М. Формы двойственного числа в Галицкой и Волынской летописях.....	874
КАРГАЛЬЦЕВ А. В. «Страсти Святой Сальсы»: историческое окружение и литературная специфика памятника.....	888
КАРЛОВА К. Ф. Образ всадника, убивающего демонического врага, в позднеримский период.....	900
КИРИЛЛОВА М. Н. Описание межевания окрестностей сабинского города Куреса в <i>liber coloniarum</i> II и его источники.....	927
КИСИЛИЕР М. Л. О двух разных перфектах или об арханизме и инновациях в глагольной системе новогреческого языка.....	937
КЛИМОВ О. Ю. Пергамский «логос» в «Истории» Полибия.....	956
КОРОВИНА Е. В. К возможности построения дискретной модели глоттохронологии.....	965
КОРОЛЕНКОВ А. В. Образ Гая Мария в сочинении Луция Аннея Флора...	976
КОРСО А. (CORSO A.). A suggestion concerning the statue of Zeus in the centre of the eastern pediment of the Parthenon.....	983
КОРЧАГИН А. О. Чей пищей стал Левиафан? К интерпретации Пс. 73/74:14	989
КОТОВА А. В. Женский труд как образ сравнения в античном героическом эпосе.....	1010
КУРИЛОВА А. Д. Трактовка антitezы в московском рукописном руководстве “ <i>Eloquentia ligata artificii...</i> ” (1743–1744).....	1027
КУРЫШЕВА М. А. Почерки писцов I и IV рукописи BnF <i>Supplément grec</i> 607 и писца документа императора Льва VI Мудрого.....	1033
ЛАДЫНИН И. А. Каналы Сесостриса: еще раз о следах сюжета поражения египетского царя скифами у Геродота.....	1039
ЛАРИОНОВА Н. Б. Глазное заболевание <i>λευκόματα</i> и методы его врачевания в чудесах Кира и Иоанна.....	1049
ЛУХОВИЦКИЙ Л. В. «Обвинители христиан»: история одного ересиологического термина.....	1059
ЛЮБЖИН А. И. <i>Magis rerum scriptor quam poeta et imitator haud imitandus</i> . Силий Италик в оценке французской критической и литературно-теоретической мысли XVII–XVIII вв.....	1080
ЛЮТИКОВА Е. А., СИДЕЛЬЦЕВ А. В. Синтаксис частных вопросов в хеттском языке.....	1100
Список авторов.....	1137

CONTENTS

ABUZINA S. S. <i>Aries informat primi cunabula mensis</i> , an Anonymous Poem on the Signs of the Zodiac: Introduction, Edition, and Translation.....	9
ALEXANDROV B. E. The rescript of the king Ini-Teššub <i>Emar</i> 18: historical context and legal content.....	24
ALEKSEEVA A. A. Is there infinitiuis imperatiuis in Celsus' <i>De medicina</i> ?.....	51
ANASHKIN A. V. Peculiarities of Popular Religiosity in Late Byzantium in the Mirror of Canonical Answers by Joasaph of Ephesus.....	60
ANTONETS E. V. Letter from Sicco Polenton to Niccolo Niccoli: two revisions of the text and the Petersburg manuscript Lat. F.XVIII.12 (NLR).....	79
APENKO M. S. Aristonicus and the Memphis Decree of 182 BCE: was the priesthood loyal to Ptolemy V.....	109
ARSENEV M. N. Karaite Medieval book: Torah fragments from the Second Firkovich collection (Arab.-evr. 211+).....	122
BALAKHOVSKAYA A. S. Antique collective biography <i>The Lausiac History</i> by Palladius of Helenopolis.....	145
BELIKOV A. E. Materials for Silius Italicus comparative vocabulary research (intersections with statius and poetry of the 1 st century AD).....	157
BEKHTER A. P. Papyrus and stone: the elements of papyrus cursive in the Bosporan epigraphy.....	166
BÜTTNER C. von. Qumran version of the text of one biblical passage (Isa 42:1–9)	180
BOGDANOV I. V. The syntactic role of the presentative particle <i>mk/mṯ/mṯn</i> in the Story of the Peasant.....	196
BONDARKO N. A. Semantic Peculiarities of Derivatives with Prefixes <i>in-</i> and <i>ûz-</i> in Middle High German Texts of Meister Eckhart (based on the Sermon S101).....	223
BRAGINSKAYA N. V, SHMAINA-VELIKANOVA A. I. Two allusions in one verse: <i>Passio Perpetuae et Felicitatis</i> : XII, 3.....	249
BRATUKHIN A. YU., DUDKO P. A. Clement of Alexandria on the possibility of participation of essence	266
BRATUKHINA L. V. The Image of Circe in <i>The Cantos</i> by E. Pound (Canto CVI)..	283
BUZURNYUK E. N. «Other Women from the Countryside»: the chorus' entrance and the organization of dramatic action in Aristophanes' <i>Ecclesiazusae</i>	294
VASILYEV A. V. <i>Decem legati</i> in the Eastern Mediterranean diplomacy of Rome at the beginning of the 2nd century BC.....	305
VASILEVA I., KISILIER M. The “Song about the war between Russians and French”, or about another “Greek project”.....	317
VEDESHKIN M. A. <i>Expositio Totius Mundi et Gentium</i> as a source for the study of religious topography in the Roman Empire in the middle of the 4th century.....	371
VERLINSKY A. L. Thucydides on the change in the relation between names and things (3.82–83).....	399
VINOGRADOV A. YU. Two Middle Greek <i>hapax legomena</i> from the manuscripts of the “Ladder”: <i>δοκᾶω</i> and <i>μετανυκτικόν</i>	425
VOLOSHINA O. A. The metalanguage of describing the synthesis of verbal word forms in the grammar of Panini.....	431
VYDRIN A. P. Simple verb of Yaghnobi.....	440

GAVRICHENKOV A. N. About the original semantics of ancient nominal bases with the meaning of 'male', 'man', derived from the Indo-European roots <i>*yers-</i> , <i>*ers-</i>	455
GVOZDETSKAYA N. YU. Reception and adaptation of the Christian Apocrypha in the old English poem <i>Andreas</i>	466
GIMADEEV E. R. The myth of Falernus by Silius Italicus in light of history of Falernian wine.....	483
GOLIKOVA M. S. "Servire temporibus" in the texts of ancient Roman authors..	505
GUSKOV E. A. Praetorian prefects and Roman noble families in the early Roman Empire.....	525
DVINYATIN F. N. From Mycenaean <i>ku-wa-no</i> , Greek <i>κύανος</i> to the name Cyana (Russian <i>Циана</i>): substances, colors and heroines.....	538
DESNITSKAYA E. A. «The two forms» of Brahman in the <i>Bṛhadāraṇyaka-upaniṣad</i> 2.3.....	550
JACKSON T. N. <i>Svíþjóð</i> in <i>kalda</i> and its place within the ecumene according to <i>Nítíða Saga</i> and <i>Ynglinga Saga</i>	562
DŽUNKOVÁ K. In search of a common Slavic language. An unknown Slovak translation of the Gospel of Matthew from Church Slavonic from the early 20th century.....	573
DZITSTSOITY YU. A, FALILEYEV A. I. Words denoting 'gum' in Ossetic.....	593
DOMOSILETSKAYA M. V. Plane tree (<i>Platanus orientalis</i> L.): the etymology of Albanian phytonyms.....	611
DRACHYOVA N. V. The influence of the atomistic philosophy on the linguistic theory of Marcus Terentius Varro.....	620
EGOROVA S. K. Where does Horace's <i>Epode</i> 5 Take place? Or the problem of the Dogs (Hor. <i>Epod.</i> 5, 58).....	633
EMELIANOV V. V. <i>Die sumerische Frage</i> by F. H. Weissbach and the modern boundaries of the Sumerian question.....	640
ESELEVA A. A. On nominal compounds <i>hlaford</i> , <i>ealdhlaford</i> and <i>ealdhlafordcynn</i> in Old English.....	669
ZHELTOV A. YU., ZHELTOVA E. V. Some observations on the dynamics of Indo-European kinship term systems in a typological context.....	675
ZHUGRA A. V. Why do heroes of Albanian epic drink water so often?.....	713
ZABUDSKAYA Y. L. "(Non)tragic" Orestes in Greek phraseology.....	718
ZAYTSEV D. V. Saguntum and Fides: some comments on the second song of the Silius Italicus' <i>Punica</i>	725
ZAKHARCHENKO A. O. The <i>ab urbe condita</i> construction in Sallust.....	736
ZELTCHENKO V. V. George of Pisidia and the mosquito.....	750
ZOLYAN S. Mher the Elder and Mher the Younger in the Epic <i>The Daredevils of Sassoon</i> — the dual semantics of the same name.....	768
IBRAGIMOV I. I. The polysemy of final markers (based on the Russian and ancient Greek usage).....	782
IVANOV S. V. "Feminization" of Ethnic Groups in Medieval Europe: Jewish Male Menses and the Debility of the Ulstermen.....	797
IVANOVA E. YU. Initial clitics in Bulgarian dialects in the light of contactology.....	815
ILYUSHECHKINA E. V. Remarks on the 'inventors' topicality (Plin. <i>Nat.Hist.</i> 7, 191–214).....	846
KAZANSKY N. N. Problems of commenting and comparison of Russian and Latin texts within in the parallel corpus.....	857

KAMENEV D. M. Reflection on the evolution of dual forms in the Galicia and Volyn chronicles.....	874
KARGALTSEV A. «The Passion of Saint Salsa»: historical surroundings and literary specifics of the monument.....	888
KARLOVA K. F. The image of a horseman slaying a demonic enemy in the late Roman period.....	900
KIRILLOVA M. N. The Description of Cures Sabini in <i>liber coloniarum II</i> and its sources.....	927
KISILIER M. Two different perfects, or about an archaism and innovations in the verbal system of Modern Greek.....	937
KLIMOV O. YU. The Pergamon Logos in Polybius' History.....	956
KOROVINA E. V. Toward the construction of a discrete model of glottochronology.....	965
KOROLENKOV A. V. Image of Gaius Marius in Lucius Annaeus Florus' Work.....	976
CORSO A. A suggestion concerning the statue of Zeus in the centre of the eastern pediment of the Parthenon.....	983
KORCHAGIN A. O. Whose food did Leviathan become? On the interpretation of Ps. 73/74:14.....	989
KOTOVA A. V. Women's Craftsmanship as a Vehicle in Ancient Epic Poetry..	1010
KURILOVA A. D. Interpretation of Antithesis in the Moscow Handwritten Manual "Eloquentia Ligata Artificiis..." (1743–1744).....	1027
KURYSHEVA M. A. Handwritings of Scribes I and IV of the Manuscript BnF <i>Supplément grec 607</i> and the Scribe of the Document of Emperor Leo VI the Wise.....	1033
LADYNIN I. A. Sesostris' Canals: Once Again on the Story of Egyptian King Defeated by the Scythians Indicated in Herodotus' Narrative.....	1039
LARIONOVA N. B. Eye diseases λευκώματα and cure methods in the <i>Miracles of Cyrus and John</i>	1049
LUKHOVITSKIY L. V. The "Accusers of Christians": A History of a Heresiological Term.....	1059
LYUBZHIN A. I. Magis rerum scriptor quam poeta et imitator haud imitandus. Silas Italicus' evaluation by the intellectual circles of France in the 17 th –18 th centuries.....	1080
LYUTIKOVA E. A., SIDELTSEV A. V. Syntax of constituent questions in Hittite.....	1100
List of authors.....	1137

С. С. Абузина

Санкт-Петербургский институт истории РАН /
Семинар греческой и латинской филологии Цюрихского ун-та. Россия.
lana.abuzina@yandex.com

***ARIES INFORMAT PRIMI CUNABULA MENSIS,*
AN ANONYMOUS POEM ON THE SIGNS OF THE ZODIAC:
INTRODUCTION, EDITION, AND TRANSLATION**

The anonymous didactic poem *Aries informat primi cunabula mensis*, dedicated to the zodiac cycle, was composed at the very latest in the 8th century as a rhythmic imitation of the metrical hexameter. It is an abecedarium, that is, a poem in which each line begins with a new letter of the Latin alphabet from A to Z. The text of the poem is found in three manuscripts: Saint Petersburg, National Library of Russia Lat.Q.v.I.15 (Corbie, late 8th century), Padova, Biblioteca Antoniana I–27 (Verona, late 9th century), and Leiden, Universiteitsbibliotheek, SCA 38 (Maillezais, 11th century). The text of the poem begins the zodiac cycle with Aries and uses some standard tropes, which are typical for other anonymous rhythmic versifications of the early Middle Ages. The present article examines the structure, content, and metrical features of the poem, proposes an edition of its text, based on all three manuscripts, and a translation. Preliminary conclusions regarding the manuscript tradition of the text and the place of its creation are reached.

Key words: *abecedarium*, rhythmic poetry, zodiac, astronomy, manuscript tradition, paleography, textual criticism.

Svetlana S. Abuzina

St. Petersburg Institute of History, RAS / University of Zurich. Russia.
lana.abuzina@yandex.com

***Aries informat primi cunabula mensis*, анонимная поэма
о знаках зодиака: комментарий, публикация и перевод**

Анонимная дидактическая поэма *Aries informat primi cunabula mensis*, посвященная зодиакальному циклу, была создана не позднее конца VIII в. в подражание метрическому гекзаметру. Это *abecedarium*, то есть стихотворение, каждая строка которого начинается с новой буквы латинского алфавита от A до Z. Текст поэмы сохранился, как минимум, в трех рукописях: Санкт-Петербург, Российская национальная библиотека Lat.Q.v.I.15 (Корби, кон. VIII в.), Падуя, Biblioteca Antoniana I–27 (Верона, кон. IX в.) и Лейден, Universiteitsbibliotheek, SCA 38 (Майзе, XI в.). Текст поэмы начинает зодиакальный цикл с Овна, а также использует некоторые стандартные тропы и эпитеты,

типичные для других памятников анонимной ритмической поэзии раннего Средневековья. В статье рассматривается структура, содержание, метрические особенности стихотворения, предлагается критическое издание текста поэмы с учетом сохранившихся рукописей и перевод. Также сделаны некоторые предположения относительно рукописной традиции текста и места его создания.

Ключевые слова: *abecedarium*, ритмическая поэзия, зодиак, астрономия, рукописная традиция, палеография, текстология.

The Latin poetic tradition of astronomical versifications originates in the Classical period and goes further back to the Hellenistic Greek tradition, primarily to the *Φαινόμενα* of Aratus of Soloi (c. 310–245)¹. The translation of the poem by Cicero (*Aratea*) is widely known, as well as the version by Germanicus (early 1st century AD). Perhaps indirectly, the writings of Marcus Manilius (*Astronomica*, in verse) and Gaius Julius Hyginus (*De astronomia*, in prose) were inspired by Aratus. But there are also later translations, of which that of Rufius Festus Avienius is best known (mid 4th century). The twelve signs of the zodiac were taken over in Hellenistic times from the East and are already a central topic in Aratus, influencing earthly life with their yearly revolution: a topic that became closely woven into ancient religion and mythology (Gundel, Böker 1972: 543–547).

With the rise of Christianity, although it tended to be opposed to predictive astrology, this tradition did not disappear, but it was noticeably transformed. The poem of Aratus did not lose its popularity: indeed a line from the poem made it into New Testament (Acta 17:28) and Jerome mentions new Latin translations in his Commentary on Titus (PL 26.572B; Des Places 1962; Berschin 1980: 62). However, the period of Late Antiquity seems to remain little studied in this matter. Among the crucial authors of the Early Middle Ages, Aratus is mentioned by Isidore of Seville (c. 560–636) in his *Chronica* and especially in *De natura rerum*, and quoted (apparently second-hand) by Bede the Venerable (c. 673–735)².

¹ Aratus versified the astronomical prose work of the same name by Eudoxus of Cnidus (c. 408–355); he appears to be the first to treat this topic in the poetic form. Cf. Le Bœuffe 1983: IX. In a broader context, the topic is discussed by Van der Waerden 1952: 216–230. See also the very detailed article in RE (Gundel, Böker, 1972: 462–709).

² Le Bourdellès has not found any direct quotations in Bede's writings (Le Bourdellès 1985: 37–39). However, cf. Le Bœuffe 1983: XIII.

From the content of these writings, it becomes clear that the interest in constellations and movements of celestial bodies was mainly driven by the need for computistic studies. But there are also early medieval poems of a more didactic and mnemonic character, more often rhythmic than metrical, that describe the signs of the zodiac and the positions of the celestial bodies in different seasons.

The authors of many of them are not known; some poems are attributed to more or less authoritative authors: Ausonius, Priscian, or Bede³. Some poems have been included in various anthologies of Latin poetry: *Anthologia latina* (Riese) and *Poetae latini minores* (Baehrens). Some have been published in the series *Patrologia Latina* (PL) and *Monumenta Germaniae Historica* (MGH). Nevertheless, some poems still remain unpublished and are present only in medieval manuscripts.

Among these there is the abecedarium of twenty three verses on the twelve signs of the zodiac which is studied in the present article (incipit: *Aries informat primi cunabula mensis*, Schaller-Könsigen 1037). The earliest known copy is found in a manuscript from St Petersburg: National Library of Russia Lat.Q.v.I.15 (S). This manuscript belonged to the library of the Northern French abbey of Corbie⁴. For the most part the codex contains the writings of Isidore of Seville and the riddles of Aldhelm of Malmesbury (c. 639–709) and was written in Insular script, most likely in south-west England in the 8th century⁵. A fragment of the text of *De differentiis* was interrupted at fol. 71r and then continued up to the beginning of fol. 71v in eN-script. This script was used in the scriptorium of Corbie in the 8th century and nowhere else. Then, on the remaining blank space of fol. 71v two poems (the first one is the zodiac poem) were added in a minuscule script verging on the Carolingian minuscule,

³ For example, the poem *In quo mense quod signum sit ad cursum solis* (Inc.: *Principium Iani sancit tropicus Capricornus*, Riese 640) is attributed to Ausonius, the poem *De sideribus* (Inc.: *Ad Boreae partes Ἀρκτοὶ uertuntur et Anguis*, Riese 679) is attributed to Priscian, and the hymn *De duodecim signis zodiaci* (Inc.: *Primus adest Aries, obscuro limine labens*, PL 94, 637B) used to be associated with Bede.

⁴ The manuscript is described in more detail by Dobias-Rozdestvenskaja, Bakhtine 1991: 63–68.

⁵ CLA XI 1618 (“Origin presumably South-west England”). Ludwig Traube, however, believed that the manuscript was created on the continent (Traube 1920: 95–119).

but with more cursive elements. Bernhard Bischoff states that it is similar to the so-called Maurdramnus minuscule, also a distinctive script of the Corbie scriptorium at the end of the 8th century⁶. Thus, it is quite clear that both poems were written into the manuscript in Corbie.

I have been able to identify two other, later, copies of the poem: Padova, Biblioteca Antoniana, I–27 fol. 90v–91r (P) and Leiden, Universiteitsbibliotheek, SCA 38 fol. 15v–16r (L). P is written in the developed Carolingian minuscule of the late 9th century. The codex is a collection of mostly miscellaneous excerpts and verses on various computistic topics, and was most likely copied in Verona⁷. The texts of the miscellany L are devoted to roughly the same topics and were written in 11th-century France (probably in Maillezaais Abbey – Bouwman 2023: 308) in late Carolingian minuscule with Gothic elements. L is mentioned by Pieter Burman in his *Anthologia* (Burman 1773: 334), where a long footnote provides the text of the zodiac poem in full. The text of manuscript S was transcribed with some errors and unresolved abbreviations by Dom Antonio Staerk (Staerk 1910: 227). The text from the manuscript P has not, to my knowledge, been published⁸.

It is quite possible that other copies of this poem survive. Despite great achievements in the description and digitalization of Latin manuscripts in Western European archives, modern descriptions rarely give titles for each poem in the collections and usually do not specify their incipits. The copy from Corbie (S) is the earliest known manuscript, but as can quickly be deduced from the *apparatus criticus* of the text of the poem (see Appendix), it is not the original. Its text was obviously copied from a defective manuscript, either a manuscript of poor quality or one that was hard

⁶ Bischoff 2004: 82 (Nr. 2317g), however, suggests that the verses were copied in late Maurdramnus minuscule and dates the manuscript to the 9th century. But considering the large number of ligatures, atypical for representative manuscripts in Maurdramnus (cf., for example, the volumes of the famous Maurdramnus Bible from Amiens, Bibliothèque municipale 6, 7, 9, 11, 12), I am inclined to believe that they were copied in the late 8th century.

⁷ The manuscript is described in more detail by McGurk 1966: 64–72, and more recently by Ó Cróinín 2010: 341–344. Bischoff 2014: 3 dates the manuscript to the 10th century.

⁸ It is mentioned as unpublished in Di Pasquale 2005: 682.

to read. The zodiac sign Leo is missing but was clearly present in the original. All manuscripts have a meaningless word in its place (l. 9). In addition, for the lines intended for rare letters of the Latin alphabet (X, Y and Z, l. 21–23), in my opinion, Greek words were originally used, which were then not transcribed correctly. Therefore I have to assume at least one intermediary manuscript in the tradition of the text between the original and S. Thus, the poet wrote the poem at the very latest in the 8th century.

Staerk's transcription of the verses in S combines the two poems into one, but in fact the second poem is the text known as *Carmen de uentis* (Inc.: *Quattuor a quadro consurgunt limite uenti*, Riese 484), a school poem composed most probably in 7th-century Spain. It was published by Paulo Farmhouse Alberto, who identified some Visigothic symptoms in the text of the poem (Alberto 2009: 341–375). P also contains the text of this *Carmen* on fol. 56v–57r, that is, in P both texts are separated.

Carmen de uentis has survived in a large number of copies (over fifty manuscripts). The zodiac abecedarium, however, seems to have survived in only three copies. But the text of the poem also seems to demonstrate the closeness of S and P: for example, the last word of the second line in S *mundi* is written (or added later?) as a Tironian note, while in P it is written in full, and it is missing in L. However, I could not detect any Visigothic features in the zodiac poem. L has the largest number of differences in the text. Clearly, the scribe attempted to “improve” the text of the poem, and made himself changes to what he thought was a corrupted or bad text. This is already hinted at by the title given to the poem in L: *De signis alphabeto distinctis, sed non rite constat lex metri in his sticulis*. It seems that L has undergone major scribal conjectures. This is especially evident, for example, in l. 12, that diverges most strongly from S and P. In contrast, the poem is given without a title in S; in P it is introduced as *item*, that is, the same title is implied as for the previous one: *Versus de singulis mensibus*.

It is clear that P and L are independent copies as P has *Eigenfehler*, such as *flauenti* (4), *regit* (14), *acer* (20). It is less clear whether they were both copied from S or from its lost *Vorlage*. S has only rather trivial *Eigenfehler*: *Sfixa* (22), *Kandita* (10), *dequoquit* (4). S itself cannot have been the original as its errors show: it lost the sign *Leo* (9) and garbled the Greek terms for the

lines with X, Y, and Z. The text is rather short to reach stemmatic certainty.

So far about the poem's transmission. The structure of the poem is as follows: each line begins with a letter of the alphabet from A to Z, there are two verses dedicated to each sign of the zodiac (with the exception of Aquarius, to whom only one line is dedicated, l. 21, as there were not enough letters in the alphabet). The poet follows the zodiac in its yearly movements and comments on the time of year when the sun is in each of the signs. The following table summarizes the topics:

Letter	Zodiac sign	Month	Topics
A–B	Aries	April	Beginning of the cycle
C–D	Taurus	May	Arrival of spring, fruits ripening
E–F	Gemini	June	Summer solstice
G–H	Cancer	July	Grain harvest
I–K	Leo	August	The hottest time of the year
L–M	Virgo	September	Vintage
N–O	Libra	October	Mid-cycle, scales as a symbol of balance in the world
P–Q	Scorpio	November	Scorpio as a beneficent sign
R–S	Sagittarius	December	Sagittarius as Cupido
T–V	Capricornus	January	Beginning of winter
X	Aquarius	February	Water as an attribute of Aquarius
Y–Z	Pisces	March	The last constellation in the cycle

As for the poem's metric structure, it is a rhythmic imitation of the hexameter⁹, in which the last five syllables in each line (with the exception of one) adhere quantitatively to dactylic hexameter (– ˘ ˘ | – ×). Five of the twenty-three lines (3, 5, 7, 8, 19) are fully quantitative. The number of syllables mostly ranges between 14 and 17 as [6–7] + [8–10], with a caesura, according to the relations in the quantitative verse. After the quantity collapse in Late Antiquity the lengths of syllables are no longer naturally felt by Latin speakers. This is why rhythmic poetry is developed since the time of Augustine¹⁰. Nonetheless quantitative poetry lives on through the Middle Ages and indeed thrives. Clearly, authors learned the quan-

⁹ For more details see Norberg 1954: 7–30 and Klopsch 1972: 19–27.

¹⁰ One of the first examples of Latin rhythmic poetry is the psalm of Augustine *Contra partem Donati* (PL 43.24–32), which in turn is also an abecedarium (but without verses for X, Y and Z).

tities from existing metrical texts. In our case, one wonders whether the author took ready-made snippets for the last two feet from earlier authors. Indeed, we find some cases that are similar in Cicero's *Aratea*¹¹, compare:

- *Corniger adsurgens lunato vertice Taurus* (3) and *Corniger est ualido conixus corpore Taurus* (fr. XXVII, l. 1);
- *pudico corpore Virgo* (11) and *splendenti corpore Virgo* (fr. XVI, l. 6);
- *distinguens tempora cursu* (13) and *vertenti tempora cursu* (fr. XXXIII, l. 332)¹²;
- *Capricornus alacer* (20) and *Capricornus in orbe*, fr. XXXIII, l. 59);
- *humidus Aquarius astra* (21) and *umidus ... Aquarius orbe[m]* (fr. XXXIII, l. 327).

Clearly, the poem's author knew Cicero's text. He may also have been familiar with the *Astronomica* of Marcus Manilius, compare: *equato pondere Libra* (l. 14) and *aequato genitus sub pondere Librae* (lib. IV, l. 548, ed. Flores 2001).

Some more phrases that fit the hexametric metre well are found in Classical authors: *omne ferarum* is often found in Lucretius, Vergil, and Ovid; *candida forma* is used three times by Propertius; compare also *iam tenet* (9) and Ovid, *Heroides* 103: *iam tenet altera coniunx*; *decreto limite caeli* (22) and Statius, *Thebais* II.59: *numinis et recto decedit limite caeli* and *ib.* III.502 *nonne sub excelso spirantis limite caeli*. *Primordia mundi* (2) occurs in a poem by Paulinus Nolanus (XXII, l. 35, ed. Hartel 1999): *nosse moues causas rerum et primordia mundi*.

These parallels suggest that this is a school poem that was inspired for the most part by the *Aratea* of Cicero. The text of the latter has survived only in fragments, but was apparently widely known in the Middle Ages¹³. Thus, for example, Ps.-Bede's hymn *De duodecim signis zodiaci* (Inc.: *Primus adest Aries, obscuro limine labens*, PL 94.637B) is largely a rearrangement of Cicero's verses (Hennig 1955: 72). This hymn is even closer to our poem than

¹¹ All quotations are from the edition of Soubiran 1972.

¹² Also in Lucretius *De rerum natura*, V.619.

¹³ Cicero and Hyginus, for example, are mentioned in an (early medieval?) poem *De sphaera caeli* (Inc.: *Haec pictura docet quicquid recitauit Hyginus*, Riese 761).

Cicero's poem. The similar structure of the poem is obvious: *Primus adest Aries* (1); *projecto corpore Taurus* (2); *corpore Virgo* (6); *Sagittipotens dextra flexum tenet arcum* (9); *cornifero Capricornus lumine* (10); *Humidus ... Aquarius* (11). It is also remarkable that the zodiac cycle begins here with Aries, and not with Cancer, as is the case with Aratus, Cicero, and Avienius. Germanicus seems to have been the first to begin the cycle with Aries, that is with the spring equinox, not the summer solstice (Friedrich 2002: 230).

The cycle of epigrams of the poem known as *XII sapientes* (part XI: *[Hexasticha] de duodecim signis*, Riese 615–626) is composed in the same tradition: the zodiac starts with Aries¹⁴. The first line of the first epigram by one of the sages, Iulianus, (Riese 615) is directly repeated from Ps.-Bede: *Primus adest Aries*. The epigram of Vitalis (Riese 622) seems to have two parallels to our poem: *Corniger in primis Aries et corniger alter* (1) and *Centaurusque biformis* (5). Furthermore, a brief list of the zodiac signs in the poem *De sideribus*, attributed to Priscianus, also begins with Aries (Riese, 679).

Some more parallels can be found in another poem *De XII signis* (Inc.: *Respicis Apriles Aries Phrixaeae Calendas*). It appears in *De ratione temporum* of Bede the Venerable, where it is cited as a poem of an unnamed "ancient author" (*quidam veterum*, PL 90.358AB). The first two lines are also quoted by Rabanus Maurus in his *Liber de computo* (PL 107.691A). This version appears in several manuscripts¹⁵ and is edited in MGH (Poetae VI: 192) from a Vatican manuscript (Biblioteca Apostolica Vaticana Pal.lat.1448), where the poem is expanded at the beginning by three lines of the rhythmic version of Bede's commentary about the ancient author, and another seven rhythmic lines are added at the end. However, in the *Anthologia latina* this same poem was published in a rearranged form (Riese 640): the last three lines were moved to the beginning, so that the zodiacal cycle began in January, not in April¹⁶. The poem

¹⁴ See also a detailed commentary for the part containing the cycle in Friedrich 2002: 234–249.

¹⁵ See apparatus criticus for Riese 640, and Baehrens 1876: 96f. Additionally, I found this poem in mss Città del Vaticano, Biblioteca Apostolica Vaticana Ottob. Lat. 6, fol. 24v; Firenze, Biblioteca Medicea Laurenziana Plut. 16.39, fol. 84v and 29.30, fol. 1r; Madrid, Biblioteca Nacional de España 9605, fol. 18r.

¹⁶ That is, in Capricorn, not in Aries. But this version seems to be the most plausible for the poem: it begins with the word «Principium» and ends with

is titled *In quo mense quod signum sit ad cursum solis* and ascribed to Ausonius¹⁷. Here the names of the zodiac signs are combined with the order of the months, and, as in our poem, they briefly mention seasonal activities. But only the time of winemaking coincides in the constellation of Virgo; October is mentioned as the harvest time, when in our poem it is July (Cancer).

A short poem *De ortu et occasu duodecim signorum* (Inc.: *Exsurgens chelas Aries demergit in ima*, Riese 677) is also associated with Bede¹⁸. It begins with Aries and contains some similar word forms: *exsurgens, surgentibus, surgit*.

In general, our poem fits well into the group of these mnemonic poems on zodiacal themes composed in the early Middle Ages. Most of them, like our abecedarium, have been preserved anonymously and also in later copies. Therefore, it is quite difficult to determine the place where our poem may have originated. I can only provide some thoughts.

Paul Klopsch identifies several distinctive features of the rhythmic poetry of 8th-century Italy¹⁹. Some of them correspond to the structure of our poem: a two-part verse structure, a partial preservation of the Classical tradition in syllable length in the use of two- or three-syllable words at the end of the verse, an avoidance of purely dactylic words or word endings before the final cadence, and a tendency of grouping verses into pairs. One of the manuscripts with our zodiac poem (P) comes from Italy and contains on fol. 96r a didactic poem *Spera celi* of Pacificus of Verona. This poem and another rhythmus *De ratione duodecim signorum* attributed to Pacificus were published together in MGH (Poetae IV.2.3: 692–695; cf. Norberg 1954: 111). However, it is difficult to identify any specific parallels (narrative, compositional or rhythmic) between these versifications and our poem.

The earliest manuscript S, as has been mentioned, comes from Corbie. Corbie also seems to have had its own poetry school by the end of the 7th century, of which Theofrid, the first abbot of Corbie,

«Terminat Arquitenens medio sua signa Decembri». The sign that divides the cycle into halves is in June, that is, Gemini (in our poem it is Libra).

¹⁷ Baehrens expressed reasonable doubts on this account, suggesting that the poem was written rather in the early Middle Ages (Baehrens 1876: 96).

¹⁸ The same poem was published in PL 90.369 (in nota).

¹⁹ Klopsch 1972: 20–21; he adds that poetry from Spain has similar features.

was a notable representative (Norberg 1954: 41–53; Licht 2018: 319, 334). His abecedarium *De sex ætatibus mundi* was published in MGH (Poetae IV.2.3: 559–564). A certain Sigfred belonged to the same school and composed another abecedarium *Versus in canticis canticorum* (Poetae IV.2.3: 620–629). But these and other alphabetic poems published by Karl Strecker in the same volume of MGH are not connected with the astronomical theme. Interest in astronomy and computistical research in Corbie dates back to the 8th century and is associated with the Merovingian version of the *Aratus latinus*, that was probably compiled there (Le Bourdellès 1985), and above all with Abbot Adalard, who wrote at least one work on the subject: *De ratione lunae Paschalis*. Unfortunately, this text has not survived (Haye 2016: 476), so it is difficult to compare the poem with Adalard's writings. It is known, however, that Adalard apparently did not know Greek²⁰, while the author of our poem used some Greek words.

In the same manuscript from Corbie, in the part written in insular minuscule, there is an Acrostichon *Johannis celsi rimans misteria celi*, in which one can find clear parallels with *Aenigmata* of Aldhelm of Malmesbury and of St Boniface (Lapidge 1994: 110–115)²¹. The manuscript itself, as has been said, contains some *Aenigmata* of Aldhelm, and some of these riddles echo the theme of the zodiac poem. Aldhelm himself, it seems, knew some Greek and even shows some Greek influence in the text of his riddles (Laird 2021). However, Aldhelm wrote poetry in metrical hexameters.

Our poem's content, unfortunately, does not help much either. In it we learn that grain is harvested in July, August is the hottest month of the year, wine is harvested in September, and, possibly, that February tends to be a wet month. Unfortunately, these hints are rather too general to warrant any guess. Wet winters would be more typical of the Mediterranean basin than of northern France.

²⁰ In ms St Petersburg, National Library of Russia Lat.Q.v.I.19 fol. 33v there is a signature of Adalard, made in Greek letters, but rather clumsily.

²¹ Ludwig Traube (1920: 112) suggested that the poem was composed in the monastery Péronne (some 40km from Corbie), perhaps by its abbot Cellanus (fl. ca. 675–706), who was acquainted with Aldhelm of Malmesbury.

As already noted, probably due to the defective archetype, all three manuscripts also share its defects. In the edition of the text I tried to make only the necessary corrections.

Bibliography

- Alberto, P. F. *The textual tradition of the Carmen de uentis (AL 484): some preliminary conclusions with a new edition*. Aevum. Rassegna di scienze storiche, linguistiche e filologiche. Vol. 83. Milano. P. 341–375.
- Baehrens, E. 1876: *Zur lateinischen Anthologie*. Rheinisches Museum für Philologie, Neue Folge, 31. Frankfurt am Main. S. 89–104.
- Berschin, W. 1980: *Griechisch-lateinisches Mittelalter. Von Hieronymus zu Nikolaus von Kues*. Bern.
- Bischoff, B. 2004: *Katalog der festländischen Handschriften des neunten Jahrhunderts*. Bd. 2: Laon — Paderborn. Wiesbaden.
- Bischoff, B. 2014: *Katalog der festländischen Handschriften des neunten Jahrhunderts*, ed. Birgit Ebersperger. Bd. 3: Padua — Zwickau. Wiesbaden.
- Bouwman A. 2023: *Inventory of western medieval manuscripts held by Leiden University Libraries*. Leiden.
- Burman, P. 1773: *Anthologia veterum Latinorum epigrammatum et poematum, sive catalecta poetarum Latinorum in VI libros digesta*. Amstelaedami.
- Des Places, É. 1962: *Ipsius enim et genus sumus*. Biblica. Vol. 43. No. 3. Leuven/Louvain. P. 388–395.
- Di Pasquale, M. G. 2005: *Nomina signorum quis clauditur astriger orbis: un carme inedito sulle costellazioni e lo Zodiaco nei mesi dell'anno*. Poesía Latina Medieval (siglos V–XV): Actas del IV congreso del Internationales Mittellateinerkomitee, Santiago de Compostela, 12–15 de Septiembre de 2002. Firenze. P. 675–683.
- Dobiaš-Roždestvenskaja, O. A., Bakhtine W. W. 1991: *Les anciens manuscrits latins de la bibliothèque publique Saltykov-Scedrin de Leningrad, VIIIe — début IXe siècle*. Paris.
- Flores, E. 2001: *Manilio. Il poema degli astri (Astronomica), testo critico a cura di Enrico Flores, traduzione di Ricardo Scarcia, commento a cura di Simonetta Feraboli e Ricardo Scarcia*. Vol. II (Libri III–V). Roma.
- Friedrich, A. 2002: *Das Symposium der XII Sapientes: Kommentar und Verfasserfrage*. Berlin.
- Gundel, H. G., Böker R., 1972: *Art. Zodiakos*. Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft X A. Col. 462–709.

- Hartel W. 1999: *Paulinus Nolanus, Carmina* [ed. W. Hartel], editio altera supplementis aucta curante M. Kamptner. CSEL XXX. Vindobonae.
- Haye, T. 2016: *Verlorenes Mittelalter: Ursachen und Muster der Nichtüberlieferung mittellateinischer Literatur*. Leiden.
- Hennig, J. 1955: *Versus de mensibus*. Traditio. Studies in Ancient and Medieval History, Thought and Religion. Vol. 11. Cambridge. P. 65–90.
- Klopsch, P. 1972: *Einführung in die Mittellateinische Verslehre*. Darmstadt.
- Laird C. S. 2021: *Aldhelm's Aenigmata, Greek riddles, and the Hisperica famina*. Anglo-Saxon England. Vol. 50. Cambridge. P. 9–28.
- Lapidge, M. 1994: *Autographs of Insular Latin authors of the early Middle Ages*. Gli Autografi medievali. Problemi paleografici e filologici; atti del convegno di studio della Fondazione Ezio Franceschini, Erice, 25 settembre — 2 ottobre 1990. Spoleto, P. 103–136.
- Le Bœuffle, A. 1983: *Hygin, L'Astronomie. Texte établi et traduit par André Le Bœuffle*. Paris.
- Le Bourdellès H. 1985: *L'Aratus latinus: étude sur la culture et la langue latines dans le Nord de la France au VIIIe siècle*. Lille.
- Licht, T. 2018: *Halbunziale: Schriftkultur im Zeitalter der ersten lateinischen Minuskel (III.–IX. Jahrhundert)*. Stuttgart.
- McGurk, P. 1966: *Catalogue of astrological and mythological illuminated manuscripts of the Latin Middle Ages: 4. Astrological manuscripts in Italian libraries (other than Rome)*. London.
- Norberg, D. 1954: *La poésie latine rythmique du haut Moyen Âge*. Stockholm.
- Ó Cróinín, D. 2010: *The continuity of the Irish computistical tradition. Computus and its Cultural Context in the Latin West, AD 300–1200*. Proceedings of the 1st International Conference on the Science of Computus in Ireland and Europe (Galway, 14–16 July, 2006). Turnhout. P. 324–347.
- Soubiran J. 1972: *Cicéron: Aratea, Fragments Poétique, Texte établi et traduit par Jean Soubiran*. Paris.
- Staerk, A. 1910: *Les manuscrits latins du Ve au XIIIe siècle conservés à la Bibliothèque impériale de Saint-Petersbourg; description, textes inédits, reproductions autotypiques*. Saint-Petersbourg.
- Traube, L. 1920: *Perrona Scottorum. Ein Beitrag zur Überlieferungsgeschichte und zur Palaeographie des Mittelalters*. Vorlesungen und Abhandlungen. III: Kleine Schriften. hrsg. von Samuel Brandt. München, 1920. S. 95–119.
- Van der Waerden, B. L. 1952: *History of the Zodiac*. Archiv für Orientforschung. Bd. XVI. Graz. S. 216–230.

Appendix: Edition and Translation

Witnesses

S: Saint Petersburg, National Library of Russia Lat.Q.v.I.15

P: Padova, Biblioteca Antoniana I–27

L: Leiden, Universiteitsbibliotheek, SCA 38 (printed in Burman 1773: 334)

Aries informat primi cunabula mensis

Blanda quiete ruens rudis primordia mundi.

primi] primus L; ruens] rubens P | rudis] rudisque L | mundi] mund- S (*ut nota Tironiana*); *deest* L; f[ortasse] *veris Burman*

Aries forms the cradle of the first month, casting down the beginning of a new world with gentle calm.

Corniger adsurgens lunato vertice Taurus

Dequoquit adultas fluenti cespite fruges.

adsurgens] adsurget S; assurgens L | lunato] slunato S | dequoquit] decoquit PL | fluenti] flauenti P

As horned Taurus rises with his sickle-shaped tip²², it ripens maturing fruits on the wet turf.

Exilit in radios Geminorum sidere Phoebus (5)

Flammeo contingens aestatis limite cursu.

Geminorum] Gemimorum P | Phoebus] Foebus S, Phebus L | aestatis] estatis L | cursu] cursum L

Phoebus bursts forth with his rays in the constellation Gemini, reaching the limit of summer in his flaming course.

Germina multipedi biformi corpore Cancer

Horreis inuectat fecunda semina messum.

Germina] germana P | multipedi] *scripsi*; multipedu S; multipedo P; multipedis L | biformi] deformi L | inuectat] inuentat S | messum] messium L

Cancer, with its many-footed dimorphic²³ body, brings grain to the granaries in order to harvest fertile seeds.

²² The shape of the stars α - θ - γ - δ - ϵ -Tau pointing towards Aries.

²³ Maybe insinuating the two pincer claws, both in the animal and the constellation.

**Iam tenet ardentem <Leo> micantibus axem,
Kandida forma caeli decusque omne ferarum. (10)**

Leo] *scripsi*; iouis S; iubis P; flammis L | Kandida] *kandita* S | caeli] *celi* P;
ceļi L | decusque] *de cuiusque* S; decus P

Leo²⁴ already directs the burning axis²⁵ towards the twinkling (stars), he is the white shining figure of the sky²⁶ and the entire glory of the wild beasts²⁷.

**Liberi dona ferens pudico corpore Virgo
Musto ꝥprouenturi dulcis adnuntiat haustiꝥ.**

Musto] *musta* L | prouenturi] *probenturi* S; probans uini L | dulcis]
dulcisque L | adnuntiat] *adnunciat* P; annuntiat L | hausti] *nausti* P;
haustum L

Virgo with a chaste body, bringing the gifts of Liber, announces to the grape juice that it will be of a sweet forthcoming draft²⁸.

**Numero bis seni distinguens tempora cursu
Orbis membra fecit equato pondere Libra.**

Numero] *Numeri* P | distinguens] *distingens* P | fecit] *regit* P; fecat L |
equato] *aequato* P

Libra, by dividing the year into twice six parts by its course²⁹, brought the parts of the world into balance.

**Puncto minax tenui procuruat Scorpius arma: (15)
Quantum terra nocet tantum saluberrimus alto.**

tenui] *tenuit* P | Scorpius] *Scurpiō* S | terra] *terrē* L | alto] *altu* S

The threatening Scorpio points forward its weapon in the form of a thin sting: as dangerous as it is on earth, as healing is it on high³⁰.

²⁴ The name of this sign was apparently lost in the archetype. Most other signs are mentioned in the nominative, here the genitive *Leonis* could also be considered (all manuscripts end *-is*), but the meaning is worse.

²⁵ Probably the axes sun-earth is meant. In other words, the sun is now in the sign Leo and is burning down the hottest.

²⁶ Maybe insinuating that its main star Regulus (α Leo) is a bright white star, the fifth brightest in the zodiac after Aldebaran (α Tau), Antares (α Sco), Spica (α Vir), Pollux (β Gem).

²⁷ The lion as the king of animals.

²⁸ Something went clearly wrong in this verse. L tried to mend it by rewriting it arbitrarily as: "(Virgo) savouring the grape juice of the wine announces it to be of sweet drink".

²⁹ Libra is the sixth sign from Aries, thus the middle of the zodiac.

³⁰ I.e., the constellation in the sky.

Rigida contendit amoris dulcia tela

Signo ferox trucid Sagittarius audax.

contendit] contendat L | tela] tota L | signo] signi L | ferox] ferax L

The bold, unruly Sagittarius in his appearance of a savage³¹ stretches the stiff bowstring [only] with sweetness of love.

Tollitur in camera brumali circulo nixus

Vultu cornigero adsurgens Capricornus alacer³². (20)

camera] camara P | adsurgens] assurgens L | alacer] acer P

The zealous Capricornus is lifted up into the vault (of heaven), raising his horned face and striving after the winter cycle.

Χορείῳ perfundit humidus Aquarius astra.

Χορείῳ] *scripsi*; Xcirea SL; Xcisrea P | perfundit] perifundit P | astra] antra P

The wet Aquarius waters the stars in his choreography³³.

Ἰχθύα³⁴ nomen tenens decreto limite caeli

Zodiacus habet ab extremo sidere Piscis.

Ἰχθύα] *scripsi*, Sfixa S; Yfixa P; Yxa L | decreto] decrepito P | limite] militem P | caeli] celi L | Zodiacus] *scripsi*; Zonolis SL; Zonalis P | ab] *omisit* P | Piscis] pischis P

The zodiac has Pisces as the last constellation within the waning limits of the sky, it is known as ἰχθύες (in Greek).

³¹ I.e., although he looks like a savage.

³² The poet seems to have pronounced *alācer*.

³³ The tentative Greek words explain the garbled text best in this and the next verse.

³⁴ Apparently the author conceived of this Greek word as beginning with the Greek letter Y.

Б. Е. Александров
МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
boris_alexandrov@icloud.com

РЕСКРИПТ ЦАРЯ ИНИ-ТЕШШУБА *EMAR 18*: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ¹

Текст *Emar 18* содержит решение царя Каркемиша XIII в. до н.э. Ини-Тешшуба о статусе жителя Эмара Китты и его семьи: Китта признается рабом брата Ини-Тешшуба, царевича Хешми-Тешшуба, в то время как сыновья Китты остаются свободными и назначаются к наследованию дома отца Китты и несению службы в пользу царя. Это решение отменяло предыдущее постановление Ини-Тешшуба, согласно которому вся семья Китты, включая его отца, переходила в рабство к Хешми-Тешшубу. В научной литературе традиционно подчеркиваются два обстоятельства в связи с *Emar 18*: центральной фигурой в нем признается Китта, а суть документа сводится к закреплению за ним рабского статуса и подтверждению личной свободы его отца и сыновей. Эти аспекты, безусловно, важны, но как представляется, не менее существенным является урегулирование имущественных отношений, порожденных новым статусом Китты. Прежде всего, документ подразумевал, что приобретенное Киттой на службе у Хешми-Тешшуба имущество останется собственностью последнего. В то же время Китта исключался как наследник имущества своего отца, которому теперь могли наследовать только сыновья Китты. Финальный параграф *Emar 18*: (стк. 21_24), по сути, единственный на оборотной стороне таблички, гарантирует неприкосновенность собственности сыновей Китты. Таким образом, основным правовым содержанием документа является скорее обеспечение их имущественных прав. Наконец, точное определение статуса Китты породило в историографии различные оценки. В статье высказывается предположение, что согласно решению хеттских властей (стк. 4–6), Китта должен был стать иноземным членом свиты Хешми-Тешшуба за пределами Эмара.

Ключевые слова: позднебронзовый век, Сирия, Эмар, Каркемиш, рабство.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 25-28-00652 («Община в цивилизационных моделях древнего Ближнего Востока и Мезоамерики: генезис, структура, региональное своеобразие»).

B. E. Alexandrov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

boris_alexandrov@icloud.com

The rescript of the king Ini-Teššub *Emar* 18: historical context and legal content

The article offers a Russian translation and commentary of *Emar* 18. This text from the Emar archives contains a decision by the king of Carchemish of the 13th century B.C. Ini-Teššub concerning the status of an Emarite called Kitta and his family. Kitta is recognized as a slave of Ini-Teššub's brother, the prince Hešmi-Teššub, while the children of Kitta remain free and are supposed to inherit the house of Kitta's father whose freedom was equally restored and to perform the royal service. This decision cancelled a previous ruling of Ini-Teššub according to which all of the Kitta's family, including his father, had been enslaved by Hešmi-Teššub. Two aspects connected to *Emar* 18: (ll. 21–24) were underlined in the scholarly literature. Kitta was regarded as the central figure in the described controversy, and the essence of the document was first of all seen as confirmation of his slave status and the free status of his children. These aspects are beyond all doubt very important, but no less significant is the settlement of property relations that arose from the new status of Kitta. First, the document implies that the assets acquired by Kitta at Hešmi-Teššub's service will remain in the latter's ownership. At the same time Kitta is excluded as a potential heir to his father's household which is to be taken only by Kitta's children, i.e. grandsons of Kitta's father. The final paragraph of *Emar* 18 guarantees the immunity of their property. Thus, the main goal of the document seems to be to secure the property rights of Kitta's children. Finally, the exact definition of Kitta's status caused different opinions (debt slave, vassal etc.). It is suggested in the article that according to the decision of the Hittite authorities (ll. 4–6) Kitta was to become a foreign member of Hešmi-Teššub's entourage outside of Emar.

Key words: Late Bronze Age, Syria, Emar, Carchemish, slavery.

В эмарологии, относительно молодой ассириологической субдисциплине, занимающейся клинописными текстами из позднебронзового Эмара, уже успели сложиться свои узловые проблемы как общего, так и частного характера. К последним принадлежит интерпретация текста *Emar* 18, содержание которого выводит исследователя на такие вопросы как система социальных статусов и формы зависимости в Эмаре, взаимоотношения эмарской общины и хеттских властей в политико-правовом поле. В предлагаемом ниже очерке мы бы хотели предложить уточнения к переводу этого текста и высказать

несколько наблюдений относительно его правового содержания и исторического контекста.

Табличка *Emar 18* (Msk 7358) происходит из официальных раскопок, которые вели французские археологи на городище Телль-Мескене в Сирии с 1972 по 1976 год. Документ был обнаружен в так называемой зоне А «дворец» (palais) городища, в сосуде Msk 7340 вместе с двумя другими табличками, *Emar 17* и *19* (Rutz 2013: 63). Между *Emar 18* и *19* присутствует очевидная содержательная связь. Что касается *Emar 17*, то мнения исследователей расходятся: одни полагают, что этот документ имеет отношение к той же семье, о которой говорится в двух других табличках (Ф. Ди Филиппо, Е. фон Дассов), другие считают, что он стоит особняком (Р. Пружински)². *Emar 18* определяется в литературе как «рескрипт» (rescrit) или «постановление», «решение» (decree), вынесенное царем Каркемиша Ини-Тешшубом в ответ на жалобу двух эмариотов на неправомерные действия хеттских властей в их отношении (Arnaud 1986: 29–30; Yamada 1995: 307). Более редкой является трактовка документа как акта о вассалитете (Durand 1989b: 37; ср. Pruzsinszky 2003: 567). Табличка имеет размеры 105 x 73 x 28 мм, текст записан вдоль ее длинной стороны, что означает его принадлежность к так называемому сиро-хеттскому или свободному формату в рамках писцовой традиции Эмара. Что касается датировки, то *Emar 18* относят ко времени жизни третьего поколения, засвидетельствованного городскими архивами, т.е. приблизительно к 1270–1245 гг. до н.э. (d'Alfonso 2000: 273). Л. д'Альфонсо приводит более точную, но всё же

² Можно дополнительно сослаться на Й. Коэна и Л. д'Альфонсо, пишущих, что их трактовка текстов из сосуда Msk 7340 отлична от интерпретации, предложенной Ф. Ди Филиппо (Cohen, d'Alfonso 2008: 17, п. 68). Историческая реконструкция, предлагаемая С. Демар-Лафон и Д. Флемингом, также не предполагает родственной связи между персонажами документов *Emar 17* и *18*. Так, правление эмарского царя Зу-Аштарти, мятеж против которого описан в *Emar 17*, датируется исследователями временем преемника Ини-Тешшуба в Каркемише по имени Талми-Тешшуб (Démare-Lafont, Fleming 2015: 67–68, 77). Это значит, что хронологически документ *Emar 18* предшествует *Emar 17*, а не наоборот, как это предлагает Ди Филиппо.

условную дату описываемых в тексте событий — ок. 1250 г. до н.э. (d'Alfonso 2005a: 25).

Приведем транслитерацию и перевод документа³:

- Лиц. ст. *a-na* [*pa*]-*ni* ¹*i-ni*-^d*u* *lugal kur kar-ga-mis*
 2 ¹*he-e*[*š-m*]-^d*u-ub a-kán-na iq-bi ma-a* ¹*ki-it-t[a]*
a-n[*a i*]*r-ut-ti-ia e-te-er-ba ma-a iš-tu é-[ga]*-*lì*
 4 [*li-i*]*k-nu-ku-ni ù* *lugal* ¹*ki-it-ta a-ba*-¹*šu*¹
 [*ù*] *é-šu a-na ir-ut-ti ša* ¹*he-eš-mi*-^d*u-ub*
 6 *i-na kur* *ḥat-ti i*¹-*na wa ra ta aš ši ik-nu-uk*
-
- ù ki-i* *lugal i-na kur-ti-šu it-taḥ-sà* ¹*ki-ta*
 8 *ù a-bu-šu* *lugal i-na uru úr-ma in-taḥ-ru*
ma-a aš-šum mi-ni-i a-na ir-ut-ti ša ¹*he-eš-mi*-^d*u-ub*
 10 *ta-at-ta-ad-na-na-ši ù* *lugal a-na* ¹*he-eš-mi*-^d*u*[*b*]
a-kán-na iq-bi ma-a at-ta ma-mi-ta
 12 *ša uru e-mar ú-ul te-de-e um-ma* *lugal*
ma-a ¹*ki-ta-ma ir-ka ù a-na ugu-ḥi a-bi-šu*
 14 *é-šu dumu-meš-šu la-a ta-qar-ri-ib* *u*₄-*mi-meš ša* ¹*ki-ta*
bal-tu ša ¹*he-eš-mi*-^d*u-ub šu-ut*
 16 *ù mi-nu-me-e é-tu*₄ *ša* ¹*ki-ta a-na pa-ni*
¹*he-eš-mi*-^d*u-ub en-šu e-pa-aš dumu-meš* ¹*ki-ta-ma*
 18 *é-ta ša a-bi-šu lil-qu-ú*
 Ниж. кр. *ù giš-tukul ša* *lugal kir-kir-ra*¹-*na*
 20 *li-iš-šu-ú*
-
- Об. ст. *ma-an-nu-me-e i-na egir-ki* *u*₄-*mi iš-tu šu dumu-meš* ¹*ki-ta*
 22 *šum-ma ir šum-ma gemé šum-ma mim-ma i-la-qì*
ia-nu-mi a-ma-te-meš ša *ṭup-pí an-ni-i uš-ba-la-kat*
 24 *ia-nu-mi ṭup-pa an-na-a la-a i-la-qì*

{x} *lú en ma-mi*<<-*ia*>>-*ti ša uru e-mar šu-ut*

«⁽¹⁻²⁾ Хешми-Тешшуб сказал следующее перед Ини-Тешшубом, царем страны Каркемиш: “Китта ⁽³⁻⁶⁾ поступил ко мне в рабство.

³ Мы опираемся на транслитерацию и перевод Д. Арно (Arnaud 1986: 29–30), а также на уточнения и поправки к ним, предложенные в: Durand 1989b; Yamada 1995; d'Alfonso 2005a. Прорисовка текста помещена в: Arnaud 1985: 42.

[Пусть] мне выдадут из дворца документ с печатью (об этом)”. И царь издал документ с печатью о рабстве Китты, его отца и его дома у Хешми-Тешшуба в стране Хатти ...

⁽⁷⁻⁸⁾ Когда царь вернулся в свою страну, то Китта и его отец предстали перед ним в городе Урма с жалобой: ⁽⁹⁻¹²⁾ “Почему ты отдал нас в рабство Хешми-Тешшубу?” И царь сказал Хешми-Тешшубу следующее: “Разве ты не знаешь клятвы города Эмар?” ⁽¹²⁻¹⁴⁾ Царь (сказал) так: “Только Китта — твой раб, но ты не должен подступаться к его отцу, его дому и его сыновьям”. ⁽¹⁴⁻¹⁵⁾ Пока Китта жив, он принадлежит Хешми-Тешшубу. ⁽¹⁶⁻¹⁸⁾ Какой бы дом ни завел Китта у своего господина Хешми-Тешшуба, только сыновья Китты наследуют дом его (т. е. Китты. — Б.А.) отца ⁽¹⁹⁻²⁰⁾ и будут *всегда* нести оружие царя.

⁽²¹⁻²⁴⁾ Да не будет того, кто бы в будущем забрал из рук сыновей Китты раба, рабыню или какую-то вещь, да не будет (того, кто) нарушил бы слова этой таблички. (Никто) не должен отбирать эту табличку.

⁽²⁵⁾ Этот человек принес клятву города Эмар».

Комментарий

(1) *Ini-Teššub* (хурр. «Тешшуб есть бог», см. Pruzsinszky 2003: 489) — царь страны Каркемиш в Сирии в сер. XIII в. до н.э., сын и преемник Сахурунувы. В начале своего царствования правил короткий срок совместно с матерью (d’Alfonso 2000: 281).

(2) *Hešmi-Teššub* (хурр. «Тешшуб сияет», см. Pruzsinszky 2003: 386) — брат Ини-Тешшуба, один из хеттских правителей Эмара в ранге «царского сына» (*dumu-lugal*). Как отмечает Л. д’Альфонсо, текст TSBR 30 свидетельствует, что Хешми-Тешшуб выполнял судебские функции в Эмаре еще до воцарения Ини-Тешшуба в Каркемише, т. е. при царе Сахурунуве. Вероятно, Хешми-Тешшуб был старшим братом Ини-Тешшуба (d’Alfonso 2000: 278).

Kitta — аккадское имя, означающее ‘истина’ (Pruzsinszky 2003: 567). Если в первом параграфе документа (стк. 2, 4) оно пишется с удвоением согласного, то в дальнейшем используется дефективное написание, без геминии (стк. 7, 13, 16, 17, 21).

(2–3) *ana İR-uttīya ēterba* — «он вошел ко мне в рабство»⁴. В тексте *Emar 19*: 2–3, который представляет собой указ Хешми-Тешшуба, подтверждающий решение Ини-Тешшуба, изложенное в *Emar 18*, содержится косвенное указание на причину изменения в статусе Китты — вероятно, денежный долг перед Хемши-Тешшубом: *mā [K]itta dīna kù-babbar uštamḥ[i]r, ittīya* «Китта выступил против меня в тяжбе из-за серебра» (Arnaud 1986: 30–31; Bellotto 2002: 130, п. 8)⁵. С. Демар-Лафон полагает, что Китта являлся деловым партнером Хемши-Тешшуба в Эмаре, однако эти отношения привели Китту к финансовой катастрофе (Démare-Lafont 2019: 364). Версию о порабощении Китты за долги поддерживают также Л. д’Альфонсо и М. Ямада (d’Alfonso 2000: 289, п. 57; 2005: 25–26; Yamada 2020: 47). М. Виано обращает внимание, что вряд ли бы обычному долговому рабу было позволено совершить путешествие в другой город, как это следует из стк. 7–8 документа (Viano 2023: 178, п. 163). Е. фон Дассов также скептически относится к версии неуплаты Киттой долгов и допускает иные сценарии того, как он мог оказаться в рабстве у Хешми-Тешшуба (von Dassow 2020: 98). Так, рассуждая о подоплеке неудачного судебного процесса Китты против Хешми-Тешшуба, исследовательница обращается к аналогии с историей семьи жреца-прорицателя Зу-Ба‘алы, у которого была изъята собственность и на которого были наложены хеттские государственные повинности *šahḥan* и *luzzi* (von Dassow 2018: 671). После жалоб хеттские власти приняли решение в пользу Зу-Ба‘алы, как считает фон Дассов, учтя его особый религиозный статус и особые отношения с городскими богами Эмара. Возможно, на такой же подход рассчитывал и Китта, вероятный отец которого, Кунази (см. ниже), был пожалован должностью жреца богини Шалаш за

⁴ Для правильного понимания описанного в *Emar 18* судебного спора важно помнить, что термины «рабство» (*arduttu*) и «раб» (*ardu*) покрывали в текстах из Эмара весьма широкий спектр общественных статусов.

⁵ Ж.-М. Дюран оценивает эту фразу как грамматически подозрительную (Durand 1989: 176, п. 48), с чем соглашается М. Виано (Viano 2023: 178, п. 163). С. Семинара в свою очередь показывает, что формы сопряженного состояния, как в данном случае слово *dīna* ‘суд’ (вин. п.), в диалекте Эмара могли склоняться (Seminara 1998: 304). Ср. форму *é-šu* в стк. 5 *Emar 18*.

свою роль в подавлении мятежа против царя Эмара Зу-Аштарти. Китта надеялся, что особая связь с городскими культами защитит его от порабощения в судебном процессе против Хешми-Тешшуба. Однако его надежды не оправдались.

(3) *ēterba* — «он вошел (ко мне)», ассирийская глагольная форма, с *e*-окрашиванием префикса 3 л. ед.ч. (ср. вав. *īterba*). Аналогичная форма в стк. 17: *eppaš* «он сделает». К другим чертам среднеассирийского диалекта в тексте можно отнести абстрактные существительные на *-utt-* (вместо вав. *-ūt-*): *ĪR-utti* (*ardutti* / *urdutti*) «рабство» (стк. 3, 5, 9); глагольные формы без вавилонской гармонии гласных *lā taqarrib* «ты не должен подступаться» (стк. 14), *ilaqqe* «он возьмет» (стк. 22, 24) (de Ridder 2018: 73, 170, 401).

(3–4) *iš-tu é-gal-lī [(li-i)k-ni-ku-ni]* — судя по переводу Е. фон Дассов («and when the palace sealed (it)»), она рассматривает первые два слова не как предложную группу («от дворца»), а как временной союз и существительное ‘дворец’ в роли подлежащего (von Dassow 2020: 97). С такой трактовкой сложно согласиться из-за окончания род. п. *-ī* на подлежащем и постулируемой ею ассирийской формы субъюнктива, не засвидетельствованной нигде более в эмарском корпусе.

(4) *[li-i]k-nu-ku-ni* — вместо чтения *[i]k-nu-ku-ni* Д. Арно Ж.-М. Дюран предлагает восстанавливать прекативную форму глагола как лучше соответствующую контексту и размеру лакуны в начале строки. Однако слово *lū* ‘человек’, присутствие которого Дюран также допускает в начале лакуны, скорее всего не уместилось бы на табличке.

a-ba-¹šū¹ — «его отца». Имя отца Китты, возможно, упомянуто в *Emar* 19: 16 — ¹*i-tūr-^dkur* = *Itūr-Dagan* (Pruzsinszky 2003: 567). Однако контекст этого упоминания поврежден, и полной уверенности в том, что речь идет об отце Китты из нашего документа, нет. В связи с этим обращает на себя внимание другая реконструкция генеалогии Китты, предлагаемая Ф. Ди Филиппо (Di Filippo 2008: 47, 61). Он ссылается на *Emar* 320, список людей, не предоставивших зерно, из строения *M₁*: среди перечисленных в тексте людей фигурирует некий Китта, сын Кунази (стк. 4). В другом документе, *Emar* 5, найденном, как и *Emar* 18, во дворце А, список свидетелей содержит имя некоего Аби-капи, сына Китты, сына Кунази. Одновременно Кунази

является главным действующим лицом в тексте *Emar* 17, который хранился в одном сосуде с *Emar* 18 и 19. Все эти факты, и в особенности последний из них — общий архивный контекст *Emar* 17 и 18, заставляют Ди Филиппо считать, что отцом Китты в *Emar* 18 был именно Кунази. Согласно *Emar* 17, Кунази помог эмарскому царю Зу-Аштарти подавить военный мятеж, сообщив царю о планах заговорщиков. Эту реконструкцию разделяет Е. фон Дассов (von Dassow 2018: 671). Поскольку Кунази, гипотетический отец Китты, засвидетельствован в *Emar* 17 как получатель важной привилегии от царя Эмара, следует предполагать, что семья Китты принадлежала к эмарской элите. Аналогичной точки зрения о высоком социальном статусе главного протагониста *Emar* 18 придерживаются Ж.-М. Дюран (Durand 1989b: 176) и С. Демар-Лафон, хотя последняя считает, что Китта превратился в неоплатного должника и стал рабом (Démare-Lafont 2019: 364).

(6) *i-na kur ĥat-ti* — согласно Ж.-М. Дюрану, выражение следует понимать «по образцу, по обычаю страны Хатти» (поддержано в Yamada 1995: 307; 2020: 46; Bellotto 2002: 130; Démare-Lafont 2019: 363). Дюран ссылается на АНw.: 381 (значение *gemäß* ‘в соответствии с’) и текст *Emar* 176: 34 (*ina kanīkāti ša bābi* «d’après les documents scellés de la Porte», «согласно документам с печатью ворот»). Эта интерпретация тем более привлекательна, что М. Ямада предложил ясное объяснение того, что имеется в виду: в декрете хеттского царя Хаттусили III RS 17.130, найденном в архивах Угарита, говорится, что хеттские подданные, купцы из Уры, могут забирать за неуплату долгов в Угарите как самого должника, так и его семью (стк. 25–31) (Yamada 1995: 307, п. 42). Именно это и происходит в тексте *Emar* 18: Хешми-Тешшуб забирает в рабство не только своего должника Китту, но и его отца и дом. Такие действия хеттских властей и торговцев, видимо, соответствовали социальным практикам Анатолии, но расходились с порядками, распространенными в Сирии. Можно заметить, что у этой интерпретации есть своя слабость: все контексты, на которые ссылается Дюран, включают в качестве зависимого от предлога *ina* слова лексему со значением устной или письменной речи («согласно желанию / слову таблички / документу с печатью»), между тем в нашем случае такая лексема отсутствует и остается предполагать ее эллипсис. Более естест-

венным, на наш взгляд, является прямолинейное прочтение «в стране Хатти», в чем нужно видеть указание на место выдачи документа Ини-Тешшуба или же на место будущей службы Китты и его семьи⁶. О том, какова должна была быть эта служба, возможно, говорит следующее далее выражение *i¹-na wa ra ta aš ši*.

i¹-na wa ra ta aš ši — в издании Д. Арно эта последовательность была оставлена без интерпретации, причем первые два знака были прочитаны им как один — IL. Далее изучение этого сложного места развивалось следующим образом. В 1989 году Ж.-М. Дюран предложил читать *i¹-na wu-ra-dá-aš-ši*, приписывая этому выражению хурритское происхождение и переводя его «в будущем, в дальнейшем; навсегда» (аналог аккадского *ina arkāt ūmī / ina arkātīm* с тем же значением). Это решение Дюран подкреплял ссылками на лексические тексты из Угарита, в одном из которых хурритское выражение *ú-ra-da-ši* приравнено к шумерскому *egir*, имеющему аккадское соответствие *arki*, ‘после, в дальнейшем’ (Durand 1989a)⁷. Спустя десять лет

⁶ М. Ямада также выдвигает такой аргумент в пользу сравнительного, а не местного значения предложной группы *ina māt Ḫatti*: сложно представить, чтобы вся семья Китты была взята в страну Хатти, например, в Хаттусу (Yamada 2020: 46, п. 39). Однако опубликование судебного решения еще не означает его немедленного исполнения. Очевидно, у Китты еще были возможность и время оспорить это решение, чем он и воспользовался.

⁷ Речь идет о тексте RS Thur.D. no. 8, содержащим следующее тождество: *egir é* (шум.) = *ú-ra-da-ši ša-li-ni-we* (хурр.) «за домом» (iv 23) (Thureau-Dangin 1931: 242). Аккадская часть этой строки на самом деле не сохранилась (предположительно, *ar-ki é*). В другом трехязычном лексическом списке из Угарита, RS 94.2939, шумерскому *egir* дан другой хурритский эквивалент — *‘ú-ru-un-ni¹* x, аккадским же соответствием выступает *ar-ka-tu* (iii 16) (André-Salvini, Salvini 1998: 6). Пока на основе имеющихся данных невозможно уверенно утверждать, что хурр. *ú-ra-da-ši* (*wu-ra-ta-aš-ši*, согласно Дюрану, в нашем тексте) может иметь временное значение (см. полное описание в: Richter 2012: 501). С учетом того, что далее в тексте встречается еще одна предположительная хурритская лексема, *kir-kir-ra¹-na*, которой в литературе приписывается то же значение, очевидно, что только одно из этих двух слов, *wu-ra-da-aš-ši* или *kir-kir-ra¹-na*, может значить ‘навсегда’. Вряд ли бы писец выбрал два разных слова для выражения смысла ‘навсегда, навеки’ внутри одного короткого текста. Мы

Л. д'Альфонсо эмендировал *il wa ra ta aš ši* в *i-na KUR tar-ḫu-ta-aš-ši* «в стране Тархунтассе» (d'Alfonso 1999), однако, на наш взгляд, эта эмендация не имеет достаточных эпиграфических оснований. Наконец, Е. фон Дассов предположила, что *wa ra ta aš ši* — это хурритское абстрактное существительное на *-šše*, *waratašše* со значением ‘рабство’, соответствующее аккадскому *ardūtu* (von Dassow 2020: 97–98). Однако при такой трактовке остается неясным, почему в предложении понадобилось употребить два слова со значением рабства для описания статуса Китты и его семьи. Вместе с тем интерпретации Дюрана и фон Дассов, исходящие из хурритского происхождения проблемной формы, возможно, ведут в верном направлении, поскольку ниже в тексте (стк. 19) употреблено еще одно слово с потенциальной хурритской этимологией. Развивая эту идею, для *wa ra ta aš ši* можно предложить анализ *wi-ra-ta-aš-ši* = *firad(i)=a=šše* хурр. ‘статус гостя’⁸. Хурритское *firad(i)* долгое время понималось как обозначение знати, но Г. Вильхельм привел аргументы в пользу значения ‘чужестранный гость’ (Wilhelm 2005)⁹. С учетом особого, явно нерядового статуса Китты можно предположить, что речь в его случае шла не о собственно порабощении, а о поступлении на службу к Хешми-Тешшубу в ранге иноземного члена его свиты: к нему должны были присоединиться его родственники и домочадцы¹⁰.

делаем выбор в пользу *kir-kir-ra¹-na*, а для последовательности *wa ra ta aš ši* предлагаем иное толкование.

⁸ О хурритском суффиксе *-a=šše* для образования абстрактных существительных см. Giogieri 2000: 2003; Wegner 2007: 55.

⁹ Аккадским соответствием этой хурритской лексемы является слово *ubārum* ‘чужак, чужеземный гость, иностранец, проживающий в стране, друг-гость’ (CAD U/W: 10; ANw.: 1399). По мнению Й. Клингера, аккадограммой *UBĀRU* в хеттских текстах обозначались чужеземцы, выполнявшие официальные миссии на территории Хатти. Некоторые из таких людей могли участвовать в отправлении культовых обрядов (Klinger 1992: 204). Положение людей *ubārum* могло быть весьма сложным, так как они целиком зависели от воли принимавшего их правителя. Месопотамская поговорка гласила: «*Убарум* в чужом городе — раб» (Sm 61: 16–17) (Lambert 1996: 259).

¹⁰ В *Emar* 19, ближе к концу таблички (стк. 13–14), в поврежденном контексте содержится такая фраза: *ù¹ki-it-t[a] x x []x ša la ra aḫ ri, ká-gal la-a ú-[š]e-ša* «и Китту¹ ... из главных ворот я/он не выведу/-ет»

Заметим, что, если верна реконструкция генеалогии Китты, предложенная Ф. Ди Филиппо, Китта оказывается связан со жреческой средой Эмара и отправлением культа городских богов. В то же время известна политика хеттских властей, направленная на распространение религиозных культов и ритуалов, практиковавшихся в сирийских, в том числе приевфратских вассальных царствах, на коренную территорию державы в Анатолии. Один из наиболее ярких примеров — некоторые культы богини Ишхары, перенесенные из Эмара в Хаттусу при царе Мурсили II (Ünal 2005; Archi 2014). Для осуществления таких заимствований требовались профессионалы, знатоки соответствующих обрядов и практик из местного населения, о чем свидетельствует текст KUB 5.6 (Beckman, Bryce, Cline 2011: 186–187). Разумеется, утверждать, что Китта принадлежал к числу таких специалистов, которых хеттские власти хотели вывезти из Эмара в Анатолию, было бы чересчур рискованно (здесь желательно было бы продемонстрировать вовлеченность в религиозную сферу господина Китты, Хешми-Тешшуба), однако и полностью исключать такой сценарий тоже нельзя.

ik-nu-uk — «опечатал, издал документ с печатью». С. Демар-Лафон полагает, что первоначальное решение Ини-Тешшуба не обрело письменной формы. В противном случае в *Emar* 18 и 19 присутствовала бы клаузула о признании недействительными всех предшествующих документов по данному делу (Démare-Lafont 2019: 366). При всей резонности этого замечания нам трудно согласиться с предположением исследовательницы, так как для глагола *kanāku* ‘опечатывать’ (CAD K: 136) не засвидетельствовано переносных значений вида ‘(устно) присуждать, решать, определять’. Это значит, что фраза в стк. 4–6 описывает

(Arnaud 1986: 30–31). Если имя Китты действительно выступает прямым объектом глагола «выводить», не означает ли это, что Хешми-Тешшуб в своем финальном рескрипте пообещал не уводить Китту из его родного города вопреки первоначальному намерению? То есть условия конечного урегулирования тяжбы оказались для Китты еще более благоприятными, чем это предполагал документ Ини-Тешшуба? Иную трактовку процитированного места из *Emar* 19 предлагает М. Ямада. По его мнению, речь в нем идет о запрете Китте как рабу покидать стены города (Yamada 1995: 308, п. 47).

издание Ини-Тешшубом именно письменного документа о статусе Китты и его семьи.

(7) *it-taḥ-sà* — перфект глагола *naḥāsu* ‘идти назад, возвращаться’ (CAD N/1: 128). Ссылкой на эту глагольную форму Л. д’Альфонсо аргументирует свое чтение выше в стк. 6 словосочетания «в стране Тархунтассе». По его мысли, первое рассмотрение дела состоялось в стране Хатти, в Тархунтассе (юг Анатолии), после чего царь Ини-Тешшуб вернулся к себе в страну, т.е. в Каркемиш (d’Alfonso 2000: 289–290, п. 59). На наш взгляд, более убедительной выглядит реконструкция С. Демар-Лафон, согласно которой первое решение по делу Китты было принято непосредственно в Эмаре, во время визита туда Ини-Тешшуба¹¹, но в отсутствие самого Китты. После этого Китта был вынужден вместе с отцом искать аудиенции Ини-Тешшуба в другом месте (Démare-Lafont 2019: 365). Доступность правителя для такого рода обращений со стороны простых подданных была одним из проявлений характерной для Месопотамии идеологемы «царя справедливости», соответствующие примеры хорошо представлены в источниках из старовавилонского Мари (ibid.: 365–366).

(8) *uru úr-ma* — город вблизи совр. Алеппо, предполагаются отождествления с Урум аль-Каброй (36° 09’ с.ш., 36° 07’ в.д.) или Урум аль-Цугрой (36° 08’ с.ш., 36° 54’ в.д.) (Belmonte Marín 2001: 327). Согласно Демар-Лафон, Урма находилась недалеко от Эмара (Démare-Lafont 2019: 365).

in-taḥ-ru — перфект глагола *maḥāru* в значении ‘обращаться с жалобой или просьбой’ (CAD M/1: 50, 59) с переходом *mt* > *nt* (Seminara 1998: 222). Именно на таком значении справедливо настаивает Л. д’Альфонсо (d’Alfonso 2005a: 26; 2005b: 124–126).

(10) *ta-at-ta-ad-na-na-ši* — *tattadnannâši* вентивная форма перфекта 2 л. ед. ч. с объектным суффиксом 1 л. мн. ч. дательного падежа вместо винительного «ты отдал нас». Смешение аккузативных и дативных местоименных клитик мн. ч. — характерная средневавилонская черта (Aro 1955: 54–55; Seminara 1998: 263). Л. д’Альфонсо обращает внимание, что, судя по содержащемуся в стк. 9–10 вопросу Китты («Почему ты отдал нас в рабство к Хешми-Тешшубу?»), Китта просил царя

¹¹ О периодических визитах царя Каркемиша в Эмар свидетельствует, например, документ *Emar* 33 (Adamthwaite 2001: 100).

Каркемиша и о собственной свободе (d'Alfonso 2005a: 27). Однако, как видно из дальнейшего текста, эта просьба не была удовлетворена.

(11) *ma-mi-ta* — в литературе предлагались различные интерпретации этого слова. Базовое значение аккадской лексемы *māmītu* — ‘клятва’ (CAD M/1: 189; AHw.: 599). Есть исследователи, думающие, что речь идет о письменном договоре между Каркемишем и Эмаром (Arnaud 1986: 30; 1987b: 9; Klengel 1988: 649; Leemans 1988: 208; Durand 1989b: 177; Yamada 1995: 307; d'Alfonso 1999: 315; 2000: 290–291; 2005a: 26–27; Adamthwaite 2001: 203–207; Yamada 2020: 47)¹². Д'Альфонсо даже считает, что на основе *Emar* 18 можно реконструировать содержание этого договора. В частности, в нем был прописан принцип личной ответственности¹³. Исследователь считает инициатором и контрагентом этого соглашения с хеттской стороны царя Каркемиша Ини-Тешшуба, а его заключение относит к началу правления этого царя (d'Alfonso 2000: 291; 2005: 26–27). Однако, как показывают данные из Угарита, письменные соглашения хеттов с вассалами скорее описывались аккадскими терминами *riksu*, *rikiltu* ‘связь, договор’, а не *māmītu*. В свете этого С. Демар-Лафон предполагает, что речь идет о личной клятве самого Китты, во время которой он, воззвав к городу или к божеству, олицетворявшему город, потребовал, чтобы его судили в Эмаре или в соответствии с городским правом Эмара. Или, вероятно, подразумевается коллективная клятва, связывавшая всех граждан-эмариотов и дававшая определенную форму правового иммунитета. Такая клятва, возможно, приносилась эмариотами во время праздника *zukru*, название которого произведено от глагола *zakāru* ‘произносить’ (Démare-Lafont 2019: 367–368)¹⁴. Е. фон Дассов также не считает, что *māmītu* означает письменное соглашение. На ее взгляд, слово отсылало

¹² Или даже, возможно, о серии договоров, если форма *ma-mi-ia-ti* в стк. 25 является мн.ч. от *māmītu* (Yamada 1995: 307, п. 43).

¹³ Д. Арно ставит вопрос, относился ли этот принцип к исконным традициям Эмара или же был навязан хеттскими властями с целью атомизировать местное общество (Arnaud 1987b: 9).

¹⁴ Ритуал *zukru* (*Emar* 375) проводился ежегодно, а праздник с тем же названием (*Emar* 373) справлялся лишь каждые семь лет (Yamada 2010: 113).

к устному клятвенному обещанию местных хеттских властей защищать традиционные права граждан Эмара (von Dassow 2020: 98).

(11–12) Д'Альфонсо отмечает необычность включения в правовой текст слов, представляющих собой жесткий эмоциональный упрек каркемишского царя своему брату (d'Alfonso 2000: 290).

(12) *ú-ul te-de-e* — «разве ты не знаешь?». *Scriptio plene* используется для выражения вопросительной интонации (Seminara 1998: 587).

(14) *é-šu dumu-meš-šu* — «(к) его дому, его сыновьям». В параллельном указе Хешми-Тешшуба *Emar* 19, подтверждающем распоряжения Ини-Тешшуба, статус «дома» Китты, т.е. его семьи, описывается следующим образом: (4) *lugal*¹ (...) (6) (...) *é-šu ana araw[anut]ti umt[ešš]ir* (Yamada 1995: 308), «Царь (т.е. Ини-Тешшуб. — Б.А.) (...) отпустил его дом на свободу». Что касается детей, то если принимать реконструкцию Ди Филиппо, сын Китты по имени Аби-капи упомянут в списке свидетелей завещания *Emar* 5 (стк. 28–29). Стоит также отметить присутствие в этом списке Аби-капи, сына Кунази (стк. 31). Нельзя исключать, что это брат Китты.

Безусловно, важен вопрос, были у Китты дети на момент двух судебных решений, описанных в *Emar* 18, или же в тексте говорится о его будущих детях. От этого зависит понимание стк. 16–18. Некоторые высказанные в литературе толкования этих дальнейших строк допускают обе возможности (Ж.-М. Дюран, Л. д'Альфонсо). Перевод С. Демар-Лафон скорее предполагает, что речь идет о еще не родившихся детях. Мы склоняемся к другой возможности: фраза «ты не должен подступаться к его отцу, его дому и его сыновьям» отсылает к реальным детям Китты, уже родившимся на момент судебного разбирательства. Эти дети обобщенно названы (вероятно, вместе с другими подвластными) в стк. 5 текста как «дом», который Хешми-Тешшуб закабалил вместе с Киттой и его отцом. Отсутствие перечисления личных имен детей в тексте не может служить аргументом в пользу того, что имеются в виду еще не родившиеся, будущие дети: отец Китты тоже не назван по имени.

lā taqarrib — букв. «не приближайся, ты не должен подходить», прохибитив 2 л. ед. ч. м.р. В периферийных аккадских диалектах второй половины II тыс. до н.э. у глагола

qerēbu ‘приближаться’ есть особое юридическое значение — ‘требовать, предъявлять требования, претензии, заявлять иск’ (CAD Q: 228; АНw.: 916). Как представляется, выбранный русский перевод, ‘подступаться’, сочетает в себе оба указанных значения: основное и техническое правовое. Судя по всему, после этого глагола в тексте пролегает граница прямой речи Ини-Тешшуба (ср. Yamada 2006: 230; d’Alfonso 2005a: 26), так как далее Хешми-Тешшуб называется в третьем лице, а в начале клауз отсутствует частица *mā*. В издании Д. Арно окончание прямой речи каркемишского царя никак не обозначено, и может создаться впечатление, что издатель ведет ее до самого конца документа (Arnaud 1986: 29–30; аналогично, видимо, в: von Dassow 2020: 97). Согласно некоторым другим переводам, высказывание Ини-Тешшуба заканчивается в стк. 20, т.е. совпадает с границей параграфа (Yamada 1995: 308; Démare-Lafont 2019: 364).

(15) М. Ямада исправляет чтение Д. Арно *ša¹ he-eš-mi-^du-ub* «тот, что Хешми-Тешшуба / принадлежащий Хешми-Тешшубу» в *ir¹ he-eš-mi-^du-ub* «раб Хемши-Тешшуба» (Yamada 1995: 307, п. 44), однако на автографии виден знак ŠA.

(16–18) Согласно Д. Арно, в этом отрывке гарантируется наследование сыновьями Китты всей совокупности дома, который тот подарил Хешми-Тешшубу, находясь у него на службе. Такое понимание достигается за счет того, что Арно ставит знак равенства между *mīnummē bītu* «весь / всякий дом» в стк. 16 и *bīta ša abīšu* «дом его отца» из стк. 18. Он переводит: «Что касается всего дома, который Китта подарил Хемши-Тешшубу, своему господину, пусть дети одного Китты возьмут назад дом их отца». Такой смысл можно получить, только эмендируя *bīta ša abīšu* «дом его отца» в *bīta ša abīšunu* «дом их отца». Некоторые исследователи приняли эту трактовку (Heltzer 2001: 227–228; с некоторыми модификациями, Adamthwaite 2001: 105–106; d’Alfonso 2005a: 26; von Dassow 2020: 97), другие же подвергли критике. Так, Ж.-М. Дюран справедливо указал, что словосочетание *bīta epešu* нельзя переводить как «подарить дом». Также всё сложноподчиненное предложение обретает удовлетворительный смысл без предлагаемой Арно эмендации: в первой части говорится о плодах труда Китты на службе Хешми-Тешшубу — все они будут считаться собственностью хозяина, и дети Киты не

смогут претендовать на них¹⁵. Однако вместе с тем дети Китты унаследуют собственность его отца (*bīta ša abīšu* «дом его, т.е. Китты, отца»), т.е. своего деда. Это понимание также получило поддержку ряда специалистов (Bellotto 2002: 130–131, п. 12; Yamada 1995: 308; 2006: 230). Р. Вестбрук, по всей видимости, занимает промежуточную позицию: с одной стороны, он разводит домохозяйство, созданное Киттой на службе у Хешми-Тешшуба, и дом отца Китты как разные сущности, но считает, что и то, и другое будет унаследовано детьми Китты (Westbrook 2003: 666). На наш взгляд, такое понимание сложно поддерживать, а наиболее удачной следует признать трактовку Дюрана. Вместе с тем, с нашей точки зрения, акценты в ней должны быть расставлены по-другому. Смысл этого раздела документа заключается в защите имущественных прав детей Китты от нынешнего брака. Как указывает сам Дюран, фраза *bīta epēšu* может означать основание нового домохозяйства, а под этим может подразумеваться новая семья (см. описание этого значения в CAD E: 205; Paul 1992). Такое значение удачно сочетается с высказанным выше предположением, что Китта должен был покинуть родной город для того, чтобы служить Хешми-Тешшубу в статусе иноземного члена его свиты: в таких обстоятельствах, в условиях долгого, фактически пожизненного (стк. 14–15) пребывания на чужбине, появление у Китты новой семьи оказывалось весьма вероятным. Хотя о правовом статусе членов этой будущей семьи, прежде всего родившихся в ней

¹⁵ Вместе с тем Ж.-М. Дюран, видимо, предлагает для текста в стк. 14–17 иное синтаксическое деление, чем в большинстве других переводов. Фразу *u tīnumtē bītu ša Kitta ana pāni Hešmi-Teššub bēlišu erpaš* он рассматривает как вынесенное вправо подлежащее, связанное с именным сказуемым *ša Hešmi-Teššub (šūt)*: «Всю свою жизнь Китта будет принадлежать Хешми-Тешшубу, как и всё имущество, которое создаст Китта на службе у Хешми-Тешшуба» (Durand 1989b: 176). Нам этот анализ представляется менее вероятным, чем представленный в остальных переводах. О том, что фраза, начинающаяся с *u tīnumtē* «и весь / какой бы ни», относится к новому предложению, а не продолжает предыдущее, возможно, свидетельствует ее расположение на табличке: слова *u tīnumtē* помещены в начало новой строки (стк. 16), в то время как они вполне могли уместиться в конце предыдущей (стк. 15), заполненной чуть более чем наполовину.

детей, можно строить лишь гипотезы¹⁶, видимо, существовала теоретическая возможность их претензий на родовое имущество Китты. Кроме того, что очень важно, такие претензии мог предъявить и хозяин Китты, Хешми-Тешшуб. Царь Каркемиша, однако, пресекает такую возможность: «Только сыновья Китты да возьмут дом его отца». Фокусная частица *-ma* на именной группе *mārū Kitta* «сыновья Китты» несет, на наш взгляд, ограничительное значение, ‘только’ (ср. такое же ее употребление выше в стк. 13)¹⁷.

Совсем иную трактовку рассматриваемых строк предложила недавно С. Демар-Лафон (Démare-Lafont 2019). С ее точки зрения, после фразы «какой бы дом ни основал Китта перед Хешми-Тешшубом, своим господином» следуют не два, а три предложения, первое из которых является именным: «Но какую бы семью ни основал Китта, находясь на службе у Хешми-Тешшуба, своего господина, дети будут именно Китты. Они возьмут дом его отца и поднимут бронзовое оружие царя». К сожалению, Демар-Лафон не дает развернутого пояснения к своему переводу, но, если мы правильно поняли ее мысль, в этом месте документа гарантировалось, что дети Китты будут

¹⁶ Этот статус, вероятно, зависел бы от нескольких параметров: со свободной женщиной или рабыней был заключен союз, в котором родились эти дети, рассматривался ли такой союз как брак в Эмаре и в той правовой системе, в которой оказывался Китта в своем новом качестве и т. д. Видимо, какой-то из этих вариантов оставлял возможность будущих коллизий из-за собственности рода, к которому принадлежал Китта в Эмаре. В целом, статус детей рабов в Эмаре — тема, заслуживающая специального исследования. Можно обратить внимание на документ Arnaud 1987a no. 11, согласно которому еще не рожденные дети проданных в долговое рабство свободных родителей заранее признавались собственностью покупателя. Следует учитывать, что это условие внесено не в основной текст контракта, а является припиской, добавленной после списка свидетелей, что может указывать на его экстраординарный характер. В таком случае обычной практикой было признание за детьми долговых рабов свободного статуса.

¹⁷ Некоторые авторы оставляют частицу без перевода, см., например, Yamada 1995: 308; 2006: 230.

принадлежать ему, а не его господину Хешми-Тешшубу¹⁸ и что эти дети унаследуют родовую собственность и тот общественный статус, который был у Китты до закабаления. На наш взгляд, такая трактовка логична с правовой точки зрения и может быть расценена как весьма перспективная. Однако с филологической точки зрения перевод Демар-Лафон связан с определенными трудностями: в постулируемом ею именном предложении ожидалось бы именное сказуемое, выраженное личным местоимением: **mārū (ša) kittā-ma šunu*¹⁹.

(17) *e-pa-aš* — *eppaš*, букв. «он сделает», глагол придаточного предложения без субъюнктива. Как показывает С. Семинара, субъюнктивные и бессубъюнктивные формы глагола находятся примерно в равном распределении в придаточных предложениях в правовых текстах из Эмара. Чередование не затрагивает лишь некоторые устойчивые обороты, что может указывать на то, что они были заимствованы из диалекта, прямо продолжавшего старовавилонскую норму, где использование субъюнктивного окончания было обязательным. К числу таких оборотов в нашем тексте, возможно, относится фраза в стк. 15, в которой субъюнктивный показатель присоединен к стативу 3 л. ед. ч. м. р. *baṭṭu*, «(пока) он жив». Опускание субъюнктива в других случаях, как, например, в приведенной форме *eppaš*, видимо, связано с влиянием родного для сирийских писцов западно-семитского идиома, в котором такая грамматическая категория отсутствовала (Seminar 1998: 386–397).

(19) *kir-kir-ra¹-na* — Д. Арно транслитерирует *kir-kir-da-na*, но в примечании допускает эмендацию *DA > RA¹* со сближением получающегося слова с хурритским названием оружия *kar-kar-ni*, засвидетельствованным в текстах из Богазкёя и в Письме из Митанни (Arnaud 1986: 30). Сопоставляя это место с текстом

¹⁸ Неслучайно С. Демар-Лафон вставляет в свой перевод предшествующих стк. 14–15 поясняющее слово ‘один’: «Пока Китта будет жив, он (один) будет принадлежать Хешми-Тешшубу». Это пояснение подчеркивает, что данная клаузула относится только к Китте и исключает его детей, о которых идет речь дальше (Démare-Lafont 2019: 363).

¹⁹ См. Seminar 1998: 533–534, 536. При любой из возможных конструкций именного предложения в постулируемой Демар-Лафон фразе отсутствует какой-то элемент: или относительное местоимение *ša* или личное *šunu*.

Emar 17, в котором имеется фраза *ù lú-meš aḥ-ḥi-a ša lugal-ri ša zag zabar a-na ugu-ḥi lu<gal>-ri na-šu* «и братья царя, которые носят бронзовое копье перед царем» (стк. 4–5), Дюран предполагает, что хурритское слово *kir-kir-ra¹-na* содержит в себе значение *zabar* ‘бронза’ (Durand 1989a: 37). Эту идею поддерживают Адамсвейт и Демар-Лафон, чей перевод гласит: «Пусть они несут (поднимут) бронзовое оружие царя» (Adamthwaite 2001: 105; Démare-Lafont 2019: 364). Совершенно другое толкование *kir-kir-ra¹-na* предложил П. Штайнкеллер: по его мнению, эта форма значит ‘навсегда’ (in perpetuity) (apud Fleming 1992: 164, п. 284). Разделяющая это толкование фон Дассов предлагает анализировать *kir-kir-ra¹-na* как редуцированную хурритскую основу *kir-* ‘долгий, длинный’ с суффиксом существительного *-an(a)* и эссивным показателем *-a* (von Dassow 2020: 98). Решение Штайнкеллера и фон Дассов представляется нам более привлекательным.

Если отвлечься от конкретного толкования слова *kir-kir-ra¹-na*, большинство исследователей согласны, что в стк. 19–20 речь идет о несении повинности в пользу царя в виде военной службы. Под царем следует понимать царя Каркемиша (Yamada 1995: 309). На основании этого места и ряда других документов М. Ямада постулирует среди населения Эмара особую социальную группу эмаро-хеттов, т. е. граждан Эмара, которые несли службу в пользу хеттских властей (Yamada 2006: 230–231). Е. фон Дассов в соответствии с разработанной ей концепцией о повинностях как маркере свободного статуса на древнем Ближнем Востоке полагает, что несение сыновьями Китты военной повинности указывает на их свободу в противоположность зависимому положению их отца (von Dassow 2018; 2020). Л. д’Альфонсо обращает внимание на ограниченность феномена царской службы в Эмаре: из примерно 500 правовых документов только в десяти упоминаются несущие ее люди (d’Alfonso 2005a: 25).

(22) *šum-ta* — обычно имеющее условное значение слово *šumta* ‘если’ выступает здесь в функции разделительного союза ‘или’ (Seminara 1998: 511; CAD Š/3: 278).

(23, 24) *ia-nu-mi* — *uānu*, слово со значением «нет, отсутствует» (CAD I/J: 323; АНw.: 411). Наш перевод следует пониманию С. Семинары (Seminara 1998: 472, 511, 519). С его точки зрения, неслучайно, что редкая для Эмара «амарнская» форма *uānu*, с

частицей *-mi*, встречается в тексте, который, видимо, был написан не в самом городе, а в Каркемише, в канцелярии царя Ини-Тешшуба. *mi*, возможно, имеет эмфатическую функцию (Seminara 1998: 526). Перевод фон Дассов, с одной стороны, точнее соответствует оригиналу, с другой, требует домысливания именной части сказуемого: «Кто бы в будущем ни забрал (что-либо), будь то раб, рабыня или нечто, у детей Китты, это не есть (действительно?), (или) кто бы ни нарушил условия этой таблички, это не есть (действительно?)» (von Dassow 2020: 97).

(25) {x} lú en *ma-mi<<-ia>>-ti* ša иги *e-mar šu-ut* — букв. «он есть человек, господин клятвы города Эмар».

Стертый в начале строки знак С. Демар-Лафон предлагает рассматривать как на самом деле поврежденный и считать его частью имени собственного: [¹ki]-¹ta¹. Всю же строку следует переводить: «Китта есть тот, кто дал клятву города Эмар» (Démare-Lafont 2019: 364, п. 22).

ma-mi<<-ia>>-ti — в первоначальном издании Д. Арно такая орфография, со знаком IA в инлауте, была расценена как ошибочная. В дальнейшем Арно пришел к выводу, что писцовая традиции Эмара свойственно использовать знак IA для передачи гласных /ē/ и /ī/, вследствие чего представленное в тексте написание является корректным (Arnaud 1991a: 27, п. 17). Однако обращает на себя внимание иная, более привычная орфография этого же слова, без знака IA, в стк. 11. Как отмечалось выше, М. Ямада допускает, что *ma-mi-ia-ti* — форма мн. ч. слова *māmītu*. Именно так она закаталогизирована в грамматике эмарского диалекта С. Семинары (Seminara 1998: 293).

По мнению Л. д'Альфонсо, фразу в этой строке следует переводить как «он есть гарант соглашения с городом Эмар» (d'Alfonso 2000: 290). Поскольку эта строка помещена непосредственно над оттиском печати царя Каркемиша, то она относится к личности этого правителя²⁰. В литературе, однако, преобладают иные трактовки, по которым в предложении имеется в виду Китта или его семья. С грамматической точки зрения фраза оформлена, скорее, в ед. ч. (*šūt* 'он', см. об этой форме GAG₃: 49–51 [§41d, f, i]; Seminara 1998: 239–240; CAD Š/3: 391). Несмотря на это некоторые исследователи считают,

²⁰ Печать Ини-Тешшуба, приложенная к документу, издана в: Beuger 2001: 47–48 (A 2b).

что в ней заложено значение множественности и она относится ко всем представителям семьи Китты, а не к нему одному (Arnaud 1986: 30; von Dassow 2020: 98). При такой интерпретации *šū-ut*, видимо, анализируется как мн. ч. относительного местоимения *ša, šūt* ‘те, что; те, которые; они’ (букв. «эти люди есть господа клятвы города Эмар»). Однако, насколько позволяет судить обзор употреблений этой формы, приведенный в словарях, она не может выступать в роли глагола-связки в именных предложениях (CAD Š/3: 389–391).

* * *

Текст *Emar* 18 обладает несомненной исторической значимостью. Он иллюстрирует механизмы взаимодействия хеттских властей и эмарской общины. Хеттские власти имели существенное влияние на сферу судопроизводства в Эмаре. Казалось бы, это давало большие возможности для обеспечения своих интересов в городе, в том числе, интересов конкретных представителей хеттской администрации. Однако эти интересы отступали на второй план, когда речь заходила о соблюдении традиционных прав эмарской общины и ее граждан, роль гаранта которых приняли на себя хеттские власти в лице царя Каркемиша. Как предполагается в историографии, обычаи Эмара запрещали кредитору поработать помимо должника его семью (d’Alfonso 2005a; Yamada 1995)²¹. Нарушение этого правила в отношении семьи Китты было тем более скандальным, что эта семья принадлежала к верхам эмарского общества (Démare-Lafont 2019: 369). Соблюсти законные права и привилегии эмариотов было в данном случае особенно важным, так как от этого могло зависеть отношение городской элиты к хеттской власти в целом. Царь Каркемиша Ини-Тешшуб пошел на отмену собственного решения о поработании семьи Китты, подвергнув при этом поработителя, своего родного брата Хешми-Тешшуба, публичным упрекам. С. Демар-Лафон интерпретирует этот эпизод как проявление стратегии «мягкой

²¹ С. Демар-Лафон указывает, что иногда члены семьи могли служить гарантией коммерческих сделок, заключаемых между эмариотами. Однако для этого требовалось сделать таких членов семьи фиктивными участниками соглашения, ответственными за нарушение его условий, чего в случае с родственниками Китты, видимо, не произошло (Démare-Lafont 2019: 365).

силы». Ее хеттские власти рассматривали как более эффективный способ контроля и предпочитали прямому диктату. Царь Каркемиша старался выстроить образ либерального и благосклонного монарха, готового к компромиссам и уважению местных традиций (*ibid.*: 369–370). Однако такая политика шла рука об руку с внедрением хеттской системы управления в городе. Если на личном уровне эмариоты, как Китта и его семья, по-прежнему могли рассчитывать на сохранение своих прав и привилегий, то на системном, институциональном уровне административно-политическая система эмарской общины вступила в фазу медленного демонтажа. Начало этого процесса связывается с личностью Ини-Тешшуба (ок. 1270–1230 гг. до н. э.), от имени которого издан рескрипт *Emar* 18. При нем происходит масштабное внедрение новых делопроизводственных практик, а влияние хеттских чиновников на жизнь города становится более ощутимым. Причины, побудившие хеттские власти к такому шагу, по-разному толкуются в специальной литературе. Порой говорится о внутривнутриполитических противоречиях в Эмаре (в частности, о невыполнении институтом монархии возложенных на него функций) (Démare-Lafont, Fleming 2015: 67), иногда подчеркивается внешнеполитический контекст. Так, Дж. Теймз говорит об ассирийской угрозе с востока как факторе реформирования властных институтов Эмара (Thames 2023). Хетты нуждались в полном и эффективном контроле над одним из самых восточных своих владений, находившемся непосредственно на хетто-ассирийском пограничье. Нам такой сценарий в целом представляется вероятным.

Что касается более узких вопросов филологического и правового толкования *Emar* 18, то в приведенном выше комментарии было предложено новое чтение стк. 6 текста. С нашей точки зрения, последовательность *i¹-na wa ra ta aš ši* можно прочесть *i-na wi-ra-ta-aš-ši*, где второе слово представляет собой хурритское абстрактное существительное *firadašše* (= *firad(i)=a=šše*) со значением ‘статус иноземного гостя’. При таком чтении перевод стк. 4–6 текста будет гласить: «И царь издал документ с печатью о рабской службе Китты, его отца и его дома у Хешми-Тешшуба в стране Хатти в качестве чужеземных гостей». Вероятно, Китта вместе с домочадцами должен был покинуть родной город и служить как иноземный член свиты Хешми-Тешшуба за пределами Эмара («в стране

Хатти»). Как мы узнаем из дальнейшего рассказа в *Emar 18*, это решение каркемишского царя было пересмотрено, и статус раба оказался закреплен только за Киттой, в то время как его родственники остались на свободе. Возникшие в связи с новым статусом Китты имущественные отношения подлежали урегулированию. Основные положения этого урегулирования изложены в стк. 14–18 документа. Из существующих интерпретаций этого отрывка как наиболее перспективные можно выделить трактовки, предложенные Ж.-М. Дюраном и С. Демар-Лафон. Дюран предлагает понимать стк. 14–18 следующим образом: «Всю свою жизнь Китта будет принадлежать Хешми-Тешшубу, как и всё имущество, которое он приобретет на службе у Хешми-Тешшуба. Зато дети Китты смогут унаследовать имущество его отца» (Durand 1989b: 176–177). Перевод Демар-Лафон существенно отличается: «Пока Китта будет жив, он (один) будет принадлежать Хешми-Тешшубу. Но какую бы семью ни создал Китта, находясь на службе у Хешми-Тешшуба, своего господина, дети будут принадлежать именно Китте» (Démare-Lafont 2019: 363–364). Если первая интерпретация ставит основной акцент на статус имущества Китты, как родового, так и приобретенного в рабстве, то в рамках второй главными оказываются судьба и общественное положение его будущих детей. Как было показано выше в комментарии, обе трактовки сталкиваются с филологическими трудностями. С большой осторожностью можно предположить, что текст в стк. 14–18 устраняет претензии на имущество отца Китты со стороны будущей семьи Китты и признает его единственными наследниками сыновей Китты в Эмаре (в чьем распоряжении, очевидно, должен был находиться документ *Emar 18*). Какова бы ни была правильная интерпретация этого сложного отрывка, текст *Emar 18* в целом, на наш взгляд, ярко демонстрирует правовые коллизии, возникавшие при поступлении людей в состояние *arduttu* («рабства»), и то внимание, которое уделяла этим коллизиям правовая традиция древней Сирии.

Сокращения / Abbreviations

AHw. — von Soden W. Akkadisches Handwörterbuch. Unter Benutzung des lexikalischen Nachlasses von Bruno Meissner (1868–1947). Zweite, um Hinweise auf die Nachträge vermehrte Auflage. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1985.

AoF — Altorientalische Forschungen

CAD — The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago, 1956–2010.

Emar — номера текстов по изданию Arnaud 1986.

GAG₃ — von Soden W. Grundriss der akkadischen Grammatik. 3., ergänzte Auflage. (Analecta Orientalia, 33). Roma: Editrice Pontificio Istituto Biblico, 1995.

N.A.B.U. — Nouvelles assyriologiques brèves et utilitaires

RA — Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale

RS — инвентарный номер текстов из Рас-Шамры / Угарита

SCCNH — Studies on the Civilization and Culture of Nuzi and the Hurrians

The City of Emar — The City of Emar among the Late Bronze Age Empires: History, Landscape, and Society. Proceedings of the Konstanz Emar Conference, 25.–26.04.2006 / ed. by L. d'Alfonso, Y. Cohen, and D. Sürenhagen. (Alter Orient und Altes Testament, 349). Münster: Ugarit-Verlag, 2008.

TSBR — номера текстов по изданию Arnaud 1991b.

Литература / References

André-Salvini, B., Salvini M. 1998: Un nouveau vocabulaire trilingue sumérien-akkadien-hourrite. In: D.I. Owen, G. Wilhelm (eds.), *General Studies and Excavations at Nuzi*, 10/2. (SCCNH, 9). Bethesda: CDL Press, 3–40.

Archi, A. 2014: Aštata: A Case of Hittite Imperial Religious Policy. *Journal of Ancient Near Eastern Religions* 14, 141–163.

Arnaud, D. 1985: *Recherches au pays d'Aštata. Emar VI.1. Textes sumériens et accadiens. Planches*. Paris: Editions Recherche sur les Civilisations.

Arnaud, D. 1986: *Recherches au pays d'Aštata. Emar VI.3. Textes sumériens et accadiens*. Paris: Editions Recherche sur les Civilisations.

Arnaud, D. 1987a: La Syrie du moyen-Euphrate sous le protectorat hittite: contrats de droit privé. *Aula Orientalis* 5, 211–241.

Arnaud, D. 1987b: Les Hittites sur le moyen-Euphrate: protecteurs et indigènes. *Hethitica* 8, 9–27.

Arnaud, D. 1991a: Contribution de l'onomastique du Moyen-Euphrate à la connaissance de l'Émariote. *Studi epigrafici e linguistici sul Vicino Oriente antico* 8, 23–46.

Arnaud, D. 1991b: *Textes syriens de l'âge du bronze récent*. (AuOr Supplementa, 1). Barcelona: Editorial AUSA.

- Aro, J. 1955: *Studien zur mittelbabylonischen Grammatik*. (Studia Orientalia, 20). Helsinki: Societas orientalis fennica.
- Beckman, G., Bryce T., Cline E. 2011: *The Ahhiyawa Texts*. (Society of Biblical Literature, Writings from the Ancient World, 28). Atlanta: Society of Biblical Literature.
- Bellotto, N. 2002 : Alcuni osservazioni sull'instituzione GIŠ.TUKUL a Emar. *AoF* 29, 128–145.
- Belmonte Marín, J.A. 2001: *Die Orts- und Gewässernamen der Texte aus Syrien im 2. Jt. v. Chr.* (Répertoire géographique des textes cunéiformes, XII/2). Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Beyer, D. 2001: *Emar IV: Les sceaux*. (Orbis biblicus et orientalis, Series Archaeologica, 20). Fribourg; Göttingen: Editions Universitaires; Vandenhoeck & Ruprecht.
- Cohen, Y., d'Alfonso, L. 2008: The Duration of the Emar Archives and the Relative and Absolute Chronology of the City. In: *The City of Emar*, 3–25.
- d'Alfonso, L. 1999: Tarḫuntašša in einem Text aus Emar. *AoF* 26, 314–321.
- d'Alfonso, L. 2000: Syro-Hittite Administration at Emar: New Considerations on the Basis of a Prosopographic Study. *AoF* 27, 269–295.
- d'Alfonso, L. 2005a: Free, Servant and Servant of the King: Conflict and Change in the Social Organisation at Emar after the Hittite Conquest. In: D. Prechel (hrsg.), *Motivation und Mechanismen des Kulturkontaktes in der späten Bronzezeit*. (Eothen, 13). Firenze: LoGisma editore, 19–38.
- d'Alfonso, L. 2005b: *Le procedure giudiziarie ittite in Siria (XIII sec. a.C.)*. (Studia Mediterranea, 17). Pavia: Italian University Press.
- de Ridder, J.J. 2018: *Descriptive Grammar of Middle Assyrian*. (Leipziger Altorientalische Studien, 8). Wiesbaden : Harrassowitz Verlag.
- Démare-Lafont, S. 2019: Équité et légalité à Emar. In: G. Chambon, M. Guichard, A.-I. Langlois (éds.), *De l'argile au numérique. Mélanges assyriologiques en l'honneur de Dominique Charpin*. (Publications de l'Institut du Proche-Orient ancien du Collège de France, 3). Leuven; Paris; Bristol, CT: Peeters, 357–372.
- Démare-Lafont, S., Fleming, D. 2015: Emar Chronology and Scribal Streams: Cosmopolitanism and Legal Diversity. *RA* 109, 45–77.
- Di Filippo, F. 2008: Emar Legal Tablets: Archival Practice and Chronology. In: *The City of Emar*, 45–64.
- Durand, J.-M. 1989a: Minima hurritica. *N.A.B.U.* 3, 36–37 (no. 56).
- Durand, J.-M. 1989b: Rev. of Daniel Arnaud, *Recherches au Pays d'Aštata, Emar VI. Textes sumériens et accadiens*. Ed. Recherche sur les Civilisations, Paris, 1986, vol. 1, 2 et 3. *RA* 83, 163–191.

- Fleming, D. 1992: *The Installation of Baal's High Priestess at Emar. A Window on Ancient Syrian Religion*. (Harvard Semitic Studies, 42). Atlanta: Scholars Press.
- Giorgieri, M. 2000: Schizzo grammaticale della lingua hurrica. *Parola del Passato* 55, 171–277.
- Heltzer, M. 2011: The Political Institutions of Ancient Emar as Compared with Contemporary Ugarit (13. – Beginning of the 12. Century B.C.E.). *Ugarit-Forschungen* 33, 219–236.
- Klengel, H. 1988: Die Keilschrifttexte von Meskene und die Geschichte von Aštata / Emar. *Orientalistische Literaturzeitung* 83/6, 645–653.
- Klinger, J. 1992: Fremde und Außenseiter in Ḫatti. In: V. Haas (hrsg.), *Außenseiter und Randgruppen: Beiträge zu einer Sozialgeschichte des Alten Orients*. (Xenia. Konstanzer Althistorische Vorträge und Forschungen, 32). Konstanz: Universitäts-Verlag Konstanz, 187–212.
- Lambert, W. L. 1996: *Babylonian Wisdom Literature*. Winona Lake: Eisenbrauns.
- Paul, Sh. 1992: Exodus 1:21: “To Found a Family”: A Biblical and Akkadian Idiom. *Maarav* 8, 139–142.
- Pruzinszky, R. 2003: *Die Personennamen der Texte aus Emar*. (SCCNH, 13). Bethesda: CDL Press.
- Richter, T. 2012: *Bibliographisches Glossar des Hurritischen*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Rutz, M. 2013: *Bodies of Knowledge in Ancient Mesopotamia. The Diviners of Late Bronze Age Emar and Their Tablet Collection*. (Ancient Magic and Divination, 9). Leiden; Boston: Brill.
- Seminara, S. 1998: *L'accadico di Emar*. (Materiali per il vocabolario sumero, 6). Roma: Università degli studi di Roma «La Sapienza».
- Thames, J.T. 2023: International Politics and Local Change at Emar in the Late Bronze Age. *Journal of Ancient Near Eastern History* 10, 23–52.
- Thureau-Dangin, F. 1931: Vocabulaires de Ras Shamra. *Syria* 12, 225–266.
- Ünal, A. 2005: Fremde Götter in Hatti: Einführung einer babylonischen Gottheit in Hatti und Schwierigkeiten bei ihrer Kulterrichtung nach dem Orakeltext KUB 5.6. *Archivum Anatolicum* 8/2, 47–108.
- Viano, M. 2023: *Debt and Indebtedness at Emar*. (Studies in Ancient Near Eastern Records; 28). Boston; Berlin: De Gruyter.
- von Dassow, E. 2018: Liberty, Bondage and Liberation in the Late Bronze Age. *History of European Ideas* 44/6, 658–684.
- von Dassow, E. 2020: Liberty and Duty in Late Bronze Age States. *Kaskal* 17, 75–123.
- Wegner, I. 2007: *Hurritisch: Eine Einführung. 2., überarbeitete Auflage*. Wiesbaden: Harrassowitz.

- Westbrook, R. 2003: Emar and Vicinity. In: R. Westbrook (ed.), *A History of the Ancient Near Eastern Law. Vol. 1.* (Handbuch der Orientalistik, I/72). Leiden; Boston: Brill, 657–691.
- Wilhelm, G. 2005: *fīradi* „auswärtiger Gast“, *fīradošhe* „Gästehaus“. In: D.I. Owen, G. Wilhelm (eds.), *General Studies and Excavations at Nuzi 11/1.* (SCCNH, 15). Bethesda: CDL Press, 175–184.
- Yamada, M. 1995. The Hittite Social Concept of “Free” in the Light of the Emar Texts. *AoF* 22, 297–316.
- Yamada, M. 2006: The Hittite Administration in Emar: The Aspect of Direct Control. *Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatische Archäologie* 96, 222–234.
- Yamada, M. 2010: The *zuku* Festival in Emar: On Royal Cooperation with the City. *ORIENT* 45, 111–128.
- Yamada, M. 2020: The King of Carchemish and the Hittite Rule of Emar. *ORIENT* 55, 43–61.

А. А. Алексеева

МГЛУ, Москва, Россия. a.alexiana@yandex.ru

ЕСТЬ ЛИ INFINITIUS IMPERATIUS В ТРАКТАТЕ ЦЕЛЬСА «О МЕДИЦИНЕ»?

Настоящая статья посвящена изучению возможности употребления инфинитива как императива в трактате Цельса «О медицине». Автор обращает внимание на ошибочность предлагаемого в некоторых грамматиках примера независимого использования инфинитивных форм в сочинении Цельса (III 7, 1): в этом примере инфинитивы используются либо при безличном глаголе и выражении, либо выступают в роли подлежащих при составном именном сказуемом. Кроме того, в статье анализируется единственный случай в трактате «О медицине», когда инфинитивы, выражающие медицинские предписания, действительно формально не зависят от какого-либо глагола или выражения (IV 5, 8-9). Автор приходит к выводу, что в данном случае инфинитивы не могут использоваться в значении *infinitius imperatiuus*; скорее всего, они зависят от формально отсутствующего, но подразумеваемого по контексту безличного глагола или выражения со значением долженствования или необходимости.

Ключевые слова: Цельс, «О медицине», инфинитивы, *infinitius imperatiuus*, медицинские рекомендации.

A. A. Alekseeva

Moscow State Linguistic University.
Moscow, Russia. a.alexiana@yandex.ru

Is there *infinitius imperatiuus* in Celsus' *De medicina*?

The paper examines possibility of using infinitives with the meaning of imperative in Celsus' treatise «*De medicina*». Having studied major works on the syntax of Latin, the author highlights the inaccuracy of the example from the text of Celsus, where, according to some of these works, infinitives are used independently (III 7, 1), without any modal or impersonal verb and expression. However, in this example infinitives are applied with impersonal verb *conuenit* and expressions *opus est* and *utile est*. Besides that, the article analyzes the only instance in Celsus' *De medicina*, where infinitives are actually used independently. The author comes to the conclusion, that in this case infinitives have no imperative meaning, as they are placed on account of a missing, yet implied verb with the meaning of necessity.

Key words: Celsus, *De medicina*, infinitive, *infinitius imperatiuus*, medical prescriptions.

Как известно, в классической латыни инфинитив в значении императива малоупотребителен. В «Ausführliche Grammatik der lateinischen Sprache» Кюнера и Штегмана (Kühner, Stegmann 1912: 666) сообщается, что *infinitivus imperativus* не встречается в классическое время, а первый случай употребления такой формы мы находим у Валерия Флакка (... *tu socios adhibere...* (Val. Fl. III 412)). В «Lateinische Syntax und Stilistik» Гофманна и Шантыря (Hofmann, Szantyr 1972: 366–367) указано, что *infinitivus imperativus* — довольно редкая форма, которая встречается в надписях, у церковных авторов и у «вульгарных писателей», таких как Хирон: так, в сочинении «*Mulomedicina*» для выражения указаний используются инфинитивы, которые перемежаются формами повелительного наклонения (Mul. Chir. 136). При этом Гофманн и Шантырь отмечают, что от *infinitivus imperativus* нужно отличать те случаи самостоятельного употребления инфинитивов в технической литературе, когда в предложении подразумевается глагол, выражающий долженствование или волю, от которого эти инфинитивы зависят. Таким образом инфинитивы употребляются у Катона Старшего (Cato Agr. 156, 7) и Варрона (Varro RR I 31, 1. 5), а также указывается один подобный случай в третьей книге трактата Цельса «О медицине» (III 7, 1). В «*Syntaxe latine*» Эрну и Тома (Ernout, Thomas 1964: 272) говорится, что употребление инфинитива в функции императива в принципе свойственно латинской технической литературе, а указанные в грамматике Гофманна и Шантыря примеры из Катона Старшего, Варрона и Цельса в этом труде понимаются как случаи использования *infinitivus imperativus* (здесь *infinitivus imperativus* называется *infinitif jussif*). В книге «*A New Latin Syntax*» Вудкока самостоятельное употребление инфинитивов не описывается вовсе. Итальянский филолог-классик и историк медицины Инноченцо Маццини в статье «*Caratteri della lingua del “De Medicina” di A. Cornelio Celso*» (Mazzini 1992: 36) следуя за Гофманном и Шантырем, сообщает о том, что в предложениях с инфинитивными формами могут подразумеваться глаголы и выражения, выражающие необходимость, такие как *oportet*, *necesse est* и *debet*. Французский филолог-классик Мишель Фрюи (Fruyt 1996: 48) в своей статье об употреблении инфинитивов в поздней латыни «*La syntaxe de l’infinitif en latin tardif: réflexions sur*

la nature des processus évolutifs» указывает на использование Цельсом инфинитивов со значением повелительного наклонения.

Рассмотрим подробнее то место в трактате Цельса «О медицине», на которое дается ссылка в грамматиках.

Desiderat quoque propriam animaduersionem in febribus pestilentiae casus. In hac **utile minime est** aut fame aut medicamentis **uti**, aut **ducere** aluum. Si uires sinunt, sanguinem **mittere optimum est**, praecipueque si cum dolore febris est: si id parum tutum est, ubi febris aut tenuata est aut leuata est, uomitu pectus **purgare**. Sed in hoc maturius quam in aliis morbis **ducere** in balineum **opus est**, uinum calidum et meracius **dare**, et omnia glutinosa; inter quae carnem quoque generis eiusdem. Nam quo celerius eiusmodi tempestates corpiunt, eo maturius **auxilia** etiam cum quadam temeritate **rapienda sunt**. Quod si puer est qui laborat, neque tantum robur eius est, ut ei sanguis mitti possit, siti ei **utendum est**, **ducenda aluus** uel aqua uel tisanæ cremore, tum denique **is** leuibus cibus **nutriendus**. Et ex toto non sic **pueri** ut uiri **curari debent**. Ergo, ut in alio quoque genere morborum, parcius in his **agendum est**: non facile sanguinem **mittere**, non facile **ducere** aluum, non **cruciare** uigilia fameque aut nimia siti, non uino **curare** satis **conuenit**. **Vomit** post febrem **eliciendus est**, deinde **dandus cibus** ex leuissimis, tum **is dormiat**; posteroque die, si febris manet, **abstineatur**; tertio ad similem cibum **redeat**. **Dandaque opera est**, quantum fieri potest, **ut** inter oportunam abstinentiam cibosque opportunos, omissis ceteris, **nutriatur**. (III 7, 1A-C).

Требуется особое внимание в случае чумной лихорадки. При ней менее всего полезно и голодать, и принимать лекарства, и чистить желудок. Если силы [больного] позволяют, лучше всего пустить кровь, особенно, если лихорадка сопровождается болью. Если кровопускание небезопасно, то, когда лихорадка ослабла или прекратилась, лучше всего очистить грудь рвотой. При этом больного надо скорее, чем при других болезнях, сводить в баню, после дать подогретое неразбавленное вино и любую клейкую пищу, включая мясо такого рода. Дело в том, что, чем быстрее постигают такие бедствия, тем более своевременно нужно оказать помощь, даже с некоторым безрассудством. Если заболел ребенок и он не настолько крепок, чтобы ему можно было пустить кровь, нужно, чтобы он испытывал жажду, необходимо очистить кишечник клизмой из воды или ячменного отвара; только тогда его нужно накормить легкой пищей. В целом детей нужно лечить не так, как взрослых. Следовательно, как и при другом виде заболеваний, в таких

случаях надо действовать с большой осторожностью: не следует с легкостью пускать кровь, с легкостью чистить кишечник, мучить лишением сна, голодом или чрезмерной жаждой; лечение вином тоже не совсем подходит. После лихорадки нужно вызвать рвоту, затем дать пищу из самых легких продуктов, потом пусть больной поспит; на следующий день, если лихорадка остается, пусть он воздерживается от еды, на третий день пусть он вернется к прежней пище. Надо стараться, чтобы, насколько возможно, больной питался, переходя от полезного воздержания в пище к полезным видам пищи, отбросив прочие.

В этом фрагменте описывается порядок лечения чумных лихорадок. Сначала медицинские предписания выражаются с помощью конструкций с прилагательными, где прилагательные, дающие оценку методам лечения, с глаголом *esse* являются составными именными сказуемыми (*utile minime est*, *optimum est*), а роль подлежащих выполняют инфинитивы (*uti*, *ducere*, *mittere*, *purgare*). Далее употребляется безличное выражение *opus est* с инфинитивами *ducere* и *dare*. Затем Цельс использует второе описательное спряжение: *auxilia rapienda sunt*, *utendum est*, *ducenda aluus*, *is nutriendus*. Потом инфинитив *curari* употреблен с модальным глаголом *debere*. В следующем предложении сначала используется второе описательное спряжение (*agendum est*), затем — безличный глагол *conuenit* с инфинитивами *mittere*, *ducere*, *cruciare*, *curare*. Далее — снова второе описательное спряжение (*uomitibus eliciendus est*, *dandus cibus*), за которым следуют формы *praesens coniunctiui* в значении *imperatiuus* (*dormiat*, *abstineatur*, *redeat*). В последнем предложении рассматриваемого нами фрагмента медицинская рекомендация содержится в дополнительном придаточном предложении с союзом *ut obiectiuum* (*dandaque opera est ... ut ... nutriatur*). Поэтому в указанном Гофманом и Шантырем месте трактата Цельса инфинитивы не встречаются в самостоятельном употреблении: они используются в конструкциях с прилагательными, с глаголом *debere*, а также с безличными глаголами и выражениями.

Надо сказать, что есть некоторые сложности, связанные с приведенной в грамматиках ссылкой на Цельса. В библиографии к грамматике Гофманна и Шантыря указано издание трактата Цельса Фридриха Маркса 1915 г. Мы можем предполагать,

что Эрну и Тома также ссылались на это издание, однако Цельс не указан в списке латинских текстов. Если в этих работах ссылаются на трактат Цельса в издании Маркса, то в данном случае сама ссылка выглядит неточной: дело в том, что первый параграф седьмой главы третьей книги сочинения «*De medicina*» у Маркса подразделяется еще на подпараграфы А, В и С. В ссылке же подпараграфы не указаны, поэтому непонятно, какое именно предложение имеется в виду. В более ранних изданиях сочинения Цельса деление на подпараграфы отсутствует (например, в издании Шарля Дарамбера 1859 г.). В этом издании содержится то самое предложение с инфинитивами, употребленными самостоятельно, на которое и ссылаются в грамматиках:

Ergo, ut in alio quoque genere morborum, parcius in his agendum est: non facile sanguinem **mittere**, non facile **ducere** alium, non **cruciare** uigilia, fameue, aut nimia siti, non uino **curare**. (III 7, 1B)

В издании Дарамбера в этом предложении пропущено выражение *satis conuenit*, которое Маркс включил в издание на основании рукописей. Инфинитивы *mittere*, *ducere*, *cruciare*, *curare* тем самым используются самостоятельно. Стоит отметить, что *satis conuenit* было удалено в издании Иоганна Антонида ван дер Линдена 1657 года, и, скорее всего, на его чтение опирался Дарамбер. Такое чтение не опирается на рукописную традицию и при этом нарушает структуру обычной для языка Цельса конструкции, когда инфинитивы зависят от безличного глагола. Таким образом, разбираемый контекст из трактата «О медицине» не может служить примером независимого употребления инфинитивов.

Однако один раз в четвертой книге сочинения Цельса медицинские предписания выражены с помощью инфинитивов настоящего времени, которые формально не зависят ни от модального, ни от безличного глагола или соответствующего ему выражения и не выступают в роли подлежащего при составном именном сказуемом:

In grauedine autem primo die **quiescere**, neque **esse** neque **bibere**, caput **uelare**, fauces lana **circumdare**; postero die **surgere**, **abstinere** a potione, aut si res coegerit, non ultra heminam aquae **adsumere**; tertio die panis non tam multum ex parte interiore qum pisciculo uel leui carne **sumere**; aquam **bibere**. Si quis sibi

temperare non potuerit quominus pleniore uictu utatur, **uomere**; ubi in balneum uentum est, multa calida aqua caput et os **fouere** usque ad sudorem; tum ad uinum **redire**. (IV 5, 8–9)

А при насморке в первый день следует придерживаться постельного режима, не есть и не пить, покрывать голову, обвязывать шею шерстью; на следующий день встать; воздерживаться от питья, или если возникнет необходимость, то выпить воды, но не более гемины воды; на третий день съесть немного хлебного мякиша с небольшой рыбкой или кусочком легкого мяса, выпить воды. Если больной не смог удержаться от более обильной пищи, ему следует вызвать рвоту; когда он придет в баню, ему следует обильно поливать голову и лицо горячей водой, пока не выступит пот, затем вернуться к потреблению вина.

Этот случай отметил Инноченцо Маццини в уже упомянутой нами ранее статье о языке Цельса, однако он не дал объяснений такому употреблению инфинитивов: Маццини указывает, что перед инфинитивами в этом месте нет ни глагола долженствования, ни форм второго описательного спряжения, обладающих семантикой необходимости.

В этом фрагменте текста Цельса формы infinitiuius praesentis выражают основные указания по лечению насморка, которым пациент должен следовать для выздоровления. До этого приводилось описание лечения болезни, при которой жидкость стекает в легкое, и медицинские указания вводились сначала с помощью безличного выражения opus est с существительными в аблативе — et ambulatione et fricatione opus est eademque adhibita ratione (IV 5, 7), затем — второго описательного спряжения (utendum est, indulgendum, abstinendumque, temptandum (ibid.)).

Надо сказать, что в тех случаях, когда в трактате Цельса в медицинских рекомендациях действия, выполняемые врачом или пациентом, выражаются инфинитивами, эти инфинитивы всегда зависят либо от модального глагола в личной форме, либо от безличного глагола или выражения, которые не просто подразумеваются, но обязательно употребляются в предложении с инфинитивами; либо инфинитивы выполняют роль подлежащего при составном именном сказуемом, где именная часть выражена прилагательным, характеризующим то или иное

средство лечения с точки зрения его полезности, или существительным со значением «лечение, лекарство». Например:

Praeter haec **conuenit ambulare** locis quam minime frigidis, sole uitato; per manus quoque **excereri**: si infirmior est, **gestari, ungui, perfricari**... (III 22, 5)

Vtilissimum tamen **est** umido sale **fouere**; quod quomodo fieret iam ostendi. (IV 6, 4)

Иногда в трактате Цельса встречаются целые пассажи, в которых действия, выполняемые врачом или пациентом для достижения лечебного эффекта, выражаются инфинитивами. И всегда в первом предложении такого текста содержится та грамматическая форма или конструкция, от которой эти инфинитивы зависят (III 16, 1).

В редких случаях инфинитивным формам в медицинских предписаниях могут предшествовать конструкции, которые указывают на начало раздела, посвященного лечению какого-либо недуга:

Illa in omni uetusto capitis dolore **communia sunt**: sternumenta **excitare**, inferiores partes uehementer **perfricare**; **gargarizare** iis, quae saliuam mouent; cucurbitulas temporibus et occipitio **admouere**; sanguinem ex naribus **extrahere**... (IV 2, 8)

В этом примере действия, которые необходимо выполнять для избавления от описываемого недуга — застарелой головной боли, выражаются формами инфинитивов настоящего времени, с которыми соотносится указательное местоимение *illa* в вводном выражении *illa communia sunt*. С точки зрения синтаксиса, как и местоимение *illa*, так и инфинитивы выполняют роль подлежащих при составном именном сказуемом *communia sunt*.

Таким образом, приведенный нами случай самостоятельного употребления инфинитивов очень необычен. Но едва ли здесь инфинитивные формы используются в качестве *infinitiūs imperatiūs*. Прежде всего, это связано с тем, что интересующий нас случай — единственный во всем трактате Цельса «О медицине». Если бы Цельс использовал *infinitiūs imperatiūs* как средство выражения медицинских предписаний, то такие инфинитивы встречались бы и в других частях трактата, где, как и в рассматриваемом фрагменте, даются обязательные для выпол-

нения рекомендации по лечению болезни. Кроме того, одна из важнейших особенностей стиля сочинения Цельса состоит в том, что медицинские описания носят преимущественно безлический характер, и указания по лечению и профилактике заболеваний чаще всего выражаются с помощью глаголов в формах третьего лица. Формы же повелительного наклонения ни разу не используются для введения медицинских предписаний. При этом у других авторов, в сочинениях которых отмечены случаи *infinitivus imperativus*, такой инфинитив употребляется наряду с формами повелительного наклонения, либо субъектом действия, выраженного инфинитивом, мыслится местоимение второго лица.

В интересующем нас случае использование инфинитивов можно объяснить тем, что здесь подразумевается глагол или выражение, с которым эти инфинитивы связаны, как это отмечалось в грамматике Гофманна и Шантыря. Так как в этом фрагменте приводятся основные медицинские предписания, выполнение которых необходимо для достижения лечебного эффекта, мыслимым управляющим глаголом может быть, например, глагол *oportet* как наиболее употребительный среди безлических глаголов и выражений со значением необходимости: так, в трактате «О медицине» мы насчитали 132 случая его употребления (Alekseeva 2024: 128).

Итак, рассмотрев приведенные в основных грамматиках примеры использования инфинитива в значении императива, а также случай самостоятельного употребления инфинитивных форм у Цельса, мы приходим к следующим выводам. В трактате Цельса «О медицине» медицинские предписания не выражаются с помощью *infinitivus imperativus*, а в том единственном случае, когда инфинитивы формально независимы, скорее всего, управляющий глагол подразумевается из самого контекста. Приводимый же в грамматиках пример из начала седьмой главы третьей книги ошибочен, так как в нем инфинитивы используются при безлическом глаголе.

Литература

- Alekseeva, A. A. 2024: *Formirovanie nauchnogo stilya v traktate Celsa "O medicine"* [Formation of the scientific style of the treatise "De medicina" by Celsus]. Moscow.

- Алексеева, А. А. 2024: Формирование научного стиля в трактате Цельса «О медицине». Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.
- Daremberg, C. 1859: *De medicina libri octo*. Lipsiae.
- Ernout, A., Thomas, F. 1964: *Syntaxe latine*. Paris.
- Fruyt, M. 1996: La syntaxe de l'infinitif en latin tardif: Réflexions sur la nature des processus évolutifs. *Recherches augustinienes*. V. 29, 43–73.
- Hofmann, J. B., Szantyr, A. 1972: *Lateinische Syntax und Stilistik*. München: Beck.
- Kühner, R., Stegmann, C. 1912: *Ausführliche Grammatik der lateinischen Sprache*. Zweiter Band: Satzlehre. T. 1. Hannover: Hahnsche Buchhandlung.
- Marx, F. 1915: *Cornelii Celsi quae supersunt*. Leipzig.
- Mazzini, I. 1992: Caratteri della lingua del “De Medicina” di A. Cornelio Celse. *Rivista di cultura classica e medioevale*. V. 24. P. 17–46.
- van der Linden, J. A. 1657: *A. Corn. Celsi De medicina libri octo*. Leyden.
- Woodcock, E. C. 1959: *A New Latin Syntax*. London.

А. В. Анашкин

Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет / МГЛУ.
Москва, Россия. miles-an@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ НАРОДНЫХ ВЕРОВАНИЙ В ПОЗДНЕЙ ВИЗАНТИИ В ЗЕРКАЛЕ КАНОНИЧЕСКИХ ОТВЕТОВ ИОАСАФА ЭФЕССКОГО¹

Статья посвящена исследованию народных верований и особенностей народной религиозности, получивших отражение в уникальном и при этом мало изученном памятнике поздневизантийского времени, автором которого был церковный деятель и дипломат первой трети XV в. Иоасаф Эфесский. Содержание его ответов, адресованных священнику Георгию Дразину, носит литургико-канонический характер и затрагивает широкий круг богослужебных, канонических и пастырских проблем. Вместе с тем они отражают народные верования в мертвецов-вампиров (*καταχθόνιος*), Гилу, приведения (*φαντάσματα*), использование особых врачевательных формул, оберегов (*φυλακτά*) и прибегание к практике ворожбы (*γοητεία*), сохранив таким образом ценные свидетельства о верованиях и культовых практиках византийцев. Несмотря на церковное противодействие этим суевериям, они продолжали существовать и находили последователей даже среди образованного духовенства.

Ключевые слова: Поздняя Византия, канонические ответы, Иоасаф Эфесский, Георгий Дразин, византийские народные верования, Гилу, филиakterии, врачевальные формулы, заговоры, «Завещание Соломона».

A. V. Anashkin

St.Tikhon's Orthodox University for the Humanities / Moscow State Linguistic University. Moscow, Russia. miles-an@rambler.ru

Peculiarities of Popular Religiosity in Late Byzantium in the Mirror of Canonical Answers by Joasaph of Ephesus²

This article focuses on the study of folk beliefs and popular religiosity as reflected in a unique, yet little-researched, monument from the late Byzantine period. The author, Joasaph of Ephesus, was a notable church figure and diplomat in the early 15th century. His responses to priest George Drazin cover a wide range of liturgical, canonical and pastoral

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10165, <https://rscf.ru/project/24-78-10165/>.

² The research was carried out with funds of a grant from the Russian Science Foundation, project no. 24-78-10165, <https://rscf.ru/project/24-78-10165/>.

issues and are of a liturgical-canonical nature. They also reflect popular beliefs concerning dead vampires (καταχθόνιοι), Gello, ghosts (φαντάσματα), special healing formulas and amulets (φυλακτά), as well as the practice of fortune-telling (γοητεία). This preserves valuable evidence about the beliefs and cult practices of the Byzantines. Despite the Church's opposition to such beliefs, they persisted and gained adherents even among the educated clergy.

Keywords: Late Byzantium, canonical answers, erotapokriseis, Joasaph of Ephesus, George Drazin, Byzantine folk beliefs, Gello, Gelloudes, phylacteries, healing formulas, spells, «The Testament of Solomon».

Введение. Исследование феномена народной религиозности находится на стыке многих гуманитарных дисциплин. Известно, что наибольших успехов в изучении вопросов народной религиозности достигли медиевисты, давно отказавшиеся от позиции рассмотрения религии народа и народной культуры в разных ее проявлениях сквозь призму теории пережитков. Интерес к изучению этой темы существует и среди византинистов. Однако нужно признать, что степень изучения византийских источников по интересующей нас проблеме куда более скромная в сравнении с изучением западноевропейских средневековых источников³.

Вместе с тем необходимо заметить, что некоторые трудности в изучении феномена народной религиозности вызывает тот факт, что византийские интеллектуалы, как светские, так и церковные, редко уделяли внимание той повседневной религиозной жизни, которая протекала за пределами храмов и монастырей. Свидетельства о верованиях и культовых практиках рядовых обитателей городов и деревень встречаются в их сочинениях крайне редко. Тем ценнее для изучения проблем «народной религиозности» сведения о религиозном сознании и поведении, сохранившиеся в канонико-правовых памятниках и, в частности, в канонических ответах Иоасафа Эфесского, появившихся на излете византийской истории и содержащих описание реалий повседневного церковного быта византийцев.

Об авторе «вопросоответов». Несмотря на скудость сведений о жизни Иоасафа Эфесского, А. Коракидис убедительно показал, что дипломат Иоанн Владинтер и настоятель

³ Эта проблема поднималась Н. Д. Барабановым. См.: (Barabanov 2005: 154–161).

монастыря Продрома и великий протосинкелл и иеромонах Иоасаф являются одним человеком (Korakidis 1992: 21–63)⁴. Иоасаф родился в последней четверти XIV в. на Пело-поннесе; состоял на службе у деспотов Мореи; был одним из представителей Константинополя на Констанцском соборе⁵ (в 1418 г.) и во Флоренцию (в 1419 и 1421). Около 1424 г. принял монашеский постриг с именем Иоасаф и был рукоположен. В 1423–1431 гг. пребывал в константинопольском монастыре Продрома, став в 1431 г. его настоятелем и оставаясь в этом качестве вплоть до поставления на эфесскую кафедру в 1433 г. (Bernatsky 2015: 184–185; Trapp 2001: 1796 (ст. 8916 Ἰωάσαφ); Beck 1959: 788).

Иоасафу выпало на долю, как сообщает историк Сильвестр Сиропул, войти в состав посольств к римским папам Мартину V (1417–1431 гг.) и Евгению IV (1431–1447 гг.) для переговоров о созыве собора для объединения Западной и Восточной Церквей⁶. Совместным решением императора Иоанна VIII Палеолога и константинопольского патриарха Иосифа II Иоасаф (а также митрополит Антоний Ираклийский) был назначен от архиереев

⁴ Сведения об их церковно-дипломатической деятельности обнаруживаются в воспоминаниях (Ἀπομνημονεύματα) о Ферраро-Флорентийском соборе поздневизантийского историка Сильвестра Сиропула, иногда отождествляемого с константинопольским патриархом Софронием I Сиропулом (об этом см., например: Laurent 1968: 250). См.: Bernatsky 2015: 184–185; Laurent 1971: 140–148, 164–172.

⁵ В этой связи важно упомянуть, что другим участником посольства в Констанц был Иосиф Вриенний, оставивший богатое письменное наследие (богословские трактаты, проповеди, письма) и затрагивавший тему религиозного сознания своих современников. См.: Varabanov 2011: 28.

⁶ Сиропул указывает, что Иоасаф, прежде ходивший к папе Мартину (τὸν πρῶτως ἀπλόντα εἰς τὸν Μαρτῖνον), был избран в состав посольства к папе Евгению вместо настоятеля Манганского монастыря иеромонаха Макария Куруна: Ἐξελέξαντο δὲ αὐτ’ ἐκείνου τὸν πρῶτως ἀπλόντα εἰς τὸν Μαρτῖνον, ἡγουμένον τοῦ Προδρόμου καὶ μέγαν πρωτοσύγκελλον ἱερομόναχον κύρ Ἰωάσαφ, ὃς καὶ ἐτοιμασθεὶς μετ’ οὐ πολὺ ἐξέπλευσε μετὰ τοῦ Ἰάγαρι καὶ τοῦ Κλειδᾶ, καὶ ἀπῆλθον πρὸς τὸν πάπαν Εὐγένιον (Избрали же вместо него (то есть вместо Макария Куруна — А. А.) ходившего прежде к Мартину настоятеля Продрома и великого протосинкелла иеромонаха кир Иоасафа, который же, вскоре подготовившись, отплыл вместе с Ягарем и Клидой, и отправились они к папе Евгению). См.: Laurent 1971: 122. О церковной политике и дипломатии этого периода см.: Lomize 1994: 104–110.

(ἐκ τῶν ἀρχιερέων) участником проходивших в 1435 г. переговоров с послами Базельского собора (1431–1449 гг.) в Константинополе⁷. В 1436 г. Иоасаф был назначен местоблюстителем Антиохийского патриарха на предстоящем униональном Соборе. В апреле 1437 г. Иоасаф умер, при участии императора Иоанна VIII Палеолога преемником Иоасафа на кафедре Эфесской митрополии стал свт. Марк Евгеник, который был известным противником Флорентийском унии. Таким образом, Иоасаф Эфесский был заметной фигурой в истории Церкви поздневизантийского периода и участником крупных исторических событий своего времени.

Нам известны шесть сочинений, атрибутируемых Иоасафу. Все они сохранились и были изданы⁸: «О характере [надгробной] речи» и «Надгробные стихи к Иоанну Нотаре» (написаны до принятия монашеского пострига в 1424 г.), а также «Толкование молитвы “Всесвятая Троица”» (ок. 1424 г.), гомилия на «Свете тихий», посланием к некоему «монаху Нилу» (1424–1431 гг.) и «Вопросоответы к Георгию Дразину».

О вопросоответах к Георгию Дразину. «Вопросоответы» являются наиболее известным сочинением Иоасафа, представляя собой памятник византийского церковного права XV в. Несмотря на то, что в рукописной традиции «вопросоответы» представлены далеко не в многочисленных списках, сама эта традиция, об особенностях которой пишут первый издатель ответов А. И. Алмазов (Almazov 1903: 3–9)⁹ и А. Коракидис (Korakidis 1992: 21–63), представляется не такой простой. В. Н. Бенешевич (Beneshevich 1904b: 232) датирует составление ответов Иоасафа временем не позднее 1437 г., поскольку в этот год он скончался во время приготовлений к поездке на Флорентийский

⁷ Laurent 1971: 140: Ἐτάχθη οὖν ἵνα πρὸς τοῦτο (имеется в виду встреча и переговоры — А. А.) ὑπάρχῳσιν ... ἐκ τῶν ἀρχιερέων ὁ Ἐφέσου κῦρ Ἰωάσαφ καὶ ὁ Ἡρακλείας κῦρ Αντώνιος (то есть вместо Макария Куруна — А. А.).

⁸ Наиболее полное критическое издание сочинений Иоанна-Иоасафа было подготовлено А. Коракидисом (Korakidis 1992: 67–248).

⁹ Об особенностях издания текста см. также две заметки Бенешевича: (Beneshevich 1904a: 866–868; Beneshevich 1906: 525). Несмотря на некоторую критику В. Н. Бенешевича, издание А. И. Алмазова получило положительную оценку современников (см.: Sokolov 1903: 211–214; Krasnozhenn 1904: 169–174).

собор. А с учетом надписания текста, где указано, что ответы принадлежат иеромонаху и великому протосинкеллу Иоасафу (Ἰωάσαφ ἱερομονάχου καὶ μεγάλου πρωτοσυγγέλου ἀποκρίσεις πρὸς τὰς ἐρωτήσεις ἃς ἠρώτησεν ὁ εὐλαβέστατος ἐν ἱερεῦσι κύρ Γεώργιος ὁ Δραζίνος), их появление датируется временем до 1433 г. (около 1430 г.).

Содержание вопросов носит литургико-канонический характер и затрагивает широкий спектр богослужебных, канонических и пастырских проблем. В силу практической направленности «вопросоответы» получили широкое распространение в Византии (Korakidis 1992: 191–194). Кроме того, восемь «вопросоответов» (2, 3, 17, 18, 19, 42, 53, 54) вошли в составе приложения в славянский «Номоканон», который издается при Требнике, а в качестве приложения к нему идут «Различные главизны, собранные от инаго Номоканона».

Текст состоит из 58 вопросоответных блоков, весьма разносторонних по содержанию. Они касаются различных аспектов общественного и частного богослужения и церковной обрядности, почти всех церковных таинств, вопросов места совершения богослужения, отношений мирян и священнослужителей. Итак, весь текст можно распределить по следующим тематическим кластерам: совершение богослужения, включая литургию, вечерню, литургию преждеосвященных даров, соблюдение канонического поста (1–14, 56–58); об использовании освященного еля (15); о духовниках (16, 17, 19–21); о монашестве (18, 19, 43–46); о крещении, водоосвящении и богоявленской воде (18; 23–27, 33, 46, 50); о таинстве брака и его совершении (18, 28–32, 48); о значении храма (34–36); о погребении и поминовении (22, 37–42, 44, 45, 51, 52); богословский (47); этические (45, 48–49); мировоззренческие (53, 54). Отдельные вопросоответы, как кажется, не представляют какого-то особого богословского интереса, однако есть среди них весьма любопытный материал по истории византийской духовной культуры, который можно отнести к области народной религиозности. В частности, речь идет о вопросоответах 42, 45, 53, 54, в которых получило отражение религиозное поведение анонимных современников Иоасафа и где говорится о верованиях ромеев в мертвецов-вампиров (καταχθόνιος), Гилу (γίλουδα), привидения и призраков (φαντάσματα), о ворожбе (γοητεία) и использовании оберегов (φυλακτά, πεντάλφα). Ниже

приводим перевод избранных вопросоответов по изданию А. Коракидиса и комментарий к ним.

Перевод и комментарий

[Вопросоответ] 42. Вопрос. Если найдется мертвый, называемый у нас преисподник (καταχθόνιος), как должно быть в отношении него? Ответ. Хотя этого нет, диавол однако, желая оболстить кого-либо сделать что-то неподобающее к возмущению и гневу Бога, делает такие знамения; часто и в ночи он внушает (φαντάζει) некоторым, как будто приходит некто, кого они знали прежде, и разговаривает с ними; бывает тогда, что он и предсказывает нечто; иногда представляют, что видят того самого в пути или стоящим, или ходящим, кто в свое время уже умер; возбуждает же их [диавол — А. А.], и раскапывают они гроб, чтобы увидеть останки [трупа — А. А.], и так как не имеют совершенной веры, преображается диавол и облачается в мертвое тело, и многодневный или многолетний мертвец (νεκρός) кажется недавним (νεαρός) и имеющим плоть, и кровь, и ногти, и волосы; тогда несчастные бросаются к огню и, собрав дрова, жгут останки (трупа — А. А.) и истребляют (μεταφανίζουσι) их огнем, самих же себя направляют в вечный тот огонь на сожжение подобно тому, как сами сожгли останки; и останки, однажды сожженные, были теперь уничтожены, но в день воскресения восстанут и будут судиться с теми, которые и будут [затем] опалены вечным огнем в бесконечное наказание (ἀθάνατα κολαζόμενοι), если подлинно не покаются, в чем прегрешили, и не будут горько [это] оплакивать; поэтому старайся, насколько есть сил, убедить людей, чтобы не думали, что такое существует, ибо ничего [этого] нет.

Комм. Народные верования в мертвецов-вампиров (καταχθόνιος¹⁰) у византийцев имели славянское происхождение («вуркулаки, вурдалаки, волколаки, волкодлаки») через богомилов¹¹, однако на греческой почве они претерпели некоторые

¹⁰ Kriaras 1982: 76. Подробнее о греческих мертвецах-вампирах см.: Schmidt 1871: 157–171.

¹¹ Так А. С. Павлов сообщает, что при константинопольском патриархе Михаиле II Куркуасе (1143–1146) были осуждены и анафематствованы по обвинению в ереси богомилства два епископа — Климент и Леонтий — за то, что вырывали из могил трупы людей, признаваемых

изменения¹². Как указывает А. С. Павлов, в рукописи 1756 г., по которой он приводит греческий текст того же самого «вопросо-ответа» в составе Номоканона, содержится пояснение для слова *καταχθόνιος* — ἡγουν βουρκόλακος (Pavlov 1897: 147–150). Согласно народному верованию, поднимаясь из своих гробов, преисподники, стать которыми мог любой порочный и преступный человек, умерший под церковным проклятием¹³, бродили по знакомым домам и местам, нападали на живых и высасывали их кровь. Единственное орудие от этих скитаний мертвецов-вампиров было вырыть останки покойного, предать их огню и окуриться исходящим дымом, что согласно статье 21 Номоканона при Большом Требнике наказывается шестилетним церковным отлучением. Собственно, об этой народной практике и свидетельствует ответ Иоасафа Эфесского, и от обращения к ней он побуждает Георгия Дразина удерживать людей. Последнему Иоасаф объясняет, что верования в мертвецов-вампиров тщетны и не имеют оснований, поскольку они не более чем внушение дьявола и привидение. Неистлевающие в виду церковного проклятия тела умерших людей воспринимались как знамения такого проклятия. В этих случаях использовались особые разрешительные церковные молитвы (εὐχή συγχωρητική εἰς τεθνεῶτα), которые можно найти, например, в «Евхологии» Ж. Гоара (Goar 1647: 684–690). В нем говорится, что эти молитвы читаются архиереями и главное в них прошение выражается такими словами: τὸ σῶμα αὐτοῦ [εἰς τὰ] ἔξ ὧν συνετέθη διάλυσον.

[Вопросоответ] 45. Вопрос. Грех ли ворожить (γοητεύειν) раны или налагать поверх ран повязки? Ответ. Это совершенно чуждо христианам. Ибо хотя и имена святых призывают в ворожбе (γοητεία), однако ж изобрел это для обмана диавол, понемногу отдаляя от Бога применяющих [это] и к себе приставляя. Поэтому таковых законы наказывают безжалостно. Подобным же образом и делающих обереги (φυλακτά), и их

грешниками, и утверждали, что в них обитают демоны: Pavlov 1897: 145–146. См. также: Angold 1995: 77–79.

¹² Проблема истоков верования в вуркулаков поднимается Н. Д. Барбановым (Barabanov 2021: 297–302).

¹³ Д. Лоусон выделил девять категорий лиц, наиболее подверженных риску стать такими мертвецами-вампирами (вуркулаками): Lawson 1910: 375–376.

носящих святые отцы определяют не причащать в течение пяти лет и [делать] триста покаянных поклонов. То же самое и в отношении делающих так называемые пентальфы и дающих [их] людям или скоту для врачевания от бешенства (λύσσης).

Комм. Из первой части вопроса следует, что Георгий Дразин под наложением повязок на раны подразумевает (конечно, с целью остановить кровотечение) не столько медицинское их врачевание, сколько использование наряду с методами «традиционной медицины» особых заговоров и врачевальных молитвенных формул, каковые в Византии не были редкостью. Вероятно, что *πληγή* здесь означает именно кровоточащую рану¹⁴. Нам известно несколько врачевальных формул: для прекращения кровотечения вообще: *ὅταν τρέχη αἷμα ἀνθρώπου* (Almazov 1901: 95 (№ 16), для прекращения носового кровотечения: *εὐχὴ εἰς τὸ στήσαι αἷμα* (Almazov 1901: 95 (№ 15), на истечение месячной крови у женщин: *εἰς γυνήν* (sic!) *ρέουσιν αἷμα* (Vassiliev 1893: 340 (№ 23). Первая представляет собой краткий заговор с требованием написать на лбу больного его же кровью (*πίασε ἀπὸ τοῦ αἵματος καὶ γράσων εἰς τὸ μέτωπον*) такие три слова: *πάξ, κρούς, ὥς*¹⁵. Вторая формула по своему содержанию весьма похожа на церковную молитву и частично повторяет молитву помазания, которая входит в последование таинства Елеосвящения (*ἀκολουθία τοῦ ἁγίου ἐλαίου*) и после прочтения которой священник помазывает, в частности, ноздри больного. «Молитвами Богородицы и Приснодевы Марии, силой честного и животворящего Креста, предстательством честных Бесплотных Сил Небесных, честного славного пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна, святых и исцелителей бессребренников Космы и Дамиана, Кира и Иоанна, Пантелеимона и Ермолая и прочих бессребренников, а также святой великомученицы Анастасии»¹⁶ испрашивается исцеление больного. Э. Легран приводит иной текст заговора для той же цели (*περὶ τοῦ στήσαι*

¹⁴ А. И. Алмазов придерживается того же мнения (Almazov 1903: 59).

¹⁵ По мнению А. И. Алмазова, это могут быть написанные по-гречески латинские слова *рах, сгух, ос*: (Almazov 1901: 46).

¹⁶ В цитируемом фрагменте формула фактически полностью совпадает с молитвой помазания. В определенном смысле эту формулу можно назвать апокрифической молитвой.

αἵμα ἀπὸ ρῖναν¹⁷ ἀνθρώπου¹⁸) с характерным заключительным выражением, которое нередко встречается в византийских заговорах и заклинаниях: στῶμεν καλῶς, στῶμεν μετὰ φόβου θεοῦ, ἀμήν. Слова эти составляют часть возгласа, которым начинается евхаристический канон литургии. Их включение в текст врачевальной формулы, вероятно, должно было служить к убеждению практиковавших в действенности и силе самой этой формулы. Предостерегая от ворожбы и отсылая к законам, Иоасаф мог иметь в виду постановления канонов Трулльского (61, 65), Анкирского собора (24) и Лаодикийского (36) соборов и правил Василия Великого (7, 65, 72, 81, 83), Григория Нисского (3), Иоанна IV Постника (περὶ γοητείας (2) — разумеется, в правке Матфея Властаря)¹⁹. Наказание, которое определяется этими канонами и правилами, строгое и может предполагать как многолетнюю епитимию, так и извержение из сана в зависимости от степени греха. Относительно же распространенности в поздней Византии практики использования и изготовления оберегов (предохранительных талисманов, филактериев), к которым следует отнести и упомянутые в ответе Иоасафа пентальфы²⁰ (пентаграммы), красноречиво свидетельствует Феодор

¹⁷ Относительно слова ρῖνα см.: *Lexikon* 2011: 1505.

¹⁸ Legrand 1881: 13. Отметим, что в издании Э. Леграна есть весьма пространный заговор для врачевания раны и операций (εἰς πληγὴν καὶ πᾶσαν τομὴν ὠφέλιμον). Построен он в форме диалога между Иисусом и тремя прекрасными и добродетельными братьями (τρεῖς καλοὶ ἀδελφοὶ ἀνενόχλητοι, ἀτάραχοι καὶ ἀσκανδάλιστοι), которые пришли на гору Елеонскую в поисках целебных трав (βότανα καὶ ὠφελοῦσιν) для восстановления после оперативного лечения и от разного рода болезней и недугов (εἰς πᾶσαν τομὴν καὶ εἰς πᾶσαν πρᾶξιν καὶ εἰς πᾶσαν νόσον καὶ εἰς πᾶσαν μαλακίαν). См.: Legrand 1881: 25.

¹⁹ См.: Rallis, Potlis 1852 (Vol. 2): 442–447, 456–460; Rallis, Potlis 1853 (Vol. 3): 66–68, 203–206; Rallis, Potlis 1854 (Vol. 4): 110–112, 221–222, 232–233, 245–248, 250–253, 434–435.

²⁰ Украшения и перстни с изображением пентальфы были широко распространены как в самой Византии, так и у народов, которые были втянуты в ее орбиту. Такие находки есть, например, в крымском Херсонесе в слое X–XII вв. и Лучистинском могильнике в захоронении, датированном VII–VIII вв. (Khairidinova 2014: 186). Такие украшения использовались как обереги от действий демонов. Изображение знака пентальфы на перстне связано с изложенной в «Завещании Соломона» историей о кольце с печатью, которое было передано

Вальсамон в своем толковании на 61-е правило Трулльского собора, их запрещающее: «Если бы я имел время рассказать, сколько я видел таких случаев (речь об использовании талисманов — *А. А.*), избличенных на соборном суде, большое бы о них составил сочинение» (Rallis, Potlis 1852, vol. 2: 446). Также отметим, что для уврачевания от бешенства, упомянутого в конце ответа Иоасафа, также существовали самостоятельные формулы: *ιατρικὸν διὰ τὴν λύσσαν* (Legrand 1881: 19–20), *ἐξορκισμὸς τῆς λύ(σ)σας, εἰς λύσσαν* (Vassiliev 1893: 335, № 10–11).

[Вопросоответ] 53. Вопрос. Существуют ли в действительности жены, которых называют «гилудами», которые выпивают кровь младенцев и умерщвляют их? Ответ. Это дьявольский обман, и никоим образом пусть не принимается он. Потому что как в отношении мертвых, которых называют преисподниками, творит он (дьявол — *А. А.*) соблазн, так и здесь побудил некоторых подозревать худое о людях. Поэтому, сколько у тебя есть сил, возбраняй говорящих что-либо подобное [ибо это — погибель].

Комм. Верование в детоубийственное демоническое существо женского пола по имени «Гилу, Гилуда, Гелло» (Vasmer 2004: 406; Kirpichnikov 1891: 3–4 (NB прим. 2 на с. 4); Andriotis 1967: 63), которое изначально обитало на острове Лесбос²¹ и, вероятно, довольно быстро распространилось в греческом мире, было еще очень живо в греко-византийском Средневековье (Schmidt 1871: 139)²², о чем свидетельствует ряд упоминаний. В источниках встречаются различные варианты написания имени демонички (некоторые из них под очевидным влиянием омофонии и

Богом через архангела Михаила Соломону для подчинения демонов его власти. Изображение печати на этом кольце описано в этом апокрифическом памятнике следующим образом: *ἡ δὲ γλυφὴ τῆς σφραγίδος τοῦ δακτυλιδίου τῆς πεμφθείσης ἔστιν πεντάλφα αὕτη* (изображение же печати на перстне, [тебе] направленной, таково: пентальфа). См.: Istrin 1898: 30; McCown, 1922: 100* (sic!).

²¹ Место обитания Гилу связывается с наиболее ранним упоминанием о ней в не дошедшем до нас, но фрагментарно сохранившемся в передаче Зиновия (117–138 н.э.) стихотворении Сапфо (625–570 до н.э.), в котором она называет свою соперницу как *Γέλλως παιδοφιλωτέρα* («чадолюбивее (чем) Гелло»). См.: Edmonds 1922: 252–253.

²² Некоторые заметки об истории греческого верования в мифическое существо «гилу» также см.: Almazov 1901: 62–63.

итацизма): Γέλλοῦ, Γελοῦ, Γελοῦ, Γέλου, Γηλλοῦ, Γηλος, Γυλλοῦ, Γυλοῦ, Γίλοῦ, Γίλου, Γίλλω, Γίλω, Γυαλοῦ, Γιαλλοῦ, Γελοῦδα, Γιλούδα²³. Этимология имени Гилу до сих пор остается непроясненной: рассматривались варианты ближневосточного (шумерского, ассирийского, семитского)²⁴ и греческого происхождения имени²⁵. Как указывает О. В. Чёха, новогреческая фольклористика принимает народное толкование, сближающее имя Гилу с греч. γιᾱλός («морской берег»), то есть «живущая на морском побережье» (Tchoekha 2017: 289; Passalis 2014: 131)²⁶. Основная функция Гилу заключается именно в умерщвлении младенцев. Одно из наиболее интересных, по нашему мнению, описаний демоницы содержится в небольшом трактате περὶ τῆς Γίλλοῦς в «Толкованиях народных суеверий» византийского ученого-энциклопедиста Михаила Пселла (1018 — ок. 1078 или 90-е гг. XI в.), где исхудалые и изможденные маленькие дети названы Γίλλόβρωτα, то есть «пища (для) Гилу». Относительно Гилу Пселл указывает, что это существо с крыльями, которое, тайно проникая в дом к новорожденным (ἄφανῶς εἰσοικίζει τοῖς βρέφεσιν), принимается их «высасывать» (θηλάζειν), пока всю содержащуюся в младенцах жидкость (видимо, имела в виду прежде всего кровь) не вытянет (πᾶσαν τὴν ἐν τοῖς βρέφεσιν

²³ Формы на -οῦ следует рассматривать как более народные. Подробнее об именовании Гилу см.: Tchoekha 2017: 295.

²⁴ См., например: Fauth 1999: 401–425.

²⁵ Не останавливаясь на этом вопросе подробно, укажем, что П. Шантрэн возводил этимологию имени Гилу/Гелло к γελεῖν и γέλως (Chantraine 1968: 215). Это соотносится с представлением, описанным А. Х. Бутурасом о том, что нимфа Гелло вызывает у детей во время сна смех, с помощью которого их обнаруживает: «...τὸν γέλωτά του προξενεῖ ἢ κακοποιὸς Νύμφη Γελλώ...» (Boutouras 1931: 46–47). Также отметим, что оригинальную этимологию имен Гилу предложил И. Д. Мансветов, соотносивший Гилу с демоницей Авизу и демоном Овизу и возводивший эти имена к греч. ἄβυσσος («бездна») и βύζω, βυζαίνω («сосать (грудь)») и предлагал понимать его как «высасывающая из человека кровь, силы или что-то другое» (Mansvetov 1881: 32).

²⁶ В. Фаут связывает эпитет Гилу γιᾱλός с Афродитой Пелагией (Fauth 1999: 411). Н. П. Андриотис в своем этимологическом словаре называет Гилу ламией (Andriotis 1967: 63). Согласно Павсанию, Ламия была дочерью Посейдона: Павсаний. Описание Эллады X. 12. 1.

ἀπορροφῶν ὡσπερ ὑγρότητα (Sathas 1876: 573))²⁷. В первой части упомянутой статьи Пселл пишет, что ни в научных трактатах (τοῖς Λογίοις), ни в «волшебных» (ἀγυρτικάις) книгах Порфирия²⁸ с этим именем ему встречаться не доводилось, а известно оно ему из одного еврейского апокрифа²⁹ (τὸν Σολομῶντα ποιεῖται ὑπόθεσιν, то есть «под именем Соломона»), автор которого рассказывает историю о Соломоне и демонах (очевидно, имеется в виду весьма популярное в грекоязычном мире вплоть до XVIII в. «Завещание Соломона», где сообщается о том, как царь Соломон получил власть над демонами (Hartnup 2004: 46)). Это может говорить о том, что Михаил Пселл считал представления о гилу не греческого происхождения, а заимствованными.

В сборнике «De Graecorum hodie quorundam opinionationibus» (О некоторых современных греческих представлениях), опубликованном Львом Алляцием в 1645 г., содержится в двух греческих редакциях, сопровождающихся латинским переводом, история о преследовании Гилу двумя святыми Сисинием и Синидором. Здесь она представляется наделенной способностью летать и менять свою форму по желанию: так, чтобы избежать преследователей, сначала Гилу превращается в рыбу, затем в ласточку, затем в козлиный волос, а в конце, увидев, что это все безрезультатно, снова принимает облик женщины. Святые³⁰ наказывают Гилу и при этом говорят ей: «Перестань, мерзкая Гилу, не убивай детей христиан» (Παῦσαι, μιὰρὰ Γύλου, μὴ ἀποκτείνῃς τὰ βρέφη τῶν Χριστιανῶν). Гилу, опасаясь за свою жизнь, сообщает им средство, с помощью которого люди могут защитить себя от неё. Средство это заключается в знании ее

²⁷ О. В. Чёха отмечает, что в ранних сообщениях о Гилу ее функция состоит только в удушении младенцев, а мотив высасывания крови является поздним (Tchoekha 2017: 293).

²⁸ По всей видимости, имеется в виду неоплатоник Порфирий, который придавал большое значение мистике. Столь эмоциональный эпитет ἀγυρτικάις (букв. «шарлатанский»), используемый Пселлом по отношению к сочинениям Порфирия, можно объяснить неприятием полемических работ последнего против христианства.

²⁹ Ἀπόκρυφον δέ μοι βιβλίον ἐβραϊκὸν τοῦτο τὸ ὄνομα προσέπλασεν (Sathas 1876: 572).

³⁰ Необходимо отметить, что есть варианты этой легенды, когда ловит Гилу и дознается о средстве, ее изгоняющем, архангел Михаил.

двенадцати с половиной имен, которые звучат следующим образом: Γυλοῦ, Μωρρῆ, Βυζοῦ, Μαρμαροῦ, Πετασία, Πελαγία, Βορδόνα, Απλετοῦ, Χαμοδράκαινα, Αναβαρδαλία, Ψυχοανασπαστρια, Παιδοπνίκτρια; половинное: Στρίγλα. Эта легенда легла в основу так называемых «Сисиниевых» молитв и заговорных формул от враждебных действий Гилу³¹. Были распространены и другие средства от действий Гилу. Во-первых, написать и заложить над входом в дом такие слова: ὁ ἅγιος Λογγῖνος ὧδε κατοικεῖ (Almazov 1901: 108 (№ 50)). Под святым Лонгином, очевидно, имеется в виду римский сотник Лонгин, который был свидетелем страданий Христа. Призывание Лонгина на защиту дома и его домочадцев (прежде всего беременных женщин и новорожденных детей) может быть связано с тем, что согласно церковному преданию он был стражем при Кресте и Гробе Господнем. И во-вторых, применялись специальные обереги-амулеты: так, например, в Лучистинском могильнике в погребении VII–VIII вв. археологами были обнаружены медальоны с изображением святых всадника и Мины. Как указывает Э. А. Хайрединова, они предназначались для защиты от Гилу, и носили их как женщины, так и младенцы (Khairedinova 2014: 186; Khairedinova 2020: 88–89)³².

[Вопросоответ] 54. Вопрос. Относительно же того, как некоторые видят привидения (φαντάσματα) в пути, — (ответ) такое бывает от демонов по попущению Бога. Ибо люди вместо какого-либо иного благого и доброго слова языком упоминают диавола и, когда постоянно его к себе призывают, он охотно приходит к ним, когда отступает Бог.

Комм. Речь идет о веровании в привидения. Этот вопросоответ перекликается с рассматриваемым нами выше вопросоответом 42, где Иоасаф говорит, что по внушению диавола к

³¹ Некоторые из этих молитв (εὐχή τῆς γυλοῦς) см.: (Sathas 1876: 576–578). А. И. Алмазов отмечает, что последняя формула в издании К. Н. Сафаса издана с пропуском. См.: (Almazov 1901: 6, прим. 13). О. В. Чёха указывает, что впервые тексты молитв-заговоров против Гилу встречаются именно у Пселла (Tchoekha 2015: 312).

³² Об исследовании византийских филактериев, на которых присутствует магическая надпись с упоминанием «истеры» (ἰστέρη «матка») и которые могли использоваться в том числе против Гилу, см.: (Barabanov 2019: 316–330).

некоторым будто бы является в пути некий знакомый, но уже умерший человек и разговаривает с ними. Д. Лоусон, отмечая очевидное дохристианское происхождение этого верования, объединяет верования в *φάντασμα*, или *φαντάσματα* и *σφαιταχτά* (на Крите), *ξαφνικά*, *εἰδωλικά*, *ἁερικά* в один класс и описывает *φαντάσματα* как нечто быстрое и внезапно появляющееся и исчезающее (Lawson 1910: 68). Очевидно, что в существование этих призраков верил и Дразин.

Заключение. В ряду подобных с точки зрения жанра и характера происхождения памятников ответы Иоасафа Эфесского являются очень редким и мало изученным документом. С известной долей условности, приведенные в ответах данные можно считать отражением развития непростых отношений «ученой религии» и «религии народной» в Византии. Ответы Иоасафа констатируют, насколько в XV в. были распространены апокрифические врачевальные формулы, заговоры и заклинания, а также различные суеверия, связанные, в частности, с представлениями о мертвецах-вампирах и Гилу. Очевидно, что они находило для себя последователей даже среди культурного класса и образованного духовенства (в противном случае Георгий Дразин не обращался бы с такого рода вопросами). Стремление Церкви противодействовать различного рода суевериям и использованию «медицинских» формул и оберегов, выраженное в канонах соборов и правилах святых отцов, не увенчалось успехом. Нескрываемые свободным от этих суеверий Иоасафом упреки и негодования в адрес Георгия Дразина и тем, от чьего лица он обращается к Иоасафу с вопросами, с одной стороны, свидетельствуют об этой религиозной практике, а с другой могут стать некоторым подспорьем для создания очерка религиозной византийской этнографии. Задача изучения этой сферы видится в том, чтобы попытаться понять, какие представления могли стоять за теми явлениями, которые упомянул и на которые реагировал Иоасаф.

Литература

- Angold, M. 1995: *Church and Society in Byzantium under the Comneni, 1081–1261*. Cambridge, N. Y.
- Andriotis, N. P. 1967: Ετυμολογικό λεξικό της κοινής νεοελληνικής. Θεσσαλονίκη.

- Almazov, A. I. 1903: *Canonical answers of Joasaph, Metropolitan of Ephesus (a little-known monument of the law of the Greek Church of the 15th century): Text and translation with a preliminary essay and notes*. Odessa.
- Алмазов, А. И. 1903: *Канонические ответы Иоасафа, митрополита Эфесского (малоизвестный памятник права Греческой церкви XV века): Текст и перевод с предварительным очерком и примечаниями*. Одесса.
- Almazov, A. I. 1901: [Apocryphal prayers, spells and incantations (to the history of Byzantine renounced writing)]. Odessa. Алмазов, А. И. 1901: Апокрифические молитвы, заклинания и заговоры (к истории византийской отреченной письменности). Одесса.
- Barabanov, N. D. 2019: [Hair-Snakes. To the Issue of the Semantics of Byzantine Phylacteries with “Hystera”]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations] 24. 6, 316–330.
- Барабанов, Н. Д. 2019: Волосы-змеи. К проблеме семантики византийских филактериев с «истерой». *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения* 24. 6, 316–330. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.25>.
- Barabanov, N. D. 2011: [Are They Worthy of Being Called Christians? Joseph Bryennios on the Religiosity of the Byzantines of the 15th Century]. In: *Rossijskoe vizantinovedenie: Tradicii i perspektivy: tez. dokl. XIX Vserossijskoj nauchnoj sessii vizantinistov* [Russian Byzantine Studies: Traditions and Prospects: Abstracts of the 19th All-Russian Scientific Session of Byzantinists]. Moscow, 27–29.
- Барабанов, Н. Д. 2011: Достойны ли именоваться христианами? Иосиф Вриенний о религиозности византийцев XV в. В сб.: *Российское византиноведение: Традиции и перспективы: тез. докл. XIX Всероссийской научной сессии византинистов*. М., 27–29.
- Barabanov, N. D. 2005: [The problem of public religiosity in modern historiography: lessons of medieval studies]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations] 10, 154–161.
- Барабанов, Н. Д. 2005: Проблема народной религиозности в современной историографии: уроки медиевистики. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения* 10, 154–161.

- Barabanov, N. D. 2021: [Byzantine Folk Demonology. Vourkolaki. The Problem of the Origins of Belief]. In: *XIII Mezhdunarodnyj Vizantijskij seminar «Χερσῶνος θέματα»: «Imperiya» i «polis»: materialy nauchnoj konferencii [XIII International Byzantine Seminar «Χερσῶνος θέματα»: “Empire” and “polis”: Proceedings of the Scientific Conference]*. Simferopol, 297–302.
- Барабанов, Н. Д. 2021: Византийская народная демонология. Вурколаки. Проблема истоков верования. В сб.: *XIII Международный Византийский семинар «Χερσῶνος θέματα»: «Империя» и «полис»: материалы научной конференции*. Симферополь, 297–302.
- Beck, H. G. 1959: *Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich*. München.
- Beneshevich, V. N. 1904a: [To the “Answers” of Joasaph of Ephesus to George]. *Vizantijskij vremennik [Vizantiyskiy Vremennik]* 11. 3–4, 866–868.
- Бенешевич, В. Н. 1904: К «Ответам» Иоасафа Эфесского Георгию. *Византийский временник* XI. 3–4, 866–868.
- Beneshevich, V. N. 1906: [To the Answers of Joasaph to George]. *Vizantijskij vremennik [Vizantiyskiy Vremennik]* 12. 1–4, 525.
- Бенешевич, В. Н. 1906: К Ответам Иоасафа Георгию. *Византийский временник* XII. 1–4, 525.
- Beneshevich, V. N. 1904b: [Review of the book by A. I. Almazov, Canonical Answers of Joasaph, Metropolitan of Ephesus]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya [Journal of the Ministry of Public Education]* 351, 232.
- Бенешевич, В. Н. 1904: Рецензия на книгу А. И. Алмазова, Канонические ответы Иоасафа, митрополита Эфесского. *Журнал Министерства Народного Просвещения* 351, 232.
- Bernatsky, M. M. 2015: [Joasaph]. In: *Pravoslavnyaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]* 25, 184–185.
- Бернацкий, М. М. 2015: Иоасаф. *Православная энциклопедия* 25, 184–185.
- Boutouras, A. Kh. 1931: *Προλήψεις του ελληνικού λαού και ερμηνεία αὐτῶν. Ἐν Αθήναις*.
- Chantraine, P. 1968: *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots*. Vol. 1. Paris.
- Edmonds, J. M. 1922: *Lyra Graeca. Being the remains of all the Greek lyric poets from Eumelus to Timotheus excluding Pindar*. Vol. 1. London.
- Fauth, W. 1999: Der christliche Reiterfolge des Sisinnios-Typs im Kampf gegen eine vielnämige Dämonin. *Vigiliae christianae* 53. Leiden, Boston, Köln, 401–425.
- Goar, J. 1647: *Εὐχολόγιον sive Rituale Graecorum complectens ritus et ordines divinae liturgiae, officiorum, sacramentorum, consecra-*

- tionum, benedictionum, funerum, orationum... juxta usum Orientalis Ecclesiae. Paris.
- Hartnup, K. 2004: «On the Beliefs of the Greeks»: *Leo Allatios and Popular Orthodoxy*. Leiden.
- Istrin, V. M. 1898: *Grecheskie spiski Zaveshchaniya Solomona* [Greek lists of the Testament of Solomon]. Odessa. Истрин, В. М. 1898: *Греческие списки Завещания Соломона*. Одесса.
- Khairedinova, E. A. 2014: Medallions with the image of a holy horseman from the burial ground near S. Luchistoye. In: *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the archeology, history and ethnography of Tavria] 19, 147–210.
- Хайрединова, Э. А. 2014: Медальоны с изображением святого всадника из могильника у С. Лучистое. В сб.: *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии* 19, 147–210.
- Khairedinova, E. A. 2020: [Byzantine Healing Amulets from Southwestern Crimea]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations] 6, 82–99.
- Хайрединова, Э. А. 2020: Византийские целительные амулеты из Юго-Западного Крыма. *Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения* 6, 82–99.
- Kirpichnikov, A. I. 1891: [New Byzantine Tale in Old Russian Literature]. In: *Trudy 7 Arheologicheskogo s'ezda v Yaroslavle* [Proceedings of the 7th Archaeological Congress in Yaroslavl] 2. Moscow, 1–8.
- Кирпичников, А. И. 1891: Новая византийская повесть в древнерусской литературе. В сб.: *Труды 7 Археологического съезда в Ярославле* 2. М., 1–8.
- Korakidis, A. 1992: *Ἰωάσαφ Ἐφέσου († 1437) (Ἰωάννης Βλαδύντερος): Βίος, ἔργα, διδασκαλία*. Ἀθήναι.
- Krasnozhen, M. E. 1904: [Review of: A. I. Almazov. Canonical Answers of Joasaph, Metropolitan of Ephesus. — Ditto. Unpublished Answers of the Patriarch of Constantinople Luke Chrysoverges and Metropolitan of Rhodes Nilus]. *Vizantijskij vremennik* [Vizantiyskiy Vremennik] 11. 1–2, 169–180.
- Красножен, М. Е. 1904: Рецензия на: А. И. Алмазов. Канонические ответы Иоасафа, митрополита Ефесского. — Он же. Неизданные ответы Константинопольского патриарха Луки Хризоверга и митрополита Родосского Нила. *Византийский временник* XI. 1–2, 169–180.
- Kriaras, E. G. 1982: *Λεξικό της Μεσαιωνικής Ελληνικής Δημόδους Γραμματείας* (1100–1669). Τ. 8. Θεσσαλονίκη.
- Laurent, V. 1971: *Les «Mémoires» du Grand Ecclésiarque de l'Église de Sylvestre Syropoulos sur le Concile de Florence (1438–1439)*. Paris.

- Laurent, V. 1968: Les premiers patriarches de Constantinople sous la domination turque (1454–1476). *Revue des études byzantines* 26, 229–263. DOI: 10.3406/rebyz.1968.1407
- Lawson, J. C. 1910: *Modern Greek Folklore and Ancient Greek Religion. A Study in Survivals*. Cambridge.
- Legrand, É. 1881: *Bibliothèque grecque vulgaire*. Vol. 2. Paris.
- Lexikon zur byzantinischen Gräzität, besonders des 9.–12. Jahrhunderts*. Hrsg. E. Trapp. 7. Faszikel (προσπέλασις–ταριχευτικός). Wien, 2011.
- Lomize, E. M. 1994: [The Patriarchate of Constantinople and the Church Policy of the Emperors from the End of the 14th Century to the Council of Ferrara-Florence (1438–1439)]. *Vizantijskij vremennik* [Vizantiyskiy Vremennik] 55 (80). 1, 104–110.
- Ломизе, Е. М. 1994: Константинопольская патриархия и церковная политика императоров с конца XIV в. до Ферраро-Флорентийского собора (1438–1439). *Византийский временник* 55 (80). 1, 104–110.
- McCown, C. C. 1922: *The Testament of Solomon edited from manuscripts at Mount Athos, Bologna, Holkham Hall, Jerusalem, London, Milan, Paris and Vienna with introduction*. Leipzig.
- Mansvetov, I. D. 1881: [Byzantine material for the tale of the twelve shakers]. *Drevnosti: Trudy imperatorskogo Moskovskogo arheologicheskogo obshchestva* [Antiquities: Transactions of the Imperial Moscow Archaeological Society] 9. 1, 24–36.
- Мансветов, И. Д. 1881: Византийский материал для сказания о двенадцати трясавицах. *Древности: Труды императорского Московского археологического общества* 9. 1, 24–36.
- Passalis, H. 2014: From Written to Oral Tradition. Survival and Transformation of St. Sisinnios Prayer in Oral Greek Charms. *Incantatio. An international Journal on Charms, Charmers and Charming* 4, 111–138.
- Pavlov, A. S. 1897: *Nomokanon pri Bol'shom Trebnike. Ego istoriya i teksty, grecheskij i slavyanskij, s ob'yasnitel'nymi i kriticheskimi primechaniyami. Opyt nauchnogo razresheniya voprosov ob etom sbornike, vznikavshih v proshlom stoletii v Svyatejschem Pravitel'stvuyushchem Sinode* [Nomocanon of the Great Trebnik. Its history and texts, Greek and Slavonic, with explanatory and critical notes. An attempt at scientific resolution of questions about this collection that arose in the last century in the Holy Governing Synod]. Moscow.
- Павлов, А. С. 1897: *Номоканон при Большом Требнике. Его история и тексты, греческий и славянский, с объяснительными и критическими примечаниями. Опыт научного разрешения вопросов об этом сборнике, возникавших в прошлом столетии в Святейшем Правительствующем Синоде*. М.

- Rallis, G. A., Potlis, M. 1852–1859: *Σύνταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων τῶν τε ἁγίων καὶ πανευφύμων ἀποστόλων, καὶ τῶν ἱερῶν οἰκουμενικῶν καὶ τοπικῶν συνόδων, καὶ τῶν κατὰ μέρος ἁγίων πατέρων*. 6 τ. Ἀθήνησιν.
- Sathas, K. N. 1876: *Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη ἢ Συλλογὴ ἀνεκδότων μνημείων τῆς ἑλληνικῆς ἱστορίας*. Τ. 5: Μιχαὴλ Ψελλοῦ ἱστορικοὶ λόγοι ἐπιστολαὶ καὶ ἄλλα ἀνέκδοτα. Ἐν Βενετία.
- Schmidt, B. 1871: *Das Volksleben der Neugriechen und das hellenische Alterthum. Erster Theil*. Leipzig.
- Sokolov, I. I. 1903: [Russia (bibliography)]. *Vizantijskij vremennik* [Vizantiyskiy Vremennik] 10. 1–2, 211–230.
- Соколов, И. И. 1903: Россия (библиография). *Византийский временник* X. 1–2, 211–230.
- Tchoekha, O. V. 2017: [Sisinia's Prayer in the Byzantine Tradition]. In: *Sisinieva legenda v fol'klornyh i rukopisnyh traditsiyah Blizhnego Vostoka, Balkan i Vostochnoj Evropy* [Sisinia's Legend in Folklore and Manuscript Traditions of the Middle East, the Balkans, and Eastern Europe]. Moscow, 242–304.
- Чёха, О. В. 2017: Сисиниева молитва в византийской традиции. В сб.: *Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы*. М., 242–304.
- Tchoekha, O. V. 2015: [Modern Greek transformations of the ancient Greek Gello]. In: *In Umbra: Demonologiya kak semioticheskaya sistema* [In Umbra: Demonology as a semiotic system] 4. Moscow, 309–328.
- Чёха, О. В. 2015: Новогреческие трансформации древнегреческой Гелло. В сб.: *In Umbra: Демонология как семиотическая система* 4. М., 309–328.
- Trapp, E. 2001: *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit*. CD ROM-Version. Wien.
- Vasmer, M. 2004: *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language] Vol. I. Moscow.
- Фасмер, М. 2004: *Этимологический словарь русского языка* Т. I. М.
- Vassiliev A. 1893: [Anecdota Graeco-Byzantina: Collection of monuments of Byzantine literature] Part 1. Mosquae.
- Vassiliev A. 1893: *Anecdota Graeco-Byzantina: Сборник памятников византийской литературы* 1. Mosquae.

Е. В. Антонец

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
evantonetz@yandex.ru

ПИСЬМО СИККО ПОЛЕНТОНА К НИККОЛО НИККОЛИ: ДВЕ РЕДАКЦИИ ТЕКСТА И ПЕТЕРБУРГСКАЯ РУКОПИСЬ LAT. F. XVIII.12 (РНБ)¹

В настоящей статье представлено новое критическое издание текста письма Сикко Полентона (1375/76–1446/47) к Никколо Никколи (1364–1437) в редакции, сохраненной в рукописи Lat. F. XVIII. 12 (РНБ). В письме Полентон рассказывает об обнаружении им в Падуе в 1413 г. так называемого «захоронения» Ливия. Это письмо — единственный источник наших знаний об этой находке. Одна редакция письма сохранилась в нескольких рукописях, другая, по-видимому, — исключительно в Петербургской рукописи Lat. F. XVIII. 12 (1452 г.) из собрания Российской национальной библиотеки. Рукопись была известна науке, но считалась утраченной. В статье дается сопоставительный анализ двух редакций письма, а также предлагается гипотеза, что Полентон составил два текста письма и отправил их Никколи или одновременно, или одно за другим.

Ключевые слова: Сикко Полентон, письмо к Никколи, гробница Ливия в Падуе, надпись CIL. 05, 02865, рукопись Lat. F. XVIII. 12 (РНБ), рукописная традиция, текстология.

Е. V. Antonets

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
evantonetz@yandex.ru

Letter from Sicco Polenton to Niccolo Niccoli: two revisions of the text and the Petersburg manuscript Lat. F. XVIII.12 (NLR)

This article presents a new critical edition of the text of the letter from Sicco Polenton (c. 1375–1446) to Niccolò Niccoli (c. 1364–1437), as preserved in manuscript Lat. F. XVIII. 12 (NLR). In the letter, Polenton recounts his discovery of Livy's 'burial' in Padua in 1413. This letter is our only source of knowledge regarding this discovery. Several manuscripts contain one version of the letter, while another version is apparently exclusively found in the Petersburg manuscript of Lat. F. XVIII. 12 (1452),

¹ Приношу глубокую благодарность Н. А. Елагиной и всем сотрудникам Отдела рукописей РНБ за помощь и содействие при работе с рукописью.

which is part of the collection of the National Library of Russia. This manuscript was previously known to scholars, but was considered lost. This article provides a comparative analysis of the two versions and suggests that Polenton wrote two versions of the letter and sent them to Niccoli either simultaneously or one after the other.

Key words: Sicco Polenton, letter to Niccoli, Livy's tomb in Padua, inscription CIL. 05, 02865, manuscript Lat. F. XVIII. 12 (NLR), manuscript tradition, textual criticism.

Наше сообщение посвящено тексту письма, которое Сикко Полентон (Sicco Rizzi Polenton, 1375/76–1446/47), один из значимых деятелей эпохи Возрождения, канцлер Падуи и автор грандиозного компендиума по римской литературе *Scriptorum illustrium Latinae linguae libri* («Жизнеописания знаменитых латинских писателей»)², написал знаменитому гуманисту Никколо Никколи (1364–1437). В этом примечательном документе Полентон подробно рассказывает о том, как он открыл в Падуе «гробницу» Тита Ливия с надгробной надписью, якобы отмечающей место захоронения великого римского историка (Ullman 1973: 53–57).

Плита с именем Тита Ливия (CIL. 05, 02865; 1–50 гг. н.э.) была найдена в Падуе около 1334 г. близ церкви Св. Юстины и помещена на стену вестибюля церкви. Петрарка (1304–1374), который посетил Падую в это время, по-видимому, принял участие в реставрации надписи (Petrarca, *fam.* XXIV 8, 22 февраля 1351 г.). В 1413 г. недалеко от места, где ранее нашли плиту с именем Ливия, открыли гробницу с человеческими останками. Было решено, что это захоронение Тита Ливия. Полентон, который тогда был государственным нотарием, торжественно вынес саркофаг с останками из монастыря. Саркофаг поместили в Palazzo della Ragione, а в городском совете

² Это произведение стало первым в Новое время обзором жизни и творчества римских и латинских писателей с Ливия Андроника до Петрарки. Мнения исследователей относительно того, можно ли считать его историей литературы в современном понимании, расходятся (Robathan 1932; Curtius 1949; Vessey 2004; Viti 2015; Shumilin, Samokhvalova 2016; Ruiz Arzalluz 2019; Ruiz Arzalluz 2022). Полное издание текста «Жизнеописаний» принадлежит Б. Ульману (Ullman 1928), недавно вышли новые издания отдельных биографий (Modonutti 2024; Banella, Modonutti 2020), а также сборник статей, посвященный творчеству Полентона (Molli, Benucci, Modonutti 2020).

началось обсуждение проекта строительства мавзолея Титу Ливию. Мавзолеем построен не был, но в первой половине XV в. стены Palazzo della Ragione украсили два небольших рельефа. Один рельеф в миниатюре воспроизводил изображение Ливия, которое планировалось разместить на мавзолее, а саркофаг с «останками» Ливия был помещен в стене за рельефом. В 1435–1436 гг. на стене Palazzo della Ragione появился еще один рельеф с изображением Ливия, а в 1547 г. плита с надгробной надписью Тита Ливия была извлечена из базилики Св. Юстины и также помещена на стену галереи Palazzo della Ragione (Tomasini 1630: 50–56; Morhof 1685: 26–39; McHam 2005: 464–472; Benucci 2019)³.

Полентон, будучи уверен, что нашел настоящее захоронение Тита Ливия, написал письмо Никколи, где сообщил о своем открытии и описал проект мавзолея Ливию. В открытии гробницы и в обсуждении мемориальной постройки в честь Ливия приняли участие видные и самые высокопоставленные лица города, среди них был подеста Падуи (podestà, praetor) Леонардо Мочениго, брат дожа Венеции Томазо Мочениго (Tommaso Mocenigo; 1343–1423), и капитан Падуи (capitano, praefectus), известный политик, дипломат и гуманист Заккария Тревизан (Zaccaria Trevisan; 1370–1414). Сенсационная находка вызвала такой широкий резонанс, что о ней сообщили папе Мартину V, зачитав ему письмо Полентона к Никколи.

Письмо к Никколи датировано 28 октября 1414 г. и является нашим единственным источником, сохранившим подробное изложение истории обнаружения «захоронения» Ливия и детальное описание мавзолея, который предполагалось возвести в Падуе. Проект мавзолея Ливия значительно отличался от современных ему памятников тем, что в нем впервые была предпринята попытка придать античному образу аутентичную, т. е. античную форму. Это сооружение представляло собой колонну, возведенную на постаменте из трех ступеней и выполненную из

³ Впоследствии Марквард Гуде (Marquardus Gudius; 1635–1689), немецкий археолог и филолог-классик, в 1663 г. посетивший Падую, расшифровал надпись и доказал, что плита содержит надгробную надпись не историка Ливия, а вольноотпущенника, который был жрецом богини Конкордии (concordialis). Именно на месте языческого храма Конкордии была построена христианская церковь Св. Юстины (заложена в 523 г.), где была обнаружена надпись (Segarizzi 1899: 137).

чередующихся полос красного и белого мрамора — в цвет герба и флага Падуи. Колонну венчала платформа, на которой были установлены четыре малые колонны, поддерживающие пирамидальный саркофаг с останками. Сверху на саркофаге помещалась статуя Ливия, изображавшая историка сидящим. Одной рукой он держал лежащую на коленях книгу, другую руку в задумчивости поднес к щеке — поза во многом повторяющая статуи античных мыслителей. Лицо, руки и книга были выполнены из белого мрамора, одеяние и головной убор — из красного, что продолжало патриотичную палитру колонны. Особого внимания заслуживает тот факт, что надпись на монументе планировалось выполнить античным письмом (*litteris priscis*). Считается, что первым памятником эпохи Возрождения, в котором было использовано античное монументальное письмо, является гробница папы Иоанна XXIII во Флоренции работы Донателло и Микелоццо, датируемая началом 1420-х гг. (Morison 1972: 269). Если бы мавзолей Ливию в Падуе был построен, он предшествовал бы этому монументу. Он также был бы первым памятником в виде колонны античного формата, на десятилетие опережающим аллегорическую скульптуру «Изобилие» (Dovizia, ок. 1430 г., в настоящее время утрачена) Донателло (1386/1387–1466), венчавшую колонну на площади Старого рынка во Флоренции, которая обычно считается первым памятником, представляющим свободно стоящую, не связанную с архитектурой фигуру, выполненную в римской пластике и рассчитанную на круговой обход (Wilk 1986; McNam 2005: 469).

О своей находке Полентон упоминает еще в двух письмах, одно из которых адресовано знаменитому гуманисту Леонардо Бруни Аретино (ок. 1370–1444), а второе — гуманисту Андреа Билья (ок. 1395–1435)⁴. Письмо к Бруни датировано 21 апреля 1419 г. В нем Полентон благодарит Бруни за то, его письмо к Никколи, посвященное открытию гробницы Ливия, было прочитано папе Мартину V и вызвало оживленную дискуссию

⁴ Оба письма изданы А. Сегарицци: письмо VII, к Леонардо Бруни (Segarizzi 1899: 92–97) и письмо VIII, к Андреа Билья (Segarizzi 1899: 97–99).

относительно аутентичности находки⁵. В связи с этим Бруни попросил Полентона размеры берцовой кости (*tibia*), чтобы с ее помощью установить рост Ливия, так как по свидетельствам древних, Ливий был маленького роста, а кости выдавали человека крупного телосложения. Полентон в своем письме, которое начинается извинениями за запоздалый ответ и рассказом о домашнем несчастье, связанном с болезнью его сына Пруденция, выслал рисунок кости и сопроводил его пространным рассуждением об обследовании останков медиками и том, что по размеру кости трудно определить подлинный рост.

Письмо Полентона к Андреа Билья датировано 15 июля 1419 г. и начинается со скорбных слов о смерти сына Пруденция 9 июня. Затем Полентон кратко говорит о своем письме к Бруни, в котором он выслал размеры берцовой кости, а также сообщает, что сразу вслед за первым письмом отправил Бруни второе письмо, в котором пытался доказать, что берцовая кость не дает полного представления о настоящем росте человека (это, второе письмо Полентона к Бруни, не сохранилось).

Кратко Полентон говорит об обнаружении захоронения Ливия также в своих «Жизнеописаниях» (Polenton. Script. ill. 183, 29–184, 17)⁶. Описание заканчивается следующим образом: *non dico plura, quod epistolae nostrae duae plenae his rebus extent*. Ниже мы вернемся к этому пассажу.

Текст письма к Никколи дошел до нас в нескольких рукописях, созданных в Италии в XV в. Перечень рукописей, в которых присутствует это письмо, приведен Б. Ульманом в его издании «Жизнеописаний» Полентона. Ульман указывает семь известных ему рукописей: Berlin, Staatsbibliothek zu Berlin, Ms. lat. qu. 557; Oxford, Balliol College 295; Milano, Biblioteca Ambrosiana, Ambros. F. 98 sup.; Padova, Biblioteca Universitaria 2245; Venezia, BNM, Marc. lat. cl. IX, 182; BAV, Vat. Cappon. lat. 15, и, кроме того, рукопись из коллекции барона фон Шёнберга

⁵ Бруни преподнес папе Мартину V свой перевод «Никомаховой этики» Аристотеля (об этом переводе см. Voigt 1893: 168; Borisenko 2022), и в это же время было зачитано письмо Полентона о падуанской находке.

⁶ При цитировании «Жизнеописаний» Полентона приводится номер страницы и строки в издании Ульмана.

(сигл S), которую Ульман считает утраченной (Ullmann 1928: XLVII–XLVIII, XXIV–XXV, XXXI).

Рукописи Шёнберга Ульман не видел, а сведения о ней почерпнул из диссертации известного немецкого ученого, теолога и историка, профессора Лейпцигского университета Иоганна Эргарда Каппа (Johann Erhard Kapp, 1696–1756), опубликованной в 1733 г. (Kapp, Sieber 1733). Диссертация Каппа посвящена жизни и творчеству Полентона. Главным стимулом написания этой работы послужил кодекс, который Капп нашел в библиотеке Ганса Дитриха фон Шёнберга (Hans Dieterich Schönberg; 1701–1783). Шёнберг происходил из знатнейшего и древнего аристократического рода Саксонии. Много путешествуя по Европе, он собрал богатую библиотеку ценных книг и рукописей. По сведениям Каппа, интересующий нас кодекс сочинений Полентона Шёнберг купил в Риме до 1731 г. Этот кодекс Шёнберг отдал Каппу на время для работы. Капп продержал рукопись два года и в 1733 г. опубликовал свое исследование в виде диссертации. На момент публикации диссертации рукопись Шёнберга была единственной рукописью сочинения Полентона, доступной Каппу. Капп издал некоторую часть ее текста, подробно реконструировал биографию Полентона, провел анализ его сочинений.

По колофону писца и подробному описанию содержания, сделанному Каппом, нам удалось отождествить рукопись Шёнберга (которая считалась утраченной) с рукописью, которая ныне хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки под шифром Lat. F. XVIII. 12 (Италия, 1452 г.), и таким образом вновь ввести ее в научный оборот.⁷

Кодекс Lat. F. XVIII. 12 состоит из двух частей, выполненных двумя разными писцами. Первая часть (лл. 1лиц.–140об.), написанная одним писцом, содержит псевдоцицероновы «Синонимы» и несколько сочинений Сикко Полентона. Вторая часть рукописи (лл. 141лиц.–166об.) выполнена другой рукой и

⁷ В 1743 г. часть библиотеки Шёнберга была продана с аукциона в Амстердаме. Сохранился каталог этого аукциона, в котором рукопись сочинений Полентона фигурирует под номером 1 в разделе «Пергаменные и бумажные рукописи (in folio)». Приведенное в аукционном каталоге описание, содержащее колофон писца, не оставляет сомнений в том, что это та же самая рукопись, с которой работал Капп и которая ныне хранится в РНБ (Antonets 2023).

содержит пять речей Цицерона (Antonets 2024). В настоящем сообщении эта рукопись привлекается нами, прежде всего как источник письма Полентона к Никколи.

Текст этого письма публиковался несколько раз. Впервые он вышел в 1625 г. в книге Л. Пиньории, посвященной истории города Падуи (Pignoria 1625: 124–131). Пиньория издал текст письма по падуанской рукописи Bibl. Univ. 2245. Затем письмо опубликовал Дж. Дзабарелла в 1669 г. по венецианскому кодексу Marc. lat. cl. IX, 182 (Zabarella 1669: 17–24). В 1733 г. текст был напечатан Каппом в диссертации, посвященной Полентону (Kapp, Sieber 1733: 18–28). Капп издал текст в двух редакциях, одну из которых привел по изданию Пиньории, а вторую — по списку барона фон Шёнберга (сигл S), который теперь, как было показано нами, находится в РНБ (Lat. F. XVIII. 12). Впоследствии письмо частично воспроизвел Т. Моммзен в *Corpus Inscriptionum Latinarum* (CIL. 05, 02865), приведя текст по изданию Пиньории. Последнюю публикацию текста письма Полентона к Никколи осуществил А. Сегаризци в 1899 г. по венецианской рукописи Marc. lat. cl. IX, 182 (Segarizzi 1899: 77–84).

Несмотря на то, что текст письма Полентона к Никколи, дошедший в Петербургской рукописи (= кодекс Шёнберга; сигл S в издании Ульмана), полностью приведен в издании Каппа, представляется необходимым его повторное издание с исправлением допущенных в издании Каппа неточностей.

Ниже мы публикуем текст письма, сохранившийся в Петербургской рукописи Lat. F. XVIII. 12, сверенный нами по оригиналу⁸. Текст дается в орфографии оригинала и полностью воспроизводит рукопись (в том числе в отношении ошибок писца), как

⁸ Необходимо отметить, что в рукописи двойная фолиация: листы пронумерованы первой рукой чернилами в правом верхнем углу, и вторично (по-видимому, библиотекарем РНБ) — карандашом на нижнем поле листа. Мы приводим номер листа в соответствии со второй фолиацией (карандашом на нижнем поле). Начало письма к Никколи занимает листы с 11v по 12v, затем текст продолжается после «Жизнеописаний» Полентона на листах 140r–140v. Листы 11v–12v по фолиации карандашом соответствуют лл. 10v–11v по фолиации чернилами, лист 140r–140v по фолиации карандашом соответствует л. 137r–137v по фолиации чернилами (лист 138 вырезан, лист 139 без текста).

это принято при издании гуманистических памятников (Ullman 1928: XLIII–XLV; Barillari 2008: 798–807)⁹.

В Петербургской рукописи, в целом соблюдается классическая орфография. Ошибочных написаний в тексте немного. Часть их возникла, по-видимому, под влиянием итальянского произношения. К ним относятся следующие случаи: *eggregrius* 1, 41, 66; *faccultate* 1; *ignenio* 2, 62; *tagnere* 28; *detessit* 14 (вместо *detexit*); *iuxu* 33 (вместо *iussu*) и *iuxit* 45 (вместо *iussit*); *hostio* 20; *cassa* 22 (вместо *capsa*); *congreo* 24 (вместо *congrego*); *summo* 29 (вместо *sumo*), *bassis* 56; *vendicavit* 72. Часть ошибок писца связана с отражением придыхательных: *circumgirabit* 57, *catreda* 62, *cirographum* 70, *epithaphium* 80. Гиперкоррекция один раз встречается в слове *ceteris* 18, которое, впрочем, второй раз написано верно *ceteris* 39.

Одним из языковых явлений, активно обсуждавшихся в филологических диспутах гуманистов, было правописание дифтонгов *ae* и *oe* (Ullman 1960: 24–25).

Дифтонг *ae* писец Petr. пишет в ряде случаев посредством *e* *caudata* (ѣ). Это касается окончаний Gen. sg., Dat. sg.: *amicitię* 4, *Iustinię* 8, *sanctę* 8, *vitię* 9, *regulatę* 9, *Ytalię* 11, *negligentię* 32, *novę* 32, *terre* 34, *Zacharię* 35, *Paduę* 35, 49, 70, 72, *marmoreę* 59, *urnę* 59, *tuę* *prudentię* 66, *feminię* 67, *oratorię* 73, *tuę* 77, *ecclesię* 80; окончаний Nom. pl.: *alienigenę* 32, *columnellę* 59, *altę* 59; корней слов: *prędiorum* 8, *quęrunt* 81 и местоимений: *hęc* 30, 46, 66, *quę* 38, 59.

Дифтонг написан полностью в словах: *Paduae* 8, *patriae* 17, *digentiae* 77. Слово *saere* пишется как с дифтонгом: *saepius* 1, *sępe* 3, так и без него: *sepius* 26, *sepenumero* 79.

В некоторых случаях писец пишет гласный *e* на месте дифтонга в окончаниях: *ineunde* 4, *Concordie* 12, *capse* 40, *Thome* 49, *Zaccharie* 51, *aule* 54, *terre* 55, *columnne* 56, 58, *urne* 60, *infime* 65, *vite* 66, *scripture* 76, *ecclesie* 80; в приставках: *pretorium* 22, *preibat* 44, *preessent* 52, *pretereo* 72; в корне слов: *cenobium* 8, *penitentia* 40, *eque* (*aeque*) 15, *illesa* 22, *sepius* 26, *sepenumero* 79, *es* (*aes*) 28, *demon* 33, *querebant* 33, *seculis* 34, 80; в местоимении: *que* 14, 78.

⁹ Вопрос об отражении языка рукописи в тексте издания в контексте различных методологических подходов к изданию античных и средневековых текстов прекрасно освещается в Shumilin 2020.

Приставка или предлог *prae* всегда пишется посредством сокращения (полностью написан дифтонг один раз в слове *praesunt* 48). Формы местоимений *quae* и *haec* в большинстве случаев также пишутся при помощи сокращений. Слово *haec* несколько раз написано полностью (4, 33, 67, 81).

В прилагаемом издании текста все сокращения выделены курсивом.

Еще один орфографический вопрос связан с правописанием слов *mihi* и *nihil*. Салютати всю жизнь сохранял средневековое написание *mihi* и *nichil* и в одном из писем журил Поджо за то, что тот использует написания *mihi* и *nihil* без буквы *s*. Аргументация Салютати состояла, по-видимому, в том, что без буквы “*s*” слова читались бы *mi*i и *ni*il сообразно с правилами итальянского произношения (Ullman 1960: 25). Писец Петербургской рукописи всегда использует написания *mihi* и *nihil*¹⁰.

В сочетании двух *-ii-* писец *Petr.* всегда пишет вторую *i* длинную: *ij*.

Имена собственные мы даем в таком же написании, в каком они находятся в рукописи; заглавные буквы в собственных именах проставлены в нами в соответствии с принятыми ныне правилами.

Писец *Petr.* использует заглавные буквы в начале предложений, и они лишь в некоторых случаях не совпадают с разделением предложений, принятым Сегарицци его издании текста письма в редакции Венецианской рукописи *Marc.* (Segarizzi 1899: 77–84). Мы сохранили заглавные буквы так, как они проставлены в *Petr.*, а в отношении пунктуации старались максимально придерживаться издания Сегарицци. В тексте проставлены номера параграфов, что позволяет дать точную ссылку на место, проще ориентироваться в тексте и сличать тексты разных редакций и разных рукописей друг с другом.

В аппарате отмечены чтения, принятые Каппом в его издании письма по нашей рукописи (Kapp, Sieber 1733: 18–28).

¹⁰ В дошедшей до нас рукописи-автографе Полентона Vat. Ott. lat. 1915, содержащей «Жизнеописания», переписанные им собственноручно, Полентон твердо использует *e caudata* (ѣ) для обозначения дифтонга и даже в трудном для гуманистов слове *coepisse* пишет две гласные, а также устойчиво и без колебаний пишет слова *mihi* и *nihil* без буквы “*s*”.

В некоторых случаях Капп исправил ошибки писца, в некоторых случаях, возможно, неверно раскрыл находящееся в рукописи сокращение.

Ниже дано издание текста письма Полентона к Никколи по рукописи Lat. F.XVIII.12 (РНБ).

[f. 11v] Ad Nicolaum Nicoli Florentinum.

1 Eggregia et singularis tui nominis fama¹¹ saepius cogitanti mihi, quem apud te dignum aditum invenirem, occurrit Alfonsus, ut de se dicit, Portugallensis tuus. **2** Is ad omnem virtutem et facultate et ignenio¹² exornatus, precatus est, ut inventionem corporis T. Livij Padeni¹³ ac concivis nostri quam seriose narrarem, quod eam velit amico suo cuidam qui sit rerum huiusmodi permaxime¹⁴ studiosus dare. **3** inter loquendo¹⁵ itaque, ut evenit [f. 12r] sepe, aperuit litteras unas modo abs te redditas sibi, quibus hoc multiplicatis precibus exorares. **4** Ad te scribendi primum et¹⁶ ineunde amicitie causa est mihi haec honesta visa. Etenim quantum¹⁷ honestior offerre se poterat causa, quam viro eloquenti de viri eloquentissimi rebus loqui? **5** Denique Alfonsi benignitate impetravi facile, ut quam scribere ipse statuerat ad te inventionem T. Livij ego describerem. **6** Neque vero id permisit modo accessit sponte, sed effecit humanitate ac persuasione sua, ne timerem ad te quamvis incognitus scribere. Verebar quidem videri audacior ac posse reprehendi iure, si ad te qui sum tibi incognitus, scriberem. **7** Sed rem novam ac dignam memoria cernaremus¹⁸.

8 Cenobium scis, credo, quod famosum et venerabile id esse cum venustate¹⁹ tum sanctorum corporibus tum praediorum amplitudine et apud remotos intelligam Iustinę virgini et sanctę Martiri Paduae consecratum est. **9** Monaci nigri sub abbate vite modo regulate colunt. **10** continet quoque oratorium quidem oppilio quidam, uti marmorea tradit tabula, fabricavit. **11** Corpus ibi sancti Prosdocimi

¹¹ egregiam ... famam Kapp

¹² ignenio Petr., ingenio Kapp

¹³ Paduani Kapp

¹⁴ permaxime Petr., permaximus Kapp

¹⁵ interloquendo Petr., inter loquendum Kapp

¹⁶ et Petr., etiam Kapp

¹⁷ quantum Petr., quaenam Kapp

¹⁸ cernaremus Petr., cerneremus Kapp

¹⁹ venustate Petr., vetustate Kapp

visitamus. Antistes hic primus apostolo a Petro missus *quae* est circa Padum hanc Ytalię partem quam Venetiam veteres appellabant, veram ad Christi fidem et sanctam religionem induxit. **12** prope adjacent parietes quos gentilitati fuisse Concordie templum fama refert. Abbatis frater vir quippe cum nobilitate generis, tum sanctimonia morum spatio quod intercadit²⁰ (nam parum distant lapidem pedes iaceres) seu casu seu numine quodam sic iubente cellulam ut commodiorem haberet in olitorio quod secus dormitorium orientem versus ibi conterminat fossam pro cloaca fecit. **14** Que cum pedes pateret quinque detessit veluti fundamentum lateribus maximis et calce omni parte computum²¹. **15** Eo quantulane²² fracto inclusa capsam reperitur plumbea quidem longa pedes sex alta vero et lata eque super pedem. **16** Livij mox clamat²³ esse corpus, quod relatu patrum sepultum esse ibi Livium audiretur. **17** Scribit ad me Rolandus monachus patriae quidem ac litterarum amator: Corpus T. Livij inventum esse. **18** postpositis ceteris occurro subito atque illuc eo. **19** Iam dissolverat²⁴ id murale claustrum. **20** In foveam descendo, hostio sublato proportionate iacentia ossa *quaeque* ut fuerant posita video. **21** plumbeam capsam ac ponderosam extrahimus fune. **22** Discedens inde exoro qui remanent²⁵ omnes, ut *quae* in cassa sunt illesa quoad redeam servant²⁶ atque cito pede ad pretorium venio. **23** Litigijs quod iam vesperascerat plerum erat. **24** peritiores congreo²⁷, *quae* viderim narro. **25** Quid denique? **26** omen bonum suspicari omnes, congratulari omnes, confluentibus multis et quidnam referrem audire cupientibus rem a me sepius replicatam puta. **27** Non satis poteram rem novam atque inexpectatam referre. **28** Mausoleum inclitum civitate et tanto viro dignum faciendum una voce omnes censent. Atque ut magnificum singuli animo liberali et prompto de suo proprio, quum publicum es tagneret non liceret, et pollicentur et offerunt. Totum autem munus et curam exequendi suscipiam, omnes et rogant et iubent. **29** Datum summo opus, quod

²⁰ intercadit *Petr.*, intercedit *Kapp*

²¹ computum *Petr.*, compositum *Kapp*

²² quantulane *Petr.*, aliquantulum *Kapp*

²³ clamat *Petr.*, clamatur *Kapp*

²⁴ dissolverat *Petr.*, dissolverant *Kapp*

²⁵ remanent *Petr.*, remanerent *Kapp*

²⁶ servant *Petr.*, servarent *Kapp*

²⁷ congreo *Petr.*, congreo *Kapp*

id fore mihi honori et gratum civitati putem. **30** Hęc secundo Kal. Septembres anno nativitatis Christi 1413.

31 Pergere ad sanctam Iustinam vidisse²⁸ turmas nec togatos modo sed plebeios artifices lanios sutores cerdones et huius modi reliquos commigrare vidisses. **32** porro negligentię²⁹ illorum ipsorum quibus servandi cura ac omnis custodia data erat dentes esse ablatos ferme omnes invenio. quippe [f. 12v] alienigenę qui *praesertim* studiosi erant litterarum tum pro memoria ac testimonio novę rei tum pro honore ac reverentia tanti viri quos quisque poterat dentes evellerant abstulerant furati erant. Hanc ob rem licet sero capsula simul et ossa tutiorem in locum atque sub clave ponuntur. **33** Age qui absentis abbatis tenebat vices tanto concursu civium ac populi pavefactus ossa haec auferre eademque comburerem³⁰ atque in pulverem ventis dare constituit. Viro quidem bono huic quam maxime displicebat tanta frequentia populum convenire ad videnda ossa viri huius qui etsi doctissimus fuerit non tamen Christum, sed demonia gentilitio rito coluerit. Sibi quoque veniebat in mentem quod audisset scripta viri huius cremata esse iuxta Gregorij pontificis summi qui venientes Romam haud quamquam litteras sacras sed *quae* legerent cupide Titi Livij libros et scripta querebant. Arbitrabatur enim, existimo, bonus hic homo fore ut populus pro Deo Titum Livium coleret si ossa haec diutius servarentur et in diem alteram superessent. **34** Craneum igitur clamdestine auferens atque illum ipsum craneum, quem³¹ terrę viscera tot seculis servassent hic maleo ut tereret in pulverem fregit et quam³² minutissimas potuit in partes vertit. **35** Rem celeri nuntio patefecit monachus ille mihi. Ego Zacharię Taruisano³³ dixi. quantus hic fuerit, tu nosti plane. *praefectus praesidij* tum Paduę erat. **36** Ipse quidem mox accitis nobilibus ad monasterium pergit. **37** non deerat credo³⁴ furandi ossa si rogati monaci ea dare negarent. **38** Intramus monasterium mortuum unus³⁵ quę aderat peditum cohors nam³⁶ vastat *praeter* illum qui triret ossa.

²⁸ vidisse *Petr.*, vidisses *Kapp*

²⁹ negligentię *Petr.*, negligentia *Kapp*

³⁰ com(m)urerem *Petr.*, comburere *Kapp*

³¹ quem *Petr.*, quod *Kapp*

³² quam *Petr.*, quas *Kapp*

³³ taruisano *Petr.*, Trevisano *Kapp*

³⁴ credo *Petr.*, ordo *Kapp*

³⁵ unus *Petr.*, una *Kapp*

³⁶ nam *Petr.*, iam *Kapp*

Monaci conveniunt omnes. **39** reverentia maior erat fautor frater noster³⁷. Rogatus iste cum ceteris assensit facile ut *quae* habere civitas cuperet T. Livij ossa quocumque placeret portaremus. **40** nec mora ne licentia³⁸ penitentia revocaret. Andreas Dandalus nobilis Venetus ante omnes capse caput levat. Erat quidem capsula lignea paulo ante a me ut ossa commodius portarentur missa. capse huius caput alterum capio. **41** Succurrunt ferendam ad opem cives nobiles ac doctores ante alios evenit Peraginus de Peragia. Venit Palaminus de Vitalianis milites sunt hij egregij. **42** hos secuti sunt qui iuris sunt doctores eximij Alexander de doctoribus, Franciscus de Capitibus de lisce, Nicolaus de Porcelinis. **43** partitis locis hinc atque inde et³⁹ ramusculis lauri superfixis capsam cum ossibus in aulam usque contulimus. **44** preibat peditum cohors hos sequebamur qui portabamus capsam. Succedebant Zaccharias cum turba nobilium. multitudo grandis erat. Sed illam magis augebat undique confluens populus. vias enim ac porticus adeo impleverat multitudo, ut pedes et portantium impedirent. **45** ut vero confluentium multitudinem refrenaret furibusque furandi occasionem obstrueret deferri suo in penetrali capsam simul et ossa Zaccharias iuxit⁴⁰. **46** hec de inventione.

47 Mausolei vero faciendi sequitur ordo. **48** Primoribus igitur convocatis cum e nobilitate atque togatis tum ex illis qui mechanicis artibus praesunt, hos Padua castaldiones⁴¹ appellant⁴², consulitur. **49** Interfuit pro dignitate Leonardus Moronigus⁴³. Is Thome Monegi⁴⁴ incliti ducis Venetiarum frater ac Padue praetor erat. Interfuit etiam Zacharias ipse. honorabile atque magnificum mausoleum faciendum esse oratione longa ac ornatissima persuasit. Idem exortatus est etiam⁴⁵ Leonardus. **50** favit multitudo nec fuit qui rem hanc gratissimam non haberet qui nobile mausoleum faciendum non assentiret. **51** Quippe tanta in contione assensit quisque nec fuit qui Zaccharie sententiam reprobareret. Denique assumptus libera voce pro suo collegio qui

³⁷ fautor frater noster *Petr.*, fautoris fratris nostri *Kapp*

³⁸ licentia *Petr.*, licentiam *Kapp*

³⁹ et ramusculis *Petr.*, e ramusculis *Kapp*

⁴⁰ iuxit *Petr.*, iussit *Kapp*

⁴¹ Castaldiones *Petr.*, Gualstaldiones *Kapp*

⁴² appellant *Petr.*, appellat *Kapp*

⁴³ Moronigus *Petr.*, Mozenigus *Kapp*

⁴⁴ Monegi *Petr.*, Mozenigi *Kapp*

⁴⁵ etiam *Petr.*, omisit *Kapp*

praesunt quam vellent dare portionem singuli offerunt. **52** porro ne quaque pro re contio haberetur et uti cuperet quisque res *praescius* finiretur omni ex ordine ne invidiam *praelatio* generaret diligere viros sex, qui

in marg. inf.: Require finem sub hoc * signo in fine libris sicconis polentoni.

[f. 140r] preessent operi placuit. **53** Delecti igitur ex militibus Paulus de Leone. Ex togatis Prosdocimus de⁴⁶ comitibus, ex notabilibus Iohannes Zabarda⁴⁷. Ex artificibus Franciscus Ianarius Franciscus aromatista, Gaufre⁴⁸ aurifex. **54** His potestas data, ut quam putent viro et civitate dignam sepulturam quando et ubi libeat faciant. Ex multis tandem formam deligunt isti locum quoque im plateis aule apud sancti Clementis templum deligunt.

55 Sed audi formam. Sub terra fieri competens fundamentum volunt. Ad faciem terre gradus tres in rotundum pro eminentia pedem unum singuli scalarum in modum alti fient. **56** Exinde basis et teres, sit⁴⁹ columna superponetur. Solidam hanc esse volunt. Si albo et rubro lapide coloribus quadratim distinctis superficies huius frondosa erit pedes duos ac decem columnne altitudo tenebit. **57** circumgirabit columnne grossicies⁵⁰ pedes decem. **58** Ibi petra rubens dimidium pedis grossa⁵¹ latitudine octo angulis laborata columnne fastigium amploctetur. **59** huic superponent⁵² columnnellę quattuor altę pedes tres quę pondus marmoreę et albensis urnę sustineant. **60** Urne inscriptus hic titulus litteris priscis erit: Padua concivi suo T. Livio rerum Ro. scriptori illustri fecit. **61** Rubens denique saxus⁵³ vetusto more auriculatis angulis et culmo eminens urnam teget. **62** In summo T. Livij ymago marmorea pedes alta quinque in catreda digitum ad genas tenens cogitabunda sedebit. Imaginis corpus marmoris rubri caput vero et manus et quem habebit ignenio marmoris albi erunt rubri Veronenses albi Histri urna vero

⁴⁶ de comitibus *Petr.*, ex comitibus *Kapp*

⁴⁷ Ioannes Zabarda *Petr.*, Ioannes Zabarella *Kapp*

⁴⁸ Gaufre *Petr.*, Gaufredus *Kapp*

⁴⁹ sit *Petr.*, sic *Kapp*

⁵⁰ grossicies *Petr.*, crassities *Kapp*

⁵¹ grossa *Petr.*, crassa *Kapp*

⁵² superponent *Petr.*, superponentur *Kapp*

⁵³ saxus *Petr.*, saxum *Kapp*

marmorea esse debet. **63** Nec minuet operis dignitatibus⁵⁴ plateas aulicas pavimentari lateribus. **64** non defuerunt cives ac spectati cives Henricus miles et Petrus fratres de Scrovignis, Ludovicus Buzacarinus et Paulus de Leone qui sumptum omnem se facturos singulatim offerrent, si civitas faciendi huius operis ante domos suas, ubi et vellent, potestatem darent⁵⁵. **65** Sed negavit hic populus omnibus quod esse infime civitati putaret, si quod⁵⁶ fieret publicum ad ornamentum id non de publico nec im publico fieret. Explicavi monumenti formam.

66 Nec dicendum superest aliud. Si quare⁵⁷ creditum sit ossa hęc T. Livij esse quod te libenter auditurum existimo memorabo. Id velim primo sit tuę prudentię persuasum civitatem hanc, in qua sunt, ut nosti, viri quocumque in genere litterarum ac vite egregij atque periti, facile ductam, ut credat, ni testimonijs liqueat, ita esse. **67** Neque vero defuerunt, qui negarent ac probare niterentur, ossa haec T. Livij haudquamquam⁵⁸ esse. fuerunt quoque qui ea non maris, sed feminę dicerent. Fuerunt qui negarent T. Livium originem⁵⁹ Paduanum esse. **68** Non quidem res ista calumniatoribus caruit. **69** Maris autem esse non feminae docti physici docuerunt⁶⁰ ex scissuris integerrimi cranei quibus saxum⁶¹ liquida ratione cognoscunt. **70** quod autem Livij sint, non supervivunt testes, omni, ut exigunt, qui forensi in contentione versantur, exceptione maiores, ac de visu deponant T. Livium et Paduę mortuum et ibi sepultum esse, non habemus cirographum, autentica manu scriptum. **71** Ista vetustas abolevit omnia. **72** Clari vero huius rei testes multi sunt, qui⁶² fidem immortalis auctoritas vendicavit. Pretereo famam, quae T. Livium Paduę et natum et sepultum dicit. **73** Nempe Quintilianus optimus adest testis. Is namque primo oratorię institutionis libro T. Livium Patavi⁶³ natum scribit. **74** Adest Eusebius, seu potius Hieronimus, sanctus ac doctissimus presbyter, in libro Eusebij de temporibus

⁵⁴ dignitatibus *Petr.*, dignitatem *Kapp*

⁵⁵ darent *Petr.*, daret *Kapp*

⁵⁶ si quod *Petr.*, siquidem *Kapp*

⁵⁷ quare *Petr.*, quidem *Kapp*

⁵⁸ haudquamquam *Petr.*, haud quaquam *Kapp*

⁵⁹ originem *Petr.*, origine *Kapp*

⁶⁰ docuerunt *Petr.*, omisit *Kapp*

⁶¹ saxum *Petr.*, sexum *Kapp*

⁶² qui *Petr.*, quibus *Kapp*

⁶³ Patavi *Petr.*, Patavii *Kapp*

anno eodem et Messalam Corvinum et T. Livium Patavinum natos dicit. **75** postea vero, cum Tiberius imperaret, T. Livius historicus, Patavi moritur, inquit. **76** adsunt versus perpetuo in monasterio conservati, quibus staret⁶⁴, ipsa scripture antiquitas persuadet. **77** Hos tibi non pro elegantia metri, sed ne tuę digentiae desit quicquam, mitto. **78** Hi sunt, lege:

Hinc perlongum fodias et T. Livij corporis ossa

Invenies sub urna posita que tegitur umbra.

Non multum per latum te fodiendo dillates,

Exemplo lustrī passibus te metas servare decet.

79 Horum auctorem fuisse quendam abbatem eundemque monasterij huius antiquissimum abbatem qui hodie sunt monaci, et ante alios, quem nominavi, Rolandus dicit. Id enim a senioribus suis enarrari ac locum ostendi sepenumero audiverat. [f. 140v] **80** Adest praeterea testis, qui vestibulo ecclesie est affixus quadratus lapis, tum quod in eo fit⁶⁵, uti vides, formaliter Epithaphium suum litteris maiusculis ac priscis scriptum, tum quod doceant, *quae* vidimus fragmenta calcis, lapidem hunc evulsum ac sumptum esse illo ipso murali ex fundamento, quod, ut dixi, lateribus factum erat, et tot iam seculis capsam plumbeam cum ossibus occultarat. Neque vero centessimus adhuc adest annus, quod epithaphium illud et ipsa murale ex strue sumptum, et apud fores ecclesie parietibus ecclesie affixum fuit. **81** Quippe his testibus ducti, qui graves sunt et electi viri, ossa haec T. Livij esse pro certo affirmant et credunt. illos vero qui adversentur et negent, dicunt ex illis esse, qui nedum⁶⁶, ut Terentius inquit, in sirpo⁶⁷ quęrunt. **82** Hec sunt, *quae* tibi de T. Livio habui referenda. Tu vale et me, uti soles quos ames ama. Ex Padua.

Τέλος. Padue 4^o Idus Maij 1451.

V.F.

T. LIVIVS. LIVIAE. F.

QVARTAE. L. HALIS

PATAVI

SIBI ET SVIS

OMNIBVS.

⁶⁴ staret *Petr.*, stare *Kapp*

⁶⁵ fit *Petr.*, sit *Kapp*

⁶⁶ ne dum *Petr.*, nodum *Kapp*

⁶⁷ sirpo *Petr.*, scirpo *Kapp*

В настоящее время мы имеем возможность сличить рукописи, оцифрованные копии которых доступны на сайтах библиотек, а также привлечь к анализу Петербургский кодекс. К тем семи рукописям, сохранившим текст письма, которые перечисляет Ульман в своем издании «Жизнеописаний», следует добавить Венскую рукопись, которая ныне хранится в Национальной библиотеке Неаполя (Wien, ÖNB, Cod. 3160, ныне — Napoli, Biblioteca Nazionale “Vittorio Emanuele III”, ex Vind. lat. 57 (olim Vindob. 3160)) (кон. XIV в.)⁶⁸. Ульман учитывает эту рукопись для других писем Полентона, но не указывает, что в ней содержится также и письмо к Никколи, которое в ней на самом деле есть (Ullman 1928: XLVII–XLVIII).

Кроме того, письмо к Никколи находится еще в одной рукописи, хранящейся в Национальной библиотеке Неаполя, — Napoli, Biblioteca Nazionale “Vittorio Emanuele III”, XXII.39, ff. 176a–181a (Barillari 2008: 765, 771). Эта рукопись датируется временем между 1576 и 1625 гг. и, по-видимому, является копией рукописи Vindob. 3160. Таким образом, всего сейчас можно насчитать 9 рукописей, содержащих текст письма к Никколи.

Мы рассмотрели тексты следующих четырех рукописей: Venezia, BNM, Marc. lat. cl. IX, 182 (3293) — далее *Marc.* (по изданию Сегарицци), Санкт-Петербург, РНБ, Lat. F. XVIII. 12 — далее *Petr.* (по оригиналу, хранящемуся в РНБ), BAV, Vat. Cappon. lat. 15 — далее *Vat.* (по оцифрованной копии),⁶⁹ Padova, Bibl. Univ. 2245 — далее *Patav.* (по изданию Пиньории). Берлинская, Оксфордская, Неаполитанские и Амброзианская рукописи пока остались недоступными. Однако о том, что в Неаполитанских рукописях (*Vindob.*) представлена редакция *Marc.*, *Vat.*, *Patav.*, можно сделать косвенный вывод на основании инципита и эксплицита (см. ниже).

Венецианская рукопись *Marc.*, которая положена в основу издания Сегарицци, хранится в Венеции в библиотеке Св. Марка. Она содержит жития падуанских святых, написанные Полентоном, и его письмо к Никколи. Рукопись украшена гербом семьи

⁶⁸ Подробное описание этой рукописи см.: Tabulae 1868: 217–220; Barillari 2008: 771–791.

⁶⁹ Оцифрованная копия рукописи доступна по ссылке: https://digi.vatlib.it/view/MSS_Cappon.15 (дата обращения: 23.02.2025).

Риччи, к которой принадлежали Полентоны, и была переписана, по-видимому, собственноручно Франческо Полентоном, братом Сикко Полентона. Письмо Полентона к Никколи переписано в декабре 1464 г. и снабжено пометой, гласящей, что письмо тщательно сверено с оригиналом (Valentinelli 1872: 310–311; Segarizzi 1899: LXVIII; Ullman 1928: X, XLVI).

Из сличения текстов, представленных в печатных изданиях и рукописях, явствует, что письмо Полентона к Никколи сохранилось в двух редакциях. Три из рассмотренных четырех рукописей (*Marc.*, *Vat.*, *Pata.*) сохранили одинаковую редакцию текста, Петербургская рукопись — другую, отличающуюся от редакции *Marc.*, *Vat.*, *Pata.* (*Vindob.*).

Наличие двух редакций отметили исследователи, занимавшиеся этим письмом. При этом Капп полагал, что список Шёнберга (= *Petr.*) сохранил более чистый текст по сравнению с другими рукописями (в частности, с положенной в основу издания Пиньории) (Kapp, Sieber 1733: 18). Георг Фойгт считал, что существовало два письма к Никколи, и что оба эти письма изданы Каппом (Voigt 1888: 432–436). Ссылаясь на Венскую рукопись Wien, ÖNB, Cod. 3160, Фойгт отмечает, что одно письмо датировано 28 октября 1414 г., а второе 21 апреля 1419. О причине наличия двух писем к Никколи Фойгт затрудняется высказать предположение (Voigt 1888: 435, п. 1).

Сегарицци полагает, что Фойгт ошибся, и что под словами *non dico plura, quod epistolae nostrae duae plenae his rebus extent* в «Жизнеописаниях» (Scr. ill. 184, 17) Полентон подразумевает письмо к Никколи (1414 г.) и письмо к Бруни (1419 г.), а письмо к Никколи при этом сохранилось в двух редакциях. Сегарицци также указывает, что две редакции отличаются текстом посвятельной надписи, которую планировалось высечь на памятнике Ливию, и тем, что в кодексе Шёнберга (= *Petr.*) значительно сокращено рассуждение об аутентичности захоронения (Segarizzi 1899: LXIX–LXX, 136).

Полное описание Венской рукописи Wien, ÖNB, Cod. 3160, которая теперь хранится в Неаполе (см. выше), было опубликовано в 2008 г. Из него следует, что в рукописи находится два письма Полентона, одно из которых адресовано Никколи и датировано 28 октября 1414 г., а другое — к Леонардо Бруни от 21 апреля 1419 г. (Barillari 2008: 785–786). Таким образом, Фойгт действительно ошибся в предположении, что в этой

рукописи есть два письма к Никколи. Инципит и эксплицит письма к Никколи в Венской рукописи следующие — (ff. 175r–179v) inc.: Sicco Polentonius, clarissimo vetustatis cultori Nicolao Florentino. Salutem plurimam dicit. Egregia et singularis tui nominis fama sepius cogitanti; expl.: si inter tuos ubi non merear amicos. Saltem notos me scriptum sciam. Vale. ex Patavio quinto kalendas novembris MCCCCXIII (Barillari 2008: 785–786). Эксплицит позволяет предполагать, что в этой рукописи содержится та же самая редакция текста, что в кодексах *Marc.*, *Vat.*, *Patav.*

Решить весьма запутанный вопрос о происхождении двух разных редакций текста письма к Никколи (или о числе этих писем) можно будет только изучив текст всех рукописей, сохранивших текст этого письма. Не имея пока такой возможности, ограничимся некоторыми предварительными наблюдениями.

Если сопоставить объем текста обеих редакций, то окажется, что объем текста в *Petr.* (ок. 11 033 знака) и объем текста в редакции *Marc.*, *Vat.*, *Patav.* (*Vindob.*) (ок. 11 847 знаков) незначительно отличаются друг от друга.

В отношении композиции текст письма можно разделить на следующие семь частей: вступление (1–7), рассказ об обстоятельствах открытия захоронения и о докладе Полентона в городском совете (8–30), рассказ о реакции горожан и о процессе переноса останков из монастыря (31–46), повествование об обсуждении проекта мавзолея Ливию в городском совете (47–54), описание проекта мавзолея (55–65), обсуждение вопроса о подлинности останков (66–81), заключение (82).

Объем текста, который приходится на эти части в двух редакциях, распределяется таким образом:

- § 1–7: 966 зн. *Petr.* — 811 зн. *Marc.*, *Vat.*, *Patav.* (*Vindob.*)
- § 8–30: 2119 зн. *Petr.* — 1730 зн. *Marc.*, *Vat.*, *Patav.* (*Vindob.*)
- § 31–46: 2690 зн. *Petr.* — 1768 зн. *Marc.*, *Vat.*, *Patav.* (*Vindob.*)
- § 47–54: 1250 зн. *Petr.* — 1150 зн. *Marc.*, *Vat.*, *Patav.* (*Vindob.*)
- § 55–65: 1391 зн. *Petr.* — 1416 зн. *Marc.*, *Vat.*, *Patav.* (*Vindob.*)
- § 66–81: **2501** зн. *Petr.* — **4316** зн. *Marc.*, *Vat.*, *Patav.* (*Vindob.*)
- § 82: **81** зн. *Petr.* — **748** зн. *Marc.*, *Vat.*, *Patav.* (*Vindob.*).

Из этих данных видно, что в редакции *Petr.* превалирует первая часть рассказа, которая касается истории находки и обсуждения в совете, а в редакции *Marc.*, *Vat.*, *Patav.* (*Vindob.*) значительно преобладает часть, посвященная вопросу об аутен-

тичности останков. Именно этот вопрос, как мы знаем из писем Полентона к Бруни Аретино и к Андреа Билля, прежде всего заинтересовал папу Мартина V, которому было зачитано письмо о громкой находке в Падуе.

Рассмотрим текст вступления в обеих редакциях:

<i>Petr.</i>	<i>Marc., Vat., Patav. (Vindob.)</i>
1 Eggregia et singularis tui nominis fama saepius cogitanti mihi, quem apud te dignum aditum invenirem, occurrit Alfonsus, ut de se dicit, Portugallensis tuus.	1 Eggregia et singulari tui nominis fama sepius cogitanti michi, quem apud te dignum aditum invenirem, occurrit Alfonsus, ut de se dicit, Portugallensis tuus.
2 Is ad omnem virtutem et faccultate et ignenio exornatus precatus est, ut <i>inventionem corporis</i> T. Livij <i>Padeni ac concivis nostri quam</i> seriose narrarem, quod <i>eam</i> velit amico suo <i>cuidam qui sit rerum huiusmodi permaxime studiosus</i> dare.	2 is ad omnem virtutem et facultate et ingenio exornatus, precatus est [ut] <i>reptionem</i> T. Livii seriose narrarem, quod velit <i>amico huiusmodi rerum studioso</i> dare.
3 inter loquendo itaque, <i>ut evenit sepe</i> , aperuit litteras unas modo abs te redditas sibi quibus hoc <i>multiplicatis precibus exorares</i> .	3 inter loquendum itaque, <i>ut frequenter solet, tandem</i> aperuit litteras unas modo abs te redditas sibi, quibus hoc <i>longis precibus flagitares</i> .
4 Ad te scribendi primum et ineunde amicitij causa <i>est mihi haec honesta visa</i> . Etenim <i>quantum honestior offerre se poterat causa</i> , quam viro eloquenti de viri eloquentissimi rebus loqui?	4 ad te scribendi primum et ineunde amicitie causa <i>honestata visa est</i> ; etenim <i>quenam honestior offerri poterat</i> , quam viro eloquenti de viri eloquentissimi rebus loqui?
5 Denique Alfonsi benignitate impetravi facile, ut quam scribere ipse statuerat ad te <i>inventionem</i> T. Livij ego describerem.	5 eius nanque benignitate facile impetravi [ut] permiserit scribere hec tibi, que statuerat ipse.
6 Neque vero id permisit modo accessit sponte, sed effecit <i>humanitate ac persuasione sua, ne timerem ad te quamvis incognitus scribere</i> . verebar quidem videri audacior <i>ac posse reprehendi iure, si ad te qui sum tibi incognitus, scriberem</i> .	6 verum retinuisset me, quod hinc videri possem audacior, nisi ipse pro humanitate sua nedum libere cessisset, sed instanter suassisset, sed rogasset [ut] auderem.
7 Sed rem novam ac dignam memoria cernaremus.	7 accipe itaque <i>reptionem</i> hanc memoria utique non indignam.

Различие текста двух редакций заключается в замене одних выражений синонимичными (*ut evenit saepe — ut frequenter solet; multiplicatis precibus exorares — longis precibus flagitares*), а также в более пространных описаниях в редакции *Petr.* (*inventionem corporis* Т. Livij *Padeni ac concivis nostri — repertionem* Т. Livii). Одной из характерных черт стиля Полентона, являются повторы одной мысли. Эту черту мы наблюдаем, например, во параграфе 6.

Более подробно в редакции *Petr.* описано обсуждение в городском совете. В этой редакции Полентон точнее указывает имена и должности правителей Падуи, среди которых был подеста Падуи (*praetor*) Леонардо Мочениго, брат дожа Венеции Томазо Мочениго, и капитан Падуи (*praefectus*), Заккария Тревизан. Кроме того, он специально отмечает блистательное выступление обоих. В редакции *Marc., Vat., Patav. (Vindob.)* он ограничивается кратким упоминанием речи:

<i>Petr.</i>	<i>Marc., Vat., Patav. (Vindob.)</i>
49 Interfuit pro dignitate Leonardus Moronigus. <i>Is Thome Monegi incliti ducis Venetiarum frater ac Padue praetor erat.</i> Interfuit etiam Zacharias ipse. <i>honorabile atque magnificum mausoleum faciendum esse oratione longa ac ornatissima persuasit. Idem exortatus est etiam Leonardus.</i>	49 interfuit pro dignitate Leonardus Mocenigus, incliti modo veneti ducis frater; interfuit et Zacharias ipse, <i>cuius diligentia operam non parvam dedit. civitati ad iustitiam preest ille, militie ad presidium iste. sententiam Zacharias dixit.</i>
50 favit multitudo nec fuit qui rem hanc gratissimam non haberet qui nobile mausoleum faciendum non assentiret.	50 rem veluti oblatam divinitus efferunt quique. contigisse hac etate maxime colletantur. mausoleum denique et urbe et viro dignum faciendum colsulitur.
51 Quippe tanta in contione assensit quisque nec fuit qui Zaccharie sententiam reprobaret. Denique assumptus libera voce pro suo collegio qui <i>praesunt</i> quam vellent dare portionem singuli offerunt.	51 nec fuit tanta in concione quisquam vel illiteratorum hominum, cuius imperitia <i>comuni a sententia</i> discreparet, quinimmo ad sumptum libere <i>suo pro collegio</i> portionem singuli obtulerunt.

Более детально в редакции *Petr.* дано также и описание статуи Ливия, которая должна была возвышаться на вершине колонны. Более того, редакции различаются текстом надписи,

которую предполагалось поместить на памятнике. Исключительно в редакции *Petr.* сохранилось подробное описание позы статуи:

<i>Petr.</i>	<i>Marc., Vat., Patav. (Vindob.)</i>
60 Urne inscriptus hic titulus litteris priscis erit: PADUA CONCIVI SUO T. LIVIO RERUM RO. SCRIPTORI ILLUSTRIFECIT.	60 titulus litteris priscis inscriptus: T. LIVIUS PATAVUS RERUM ROMANARUM HISTORICUS ILLUSTRIS.
61 Rubens denique saxus vetusto more auriculatis angulis et culmo eminens urnam teget.	61 rubens denique saxum vetusto de more auriculatis angulis et culmo eminens urnam teget.
62 In summo T. Livij ymago marmorea pedes alta quinque in cathedra digitum ad genas tenens cogitabunda sedebit. Imaginis corpus marmoris rubri caput vero et manus et quem habebit ignenio marmoris albi erunt rubri Veronenses albi Histri urna vero marmorea esse debet.	62 demum imago Livii pedum quinque in cathedram insidebit, ea quoque rubentis quidem petre, preter faciem, manus, pedes, librum: hec marmoris candentis, reliquum opus quadratis lapidibus albis rubeisque: rubei veronensis, albi histri.

Значительно более детально описана в редакции *Petr.* ситуация, которая сложилась в монастыре после обнаружение «останков Ливия». Редакция *Petr.* содержит подробный рассказ о том, что люди, которые стекались в монастырь, чтобы увидеть чудесную находку, пока отсутствовал Полентон, похитили зубы из саркофага, сочтя их реликвией. Заместитель аббата, испугавшись, что это может быть истолковано как проявление язычества, решил стереть в порошок череп. Этот рассказ предельно сокращен в редакции *Marc., Vat., Patav. (Vindob.)*:

<i>Petr.</i>	<i>Marc., Vat., Patav. (Vindob.)</i>
31 Pergere ad sanctam Iustinam vidisse turmas nec togatos modo sed plebeios artifices lanios sutores cerdones et huius modi reliquos commigrare vidisses.	31 Commigrare illo vidisses omnes atque ipsos demum lanios sutoresque.
32 porro negligentię illorum ipsorum quibus servandi cura ac omnis custodia data erat dentes esse ablatos ferme omnes invenio.	32 porro incuria eorum ipsorum, quibus servare datum erat, nonnulli studiosi alienigene, tum memoria tum reverentia, dentes unatim

quippe [f. 12v] alienigenę qui praesertim studiosi erant litterarum tum pro memoria ac testimonio novę rei tum pro honore ac reverentia tanti viri quos quisque poterat dentes evellerant <i>abstulerant furati erant</i>. Hanc ob rem licet sero capsula simul et ossa tutiorem in locum atque sub clave ponuntur.	furantur; quamobrem, sero licet, sub clave secretiore clauduntur.
33 Age qui absentis abbatis tenebat vices tanto concursu civium ac populi pavefactus ossa haec auferre eademque comburerem atque in pulverem ventis dare constituit. Viro quidem bono huic quam maxime displicebat tanta frequentia populum convenire ad videnda ossa viri huius qui etsi doctissimus fuerit non tamen Christum, sed demonia gentilitio rito coluerit. Sibi quoque veniebat in mentem quod audisset scripta viri huius cremata esse iuxta Gregorij pontificis summi qui venientes Romam haud quamquam litteras sacras sed <i>quae</i> legerent cupide Titi Livij libros et scripta querebant. Arbitrabatur enim, existimo, bonus hic homo fore ut populus pro Deo Titum Livium coleret si ossa haec diutius servarentur et in diem alteram superessent.	33 at qui absentis abbatis tenebat vices, concursu hominum terrefactus, fortasse futurum ratus hiis istis ossibus, si diutius superessent, ad gentilitia populorum revocari, cum neque ab re Gregorius pontifex scripta sua delere curaverit; puro homini videbatur hunc quasi deum coli; consuluit ipse sibi ea ossa comburere et in pulverem ventis dare.
34 Craneum igitur clamdestine auferens atque illum ipsum craneum, quem terrę viscera tot seculis servassent hic maleo ut tereret in pulverem fregit et quam minutissimas potuit in partes vertit.	34 craneum itaque id, quod fuerat tot seculis terre visceribus conservatum, is homo trivit.

Напротив, в редакции *Marc.*, *Vat.*, *Patav.* (*Vindob.*) существенно большее, чем в редакции *Petr.*, внимание уделено обсуждению вопроса о происхождении останков, и выяснению того, можно ли найденную гробницу считать действительно захоронением Ливия:

<i>Petr.</i>	<i>Marc., Vat., Patav. (Vindob.)</i>
80 Adest <i>praeterea</i> testis, qui vestibulo ecclesie est affixus quadratus lapis, tum quod in eo fit, uti vides, formaliter Epithaphium suum litteris maiusculis ac priscis scriptum, tum quod doceant, <i>quae</i> vidimus fragmenta calcis, lapidem hunc evulsum ac sumptum esse illo ipso murali ex fundamento, quod, ut dixi, lateribus factum erat, et tot iam seculis capsam plumbeam cum ossibus occularat. Neque vero centessimus adhuc adest annus, quod epithaphium illud et ipsa murale ex strue sumptum, et apud fores ecclesie parietibus ecclesie affixum fuit.	80 verum enim vero epigrammate suo apud edem Concordie Patavii sepultum constat. id est hac in forma, lege: V.F. / T. LIVIVS / LIVIAE. T. F. / QVATAE. L. HALYS / CONCORDIALIS / PATAVI / SIBI ET SVIS / OMNIBVS. at vero, quod fuerit sepultus eodem ipso loco, quo hec ista ossa reperta sunt, fama auget fidem, quod lapis, quo insculptum hoc epigramma videtur; necdum excessit octuagesimus annus; inde levatus fuerit; nam et modo calcis fragmenta erant et apparebant vestigia unde evulsus foret. hunc autem istum lapidem hii, qui repertores eius fuerunt, ad ornamentum civitatis, ad dignitatem viri, ad memoriam rei, ad solacium studentium, in eo ipso, quo nun visetur, vestibulo ecclesie sancte Iustine fixerunt; neque aliam rem puto magis obfuisse, quod illi homines, qui harum rerum maxime studiosi illa etate vigeabant, non amplius effoderint, monumentum non ruperint, ossa non invenerint, nisi quod ea muralis strues similior fundamento quam monumento esset, neque illis effodiendi profundius necessitas incubuisset. voluerunt fortasse et numina quod, nemine ab inde perquirente, illa ossa ad etatem usque nostram laterent. quis enim dubitaverit eos homines haud longe avidius longeque maiore studio et delectatione tanti viri humana ossa quam lapideum epigramma extulisse, si eodem in loco iacere illius ossa putassent, in quo suum epigramma invenissent? sed ipsi, qui tunc aderant, sive fama ducti studio inveniendi corporis sive casu effoderent, arbitrati, reor, lapidem illum casu aliquo, non

	industria, ut sepe fit, ab hiis qui hec ista minus fortasse vel intelligerent vel amarent, aliquo tempore velut alioquin inutile saxum illum iniectum fuisse, non diligentius exquisiverunt. nam fundamentis muralibus sive privatorum edium, sive publicorum palatiorum, sive divinatorum templorum antiquissime obrutorum omnis ille urbis angulus refertus est, adeo ut necubi a quoquam usquam illinc effodi possit, quod fundamenta, pavimenta, columne non reperiantur, ita ut maxima atque illustria edificia in eum locum fuisse nemini non certum esse possit.
81 Quippe his testibus ducti, qui graves sunt et electi viri, ossa haec T. Livij esse pro certo affirmant et credunt. Illos vero qui adversentur et negent, dicunt ex illis esse, qui nedum, ut Terentius inquit, in sirpo quærent.	81 hec testimonia nostra sunt, que cum nos annorum centena fere quatuordecim clarioribus spoliarent, quicumque non admiserit severitate proculdubio nimia peccabit, et in scirpo, ut inquit Terentius, nodum queret. nam, si me computo non errasse contigit, is anno Christi decimo octavo, imperii vero Tiberii anno quarto vel, ut alii volunt, tertio, cum annum iam septuagesimum septimum tetigisses, necdum hec nostra religio apud Latios pullulasset, diem supremum obiit.
82 Hec sunt, <i>quæ</i> tibi de T. Livio habui referenda. Tu vale et me, uti soles quos ames ama. Ex Padua. V.F. T. LIVIVS. LIVIAE. F. QVARTAE. L. HALIS PATAVI SIBI ET SVIS OMNIBVS	82 Absolvi, reor, que ad hanc rem pro officio tua diligentia postularet. si longiusculus fortasse quam optares, fuerim, dabis veniam, quod non possint multa paucis dari. brevius atque ornatius quisquam forte, sed verius, nam ipse ego rebus interfui, nemo dicet. hoc enim, quod sapientia tua dignum munus censui, velut massam quandam auri rudem, non modo purgandam, sed digniorem ad formam recoquendam refingendamque mitto. michi enim servit non ut tibi illud lepidum, quod apud nostros coetaneos resurrexit, sed quoddam comune

	dicendi genus. satis actum putavi rem ad seriem, ad veritatem dare. gratum opus agerem tibi, cui, non minus quam vires suppetant, debeo, gratulabor. equidem non eo pacto amicitiam tuam quero, quod velim aurum tuum. hoc unum plurimi facio, quod inter tuos, si non merear amicos, saltem inter notos scribar. vale. Patavii, V kalendas novembres M.CCCC.XIV.

Анализ стиля позволяет с достаточной долей уверенности полагать, что обе редакции письма к Никколи принадлежат перу Полентона. Его авторская манера характеризуется, в частности, избыточным употреблением анастрофы — фигуры, состоящей в перестановке двух смежных слов: *virtute pro vestra, quibus de rebus*. Это яркое явление языка, по сути злоупотребление, стало своего рода «визитной карточкой» Полентона. Мы видим частое использование этой фигуры в обеих редакциях (например, *tanta in concione* 51 в обеих редакциях; *suo pro collegio* 51 только в редакции *Marc., Vat., Patav. (Vindob.)*; *veram ad Christi fidem* 11 только в редакции *Petr.*). Еще одной заметной стилистической чертой языка Полентона является употребление синтагм, состоящих из трех частей, например: *taceo bellicam rem, qua una disciplina, felicitate, virtute non Graecos modo sed orbis etiam universam gentem, reges, populos infinitis victoriis, amplissimo imperio, immortalis gloria superavit* (Scr. ill. 39, 25). В нашем письме находим, например: *dentes evellerant abstulerant furati erant* (32) в редакции *Petr.*

Долгая работа над текстом и составление разных вариантов текста характерно для творчества Полентона. Так, его главное произведение, «Жизнеописания», сохранилось в двух редакциях. Первая редакция была составлена до 1426 г. и сохранилась в одной-единственной рукописи, хранящейся в Biblioteca Riccardiana во Флоренции (Ricc. 121). Вторая редакция была опубликована в 1437 г. Об отличиях в тексте этих редакций можно судить по небольшим фрагментам, которые приводит Сегарицци (Segarizzi 1899: 137–139). В стилистическом отношении различие между текстами двух редакций письма Полентона к Никколи в тех частях, где разница объема не столь

велика, полностью соответствует стилистическим различиям в текстах двух редакций «Жизнеописаний».

По предположению Ульмана, первую редакцию «Жизнеописаний» Полентон заказал сделать для кого-то из друзей (Ullman 1928: XII, XVI). Подарив эту предварительную версию, Полентон продолжил дальнейшую работу над своим трудом. Такую же методику работы мы наблюдаем и применительно к письму к Никколи. Остается открытым вопрос, были ли обе редакции письма отправлены адресату?

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на следующий пассаж из редакции *Marc., Vat., Patav. (Vindob.)*:

hoc enim, quod sapientia tua dignum munus censui, velut massam quandam auri rudem, non modo purgandam, sed digniorem ad formam recoquendam refigendamque mitto. michi enim servit non ut tibi illud lepidum, quod apud nostros coetaneos resurrexit, sed quoddam comune dicendi genus (82).

«Этот дар, который я счел достойным твоей мудрости, шлю тебе словно необработанный слиток золота не только для того, чтобы он был очищен, но и для того, чтобы бы перелит и получил более достойную форму. Ибо я пользуюсь не тем изысканным родом красноречия, который возродился у наших современников, а обычным видом речи» (*перевод наши — Е.А.*).

Из этого высказывания следует, что Полентон воспринимает вариант письма, который он отправляет Никколи, как набросок или как некий необработанный текст. Это дает основание считать, что черновых вариантов письма могло быть несколько.

Не следует забывать слова самого Полентона, включенные им в «Жизнеописания»: *non dico plura, quod epistolae nostrae duae plenae his rebus extent* (Scr. ill. 184, 17). Так как две редакции письма преподносят рассказ об обнаружении захоронения Ливия с разных точек зрения и с акцентами на разных деталях этой находки — в редакции *Petr.* акцент падает на описание процесса обнаружения, а в редакции *Marc., Vat., Patav. (Vindob.)* основное ударение лежит на обсуждении аутентичности останков — то представляется закономерным предположить, что Полентон под словами *epistolae nostrae duae plenae his rebus* подразумевает именно эти два разных варианта текста. Вполне вероятно, что оба варианта письма Полентон

отправил Никколи, предоставив тому возможность самому выбрать текст, подходящий для того, чтобы представить его вниманию папы Мартина V. Возможно также, что второе письмо (т. е. редакция *Marc., Vat., Patav. (Vindob.)*) было отправлено позднее, после того как первое (т. е. редакция *Petr.*) было зачитано папе Мартину V. В таком случае второе письмо могло служить ответом на вопросы папы, касающиеся подлинности останков Ливия, обнаруженных Полентоном в Падуе.

Таким образом, предварительное сопоставление текстов двух редакций письма Полентона к Никколи показывает значимость редакции, сохранившейся в Петербургской рукописи. По содержанию она имеет важное значение в части рассказа об открытии «захоронения» Ливия, так как содержит детали, отсутствующие в редакции *Marc., Vat., Patav. (Vindob.)*. Представляется оправданным предложить гипотезу, что Полентон написал Никколи два письма (как и предполагал Фойгт) и отправил их либо одновременно, либо одно за другим после того, как первый вариант был прочитан папе Мартину V.

Литература

- Antonets, E. V. 2023: [The manuscript Lat. F. XVIII. 12 from the collection of the National Library of Russia (Sicco Polenton; Cicero): the script and the history of the manuscript]. In: *Istoria pis'ma evropejskoj tsivilizatsii i pis'mennaja kul'tura narodov Rossii* [The history of writing of European civilisation and written culture of the peoples of Russia]. Kazan': IJALI, 206–211.
- Антонец, Е. В. 2023: Гуманистический сборник речей Цицерона и сочинений Сикко Полентона Lat. F. XVIII. 12 (РНБ): особенности письма и история рукописи. В сб. *История письма европейской цивилизации и письменная культура народов России*. Казань: ИЯЛИ, 206–211.
- Antonets, E. V. 2024: [The manuscript Lat. F. XVIII. 12 (NLR) in the manuscript tradition of Cicero's *Pro Archia*]. *Indoevropskoe jazykoznanie i klassicheskaja filologija*. 28 (1), 67–80.
- Антонец, Е. В. 2024: Петербургская рукопись Lat. F. XVIII. 12 в рукописной традиции речи Цицерона «В защиту поэта Архия». *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 28 (1), 67–80.
- Banella, L., Modonutti, R. 2020: *Sicco Polenton. Vite dei moderni. Mussato, Dante, Petrarca, Boccaccio*. A cura di Laura Banella e Rino Modonutti. Padova.

- Barillari, S. M. 2008: *Il Purgatorio* di Ludovico di Sur: un test a cavallo fra Medioevo e Rinascimento (Napoli, Biblioteca Nazionale, Vind. lat. 57, cc. 258–263). *Studi medievali*. 49, 759–808.
- Benucci, F. 2019: *La memoria di Tito Livio sul fianco del Salone (1426–1451). Tra Leonardo Giustinian, Guglielmo Ongarello e Nostradamus*. Padova.
- Borisenko, D. S. 2022: [The polemik between Leonardo Bruni and Alonso de Cartagena on Latin translations of Aristotle's Nicomachean Ethics and its place in the history of translation thought]. *Science Time*. 2 (98), 5–11.
Борисенко, Д. С. 2022: Полемика Леонардо Бруни и Алонсо да Картахены о латинских переводах «Никомаховой этики» Аристотеля и ее место в истории переводческой мысли. *Science Time*. 2 (98), 5–11.
- Curtius, E. R. 1949: Sicco Polenton. *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*. 11, 219–221.
- Kapp, J. E., Sieber, J. G. 1733: *Dissertatio de Xiccone Polentono cancellario Patavino Historiae litterariae saec. XV. in Italia instauratore*. Lipsiae.
- McHam, S. B. 2005: Renaissance monuments to favourite sons. *Renaissance Studies*. 19, № 4, 458–486.
- Modonutti, R. 2024: *Sicco Polenton. Scriptorum illustrium Latinae linguae libri. Livio, Plinio, Seneca e altri prosatori, un'antologia della prima storia della Letteratura latina antica*. A cura di R. Modonutti con la collaborazione di G. D'Alessandro. Firenze, 2024.
- Molli, G. B., Benucci, F., Modonutti, R. 2020: *L'Umanesimo de Sicco Polenton. Padova, la Catinia, i Santi, gli Antici*. A cura di G. B. Molli, F. Benucci, R. Modonutti. Padova, 2020.
- Morhof, D. G. 1685: *De Patavinitate Liviana Liber*. Kiloni.
- Morison, S. 1972: *Politics ans Script. Aspects of Authority and Freedom in the Development of Graeco-Latin Script from the Sixth Century B.C. to the Twentieth Century A.D.* Ed. and completed by Nicolas Barker. Oxford.
- Pignoria, L. 1625: *Le origine di Padova*. Padova.
- Robathan, D. M. 1932: A Fifteen-Century History of Latin Literature. *Speculum*. 1932, 7.2, 239–248.
- Ruiz Arzalluz, I. 2019: Epitome = compilatio: Paolino Veneto, Lombardo della Seta, Sicco Polenton. *Aevum*. 93, Fasc. 2, 559–574.
- Ruiz Arzalluz, I. 2022: Sicco Polenton, la historiografia de segunda mano y los *Scriptorum illustrium Latinae linguae libri XVIII*. In González Rolán, T., Velázquez Soriano, I., Márquez Cruz, M., Carrasco Reija, L., Cuadra García, M. F. (eds.) *Pinguis Humus. Volúmenes dedicados a la profesora Francisca Moya del Baño*. Vol. II. Madrid, 1159–1167.
- Segarizzi, A. 1899: *La Catinia, le orazioni e le epistole di Sicco Polenton*. Bergamo.

- Shumilin, M. V. 2020: [Error vs Variant: The “New Philology”, Latin Studies and the “Bad Language”]. *Vox medii aevi*. 1–2 (6–7), 28–75.
- Шумилин, М. В. 2020: Ошибка против варианта: «новая филология», латинистика и «плохой язык» [Электронный ресурс]. *Vox medii aevi*. 1–2 (6–7), 28–75.
- Shumilin, M. V., Samokhvalova, N. E. 2016: [From Zono de Magnalis to Francesco Filelfo: Interpretation of the Aeneid at the end of the Middle Ages]. In *[Language and textual sciences in 14th- and 15th-century Europe]*. М., 168–413.
- Шумилин, М. В., Самохвалова, Н. Е. 2016: От Дзано де Маньялиса к Франческо Филельфо: толкование «Энеиды» на исходе Средневековья. В кн. *Науки о языке и тексте в Европе XIV–XV веков*. М., 168–413.
- Tabulae 1868: *Tabulae codicum manu scriptorum, praeter Graecos et orientales in Bibliotheca Palatina Vindobonensi asservatorum*. Edidit Academia Caesarea Vindobonensis. Vol. II: Cod. 2001–3500. Wien, 1868. 217–220.
- Tomasini, J. F. 1630: *Titus Livius Patavinus*. Padova.
- Ullman, B. L. 1973: The Post-Mortem Adventures of Livy. In Ullman, B. L. *Studies in the Italian Renaissance*. 2nd ed. Rome. 53–57.
- Ullman, B. L. 1928: *Sicconis Polentoni Scriptorum illustrium Latinae linguae libri XVIII*. Rome: American Academy in Rome.
- Ullman, B. L. 1960: *The Origin and Development of Humanistic Script*. Roma.
- Valentinelli, J. 1872: *Bibliotheca manuscripta ad S. Marci Venetiarum. Codices Mss. Latini*. Tom. V. Venetiis.
- Vessey, M. 2004: Latin Literary History after Saint Jerome: The *Scriptorum illustrium Latinae linguae libri* of Sicco Polenton. *Neulateinisches Jahrbuch*. 6, 303–311.
- Viti, P. 2015: Polenton, Sicco. In *Dizionario biografico degli italiani*. Vol. 84. Roma, 561–564.
- Voigt, G. 1888: Il Risorgimento dell’antichità classica ovvero il primo secolo dell’umanesimo. Vol. I. Firenze.
- Voigt, G. 1893: Die Wiederbelebung des classischen Alterthums oder das erste Jahrhundert des Humanismus. 3. Aufl. Bd. II. Berlin.
- Wilk, S. B. 1986. Donatello’s ‘Dovizia’ as an Image of Florentine Political Propaganda. *Artibus et Historiae*. 7, № 14, 9–28.
- Zabarella, G. 1669: *Tito Livio Padovano, overo historia della gente Livia*. Padova.

Сокращения

РНБ — Российская национальная библиотека
 BAV — Biblioteca Apostolica Vaticana
 BNM — Biblioteca Nazionale Marciana
 CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum

М. С. Апенко
Институт Всеобщей истории РАН.
mikhap97@live.com

АРИСТОНИК И МЕМФИССКИЙ ДЕКРЕТ 182 Г. ДО Н.Э.: К ВОПРОСУ О ЛОЯЛЬНОСТИ ЖРЕЧЕСТВА ПТОЛЕМЕЮ V

В статье рассматривается одна из особенностей Мемфисского декрета 182 г. до н.э., а именно упоминание вельможи Аристоники в мотивировочной части этого декрета. Птолемеевские декреты были важным инструментом в пропаганде легитимности царей династии Птолемеев. В мотивировочной части этих декретов перечислялась та деятельность царя, которая позволяла оценивать его как настоящего легитимного царя Египта, что позволяло ему получать особые почести в египетских храмах. Важно, что в этой части текста вплоть до Мемфисского декрета 182 г. до н.э. вместе с царем могла упоминаться только его супруга. В этом отношении Мемфисский декрет 182 г. до н.э. является заметным исключением. Так, в этом декрете отмечаются благие дела не только царя, но и вельможи и приближенного царя Аристоники, который подавил восстание в Дельте. Упоминание Аристоники в мотивировочной части декрета может являться свидетельством сомнений жречества в царском статусе Птолемея V. Эти сомнения выражались так, чтобы греко-македонские подданные царства Птолемеев не смогли их воспринять: для них упоминание Аристоники было всего лишь признанием его заслуг.

Ключевые слова: Эллинизм, Древний Египет, Египет Птолемеев, Птолемеи, Птолемей V, Аристоник, египетское жречество.

М. S. Apenko
Institute of World History, RAS.
mikhap97@live.com

Aristonicus and the Memphis Decree of 182 BCE: was the priesthood loyal to Ptolemy V

This article addresses the question of why Aristonicus' associate was mentioned in the main body of the Memphis Decree of 182 BC. Ptolemaic decrees were issued after special assemblies of the Egyptian priesthood, and were an important element of Ptolemaic propaganda. A significant portion of these texts listed the king's gifts to Egyptian temples and gods, portraying him as a legitimate ruler of Egypt and justifying the special honours bestowed upon him. Importantly, only the deeds of the king, or in rare cases his spouse, could be mentioned in such a listing; no other person could be mentioned. Therefore, the Memphis Decree of 182 BCE is a

notable exception to this rule. The text states that Aristonicus suppressed the rebellion in the Delta, thus establishing him as one of Egypt's major benefactors. The article argues that this act reveals the priesthood's doubts about Ptolemy V's legitimacy, though these doubts were expressed in a way that the Greek and Macedonian elite could not understand. To them, the mention of Aristonicus would be nothing more than an acknowledgement of his achievements.

Keywords: Hellenism, Ancient Egypt, Ptolemaic Egypt, Ptolemies, Ptolemy V, Aristonicus, Egyptian priesthood

Одним из важнейших источников по истории Египта Птолемеи являются так называемые синодальные, или птолемеи-ские, декреты¹. Эти тексты создавались по результатам синодов, особых собраний представителей египетского жречества, где решались вопросы, связанные с установлением династического культа. Важной особенностью этих текстов было то, что они формировали особый образ правящего царя. Так, сама структура этих текстов, повторявших собой почётные декреты греческих полисов (Woodhead 1981: 37–39) с их мотивировочной и постановляющей частью, позволяла обосновать права царя на особые почести в египетских храмах. Различные деяния царя, описанные в мотивировочной части декретов, за которые царь получал почести, были многочисленны, и показывали, что царь выполняет свои функции египетского царя и заботится о благополучии храмов и богов Египта, то есть обладает нужным сакральным статусом для того, чтобы считаться царём Египта (Apenko 2023a: 48; Apenko 2024: 226–227).

В связи с этим, мы хотели бы обратиться к Мемфисскому декрету 182 г. до н. э. времени Птолемея V (Nespoulous-

¹ Всего на сегодняшний день известно 8 синодальных декретов. Это декреты царствования Птолемея III — Александрийский 243 г. до н. э. (El-Masry, Altenmuller, Thissen, 2012) и Канопский 238 г. до н. э. (Pfeiffer 2004); декреты царствования Птолемея IV — плохо сохранившийся Мемфисский декрет, изданный в промежутке между 221–217 гг. (Raphael 1938) и декрет Рафии 217 г. до н. э. (Thissen 1966); декреты царствования Птолемея V — Розеттский 196 г. до н. э. (Gladic 2015), Филенсис II 186 г. до н. э. (Recklinghausen 2018: 111–178), Филенсис I 185 г. до н. э. (Recklinghausen 2018: 29–110), Мемфисский 182 г. до н. э. (Nespoulous-Phalippou 2015). Кроме того, в историографии высказываются идеи о существовании ещё нескольких декретов (см. Gogte, Veisse 2020).

Phalippou 2015). Собрание, которое описано в декрете, было проведено в день интронизации священного быка Мневиса² и, по всей видимости, было приурочено к подавлению восстания в Дельте.

Говоря об этом декрете, мы не можем не отметить несколько деталей. Так, это единственный дошедший до нас декрет, в котором не сохранилось постановляющей части, где предоставляются почести царю. Сложно сказать, является ли причиной этому плохая сохранность источников или же сознательное решение жречества. Как считают исследователи, более вероятен второй вариант: так, автор публикации декрета А. Несполу-Филиппу считает, что жречество не предоставило царю никаких почестей, поскольку тот отказался присутствовать на собрании (Nespoulous-Phalippou 2015: 268). Ж. Горр и А. Е. Веиссе придерживаются менее радикальной версии: по их мнению, просто не было необходимости в введении новых почестей для царя (Gorre, Veisse 2020: 126–127, п. 57). Они отмечают, что в текстах декретов никогда не повторяются уже данные в предыдущих декретах почести. В таком случае, если новые почести на синоде не вводились, то не было нужды и в принятии постановления. На наш взгляд, обе версии являются не очень удачными: так, версия А. Несполу-Филиппу предполагает, что случился открытый конфликт между властью и жречеством, что было бы крайне невыгодно самому жречеству; версия же Ж. Горра и А. Е. Веиссе, при всей своей логичности, вызывает вопрос, зачем вообще проводить синод, если никаких решений после него не будет.

Другой значительной деталью декрета оказывается то, что в его мотивировочной части в качестве основного из действующих лиц фигурирует не только царь, но и его приближенный Аристоник (Caire RT 2/3/25/7, сткк. 27–28: *mh-ib n nsw hry hrp nfrw 3rysd3nyugws* «доверенный царя, начальник отрядов всадников Аристуник»). Важно, что в тексте утверждается, что именно он, а не царь, подавил восстание в Дельте (Caire RT 2/3/25/7, сткк. 27–35). Подобного рода упоминание иных вельмож в мотивировочной части декрета кажется несколько

² Подробнее о священных животных в Позднем Египте см. Kessler 1989, об их роли в пропаганде Птолемеев, см. Apenko 2024b.

нестандартным, поэтому возникает вопрос, почему Аристоник вообще был упомянут в декрете.

Нужно сказать, что эта ситуация действительно необычна. Чаще всего в мотивировочной части декретов упоминается только царь: так, нет упоминаний других лиц в Александрийском декрете 243 г. до н. э. (АД, сткк. 4–13), в декрете Рафии 217 г. до н.э. (CPI 144, дем. сткк. 6–31), Розеттском декрете 196 г. до н.э. (Urk. II. 173–187; OGIS 90, сткк. 9–36). Иногда в мотивировочной части декрета вместе с царём упоминается его супруга. Например, в Канопском декрете 238 г. до н. э. почти все описанные в мотивировочной части действия совершают Птолемей III и Береника II совместно (например, OGIS 56, сткк. 7–8.: [βασ]ιλεύς Πτολεμαῖος Πτολεμαίου καὶ Ἀρσινόης, θεῶν Ἀδελφῶν, καὶ βασιλίσσα Βερενίκη ἡ ἀδελφὴ αὐτοῦ καὶ γυνή, θεοὶ Εὐεργέται, διατελοῦσιν πολλ[ὰ κ]αὶ μεγάλα εὐεργετοῦντες «царь Птолемей сын Птолемея и Арсинои Богов Адельфов и царица Береника сестра его и жена Боги Эвергеты совершили многие великие благодеяния» = Urk. II. 127. 10–128.3). В декрете Филенсис II 186 г. до н. э. Птолемей V также действует вместе со своей супругой царицей Клеопатрой I (Urk. II. 218. 5–8), а в декрете Филенсис I 185 г. до н.э. специально сообщается о деяниях лично Клеопатры I (Urk. II. 204. 5–10(5–7): *isk rdi.n ḥḳ3t nb(t) t3wy [kli]wp3dr3[t] snt [hmt] n s3 R^c ptwlmw[s-^cnh-dt-mry-Pth] [hḏ] nbw 3wt nb(t) n [m3^ct] mi-^cš.[sn]* «вот дала владычица Обеих Земель Клеопатра сестра и супруга сына Ра Птолемея, живущего вечно, любимого Птахом, серебро, золото, камни всякие действительно во множестве их»). Однако упоминание царицы наравне с царем не выглядит неуместным. Она правила вместе с царем, что отражалось, например, в системе династического культа³. Более того, царица редко выступает одна, обычно она упоминается вместе с мужем. Важно, что наравне с царём в декретах упоминаются только те супруги, которые не были сестрами царя. Возможно, их упоминание в декретах связано с необходимостью укрепить их положение в Египте.

Важно, что войсками в декретах командует только царь. В Канопском декрете царь «в одиночку» идёт походом «в Азию»

³ Так, в рамках династического культа как в греческой, так и в египетской среде почитался не один царь, а божественная пара царя и царицы (Minas 2000; Pfeiffer 2008).

(то есть против державы Селевкидов) в ходе III Сирийской войны (OGIS 56, сткк. 10–11: τὰ ἐξενεγχθέντα ἐκ τῆς χώρας ἱερὰ ἀγάλματα ὑπὸ τῶν Περσῶν ἐξστρατεύσας ὁ βασιλεὺς ἀνέσωσεν εἰς Αἴγ[υπτο]ν «взятые Персами из страны священные статуи **Царь, проводя поход**, вернул в Египет» Urk. II. 128. 10–12). Сам же идёт походом против царства Селевкидов во время IV Сирийской войны и Птолемей IV в Декрете Рафии 217 г. до н. э. (CPI 144, дем. сткк. 10–16). В декрете Розеттского камня сообщается о том, как молодой Птолемей V лично подавил восстание в Ликополе (Urk. II. 180.4–182.5; OGIS 90, стк. 21–27). Последнее сообщение особенно примечательно, поскольку царю на тот момент было около 14 лет, и он вряд ли мог действительно участвовать в военной кампании. И все же оно показывает особенности представлений о царе: в любой ситуации формально именно он командует войсками.

Среди синодальных декретов лишь в декрете Филенсис II указано, что армией Египта командует не сам царь. В преамбуле декрета, перед собственно мотивировочной частью, сообщается, что военачальник Коман подавил восстание в Верхнем Египте (Urk. II. 217. 4–218.1). Отметим, что сообщил царю об этом именно Аристоник (Urk. II. 217. 4–5: *hft smiw.s n hm.f m r <n> mh-ib n hm.[f] mri nsw hry hrp nfrw i3rs3dniws p3 (n) i3rs[3d]niig[w]s* «когда было сообщено величеству его из уст доверенного его величества, любимого царём начальника командиров кавалерии Аристоники сын Аристоники»). Однако в тексте мотивировочной части декрета нет ни слова о полководце, именно царю и его действиям приписывается успех в подавлении восстания (Urk. II. 221.7–224.10), что в очередной раз показывает, что за успех в войне отвечает именно царь. Таким образом, в Мемфисском декрете 182 г. до н. э. мы сталкиваемся с действительно уникальной ситуацией, когда в мотивировочной части декрета военный успех приписан не царю или царице, а приближенному царя.

Если мы расширим нашу подборку текстов и рассмотрим иероглифические царские надписи правления первых Птолемеев, то заметим, что ничего не меняется: ни в Пифомской (Thiers 2007), ни в Мендесской (Roeder 1959: 168–188; De Meulenaere, MacKay 1976: 173–177), ни в Саисской (Apenko 2023b) надписях никто, кроме царя или его родственников, не выполняет деятельность царя (в Мендесской стеле сообщается,

что на интронизацию священного барана Банебджеда приехал сын царя, а не сам царь; Urk. II. 46.3–47.5).

Обратимся к ещё одному памятнику эллинистической эпохи, т. н. стеле Сатрапа (Urk. II. 11–22; Ladynin 2022), относящейся ко времени, когда реальным правителем Египта был Птолемей, сын Лага. На момент создания этой надписи формальным правителем Египта был Александр IV, сын Александра Великого и Роксаны, что зафиксировано в тексте самого декрета (так, в нем записана его титулатура; Urk. II. 12. 10–13.5). Между тем, в самом тексте о делах Александра не сказано ни слова, перечисляется деятельность только сатрапа Птолемея. Более того, в тексте имеется панегирик Птолемею, который описывает его в терминах, приближенных к царским (Urk. II. 13.6–14.6), а в основной части надписи сообщается о том, как Птолемей решает ситуацию с земельным владением под названием «Земля Уаджит» и возвращает эту землю богам Буто (Urk. II. 19. 3–20.16). За это Птолемей получает от богов способность внушать чужеземцам парализующий страх, что является характеристикой легитимного царя (Demidchik 2005: 146; Urk. II. 21. 8–9: *di n.f kn(t) nḥt m ndm-ib r snd.f m-ḥt ḥ3swt mi kd.sn* «даны ему доблесть /и/ мощь в качестве обаяния сердца, для страха его по чужеземным странам целиком»). Таким образом, с помощью различных приемов в рамках Стелы Сатрапа выражалась идея, что правящие ныне цари Аргеады не являются в полной мере сакральными, а частью этой сакральности обладает Птолемей.

Вообще, скрытые формы непризнания за царем легитимности мы достаточно часто находим в египетских памятниках Позднего времени. Как заметила У. Рёсслер-Кёллер, некоторые жрецы в своих частных надписях могли избегать упоминаний царя и переносить его функции на местное божество или, в редких случаях, на самих себя (Rössler-Köhler U. 1994). Жрецы могли не указывать имя царя; вместо имеющего сакральное значение титула *nsw-bity* «царь Верхнего и Нижнего Египта» (Wb. III. 330–332; Beckerath 1999: 15–16; Blöbaum 2006: 62–63) и особого обращения *ḥm.f*, традиционно переводимого как «величество его»⁴, могли употребляться более общие термины,

⁴ Реальное значение этого термина, по всей видимости, было иным. Этот термин употреблялся в отношении материальной сущности, в

указывающие, что вельможа связывает свои успехи не столько с царём, сколько с местным божеством.

Ситуация стала особенно сложной в конце III в. до н.э., когда против власти Птолемеев поднимаются масштабные восстания на юге страны. Лидер одного из них — Хауннефер — даже провозгласил себя царем, то есть полностью отрицал легитимность Птолемеев (Pestman 1995; McGing 1997: 285–289; Hölbl 2001: 153–159). Сомнения в царском статусе можно заметить и в регионах, которые сохранили лояльность Птолемеям. Например, в надписях видного жреца Мемфиса, одного из важных центров власти Птолемеев, Хоремахета (Gorte 2009: 310–313), который являлся, ко всему прочему, жрецом династического культа Птолемеев (BM 391, стк. 2), нет никаких упоминаний царя, а загробное существование Хоремахет связывает исключительно с богами (Leiden AMT 3), что показывает его некоторые сомнения в сакральном статусе Птолемеев.

И всё же для оценки позиции жречества мы используем частные источники, причем записанные иероглификой. Даже если мы и находим в них следы сомнения в легитимности власти Птолемеев, это сомнение выражается скорее в нежелании упоминать царя, нежели в попытках открыто отказать ему в этом статусе. Представители греко-македонской власти страны, которые вряд ли были способны разобраться в тонкостях текстов на незнакомом им языке, могли не осознавать, что за формулами, восхваляющими богов, в частных памятниках скрывается сомнение в легитимности правящего монарха. Напротив, Мемфисский декрет 182 г. до н.э. был составлен при активном взаимодействии с администрацией страны и, в некотором роде, адресован ей. В таком тексте мы вряд ли можем найти какие-либо сомнения в сакральности царей династии Птолемеев. Или же такое возможно?

Здесь мы хотели бы обратиться к Манефону Севеннитскому, видному египетскому жрецу ещё первой половины III в. до н.э.⁵ Манефон являлся автором *Αἰγυπτιακά* — масштабного грекоязычного труда, посвященного истории Египта и основанного на египетских источниках, который известен нам во фраг-

которой оказывается воплощено божественное начало в земном мире (Berlev 1972: 38–39).

⁵ Подробнее о Манефоне см. Apenko 2023c.

ментах. В этом сочинении Манефон должен был описывать и новые македонские династии Аргеадов и Птолемеев. В связи с этим нам показалась интересной точка зрения А. А. Немировского, который предположил, что Манефон не признавал македонских правителей легитимными: так, он сознательно не помещает правителей Египта после XXX династии, причем не только последних Ахеменидов, но, что важно для нас, и следующих за ними Александра и других македонских царей, в отдельные династии. Это может указывать на то, что Манефон не считал представителей данных династий сакральными царями Египта. Как считает автор, эту деталь могли понять только жрецы, которые были знакомы с царскими списками и имели представление о династиях Египта; для греко-македонской элиты страны тот факт, что македонские цари не были выделены в отдельную династию, не играл бы большой роли, поскольку и Александр, и Птолемей получили бы формальные панегирики в тексте труда (Nemirovsky 2023).

Хотя это предположение кажется несколько смелым (нам неизвестен полный текст Αἰγυπτιακά, и мы не знаем, как действительно заканчивалось это произведение), всё же отметим схожесть двух ситуаций. Некий источник, формально восхваляющий Птолемеев, содержит незначительные детали, которые в глазах египтян могут выражать непризнание за Птолемейми их сакрального статуса или сомнение в наличии этого статуса. В таком случае следует понять, действительно ли в тексте Мемфисского декрета 182 г. до н. э. выражаются сомнения в сакральном статусе и насколько открыто эти сомнения были выражены.

Вновь обратимся к тексту декрета. Отметим, что в декрете перечисляются благие дела царя: сообщается, что именно он с супругой совершает благодеяния храмам и богам Египта (Caire RT 2/3/25/7, сткк. 11–12: *mḥ.sn isk r tr nb m ir(t) ḥt kn n ntrw B3kt r 3w.sn ḥn^c ntrwt r dr.sn* «поскольку беспокоились они постоянно о совершении множественной вещи для богов Египта, вместе с богинями во всем множестве их»), заботится о священных животных (Caire RT 2/3/25/, сткк. 15–16: *[ir.n.f 3w] wrw n Ḥp Mr-wr ḥn^c kṯy ʿwt ntrwt ḥw m T3-mri* «совершал он много полезного для Аписа, Мневиса вместе с другими священными животными, почитаемыми в Египте»), прощает задолженности храмам (Caire RT 2/3/25/, сткк. 19–21). Таким образом, в тексте призна-

ется деятельность царя на пользу храмам и богам Египта, которая характеризует его как легитимного правителя Египта. Правда, все описанные выше действия были зафиксированы и в предыдущих декретах Птолемея V, так что их можно оценить и просто как протокольные формулы.

Между тем, войсками в тексте командует не царь, а Аристоник, именно ему приписан успех в подавлении этого восстания (*Caire RT 2/3/25/7*, сткк. 27–35). В тексте сообщается, что он победил повстанцев в битве при Памсаи *P3-m-s3y* (*Caire RT 2/3/25/7*, сткк. 27–31), после чего произвел дарения в этом месте (*Caire RT 2/3/25/7*, сткк. 31–33), а затем продолжил кампанию против повстанцев, причем специально говорится, что он проявлял доблесть подобно правителю (*Caire RT 2/3/25/7*, стк. 35: *iw.f ir kn m stwt (r) ity* «вот он делает доблесть в качестве изображения правителя»). Эта формула особенно интересна: обозначение *ity* «правитель, суверен» (Wb. I. 143. 3–13; Wilson 1997: 120) часто используется по отношению к царю или богам Египта. Таким образом, в тексте подчеркивается, что, подавляя восстание, Аристоник ведет себя подобно правителю. Возможно, здесь даже подразумевается, что он осуществляет деятельность, за которую ответственен именно царь. Получается, что на Аристонику переносятся царские функции, и это показывает сомнения жречества в том, что Птолемей V был по-настоящему легитимным правителем. Остается последний вопрос, могли ли подданные царя заподозрить в этих формулировках непризнание за царем его легитимного статуса?

Для этого надо подробнее остановиться на фигуре Аристоники. Полибий сообщает, что Аристоник был одним из евнухов при дворе Птолемея V и воспитывался вместе с царем (*Plb.* XXII. 22). Там же Полибий отмечает, что он был опытным военачальником и отличался мужеством: ок. 186–185 гг. до н. э. Аристонику отправили в Грецию с тем, чтобы тот собрал наёмников, необходимых для подавления восстания в Египте (*Plb.* XXII. 7). Г. Хёльбль приводит свидетельства о том, что он был дипломатом на службе царя и жрецом династического культа Птолемеев ок. 187/186 гг. до н.э. (Hölbl 2001: 141). Из декрета Филенсис II мы знаем, что именно Аристоник сообщил Птолемею V о подавлении восстания в Египте (*Urk.* II. 217. 4–5). Исходя из этих сведений, можно предположить, что царь назначил Аристонику ответственным за подавление восстаний в

Египте, а, возможно, и за взаимодействие с египетским жречеством, чем объясняется его присутствие на синодах и упоминание в декретах.

Таким образом, Аристоник был одним из важных приближенных и близких друзей царя, так что его упоминание в тексте декрета могло показаться македонским подданным скорее почетным, нежели выражающим сомнение в легитимности царя. Кроме того, именно Аристоник подавил восстание в Дельте, что делало его важной фигурой для македонской администрации. Даже если бы представители власти и могли усмотреть в тексте декрета какие-либо высказывания против царя, это бы не изменило того факта, что восхваления получал приближенный царя, который к тому же был евнухом, не имевшим отношения к династии Птолемеев: Аристоник просто не мог представлять угрозы власти Птолемеев.

В качестве вывода мы бы хотели сказать следующее: упоминание Аристоники в Мемфисском декрете 182 г. до н. э. может указывать на сомнения жречества в легитимности Птолемея V. Так, констатируя, что именно Аристоник подавил восстание в Дельте, жрецы вместо того, чтобы описать роль царя при подавлении этого восстания, дают понять, что царь не имел к этому никакого отношения. По существу, в тексте констатируется, что Аристоник выполняет функции царя, и это может подразумевать, что сам царь с ними не справляется. Между тем, данное сомнение в сакральном статусе Птолемея V выражено так, что для греко-македонских подданных царства Птолемеев это не выглядело слишком явно: за царём признаётся другая его деятельность на благо Египта; Аристоник был близким другом царя и не мог представлять угрозы власти Птолемеев. Таким образом, Мемфисский декрет 182 г до н.э. показывает, что, хотя в правление Птолемея V власти удалось восстановить контроль над Египтом, сомнения в легитимности царя сохранялись на протяжении правления данного царя.

Сокращения

АД — Александрийский декрет (с указанием строк по El-Masry, Y., Altenmuller, H., Thissen, H.-J. 2012: *Das Synodaldekret von Alexandria aus dem Jahre 243 v. Chr.* Hamburg.

ВМ — коллекция британского музея, Великобритания.

Caire RT — Египетский музей Каира, Египет.

- CPI — Bowman, A. K., Crowther, C. V., Hornblower, S., Mairs, R., Savvopoulos, K. 2021: *Corpus of Ptolemaic Inscriptions. V. 1. Alexandria and the Delta (Nos. 1–206): Part I: Greek, Bilingual, and Trilingual Inscriptions from Egypt*. Oxford (с указанием номера надписи).
- Leiden — коллекция Лейденского музея, Нидерланды.
- OGIS — Dittenberger, W. 1903–1905: *Orientis Graeci inscriptiones selectae: supplementum sylloges inscriptionum Graecarum*. Vol. I–II. Lipsiae. (с указанием номера надписи).
- Urk. II — Sethe, K. 1904–1916: *Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit*. Leipzig.
- Wb. — Erman, A., Grapow, H. 1929–1961: *Wörterbuch der Ägyptischen Sprache*. Bd. I–V. Berlin.

Литература

- Apenko, M. S. 2023a: [The rise of the Egyptian priestly synods during the Ptolemaic era.] *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki [Proceedings of Kazan University. Humanities Series]* 165 (4–5), 43–53
- Апенко, М. С. 2023а: Проблемы возникновения синодов египетского жречества в эпоху Птолемеев. *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки* 165(4–5), 43–53.
- Apenko, M. S. 2023b: [The Sais Inscription. Translation and commentary]. *Istoriya [History]*, 2023, no. 14/2 (124). URL: <https://history.jes.su/s207987840024924-5-1/>.
- Апенко, М. С. 2023б: Саисская надпись. Перевод и комментарий. Электронный научно-образовательный журн. «История», 14/2 (124).
- Apenko, M.S. 2023c: [Manetho of Sebennytyos and His Role in the Egyptian Priesthood]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 1, 108–123.
- Апенко М.С. 2023с: Манефон Севеннитский и его место в египетской жреческой корпорации. *ПИФК* 1, 108–123
- Apenko, M. S. 2024: [Caring for Sacred Animals in Ptolemaic Propaganda] *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 2, 219–237.
- Апенко, М. С. 2024: Забота о священных животных в пропаганде Птолемеев. *ПИФК* 2, 219–237.
- Beckerath, J. von 1999: *Handbuch der ägyptischen Königsnamen*. 2. Aufl. München.
- Berlev, O. D. 1972: *Trudovoe naselenie Egipta epokhi Srednego tsarstva [Labour Population in the Middle Kingdom Egypt]*. Moscow.
- Берлев, О. Д. 1972: *Трудовое население Египта эпохи Среднего царства*. М.
- Blöbaum, A. I. 2006: *“Denn ich bin ein König, der Maat liebt”: Herrscherlegitimation im spätzeitlichen Ägypten*. Aachen.

- De Meulenaere, H., MacKay, P. 1976: *Mendes II*. Wärmster.
- Demidchik, A. E. 2005: *Besymyannaya piramida. Gosudarstvennaya doktrina drevneyegipetskoy monarkhii* [A Nameless Pyramid: The State Doctrine of the Ancient Egyptian Heracleopolitan Monarchy]. Saint Petersburg.
- Демидчик, А. Е. 2005: *Безымянная пирамида. Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии*. СПб
- El-Masry, Y., Altenmuller, H., Thissen, H. J. 2012: *Das Synodaldekret von Alexandria aus dem Jahre 243 v. Chr.* Hamburg.
- Gladić, D.A. 2015: *Das Dekret von Memphis. Kommentar und Auswertung*. Diss. Trier. [<https://ubt.opus.hbz-nrw.de/frontdoor/index/index/year/2018/docId/829>]
- Gorre, G. 2009: *Les relations du clergé égyptien et des Lagides d'après les sources privées*. Leuven.
- Gorre, G., Veisse, A. 2020: Birth and disappearance of the priestly synods in the time of the Ptolemies. In: G. Gorre, St. Wackenier (eds.), *Quand la fortune du royaume ne dépend pas de la vertu du prince: Un renforcement de la monarchie lagide de Ptolémée VI à Ptolémée X (169–88 av. J.–C.)*. Leuven, 113–140.
- Hölbl, G. A 2001: *History of the Ptolemaic Empire*. London–New York.
- Kessler, D. 1989: *Die heiligen Tiere und der König*. Wiesbaden.
- Ladynin, I. A. 2022: Ptolemey, syn Laga, i zhretsy Buto. "*Stela satrapa*" (Egipetskiy muzey, Kair, 22182): Ieroglifi cheskiy tekst, perevod i kommentariy [Ptolemy, Son of Lagus, and the Priests of Buto. The Satrap Stela (Egyptian Museum, Cairo, 22182): Hieroglyphic Text, Translation and Commentary]. Moscow; Saint Petersburg.
- Ладынин, И. А. 2022: *Птолемей, сын Лага, и жрецы Бутто. "Стела сатрапа" (Египетский музей, Каир, 22182): Иероглифический текст, перевод и комментарий*. М.; СПб.
- McGing, B. C. 1997: Revolt Egyptian Style. Internal Opposition to Ptolemaic Rule. *Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete* 43, 274–314.
- Minas, M. 2000: *Die hieroglyphischen Ahnenreihen der ptolemäischen Könige. Ein Vergleich mit den Titeln der eponymen Priester in den griechischen und demotischen Papyri*. Mainz.
- Nemirovsky A. A. 2023: [The ending of Manetho's "Aegyptiaca" and the question of his loyalty to the Macedonian authorities.] In: *Tezisy Vserossiyskoy nauchnoy konferencii «Istorik i tekst: k 90-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Grigoriya Maksimovicha Bongard-Levina» (20–22 dekabrya 2023 g.)* [Abstracts of the All-Russian scientific conference "Historian and text: on the 90th anniversary of the birth of academician Grigory Maksimovich Bongard-Levin" (December 20–22, 2023)] URL: https://igh.ru/ckeditor_assets/attachments/570/%D0%A2%D0%95%D0%97%D0%98%D0%A1%D0%AB_%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%

- B8%D0%BA_%D0%B8_%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82_2023_%282%29.pdf
- Немировский А. А. 2023: Завершение «Египтиак» Манефона и вопрос о его лояльности македонской власти. В сб.: *Тезисы Всероссийской научной конференции «Историк и текст: к 90-летию со дня рождения академика Григория Максимовича Бонгард-Левина» (20–22 декабря 2023 г.)*, 71–73.
- Nespoulous-Phalippou, A. 2015 : *Ptolémée Épiphane, Aristonikos et les prêtres d'Égypte. Le Décret de Memphis (182 a.C.). Édition commentée des stèles Caire RT 2/3/25/7 et JE 44901*. Montpellier
- Pestman, P. W. 1995: Haronnophris and Chaonnophris. Two indigenous pharaohs in Ptolemaic Egypt (205–186 B.C.). In: S.P. Vleeming (ed.) *Hundred-gated Thebes: Acts of a colloquium on Thebes and the Theban area in Graeco-Roman period*. Leiden, 101–137.
- Pfeiffer, St. 2004: *Das Dekret von Kanopos (238 v. Chr.). Kommentar und historische Auswertung*. München, Leipzig.
- Pfeiffer, St. 2008: *Herrscher- und Dynastiekulte im Ptolemäerreich: Systematik und Einordnung der Kultformen*. München.
- Raphael, M. 1938: Un nouveau décret ptolémaïque. *Mélanges Maspero* I, 509–512.
- Recklinghausen, D. von 2018: *Die Philensis-dekrete: Untersuchungen über zwei Synodaldekrete aus der Zeit Ptolemaios' V. und ihre geschichtliche und religiöse Bedeutung*. Wiesbaden.
- Roeder, G. 1959: *Die Ägyptische Götterwelt*. Zürich.
- Rössler-Köhler, U. 1991: *Individuelle Haltungen zum ägyptischen Königtum der Spätzeit: Private Quellen und ihre Königswertung im Spannungsfeld zwischen Erwartung und Erfahrung*. Wiesbaden.
- Thiers, Chr. 2007: Ptolémée Philadelphie et les prêtres d'Atoum de Tjékou. Nouvelle édition commentée de la “stele de Pithom” (CG 22183). Montpellier.
- Thissen, H.-J. 1966: *Studien zum Raphiadekret*. Meisenheim.
- Wilson, P. 1997: *A Ptolemaic Lexicon: A Lexicographical Study of the Texts in the Temple of Edfu*. Leuven.
- Woodhead, A. G. 1981: *The Study of Greek Inscriptions*. Cambridge.

М. Н. Арсеньев

Российская национальная библиотека / СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия.
m.ars.rus@mail.ru

**КАРАИМСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ КНИГА:
ФРАГМЕНТЫ ТОРЫ X ВЕКА ИЗ ВТОРОГО СОБРАНИЯ
А. С. ФИРКОВИЧА (АРАБ.-ЕВР. 211 и ЕВР.-АРАБ. I 4655)**

Караимская книга X–XI вв. представляет собой многогранное и сложное явление. Рукописи, созданные в караимских общинах Египта и Палестины того времени, содержат тексты, написанные как в еврейской, так и арабской графике. Последняя была адаптирована для записи текстов еврейской Библии. В этой статье впервые рассматриваются особенности кодикологии и текста фрагментов, содержащих транскрипцию текстов книг Бытия, Исхода и Второзакония буквами арабского алфавита. Они хранятся во Втором собрании А. С. Фирковича в Российской национальной библиотеке под шифрами Араб.-евр. 211 и Евр.-араб. I 4655. В статье доказывается, что они являются фрагментами «много тома» Торы в арабской графике. Список принадлежит к группе «народных» рукописей Библии, созданных для личного пользования, а не на заказ. Их текст имеет отличия в вокализме от стандартного тивериадского огласования библейского текста. Кодикологические особенности указывают на сильное влияние как арабомусульманской, так и еврейской книжной культур. Фрагменты Араб.-евр. 211 и Евр.-араб. I 4655 являются прекрасным образцом уникальной караимской книжной традиции X–XI в.

Ключевые слова: караимская средневековая книга; караимская Библия; нестандартная Тивериадская вокализация; Второе собрание Фирковича; ближневосточные рукописи X–XI вв.

М. N. Arsenev

National Library of Russia / St. Petersburg State University. St. Petersburg, Russia.
m.ars.rus@mail.ru

Karaite Medieval book: Torah fragments from the Second Firkovich collection (Arab.-evr. 211 and Evr.-Arab. I 4655)

The Karaite book from the tenth and eleventh centuries is a complex and multifaceted phenomenon. Many manuscripts created in Karaite communities in Egypt and Palestine during this period contain texts written in Hebrew and Arabic scripts. The latter was adapted for transcribing Hebrew Bible texts. This paper is the first to study the codicological and textual peculiarities of fragments containing Arabic transcriptions of the Books of Genesis, Exodus, and Deuteronomy. These fragments are housed

in the Second Firkovich Collection at the National Library of Russia under the shelf marks Arab.-evr. I 4655 and Arab.-evr. 211. The paper concludes that these fragments are part of a multivolume Torah written in Arabic script. The Arabic transcription shows non-standard vocalisation of the text. The manuscript belongs to a group of popular Bibles and was used daily. Its codicological features indicate strong influences from both Arab-Muslim and Jewish book cultures. Classmark Arab.-evr. I 4655 and Arab.-evr. 211 are excellent examples of the unique Karaite book tradition of the tenth and eleventh centuries.

Keywords: Karaite Medieval Book; Karaite Bible; Non-Standard Tiberian Vocalization; Firkovich Second Collection; Middle Eastern Manuscripts from the 10th and 11th centuries.

Среди исповедующих иудаизм в средневековом мусульманском мире (VI–XVI вв.) выделяют две основные группы: иудеев-раббанитов и караимов*. Последние в отличие от первых признавали в качестве религиозного и галахического (правового) авторитета только тексты Еврейской Библии (Танаха), и отвергали в этом качестве Мишну, Талмуд и иную раввинистическую литературу. Поэтому сами себя они называли *бене микра*, сыновья Писания¹. Представители обеих групп в повседневной жизни говорили на арабском языке и записывали тексты на нем буквами еврейского алфавита (так называемые иудео-арабские тексты) (Blau 1999; Lebedev 1977: 9–23). Караимы же, помимо этого, активно пользовались арабским письмом и даже адаптировали его для передачи текстов на иврите, прежде всего еврейской Библии.

Второе собрание А. С. Фирковича² является важным источником знаний о средневековой книге, бытовавшей в ближневосточных общинах иудеев, в том числе о специфической

* Исследование было проведено в рамках программы стипендий Исследовательского центра Частного учреждения культуры «Еврейский музей и Центр толерантности» (Москва) при финансовой поддержке А. И. Клячина.

¹ Подробнее о караимах средневековья см. (Polliack 2003: 73–254).

² Авраам Самуилович Фиркович (1787–1874 гг.) — караим, один из самых известных собирателей еврейских рукописей и других иудейских «древностей». Он приобрел более 20000 кодексов, фрагментов, свитков, различных документов в еврейской, самаритянской и арабской графике, а также на польском, караимском, турецком и других языках. Кратко о нем см. в: (Harviainen 2003).

группе манускриптов — списках еврейской Библии, транскрибированных буквами арабского алфавита. Практика передачи еврейского текста арабицей упоминается в труде караимского ученого X в. Йусуфа Киркисани «Книга огней и сторожевых башен» (Ben-Shammai 1975: 126–132). В собраниях Британской, Российской национальной и Кембриджской библиотек хранятся несколько десятков списков транслитераций и транскрипций древнееврейского текста арабицей. Многие из них уже привлекали внимание ученых (Hoerning 1889; Khan 1990; Harviainen 1993, 1993a, 1994, 1995, 1996) и продолжают вызывать интерес³. Однако не все подобные рукописи получили должное освещение в научной литературе.

Одним из таких «забытых» манускриптов оказалась сохранившаяся во фрагментах арабографичная рукопись Торы (Пятикнижия) X в. из Второго собрания А. С. Фирковича⁴, разделенная на две единицы хранения: Фирк. II Араб.-евр. 211 и Евр.-араб. I 4655. Особенности текста и кодикологии этой рукописи посвящена наша статья.

Описание фрагмента Араб.-евр. 211

Этот фрагмент был впервые описан сотрудниками Императорской Публичной библиотеки и известным гебраистом А. Я. Гаркави. На карточке, приложенной к единице хранения, он написал следующее (Араб.-евр. 211. Л. I):

№ 3155 (791). 62 л. Из Пятикнижия (араб. шрифт с евр. пунктуаци.) немного повреждена

Изначально фрагмент рукописи был присоединен к разделу «Еврейско-арабские рукописи» (часть I), сформированному в последней четверти XIX в. А. Я. Гаркави и включающему манускрипты на арабском языке как в еврейской, так и

³ Вероятно, результаты диджитал-проекта «Маджлис» Мюнхенского университета прольют свет на многие караимские арабографичные рукописи из Второго собрания А. С. Фирковича. См. о проекте: MAJLIS — Munich Research Centre. URL: www.jewisharabiccultures.fak12.uni-muenchen.de/majlis (accessed: 07.02.2025).

⁴ Поступило в Императорскую Публичную библиотеку в 1876 г. (Otchet... 1878, 8–25). Коллекция была собрана Фирковичем во время его поездки по Ближнему Востоку (Египту, Сиро-Палестинскому региону) (Elkin Z. Ben-Sasson 2002: 51–95). Ныне хранится в собрании Российской национальной библиотеки.

арабской графике. В 80-е годы XX в. сотрудник Публичной библиотеки семитолог-арабист В. В. Лебедев перенес его в созданный им раздел «Арабско-еврейские рукописи», содержащий кодексы и их фрагменты с арабографичными транскрипциями текстов на иврите.

Фрагмент рукописи Араб.-евр. 211, состоящий из 65 листов, содержит следующие отрывки из книг Исхода и Второзакония:

1. Л. 1г.–21v. Исх. 29:9–34:9;
2. Л. 22г.–27v. Исх. 34:26–36:2;
3. Л. 28г.–33v. Исх.: 26:31–28:19;
4. Л. 34г.–65v. Втор. 24:1–30:20.

Текст написан на восточной бумаге с частыми вержеками и редкими одиночными понтюзо. Рисунок может быть «плавающим» и варьироваться от листа к листу. Этот патерн характерен для X–XII вв. Размер листа — 14.5x11.5см, поля текста — 11.0–12.0x8.0–8.5 см. В нынешнем состоянии рукопись состоит из тетрадей и отдельных листов:

1. л. 1–8: тетрадь из четырех бифолио;
2. л. 9, 10: отдельные листы;
3. л. 11–20: тетрадь из пяти бифолио;
4. л. 21: отдельный лист;
5. л. 22–27: тетрадь из трех бифолио;
6. л. 28, 29: отдельные листы;
7. л. 30–33: тетрадь из двух бифолио;
8. л. 34–43: тетрадь из пяти бифолио;
9. л. 44–55: тетрадь из шести бифолио;
10. л. 56: отдельный лист;
11. л. 57–64: тетрадь из четырех бифолио;
12. л. 65: отдельный лист.

На л. 34г, 44г и 56г в левом верхнем углу сохранились номера тетрадей на арабском языке: ثانی عشر (двенадцать), ثالث عشر (тринадцать) и رابع عشر (четырнадцать) соответственно. Мы имеем три полные тетради, состоящие из пяти или шести бифолио⁵. В середине тетрадей на л. 39г, 50г, 61г в левом верхнем углу поставлены две черты \\. Такой же символ поставлен на л. 5, 16, 25, 32.

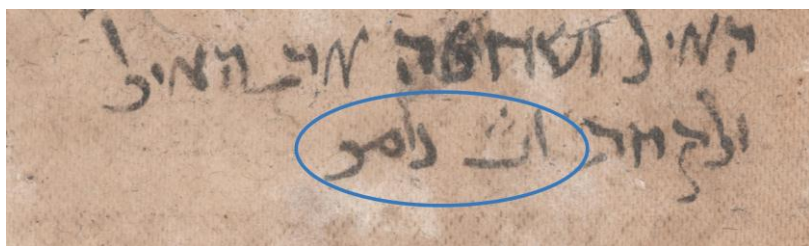
⁵ В рукописях малого формата количество бифолио в одной тетради может достигать до десяти (Arsenev 2023: 837).

На л. 1 (Исх. 29:9–29:16) и л. 8 (Исх. 30:16–24), образующих бифолио, текст записан еврейским восточным полукурсивом черными чернилами, без огласовок. Этот «шрифт» сложно датировать, он может быть отнесен как к XI, так и XII–XIII вв. Еврейское бифолио могло быть вставлено взамен утраченного оригинального арабографического текста. Стихи в нем разделены двумя точками, *соф пасук*.

На л. 1г. 9–10 записан стих Исх. 29:16 (ил.1):

ושחטת את האיל / ולקחת את דאמו

«Заколи барана и возьми его кровь...»

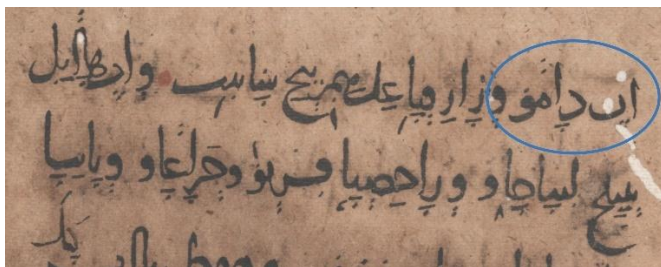


Ил.1. Араб.-евр. 211. Л.1v. строки 9–10. Фото РНБ.

Последние два слова представляют собой транскрипцию древнееврейских слов לִקַּח דָּמוֹ [ʔεθ dɔ:mo:]⁶ арабицей и являются своеобразным *кустодом*⁷, маркирующим то, что на следующей странице текст начнется с этих же слов и будет дан в арабской графике (ил. 2).

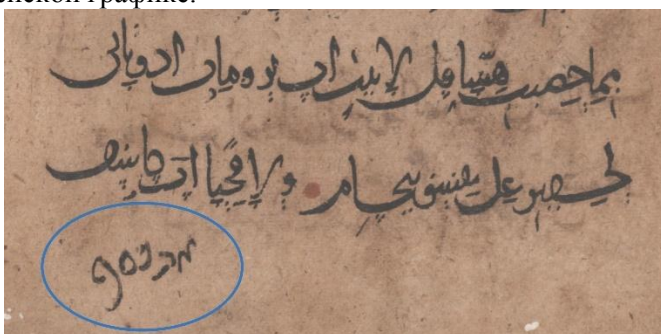
⁶ Здесь и далее используется та же система транскрипции древнееврейского текста, что представлена в монографии Дж. Кхана (Khan 2020).

⁷ *Кустод* (в арабской традиции — *ḫāfiz*, букв. «сохраняющий, оберегающий, хранящий», в еврейской — *שומר קונטרס*, «хранящий тетрадь», в латинской кодикологии — *реклама*) — слово, размещённое на нижнем поле страницы и дублирующее первое слово на следующей. Использовалось переписчиками и переплетчиками для расположения листов или тетрадей в правильном порядке (Якерсон 2003: 72–73).



Ил. 2. Араб.-евр. 211. Л.2г. строки 1–2. Фото РНБ.

В нижнем левом углу л.7v буквами еврейского алфавита написано: חסד לך (ил. 3). Эта надпись дублирует последние два слова восьмой строки, данные в арабской графике **إث كاسف** [ʔeθ kʰɛːsef] (Исх. 30:16). Соответственно на л. 8г. текст записан в еврейской графике.



Ил. 3. Араб.-евр. 211. Л.7v. Фото РНБ.

На л. 21v. в левом нижнем углу также есть кустод, записанный еврейскими буквами — וסלח לעוננו (Исх. 34:9). После пропущен фрагмент Исх. 34:9–26, который, вероятно, частично или полностью был передан в еврейской графике.

На л. 2–7, 9–65 библейский текст записан арабским почерком *насах* практически без диакритических точек, который можно датировать X–XI вв. В тексте расставлены тивериадские огласовки и знаки кантилляции. Иногда пропускаются огласовки *шва* и группа *хатефов*. Удвоение может обозначаться как еврейским *дагешем*, так и арабской *шаддой*. Иногда ставилась и

шадда, и дагеш. Например, אֶת־הַשִּׁבְעָתָה (Исх. 31:16) אֶת־הַשִּׁבְעָתָה (л. 12г.4) [ʔeθ haʃʃabbə:θ]⁸.

Стихи на л. 2–7, 9–33 разделены красной точкой⁹, возможно, по аналогии с кораническими текстами (Khan 1990: 21). На л. 34–65 стихи разделены крупным кружочком. Тем не менее, вся рукопись переписана одним почерком. Вероятно, л. 1–33 и л. 34–65 входили в разные части «много тома» Торы в арабской транскрипции.

Количество строк на листах 1 и 8 (в еврейской графике) — 12, на остальных (в арабской) — 8. Разлиновка отсутствует. Все строки в той или иной степени выравнены тремя способами:

1. Растягивание конечных букв. Это — самый распространенный способ выравнивания и заполнения строк в арабографических рукописях.

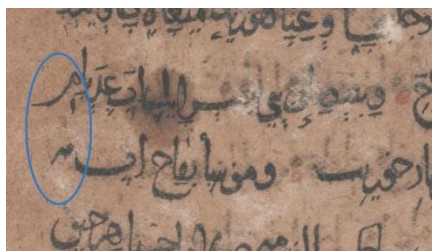
2. Графические элементы, символы в конце строки, которые не несут смысловой нагрузки. Самый употребительный из них — небольшая волнистая линия  и похожий на нее символ  (л. 13г. 5, 14г.2, 15г.5–6, 17г.5, 18г.6 и т.д.) (ил. 4). Этот способ выравнивания часто встречается в еврейских манускриптах.

3. Недописанные слова. Начало слова в конце строки обрывается, а на следующей строке оно скопировано целиком. Это относится в основном к союзу וְ, который в древнееврейских текстах пишется слитно со словом. Примеры можно найти на л. 15г.7–8, 19 г.3–4, 24 г.2–3, 26 г.6–9 и т.д. На л. 31г. 2 записаны первые две буквы слова הַחַיִּים (Исх. 27:18) [hə:hə:s'e:r], а на третьей строке скопированы целиком. Также на л. 32v в конце третьей строки записан предлог עַל с алифом כַּ, а на следующей строке слово представлено целиком כִּי־עִשְׂיָהוּ [k'hame:ʕase:hu:] (в стандартной тивериадской вокализации: כִּי־עִשְׂיָהוּ [k'hama:ʕase:hu:], Исх. 28:7). На л. 62г.3 записаны первые

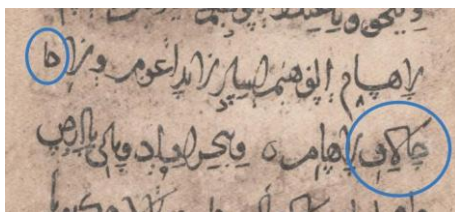
⁸ В транскрипции огласовки шва и патах переданы одинаково как [a]. Об этом написано ниже.

⁹ За исключением л. 27г. 5, где стихи Исх. 35:32 и 35:33 разделены двумя точками, соф пасук. Стихи Исх. 32:25 и 32:26 (л. 16г.3), Исх. 33:15 и 33:16 (л. 19 в.6), Исх. 34:32 и 34:33 (л. 23г.1), Исх. 35:6 и 35:7 (л. 24г.2) не разделены. Точка раздела стихов Исх. 34:28 и 34:29 стоит после первого слова 34:29 וְהָיָה, хотя должна стоять до него (л. 22г.8).

две буквы слова **جالاق** (גַּלַּק) (Вт. 29:25), а на четвертой строчке слово записано уже целиком (ил. 5).



Ил. 4. Араб.-евр. 211. Л. 18г. строки 5–7. Фото РНБ.



Ил. 5. Араб.-евр. 211. Л.62г. строки 3–4. Фото РНБ.

Отметим, что второй и третий способы выравнивания характерны для еврейской книжной традиции (Beit-Agré 2021: 449–476), но не для арабографичных рукописей. В данном случае перед нами прекрасный пример влияния еврейской рукописной традиции на арабографичную.

Во фрагменте рукописи Араб.-евр. 211 исправления вносились в текст несколькими способами:

- Случайно написанные слова могли зачеркиваться (выделяться) волнистой линией сверху, как на л.4v.4 **מן הלאַךם (אשר) מן הלאַךם** (Исх. 29:34). Слова зачеркнуты также на л. 9г.4 (Исх. 30:27), 26г.3 (Исх. 35:23), 49г.7 (Вт. 28:13), 54г. 3 (Вт.28:46).

- Неправильно написанные слова также могут выделяться, например, пунктирными линиями или кружочком над словом. Исправленный вариант пишется на полях. Например, на л. 15v.2 словоформа **גַּלַּק** (Исх. 32:20, CL [vaɟaʃq]) написана с *mater lectionis* **алиф**, который маркирует чтение шва — **וַיִּשְׁאָק** [vaɟaʃaq]. Над словом поставлены линии, а на полях справа по

вертикали написан вариант без mater lectionis **ויאשיק** [vaʃaʃq]. Также подобные исправления можно найти на л. 16v.8 (Исх. 32:31), 35v.7 (Вт. 24:13), 52г.6 (Вт. 28:33). На л. 43г.3 слово **יִחַד** (CL, Вт.26:17) [huqqo:v] было ошибочно транскрибировано как **יִחַד** [huqqo:jo:v], а затем поверх этого варианта исправлено на **יִחַד** [huqqo:v].

• Пропущенные слова дописывали поверх строки. Например, **יָאֵמַם** (л. 4v.7) – **יָאֵמַם** (CL Исх. 29:35). Также л. 9г.6 (Исх. 30:29), 16v. 5 (Исх. 32:28), 18v.8 (Исх. 33:9), 25v.2 (Исх. 35:21), 38г. 2 (Вт. 25:7), 62v.5 (Вт. 30:1). Также пропущенные части стихов или целые стихи дописывали на полях. Например, на л. 9г. слева от третьей и четвертой строк (Исх. 30:27); л. 16v. справа от второй строки (Исх. 32:28), л. 18г. справа от четвертой строки (Исх. 33:5), л. 33v. справа от шестой строки (целый стих Исх. 28:6), л. 35г. справа от седьмой строки (Вт. 24:9), л. 39г. слева от второй строки (целый стих Вт. 25:14), л. 61v. справа от шестой строки (Вт. 29:23). На второй строке л. 17v переписчик выходит за строку и копирует фрагмент стиха **אֶל־הָאֱלֹהִים** (Исх. 33:1, CL: [ʔel hɔ:ʔɔ:resʔ ʔaʃe:ɛr]) на полях, затем, видимо, ставит чернильное пятно, всё перечеркивает, ставит кружочек и на полях справа пишет этот фрагмент по вертикали с нестандартным огласованием **אֶל הָאֱלֹהִים** [ʔal ha:ʔɔ:rosʔ ʔaʃa:ar]. На восьмой строке л. 30v. транскрипция переписана плотно для того, чтобы текст поместился в одну строку. Однако текст не уместается, и переписчик копирует одно слово на полях по вертикали снизу-вверх.

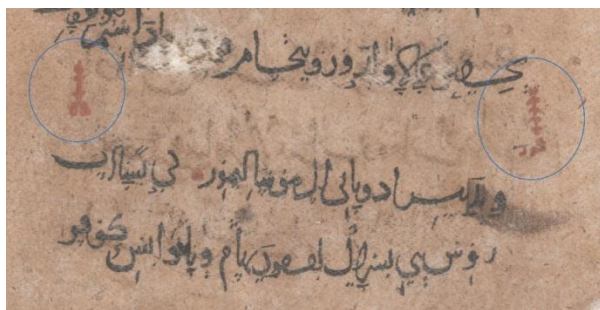
Элементы масоретского текста в Араб.-евр. 211 (арабографичный текст):

1. Деление на стихи. Стихи на л. 2–7, 9–33 разделены крупной красной точкой¹⁰. Но л. 34–65 стихи разделены крупным черным кружочком.

¹⁰ За исключением л. 27г. 5, где стихи Исх. 35:32 и 35:33 разделены двумя точками, *соф пасук*. Стихи Исх. 32:25 и 32:26 (л. 16г.3), Исх. 33:15 и 33:16 (л. 19v.6), Исх. 34:32 и 34:33 (л. 23г.1), Исх. 35:6 и 35:7 (л. 24г.2) не разделены точкой. Точка раздела стихов Исх. 34:28 и

2. *Параши́ птуха́ и параши́ стумá*¹¹. На л.8г.5 (Исх. 30: 16–17), 8v.4 (Исх. 30:21–22), где текст записан еврейскими буквами, *парашиа птуха* никак не обозначена. *Парашийот* обозначены на л.11v.2 (отступ в полстроки между Исх. 31:11–12); л. 23v.5 (отступ между Исх. 35:3–4); л. 9v.6 (пропущена строка между Исх. 30:33–34); л.10г. 8 (Исх. 30:38–31:1); л. 12г.8 (отступ в четверть строки между Исх. 31: 17–18).

3. *Новая парашиат ха-шавуа* (недельная глава) может выделяться специальным красным символом . Например, на л. 7г. Справа и слева поставлен такой символ, а рядом с правой фигурой арабицей записано فرش. Эта «композиция» маркирует начало нового недельного раздела *ки тисса* (Исх. 30:11–34:35) (ил. 6).



Ил. 6. Араб.-евр. 211. Л.7г. Фото РНБ.

На л. 22v. справа от шестой и седьмой строки нарисован похожий знак, написано *فراشه* (פרשה) и сделан отступ. Это — место начала новой параши *ва-ййакхэль* (Исх. 35:1–38:20). На л. 31г. справа от седьмой и восьмой строк нарисован такой же знак и написано *فراشه*, что означает начало главы *тецавве* (Исх. 27:20–30:10). На л. 39v на полях справа от строк 7–8 написано *فراش* без каких-либо символов. Таким способом обозначается начало недельной главы *ки-таво* (Вт. 26:1–29:8). Это же слово написано на л.59г справа от строк 4–5 перед новым разделом *ниццавим* (Втор. 29:9–30:20).

4. Тивериадские огласовки.

5. Знаки акцентуации (кантилляции).

34:29 стоит после первого слова 34:29 וַיִּהְיֶה, хотя должна стоять до него (л. 22г.8).

¹¹ Разделы и подразделы в библейском тексте.

На л.1 и 8 текст записан только консонантный библейский текст в еврейской графике. Стихи разделены стандартным *соф пасуком*.

Большая и малая масора¹² в Араб.-евр. 211 отсутствуют. Однако в двух местах отмечено *кере*¹³ ...:

Л. 51г.8. *кетив* וּבְעֶזְרֵי וּבִאֲפֻלִּים (Вт. 28:27), на полях справа записано *кере*: וּבִטְחוּרִים וּבְטַחְרִים (наросты, короста, язвы).

Л. 51в.6. *кетив* — יִשְׁנֶלְנָה בִּשְׁבָּאֵינָא (Вт. 28:30), на полях справа *кере*: יִשְׁכְּבֶנָה בִּשְׁבָּאֵינָא (возлежать, т.е. совокупляться).

В данных случаях мы имеем дело с *кетив-кере*, при котором слово, которое считалось неподобающим, на письме заменено эвфемизмом. В других случаях, где разница между *кере* и *кетив* незначительна, в рукописи пишется только вариант *кере*.

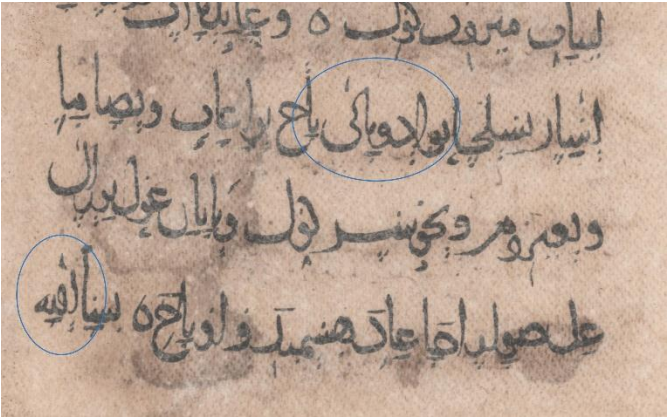
Передача тетраграмматона:

В еврейском тексте тетраграмматон יהוה YHWH передается тремя *йудами* с огласовкой *камец* יְהוָה, что указывает на то, что данное слово нужно читать как [ʔaḏoːˈnɔːɔj] (Господь). В арабографичном тексте обычно записывалась транскрипция إِذُونَايَ [ʔaḏoːˈnɔːɔj]. Кроме того, восемь раз (л.12г.6, 20г.5, 24г.7, 26в.6, 26в.7, 44г.4, 54г.8, 55г.3) יְהוָה передавалось как الله («Аллах» с огласовками *шва* или *хатеф-патах* и *камец* или только *камец*). Во всех восьми случаях таким способом тетраграмматон передавался только в конце строк. Видимо, это

¹² Малая масора — замечания относительно библейского текста, которые записывались на правом или левом поле библейских кодексов. Большая масора — расширенные замечания на верхнем или нижнем поле (Seleznev 2016: 283–298).

¹³ Устная традиция, указывающая на то, как читать то или иное слово. На полях рукописи даются примечания, которые предлагают читать вместо слова, написанного в тексте (в масоретской терминологии — כְּתִיב (кетив), другое слово (в масоретской терминологии — קֶרֶי (кере). При этом в самом тексте сохраняются буквы «кетив» (консонантный текст не подлежит правке), а в примечании малой масоры (с пометой ק) указываются буквы «кере».

было связано с необходимостью не выходить за поля: **אלה**
занимает меньше места в строке, чем **אֱלֹהֵי** (ил.7).



Ил.7. Араб.-евр. 211. Л. 54г

Особенности транскрипции и передачи тивериадских огласовок :

Арабографический текст представляет собой своеобразную транскрипцию библейского текста, основная задача которой, прежде всего, передать звучание текста.

Согласные обозначаются следующим образом¹⁴:

Евр.	Араб.	Фонема
א	ا	/ʔ/
ב	ب	/b/
ב	ב	/v/
ג	ج	/g/
ג	غ	/x/
ד	د	/d/
ד	ذ	/ð/
ה	ه	/h/
ו	و	/v/
ז	ز	/z/

¹⁴ Исходя из совокупности данных, прежде всего особенностей огласования текста в Араб.-евр. 211, мы можем смело предполагать, что текст этой рукописи отражает тивериадскую традицию чтения библейского текста. По этой причине мы основываемся на работе Дж. Кхана (Khan 2020: 608–613).

ה	ח	/h/
ט	ט	/tʰ/
י	י	/j/
כ	כ	/kʰ/
ך	ך	/x/
ל	ל	/l/
מ	מ	/m/
נ	נ	/n/
ס	ס	/s/
ע	ע	/ʕ/
פ	פ	/pʰ/
ף	ף	/f/
צ	צ	/sʕ/
ק	ק	/q/
ר	ר	/r/
שׁ	שׁ	/ʃ/
שׂ	שׂ	/s/
ת	ת	/tʰ/
ת	ת	/θ/

Передача гласных базируется на традиции арабской орфографии передавать долгие звуки, используя *matres lectionis*.

Огласовка	Передача	Примеры
Камец	В открытом безударном слоге и ударном слоге долгота передается <i>алифом</i> ¹ В закрытом безударном — краткий, не передается <i>mater lexionis</i> .	جَالِق (л. 62г.4) — חָלַק (CL, Втор. 29:25) [ħoːlaːq] עִבְרִי (л. 20v.3) — עִבְרִי (CL, Исх. 33:22) [ʕɔvriː]
Патах	В открытом безударном слоге и ударном слоге долгота передается <i>алифом</i> ¹ В закрытом безударном — краткий, не передается <i>mater lexionis</i> .	בְּשַׁלַּח (л. 50г.4) — שָׁלַח (CL, Втор. 28:20) [jaʃallaːħ]
Цере	Долгий, маркируется буквой י׳	מִיָּא (л.30г.2) — מִיָּא (CL, Исх. 27:9) [meːʔoː]
Сэголь	В открытом безударном слоге и ударном слоге долгота передается <i>алифом</i> ¹ В закрытом безударном — краткий, не передается <i>mater lexionis</i>	אֶת־כָּסֵף (л.7v.8) — אֶת־כָּסֵף (CL, Исх. 30:16) [ʔɛθ kʰɛːsɛf]

Хирек	В открытом безударном слоге и ударном слоге долгота передается <i>йа'и</i> В закрытом безударном — краткий, не передается mater lexionis	מִזְרָחָא (л.30v.3) — מִזְרָחָא (CL, Исх. 27:13) [mizrɔ:hɔ:] הַרְשִׁיזוֹן (л. 34r.8) — הַרְשִׁיזוֹן (CL, Втор. 24:4) [hɔ:ri:fo:n]
Холем	Долгий, передается вавом ו. Исключение — передача отрицания לֹא, которое записывается как לָא ¹⁵	הַתְּנִיחָה (л.55r.3) — הַתְּנִיחָה (CL, Втор. 28:61) [hattʰo:ɾɔ:]
Шурек кибуц,	В открытом безударном слоге и ударном слоге долгота передается <i>вавом</i> ו В закрытом безударном — краткий, не передается mater lexionis.	וַאֲתִשְׁלַחֵן (л. 9r слева от стр. 3,4) — וַאֲתִשְׁלַחֵן (CL, Исх. 30:27) [vaʔɛθ haʃʃulɬɔ:n] כְּתוּבִים (л. 14v.7) — כְּתוּבִים (CL, Исх. 32:15) [kʰaθu:vi:m]

В арабографическом тексте также не передаются немой *алеф*, нечитаемый *йод* в местоименных суффиксах, нечитаемый mater lexionis *п хе*¹⁶.

Не отличается последовательностью передача сочетаний ʔ+ɔ:(как один алиф или два), ʔ+ɔ:+ʔ (как один, два или три алифа).

Огласовки в Араб.-евр. 211 отличаются от огласовок стандартного масоретского текста, отраженного в ранних масоретских кодексах, прежде всего в Ленинградском кодексе¹⁷, который послужил основой для многих академических изданий Еврейской Библии (Biblia Hebraica Stuttgartensia, Biblia Hebraica Quinta и др.). Ниже дана таблица разночтений в огласовках. В колонке «стих» обозначена книга и номер библейского стиха, в колонке «отличия» через *слэш* даны названия огласовок, слева — в стандартном масоретском тексте, справа — в Араб.-евр. 211, в колонке «CL» дан библейский текст по Ленинградскому

¹⁵ Кроме л. 38г.2, где לָא передано как לו.

¹⁶ За исключением трех случаев, когда нечитаемый *хей* на конце передан (л. 23v.2, 28г.6, 57v.5).

¹⁷ Текст Ленинградского кодекса (ОР РНБ Евр. I В 19а), самого раннего датированного списка Еврейской Библии (1008–1010 г.), был использован Паулем Кале для третьего издания Еврейской Библии (Biblia Hebraica Stuttgartensia) и для последующих изданий.

кодексу, в колонке «Араб.-евр. 211» — текст рукописи¹⁸, а в последней указано место в ней.

Стих	Отличия	CL	Араб.-евр.211	Место в Араб.-евр. 211
Исх.31:15	Патах/шва	שֶׁבַת שְׁבָתוֹן	شِبَات شِبَاتُون	л.12г.2
Исх.31:16	Патах/шва	אֶת־הַשֶּׁבַת אֶת־הַשֶּׁבַת	إِثْ هِشِبَات (2 раза)	л.12г.4,5
Исх.32:1	Сэголь/камац	מִצֵּר	مِيارِص	л.12v.6
Исх.32:8	Патах/сэголь	וַיִּשְׁחָווּ [vajjiʃta:havu:]	وَبشِياحوو [vajjiʃte:havu:]	л.13v.4
Исх.32:14	Сэголь/патах	וַיִּינְחֻם [vajjinno:hem]	وَبِياحַם [vajjinno:ham]	л.14v.3
Исх.32:20	Патах/шва	וַיִּשָּׂק	وَياشبق	л.15v. на полях справа от второй строки .
Исх.32:22	Патах/сэголь	אֶל־יֵחָר [ʔal jiha:r]	إِل يچار [ʔel jiha:r]	л.15v.5
Исх.32:28	Патах/хатеф-патах	בְּיֹם הַהוּא	بِيوْم هاھو.	л.16v. на полях справа от второй строки
Исх.32:30	Хатеф-сэголь/сэголь	אֶעֱלֶה	إِءِلا	л.16v.6
Исх.33:1	Хатеф-патах/патах	לְזִרְעָה	لِزِرعَا	л.17v.4
Исх.33:1	Сэголь/патах	אֶל־הָאָרֶץ אֲשֶׁר [ʔel ha:ʔo:resʕ ʔaʃe:r]	إِل هاارِص اِشار [ʔal ha:ʔo:resʕ ʔaʃa:r]	л.17v. на полях справа от второй строки
Исх.33:1	Камац/патах	אֶל־הָאָרֶץ אֲשֶׁר [ʔel ha:ʔo:resʕ ʔaʃe:r]	إِل هاارِص اِشار [ʔal ha:ʔo:resʕ ʔaʃa:r]	л. 17v. на полях справа от 2й строки
Исх.33:1	Сэголь/патах	אֶל־הָאָרֶץ אֲשֶׁר [ʔel ha:ʔo:resʕ ʔaʃe:r]	إِل هاارِص اِشار [ʔal ha:ʔo:resʕ ʔaʃa:r]	л. 17v. на полях справа от 2й строки

¹⁸ В арабографичном тексте не переданы знаки кантилляции. Транскрипцию латиницей мы даем только в тех случаях, когда имеются значимые отличия в звучании текста. См. далее.

Исх.33:3	Сэголь/патах	בַּדְדֹרֶחַ [baddo:rɛχ]	בַּדְדֹרֶחַ [baddo:rɛχ]	л.17v.8
Исх.33:4	Сэголь/патах	עֲדִיּוֹ [ʕɛðjo:]	עֲדִיּוֹ [ʕaðjo:]	л.18r.1
Исх.33:5	Хатеф-сэголь/шва	עֲשֵׂה [ʕɛʃe]	עֲשֵׂה [ʕɛʃe]	л.18r.5
Исх.33:9	Хатеф-сэголь/сэголь	הָאֵלֶּה [ʔaːle]	הָאֵלֶּה [ʔaːle]	л.18v.5
Исх.33:15	Патах/сэголь	אֶל־תַּעֲלֶנּוּ [ʔal taʕale:nu:]	אֶל־תַּעֲלֶנּוּ [ʔal taʕale:nu:]	л.19v.6
Исх.33:15	Хатеф-патах/патах	אֶל־תַּעֲלֶנּוּ [ʔal taʕale:nu:]	אֶל־תַּעֲלֶנּוּ [ʔal taʕale:nu:]	л.19v.6
Исх.33:19	Хатеф-патах/шва	אֶחָם [ʔaχam]	אֶחָם [ʔaχam]	л.20r.7
Исх.34:3	Патах/сэголь	אֶל־יִירֹא [ʔal ji:ro:]	אֶל־יִירֹא [ʔal ji:ro:]	л.21r.3
Исх.34:4	Хирек/камац	צִוָּה [sʰivvo:]	צִוָּה [sʰo:ovo:]	л.21r.6
Исх.28:8	Патах/сэголь	כְּמַעֲשֵׂהוּ [kʰama:ʕase:hu:]	כְּמַעֲשֵׂהוּ [kʰame:ʕase:hu:]	л.32v.3
Исх.28:8	Хатеф-патах/патах	כְּמַעֲשֵׂהוּ [kʰama:ʕase:hu:]	כְּמַעֲשֵׂהוּ [kʰame:ʕase:hu:]	л.32v.3
Втор.24:8	Сэголь/патах	בָּנָע [bane:ʔaʕ]	בָּנָע [bana:ʔaʕ]	л.35r.3
Втор.27:12	Шва/патах	עַל־הָאֵרֶץ [ʔal haʕe:ret]	עַל־הָאֵרֶץ [ʔal haʕe:ret]	л.45v.2
Втор.28:13	Камац/сэголь	לְמַעַל [lama:ʕalo:]	לְמַעַל [lama:ʕale:]	л.49r.6
Вт.28:61	Шва/патах	בְּסֶפֶר הַתּוֹרָה [be:se:fer ha:to:ra]	בְּסֶפֶר הַתּוֹרָה [be:se:fer ha:to:ra]	л.55r.3
Втор.29:22	Патах/сэголь	וְאֶלֶּה [vo:me:lah]	וְאֶלֶּה [vo:me:leh]	л.61v.1
Втор.29:23	Сэголь/патах	עַל־מָה [ʕal me:]	עַל־מָה [ʕal ma:]	л.61v.5

Описание фрагмента Евр.-араб I 4655

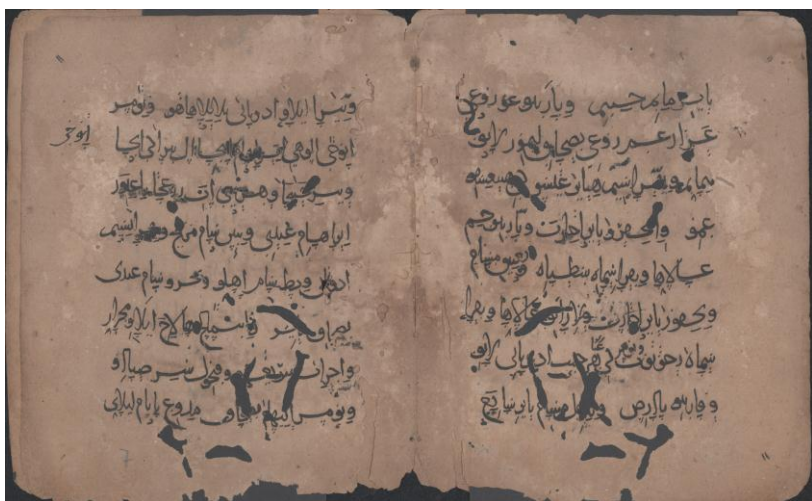
Фрагмент, хранящийся под шифром Евр.-араб. I 4655, был описан А. Я. Гаркави следующим образом (Евр.-араб. I 4655 л. I):

№ 4655 (206^b). 9 л. из Пятикн., писан. араб. письменах с евр. пунктуацией ч. поврежд.

На основании палеографических и кодикологических данных можно сделать вывод о том, что эта единица хранения

является частью одного многотома вместе с фрагментом Араб-евр. 211. Их размеры совпадают. Текст, включая огласовки, записан черными чернилами.

Этот фрагмент рукописи содержит транскрипцию Быт. 27:15–27:22 (л.1) и Быт. 25:17–27.15 (л.2–9). Он сильно поврежден, не реставрирован и представляет собой отдельные листы (л.1–3) и три бифолио (л.4–9). Листы 2–3 и 4–9 являются частью одной тетради, в которой, вероятно, было пять бифолио. На л.7г в левом верхнем углу находятся две черты, маркирующие середину тетради.



Ил. 8. Евр.-араб. I 4655. Л.6v–7г. Фото РНБ.

В рукописи сделано несколько исправлений:

- л. 2г.4. В стихе Быт. 25:18 словоформа חַמָּוֹם [ʔə:hə:v] вначале была передана с *камецом* под первой буквой [ʔə:hə:v]. Заметив неточность, переписчик исправил огласовку на стандартный *сэголь*.

- л. 3в.4. Переписчик пропустил фрагмент стиха Быт. 25:30, поставил кружочек над пропущенным местом и записал его справа по вертикали.

- л. 4в.9. Пропущено слово הַמָּקוֹם [hammə:qo:m] ('место') в Быт. 26:7, на месте пропуска поставлен кружочек, а слово записано на полях справа.

• л. 5г. 3. Писец также пропустил слово **הַיָּאָמִם** [hajjo:mi:m] ('дни') в Быт. 26:8, поставил кружочек и вынес его на правое поле.

Тетраграмматон передается как **אלה**.

Справа от четвертой и пятой строк на л. 2г. арабицей написано слово *параиша*, обозначающее начало новой недельной главы *толдот* (Быт. 25:19–28:9). Между стихами Быт. 25:34 и 25:1 пропущена строка (л. 4г.3–4).

Используются следующие способы выравнивания строк:

- л. 3г.5 — в конце строки стоит графический элемент;
- л. 4г.3 — в конце строки стоит две буквы *вав* **וו** для ее заполнения;
- л. 4v.5 — графический элемент в конце строки;
- л. 9г.2 — заполнение строки графическим элементом;
- л. 9v.3 — заполнение строки двумя *вавами* **וו**.

Различия в огласовке текста:

Стих	Отличия	CL	Евр.-араб I 4655	Место в Евр.-араб I 4655
Быт.25:18	Хатеф-патах/патах	בְּאֶחָדָה	בּוֹאֶחָא	л. 2г. 4
Быт.25:21	Хатеф-патах/патах	עֲקָרָהּ	עֲקָרָא	л. 2v.2
Быт.25:21	Сэголь/патах	וַיַּעֲתָר [vajje:ʕo:θeɾ]	וַיַּעֲתָר [vajje:ʕo:θaɾ]	л. 2v.2
Быт.25:22	Сэголь/патах	וַתֵּלֶךְ [vattʰe:lɛχ]	וַתֵּלֶךְ [vattʰe:lax]	л. 2v.5
Быт. 25:26	Хатеф-патах/патах	וַאֲחֵרֵי	וַאֲחֵרֵי	л. 3г.2
Быт.25:26	Хирек/патах	אֲחִיוֹ [ʔo:hi:v]	אֲחִיוֹ [ʔo:hav]	л. 3г.3
Быт.25:28	Хатеф-сэголь/шва	וַיִּהְיֶה	וַיִּהְיֶה	л. 3г.8
Быт.25:31	Хатеф-патах/патах	יַעֲקֹב	יַעֲקֹב	л. 3v.5 ¹⁹
Быт.25:34	Хатеф-	עֲדָשִׁים	עֲדָשִׁים	л. 4г.2

¹⁹ То же на л. 9v.1 (Быт. 27:11).

	патах/патах			
Быт.26:1	Сэголь/патах	וַיַּיְחַד [vaʝe:leχ]	وييخ [vaʝe:laχ]	л. 4г.5 ²⁰
Быт. 26:2	Патах/сэголь	אֶל-תִּירֵד [ʔal ...]	إِل تيريد [ʔel ...]	л. 4г.7
Быт.26:3	Сэголь/патах	אֶתֶּן [ʔette:n]	أتين [ʔatte:n]	л. 4v.2
Быт.26:8	Шва/патах	פִּלְשֹׁתִים [ʔəʃe:ti:m]	فيلسثيم [ʔəʃe:ti:m]	л.5г.3 ²¹
Быт. 26:9	Хатеф-патах/патах	אֶחָדִי [ʔəχa:di]	أخوتي [ʔəχu:ti]	л.5г.5
Быт. 26:9	Сэголь/патах	עָלָהָ [ʔə:le:ha:]	عَالَاهَا [ʔə:la:ha:]	л. 5г.8
Быт. 26:10	Патах/сэголь	אֶחָד [ʔəχa:]	إِحَاد [ʔəha:ð]	л. 5г.9
Быт. 26:24	Патах/сэголь	אֶל-תִּירֵדָא [ʔal ti:ro:]	إِل تيردا [ʔel ti:ro:]	л. 7г.2
Быт. 26:24	Хатеф-патах/патах	בְּעִבּוּר [ʔəʕbu:ʔ]	بَاعِبُور [ʔəʕbu:ʔ]	л. 7г.3 ²²
Быт. 26:28	Шва/патах	וַנְכַרְתָּ [ʔənkə:ʔa]	ونكرثا [ʔənkə:ʔa]	л. 7v.3
Быт. 26:29	Хатеф-патах/патах	בְּעִנּוּךָ [ʔəʕnu:ʔa]	بِعَانُوحَا [ʔəʕnu:ʔa]	л. 7v.5
Быт. 27:4	Сэголь/патах	תָּבַר-רָחָא [taʔo:reχaχə:]	تبارخا [taʔo:raχaχə:]	л. 8v.6
Быт. 27:9	Сэголь/патах Хатеф-сэголь/хатеф-патах	וַאֲעִסָּה [vaʔəʕese:]	وإيسا [vaʔaʕase:]	л. 9г.8

Фрагменты, хранящиеся под шифрами Араб.-евр. 211 и Евр.-араб. I 4655, представляют собой сохранившееся части многотома Торы, транскрибированной буквами арабского алфавита. На это указывают номера тетрадей, сохранившиеся на л. 34г, 44г, 56г (12, 13, 14 соответственно) фрагмента списка книги Второзакония (Араб.-евр. 211, л. 34г-65v). Всего в списке

²⁰ То же на л. 5v.5 (Быт. 26:13), л. 6г.2 (Быт. 26:17), л. 8v. 8 (Быт. 27:5), л. 9v.6 (Быт. 27:15).

²¹ То же на л. 5v.7 (Быт. 26:14), л. 6г.5 (Быт. 26:18).

²² То же на л. 8v.6 (Быт. 27:4), л. 9г. 8 (Быт. 27:10).

книги Второзакония могло быть 16 тетрадей. Другие части — фрагменты книг Исхода (Араб.-евр. 211, л.1r-33v) и Бытия (Евр.-араб. I 4655). Все три части немного отличаются друг от друга. На л. 1–33 стихи разделены красными кружочками, недельные главы маркированы специальным знаком, выписанным красными чернилами. Во фрагментах книг Второзакония и Бытия стихи разделены буквой *◦* или кругом, недельные главы обозначены словом *فراشه*, *فراش* или *فرش* (*parasha*). Тем не менее, техники выравнивания строк, письмо, количество строк, бумага указывают на то, что фрагменты были переписаны одним человеком и составляли часть одного «много тома»

Использование красного круга для деления фрагментов Священного писания характерно для ранней коранической книжной традиции. Техники выравнивания строк, использованные в Араб.-евр. 211 и Евр.-араб. I 4655, заимствованы из еврейских рукописей, в первую очередь библейских. Тетраграмматон передан арабской транскрипцией [ʔaðo:ˈnoːɟ], словом Бог *الله* (Аллах) с тивериадскими огласовками *шва*, *камец* (чаще только *камец*). Это примеры смешения разных книжных культур (арабской и еврейской), а точнее, характеристики специфической книжной культуры караимов X–XI вв, зафиксированные во множестве рукописей.

Письмо исследуемых фрагментов напоминает письмо орнаментированной караимской Библии из собрания Британской библиотеки (ms. Or 2540), датируемую X веком (Hoerning, 1889; Narkiss 1990: 38).

Вокализация текста фрагментов Араб.-евр. 211 и Евр.-араб. I 4655 во многих случаях отличается от стандартной, т. е. от вокализации Ленинградского кодекса и других масоретских рукописей раннего периода. В частности, зафиксировано пять замен *патаха* на *шва*; шесть — *шва* на *патах*; 18 — *сэголя* на *патах*; девять — *патаха* на *сэголь*; 12 — *хатеф-патаха* на *патах*; одна — *патаха* на *хатеф-патах*; две — *хатеф-сэголя* на *сэголь*; две — *хатеф-сэголя* на *шва*; одна — *хатеф-сэголя* на *хатеф-патах*; одна — *сэголя* на *камец*; одна — *хатеф-патаха* на *шва*; одна — *камеца* на *патах*; одна — *камеца* на *сэголь*. Таким образом, большинство разночтений касается огласовок *сэголь* — *патах*, *шва* — *патах*, *хатеф-патах* — *патах* и других вариаций с группой *хатафов*. Взаимозаменяемость *сэголя* и *патаха* можно объяснить, как влиянием вавилонской

системы чтения библейского текста, которая, однако, утратила свой престиж к XI в., так и влиянием родного для караимов арабского языка, как полагает Дж. Кхан (Khan 2020: 600–606). Фонемы /a/ и /ā/ могли иметь аллофоны (аллофонетические реализации) [a], [a:], [ɑ], [ɑ:], [ɛ], [ɛ:] и поэтому передаваться огласовками *патах* и *сэголь*, которые могли заменять друг друга. Огласовка *шва* (если она произносится) в тивериадском чтении по умолчанию передавала, по всей видимости, звук [a]. По этой причине читаемое *шва* могло передаваться огласовкой *патах*, *хатеф-патах* и наоборот²³. Эти особенности, по всей видимости, характерны для рукописей X–XII вв. Так, например, в библейских фрагментах малого формата из собрания архимандрита Антонина, по палеографическим данным датированных X–XI в., мы встречаем замены *сэголя* на *патаха* и наоборот (например, Ант. В 11 (Пс. 82:2–86:12) (Arsenev 2024: 30), Ант. В 90 (Иов 8:13–9:14; 14:13–15:13); Ант. В 319 (Исх. 16: 8–29); Ант. В 833 (Быт. 4:23–5:13; 9:14–10:2); Ант. В 996 (Чис. 28:9–29:1; 31:35–32:3)).

Фрагменты Пятикнижия Араб.-евр. 211 и Евр.-араб. I 4655 — образец караимской Библии X–XI в., отражающий многие особенности особой книжной традиции «сыновей Писания». Эта рукопись была создана для использования во время личных молитв, публичных чтений Торы. Ее арабографичная транскрипция отражает звучание библейского текста в Палестине или Египте X–XI вв.

Сокращения

CL – Codex Leningradensis, Ленинградский кодекс (шифр: РНБ ОР I Фирк. Евр. I В 19а). Полная Еврейская Библия, 1008-1010 г.

Литература

- Arsenev M. N. 2023: [The autographs of the Karaite scholar Abu-l-Ḥasan ‘Alī ibn Sulaymān housed in the Second Firkovich collection (Evr.-arab. I part)]. *Orientalistica*. 6(5), 833–845.
- Арсеньев М. Н. 2023: Автографы караимского ученого Абū -л-Ḥасана ‘Али ибн Сулаймāна ал-Мукаддасй из Второго собрания А. С. Фирковича (Серия Евр.-араб. I). *Ориенталистика* 6 (5), 833–845

²³ О шва см. подробнее (Khan 2020: 612–613), там же можно найти указатели на параграфы в деталях, объясняющие различные реализации *шва*.

- Arsenev M. N., 2024: «Gnil'e pergamentnykh listov s evreiskim pis'mom»: bibleiskie fragmenty v sobranii arkhimandrita Antonina (Kapustina) ["Rotten parchment leaves" fragments of the Bibles in the Antonin's collection]. In: *Vosemnadtsatye Zagrebinskie chteniia: sb. st. po itogam nauch. konf. (Sankt-Peterburg, 23–24 oktiabria 2023 g.) [Zagrebinkiy's readings: proceedings of the Conference (St. Petersburg, 23–24.10.2023)]* Sankt. Peterburg, Rossiiskaia natsional'naia biblioteka, 22–34.
- Арсеньев М. Н. 2024: «Гнилье пергаментных листов с еврейским письмом»: библиейские фрагменты в собрании архимандрита Антонина (Капустина). В сб: Восемнадцатые Загребинские чтения: сб. ст. по итогам науч. конф. (Санкт-Петербург, 23–24 октября 2023 г). СПб.: Российская национальная библиотека, 22–34.
- Beit-Arié M. 2001: *Hebrew codicology: Historical and Comparative Typology of Medieval Hebrew Codices based on the Documentation of the Extant Dated Manuscripts until 1540 using a Quantitative Approach*. Jerusalem-Hamburg, The Israel Academy of Sciences and Humanities.
- Ben-Sasson M., Elkin Z. 2002: [Abraham Firkovich and Cairo Genizo: Following the Studying of his Personal Archive]. *Pe'amim: Studies in Oriental Jewry* 90, 51–95. בן ששון מ. אלקין ז. תשס"ב: אברהם פירקוביץ' וגניזות קהיר: בעקבות עיון בארכיונו האישי. פעמים 90, 51–95.
- Ben-Shammai H. 1982: Hebrew in Arabic Script — Qirqisani's view. In: *Studies in Judaica, Karaitica and Islamica presented to L. Nemoy*. Ramat-Gan, 115–126.
- Blau J. 1999: *The Emergency and Linguistic Background of Judeo-Arabic*. Third Revised Edition. Jerusalem: Ben-Zvi Institute.
- Harviainen T. 1993: Karaite Arabic Transcriptions of Hebrew in the Saltykov- Shchedrin Public Library in St. Petersburg. In: *Estudios Masorericos. En Memoria de Harry M. Orlinsky*, 63–72.
- Harviainen T. 1993a: Karaite Bible Transcription with Indiscriminate Use of Tiberian Pataḥ and Segol Vowel Signs. In: *Semitica. Serta Philologica Constantino Tsereteli Dicata*. Torino: Silvio Zamorani Editore, 83–97.
- Harviainen T. 1994: A Karaite Bible Transcription with Indiscriminate Counterparts of Tiberian Qameṣ and Ḥolam (Ms. Firkovitsh II, Arab.-Evr. 1). In: *Proceedings of the Eleventh Congress of the International Organization for Masoretic Studies (IOMS)*. Jerusalem, 33–40.
- Harviainen T. 1995: Karaite Letter-for-Letter Transliteration of Biblical Hebrew — MS Firkovitsh II, Arab.-Evr. 355. *Textus*, 18, 196–177.
- Harviainen T. 1996: MS Arab.-Evr. 2 of the Second Firkovitsh Collection, A Karaite Bible Transcription in Arabic Script. In: *Studies in*

- Hebrew and Jewish Languages Presented to Shelomo Morag.* Jerusalem: Bialik Institute, 41–59.
- Harviainen T. 2003: Abraham Firkovich. In: *Karaite Judaism. A Guide to its History and Literary sources*. Leiden, Boston: Brill, 875–892.
- Iakerson S.M. 2003: *[The Hebrew Book in the Middle Ages. Codicological, Palaeographical and Bibliographical Aspects]*. Moscow: RGGU.
- Якерсон С. М. 2003: Еврейская средневековая книга. Кодикологические, палеографические и книговедческие аспекты. М.: РГГУ.
- Hoerning R. 1889: *Description and Collation of Six Karaite Manuscripts of Portions of the Hebrew Bible in Arabic Characters*. London: Williams and Norgate.
- Khan G. 1990: *Karaite Bible Manuscripts from the Cairo Genizah*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Khan G. 2020: *The Tiberian Pronunciation Tradition of Biblical Hebrew*. Vol. 1. Cambridge: University of Cambridge & Open Book Publishers.
- Lebedev V. V. 1977: *Pozdnii Sredne-Arabskii Iazyk (XIII–XVIII vv.) [Late Middle Arabic (XIII–XVIII cent)]*. Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury izdatel'stva «Nauka» Chief Editorial Office of the Publishing House “Nauka”.
- Лебедев В. В. 1977: *Поздний Средне-Арабский Язык (XIII–XVIII вв.)*. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».
- Narkiss B. 1992: *Hebrew Illuminated Manuscripts*. Jerusalem: Keter Publ. House.
- Otchet ... 1878: *Otchet Imperatorskoi Publichnoi Biblioteki za 1876 god [1876's Report of Imperial Public Library]*. Sankt-Peterburg: Tipografiia Vtorogo Otdeleniia Sobstvennoi E. I. V. Kantseliarii.
- Отчет... 1878: *Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1876 г.* СПб: Типография Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии
- Polliack 1997 [ed.]: *The Karaite Tradition of Arabic Bible Translation*. Leiden. New York: Brill.

А. С. Балаховская

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва, Россия.
a.balakhovskaya@gmail.com

КОЛЛЕКТИВНАЯ БИОГРАФИЯ В АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И «ЛАВСАИК» ПАЛЛАДИЯ ЕЛЕНОПОЛЬСКОГО

Статья посвящена знаменитому памятнику монашеской письменности начала V в. «Лавсаику» Палладия Еленопольского. В своем исследовании автор демонстрирует, что «Лавсаик» — это не просто сборник рассказов о монашеских подвигах, но данное произведение является неотъемлемой частью истории развития античной биографии в целом и продолжает ее традиции. В статье доказывается, что «Лавсаик» представляет собой один из образцов религиозной коллективной биографии, характерной жанровой чертой которой является повторение одних и тех же характерных черт в образах различных героев.

Ключевые слова: античная биография, литературный жанр, абстрагирование, коллективная биография, дискурс о святости, язычество, христианство, монашеская письменность.

A. S. Balakhovskaya

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia. a.balakhovskaya@gmail.com

Antique collective biography *The Lausiak History* by Palladius of Helenopolis

This paper examines the *Lausiak History*, a well-known literary work written by Palladius of Helenopolis. The paper contextualises the *Lausiak History* within the history of antique biography, a genre which originated in the 5th century BC but only began to be recognised as such during the imperial era. From the 2nd to the 4th century, religious leaders replaced secular heroes as the subject of biography. These biographies actually became biographies of both pagan and Christian saints. A distinctive feature of these biographies is the shift in focus from human to divine aspects of personality. There were two types of ancient biography: individual and collective. Collective biographies were dedicated to multiple heroes. As in individual biographies, secular heroes were replaced by religious leaders in collective biographies, which also received a religious dimension. Secular and religious collective biographies differ from each other. In secular biographies, the principle behind combining stories into

one collection was to compare the heroes and demonstrate their similarities and differences. In religious biographies, however, the unity of the heroes is emphasised despite their differences. Therefore, the main idea of the collection is reinforced by repeating the same features in different variations. Examples of religious collective biographies include the *History of the Philosophers and Sophists* by the Neoplatonist Eunapius and the *History of the Egyptian Monks* by an unknown author. This paper considers the *Lausiac History* by Palladius of Helenopolis in the context of these works. The author demonstrates that, as a genre-forming feature of religious collective biography, repetition is also a characteristic trait of the *Lausiac History*, and that the differences between the heroes affirm the universality of the Christian ideal of holiness. However, unlike in the collective biographies of the pagan tradition, where the hero is depicted as a static person, the *Lausiac History* reveals the dynamics of the hero's personality. This feature stems from the particular nature of Christian hagiographic discourse.

Keywords: antique biography, literary genre, abstraction, collective biography, hagiographic discourse, paganism, Christianity, monastic writing.

Биография — жанр античной литературы, истоки которого восходят к V веку до н. э. (Momigliano 1993: 29–31), но свое название — βίος она получила лишь в эллинистическую эпоху (Momigliano 1993: 12). Как отдельный жанр биография стала осознаваться в начале имперского периода, что нашло отражение в сочинениях Плутарха, который отмечал, что историография исследует деяния (πράξεις) героя, а биография его нрав (ἦθος) (Сох 1983: 12, Plutarh, т. 2: 552).

В III–IV вв. на смену светским героям биографии — императорам, знаменитым полководцам, тиранам, представителям различных философских школ, риторам, поэтам, музыкантам (Averincev 1973: 165–170) приходит новый тип героя — религиозный лидер (Сох 1983: 17). Биографии, посвященные религиозным лидерам, фактически становятся жизнеописаниями святых, как языческих (Fowden 1982: 33–59), так и христианских. Отличительной особенностью этого типа биографий является смещение центра тяжести в изображении личности от человеческого к божественному.

В качестве примеров подобных сочинений в языческой традиции можно привести «Жизнеописание Аполлония Тианского» Филострата, «Жизнеописание Пифагора», «Жизнеописание Плотина» Порфирия, «О Пифагоровой жизни» Ямвлиха. Параллельно языческой религиозной биографии стали появляться

биографии христианские. Первой из них было жизнеописание Антония Великого (Athanase d'Alexandrie 1994).

Общей чертой, объединяющей биографии языческой и христианской традиций, был дискурс о святости, который в период поздней античности стал повсеместным явлением как в иудейской и христианской среде, так и в языческой (Uitfange 1993: 167). Между языческими и христианскими сочинениями о святости, можно найти много общего. И в тех, и в других герой богоподобен, изображен как учитель, наставник и духовный вождь, совершает чудеса и исцеления, и те, и другие имеют назидательный и нравоучительный характер, однако сочинения христианских авторов имеют свои частные особенности, обусловленные спецификой христианского мировоззрения (Uitfange 1993: 171–179).

Биографии характеризуются общими повторяющимися признаками. Герой в них представляет собой идеальный характер, то есть изображается не через описание конкретных признаков, свойственных личности, находящейся в определенной исторической среде, но с помощью общих повторяющихся от персонажа к персонажу черт, выражающих идеи того или иного мировоззрения или религиозной системы.

Фактически, здесь речь идет о том, что Д. С. Лихачев называл художественным абстрагированием, которое обусловлено «попытками увидеть во всем “временное” и “тленное” <...> символы и знаки вечного, вневременного, “духовного”, “божественного”» (Lihachev 1979: 102).

Однако, чтобы облечь повествование в исторические одежды, биографы прибегали к использованию анекдотов, максим, речей, благодаря которым образ героя обретает конкретные очертания, и таким образом биография становится пестрым собранием этих литературных форм, объединяющим их в единое целое (Сох 1983: 57–58).

В биографию включаются и ссылки на исторические документы (Сох 1983: 60), что также должно подтвердить историчность повествования. Именно эти факторы, а не формальный шаблон, попытки определить который, по словам П. Кокс, потерпели неудачу (Сох 1983: 54–55), являются критериями биографического жанра (Сох 1983: 65).

Наряду с индивидуальными биографиями в античной литературе существовали биографии коллективные (Сох-Miller 2002). Само понятие «коллективная биография» говорит о том, что она в отличие от индивидуальной биографии, посвященной

одному герою, является собранием, в котором содержатся рассказы о многих выдающихся персонажах.

Образцами коллективных биографий могут послужить такие сочинения, как «Параллельные жизнеописания» Плутарха, «Жизнеописания софистов», Филострата или «Жизнеописания знаменитых философов» Диогена Лаэртция (Cox-Miller 2002: 214). Позже, в IV веке, софистом Евнапием была создана коллективная биография «Жизнеописания философов и софистов»; в этот же период появляются первые христианские коллективные биографии — «История египетских монахов» неизвестного автора (Cox-Miller 2002: 209–210) и «Лавсаик» Палладия Еленопольского¹.

В истории развития коллективной биографии наблюдаются те же процессы, что и в истории биографии индивидуальной, здесь также происходит замена светского героя религиозным лидером, и, подобно индивидуальной, коллективная биография получает религиозное измерение. Следует особо отметить это обстоятельство, поскольку оно позволяет говорить о языческих и христианских религиозных коллективных биографиях как о едином литературном явлении и классифицировать их на фоне более ранних памятников в отдельную группу коллективных биографий.

Поскольку коллективная биография — это не просто механическое соединение рассказов о различных выдающихся людях, а цельное литературное произведение, то важно определить тот общий подход, в согласии с которым повествования объединяются в единое собрание.

В светских коллективных биографиях, таких как «Параллельные жизнеописания» Плутарха, «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» Диогена Лаэртция или «Жизни софистов» Филострата объединительным принципом является определение частных особенностей героев на фоне их общих черт (Cox-Miller 2002: 218–220).

Плутарх, например, строит свое сочинение как параллельное сопоставление. Выбирая двух героев, он сначала выявляет в них общее, а затем отмечает различия. В частности, много сходного он видит в Демосфене и Цицероне (честолюбие, любовь к свободе и др.) (Plutarh, т. 2 1994: 323), однако в Заключении он указывает на разницу между ними — в отно-

¹ О чертах биографии в «Лавсаике» см.: (The Ashgate research companion 2011: 48–49).

шении к красноречию, похвале, к исполнению государственных должностей, к денежным наградам, к смерти (Plutarh, т. 2 1964: 366–368). Принцип определения различий на фоне сходства также лежит и в основе сочинений Диогена Лаэртского и Филострата (Cox-Miller 2002: 218–220).

Если в светских биографиях организация материала основана на нисхождении от общего к частному, то в биографиях, имеющих религиозное измерение, наоборот, принципом изображения является восхождение от частного к общему. У авторов нет задачи подчеркнуть различия между героями, напротив, они, описывая разные жизненные пути своих персонажей, стремятся подчеркнуть в них совместное служение единому духовному идеалу.

Наглядно этот подход отражен в Прологе «Истории египетских монахов». Автор пишет: «Постоянно побуждаемый благочестивой братией, жительствующей на святой Елеонской горе, описать им образ жизни египетских монахов, который я видел, великую их любовь (πολλὴν ἀγάπην) и великий подвиг (πολλὴν ἄσκησιν), я дерзнул, вверив себя их молитвам, обратиться к этому повествованию, чтобы и мне, вспомнившему об их образе жизни (αὐτῶν τὴν πολιτείαν), совершенном отречении от мира и безмолвии <...> от их подвигов была польза»² (Historia monachorum in Aegipto 1971: 6).

В этом отрывке говорится не о подвигах, а о подвиге, не об образах жизни, а об образе жизни, из чего следует, что все персонажи подвизаются единым подвигом и имеют одну жизнь. Здесь автор не ставит перед собой задачи различать героев по их особенностям, но, наоборот, подчеркивает, что они едины в самом главном — в следовании идеалу христианского монашества.

Такое изменение принципа организации материала находит свое объяснение в уже упомянутом в связи с индивидуальными биографиями смещении центра личности от человеческого к божественному, когда, по словам П. Кокс-Миллер, «любое реальное ощущение различия между индивидуальностями исчезает» (Cox-Miller 2002: 221).

Коллективные биографии характеризуются теми же жанровыми признаками, что и биографии индивидуальные — идеальный характер героя, использование анекдотов, максим и

² Переводы текстов «Истории египетских монахов» и «Лавсаика» принадлежат автору статьи.

речей — однако к ним добавляются и другие, обусловленные тем, что в ней мы имеем дело с большим количеством героев.

Перед авторами религиозных биографий, как индивидуальных, так и коллективных, стояла задача показать идеал святости через жизнеописание героев (языческих и христианских), разница заключалась лишь в том, что в индивидуальной биографии речь шла об одном герое, а в коллективной — о многих.

Поэтому в коллективной биографии авторы, обращаясь к жизнеописаниям своих героев, через их многочисленные образы выражали единую идею, лежащую в основе всего собрания и повторяющуюся от персонажа к персонажу. Из этого следует, что одной из ключевых жанровых особенностей религиозных коллективных биографий является принцип повторения (Cox-Miller 2002: 227–230).

Например, неоплатоник Евнапий в сочинении «Жизнеописания философов и софистов», стремится показать единство своих героев в достижении идеала языческой святости — обретения личностью божественного статуса и преодоления ограниченности человеческой природы через теургическое действо. Здесь постоянно повторяются такие устойчивые маркеры-признаки, характеризующие неоплатоническую святость, как посвященность в таинства, причастность к красоте, дар провидения, божественность, сверхчеловеческие способности, чудотворения, общение с богами (Cox-Miller 2002: 237–241).

Подобно сочинению Евнапия, принцип повторения просматривается в «Лавсаике» Палладия. В этом произведении, написанном в 420 г. и посвященном кубикulario Лавсу (Miner 2010: 56–57), по имени которого сочинение и получило свое название, описывается множество героев, различающихся по образу жизни. Здесь мы встречаемся и с монахами-пустынниками, и с монахами-киновитами, и с женской святостью, и с христианскими мучениками. Повторяющиеся в этих образах маркеры выражают уже не неоплатоническую святость, а христианскую, то есть следование человека за Христом.

Этими повторяющимися от персонажа к персонажу признаками являются твердая вера, целомудрие, нестяжание, милосердие, бескорыстное служение другим, суровое отношение к плоти, пост, воздержание, знание Священного Писания, духовные дары — пророчество, чудотворения, преодоление человеческого естества.

Твердость веры — свойство большинства персонажей «Лавсаика». Например, авва Дорофей не испугался аспида, упавшего

в колодец, но решительно заявил: «Где является крест, никакое зло не имеет силы» (Ὁπου σταυρὸς ἐπιφοιτᾷ οὐκ ἰσχύει κακία τινός) (Palladio 1974: 24). Благодаря силе веры девственница Пиамун спасла свою родную деревню, на которую хотели напасть соседи: она всю ночь молилась о том, чтобы Бог пригвоздил их к месту и они не могли сдвинуться с него (Palladio 1974: 148–150). Можно привести и другие подобные примеры.

Целомудрие также повторяется в «Лавсаике» от персонажа к персонажу. Аммоний Нитирйский, «когда бы против него ни восставала плотская страсть, не щадил своей плоти, но, раскалив железо, прикладывал к своим членам» («οὐδέποτε ἡδονῆς αὐτῷ ἐπαναστάσης τοῦ σαρκίου αὐτοῦ ἐφείσατο, ἀλλὰ σίδερον ἐκπυρῶσας προσετίθει τοῖς ἑαυτοῦ μέλεσιν») (Palladio 1974: 52). Другой подвижник, Пахон, предпочел умереть, нежели быть опозоренным плотской страстью и забрался в пещеру к гиенам, чтобы они его сожрали («ἵνα ἐξελθόντα φάγε με τὰ θηρία») (Palladio 1974:130). Здесь в образе монаха повторяется подвиг изображенных в «Лавсаике» христианских мучениц, которые также предпочитали смерть бесчестию (Palladio 1974: 24–26, 272–276).

Нестяжание также красной нитью проходит через все сочинение Палладия. Авва Памво «настолько презирал золото и серебро, насколько требует Слово» (τοσοῦτον ἦν ὑπερόπτης χρυσοῦ καὶ ἀργύρου, ὥς ἀπαιτεῖ ὁ λόγος) (Palladio 1974:46). В «Лавсаике» постоянно повторяются рассказы о том, как богатые люди продают свое имущество ради помощи церквям, монастырям и всем нуждающимся. Таковы повествования о Мелании Старшей, о Мелании Младшей, о Паммахии, об Уэре (Palladio 1974: 220–225, 244–250, 268, 276–278). Один из героев «Лавсаика» настолько был проникнут нестяжанием, что ради помощи нуждающимся продает даже Евангелие со словами: «Как могу я убедить моего Учителя, что я изучил Его учение, если не продам Его самого для того, чтобы Его учение исполнить?» («Πόθεν ἔχω πείσαι τὸν διδάσκαλόν μου ὅτι τὴν τέχνην αὐτοῦ μεμάθηκα, ἐὰν μὴ ἐκείνον αὐτὸν πωλήσω εἰ τὸ τῆς τέχνης κατόρθωμα») (Palladio 1974: 280).

Подавляющему числу героев «Лавсаика» присуще и милосердие. Например, монах Аполлоний покупая «на личные средства <...> разнообразные лекарства и продукты в Александрии, помогал всей братии в болезнях» («ἐκ τῶν ἰδίων χρημάτων <...> παντοῖα ἱατρικὰ καὶ) κελλαρικὰ ἀγοράζων εἰς τὴν Ἀλεξάνδρειαν,

πάση τῇ ἀδελφότητι ἐπὶ ἥκει εἰς νόσους») (Palladio 1974:56). Вспомним также и рассказы «О Евлогии и ув(ечном)» (Palladio 1974: 58–62) и о миряnine Савве, обходившем по ночам монашеские кельи и оставлявшем у порога финики и овощи (Palladio 1974: 244) и многие другие.

Постоянно повторяется в героях Лавсаика» и суровое отношении к плоти. Когда авву Дорофея спросили, зачем он в самый зной собирает в пустыне камни для строительства келлий, убивая свое тело, он ответил: «Оно убивает меня, а я убиваю его» («Ἀποκτείνει με, ἀποκτείνω αὐτό») (Palladio 1974: 22). О монахе Энесии сказано, что он настолько изнурил свою плоть, «что через его кости просвечивало солнце» («ὥς ἥλιον διαφαίνειν αὐτοῦ τῶν ὀστέων») (Palladio 1974: 238). Монах Адолия «из-за чрезвычайного воздержания и бдения казался призраком» («Δι' ὑπερβολὴν γὰρ ἐγκρατείας καὶ ἀγρυπνίας ὑπενοήθη καὶ φάσμα εἶναι») (Palladio 1974: 212).

С суровым отношением к плоти тесно связан пост. Аммоний Нитрийский «от юности <...> никогда не ел ничего, приготовленного на огне, кроме хлеба» («ἐκ νεότητος <...> οὐδὲν γὰρ ὁ διὰ πυρὸς διήρχετο ἔφαγέ ποτε ἐκτὸς ἄρτου») (Palladio 1974: 52), Евагрий Понтийский «вкушал фунт хлеба, и за три месяца ксест еля» («ἤσθιε μὲν λίτραν ἄρτου, ἐν τριμηνίῳ δὲ ξέστην ἐλαίου») (Palladio 1974: 198–200).

Упомянем и добродетель углубленного знания Священного Писания. О странноприимце Исидоре говорится, что «он обладал таким знанием Священного Писания и божественных догматов, что даже во время братских трапез восхищался мыслью и пребывал в молчании» («Τοσαύτην δὲ ἔσχε γνῶσιν τῶν ἁγίων γραφῶν καὶ τῶν θείων δογμάτων, ὥς παρ' αὐτὰ τὰ συμπόσια τῶν ἀδελφῶν ἐξίστασθαι τὴν διάνοιαν καὶ ἐνεάζειν») (Palladio 1974: 18). В этой связи вспомним и Дидима Слепца (Palladio 1974: 26–28), Аммония Нитрийского (Palladio 1974: 50–54), Евагрия Понтийского. От подвижников мужчин не отставали и женщины, например, Сильвания, которая из любви к Священному Писанию изучила все сочинения древних толкователей (Palladio 1974: 252).

Скажем, наконец, о чудотворениях и о преодолении законов естества. Описаний чудес в «Лавсаике» настолько много, что трудно их перечислить. Упомянем лишь некоторые: Амур Нитрийский был перенесен ангелом на другую сторону реки Ликон (Palladio 1974: 44), авва Пиор молитвой извел воду в колодце (Palladio 1974: 204–206), Евагрий Понтийский открыл

запертую дверь церкви, осенив ее крестным знаменем (Palladio 1974: 200), и др.

Итак, повторение как жанрообразующая черта религиозной коллективной биографии характерно и для «Лавсаика», а различия между его героями — строгим аскетом и подвижником, творящим дела милосердия, между монахами и мучениками, между мужами и женами служат лишь для утверждению универсальности единого идеала христианской святости. Этот идеал изображается в «Лавсаике» с помощью определенного набора литературных средств. Рассмотреть их будет удобно в сопоставлении с «Жизнеописаниями философов и софистов» Евнапия.

В этом произведении не описывается процесс обретения героем святости, а показывается лишь результат этого процесса, что является одной из его особенностей. Например, в рассказе о философе Антонине говорится, что он «очень быстро преуспел в приобщении к божественному» («ταχὺ μάλα πρὸς τὴν τοῦ θεοῦ συγγένειαν ἐπέδωκε») (Philostratus 1968: 418) но не раскрывается, как он это сделал, повествуется о его эзотерической мудрости («σοφίαν τε ἄγνωστον τοῖς πολλοῖς») (Philostratus 1968: 418), о всеобщем восхищении его самообладанием и стойкостью (Philostratus 1968: 418–420), о почитании его божеством за пророчество о судьбе разрушенного храма Сераписа. (Philostratus 1968: 416).

То же самое можно сказать и об одной из ярких представительниц теургического неоплатонизма Сосипатре. Евнапий не описывает процесс ее приобщения к обрядам и мистериям, сообщая лишь, что это произошло благодаря таинственным старцам, прибывшим в имение ее отца (Philostratus 1968: 402–404). И далее на протяжении всего повествования о Сосипатре перечисляются признаки ее божественности (Philostratus 1968: 410–416).

Такая статичность образов героев отражается в их портретных характеристиках, в которых они описываются застывшими, словно статуи (Cox-Miller 2002: 248). Например, посетители Антонина встречались с ним, словно со статуей («ἀνδριάντι συνετύχχανον») (Philostratus 1968: 420), философ Проересий также сравнивается со статуей колосса («ἀνδριάντα τινὰ καὶ κολοσσόν») (Philostratus 1968: 506), здесь же говорится, что он был полностью бесстрастен и как бы сделан из железа («ἀπαθὴ τινὰ καὶ σιδήρεον») (Philostratus 1968: 506). С другой стороны, в героях подчеркивается их неземная красота, например,

неоднократно говорится о телесной красоте Проересия (Philostratus 1968: 484, 506).

Если герои Евнапия статичны, то в «Лавсаике» основной характеристикой персонажей является действие. В этом отношении характерен один из рассказов о Макарии Александрийском. Когда он слышал о какой-то добродетели, то стремился достигнуть в ней совершенства. Узнав о практике сыроядения среди насельников Тавенисского монастыря, он решил семь лет не вкушать ничего, приготовленного на огне, выяснив, что кто-то ест лишь фунт хлеба, он положил сухари в сосуд с узким горлышком и съедал столько, сколько могла захватить рука (Palladio 1974: 78).

В еще большей мере динамика образа героя в «Лавсаике» показана в описании духовной борьбы. Например, о том же Макарии Александрийском рассказывается, что однажды он вступил в противоборство с помыслами тщеславия, которые внушали ему отправиться в Рим для раздачи милостыни. Он лег на пороге кельи, сказав: «Тяните, демоны, и тащите, я же своими ногами не пойду» («Ἔλκετε, δαίμονες, καὶ σύρετε· ἐγὼ γὰρ τοῖς ποσὶ τοῖς ἐμοῖς οὐκ ἀτέρχομαι») (Palladio 1974: 92).

В отличие от произведения Евнапия, где герой уже достиг идеала, герой «Лавсаика» изображен в постоянном стремлении к нему. Например, авва Памво перед кончиной говорит, что с того времени, как он стал подвижником, он не ел хлеба даром, не жалеет ни об одном сказанном слове, но отходит к Богу, «словно вообще не начав благочестивой жизни» («ὥς μὴδὲ ἀρξάμενος θεοσεβεῖν») (Palladio 1974: 48).

Динамика и драматизм образа героя в движении к идеалу нашли отражение в портретных образах. Если в «Истории философов и софистов» делается акцент на красоте и божественности персонажей, то в «Лавсаике» они изображены изможденными подвигами и страданиями.

О Макарии Александрийском сказано: «С виду он был небольшого роста, с редкой бородой, только над губой и на кончике подбородка росли волосы: из-за чрезвычайной аскезы у него не росла борода» («Ἦν δὲ τὸ εἶδος αὐτοῦ ὑποκόλοβον, σπανόν, ἐπὶ τοῦ χεῖλους μόνον ἔχον τρίχας, καὶ εἰς τὸ ἄκρον τοῦ πώγωνος· ὑπερβολῇ γὰρ ἀσκήσεως οὐδε αἱ τρίχες τῆς γενειάδος αὐτοῦ ἐφθήσαν») (Palladio 1974: 94). Вениамин, который был болен водянкой, сравнивается со страдальцем Иовом: «его тело настолько распухло, что он казался иным Иовом» (Иов., 2:7)»

(«ἐπὶ τοσοῦτον ὠγκώθη αὐτοῦ τὸ σῶμα ὥς ἄλλον Ἰῶβ φαίνεσθαι») (Palladio 1974: 54).

Динамичность личности в «Лавсаике» объясняется особенностью раннехристианского дискурса в целом. По словам С. С. Аверинцева, если для языческого сознания характерно видение бытия как «космоса», как чего-то незыблемого, постоянно возвращающегося в исходную точку, то для библейского мирозерцания бытие — это, прежде всего, существование во времени, в потоке истории (Averincev 2004: 94).

Поэтому у Евнапия личность является статичной и завершенной, а у Палладия мы видим ее динамику и незавершенность. Здесь можно вспомнить и выражение того же С. С. Аверинцева *уже-но-еще-не*, которое он относит к христианской эсхатологии в целом (Averincev 2005: 72–73), но которое можно распространить и на образ христианского подвижника, стремящемуся к идеалу. С одной стороны, идеал уже существует как заданный в Евангелии, а с другой, его полное воплощение возможно лишь за пределами существующего мира.

Итак, рассмотрев «Лавсаик» Палладия Еленопольского в контексте развития античной биографии, можно сделать вывод, что это произведение обладает основной жанровой чертой, присущей религиозной коллективной биографии — принципом повторения, но в отличие от коллективной биографии языческой традиции, где герой статичен, в «Лавсаике» мы видим динамику личности героя, обусловленную христианским агиографическим дискурсом.

Литература

- Averincev S. S. 1973: *Plutarh i antichnaja biografija. K voprosu o meste klassika zhanra v istorii zhanra*. [Plutarch and the antique biography. On the question of the place of the classic of the genre in the history of the genre]. Moscow: Nauka.
- Аверинцев С. С. 1973: *Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра в истории жанра*. М.: Наука.
- Averincev S. S. 2004: *Pojetika rannevizantijskoj literatury* [Poetics of Early Byzantine Literature]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika.
- Аверинцев, С. С. 2004: *Поэтика ранневизантийской литературы*. СПб.: Азбука-классика.
- The Ashgate Research Companion to Byzantine Hagiography*. 2011. V. I. Periods and Places. Ed. By S. Ephtimiadis. London and New York: Routledge.
- Athanase d'Alexandrie. 1994. *Vie d'Antoine*. Introduction, texte critique, traduction, notes et index par G. J. M. Bartelink. Paris: Les éditions du Cerf.

- Cox P. 1983. *Biography in Late Antiquity. A Quest for the Holy Man*. Berkley, Los Angeles, London: University of California Press.
- Cox-Miller P. 2002. *Strategies of Representation in Collective Biography: Constructing the Subject as Holy*. In: *Greek Biography and Panegyric in Late Antiquity*. Ed. by Hägg T., Rousseau P., Høgel Ch. University of California Press: Calofornia.
- Fowden G. 1982. The Pagan Holy Man in Late Antique Society. In: *Journal of Hellenic Studies*. 102, 33–59.
- Historia monachorum in Aegipto*. 1971. Édition critique du texte grec et traduction annotée par A.-J. Festugière. Société des Bollandists: Bruxelles.
- Lihachev, D. S. 1979: *Pojetika drevnerusskoj literatury* [Poetics of Old Russian Literature]. Moscow: Nauka.
- Лихачев Д. С. 1979: *Поэтика древнерусской литературы*. М.: Наука.
- Momigliano A. 1993. *The Development of Greek Biography* Harvard University Press: Cambridge, Massachusetts, London.
- Minec Ju. O. 2010: *Tvorchestvo Palladija Elenopol'skogo v kontekste formirovanija idealov hristianskoj zhizni: Istoriko-social'nij aspekt*. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [The Works of Palladius of Helenopol in the Context of the Formation of the Ideals of Christian Life: Historical and social aspect. Dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Kiev.
- Минец, Ю. О. 2010: *Творчество Палладия Еленопольского в контексте формирования идеалов христианской жизни: Историко-социальный аспект. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук*. Киев.
- Palladio. 1974. *La storia Lausiaca*. Introduzione di Christine Mohrmann. Testo critico e commento a cura di G. J. M. Bartelink. Traduzione di Marino Barchiesi. Fondazione Lorenzo Valla Arnoldo Mondradori editore: Milano.
- Philostratus = Philostratus and Eunapius. 1968. *The Lives of the Sophists*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, London: William Heinemann Ltd.
- Plutarh, 1994: *Sravnitel'nye zhizneopisanija v dvuh tomah* [Comparative Biographies in Two Volumes]. Moscow: Nauka. Плутарх 1994: *Сравнительные жизнеописания в двух томах*. М.: Наука.
- Uitfange M., van. 1993. L' "genre" chrétien ou antique tardif? In: *Analecta Bollandiana*. 111. 135–188.

А. Е. Беликов

МГУ им. М. В. Ломоносова / НИУ МФТИ, Москва, Россия.
belikov.smu@gmail.com

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЛОВАРНОГО ЗАПАСА СИЛИЯ ИТАЛИКА (ПЕРЕСЕЧЕНИЕ СО СТАЦИЕМ И ПОЭЗИЕЙ I ВЕКА Н. Э.)¹

В статье рассматривается вопрос о структуре словарного запаса римских эпических поэтов I в. н. э. на примере лексики Силия Италика и Стация. Статистическое исследование показало, что лексика этих двух авторов имеет значительную область пересечения, но при этом не фиксируется у Вергилия, Лукана и Валерия Флакка. Этот факт не объясняется заимствованием, но свидетельствует о единстве языка высокой римской поэзии, что подкрепляется пересечением с Овидием, Горацием, Лукрецием. Также он соответствует вкусу эпохи к лексическим редкостям. Стремление Силия к оживлению архаических пластов лексики и чуткость к поэтическим красотам имперского периода не позволяют говорить о нем как о слепом подражателе Вергилию.

Ключевые слова: Силий Италик, Пуника, Стаций, поэтическая лексика

Aleksei E. Belikov

Lomonosov Moscow State University/ Moscow Institute of Physics and Technology
belikov.smu@gmail.com

Materials for Silius Italicus comparative vocabulary research (intersections with Statius and poetry of the 1st century AD)

This article examines the vocabulary structures of Roman epic poets from the first century AD, using Silius Italicus and Statius as examples. A statistical study has shown that these two authors' vocabulary has a significant overlap of lexemes that are not found in the works of Virgil, Lucan and Valerius Flaccus. This is not explained by borrowing, but rather testifies to the unity of the language of high Roman poetry, as evidenced by its intersection with the works of Ovid, Horace and Lucretius. This also corresponds with the era's taste for lexical rarities. Silius's desire to revive

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда «“Пуника” Силия Италика: перевод, исторические реалии, рецепция» (проект № 24-18-00445), реализуемого в Московском физико-техническом институте (национальный исследовательский университет).

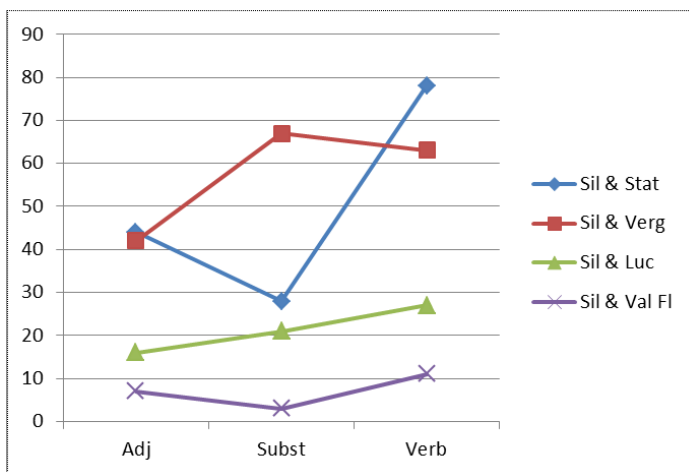
archaic layers of vocabulary, coupled with his sensitivity to the poetic beauties of the imperial period, means that we cannot consider him to be a blind imitator of Virgil.

Keywords: Silius Italicus, Punica, Statius, poetic vocabulary.

Единство языка римской эпической поэзии, сложившееся к I веку н.э., после работ Ману Леймана и других (Leumann 1947: 116–139; см. также Weise 1909; Wheeler 1919: 179–192, 188–192; Kroll 1924; Axelson 1945; Janssen 1988: 67–130; Adams, Meyer 1999) можно считать доказанным, и наши труды по анализу лексики Валерия Флакка поддерживают эту позицию (Belikov 2024): при составлении Сводного частотного указателя ² лексики Вергилия, Лукана, Валерия Флакка, Стация и Силия Италика выделяется значительная область пересечения словарного запаса от трех до пяти авторов. Вместе с тем, ряд конкретных вопросов, касающихся лексем, не принадлежащих к общей эпической лексике, пока остается недостаточно изученным. В нашей статье о сопоставлении лексики Вергилия и Силия Италика (Беликов 2014) мы представили следующий график, демонстрирующий пересечение словарного запаса Силия Италика только с одним из четырех оставшихся эпиков (то есть у всех остальных лексема не фиксируется):

Анализ пересечения Силия с Вергилием позволил наглядно продемонстрировать высочайшую степень зависимости вплоть до заимствования целых выражений и склонность Силия к коллекционированию лексических редкостей великого предшественника. При этом поэтический характер анализируемой лексики не подлежит сомнению не только из-за авторитета Вергилия, но и из-за жанрового соответствия — в массиве из 42 примеров Вергилия большинство взяты из Энеиды, несколько — из Георгик — и лишь один случай, когда лексема фиксируется только в Буколиках (cantharus).

² На основании: Concordantia in Lucanum / Curav. M. Wacht. Hildesheim-Zürich-New York, 1992; Concordantia in Siliii Italici Punica / Curav. M. Wacht. Hildesheim-Zürich-New York, 1989; Concordantia in Statium / Curav. M. Wacht. 3 Bd. Hildesheim-Zürich-New York, 2000; Concordantia Vergiliana / Curav. M. Wacht. 2 Bd. Hildesheim-Zürich-New York, 1996; Gaii Valerii Flacci Argonauticon Concordantia / Curav. M. Wacht. Hildesheim-Zürich-New York, 2005.



Тогда же мы обнаружили, что вторым по объему пересечений с Силием автором является Стаций, однако ситуация для анализа здесь более сложная: во-первых, речь идет не о признанном образце Силия, но о современнике, пересечения с которым скорее могут говорить не о заимствовании (что проверяется на конкретных примерах), а об общих вкусах эпохи; во-вторых, в корпус Стация попадают не только слова из Фиваиды и Ахиллеиды, но и из Сильв, которые отличаются по жанру и не могут быть гарантией высокопоэтической природы слова. Эти соображения потребовали более детального анализа, в ходе которого мы рассматривали 25 существительных³ и 44 прилагательных⁴, тогда как 77 глаголов еще подлежат анализу и не вошли в данную статью по соображениям объема. Результаты мы хотели бы представить в виде четырех групп:

³ Конкордансы фиксируют для Стация и Силия слово *corytus*, но не фиксируют его для Вергилия (у которого присутствует *gorytus*, известное также у Стация и Силия), хотя Сервий (aen.10.169) читал у Вергилия *corytiq̄ue*; так как вопрос относится к текстологии, мы исключили его из настоящего исследования.

⁴ В конкордансах мне не удалось найти единого подхода к лексеме *sacratus*, которую конкордансы Стация и Силия рассматривают как прилагательное, а конкорданс Вергилия — как причастие; полагаю, что в целях данного исследования эту лексему также можно исключить.

I. Лексика, засвидетельствованная в высоких поэтических жанрах. Большинство слов из этой группы засвидетельствовано также в прозе, однако мы перечисляли только случаи употребления у Силия (с указанием всех мест), Стация (с указанием произведений) и поэтических авторов (при необходимости с указанием произведений ввиду жанровой специфики). Полу- жирным выделяются авторы, дающие основания относить лексику к языку высокой поэзии.

- admirabilis* (3.685, 6.305, 17.595), Stat.theb.,silv. — **Ov.met.**, Phaedr., Calp., Juv.
- agilis* (3.180, 9.278, 13.240, 14.392, 15.164, 15.197), Stat. theb., silv. — Hor. epist., **Ov.Met.,Fast.** (et al.), **Manil.**, Gratt., **Petron.(versus)**, **Sen.Trag.**, Mart., Juv.
- brevitas* (3.141), Stat.Theb. — Acc., **Lucr.**, Hor.Sat.,Ov.Am., Phaedr., Mart.
- celeber* (3.392, 4.186, 12.121, 14.197, 15.701), Stat.Theb.,Silv.,Ach. — Plaut., Lucil., Acc., Tib., **Hor.Carm.** (et al.), **Ov. Met.**, **Fast.** (et al.), Phaedr., Mart.
- consonus* (5.199, 17. 443), Stat. Theb. — App. verg., **Ov. Met.** (et.al.)
- crepusculum* (2.215), Stat. Theb. — Plaut., **Ov. Met.** (et al.), Phaedr., Calp.
- discus* (14.406), Stat.Theb., Silv., Ach. — Plaut., Prop., **Hor. Carm.** (et al.), **Ov. Met.**(et al.), Mart., **Il. lat.**
- documentum* (5.68, 6.123, 10.112, 13.671, 15.641), Stat.Theb.,Silv. — Plaut., Hor.Serm., **Ov.Met.**, Phaedr., **Sen.Trag.**
- exitiabilis* (6.151, 9.496, 14.306, 15.384), Stat.Theb. — Plaut., **Ov.Met.**
- furvus* (7.683, 8.119), Stat.Theb.,Silv. — Tib., App.verg., **Hor.Carm.**, **Sen.Trag.**, Juv.
- gentilis* (2.277, 4.223, 5.646, 8.585, 14.438, 16.50, 16.456, 16.464, 17.412), Stat.Theb. Silv. — Catul., **Ov.Fast.**, **Sen.Trag.**, Juv.
- habitabilis* (1.541), Stat.Theb.,Silv. — **Hor.Carm.**, **Ov.Met.,Fast.**(et al.), **Manil.**
- iaculator* (4.221), Stat.Theb. — Plaut., **Hor.Carm.**, **Ov.Met.**, Juv.
- impes* (2.243, 13.189, 13.248), Stat.Theb. — **Lucr.**, Laev., **Ov.Met.**
- inevitabilis* (14.447), Stat.theb. — **Ov.Met.**(et al.), **Manil.**
- inquietus* (3.353, 14.60), Stat.silv. — **Ov.Met.**(et al.), Mart.
- iuvenilis* (2.312, 5.268, 8.289, 9.106), Stat.silv. — **Ov.Met.**(et al.), **Sen.trag.**, laus.pis., **il.lat.**
- lictor* (8.672, 9.421, 10.392, 10.638, 13.372), Stat.silv. — Plaut., Lucil., **Hor.carm.**(et al.), **Ov.fast.**, Pers., Mart., Juv.

- maeror* (10.154, 10.640)⁵, Stat.Theb. — Plaut., Enn.Trag., Pacuv., Caecil.Stat., Ter., Lucil., Acc., **Lucr.**, Catul., App.verg., Hor. Poet., Ov. Her., Epiced., **Sen.Trag.**, Mart., Juv., **Il.lat.**
- navus* (1.549, 1.562, 4.485, 5.412, 7.350, 17.125), Stat.silv. — **Enn.Ann.**, Hor.Epist., **Sen.Trag.**
- nexilis* (5.140), Stat.Theb. — Varr.Menip., **Lucr.**, **Ov.Met.**(et al.), **Sen.Trag.**
- nitor* (7.470), Stat.Theb., Silv. — Plaut., Ter., **Lucr.**, Catul., Prop., App.verg., **Hor.Carm.**, **Manil.**, **Ov.Met.**, **Fast.**(et al.), Phaedr., **Sen.Trag.**, Laus.Pis., **Petron.(versus)**, Mart., Juv.
- nubilus* (17.247), Stat.Theb., Silv., Ach. — Plaut., Varr.Menip., App.verg., Prop., **Ov. Met.**, **Fast.** (et al.), **Sen.Trag.**, Mart.
- perspicuus* (3.414, 4.83, 15.148), Stat.Theb., Silv. — Plaut., **Ov.Met.**, Mart.
- petulans* (8.264), Stat.Silv. — Plaut., **Lucr.**, App.verg., Ov.Am., A.A., Rem., Her.(adv.), Phaedr., **Sen.Trag.**, Pers., Juv.
- plectrum* (8.594, 11.446, 11.474, 12.220, 14.402, 14.548), Stat. Theb., Silv. — Prop., Tib., App. verg., **Hor.Carm.**, **Ov.(met.)**, **Sen.Trag.**, Mart., Juv.
- praeditus* (adj.) (14.88), Stat.Theb. — Plaut., Ter., Acc., **Lucr.**, **Sen.trag.**
- proditor* (16.620), Stat.Theb. — Plaut., **Hor.carm.**, Ov.Am., ib.
- pus* (2.180, 13.821, 15.274, 17.30), Stat.Theb, Silv., Ach. — Plaut., Ter., Afran., Catul., Publ.Syr., Prop., **Hor.Carm.**(et al.), **Ov.Met.**(et al.), priap., **Sen.trag.**, Mart., Juv.
- reliquus* (7.105, 10.3373, 10.592, 12.291, 12.580, 14.679, 17.152, 17.572), Stat.Theb., Silv. — Plaut., Caecil.Stat., **Lucr.**, **Manil.**, Phaedr., Pers., Mart., Juv., Sulpic.
- sobrius* (11.106), Stat.Theb., Silv. — Plaut., Ter., Afran., Laber., Prop., Tib., **Hor.Carm.**(et al.), **Ov. Fast.**(et al.), **Sen. Trag.**, Mart.
- socialis* (4.701, 12.500, 14.83, 16.168, 16.274), Stat.Silv. — Hor.Poet.(adv.), **Ov.Met.**, **Fast.**(et al.), Juv., Sulpic.
- splendor* (4.13, 7.143, 12.248), Stat.Silv. — Plaut., Lucil., Laber., **Lucr.**, Publ.Syr., Hor.Serm., Epist., **Ov.Fast.**, Phaedr.
- squalidus* (7.277, 8.381), Stat.Theb. — Enn.Trag., Plaut., Ter., Titin., Acc. Catul., **Lucr.**, App.verg., **Ov.Met.** (et al.), **Manil.**, **Sen.trag.**, Mart., Juv., **Il.lat.**
- stilus* (10.414), Stat.Silv. — Naev., Plaut., Terent., Hor.Serm., **Manil.**, Phaedr.
- tristitia* (8.610), Stat.Theb. — Pacuv., Ter., Lucil., Turpil., Prop., Tib., **Hor.Carm.**, **Ov.(Met.)**, Mart.
- truculentus* (10.357, 11.37, 17.480), Stat.theb. — Plaut., Ter., Catul., App.verg., Hor.Serm., **Ov.Met.**(et al.), **Sen.Trag.**

⁵ Также в качестве персонификации в 2.550 и 13.582.

vocabulum (5.11, 12.116, 14.38), Stat.Theb., Silv. — Plaut., Ter., Lucil., **Lucr.**, Hor.Serm., Epist., poet., **Ov.Met.**, **Fast.**

Как можно видеть, опорными авторами для этой группы являются, в первую очередь, Овидий (насколько можно предварительно судить, Силий заимствует из него целые выражения), затем — Гораций (при этом речь о заимствовании целых стихов практически не идет), в последнюю очередь — редкости из Лукреция, не засвидетельствованные у других эпигов, но учтенные Силием. В определенном смысле камертоном здесь может служить Сенека-трагик. Вместе с тем, нам приходится задумываться, почему другие эпики не использовали эту лексику, и даже Стаций в некоторых случаях включил ее только в Сильвы.

II. Лексика, не подкреплённая примерами высокой поэзии.

cunctator (7.536, 9.52, 16.674), Stat.Theb. — многочисленные примеры в прозе, но нет примеров в поэзии;

enormis (12.357), Stat.Silv. — некоторое количество примеров в прозе, но нет примеров в поэзии;

impenetrabilis (4.16, 6.413, 7.561), Stat.Theb., Silv. — некоторое количество примеров в прозе, но нет примеров в поэзии;

indefensus (6.652), Stat.Theb. — app.verg. и некоторое количество примеров в прозе;

indivisus (8.9), Stat.Theb. — многочисленные примеры в прозе, но нет примеров в поэзии;

indubitatus (13.769), Stat.Theb. — многочисленные примеры в прозе, но нет примеров в поэзии;

largitor (7.164), Stat.Theb., Silv. — Ter., Pers. и некоторое количество примеров в прозе;

monitor (3.219, 4.723, 8.370), Stat.Theb., Silv. — Ter., Hor.Epist., Ov.Trist. и многочисленные примеры в прозе;

insatiabilis (9.245, 13.218, 13.755), Stat.Theb. — Lucr.(adv.), Ov.ib., Juv. и многочисленные примеры в прозе;

suggestus (subst.) (13.363, 13.602), Stat.Silv. — некоторое количество примеров в прозе, но нет примеров в поэзии.

Слова из этой группы демонстрируют, насколько Силий и отчасти Стаций (некоторые примеры только в Сильвах) расширяют лексический запас эпоса словами, практически не засвидетельствованными у других поэтов. Вместе с тем количество примеров нельзя назвать слишком большим, чтобы говорить о «прозаизации» эпоса.

III. Редкая (по числу авторов или по числу фиксаций) лексика. Указываются все случаи фиксации, полужирным выделены авторы (прозаики после поэтов).

- accursus* (15.604), **Stat.**Theb.6.511 — **Sen.**Phaedr.897, **Plin.**N.H.11.83.5 (всего 4 случая фиксации у 4 авторов);
- armifer* (1.324, 4.45, 13.507, 15.172, 16.76), **Stat.**Theb.3.420, 4.653, 6.831, 9.836, 10.663, 11.122, *Silv.*1.2.96, 3.5.112, 5.1.67 — **Ov.**Am.2.6.35, *Her.*2.84, *A.A.*2.5, *Met.*9.645, 14.475, *Fast.*3.681(bis), 6.421, *Tr.*4.10.13, *Epiced.*22, **Sen.**Med.468, 980, *Phaedr.*909 (всего 29 случаев фиксации 4 авторов);
- binominis* (1.326), **Stat.***Silv.*5.1.89 — **Plaut.**fr.72.1, **Ov.**Met.14.609, *pont.*1.8.11, *ib.*417 (всего 6 случаев фиксации у 4 авторов);
- conquestus* (subst) (10.290), **Stat.**Ach.1.399 — **Liv.**8.7.21.3 (всего 3 случая фиксации у 3 авторов);
- contemptrix* (13.830, 17.410), **Stat.**Theb.12.185 — **Plaut.**Bacch.531, **Ov.**Met.1.161, **Plin.**N.H.19.154.5, 37.59.5, **Sen.**Benef.4.2.4, *Epist.*88.29.2 (всего 9 случаев фиксации у 6 авторов);
- iactator* (11.404), **Stat.**Theb.6.837 — **Quint.**11.1.18.1, **Gell.**18.4.1.6, **Suet.**Claud.35.1.3 (всего 5 случаев фиксации у 5 авторов);
- inhonorus* (10.390, 14.632, 16.250), **Stat.**Theb.3.66, 3.567, 7.151, 10.8, 11.399, *Silv.*5.2.15 — **Plin.**N.H..5.126.10, 15.99.1, 36.39.2, **Tac.**Hist.4.62.13 (всего 13 случаев фиксации у 4 авторов);
- lauriger* (5.412), **Stat.**Theb.1.42, 8.174, 12.520, *Ach.*1.509 — **Prop.**3.13.53, 4.6.54, **Ov.**A.A.3.389, **Mart.**3.66.3, 7.6.6., 7.8.8., 8.1.1, 9.28.9, 10.10.1, 12.2.11 (всего 15 случаев фиксации у 5 авторов);
- montivagus* (3.546), **Stat.**Theb.1.581, *Ach.*1.450 — **Lucr.**1.404, 2.597, 2.1081, **Sen.**Phaedr.784, *Her.*Oet.137, **Cic.**Tusc.5.79.2 (всего 9 случаев фиксации у 5 авторов);
- necopinus* (9.98, 14.188), **Stat.**Theb.6.592, 6.781, 6.888, 9.223, *Silv.*1.3.53 — **Ov.**Met.1.224, 12.596, **Phaedr.**1.9.6, **laus.pis.**184 (всего 11 случаев фиксации у 5 авторов);
- nebris* (3.395), **Stat.**Theb.2.664, *Silv.*1.2.226, *Ach.*1.609, 1.716 — **Sen.**Oed.438, **Plin.**N.H.1.37a.132, 37.175.2, **Serv.**Aen.7.396, *Bus.*2.31.5, *Georg.*4.470.1 (всего 11 случаев фиксации у 5 авторов);
- paludosus* (8.601), **Stat.***Silv.*3.2.108 — **Prop.**4.6.77, **Ov.**Met.15.268 (всего 4 случая фиксации у 4 авторов);
- praesignis* (6.43), **Stat.**Theb.4.598, *Silv.*4.4.9, 4.8.12 — **Ov.**Her.4.39, *A.A.*3.773, *Met.*3.32, 7.150, 12.217, 15.611, *Fast.*6.628, **Priap.**51.11, **Sicul.**Flacc.128.11 (всего 13 случаев фиксации у 5 авторов);

proavitus (5.79, 5.366, 11.88, 16.253), **Stat.** *Silv.* 4.4.83 — **Ov.** *Met.* 13.416 (всего 6 случаев фиксации у 3 авторов);
pumiceus (7.419), **Stat.** *Theb.* 10.574, *silv.* 3.1.144 — **Plaut.** *Pseud.* 75, **Ov.** *Fast.* 6.318, **Mart.** 4.57.2, **Scrib.** *Larg.* 34.3 (всего 7 случаев фиксации у 6 авторов);
stelliger (2.289, 13.863), **Stat.** *Theb.* 12.565, *Silv.* 3.3.77 — **Varr.** *menipp.* fr. 465.1, **Cic.** *Arat.* fr. 34.238, **Sen.** *Her.* *Fur.* 1204, *Her.* *Oet.* 1344, 1907 (всего 9 случаев фиксации у 5 авторов);
trieteris (4.776), **Stat.** *Theb.* 4.729, 7.93, 9.480, *Silv.* 2.6.72, *Ach.* 1.595 — **Mart.** 6.38.1, 7.96.3, 9.84.9, 10.53.3, **Cic.** *N.D.* 3.58.11 (всего 11 случаев фиксации у 4 авторов).

По большей части лексика из этой группы производит впечатление поэтической, а редкая фиксация может свидетельствовать об утрате части памятников. Присутствие среди контекстов Лукреция, Цицерона и даже Плавта может говорить о республиканском характере происхождения этих слов. Также вновь значительно влияние Овидия. В целом необходимо отметить внимание к редкой лексике у Стация и Силия — причем независимо друг от друга.

IV. Уникальная для двух авторов лексика.

metallifer — **Sil.** 15.497–498 *augebant animos argenti pondera et auri // parta metalliferis longo discrimine terris*, **Stat.** *Silv.* 4.4.23 *anne metalliferae repetit iam moenia Lunae*;
uvifer **Sil.** 7.207 *uviferis late florebat Massicus arvis*, 7.263 *Massicus uviferis addebat nomina glaebis*, **Stat.** *Silv.* 4.3.63–64 *atque echon simul hinc et inde fractam // Gauro Massicus uvifer remittit*.

Даже если второй пример может подтолкнуть к мысли о заимствовании, которую, впрочем, надо обосновывать, то первый больше свидетельствует о происхождении слова из третьего источника, если только не считать обоих поэтов склонными к спонтанным неологизмам.

Мы полагаем, что наш метод контрастного статистического анализа оправдан: он позволяет с одной стороны обосновывать единство поэтического языка, так как даже при отсутствии других трех эпиков значительная часть лексем фиксируется в высоких поэтических жанрах; с другой стороны, именно через сопоставление со Стацием мы можем почувствовать вкус эпохи, проявляющийся как в расширении словарного запаса за счет «пограничной» или недостаточно представленной лексики,

так и во внимании к лексическим редкостям, что отражено не только Плинием, но и впоследствии Авлом Геллием и Апулеем. Одновременно значительное пересечение Силия с такими авторами, как Овидий, Сенека-трагик, Федр, Персий, Марциал, Ювенал (и иногда с лексикой латинской Илиады, похвалы Пизону, Сульпиции) позволяет характеризовать его как автора первого или «серебрянного» века, но отнюдь не как слепого подражателя Вергилию. Стремление Силия к оживлению архаических пластов лексики и чуткость к поэтическим красотам имперского периода заслуживают дополнительного исследования.

Литература

- Adams, J. N., Mayer, R. G. 1999: *Aspects of the Language of Latin Poetry*. Oxford-New York, Oxford University Press.
- Axelsson, B. 1945: *Unpoetische Wörter*. Lund, H. Ohlssons boktryckeri.
- Belikov, A. E. 2014: Materialy dlya sravnitel'nogo issledovaniya slovarnogo zapasa Vergiliya i Siliya Italika [Materials for Virgil and Silius Italicus Comparative Vocabulary Research]. *Indo-European Linguistics and Classical Philology*. 18, 22–31].
- Беликов, А. Е. 2014: Материалы для сравнительного исследования словарного запаса Вергилия и Силия Италика. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 18, 22–31.
- Belikov A. E. 2024: Der poetische Wortschatz des Valerius Flaccus im Vergleich mit den römischen Epikern des 1. Jahrhundert n. Chr. *Glotta*. 100(1), 50–74.
- Janssen, H. H. 1988: Le caratteristiche della lingua poetica romana. *La lingua poetica latina*. Bologna: Pàtron Editore, 67–130.
- Kroll, W. 1924: *Studien zum Verständnis der Römischen Literatur*. Stuttgart, J. B. Metzler.
- Leumann, M. 1947: Die lateinische Dichtersprache. *Museum Helveticum*. 4, 116–139.
- Weise, O. 1909: *Charakteristik der Lateinischen Sprache*. Leipzig; Berlin, B. G. Teubner.
- Wheeler, A. L. 1919: Remarks on Roman Poetic Diction. *Classical Weekly*. 12, № 23–24, №337–338, 179–182, 188–192.

А. П. Бехтер
СПб ИИ РАН, Санкт-Петербург, Россия.
anabekhter@gmail.com

ПАПИРУС И КАМЕНЬ: ЭЛЕМЕНТЫ ПАПИРУСНОЙ СКОРОПИСИ В БОСПОРСКОЙ ЭПИГРАФИКЕ

В статье анализируется палеографическое взаимодействие между папирусным и лапидарным письмом на примере двух боспорских эпитафий, одна из которых относится к эллинистическому времени, видимо, к первой половине III в. до н. э. (КБН 253, Пантикапей?), а другая — к римскому периоду (Артезиан, КЛ-2102); для артезианской эпитафии следует принять широкую датировку I–II вв. н. э. Шрифт обеих надписей представляет собой смешение ангулярных форм, характерных для монументального лапидарного письма, и элементов скорописи, причем некоторые литеры происходят непосредственно из папирусного письма. Проникновение рукописных элементов в такую консервативную область как лапидарная эпиграфика может объясняться только интенсификацией использования папируса на Боспоре в конце IV — первой половине III в. до н. э. и в раннеримский период. Помимо этого уточняются датировки других надписей: КБН 1072 (конец IV — первая половина III в. до н. э.) и КБН 335 (184/5 г. н. э. или 284/5 г. н. э.).

Ключевые слова: греческая эпиграфика, палеография, курсив, папирусы, Боспор, КБН 253, КБН 1072, Артезиан, КБН 335.

А. П. Bekhter
Saint-Petersburg Institute of History. St. Petersburg, Russia.
anabekhter@gmail.com

Papyrus and stone: the elements of papyrus cursive in the Bosphoran epigraphy

The article analyses the paleographic interaction between papyrus and lapidary writing, using the two Bosphoran epitaphs as examples. One dates back to the Hellenistic period, probably to the first half of the 3rd century BCE (CIRB 253, Panticapaeum?), while the other dates to the Roman period (Artesian, KL-2102). For the Artesian epitaph, a broad dating of the 1st–2nd centuries CE should be accepted. Both inscriptions feature a mixture of the angular forms typical of monumental lapidary writing and cursive elements, with some letters originating directly from papyrus writing. The penetration of handwritten elements into such a conservative

field as lapidary epigraphy can only be explained by the increased use of papyrus on the Bosphorus at the end of the 4th century and the beginning of the 3rd century BCE, and during the Early Roman period. In addition, the dating of other inscriptions is being clarified: CBN 1072 (end of the 4th–first half of the 3rd century BCE) and CBN 335 (184/5 or 284/5 BCE).

Keywords: Greek epigraphy, paleography, papyri, cursive, Bosphorus, CIRB 253, CIRB 253, CIRB 1072, Artesian, CIRB 335.

Папирусное письмо находится практически вне поля зрения исследователей Северного Причерноморья в целом и Боспора в частности по вполне понятной причине: отсутствие находок самих папирусных текстов, которые просто не могли сохраняться в силу особенностей климата. Тем не менее, вряд ли стоит сомневаться в том, что помимо твердых носителей информации (керамика, свинец) использовались и мягкие. В основе манеры письма лежит прежде всего способ нанесения букв на ту или иную поверхность и используемые при этом инструменты, однако письмо на разных носителях все же не развивалось абсолютно изолированно: лапидарные формы присутствуют в написанных от руки текстах, а элементы скорописи проникают в надписи, выполненные на камне.

Данный сюжет нельзя назвать совершенно новаторским: попытки сопоставления лапидарного и папирусного шрифтов с целью уточнения датировки надписей на камне уже предпринимались¹, однако для боспорской эпиграфики эта тематика почти не разработана. В основу публикации положено исследование двух разновременных лапидарных текстов, содержащих формы букв, которые могли прийти только из папирусной скорописи.

Толчком к написанию данной работы послужило изучение шрифта найденной в Керчи² эпитафии КБН 253 (Рис. 1).

¹ Wilhelm 1911: 255–256; Wilhelm 1914: 14–15, 81–82.

² Место хранения: ГИМ, инв. № 17452, Б-1778. Как и всегда в подобных случаях, когда место находки точно не локализуется, в IOSPE и в КБН памятник атрибутируется Пантикапею, хотя в действительности стела могла принадлежать любому античному центру, располагавшемуся на территории «большой Керчи».



Рис. 1. Эпитафия КБН 253 из Керчи

Палеографически надпись резко выделяется на фоне прочих памятников боспорской лапидарной эпиграфики. Непропорционально широкие приземистые *мю* и *ню* с дугообразными срединным линиями, причем правый уголок *ню* чуть приподнят; *тау* с очень длинной горизонталью и смещенной вправо вертикальной гостой; *дельта* с чуть изогнутыми боковыми наклонными, правая из которых заметно удлинена, *фи* с округлой частью, тяготеющей по форме к треугольнику, обращенному вершиной вверх. Особняком стоят *сигма* и *ипсилон*, имеющие классическую ангулярную форму, характерную для лапидарной эпиграфики, причем в текстах «малой эпиграфики» уже со второй половины IV в. до н.э. начинает доминировать лунарная *сигма*. К. Ватцингер датировал памятник IV–III вв. до н. э., описывая текст как «etwas kursiven in Buchstaben»³, В. В. Латышев — II в. до н.э.⁴, оценивая надпись как вырезанную довольно неглубоко и небрежно («satis leviter et neglegenter»), в КБН документ отнесен ко второй половине III — началу II вв. до н.э. Однако необычный «летающий» шрифт рассматриваемой надписи демонстрирует почти полную идентичность с папиру-

³ К-W: 65, Taf. 2.

⁴ «Titulus II a. Chr. saeculo non videtur esse recentior» (IOSPE II add., 143¹).

сами раннеэллинистического периода и в плане общего облика⁵ (Рис. 2), и в отношении форм отдельных букв⁶. При этом ангулярные литеры выглядят вырезанными весьма неуверенной рукой.

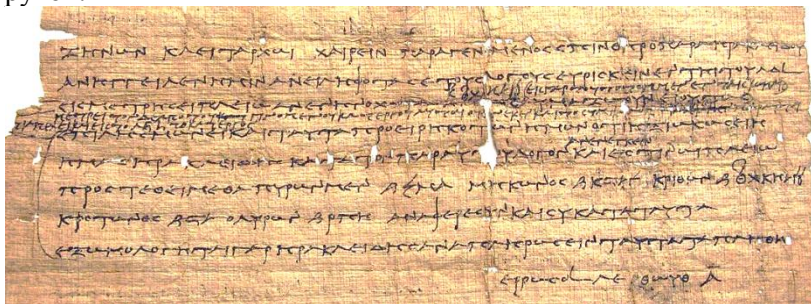


Рис. 2. Папирус из архива Зенона (III в. до н. э.)

Объяснять такое смешение стилей письма в пределах одного короткого текста можно по-разному. Можно говорить об определенной моде, так как элементы птолемеевского курсива фиксируются и в других памятниках лапидарной эпиграфики раннеэллинистического времени. В таком интереснейшем с точки зрения палеографии документе как горгийский каталог агонистов (КБН 1137), выполненный несколькими разными мастерами, в почерке резчика (резчиков?), работавшего над последними строками документа (условный мастер № 4)⁷, непропорционально широкие *альфа*, *тау*, *ню* и *мю* сочетаются с маленьким *омикроном*, *ипсилон* нередко принимает форму русского У. Указанные буквы в большинстве своем сохраняют ангулярность; срединная часть *мю* почти всегда состоит из двух соединенных под углом прямых, только в одном случае превращаясь в дугу. *Сигма* всегда ангулярная. Можно видеть в этой манере элементы *Zierschrift*, но общий облик почерка с приземистыми буквами, где горизонтальные линии превалируют над вертикалями, находит аналогию именно в птолемеевских папирусах. Зафиксированная в КБН 253 форма *фи* находит прямую параллель в КБН 252, где все прочие буквы имеют

⁵ Кеньон характеризует стиль папирусного письма III в. до н. э. в целом как «light and flowing» (Kenyon 1899: 36)

⁶ Kenyon 1899: 37; Gardthausen 1913: Taf. 1.

⁷ Палеографический анализ см.: Bekhter 2022: 44–46.

четкий ангулярный облик, а сама *фи* в отличие от скругленного аналога из эпитафии Диофанта, сына Диотима имеет форму треугольника⁸.

Древнейший примером проникновения рукописного курсива в лапидарную эпиграфику на Боспоре является, видимо, эпитафия Ни(м)фагора⁹, сына Гикесия, высеченная на антропоморфной стеле (КБН 1072, Гермонасса)¹⁰. С точки зрения палеографии примечательны *омикрон* очень маленького размера, широкая *ню* с высоко поднятым правым уголком и особенно лунарная *сигма* двух типов: классическая, в форме полумесяца, и имеющая излом по центру, при этом *эпсилон* традиционной ангулярной формы, с равновеликими горизонталями. *Сигма* обоих типов встречается как в надписях на остраконах и свинце, так и в папирусах IV–III вв. до н.э. Первоиздатель Ю. Ю. Марти предложил датировку III–II вв. до н.э. Издатели КБН, отмечая форму памятника (аргумент достаточно слабый, так как антропоморфные стелы нередко использовались вторично) и отсутствие *хайре*, датируют надпись временем «едва ли позднее III в. до н.э.». На наш взгляд, датировку надписи следует несколько удревнить, отнеся ее к концу IV — первой половине III в. до н.э. Типология самого памятника этому не противоречит: Н. В. Молева относит антропоморф к 14 типу, вариант а, датируя его III в. до н.э.¹¹, т.е. нанесение надписи в данном случае синхронно изготовлению памятника.

Надо заметить, что целый ряд литер имеет одинаковую форму в раннеэллинистических текстах на папирусе и на твердых носителях: уже описанная выше *сигма* с изломом по центру, нередко вместе в сочетании с *сигмой* классической лунарной формы; *ипсилон*, по форме близкий к русской У (наклоненная вправо вертикаль, от которой влево отходит

⁸ На прорисовке В. В. Шкорпила форма буквы передана неверно (Shkorpil 1915: 23, № 8), реальный облик *фи* виден на фотографии эстампажа, хранящегося в ФО ИИМК РАН (Р–II, 176, л. 4; см. CIRB-album).

⁹ О пропуске назального перед согласным в имени Νυ(μ)φαγόρας см. Yailenko 1987: 104.

¹⁰ Памятник утрачен, о его внешнем виде и характере письма можно судить по фотографии (Martí 1910: 13) и эстампажу (РО НА ИИМК РАН. Ф. Р–II. Арх. № 114. Л. 8).

¹¹ Moleva 2012: 58.

другая наклонная); *омега* с угловатым навершием¹². Не всегда понятно, идет ли речь о заимствовании или это результат независимого развития вариантов скорописи.

Однако в боспорских лапидарных памятниках официального характера в III в. до н. э. элементы папирусной скорописи не фиксируются¹³, так что рассматривать их проникновение в такую консервативную область как лапидарная эпиграфика как модную тенденцию едва ли правильно.

Появление элементов скорописи в лапидарных памятниках можно объяснить двояко: либо крайней малограмотностью резчика, просто воспроизводившего рукописный шрифт, либо наоборот его «продвинутостью», т. е. привычкой к скорописи¹⁴. Присутствию ангулярных литер в КБН 253 также можно дать различные объяснения. Можно предположить, что резчик, вырезая скорописные формы, попытался следовать непривычным для него ангулярным образцам; в пользу такого понимания ситуации свидетельствует то, что *сигма* и *ипсилон* вырезаны откровенно неуверенной рукой, против — отсутствие лапидарных надписей, выполненных уверенной скорописью. Возможно также, что мастер, не будучи знаком со скорописью, не вполне распознал *сигму* и *ипсилон* в рукописном варианте, заменив их буквами монументального шрифта, а прочие буквы просто перерисовал; против этого — уверенное исполнение элементов скорописи.

В любом случае наличие элементов папирусного курсива в боспорских лапидарных надписях III в. до н.э. предполагает достаточно широкое распространение папируса в этом севернопричерноморском регионе и, видимо, интенсификацию его использования на рубеже IV–III вв. до н.э.

¹² Подробнее, с примерами и литературой см. Bekhter 2025 (в печати).

¹³ Анализ боспорской палеографии III в. до н. э. см. Bekhter 2022: 41–53.

¹⁴ Так, надпись на происходящем из Ольвии Прованской остраконе, датируемом II в. до н.э. (Dana 2021: п. 58), не просто содержит отдельные элементы скорописи, а именно воспроизводит шрифт эллинистических папирусов; особенно показательна форма *tau* со смещенной вправо вертикалью. В данном случае ситуация представляется совершенно очевидной: автор текста имел очень большой опыт письма на папирусе и даже при использовании другого материала воспроизводил привычные ему формы букв.

К периоду со второй половины III в. до н.э. до митридатовской эпохи с уверенностью можно отнести только три датированных памятника¹⁵. В перечисленных текстах превалируют классические ангулярные буквы, сочетаясь с формами, содержащими изогнутые линии, продолжающими традицию претенциозного стиля; элементы папирусного письма не фиксируются.

Сходным образом суммарно можно охарактеризовать и палеографию надписей Митридата и его ближайших преемников (Фарнак, Асандр, Динамия). Из интересующих нас новшеств можно отметить появление *тетты* с черточкой по центру — явление, явно пришедшее из скорописи, фиксирующееся как в папирусном письме¹⁶, так и в текстах на керамике и свинце¹⁷.

В I в. до н. э. во всем античном мире в лапидарную эпиграфику начинают проникать лунарные буквы¹⁸, явное свидетельство возрастания роли мягких носителей информации. При этом боспорские лапидарные тексты общественного характера очень долго сохраняют консервативность, лунарные формы появляются только при Савромате I (93/4–123/4).

Для раннеримского времени наиболее интересным документом с точки зрения использования элементов папирусной скорописи в лапидарной эпиграфике является эпитафия Сос(т)ибия и его сыновей, найденная на Артезиане¹⁹ (рис. 3). Артезианская цитадель, возведенная на рубеже эр, погибла в огне пожара в середине I в. н. э., после чего новые поселенцы, восстанавливая крепость, разорили некрополь, использовав надгробия в качестве перекрытий могил и строительного материала для стен²⁰. Захоронение, перекрытое надгробной плитой Сос(т)ибия, было ограблено еще в древности, уцелевший

¹⁵ Подробнее см. Bekhter 2022: 50–52.

¹⁶ Gardthausen: Taf. 1.

¹⁷ Такая разнovidность литеры спорадически фиксируется в малой эпиграфике уже в позднеархаическое время (Guarducci 1967: 380), а в лапидарном письме вытесняет *тетту* с точкой по центру с конца I в. до н. э.

¹⁸ McLean 2002: 41; о «внедрении» лунарных форм в боспорскую лапидарную эпиграфику см. Vinokurov, Yailenko 2022a: 113–114.

¹⁹ Место хранения: ВКИКМЗ, инв. № КЛ-2102.

²⁰ Saprykin, Vinokurov, Belousov 2014: 137–138.

инвентарь, судя по описанию невыразителен и датирован суммарно I–II вв. н. э.²¹

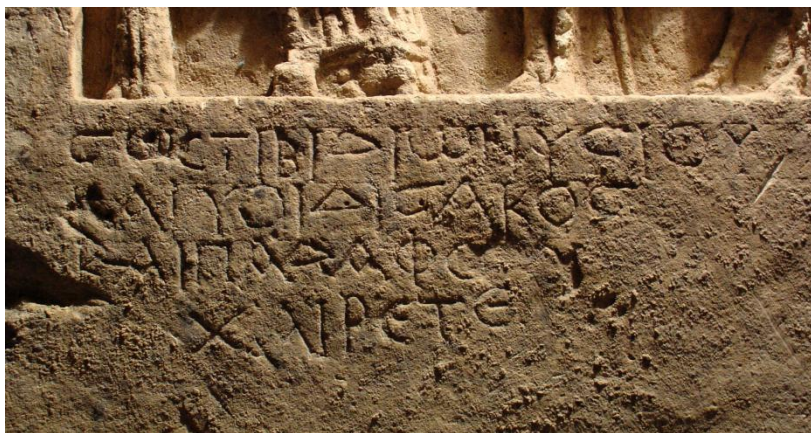


Рис. 3. КЛ-2102. Эпитафия Сос(т)ибия и его сыновей

Надпись выполнена довольно небрежно: буквы неровные, различаются по размеру и форме. Некоторые буквы украшены небольшими апексами. *Альфа* с ломаной поперечной гостой. *Эпсилон* лунарный. *Дельта* очень широкая, заметно меньше прочих букв, приподнята относительно линии строки. Рядом с *сигмой* обычной лунарной формы соседствует овальная с вытянутой вперед верхней дужкой, более в лапидарном письме не зафиксированная, происходящая из папирусного курсива.

С. Ю. Сапрыкин относит памятник к концу второй четверти — середине I в. н. э., опираясь на археологический контекст и палеографический анализ: «Палеография надписи характерна для конца второй четверти — середины I в. н.э., особенно для надписей времени правления Аспурга»²². Автор ссылается на палеографическую таблицу в очерке Болтуновой-Книпович²³, однако надписи эпохи Аспурга демонстрируют достаточно традиционный ангулярный шрифт с некоторыми незначительными новшествами. Видимо, речь идет о строительно-мемориальной надписи Алкима и Филопатры (КБН 335) с курсивными *эпси-*

²¹ Там же, 148.

²² Saprykin, Vinokurov, Belousov 2014: 134–162, 148–149, рис. 6.

²³ Boltunova, Knipovich: 10, Табл. III.

лоном, сигмой, омегой и мю, где Латышев интерпретировал $\alpha\tau'$ как дату, т. е. 311 г. б.э. = 14 г. н. э., принятую в КБН. Это не рядовая эпитафия, а указание на возведение дорогостоящего сооружения (склеп, впущенный в так называемый Львиный курган²⁴), т. е. использование курсивных форм объясняется в данном случае не низкой квалификацией резчика, а вполне сознательным выбором манеры письма, видимо, считавшейся престижной. Полное несоответствие палеографии предложенной дате отметил В. П. Яйленко, который, ссылаясь на осмотр камня, следующую за *альфой* букву читает как *пи*, а далее, у скола, усматривает округлую дужку, которую восстанавливает как *фи*, получая, таким образом, $\alpha\phi'$, т. е. 581 г. б. э. = 284/5 г. н.э.²⁵ Обломки, содержащие дату, были утеряны еще к моменту издания КБН (в фотоархиве Болтуновой представлен только основной фрагмент, хранящийся в ВКИКМЗ и сейчас). Несовершенство единственной сохранившейся фотографии отмечал еще Латышев. Буква после *альфы*, действительно, скорее *пи*, дальнейшее восстановление на основе фотографии ненадежно. Округлая дужка едва ли может быть частью *эпсилона* от $\epsilon\tau\epsilon\iota$, так как все слова вырезаны без пробелов, но вполне может являться оптической иллюзией. Для того, чтобы дата соответствовала палеографии, последняя буква должна быть *ипсилон* (184/5 г. н.э.) или *фи* (284/5 г. н.э.). При этом шрифт находит хорошие аналогии в пантикапейских надписях как II в. н. э. (e.g., КБН 675, 133/4 г.), так и более позднего периода: КБН 64 (306/7 г. н. э.). Таким образом, ссылка на КБН 335 не может быть аргументом, подкрепляющим предложенную датировку.

С. Р. Тохтасьев, первым обративший внимание на необычную форму *сигмы*, датировал стелу концом I в. н. э.²⁶ В. П. Яйленко счел нужным расширить датировку, предлагая конец I–II в. н. э.²⁷, при этом оба исследователя апеллируют к палеографической таблице Гардтхаузена, согласно которой присутствующая в рассматриваемой надписи необычная *сигма* впервые

²⁴ Подробнее о кургане и истории его исследования см.: Goroncharovskiy 2018: 39–52.

²⁵ Yailenko 2010: 575–576.

²⁶ Matkovskaya, Tokhtas'ev 2006: 190–191.

²⁷ Yailenko 2017: 479–480.

фиксируется в папирусе 88 г. н. э.²⁸ Однако более детальное рассмотрение папирусного письма показывает, что такая форма появляется уже в позднептолемеевское время, продолжая встречаться в документах раннеримского периода²⁹, так что с этой точки зрения непреодолимых препятствий к отнесению стелы Сосибия ко первой половине I в. н. э. нет.

В то же время наличие в захоронении, которое перекрывало надгробие, керамики II в. н. э. не позволяет связывать его с разорением артезианского некрополя и последующим вторичным использованием надгробных памятников³⁰, тем самым обесценивая привязку к археологическому контексту, на который опирается в своих построениях Сапрыкин.

Остается признать, что точная датировка памятника действительно вызывает затруднения и в итоге пока приходится остановиться на расширенном варианте I–II вв. н. э. Две другие артезианские эпитафии, предположительно датируемые первой половиной I в. н. э. демонстрируют одна — классический ангулярный шрифт³¹, другая — наличие лунарной *сигмы* при том, что прочие литеры принадлежат к монументальному шрифту³².

Шрифт эпитафии Сос(т)ибия представляет собой причудливую смесь из элементов монументального письма (небольшие апексы на концах некоторых гас, *альфа* с поперечной перекладиной) и скорописи. Самым простым решением было бы объявить резчика малограмотным человеком, который просто «перерисовал» текст с мягкого носителя, но профессиональные навыки, хорошо заметные в исполнении ангулярных литер, заставляют отказаться от такого предположения. Присутствующие в тексте орфографические особенности: написание имени Διονυσίου как Διονυσίον, упрощение дифтонга /ui/ в *uoi*, находят параллели в других боспорских надписях первых веков н. э. и могут отражать фонетические процессы³³ а не свиде-

²⁸ Gardthausen 1913: Taf. 1.

²⁹ Kenyon 1899: 44.

³⁰ О периодах существования некрополя Артезиана см. Vinokurov, Yailenko 2022: 47–48.

³¹ Vinokurov, Yailenko 2022: 42–49, рис. 9.

³² Vinokurov, Yailenko 2022a: 105–115, рис. 5.1–2. Нельзя не отметить, что стела демонстрирует явное сходство с надгробием Сос(т)ибия в стилистике рельефа и манере письма.

³³ См. Dovatur 1965: I. A, § 4, 7–8 и I. A, § 12.

тельствовать о малограмотности мастера. Тохтасьев также читает в стк. 3 Παδαφ(ο)ῦ, полагая, что вместо *омикрона* вырезана лунарная *сигма*, однако здесь скорее следует видеть повреждение буквы: правая часть *омикрона* уходит в древнюю выбоину, обусловившую *vacat* между двумя последними литерами и, судя по всему, со временем увеличившуюся (*vidi*), так что читать следует Παδαφῶ. Единственная ошибка в тексте — лишняя *tau* в имени Σωσ(τ)ίβιος, объяснить которую крайне затруднительно³⁴; Сапрыкин предположил, что в ее основе лежит алфавитная последовательность³⁵ (что опять-таки опровергает предположение о безграмотности резчика), возможно, влияние оказала и следующая далее вертикаль *йоты*. Видимо, речь идет все-таки о палеографической моде, в которой боспорская провинция перешеголяла столицу.

Для нас важно, что в раннеримское время в удаленном от центров цивилизации Артезианском поселении папирусная скоропись проникла в такую консервативную область эпиграфики, как лапидарные надписи. В дальнейшем курсив в боспорской (и вообще в древнегреческой) лапидарной эпиграфике становится обыденностью, но столь ярких примеров взаимодействия с папирусной скорописью больше не фиксируется.

Литература

- Bekhter, A. P. 2022: [Lapidary typefaces of Bosphorus VI — I BCE]. *Istoriya pis'ma ot antichnosti do novogo vremeni. Ocherki po epigrafike, paleografii i diplomatike* [History of writing from antiquity to Modern times. Essays on epigraphy, paleography and diplomacy]. Moscow-Saint Petersburg.
- Бехтер, А. П. 2022: Лапидарные шрифты Боспора VI–I вв. до н. э. *История письма от античности до нового времени. Очерки по эпиграфике, палеографии и дипломатике*. М.; СПб.
- Bekhter, A. P. 2025: Papyrus and stone: paleographic mutual influence (on the example of Bosporan lapidary epigraphy monuments of the late IV–III centuries BCE), *Novyy Germes* [New Hermes] (in print).
- Бехтер, А. П. 2025: Папирус и камень: палеографическое взаимовлияние (на примере памятников боспорской

³⁴ Яйленко предлагает отказаться от эмендации и читать Σωστίβιος (Yailenko 2017: 478–479), но его интерпретация этого более нигде на засвидетельствованного имени как двусоставного недостаточно убедительна (см. Belousov, Saprykin 2018: 262–263).

³⁵ Saprykin, Vinokurov, Belousov 2014: 149.

- лапидарной эпиграфики конца IV–III вв. до н. э.), *Новый Гермес* XVII (в печати).
- Belousov, A. V., Saprykin, S. Yu. 2018: Once more about the publication of inscriptions from Artesian settlement at Bosphorus, *Aristeas. Philologia Classica et Historia Antiqua* XVIII, 246–268.
- Белоусов, А. В., Сапрыкин С. Ю. 2018: Еще раз о публикации надписей с городища Артезиан на Боспоре. *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории* XVIII, 246–268.
- Boltunova, A. I., Knipovich, T. N. 1962: [A Survey of Greek lapidary paleography in Bosphorus]. *Numizmatika i epigrafika [Numismatics and Epigraphy]* 3, 3–31.
- Болтунова, А. И., Книпович, Т. Н. 1962: Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре. *НЭ* 3, 3–31.
- Dana, M. *La correspondance grecque privée sur plomb et sur tesson: corpus épigraphique et commentaire historique*. München, 2021 (*Vestigia* 73).
- Dovatur, A. I. 1965: [Short outline of the grammar of the Bosporan inscriptions]. In: V. V. Struve et al. (eds.), *Corpus Inscriptionum Regni Bosporani*. Moscow–Leningrad, 797–831.
- Доватур, А. И. 1965 Краткий очерк грамматики боспорских надписей. В кн.: В. В. Струве и др. (ред.), *Корпус Боспорских надписей*. М.; Л., 797–831.
- Gardthausen V. *Griechische Paläographie*. Leipzig, 1913².
- Goroncharovskiy, V. A. 2018: [The Mystery of Lion Tumulus]. *Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremya [The Black Sea region in antiquity and early Middle-Ages]* 2, Rostov-on-Don, 39–52.
- Горончаровский, В. А. 2018: Загадка Львиного кургана. *Причерноморье в античное и раннесредневековое время* 2, Ростов-на-Дону, 39–52.
- Guarducci, M. 1967: *Epigrafia greca*. Vol. I. Roma.
- Kenyon, F. G. 1899: *The Paleography of Greek Papyri*. Oxford.
- McLean, B. H. 2002: *An introduction to Greek epigraphy of the Hellenistic and Roman periods from Alexander the Great down to the reign of Constantine (323 B. C. - 337 A.D.)*. Michigan.
- Marti, Yu. Yu. 1910: [New Bosporan gravestones purchased by the Museum of Melek-Chesmenskij barrow in 1907–1908]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey [Proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities]* 28, Protocols, 11–15.
- Мартин, Ю. Ю.: Новые боспорские надгробия, приобретенные музеем Мелек-Чесменского кургана в 1907/8 г. *ЗООИД* 28, Прот., 11–15.
- Matkovskaya, T. A., Tokhtas'ev, S. R. 2006: [Little-known and unpublished steles of the Kerch lapidarium]. *Nauchnyy sbornik Kerchenskogo zapovednika [Scientific Collection of the Kerch Reserve]* 1. Kerch, 179–210.

- Матковская, Т. А., Тохтасьев, С. Р. 2006: Малоизвестные и неизданные стелы Керченского лапидария. *Научный сборник Керченского заповедника* 1. Керчь, 179–210.
- Moleva, N. V. 2012: *Bosporskie antropomorfnye izvayaniya: kross-kulturnye i mezhetnicheskie kommunikatsii vo vremeni i prostranstve* [The Bosporan anthropomorphs sculptures: Cross-cultural and interethnic communications in time and space]. Nizhniy Novgorod.
- Молева, Н. В. 2012: Боспорские антропоморфные изваяния: кросс-культурные и межэтнические коммуникации во времени и пространстве. Нижний Новгород.
- Saprykin, S. Ju., Vinokurov, N. I., Belousov A. V. 2014: [The Site of Artesian in Eastern Crimea (Its Population and Cults)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 134–162.
- Сапрыкин, С. Ю., Винокуров, Н. И., Белоусов, А. В. 2014: Городище Артезиан в Восточном Крыму. *ВДИ* 3, 134–162.
- Shkorpil, V. V. 1915: [Bosporan inscriptions found in 1914]. *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii* [Reports of the Imperial Archaeological Comission] 58, 17–27.
- Шкорпил, В. В. Боспорские надписи, найденные в 1914 г. *ИАК*, 58, 17–27.
- Vinokurov, A. N., Yailenko, V. P. 2022: The seconde epitaph from the Artesian settlement (the Crimean Azov Region). *Problemy istorii, philologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 31–52.
- Винокуров, А. Н., Яйленко, В. П. 2022: Вторая эпитафия с городища Артезиан в Крымском Приазовье. *ПИФК* 2, 31–52.
- Vinokurov, A. N., Yailenko, V. P. 2022a: The third epitaph from the Artesian settlement (the Crimean Azov Region). *Problemy istorii, philologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 95–134.
- Винокуров, А. Н., Яйленко, В. П. 2022a: Третья эпитафия с городища Артезиан в Крымском Приазовье. *ПИФК* 3, 95–134.
- Yailenko V. P. 1987: Materialy po bosporskoy epigrafike [Materials on Bosporan epigraphy]. *Nadpisi i yazyki drevney Maloy Asii, Kipra i antichnogo Severnogo Prichernomor'ya* [Inscriptions and Languages of Ancient Asia Minor, Cyprus and Antique Northern Black Sea Coast]. Moscow. 4–200.
- Яйленко, В. П. 1987: Материалы по боспорской эпиграфике. *Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья*. М., 1987.
- Yailenko, V. P. 2010: *Istoriya i epigrafika Bospora VI v. do n.e. — V v. n.e.* [History and epigraphy of the Bosporus VI BC — V AD]. Moscow.
- Яйленко, В. П.: *История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. — V в. н.э.* М.

- Yailenko, V. P. 2017: [On the publication of inscriptions from fortress Artesian in East Crimea]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea] 9, 471–483.
- Яйленко, В. П. 2017: О публикации надписей с городища Артезиан в Восточном Крыму. *МАИСК* 9, 471–483.
- Wilhelm, A. 1911: Die lokrischen Mädcheninschrift. *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien*, 163–256.
- Wilhelm, A. 1914: Urkunden aus Messene. *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien*, 1–120.

Список сокращений

- IOSPE — Latyshev, B. et. al. (ed.), *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Ed. 1. Vol. I, II, IV. Petropoli, 1885–1901. Ed. 2. Vol. I. Petropoli, 1916. Ed. 3. Vol. I, III, V.
- К-В — Kieseritzky, G. von, C. Watzinger. *Griechische Grabreliefs aus Südrussland*. Berlin, 1909.
- ВДИ — Вестник древней истории.
- ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
- ИАК — Известия императорской археологической комиссии.
- КБН — Корпус боспорских надписей. М.:Л., 1965.
- МАИАСК — Материалы по истории и археологии античного и средневекового Крыма.
- НЭ — Нумизматика и эпиграфика.
- ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры.
- РО ИИМК РАН СПб — Рукописный отдел научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
- ФО ИИМК РАН СПб — Фотоотдел научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.

К. А. Битнер

Институт лингвистических исследований РАН.
kirvonbuettner@gmail.com

КУМРАНСКАЯ ВЕРСИЯ ТЕКСТА ОДНОГО БИБЛЕЙСКОГО ОТРЫВКА (ИС 42:1–9)

Статья посвящена интерпретации нескольких наиболее важных вариантов текста Ис 42:1–9, которые встречаются в Большом свитке Исайи (1QIsa^a), обнаруженном в Кумране. Данная рукопись является старейшим свидетельством древнееврейского текста библейской книги Исайи, датируется второй половиной II в. до н. э. В статье демонстрируется, что в большинстве случаев причиной появления разнотечений являлась редакторская деятельность писца свитка.

Ключевые слова: Библия, Кумран, библейская текстология, книга Исайи, Кумран.

Cyrrill von Büttner

Institute for Linguistic Studies, RAS. Saint-Petersburg, Russia.
kirvonbuettner@gmail.com

Qumran version of the text of one biblical passage (Isa 42:1–9)

The article focuses on the interpretation of several of the most important variants of the text of Isaiah 42:1–9, which are contained in the Great Isaiah Scroll (1QIsa^a) discovered at Qumran. This manuscript is the oldest evidence of the Hebrew text of the biblical book of Isaiah, dating from the second half of the second century B.C. The article demonstrates that in most cases the reason for the appearance of discrepancies was the editorial activity of the scribe of the scroll.

In particular, the textual variants hnh ('behold') in Isa 42:1 and lw^q yz^q ('will not cry out') in Isa 42:2 arose from a desire to replace words of little use and obsolescence with synonyms used in the Hebrew language of the late first millennium B.C.

The variant mšptw ('his judgement') in Isa 42:1 is exegetical. By attaching to the word mšpt ('judgement') the letter vav, denoting the pronoun suffix of the 3 masc. sing., the scribe-editor apparently pursued the purpose of clarifying the biblical text by emphasising the significance of the figure of the Servant of the Lord as the eschatological judge. The variant ynḥylw ('they will pass on (the Law) as an inheritance') in Isa 42:4 probably represents a conjecture undertaken by the scribe, as a result of which the image of the Servant of Yahweh was reinterpreted in eschatological terms and came to be seen as a prophet-legislator by whose laws the Gentiles would live in the coming age.

The variant h?lwhym ('the God') in Isa 42:5 could have appeared either as a result of a scribe's error or as a result of harmonization with other texts of Isaiah or with Gen 1:1.

Keywords: Bible, Qumran, Biblical Textual Criticism, Book of Isaiah, Qumran.

1. Введение

Так называемый Большой свиток Исаяи (1QIsa^a), обнаруженный в Первой кумранской пещере в 1947 г. (по другим данным, в конце 1946 г.), является древнейшим списком библейской книги пророка Исаяи, написанным на древнееврейском языке. На основании почерка его датируют 150–100 гг. до н. э. В настоящее время свиток хранится в Иерусалиме в Музее Израиля. Его цифровая фотография (фотограф Ардон Бар-Хама) вместе с фотографиями нескольких других кумранских рукописей размещена на сайте The Digital Dead Sea Scrolls (<http://dss.collections.imj.org.il/>). Текст свитка несколько раз издавался (Burrows, Trever, Brownlee 1950; Parry, Qimron 1999; Ulrich, Flint 2010). Он содержит множество отличий от масоретского текста Библии (далее МТ)¹.

В нашей статье будут рассмотрены важнейшие варианты текста, которые содержатся в 1QIsa^a в отрывке Ис 42:1–9². В нем впервые в книге Исаяи упоминается анонимный персонаж, называемый «Рабом Яхве / Господа», о страданиях и смерти которого, по всей вероятности, рассказывается в Ис 52:13–53:12. Отрывок состоит из двух частей. В первой части, которую часто называют Первой песней Раба Господа³, представлено пророчество, в котором Бог говорит о своем Рабе ('bdu «Мой Раб») в третьем лице. Во второй части содержится еще одно пророчество, адресованное самому Рабу (Ис 42:5–9). Отрывок входит в состав корпуса Ис гл. 40–55 (так называемый Девтероисайя или Второисайя), которой, по мнению большин-

¹ Древнееврейские тексты приводятся в транслитерации, при необходимости также в транскрипции. МТ книги Исаяи приводится по изданию Библии Еврейского университета (Goshen-Gottstein 1995).

² Предшествующие обзоры разночтений, содержащихся в 1QIsa^a в этом отрывке, см. в статье Ю. Линдблома (Lindblom 1951: 236–238) и в монографии Д. Парри (Parry 2020: 294–297).

³ Обзор различных гипотез, касающихся количества «Песен Раба Господня», их состава, времени написания и отождествления фигуры Раба, см. в монографии Г. Хага (Haag 1985).

ства исследователей, был написан в VI в. или в V в. до н. э. (Goldingay, Payne 2006: 1–57).

2. Текст Ис 42:1–9 в свитке 1QIsa^a

Текст Ис 42:1–9 располагается в 35-м столбце свитка 1QIsa^a и занимает десять строк (с 10-й по 19-ю). Полотнище пергамена, на которое нанесен текст, является 11-м по счету, содержит три столбца (с 34-го по 36-й). Начало, середина (между Ис 42:4 и Ис 42:5) и конец отрывка выделены графически. Предшествующая отрывку 9-я строка содержит лишь два слова (12 букв + одна буква надписана над словом), за которыми следует большой пробел. 13-я строка, в которой содержится часть текста Ис 42:4, короче предшествующих. Она содержит восемь слов (36 букв), за которыми следует пробел. Последняя (19-я) строка с текстом отрывка также короче остальных. В ней девять слов (40 букв), она заканчивается пробелом. На полях справа от начала 10-й строки в промежутке между столбцами располагается помета, представляющая собой две пересекающиеся черты («косой крест»). Такая же помета располагается справа от начала 15-й строки.

Перевод кумранской версии отрывка:

^(42:1) Вот (hnh) раб Мой, которого я держу за руку, избранный Мой, к которому благоволит душа Моя. Я возлагаю на него дух Мой, и суд свой (mšp̄tw) племенам он явит! ^(42:2) Не возопиет (lwʔ yzʕq), не возвысит голос свой, не даст услышать его на улицах. ^(42:3) Сломанный тростник не переломит и тлеющий фитиль не угасит. В истине явит он суд. ^(42:4) Не ослабеет и не сокрушится, пока не установит на земле суд, и закон его острова́ будут передавать по наследству (ynḥylw) ^{пробел}. ^(42:5) Так сказал Бог, Бог (hʔlwhym), сотворивший небеса и распростерший их, создавший землю и произведения ее, дающий дыхание людям на ней и дух ходящим по ней: ^(42:6) Я призвал тебя⁴ в правде, взял тебя за руку, сохранил тебя, сделал

⁴ Над словом qrt̄ykh «Я призвал тебя» (MT: q̄rʔtyk) видны остатки букв, которые были стерты, а поверх их стоит пять точек. По мнению Э. Това и Д. Парри (Tov 2004: 218; Parry 2020: 296), четыре из них являются т. н. *Tetrapuncta*, которые использовались в качестве замены четырехбуквенного имени Бога yhw̄h, а пятая — фрагментом удаленной буквы (см. использование *Tetrapuncta* в 1QIsa^a также в Ис 40:7). В

тебя заветом для народа, светом для племен, ^(42:7) чтобы открыть глаза слепых, вывести из тюрьмы узников ⁵ и из темницы — сидящих во тьме. ^(42:8) Я — Яхве! Мое имя ⁶ и Мою славу не отдам другому, и Мою хвалу — идолам. ^(42:9) Прежнее — вот, оно пришло, и новое Я возвещу. Прежде чем оно произойдет, Я сообщу вам ^{пробел}.

3. Чтение hnh «вот» (Ис 42:1)

В 1QIsa^a в Ис 42:1 использована частица hnh «вот», в то время как в МТ мы находим ее синоним hn. Подобное различие между текстом свитка и МТ является типичным. Помимо пассажа Ис 42:1 масоретскому hn в тексте 1QIsa^a соответствует чтение hnh в следующих отрывках книги Исайи: 23:13; 32:1; 41:24, 29; 44:11; 49:16, 21; 50:1, 2, 9 (2 раза), 11; 54:15, 16 (Kätib: hn, Qəre: hnh = 1QIsa^a); 55:4, 5; 56:3; 58:4; 59:1; 64:4, 8. В ряде пассажей МТ и 1QIsa^a содержат одинаковое чтение hn: 33:7; 40:15 (2 раза)⁷, 41:11⁸; 58:3. Лишь в одном пассаже (38:17) масоретскому hnh в тексте свитка соответствует чтение hn⁹.

МТ перед словом qr²tyk написано имя Бога, пропущенное в 1QIsa^a, видимо, по ошибке. Можно предположить, что, обнаружив ошибку, писец вначале записал имя над словом qrtykh, а затем стер и поставил вместо него четыре точки.

⁵ В 1QIsa^a вместо формы существительного 'syg «узник» (МТ) использована форма страдательного причастия G-порядка глагола $\sqrt{2}$ sg 'связывать' в том же значении (см. такое же различие в Ис 10:4).

⁶ В 1QIsa^a перед словом šmy «Мое имя» стоит союз w, отсутствующий в МТ, 4QIsa^b, LXX и других древних переводах. В МТ после слова šmy стоит знак *этнахта*, обозначающий конец первой половины стиха. Таким образом, членение текста в 1QIsa^a оказывается иным, чем в МТ и в других свидетельствах текста («Я — Яхве! Мое имя и Мою славу не отдам другому...» *versus* «Я — Яхве! Это — Мое имя! И Мою славу не отдам другому» в МТ).

⁷ Первоначальный текст свитка не содержал фрагмента 40:14–16, он был написан писцом, жившим в раннюю иродианскую эпоху (Ulrich, Flint 2010 II: 110–111).

⁸ Первоначально текст не содержал слова hn: оно было написано над строкой позже, вероятно, самим писцом (Ulrich, Flint 2010 II: 111).

⁹ Писец сперва написал букву нун в ее обычном варианте, а затем поверх нее написал так называемый нун *софит*, используемый лишь в конце слова (Ulrich, Flint 2010 II: 110). Данное обстоятельство, веро-

Текст кумранского свитка 1QIsa^b, сохранившийся лишь частично, содержит тот же вариант hn, что и MT, во всех уцелевших фрагментах текста: 41:11 (=1QIsa^a); 50:9 (2 раза); 50:11; 55:4; 55:5; 56:3; 58:3 (=1QIsa^a); 58:4; 59:1, 64:8, а также hnh в 38:17 (=MT). При этом фрагмент 42:1 в данном свитке утрачен. Сохранившийся фрагмент свитка 4QIsa^c подтверждает масоретское чтение hn в Ис 55:5. С другой стороны, фрагмент свитка 4QIsa^a содержит вариант hn в Ис 20:6 (в MT и 1QIsa^a hnh).

Поскольку hn в Библии встречается реже, чем hnh, а в сохранившихся фрагментах свитка 1QIsa^b присутствуют те же чтения, что и MT, исследователи (Lindblom 1951: 236; Kutscher 1974: 28–29, 214–215) предположили, что первоначальный текст книги содержал лексему hn, вариант же hnh явился результатом деятельности писца 1QIsa^a. По мнению Эдварда Й. Кучера, изменения были внесены в текст, чтобы избежать путаницы с арамейским hn «если» (Kutscher 1974: 214–215). В частности, он указывал на то, что в некоторых поздних библейских текстах, написанных на древнееврейском языке, hn используется в параллели с 'm «если» (2 Пар 7:13; Агг 2:12–13), и имеет значение, схожее с арамейским (HALOT: 251). Кроме того Кучер отметил, что схожую тенденцию, заключающуюся в замене hn на hnh, можно обнаружить в Самаритянском Пятикнижии, в некоторых текстах которого (Быт 19:34; 27:11; Числ 31:16) масоретскому hn соответствует hnh.

Публикация полного корпуса кумранских текстов, которая была завершена лишь в начале XXI в.¹⁰, дала возможность оценить его гипотезу. В кумранских небиблейских текстах, написанных по-еврейски, частица hn засвидетельствована всего четыре раза (DSSC I: 227): в текстах 4Q266 60,1; 4Q482 3,3; PAM 43.690 67,1 и 4Q504 1–2iii2. При этом восстановить контекст, в котором использовалась hn в первых трех текстах, и значение частицы невозможно из-за плохой сохранности рукописей. Текст же 4Q504 1–2iii2 представляет собой парфраз библейского пассажа Ис 40:15–17. С другой стороны, в текстах из Кумрана, написанных по-арамейски, частица hn

ятно, указывает на то, что первоначально он собирался написать hnh, но затем передумал и написал hn.

¹⁰ Э. Й. Кучер скончался в 1971 г., английская версия его труда, посвященного 1QIsa^a, увидела свет уже после его смерти (Kutscher 1974).

«если» зафиксирована более 30 раз (DSSC I: 824). Данные факты свидетельствуют о том, что частица *hn* как синоним *hnh* использовалась в еврейском языке конца периода Второго Храма крайне редко или же не использовалась вообще, а ее арамейский омоним (*hn* ‘если’) использовался довольно часто. Вследствие этого, в частности, переводчик LXX, переводя книгу Исаии на греческий язык, дважды (40:15; 58:4) передал *hn* как *εἰ* «если». Поэтому гипотезу Кучера можно признать убедительной. Для того чтобы избежать двусмысленности, неизбежной для арамеоязычной среды, писец 1QIsa^a, по всей видимости, систематически заменял *hn* на *hnh*.

4. Чтение *wmšpṭw* «и суд свой» (Ис 42:1)

В тексте свитка 1QIsa^a к слову *mšpṭ* «суд» присоединен местоименный суффикс 3 л. м. р. ед. ч., отсутствующий в МТ и текстах древних переводов. Кроме того, перед ним стоит союз *w* «и» (отсутствует в большинстве рукописей МТ). Отметим, что в тексте Таргума Ионафана к арамейскому слову *dny* «суд» (эквивалент древнеевр. *mšpṭ*) присоединен местоименный суффикс 1 л. ед. ч. (*dnyu* «Мой суд»)¹¹.

Доминик Бартелеми (Barthélemy 1950: 546–549) причислил кумранский вариант *mšpṭw* к числу «мессианских вариантов» (*Les variantes messianiques*)¹². Он перевел пассаж Ис 42:1 следующим образом: «*Mon Serviteur... promulgua sa religion pour les nations*», подчеркнув, что древнеевр. слово *mšpṭ* он интерпретировал как «правила человеческого поведения, согласующиеся с божественной целью», поэтому и выбрал в качестве эквивалента при переводе не *droit* («закон»), а *religion*, так как

¹¹ Поскольку еврейские буквы *вав* и *йод* могли писаться схожим образом, нельзя исключать того, что кумранский вариант *mšpṭw* и арамейский вариант *dnyu* имеют общее происхождение (древнеевр. *mšpṭw* «его суд» или *mšpṭy* «Мой суд»). На наш взгляд, однако, предпочтение следует отдать объяснению, согласно которому чтение *dnyu* в арамейском тексте явилось следствием гармонизации с выражением *gwh qwdšy* «Мой святой дух», стоящим в начале стиха.

¹² По мнению Бартелеми, другие мессианские варианты свитка 1QIsa^a содержатся в Ис 52:14 (*mšṭy* «Я помазал»), Ис 53:11 (*yṯh wṯ* «он увидит свет»), Ис 51:5 (*zrwṯw* «его плечи») (2 раза) и *ʾlyw* «на него (будут надеяться острова)») и Ис 41:2 (*my hʿyr mmzrh šdq wyqrhw lrglyw* «Кто пробудил от Востока правду и призвал ее за собой?»).

первое слово имело бы слишком светский оттенок. Бартелеми предположил, что чтение свитка в Ис 42:1 (а также в других отрывках, в которых встречаются «мессианские варианты») является первоначальным. По его мнению, книжники (которые редактировали МТ), вероятно, исправили текст Ис 42:1, удалив суффикс, так как их шокировало выражение *mšrṭw* («sa religion»), стоящее в первой строке отрывка. При этом, однако, местоименный суффикс был сохранен в выражении *twrtw* «sa loi» («его закон») в Ис 42:41. Арье Рубинштейн скептически отнесся к объяснению, предложенному Бартелеми (Rubinstein 1955). По его мнению, не существует каких-либо критериев, которые позволили бы установить, какой из вариантов текста, МТ или *1QIsa^a*, является оригинальным. При этом сам он склонялся к той точке зрения, согласно которой вариант *mšrṭw* «его суд» (*1QIsa^a*) в Ис 42:1 появился вследствие гармонизации с *twrtw* «его закон» в Ис 42:4 (МТ). Современник первых двух исследователей Джон В. Чемберлен (Chamberlain 1955: 366–372) попытался объяснить появление некоторых «мессианских вариантов» в тексте *1QIsa^a* с позиций, противоположных взглядам Бартелеми. По его мнению, эти варианты появились благодаря деятельности кумранских книжников и отразили понимание ими данных отрывков в мессианском ключе. Рассуждая, в частности, о пассаже Ис 42:1, он предположил, что Раб Яхве может быть отождествлен с Мессией¹³. По поводу выражения *mšrṭw* в Ис 42:1, Чемберлен пишет следующее: «... For example, even in the MT of xlii 1-4 the Servant is the bearer of Judgment and Law. His agency as bearer of Judgment is heightened in *1QIsa* to a position of authority, for it is his Judgment... It is clear, however, that this legal and judicial authority is attributable to the Servant...» (Chamberlain 1955: 368–369)¹⁴.

На наш взгляд, можно согласиться с тем, что вариант *mšrṭw* «его суд» отражает интерпретацию библейского текста писцом свитка. Поскольку вариант нигде, кроме *1QIsa^a*, не засвидетель-

¹³ Чемберлен ссыался на кумранский вариант *mšhty* (переводит его как *I appointed* «Я помазал»), засвидетельствованный в Ис 52:14.

¹⁴ См. также монографию Полсона Пуликоттиля (Pulikottil 2001: 149–150). По его мнению, *mšrṭw* появился вследствие деятельности кумранского книжника, вложившего в текст собственную интерпретацию (interpretative reading).

ствован, а добавление в текст различных дополнительных букв, проясняющих его смысл (*matres lectionis* и не только), было характерно для писца 1QIsa^a, наиболее убедительным объяснением происхождения данного варианта будет предположение о том, что он появился вследствие редактуры текста. Вероятным также представляется объяснение Рубинштейна, согласно которому mšrṭw явился результатом гармонизации отрывка Ис 42:1 с Ис 42:4, где мы находим слово twrtwyw «его закон»¹⁵.

Слово mšrṭ «суд» в сочетании с местоименным суффиксом, если антецедентом является какое-либо имя, обозначающее человека, в Библии используется чаще всего для обозначения судебной тяжбы, в которой участвует человек, или же справедливого судебного разбирательства в отношении этого человека (см., например, Иов 27:2; 34:5; 40:8; Пс 16(17):2; 36(37):6; Ис 40:27; 49:4 и др.). Также, хотя и гораздо реже, выражение mšrṭ + местоименный суффикс используется для обозначения суда, который производит данный человек / группа людей (см., например, Иов 29:14; Авв 1:7). Очевидно, что mšrṭw «его суд» в Ис 42:1 относится ко второй категории. На это указывает как сам контекст (ср. Ис 42:1 с Ис 42:4), так и параллельный отрывок Ис 51:5, в котором идет речь о «плечах его» (евр. zrw^hw), которые будут осуществлять суд над народами (евр. ^hmyw yšpwṭw).

Таким образом, в тексте Ис 42:1 (1QIsa^a) речь идет о том, что Раб Яхве будет обладать (или уже обладает?) судебными полномочиями, которые будут распространяться на окружающие народы. Источником подобных полномочий является сам Бог, возложивший на него свой дух (Ис 42:1)¹⁶. На наш взгляд, вариант перевода, предложенный Бартеlemi («religion») следует отвергнуть, поскольку в отрывке речь идет об облечении персонажа судебной властью.

Присоединив к слову mšrṭ «суд» букву *vav*, обозначающую местоименный суффикс 3 л. м. р. ед. ч., писец, по всей видимос-

¹⁵ twrtwyw представляет собой форму ед. ч. существительного twrh «закон» с местоименным суффиксом 3 л. м. р. ед. ч. (von Büttner 2019: 23; ср. с Qimron 2018: 269–270).

¹⁶ Ср. с текстом Ис 11:1–5, в котором также дарование «духа» (древнеевр. gw^h) рассматривается как условие для успешного судопроизводства.

ти, преследовал цель прояснить библейский текст, подчеркнув значимость фигуры Раба Господня как эсхатологического судьи. Отметим, что намерением внести в данный библейский текст ясность руководствовался, видимо, и переводчик книги Исаии на арамейский язык (Таргум Ионафана), также использовавший притяжательное местоимение, однако, не 3-го, а 1-го лица (*dynu l'mmyn ugly* «суд Мой народам он явит»).

5. Чтение *lwʔ yzʕq* «не возопиет» (Ис 42:2)

В Ис 42:2 в тексте свитка содержится вариант *lwʔ yzʕq* «не возопиет», в то время как в МТ¹⁷ вместо глагольной формы *yzʕq* (3 л. м. р. ед. ч. имперфекта глагола $\sqrt{zʕq}$) появляется синонимичная ей форма *yʕʕq* (3 л. м. р. ед. ч. имперфекта глагола $\sqrt{ʕq}$). Подобное различие между МТ ($\sqrt{ʕq}$) и *1QIsa^a* ($\sqrt{zʕq}$) засвидетельствовано также в Ис 33:7; 46:7, 65:14. При этом в тексте *1QIsa^a* глагол $\sqrt{ʕq}$ засвидетельствован один раз (Ис 19:20), и один раз — образованное от него существительное $\sqrt{ʕq}h$ (Ис 5:7). В обоих случаях чтение свитка совпадает с МТ. С другой стороны, различные формы глагола $\sqrt{zʕq}$ встречаются одновременно и в тексте свитка, и в МТ в следующих пассажах: 14:31 (=4QIsa^o); 15:4 (=1QIsa^b); 15:5; 26:17; 30:19; 57:13 (=4QIsa^d). Кроме того, отглагольное существительное $\sqrt{zʕq}h$ засвидетельствовано (в *1QIsa^a* и МТ) в отрывках: 15:5; 15:8; 65:19 (=1QIsa^b).

По мнению Кучера (Kutscher 1974: 34, 233), писец *1QIsa^a* заменил в тексте книги Исаии формы глагола $\sqrt{ʕq}$ на формы $\sqrt{zʕq}$, поскольку глагольные и именные формы $\sqrt{zʕq}$ использовались в еврейском языке конца эпохи Второго храма гораздо чаще, чем $\sqrt{ʕq}$. В качестве доказательства Кучер ссылается на тот факт, что в поздних библейских книгах (1 Пар, 2 Пар, Неем, Есф) $\sqrt{ʕq}$ засвидетельствован всего три раза, а $\sqrt{zʕq}$ — 11 раз, в корпусе библейских текстов, написанных по-арамейски, $\sqrt{ʕq}$ не засвидетельствован вовсе, $\sqrt{zʕq}$ засвидетельствован один раз.

Имея доступ к более широкому кругу источников, мы можем проверить гипотезу Кучера. В небиблейских текстах, найденных в Кумране, написанных по-еврейски, глагол $\sqrt{zʕq}$ за-

¹⁷ Отметим, что в четырех рукописях, обозначенных в издании Б. Кенникотта под номерами 93, 128, 145, 687 (Kennicott 1780: 52), содержится то же чтение *yzʕq*, что и в *1QIsa^a*.

свидетельствован 13 раз¹⁸. Кроме того, трижды засвидетельствовано существительное $z^{\text{c}}qh$ «крик, плач»¹⁹. В арамейских небиблейских текстах, найденных в Кумране, глагольные формы $z^{\text{c}}q$ засвидетельствованы семь раз²⁰. Кроме того, дважды засвидетельствовано существительное $z^{\text{c}}qh$ ²¹. При этом глагол $\text{ṣ}^{\text{c}}q$ в кумранских небиблейских текстах не встречается ни в еврейском, ни в арамейском корпусе. Хотя конкорданция (DSSC I: 639) и фиксирует один раз существительное $\text{ṣ}^{\text{c}}qh$ (1Q19 1,4), данное чтение является результатом реконструкции: от предполагаемого слова $[\text{ṣ}^{\text{c}}q]tm$ сохранились лишь последние две буквы. Вышеуказанные факты подтверждают гипотезу Кучера, подводя под нее более серьезное основание. Отсутствие в еврейских и арамейских текстах, найденных в Кумране, слов, образованных от $\sqrt{\text{ṣ}^{\text{c}}q}$, свидетельствует, по-видимому, о том, что из лексикона еврейского и арамейского языков рубежа н. э. глагол $\text{ṣ}^{\text{c}}q$ был вытеснен синонимом $z^{\text{c}}q$. Можно предположить, что писец свитка 1QIsa^a заменил слово $y\text{ṣ}^{\text{c}}q$ на $y\text{z}^{\text{c}}q$, поскольку стремился избавить текст от архаизмов. Подобная замена осуществлялась неоднократно (см. выше), так что его действия, скорее всего, были осознанными.

6. Чтение $y\text{nh}ylw$ «будут передавать по наследству» (Ис 42:4)

Чтение $y\text{nh}ylw$ (Ис 42:4), зафиксированное в 1QIsa^a, является уникальным. Это слово представляет собой форму 3 л. м. р. мн. ч. имперфекта С-породы $\sqrt{nhl}$ 'передавать в качестве наследства'. В МТ вместо него содержится чтение $y\text{u}h\text{ylw}$ (в большинстве рукописей) / $y\text{u}h\text{ylw}$ (Codex Leningradensis). Это слово было вокализовано масоретами как $y\text{u}y\text{a}h\text{elu}$. Оно представляет собой форму 3 л. м. р. мн. ч. имперфекта D-породы

¹⁸ 1QpHab IX,15; 4Q163 23ii16; 4Q365 6ai4; 4Q365 6aai+6c,10; 4Q372 1,15; 4Q387 2ii10; 4Q462 1,12; 4Q518 31,2; 11Q5 XXIV,14; 11Q19 LIX,6 (2 раза); 11Q19 LXVI,2; 11Q19 LXVI,7. В двух других пассажах буква *zayin* не сохранилась и реконструируется издателями текстов: 1QpHab I,4 и 4Q387 4i3 (DSSC I: 246–247).

¹⁹ 4Q434 1i3; 4Q471a 7; 4Q509 28,3.

²⁰ 4Q204 1 vi20; 4Q206 1 xxii4; 4Q530 1i4; 4Q530 7ii6; 11Q10 XVII,5; 11Q10 XXVI,7; 11Q10 XXX,5. В тексте 11Q10 XXVI,3 буква *zayin* не сохранилась и реконструируется издателем (DSSC I: 828).

²¹ 4Q201 1iv9; 11Q10 XXXIII,6.

√yhl ‘ждать, надеяться’. Кроме того, в кумранском свитке 4QIsa^h встречается вариант yḥylw, который можно интерпретировать как форму 3 л. м. р. мн. ч. имперфекта С-породы √yhl ‘ждать, надеяться’, записанную без буквы *vav* (дефективное написание), либо как аналогичную форму имперфекта G-породы синонимичного ему глагола √hyl (DCH III: 213), либо как аналогичную форму имперфекта G-породы глагола √hyl ‘корчиться в муках, трепетать’. В древних переводах приводятся эквиваленты слова yuḥlw «будут надеяться», засвидетельствованного в МТ.

Рассуждая о значении текста отрывка Ис 42:4b в 1QIsa^a, часть ученых признавала, что не понимает его смысл. Некоторые из них считали, что подобное чтение появилось вследствие ошибки писца. В частности, Кучер (Kutscher 1974: 265, 361) предположил, что чтение свитка представляет собой результат редактуры, предпринятой книжником. По его мнению, книжник не знал слова yuḥlw и заменил его словом yḥylw, образованным от √nhl. При этом Кучер не пытался перевести текст отрывка, отметив, что чтение yḥylw, видимо, не согласуется с контекстом. Некоторые ученые все же предложили свои варианты интерпретации текста. Согласно первому объяснению, подлежащим в предложении является слово ‘уум ‘острова’. Сказуемым является глагол yḥylw, который в данном контексте стоит переводить как ‘они унаследуют’ (значение глагола √nhl в G-породе). Предлог l, пишущийся слитно с последующим словом twrtuw «его закон / законы», понимался как показатель винительного падежа. Таким образом, текст переводился как «острова унаследуют его закон / законы». Подобную интерпретацию отражает большинство переводов кумранского текста отрывка (Chamberlain 1955: 369; Brownlee 1964: 197; Gzella, 2005: 395–396). Согласно второму объяснению, подлежащим является местоимение «они» (включено в глагольную форму yḥylw), сказуемым — yḥylw «они передадут в качестве наследства» (обычное значение глагола √nhl в С-породе). Предлог l понимался либо как показатель винительного падежа, либо переводился как ‘в отношении’. В частности, Мартин Вингаартен (Wyngaarten 1958: 22) предложил два варианта перевода: «they shall cause the isles to possess his laws» и «they shall cause the isles to inherit, with respect to his

laws». Еще одно объяснение предложил Жан Кениг (Koenig 1982: 355–369). Согласно его интерпретации, подлежащим является слово ⁷уум ‘острова’, сказуемым — глагол унһуlw «они передадут в качестве наследства». Ученый полагал, что прямое дополнение глагола в тексте Ис 42:4 не указано, но им является нһlwт šwmmwt ‘опустошенные владения’ (выражение упомянуто в Ис 49:8), а ltwrtуw было интерпретировано как «согласно Его (то есть Бога) инструкциям». По его мнению, в отрывке идет речь о том, что «острова» (то есть народы) предоставят Израилю земли в качестве наследства, репатрируя израильтян. Текст отрывка Кениг перевел следующим образом: «...et conformément à Ses instructions (de Dieu), les îles (= les nations jusqu'à leurs confins) rendront (Israël) héritier (des héritages visés en 49, 8, cela en le rapatriant)» (Koenig 1982: 368). Он полагал, что библейский текст, которому был изначально присущ универсализм, в его кумранской версии был отредактирован в партикуляристском ключе.

Поскольку не только свиток 1QIsa^a, но и 4QIsa^h, и Codex Leningradensis содержат в Ис 42:4b «проблемные чтения», можно предположить, что и в антиграфе 1QIsa^a также содержался какой-то двусмысленный вариант текста. Им вполне мог быть, например, уһуlw, засвидетельствованный в 4QIsa^h. Встретив в тексте антиграфа форму, показавшуюся ему странной, писец, видимо, переосмыслил его содержание, заменив эту форму на унһуlw. При этом, скорее всего, он должен был понимать текст, который получился в итоге. Отметим, что объяснение, предложенное Кучером, представляется нам не вполне убедительным. Писец 1QIsa^a должен был знать глагол $\sqrt{\text{uhl}}$, неоднократно засвидетельствованный в кумранских текстах.²² В Ис 51:5 он использовал форму имперфекта С-породы уwһуlwп вместо аналогичной формы D-породы (MT). Точно так же он мог поступить и в нашем случае.

На наш взгляд, в предложении wltwrtуw ⁷уум унһуlw подлежащим, является слово ⁷уум «острова», сказуемым — глагол

²² В кумранских небиблейских текстах, написанных на древнееврейском языке, глагол встречается восемь раз. В том числе, два раза засвидетельствованы формы С-породы, шесть раз – формы D-породы (DSSC I: 310). Один раз форма D-породы этого глагола зафиксирована в арамейском тексте таргума книги Иова (11Q10 XXV,7).

ynḥylw «будут давать в наследство», слово twrtwyw «его закон» — прямым дополнением. Таким образом, предлог l, стоящий перед twrtwyw, должен выступать в роли *nota accusativi*. Использование данного предлога для обозначения винительного падежа типично для арамейского языка, который, очевидно, был родным языком кумранского писца, но засвидетельствовано и в древнееврейском (DCH IV: 483). Таким образом, мы предлагаем перевести фрагмент Ис 42:4b (1QIsa^a) следующим образом: «и его закон острова́ будут передавать по наследству»²³. Если наше предположение верно, в тексте идет речь о том, что «острова», то есть языческие народы, их населяющие, примут закон Раба Господня и будут жить по нему, передавая его по наследству (ср. Втор 4:9; 6:6–9; 11:18–21; 32:46; Пс 77(78):3–7). Таким образом, в тексте Ис 42:1–9 свитка 1QIsa^a Раб Господень выступает в роли законодателя, по законам которого в некую эсхатологическую эпоху, как ожидается, начнут жить язычники. Отметим, что та же идея получила свое отражение, видимо, и в начальном стихе этого текста (Ис 42:1): «Я возлагаю на него дух Мой, суд свой (mšpṭw) племенам он явит!» (см. выше).

7. Чтение hʔlwhym «Бог» (Ис 42:5)

В Ис 42:5 в тексте свитка засвидетельствовано чтение hʔlwhym (слово ʔlwhym «Бог» с определенным артиклем h). В МТ вместо него мы находим чтение yhwḥ «Яхве»²⁴. Вместе с предшествующим словом hʔl оно образует сложное имя hʔl yhwḥ «Бог Яхве», которое в древних переводах передается следующим образом: κύριος ὁ θεὸς «Господь Бог» (LXX), myʔ ʔlhʔ «Господь Бог» (Пешитта), ʔlh ʔlmʔ uwu «Вечный Бог, YWY»²⁵ (Таргум Ионафана), Dominus Deus (Вульгата). Ни одна из древних версий не поддерживает чтение, которое представлено

²³ Более полное изложение аргументации см. в моей статье (von Büttner 2019: 21–27).

²⁴ Исключением является рукопись, обозначенная в издании Б. Кенникотта под номером 145 (Kennicott 1780: 52). Вместо yhwḥ она содержит чтение ʔdny «Господь».

²⁵ В рукописях таргумов для передачи четырехбуквенного имени Бога (yhwḥ) используются различные сочетания букв *yod*, *vav* и *hē*, в том числе, YWY.

в 1QIsa^a. Помимо Ис 42:5, мы находим замену имени Бога yhw h словом ʔlwhym в тексте свитка дважды: в Ис 50:5 (ʔdwny ʔlwhym «Господь Бог» *versus* ʔdny yhw h «Господь Яхве» в МТ) и в Ис 61:11 (yhw h ʔlwhym «Яхве Бог» *versus* ʔdny yhw h «Господь Яхве» в МТ). В обоих случаях замена произошла, видимо, под влиянием традиции устного чтения, согласно которой ʔdny yhw h читалось как ʔdwny ʔlwhym (von Büttner 2016: 39–45). Причина появления чтения hʔlwhym в Ис 42:5 менее ясна. Д. Парри предположил, что оно возникло вследствие диттографии, так как первые три буквы этого слова совпадают с буквами, посредством которых написано предшествующее слово hʔl (Parry 2020: 295). Однако можно было бы предложить альтернативные объяснения. Отметим, что в некоторых последующих текстах книги Исаяи встречается слово ʔl «Бог», за которым следует его синоним ʔlwhym (Ис 45:14, 15; 46:9)²⁶. Можно предположить, что чтение hʔlwhym в Ис 42:5 могло возникнуть под влиянием этих текстов, знакомых писцу свитка. Кроме того, можно было бы предположить гармонизацию текста Ис 42:5 с первым стихом книги Бытия (Быт 1:1), в котором встречаются слова ʔlhum ‘Бог’, brʔ ‘создал’, hšmym ‘небо’ и hʔrṣ ‘земля’.

8. Заключение

Текст кумранской (1QIsa^a) версии текста Ис 42:1–9 содержит ряд существенных отличий от МТ и других свидетельств библейского текста. В большинстве случаев причиной появления разночтений являлась редакторская деятельность писца свитка. В частности, текстуальные варианты hnh («вот») в Ис 42:1 и lwʔ yzʔq («не возопиет») в Ис 42:2 возникли по причине стремления заменить малоупотребительные и устаревшие слова синонимами, которые использовались в древнееврейском языке конца I тыс. до н. э. Вариант mšrṭw («его суд») в Ис 42:1 является экзегетическим. Присоединив к слову mšrṭ («суд») букву *waw*, обозначающую местоименный суффикс 3 л. м. р. ед. ч., писец-редактор, по всей видимости, преследовал

²⁶ См., например ʔny ʔl wʔyn ʕwd ʔlwhym «Я – Бог, и нет другого Бога» в Ис 46:9 (1QIsa^a). Отметим, что также в Ис 45:21 эти имена появляются вместе, хотя и в другом порядке: yhw h, ʔlwhym, ʔl. См. также Пс 81 (82): 1.

цель прояснить библейский текст, подчеркнув значимость фигуры Раба Господня как эсхатологического судьи. Вариант *ynḥulw* («будут передавать по наследству») в Ис 42:4, вероятно, представляет собой конъектуру, предпринятую писцом, в результате которой образ Раба Яхве был переосмыслен в эсхатологическом ключе и стал восприниматься в качестве пророка-законодателя, по законам которого в грядущую эпоху станут жить язычники. Вариант *h?lwhym* («Бог») в Ис 42:5 мог появиться как в результате писцовой ошибки, так и вследствие гармонизации текста пассажа с другими текстами книги Исайи или же Быт 1:1.

Список литературы

- Barthélemy, D. 1950: Le grand rouleau d'Isaïe trouvé près de la Mer Morte. *Revue Biblique* LVII, 530–549.
- Brownlee, W. H. 1964: *The Meaning of the Qumrân Scrolls for the Bible: With Special Attention to the Book of Isaiah*. New York: Oxford University Press.
- Burrows, M., Trever, J. C., Brownlee, W. H. 1950: *The Dead Sea Scrolls of St. Mark's Monastery, Vol. I: The Isaiah Manuscript and the Habakkuk Commentary*. New Haven: ASOR.
- von Büttner, C. 2016: [«My Lord God» (1QIsa^a XLII 6). A Hearing Mistake or a Self-dictation Mistake?]. In: *Istochnikovedenie kul'turnykh traditsiy Vostoka: gebraistika - ellinistika - sirologiya – slavistika [Studies in the Cultural Traditions of the East: Hebrew — Greek — Syriac — Slavonic]*. Saint-Petersburg: Peterburgskiy institut iudaiki, 39–45.
- Битнер, К. А. 2016: «Господь мой Бог» (1QIsaa XLII 6). Ошибка слуха или внутреннего диктанта? В сб.: *Источниковедение культурных традиций Востока: гебраистика — эллинистика — сирология — славистика*. СПб: Петербургский институт иудаики, 39–45.
- von Büttner, C. 2019: Concerning Passing of Law as an Inheritance: Notes on the Text of the Great Isaiah Scroll (Isa 42:4b). *Manuscripta Orientalia* 25/1, 21–27.
- Chamberlain, J. V. 1955: The functions of God as Messianic titles in the complete Qumran Isaiah scroll. *Vetus Testamentum* 5, 366–372.
- DCH III — Clines, D. J. A. *The Dictionary of Classical Hebrew, vol. III*. Sheffield: Sheffield Academic Press. 1996.
- DCH IV — Clines, D. J. A. *The Dictionary of Classical Hebrew, vol. IV*. Sheffield: Sheffield Academic Press. 1998.
- DSSC I — Abegg, M. G. Jr., Bowley, J., Cook E. M. *The Dead Sea Scrolls Concordance, vol. I*. Leiden; Boston: Brill. 2003.

- Goldingay, J., Payne, D. 2006: *Isaiah 40–55*, vol. 1. London, New York: T & T Clark.
- Goshen-Gottstein, M. H. 1995: *The Book of Isaiah*. Jerusalem: Magnes.
- Gzella, H. 2005. New ways in textual criticism: Isa 42,1–4 as a paradigm case. *Ephemerides Theologicae Lovanienses* 81/4, 387–423.
- Haag, H. 1985: *Der Gottesknecht bei Deuterojesaja*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- HALOT — Koehler, L., Baumgartner, W., Stamm, J. J. *The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament. Study Edition*. 2 vols. Transl. and ed. by M. E. J. Richardson. Leiden; Boston; Köln: Brill. 2001.
- Kennicott, B. 1780: *Vetus Testamentum Hebraicum cum variis lectionibus, tomus II*. Oxonii: Typographeo Clarendoniano.
- Koenig, J. 1982: *L'herméneutique Analogique du Judaïsme Antique d'après les Témoins textuels d'Isaïe*. Leiden: Brill.
- Kutscher, E. Y. 1974: *The Language and Linguistic Background of the Isaiah Scroll (1QIsa^a)*. Leiden: Brill.
- Lindblom, J. 1951: Die Ebed Jahwe-Orakel in der neuentdeckten Jesajahandschrift (DSIa). *Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft* 63, 235–248.
- Parry, D. W. 2020: *Exploring the Isaiah scrolls and their textual variants*. Leiden; Boston: Brill.
- Parry, D. W., Qimron, E. 1999: *The Great Isaiah Scroll (1QIsa^a): a New Edition*. Leiden: Brill.
- Pulikottil, P. 2001: *Transmission of Biblical Texts in Qumran: The Case of the Large Isaiah Scroll 1QIsa^a*. Sheffield: Sheffield Academic Press.
- Qimron, E. 2018: *A Grammar of the Hebrew of the Dead Sea Scrolls*. Jerusalem: Yad Yizhaq Ben-Zvi.
- Rubinstein, A. 1955: The theological aspect of some variant readings in the Isaiah scroll. *Journal of Jewish Studies* 6/4, 187–200.
- Tov, E. 2004: *Scribal Practices and Approaches Reflected in the Texts Found in the Judean Desert*. Leiden; Boston: Brill.
- Ulrich, E., Flint, P. W. 2010: *Qumran Cave 1.II: The Isaiah Scrolls: Part 1: Plates and Transcriptions, Part 2: Introductions, Commentary, and Textual Variants*. Oxford: Clarendon.
- Wyngaarten, M. J. 1958: The Servant of Jehovah in Isaiah and the Dead Sea scrolls. *Bulletin of the Evangelical Theological Society* 1/3, 20–23.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ РОЛЬ ПРЕЗЕНТАТИВНОЙ ЧАСТИЦЫ *mk/mṯ/mṯn* В ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНИНА

В работе выделяется 10 моделей употребления частицы *mk/mṯ/mṯn* в *Истории крестьянина*, написанной на классическом египетском языке:

Модель 1. гипотетичное прототипическое значение частицы *mk*, употребляющейся с целью обращения внимания;

Модель 2. побуждающая частица *mk* (презентативная с номинальным значением);

Модель 3. *mk* — обстоятельственное наречие «поэтому, тогда» в именном и глагольном предложении;

Модель 4. причинный союз *mk* «ведь» в именном и глагольном предложениях;

Модель 5. *mk* как союз «поскольку; из-за того, что» перед протазисом причины;

Модель 6. *mk* союз «когда, если» перед протазисом условия;

Модель 7. *mk* — уступительный союз «хотя»;

Модель 8. *mk* противительно-уступительный союз «а, однако, а между тем» в именном предложении;

Модель 9. сложная конструкция при противопоставлении *mk ... mk*: «или..., или» в глагольном или именном предложении;

Модель 10. сложная конструкция *mk ... mk* «будь = если бы ... то.., а (между тем)»; «если бы ... то.., а (в реальности)» в именном предложении.

Наиболее важными являются три антитезы в Peasant B1 199–209, которые образуют своеобразный комплекс парных антитез с вводной итеративной *mk*. В глазах крестьянина главный управляющий *rnsj* вместо честного перевозчика оказывается предателем, вместо сокола, защищающего людей, — грубым полицейским, вместо пастуха — мясником. Ранее в науке все три сентенции этого раздела *Истории крестьянина* рассматривались как перечень именных предложений, вводимых презентативной частицей *mk* «смотри!».

Ключевые слова: синтаксис среднеегипетского языка, *История крестьянина*, частица *mk* в среднеегипетском языке, древнеегипетская литература.

DOI: 10.30842/ielcp2306901529012

Ivan V. Bogdanov

Institute of Oriental Manuscripts, RAS, Saint Petersburg, Russia
jwan.bgd@yandex.ru**THE SYNTACTIC ROLE OF THE PRESENTATIVE PARTICLE
mk/mt/mtn IN THE STORY OF THE PEASANT**

The paper identifies 10 patterns of using the particle *mk/mt/mtn* in the Story of the Peasant, written in classical Egyptian:

Pattern 1. hypothetical prototypical meaning of the particle *mk*, used to draw attention;

Pattern 2. presentative incentive particle *mk* with a nominal meaning;

Pattern 3. *mk* — adverb «therefore, then» in a nominal and verbal sentence;

Pattern 4. causal conjunction *mk* «because» in a nominal and verbal sentence;

Pattern 5. *mk* as a conjunction «since; because of the fact that» before the protasis of cause;

Pattern 6. *mk* the conjunction «when, if» before the protasis of condition;

Pattern 7. *mk* — concessive conjunction «although»;

Pattern 8. *mk* the adversative-concessive conjunction «and, however, and meanwhile» in a nominal sentence;

Pattern 9. a complex construction with opposition *mk ... mk*: «either..., or» in a verbal or nominal sentence;

Pattern 10. a complex construction *mk ... mk* «be = if ... then..., and (meanwhile)»; «if ... then..., and (in reality)» in a nominal sentence.

The most important are the three antitheses in Peasant B1 199–209, which form a kind of complex of paired instructions with an introductory iterative *mk*. In the eyes of the peasant, the chief manager *rnsj* instead of an honest carrier turns out to be a traitor, instead of a falcon protecting people – a rude policeman, instead of a shepherd – a butcher. Previously in science, all three maxims of this section of the Story of the Peasant were considered as a list of nominal sentences introduced by the presentational particle *mk* «look!» without opposition.

Keywords: syntax of the Middle Egyptian language, Story of the Peasant, particle *mk* in the Middle Egyptian language, ancient Egyptian literature.

В настоящее время в исследованиях по египетской неэнклитической презентативной частице *mk/mt/mtn* выделяется две проблемы:

1. Морфологически *mk/mt/mtn* представляет собой композит $m=k/m=t/m=tn$, образованный с основой $m=$ (от императива $m(j)$)

«смотри», $m(j)$ «возьми» или jmj «дай»¹⁾ и местоимением-суффиксом, согласованным с адресатом. В общем семантика $mk/m=k/m(j)=k$ остается загадочной²⁾.

2. Синтаксическая роль частицы mk характеризуется как презентативная³⁾, т. е. она вводит объект, ситуацию или событие с целью привлечения к нему внимание адресата. Содержанием частицы является факт, представленный в предложениях со всеми видами сказуемых.

Содержательная ценность mk также является предметом дискуссии. Можно выделить два аспекта (являющихся вовсе не постулатами, а скорее допущениями)⁴⁾: 1. Минимальная ценность, состоящая в выражении частицей mk акцента и опирающаяся на ее семантическое значение («смотри, вот»). 2. Роль частицы mk в соединении предложений в качестве многофункционального союза с целью аспектуально-временного выражения предикации. По синтаксической функциональности mk следует отличать от jw , которая содержит в себе значение минимальной обстоятельственной фразы, постулирующей наличие объекта, когда как mk лишь намекает на это значение. Многообразие предикации подчинительных предложений не позволяет выявить существенную связь между содержанием пропозиции с адресатом как объектом и использованием mk как презентативной частицы.

В результате возникает проблема: можно ли разделять изначально презентативное употребление частицы и приобретенное ею синтаксическое (функциональное) значение?⁵⁾ Иначе говоря, вопрос состоит в том, выполняет ли mk , подобно jw , функцию необходимого компонента в конструкциях, которые она вводит. Как бы то ни было, в зависимости от типа предикации частица mk либо воздействует на придаточное или главное предложение несколькими различными способами,

¹⁾ Gardiner 2007: 178, § 234; Edel 1955–1964: 297–298, §§ 612–613; Chetverukhin 1999: 283–285; David 2000: 113–121; Brose 2014: 345–347, § 318.

²⁾ Takács 2008: 15–19.

³⁾ Schenkel 2012: 76 (4.3.7); El-Hamrawi 2003: 85–102; Borghouts 2010: 129–130 (32.b.17.3); Beylage 2018: 188–189 (12.2.3); Allen 2014: 141–142 (10.4.1), и др.

⁴⁾ Oréal 2011: 297–331.

⁵⁾ David 2000: 120.

сообщая ему новую информацию⁶, либо сама по себе является компонентом, заключающим в себе обстоятельственное содержание в качестве союза или наречия.

Эльза Ореаль выделяет несколько синтаксических функций частицы *mk*, производных от презентативной, которую можно было бы назвать основной по отношению к синтаксической функции, если бы хронологически была зафиксирована ее прототипичность. Был ли в истории употребления частицы *mk* переход от презентации к функции, или оттенки функциональности были всегда? Можно сказать лишь, что уже в староегипетском отмечаются функциональные значения *mk*, поэтому преемственность двух синтаксических ролей (и содержаний *mk*) нельзя постулировать.

Как бы то ни было, именно с презентативности следует начать дальнейший обзор случаев употребления частицы *mk* в тексте Истории крестьянина.

История крестьянина (точнее, История жителя оазиса (*shjtj*⁷)), созданная в конце XII династии (при Сенусерте III), берется здесь за образец художественного текста⁸, в котором функциональные оттенки синтаксического употребления частицы *mk* проявляются во всем многообразии. Она повествует о некоем обитателе «медвежьего угла» по имени *hwj.n-jnpw*, который попал в несчастье, однако проявленная им сила красноречия заставила крупного чиновника, великого домоправителя *rnsj* сына *mrw*, не только решить его проблему, но и обеспечить будущее. По характеристике самого *rnsj* сына *mrw*, крестьянин был поистине красноречивым (*nfr mdw n-wn-m3^c*, B1 106–107). Анализ фрагментов его речи убеждают, что великий домоправитель был прав, ведь речи *hwj.n-jnpw* содержат обороты, не встречающиеся в других произведениях или уточняющие существующие на данное время представления о синтаксической роли частиц в классическом египетском языке.

⁶ Ср. Polotsky 1965: 21–22 (43–45); Johnson 1984: 78: *mk* является не синтаксически необходимой частью придаточного предложения, а скорее дополнительной частью, добавляемой в начало предложения для подчеркивания следующего обстоятельства (подобно вопросительной частице *jn*, сообщающей предложению дополнительную синтаксическую нагрузку «разве, ли»).

⁷ Wb. IV: 231.19–232.1; Grajetzki 2000: 182–83; Parkinson 2012: 23–24.

⁸ Все цитаты приводятся по изданию: Parkinson 2005.

Дальнейший обзор примеров с употреблением частицы *mk* построен так, чтобы показать развитие ее функций в синтаксисе, исходя из прототипического значения, при том, что в ряде случаев ее грамматические характеристики достаточно близки или показывают прямую преемственность.

Всего я выделил в Истории крестьянина 10 синтаксических оттенков частицы *mk*, и все они выполняют синтаксически близкие функции, конкретизируя ее значение в прототипической презентативной функции. При этом некоторые переходные формы от презентативной, выделяемые Ореаль⁹, в анализируемом тексте не представлены, за исключением *mk* побуждающей¹⁰. Таким образом, у Ореаль я заимствую лишь 2 модели, остальные 8 были выделены по ходу самостоятельной работы над синтаксисом этого произведения. При этом я сознательно отхожу от дискурсивных характеристик, которые при использовании Эльзой Ореаль в качестве методологического инструмента дали прекрасные результаты. Моей целью является лишь акцент на сложных синтаксических моделях с итеративным употреблением *mk*, однозначность которых следует из содержания Истории крестьянина. Выделение таких моделей может дать дополнительный стимул для исследования синтаксиса с частицей *mk* в повествовательных источниках.

Модель 1. гипотетичное прототипическое значение частицы *mk*, употребляющейся с целью обращения внимания (презентативная частица *mk*, включенная в именную синтагму¹¹ — эталоном является франц. *voilà*).

Простейший ситуативный случай употребления частицы *mk*: *mk n* «вот и мы!» (СТ VI, 2h).

B1 167–168	<i>dr s3r n mw nb</i> <i>mk</i> <i>wj hr m3nw jw</i>	Устраняющий все трудности на воде — я тот, кто в пути без лодки ¹² .
B1 249–251	<i>w33 mk tw ph.t(j)</i> <i>hm-(j)ht mk tw</i>	Глупец, — ты дошел, невежда, — тебя спросили, мочащийся ¹³ , — ты вошел ¹⁴ .

⁹ Oréal 2011: 302–312.

¹⁰ Oréal 2011: 312–314, 405.

¹¹ Oréal 2011: 301.

¹² *jw* «abtrennen» (*Wb. I*: 48.1–2) или «Böses; Unheil» (*Wb. I*: 48.5–10); *hapax*.

	<i>wšd.t(j) pnk mwj</i> mk <i>tw ʕk.t(j)</i>	
B1 261–262	<i>jw whʕ hb3=f jtrw</i> mk <i>tw m mnt jrj</i>	Рыболов, что истоцает ¹⁵ реку – ты на него похож.

Модель 2. побуждающая частица *mk* (презентативная с номинальным значением).

B1 12–13	mt <i>w[j] m h3jt r</i> <i>kmt r jnjt ʕkw jm</i> <i>n hrdw=j mt [...]</i> <i>n=t jt hk3t 20 r</i> <i>ʕkw hnʕ hrdw=t</i>	— Я собираюсь отправиться в Египет, чтобы доставить оттуда пропитание для моих детей; вот [...] тебе 20 мер ячменя на пропитание, и твоим детям (тоже).

Модель 3. *mk* — обстоятельственное наречие «поэтому, тогда» в именном и глагольном предложении.

B1 107–108	<i>ʕw3j hnw=f mk sw jwj</i> <i>r spr n=j hr=s</i>	У него отняли скарб, поэтому он пришел пожаловаться мне на это.
B1 234–235	mk <i>nn km.n qd n=k st</i> <i>zf sw3 hr=k</i>	Поэтому ничего не добьется тот, кто тебе это говорит, ведь сострадание проходит мимо тебя.

В этом предложении посредством *mk* обращено внимание на отрицательные последствия действия А, выраженного в главном

¹³ *pnk* «выливать, вычерпывать» (Wb. I: 510.11–15); *mwj* «влага, моча» (Wb. II: 53.2–3; Parkinson 2012: 207). Выражение *pnk mwj* встречается в тексте Ритуала дома Шентаит (Саван MMA 31.9.8, Seite 4 (восток), 33: Herbin, Leitz 2022: 248, 253, 380–381, 397, 448): *jw tphwt hr pnk mwj* «ведра сливают мочу (Осируса, т.е. льяльные воды с корабля)». В том же значении сочетание *pnk mwj* «сливать мочу = мочиться» употребляется в Истории крестьянина B1 309–310 / B2 36 (так: Wb. I: 510.15), хотя иногда его понимают иначе (Livshits 1979: 53: «я вычерпал мою воду»; Parkinson 2012: 249–250: «I ... baled out my water»; и т.п.).

¹⁴ Смысл глагола *ʕk* «входить» в данном контексте непонятен. Обычно здесь видят связь с тематикой лодки на реке (например: Parkinson 2012: 207: «Bilge-baler, look, you are noticed!»); ср. B1 290: *jr ʕk dpt jw šdj.t(w)=s* «если лодка причалит и будет спасена» (с обратным смыслом: Parkinson 2012: 232: «But if the boat goes down it is robbed», исходя из значения *ʕk/ʕg3* «переворачиваться (о корабле)» (Wb. I: 234.22; 235.9; Jones 1988: 212 (20); Darnell 2004: 76, n. 192). Исходя из этого, Г. Фехт переводит и B1 251: «Wasserschöpfer, siehe-du-bist-gekontert!» (Fecht 1986: 231–232). Вероятно, это значение семантически связано с *ʕk* «заходить» (о светильах) (Wb. I: 230.8).

¹⁵ *hb3* «zerhacken; mindern; abschneiden» (Wb. V: 253.2–11).

предложении В: «говорящий это тебе ничего не добьется **потому**, что ты лишен сострадания». Характерно вынесение отрицательного следствия перед *sdm=f* в первую позицию. Подобное синтаксическое построение с вынесением аподозиса с вводным *mk* и отрицанием перед именем отмечено в Р. UCL 32203 vso 2¹⁶:

<i>mk [nn] ḥbsw nb ḥr=i r ḥwt-ntr</i>	никакой одежды [нет] потому , что мое внимание направлено на храм.

Напротив, в примере из разговорного староегипетского придаточное предложение условия стоит перед аподозисом с вводным *mk*¹⁷:

<i>d zp sn jkr mk sw r ḥr nfr</i>	давай (дуй) сильнее и усерднее, и тогда он (<i>т.е. господин</i>) будет доволен.

Еще один пример — из рCairo С 91061 / CG 58045, кол. 6–10¹⁸ — привлекал внимание многих исследователей из-за итеративного употребления *mk*, причем в каждой фразе — с разными синтаксическими оттенками:

<i>mk grt jr p3 mn mk sw w3ḥ.j</i>	Что же до полотна, то оно установлено,
<i>mk grt jr p3 djw mk sw šḥt(.j)</i>	что же до набедренной повязки, то она соткана,
<i>mk rdj.n=j jnt n=k p3 djw</i>	поэтому я послал тебе набедренную повязку.
<i>mk grt p3j=k pr mk sw rdj(.w) n p3 w3b nḥt ʕ3w=f(j)ḥt=f nbt</i>	А еще твой дом — он отдан жрецу <i>nḥt</i> , (как и) его двери и все его имущество.
<i>mk grt rdj.n=j jnt n=k phrjt 7 nt p3t mk dd=k jb=k ḥft hrw nfr</i>	Поскольку я послал тебе семь рецептов пирожных, то тебе следует подумать о выходном.

В последнем случае *mk* выступает как союз перед протазисом причины (см. модель 5), аподозис занимает вторую позицию. Выходит, что частица *mk* акцентирует не только следствие в придаточном предложении, но и причину в главном. В первых же двух фразах *mk* выносит имя вперед перед псевдопричастной конструкцией, которая завершается аподозисом с вводным *mk* «поэтому».

¹⁶ Collier, Quirke 2002: 116–117.

¹⁷ Kanawati, Evans 2014: 25, pl. 72.

¹⁸ James 1962: 92–94, pls. 26–26a; исправление: Bakir 1968: 57–59. См. также Lichtheim 1971: 70; Johnson 1984: 84.

Модель 4. причинный союз *mk* «ведь» в именном и глагольном предложениях¹⁹.

B1 57–58	<i>m k3j hrw=k šhtj</i> <i>mk</i> <i>fw r dmj n nb</i> <i>sgr</i>	Не кричи ²⁰ , крестьянин, ведь ты у обители Владыки безмолвия!
R 13.5–7 / B1 100– 101	<i>nb=j smwn šhtj=f</i> <i>pw šmj n kj r-gs=f</i> <i>mk</i> <i>jrrt=sn pw r</i> <i>šhtjw=sn šmjw n</i> <i>kthj r-gs=sn (mk</i> <i>jrrt=sn pw)</i>	Мой господин, верно ²¹ , это его крестьянин, который пошел к кому-то другому из его соседей. Ведь именно так они и должны поступать ²² со своими крестьянами, которые пошли к другим по соседству с ними ²³ . (Ведь именно так они и должны поступать) ²⁴ .
B1 100– 101 / R	<i>dr s3r=(j) mk wj</i> <i>3tp.kw(j) (m j3nw)</i>	Прогони мою нужду, ведь я отягощен (горем) ²⁵ ,

¹⁹ Согласно Oréal 2011: 320–324, *mk* в этой модели выполняет роль диалогического аргументационного союза с функциями: а) мотивации порядка; б) мотивации участия.

²⁰ Сочетание *k3j hrw* «повышать голос» имеет, помимо прочего, значение «оспаривать»; см., например, Sinai 90, стк. 23: *nn k3j.t(w) hrw r b3kt=j jrt.n=j m w3d* «никто не оспаривал моих заслуг, которых я с успехом добился» (Gardiner, Peet, Černý, 1952: pl. 25a).

²¹ Вводное слово *smwn* («gewiss; vielleicht» Wb. IV: 131.12–14).

²² Конструкция *jrrt=sn pw* «то, что они должны делать» (относительная форма с деонтической модальностью + *pw*) очень часто встречается в Книге Амдуат (Amduat 185, 510, 611, 658, 663, 711, 758, 812, 828 и др., нумерация по изданию: Hornung, Abt, Warburton 2007).

²³ Ср. Oréal 2011: 325, 430: по ее классификации — *mk* с мотивацией участия (Motivation d'une implication): «Peut-être est-ce un paysan qui est parti auprès d'un autre sans sa permission. **Car** c'est ce qu'ils font à leurs paysans quand ils partent auprès d'autres sans leur permission, **car** c'est ce qu'ils font».

²⁴ Добавочная фраза в B1 77.

²⁵ В данном предложении оба действия направлены на один объект: крестьянин требует избавить его от *s3r* «нужды» (ср. Wb. IV: 18.17–19.4, 19.7–9: «Not; Bedürfnis»), а именно «горя» (*j3nw*: R 16.6 = R 26.5), которым он отягощён (*3tp*). Редакция R 16.6–7 добавляет сюда фразу ***mk wj fn.kwj*** [*hr*]=*f* «и поэтому я изнемог из-за него», а редакция R 26.5 — фразу ***mk wj m 3=k*** «поэтому я в твоей власти». Интертексты: 1. Стела *htj-3nh/hnj*, кол. 3: *dr.n=j s3r n(j) hrj-jw* «я прогонял нужду отягощенного горем» (Simpson 2001: 12–13 (fig.1–2), 15–16). Нач. XII династии. 2. *dr.n=j jw n(j) hrj-s3r* «я прогонял горе отягощенного нуждой» (Fischer 1996: 8, pl. B, кол. 11). Кон. XI династии. К

16.5–6 = R 26.4–5		
B1 101– 102 / R 16.7–8 = R 26.6	<i>jp wj mk wj m nhw</i>	учти ²⁶ меня, ведь я стал убылью ²⁷ ,
B1 112– 113	<i>jrj swt ^cnh hmt=f hn^c hrdw=f mk jwj w^c m n3 n shtj r šwt pr=f r t3</i>	Еще обеспечить пропитание для его жены и его детей, ведь любой крестьянин приходит только когда его дом становится близок к разорению ²⁸ .
B1 149– 151	<i>twt=k n wpwtj n hntj mk tw sw3.t(j) hr nbt-jdw nn n=k nn n=s nn <r>=s nn r=k</i>	Ты подобен посланцу демона смерти, ведь ты превзошел (даже) владычицу эпидемии: что не для тебя, то и не для нее, что не в ее пользу, то и не в твою пользу.

значению *hrj-jw* «отягощенный горем = обиженный» см. Птаххотеп 268: *mrj hrj-jw j^t jb=f* «Обиженный любит, когда его утешают» (Žába 1956: 37). Ср. Wb. I: 48.9–10: *hrj-jw* «Frevler; Bedrückter».

²⁶ Ср. Heqanakht I rto 1–2, 2–3: *mk jp=j st r=k* «я учитываю это в отношении тебя» = «я возлагаю на тебя ответственность за это» (Allen 2002: pls. 26–27; ср. Allen 2002: 15: «Look, I will count it against you»; Brose 2014: 345: «Siehe, ich werde es gegen dich verwenden» — «Siehe, ich mache dich (jetzt und auch in Zukunft) dafür verantwortlich»). Частица *mk* употребляется здесь в презентативной роли, акцентируя подведение итога вышесказанному.

²⁷ *nhw* («Verlust; Verminderung» Wb. II: 281.1–4). Обычно это предложение переводят иначе, понимая *nhw* «убыль, недостачу» не как состояние самого крестьянина, а как его имущественные утраты – «нужду», ср. Livshits 1979: 42: «Позаботься обо мне: я в нужде!»; Oréal 2011: 321: «Prends-moi en compte, car je suis dans le besoin»; Parkinson 2012: 84: «Judge me — look, I am at a loss!»; и др. На самом деле крестьянин говорит не о своих утратах, а о том, что он сам выброшен из общества: *hwj.n-jprw* сравнивает себя с отбившимся от стада (убылью), а *rnsj* – с пастырем, считающим поголовье. Вариант *3hw* «боль» (Wb. I: 12.4–6) вместо *nhw* «убыль» дают редакции R 16.8 (возможно, *3hw* «страдалец») и R 26.6: *mk wj m 3hw* «**ведь** я стал несчастен».

²⁸ *r šwt pr=f* – форма *r sdmt=f* «пока он не услышит»; ср. Zonhoven 1997: 27: «see, such a peasant comes (to the Nile valley) (only) ‘in connection with/in relation to/to the measure of’ the emptiness of his house near the bottom».

B2 123–124	<i>m snd šltj mk jrr=k</i> <i>r jrt hn^c=j</i>	Не бойся, крестьянин, ведь (теперь) ты должен будешь иметь дело со мной ²⁹ .

Во всех случаях союз *mk* «ведь» не употребляется в протазисе причины или условия, а подчас выражает или одновременность состояния с оттенком «ведь (отныне), ведь (теперь)», или его следствие; это отличает его от модели 5.

Модель 5. *mk* как союз «поскольку; из-за того, что» перед протазисом причины³⁰.

R 9.5–6	<i>mk hm ʕ3=k hr wnm</i> <i>jt=j mk sw r hbt hr</i> <i>kn=f</i>	поскольку твой осел ест мой ячмень, то он заступит (на молотью ³¹ за свой поступок ³² .
B1 192–194	<i>mk tw m tp w^c hn^c</i> <i>jwsw jr g3s3=f hr=k</i> <i>gws3=k</i>	Поскольку у тебя с весами одна голова, то, если они отклоняются ³³ , отклоняешься и ты.
B2 113–115	<i>mk wj hr spr n=k n</i> <i>sdm.n=k st jw=j r šmt</i> <i>spr=j hr=k n jnpw</i>	Поскольку я жалуясь тебе, а ты ничего не слышишь, то я пойду жаловаться на тебя Анубису.

Из других литературных текстов Среднего царства следует обратить внимание на три места, где *mk* также употребляется как союз перед протазисом причины или перед протазисом условия:

Неферти Е 22³⁴:

²⁹ Модальная эмфатическая форма *jrr=k* «то, что ты должен делать» выступает как предикат в псевдоглагольной конструкции *jrr=k r jrt hn^c=j* «(теперь) то, что тебе остается делать – это иметь дело со мной». Ср. Parkinson 2012: 307–308; Allen 2015: 322: «an emphatic sentence with *r jrt hn^c=j* the rhyme».

³⁰ Oréal 2011: 317–318.

³¹ *hbj* «топтать, ступать» («treten» Wb. II: 486.7).

³² Слова *kn* «молотить зерно» («dreschen (des Getreides durch Esel)» Wb. V: 44.5), вероятно, не существует. Второй пример употребления слова *kn*, а именно из Книги мертвых (BD 112; pTurin Museo Egizio 1791: collezione.museoegizio.it/en-GB/material/Cat_1791; Backes 2005: 170), может быть поздним искажением глагола *pnt* «разминать» (Wb. I: 511.3; Schweitzer 2011: 67–68 (59)). Впрочем, существование слова *pnt* «разминать, месить» также остаётся под сомнением (Guglielmi 1994: 118), так как засвидетельствовано, видимо, только в BD 112 (Lüscher 2012: 78–79).

³³ *gs3* «отклоняться» («sich neigen; schief sein»: Wb. V: 205.7–12).

<i>mk nn wn rf wrw m shrw nw t3 jrjt m tmt jr(rt) s3^c r^c m grg</i>	Поскольку князя не станут заниматься задачами страны, то деяние станет тем, что нельзя делать ³⁵ , и то, чему положил начало Ра, прекратится ³⁶ .

Мерикара Е 79–82³⁷:

<i>mk nswt nb 3wt-jb sfⁿ3=k kd(d)=k m hpš=k šmsw-jb=k m jrt.n=j nn hrwj m k3b t3š=k (nb)</i>	Поскольку царь — владыка радости ³⁸ , ты можешь расслабиться ³⁹ , (лишь когда) твой сон — это твоя мощь, твой отдых — мои свершения ⁴⁰ , и (когда) нет врагов в пределах (всей) твоей границы ⁴¹ .

³⁴ Helck 1992: 21.

³⁵ Параллель в Неферти Е 46–47 (Helck 1992: 39–40): *hdd m jrrjt wšt{w} m gmjt jrjt m tmmt jrr(t)* «нарушения стали тем, что надо сделать, утраты стали тем, что надо найти, а дело стало тем, что не надо делать». См. также Стелу бури, rto 15–16, vso 18: *jrjt tmmt jr* «дело, которое нельзя было делать» (о разрушениях) (Wiener, Allen 1998: 4–6, 16). Обычно отрицание *tmmt jr* понимают здесь как «то, чего (никогда) не делалось (раньше)»; равным образом, фразу *jrjt m tmt jr(rt)* из Неферти Е 22 понимают как событие-эквивалент событию в прошедшем или в будущем времени, но никогда как отрицательно-безличное предложение с деонтическим модальным компонентом «нельзя».

³⁶ Глагол *grg* «будет готово» («bereit sein»: Wb. V: 188.1–8) употребляется в значении «завершаться, прекращаться». Ср. Helck 1992: 22: «Geschaffenes ist als wäre es nicht geschaffen, sodaß Re mit der Schöpfung neu beginnen muß»; Goedicke 1977: 72, 78: «what is to be done, is no longer done. May a day begin with reorganizing, as the land is entirely lost».

³⁷ Quack 1992: 180–181.

³⁸ О царском эпитете *nb 3wt-jb* «владыка радости» см. Blumenthal 1970: 274–275; Hannig 2006: 10; Hirsch 2004: 196, 215, 250, 272, 356 (XII династия); Grimal 1986: 578–579, п. 100–110; 391, п. 1339. О его варианте, царском эпитете *hk3 n 3wt-jb* «правитель радости»: La Chapelle Rouge 167 (Lacau, Chevrier 1977: 109 (23–24); Burgos, Larché 2006: 33, Bl. 142); *Urk. IV*: 1348.19, 1704.7, 1756.13, 2038.19; *KRI I*: 414.8; *KRI II*: 503.14–15, 588.7; *KRI IV*: 265.12; *KRI V*: 36.2; *KRI VI*: 726.4 и др.

³⁹ *sfⁿ3* (haphax legomenon, Wb. IV: 115.6), вероятно, < *sf3* («vernachlässigen; langsam sein») Wb. IV: 114.8; «träge sein»: Quack 1992: 49).

⁴⁰ Т. е. единственное, что Мерикара должен желать — добиться итогов работы отца. О своих деяниях автор поучения напоминает и в тексте Мерикара Е 90.

⁴¹ Ср. Gerhards 2021: 242. Перевод А. Е. Демидчика не передает связности египетского текста: «Смотри, царь – владыка радости, будь

Мерикара Е 121 / М VIII.1 / С IV.5⁴²:

<i>mk d3rw=j hntj jrt.n=j hzj pw grt hdt</i>	Так как мои заблуждения ⁴³ будут вычтены из ⁴⁴ того, что я сделал, то ⁴⁵ разрушать — это вредно ⁴⁶ .

милостив [...] Ты можешь снискать себе добрую славу, когда будешь созидать своей (собственной) мышцей. Ты можешь исполнить свои желания благодаря совершенному мной, ведь нет нечестивцев в пределах твоей границы» (Demidchik 2005: 197).

⁴² Quack 1992: 192.

⁴³ Вариант С IV.5: *d3wt*. Слово *d3rw* «искажение» встречается в других текстах 3 раза:

1. Литания Осириса P.Berlin P. 3057, IV.26 (Backes 2016, Bd. 2: 1108–1109, Taf. 12–12a; (?); версии: Burkard 1995: 314; Backes 2016, Bd. 1: 194; IV.26): *sdj=sn d3r m-ht* «Danach sprachen sie lästerhaft(?)»; ср. Burkard 1995: 186–187, 314: «sie begehen ein Vergehen danach».

2. Edfou V, 19.13: *ntk hsf wh-zp=f sjʿr d3rw=f hr hsb jrj.n=f*: «Ты тот, кто прогоняет Того, чье деяние обречено на неудачу (*m.e. Сехма*), кто докладывает о его заблуждениях при расчете его поступков». Ср. Leitz 2017: 485: «Du bist der, der den Erfolglosen (= Seth) abwehrt, der seine Vergehen (?) aufsteigen läßt (= berichtet), wobei er berechnet, was er getan hat». К значению *sjʿr* «докладывать»: Wb. II: 20.9; Wb. IV: 33.14–15 («melden»), так читает Х. Ляйтц по Photo HAW L 5002, хотя его вновь исправил Вайткус (Waitkus 2021: 276) исходя из опубликованной транскрипции Эмиля Шассина. Иное чтение: *swsh d3r=f hr <dw> jrj.n=f* «dessen Leid groß sein läßt wegen des <Bösen>*, was er getan hat» (Kurth 2019: 31: Курт вновь видит глагол *swsh* «расширять» вместо *sjʿr* «повышать» = «докладывать» Ляйтца). Это свидетельство о заблуждениях, учитываемых при расчетах поступков на загробном суде, можно считать косвенной параллелью к Мерикара Е 121 / М VIII.1.

3. Dendara V, 54.7–8: *z nb sdj d3r r=s jrjt-shmt m hʿ=sn* «каждый, кто прочтет против нее искаженное заклинание(?), у тех в теле будет молоко Сехмет» (ср. Sauneron 1960: 38–39; Waitkus 1997: 87, 90, Anm. 8: «Jedermann, der Böses gegen sie liest, in dessen Leib wird die Milchder-Sachmet sein. Gemeint ist wohl das Verlesen von Zaubersprüchen». С другой стороны, С. Ковиль (Cauville 2004: 140, п. 7) читает *d3r* как *dr* («Mot du vocabulaire magique de sens incertain; lire *dr* (voir Wb. V, 600,1) et non *d3r* (Wb. V, 525,11)»), с переводом (ibidem, 141): «tout homme qui jetera un sort (?) contre elle, le feu de Sekhmet sera dans son corps». О *jrjt-shmt* «молоко Сохмет (= огне)» см. von Recklinghausen 2022: 40, Anm. 248. Н. Шмидт (Schmidt 2022: 309) читает *d3r* как *tr* «Schlechtes, Unreines» (Wb. V: 317.10–11; Wilson 1997: 1147). Б. Бакес уже после Ковиль читает *d3r/dr* с переводом фразы «Jeder Mann, der sich frevlerisch gegen ihn (den verborgenen Ort) äußert, in dessen Leib wird-die ‚Milch der Sachmetʼ sein» (Backes 2016, Bd. 1: 194).

Идея бухгалтерского баланса добрых дел и злодеяний на загробном суде прослеживается и в Мерикара Е 55 / М IV.10⁴⁷:

<i>zpp zj m-lt mnjt rdjw</i> <i>zpw=f r-gs=f m ḥw</i>	И от человека ⁴⁸ после смерти что-то остается ⁴⁹ , если его деяния засчитываются как вклад в его пользу ⁵⁰ .

О существительном *drj/drw* «искаженное заклинание?» см. *Wb.* V: 600.1, а также La Chapelle Rouge 162 (Bl. 222/35.9), Lacau, Chevrier 1977: 98; Burgos, Larché 2006: 31: *n rh.tw ntt jrtj=fj nm [jrr=f sw m s?]hrw hr<-dd> drw m hprw ntr pn* «не известно то, что он будет делать, он не сделает [того с целью сказать?] заклинание против воплощения этого бога» (гипотетическое восстановление Мальте Рёмера (Römer 1994: 146, ср. Lacau, Chevrier 1977: 103, n.r)).

⁴⁴ Глагол *hntj* (*Wb.* III: 308.13–18) с основой от предлога *hntj* («aus etwas (partitiv)»: *Wb.* III: 303.25).

⁴⁵ Частица *grt* употребляется в значении «то; так что; таким образом» после *pw*, ср. Oréal 2011: 462; иначе: El-Hamrawi 2000: 161: «(Anderes Thema *gr.t*)», т. е. «еще».

⁴⁶ Близко: Oréal 2011: 462: «Voilà le manque né de ce que j'ai fait. Misérable est ainsi la destruction». Ср. Demidchik 2005: 200: «Смотри, (это) первейшая надобность, исполненная мной, ибо разрушение – это мерзость!». А. Е. Демидчик понимает *drw* исходя из *Wb.* V: 524.10–525.10, следуя чтению в Quack 1992: 73, Anm. b («Bedürfnis»). Однако и это значение имеет нюанс — «недостаток» (Wilson 1997: 1220), так что термин *drw* «искажение» может быть производным из круга значений лексики *drj* «нужное, необходимое» > «недостающее, недостаток». Тогда от связи с глаголом *drj* («твердый; жесткий»; *Wb.* V: 599.1–8; Osing 1976, Bd. II: 609–610, Anm. 604) придется отказаться (ср. Meeks 2006: 37, 157, n. 574).

⁴⁷ Quack 1992: 175.

⁴⁸ Е – *zpp=sn*; М – [*zpp*] *z(j)*.

⁴⁹ Здесь обыгрываются такие значения *mnjt*, как «достижение, причал» и «смерть», поскольку выражение *mnj zr* означает «достичь цели» (см. Птаххотеп P/L₂ 93: Žába 1956: 24), а глаг. *zpj* – «остаться (жить после смерти)». *rdjw zpw=f* – обстоятельственный *sdmw=f* passivi; иначе: Allen 2015: 293 (19.6): «passive *sdm=f* can refer to ... future events».

⁵⁰ Первое предложение обычно резонно рассматривается как эмфатическая форма *mrr=f*, см. Polotsky 2007: 21/471, n. 4). Слово *ḥw* значит «вклад», т. е. благодеяние составляет предварительную плату за посмертное воздаяние, см. также Oréal 2011: 462: «C'est avec ses seuls actes placés à son côté comme solde qu'un homme reste après l'accostage». Ср. Demidchik 2005: 195: «[Человек] остается (жив) после смерти, лишь когда помещены возле него его (добрые) дела в качестве припасов».

Модель 6. *mk* союз «когда, если» перед протазисом условия.

B1 128– 129	<i>mk mʒʰt wth=s hr=k</i> <i>nʃ.t(j) m st=s srjw hr</i> <i>jrjt jrt tp-ħsb n mdt hr</i> <i>rđjt hr gs</i>	Когда справедливость бежит ⁵¹ от тебя, будучи изгнана со своего места, то и чиновники творят зло, и порядок исполнения дел становится пристрастным.

Модель 7. *mk* – уступительный союз «хотя».

B1 147– 148	<i>mk tw nht(.tj)</i> <i>wsr.t(j) ʕ=k prj jb=k</i> <i>ʕwn ʒf swʒ hr=k</i>	Хоть ты и силен, могуч и удал, ты алчен и лишен сострадания.

Модель 8. *mk* противительно-уступительный союз «а, однако, а между тем» в именном предложении.

B1 160– 161	<i>jr jbw snb mrt=k</i> <i>mk dmj=k ʃn.w</i>	Дай убежище ⁵² , твоя гавань уютна, однако твой порт окружен крокодилами ⁵³ .

Трактовка *mk* в этом предложении сомнительна, поскольку она вводит сочетание имя+псевдопричастие.

B1 235– 239	<i>nħ-wj mʒr skj=k</i> <i>mk tw m mħw jʕj</i> <i>jb=f wdd r jrt</i> <i>mrt=f ħʒʕ dbww stj</i> <i>smʒww ph rmww</i> <i>ʃht ʒpdw</i>	Как же достоин жалости бедняк, которого ты губишь, а ты стал охотником, который радуется, предвкушая ⁵⁴ исполнение своего желания завалить гиппопотамов, подстрелить диких быков ⁵⁵ , наловить ⁵⁶ рыб, поймать ⁵⁷ в силки птиц.

⁵¹ *wth* »fliehen« (Wb. I: 381.6).

⁵² *jbw* »Reinigungszelt; Schutzhütte« (Wb. I: 62.5).

⁵³ »krokodilverseucht sein« (Wb. IV: 497.5–6).

⁵⁴ Оба идиоматических выражения – *jʕj jb* «омывать сердце» = «утешать, радовать» («erfreuen; sich Genugtuung verschaffen («das Herz waschen») (idiom.): Wb. I: 39.9–11) и *wđj jb* «толкать сердце» = «намереваться, стремиться, предвкушать» (см. Руг. 807с: (*j)ħt nb(t) wnmt=k ddt=k jb=k jr=s* «все, чем ты питаешься и чего вожделеешь») оказались соединены в одну фразу с *jb* как ядром, где *jʕj* «омывать» – предикат перед *jb=f* как субъектом в относительной форме после слова *mħw* «охотник», а *wdd* — относительная форма после *jb=f* «его сердца: *jʕj jb=f wdd r jrt mrt=f* букв. «чье сердце омывается, отдаваясь исполнению его желания».

⁵⁵ *smʒt* «Wildkuh» (Wb. IV: 124.8–10).

⁵⁶ *ph* «erreichen; angreifen» (Wb. I: 533.12–535.12).

⁵⁷ *ʃht* «(in der Falle) fangen; umschließen (mit Netz)» (Wb. IV: 262.3–263.2).

B1 265– 267	<i>rdj.n.tw=k r sdm mdt r wd^c snwj r hsf ʕw3j jrr=f mk f3j pw n jt3 jrrj=k</i>	Тебя назначили выслушивать дело, раз- водить спорщиков, наказывать грабителя за его злодеяние, но ты оказываешь поддержку вору ⁵⁸ .
B1 269– 270	<i>z3w mhj=f mk tw m š=f st3w</i>	Побеспокойся о том, чтобы он не утонул ⁵⁹ , — но ты стал ему омутом.

Во всех случаях значение *mk* должно выразить зеркальность события или действия в образе второй антитезы, так что после имени в придаточном предложении напрашивается уточнение – «наоборот». Яркий пример такого употребления *mk* как союза «однако» вложен в уста азиатского вождя Ненши сына Аму, приютившего Синухета (Sin B 75–77):

<i>dd.jn=f hfr=j hr hm kmt nfr.t(j) (n) ntt s(j) rh.t(j) rwd=f mk tw ʕ3 wnn=k hn^c=j nfr jrrt=j n.k</i>	Он возразил мне: никак, Египет и впрямь благоденствует, покуда убежден в его надежности ⁶⁰ , но ты-то (наоборот) здесь и будешь со мной; благоденствие буду даровать тебе я.

Выслушав панегирик Синухета царю, Ненши сын Аму иронически обращает его внимание на то, что процветание Египта при царе сейчас для Синухета уже не важно, покуда он на чужбине, где роль царя исполняет сам Ненши сын Аму. Иногда последнее предложение рассматривают как *sdm=f*, где *nfr* – глагольный предикат «хорошо», а *jrt=j n.k* – субъект⁶¹. На самом деле перед нами именное предложение с *nfr* «благо» как именным предикатом А⁶², в котором акцент падает на агенс в имени В (*jrrt=j* «то, что надо делать **мне**»), выраженном относительной формой с оттенком модальности. Так инозем-

⁵⁸ Перифрастическая конструкция с двумя глаголами *jrj=k f3j* «ты оказываешь поддержку» задействована в именном предложении с *rw*, причем с оттенком модальности: «то, что ты вынужден делать – это поддерживать вора».

⁵⁹ *mhj* «im Wasser sein; schwimmen; fluten; ertränken; ertrinken; (zu Schiff) fahren» (Wb. II: 121–122.11; Wilson 1997: 450).

⁶⁰ *rwd* «надежность» («Festigkeit; Tüchtigkeit» Wb. II: 412.10–12). Имеется в виду всесильность царя.

⁶¹ Так: Allen 2015: 89: «But you are here and will stay with me; what I will do for you is good».

⁶² Cp. Junge 1978: 22: «Gut ist (das) was ich für Dich machen werde» (Relativform); Graefe 2001: 133: «Gut ist, was ich für dich tue» (Nominalsatz mit Adjektiv als Prädikat) и др.

ный вождь подчеркивает, от кого именно зависит будущее Синухета: «(здесь) благо – это то, что должен даровать тебе **я** (*a ne царь*)».

Модель 9. сложная конструкция при противопоставлении *mk ... mk*: «или..., или» в глагольном или именном предложении.

Согласно Ореаль⁶³, так выражается ситуационная гипотеза: «будь то... или же». Однозначный пример употребления *mk ... mk* в значении «будь то ..., или же»; «или... или» – Синухет В 232–233:

<i>mk wj m hnw mk wj m st tn ntk hbs 3ht tn</i>	На родине ли я, или в этом месте ⁶⁴ , – ты тот, кто окутывает этот горизонт ⁶⁵ .

Так же обычно рассматривают и пример Peasant B1 344–345 с псевдоглагольной конструкцией:

<i>mk wj r jjt mk kj r jjt wsd=k</i>	Пусть я приду, или же придет другой, чтобы спросить тебя! ⁶⁶ .

Модель 10. сложная конструкция *mk ... mk* «будь = если бы ... то..., а (между тем)»; «если бы то..., а (в реальности)» в именном предложении.

При этом *mk* в главном предложении — союз, выражающий сослагательное наклонение, он вводит условное обстоятельство-именное адвербиальное предложение, а в придаточном союз *mk* выражает противопоставление.

В Истории крестьянина таких антитез сразу несколько. Одна из них стоит особняком:

B1 220–222	<i>mk tw m njwt nn hk3-hwt=s mj ht nn wr=s mj dpt nn shrj jm zm3jt nn ssmw=s</i>	Будь ты город без правителя его храма, или же ⁶⁷ поколение без своего старшего, или же корабль, на котором нет капитана ⁶⁸ , (или) банда ⁶⁹ без своего вожака,

⁶³ Oréal 2011: 318–319.

⁶⁴ AOS 34: *pwj=j m hnw pwj=j m st tn* «на родине ли я, или в этом месте».

⁶⁵ AOS 34–5: *ntk js šnt.n jtn* «ты есть то, что окружено солнечной сферой».

⁶⁶ Ср. Parkinson 2012: 279–280: «Look, I will come, or look, another will come, so that you will make accusation»; Oréal 2011: 319: «Que je vienne, qu'un autre vienne, puisses-tu dialoguer!».

⁶⁷ *mj* «правным образом» = «или».

⁶⁸ *shrj* «Kapitän» (Wb. IV: 260.17).

B1 223– 224	<i>mk tw m šnt jt3 hk3-hwt špww jmj- r3 w hsf h^cd3 hpr m jmj-h3t n jrr</i>	но ты — стражник, занимающийся воровством, правитель храма загребущий, начальник округа, который должен наказывать за разбой ⁷⁰ , но который стал образцом ⁷¹ разбойника ⁷² .

Остальные три антитезы представляют собой единое по структуре повествование, образуя своеобразный комплекс связанных попарно едких характеристик (B1 199–209). Эти антитезы заслуживают особого внимания, поскольку противопоставление *mk ... mk* осталось незамеченным в науке⁷³ — обычно их переводят, просто перечисляя именные предложения с презентативным *mk* «смотри!».

<i>mk tw m hwrw n(j) rhtj ^cwn jb hr hdt hnms bt3{n} mhnk=f n tw3=f sn=f pw jjj jnj n=f</i>	Будь ты ничтожеством праца, чье сердце жаждет разрушить ⁷⁴ дружбу, предающим ⁷⁵ своего доверенного человека из-за своего смерда ⁷⁶ : кто приходит, принося ему (взятку) — тот ему и брат;

⁶⁹ *zm3jt* «Genossenschaft; Trupp; Zusammenschluss; Bande» (Wb. III: 450.10–12).

⁷⁰ *h^cd3* «Raub» (Wb. III: 44.1–2; Wilson 1997: 622–623).

⁷¹ *jmj-h3t* «Vorbild; Anführer». Под образцом имеется в виду исходный образ, оригинал, с которого все берут пример как в прямом, так и в переносном смысле. См. например, о статуях: надпись на статуе Torino 1379, стк. 22–23 (Gardiner 1953: 15, pl. 2): *msj.n.f hmw=sn nbw tnw.j r jmj-h3t* «Он создал все их статуи, отличающиеся от оригиналов (= того, что было прежде)»; *Urk. IV: 99.13–14: j3wt jrj m d^cm smnhw r jmj=sn-h3t* «их штандарты из электра, украшенные лучше, чем их оригиналы (= того, что было прежде)». Понимание *jmj-h3t* «тот, что в начале» как «образца» в B1 224 восходит еще к Фридриху Фогельзангу (Vogelsang 1913: 153; см. также Parkinson 2012: 187: «archetype»; сходно о человеке: стела Manchester 5052, стк. 2: Petrie, Walker 1909: pl. 10 (B.33)).

⁷² *n jrr* букв.: «для того, кто (этим, т. е. разбоем) занимается».

⁷³ Livshits 1979: 48–49; Quirke 2004: 158; Parkinson 2012: 167–175; Allen 2015: 279–280; Mathieu 2023: 409.

⁷⁴ *hdj* «zerstören; schädigen; fehlen» (Wb. III: 212–213.16).

⁷⁵ *bt3* «(sich) schuldig machen» (Wb. I: 484.12).

⁷⁶ *tw3* «Geringer, Armer, Klient» (Wb. V: 248.1–3, 8; Berlev 1978: 64–66); как антонимы титулы *tw3* – *hj* представлены в поучении Аменемопе 24.16–17 (Laisney 2007: 210–211, 213, 358), но функции поздней должности *hj* «контролера» также неясны («Aufsichtsbehörde (?); Aufsichtsbeamter(?)»: Wb. III: 37.2; Lesko, Switalski Lesko 2002–2004, I:

<i>mk tw <m> mḥntj d3j nb hmt ʕk3j ʕk3=f fdk(.w)</i>	а ты — паромщик, перевозящий хозяина платы за проезд ⁷⁷ , точный, который точен, (лишь) когда урывает ⁷⁸ .
<i>mk tw m hrj-ṣnʕw n rdj.n=f sw3 šw hr-ʕ</i>	Будь ты заведующим складом ⁷⁹ , который не пропускает того, кто не (может выплатить) долг ⁸⁰ ,

300; Jansen-Winkel 1995: 68, Anm. 54). А. Гнирс понимает «доверенного человека»-*mḥnk* и «смерда»-*tw3* как разные типы клиентов (Gnirs 2000: 137–138).

⁷⁷ *hmt* «Fährlohn; Vergütung» (Wb. II: 490.5; Hannig 2003: 749; Hannig 2006: 1564; Seyfried 2014: 67–68 (b); ср. Lesko, Switalski Lesko 2002–2004, I: 288: *hmw* «fare»). Сочетание *nb hmt* букв. «хозяин платы за перевоз» переключается с более распространенным обозначением коррупционера – *nb db3w* «хозяин платы» (Мерикара Е 44; стела MMA 12.184 (Sethe 1990: 79.19); Поучение отца сыну 11.2 (Fischer-Elfert 1999, Bd. 1: 141, 144–145; Fischer-Elfert 1999, Bd. 2: § 11.2); Поучение визиря ʕmṭw, кол. 16 (Dziobek 1998: 26, Taf. 2). Стало быть, «хозяин платы за проезд» – тот, кто приплачивает паромщику за проезд.

⁷⁸ Общее значение глагола *fdk* – «разделять на части, разрывать» (Wb. I: 583.6–15; Meeks, 1980: 144 (77.1564)). Антоним глагола *fdk* – *ḥz* «связывать» (Peasant P1 288). От него образован нюанс – *fdk* «отрывать» («abreißen»: Wb. I: 583.18). Ср. Parkinson 2012: 236: «Look, you are <a fe>rriyman who ferries only fareholders, a doer of right whose righteousness is flawed»; Allen 2015: 280: «Look, you are a ferryman who ferries the one with a fare, an accurate one whose accuracy is shattered»; Mathieu 2023: 409: «Vois, tu es un passeur qui n'a fait traverser que le détenteur d'une rétribution, un homme précis dont la précision est fissurée!»).

⁷⁹ Вариант с титулом *ṣnʕw(?)* «запирающий», который из других источников не известен, дает редакция R 31.4. Параллель к нему из Среднего царства – титул *jmj-r3 ṣnʕw* в значении «начальник стражи» (pnm.uni-mainz.de/title/5112), поэтому О.Д. Берлев (Berlev 1978: 71) понимал это сочетание как титул охранника (*hrj-ṣnʕw*). Титул в B1 205 *hrj-ṣnʕw* «заведующий складом» широко известен из источников Нового царства (Polz 1990: 43–60; pnm.uni-mainz.de/titles?title=Nry+Snaw (по просопографии XVIII династии) и многие другие). Судя по контексту, речь идет не о полицейском произволе за неуплату налогов, а об отказе управляющего магазином давать продукты безнадёжному должнику.

⁸⁰ *hr(t)-ʕ* «Fehlendes; Rückstand» (Wb. III: 134.2–4); «Steuerrückstände» (Wb. III: 134.7–8; Hannig 2003: 863; Hannig 2006: 1741). Так же понимает это сочетание Р.Паркинсон (Parkinson 2012: 171–172): «Look, you are a storehouse keeper, who does not let someone in penury pass by a debt»; сходно: Mathieu 2023: 409: «Vois, tu es un chef de

<i>mk</i> <i>tw</i> < <i>m</i> > <i>tnhr</i> <i>n</i> <i>rhjt</i> <i>ʕnh</i> <i>m</i> <i>hwrww</i> <i>nw</i> <i>ʒpdww</i>	а ты — сокол ⁸¹ для народа, питающийся самыми жалкими из птиц.
<i>mk</i> <i>tw</i> < <i>m</i> > <i>wdpw</i> <i>rʃ=f</i> <i>pw</i> <i>rhs</i> [208] <i>nn</i> <i>ʒtjw</i> <i>jrj</i> <i>r=f</i>	Будь ты мясник ⁸² — тому в радость закалывать скот ⁸³ , ведь его за это не оштрафуют ⁸⁴ ,
<i>mk</i> <i>tw</i> <i>m</i> <i>mnjw</i> <i>n</i> <i>dwj=s</i> <i>js</i> [209] <i>r=j</i> <i>n</i> <i>jp.n=k</i>	а ты – пастырь, и то, что ты не учел, разве не обернулось для меня злом ⁸⁵ ?

magasin qui prive le d muni d'exemption». Дж. Аллен (Allen 2015: 280) дает более традиционный перевод всех употребляющихся в этой фразе сложных сочетаний: «Look, you are a warehouse chief who does not let pass the empty-handed».

⁸¹ Слово *tnhr* обозначало вид сокола, гнездившегося в Египте, т. е. для которого Египет был родным: *Falco tinnunculus* / пустельгу (Egberts 1991: 77, 64), или *Falco concolor* / чеглока (Krauss 1991: 77; Parkinson 2012: 173) см. *Wb.* V: 384.12; Hannig 2003: 1451; Seyfried 2019: 74, 155, 162. Эта птица называется в истории крестьянина *tnhr n rhjt* «сокол для плебса», т. е. хранящей народ, поэтому нет никаких оснований видеть в нем вредное существо, нападающее на этот плебс (народ *rhjt*). Впрочем, Б. Матье считает, что здесь имеется в виду сапсан, для которого чибисы (*rhjt*, *Vanellus vanellus*) как раз и являются главным объектом охоты (Mathieu 2023: 409, п. 1692). Видовое название *tnhr* вместо общего *bjk* «сокол», возможно, крестьян выбрал не без сарказма для изображения чиновника как уменьшенной копии царя. Впрочем, сочетание *bjk rmt* известно лишь в значении «человеческий сокол» по отношению к покойному (СТ II, 226b, 229b, 230c, 232b, 241a, 247b, 251d, 252i; СТ VII 124k), а *bjk n rmt* и вовсе не известно.

⁸² *wdpw* «кравчий»; категория слуг этой категории занималась, в частности, забоем скота (Berlev 1978: 267–269).

⁸³ *rhs* «schlachten; zerlegen» (*Wb.* II: 448.6–7; Hannig 2003: 730–731; Hannig 2006: 1521).

⁸⁴ *ʒtjw/jʒtjw* «ущерб». См. Hekanakhte I, pMMA 22.3.516 rto 16–17 (Allen 2002: 15, 29, pls. 8, 26–27) *mk jr thj=k nʒ mk jrj=j st hr=k m ʒtjw* «а если ты превысишь это (=меру), то я вменю тебе это в ущерб»; ср. Allen 2002: 15: «Look, if you violate this I will make it on you as a shortage» (где «shortage» = «недобор»); Grandet, Mathieu 1997: 414, § 37.6: «vois, si tu enfrens cela, vois, je t'en tiendrai rigueur comme d'une fraude!» (где «fraude» = «жульничество»). Ср. *Wb.* I: 35.3: *ʒtjw* «Verst mmelung; Entwendung» (= «увечь; кража»). Характеристика мясника представляет собой относительную форму после субъекта *rhs* в именном предложении с *rw*; букв. «забой скота, за который ему не (вменяют иск по) ущербу – вот что его радует».

⁸⁵ Именное предложение с имперфектной относительной формой в качестве субъекта. Р. Паркинсон превращает отрицательное именное предложение в риторический вопрос (Parkinson 2012: 175: «is it not

Простое перечисление должностных обязанностей вкупе с нравственными качествами в шести предложениях ничего не дает для понимания речи крестьянина, если не обращать внимание на то, что перед нами три антитезы, построенные по одинаковой, довольно сложной схеме:

1 часть: негативный образ — для него в обычае быть порочным, преступником, предателем.

2 часть: позитивный образ — но он, вместо того чтобы выполнять свои положительные функции, совершает беззакония. Все 3 предложения можно препарировать по этой схеме так:

<i>mk tw</i> А «будь ты — отрицательный образ, то в норме для него — отрицательная функция».	<i>mk tw</i> В «а между тем ты — положительный образ, но в реальности он, наоборот, также выполняет отрицательные действие».
1. будь ты ничтожество праца — (для него нормально) предавать дружбу ...	а ты — паромщик, занимающийся мздоимством.
2. будь ты заведующим складом, который не пускает должника...	а ты — сокол для народа, питающийся самыми жалкими из птиц.
3. будь ты мясник, для которого забивать скот — его обязанность...	а ты — нерадивый пастух, из-за которого паства страдает.

Во второй части каждой предложения называется опекун, страж народа и его путеводитель, который забыл о своем долге и стал хищником, взяточником или грабителем. Таким образом, все названные во второй части персонажи должны иметь положительные коннотации: 1. паромщик; 2. сокол с уточнением «(для) народа»; 3. пастух. В глазах крестьянина главный управляющий *rnsj* должен воплощать их качества и выполнять их обязанности, однако он все делает наоборот: вместо честного

wrong for me that you cannot reckon?»; аналогично: Mathieu 2023: 409: «mais n'est-il pas désolant pour moi que tu sois incapable de dénombrer?») и я ему следую, поскольку считаю частицу *js* «разве», которая есть только в версии B1 209, вопросительной после отрицания (см. CT VI, 304i; La Chapelle rouge 174 (Bl. 285); Lacau, Chevrier 1977: 125 (8–10); Burgos, Larché 2006: 37; о сочетании *3 js* «разве не»: Oréal 2011: 42, n. 44). О глаголе *dwj* «стать злом» см. Wb. V: 546.21–547.7: «schlecht sein; böse sein». Г. Фехт читал *dwj=s* как *dwsj* («клеветать»: Wb. V: 552.6), получив такой перевод: «siehe-du-bist-ein-Hirte dessen-eben-der-mich-verleumdet(e) und-du-untersuchst-nicht». О *dwsj/sdwj* как однокоренных глаголах с IV слабой с возможной метатезой суффикса-префикса -s см. Fecht 1974: 189.

перевозчика оказывается предателем и мздоимцем, вместо сокола, защищающего людей, — грубым полицейским, вместо пастуха — мясником.

Именно третья сентенция служит ключом для разгадки смысла остальных — все три не просто перечисляют функции и качества, а сравнивают их. Мясник и пастырь противопоставляются, ибо один скотину закалывает, а другой о ней печется. Настоящий правитель должен быть пастырем, а не мясником, ибо лишь мясник как профессионал не несет ответственность за убой, а пастуху скот вверен под учет. При этом сам крестьянин, как и в B1 101–102 / R 16.7–8 = R 26.6, вновь сравнивает себя с отбившимся членом стада, которого забыл учесть (jp) нерадивый пастырь.

Вместе с сущностью всего перечня третья сентенция выдает и синтаксическую роль *mk* как фиксатора границ именной антитезы: *mk* A=X ... *mk* A=Y «если бы A был X, то ... (следствие), а (в реальности) A есть Y, поэтому ... (следствие)».

Выводы

Повествовательный материал Истории крестьянина, в котором особенно показательно итеративное употребление многозначной частицы *mk*, достаточно красноречив, однако приписывать ей смысл как союзу или наречию не представляется возможным. На мой взгляд, уже презентативность частицы *mk* исключает возможность двух синтаксических ролей.

С другой стороны, 10 моделей употребления *mk* в Истории крестьянина демонстрируют необходимость тщательного учета синтаксического контекста, поскольку ее роль в образовании сложноподчиненных предложений остается ключевой. Труд Э. Ореаль расширил возможности исследований служебных слов в классическом египетском, однако подходы в грамматических исследованиях крайне ограничивают синтаксическую интерпретацию литературных и эпистолярных текстов на этом языке. Любые исследования в этой области важны как для синтаксиса сложного предложения, так и для лингвистики текста.

Литература

Allen, J. P. 2002: *The Heqanakht papyri*. Publications of the Metropolitan Museum of Art Egyptian Expedition 27. New York.

- Allen, J. P. 2014: *Middle Egyptian: an introduction to the language and culture of hieroglyphs*, 3rd, revised and reorganized ed. Cambridge.
- Allen, J. P. 2015: *Middle Egyptian literature: Eight literary works of the Middle Kingdom*. Cambridge.
- Backes, B. 2005: *Wortindex zum späten Totenbuch (pTurin 1791)*. Studien zum Altägyptischen Totenbuch 9. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Backes, B. 2016: *Der «Papyrus Schmitt» (Berlin P. 3057): ein funeräres Ritualbuch der ägyptischen Spätzeit*. Bd. 1–2. Ägyptische und Orientalische Papyri und Handschriften des Ägyptischen Museums und Papyrussammlung Berlin 4. Berlin; Boston.
- Bakir, Abd-el-Mohsen 1968: The Middle-Kingdom Cairo letter a reconsideration (Papyrus 91061 = CGC No. 58045). *Journal of Egyptian Archaeology* 54, 57–59.
- Berlev, O. D. 1978: *Social relations in the Middle Kingdom Egypt*. Leningrad. = Берлев, О. Д. 1978: *Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства*. Л.
- Beylage, P. 2018: *Middle Egyptian*. Languages of the Ancient Near East 9. University Park, PA.
- Blumenthal, E. 1970: *Untersuchungen zum ägyptischen Königtum des Mittleren Reiches I: die Phraseologie*. Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, Philologisch-Historische Klasse 61 (1). Berlin.
- Borghouts, J. F. 2010: *Egyptian: an introduction to the writing and language of the Middle Kingdom*. Vol. 1. Egyptologische Uitgaven 24. Leiden; Leuven.
- Brose, M. 2014: *Grammatik der dokumentarischen Texte des Mittleren Reiches*. Lingua Aegyptia, Studia Monographica 13. Hamburg.
- Burgos, F., Larché, F. 2006: *La chapelle Rouge: le sanctuaire de barque d'Hatshepsout*. Vol. 1: Fac-similés et photographies des scènes. Edited by Nicolas Grimal. Paris.
- Burkard, G. 1995: *Spätzeitliche Osiris-Liturgien im Corpus der Asasif-Papyri: Übersetzung, Kommentar, formale und inhaltliche Analyse*. Ägypten und Altes Testament 31. Wiesbaden.
- Cauville, S. 2004: *Dendara V–VI: traduction [et] index phraséologie. Les cryptes du temple d'Hathor*, vol. 1. Orientalia Lovaniensia Analecta 131. Leuven.
- Chetverukhin, A. S. 1999: Old Egyptian introductory demonstrative particles with the stem *m(j)* and the verb «to see, to look». *Countries of north-eastern Africa and the Red Sea basin in ancient times and in the early Middle Ages. Meroe* 5, 280–300.
- Четверухин, А. С. 1999: Староегипетские вводные указательные частицы с основой *m(j)* и глагол «видеть, смотреть, глядеть». *Страны северо-восточной Африки и красноморского бассейна в древности и в раннем средневековье. Мероэ* 5, 280–300.
- Collier, M., Quirke S. 2002: *The UCL Lahun papyri: letters*. BAR International Series 1083. Oxford.

- CT – de Buck, A. 1935–1961: The Egyptian Coffin Texts I–VII. Oriental Institute Publications 34, 49, 64, 67, 73, 81, 87. Chicago.
- Darnell, J. C. 2004: *The enigmatic Netherworld Books of the Solar-Osirian unity: cryptographic compositions in the tombs of Tutankhamun, Ramesses VI and Ramesses IX*. Orbis Biblicus et Orientalis 198. Fribourg; Göttingen.
- David, A. 2000: *m.k* + forme nominale au cœur de la controverse. *Lingua Aegyptia* 7, 113–123.
- Demidchik, A. E. 2005: *The Nameless Pyramid: The State Doctrine of the Ancient Egyptian Heracleopolitan Monarchy*. Saint Petersburg = Демидчик, А. Е. 2005: *Безымянная пирамида: государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии*. СПб.
- Dendara V – Chassinat, É. 1952: *Le temple de Dendara*. T. V . Fasc. 1. Texte. Le Caire.
- Dziobek, E. 1998: *Denkmäler des Vezirs User-Amun*. Studien zur Archäologie und Geschichte Ägyptens 18. Heidelberg.
- Edel, E. 1955–1964: *Altägyptische Grammatik I-II*. Analecta Orientalia 34, 39. Roma.
- Edfou V – Chassinat, É. 2009: *Le temple d'Edfou V*, 2nd ed. Mémoires publiés par les membres de la Mission Archéologique Française au Caire 22. Le Caire.
- Egberts, A. 1991: The chronology of *The Report of Wenamun*. *Journal of Egyptian Archaeology* 77, 57–67.
- El-Hamrawi, M. 2000: $\text{ⲙ} \text{ⲕ}$ als Themenwechselpartikel im klassischen Ägyptisch. *Lingua Aegyptia* 7, 153–175.
- El-Hamrawi, M. 2003: *Die vorderen Erweiterungen des Satzkerns im Mittellägyptischen*. Göttinger Orientforschungen, 4. Reihe: Ägypten 43. Wiesbaden.
- Fecht, G. 1974: Die Königs-Insignien mit *s*-Suffix (1. Teil). *Studien zur Altägyptischen Kultur* 1, 179–200.
- Fecht, G. 1986: Cruces Interpretum in der Lehre des Ptahhotep (Maximen 7, 9, 13, 14) und das Alter der Lehre. In: *Hommages à François Daumas*. Vol. 1, 227–251. Montpellier.
- Fischer, H. G. 1996: *The tomb of Ip at El Saff*. New York.
- Fischer-Elfert, H.-W. 1999: *Die Lehre eines Mannes für seinen Sohn: eine Etappe auf dem «Gottesweg» des loyalen und solidarischen Beamten des Mittleren Reiches*. Bd. 1–2. Ägyptologische Abhandlungen 60. Wiesbaden.
- Gardiner, A. H. 1953: The coronation of King Haremḥab. *Journal of Egyptian Archaeology* 39, 13–31.
- Gardiner, A. H. 2007: *Egyptian grammar being an introduction to the study of hieroglyphs* 3rd, rev. ed. Oxford.
- Gardiner, A. H., Peet, T. E., Černý, J. 1952: *The Inscriptions of Sinai*. Pt. I. *Introduction and Plates*. 2nd ed. Egypt Exploration Society 36. London.

- Gerhards, S. 2021: *Konzepte von Müdigkeit und Schlaf im alten Ägypten*. Studien zur Altägyptischen Kultur, Beihefte 23. Hamburg.
- Gnirs, A. M. 2000: The language of corruption: on rich and poor in The Eloquent Peasant. In: A. M. Gnirs (ed.). *Reading the Eloquent Peasant: proceedings of the international conference on The Tale of the Eloquent Peasant at the University of California, Los Angeles, March 27–30, 1997*. *Lingua Aegyptia* 8, 125–155.
- Goedicke, H. 1977: *The Protocol of Neferyt (The Prophecy of Neferti)*. Johns Hopkins Near Eastern Studies. Baltimore, London.
- Graefe, E. 2001: *Mittelägyptische Grammatik für Anfänger*. 6th, revised and partly modified ed. Unter Mitarbeit von J. Kahl. Wiesbaden.
- Grajetzki, W. 2000: *Die höchsten Beamten der ägyptischen Zentralverwaltung zur Zeit des Mittleren Reiches: Prosopographie, Titel und Titelreihen*. Achet A 2. Berlin.
- Grandet, P., Mathieu, B. 1997: *Cours d'égyptien hiéroglyphique*, revue et augmentée ed. Paris: Khéops.
- Grimal, N.-Chr. 1986: *Les termes de la propagande royale égyptienne de la XIXe dynastie à la conquête d'Alexandre*. Paris.
- Guglielmi, W. 1994: Die Biergöttin Menket. In: M. Minas, J. Zeidler (eds.). *Aspekte spätägyptischer Kultur: Festschrift für Erich Winter zum 65. Geburtstag*. *Aegyptiaca Treverensia: Trierer Studien zum Griechisch-Römischen Ägypten* 7. Mainz, 113–132.
- Hannig, R. 2003: *Ägyptisches Wörterbuch I. Altes Reich und Erste Zwischenzeit*. Hannig-Lexica 4. Kulturgeschichte der Antiken Welt 98. Mainz am Rhein.
- Hannig, R. 2006: *Ägyptisches Wörterbuch II. Mittleres Reich und Zweite Zwischenzeit. Bd. 1–2*. Hannig-Lexica 5. Kulturgeschichte der Antiken Welt 112. Mainz am Rhein.
- Helck, W. 1992: *Die Prophezeiung des Nfr.tj*. 2nd revised ed. Kleine ägyptische Texte 2. Wiesbaden.
- Herbin, F. R., Leitz, Chr. 2022: *Le Rituel de la maison de Chentayt: le linceul MMA 31.9.8 et la cuve osirienne de Coptos Caire JE 37516*. Vol. 1–2. Dessins de Carolina Teotino. Studien zur spätägyptischen Religion 33. Wiesbaden.
- Hirsch, E. N. 2004: *Kultpolitik und Tempelbauprogramme der 12. Dynastie: Untersuchungen zu den Göttertempeln im Alten Ägypten*. Achet - Schriften zur Ägyptologie A 3. Berlin.
- Hornung, E., Abt, Th., Warburton, D. 2007: *The Egyptian Amduat: the Book of the Hidden Chamber*. Edited by E. Hornung and Th. Abt, translated by David Warburton. Zurich.
- James, T. G. H. 1962: *The Hekanakhte papers and other early Middle Kingdom documents*. Publications of the Metropolitan Museum of Art Egyptian Expedition 19. New York.
- Jansen-Winkel, K. 1995: Die Plünderung der Königsgräber des Neuen Reiches. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* 122, 62–78.

- Johnson, J. H. 1984: The use of the particle *mk* in Middle Kingdom letters. In: F. Junge (ed.). *Studien zu Sprache und Religion Ägyptens: zu Ehren von Wolfhart Westendorf, überreicht von seinen Freunden und Schülern*. Bd. 1. Göttingen, 71–85.
- Jones, D. 1988: *A Glossary of Ancient Egyptian Nautical Titles and Terms*. London; New York.
- Junge, F. 1978: *Syntax der mittelägyptischen Literatursprache: Grundlage einer Strukturtheorie*. Sonderschrift, Deutsches Archäologisches Institut, Abteilung Kairo 4. Mainz.
- Kanawati, N., Evans, L. 2014: *The Cemetery of Meir*. Vol. II. *The Tomb of Pepyankh the Black*. Australian Centre for Egyptology: Reports 34. Oxford.
- Krauss, R. 1991: Zur Pelikanszene und damit zusammenhängenden Darstellungen in den Reliefs der sog. «Jahreszeitenkammer». *Bulletin de la Société d'Égyptologie de Genève* 15, 69–80.
- KRI I — Kitchen, K. A. 1975: *Ramesside inscriptions, historical and biographical*. I. Oxford.
- KRI II — Kitchen, K. A. 1979: *Ramesside Inscriptions, Historical and Biographical*. II. Oxford.
- KRI IV — Kitchen, K. A. 1982: *Ramesside inscriptions, historical and biographical*, IV. Oxford.
- KRI V — Kitchen, K. A. 1983: *Ramesside inscriptions, historical and biographical*. V. Oxford.
- KRI VI — Kitchen, K. A. 1983: *Ramesside inscriptions, historical and biographical*, VI. Oxford.
- Kurth, D. 2019: *Edfou V*. Die Inschriften des Tempels von Edfu: Abteilung I Übersetzungen 4 (1). Hützel.
- Lacau, P., Chevrier, H. 1977: *Une chapelle d'Hatshepsout à Karnak I*. Avec la collaboration de M.-A. Bonhême et M. Gitton. LeCaire.
- Laisney, V. P.-M. 2007: *L'Enseignement d'Aménémopé*. Studia Pohl: Series maior 19. Roma.
- Leitz, Chr. 2017: *Die regionale Mythologie Ägyptens nach Ausweis der geographischen Prozessionen in den späten Tempeln: Soubassementstudien IV*. Bd. 1. Studien zur spätägyptischen Religion 10.1. Wiesbaden.
- Lesko, L. H., Switalski Lesko, B. 2002–2004: *A Dictionary of Late Egyptian*. Vol. 1–2, 2nd edition. Providence.
- Lichtheim, M. 1971: On the iterative use of the particle *mk*. *Journal of Near Eastern Studies* 30 (1), 69–72.
- Livshits I. G. (ed). 1979: *Tales and stories of ancient Egypt. Trans. and comment*. L. = Лившиц И. Г. (пер. и комм.) 1979: *Сказки и повести древнего Египта*. Л.
- Lüscher, B. 2012: *Die Sprüche vom Kennen der Seelen (Tb 107–109, 111–116)*. Totenbuchtexte – Synoptische Textausgabe nach Quellen des Neuen Reiches 8. Basel.

- Mathieu, B. 2023: *La littérature de l'Égypte ancienne, III: Moyen Empire et Deuxième Période intermédiaire*. Paris.
- Meeks, D. 1980: *Année lexicographique*. T. 1 (1977). Paris.
- Meeks, D. 2006: *Mythes et légendes du Delta d'après le papyrus Brooklyn 47.218.84*. Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale 125. Le Caire.
- Oréal, E. 2011: *Les particules en égyptien ancien: de l'ancien égyptien à l'égyptien classique*. Bibliothèque d'étude 152. Le Caire.
- Osing, J. 1976: *Die Nominalbildung des Ägyptischen*. Bd. I–II. Sonderschrift, Deutsches Archäologisches Institut, Abteilung Kairo 3. Mainz.
- Parkinson, R. B. 2005: *The Tale of the Eloquent Peasant*. 2nd ed. Oxford.
- Parkinson, R. B. 2012: *The Tale of the Eloquent Peasant: a reader's commentary*. Lingua Aegyptia, Studia Monographica 10. Hamburg.
- Petrie, W. M. Fl., Walker, J. H. 1909: *Qurneh*. British School of Archaeology in Egypt and Egyptian Research Account [16] (15th year). London.
- Polotsky, H. J. 1965: *Egyptian tenses*. Publications of the Israel Academy of Sciences and Humanities, section of Humanities 2 (5). Jerusalem.
- Polotsky, H. J. 2007: *Scripta posteriora on Egyptian and Coptic*. V. M. Lepper, L. Depuydt (eds.). Lingua Aegyptia, Studia Monographica 7. Göttingen.
- Polz, D. 1990: Die Sna-Vorsteher des Neuen Reiches. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* 117, 43–60.
- Pyr. (PT) – Sethe K. Die altägyptischen Pyramidentexte. Bd. 1–4. Leipzig, 1908–1922; Allen J.P. A New Concordance of the Pyramid Texts. Vol. I–VI. Providence, Brown University, 2013.
- Quack, J. F. 1992: *Studien zur Lehre für Merikare*. Göttinger Orientforschungen, 4. Reihe: Ägypten 23. Wiesbaden.
- Quirke, S. 2004: *Egyptian literature 1800 BC: questions and readings*. GHP Egyptology 2. London.
- Römer, M. 1994: *Gottes- und Priesterherrschaft in Ägypten am Ende des Neuen Reiches: ein religionsgeschichtliches Phänomen und seine Grundlagen*. Ägypten und Altes Testament 21. Wiesbaden.
- Sauneron, S. 1960: La différenciation des langages d'après la tradition égyptienne. *Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale* 60, 31–41.
- Schenkel, W. 2012: *Tübinger Einführung in die klassisch-ägyptische Sprache und Schrift*. 5. Auflage. Tübingen.
- Schmidt, N. 2022: *Körperflüssigkeiten und -ausscheidungen der Götter des alten Ägypten*. Ägyptologische Abhandlungen 82. Wiesbaden.
- Schweitzer S. 2011: Aus der Arbeit am Ägyptischen Wörterbuch: Einige Ghostwords III. *Göttinger Miszellen* 230, 59–71.
- Sethe, K. 1990: *Ägyptische Lesestücke zum Gebrauch im Akademischen Unterricht: Texte des Mittleren Reiches*. 4th, unaltered ed. Hildesheim.

- Seyfried, K. J. 2014: Hieratische Gefäßaufschriften aus dem späten Alten Reich. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* 141 (1), 56–82.
- Seyfried, K. J. 2019: *Die Jahreszeitenreliefs aus dem Sonnenheiligtum des Königs Ne-User-Re: Text zum Tafelband*. Mitteilungen aus der Ägyptischen Sammlung 9. Berlin; Boston.
- Simpson, W. K. 2001: Studies in the twelfth Egyptian dynasty IV: The early twelfth dynasty false-door/stela of Khety-anh/Heni from Matariya/Ain Shams (Heliopolis). *Journal of the American Research Center in Egypt* 38, 9–20.
- Takács, G. 2008: *Etymological dictionary of Egyptian*. Vol. 3. Handbuch der Orientalistik. 1. Abteilung: Der Nahe und Mittlere Osten 48/3. Leiden.
- Urk. IV — Sethe, K. 1906–1909: *Urkunden der 18. Dynastie. Hefte 1–16*. Leipzig; Helck, W. 1955–1958: *Urkunden der 18. Dynastie. Hefte 17–22*. Urkunden des ägyptischen Altertums. Abt. 4. Berlin.
- Vogelsang, F. 1913: *Kommentar zu den Klagen des Bauern*. Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Aegyptens 6. Leipzig.
- von Recklinghausen, D. 2022: *Das Land von Pfeil und Bogen: Studien zu Neith und ihren Attributen in der Theologie des Tempels von Esna. Esna-Studien I. Studien zur spätägyptischen Religion* 36. Wiesbaden.
- Waitkus, W. 1997: *Die Texte in den unteren Krypten des Hathortempels von Dendera: ihre Aussagen zur Funktion und Bedeutung dieser Räume*. Münchner Ägyptologische Studien 47. Mainz.
- Waitkus, W. 2021: Review: Leitz 2017. *Die Welt des Orients* 51 (2), 259–279.
- Wb. — Erman, A., Grapow, H. (Hrsg.) 1982: *Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Bd. I–V*. 4. Auflage. Berlin.
- Wiener, M. H., Allen, J. P. 1998: Separate Lives: The Ahmose Tempest Stela and the Thera Eruption. *Journal of Near Eastern Studies* 57 (1), 1–28.
- Wilson, P. 1997: *A Ptolemaic lexikon: a lexicographical study of the Texts in the temple of Edfu*. Orientalia Lovaniensia Analecta 78. Leuven.
- Žába, Z. 1956: *Les Maximes de Ptahhotep*. Prague.
- Zonhoven, L. M. J. 1997: Studies on the *sdm.t=f* verb form in Classical Egyptian II: the active *r sdm.t=f* construction. *Orientalia Lovaniensia Periodica* 28, 5–31.

Н. А. Бондарко
ИЛИ РАН, СПб., Россия, n-bond@yandex.ru

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕРИВАТОВ
С ПРИСТАВКАМИ *în-* И *ûz-* В СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИХ
ТЕКСТАХ МЕЙСТЕРА ЭКХАРТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОПОВЕДИ S101)**

Статья посвящена изучению взаимодействия глагольных образований с префиксами *în-* и *ûz-* (а также дериватов от этих глаголов) с их с ближайшим семантическим окружением в конкретном тексте. В качестве материала для анализа выбрана проповедь немецкого доминиканского теолога-мистика Мейстера Экхарта (1260–1328) S101 *Dum medium silentium tenerent omnia*, принадлежащая к циклу проповедей (101–104) о рождении Бога в душе человека (*Gottesgeburtszyklus*). В статье выявляются нюансы значений ряда приставочных глаголов и уточнена роль самих приставок в тонкой языковой игре Экхарта как мастера слова. Процесс рождения Богом Отцом Бога Сына с участием Святого Духа и мистическое погружение Бога-Троицы на дно души, с одной стороны, и движение души к познанию Бога — с другой стороны, описывается через языковую метафору движения, направленного внутрь и вовне духовного пространства человека. При этом образования с *în-* получают хорошо заметную и устойчивую положительную коннотацию, а образования с *ûz-* — отрицательную. Так описание процессов онтологического и гносеологического уровня получает этическое оценку, параметром которой служит успешность либо безуспешность душевной работы. Эти семантические оттенки переносятся в область моральных советов, даваемых проповедником своей аудитории.

Ключевые слова: средневехненемецкий язык, префиксация, словообразование, немецкая средневековая мистика, Мейстер Экхарт, проповеди, проповедник, трактаты, семантика, контекст, метафора, рождение Бога в душе, платоническая философская традиция.

Н. А. Bondarko
Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, SPb., Russia,
n-bond@yandex.ru

Semantic Peculiarities of Derivatives with Prefixes *în-* and *ûz-* in Middle High German Texts of Meister Eckhart (based on the Sermon S101)

The paper is concerned with the study of the interaction of verbs with the prefixes *în-* and *ûz-* (as well as derivatives from these verbs) with their immediate semantic environment in a particular text. The sermon of the German Dominican mystic theologian Meister Eckhart (1260–1328) S101

Dum medium silentium tenerent omnia, belonging to the cycle of sermons (S101–104) on the birth of God in the human soul (*Gottesgeburtzyklus*), is chosen as the material for analysis. The paper reveals semantic nuances of a number of prefixed verbs and clarifies the role of the prefixes themselves in Eckhart's subtle language game. The process of God the Father's birth of God the Son with the participation of the Holy Spirit and the mystical immersion of God the Trinity to the bottom of the soul, on the one hand, and the movement of the soul to the knowledge of God, on the other hand, is described through the linguistic metaphor of the movement directed inward and outward of the spiritual space of man. At the same time, the entities with *în-* receive a clearly visible and stable positive connotation, and the entities with *ûz-* get rather a negative coloring. Thus, the description of processes of ontological and gnoseological level receives an ethical assessment, the parameter of which is the success or failure of soul work. These semantic connotations are transferred to the sphere of moral advice given by the preacher to his audience.

Keywords: Middle High German, prefixation, word formation, German medieval mysticism, Meister Eckhart, sermons, preacher, treatises, semantics, context, metaphor, birth of God in the soul, Platonic philosophical tradition.

Глагольные образования с обоими префиксами *în-* и *ûz-* (а также и дальнейшие дериваты от этих глаголов) имели в средневерхненемецком языке значение направления и интенсификации действия. В начале XIV в. традиционно связывается с появлением нового пласта теологической и философской лексики в связи с необходимостью перевода и введения в оборот схоластической латинской терминологии. Именные и глагольные аффиксальные новообразования были чрезвычайно востребованы также и в языке немецкой богословской мистики XIII–XIV вв. Это справедливо и для Мейстера Экхарта (1260–1328), которому в его философской работе с языком были чрезвычайно необходимы любые, в том числе и редкие средства словообразования.

Приставка *în-* (двн. *în-* < прагерм. **en* < и.-е. **h₁en*)¹, соответствующая лат. *intro*, находится в родственных отношениях с полупрефиксом *innen-* (лат. *intus*), указывающим на положение покоя внутри чего-либо. Напротив, префикс *în-* используется с

¹ MhdGr. III: V107–112, S. 444–446. Этот том грамматики средневерхненемецкого языка представляет собой наиболее полное описание словообразовательных средств и моделей средневерхненемецкого периода и отражает состояние исследований на данную тему, достигнутое к 2009 году.

глаголами движения (MhdGr. III: V111, S. 444). Его семантическая функция связана с установлением или обозначением контактного действия, направленного внутрь объекта. Существует также предлог *în* со сходным значением. Количество образований с *în-* было относительно небольшим в средневерхненемецком языке (см. список: MhdGr. III: V110, S. 445), однако оно начало резко расти уже в конце этого периода, а в нововерхненемецком *ein-* является одной из самых частотных отделяемых приставок (MhdGr. III: V111, S. 444; ср. Weinhold 1883: 332–333).

Большинство дериватов с свн. *ûz-* (< двн. *ûz-*; гот. *út*) связано со значением «удаления» (Entfernung). Существуют также предлог и наречие *ûz* с близкой семантикой. Количество дериватов с *ûz-* в средневерхненемецком значительно больше, чем образований с *în-*; к нововерхненемецкому периоду их общее число в разных словоформах также растет, что соответствует общим тенденциям в немецком словообразовании (см. полный перечень глаголов на *ûz-*: MhdGr. III: V164, S. 466; ср. Weinhold 1883: 334).

В традиции изучения языка немецкой мистики и, в частности, сочинений Экхарта, существуют работы, посвященные описанию теологически и поэтически значимой лексики, причем особое внимание уделялось использованию новых словообразовательных моделей — разумеется, прежде всего для анализа новой терминологии с субстантивными суффиксами абстрактной семантики (*-heit*, *-schaft*, *-nisse* и т.д.). В частности, подробные перечни слов представлены в классической монографии У. Никса². Задачей настоящей статьи, напротив, является анализ избранных приставочных образований с точки зрения их взаимодействия с ближайшим семантическим окружением в конкретном тексте. Только таким образом могут быть выявлены нюансы значений ряда приставочных глаголов и уточнена роль самих приставок в тонкой языковой игре Экхарта как мастера слова.

В качестве основного материала исследования выступает проповедь Мейстера Экхарта S101 *Dum medium silentium tene-rent omnia*³, первая из четырех проповедей (S101–104), форми-

² См.: Nix 1963: 140–179; Реутин 2011: 206–209 (п. III. 2.3. Словообразовательные модели).

³ Подробное исследование рукописной и старопечатной традиции представлено в вводной части к тексту (DW IV,1: 279–333). См.

рующих общий цикл о Богорождении, или рождении Бога в душе человека (*Gottesgeburtszyklus*). На основании многократных текстовых пересечений с рядом других проповедей, но прежде всего с трактатом «Речи Наставления» (1298 г.) и Комментарием на книгу Премудрости Соломоновой, издатель и один из наиболее авторитетных знатоков этого текста Г. Штеер относит время создания ее к промежутку между 1298 и 1305 гг. (DW IV,1: 328)

Концепция вечного рождения Богом самого себя (Вечного Слова) в человеческой душе (*incarnatio continua*) занимает в немецких проповедях, трактатах и шпрухах (изречениях) Экхарта центральное место. Этот творческий акт превосходит по своей значимости сотворение мира, поскольку, в отличие от всех других творений, душа является идеальной пустой формой, способной вместить в себя Бога и стать Его оттиском. Акт богопознания открывает путь к настоящему соединению души с Богом в едином Первоначале. Рождение Сына имеет динамическую природу и развивается по кругу: от Отца к душе и от души обратно к Отцу. В этом процессе Бог соединяется с человеком, выводя его из иерархии творений и включая непосредственно в тринитарный процесс. В ответном акте саморождения души устанавливается тождество между душой и Троицей, благодаря чему душа достигает абсолютного блаженства. Эта связь души с Богом характеризуется отношением сыновства и приобретает онтологический характер⁴.

Четыре проповеди цикла «О вечном рождении» («*Von der ewigen geburt*») тесно связаны между собой как общим содер-

также: Steer 1998: 262–288; Steer 2000; Franzke 2013. Л. Стурлезе и М. Винцент в своем новом издании этого текста делают акцент на его принадлежности к типу проповедей-гомилий “*De tempore*” — т. е. проповедей годичного литургического цикла. В частности, проповедь S101 непосредственно связана с празднованием Рождества Христова. Ее «тема — не только явление Божественного Слова посреди ночи, но и — как утверждал Экхарт в своих предыдущих гомилиях и теперь подчеркивает это здесь — это рождение Сына в глубине человеческой души, чтобы человек стал Сыном Божиим» (Sturlese, Vinzent 2019: 174).

⁴ Идея о вечном рождении Бога в душе восходит к богословской традиции восточных Отцов Церкви — Оригена, Дионисия Ареопагита и Максима Исповедника. Тем не менее, многие высказывания Экхарта на эту тему были превратно поняты некоторыми его современниками именно по той причине, что тождество между Богом и человеком Экхарт переводил из этической плоскости в онтологическую.

жанием, так и литературной формой, носящей черты диалога на духовные темы (*collatio*). В использовании одной и той же жанровой формы *collatio* в четырех проповедях цикла и в «Книге наставления» (*Reden der Unterweisung*, RdU) Г. Штеер видит один из убедительных аргументов в пользу подлинности цикла и его принадлежности авторству Экхарта. Эта общность формы изложения заслуживает внимания еще и потому, что ни в каких других латинских и немецких сочинениях Экхарта (кроме, разумеется, текстологически связанных с рассматриваемыми текстами так называемых «шпрухов») она более не встречается. При этом структура обращения, в котором на короткие вопросы слушателей проповедник отвечает длинным наставлением, более четко разработана в четырех циклах проповедей, чем в RdU, где вопросно-ответная форма встречается только в главах 20 и 23. Именно между этими двумя главами RdU и циклом из четырех проповедей Г. Штеер констатирует существенное внешнее сходство (см. DW IV,1: 326; там же см. анализ конкретных примеров).

Проповедь S101 является «программной» проповедью цикла «Von der ewigen geburt»: ее содержание связано с содержанием латинского комментария Экхарта на книгу Премудрости Соломона (*Sapientia Solomonis*). Как в проповеди, так и в комментарии центральное место занимает экзегеза стиха Sap. 18,14, особенно толкование терминов *medium*, *silentium* и *imago*. Главный смысл экзегезы стиха Sap. 18,14 Штеер усматривает в том, что спокойствие и тишина должны охватывать все, чтобы Бог-Слово мог прийти в человеческое сознание через благодать и Сын родился в душе (*oportet quod quies et 'silentium contineat omnia' ad hoc, ut deus verbum in mentem veniat per gratiam et filius nascatur in anima* [In Sap. n. 281, LW II, p.613,6–7]): именно эта идея подробно раскрывается в тексте проповеди (см.: DW IV,1: 329).

Композиционная структура проповеди⁵ основана на стихах Писания из вступительной части службы (*Introitus*) воскресенья

⁵ При последующем кратком изложении композиции и содержания проповеди я опираюсь на более подробную формальную характеристику и содержательную проработку текста в издании Г. Штеера: DW IV,1: 329–33; ср.: Sturlese, Vincent 2019: 175–177. См. также более развернутый композиционный и содержательный анализ проповеди в историко-теологической перспективе: Mösch 2006: 72–107; Guerizoli 2006: 51–116.

в октаву Рождества: *Dum medium silentium tenerent omnia, et nox in suo cursu medium iter haberet, omnipotens sermo tuus, Domine, de caelis a regalibus sedibus venit* (Sap. 18,14–15), а также *Porro ad me dictum est verbum absconditum* (Iob 4,12).

Проповедь начинается со вступления (*introductio*) (стк. 2–35), в котором представлен набросок ее основного содержания, причем в самой проповеди изложение, посвященное месту и способу рождения Бога в человеке (стк. 36–106), занимает центральное место: рождение Бога происходит в сокровеннейшей части души и без всякого тварного посредничества (стк. 38–40).

Ia. Первый пункт проповеди (стк. 36–106) связан с исходным библейским текстом и посвящен утверждению, что в бытии и на дне души средством богопознания является молчание. Это объясняется четырьмя способами. В бытие души (а) никогда не входит никакая тварь и (б) никогда не входит никакой образ; (в) душа не имеет ни деятельности, ни понимания, и поэтому она в принципе (г) не знает никакого образа, ни образа себя, ни образа какого-либо существа. Более подробно этот тезис разъясняется ниже (стк. 43–69). Только силы (способности) души являются средствами, с помощью которых душа действует вовне; это разум (*intellectus*), воля (*voluntas*), память (*memoria*) и органы чувств (например, глаз). С помощью этих способностей душа совершает все свои дела (стк. 43), но не производит действий: у нее нет ни работы в бытии (стк. 49), ни посредника. Средством (*mittel*) является тишина, то есть ничто, кроме отдыха и безделья для рождения, работы Бога, которая заключается в изречении слова Отца, обращенного внутрь души.

Ib. Во второй раз (стк. 70–84) Экхарт начинает с утверждения в форме тезиса: Душа по своей природе внутренне едина и свободна от всякого посредничества и от всякого образа (стк. 70). Поэтому и Бог может соединяться с ней чистым и свободным образом, без образов и подобий (стк. 71).

Ic. Ставится вопрос (85–92): Подобно ли тому Бог-Отец рождает Своего Сына в душе, как твари «рождают» по образу и подобию? Ответ дается отрицательный: скорее, Отец рождает Своего Сына в душе, так же как Он рождает Его в вечности. Бог обладает совершенным самосозерцанием, безмерным самопознанием через Себя, а не через образ. Точно так же Бог-Отец рождает своего Сына в существе и сущности души и тем самым соединяет себя с ней (объединяет себя). Единение без образа —

залог единения благ (92), в котором заключается все блаженство души.

В конце доказательства первого пункта проповеди формулируется и затем опровергается первое возражение, связанное с проблемой опосредованности взаимодействия души с Богом через образы (стк. 93–106).

Па. Второй пункт проповеди (*silentium* = *swîgen*, стк. 107–202) делится на две части. Первая часть (стк. 107–150) второго пункта проповеди вводится заключительным предложением первого пункта проповеди: должны быть тишина (*silentium*) и неподвижность, чтобы Бог мог говорить, рождать Своего Сына и действовать непосредственно. Структура этого пункта проповеди похожа на первый. Сначала Экхарт повторяет вопрос из введения, может ли человек способствовать рождению Бога в себе и каким образом; затем повторяет предостережение, что его учение направлено только на добрых и совершенных людей, которые по сути своей добры и в которых живет жизнь и учение Иисуса Христа. Для осуществления богорождения сами они могут только молчать и позволить Богу говорить и действовать. В качестве примеров приводятся апостол Павел и Моисей.

Второе возражение (стк. 151–160), как и первое, ставит под сомнение способность души познать Бога, творящего в ее глубине, без образов. Это возражение Экхарт не опровергает, а подтверждает, что так оно и есть. Однако такое неведение приносит душе величайшую пользу, поскольку постоянно побуждает ее стремиться к чуду единения с Богом (стк. 157–160).

Пб. Вторая часть (стк. 161–191) второго пункта проповеди посвящена интерпретации выражения *verbum absconditum* в соответствии с тем, чем слово является по своей природе: оно открывает то, что скрыто. Однако с *verbum Dei* дело обстоит иначе: Бог являет Себя как Слово, но то, чем это Слово является, остается скрытым. Так, св. Павел указывал, что Слово лежало так глубоко внутри него, что его разум не мог до него добраться. Поэтому апостол должен был искать его внутри себя, а не вне себя (стк. 172–173).

В рамках третьего возражения (стк. 192–202) вымышленный оппонент обвиняет Экхарта в желании изменить естественное движение души, поскольку природа души — постигать реальность с помощью органов чувств и когнитивных образов, а на большее она, якобы, не способна. Экхарт отвечает своему оппоненту, что многие мудрецы, исследовавшие природу души, так

и не добрались до сути. Поэтому многое должно было быть скрыто от них и оставаться неизвестным.

III. Третий и последний тезис проповеди касается пользы и плодов рождения Бога, или произнесения в душе *verbum absconditum*. Получаемое человеком знание выходит за пределы образов и мыслей, поэтому его можно назвать незнанием (*unwizzen*, стк. 209) или неведением (*unbekantheit*, стк. 210). Его преимущество в том, что оно отвлекает человека от всех познаваемых вещей, а также от него самого. Тот, кто остается тверд в этом, никогда больше не сможет быть отделен от Бога, не сможет также и совершить никакого греха (стк. 223).

В заключительной молитве говорится, что мы, слабые человеческие существа, можем, тем не менее, родиться «божественными» (*götlîch*, т.е., точнее, обоженными) в Боге (стк. 224–225).

Прежде чем приступить к анализу интересующих нас приставочных лексем в тексте S101, приведем отрывок из проповеди Q75, в котором процесс рождения Бога в душе описан наиболее концентрированно и емко:

Diu dritte minne (ist götlich), dar ane wir lernen sülñ, wie got êwîclîche **ûzgeborn** hât sînen eingebornen sun und gebirt in nû und êwîclîche, — sprichet ein meister —; und alsô liget er kindes als ein vrouwe, diu geborn hât, in einer ieglîchen guoten, **ûz gebrâhten** und **îngewonten** sêle. Disiu geburt ist sîn verstantnisse, diu êwîclîche ursprungen ist von sînem veterlîchen herzen, in dem er alle sîne wunne hât. Und allez, daz er geleisten mac, daz verzert er in der verstantnisse, diu sîn geburt ist, und er en suochet niht ûzer im. Alle sîne wunne hât er in sînem sune, und er enminnet niht wan sînen sun und allez, daz er in im vindet; wan der sun ist ein lieht, daz da êwîclîche geliuhtet hât in dem veterlîchen herzen. Suln wir dar in komen, sô müezen wir klimmen von natiurlichem liehte in daz lieht der gnade und dar inne wahsen in daz lieht, daz der sun selber ist. Dâ werden wir geminnet in dem sune von dem vater mit der minne, diu der heilige geist ist, diu dâ êwîclîche entsprungen ist und **ûzgeblüejet** ist ze siner êwigen geburt — daz ist diu dritte persône — und **ûzblüejende** ist von dem sune ze dem vater als ir beider minne (DW III: 299,15–300,31)⁶.

«Третья любовь (божественная), посредством которой мы должны познать, как Бог вечно **рожда**л **вовне** Своего едиnorodного Сына и рождает Его ныне и присно и во веки

⁶ Ср. также параллельные места: DW III: 299, прим. 1, 2; 300, прим. 1, 2.

веков — говорит один учитель — и поэтому Он, как женщина, которая родила, кладет ребенка в каждую добрую душу, от самой себя избавленную и [Богом] заполненную. Это рождение есть его (само)познание, вечное пробивание из глубин Его отцовского сердца, в котором он пребывает во всем своем блаженстве. И все, что Он может добыть, Он истрчивает в этом (само)познании, которое есть Его рождение, и Он не ищет ничего вне его. Все Его наслаждение — в Сыне, и Он не любит ничего, кроме Своего Сына и всего, что Он в Нем находит; ибо Сын — это свет, сияющий от вечности в отцовском сердце. Если мы хотим войти в него, то мы должны подняться от естественного света в свет благодати и там вырасти в свет, который есть Сам Сын. Там мы будем возлюблены Отцом в Сыне любовью, которая есть Святой Дух, вечно исходящий и **расцветающий** в Его вечном рождении: это третье лицо [св. Троицы] — и **расцветающее** от Сына к Отцу как любовь Их обоих».

Здесь уже представлены описания основного действия и процесса, выражаемого глаголом *gebenen*⁷ и соответствующим субстантивированным инфинитивом, а также существительным *verstantnisse* («познание»); названы главные участники процесса — Бог Отец, Бог Сын и Святой Дух, а также человеческая душа; определена связь между всеми участниками — любовь (*minne*); упомянуты предикаты Бога (свет, вечность, блаженство). В приведенном пассаже представлены также лексемы с префиксами *ûz-* и *în-*, которые не встречаются в проповеди S101: глагол *ûzgebenen*; причастия *ûzgeblüejet*, *ûzblüejende* (определения к «любви», *minne*); причастия *ûzgebrâht* und *îngewont* (определения к «душе», *sêle*). Заданная Экхартом «матрица» описания процесса таинственного рождения Бога в душе может разворачиваться и обогащаться новой образной лексикой практически бесконечно — по всем правилам построения проповедей и риторического искусства расширения (*dilatatio*) текста.

(1) Dar umbe muoz sich diu sêle, in der disiu gehurt geschehen sol, gar lûter halten und gar adellîche leben und gar eine und gar inne, niht **ûzloufen** durch die vûnf sinne **in manicvalticheit der**

⁷ Связь языковой метафоры *gebenen* с рядом поэтических образов, а также роль семантики «рождения» в интерпретации богословского и философского содержания у Экхарта на тему богорождения подробно рассматривается М. Эгердингом: Egerding 1997: 219–229.

crêatûren, mêt: alles inne sîn und ein sîn; und in dem lûtersten dâ ist sîn stat, im versmâhet iht minners (DW IV, 1: 339, 25–340, 22) .

«Поэтому душа, в которой должно произойти сие рождение, должна сохранять себя абсолютно чистой и жить всецело благородно, всецело собранной воедино и всецело внутри, не **выбегая** через пять чувств к множественности созданий; более того: быть всецело внутри и быть единой; и в наибольшей чистоте — там Его место, все низшее несообразно Ему».

Глагол *ûzloufen* («выбегать») используется с объектом в accusative: в приведенном контексте он означает негативное действие, связанное с отвлечением души от глубинного созерцания Бога к познанию внешних, т. е. тварных вещей. В качестве ближайшего контекста выступают наречные компоненты инфинитивных групп со значением «быть внутри», «быть единой» (*inne sîn und ein sîn*).

В сходном по содержанию месте проповеди Q12 (DW IV, 1: 340, прим. 14) процесс познания божественной мудрости так же связан с пребыванием души «внутри (себя)», «дома», в «единстве» и обозначается теми же самыми инфинитивными группами (*inne sîn und sol da heime sîn und sol ein sîn*). Глагол *ûzloufen* при этом не используется:

(1a) Swer die êwige wîsheit des vaters hœren sol, der sol inne sîn und sol dâ heime sîn und sol ein sîn, so mac er hœren die êwige wîsheit des vaters... (DW I, S.192,9–11).

«Кто должен услышать вечную Мудрость Отцову, тому надлежит быть внутри и надлежит быть в дому и надлежит быть единым, и тогда он сможет услышать вечную Мудрость Отца» — перевод М. Ю. Реутина: МЭ, 126–127.

В другом параллельном месте (проповедь Q10) предикат *inne sîn* также представляет собой смысловое ядро ближайшего контекста для глагола *ûzgân*⁸ («выходить») — ближайшего синонима глагола *ûzloufen*. Кроме того, в качестве пояснения к *inne* используется субстантивированное прилагательное в превосходной степени, образованное от того же корня (*daz innerste*).

(1b) Nû sprichet er: „er ist inne vunden“. Daz ist **inne**, daz dâ wonet in dem grunde der sêle, im innersten der sêle, in

⁸ См. примеры употребления глагольных метафор *ûzgân* и *îngân* вместе с производными от них именами у Экхарта и их сочетаемость в ближайших контекстах: Eggerding 1997: 204–207.

vernünfticheit und **engât niht ûz** und ensihet niht ûf kein dinc. (DW I, S.173,10–12).

«И вот говорится: «Он оказался внутри (себя) праведным». То — внутри, что живет в основе души, в сокровенном души, в разуме и **не выходит наружу** и не взирает ни на единую вещь» (перевод М. Ю. Реутина: МЭ, 123).

В проповеди Q38 рождение Бога в душе описывается как произнесение Слова (Логоса), также в глубинах души. Здесь мы встречаем те же наречия *inne* (*dâ... inne*) и его дериват *daz innerste*, а в качестве еще одного синонима для обозначения потаенного места в глубине души используется однокоренное наречие *inwendic* («с внутренней стороны»). Глаголы с приставкой *ûz-* в этом контексте отсутствуют:

(1c): Alsô wirt daz êwige wort gesprochen inwendic in dem herzen der sêle, in dem innersten, in dem lûtersten, in dem houbete der sêle, dâ ich nû von sprach, in vernünfticheit: dâ geschihet diu geburt inne (DW II, S.229,4–230,1).

«Так вечное Слово произносится внутри, в сердце души, в самом сокровенном, в самом светлом, в голове души — о чем я недавно говорил, — в разуме: там внутри происходит рождение».

В следующем параллельном месте из проповеди Q69, в котором говорится о душе как месте обитания Бога, встречается уже отмеченное наречие *inne* и субстантивированное прилагательное *daz allerinnigeste*, являющееся еще одним аффиксальным дериватом от того же корня — так же при отсутствии интересующих нас глаголов на *ûz-*:

(1d) Got ist ein solch wesen, daz alwege wonet **in dem allerinnigesten**. Dar umbe vernünfticheit ist alwege inne suochende... (DW III, S.174,5f.).

«Бог — это такая сущность, которая постоянно живет в самом сокровенном. Поэтому разум постоянно ищет внутри...».

В еще одном параллельном месте в проповеди Q34 (DW IV,1: 340, прим. 15) используется глагол *ûzgân*, образно (имеется в виду «выходить из дома на прогулку») обозначающий то же самое отвлечение души от пребывания внутри себя. В роли его контекстуального синонима выступает глагол *ûzluogen* (в форме активного причастия *ûzluogende*) — «выглядывать». Обоим глаголам противопоставлены инфинитивные группы *dâ heime sîn* («быть дома»), два варианта предложной группы *in*

irm innigesten / in unserm innigesten с уже знакомым дериватом от inne (в синтаксической роли обстоятельства места). В качестве прямого антонима к причастию ûzluogende используется композитное причастие inneblîbende с inne в роли определяющего компонента композита:

(1e) Von nôt muoz diu sêle lâzen alle sorge, diu sich vrôuwen sol in dem herren, doch ze dem minsten in der stunde, sô si sich ze gote vûeget. Dar umbe sprichet er: ‘ensorget niht; der herre ist hie bî iu nâhe!’, daz ist: in unserm innigesten, ob er uns da heime vindet und niht diu sêle **ûzgegangen** enist sponzieren mit den vûnf sinnen. Diu sêle muoz dâ heime sîn in irm innigesten und in dem hœhsten und in irm lûtersten und allez inneblîbende und niht **ûzluogende**; dâ ‘ist got bî und got ist nâhe’. (DW II, S. 163, 3–164,4)

(«По необходимости, душа, которая хочет радоваться в Господе, должна оставить всякие заботы, по крайней мере, в тот час, когда она прилепляется к Богу. Поэтому Он говорит: “Не тревожьтесь; Господь здесь, рядом с вами”, то есть в нашем сокровенном, если только Он застаёт нас дома и душа не **вышла**, чтобы погулять с пятью чувствами. Душа должна быть дома в своем сокровенном, в самом высоком и чистом, и постоянно пребывать внутри, и не **выглядывать наружу**; там “Бог здесь, и Бог рядом”»).

(2) Daz ander teil dirre predige ist, wie sich der mensche ze disem werke sülle halten oder ze disem **însprechenne oder geberne**... (DW IV,1: 340,23–24).

«Другая часть этой проповеди [говорит о том], как должен человек вести себя по отношению к этому труду или же к этому **внедрению Слова**, или рождению...».

В качестве синонима для отглагольного имени «рождения» Бога в душе используется тоже именная (герундивная) форма însprechenne от глагола însprechen — дословно: «говорение внутрь». Разумеется, это метафора для образного выражения идеи воплощения Логоса.

(3) Ich wil iu dise rede bewæren mit natiurlichen reden, daz ir ez selber möhtet grîfen, daz ez alsô ist, wie ich doch der schrift mê gloube dan mir selber. Aber ez **gât** iu mê **în** und baz von bewærter rede. (DW IV,1: 342,33–35)

«Я хочу подкрепить для вас это высказывание [Свящ. Писания] естественным рассуждением, чтобы вы сами смогли убедиться в том, что это так, — хотя я верю Писанию больше,

чем себе. Но это **войдет** в вас **глубже** и лучше через доказательное рассуждение».

Здесь глагол *îngân* (с дистантным употреблением префикса) характеризует проникновение смысла Писания в сознание слушателя проповеди Экхарта. Понимание речи проповедника, толкующего смысл Слова Божьего как Писания, соотнесено с процессом богопознания, описываемого в других местах как вхождение в душу самого Бога–Слова. Эта соотнесенность становится очевидной при сравнении с близким по смыслу местом из трактата «Об отрешенности» (см. DW IV, 1: 342, прим. 19):

(3a): Daz aber abegescheidenheit nihtes niht enpfenclich sî dan gotes, daz bewære ich dâ mite: wan swaz enpfangen werden sol, daz muoz eteswar **în** enpfangen werden... (VAb, DW V, S. 404,1–3)

«То, что отрешенность ни к чему, кроме Бога, не восприимчива, докажу я так: что должно быть воспринято, то должно быть во что-то внутри воспринято» — перевод М.Ю. Реутина: МЭ, 7–75.

Само действие восприятия Бога через отрешенность выражено пассивной формой глагола *enpfangen* (*enpfangen werden*), однако компонент *în* в этом предложении также присутствует — но в виде направительного наречия со значением «внутри».

(4) Nu nemen wir daz erste wort, daz er sprichet: ‘enmitten in dem swîgenne **wart** mir **îngesprochen** ein verborgen wort’. Ach, herre, wâ ist daz swîgen und wâ ist diu stat, dâ diz wort **îngesprochen wirt**? (DW IV,1: 343, 36–38).

«Теперь мы возьмем первое слово, которое он говорит: “Среди безмолвия было мне сказано/внушено сокровенное слово.” Ах, Господи, где же тишина и где то место, в котором произносится это слово?».

Здесь используется тот же глагол *însprechen*, что и в примере (2), — причем в схожем по общему смыслу контексте. Интересная модификация этого глагола встречается в близком по смыслу месте проповеди Q43 (см. DW IV,1: 343, прим. 23): *dâ got însprechen mûge*, где *în* выступает в роли дистантного компонента направительного наречия *da...în* при глаголе *gesprechen*. Далее, ответная реакция души на вложенное в нее божественное Слово описывается как *ûzbruch von der sêle*

(ûzbruch — безаффиксальный дериват от глагола ûzbrechen «извергать»)⁹:

(4a) Diu sêle enhat niht, dâ got **în gesprechen** mûge, dan vernûnfticheit ... Vernûnfticheit, in der ist man alzemale junc: ie man mê wûrkende ist in der kraft, ie nâher man sîner geburt ist. Daz ist junc, daz sîner geburt nâhe ist. Der erste **ûzbruch** von der sêle ist vernûnfticheit, dar nâch wille, dar nâch alle die andern krefte. (DW II: 322,7–324,5).

«В душе нет ничего, к чему Бог мог бы обращаться с речью, кроме разума. [...] В разуме человек совершенно “молод”: чем больше он трудится в этой силе, тем ближе он к своему рождению. Но “молодо” то, что близко к своему рождению. Первое **извержение** души — это разум, за ним следует воля, а затем все остальные силы [души]».

(5) Allez ir **ûzwûrken** haftet iemer an etwaz mittels. Diu kraft des sehennes enwûrket niht dan durch diu ougen, anders enmac si enkeine wîs gesehen wûrken noch geben. Und alsô ist ez mit allen andern sinnen: allez ir **ûzwûrken** wûrket si durch etwaz mittels (DW IV,1: 344, 45–48).

«Всё ее внешние действие всегда привязано к чему-то опосредующему. Зрительная сила [души] действует только лишь через глаза, иначе она не может никоим образом ни творить, ни даровать зрение. И так же обстоит дело со всеми остальными органами чувств: она [душа] выполняет все свои внешние действия через нечто опосредующее».

Здесь дважды повторяется субстантивированный инфинитив **ûzwûrken**, описывающий деятельность души и ее «сил». Все действия души направлены вовне, причем эта деятельность требует какого-то опосредующего инструмента — например, зрения. Эта направленность к внешнему, тварному миру, противоположна движению души внутрь себя, где она может встретиться с Богом.

(6) Die crêatûren enmûgen niht in den grunt der sêle. Sie mûezen hie **ûze blîben** in den kreften. Dâ sihet si wol ir bilde ane, dâ mite si **îngezogen ist** und herberge hât enpfangen. Wan swenne die krefte der sêle rüerent die crêatûren, sô nement sie und schepfent

⁹ О функционировании и сочетаемости обеих лексем как метафоры «извержения» у Экхарта см.: Egerding 1997: 129–133.

bilde und glîchnisse von den crêatûren und ziehent die in sich. Und von dem sô bekennent sie die crêatûren. Niht nâher enmac diu crêatûre komen in die sêle, noch niemer engenâhete diu sêle keiner crêatûre, si enhæte des ersten willicfliche ir bilde in sich enpfangen. Von den gegenwertigen bilden sô nâhet si sich den crêatûren — wan bilde ist ein dinc, daz diu sêle schepfet mit den kreften von den dingen, ez sî ein stein, eine rôse, ein mensche oder swaz ez sî, daz si bekennen wil —, sô nimet si daz bilde her vûr, daz si vor **îngezogen** hat, und alsô mac si sich mit in vereinen. (DW IV,1: 346,54 — 347,63).

«Творения не могут проникнуть в глубину / на дно души. Они вынуждены **оставаться снаружи** в силах [души]. Там [на дне] она [душа] видит свой образ, через который она **проникла внутрь** и получила убежище. Ибо когда силы души соприкасаются с творениями, они берут и черпают образы и подобию творений и **втягивают их в себя**. И таким образом они познают творения. Творение не может подобраться ближе к душе, подобно тому, как и душа никогда не приближалась ни к одному творению, если только сначала сама не **приняла в себя** его образ добровольно. Через эти наблюдаемые образы она [душа] приближается к творениям; ибо образ есть нечто, что душа черпает своими силами из вещей, — будь то камень, роза, человек или что бы то ни было, что она хочет познать, — она вызывает образ, который она до того уже **восприняла**, и таким образом может с ними [объектами познания] объединиться».

При описании обратного вектора перемещения души (направленного вглубь себя) используется глагол *înziehen* как непереходный глагол движения¹⁰. Этот же глагол встречается далее, но уже как переходный, и обозначает действие, направленное от души (логического субъекта) на образы творений (логический объект). Также используется его семантический аналог виде глагольной группы *in sich ziehen* и синонимичного глагола *in sich enpfangen*. Противоположное состояние — пребывание во внешнем мир — выражается с помощью глагола *blîben* с наречием *ûze*.

Еще один приставочный глагол с *în*, который обозначает действие, направленное на объект познания души, — *întragen* (в пассивной форме *îngetragen werden*): «вносить» («быть вноси-

¹⁰ Ср. Egerding 1997: 736–739.

мым», «вноситься»¹¹, — встречается в параллельном месте из проповеди Q36b (см. DW IV,1: 347, прим. 35):

(6a) Aber in dem obersten wûrket diu vernûnfticheit âne zuonemunge von lîplichen dîngen. Ez sprichet ein grôz meister: allez, daz **îngetragen wirt** ze den sinnen, daz enkumet niht ze der sêle noch in die oberste kraft der sêle. (DW II, S. 202, 3–6)

«Но в [своей] высшей части разум действует без добавления плотских вещей. Один великий учитель говорит: всё, что **вносится** через органы чувств, не входит ни в душу, ни в высшую силу души».

В другом близком по смыслу месте из проповеди Q71, где развивается тема познания внешних вещей через их запечатление органами чувств, встречаются в одном общем контексте глагольные и отглагольные именные образования с обоими префиксами *în-* и *ûz-* (включая прилагательное от наречия *ûzze*): *învallen* (дважды), *îndruk*, *ûzwendic*, *ûzerlich*:

(6b) Ez sprechent unser meister: swer iht bekennet von **ûzerlichen** dîngen, dâ muoz etwaz **învallen**, ze dem minsten ein **îndruk**. Sô ich ein bilde wil nemen bî einem dînge, als von einem steine, sô ziuhe ich daz allergrôbeste in mich; daz ziuhe ich ûzwendic abe. Als ez aber in mîner sêle grunde ist, dâ ist ez an dem hœhsten und an dem edelsten; dâ enist ez niht wan ein bilde. Swaz mîn sêle von **ûzwendic** bekennet, dâ **vellet** etwaz vremdes **în**; swaz ich crêatûren in gote bekenne, dâ envellet niht in wan got aleine, wan in gote enist niht wan got. (DW III, S. 225, 5–12).

«Наши учителя утверждают, кто постигает что-то из **внешних** вещей, в того должно нечто **запасть**, по меньшей мере, какое-то **впечатление**. Если я хочу получить образ предмета, скажем, камня, то вбираю в себя самое грубое; его я вбираю **извне**. Когда же оно пребывает в основании моей души, то существует высочайшим и благороднейшим образом, и оно — не что иное, как образ. Когда моя душа постигает что-то **извне**, в нее попадает нечто чужое. Когда же я постигну творения в Боге, то внутри меня **ничего не проникнет**, ибо в Боге нет ничего, кроме Бога. Постигая в Боге творения, я постигаю (их как) ничто. Он (Павел) видел Бога, в Котором все творения суть ничто» (перевод М.Ю. Реутина: МЭ, 184)

¹¹ Cp. Egerding 1997: 570.

В проповеди Q70 при разработке той же темы дважды используется уже знакомое отглагольное существительное *îndruk* («отпечаток»)¹², соотношенное с предложной группой *ûzer ir*, выполняющей синтаксическую роль предикатива:

(6c) Der lîp enpfæhet wol vremden **îndruk**, und diu sêle enpfæhet ouch wol vremden **îndruk**, die wîle si wûrket in dem lîbe. Sol diu sêle iht erkennen, daz ûzer ir ist, als einen engel, swie lûter daz sî, daz muoz si tuon mit einem kleinen bildelîne âne bilde (DW III, S. 194, 3–7).

«Тело, конечно, получает чужой отпечаток, и душа тоже получает чужой отпечаток, пока она действует в теле. Если душа хочет познать что-то вне себя — например, ангела или что-то еще более чистое, то она должна сделать это с помощью “маленького образа” без образа».

(7) Swenne aber der mensche also ein bilde enpfæhet, daz muoz von nôt **komen von ûzwendic î**n durch die sinne. Und dar umbe sô enist der sêle kein dinc als unbekant als si ir selber. Alsô spricht ein meister, daz diu sêle kein bilde von ir selber geschepfen enmac noch gewûrken. Dar umbe enmac si sich selber mit nihte bekennen, wan bilde **koment** alles **î**n durch die sinne. Des enmac si kein bilde von ir selber gehaben. (DW IV,1: 348,64–67)

«Но если человек получает образ таким образом, то он [образ] обязательно должен **войти извне вовнутрь** через органы чувств. Поэтому ничто не является для души столь же неизвестным, как она сама. Так, один учитель говорит, что душа не может ни создать, ни соделать образ самой себя. Именно поэтому она не может познать себя никак: ибо образы **входят** только через органы чувств. Потому-то и не может она иметь никакого образа самой себя».

Здесь дважды употребленный глагол *înkomen*, выражающий идею движения внутрь, напрямую соотносен с идеей начала движения извне, представленной предложной группой *von ûzwendic* (в некоторых рукописях вместо наречия *ûzwendic* стоит *vssen/auszen* — см. аппарат к строке: 348,64) в роли обстоятельства места.

¹² Об этой метафоре в языке немецкой средневековой мистики см.: Lüers 1926: 202–202; о сочетаемости и контекстах метафорического употребления существительного *îndruk* и глагола *îndrücken* у Экхарта см.: Egerding 1997: 188–189.

(8) Der mensehe hât vil mittels in sînen **ûzwendigen** werken (DW IV,1: 349, 74–75).

«Человек имеет много опосредующего в своих **внешних** делах».

В этом месте представлен пример использования *ûzwendig* как прилагательного в роли определения к существительному *werke*: речь идет о внешней, материальной стороне деятельности человека.

(9) Got wûrket in der sêle âne alle mittel, bilde oder glîchnisse, jâ, in dem grunde, dâ nie bilde **înkam** dan er selber mit sînem eigenen wesene (DW IV,1: 350, 82–83).

«Бог действует в душе без всяких опосредований, образов или подобий, поистине, в глубине, куда никогда **не проникал** никакой образ, только Он сам своей собственной сущностью»

Проникновение, вхождение Бога в душу человека передано глаголом *înkomen*. В параллельном месте из проповеди Q71 (см. DW IV, 1: 350, прим. 43) используется близкий по значению глагол *îngevallen*:

(9a) Suln wir got bekennen, daz muoz geschehen sunder mittel; dâ enkan niht vremdes **îngevallen**. (DW III, S. 227,2 f.)

«Если нам суждено познать Бога, то это случится непосредственным образом; сюда не сможет попасть чего-либо чуждого» (перевод М. Ю. Реутина: МЭ, 184).

(10) Sehet, got der vater hat ein volkomen **însehen** in sich selber und ein abgründic durchkennen sîn selbes mit im selber, niht mit keinem bilde. (DW IV,1: 350,87–351,89)

«Глядите, Бог Отец имеет совершенный взгляд внутрь Себя и глубинное познание Себя самого через Себя, а не через какой-либо образ».

Субстантивированный инфинитив *însehen* (in sich selber) означает здесь процесс духовной интроспекции.

(11) Und sît daz man kein bilde enhât dan von dem, daz **ûzwendic ist** und durch die sinne **îngezogen wirt** von den créâtûren; und wîset ouch alles dâ hine, des bilde ez ist, so wære daz unmügelich, daz dû iemer möhtest sælic werden von keinem bilde. (DW IV,1: 353,102–104)

«И поскольку человек обладает образом того лишь только, что является внешним и воспринимается творениями через органы чувств; и поскольку он также всегда указывает на того,

чьим образом он является, то было бы невозможно, чтобы ты когда-либо стал блаженным благодаря какому-либо образу».

Здесь внешние характеристики тварного мира описываются двумя предикатами: во-первых, творение является внешним — *ûzwendic ist*, а во-вторых, оно посредством органов чувств «втягивается» (*îngezogen wirt*), т. е. *воспринимается* другими творениями. Так намечается вектор движения от внешнего к внутреннему.

(12) Daz ander ist: waz dem menschen gehœre sînes werkes her zuo ze wûrkenne, da mite er erwerbe und verdiene, daz disiu geburt in im geschehe und volbrâht werde; ob daz iht bezzer sî, daz der mensche etwaz sînes werkes dar zuo tuo, als ein **înbilden** und ein gedenken an got, oder daz der mensche sich halte in einem swîgenne, in einer stille und ruowe und lâze got in im sprechen und wûrken, und warte er aleine gotes werke in im. (DW IV,1: 354,7–11).

«Второй вопрос: какое из дел полагается сделать человеку, чтобы снискать и заслужить, чтобы это рождение произошло и свершилось в нем? Не лучше ли, чтобы человек сделал для этого что-то своими собственными усилиями — например, **вообразил себе** и вспомнил Бога — или чтобы человек хранил молчание, в тишине и покое, и позволил бы Богу говорить и действовать в себе, и ждал бы только действия Бога в себе?».

Субстантивированный инфинитив *înbilden* поставлен здесь в общий синонимический ряд с *gedenken* — размышлением, памятью о Боге — и представляет собой языковую метафору воображения как запечатления образа в уме.

(13) Dô hâte der geist alle die krefte alsô gar in sich gezogen, daz im des lîchamen was vergezzen. Dô enworhte weder gehugnisse noch verstantnisse noch sinne noch ouch die krefte, die irn **învluz** in der wîse solten haben, daz sie den lîchamen solten vuoren und zieren. (DW IV,1: 356,126–128)

«Тогда дух настолько полностью поглотил все его силы, что он забыл о теле. Тогда уже не действовали ни память, ни разум, ни чувства, ни даже силы [души], которые должны были оказывать **влияние** в том смысле, что они направляли бы и украшали тело».

Речь идет о видении апостола Павла на пути в Дамаск. Духовное созерцание Бога представлено как действие одухотворенного сознания, «втягивающего» (*in sich ziehen*) в себя силы

души. Обычная же деятельность сил души, направленная на поддержание тела, описывается девербативом *învluז* («вливание», «воздействие»)¹³.

(14) *Alsô solte der mensehe entwîhen allen sinnen und înkereu alle sîne krefte und komeu iu eu vergezzeu aller dinge und sîn selbes. Hie von sprach eu meisteu ze der sêle: entziuch dich von der unruowe **ûzwendiger** werke. Dar nach: vliuch und verbirc dich vor dem gestûrme **înwendiger** gedanke, wan sie unvrîde machent.* (DW IV,1: 357,131–134)

«Итак, человек должен отрешиться от всех своих чувств и **обратить** все свои силы **вовнутрь** и прийти в забвение всех вещей и самого себя. Вот почему один учитель обратился к душе: отстранись от суеты **внешних** дел! Далее: беги и прячься от бури **внутренних** мыслей, ибо они порождают разлад!».

Как и в предыдущем примере (13), условием богопознания для человека выступает перенаправление деятельности сил души вовнутрь человеческого сознания — *înkereu*. Он также должен отрешиться (*sich entziehen*) от «внешних дел» (*ûzwendiger werke*) и «внутренних мыслей» (*înwendiger gedanke*). Для логики Экхарта характерно, что само наличие внутренних размышлений оценивается, с точки зрения пути к богопознанию, так же негативно, как и привязанность к внешним (мирским, материальным) делам.

(15) *Got wûrket âne mittel und âne bilde. Ie mê dû âne bilde bist, ie mê du sînes **înwûrkennes** enpfenclicher bist, und ie mê **îngekeret** und vergezzener, ie mê disem nâher.* (DW IV,1: 359,143–145).

«Бог трудится без инструмента и без образа. Чем долее ты лишен образа, тем более ты восприимчивее к его воздействию, и чем больше ты обращен внутрь и чем больше забыт [самим собою], тем ближе ты к нему».

Здесь использовано отглагольное имя (герундий) *înwûrkenne* и страдательное причастие от глагола *înkereu*. Первая из этих лексем характеризует активное действие Бога, направленное непосредственно внутрь человеческой души, а вторая — свойство человека, готового воспринять Бога, — а именно, обращенность внутрь себя.

¹³ Ср. Egerding 1997: 638–639.

(16) Dô er in den dritten himel gezucket wart in die kuntschaft gotes und gesehen hâte alliu dinc und dô er wider kam, dô enwas ez im nihtes niht vergezzen. Mêr: ez was im sô verre inne in dem grunde, dar sine vernunft niht **înkomen** enmohte. Ez was im bedeket. Dâ von muoste er nâchloufen und ez ervolgen in im, niht ûzer im. Ez ist zemâle inne, niht ûze, mêr: alles inne. (DW IV,1: 362,170–363,174).

«Когда он был вознесен на третье небо в созерцание Божие и видел всё, то, придя опять, ничего не забыл; напротив, это было так глубоко внутри на дне [души], куда разум его не мог **войти**. Это было скрыто от него. Поэтому он должен был бежать за этим и настичь его внутри себя, а не вне себя. Оно полностью внутри, не вне, а напротив: полностью внутри».

Глагол *înkomen* («войти») относится здесь к активности человеческого разума — в данном случае, не способного проникнуть в глубину души даже у апостола Павла. Это можно сделать, только находясь мысленно внутри, а не вне себя. Эта антитеза внутренней и внешней активности ума выражена как предложными группами с предлогами *in* и *ûzer*, так и антонимичными наречиями места *inne* и *ûze*.

В параллельном месте из «Речей наставления» (см. DW IV,1: 362, прим. 76) состояние апостола Павла, находившегося трое чуюток без чувств и в то же время достигшего духом «третьего неба» (2 Кор. 12:4), обозначается точным переводом латинского слова *raptus* — *înzucke* (восхищение), т.е. вознесение духа:

(16a): Als ich mêr gesprochen hân: wære der mensche alsô in einem **înzucke**, als sant Paulus was, und weste einen siechen menschen, der eines suppelîns von im bedôrfte, ich ahtete verre bezzer, daz dû liezest von minne von dem und dientest dem dûrftigen in mêrer minne. (DW V, S. 221,4–8)

«Как я много раз говорил, окажись человек в **восхищении**, как это было со святым Павлом, и знай он немощного человека, который нуждается в помощи от него, то я сочту много лучшим, если бы ты из любви от восхищения отказался и послужил нуждающемуся в большей любви» (Пер. М.Ю. Реутина: МЭ, 16).

(17) Diz meinte ouch diu minnende sêle, dô si sprach: ‘mîn sêle zersmalz und zervlôz, dô der liebe sin wort sprach’. Dô er **îngienc**, dô muoste ich abenemen. (DW IV,1: 364,186–188)

«Это имела также в виду любящая душа, когда говорила: «Душа моя таяла и плавилась, когда возлюбленный говорил свое слово» (Песн. П. 5,6: *Anima mea liquefacta est, ut locutus est*); когда он вошел, я должна была умалиться».

В этом месте снова используется глагол *îngân* («входить»), который обозначает действие Жениха из «Песни Песней», входящего в покои к Невесте. Этот образ аллегорически истолковывается как вхождение Бога в глубины души, где происходит мистический акт нового рождения Бога. Для того, чтобы это произошло, душа должна «самоумалиться» (*abenemen*) и уступить место Богу.

(18) *Alle die wârheit, die alle meister ie gelêrten mit irer eigen vernunft und verstantnisse oder iemer mê suln biz an den jûngesten tac, die enverstuonden nie daz allerminste in disem wizenne und in disem grunde. Swie daz ez doch ein unwizzen heize und ein unbekantheit, sô hât ez doch mê inne dan allez wizzen und bekennen **ûzwendic** disem (DW IV,1: 366, 207–210)*

«Всю истину, которой все учителя когда-либо обучали или будут обучать их собственным разумением и пониманием вплоть до Судного дня, они так и не поняли и самой малости в этом знании и в этом основании. И пусть бы это называлось незнанием и непознанностью, а всё же это содержит в себе больше, чем всё знание и познание с **внешней** его стороны...».

Речь идет об «ученом незнании», которое противопоставляется познанию внешнему — *ûzwendic*.

(19) *Daz meinte Kristus, dô er sprach: ‘wer sich sîn selbes niht enverlougent und niht enlæzet vater und muoter und allez daz **ûzerlich ist**, der enist mîn niht wert’. Er wil sprechen: wer niht enlæzet alle **ûzwendicheit** der crêatûren, der enmac in dise götliche geburt weder enpfangen noch geboren werden. Mêr: daz dû dich dîn selbes beroubest und alles des, daz **ûzerlich ist**, daz gibet ez dir in der wârheit. (DW IV,1: 367, 212–216)*

«Именно это имел в виду Христос, когда говорил: «Кто не отвергнет себя, не оставив отца и матери и всего внешнего, не достоин Меня» (ср. Мф. 10, 37–38), как если бы Он сказал: “Кто не оставит всего **внешнего**, тот не может ни быть зачатым, ни рожденным в это божественное рождение”. И наоборот: то, чего ты лишишь себя самого, и всё то, что внешнее, — это Он даст тебе в истине».

Богопознанию, представляемому как процесс таинственного зачатия и рождения Бога в душе, в продолжение темы примера (18), противопоставляется привязанность человека к внешнему миру (*allez daz ûzerlich ist*; выражение употреблено дважды) и внешней стороне творений — *ûzwendicheit*.

Итак, нами были выявлены следующие дериваты с отделяемыми приставками *în-* и *ûz-*:

1) глаголы (в том числе отглагольные образования в виде причастий, герундиев и субстантивированных инфинитивов):

а) *îngân*, *înkomen*, *înziehen*, *înkeren*, *însehen*, *însprechen*, *înbilden*;

б) *ûzloufen*, *ûzwürken*;

2) существительные:

а) *înluz*,

б) *ûzwendicheit*;

3) прилагательные:

а) *înwendig*;

б) *ûzwendig(/c)*;

4) наречия: *ûzwendig(/c)*.

В параллельных, т. е. близких по смыслу местах из некоторых других немецких проповедей и трактатов Мейстера Экхарт, представлены также глаголы *ûzgebenen* и *întragen*, *învallen/îngevallen*, причастия *ûzgeblüejet*, *ûzblüejende*, *ûzgebrâht* и *îngewont*, а также отглагольные существительные *îndruk*, *înzucke*, *ûzbruch*.

Перечисленные лексические единицы распределяются по тексту проповеди S101 вполне равномерно и могут быть разнесены по 19 микротекстам, позволяющим проанализировать ближайшие контексты, в которых рассматриваемые лексемы употреблены. Распределение дериватов по микротекстам с учетом релевантной контекстуальной лексики, включая параллельные места из других текстов Экхарта, выглядит следующим образом:

(1) *ûzloufen* / (*inne sîn und ein sîn*):

(1a) Ø / (*inne sîn [...] und ein sîn*)

(1b) *ûzloufen* / (*daz innerste*)

(1c) Ø / (*in dem innersten*; *Adv. inwendig*; *dâ [...] inne*)

(1d) Ø / (*in dem allerinnigsten*; *inne*)

(1e) *ûzgân*; **ûzluogen* (*ûzluogende*) / (*in irm ~ unserm innigsten*; *inneblîbende*)

- (2)*însprechen (însprechenne);
 (3) îngân:
 (3a) Ø / (eteswar îns enpfangen werden)
 (4) însprechen_{Pass.} (2 паза, в пассиве):
 (4a) (dâ [...] îns gesprechen) / ûzbruch
 (5) ûzwürken_{Subst.} / înziehen_{trans.} / (in sich enpfangen);
 (6) înziehen_{intrans.} / înziehen_{trans.} / (in sich ziehen; in sich enpfangen) /
 (ûze blîben):
 (6a) întrogen_{Pass.}
 (6b) învallen (2 паза) / îndruk / ûzwendic_{Adj.} + Adv. / (ûzerlich_{Adj.})
 (6c) îndruk (2 паза) / (ûzer ir sîn)
 (7) înkomen (2 паза) / ûzwendic_{Adv.};
 (8) ûzwendig_{Adj.};
 (9) înkomen;
 (9a) îngevallen
 (10) însehen;
 (11) înziehen_{Pass.} / ûzwendic_{Adj.};
 (12) înbilden_{Subst.};
 (13) învluz / (in sich ziehen);
 (14) înkeren / ûzwendig_{Adj.} / înwendig_{Adj.};
 (15) *înwürken (înwürkenne) / *înkeren (îngekeret);
 (16) înkomen / (gezucket werden in + Obj.Akk.) / (inne — 3 паза;
 ûze) / (in im; ûzer im):
 (16a) înzucke
 (17) îngân / (abenemen);
 (18) ûzwendic_{Adj.} / (inne);
 (19) ûzwendicheit / (ûzerlich — 2 паза).

Все эти языковые средства отражают комплекс значений, связанных с самопознанием и богопознанием праведной души, — процессами, которые описываются через языковую метафору движения, направленного внутрь и вовне духовного пространства человека. При этом образования с *îns*- получают хорошо заметную и устойчивую положительную коннотацию, а образования с *ûz*- — отрицательную¹⁴. Так описание процессов

¹⁴ Эххарт решает эту проблему, деля Бога начальной и одновременно конечной точкой процесса рождения, и проводит различие: “...got gebirt sich ûz im selben in sich selben und gebirt sich wider in sich.” («Бог рождает себя из себя Самого в себя Самого и рождает себя снова в себя», II 320,4). Передавая Сыну полноту своей божественности, Бог-Отец не теряет и Себя, ибо «sîn gebern daz ist sîn inneblîben... Ez blîbet

онтологического и гносеологического уровня получает этическую оценку (с точки зрения успешности либо безуспешности душевной работы) и переносится в область моральных советов, даваемых проповедником своей аудитории.

Литература

- МЭ — Mayster Eckhart, 2010: *Traktaty. Propovedi*. [Meister Eckhart. *Tractates. Sermones*]. Ed. By M. Yu. Reutin. Moscow: Nauka. Майстер Экхарт. *Трактаты. Проповеди* / Изд. подгот. М. Ю. Реутин. М.: Наука.
- DW — Meister Eckhart. *Die deutschen Werke*, Bd. 1–3 [*Predigten*] und Bd. 5 [*Traktate*] hg. von J. Quint, Stuttgart 1958–1976; Bd. 4,1 [*Predigten*] hg. von G. Steer unter Mitarbeit von W. Klimanek und F. Löser, Stuttgart 2003.
- Egerding, M. 1997: *Die Metaphorik der spätmittelalterlichen Mystik. Bd. 2. Bildspender — Bildempfänger — Kontexte. Dokumentation und Interpretation*. Paderborn; München; Wien; Zürich: F. Schöningh.
- Franzke, Ja. 2013: *Der Überlieferungskontext des Predigtzyklus ‚Von der ewigen Geburt‘ (Meister Eckhart)*. Masterarbeit. Augsburg.
- Guerizoli, R. 2006: *Die Verinnerlichung des Göttlichen. Eine Studie über den Gottesgeburtszyklus und die Armutspredigt Meister Eckharts, (Studien zur Geistesgeschichte des Mittelalters 88)*. Leiden [u.a.]: Brill.
- Lüers, G. 1926. *Die Sprache der deutschen Mystik im Werke der Mechthild von Magdeburg*. München: Verlag Ernst Reinhardt.
- MhdGr. III — Klein, Th., Solms, H.-J., Wegera, K.-P. (Hgg.) 2009: *Mittelhochdeutsche Grammatik, Teil III: Wortbildung*. Tübingen: Niemeyer.
- Mösch, C. F. 2006: *“Daz disiu geburt geschehe“. Meister Eckharts Predigtzyklus ‚Von der ewigen geburt‘ und Johannes Taulers Predigten zum Weihnachtsfestkreis*. Fribourg: Academic Press.
- Nix, U. 1963: *Der mystische Wortschatz Meister Eckharts im Lichte der energetischen Sprachbetrachtung*. Düsseldorf: Schwann.
- Reutin, M. Yu. 2011: *Misticheskoye bogosloviye Maystera Eckharta. Tradiciya platonovskogo “Parmenida” v epokhu pozdnego Srednevekovya* [Mystical Theology of Meister Eckhart. The Tradition of Plato’s ‘Parmenides’ in the Late Middle Ages]. Moscow: RGGU. Реутин, М.Ю., 2011: *Мистическое богословие Майстера Экхарта. Традиция платоновского «Парменида» в эпоху позднего Средневековья*. М.: РГГУ.

allez daz eine, daz in im selben quellende ist.” («Его рождения — это пребывание внутри»... (Egerding 1997: 221–222).

- Steer, G. 2000: Meister Eckharts Predigtzyklus von der ewigen geburt. Mutmaßungen über die Zeit seiner Entstehung. In: W. Haug, W. Schneider-Lastin (Hrsg.), *Deutsche Mystik im abendländischen Zusammenhang*. Tübingen: Niemeyer. S. 253–281.
- Steer, G. 1998: Predigt 101 'Dum medium silentium tenerent omnia'. In: *Lectura Eckhardi. Predigten Meister Eckharts von Fachgelehrten gelesen und gedeutet*. Bd. 1, hg. von G. Steer und L. Sturlese. Stuttgart, S. 247–288.
- Sturlese, L., Vinzent, M. (eds.). 2019: *Meister Eckhart, The German Works. 64 Homilies for the Liturgical Year. 1. De tempore. Introduction, Translation and Notes*. Leuven: Peeters.
- Weinhold, K. 1883: *Mittelhochdeutsche Grammatik*. 2. Ausg. Paderborn: F. Schöningh.

Н. В. Брагинская

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Москва, 1satissuperque@gmail.com

А. И. Шмаина-Великанова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва.
anna.shmaina@gmail.com

ДВЕ АЛЛЮЗИИ В ОДНОМ СТИХЕ: PASSIO PERPETUAE ET FELICITATIS: XII, 3

В статье рассматривается эпизод из пророческого сна, *Visio Saturi*, включенного в комплекс документов, под названием *Passio Perpetui et Felicitatis* (ок. 203 г. н. э.). В этом эпизоде Сатур, катехизатор группы молодых людей, вместе с ними осужденный на казнь, видит во сне свое собственное и Перпетуи посмертие. Выйдя из тел и попав в рай, мученики встречаются там с божественным существом, и Сатур описывает его облик: он огромен, сед, но лицо юное, при этом Сатур замечает, что ноги его не были видны. В статье предложены объяснения этих характеристик божества через обращение к двум пророческим книгам — Исаяи в версии Теодотиона и Даниила в версии Старогреческого перевода из папируса P.967 — II в. н. э.

Ключевые слова: Страсти Перпетуи и Фелицитаты, Видение Сатура аллюзии к Исаяя 6: 1–3 и Дан 7:13 в описании облика божества.

N. V. Braginskaya

National Research University “Higher School of Economics”. Moscow.
1satissuperque@gmail.com

A. I. Shmaina-Velikanova

Russian State University for the Humanities. Moscow.
anna.shmaina@gmail.com

Two allusions in one verse: Passio Perpetuae et Felicitatis: XII, 3

The article examines an episode from a prophetic dream, *Visio Saturi*, included in a collection of documents entitled *Passio Perpetuae et Felicitatis* (ca. 203 CE). In this episode, Satur, a catechist of a group of young people who is condemned to death along with them, sees his own and Perpetua’s posthumous existence. Leaving their bodies and arriving in paradise, the martyrs meet a divine being there, and Satur describes his appearance: he is enormous, grey-haired, but with a youthful face, and Satur notes that his feet are not visible. The article explains these characteristics of the deity by referring to two prophetic books: Isaiah in

the Theodotion version and Daniel in the ancient Greek translation from papyrus P.967 (II cent.).

Key words: *The Passions of Perpetua and Felicitas, Satur's Vision*, allusions to Isaiah 6:1–3 and Daniel 7:13 in the description of the deity's appearance

Статья посвящена двум библейским аллюзиям, сосредоточенным в одном стихе «Страстей Перпетуи, Фелицитаты и с ними пострадавших» (далее «Страсти»). В эту «мультитекстовую рукопись», как стали называть недавно подобные книги (Bausi, Friedrich, Maniaci 2019), на одном из этапов ее становления, как мы имеем основания полагать, было включено *Видение* Сатура¹, катехизатора арестованных катехуменов, к которым он добровольно присоединился позже и был казнен вместе с ними.

В написанном в тюрьме *Видении*, которое Сатур «издал», то есть передал на волю для распространения среди единоверцев, он описывает свой сон, в котором ему представилось, что происходит с ним и Перепуей после смерти. *Видение* начинается с того момента, когда «мы уже претерпели и вышли из плоти» (XI,2).

Посещение рая и иные встречи с Господом или ангелами составляют содержание апокалиптической литературы и литературы визионерской в собственном смысле — о видениях наяву, и о видениях, посылаемых во сне. Собственно первое сонное видение Перпетуи как раз таково: оно повествует о ее посещении рая, встрече с Господом, участии в небесной литургии и пробуждении ото сна в тюрьме (IV, 3–10). Однако описание при жизни своего загробного опыта, пережитого вместе с Перпетуей, похоже, уникально. Заметим, что церковная традиция отнеслась к этой уникальности с осторожностью. Поздние Акты, судя по числу рукописей (89) более распространенные, сохранили рассказ о Сатуре как мученике и участнике событий, но *Видения* его не включили. В этом *Видении* наше внимание остановили две детали: Сатур описывает встречу с Господом и уточняет: «ног его мы не видели». Что это? Почему? Зачем это сообщается?

В этом же стихе Сатур говорит, что «словно бы человек» был сед и юн лицом.

¹ Собственно «Сатир», но в карфагенском варианте написания этого имени.

Мы рассмотрим эти две детали облика «словно бы человека», усматривая в них аллюзии к ветхозаветным пророкам Исайе и Даниилу.

1. Исайа 6:1–3 версия Теодотиона.

Ангелы, доставившие Сатура и Перпетую на небеса в рай, велели войти в дом со стенами из света и приветствовать Dominum (XI, 10). Но Сатур не повторяет их слов, он пишет, что они с Перпетуей увидели *quasi hominem* — *словно бы человека*.

Quasi появляется здесь ожидаемо. В литературе откровений по-гречески в LXX и НЗ сходные выражения: «подобный Сыну человеческому» (ὅμοιον υἱὸν ἀνθρώπου, Откр 1:13, ср. Vulg: *similem*); «как бы подобие человека» (ὁμοίωμα ὡς εἶδος ἀνθρώπου, Иез 1:26², ср. Vulg: *quasi aspectus hominis*); «шел как бы Сын человеческий и как Ветхий днями предстал» (ὡς υἱὸς ἀνθρώπου ἦρχετο καὶ ὡς παλαιὸς ἡμερῶν παρῆν, Дан 7:13, ср. Vulg: *quasi filius hominis*)³.

В своих *Видениях* и Перпетуя не обошлась без этого «маркера правдивости». Дескать, называю, что видела, но видела такое, чего назвать не умею (см. IV, 7 (bis); 9, VII, 7; X, 8; 11). В рассказах о видениях, сновидениях, чудесном и небывалом такая модальность «объективности» рассказчика хорошо известна и в современном мире. Во сне Перпетуи (X, 8) *quasi lanista* тоже относилось к божественному существу, как следует из самого описания: «ланиста» был выше амфитеатра, и весь его облик, облачение, зеленая ветвь с золотыми яблоками в руке вместо трости или розги — зрелище, не имеющее имени в реальном мире. По логике всего происходящего так Перпетуе предстал Господь, за которого она билась с дьяволом, т. е. Христос.

Сатур тоже не раз использует этот маркер непредвзятого свидетельства и прибавляет *quasi* к своим характеристикам увиденного в посмертии (XI, 3; 5, XII, 1; 3, XIII, 7). И в описании «как бы человека» он еще раз использует этот прием.

² Слово ὡς ‘как бы’ встречается в первом видении Иезекииля больше десяти раз.

³ Перевод на русский из Даниила мы приводим не Синодальный, который здесь следует Масоретскому тексту (MT) и Теожотиону, а наш перевод Старогреческой версии LXX из папируса P.967 (II в. н. э.), содержащего среди прочего Книгу Даниила.

Мы приводим здесь латинский оригинал *Видения* и его греческий перевод, который датируем второй половиной или концом V в.

Там Сатур и Перпетуя услышали хор, точнее «единый глас» (vox unita), который беспрестанно (sine cessatione), повторял по-гречески трисагион: Agios, agios, agios (XII, 2).

Сатур добавляет, что «как бы человек» был сед, волосы его были «снежными», т. е. белы как снег, а лицо юное, «ног же его мы не увидели».

XII, 2–3 Et introivimus, et audivimus vocem unitam dicentem: “Agiос, agiос, agiос,” sine cessatione. Et vidimus in eodem loco sedentem quasi hominem canum, niveos habentem capillos et vultu iuvenili, cuius pedes non vidimus⁴.	И мы вошли и услышали хор, повторявший непрестанно: «Агиос, агиос, агиос». И увидели мы в том же месте восседавшего словно бы человека с седыми волосами: власы его белоснежны, а лик юн, ног же его мы не увидели⁵.

Это краткое описание встречи с божеством исполнено загадок. Вольфрам Кинциг обращает внимание на то, что не раскрыта «точная идентичность» (“precise identity”) божественного существа (Kinzig 2007, 200, п. 15). Мы также не уточняем при этом, кого именно видел в раю Сатур.

Действительно, здесь божество имеет человеческий облик, и его можно видеть. В роли сновидца Сатур не берет на себя внесение определенности в таинственное. Божество обладает ликом юноши и седыми власами старца. Почему это так, не поясняется. Вдобавок Сатур упоминает, что они с Перпетуей не видели его ног. Это последнее обстоятельство, насколько нам известно, не получило еще никакого объяснения и никакого, даже недоуменного, комментария.

Начнем с него.

Мы полагаем, что в этом стихе Сатур осознано или нет, опирался на тот образ, который он знал из Исайи 6:1-3 (и, вероятно еще из Откр 4:8). Принято считать, что начало 4-й главы Откровения основано на Исае. Эти тексты объединяет с нашим так называемый «трисагион», см. выше в XII, 2.

⁴ Латинские цитаты соответствует критическому изданию (Heffernan 2012: 104–124).

⁵ Перевод на русский язык приводится по изданию (Perevod 2024).

Казалось бы, Сатуру довольно Откровения, где есть не только трисагион, но и у престола четверо крылатых животных, восклицающих трисагион «без устали»; а у Сатура старцы кругом престола «без перерыва» (*sine cessatione*) зывали «свят, свят, свят». У Исайи же непрерывное повторение возгласов серафимов передается, как принято, самим троекратным повторением.

Отк 4:8 И каждое из четырех животных имело по шести крыл вокруг, а внутри они исполнены очей;	LXX καὶ τὰ τέσσαρα ζῷα, ἐν καθ' ἓν αὐτῶν ἔχων ἀνά πτέρυγας ἕξ, κυκλόθεν καὶ ἔσωθεν γέμουσιν ὀφθαλμῶν,	Ис 6:2 Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лицо свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал.	LXX καὶ Σεραφιν εἰστήκεισαν κύκλῳ αὐτοῦ ἕξ πτέρυγες τῷ ἐνὶ καὶ ἕξ πτέρυγες τῷ ἐνὶ καὶ ταῖς μὲν δυσὶν κατεκάλυπτον τὸ πρόσωπον καὶ ταῖς δυσὶν κατεκάλυπτον τοὺς πόδας καὶ ταῖς δυσὶν ἐπέταντο.
и ни днем, ни ночью не имеют покоя, зывая: свят, свят, свят ГОСПОДЬ Бог Вседержитель, Который был, есть и грядет.	καὶ ἀνάπαυσιν οὐκ ἔχουσιν ἡμέρας καὶ νυκτὸς λέγοντες· ἅγιος ἅγιος ἅγιος κύριος ὁ θεὸς ὁ παντοκράτωρ, ὁ ἦν καὶ ὁ ὢν καὶ ὁ ἐρχόμενος.	Ис 6:3 И они зывали друг к другу и говорили: Свят, свят, свят Господь Воинств! Полна вся земля славы Его!	καὶ ἐκέκραγον ἑτερος πρὸς τὸν ἑτερον καὶ ἔλεγον Ἄγιος ἅγιος ἅγιος κύριος σαβαωθ, πλήρης πᾶσα ἡ γῆ τῆς δόξης αὐτοῦ.

В Откровении и у Сатура этот способ передачи непрерывности не был понят, и добавлены уточнения «без устали», «непрерывно». Могло Откровение задать и образ стен из света, для этого у Исайи опоры нет, а в Откровении Сидящий на престоле, воздвигнутом на небе, окружен радугой, всевозможным сиянием, в том числе сиянием огней семи светильников (тут возможна ассоциация и с Иез 1:27). Вокруг престола Сидящего в Откровении престолы двадцати четырех старцев в белых одеждах и золотых венцах (гл. 4:3–8). По четыре старца стоят по сторонам престола Господа у Сатура, а за ними еще сонмы старцев (XII, 4). У Исайи старцев нет. И наконец, в Откровении рядом с престолом вместо шестикрылых серафи-

мов тоже крылатые животные, ставшие впоследствии символами Евангелистов, они-то и не знают покоя ни днем, ни ночью, взывая «свят, свят, свят ГОСПОДЬ Бог Вседержитель, Который был, есть и грядет». А кто восклицает трисагион у Сатура не сказано, ясно только, что хор. Зависимость от Откровения очевидна и объяснима. Сидящий на небесном престоле даже Господом не называется, он так и называется «Сидящим» или «Восседающим» (καθήμενος, 4:2), т. е. свидетель Откровения блюдет ту же осторожность в определении того, что он видит, что и Сатур, когда последний пишет «словно бы человек с седыми волосами».

И все-таки Сатур опирается и на образ Исаяи, ибо только из Исаяи мы можем объяснить, почему Сатур и Перпетуя не увидели ног «словно бы человека».

Если бы Сатур пользовался тем текстом Септуагинты, каким мы располагаем сейчас, то в 6:1 нет ничего о «ногах».

Ис 6:1 В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и полон был Дом Славы Его	LXX καὶ ἐγένετο τοῦ ἐνιαυτοῦ οὗ ἀπέθανεν Οζίας ὁ βασιλεὺς εἶδον τὸν κύριον καθήμενον ἐπὶ θρόνον ὑψηλοῦ καὶ ἐπηρμένον καὶ πλήρης ὁ οἶκος τῆς δόξης αὐτοῦ.

Правда, в этом месте Септуагинта очень отличается от Масоретского текста (МТ), где в Синодальном переводе (Син) присутствуют какие-то «риз».

МТ Ис 6:1 בְּשָׁנַת מוֹת הַמֶּלֶךְ עֲזִיָּהוּ רָאִיתִי אֶת-יְהוָה יֹשֵׁב עַל-כִּסֵּא רָם וְנֹפֵא וְשׁוֹלֵי מְלָאִים אֶת-הַהֵיכָל:	Ис 6:1. В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм. Синодальный перевод.

Таинственные «края риз» не могут не озадачить. Но они уже ближе к «ногам». Может быть, одеяние закрывало ноги и как шлейф распространялось по «Дому»? И это образ небесного царя в облачении?⁶

⁶ Выражаем благодарность Марии Михайловне Юровицкой, которая посвятила разбору 6 главы Исаяи специальную статью. Без подсказки этой работы мы не нашли бы ответа на свой вопрос, см. (Yurovitskaya 2023: 95–98).

Старогреческий перевод Исайи не только не отражает оригинал МТ в 6:1, он меняет его, сделав параллельным стиху 6:3.

Ис 6:2 Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лицо свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал.	LXX καὶ Σεραφὶν εἰστήκεισαν κύκλῳ αὐτοῦ ἐξ πτέρυγες τῷ ἐνὶ καὶ ἐξ πτέρυγες τῷ ἐνὶ καὶ ταῖς μὲν δυσὶν κατεκάλυπτον τὸ πρόσωπον καὶ ταῖς δυσὶν κατεκάλυπτον τοὺς πόδας καὶ ταῖς δυσὶν ἐπέταντο.
Ис 6:3 И они взывали друг к другу и говорили: Свят, свят, свят Господь Воинств! Полна вся земля славы Его!	καὶ ἐκέκραγον ἑτερος πρὸς τὸν ἑτερον καὶ ἔλεγον Ἅγιος ἅγιος ἅγιος κύριος σαβαωθ, πλήρης πάσα ἡ γῆ τῆς δόξης αὐτοῦ.

Таким образом, в Старогреческом переводе отсутствуют непонятные «полы одеяния», «края риз» или «шлейф», и тогда все складно: и Дом Бога (храм или Небо), и вся земля «полны Славы Его». Исчезает при этом антропоморфизм Бога, который восседает в царском облачении на высоком престоле. Как известно, переводчики Септуагинты «боролись», с антропоморфными образами Бога еврейской Библии.

Однако ревизия Теодотиона, который работал в Палестине и правил греческий текст по оригиналу, предлагает нам в этом месте другой греческий текст, который передает и перевод Иеронима.

Theod. Ис 6:1 καὶ ἐγένετο τοῦ ἐνιαυτοῦ οὗ ἀπέθανεν Οζίας ὁ βασιλεὺς εἶδον τὸν κύριον καθήμενον ἐπὶ θρόνου ὕψηλοῦ καὶ ἐπλημένου καὶ τὰ πρὸς ποδῶν αὐτοῦ букв. «то, что у его ног», наполняло храм.	Hier. Ис 6:1 in anno quo mortuus est rex Ozias vidi Dominum sedentem super solium excelsum et elevatum et ea quae sub eo erant implebant templum (см. Vetus Latina 1987, 189).

Мы основываемся на тесном соседстве трисагиона и той фразы в оригинале Ис 6:1, из которой, по нашему мнению, у Сатура получилось, что ног не видно. У Исайи сначала в 6:1 идет речь об, условно говоря, «ногах», а потом трисагион, а у Сатура, наоборот, сначала трисагион, а затем в описании Господа идут подряд седины, юность и «чьих ног мы не увидели» (cuius pedes non vidimus).

В еврейском оригинале на месте «краев риз» Синодального перевода находится слово לִישׁ. Это никак не слава, как в Старогреческом переводе.

Приведем из статьи М. М. Юровицкой разбор значений שֹׁל в ВЗ: «В Танахе שֹׁל употребляется, кроме Ис 6:1, в двух типах пассажей: в Исх 28:33–34, 39:24–26 (36:31–33) оно обозначает *край ризы священника*; в Иер 13:22, 26; Наум 3:5; Плач 1:9 — оно используется в контексте надругательства (например, Иер 13:26: ...“я задеру твой подол на лицо твое и будет виден твой срам”). По мнению ряда исследователей, во втором типе пассажей שֹׁל следует понимать как “нижняя часть тела”, т. е. половые органы или ягодицы (Eslinger 1995). Подобная интерпретация отражена в Септуагинте: Иер 13:22 τὰ ὀπίσθιά σου “твоя задняя часть”, 26 τὰ ὀπίσω σου ‘то, что у тебя сзади’; Наум 3:5 τὰ ὀπίσω σου ‘то, что у тебя сзади’, Плач 1:9 πρὸς τοῦτων αὐτῆς ‘у ног ее’» (Yurovitskaya 2023, 96).

Очевидно, Сатур имел перед собой Исайю в ревизии Теодотиона, аккуратно воспроизводящей МТ. Чтение МТ и Теодотиона, кроме того, подкрепляются к тому же Вульгатой. Хронологически это возможно, Теодотион работал во II в. и передает соответствующее слово в Ис 6:1 как τὰ πρὸς τοῦτων αὐτοῦ — букв. ‘то, что у его ног’. Иероним следует за ревизией, переводя שֹׁל как ea quae sub eo ‘то, что под ним’.

М. М. Юровицкая полагает, что края одеяния, которые заполняют весь дом-храм-небо, отвечают ветхозаветному представлению о том, что Бога нельзя увидеть целиком, и ссылается на Исх 33:23. Бог говорит Моисею: «ты увидишь Меня сзади, а лицо Мое нельзя увидеть»⁷.

Моисею, живому человеку невозможно видеть Бога, ср. 1 Тим 6:16. Но во сне его видит Иаков (Быт 28:12–13), во сне — видение Даниила. Иные пророческие видения — Иезекииля и Исайи — происходят наяву, когда «отверзаются небеса». Сатур видит Господа во сне, сон этот явно пророческий, он говорит о том, что будет с ним и Перпетуей после смерти. Бога они видят, но так же, как у Исайи, «не целиком». Мученики не только его видят, но и целуют, а он гладит их лица. Дистанция, которая

⁷ В латинских комментариях к Иерониму тоже есть упоминание ног (см. аппарат Vetus Latina), восходящее к Симмаху и Теодотиону (Vetus Latina 1987: 189). Другие латинские комментаторы к латинскому тексту Исайи, которые приводятся в аппарате Vetus Latina (Vetus Latina 1987: 191–193), понимают серафимов в Ис 6:3 как закрывающих крыльями не свои ноги и лицо, но Бога (Vetus Latina 1987: 189). Сам же Иероним против такого понимания).

огромна для пророков (но не для Моисея), скрадывается. Нам может казаться, что это непременно Христос, однако, здесь нет четкой определенности ипостасей, присущей более позднему периоду. Перпетую в раю встречает явно Добрый пастырь. Он доит овец и подает сыр Перпетуе. Это образ Иисуса. Однако иконография Иисуса не представляет его старцем, в образе пастуха он изображается молодым и на фресках катакомб, и в раввенской мозаике мавзолея Галлы Пладиции, возможно, навеянной первым видением Перпетуи: пастырь молод и прекрасен, он подает какую-то еду стоящей рядом белой овечке. Учитывая, что первые изображения Перпетуи и Фелицитаты известны нам в Равенне, куда почитание Перпетуи и Фелицитаты было принесено из Северной Африки во второй половине V в., это не кажется таким уж произвольным допущением.

Но гораздо важнее для реконструкции всей этой картины сопоставить данный стих с другим стихом, тоже из Исайи: רָגַלְךָ הָרֶם אֶרֶץ וְהָכְסֵאִי הַשָּׁמַיִם «Небо — Мой трон, земля — Мое подножие» (66:1). Это, конечно, Тритоисайя, текст моложе 6-й главы на пару веков, но все-таки входит в корпус, и стих 6:1 несомненно знаком продолжателю Исайи. Поэтому полагаем, он говорит о том же самом образе. Приводя это сопоставление, М. М. Юровицкая делает из него такой вывод: высок Господь, т. е. сидя на Небе-престоле, он ставит ноги на землю как на скамеечку. Однако в 6:1 речь идет о высоте престола, это он вознесен так высоко, как высоко Небо. А если так, то что такое — края, или полы, риз, заполнившие храм?

При всей рискованности подобных реконструкций мы позволим себе представить этот образ Исайи пространственно, как он был, очевидно, воспринят и Сатуром.

Храм (Дом Бога) — это мир, престол-небеса, Земля, добавим, его подножие, а полы облачения или условно «края риз» — заполняют храм, т. е. мир. И это не позволяет видеть ног Господа или того, что под ногами. Сатур не видит, стало быть, и Земли. Тогда полы одеяния — это небосклон, небесное клубящееся пространство, отделяющее престол на небесном своде от земли-подножья.

Не подсчитывая километры до неба и не проводя сравнительных измерений образов сновидения, укажем на громадные размеры престола и Господа: чтобы Сатур и Перпетуя могли поцеловать Господа, а он их приласкать, четыре ангела их подняли. Эти маленькие души-«человечки» напоминают изображение душ в христианской иконографии, чаще всего души

Богородицы на руках Христа, как спеленутой куколки. Но подобных образов для начала III-го века мы не знаем.

Таким образом, если считать возгласы «свят, свят, свят», восходящими не к Откровению или не только к Откровению, но и непосредственно к Исае, мы получаем параллелизм не только возгласа, но и образа Бога на небесном престоле. И это образ громадного престола, чье подножие находится на земле и скрыто ризами Бога — небесным, воздушным, облачным пространством. Поэтому Сатур и Перпетуя не видят ног Господа. Не исключено, что мысль о неместимости Господа в поле человеческого зрения здесь также присутствует, но она вписана в космическую картину⁸.

2. *Даниил 7:13 Старогреческая версия (M967).*

Но не только и, может быть, не столько ради воспроизведения непосредственного впечатления Сатур так осторожно говорит о том, кого он видел в пророческом сновидении о посмертном будущем. Хотя сознание и память катехизатора естественно наполнены библейскими образами и подсказывают ему и сами видения, и способ их письменной обработки, который неизбежно включает отбор того, что наяву сновидец сочтет важным и неважным, и придание увиденному все же некоей определенности.

Вместе с тем две аллюзии к образу божества у пророков и в Откровении подкрепляют центральную сцену встречи с Господом ни много ни мало — авторитетом Священного Писания. Одну аллюзию мы рассмотрели, другая касается соединения облика старца и юноши.

Первая отсылка к Дан 7:13–14. Это знаменитый мессинский фрагмент, которому посвящена огромная литература.

⁸ См. (Field 1875: 440). Побочным результатом этого анализа является вывод о присутствии в Карфагене около 203 г. ревизии Теодотиона. Поскольку Сатур еще не мог видеть перевода Иеронима, пользовавшегося впоследствии ревизией Теодотиона. Тем самым, в *Видении* Сатура перед нами свидетельство знакомства христиан с этой версией уже в конце II в.

Theodotion 7:13 (Ziegler, Munnich, Fraenkel 1999, 339, 341) ἐθεώρουν ἐν ὁράματι τῆς νυκτὸς καὶ ἰδοὺ μετὰ τῶν νεφελῶν τοῦ οὐρανοῦ ὡς υἱὸς ἀνθρώπου ἐρχόμενος καὶ ἕως τοῦ παλαιοῦ τῶν ἡμερῶν ἔφθασε καὶ προσήχθη αὐτῷ. Ночью мне было видение, и вот вижу я грядущего с облаками небесными как бы Сына Человеческого, и достиг он Ветхого днями, и был подведен к нему.	Старогреческий перевод, в соответствии с P967, 7:13 (Geißen 1968, 108–110) ἐθεώρουν ἐν ὁράματι τῆς νυκτὸς καὶ ἰδοὺ ἐπὶ τῶν νεφελῶν τοῦ οὐρανοῦ ἦρχετο ὡς υἱὸς ἀνθρώπου καὶ ὡς παλαιὸς ἡμερῶν παρῆν καὶ οἱ παρεστηκότες προσήγαγον αὐτῷ. Ночью мне было видение, и вот вижу я как бы Сын человеческий шел по облакам небесным и предстал (явился) как Ветхий днями, и стоявшие рядом приблизились к нему
7:14 καὶ αὐτῷ ἐδόθη ἡ ἀρχὴ καὶ ἡ τιμὴ καὶ ἡ βασιλεία, καὶ πάντες οἱ λαοί, φυλαί, γλώσσαι δουλεύουσιν αὐτῷ И дана ему была власть, честь и царство, и все народы, племена и наречия стали рабами его.	7:14 καὶ ἐδόθη αὐτῷ ἐξουσία βασιλική καὶ πάντα τὰ ἔθνη τῆς γῆς κατὰ γένη καὶ πᾶσα δόξα λατρεύουσα αὐτῷ И была ему дана власть царская и все, какие есть, на земле народы и всякая молва прославляла его.

Существуют два греческих перевода этого места из МТ: первых, старогреческий, серьезно отличающийся от оригинала, во-вторых, сохранившийся в найденном в середине XX в. папирусе (P.967 II–III в. н. э.), и в некоторых еще не столь древних свидетельствах греческого текста; и, во-вторых, ревизия Теодотиона, которая близко следует за МТ⁹.

Нас не будет занимать здесь и сейчас, был ли оригинал Старогреческого перевода исходным, а МТ изменили позже, когда выражение «подобный Сыну человеческому» из Даниила стало в Откровении именованном христианского мессии в Отк 1:13; 14:14, и потому возникла необходимость развести «Сына человеческого» как иудейского Мессию, Давида, по мнению раввинистических источников, и Иисуса Христа. Но во II в.

⁹ Древнейшее свидетельство греческого перевода Книги Даниила в 7:13 в папирусе M967 подкрепляется с минимальными отступлениями в порядке слов или заменой на синоним незначительным числом рук. LXX, Гексаплами по-сирийски и фрагментарным папирусом, см. (Aune 2002: 88).

этого еще не произошло, и христиане могли толковать стих из Даниила как мессиянский фрагмент, относящийся ко Христу.

Не будем обсуждать, какое выражение «с облаками» или «на облаках» больше подходит божеству. Судя по Пс 103/104 и Ис 19:1, шествовать по облакам больше подходит именно Богу. Таким образом Старогреческий перевод папируса дает облик и антропоморфичный и теоморфичный, Сыну человеческому оказываются почести, он восседает на престоле.

Мы не будем также обсуждать, является ли ὥς παλαιὸς ἡμερῶν из P.967 lapsus calami вместо ἔως τοῦ παλαιοῦ τῶν ἡμερῶν в ревизии Теодотиона, как предположили серьезные ученые. Может быть и так, но папирус, найденный там, где вообще находят папирусы — в Африке, и попавший туда во время жизни Сатура, мог содержать именно тот текст, который был доступен в Африке Сатуре — современнику папируса.

Мы не станем касаться богословских вопросов. Ни того, является ли чтение Р. 967 (и нескольких более поздних источников) предвосхищением христианского учения о единстве природы Сына и Отца, ни того, отражает ли перевод II–III вв. утраченный оригинал Книги Даниила. Превращение «подобного Сыну человеческому» в Ветхого днями или слияние с ним может быть и каким-то сознательным и очень ранним вмешательством христианского интерпретатора или переводчика и, наконец, даже просто опiskeй при замене ἔως на ὥς и как следствие — незначительных изменений ради грамматического согласования. В результате движение подобного Сыну человеческому, пока он не явился и не был представлен Ветхому днями, стало слиянием одного с другим¹⁰.

В Старогреческой версии важно то, что она по времени создания и месту обнаружения папируса приходится на время жизни Сатура в его, в широком смысле регионе, и что с ней пересекается и quasi homo, и сочетание седых волос и юного лица — образов времени, передающих сообща образ вечности.

Это не исключает знакомства Сатура с Отк 1:13–14, где оговорка «подобный» также присутствует, хотя и в этом стихе, и в 14:14 она выражена лексически несколько иначе: не ὥς = quasi, не «как Сын человеческий», который стал «как Ветхий днями», а «подобный Сыну» — ὅμοιον υἱόν.

¹⁰ (Aune 2002: 88–90). Краткое, но близкое к исчерпанию описание проблем этого стиха с указанием соответствующей литературы см.: (Lust 2004); (Bruce 1977: 25); (Lust 1978); (Bucur 2018).

Отк 1:13 καὶ ἐν μέσῳ τῶν λυχνίων ὅμοιον υἱὸν ἀνθρώπου ἐνδεδυμένον ποδήρη καὶ περιεζωσμένον πρὸς τοῖς μαστοῖς ζώνην χρυσαῖν. ἡ δὲ κεφαλὴ αὐτοῦ καὶ αἱ τρίχες λευκαὶ ὡς ἔριον λευκὸν ὡς χιῶν καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτοῦ ὡς φλὸξ πυρρὸς	Отк 1:13 и, посреди семи светильников, подобного Сыну Человеческому, облеченного в подир и по персям опоясанного золотым поясом: ¹⁴ глава Его и волосы белы, как белая волна, как снег; и очи Его, как пламень огненный;

Кроме того, у Сына человеческого в Отк 1:14 «волосы белы, как белая волна, как снег», как и у Сатура, но в Откровении все-таки нет двух отдельных образов, которые бы сливались, или один представлял как другой. В *Видении* Сатура юное лицо и седина у *quisi homo*, с одной стороны, артикулированы как отчетливо противоречащие друг другу, а с другой — соединены в одном образе¹¹.

Это сочетание имеет параллели в иудейской апокрифической литературе (например, «Иосиф и Асенет») и в новозаветных апокрифах: В апокрифических «Деяниях Петра» мистическое сочетание юноши и старца сочетание юности и старости входит в катафатическое богословие. Христом называют «Того и великого и малого, и прекрасного и страшного, и юношу и старца, временами появляющегося и притом навечно незримого» (*hunc magum et humilem formosum et foedum, iuvenem et senem, tempore adparentem et in aeternum utique invisibilem*, Acta Petri, 20)¹². Ряд исследователей рассматривают наше место в ряду докетических или фольклорных пред-

¹¹ Можно видеть в образе «юного старца» параллель и к иудео-эллинистическому представлению об ангелоподобном существе. Таково описание библейского старца с видом молодого мужа в ветхозаветном апокрифе «Иосиф и Асенет» 22, 6–7: «6. И вошли они к Иакову. Израиль же сидел на ложе своем, и был он старец прекрасный в года свои. 7. И увидела его Асенет и поразилась красоте его, ибо обликом был он прекрасен весьма и старость его была как юность мужа во цвете лет, и голова его была вся бела, как снег, а волосы главы его были густы и весьма упруги как у эфиопа, и борода его белая спускалась на грудь его, и глаза его были веселы и блестящи, и были мышцы его, и плечи его, и руки его, как у ангела, а бедра его, и голени его, и ноги его — как у исполина» (Joseph and Aseneth 2010: 122).

¹² См. (Lipsius, Bonnet 1891: 68).

ставлений о полиморфизме Христа в раннем христианстве¹³. Встречается похожий образ в раннехристианской литературе (ср. Старицу с юным лицом, подразумевающую Церковь, в «Пастыре Ерма», Vis.III.X.3–5).

Мы полагаем, что у Сатура скорее просвечивает не Откровение, а Даниил, хотя исключать Откровение и не следует. Но как мы показали выше, и другая аллюзия, казалось бы, к Откровению, на поверку оказывается аллюзией к Исайе. Это не означает, что Сатур не был знаком с Откровением, автор которого черпал свое вдохновение в образах пророков, тем не менее, есть явные признаки присутствия в обсуждаемых стихах из *Видения* Сатура ветхозаветных пророков.

Важнее не до конца понятное, но очевидное обстоятельство, что в «Страстях» новозаветные цитаты и аллюзии к НЗ отличают преимущественно рамочные *Пролог* и *Эпилог* безымянного проповедника и богослова¹⁴ и *Рассказ Очевидца* о казни. Цитаты и аллюзии вычленены и проработаны нашими коллегами Владимиром Степановым и Сергеем Давидоглу¹⁵, мы же добавили к ним эти две аллюзии из одного стиха и делаем на основе общей картины некоторые выводы.

У Сатура с обращением к НЗ можно связать общеупотребительное устойчивое выражение: «Благодарение Богу»¹⁶. За обращением к Откровению стоят все время пророки. У Перпетуи к цитатам из НЗ можно было бы отнести также такие неспецифические выражения, как «Мир тебе» (X, 13, ср. 3 Ин 15), или «Не бойся» (X, 4), что встречается несколько раз и в НЗ (Мк 5:36, Деян 18:9–10), но в ВЗ встречается гораздо чаще. Пожалуй, только образ «Доброго пастыря» (IV, 8) у Перпетуи может быть с оговорками сопоставлен с Ин 10:14. Но Добрый пастырь у нее загадочен, так как известные ранние изображения Доброго пастыря не представляют его старцем. В этом смысле и сам Иоанн сомнителен как вдохновляющий образ, да и не знакомят с ним обычно катехумены. С другой стороны, Перпетуя,

¹³ К числу таких полиморфических образов наше место из «Страстей» относят (Bucur 2018: 227); (Stroumsa 1981); (Lallemann 1995); (Garcia 1999); (Garcia 2000); (Foster 2007); (Foster 2010: 165–168).

¹⁴ Цитаты в *Прологе* «Страстей» I, 4, см. Деян 2:17–18; I, 6, см. 1 Ин 1:1–3; XXI, 1, см. 1 Пет 4:11; аллюзии: I, 1, см. 1 Кор 14:4 и 1 Тим 1:4.

¹⁵ Анализ других выявленных цитат и аллюзий к Священному Писанию будет приведен в готовящемся к изданию «Страстей».

¹⁶ См. Passio XII, 7, ср. 1 Кор 9:15.

когда видит свой сон, уже крещена, а наши соображения о правилах катехизации во II–III, могут подвести подводят из-за «не-правильности» течения жизни.

В то же время ВЗ и у Перпетуи, и у ее наставника представлен яркими образами лестницы на небо, причем ее верх называется «головой» (*caput*), как в оригинале Бытия и в LXX, именуется верх «лестницы Иакова» (Быт 28:12), в Вульгате же не *caput*, а *sacumen* ‘*верх*’¹⁷. Змея, которого жена попирает, а когда он пресмыкается в пыли (как валяется в пыли дьявол-Египтянин перед поединком), она бьет или поражает, как в Синодальном переводе, пятой в голову¹⁸. Кроме того, в ее описании битвы с Египтянином, проступают образы, индуцированные победным 89 Псалмом и сценой битвы Давида и Голиафа (Stepanov 2024). Все это образы ВЗ.

Итак, у Сатура мы тоже усматриваем в центральном сюжете — встречи с Господом отсылки к ВЗ: к Даниилу — юный лик седовласого божества — и в той же фразе, еще одну отсылку к ВЗ — к Ис 6:1–3, у которого земля — подножие небесного трона. Мы полагаем, что Исайя был доступен Сатуру в версии Теодотиона, а Даниил — в версии известной как папирус P. 967 и что цельного кодекса LXX в распоряжении катехизатора скорее всего не было, были отдельные свитки или папирусные кодексы.

Литература

- Aune, D. E. 2002: *Word Biblical Commentary: Revelation 1–5* (Word Biblical Commentary 52A), Dallas: Word, Incorporated.
- Bausi, A., Friedrich, M., Maniaci, M., eds. 2019: *The Emergence of Multiple-Text Manuscripts*, Berlin/Boston: Walter de Gruyter.
- Bruce, F. F. 1977: “The Oldest Greek Version of Daniel”, in van der Woude, A. S., ed. *Instruction and Interpretation: Studies in Hebrew Language, Palestinian Archaeology and Biblical Exegesis. Papers Read at the Joint British-Dutch Old Testament Conference Held at Louvain, 1976* (Oudtestamentische Studiën 20), Leiden: Brill, 22–40.

¹⁷ Лестница, достичь вершины которой мешает змей, видимо представляет собою одну из архетипических моделей достижения цели и препятствий на этом пути, которую можно видеть в широкораспространившейся по миру древней индийской, а ныне детской игры «Лила», см. (Mikhaylova 2024).

¹⁸ См. IV, 3, ср. Быт 28:12–16; IV, 7 и X, 10–11, ср. Быт 3:15; X, 12, ср. Иудифь 9:7, 10:8, 15:19.

- Bucur, B. 2018: "The Son of Man and Ancient of Days: Re-Envisioning Daniel 7" in Bucur, B. *Scripture Re-envisioned: Christophanic Exegesis and the Making of a Christian Bible* (The Bible in Ancient Christianity, 13), Leiden; Boston: Brill, 208–246.
- Eslinger, L. 1995: "The Infinite in a Finite Organical Perception (Isaiah VI 1–5)" in *Vetus Testamentum*, Vol. 45, 145–173.
- Field, F., ed. 1875: *Origenis Hexaplorum quae supersunt; sive Veterum interpretum Graecorum in totum Vetus Testamentum. Fragmenta. Post Flaminium Nobilium, Drusium, et Montefalconium, adhibita etiam versione syro-hexaplari, concinnavit, emendavit, et multis partibus auxit Fridericus Field. T. II: Jobus — Malachias. Auctarium et indices*, Oxonii: E typographeo Clarendoniano.
- Foster, P. 2007: "Polymorphic Christology: Its Origins and Development in Early Christianity" in *Journal of Theological Studies* 58, 66–99.
- Foster, P. 2010: *Gospel of Peter. Introduction, Critical Edition and Commentary* (Texts and Editions for New Testament Study 4), Leiden; Boston: Brill.
- Garcia, H. 1999: "La polymorphie du Christ: Remarques sur quelques définitions et sur de multiples enjeux," in *Apocrypha* 10, 16–55.
- Garcia, H. 2000: "L'enfant vieillard, l'enfant aux cheveux blancs et le Christ polymorphe," in *Revue d'Histoire et de Philosophie Religieuses* 80, 479–501.
- Geißen, A. 1968: *Der Septuagintatext des Buches Daniel, Kap 5–12, zusammen mit Susanna, Bel et Draco, sowie Esther 1,1a–2,15 nach dem Kölner Teil des Papyrus 967*, 3 vols. (Papyrologische Texte und Abhandlungen 5), Habelt, Bonn. Vol 1.
- Heffernan, T. J. 2012: *The Passion of Perpetua and Felicity*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press.
- "Joseph and Aseneth". 2010 in *Arbor mundi*, N 17, RSUH, 92–131. Иосиф и Асенет // Мировое древо = *Arbor mundi*. 2010. № 17. Изд. РГГУ С. 92–131.
- Kinzig, W. 2007: "The West and North Africa" in Bockmuehl, Markus and Paget, James Carleton, eds., *Redemption and Resistance. The Messianic Hopes of Jews and Christians in Antiquity*, New York: T&T Clark, 198–214.
- Lalleman, P. J. 1995: "Polymorphy of Christ," in Bremmer, Jan N., ed., *The Apocryphal Acts of John* (Studies on the Apocryphal Acts of the Apostles 1), Kampen: Kok Pharos, 97–118.
- Lipsius, R. A. and Bonnet, M. 1891: *Acta apostolorum apocrypha post Constantin Tischendorf*, Leipzig: H. Mendelssohn.
- Lust, J. 1978: "Daniel 7, 13 and the Septuagint" in *Ephemerides Theologicae Lovanienses*, Vol. 54, 62–69.
- Lust, J. 2004: "Daniel 7,13 and the Septuagint", in *Messianism and the Septuagint: collected essays*, Leuven: Leuven University Press, 1–8.

- Mikhaylova, T. A. 2024: ["A ladder that reached to heaven and a serpent under the stairs": Perpetua's vision] in *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*. 1, 109–120.
Михайлова Т. А. «Лестница до самого неба и под лестницей змей»: видение Перпетуи // *Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии*. 2024 (1), 109–120.
- Perevod 2024 — ["*Passio Perpetuae et Felicitatis*": A translation of Latin text] in *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*. 2024 (1), 17–32. Перевод латинской версии 2024 — Перевод латинской версии памятника «Страсти Свв. Перпетуи, Фелицитаты и с ними пострадавших» // *Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии*. 2024 (1), 17–32.
- Stepanov, V. V. 2024: [The fourth vision of Perpetua and Psalm 88 (89)] in *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*. 1, 137–153.
Степанов В.В. Псалом 88 (89) в четвертом видении Перпетуи // *Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии*. 2024 (1), 137–153.
- Stroumsa, G. G. 1981: "Polymorphie divine et transformations d'un mythologème: l'Apocryphon de Jean et ses sources," in *Vigiliae Christianae* 35, 412–434.
- Vetus Latina 1987 — *Vetus Latina. Die Reste der Altlateinischen Bibel*. Nach Petrus Sabatier neu gesammelt und in Verbindung mit der Heidelberger Akademie der Wissenschaften herausgegeben von der Erzabtei Beuron. 1987, Vol 12: Esaias, ed. Roger Gryson. Fascicule 1: Introduction; Is 1,1–22, Verlag Herder, Freiburg.
- Yurovitskaya, M. M. 2023: [Isaiah 6 in the Septuagint: Translation and Commentary] in *Myth, Ritual, Literature*, Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 95–110.
Юровицкая М. М. Исайя 6 в Септуагинте: перевод и комментарий // Миф, ритуал, литература / сост. Н. Б. Богданович; отв. ред. Ю. В. Иванова; науч. ред. С. Н. Давидоглу; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т классического Востока и античности. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. С. 95–110.
- Ziegler, J., Munnich, O. and Fraenkel, D., eds. 1999: *Septuaginta: Vetus Testamentum Graecum. Auctoritate Academiae Scientiarum Gottingensis editum*. 16,2: *Susanna, Daniel, Bel et Draco*, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

А. Ю. Братухин

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермь, Россия. Bratucho@yandex.ru

П. А. Дудко

Национальный медицинский исследовательский центр имени В.А. Алмазова
Санкт-Петербург, Россия. dudko_pa@almazovcentre.ru

КЛИМЕНТ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИЧАСТИЯ СУЩНОСТИ

В статье рассматривается обращение Климента Александрийского к «Посланию к евреям». Устанавливается точность его цитирования и использования реминисценций из этой книги. Делается попытка объяснить, почему Климент не говорит о Логосе как о «знаке ипостаси Отца» и называет его «знаком славы (δόξης χαρακτήρ)», контаминируя слова «сияние славы» и «знак Его ипостаси» (Евр. 1:3). В статье учитываются все случаи использования Климентом слов ὑπόστασις и χαρακτήρ. Высказывается предположение, что александрийский богослов стоит у истоков учения о непричастуемой «первой сущности» и о возможности познания «второй сущности» посредством её энергии — славы.

Ключевые слова: Климент Александрийский, «Послание к евреям», цитата, реминисценция, ὑπόστασις, χαρακτήρ, интертекст.

A. Yu. Bratukhin

Perm' State National Research University, Perm, Russia. Bratucho@yandex.ru

P. A. Dudko

National Medical Research Center named after V. A. Almazov
Saint-Petersburg, Russia. dudko_pa@almazovcentre.ru

Clement of Alexandria on the possibility of participation of essence

The article examines Clement of Alexandria's treatment of the Epistle to the Hebrews. His words about the authorship of the Epistle are analyzed, the accuracy of his quotation and the method of drawing on the reminiscences of this book are established. The reasons why Clement, who usually did not replace lexemes from the Epistle with his own words when using it, does not refer to the Logos as 'the imprint of the essence of the Father' and instead calls it 'the imprint of glory' (δόξης χαρακτήρ) are explored. This contaminates the verses "the radiance of glory (απαύγασμα της δόξης)" and "the imprint of his hypostasis (χαρακτήρ της υποστάσεως αὐτοῦ)" (Heb. 1:3). All instances of Clement's use of the words ὑπόστασις and χαρακτήρ are taken into account, and the meanings in which he uses

them are established. Clement's words are significant: "For us, the mark is the Lord, who imprints other names and letters on us — faith instead of unbelief, and so on. In this way, we are transferred from the material to the spiritual, 'bearing the image (τὴν εἰκόνα) of the heavenly'" (Ecl. 24:1–3). Taking into account Aristotle's teaching on the 'first essences', which greatly influenced Clement, it is suggested that the Alexandrian theologian could not regard the Son as an imprint of the Father's essence. This is because, in the Apostle Paul's thesis on the Logos, the word *χαρακτήρ* denotes the imprint of the essence of a concrete, unique subject, *ἄτομον* (cf. Aristotle, *Categ.* 3b 12), i.e. the imprint of something that, according to Aristotle, can be attributed to *τόδε τι*, the 'first essence', which cannot be a predicate in a proposition or a participant and, consequently, cannot be imprinted on anyone. As the imprint of the Father's glory, the Son communicates its splendour to believers, which correlates well with Clement's words in Ecl. 24:1–3 and in the *Protrepticus*: "We will become those who bear the image of God <i.e. Christ> in a living and moving statue — man" (Protr. 4:59:2).

Keywords: Clement of Alexandria, Epistle to the Hebrews, quotation, reminiscence, *υπόστασις*, *χαρακτήρ*, intertext.

По словам Евсевия Кессарийского, Климент Александрийский в «Очерках» («Гипотипозах») говорил, что «Послание к евреям» «принадлежит Павлу (Παύλου μὲν εἶναι), было же написано евреям на еврейском языке (γεγράφθαι δὲ Ἑβραίοις Ἑβραϊκῇ φωνῇ), а Лука, его усердно (φιλοτίμως) переводя (μεθερμηνεύσαντα), издал для эллинов (ἐκδοῦναι τοῖς Ἑλλήσιν), из-за чего те же самые характерные черты (χρῶτα) обнаруживаются в изложении (κατὰ τὴν ἑρμηνείαν) и у этого послания, и у Деяний <апостолов>». Закономерно, что послание не предваряет надпись «Павел апостол»: «Ибо <Климент> говорит, что, адресуясь к евреям, имевшим (εἰληφόσιν) по отношению к нему предвзятое мнение и не доверявшим ему, <апостол> весьма разумно не отвратил их с самого начала поставленным именем» (Eus. Hist. eccl. VI, 14, 2–3). Однако против существования еврейского текста «Послания» говорит, в частности, тот факт, что его автор использует выражения из написанной по-гречески «Премудрости Соломона»: «Познал я все, и сокровенное, и явное, ибо научила меня Премудрость, художница всего. Она есть дух разумный, святой, едиnorodный, многочастный (πολυμερής), тонкий, удобоподвижный, светлый, чистый, ясный, невреждительный, благолюбивый, скорый, неудержимый, благотельный, человеколюбивый, твердый, непоколебимый, беспечальный, всемогущий, всевидящий и проникающий все умные,

чистые, тончайшие духи. <...> Она есть отблеск (ἀπαύγασμα) вечного света и чистое зеркало действия Божия и образ (εἰκὼν) благодати Его» (Sap. Sol. 7:21–23, 26, ср. Евр. 1:1 и 3). Кроме того, в древнееврейском тексте Библии сложно найти аналоги некоторым словосочетаниям из «Послания». Например, πολυμερῶς καὶ πολυτρόπως и χαρακτήρ τῆς ὑποστάσεως (см. ниже).

В науке отмечается тот факт, что александрийские особенности «Послания к евреям» сделали его наиболее предпочтительным для Климента и Оригена. Оно имеет многочисленные параллели с Филоном (Thompson 2006: 239).

Рассмотрим, как Климент использовал этот новозаветный текст, который он достаточно часто цитирует и иногда приводит из него большие фрагменты практически дословно. Начинается «Послание» словами: «Бог, многократно и многообразно (πολυμερῶς καὶ πολυτρόπως) издревле говоривший отцам в пророках <...>» (Евр. 1:1). Климент неоднократно использовал это словосочетание. Например: «Апостол справедливо сказал, что “многоразличная” (πολυποικίλον) (Еф. 3:10) Божия мудрость “многократно и многообразно” (πολυμερῶς καὶ πολυτρόπως) являет свою силу для нашего блага посредством искусства, знания, веры и пророчества» (Strom. I, 4, 27, 1). В том же порядке, как и в «Послании» (πολυμερῶς καὶ πολυτρόπως), Климент использует эти слова в Strom. VI, 10, 81, 6. Ср. «Золотой светильник намекает также и на знак Христа, не по виду только, но и освещением (τῷ φωτεμβολεῖν) многообразно и многократно (πολυτρόπως καὶ πολυμερῶς) верующих в Него и надеющихся <на Него> и видящих <Его> посредством служения протоктистов» (Strom. V, 6, 35, 1). В этом же порядке наречия употреблены в Strom. VI, 7, 58, 2 и VII, 16, 95, 3.

Меган Джиллиланд в своей диссертации приводит 82 случая использования Климентом «Послания к евреям» (Gilliland 2016: 485–520). Мы остановимся на тех различиях между словами Послания и их передачей александрийским автором, которые представляются нам наиболее характерными.

Так в Евр. 11:37 Климент вместо слова ἐπρίσθησαν «были перепиливаемы» использует, как и некоторые рукописи (Metzger 1994: 603–604), слово ἐπειράσθησαν «были пытаемы» (Strom. IV, 16, 102, 1). Ниже (IV, 16, 103, 1) он заменяет форму аористного причастия от глагола προβλέπεσθαι (гапакс в новозаветных текстах (Schmoller 1994: 432)) в абсолютном генитиве — τοῦ θεοῦ περὶ ἡμῶν κρείττον τι προβλεψαμένου «потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее» (Евр. 11:40) —

причастием προεἰδομένου от глагола проοράν, формы которого встречаются трижды в «Деяниях апостолов» (2:25, 2:31, 21:29) и в «Послании галатам» (3:8) (Schmoller 1994: 434). При этом изменяется и порядок слов. Согласно изданию Аланда, это чтение встречается только у Климента (Aland 1987: 582).

Небольшие отличия находятся в Strom. IV, 20, 126, 1: «Таким образом, брак, совершённый в соответствии с Логосом, освящается, если союз покорен Богу и устраивается “с искренним сердцем, в полноте веры, у очистивших (ἡγνισμένων) сердца от дурной совести и омывших своё (λελουμένων) тело чистой водою, и имеющих (ἐχόντων) исповедание надежды, ибо верен Обещавший”». В Послании к евреям сказано: «Приступим с искренним сердцем, в полноте веры, окропив (ῥεραντισμένοι, ср. Евр. 9:13, 19, 21) свои сердца от дурной совести и омыв своё (λελουσμένοι) тело чистой водою, будем удерживать (κατέχωμεν) непоколебимым исповедание надежды (Евр. 10:22–23). Заметим, что формы от глагола ἀγνίζειν в посланиях апостола Павла не встречаются, форма ἡγνισμένον есть в приводимой евангелистом Лукой речи Павла (Деян. 24:18) (Schmoller 1994: 10).

У Климента мы встречаем несколько примеров интертекстуальных вкраплений, источником которых является «Послание к евреям»:

«Моисей сказал: “я в страхе и трепете (ἔκφοβός εἰμι καὶ ἐντρομός)”» (Евр. 12:21), ср. καὶ ἔκφοβός εἰμι (Втор. 9:19).	«Моисей признается, что он был испуганным и трепещущим (ἔκφοβός εἶναι καὶ ἐντρομός)» (Protr. 9, 82, 3). Ср. Деян. 10:4, 24:25.
«Но вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору (μυριάσιν ἀγγέλων, πανηγύρει) и церкви первенцев, написанных на небесах (καὶ ἐκκλησίᾳ πρωτοτόκων ἀπογεγραμμένων ἐν οὐρανοῖς) <...>» (Евр. 12:22–23)	«Ибо оно — первородная Церковь, состоящая из многих добрых детей. Это — первородные дети, записанные на небесах (τὰ πρωτότοκα τὰ ἐναπογεγραμμένα ἐν οὐρανοῖς) и участвующие в торжестве вместе со многими мириадами ангелов (μυριάσιν ἀγγέλων συμπανηγυρίζοντα)» (Protr. 9, 82, 6)
«Но наставляйте друг друга каждый день (καθ’ ἑκάστην ἡμέραν), доколе можно говорить: “сегодня” (ἄχρις οὗ τὸ σήμερον καλεῖται), чтобы кто из вас не ожесточился, обольстившись грехом» (Евр. 3:13).	«“сегодня” растет день ото дня (τὸ δὲ σήμερον καθ’ ἑκάστην αὐξεται) до тех пор, пока называется “сегодня” (ἔστ’ ἂν ἡ σήμερον ὀνομάζεται)» (Protr. 9, 84, 5).

«поэтому Он не стыдится называть их братьями (οὐκ ἐπαισχύνεται ἀδελφοὺς αὐτοῦς καλεῖν)» (Евр. 2:11).	«когда же Ты повёл меня к свету, Господи, я <...> стал Твоим сонаследником, так как Ты не постыдился брата (τὸν ἀδελφὸν οὐκ ἐπηρεγύνθης)» (Protr. 11, 113, 5).
«И не будет учить каждый ближнего своего и каждый брата своего, говоря: познай Господа; потому что все, от малого до великого их, будут знать Меня (εἰδήσουσίν με), потому что Я буду милостив к неправдам их (ταῖς ἀδικίαις αὐτῶν) и о грехах их не вспомню более» (Евр. 8:11–12, ср. Иер. 31/38:34).	«Какие это законы? Что все узнают Бога (εἰσονται τὸν θεόν) от малого до великого; и милостив, — говорит Бог, — буду к ним (αὐτοῖς) и о грехах их не вспомню» (Protr. 11, 114, 5). Климент, вероятно, следует Посланию, а не Иеремии, так как у него, как и в большинстве рукописей Евр. 8:11, отсутствует слово αὐτῶν в словосочетании: «от малого их до великого их <...>».
«Итак, имея Первосвященника великого (ἀρχιερέα μέγαν), прошедшего небеса, Иисуса (Ἰησοῦν) Сына Божия, будем твердо держаться исповедания» (Евр. 4:14).	«Этот вечный Иисус (Ἰησοῦς), единственный великий Первосвященник (μέγας ἀρχιερεὺς) единственного Бога, Который также и Отец Ему» (Protr. 12, 120, 2).
«Посему Он должен был во всем (κατὰ πάντα) уподобиться братьям <...> (ὁμοιωθῆναι)» (Евр. 2:17).	«<...> пожелавшего во всем (κατὰ πάντα) уподобиться (ἀπεικάζεσθαι) нам <...> (Paed. I, 5, 24, 4)». Глагола ἀπεικάζομαι нет в Новом Завете, он появляется только один раз в книге «Премудрости Соломона» (13:13) (Lust, Eynikel, Nauspie 1992: 46), но достаточно часто — у Платона и Филона.
«Ибо мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать (συμπληθῆσαι) нам в немощах наших (ταῖς ἀσθενείαις ἡμῶν), но Который, подобно <нам>, искушен (πεπειρασμένον) во всем, кроме греха» (Евр. 4:15).	«И весьма подобающим образом пророк молится Ему такими словами: <i>Помяни нас, яко персть есмы</i> , то есть: “Сострадай (συμπλήθῃς) нам, ибо Ты немощь (ἀσθενεῖαν) плоти Сам испытал (ἐπειράσας)”» (Paed. I, 8, 62, 2).
«Ибо слово (ὁ λόγος) Божие живо и действительно и острее всякого меча обоюдоострого (τομώτερος ὑπὲρ πᾶσαν μάχαιραν δίστομον): оно проникает до разделения души (διϊκνούμενος ἅκρι μερισμοῦ ψυχῆς) и духа, составов и мозгов и судит	«Логос (ὁ λόγος), нож (ἡ μάχαιρα), подрезает свои бурно разросшиеся побеги, принуждая их плодоносить, а не возделеть похотей (οὐκ ἐπιθυμεῖν τὰς ὀρέξεις)» (Paed. I, 8, 66, 5). «<...> умный <огонь>, проникает через душу (διϊκνούμενον διὰ

помышления (ἐνθυμήσεων) и намерения сердечные» (Евр. 4:12).	ψυχῆς), проходящую огонь» (Strom. VII, 6, 34, 4).
«Ибо некоторые из слышавших возроптали (παρελίκραναν)» (Евр. 3:16)	«то <почтение>, которое они, возроптав на Господа, <отказались> выказать Ему (παρελίκραναν ἐπιδείξασθαι), они засвидетельствовали вознесённому <на кресте>, возложив на превознесённого паче всякого имени диадему правды в виде неувядаемого терния» (Paed. II, 8, 74, 1).
«ибо не имеем здесь постоянного града (οὐ γὰρ ἔχομεν ὧδε μένουσαν πόλιν), но ищем будущего» (Евр. 13:14)	«Поэтому мы не имеем отечество на земле (πατρίδα ἐπὶ γῆς οὐκ ἔχομεν), чтобы презирать земное имущество» (Paed. III, 8, 41, 1).
«твердая же пища свойственна совершенным, имеющим натренированные навыком чувства (τῶν διὰ τὴν ἔξιν τὰ αἰσθητήρια γεγυμνασμένα ἔχόντων) к различению добра и зла» (Евр. 5:14).	«<...> тренировавших чувства (τῶν τὰ αἰσθητήρια συγγεγυμνασμένων), говорит апостол» (Strom. VII, 1, 2, 3).

С одной стороны, Климент в «Протрептике» (Protr. 9, 84, 3-4) оставляет без изменения ошибку «Послания к евреям». Там сказано: «и видели дела Мои сорок лет; посему Я вознегодовал на род сей (καὶ εἶδον τὰ ἔργα μου τεσσαράκοντα ἔτη διὸ προσώχθισα τῇ γενεᾷ ταύτῃ)» (Евр. 3:9–10). В Септуагинте, как и в «ТаНаХе» (еврейской Библии), слова «сорок лет» относятся ко второй части фразы: «и увидели дела Мои. Сорок лет Я негодовал (καὶ εἶδον τὰ ἔργα μου. τεσσαράκοντα ἔτη προσώχθισα τῇ γενεᾷ ἐκείνῃ)» (Пс. 94/95: 9–10). С другой стороны, Климент не следует неправильному описанию давира из «Послания», где читаем: «За второю же завесою (μετὰ δὲ τὸ δεῦτερον καταπέτασμα) была скиния, называемая “Святая Святых”, имевшая золотую кадильницу (θυμιατήριον) и обложенный со всех сторон золотом ковчег завета, где были золотой сосуд с манною, жезл Ааронов расцветший и скрижали завета, <...>. При таком устройстве в первую скинию всегда входят священники (εἰσίσαιν οἱ ἱερεῖς) совершать Богослужение; а во вторую — однажды в год один только первосвященник (μόνος ὁ ἀρχιερεὺς), не без крови, которую приносит за себя и за грехи неведения народа» (Евр. 9:3–4, 6–7). Климент Александрийский заявляет: «Посреди покрова (τοῦ καλύμματος) и завесы

(*παρὰ τὰς σματος*), куда позволялось входить священникам (*τοῖς ἱερεῦσιν ἐξῆν εἰσιέναι*), находилась кадильница (*θυμιατήριον*), символ расположенной в центре этого мира земли, из каковой <кадильницы исходят> воскурения (*αἱ ἀναθυμιάσεις*) (ср. *Philo. De vita Mosis. II, 21, 105*). Посредине же <было> и то место внутри завесы (*κατὰ τὰς σματος*), куда одному первосвященнику было позволено входить (*μόνῳ τῷ ἀρχιερεῖ ἐπέτρεπτο*) в установленные дни» (*Strom. V, 6, 33, 1–2*). Обращает на себя внимание тот факт, что завеса перед Святой Святых обозначается двумя синонимами: *παρὰ τὰς σμα* и *κατὰ τὰς σμα*.

М. Джиллиланд приходит к следующему выводу, важному для нашей работы: свидетельства Климента о «Послании к евреям» отражали чтения, помещающие его в так называемую александрийскую группу рукописей [Gilliland 2016: 573, 575, 612], а эти рукописи были далеки от единообразия; текстовая сложность уже присутствовала в самой ранней передаче «Послания» [Ibid: 613]. Однако в большинстве случаев Климент относительно точно следовал существующему ныне тексту последнего. Поэтому вызывает удивление тот факт, что Александрийский богослов контаминирует слова «будучи сиянием славы (*ἀπαύγασμα τῆς δόξης*)» и слова «знаком Его ипостаси (*χαρακτήρ τῆς ὑποστάσεως αὐτοῦ*)» (Евр. 1:3): «Поэтому апостол назвал образом славы Отца (*χαρακτῆρα τῆς δόξης τοῦ πατρὸς*) Сына, учившего истине о Боге и определившего (*χαρακτηρίσαντα*), что Всемогуший — Бог и Отец единый и единственный <...>» (*Strom. VII, 10, 58, 4*). Ср. «Он — воистину Единородный, образ славы (*δόξης χαρακτήρ*) Всецаря (*τοῦ παμβασιλέως*) и Вседержителя Отца, запечатлевающий в гностике совершенное созерцание по Своему образу (*κατ' εἰκόνα*), чтобы был уже третий божественный образ (*τὴν θεῖαν εἰκόνα*), насколько это возможно, уподобленный второй Причине, подлинной Жизни (*πρὸς τὴν ὄντως ζωὴν*), благодаря Которой мы живём истинной жизнью (*τὴν ἀληθῆ ζωὴν*)» (*Strom. VII, 3, 16, 6*). Создаётся превратное впечатление, что он здесь просто вырвал из контекста стоящие рядом слова: *ἀπαύγασμα τῆς δόξης* καὶ *χαρακτήρ τῆς ὑποστάσεως αὐτοῦ*.

Отметим, что в «Минее» (на 25 декабря, глас 2, Анатолиево) говорится: «Христе Боже <...> Свет от Света, Отчее сияние (*τοῦ Πατρὸς τὸ ἀπαύγασμα*), всю тварь просветил еси, всякое дыхание хвалит Тя. Образ славы Отчия (*τὸν χαρακτῆρα τῆς δόξης τοῦ Πατρὸς*), Сый, и прежде Сый, и возсиявший от Девы, Боже, помилуй нас». Таким образом, мы видим, что образ,

впервые появившийся на рубеже II–III вв. оказался востребованным в VIII–IX вв. у знаменитых византийских гимнографов: «Ведущая роль в формировании древней константинопольской «Минеи» принадлежит прп. Иосифу Песнописцу, который создал наибольшее количество гимнов для «Минеи» и завершил начатую прп. Феофаном Начертанным работу по составлению служб на все дни церковного года, используя при этом в т. ч. и палестинский материал. Песнопения, вошедшие в состав древнейшей «Минеи», созданы палестинскими и константинопольскими авторами разного времени, среди которых наиболее значимые, помимо Иосифа и Феофана, — преподобные Иоанн Дамаскин, Косма Маюмский, Феодор Студит, архиеп. Андрей Критский» (Krivko 2017: 273).

Если слово ἀπαύγασμα у Климента встречается лишь один раз (Strom. VI, 12, 104, 1 — об умном сиянии души праведника), то слово ὑπόστασις — 10 раз.

На наш взгляд, будет целесообразно рассмотреть употребление александрийским богословом этой лексемы и выяснить, случайно или намеренно он не использовал её, передавая высказывание апостола Павла.

Начнём с цитаты апостола, в которой содержится рассматриваемое слово:

1) «Но вера, на которую клеветают эллины, считая её бесполезной и варварской, есть добровольное предвосхищение (πρόληψις), одобрение благочестия, “основа ожидаемых (т.е. убежденность в ожидаемых ἐλπίζομένων ὑπόστασις), уверенность в невидимых вещах”, согласно божественному апостолу» (Strom. II, 2, 8, 4; ср. Евр. 11:1).

2) В «Педагоге» Климент говорит: «Итак, младенец поклядист и, таким образом, более мягок, нежен, прост, бесхитростен, нелицемерен, прямодушен и правдив; а это — основная черта/сущность простоты и истины (ἀπλότητος καὶ ἀληθείας ὑπόστασις)» (Paed. I, 5, 19, 3). Согласно словарю Лампе, анализируемое слово здесь употребляется в значении basic element (Lampe 1961: 1454).

3) «Апостол, которого они не понимают, сказал, что через закон сделалось явным познание греха, а не получило субстанцию (οὐχὶ ὑπόστασιν εἰληφέναι)» (Strom. II, 7, 35, 1).

4) «На четвёртый год, так как у основательно наставленного есть нужда во времени, четверица добродетелей посвящается Богу, когда этот третий этап (μονῆς) уже присоединяется к четвёртой Господней стадии (cf. Lampe 1961: 1454) (τῷ [τε] γὰρ

тетάρτῳ ἔτει, ἐπεὶ καὶ χρόνου χρεια τῷ κατηχομένῳ βεβαίως, ἢ τετράς τῶν ἀρετῶν καθιεροῦται τῷ θεῷ, τῆς τρίτης ἤδη μονῆς συναπτούσης ἐπὶ τὴν τοῦ κυρίου тетάρτην ὑπόστασιν)» (Strom. II, 18, 96, 2). В издании Поттера 1715 г. по этому поводу говорится: Sic vocare videtur humanam Christi naturam, quae cum tribus divinis personis numerata, quaternionem quodammodo efficit «Так он, вероятно, называет человеческую природу Христа, которая с тремя божественными Лицами образует своего рода кватернион» (Potter 1715: 479). Ч. Бигг писал: «Способ изложения Климента таков, что он непременно подразумевает Единство, Равенство и Вечность Первого и Второго Лиц. Утверждалось, что он едва ли оставляет достаточно места для истинного различия Ипостаси. Но, хотя у него нет технического названия ни для Субстанции, ни для Лица, нет сомнений, что последняя концепция явно присутствовала в его уме» (Bigg 1913: 97). Ниже сказано: «Вещество есть τὸ ἄρρητον, πνεῦμα, φύσις. Но слово οὐσία уже входит в обиход как отличительное выражение. <...> Личность — φύσις, <...> и даже ὑπόστασις, Strom. II, 18, 96 τῆς τρίτης ἤδη μονῆς (так следует читать, а не μόνης, как Поттер, Клотц, Динд) συναπτούσης ἐπὶ τὴν τοῦ κυρίου тетάρτην ὑπόστασιν. Третье “обиталище” (mansion) — Милосердие, которое, соединяясь с Личностью (the Person) Господа, образует тетράς добродетелей. Поттер совершенно ошибается, объясняя этот неясный отрывок так, что тетάρτη ὑπόστασις означает «humanam Christi naturam quae cum tribus divinis personis numerata quaternionem quodammodo efficit» (Bigg 1913: 97, note 3]. Е. В. Холодов так передаёт фрагмент Strom. II, 18, 96, 2: «На четвёртый год (после трёх лет оглашения (κατηχομένῳ) в христианском учении) в жертву Богу должны быть принесены четыре добродетели (ἢ τετράς τῶν ἀρετῶν καθιεροῦται τῷ θεῷ), чтобы уже этот третий (этап, или год духовного пути оглашаемого) в четвёртом и конечном этапе достиг соединения с Господом, как своей конечной остановки (τῆς τρίτης ἤδη μονῆς συναπτούσης ἐπὶ τὴν τοῦ Κυρίου тетάρτην ὑπόστασιν)» (Kholodov 2022: 116–117). В примечании к этому месту, в частности, сказано: «Дж. Л. Престиж убедительно доказал, что слово “ипостась” в тексте Климента не указывает на Лицо Иисуса Христа, но является здесь синонимом μονῆς и его эквивалентом в лат. mansio. Таким образом, это не Ипостась Господа, но некоторое “место”, “этап”, “остановка”, “лагерь”. Престиж совершенно справедливо указал, что ошибочно полагать, будто Климент, задолго до Никейского Собора, мог

использовать термин “ипостась”, характерный для пост-никийской богословской терминологии <...>» (Kholodov 2022: 116-117, прим. 57).

5) «Размышление (τὸ μὲν νοεῖν) от упражнения доходит до постоянного размышления (τὸ ἀεὶ νοεῖν), постоянное же размышление, сущность (οὐσία) знающего (τοῦ γινώσκοντες), возникшая при непрерывном смешении (κατὰ ἀνάκρασιν ἀδιάστανον), остаётся вечным созерцанием, живой субстанцией (ζῶσα ὑπόστασις)» (Strom. IV, 22, 136, 4). «Сущность знающего», гностика, его «живая субстанция» — это, по Аристотелю, «вторая сущность»: «Всякая сущность, надо полагать, означает определенное нечто (τόδε τι). Что касается первых сущностей, то бесспорно и истинно, что каждая из них означает определенное нечто (τόδε τι). То, что она выражает, есть нечто единичное (ἄτομον) и одно по числу. Что же касается вторых сущностей, то из-за формы наименования кажется, будто они в равной степени означают определенное нечто, когда, например, говорят о “человеке” или о “живом существе”; однако это не верно. Скорее они означают некоторое качество, ведь в отличие от первых сущностей подлежащее здесь не нечто одно: о многих говорится, что они люди и живые существа. Однако вторые сущности означают не просто какое-то качество, как, [например], белое: ведь белое не означает ничего другого, кроме качества. Вид же и род определяют качество сущности: ведь они указывают, какова та или иная сущность. Род при этом определяет нечто большее, чем вид: тот, кто говорит “живое существо”, охватывает нечто большее, чем тот, кто говорит “человек”» (Aristot. Categ. 3b 10–24. Пер. З. Н. Микеладзе). По словам Иттера, на Климента «влияние аристотелизма, стоицизма, среднего платонизма и неоплатонизма, Филона и ранних христианских отцов огромно (abound)» (Itter 2009: 1), из чего следует, что александрийский автор должен был иметь представление об учении Стагирита о сущностях, которое позже плодотворно будет использовать свт. Василий Великий при создании т.н. «каппадокийского синтеза».

6) «Если кто-то по природе знает Бога, как думает Василид, называющий высшую мысль верой, а также царством и творением, достойным сущности Сотворившего, объясняя, что рядом <с Ним> находится эта сущность (οὐσίαν), природа и субстанция (ὑπόστασις), но не свобода (ἐξουσία), то он говорит, что вера — это не разумное согласие обладающей свободным

выбором души, а неопределённая красота, принадлежащая непосредственно творению» (Strom. V, 1, 3, 2).

7) «Они действительно являются братьями в соответствии со <своим> избраннычеством и согласно сходству нравов, и по природе дел (κατὰ τὴν τῶν ἔργων ὑπόστασιν), одни и те же святые и прекрасные деяния совершая, думая и говоря <...>» (Strom. VII, 12, 77, 1).

8) «Поэтому мы говорим, что древняя и кафолическая Церковь и по сути (κατὰ τε ὑπόστασιν), и по представлению (κατὰ τε ἐπίνοιαν), и по происхождению (κατὰ τε ἀρχήν), и по преимуществу (κατὰ τε ἐξοχήν) едина» (Strom. VII, 17, 107, 5).

9) В «Пророческих эклогах» читаем: «“Ты благословен, взирающий на бездны, сидящий на Херувимах”, говорит Даниил, соглашаясь с Енохом, изрекшим: “И узрел я всю материю” (ср. 1 Enoch 19:3). Ибо бездна – это совершенно непроницаемое по своей сути (τὸ ἀπεράτωτον κατὰ τὴν ἰδίαν ὑπόστασιν), проходимое же силой Бога (περατιούμενον τῇ δυνάμει τοῦ θεοῦ)» (Ecl. 2, 1–2).

10) В «Извлечениях из Феодота» сказано: «Эту плоть (τὸ σαρκίον) Спаситель назвал “соперником” (Мф. 5:25), а Павел – “законом, противодействующим закону моего ума” (Рим. 7:23); Спаситель также увещевает “связать и расхитить”, как у сильного, <его> “сосуды” (Мф.12:29), противоборствующего небесной душе (τῇ οὐρανίῳ ψυχῇ); и советует “примириться с ним на пути, чтобы нам не быть брошенным в темницу” (Лк. 12:58) и <не подвергнуться> наказанию; равным образом и “благоволить” ему, не питая и не укрепляя свободой согрешений, но затем уже умерщвляя и являя слабым из-за воздержания от зла, чтобы в этом распаде и расхищенное, и развеянное сокрылось, но, не получив само по себе некое собственное существование (τινὸς ὑποστάσεως), не имело бы надёжной силы при прохождении через огонь» (Excerpta ex Theodoto, 3, 52, 1–2).

В Новом Завете слово ὑπόστασις употребляется 3 раза (кроме процитированных выше стихов Евр. 1:3 и Евр. 11:1) (Schmoller 1994: 500): «И чтобы, когда придут со мною Македоняне и найдут вас неготовыми, не остались в стыде мы, – не говорю “вы”, – похвалившись с таким основанием → с такою уверенностью (ἐν τῇ ὑποστάσει ταύτῃ)» (2 Кор. 9:4). «Что скажу, то скажу не в Господе, но как бы в неразумии при таком основании / уповании на похвалу (ἐν ταύτῃ τῇ ὑποστάσει τῆς καυχήσεως)» (2 Кор. 11:17). «Ибо мы сделали участниками Христу, если только начаток основания / уверенности (τὴν

ἀρχὴν τῆς ὑποστάσεως) твердо сохраним до конца» (Евр. 3:14). Во всех этих случаях, кроме Евр. 1:3, согласно Новому лингвистическому и экзегетическому ключу к греческому тексту Нового Завета (Cleon, L. Rogers, Jr., Cleon, L. Rogers III 2001: 645, 652, 801, 828], слово ὑπόστασις имеет значение «основание, уверенность, упование».

Согласно (Lust, Eynikel, Hauspie 1996: 495), слово ὑπόστασις в значениях, отдалённо напоминающих интересующее нас, в Септуагинте встречается дважды: «(actual) existence» ἡ ὑπόστασις μου ὥσει οὐθεν ἐνώπιόν σου «и составъ мой (᾿τῆπι) яко ничтоже пред тобою» (Ps. 38(39): 6) и «being of God» ἔστησαν ἐν τῇ ὑποστάσει μου «аще бы стали в совѣтъ (᾿τίσβ) моему» (Jer. 23:22). Согласно (Muraoka 2009: 705), анализируемое слово в значении «existence» употребляется семь раз: Ps. 38:6 (см. выше), μνήσθητι τίς μου ἡ ὑπόστασις «помяни, кий мой составъ» (Ps. 88:48), καὶ ἡ ὑπόστασις μου ἐν τοῖς κατωτάτοις τῆς γῆς «и составъ мой въ преисподнихъ земли» (Ps. 138:15), καὶ ἡ ὑπόστασις μου παρὰ σοῦ ἐστίν «и составъ мой от Тебе есть» (Ps. 38:8), ἐνεπάγην εἰς ἰλὸν βυθοῦ, καὶ οὐκ ἔστιν ὑπόστασις «углѣдохъ въ тимѣниі глубины, и нѣсть постоѧніѧ» (Ps. 68:3), ὅταν ἐξέλθῃ ἐπὶ ἁμαρτωλοὺς ἀπὸ προσώπου κυρίου ὀλεθρευσαὶ πᾶσαν ὑπόστασιν ἁμαρτωλῶν «когда <праведник> изыдет к грешникам от лика Господа сокрушить всё бытие их» (Ps.Sol. 15:5), ἐν ῥάβδῳ σιδηρᾷ συντρίψαι πᾶσαν ὑπόστασιν αὐτῶν «<препоаяшъ Сына Давидова> жезлом железным разбить всё существо их» (Ps.Sol. 17:24).

Мы видим, что в Новом Завете у анализируемого слова значение весьма далеко от того, в каком оно употреблялось в «Септуагинте».

Рассмотрим случаи употребления Климентом конструкции «χαρακτήρ+genitivus»:

1. «<...> позорящие образ благородных жён (τῶν ἐλευθέρων γυναικῶν λυμανόμεναι τὸν χαρακτήρα)» (Paed. III, 2, 7, 1).

2. «Диалект — это речь (λέξις), выявляющая характерную особенность местности (ἰδιὸν χαρακτήρα τόπου ἐμφαίνουσα), или речь, проявляющая особенные или общие черты народа (ἰδιὸν ἢ κοινὸν ἔθνος ἐπιφαίνουσα χαρακτήρα)» (Strom. I, 21, 142, 3).

3. «<...> не сохраняют знак, характерный для мученичества верующего (οὐ τὸν χαρακτήρα σῶζουσι τοῦ μαρτυρίου τοῦ πιστοῦ)» (Strom. IV, 4, 17, 3).

4. «являя в качестве священного символа светлый знак праведности (τὸν χαρακτῆρα τῆς δικαιοσύνης τὸν φωτεινόν)» (Strom. IV, 18, 116, 2).

5. «в соответствии со стилем “Стромат” (κατὰ τὸν τῶν Στρωματέων χαρακτῆρα)» (Strom. VI, 1, 1, 4).

6. «стиль Писания является притчевым (παραβολικὸς ὁ χαρακτῆρ ὑπάρχει τῶν γραφῶν)» (Strom. VI, 15, 126, 3).

Мы видим, что Климент употребляет слово χαρακτήρ (в Новом Завете в Евр. 1:3 оно представляет собой гапакс, в Ветхом Завете оно встречается трижды: в Лев. 13:28 [знак ожога], 2 Макк. 4:10 [эллинский образ жизни], 4 Макк. 15:4 [облик ребёнка]) в значении «черта, характеризующая то, что относится к некоторому роду»: имеет определённый социальный статус, принадлежит к той или иной местности или народу, является характеристикой образа жизни, жанра. В тезисе апостола Павла о Логосе как образе сущности Отца слово χαρακτήρ обозначает единственный Знак сущности конкретного единственного Субъекта, т.е. знак того, что, по Аристотелю, можно отнести к τόδε τι, к «первой сущности», которая не может в предложении быть предикатом, которой нельзя быть причастным, и которую, следовательно, нельзя на ком-либо запечатлеть. Иначе обстоит дело с силой / славой Бога. Климент утверждает: «Соломон говорит, что прежде неба, земли и всего сущего во Всемогущем возникла Мудрость, причастность к которой (ἥς μέθεξις) — я имею в виду причастность в отношении силы, а не сущности (ἢ κατὰ δύναμιν, οὐ κατ’ οὐσίαν) — учит быть знающим божественное и человеческое» (Strom. VI, 16, 138, 4). Противопоставление сущности и силы было характерно для Климента: «Но Тот, Кто далеко, — о, невыразимое чудо! — приблизился совсем близко. “Я Бог, Который приближается”, — говорит Господь. По сущности Он далек (πρόρῳ μὲν κατ’ οὐσίαν); ибо как это рожденное могло приблизиться к Нерожденному? Но Он очень близок благодаря силе (ἐγγυτάτῳ δὲ δυνάμει), что держит всё в своих объятиях» (Strom. II, 2, 5, 4). К этой мысли он вернётся вновь: «<...> человеческая речь по <своей> природе слаба и неспособна выразить Бога. Я не говорю о <Его> имени <...> и сущности (τὴν οὐσίαν), ибо это невозможно, но о силе (τὴν δύναμιν) и делах Божиих» (Strom. VI, 18, 166, 2). Ср. «Есть разница между поиском Бога и поиском Божиего. Говоря в целом, во всём необходимо отличать акциденции от сущности (τῆς οὐσίας τὰ συμβεβηκότα)» (Strom. VI, 17, 150, 7).

Любопытно, что Климент называл Сына «Отчей энергией» (καὶ ἔστιν ὡς εἰπεῖν πατρικὴ τῆς ἐνέργειας ὁ υἱός) (Strom. VII, 2, 7); не следует, однако, в этих словах александрийского богослова усматривать элементы динамизма.

Обратимся к сочинениям Филона Александрийского, оказавшего большое влияние на изучаемого нами автора. Филон писал: «Великий Моисей, никому из существующего вид разумной души не уподобил, но сказал, что она есть неподдельная монета божественного и невидимого того Духа, отмеченная и запечатленная печатью Бога, знаком которой является вечный Логос (σφραγίδι θεοῦ ἧς ὁ χαρακτήρ ἐστὶν ὁ αἰδῖος λόγος)» (Philo. De plantatione, 18). Говорил Филон и о знаке совершенной добродетели (τὸν τῆς τελείας ἀρετῆς χαρακτήρα) (Legum allegoriarum. I, 61). В другом месте у него сказано: «Силе, общей с неразумными, в качестве сущности выпала кровь, а той, что проистекает из разумного источника, — дух, не находящийся в движении воздух, а некий оттиск (τύπον) и знак божественной силы (χαρακτήρα θείας δυνάμεως). Именно его Моисей называет его собственным именем — “образом” (εἰκόνα), показывая, что Бог есть архетип разумной природы, а подобие и отображение — человек, не двухприродное живое существо, но наилучший вид души, который называется умом и логосом» (Quod deterius potiori insidiari soleat 83, пер. И. А. Макарова с изменением). «Согласно филоновскому толкованию библейского эпизода, посвящённого созданию человека *по образу, κατ' εἰκόνα*, Бога, образом Бога является умпостигаемый человек, или нетварный ум, в то время как смертный человек является *образом образа, εἰκὼν εἰκόνο*ς» (Макаров 2000: 246). Мысль Филона достаточно точно передаётся Климентом: «Ибо образ Бога — Логос Его (Божественный Логос есть истинный Сын Ума, архетипичный Свет от Света), образ же Логоса — истинный человек, то есть ум, который в человеке, называемый по этой причине созданным *по образу и подобию Божьему*, сравниваемый (παρεϊκαζόμενος) нашими чувствами с божественным Логосом и потому разумный» (Protr. 10, 98, 4). У Филона так же, как и у Климента, слово χαρακτήρ не соотносится с сущностью Бога.

Климент говорит: «Как много раз очищенное серебро, испытывается праведник (εἰς δοκίμιον καθίσταται), став монетой (νόμισμα) Господа и восприняв царскую чеканку (χάραγμα)» (Strom. VI, 7, 60, 1). В «Пророческих эклогах» александрийский автор заявляет: «Когда мы были перстными, мы были Кеса-

ревыми. Кесарь же — временный правитель, у которого перстный и образ (εἰκών) — ветхий человек, к которому он (образ) возвратился. Итак, ему (кесарю) должно быть возвращено перстное, которое “мы носили в образе перстного” и “Божие — Богу”. Ибо каждая из страстей для нас — словно буква (γράμμα), начертание (χάραγμα) и знак (σημεῖον). Но теперь для нас другое начертание (χάραγμα) — Господь, и Он запечатлевает (ἐνσημαίνεται) <на нас> другие имена и буквы — веру вместо неверия и так далее. Таким образом мы переводимся от вещественного к духовному, “неся образ (τὴν εἰκόνα) небесного”» (Ecl. 24, 1–3). Из этого с большой долей вероятности следует, что для Климента Сын не мог быть знаком сущности Отца (χαρακτήρ τῆς ὑποστάσεως): в противном случае Он должен был бы запечатлевать эту «<первую> сущность» в нас, что невозможно, ибо эта сущность непричастуема. Как знак Отчей Славы Сын сообщает нам её блистание, что хорошо соотносится со словами Климента в «Пророческих эклогах» и в «Протрептике»: «Мы станем носящими образ Божий (οἱ τὴν εἰκόνα τοῦ θεοῦ περιφέροντες) <т. е. Христа> в живом и двигающемся этом изваянии — человеке, — образ, живущий с нами, подающий советы, беседующий, сотрапезничающий, сочувствующий нам, страдающий за нас» (Protr. 4, 59, 2). Идея запечатления на душе человека некоего знака, вероятно, нравилась Клименту. В «Строматах» он говорит: «Ибо <человек> не создаётся бесформенным и безобразным в мастерской природы, где таинственно совершается творение человека, когда искусство и сущность являются общими <для всех людей>. Но некий конкретный человек приобретает <определённые> черты (χαρακτηρίζεται) в соответствии с появляющимся в душе оттиском (κατὰ τύπωσιν) того, что она выберет» (Strom. IV, 23, 150, 2).

У Климента мы находим своеобразный намёк на невозможность *причастности* праведника божественной сущности, о чём позже будет говорить прп. Григорий Палама, согласно которому человек может быть причастным лишь божественной энергии. Однако *постижение* божественной сущности Климент (в отличие от позднейших авторов) допускает: «Если “молоко”, о котором говорит апостол, предназначено для младенцев, а “твёрдая пища” — для совершенных, то под «молоком» следует понимать катехизическое обучение — своего рода первую пищу для души. А «твёрдая пища» — это мистическое созерцание, ибо это плоть и кровь Логоса, то есть постижение

божественной силы и сущности (κατάληψις τῆς θείας δυνάμεως καὶ οὐσίας). <...> Ибо познание (ἡ γνῶσις) божественной сущности — это пища и питьё божественного Логоса (Strom. V, 10, 66, 2–3). Непричастуемая «первая сущность», не может быть запечатлена на ком-либо или передана кому-либо, следовательно, Логос не мог восприниматься Климентом как представляющий собой её знак, в то время как слава вполне способна быть запечатлеваемой. В этой связи осуществлённая Климентом замена эпитета χαρακτήρ τῆς ὑποστάσεως αὐτοῦ на эпитет χαρακτήρ τῆς δόξης τοῦ πατρός представляется вполне закономерной.

Понимая недопустимость истолкования слов, используемых христианским автором рубежа II–III вв. в духе Отцов Церкви IV и XIV вв., заметим, что терминология последних формировалась на основании словоупотребления предшествующих столетий.

Итак, анализируя употребление Климентом слов χαρακτήρ / χάραγμα и ὑπόστασις и учитывая «контаминацию» элементов стиха Евр. 1:3 в Strom. VII, 10, 58, 4 и Strom. VII, 3, 16, 6, мы можем предположить, что этот александрийский богослов стоит у самых истоков позднейшего учения Отцов Церкви о непричастуемой «первой сущности» т. е. ипостаси/личности и о возможности познания «второй сущности» посредством её энергии — славы.

Литература:

- Aland, K. 1987: *Novum Testamentum. Graece et Latine*. Edd. K. Aland et alii. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft.
- Bigg, Ch. 1913: Bigg, Ch. *The Christian Platonists of Alexandria*. Oxford: Clarendon Press.
- Kholodov, E. V 2022: [The Image of Origen and the Four Cardinal Virtues in the “Gratitude Speech to Origen” by St. Gregory the Wonderworker]. In: *Metafrast*. 2(8). P. 103–161.
- Холодов, Е. В. 2022: Образ Оригена и четыре главные добродетели в «Благодарственной речи Оригену» свт. Григория Чудотворца. В сб. *Метафраст*. Вып. 2(8). С. 103–161.
- Cleon, L. Rogers, Jr., Cleon, L. Rogers III. 2001: [*The new linguistic and exegetical key to the Greek New Testament*]. Клеон, Л. Роджерс-младший, Клеон, Л. Роджерс III. 2001: *Новый лингвистический и экзегетический ключ к греческому тексту Нового Завета*.
- Itter, A. C. 2009: Esoteric teaching in the *Stromateis* of Clement of Alexandria. In: *Supplements to Vigiliae Christianae. Texts and*

- Studies of Early Christian Life and Language*. Leiden, Boston: Brill. Vol. 97.
- Gilliland, M. C. M. 2016: Gilliland, M. C. M. *The Text of the Pauline Epistles and Hebrews in Clement of Alexandria*. Thesis Submitted for the degree of PhD at the University of Edinburgh School of Divinity. Edinburgh.
- Krivko, R. N. 2017: [Menaion]. In: *The Orthodox Encyclopedia*. Vol. 45. P. 273–279.
- Кривко, Н. Р. 2017: Минея. В *Православной энциклопедии*. Том 45. С. 273–279.
- Lampe, G. W. H. 1961: *A Patristic Greek Lexicon*. Ed. G. W. H. Lampe. Oxford: At the Clarendon Press.
- Lust, J., Eynikel, E., Hauspie, K. 1992: *A Greek-English Lexicon of the Septuagint*. Compiled by J. Lust, E. Eynikel, K. Hauspie with the collaboration of G. Chamberlain. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, Part I.
- Lust J., Eynikel E., Hauspie K. 1996: *A Greek-English Lexicon of the Septuagint*, Compiled by J. Lust, E. Eynikel, K. Hauspie. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1996. Part II.
- Makarov, I. A. 2000: Makarov, I. A. [Commentary]. In: Philo of Alexandria. Old Testament Interpretation. P. 238–251.
- Макаров, И. А. 2000: Комментарий. В кн. Филон Александрийский. Толкования Ветхого Завета. С. 238–251.
- Metzger, B. M. 1994: Metzger B. M. *A textual commentary on the Greek New Testament*. 4-th ed. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft.
- Muraoka, T. 2009: Muraoka, T. *A Greek-English lexicon of the Septuagint*. Louvain, 2009.
- Potter, J. 1715: Clementis Alexandrini Opera, quae extant. Ed. J. Potter. Oxonii.
- Schmoller, A. 1994: Schmoller A. *Handkonkordanz zum griechischen Neuen Testament*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1994.
- Thompson, J. W. 2006. The Epistle to the Hebrews in the Works of Clement of Alexandria. In: *Transmission and Reception: New Testament Text-Critical and Exegetical Studies* Ed. by Jeff W. Childers and David C. Parker. Piscataway, NJ, USA: Gorgias Press, 2006. P. 239–254.

Л. В. Братухина

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Loli28@yandex.ru

ОБРАЗ ЦИРЦЕИ В ПОЭМЕ Э. ПАУНДА «THE CANTOS» (CANTO CVI)

В статье рассматривается образ Цирцеи (Кирки) в Canto CVI из цикла «*Thrones de los Cantares*» (1956–1958) поэмы «*The Cantos*». В избранном для анализа Canto героиня-повествователь достигает одной из важнейших в контексте всего произведения целей — обретение опыта мистического созерцания, приводящего к познанию сверхчувственной реальности. Основным предметом анализа в статье становится образ Цирцеи, прослеживается связанный с нею мотив созерцания света, метафорически представляющего сверхчувственный мир. Отмечается неоднозначный характер хозяйки острова Ээи, происходящей от солнечного божества, но причастной к тайнам царства Аида. В статье образ Цирцеи рассматривается в своеобразной системе ипостасей женской богини, выстраивающейся в «*The Cantos*». Прослеживаются интертекстуальные отсылки Canto CVI, связанные с пониманием образа Цирцеи, к сочинениям неоплатоников Плотина и Прокла. Уделяется особое внимание одному из важнейших претекстов всей поэмы и Canto CVI в частности — «Божественной Комедии» Данте. В заключении делается вывод о неоднозначной роли Цирцеи в процессе обретения мистического знания.

Ключевые слова: Э. Паунд, «Кантос», Цирцея, Персефона, Арсиноя, Береника, Плотин, Прокл, неоплатонизм, Данте, «Божественная Комедия».

L. V. Bratukhina

Perm State National Research University,

Loli28@yandex.ru

The Image of Circe in *The Cantos* by E. Pound (Canto CVI)

The article examines the image of Circe (Circe) in Canto CVI from the cycle *Thrones de los Cantares* (1956–1958) of the poem *The Cantos*. In the Canto chosen for analysis, the narrator achieves one of the most important goals in the context of the entire work — gaining the experience of mystical contemplation, leading to the knowledge of supersensible reality. The choice of the subject of consideration is determined by the abundance of references to characters from ancient Greek mythology, representing female deities, becoming symbols of “divine presence and Love in this world” (Liebregts 2004: 368). Of these, the article examines Demeter,

Persephone, Athena, Artemis, and also puts forward an assumption about whom else the author hides behind the unattributed mention of a certain goddess similar to Circe. The main subject of the analysis in the article is the image of Circe, the motif of contemplation of light, metaphorically representing the supersensible world, associated with her is traced. The ambiguous character of the mistress of Eea, descended from the solar deity, but involved in the mysteries of the kingdom of Hades, is noted (both in ancient sources and in Pound's interpretation). In the article, the image of Circe is considered in a peculiar system of hypostases of the female goddess, built in *The Cantos*. The intertextual references of Canto CVI, associated with the understanding of the image of Circe, to the works of the Neoplatonists Plotinus and Proclus are traced. Particular attention is paid to one of the most important pretexts of the entire poem and Canto CVI in particular *The Divine Comedy* by Dante Alighieri. A separate topic of consideration is the deified queens of Hellenistic Egypt, Arsinoe and Berenice, mentioned by Pound, included in the system of divine female hypostases. A conclusion is drawn about Circe's ambiguous role in the process of the acquisition of mystical knowledge.

Keywords: E. Pound, *The Cantos*, Circe, Persephone, Arsinoe, Berenice, Plotinus, Proclus, Neoplatonism, Dante, *The Divine Comedy*.

Поэма Э. Паунда «*The Cantos*», начало создания которой относится ко второму десятилетию XX века, завершается «последним из законченных и подготовленных для печати самим автором разделов» — «*Thrones de los Cantares*», написанным в 1956–1958 гг. Повторяя сюжетную схему «Божественной Комедии», к песням которой отсылает название цикла (Bronnikov 2018: 765), Э. Паунд в финале произведения представляет свое видение Рая, рисуя «пеструю картину интеллигибельной реальности, выстроенной в соответствии с неоконфуцианско-неоплатоническим идеалом» (Ibid.). В состав цикла входят песни, начиная с XCVI по CIX; предметом рассмотрения в настоящей статье является Canto CVI, изображающее достижение одной из важнейших целей героя произведения — обретение мистического знания.

В тексте Canto CVI упоминаются древнегреческие богини Деметра, Персефона, Афина, Афродита, Селена. А. В. Бронников справедливо называет эту песню «последней из “мифологических”» (Bronnikov 2018: 773). Однако самым интересным мифологическим персонажем Canto CVI становится Цирцея (Кирка): ее имя оказывается связанным с разными мифологическими сюжетами и с другими женскими божествами.

Начинается Canto с вопроса, в котором упоминается имя Деметры и указываются эпитеты, относящиеся к ее дочери:

«*And was her daughter like that, / Black as Demeter's gown, / eves, hair', / Dis' bride, Queen over Phlegethon*» (Pound 1975: 752). Следующее появление Персефоны в тексте Canto CVI представляет образ богини после драматичной истории ее возвращения из царства Аида: «*for the gold light of wheat surging upward / ungathered / Persephone in the cotton-field*» (Pound 1975: 753). (Ср. «Выслала тотчас колосья на пашнях она плодородных, / Зеленью буйной, цветами широкую землю одела / Щедро» Ном. гимн. V, 471–473, пер. В. В. Вересаева). Ещё раз Персефона упоминается вместе с Цирцеей: «*this is grain rite / near Enna, at Nyssa / Circe, Persephone*» (Pound 1975: 753). Нисса¹ и Энна² являются названиями предполагаемого места похищения Персефоны; указанные через запятую, они соотносятся с подобным же перечислением Цирцеи и Персефоны — названия знакового в мифологическом сюжете места словно бы сближают этих богинь³. Также важно подчеркнуть, что Нисса и Энна связаны именно с моментом похищения в истории Персефоны. В контексте «ритуала зерна» («grain rite») ее похищение можно рассматривать как ритуальное «умирание» — нисхождение в Аид, за которым следует возрождение, что символизирует не только смену времен года, но и религиозные представления о посмертном бытии, отраженные в обрядах Элевсинских мистерий (Anton 1899: 16). В образе Цирцеи также важна связь с загробным миром: её остров Эя находится «между обитаемым миром и Аидом», что «делает Цирцею своего рода стражем границы» (Obidina 2016: 12). Именно она сообщает Одиссею о необходимости путешествия в Аид и наставляет героя, как там себя вести. С острова Эя начинается «путешествие» Одиссея в мир мертвых. Отметим, что именно с этого момента «Одиссеи» начинается поэма Э. Паунда: «*And*

¹ «...вдруг раскололась широко / Почва Нисийской равнины, и прынул на конях бессмертных / Гостеприимец-владыка, сын Кроноса многоименный» (Ном. гимн. V. 16–18, пер. В. В. Вересаева).

² Согласно Н. Обнорскому, Ἐννα, Νεσσα на Сицилии — город, в котором культ сицилийской богини плодородия слился с почитанием Деметры, потому неудивительно, что здесь по преданию находится «пуг, на котором...играла с подругами Персефона (Кора), и грот, через который Айдоней похитил ее» (Obnorskiĭ 1904: 847).

³ Некоторые исследователи, усматривают в тесте Паунда противопоставление Ниссы и Энны, но при этом подчеркивают тождество Цирцеи и Персефоны как приблизительно схожих «богинь растительности» (Bacigalupo 1980: 436, ср. Pryor 2018: 303).

then went down to the ship, / Set keel to breakers, forth on the godly sea, and / We set up mast and sax! on that swart ship» (Pound 1975: 3). Это свидетельствует о важности для автора сюжета нисхождения Одиссея в Аид. Образ многохитрого и многострадального царя Итаки — входит в одну из ипостасей повествователя, который у Паунда предстает этаким «ученым-поэтом, плывущим за знанием» и «беседующим с Тиресием из Фив» (Dekker 1963: 38). К приключениям Одиссея и его спутников на острове Цирцеи автор неоднократно возвращается в различных циклах поэмы⁴.

История Цирцеи в Canto CVI развивается своеобразно. Само имя Цирцеи появляется в рассуждении о какой-то неназванной нимфе или богине: *«the juniper is her holy bush / between the two pine trees, not Circe / but Circe was like that / coming from the house of smoothe stone»* (Pound 1975: 753–754). Можно предположить, это Медея, поскольку как один из ее атрибутов упоминается можжевельник⁵ (этим растением колхидская царевна усыпляет змея, стерегшего золотое руно, см.: Apoll. Rhod. Arg. IV, 156–161)⁶. Уподобление Цирцеи основано на родстве персонажей: Медея, дочь Ээта, сына Гелиоса, являющегося отцом Цирцеи, — племянница последней. Паунд словно бы подчеркивает значимый родовой признак потомков Гелиоса: *«nor could enter her eyes by probing / the light blazed behind her / nor was this from sunset»* (Pound 1975: 754) (ср. Apoll. Rhod. Arg. IV, 725–729). Если с Персефоной Цирцея сопоставляется у Паунда как хтоническая богиня, связанная с сюжетом схождения в мир мертвых, то сопоставление с Медеей намекает на оптимистичное завершение этого сакрального опыта. Дочь Ээта упоминается среди тех, кому уготована лучшая участь после смерти —

⁴ В Canto XX («**A Draft of XXX Cantos**»), Canto XXXIX («**Eleven New Cantos**»), Canto LXXIV («**The Pisan Cantos**»).

⁵ Можжевельник упоминается в Canto CI «Junipers, south side» (Pound 1975: 723). В примечаниях А. В. Бронников указывает: «Паунд видел горы, поросшие зарослями можжевельника на фотографиях в книге Дж. Рока о культах дто-мба в южном Китае» (Bronnikov 2018: 771). В религии бон, одной из разновидностей которой являются названные культы, можжевельник предстает мировым деревом. Представляется, что Паунд, вдохновившись почитанием можжевельника в культах бон, находит аналог в древнегреческой традиции.

⁶ LSJ дает в качестве толкования два разных растения, не пытаясь идентифицировать то, которое появляется у Аполлония. Остается неясным, идет ли речь о *Juniperus macrocarpa* или о *Phenician cedar*. — *Прим. ред.*

пребывание на Елисейских полях (Apoll. Rhod. Arg. IV, 811–814; Apollod. Epit. V, 5), что можно сравнить с райским блаженством.

Мотив зрения-созерцания становится важнейшим в образе Цирцеи. Он повторяется в тексте Canto CVI, немного различаясь в формулировках. Ср.: «*nor could enter her eyes by probing / the light blazed behind her*» (Pound 1975: 754), «*By Circeo, the stone eyes looking seaward / Nor could you enter her eyes by probing*» (Ibid.), «*no name Circe's were not, having fire behind them*» (Pound 1975: 755). В этих фразах отражается неоплатоническая метафора созерцания света как соединения с Благом-Единым. Это уподобление встречается в «Эннеадах» Плотина⁷. Называя «бестелесный» свет «и логосом и эйдосом» во тьме материи, а огонь — занимающим «место эйдоса относительно других стихий... как наиболее близкий к бестелесному» (Plot. Enn. I, 6, 3; пер. Т. Г. Сидаша, Р. В. Светлова), Плотин заключает, что созерцать его способен лишь тот, кто стал «родственным зримому»: «Никогда бы не смог глаз увидеть Солнце, не став солнцевидным, и душа никогда не увидит Красоты, не став прекрасной» (Plot. Enn. I, 6, 9; пер. Т. Г. Сидаша, Р. В. Светлова). У Плотина описана эта ситуация созерцания Прекрасного неподготовленным человеком: «Если же ты приступишь к созерцанию с гноящимися глазами, больными и неочищенными, если приступишь слабым, лишенным по малодушию возможности видеть все свету, то ничего не увидишь, даже если кто-нибудь и покажет тебе [что-либо] присутствующее там и доступное видению» (Ibid.).

Анализируя Canto CVI в контексте неоплатонических идей, П. Либритс рассматривает упоминаемых в тексте Цирцею, Артемиду, Афины, Афродиту как проявление «божественного присутствия и Любви в этом мире» (Liebrechts 2004: 368). Можно соотнести эти слова с размышлениями Плотина об Эросе и Афродите: «Нужно думать, что в [космическом] целом и Афродит много; они возникают в нем, как демоны, вместе с Эросом, истекая из некоей всецелой Афродиты, так что есть много частичных Афродит, зависящих вместе со своими эросами от одной [всецелой Афродиты]» (Plot. Enn. III, 5, 4;

⁷ О знакомстве Э. Паунда с идеями Плотина и о влиянии основателя неоплатонизма на художественный мир поэмы «The Cantos» можно судить по упоминанию философа и обыгрыванию его идей в Canto XV, XCVIII, XCIX, CI.

пер. Т. Г. Сидаша). Обилие богинь в *Canto CVI*, отражая «изменения и метаморфозы» физической реальности, по мнению П. Либритса, демонстрирует фрагментарность представлений об идеальном сверхчувственном мире, полное и постоянное знание о котором невозможно (Liebregts 2004: 368).

Отметим, что Плотин метафорически упоминает Цирцею и Одиссея, поясняя созерцание Прекрасного. Из общего контекста можно сделать вывод, что Цирцея у него предстает одним из искушений — неподлинной, телесной красотой, приводящей к погружению ума в «темную бездну», а в конечном итоге к пребыванию «слепым в Аиде» (Plot. *Enn.* I, 6, 8; пер. Т. Г. Сидаша, Р. В. Светлова). Правильным же выбором для гомеровского героя, являющегося «символом души, в стремлении к истинной отчизне преодолевающей трудности и искушения» (Sidash, Svetlov 2004: 242), становится призыв: «“Бежим же в милое отечество!”» (Ср. II, 2, 140) — вот истинное побуждение! Что же это за бегство, как осуществить его? Выйдем в море, как Одиссей, убегая волшебницы Кирки... Отечество наше там, откуда мы пришли, и Отец наш там же» (Plot. *Enn.* I, 6, 8; пер. Т. Г. Сидаша, Р. В. Светлова).

Представляется, что образ Цирцеи, с учетом всех рассуждений Плотина, оказывается не столь однозначно связан с познанием-созерцанием, чтобы представить её в одном ряду с иными ипостасями «всецелой Афродиты». Цирцея у Паунда, безусловно, соотнесена с солнечным светом, символизирующим сверхчувственный мир — Единое. Помимо процитированных выше фрагментов о свете-огне, сопровождающем ее, в тексте *Canto CVI* приводится родословие богини: «*Athene Pronoia, / In hypostasis Helios, Perse Circe / Zeus Artemis out of Leta*» (Pound 1975: 754). В этом пассаже Артемиды, Кирки, Афина словно воспроизводят триаду Коры, указанную у другого неоплатоника, Прокла: Артемиды Кóрова, Персефона, Афина Кóрова (ср. Paus. *Graec. Descript.* VIII, 31, 2) — «одна располагается в ее высшем чине в наличном бытии, другая выступает в качестве силы, несущей с собой жизнь, а третья — как живородящий ум» (Procl. *Theol. Plat.* VI, 11, 51.22–25; пер. Л. Ю. Лукомского). Замена Персефоны на Кирку подготовлена Паундом в *Canto CVI* упоминаемым выше сопоставлением этих богинь. Прокл указывает следующие функции участниц триады: «одна из них обосновывает все в самой себе, другая влечет все к становлению (так как порождать подобает душе), а третья возвращает все к себе» (Procl. *Theol. Plat.* VI, 55. 8–10). Особо

выделяется позиция промежуточной Кору — Персефоны, причастной к «крайним чинам» — Артемиде и Афине, которым «соответствуют независимость и девственность», а вот атрибуты Персефоны — радость «выходу за свои пределы и размножению», а также «тяга к совокуплению и соприкосновению с рожденным» (Procl. Theol. Plat. VI, 55. 15–18)⁸. Эти характеристики можно справедливо отнести и к Цирцее, которая, как и Персефона, связана с культом плодородия и с Аидом. Дж. Деккер, комментируя интерпретацию образа Цирцеи в «The Cantos», отождествляет сходжение в Аид Одиссея-Паунда с половым актом, поясняя, что инструкции для путешествия загробный мир даются лирическому герою во время совокупления с Цирцеей (Dekker 1963: 38).

Паунд в Canto CVI сближает двух богинь, а затем заменяет Персефону Цирцеей, акцентируя мотив видения-созерцания, который в образе хозяйки Ээи явно связан со светом, исходящим из глаз Гелиад, и отсылает к неоплатоническому символу Единого — Солнцу. Неоднократные упоминания о невозможности проникнуть сквозь этот свет («nor could enter her eyes by probing»), скорее всего, следует понимать как неготовность/неспособность лирического героя к созерцанию Единого, что, как выше отмечалось, у Плотина метафорически также связано с Цирцеей.

Canto CVI в создании образа дочери Гелиоса перекликается не только с сочинениями неоплатоников, но и с «Божественной Комедией». Паунд упоминает гору Цирцеи — Circeo — место на побережье Италии, близ которого Вергилий располагает владения Кирки (Aen. VII, 1–24). Об этом же месте говорится в XXVI песне «Ада», когда Улисс вспоминает о своем последнем путешествии, завершившимся гибелью корабля и команды около горы Чистилища. Примечательно, что именно прощание с Киркой⁹ Одиссей называет отправной точкой этого последнего неудачного странствия. Герой словно бы последовал призыву Плотина бежать от уводящей от истины Цирцеи, но

⁸ Попытки искать триаду для древнегреческой религии начинали с микенского времени. Триада не может состоять из одной богини. Тогда надо бы считать упоминаемую у Павсания Геру, которая почиталась в трех ипостасях, включая детскую и зрелую — *Прим. ред.*

⁹ Р. Буш подчеркивает сходство первых строк поэмы Паунда, открывающейся рассказом Одиссея о путешествии в Аид, и начала рассказа Одиссея в поэме Данте (Bush 1963: 19).

заглянуть за пределы чувственного мира ему не удалось: увидев гору Чистилища, Одиссей и его спутники не смогли добраться до нее. Таким образом, строки Паунда — «By Circeo, the stone eyes looking seaward / Nor could you enter her eyes by probing» (Pound 1975: 754) — отражают неудачный характер последнего странствия многострадального царя Итаки.

Мотив созерцания-видения, важный в образе Цирцеи, очень напоминает способ путешествия автора-героя «Божественной Комедии» по сферам Рая: «Вперила в солнце Беатриче око: / Орлице ввек так не взглянуть светло, / И как второй исходит луч высоко / От первого, и мчится к высотам, / Как странник, в дом спешащий издалека. — / Так взором тем, переданным очам / Души моей, дана мне вдруг свобода / На солнце зреть, как лишь возможно там... / Я был ли дух, иль тело, мчась к планетам. / То знаешь Ты, Правитель сфер святой, / Любовь, вознесшая меня к ним светом» (I, 47–54, 73–75; пер. Д. Е. Мина). Герою поэмы Данте, в отличие от героя Паунда, доступно *trasumanar* (I, 70) — «пречеловеченье» (пер. М. Лозинского), «сверхчеловечность» (пер. Д. Е. Мина) — выход за пределы ограниченной человеческой природы, приближение к обожению, способное вознести героя в вышние сферы мироздания. В принципе, суть этого пречеловеченья почти по-плотиновски заключается в уподоблении созерцаемому: герой проходит сложный путь из адских глубин через Чистилище к земному раю и оттуда уже возносится выше, что представляет метафору очищения человеческого духа и обожения его. Однако сам механизм вознесения автор не раскрывает до конца, сохраняя ореол мистической тайны. Для того чтобы пояснить, что такое пречеловеченье, приводится пример превращения Главка в морское божество («Я чуял то ж, узрев ее в величье, / Что Главк в тот миг, как, трав вкусивши снедь, / Как бог морской, он стал волны добычей. / Сверхчеловечность как уразуметь / Из наших слов? Пойми ж в примере этом / То всяк, кому даст Благодсть небо зреть» (I, 67–72; пер. Д. Е. Мина) (ср. Ov. Met. XIII, 945–959).

Нечто подобное можно обнаружить и в Canto CVI: «*Selena Arsinoe / So late did queens rise into heaven / At Zephyrium, July that was, at Zephyrium / The high admiral built there, / Aedificavit / TO APHRODITE EUPLOIA / «an Aeolian gave it, ex voto / Arsinoe Kupris»* (Pound 1975: 755). В этих строках — имя обожествленной царицы Египта из Птолемеевской династии — Арсинои II Филадельфы, а также имя, под которым она почиталась —

Arsinoe Kupris, и имя богини, с которой отождествлялась — APHRODITE EUPLOIA. В тексте Паунда отразились сразу несколько литературных источников, раскрывающие исторические детали оформления её культа. Так, словно отсылая к двум эпиграммам Посидиппа, упоминается о строительстве храма навархом Калликратом (Posidipp. 12; 13). Кроме того, приводится дата смерти и вознесения царицы на небеса, почерпнутая из «иероглифической надписи», гласящей, что в это время «богиня отправилась на небо, воссоединилась с Ра» (Bevan 1914: 65). Вознесению Арсинои посвящен один из фрагментов Каллимаха (Callimach. Fr. 228). В тексте эгзегезы к фрагменту приводится греческая версия ее обожествления: «...она была восхищена Диоскурами» (Callimachus 1949: 218). Отметим, что Диоскуры сами являются обожествленными смертными, среди множества античных авторов принципиальный момент обожествления человека в том числе и на их примере особенно подчеркивают Павсаний (Paus. VIII. II 2) и Цицерон (Cic. *De nat. Deor.*, II. XXIV; III. XV, XVIII).

Однако множественное число паундовского *queens* подразумевает еще одну царицу эллинистического Египта — Беренику II, культ которой, наряду с культом Арсинои, «был нововведением Птолемеев, и его целью являлась популяризация власти Птолемеев в среде коренного населения Египта» (Basalova 2003: 18). О том, что это именно она, свидетельствует формулировка фразы, настойчиво повторяемая Паундом в Canto XCVII и CII: «*Berenice, late for a constellation, mythopoeia persisting*» (Pound 1975: 675), «*Berenice, a late constellation*» (Pound 1975: 730). Обожествление Береники, как и Арсинои, нашло отражение в литературе: в произведении Каллимаха, известном в переводе Катулла, излагается история возникновения созвездия «Волосы Береники». По воле Каллимаха читатель узнает эту историю от вознесенных на небеса кос царицы, принесенных ею в дар богам с просьбой о благополучном возвращении супруга — Птолемея Эвергета — из военного похода (Cat. 66). Помогает в вознесении дара Береники ранее обожествленная Арсиноя (Cat. 66. 52–62).

Упоминание обожествленных цариц, «взошедших на небо» уже в историческую эпоху, демонстрирует неизменность мифа, запечатлевшего сущностные законы бытия. Паунд не случайно, отмечая позднее «появление» созвездия, удостоверяющего божественность Арсинои и Береники, отмечает непреходящий характер «мифопоэзии» (*mythopoeia persisting*) — Pound 1975:

675). Собственно, поэма «The Cantos» — это и есть мифопоэзия, продолжающая традицию гомеровских времен. Отметим также, что Беренику и Арсиною, осуществивших, выражаясь языком Данте, «пречеловеченье», можно рассматривать как пример, противопоставленный неудачным попыткам лирического героя, отраженным, как упоминалось выше, в констатации неспособности проникнуть «в очи» гелиады Цирцеи, т. е. невозможности воспринимать свет, символизирующий сверхчувственный мир. Эту возможность герой поэмы обретает в финале Canto CVI: «God's eye art 'ou» (Pound 1975: 755). Что можно по-плотиновски понимать как достижение уподобления созерцаемому. В сюжете песни это происходит после обращения к одной из крайних ипостасей триады Кору, согласно Проклу, — Артемиде: «And in thy mind beauty, O Artemis» (Ibid.). Результатом этого обращения становится «бегство от волшебницы Цирцеи» («name Circe's were not, having fire behind them» — Ibid.), а показательными примерами — истории Арсиной и Береники.

Таким образом, Цирцея в Canto CVI неоднозначна в символическом познании-созерцании идеального мира. Владычица Ээи важна в контексте сюжета всей поэмы «The Cantos», начинающейся с монолога Одиссея и неоднократно обращающейся к его странствиям, поскольку связана с мотивом путешествия героя в царство Аида и Персефоны. Паунд словно дополняет античный сюжет, делая отсылку к «Божественной Комедии». Таким образом, завершение судьбы Одиссея, решающим моментом в которой становится визит на Ээю, представляется неоднозначным: после осуществленного наконец возвращения на родину герой отправляется в новые странствия, приведшие его уже окончательно в Ад, при том что он близко, как никто смертных, подошел к Чистилищу при жизни. Двойственная природа Цирцеи раскрывается в ее связи со светом-огнем, символизирующим идеальный мир, и одновременно невозможности созерцать то, что скрывает этот огонь. Представляется, что автор «The Cantos» следует метафоре Плотина, предлагающего бежать от Цирцеи-искушения: переход повествователя от неспособности проникнуть сквозь пламя за спиной богини к состоянию всецелого погружения в созерцание («God's eye art 'ou») осуществляется после обращения к иной ипостаси божественного — Артемиде.

Литература

- Anton, H. S. 1899: *Die Mysterien von Eleusis*. Naumburg a. S.: Verlag von Albin Schirmer.
- Bacigalupo, M. 1980: *The formed trace: the later poetry of Ezra Pound*. New York: Columbia University Press.
- Basalova, N. S. 2003: Religious associations in Hellenistic Egypt as a socio-cultural phenomenon. *Yaroslavl Pedagogical Vestnik*. 2003. No. 4 (37). pp. 16–25.
Басалова Н. С. Религиозные объединения в эллинистическом Египте как социокультурный феномен. *Ярославский педагогический вестник*. 2003. №4 (37). С. 16–25.
- Bevan, E. 1914: *A History Of Egypt Under The Ptolemaic Dynasty*. London: Methuen & Co.LTD.
- Bronnikov, A. V. 2018: [Comments on the text]. In: *Pound. Kantos*. SPb: Nauka, 702–775.
Бронников А. В. Комментарии к тексту. В кн.: *Эзра Паунд Кантос*. Пер., вступ. ст и комм. А. В. Бронникова. СПб.: Наука, 2018, 702–775.
- Bush, R. 1976: *The genesis of Ezra Pound's Cantos*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Callimachus, 1949: *Vol. I. Fragmenta*. Edit by Pfeiffer Rudolf. Oxonii: Typographeo Clarendoniano.
- Dekker, G. 1963: *Sailing after knowledge: the cantos of Ezra Pound*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Liebrechts, P. Th. M. G. 2004: *Ezra Pound and Neoplatonism*. Madison: Fairleigh Dickinson University Press.
- Obidina, Yu. S. 2016: Odysseus's journey to the afterlife: experience of comprehension of human place in Greek the archaic cosmology. In: *West-East*. 2016. No. 9. pp. 9–17.
Обидина Ю. С. Путешествие Одиссея в загробный мир: опыт осмысления места человека в греческой архаической космологии. *Запад-Восток*. 2016. № 9, 9–17.
- Obnorskiy, N. 1904: Henna. In: *Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary*. Vol. XL. SPb: Printing house of the joint-stock company Brockhaus-Efron, 847.
Обнорский Н. Энна. В кн.: *Энциклопедический словарь*. Том. XL. СПб.: Типография акционерного общества Брокгауз-Ефрон. 1904. С. 847.
- Pound, E. 1975: *The Cantos of Ezra Pound*. London: Faber and Faber.
- Pryor, S. 2018: So slow: Canto CVI. In *Glossator: Astern in the Dinghy: Commentaries on Ezra's Pound's Thrones de los Cantares XCVI-CIX*. Edited by Alexander Howard. Create Space Independent Publishing Platform, 287–308.
- Sidash, T. G. Svetlov R. V. 2004: [Comments on the text]. In: *Plotin. Pervaya Enneada*. SPb: Izdatelstvo Olega Abyshko, 241–243.
Сидаш Т. Г., Светлов Р. В. Комментарии. В кн.: *Плотин. Первая Эннеада*. Пер., вступ. ст., коммент. Т. Г. Сидаша, Р. В. Светлова. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 241–243.

Е. Н. Бузурнюк
ИМЛИ РАН / РАНХиГС. Москва, Россия.
katerinabuz@gmail.com

**«ДРУГИЕ ЖЕНЩИНЫ ИЗ ДЕРЕВНИ»: ВЫХОД ХОРА
И ОРГАНИЗАЦИЯ ДРАМАТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ
В «ЖЕНЩИНАХ В НАРОДНОМ СОБРАНИИ» АРИСТОФАНА**

Статья посвящена анализу организации драматического действия и роли хора в комедии Аристофана *«Женщины в народном собрании»*. Основное внимание уделено проблеме выхода хора и его разделения на два полухория, что, по мнению автора, подтверждается упоминанием «других женщин из деревни» (ἑτεραι ἐκ τῶν ἀγρῶν γυναῖκες, Ar. Ecc. 279–282) в конце пролога. Автор предлагает интерпретацию, согласно которой первое полухорие участвует в прологе, а второе появляется только перед исполнением антистрофы, что подчёркивает контраст между «городской» и «деревенской» идентичностью двух полухорий. Статья также затрагивает вопросы присутствия в прологе безмолвных хоревтов, атрибуции реплик и организации сценического пространства.

Ключевые слова: Аристофан, древняя комедия, Женщины в народном собрании, хор, полухория, парод.

Е. N. Buzurnyuk
A. M. Gorky Institute of World Literature RAS / Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration. Moscow, Russia
katerinabuz@gmail.com

**«Other Women from the Countryside»: the chorus' entrance and the
organization of dramatic action in Aristophanes' Ecclesiazusae**

The article examines the organization of dramatic action and the role of the chorus in Aristophanes' comedy *Assemblywomen* (*Ecclesiazusae*). The focus is on the play's prologue, where a group of Athenian women, disguised as men, prepare to infiltrate the assembly to transfer political power to women. The author explores the presence of silent female figures on stage, who contribute to the sense of a mass gathering, and discusses their identity — whether they are actors or chorus members. A key issue is the entrance and movement of the chorus, particularly the mention of “other women from the countryside” (ἑτεραι ἐκ τῶν ἀγρῶν γυναῖκες, Ar. Ecc. 279–282) at the end of the prologue. The author argues that the chorus is divided into two semi-choruses: the first entrances during the vv. 29–56 and participates in the rehearsal of the Assembly, while the second appears only before the antistrophe. Two semi-choruses emphasize a contrast

between “urban” and “rustic” women and citizens. This division reflects Aristophanes’ typical motif of opposing city and countryside. The article also addresses the attribution of lines to specific characters and the spatial organization of the parodos, offering a new interpretation of the text. The author critiques previous scholarly views, particularly those that dismiss the significance of the “women from the countryside”, and supports the idea of B. Rogers that their mention is integral to understanding the chorus’s role and the dramatic performance.

Keywords: Aristophanes, Ecclesiazusae, Assemblywomen, Ancient Greek comedy, chorus, semi-choruses, parodos.

В прологе комедии Аристофана «Женщины в народном собрании» на сцене присутствует неопределённое количество безмолвных женщин, на чьё присутствие есть некоторые указания в тексте (Аг. *Есс.* 31–32, 41–53, 72, 273–282). Наличие бессловесных актёров в комедиях не редкость: таковы различные слуги, выносящие что-либо из дома по приказу хозяина, стражники или флейтистки. Тем не менее, в «Женщинах в народном собрании» бессловесные женские фигуры играют важную роль: они создают массовость тайного женского собрания, разыгрываемого в прологе.

В связи с такой организацией драматического действия возникает несколько вопросов, на которые я хочу дать ответ в этой статье. Кем были эти безмолвные женщины — актёрами или хоревами? Как перемещаются действующие лица в конце пролога перед хоровой песней? И, наконец, появляются ли на сцене упомянутые в конце пролога «другие женщины из деревни» (ἑτέροι ἐκ τῶν ἀγρῶν γυναικες, Аг. *Есс.* 281–282), и как именно в этой комедии организован парод, — первая песня хора?

Сюжет комедии следующий. Группа афинских женщин на празднике Скир решает переодеться в мужскую одежду, притвориться мужчинами и проникнуть в народное собрание, чтобы убедить граждан в необходимости и пользе передачи власти в городе женщинам. Комедия начинается в тот момент, когда перед рассветом на место встречи заговорщиц прибывает героиня по имени Праксагора.

Устройство пролога можно представить следующим образом. Сначала Праксагора произносит паратрагический монолог (ст. 1–29), в конце которого раскрывает зрителям суть женского замысла: тайно проникнуть в собрание, переодевшись мужчинами. Затем прибывают другие женщины (ст. 30–56), и Праксагора проверяет, подготовили ли они свою маскировку — искусственные бороды, мужскую одежду, а также обеспечили ли

себе загар и отрастили ли волосы на теле (ст. 57–81). После обсуждения деталей (ст. 82–127) начинается репетиция народного собрания (ст. 128–267). Во время репетиции женщины произносят речи, которые нелепы или содержат оговорки, выдающие их женскую суть, — на этом основана львиная доля юмора в прологе. Кульминацией становится речь Праксагоры (ст. 170–240), в которой она приводит аргументы в пользу передачи власти женщинам. Женщины одобряют речь Праксагоры и обсуждают детали до ст. 267, и на этом почти все приготовления завершены. Женщины готовы отправиться в собрание, Праксагора призывает их завершить маскировку (ст. 268–279). Пролог завершается в ст. 284, после чего следует парод (ст. 285–310), состоящий из реплики корифея (ст. 285–288), строфы (ст. 289–299) и антистрофы (ст. 300–310).

В рассматриваемой комедии хор состоит из женщин-соратниц Праксагоры: они будут заседать в собрании (отсюда и название комедии — ἐκκλησιάζουσαι) и позднее поддерживать Праксагору в агоне. Важно то, что Аристофан выбирает показать не само собрание, а его репетицию: это обусловлено комическими задачами, поскольку именно в сцене репетиции становятся возможными разоблачающие женщин оговорки и благодаря женским суждениям о политической жизни, с характерными для них предрассудками, афинянам адресуется традиционная для комедии критика. Из-за того, что собрание на сцене показано не будет, хор после исполнения первой песни покидает оркестру — к этому вопросу я ещё вернусь позднее.

Ключевое для поставленных проблем место находим в конце пролога:

279 ἡμεῖς δὲ γε
280 προΐωμεν αὐτῶν. καὶ γὰρ ἑτέρας οἶομαι
281 ἐκ τῶν ἀγρῶν εἰς τὴν Πύκν' ἥξειν ἀντίκρυς
282 γυναικάς.¹

Мы же

Пойдём раньше **их**. К тому же, полагаю, **другие**

Женщины придут из сельской местности напрямиком на Пникс².

Атрибуция этой реплики спорна, но я присоединяюсь к тем исследователям, кто полагает, что её произносит Праксагора, лидер и наиболее ответственный организатор женского заговора. В этом фрагменте упоминается три группы женщин.

¹ Здесь и далее цит. по изданию (Wilson 2009).

² Здесь и далее перевод мой.

«Мы» (ἡμεῖς) — это три персонажа, которых играют актёры (Праксагора и две безымянные женщины, традиционно обозначаемые как γυνή Α и γυνή Β). Здесь констатируется, что «мы» уходят раньше других, то есть актёры покидают сцену перед исполнением хоровой песни³. «Они» (αὐτῶν) — то есть присутствующие на сцене женщины, не имевшие реплик в прологе, но которые упоминаются во множественном числе и к которым обращён призыв Праксагоры завершить перевоплощение в мужчин в ст. 268–279. И, наконец, третья группа — «другие женщины из деревни» (ἐτέρας ἐκ τῶν ἀγρῶν γυναικας). О них сообщается, что они придут «прямоком на Пникс», εἰς τὴν Πύκν' ἀντικρυς, то есть можно предположить, что на момент произнесения ст. 280–282 эти женщины на сцене не присутствуют.

Авторы современных комментариев к комедии в большинстве полагают, что «другие женщины из деревни» в действии не участвуют. Р. Ашер утверждает, что «другие женщины из деревни» на сцене не появляются, а ἀντικρυς подразумевает, что им не нужна репетиция (Ussher 1973: 113). При этом он полагает, что хор целиком выходит на протяжении ст. 30–51 (Ussher 1973: 77), а для исполнения хоровой песни делится на две группы. М. Ветта также считает, что «деревенские женщины» лишние для сценического действия (Vetta 1989: 172), однако не поддерживает идею разделения хора на два полухория. Видимо, с его точки зрения, строфа и антистрофа исполняются хором целиком, однако этот вывод эксплицитно в комментарии не сформулирован. А. Соммерстейн замечает, что о «женщинах из деревни» «мы слышим только здесь» (Sommerstein 1998: 164) и не соглашается с гипотезой о двух полухориях. А. Капра в самом новом комментарии не видит проблемы в упоминании «женщин из деревни», но его интерпретация, как можно заключить, в целом следует за точкой зрения А. Соммерстейна (Capra 2010: 201–203).

Идея о двух полухориях изначально появилась в комментариях начала XX в. Я. ван Лойвен полагал, что строфа и антистрофа исполняются двумя полухориями, оба из которых к концу пролога уже находятся в оркестре (van Leeuwen 1905: 41, 43).

³ Для комедий вовсе не исключительное явление: в конце пролога действующие герои уходят в «Ахарнянах», «Лисистрате» и «Богатстве».

Таким образом, большинство комментаторов полагает, что хор в полном составе (в Древней комедии полный состав хора включал 24 человека⁴), выйдя между ст. 30 и 56, присутствует на сцене (технически, вероятно, в оркестре) на протяжении всего пролога. Однако при такой интерпретации выражение «другие женщины придут из сельской местности прямо на Пникс» оказывается лишним и совершенно неясным. Как следствие, можно обвинить Аристофана в непоследовательности или в создании неудачной комедии, что, как мне кажется, едва ли принесёт плоды при исследовании творчества поэта.

Эта проблема может быть решена, если мы принимаем трактовку Бенджамина Роджерса, которая была отвергнута М. Веттой и А. Соммерстейном. Безусловно, интерпретации Роджерса нередко оказываются слабо обоснованным, однако в этом случае, как я полагаю, он был самым внимательным читателем доступного нам текста. Итак, Роджерс полагает, что два полухория (по 12 человек) появляются раздельно: одно присутствует на протяжении пролога, а второе выходит в оркестру перед ст. 300 — то есть перед антистрофой (Rogers 1902: 45). Это мнение кажется мне наиболее обоснованным.

С выходом хора (или одного из полухорий) в начале пролога связана также и проблема атрибуции реплик. В прологе 4 говорящих персонажа, из которых названа по имени только Праксагора. Во время репетиции собрания ещё две женщины берут слово, поэтому мы узнаём в них девтерагониста и тритагониста. А кем был четвёртый говорящий? Традиционно им считается корифей, но некоторые издатели вводят четвёртую женщину (γυνή Γ). Из-за анонимности действующих лиц издатели традиционно именуют новых персонажей последовательно: так, после Праксагоры появляется γυνή Α⁵ (ст. 30–31), затем γυνή Β (ст. 35) и самой последней γυνή Γ⁶ или корифейка⁷ (ст. 54). Такое распределение предполагает, что корифей прибывает *после* хора, который выходит на протяжении ст. 41–53, что кажется менее естественным для организации участия хора в постановках, чем прибытие корифея до хора или одновременно с ним.

⁴ Zimmerman 1998: 49.

⁵ Вероятно, под влиянием рукописной традиции: γυνή τις ΑΙΜυι (Ussher 1973: 77).

⁶ Точка зрения В. Кулона (Coulon 1923: 373).

⁷ Точка зрения Б. Роджерса, Р. Ашера и А. Соммерстейна.

Однако распределить реплики можно иначе, вложив в уста корифейки ст. 30–31, и аргументом в пользу этого решения служит само содержание сказанного. Безымянная женщина, появляющаяся после монолога Праксагора, в речи использует множественное число: ἡμῶν προσιόντων (31), «[наступило время, чтобы] **мы** пришли». Во множественном числе к ней также обращается Праксагора: ἐγὼ δὲ γ' ὑμᾶς προσδοκῶς' ἐγρηγόρη | τὴν νύκτα πᾶσαν (32), «А я-то в ожидании **вас** бодрствовала всю ночь». Это может указывать на то, что эта женщина выходит с некоторым числом спутниц — точное их число мы определить не сможем. Это наблюдение было сделано также итальянскими исследователями⁸ и учтено в издании Н. Вилсона (Wilson 2009: 212). А. Андрисано совершенно права, отмечая, что говорящий в ст. 30–31 персонаж выступает в роли организатора (Andrisano 2013b: 133): эта женщина даёт указание ὥρα βαδίσειν⁹ (30, «время идти»), а также следит за временем (ὁ κῆρυξ ἀρτίως <...> δεύτερον κέκοκκεν, 30–31, «вестник только что <...> второй раз прокукарекал»)¹⁰.

Важно зафиксировать, что стихи 30–32 отражают выход не одной женщины, а группы женщин. Тем не менее, обычно выход хора предполагают на протяжении ст. 41–53. Это своеобразный каталог: Праксагора, корифейка и женщина, чья роль исполняется девтерагонистом, последовательно называют по именам или по имени мужа восемь женщин. Схожий каталог хороводов встречается также в «Птицах» Аристофана (Ar. Av. 267–309): там хороводы представляются поимённо, что позволяет поэту привлечь внимание зрителей к необычным птичьим костюмам и сопроводить появление хора множеством шуток. Нечто очень похожее происходит и в этом месте «Женщин в народном собрании», однако расположение такого каталога — в начале пролога, а не в конце, — необычно. В «Птицах» каталог действительно сопровождается появлением хороводов, а не предполагает, что зрители вообразят появление птиц, поэтому я не вижу причин полагать, что этот приём в

⁸ См. Vetta 1989: 16; Andrisano 2013b: 133–136.

⁹ С формулы ὥρα προβαίνειν начнётся и реплика корифея в пародии (ст. 285), что косвенно также подтверждает идентификацию первой появляющейся женщины с корифейкой.

¹⁰ Распределение дальнейших реплик между тремя актёрами и корифеем представляет собой сложную проблему, которой посвящены две основательные статьи (Andrisano 2013a; 2013b).

«Женищинах в народном собрании» работает как-то иначе. Здесь называются следующие имена: Клинарета и Сострата (41), Филайнета (42), Мелистиха, жена Смиктиона (46), Гевсистрата, жена трактирщика (49), жена Филодорета (51), жена Хайретада (51). Все имена являются говорящими либо сопровождаются шутками. Ещё одно имя — Глика (43) — не обязательно сопровождается появлением персонажа на сцене, но становится поводом для шутки. Перечисление завершается указанием на то, что женщин могло выходить даже больше: ὁρῶ προϊούσας χᾱτέρας πολλὰς πάνυ γυναικάς (52–53), «вижу, что подходят и другие, весьма многие, женщины».

Итак, в прологе перед зрителями находятся три актёра, корифей хора и некоторое число хоревтов — число, которое мы надёжно определить не можем. Роджерс полагает, что на сцене присутствует полухорие, то есть 12 хоревтов.¹¹ С точки зрения Ашера, Ветта и Соммерстина, к стиху 54 на сцене присутствует весь хор в составе 24-х человек. Я полагаю, что несколько хоревтов появляются перед ст. 29 вместе с корифейкой, а остальное полухорие (около 8–10 человек) выходит между ст. 41 и 53.

Вернёмся к обсуждению «других женщин из деревни». В пользу интерпретации с участием двух полухорий свидетельствует также двойственная идентичность хоревтов, нашедшая отражение в строфе и антистрофе. Итак, строфа исполняется первым полухорием, которое участвовало в репетиции народного собрания. Первое полухорие, призывая поспешить, чтобы получить заветные три обола, совершает оговорку, аналогичную тем, которую совершали женщины во время репетиции — они ошибочно используют существительное женского рода:

¹¹ Предположение Роджерса о двух полухориях, вероятно, основано на параллели с другой комедией Аристофана. Отчётливое разделение хора на два полухория обнаруживаем в «*Лисистрате*»: первое полухорие составлено из пожилых женщин, захвативших Акрополь, а второе — из пожилых мужчин, которые осаждают женщин. Два полухория противостоят друг другу. Такой приём нельзя считать исключительным для Древней комедии. В «*Женищинах в народном собрании*» полухория не находятся в отчётливой вражде друг с другом, однако далее в статье я покажу, что они всё же противопоставлены друг другу.

298 τὰς ἡμετέρας φίλας—
 299 καίτοι τί λέγω; φίλους
 300 γὰρ χρῆν μ' ὀνομάζειν.

...наших подруг —
 Но что же это я говорю? Друзьями ведь
 следует мне их называть.

Это, как кажется, укрепляет ассоциацию первого полухория с теми женщинами, которых зрители только что наблюдали во время репетиции собрания. Общее содержание строфы посвящено тому, что женщинам следует правильно себя вести в собрании, чтобы казаться мужчинами — это тоже непосредственно повторяет наставления, высказанные в финальных репликах пролога.

Второе полухорие, напротив, играет свою роль безупречно, не допуская оговорок и полностью вживаясь в «мужскую» роль. Общее содержание антистрофы — это критика нравов горожан, которые ходят в народное собрание только для того, чтобы получить плату. Антистрофа начинается с очень сильного противопоставления:

300 ὅρα δ' ὅπως ὠθήσομεν τοῦσδε τοὺς ἐξ ἄστεως
 301 ἦκοντα...

Позаботься о том, чтобы мы вытеснили этих [мужчин],
 пришедших

Из города...

Таким образом, первое полухорие маркируется как «городские» женщины, а второе — как «деревенские», и между ними существует отчётливый контраст, отражающий характерный для поэтики Аристофана мотив противопоставления города и деревни¹². Кроме того, не случайно именно полухорию с «деревенской» идентичностью Аристофан доверяет выражение критики в адрес городского образа жизни и городского отношения к участию в политической жизни полиса.

Схолиаст, вероятно, понял τοὺς ἐξ ἄστεως как относящееся к неким воображаемым мужчинам, которые идут на Пникс: ὁρᾷ

¹² Можно вспомнить Дикеополя, противопоставляющего городское и деревенское в «Ахарнянах», или рассуждения Стрепсиада из «Облаков» о различиях в городском и деревенском образе жизни (Ag. Nub. 41–80).

ἄνδρας προσιόντας ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ¹³ (Schol. ad Ar. Ecc. 300b), «видит мужчин, идущих в собрание». Р. Ашер отмечает, что второе полухорие говорит так, как будто бы уже находится на Пниксе (Ussher 1973: 118): можно представить, что там уже собрались горожане и хоревты указывают на этих мужчин (или даже на зрителей, против которых и направлена инвектива антистрофы), говоря, что их необходимо потеснить, чтобы занять места. Однако я полагаю, что τοῦσδε τοὺς ἐξ ἄστεως непосредственно относится к первому полухорию, откликаясь на сказанное ранее ἐτέρας ἐκ τῶν ἀγρῶν γυναικας. Таковы роли двух полухорий, о которых Аристофан явно сообщает в тексте.

Следовательно, мы можем себе представить, что хоровая песня сопровождает последовательное движение двух полухорий друг за другом: первое полухорие начинает движение на предполагаемых улицах Афин (где происходила репетиция собрания), а антистрофа звучит при предполагаемом приближении к Пниксу или уже даже на нём, и на такую пространственную локализацию указывает εἰς τὴν Πύκν' ἀντίκρυς (281). Совершенно не поддаётся реконструкции то, как хоревты двигались, в какой момент покидали оркестру и через какие выходы. Однако, как кажется, процитированные в начале статьи стихи пролога (ст. 279–282) содержат сжатое изложение того, как хор будет перемещаться в воображаемом пространстве комедии на протяжении хоровой песни.¹⁴

В «Женщинах в народном собрании» в глаза бросается необычная организация парода: здесь первая хоровая песня сопровождается не выходом хора на оркестру, а уходом с неё. Хор вернётся в действие только перед ст. 478. Это действи-

¹³ Цит. по Regtuit 2007: 93.

¹⁴ Важность проговариваемых указаний на пространственную организацию драматического действия отметил Эдуард Френкель в статье, посвящённой проблемам постановки «Женщин в народном собрании», и мне остаётся лишь полностью поддержать его мнение: «The words in which a character of a Greek drama describes his movement or position at the beginning of a scene are never to be considered as an unimportant part of a casual utterance; they are rather designed to make it easier for the audience to notice what is being played on the stage» (Fraenkel 1936: 262): «Слова, которыми персонаж греческой драмы описывает свое движение или положение в начале сцены, никогда не следует рассматривать как неважный элемент случайного замечания: они скорее служат тому, чтобы зрителям было легче понять, что происходит на сцене».

тельно необычный приём для аристофановского корпуса. Однако в трагедии¹⁵ встречается явление метастасиса (μετάστασις), определение которым дал Юлий Поллукс в «Ономастиконе»: ἡ δὲ κατὰ χρεῖαν ἔξοδος ὡς πάλιν εἰσιόντων μετάστασις (Pollux, 4.108), «вынужденный уход, чтобы вернуться обратно». Я не вижу необходимости отказываться от термина «парод» для рассматриваемой комедии, как предложил Я. ван Леувен (van Leeuwen 1905: 41). Такая необычная организация хоровых частей объясняется в первую очередь логикой сюжета: настоящее собрание уже не будет показано зрителям, оно будет происходить за сценой, и хору, «заседающему в собрании», следует уйти. Возможно, сокращение доли хора было связано и с внесценическими факторами, такими как стоимость постановки, однако установить это не представляется возможным.

Таковы все сведения о хоре и его передвижениях, которые мы обнаруживаем в тексте комедии. Точка зрения большинства исследователей, которые исключают «других женщин из деревни» из своего анализа парода комедии, мне кажется неверной. Называние роли хора в конце пролога — это обязательный приём, которым Аристофан неизменно пользуется, обозначая роль хоревтов (Buzurnyuk 2023: 223–229): будь то старики-ахарняне из сельского дема (в «Ахарнянах»), греки разных профессий и социального статуса (в «Муре»), или земледельцы (в «Богатстве»). Указание на роль хора может быть прямым, когда персонаж говорит «призываю в помощники таких-то и таких-то», а может возникать в диалоге — когда появляются упоминания, что вот-вот в действие включится некая группа персонажей. Устранение из анализа и отрыв от конкретного контекста комедии упоминаний ἐτέρας ἐκ τῶν ἀγρῶν γυναικας и τοῦσδε τοὺς ἐξ ἄστεως разрушают обязательный приём, стабильно используемый поэтом в конце пролога.

Отчётливое упоминание «других женщин из деревни» должно быть связано с некой конкретной сценической ситуацией. Зачем нужно подчёркивать различие между «ними» — находящимися на сцене хоревтами, — и «другими женщинами», если это не имеет значения для организации дальнейшего драматического действия? Я предлагаю поэтому принять интерпретацию Б. Роджерса (но не полностью, а с

¹⁵ Например, у Эсхила в «Эвменидах», у Еврипида в «Елене» и «Алкесте».

рядом оговорок): первое полухорие выходит между ст. 30 и 51 и принимает участие в прологе в качестве безмолвной массовки; первое полухорие, облачившись в конце пролога в мужские костюмы, исполняет строфу; а антистрофу исполняет второе полухорие, которое не участвовало в прологе и появляется в не поддающийся определению момент времени между ст. 284 и ст. 299. В этом случае *ἄντικρυς* — «прямым» — не только подразумевает, что женщины отправятся на Пникс *без репетиции*, но и помогает зрителям лучше понять динамику сценического пространства во время исполнения первой хоровой песни.

Литература

- Andrisano, A. M. 2013a: Due donne anonime e la corifea sulla scena delle *Ecclesiazuse* di Aristofane (vv. 1–284). In: *Annali Online di Ferrara*, vol. VIII, № 2: 105–134.
- Andrisano, A. M. 2013b: Andrisano, A. M. Il prologo delle *Ecclesiazuse* di Aristofane: questioni di Interlocuzione. In: *Dioniso*, №3: 129–149.
- Buzurnyuk, E. N. 2023: [*The Structure of the Prologue in the Aristophanes' Comedies*]. Diss. ... Cand. Sci. (Philology) 5.9.7. Moscow.
- Бузурнюк Е. Н. 2023: *Структура пролога в комедиях Аристофана: дис. ... канд. фил. наук 5.9.7*. Москва.
- Capra A. (ed.) 2010: *Aristofane: Donne al Parlamento. Introduzione, traduzione e commento*. Roma: Carocci.
- Coulon, V. 1923: Notes sur l'«Assemblée des femmes» d'Aristophane. In: *Revue des Études Grecques*, 36(167), 367–399.
- Fraenkel, E. 1936: Dramaturgical Problems in the *Ecclesiazusae*. In: *Greek Poetry and Life, Essays presented to G. Murray*. Oxford: Clarendon Press.
- Regtuit, R. F. (ed.). 2007: *Scholia in Thesmophoriazusas; Ranas; Ecclesiazusas et Plutum. Fasc. 2/3. Scholia in Aristophanis Thesmophoriazusas et Ecclesiazusas*. Groningen: Egbert Forsten.
- Rogers, B. B. (ed.) 1902: *The Ecclesiazusae of Aristophanes*. London: George Bell & Sons.
- Sommerstein, A. (ed.). 1980: *The Comedies of Aristophanes, vol. 10: Ecclesiazusae*. Warminster: Aris & Phillips.
- Ussher, R. G. (ed.) 1973: *Aristophanes' Ecclesiazusae*. Oxford: Clarendon Press.
- Van Leeuwen, J. F. (ed.) 1905: *Aristophanis Ecclesiazusae cum prolegomenis et commentariis*. Lugduni Batavorum: A.W. Sijthoff.
- Vetta, M. (ed.) 1989: *Aristofane, Le donne all'assemblea*. Milano: Mondadori.
- Wilson, N.G. (ed.) 2007: *Aristophanis Fabulae. T. II*. Oxford: Oxford University Press.
- Zimmermann, B. 1998: Chor und Handlung in der griechischen Komödie. In: Riemer P., Zimmerman B. (ed.) *Der Chor im antiken und modernen Drama*, Stuttgart: J.B. Metzler: 49–59.

А. В. Васильев
СПбГУ / Университет ИТМО/ 610-я школа-классическая гимназия.
Санкт-Петербург, Россия. a.v.vasilyev@spbu.ru.

DECEM LEGATI В РИМСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В НАЧАЛЕ II В. ДО Н. Э.

С середины III в. до н. э. борьба Римской республики с Карфагеном и эллинистическими монархиями потребовала более искусственной дипломатии, одним из инструментов которой становятся полномочные сенатские комиссии десяти легатов (*decem legati*), призванные формулировать и проводить в жизнь послевоенное урегулирование. Рассматривая состав этих комиссий, их полномочия и деятельность, можно сделать вывод о том, что они играли гораздо более важную роль, чем обычные римские посольства. Нередко сами комиссии становились предметом внутривосточной политической борьбы в Риме, превращаясь в ключевой инструмент проведения сенатского внешнеполитического курса в Восточном Средиземноморье.

Ключевые слова: Рим, дипломатия, легаты, сенат, великие завоевания.

А. В. Васильев
Saint Petersburg State University / ITMO / 610 Gymnasium Petropolitanum.
St.Peterburg, Russia. a.v.vasilyev@spbu.ru

Decem legati in the Eastern Mediterranean diplomacy of Rome at the beginning of the 2nd century BC

From the middle of the 3rd century BC, the Roman Republic embarked on the path of gaining dominance in the Mediterranean. The struggle with Carthage and the Hellenistic monarchies required Rome to employ a much more sophisticated form of diplomacy, one instrument of which was the authorised senatorial commission of ten legates (*decem legati*). These commissions were usually called upon to formulate and implement a post-war settlement at the end of a major international conflict involving the Roman state. Considering the composition of these commissions, their powers and activities, one can conclude that they played a much more important role than ordinary Roman embassies. These commissions often were the subject of internal political struggles in Rome becoming one of the key instruments for implementing senatorial foreign policy in the Eastern Mediterranean during this period.

Keywords: Rome, diplomacy, legates, Senate, Great conquests.

Вслед за Полибием современных исследователей интересует вопрос об истинных причинах разворота римской внешней политики на Восток по окончании Ганнибаловой войны и о механизме принятия решений о военной интервенции или о вступлении Рима в те или иные отношения с эллинистическими державами¹.

Вместе с тем недостаточное внимание обращали на институциональные аспекты римской дипломатии на Востоке. В рассматриваемый период осуществлялась отправка в Восточное Средиземноморье специальных полномочных сенатских комиссий для урегулирования вопросов восточной политики Рима. Сразу оговоримся, что отличить их от обычных посольств бывает довольно трудно, поскольку наши источники не всегда разграничивали эти два вида дипломатических миссий, но мы попытаемся выявить именно те легации, которые имели особые полномочия и особые задачи помимо чисто посольских в период от начала Второй Македонской войны до начала войны с Персеем.

Легаты в качестве послов впервые упоминаются Ливием (Liv. III, 35, 6) под 456 г. до н. э., когда Квинт Фабий, Публий Волумний и Авл Постумий были отправлены к эквам с требованием соблюдать договор (*regum repetitio*). В связи с этим Ливий передает примечательную историю о том, что вождь эквов повелел римским легатам высказать свои претензии дубу, под которым он отдыхал, так как сам он занят другими делами. В ответ римский посол, встав под тем дубом, произнес формулу *regum repetitio*, обратившись к дубу и всем богам, призвав их в свидетели нарушения эквами договора с Римом.

Отмечено, что до обозначенного периода функции, которые здесь переданы легатам, исполнялись жреческой коллегией фециалов, но с середины V в. до н. э. именно легаты отправляются с разными дипломатическими миссиями к другим народам, а функцией фециалов остается главным образом ритуальный акт объявления войны².

Со времени вступления Рима на путь заморских военных кампаний расширяются функции отправляемых сенатом посольств и появляется особая категория легатов: это сенатские

¹ Приведем лишь наиболее значимые из многочисленных работ на эту тему: Holleaux 1930: 138–198; 199–240; Harris 1979; Eckstein 2006; Burton 2011; Kashcheev 1993.

² Smith, Wayte 1890: 23.

уполномоченные (их могло быть три или пять, но наиболее известны «комиссии 10» или *decem legati*)³, которые направляются с особой миссией в те или иные иностранные государства, а также после заключения мира с той или иной державой для контроля за исполнением согласованных условий.

Впервые, упоминание подобной практики встречается у Полибия применительно к заключению мира с Карфагеном по итогам Первой Пунической войны (Polyb. I, 63). Полибий сообщает, что, когда условия, согласованные проконсулом Кв. Лутацием Катулом были доставлены в Рим, народ их не принял и «отправил десять граждан в Сицилию для расследования дела» (ἄνδρας δέκα τοὺς ἐπισκεψομένους ὑπὲρ τῶν πραγμάτων — Polyb. I, 63, 1). Прибыв на место, эти уполномоченные лишь сократили наполовину срок уплаты дани, прибавив ещё тысячу талантов и обязали карфагян очистить все острова, лежащие между Италией и Сицилией⁴.

Т. Моммзен считал, что 10 членов комиссии, о которых говорил в данном случае Полибий, избирались народом, но прямого указания на это в источнике нет⁵. П. Виллемс полагал, что членов комиссии избирал сенат, так как ведение всей внешнеполитической деятельности входило в компетенцию сената⁶. Судя по тому, как обычно происходила отправка легаций с теми или иными уведомлениями или поручениями от сената, это происходило путем принятия *senatus consultum*, который рекомендовал какому-либо из магистратов, находящихся в городе, назначить соответствующую комиссию из числа сенаторов⁷.

³ Kashcheev 1993: 210. Впрочем, в источниках есть упоминание и об отправке комиссии из 5 уполномоченных: именно такая комиссия была направлена в Иллирию после войны с Персеем для урегулирования иллирийских дел (Liv. XLV, 17, 1).

⁴ Г. Клементе полагает, что тот факт, что единственным существенным изменением было увеличение контрибуции, говорит о том, что сенатские уполномоченные были вынуждены учитывать общественные настроения римского плебса, заинтересованного в материальной выгоде от войны: Clemente 1990: 48.

⁵ Mommsen 1877: 624.

⁶ Willems 1888: 245.

⁷ Например, легация к Гаю Кассию Лонгину в 171 г. до н. э. с целью остановить его вторжение в Иллирию. Ливий указывает, что сенат постановил, чтобы претор Гай Сульпиций назначил троих сенаторов легатами для отправки к консулу (Liv. XLIII, 1, 10). Один из наиболее

Decem legati упоминаются в качестве комиссии, с которой должен был совещаться П. Корнелий Сципион Африканский перед заключением мира Ганнибалом (Liv. XXX, 43, 4), но регулярное появление таких комиссий связано уже с последующим периодом военной и дипломатической активности Рима в Восточном Средиземноморье. Упомянув о «комиссии десяти» в связи с заключением мира с Филиппом V по итогам Второй Македонской войны, Ливий пишет, что она была направлена «по обычаю предков» (decem legati more maiorum — Liv. XXXIII, 24, 7). Таким образом, к началу II в. до н. э. практика отправки подобных комиссий стала обычной.

Попытаемся проследить появление подобных комиссий, их состав, функции и роль в римской внешней политике того времени. Первая сенатская «комиссия» появилась в Восточном Средиземноморье в связи с окончанием войны с Филиппом V. Ливий особо оговаривает, что в ее состав в числе послов вошли консуляры Публий Сульпиций и Публий Вилий, командовавшие войсками в Македонии до прибытия Тита Квинкция Фламинина (Liv. XXXIII, 24, 7).

Т. Броутон на основании имеющихся источников восстанавливает состав этой комиссии⁸:

1. Консул 211 и 200 гг. до н. э. П. Сульпиций Гальба.
2. Консул 201 г. до н. э. П. Элий Пет (?).
3. Консул 199 г. до н. э. П. Виллий Таппул.
4. Консул 201 г. до н. э. Гн. Корнелий Лентул
5. Претор 206 г. до н. э. М. Цецилий Метелл (?).
6. Претор 203 г. до н. э. П. Корнелий Лентул Кавдин.
7. Претор 187 г. до н. э. Л. Теренций Массалиот.
8. Проконсул в Испании в 199 г. до н. э. Л. Стертиний.

Х. Скаллард добавляет к этим восьми консула 203 г. до н. э. Гн. Сервилия Цепиона и Л. Квинкция Фламинина⁹. С его точки зрения, состав этой комиссии отражал некоторое снижение влияния клана Сципионов в римской политике и возрастание роли клана Клавдиев-Сервилиев, которые были представлены среди консуляров. Принимая в целом данный состав комиссии и не

ранних примеров — это легация, отправленная в 204 г. до н. э. претором М. Помпонием по предложению Кв. Цецилия Метелла в Локры для выяснения на месте правомочности действий П. Корнелия Сципиона и его легата Кв. Племиния, см.: Toynbee 1965: 616–617.

⁸ Broughton 1951: 336.

⁹ Scullard 1973: 107.

вдаваясь в детали просопографических штудий, связанных с борьбой римских аристократических группировок, отметим высокое положение практически всех членов комиссии: в ней представлено 4 или 5 консуляров и 3 бывших претора. С нашей точки зрения сомнительно, чтобы в комиссию вошёл Л. Квинкций Фламинин, так как он имел статус легата при своём брате, но не официального уполномоченного, направленного сенатом.

Состав данной комиссии был связан, вероятно, с тем, что сенат хотел уравновесить филэллинские устремления Т. Квинкция Фламинина¹⁰ и мнения сторонников Сципиона, включением в нее приверженцев более жесткого курса. Сенат на тот момент опасался войны с Антиохом и не желал выводить войска из Греции прежде, чем не будет определенности по поводу дальнейших действий сирийского царя. Это ясно видно из упоминания Полибия о том, что «решение о Халкиде, Коринфе и Деметриаде во внимание к Антиоху предоставлено было выборным с тем, чтобы они по собственному усмотрению приняли меры, какие потребуются обстоятельствами» (περὶ δὲ Χαλκίδος καὶ Κορίνθου καὶ Δημητριάδος ἐπιτροπὴν αὐτοῖς δεδῶσθαι διὰ τὸν Ἀντίοχον, ἵνα βλέποντες πρὸς τοὺς καιροὺς βουλευώνται περὶ τῶν προειρημένων πόλεων κατὰ τὰς αὐτῶν προαίρεσεις — Polyb. XVIII, 45, 10). Полибию вторит Ливий, сообщая о том, что относительно «оков Греции» «послам было велено, сообразуясь с тем, чего требовало тогдашнее положение дел, принять решение, полезное для государства и согласное с их совестью» (legati quod tempora rei publicae postulassent id ex re publica fideque sua facere ac statuere iussi erant — Liv. XXXIII, 31, 5). Впрочем, Фламинину удалось уже тогда настоять на передаче Коринфа ахейцам, при сохранении римского гарнизона в Акрокоринфе.

А. Экстейн считает, что это решение римлян было ошибочным, так как именно оно спровоцировало в дальнейшем высадку Антиоха III в Греции и начало Сирийской войны, поскольку царь уверился в нежелании римлян оставаться на Балканах, а ответственным за него был, главным образом, Фламинин¹¹. Между тем, судя по свидетельствам наших источников комиссия 10 согласилась с его доводами о том, что вывод войск

¹⁰ О решающей роли Т. Квинкция Фламинина в проведении филэллинской политики Рима по окончании Второй Македонской войны см.: Walsh 1996: 344–363.

¹¹ Eckstein 2008: 291–301.

из Греции положительно скажется на имидже Рима в греческом мире и будет способствовать поддержке греками Рима в случае потенциальной войны с Антиохом.

После Истмийской декларации Квинкций и 10 легатов сообща заслушивают прибывшие к ним посольства, перекраивают границы, решают судьбу отдельных племен и городов. Ливий указывает на разногласия легатов и Фламинина по поводу судьбы Орея и Эретрии: легаты настаивали на передаче этих городов Эвмену Пергамскому, а «освободитель Греции» настаивал предоставлении свободы также и этим городам (Liv. XXXIII, 34, 10). В конечном счете, сенат принял в данном случае решение в соответствии с мнением Фламинина. Дальнейшие действия легатов свидетельствовали о стремлении сената закрепить мир с Филиппом и по возможности добиться союза с ним в преддверии войны с Антиохом: эту роль взял на себя Гней Корнелий Лентул, который убедил царя отправить с этой целью посольство в Рим (Polyb. XVIII, 48; Liv. XXXIII, 35).

Как отмечает Т. Кори Бреннан, 190-е гг. до н. э. были отмечены возрастающей дипломатической активностью Рима на Востоке, причем сенат стремился обеспечить принятие конкретных решений на местах, а римские полководцы непрерывно отправляли запросы в сенат по поводу тех или иных организационных решений, что автор довольно метко обозначил как эффект «пинг-понга»¹².

У. Харрис полагал, что решения «комиссии 10 легатов» были правомочны без дополнительного утверждения в Риме. Находящийся на месте старший магистрат мог на основании решения комиссии выпустить декрет «*decem legatorum sententia*», имевший силу закона¹³.

Значение «комиссии 10 легатов» в ходе принятия важных внешнеполитических решений на местах подтверждается тем, что когда к Фламинину в Элатею в 195 г. до н. э. прибыли послы царя Антиоха III для заключения союзного договора, римский полководец ответил им, что «не может принять никакого решения в отсутствие десяти легатов, а потому посланцам надлежит отправиться в Рим и обратиться к сенату» (*nihil se absentibus decem legatis sententiae habere: Romam eundum ad senatum iis esse* — Liv. XXXIV, 25, 2). Даже если предположить, что Фламинин в данном случае лукавил и действовал по своему

¹² Corey Brennan 2009: 189.

¹³ Harris 1979: 134.

усмотрению, очевидно, что с формальной точки зрения 10 легатов, по его мнению, представляли в провинции точку зрения сената и их мнение должно было учитываться полководцем.

Сенат действительно стремился контролировать внешнеполитический курс, который осуществляли на Востоке римские магистраты, и комиссия 10 легатов была лишь одним из инструментов этого контроля. Ясное свидетельство дают слова Фламинина, который, согласно Диодору Сицилийскому, во время встречи с Филиппом на предложение македонского царя о выводе гарнизонов из завоеванных им городов и судебном разбирательстве по поводу компенсации, сказал, что «он имеет предписание от сената, чтобы Филипп очистил не часть Эллады, а освободил ее всю» (Diod. XXVIII, 11). Таким образом, Фламинин ссыался на полученные от сената инструкции, которые не обязательно были связаны с «комиссией 10».

В произведении Ливия можно встретить целый ряд указаний на то значение, которое сенат придавал легациям в этот период. В особенности это касалось Востока и Балкан, требовавших от римских представителей дипломатического такта и квалификации. Так, в ожидании войны с Антиохом в 192 г. до н. э. сенат отправляет в Грецию не только претора Атилия с флотом, но и четырех легатов (Тита Квинкция, Гнея Октавия, Гнея Сервилия и Публия Виллия). Ливий особо отмечает, что это потребовалось потому, что «для поддержания в союзниках должного духа требуются не только войска, но и люди, снискавшие уважение своими делами» (*quia non copiis modo sed etiam auctoritate opus erat ad tenendos sociorum animos* — Liv. XXXV, 23, 5).

Вместе с тем очевидно, что в условиях острейшей политической конкуренции аристократических кланов и группировок, отличавшей римскую внутреннюю политику в данный период, личности легатов, их политические симпатии и антипатии не могли не оказывать определенного влияния на всю римскую дипломатию. Как отмечал Ф. Кассола, было естественно со стороны сената поручать деликатные миссии в иностранных землях тем, кто имел там какие-либо связи и престиж. Однако со временем это обеспечило наиболее авторитетным сенаторам возможность ведения собственной внешней политики, которая подчас могла идти в разрез с «генеральной линией» сенатского большинства¹⁴.

¹⁴ Cassola 1981: 380.

Вторая наиболее значимая сенатская «комиссия 10 легатов» появляется на Востоке в связи с окончанием войны с Антиохом III. Ливий сообщает, что «сенат по обычаю предков отправил 10 легатов, дабы рассмотреть и решить все азиатские дела» (Liv. XXXVII, 55, 4). На этот раз мы имеем полный список членов комиссии, переданный самим римским историком:

1. Кв. Минуций Руф, консул 197 г. до н. э.
2. Л. Фурий Пурпуреон, консул 196 г. до н. э.
3. Кв. Минуций Терм, консул 193 г. до н. э.
4. Ап. Клавдий Нерон, претор 195 г. до н. э.
5. Гн. Корнелий Мерула¹⁵.
6. М. Юний Брут, претор 191 г. до н. э.
7. Л. Аврункулей, претор 190 г. до н. э.
8. Л. Эмилий Павел, претор 191 г. до н. э.
9. П. Корнелий Лентул, претор 203 г. до н. э.
10. П. Элий Туберон, претор 201 г. до н. э.

На то значение, которое придавалось данной легации, указывает наличие в ней трех консуляров и семерых преториев. Х. Скаллард относит семерых из этой комиссии к Сципионовской группировке (всех кроме Ап. Клавдия Нерона, М. Юния Брута и Л. Аврункулея), считая ее состав отражением очередного укрепления ее позиций на фоне успеха Л. Корнелия Сципиона в битве при Магнесии¹⁶.

Ливий особо отмечает, что десяти легатам «была предоставлена полная свобода решений во всем, что потребует разбора на месте» (His, quae praesentis disceptationis essent, libera mandata — Liv. XXXVII, 56, 1). Полибий разделяет «10 уполномоченных» и «остальные посольства», когда пишет об их подготовке к отплытию (τῶν δέκα καὶ τῶν ἄλλων πρεσβευτῶν — Polyb. XXI, 24, 16), что также указывает на особый статус этой комиссии.

Дальнейшая деятельность легатов, по всей видимости, была связана с делимитацией границ Пергамского царства и Родосской республики, получивших значительные территориальные приращения из бывших владений Антиоха в Малой Азии в награду за помощь в войне, а также определением статуса тех

¹⁵ Т. Броутон и Х. Скаллард принимают конъектуру Гн. Корнелий Меренда (претор 194 г. до н. э.) вместо Мерула, так как комиссия, по-видимому, состояла только из консуляров и преториев: Broughton 1951: 365; Scullard 1973: 136–137, п. 1.

¹⁶ Scullard 1973: 136–137.

греческих городов Азии, которые должны были получить свободу в соответствии с формулой Истмийской декларации.

Ливий пишет, что десять легатов определили положение каждого из греческих городов. В результате их деятельности бывшие данники Антиоха, принявшие в ходе войны сторону римлян, получили освобождение от повинностей, а все города, державшие сторону Антиоха или прежде платившие дань Пергаму, перешли под контроль Эвмена (Liv. XXXVIII, 39, 7–17). На обратном пути при возвращении войска Гн. Манлия один из 10 легатов, Кв. Минуций Терм, погиб во время нападения на войско фракийцев, что было особо отмечено римским историком (Liv. XXXVIII, 41, 3).

Скандал, который разыгрался в Риме по возвращении Гн. Манлия показывает то, что сенатские уполномоченные могли играть важную роль не только во внешней политике, но и в римской внутривластной борьбе. Большинство легатов воспротивились триумфу Гн. Манлия (особенно Л. Фурий Пурпуреон и Л. Эмилий Павел), обвинив его в попытках нарушить договор с Антиохом, перейти Тавр, а также в незаконном ведении войны против галатов «без суждения сената и без повеленья народа» (*non ex senatus auctoritate, non populi iussu bellum illatum* — Liv. XXXVIII, 44–46). Характерен и ответ Манлия на эти обвинения: говоря о своих обвинителях он сетует на то, что не народные трибуны противятся его триумфу, как это обычно случалось ранее, а «совет, некогда приданный нашими предками полководцам для того, чтобы распорядиться плодами победы и прославить ее» (*consilium dispensandae cohonestandaeque victoriae imperatoribus maiores dederunt nostri* — Liv. XXXVIII, 47, 3).

Важно отметить, что 190-180-е гг. до н. э. — это время борьбы за «нормализацию магистратур» после экстраординарных полномочий, которыми была отмечена конституционная нестабильность эпохи Ганнибаловой войны. Одновременно сенат пытается установить контроль над деятельностью магистратов в провинциях. В реальности сенат не мог напрямую контролировать действия магистрата за пределами Италии, так что полномочные сенатские комиссии оказывались одним из новых инструментов влияния¹⁷.

Сенатские легации, таким образом, выполняли не только сугубо внешнеполитические функции, но и были важным меха-

¹⁷ Brennan 2004: 45.

низмом, позволявшим сенату не только узнавать напрямую от своих полномочных представителей ситуацию на местах, но также при случае сдерживать действия магистратов, если они противоречили проводимому сенатом курсу.

Переоценивать значение комиссии как института не стоит. Тому же Гн. Манлию в итоге в триумфе отказано не было. Попытки сенатских легатов противостоять полководцам едва ли были возможны, что показывает ситуация с «оковами Греции», которые все-таки были оставлены римлянами в соответствии с изначальным замыслом Фламинина.

После Апамейского мира сенатские легации в составе 3–5 уполномоченных отправляются на Восток по особым поручениям. Таковой была комиссия Кв. Цецилия Метелла (консул 206 г. до н. э.), М. Бебия Тамфила (претор 192 г. до н. э.) и Тиберия Семпрония¹⁸, направленная к Филиппу V в 185 г. до н. э. с целью урегулировать спорные вопросы, связанные с занятыми македонским царем в ходе Сирийской войны фессалийскими и фракийскими городами.

Выслушав аргументы Филиппа и его оппонентов, комиссия постановила вывести македонские гарнизоны из оспариваемых городов¹⁹. Характерно, что, когда римские уполномоченные в Фессалониках стали рассматривать вопрос о фракийских городах Эносе и Маронее, послы пергамского царя Эвмена, заявившие претензии на них, указывали в качестве аргумента на решение предыдущих десяти римских уполномоченных, присудивших Эвмену Херсонес и Лисимахию (Liv. XXXIX, 27, 5).

Данная апелляция, а также решение комиссии 3-х, которая постановила считать Энос и Маронею переданными Пергаму, если спорные города действительно были отданы Эвмену решением десяти легатов, указывает на то, что римские дипломаты боялись брать ответственность за свои действия и стремились

¹⁸ Полибий называет в качестве третьего посла Тиберия Клавдия (Polyb. XXII, 6, 6), но Ливий дважды называет имя Тиберия Семпрония (Liv. XXXIX 24, 13; 33, 1), так что, вероятно, речь может идти необязательно об отце Гракхов, но, например, о Тиберии Семпронии Лонге, консуле 194 г. до н. э. Разбор версий см.: Broughton 1951: 373–374, п. 7.

¹⁹ Речь шла о Филиппополе, Трикки, Фалории, Эвримене, Маллоие и Эрикнии, а также Афинее и Петнее в Афамании (Liv. XXXIX, 25, 3; 25, 16–17).

подкрепить свои решения ссылкой на более авторитетные решения «комиссии 10».

Полибий передает историю о том, как член легации 185 г. до н. э. Квинт Цецилий Метелл побывал в Аргосе и на собрании властей Ахейского союза попытался решить вопрос Спарты, которая с точки зрения римлян была насильственно лишена стен и законов Ликурга. Интересен в данной связи ответ ахейян на требования Цецилия созвать народное собрание: они отказались это сделать, сославшись на то, что у Цецилия нет письменных полномочий от сената с наименованием дел, ради которых собрание должно быть созвано (Polyb. XXII, 13). Данный эпизод характеризует легацию 185 г. до н. э. как ограниченную по своим полномочиям по сравнению с «комиссиями 10», направленными по итогам Второй Македонской и Сирийской войн. Годом позже сенат направил в Македонию и Ахайю новых уполномоченных во главе с консулом предшествующего года Апп. Клавдием Пульхром. Вероятно, данная легация уже имела более широкие полномочия от сената, поскольку на этот раз Ликорту пришлось созвать общеахейское собрание. Интересно, что в отличие от Цецилия, Аппий Клавдий добился своего довольно угрожающими доводами: он заявил ахейцами, что они «вольны поступать как угодно, но он очень рекомендует им искать расположения римлян, иначе их принудят к этому вопреки их желанию» (*tum Appius suadere se magnopere Achaeis dixit, ut, dum liceret uoluntate sua facere, gratiam inirent, ne mox inuiti et coacti facerent* — Liv. XXXIX, 37, 19).

Подводя итоги рассмотрению деятельности полномочных сенатских комиссий в Восточном Средиземноморье в начале II в. до н. э., можно выделить следующие основные моменты. Во-первых, данные комиссии назначались сенатом из числа наиболее уважаемых и авторитетных своих членов (чаще всего консуляров и преториев) и зачастую включали тех, кто имел военный или дипломатический опыт в рассматриваемом регионе. Во-вторых, в отличие от обыкновенных посольств, полномочные комиссии легатов имели определенный мандат от сената для установления мирного урегулирования и становились проводниками вырабатываемого сенатом внешнеполитического курса на местах. В этом смысле их появление и деятельность наглядно свидетельствуют об укреплении роли и значения римского сената в политической жизни Рима в эпоху великих завоеваний.

Литература

- Brennan, C. T. 2004: Power and process under the republican “constitution”, *Cambridge Companion to the Roman Republic*. Cambridge, 19–53.
- Broughton, T. R. S. 1951: *Magistrates of the Roman Republic* 1. New York.
- Burton, P. 2011: *Friendship and Empire: Roman Diplomacy and Imperialism in the Middle Republic (353–146 bc)*. Cambridge.
- Cassola, F. 1981: Dalle guerre puniche alle conquiste mediterranee, *Dalla preistoria all’espansione di Roma*. Milano.
- Clemente, G. 1990: Basi sociali e assetti istituzionali nell’età della conquista, *Storia di Roma* 2. Torino.
- Corey Brennan, T. 2009: Embassies Gone Wrong: Roman Diplomacy in the Constantinian Excerpta de Legationibus, *Diplomats and Diplomacy in the Roman World*. Leiden-Boston.
- Eckstein, A. 2006: *Mediterranean Anarchy, Interstate War and the Rise of Rome*. Los Angeles.
- Eckstein, A. 2008: *Rome enters the Greek East: From Anarchy to Hierarchy in the Hellenistic Mediterranean, 230–170 BC*. Blackwell Publishing.
- Harris, W. V. 1979: *War and imperialism in Republican Rome 327–70 BC*. Oxford.
- Holleaux, M. 1930: Rome and Macedon: The Romans against Philip, *Cambridge Ancient History* 1ed. 8, 138–198.
- Holleaux, M. 1930: Rome and Antiochus, *Cambridge Ancient History* 1ed. 8, 199–240.
- Kashcheev, V. I. 1993: *Ellinisticheskiy mir i Rim* [The Hellenistic World and Rome]. Moskva.
- Кащеев, В. И. 1993: *Эллинистический мир и Рим*. М.
- Mommsen, Th. 1877: *Römisches Staatsrecht* 2. Leipzig.
- Scullard, H. H. 1973: *Roman Politics 220–150 B.C.* Oxford.
- Toynbee, A. J. 1965: *Hannibal’s legacy: the Hannibalic war’s effects on Roman life* 1–2. London.
- Walsh, J. 1996: Flamininus and the Propaganda of Liberation, *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, 45, 3, 344–363.
- Willems, P. G. 1888–1890: *Rimское gosudarstvennoe pravo* [Roman state law]. Kiev.
- Виллемс, П. Г. 1888–1890: *Римское государственное право*. Пер. с фр. под ред. П. Н. Бодянского. Киев.
- William Smith, LLD. William Wayte, G. E. 1890: *A Dictionary of Greek and Roman Antiquities*. London.

И. Э. Васильева

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

i.vasileva@spbu.ru

М. Л. Кисилиер

СПбГУ / Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.

m.kisilier@spbu.ru, maxim@iling.spb.ru

«ПЕСНЬ О ВОЙНЕ РУССКИХ С ФРАНЦУЗАМИ» ИЛИ О ДРУГОМ «ГРЕЧЕСКОМ ПРОЕКТЕ»*

В 1859 г. уроженец приазовского греческого села Чердаклы и в то время студент Харьковского университета Ф. А. Хартахай приобретает в греческом селе Сартана рукописный песенник, содержащий в основном т. н. греческие исторические песни. Под № 3 в сборнике записана греческая «Песнь о войне русских с французами», представляющая собой примечательный во многих отношениях текст. Настоящая статья — это не просто публикация «Песни...» с переводом и комплексным комментарием, но и осмысление того, как этот текст связан с формированием новой культуры среди греков Новороссии.

Ключевые слова: поликультурность, диалог, песенный фольклор, Новороссия, приазовские греки.

I. E. Vasileva

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. i.vasileva@spbu.ru

M. L. Kisilier

St. Petersburg State University / Institute for Linguistic Studies, RAS, SPb., Russia.

m.kisilier@spbu.ru, maxim@iling.spb.ru

The “Song about the war between Russians and French”, or about another “Greek project”

The National Library of Russia has a rich, albeit not very thoroughly described, Greek section, including some manuscript collections of folk songs from Novorossiia. One such collection was found in 1859 in the Azov Greek village of Sartana by Theoktist Khartakhay, a local intellectual

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 25-28-01055 «Новогреческие переводы А. С. Пушкина и проблема культурной идентичности грекоязычной диаспоры Новороссии на рубеже XIX–XX вв.». Авторы благодарят И. А. Магина за организацию фотографирования песенников Греч. 805 и Греч. 806 из РНБ, а также А. Е. Карначёва за помощь в прочтении рукописного текста «Песни о войне русских с французами».

of Greek origin. This outstanding individual's diverse interests reflected the multicultural nature of the region. He studied the Azov Greek and Crimean Tatar languages, history, and culture. Inspired by Shevchenko's poetry, he practised oral and written Ukrainian. He collaborated with the influential periodical "Sovremennik" ("Contemporary") in St. Petersburg, compiled an award-winning Russian school textbook, and founded the first Russian Gymnasium in Mariupol. It is therefore highly symbolic that the manuscript containing the Greek "Song about the War of the Russians against the French" was found by Khartakhay.

In this contribution, the text of the song is published along with its translation. This task was not without its difficulties, as the scribe had not received a full education and thus made numerous mistakes and hypercorrections. In addition, we furnish a linguistic and textual commentary. Moreover, we endeavour to demonstrate that the emergence of a conventional Greek "historical" song concerning the non-Greek subject of the Napoleonic invasion is not occasional, but rather a logical progression of the intercultural dialogue in Novorossiya. The "Song" can be regarded as an unanticipated yet successful outcome of the Greek project initiated by Catherine the Great in the early 1780s.

Keywords: multiculturalism, dialog, folk songs, Novorossiya, Azov Greeks.

1. Постановка проблемы

Последние десятилетия в процессе напряженного обсуждения общих принципов мироустройства, затрагивающих в том числе и вопросы выбора того или иного типа культуры, все большую актуальность приобретают такие понятия, как 'полиэтничность', 'мультикультурность' и 'межконфессиональность'. Очевидно, что консенсуальность современного мира не может быть достигнута без их учета. Внимание к этим понятиям и, шире, к разного рода взаимосвязям в гуманитарной науке возникло отнюдь не сегодня. Однако традиционно довольно много усилий было связано с тем, чтобы вычленить элементы внутри гибридных или, казалось бы, цельных и оригинальных текстов (или явлений — на более общем уровне)¹, установить генезис таких элементов, объяснить их структурную и функциональную

¹ Далее под текстом мы будем иметь в виду как буквальное, лингвистическое значение (текст как словесное произведение), так и широкое (любое явление культуры как таковое) — т. е. такое, какое придавал этому понятию Ю. М. Лотман (см. Lotman 2002 и др. работы), исходя из текстуальности как конститутивного свойства любого рода культурной репрезентации.

соотнесенность в составе целого, а затем, основываясь на данном анализе, сформулировать как значение самих элементов, так и семантический и прагматический потенциал типологической модели, репрезентированной рассматриваемым текстом (явлением)². Важность подобной аналитики бесспорна. Вместе с тем для осмысления вопросов взаимодействия разноприродных начал существенно не только общее типологическое представление о генезисе, структуре и функционировании рассматриваемых явлений, но и — как представляется, в неменьшей степени — все, казалось бы, даже периферийные, примеры **практик** бытования культурных единиц с очевидно различными характеристиками — традиций, языков, контекстов и проч. Особо примечательны случаи очевидного формального соположения и неочевидного контакта, или, пользуясь характерным для XX в. расширительным применением идей М. М. Бахтина (Markovich 2006), неявного диалога. Изучение примеров такого рода диалогических отношений представляется нам насущной задачей, поскольку именно они демонстрируют уже найденные в культуре практики построения или сохранения целостности при определяющем для каждого из взаимодействующих субъектов центробежном векторе. При таком ракурсе осмысления проблема диалога в рассматриваемых текстах культуры фокусируется на **надсубъектной** проблематике, на самом феномене диалогической соотнесенности, возникающей и существующей даже вне зоны осознанной рефлексии. И, как представляется, в конечном счете, более точно отражает надсубъектный по своей природе процесс диалога между культурами и целыми сообществами.

Одним из ярких примеров диалогичности такого рода является греческий мир — в том виде, который он обрел в эллинистическую эпоху, и каким он сохраняется до нашего времени, несмотря на все геополитические изменения. Диалогичность греческого мира способствовала развитию в нем т. н. **множественной идентичности**, при которой индивидуумы могли (и до сих пор могут) иметь одновременно несколько идентичностей, не вступающих в противоречие друг с другом. В проекции индивидуума такие идентичности не столько

² Существенный вклад московско-тартуской структуральной школы в гуманитарную науку общепризнан.

диалогически соотнесены друг с другом, сколько диалогически, хотя и неявно, соположены. В этом своем проявлении диалогичность не является чем-то гречески специфичным. Напротив, подобные примеры можно найти в разных национальных традициях. Везде они многочисленны и вариативны, что в совокупности обеспечивает плотность ткани межкультурного взаимодействия, говоря языком известной метафоры Х.–Г. Гадамера³. В греческом культурном пространстве примером такого диалога служит творчество двух знаменитых греческих поэтов XIX в. — Андреаса Кальвуса (1792–1869) и Дионисиоса Соломоса (1798–1857), адаптировавших (каждый по-своему) идеи европейского (особенно — итальянского) романтизма к греческой культуре (см. Vasileva, Kisilier 2019: 142–145)⁴. Менее изучен диалог на «региональном» уровне, сочетающий в себе не столько отрефлексированные формы интеллектуального обмена, сколько повседневное взаимодействие, часто располагающееся вне поля интеллектуальной рефлексии. В сущности, греческий мир — это пример многочисленных зон регионального взаимодействия, где греки на протяжении своей длительной истории оказывались в диалоге с самыми разными культурами: персидской, сирийской, римской, коптской, арабской, славянской, османской/турецкой, итальянской и т. д. В каждой зоне региональный диалог имел и имеет свою специфику. В данной статье мы рассмотрим бытование в греческом Приазовье «Песни о войне русских с французами» и постараемся на этом примере хотя бы контурно наметить конститутивные черты текста культуры (в лотмановском смысле) данного региона.

Приазовье — небольшая часть одной из важнейших и интереснейших поликультурных областей, которая в дореволюционной российской истории именовалась Новороссией. Греки переселились в Приазовье⁵ в 1780-е гг. из Крыма. В крымский

³ «Текст — это текстура, ткань, т. е. целое, образуемое отдельными нитями, тесно переплетенными особым, лишь данной ткани присущим образом» (Gadamer 1991: 141).

⁴ Ср.: Пушкин и Байроон — это классический пример взаимодействия на «национальном» уровне в контексте отечественной культуры.

⁵ Согласно официальной версии, православное население Крыма после присоединения полуострова к Российской империи само обратилось к Екатерине II с просьбой поселиться между Днепром и его прито-

период у греков уже был опыт взаимодействия с разными народами, в значительной степени — с крымскими татарами. Результатом этих диалогических отношений стала распространенная среди части крымских греков (в первую очередь из Бахчисарая⁶) культурная бинарность: сохранив православие, они перешли на диалект крымскотатарского языка, который принято называть урумским языком⁷. В Приазовье грекам пришлось вступить в диалог с русской культурой. Согласно наблюдениям Ф. А. Брауна (Braun 1890: 85), уже в конце XIX в. греки-урумы активно говорили по-русски и охотно пели

ками — Самарой и Орелью. Последние годы эту версию иногда подвергают сомнению, утверждая, что переселение было насильным, и даже именуя его «геноцидом». Действительно, российское правительство было заинтересовано в заселении приазовских степей и рассматривало переселение «крымских христиан» как стратегический проект. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что организацией переселения занимались кн. Г. А. Потемкин и гр. П. А. Румянцев, а непосредственно на месте им руководил гр. А. В. Суворов. Правда и то, что переселение далось непросто: потери в пути по разным подсчетам составили от 2753 до 4655 чел. (Animitsa, Kisilier 2009: 27). Тем не менее, нет оснований считать, что переселение было насильственным (см. также статьи Ф. А. Хартахая «Игнатий, митрополит Готфийский и Кафейский» (Khartakhay 2004: 169–175) и «Христианство в Крыму» (Khartakhay 2004: 206–265), упомянутые ниже в разделе 2). Скорее всего, в нем участвовали семьи т. н. младших сыновей, не имевших шансов получить в наследство земли в Крыму. Кроме того, важно отметить, что жителями Приазовья стали не только греки. Так, к 1823 г. в Мариупольском уезде обнаруживается 11 немецких колоний (Animitsa, Kisilier 2009: 30), а в середине XIX в. в Приазовье переселились албанцы (Novik et al. 2016: 228) и болгары (Pachev 2007).

⁶ Именно татароязычные греки из Бахчисарая основали Мариуполь (Christou 2007: 68).

⁷ Грекоязычные греки Приазовья называют себя **румеями** (от Ῥωμαῖος ‘гражданин Византийской империи’), а свой язык/диалект **румейским**. Этноним **урум** представляет собой тюркскую огласовку термина Ῥωμαῖος. От этнонима произошел и лингвоним **урумский язык**.

русские песни, считая их своими⁸. Уместно предположить, что похожим образом ситуация обстояла и у грекоязычных румеев⁹.

Одним из косвенных свидетельств в пользу данного факта является появление грекоязычной песни с ярко выраженной русской тематикой в рукописном греческом песеннике, приобретенном Ф. А. Хартахаем в 1859 г. в приазовском селе Сартана. Речь идет о «Песне о войне русских с французами», оригинальном и во многих отношениях примечательном памятнике. Не менее оригинальной и яркой фигуре человека, благодаря которому этот памятник стал известен, посвящен раздел 2 этой статьи. Текст «Песни...», ее перевод, а также лингвистический, поэтологический и историко-культурный комментарий к ней даны в разделе 3. Заключительный раздел посвящен полностью тропологическим значениям, генерируемых не только и даже не столько самим памятником, а возникающих именно через неявную диалогическую соположенность его как другим текстам региона, так и Новороссии как тексту культуры.

2. Феоктист Авраамович Хартахай: на перекрестке культур

Поликультурность того или иного региона обычно проявляется в деятельности наиболее ярких его представителей. Для Приазовья примером такой знаковой личности может служить **Архип Иванович Куинджи** (1841/42/43–1910) — урум из Мариуполя, пытавшийся реализовать, хотя без особого успеха, свой талант в разных культурных центрах Новороссии — в Феодосии, в Одессе (Nevedomsky, Repin 1913: 8–10) и, возможно, в Таганроге, ставший, однако, после череды неудач великим русским художником¹⁰. Другим гораздо менее известным

⁸ Показательно, что в рукописном сборнике, обнаруженном Ф. А. Хартахаем в 1860 г. в селе Улаклы рядом оказываются русские, украинские и урумские (крымскотатарские) песни; об этом сборнике см. раздел 2.

⁹ Отметим, что и урумы (ср. Braun 1890: 88), и румеи своей прародиной считают именно Крым, а не Грецию.

¹⁰ Показательно, что, с одной стороны, Куинджи в краткой заметке, вышедшей в 1904 г. в журнале «Новое время», мог утверждать, что он русский, а с другой стороны, уже знаменитым художником он поехал свататься в Мариуполь, прося руки местной гречанки Веры Леонтьевны (или Елефтерьевны) Кечеджи (Efimova 2018), более известной с русифицированным вариантом фамилии — Шаповалова (*кечеджис* —

примером может служить деятельность старшего современника Куинджи, тоже приазовского грека **Феоктиста Авраамовича Хартахая** (1836–1880). Его во многом подвижнический, недолгий, но богатый событиями жизненный путь исследован и скрупулезно описан С. А. Калоеровым (Kaloegov 2004). Отметим лишь ключевые моменты.

Ф. А. Хартахай родился в грекоязычном селе Чердаклы в семье коллежского регистратора, служившего канцеляристом в греческом суде в Мариуполе. Очевидно, что отец Хартахая, помимо родного румейского, владел русским и, скорее всего, урумским, который в то время в Приазовье играл более существенную роль, чем румейский, будучи языком торговли и средством общения большей части городского населения. Какими языками владела мать Хартахая и какой язык использовали в семье, неизвестно, но, очевидно, что детям стремились дать по возможности хорошее образование, и, скорее всего, помимо родного румейского, все они знали урумский¹¹ и русский. Старший брат Хартахая Петр, как и отец, стал коллежским регистратором, второй брат Павел произведен в майоры и какое-то время служил стряпчим и секретарем в греческом суде в Мариуполе. О начальном образовании Ф. А. Хартахая трудно сказать что-либо определенное. Скорее всего, оно началось в Мариуполе и, вероятно, на литературном греческом. Известно, что гимназию он закончил в Харькове, где и поступил в университет. По-видимому, в университете он увлекается украинским языком, начинает читать Шевченко и прочую запрещенную в то время литературу и попадает в нелегальные студенческие кружки. Уже со второго семестра в январе 1859 г. Хартахая исключают из Харьковского университета, по официальной формулировке — за невозможность внесения платы за обучение, и с целой группой других отчисленных студентов Хартахай перебирается в Киев в университет Св. Владимира на историко-филологический факультет. Однако и там он долго не

‘войлочник, шапковал’). Брат Веры Леонтьевны, Василий Леонтьевич Шаповалов (Кечеджи) в 1878 г. создал профессиональную труппу и открыл первый в Мариуполе театр (Animitsa, Kisilier 2009: 34).

¹¹ Возможно, именно знание урумского в последствие подвигло Ф. А. Хартахая перевестись на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета в арабско-персидско-турецко-татарский разряд (см. сн. 12).

задерживается — его вновь отчисляют за неуплату, и тогда Хартахай пишет письмо ректору Санкт-Петербургского университета П. А. Плетневу с просьбой принять его на учебу. В итоге, Хартахай становится студентом второго курса Историко-филологического факультета, в очередной раз сталкивается с финансовыми трудностями и в ноябре 1860 г. переводится на Восточный факультет (арабско-персидско-турецко-татарский разряд¹²) и получает освобождение от оплаты. В это время (1861 г.) он пишет свое первое историческое исследование «Игнатий, митрополит Готфийский и Кафейский» (Khartakhay 2004: 169–175), где описывается переселение греков из Крыма в Приазовье и, как в его более известной работе 1867 г. «Христианство в Крыму» (Khartakhay 2004: 255 и сл.), отмечается ненасильственный характер переселения.

Обучение на Восточном факультете и знание урумского (т. е. крымскотатарского), которым Ф. А. Хартахай, скорее всего, владел с детства, позволило ему провести ряд интересных научных исследований, связанных с крымскими татарами:

1865 г.: «Шаган-Гирей, Крымский хан» (Khartakhay 2004: 266–269).

1866 г.: «Историческая судьба крымских татар. Статья первая»¹³ (Khartakhay 2004: 314–369).

«Историческая судьба крымских татар. Статья вторая» (Khartakhay 2004: 370–406).

«По поводу диспута г. Хвольсона» (Khartakhay 2004: 306–313).

Последняя статья (или даже, скорее, заметка) практически неизвестна, однако для нас она примечательна тем, что в ней обсуждаются надписи на татарских надгробиях. Это косвенно свидетельствует о том, что автор знал татарский язык.

В Петербурге Хартахай оказывается в молодежном кружке, сформировавшемся вокруг Т. Г. Шевченко. Принято считать, что известность ему принесла речь, произнесенная (по-види-

¹² В то время на факультете восточных языков существовало 6 разрядов: арабско-персидско-турецко-татарский, монголо-калмыцко-татарский, китайско-маньчжурский, еврейско-арабский, армяно-грузино-татарский и санскрито-персидский (см. Faculty 2025).

¹³ Согласно изысканиям С. А. Калоерова, эта публикация получила одобрение Н. И. Костомарова (Khartakhay 2004: 314, сн. 1).

тому, по-украински) на похоронах Шевченко в 1861 г. (Khartakhay 2004: 176–179). В том же году он вынужден отчислиться из университета из-за участия в студенческих волнениях. Однако Хартахай получает право сдать выпускные экзамены и в 1862 г. становится выпускником университета, по сути, проучившись лишь два курса. По окончании университета он сотрудничает в одном из самых резонансных журналов тех лет — в «Современнике», а после его закрытия в мае 1866 г. уезжает в Варшаву, где начинает заниматься педагогической и просветительской деятельностью. Довольно быстро Хартахай замечает недостатки в преподавании русского языка польским школьникам и в 1870 г. издает «Букварь и книгу для чтения в народных школах», а вскоре и «Русские прописи для народных школ». За эти труды Хартахай был пожалован орденом св. Анны 3-й степени (1871 г.) и орденом св. Станислава 2-й степени (1874 г.). Другим важным педагогическим достижением Хартахая уже после возвращения в родные места стало открытие в Мариуполе первой мужской и женской гимназий (1875–1876 гг.) с преподаванием на русском языке. Директором мужской гимназии и председателем попечительского совета женской гимназии стал сам Хартахай. Немало усилий тратил Хартахай не только на педагогическую и просветительскую, но и на благотворительную деятельность. Незадолго до смерти в 1880 г. он успел создать Общество для пособия нуждающимся воспитанникам Мариупольской гимназии.

При беглом знакомстве с биографией Хартахая может сложиться впечатление, что в студенческие годы он был либералом, но, занявшись преподаванием и просветительством, изменил свои политические воззрения и превратился в убежденного государственника. На самом деле ситуация намного сложнее и не исчерпывается вопросами политики, по крайней мере, в современном их понимании. Скорее, Хартахая можно считать приверженцем «романтического национализма» и в известной степени продолжателем линии, репрезентированной в научной и культуртрегерской деятельности В. И. Даля¹⁴. Хартахай

¹⁴ Хартахай с Далем далеко не во всем совпадают. Так, например, Харатахай всегда был сторонником образования народа, а Даль в конце жизни склонен был скептически смотреть на перспективы просветительской деятельности.

изложил свои взгляды в статье «О внешнем проявлении патриотизма» 1863 г. (Khartakhay 2004: 180–185). По его мнению, разнообразная внешняя атрибутика национального (например, костюмы) в целом бессмысленна и часто ошибочна¹⁵. Напротив, для налаживания связей с народом надо его, с одной стороны, изучать, а с другой стороны — образовывать и просвещать. Именно этим двум направлениям и посвящена деятельность Хартахая, а интересуют его, прежде всего, те народности, с которыми ему довелось столкнуться с детства: греки-румеи, греки-урумы, крымские татары и украинцы. К сожалению, архив Хартахая практически не сохранился. Его малая часть была передана вдовой Хартахая Ф. А. Брауну. В список полученных материалов¹⁶ (Braun 1890: 92) исследователь включил:

1) Шесть¹⁷ тетрадок материалов для румейского словаря.

Свой словарь (или, скорее, глоссарий), вероятно, собранный около 1859 г., Хартахай назвал «Словарем умирающего наречия». Он сохранился неполностью: отсутствует тетрадь с буквами О, Ё, П. Из материалов следует, что словарь должен был включать все румейские субдиалекты (о них подробнее см. Kisilier 2022: 12–14), а также предполагалось широкое сопоставление с крымскотатарским языком. Лексемы записаны греческим алфавитом по правилам греческой орфографии¹⁸, но для передачи звуков [ʃ], [ʝ], [ʃ¹] и [з] используется графемы <ч>, <ш>, <щ> и <ж> соответственно. Глоссарий Хартахая был

¹⁵ Так, по мнению Хартахая, т. н. малороссийский народный костюм скорее напоминает одежду польской шляхты и к настоящей Украине не имеет никакого отношения, так же как великорусский костюм более похож на одежду кучеров или приказчиков, нежели на настоящую одежду, которую носит народ.

¹⁶ Остатки архива хранились в старом ящике на чердаке. Сам Ф. А. Браун не стал работать с найденными материалами и передал их в Императорскую Публичную библиотеку, современную РНБ (Chernysheva 1959: 113).

¹⁷ Браун говорит о пяти тетрадках, однако Т. М. Чернышева, подготовившая издание словаря, отмечает, что их было шесть (Chernysheva 1959: 113).

¹⁸ Например, в орфографии сохраняются геминаты, отсутствующие в диалекте (Kisilier 2022: 11).

издан Т. М. Чернышевой через сто лет, после его создания (Chernysheva 1959).

2) Греческий песенник из села Сартана.

Песенник был приобретен Хартахаем¹⁹ в то же время, когда он собирал материалы для своего глоссария, т. е. в 1859 г., как свидетельствует владельческая надпись на с. 76 (л. 39, см. приложение, рис. 1). В сборник, в основном, входят песни, которые условно можно разделить на «исторические» и «песни чужбины». Они посвящены борьбе с врагами (прежде всего, турками), именуемыми тиранами, варварами, арабами, турками, янычарами и даже арванитами. У всех песен ярко выраженный религиозный подтекст, будь то призыв на битву с врагами или плач о падении Константинополя, или описание страданий греков на чужбине. В песеннике выделяется несколько разных почерков. Сейчас он хранится в РНБ под шифром Греч. 806²⁰. Под № 3 идет песня, рассказывающая о войне русских с Наполеоном. Она подробно рассматривается в разделе 3.

3) Сборник греческих и татарских песен и рассказов.

Скорее всего, имеется в виду Греч. 805, хранящийся в РНБ²¹. Надпись на форзаце гласит: «Найден в с. Улаклы», и указана дата — 25 октября 1860 г.²² (см. приложение, рис. 6). Тексты песенника до сих пор не дешифрованы, но, насколько можно судить на основании предварительного анализа, сборник содержит урумские (крымскотатарские?), русские и украинские песни. Урумские (крымскотатарские?) песни пока не поддаются дешифровке, тематика русских и украинских песен никак не связана с греками или историей региона. Впрочем, обращает на себя внимание одна особенность: часть русских и урумских (крымскотатарских?) песен, для которых использован греческий алфавит, записана одним и тем же почерком (см. приложение, рис. 7, 8).

¹⁹ По почерку видно, что песни в сборнике были записаны не самим Хартахаем.

²⁰ Некоторые песни из этого сборника попытался дешифровать в своей незаконченной диссертации Э. В. Хаджинов (Hadzinov 1979).

²¹ Возможно, впрочем, Греч. 805 — это то, что в списке Ф. А. Брауна идет под № 5 (см. ниже).

²² В нижней части форзаца стоит подпись Ф. А. Хартаха.

4) Рукописный словарь греческого литературного языка с пояснениями на румейском.

5) Четыре татарских рукописи различного содержания.

Среди этих рукописей сборник из 47 татарских песен. Возможно, именно к этим материалам относится Греч 805 (ср. сн. 21).

Для греческого Приазовья Хартахай — уникальный пример собирателя и исследователя местных диалектов и фольклорной традиции, но для региона в целом такой интерес в высшей степени характерен. Прежде всего он связан со сбором и изданием материалов, иллюстрирующих самобытную историю донских казаков, и в частности — с публикацией донских песен. Открывает ряд имен из хронологически актуального для деятельности Хартахая контекста Василий Дмитриевич Сухоруков (1795–1841). Его обширный труд «Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях», включающий публикацию нескольких казачьих песен, был без полной подписи (подписан только г. С. ...) опубликован в альманахе «Русская старина: Карманная книжка для любителей отечественнаго» на 1825 г. (Kornilovich, Sukhorukov 1825). При жизни другие работы Сухорукова не печатались из-за причастности его декабристскому кругу (см. Nechkina 1988: 321–322). По этой же причине он не раз отсылался в удаленные места службы. Однако имя Сухорукова достаточно хорошо было известно образованному сословию данного региона²³. Местный уроженец, выпускник Харьковского университета, собиратель истории донского казачества, во время своего недолгого пребывания в Петербурге (с конца 1821 по лето 1825 гг.) публиковал статьи и заметки об истории и культуре Дона в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения. Труды вольного общества» и в «Северном архиве» Ф. В. Булгарина, за свои сочинения был избран в сотрудики (1823 г.), а затем и в действительные члены (1824 г.)

²³ См. посвященную В. Д. Сухорукову статью в книге «Донцы XIX века. Биографии и материалы для биографий донских деятелей на поприще службы военной, гражданской и общественной, а также в области наук, искусств, литературы и проч.» (Dontsy 1907: 433–445). Биография Сухорукова стоит в общем списке под номером 101 и подписана инициалами Х. И. П. (ее автор — Христофор Иванович Попов, как следует из послесловия к сборнику, где дана расшифровка инициалов составителей биографий).

«Вольного общества любителей российской словесности», лично знал Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, В. Г. Белинского и Н. В. Станкевича, хотя его встречи с ними и были короткими. Как только стало возможно, в 1860-е гг. усилиями местных краеведов были опубликованы работы Сухорукова, посвященные истории донского казачества (Sukhorukov 1867; 1869). А как раз в 1870-ые, в годы активной деятельности Хартаха в Мариуполе, материалы о Сухорукове появились сперва в региональной «Донской газете» (1873, №№ 1–3), а затем и в столичном издании (Донской историк и литератор Василий Дмитриевич Сухоруков // Древняя и новая Россия. 1877. № 9, с. 90). На данный момент не удалось установить факт непосредственного знакомства Хартаха с трудами Сухорукова, но вероятность такого знакомства достаточно высока.

Еще одним косвенным свидетельством в пользу включенности работ Сухорукова в интеллектуальный горизонт Хартаха служит деятельность другого его современника — собирателя и издателя донской «старины» Андроника Минаевича Савельева (1835–1875). Как и в случае с трудами Сухорукова, у нас нет прямых свидетельств личного знакомства двух исследователей. Однако косвенные данные такую возможность скорее предполагают, чем исключают. Оба учились, хотя и на разных курсах, в Харьковском университете. Оба в 1859 г. покинули Харьков: Савельев окончил историко-филологический факультет и отбыл в Новочеркасск, а Хартахай был отчислен из университета и уехал в Киев. Показательно, что харьковская юность обоих (период примерно с 1855/56 гг. по 1859 г.) приходится на время становления научной концепции А. А. Потебни. Именно в эти годы Потебня, закончив Харьковский университет (1856 г.), служил учителем словесности в харьковской гимназии²⁴ и одновременно готовил магистерскую диссертацию «О некоторых символах в славянской народной поэзии» (защитил в 1861 г.), положенную в основу книги «Мысль и язык» (1862 г.).

²⁴ Известно, что Хартахай окончил в Харькове гимназию, но неизвестно — какую именно. В 1850-е гг. в Харькове было две гимназии. Так что точно установить, был ли Потебня гимназическим учителем Хартаха, пока не удалось.

Вернувшись в Новочеркасск, Савельев служил учителем словесности, а затем секретарем Донского статистического комитета. Он приложил немало усилий для сбора этнографических материалов. В 1866 г. им был опубликован результат многолетней работы — «Сборник Донских народных песен» (Saveliev 1866), в который вошло 113 полных текстов и еще 118 (лишь частично пересекающиеся с тестами основного раздела) представлены в вводной части. Спустя несколько лет будет издан еще один капитальный труд Савельева — «Трехсотлетие Войска Донского 1570–1870 г.: Очерки из истории донских казаков» (Saveliev 1870). В предисловии к сборнику песен Савельев с благодарностью называет ряд людей, без помощи и поддержки которых его работа не могла бы состояться. Большая часть этих имен примечательна, как показало время, не только в масштабах региональной истории. Первое из них — имя Харитона Ивановича Попова (1834–1925; подробнее о нем см. Scherbak 2021). Х. И. Попов был одним из создателей и стал первым директором новочеркасского музея истории донского казачества. Его эрудиция и моральный авторитет среди местного населения были настолько высоки, что позволили сохранить от разграбления музейную коллекцию даже в революционные годы. Не менее яркой личностью, чем Попов, был первый библиотекарь Новочеркасской городской библиотеки, один из первых фотографов донского края Федор Калиныч Траилин (1836–1919; о нем подробнее см. Krajsvetnaya 1999). Еще один бенефициар предисловия — А. А. Зазерский. О нем самом почти ничего не известно (ср. Koryagin 2011). Примечательно, однако, что его дед (или отец? дядя?) известен исключительно своими военными заслугами, а вот в начале XX в. один из представителей семьи Зазерских станет известным петербургским архитектором. Алексей Иванович Зазерский (1878–1942) — автор жилого комплекса Бассейного товарищества собственных квартир, Палевского комплекса, по его проекту построен Аларчин мост и другие определяющие городское лицо здания Петербурга. Просматривающееся в истории поколений движение от патриархально-военного быта в сторону оторефлексированного в интеллектуально-культурной деятельности бытия можно считать тенденцией для большинства фамилий, упомянутых Савельевым в предисловии — Траилиных, Сулиных, Тетеревятниковых. Так, род Сулиных был связан

семейными узами с Александром Павловичем Хрещатицким (1809–1888), активно содействовавшим этнографическим исследованиям, педагогической и культурно-просветительской деятельности на Дону. Младший представитель семьи Сулиных — Сергей Федорович Сулин (1873–1943) — в годы гражданской войны займется записью возникших в новой исторической ситуации песен (Sulin 1937). А младший представитель семьи Тетеревятниковых — Яков Васильевич Тетеревятников (1894–?) — прославится в эмиграции как певец. Безусловно, эти и подобные им факты лишь маркируют соположенность некоторого ряда событий в текстах биографий и, шире, в тексте культуры. Придавать им определяющий причинно-следственный характер излишне. Но даже вне прямой связи друг с другом эти факты увеличивают насыщенность культурного поля, определяют — вспомним еще раз метафору Гадамера — плотность ткани культуры, маркируют направления силовых линий, которые, переплетаясь, образуют канву для бытования конкретных текстов. Именно в таком ракурсе нам представляется продуктивным рассмотреть «Песню о войне русских с французами» из рукописного сборника, найденного Хартахаем.

3. «Песнь о войне русских с французами»: текст и его особенности

В греческом песеннике, привезенном Хартахаем из Сартаны (Греч. 806), «Песнь о войне русских с французами» (л. 6 об. — л. 10; см. приложение, рис. 2–5) записана под № 3. Первым на нее обратил внимание знаменитый собиратель румейского фольклора Э. В. Хаджинов и привел ее в кириллической орфографии²⁵ без ударений, с фрагментарным переводом в приложении к своей незаконченной диссертации (Hadzinov 1979: № 27). Версия Э. В. Хаджинова в несколько отредактированном виде с полным переводом была уже прежде опубликована нами (Vasileva, Kisilier 2018: 281–283), однако сопоставление с оригиналом показало, что у Э. В. Хаджинова есть лакуны.

²⁵ Орфографию на основе кириллицы для приазовских греков в 1960-е — 70-е гг. создал А. А. Белецкий (подробнее см.: Kisilier 2009: 14–15). Ее стали использовать в местном сообществе намного раньше первой книги, изданной по новой орфографии (Shapurmas 1986).

Например, отсутствуют стк. 9–10 на с. 13 (л. 7 об.). Также трудно согласиться с некоторыми вариантами его прочтения рукописи. Так, βασιλειον /va'silion/ ‘царство’ (с. 12, л. 7, стк. 7) почему-то передано как *ваисийён*, а словосочетание Δύναμιν Θεοῦ /'dīnamin the'u/ — букв. ‘силу (АСС) Бога’ (с. 16 (л. 9), стк. 11) было прочитано как *дьинами на тьен*.²⁶ Тем не менее, несмотря на все недостатки, версия Э. В. Хаджинова, помимо того, что содержит несколько остроумных корректур, заметно облегчила работу с текстом песни в целом.

3.1. Лингвистические особенности

Рукописный сборник, включающий «Песнь о войне русских с французами» (далее — «Песнь...»), был обнаружен в греко-язычном приазовском селе Сартана — одном из центров распространения местного диалекта — румейского языка. Тем не менее, текст написан не на диалекте, и лишь отдельные нерегулярные орфографические ошибки можно интерпретировать как свойственные румейскому языку сужение /i/ (1) и появление /j/ (2):

- (1) μέγισθος /'meγiθos/²⁷ ‘величина’ вм. μέγεθος /'meγεθος/ (с. 13 (л. 7 об.), стк. 2; ср. (23))
 να σταθῆτι /na=sta'titi/ ‘вставайте’ вм. να σταθῆτε /na=sta'tite/ (с. 15 (л. 8 об.), стк. 12)
- (2) χερῶν /'xerja/ ‘руки (мн. ч.)’ вм. χέρια /'xer'ia/ (с. 17 (л. 9 об.), стк. 8).
 βοῦγιθ /voji'ti/ ‘помогает’ вм. βοήθει /voi'ti/ (с. 18 (л. 10), стк. 1).

Отсутствие явных и регулярных диалектных черт, по-видимому, свидетельствует о том, что «Песнь» бытовала не в сельской, а в городской среде. Это подтверждается и отдельными архаизмами, относящимися к разным лингвистическим уровням. На «фонетическом» уровне наблюдаются спорадические примеры употребления конечного /-n/ в разных частях речи, в частности, у существительных (3) и у глаголов (4):

²⁶ Непонятно, как сам Э. В. Хаджинов понимал *тьен*, поскольку это место осталось у него без перевода.

²⁷ Здесь и далее в транскрипции ударения ставится в том месте, где оно должно быть, независимо от того, как оно поставлено в рукописном сборнике.

- (3) μέ <...> τολμήν
me <...> *tolm-in*²⁸
 с отвага-ACC.SG
 ‘с <...> отвагой’ (с. 16 (л. 9), стк. 1).
- (4) Διὰ νὰ διώξομεν
ðja na=ðjòks-omen
 для SBJV=изгнать.PFV-PRS.1PL
 ‘чтобы [мы] изгнали’ (с. 16 (л. 9), стк. 1–2).

Конечный /-п/ характерен как для кафареvusы, так и для ряда диалектов новогреческого языка, но не для данного региона (см. Kisilier 2022: 12).

К другим глагольным архаизмам можно отнести окончание 3 л. мн. ч. -ουσι[v] /-usi[n]/ причем как в индикативе (5), так и в сослагательном наклонении (6).

- (5) τρέχουσιν
tréx-usin
 бежать.IPFV-PRS.3PL
 ‘бегут’ (с. 13 (л. 7 об.), стк. 7).
- (6) νὰ κτυποῦσιν
na=ktip-úsin
 SBJV=бить-PRS.3PL
 ‘чтобы [они] били’ (с. 16 (л. 9), стк. 7).

Впрочем, новогреческая флексия -ουν /-un/ с тем же значением встречается в индикативе (7) и конъюнктиве (8) на порядок чаще²⁹.

- (7) κατακόβουν
katakón-un
 перерезать.IPFV-PRS.3PL
 ‘перерезают’ (с. 16 (л. 9), стк. 4–5).
- (8) νὰ πιάσουν
na=piás-un
 SBJV=хватать.PFV-PRS.3PL
 ‘чтобы [они] схватили’ (с. 16 (л. 9), стк. 9).

²⁸ Здесь и далее примеры глоссируются по «Лейпцигским правилам глоссирования» (Comrie et al. 2015). По умолчанию считается, что глаголы стоят в активном залоге индикатива.

²⁹ Подобное варьирование было характерно для греческих поэтических средневековых текстов, например, для «Морейской хроники» (Jeffreys 1987: 159) или «Стихотворений» критского поэта Стефана Сахликиса (Fedchenko 2004: 59).

Несомненным глагольным архаизмом является *πεπονημένοι* ‘обманутые’ (с. 17 (л. 9 об.), стк. 7) — древнегреческая форма причастия пассивного перфекта, неожиданная для фольклорного текста.

Особенность предложно-падежного управления, при которой от *μετά* зависит родительный падеж, можно рассматривать как морфосинтаксический архаизм (9).

- (9) ὁ θεὸς γὰρ μέθ' ἡμῶν
o *the-os=gar* *meth* *im-on*
 DEF.M.NOM.SG бог-NOM.SG=TOP с 1PL-GEN.PL
 ‘ибо Бог с нами’ (с. 15 (л. 8 об.), стк. 2)³⁰.

Отметим, что в тексте наравне с *μετά* (*μέθ'*) встречается и димитический вариант того же предлога — *με* (3). Другая архаическая особенность, фиксируемая в (9), — древнегреческая сентенциальная частица *γάρ* ‘ибо’ (ср. также с. 16 (л. 9), стк. 5). Ее употребление нетипично ни для фольклора³¹, ни для греческой поэзии³² XIX в. В сравнительно же небольшом тексте «Песни...» она встречается даже дважды.

Помимо архаизмов, в «Песне...» есть и очевидные просторечные черты, например, мена /е/ на /о/ и наоборот (10).

- (10) ὁμπρός /o' b'ros/ ‘вперед’ вм. ἐμπρός /e' b'ros/ (с. 14 (л. 8), стк. 4)
 ἔμορφα /'e'morfa/ ‘красивые (ср. р.)’ вм. ὄμορφα /'o'morfa/ (с. 13 (л. 7 об.), стк. 2).

³⁰ В рукописном сборнике, как отмечается в (18), вместо <o> регулярно пишется <ω>. Так и в данном случае вм. ἡμῶν записано ἡμὼν /i'ton/, рифмующееся с ἀφρόν /a'fron/ ‘безрассудн[ые]’ (с. 15 (л. 8 об.), стк. 1) и παράφρον /pa'rafron/ ‘безумн[ые]’ (стк. 2), где в обоих случаях пропущено окончание -ες /-es/. Поэтому уместно предположить, что окончание у местоимения ἡμῶν выбрано из-за рифмы; см. также (23).

³¹ По крайней мере, частицы *γάρ*, как кажется, нет ни в песнях, опубликованных Клодом Фориелем (Fauriel 1824; 1825), ни в академическом издании (Spyridakis et al. 1962).

³² Например, частица *γάρ* не обнаруживается ни в «Одах» знаменитого греческого поэта Андреаса Кальвуса (1792–1869), ни в поэтическом греческом переводе произведений А. С. Пушкина, выполненном А. Харамисом в Таганроге (Pushkin 1887). Интересно, что ее не удалось найти даже в прозаическом и достаточно архаичном в языковом отношении переводе произведении А. С. Пушкина, сделанном Х. Вулдимосом в Одессе (Pushkin 1888). Об этих переводах подробнее см. (Vasileva, Kisilier 2024: 231, 244, 248–256, 259–260).

Подобные примеры фиксируют в разных частях грекоязычного мира еще в Средние века (ср. Holton et al. 2019: 68, 71–72). Они не имеют географической привязки (т. е. не являются диалектизмом), но не представлены в книжной традиции, что позволяет считать их просторечием. В публикуемой в разделе 3.3 редакции «Песни...» замены <ε> на <ο> и <ο> на <ε> не исправлялись.

В языковом отношении «Песнь...» похожа на другие тексты из песенного сборника Греч. 806 — рядом сосуществуют архаизмы, инновации и просторечные формы. Язык песенника в целом и «Песни о войне русских с французами» в частности можно охарактеризовать как наддиалектное койне (ср. Desnitskaya 1970), типичное для греческого песенного фольклора, восходящего к средневековой традиции, независимо от региона его фиксации (см., напр., песни, опубликованные в Spyridakis et al. 1962). При этом такие архаические черты, как упомянутые выше причастие пассивного перфекта и частица γάρ, нетипичные для греческих песен, скорее всего, свидетельствуют об определенном влиянии греческой школьной традиции, где в той или иной степени изучались древнегреческий и архаизуса, т. е. литературный вариант греческого языка, ориентированный на древнегреческий и считавшийся в грекоязычном мире, по крайней мере середины в XIX в., признаком хорошего образования.

3.2. Текстологические особенности

Несмотря на отдельные архаизмы, наблюдаемые в «Песне...», и красивый почерк, человек, записавший этот текст, скорее всего, был далек от книжной культуры. На это, во-первых, указывает принцип деления текста «Песни...» на строки: хотя в «Песне...» есть выраженная рифма, строка заканчивается не рифмующимся словом, а продолжается настолько, насколько позволяет ширина страницы. Во-вторых, на недостаток образования указывают регулярные пропуски ударения и выбор неверного типа ударения (11)³³.

- (11) Χῶραις /'xoges/ 'страны' вм. χῶρες (с. 14 (л. 8), стк. 6; см. также (16)).

³³ Регулярно вместо акута ставится гравис. При этом иногда появляются придыхания.

Иногда в тексте отсутствуют пробелы. Слитно могут быть написаны артикль и существительное (12) или модальная частица и глагол (13).

- (12) εἴγαλοι /i'gali/ в.м.
οἱ Γάλοι
i=gal-i
DEF.M.NOM.PL=француз-NOM.PL
'французы' (с. 12 (л. 7), стк. 5; см. также (17))³⁴.

- (13) ναφάγουν /na'fayun/ в.м.
νὰ φάγουν
na=fáy-un
SBJV=есть.PFV-PRS.3PL
'пусть съедят' (с. 17 (л. 9 об.), стк. 3).

И напротив — в фонетическом слове могут появиться неожиданный произвольный словораздел, что также говорит о невысоком уровне образованности у человека, записавшего текст (14).

- (14) стар ματασας в.м.
στ[ᾱ] ἄρματα σα̃ς
s-ta arma-tá=sas
в-DEF.N.NGEN.PL оружие-NGEN.PL=POSS.2PL
'к оружию вашему' (с. 15 (л. 8 об.), стк. 12).

Наконец, на это же указывает и ошибка в имени Наполеона — ναπολέων в.м. Ναπολέων (с. 14 (л. 8), стк. 3) и неуверенность в предложно-падежном управлении, когда от предлога με зависит именная группа, в которой прилагательное оформлено как аккузатив мн. ч., а существительное — как датив (15).

- (15) με μηχανικὲς φωτιάις, ἀνοιγτὲς φαντασίαις³⁵
me mixanik-és foti-es,
с механический-F.NGEN.PL огонь-DAT.PL
aniγ-t-és fantasi-es
открывать-ADJZR-NF.NGEN.PL фантазия-DAT.PL
'механическими огнями, открытым высокомерием' (с. 13 (л. 7 об.), стк. 8–9).

³⁴ Не исключено, что на такое написание повлияла ошибка в написании другого этнонима — εἰταλιον /ita'lion/ 'итальянцев' в.м. Ἰταλῶν /ita'lon/ (с. 13 (л. 7 об.), стк. 1).

³⁵ Глоссирование этого примера ориентировано на орфографию, а не на фонетику.

Очевидно, что фонетически формы датива и аккузатива в (15) неразличимы, и указанную ситуацию можно описывать в терминах гиперкоррекции, поскольку датив в «Песне...» не фиксируется. Поэтому в (15) можно говорить не только и не столько об особенностях предложно-падежного оформления, сколько об орфографической ошибке. И такого рода ошибок немало и во всем песеннике.

Многие орфографические ошибки, фиксируемые в «Песне...», регулярно встречаются в византийских рукописях. Они обусловлены тем, что после исчезновения противопоставления между долгими и краткими гласными, а также открытыми и закрытыми, ряд графем и их сочетаний стал обозначать один и тот же звук: <αι> и <ε> — /e/; <ι>, <η>, <ει>, <οι> и <υ> — /i/; <ο> и <ω> — /o/. Вот некоторые примеры:

(16) **Ошибки в передаче /e/**

<αι> **вм.** <ε> (гиперкоррекция): Χῶραις **вм.** χῶρες (с. 14 (л. 8), стк. 6)

<ε> **вм.** <αι>: πολα ματε **вм.** πολεμάται (с. 15 (л. 8 об.), стк. 3–4)

(17) **Ошибки в передаче /i/ (ошибки «итализма»)**

<ει> **вм.** <ι> (гиперкоррекция): εἰταλιον < Ἰταλῶν (с. 13 (л. 7 об.), стк. 1),

<η> **вм.** <ι> и наоборот: μηχανηκες **вм.** μηχανικῆς (с. 13 (л. 7 об.), стк. 8),

<η> **вм.** <ει> и <ι> **вм.** <ει>: φθηρι **вм.** φθείρη (с. 14 (л. 8), стк. 5),

<η> **вм.** <οι>: μεγαλη **вм.** μεγάλοι (с. 12 (л. 7), стк. 6),

<η> **вм.** <υ>: τηράνους **вм.** τυράνους (с. 16 (л. 9), стк. 2; см. также (20)),

<ι> **вм.** <οι>: εχρι **вм.** ἐχθοῖ (с. 12 (л. 7), стк. 6; см. также (22)),

<ι> **вм.** <υ>: κτιπατε **вм.** κτυπάτε (с. 15 (л. 8 об.), стк. 11),

<υ> **вм.** <ι>: προυσυάνη **вм.** Προυσιανοί (с. 13 (л. 7 об.), стк. 6).

(18) **Ошибки в передаче /o/**

<ο> **вм.** <ω> (особенно в генитиве мн. ч.): ρουσον **вм.** Ρούσων (с. 12 (л. 7), стк. 2).

<ω> **вм.** <ο>: ὀπλίζοντε **вм.** ὀπλίζονται (с. 13 (л. 7 об.), стк. 10).

Отдельно можно отметить замену <ω> /o/ на <ου> /u/.

(19) πληγώνων **вм.** πληγώνουν (с. 15 (л. 8 об.), стк. 5)³⁶.

³⁶ Возможно, данная ошибка вызвана рифмой: в оригинале рифмующаяся с πληγώνουν /pli'ɣonun/ лексема μαστιγώνουν /masti'ɣonun/

Среди других ошибок, обусловленных различиями орфографии и произношения, стоит указать отсутствие геминат (20), что является одной из важных диалектных изоглосс (Trudgill 2003: 57).

- (20) πολὰ вм. πολλὰ (с. 14 (л. 8), стк. 9)
 τηράνους вм. τυράννους (с. 16 (л. 9), стк. 2)

Итак, значительная часть перечисленных ошибок обусловлена тем, что греческая орфография далеко не всегда соответствует греческой фонетике. С высокой долей уверенности можно утверждать, что запись песен проводилась на слух и что те, кто их записывал, часто не знали, как корректно передать устную речь на письме, допуская ошибки, вплоть до курьезов, ср. (21).

- (21) Εξουλήθισαν вм. Ἐβουλήθησαν (с. 12 (л. 7), стк. 5; см. также (17))
 νὰ φανίσουν вм. νὰ ἀφανίσουν (с. 12 (л. 7), стк. 6; см. также сн. 39)
 κα χημα вм. καὶ ὄχημα (с. 12 (л. 7), стк. 7–8)

Нельзя исключить и еще один вариант объяснения многочисленных ошибок: скриптор торопился записать текст за исполнителем, поэтому из-за спешки в его тексте варьируется написание одних и тех же лексем (22).

- (22) ἐχρὶ (с. 12 (л. 7), стк. 6, см. также (17)),
 ἐχθρόν (с. 15 (л. 8 об.), стк. 4–5),
 ἐχθρούς (с. 16 (л. 9), стк. 3, 9),
 ἐχροῦς (с. 16 (л. 9), стк. 5).

Отдельные ошибки можно трактовать как стремление к точности рифменных созвучий; иными словами, нельзя исключить, что иногда автор записи осознанно сохраняет неверные формы, ср. (23), а также сн. 30, 36.

- (23) с. 13 (л. 7 об.), стк. 1: πλῆθος /'pliθos/ 'толпа'
 с. 13 (л. 7 об.), стк. 2: μεγίθος /'meɣiθos/ вм. μέγεθος /'meɣeθos/;
 см. (1).

Ошибки ударения во многих случаях также можно трактовать как отражение сдвига ударения при устном исполнении (24).

представлена как μετιγῶνον /meti'ɣonon/ (с. 15 (л. 8 об.), стк. 4); ср. сн. 49.

- (24) σιδηρόν вм. σίδερον (с. 13 (л. 7 об.), стк. 5; см. также (17)),
ὑπερφάνους вм. ὑπερήφανους (с. 16 (л. 9), стк. 2; см. также (17)).

Сюда же, стоит отнести и случай, где в слове поставлено два ударения, подчеркивающие метрические особенности строки:

- (25) θῦμομένος вм. θυμωμένος (с. 14 (л. 8), стк. 2, см. также (18)).

Скорее всего, текст не пересматривался и не редактировался после записи. Подобное предположение позволяет объяснить как «специфическое» деление на строки, так и многие ошибки. Мы не знаем, кем и с какой целью был составлен этот песенник, кому он был адресован. Однако сам факт его появления, пусть и косвенно, свидетельствует, что стремление к фиксации песенной культуры захватывает не только людей из образованного сословия, но и малограмотную демократическую среду. И даже если составление песенника было ориентировано не на внутреннего адресата, а стало ответом (альтруистическим или меркантильным) на появившийся извне запрос (быстро и широко распространяемую в регионе практику собирательства «местной старины») — в любом случае, оно маркирует процесс обращения взгляда на собственную культуру, становится свидетельством рефлексии над ней, а значит, и над собственной идентичностью.

Показательно в этом смысле сопоставление двух текстов. Один из них — стихотворение «Молодой монах» с подзаголовком «новогреческая песня», опубликованное в 1863 г. в журнале «Современник» (Iletskij 1863). Этот текст представляет внешний условный литературный взгляд на «народную греческую культуру»³⁷:

Молодой монах из кельи
Притаясь в окно глядит:

³⁷ Автор стихотворения — Михаил Ларионович Михайлов (1829–1865), сын горного чиновника и киргизской княжны, поэт и переводчик, часто писавший под псевдонимом Мих. Илецкий. Он активно сотрудничал с журналами «Современник» и «Отечественные записки». Писал стихотворные сатиры и пародии. В 1861 г. поехал в Лондон, куда привез для печати прокламацию «К молодому поколению». За это был по возвращении сослан на каторжные работы на Нерчинский завод, где и умер на поселении.

Под окном, внизу, девица
Зарумянившись стоит.

По кусочку белый сахар
Он кидает из окна
Ей за пазуху; а сверху
Грудь лебяжья вся видна.

«Эй, сиди, монашек, смирно!
Не застали бы тут нас,
Не проведаль бы игумен...
Расстригут тебя как раз.»

— Расстригут — клобук свой сброшу,
Алый фес надену я;
Мигом свадебку сыграем,
Ненаглядная моя!

Собственно греческого в этой песне — лишь указание на головной убор, именуемый фесом (φέσι ‘феска’).

Другой текст — народная песня «Ой да, вдоль по улице (Удалой Гречин)». Приводим ее по публикации в сборнике А. М. Листопадова (Listopadov 1946: 70 (№ 47)), стремившегося сохранить при записи фонетические особенности исполнения:³⁸

Ой да, вдоль по улицы, вдоль по широкой
Удаленькай добрай молодец, молодец идет,
Вот и, как навстречу да ему, доброму молодцу,
Родимая ему мамушка, мамушка идет.
«Уж ты, чада моя, чада милая!
Ты скажи жа, Расскажи мене, чадушка моя,
Отчево, то ли почему, чада милая,
Не бел жа ты, не румян, не бел ходишь, не румян?»
«Государыня моя, ты, родимая,
Родимая моя мамушка, жалкая ты моя!
Не тебе, моя маменька, было б спрашивать,
Не мене жа, мене, молодцу, да не мне бы сказывать:
Ну, служил-то я, молодец разудаленькай,
На чужой, дальней сторонунки — Гречецкай земле,—
Приобычилси молодец, ну, привадилси
К раздушачки красной девочки, к гречаночке кы своей:
Как велела мне девочка, вот мне, молодцу,
Да к ней в гости поздно вечером, в гости к ней притить!
Не даждавши я, молодец, поры-времика,

³⁸ Текст записан в станице Филипповская в 1904 г.

Пошел жа я, доброй молодец, к сударушке кы своей.
 Увидал мене, молодца, удалой Гречин,
 Перхватил жа разудаленький среди свою двора,
 Как поднял мене, молодца, выше буйной головы,
 Ну, и вдарил об сыру землю животом-серьца моим,
 Вот сы той-то бяды доброй молодец,
 Сы тово ли сы несчастица не бел жожу, не румян,
 Присушило мои кудри чернаи
 Кы буйной моей головушке да к неудачливой!»

Образ грека здесь так же условен, хотя эта условность совершенно другого рода: ориентирована на фольклорную традицию. Очевидно, что поиск маркеров реальной идентичности будет более продуктивен при обращении к аутентичному малограмотному тексту, хотя греческое в нем никак не тематизировано.

3.3. Текст «Песни...»

Приведенная ниже редакция «Песни...» принадлежит авторам этой статьи. При публикации сохранен тот же принцип деления на строки, что и в песеннике. Текст дается в традиционной политонической орфографии, поскольку он был записан в XIX в., когда монотоническая орфография еще не была введена. Особенности оригинала, исправленные в основном тексте, указаны в критическом аппарате. Ошибки в ударениях и придыханиях исправлены без комментариев.

с. 12 (л. 7)

1. Τραγοῦδιον περὶ πολέμ[ου]
2. τῶν Ῥούσων μετὰ Φρ
3. -αντζέζων
4. τραγοῦδιον 3
5. Ἐβουλήθησαν οἱ Γάλοι τῶν Ῥούσων
6. ἐχ[θ]ρ[ο]ῖ μεγάλοι νὰ [ἀ]φανίσουν³⁹
7. πάντες⁴⁰ τὸ βασιλεῖον Ῥουσίας κα[ὶ]
8. [ὄ]χημα ὀρθοδοξίας νὰ ἐκλέψουν
9. παντελῶς,

³⁹ Исчезновение ἀ- в ἀφανίσουν объясняется не только метрически, но и фонетически: в фонетическом слове νὰ ἀφανίσουν /na=afa'nisun/ при произнесении (особенно при песенном исполнении) два соседствующих /a/ могут сливаться один. Подобная особенность рукописного текста может свидетельствовать о том, что запись делалась на слух.

⁴⁰ Э. В. Хаджинов предлагает, πάντες заменить на πανδος 'однако, в любом случае', видимо, чтобы зарифмовать с παντελῶς.

2. ρουσον. 5. Εξουληθισαν; είγαλοι; ρουσον. 6. μεγαλη. 7. τω.

с. 13 (л. 7 об.)

1. **ἐσυνήλθησαν** με πλῆθος Ἰταλῶν
2. τὸ πᾶν **μέγεθος**, ἔμορφα κ[αὶ] ἐκλε-
3. κτὰ Ἰταλῆτα κ[αὶ] **Φραντζέζοι**, Ζά-
4. ξονες κ[αὶ] **Ὀλλαντέζοι**,
5. Λέχοι ὅλοι **σίδερον**, **Γερμανοὶ**
6. κ[αὶ] **Προυσιανοὶ**, ἄρχοντες [καὶ]⁴¹ **μεγιστά-**
7. **νοι** τρέχουσιν [καὶ] **κελαδοῦν**.
8. με **μηχανικὲς φωτιᾶς**, ἀνο[ι]γ-
9. τὲς **φαντασίαις** <неразб.> ὀπλί-
10. **ζονται** αὐτὸν κ[αὶ] μαγγίφικους⁴²

1. ἐσυναλθισαν; είταλιον. 2. μεγιθος⁴³. 3. είταλητα⁴⁴; φροντζεζη. 4. ὅλαν κ' ὅλαντεζοι. 5. σηδηρόν; γερμανή. 6. прουσάνη. 7. [μεγιστά]νη; ἔκειλαδον⁴⁵. 8. μηχανηκες; φωτίαις. 9. φαντασίαις. 10. [οπλι]ζωντε.

с. 14 (л. 8)

1. ἀνδρίους κανονέρους θαυμάσιους τοноῦν
2. τὰ ὅπλα δηνατὰ. **Θυμωμένος ὥσάν**
3. **λέων αὐτοκράτωρ Ναπολέων** τρέχει
4. ὁμπρὸς μετὰ **спаθί**.
5. Λέ[ει] γιὰ νὰ **φθείρη** τὴν Ῥουσίαν μόνος τοῦ
6. **ὀδηγεῖ**, **πέρνει** **χωρες** κ[αὶ] χωριά, про-

⁴¹ Союз καὶ предлагает вставить Э. В. Хаджинов.

⁴² Слово μαγγίφικους плохо читается, но, по-видимому, это передача *magnificus* греческими буквами.

⁴³ Ошибка в μεγιθος, скорее всего, вызвана необходимостью рифмы с πλῆθος строкой выше.

⁴⁴ Форма είταλητα не вполне понятна.

⁴⁵ Данная форма едва ли представляет собой древнегреческий имперфект, поскольку, если это личная форма, она должна быть в том же времени, что и τρέχουσιν. Можно предположить, что начальная <ε> либо добавлена из-за ритма, (а переписчик, очевидно, произносил для себя текст вслух — об этом свидетельствуют регулярные сдвиги ударений, а также появление парных ударений), либо представляет собой сохранившееся -αι от союза καὶ (<αι> и <ε> произносятся одинаково — /e/). Нельзя, впрочем, исключать и другую интерпретацию: ἔκειλαδον — это причастие κελαδῶν, которое переписчик просто не склоняет и не изменяет по числам, ср. похожие примеры на с. 15 (л. 8 об.): ἄφρον (стк. 1) и παρὰφρον (стк. 2). Какая бы из интерпретаций ни оказалась верной, несомненно одно — переписчик не всегда понимает то, что пишет.

7. χωρ[ε]ῖ με τὴν Ῥουσίαν εἰς τὴν Μόσχα, κα-
8. θαυτοῦ καταστρέφει⁴⁶ [ἐκ]κλησίας ὁρθ[ο]-
9. **δόξων ἀμέθειας** με πολ[λ]ὰ σφικτὰ
10. σκληρὰ.

2. θυμωμένος; ὁσάν. 3. леон; αὐτοκράτορ; ναπολένον. 4. σπαθῆ. 5. φθηρι.
6. ὁδηγῆ; Περνῆ; Χώραις. 9. [ὁρθ]δόξον; ἀμεθίας⁴⁷.

с. 15 (л. 8 об.)

1. Οἱ Γάλοι εἶναι ἀφρόν[ες καὶ] **Ἱταλοὶ** εἶναι
2. παράφρον[ες], ὁ Θεὸς γὰρ μέθ' **ἡμῶν**.
3. **Ὁ κακὸφρων μεγεθία πολεμά-**
4. **ται. Μὲ τὴν βίαν μαστιγώνουν** τον ἐ-
5. χθρὸν καὶ οἱ **Ῥούσοι** τοὺς **πληγώνουν**
6. κ[αὶ] τοῦ[ς] Γάλους **θανατώνουν ὡσάν**
7. ἄπιστους **μαύρους**. Τότε Κουτούζοβ κο[ι]-
8. **τάζει** θυμωμένος κ[αὶ] **προστάζει**: «**Βάλ' τὰ**
9. **ὄπλα** δηνατά! **Ῥούσοι** μοῦ ἀνδρ[ε]ιω-
10. **μένοι** εἰς τὸν κόσμον **ξακουσμένοι**
11. **νὰ κτυπάτε** φοβερὰ! Ὅλοι **Ῥούσοι** νὰ
12. **βρεθῆτε, στὰ ἄρματα** **σᾶς** νὰ **σταθῇτε**

1. γιταλοὶ⁴⁸. 2. ημὸν. 3. ὁ κακὸφρων μαγιθῆα. 3-4. πολα ματε. 4. μετην; βῆαν; μετιγωνον⁴⁹. 5. ρουσι; πληγώνων. 6. θανατονουν; ὁσάν ἀπι. 7. μιᾶρου. 8. [κὸ]ταζη; προσταζη; βάλτα. 10. [ἀνδριω]μένη; ξακόσμιν⁵⁰. 11. κτιπατε. 12. σтар ματασας; σταθητι.

с. 16 (л. 9)

1. με ἀνδρ[ε]ῖαν κ[αὶ] **τολμῆν!** Διὰ νὰ **διώξο-**
2. **μεν τυράννους** Γάλους τοὺς **ὑπερήφανους**

⁴⁶ В оригинале καταστρέφεται (т. е. пассивный залог вместо активного). Возможно, переписчик так услышал фразу /kata'strefi tes (или tas) ekli'sies (или ekli'sias)/ и принял артикль /tes/ (/tas/) за глагольное окончание. Нельзя исключать и того, что исполнителю просто не хватило слога, и он использовал пассивную форму в активном значении.

⁴⁷ Лексема ἀμεθίας непонятна.

⁴⁸ Возможно, начальная <γ> передает <к> от союза καὶ.

⁴⁹ Понимать -ον в μετιγωνον /meti'γoπoн/ как -ουν (т. е., окончание 3 л. мн. ч.) позволяет рифмующееся с ним слово πληγώνουν (πληγώνων /pli'γoπoн/; ср. с. 15 (л. 8 об.), стк. 5), в котором флексию -ων, несомненно, надо понимать как окончание 3 л. мн. ч.; ср. сн. 36.

⁵⁰ Предлагаемая интерпретация (ξακουσμένοι /ksakuz'meni/), помимо значения, подтверждается также и тем, что указанная форма рифмуется с ἀνδρειωμένοι (ἀνδριωμένη /adrio'meni/; см. стк. 9-10).

3. **τῆς** πατρίδος τοὺς ἐχθροὺς!». Τότε Ρούσ[ο]ι μὲ
4. **τὴν** βίαν κ[αῖ] **μὲ τόσῃν** ἀσπλαχνίαν κατα-
5. κόβουν τοὺς ἐχ[θ]ροὺς. Ἐτ[ο]μον γάρ
6. **πλησιάζει**, κ[αῖ] προστακτικὰ **προστάζει**
7. νὰ **κτυποῦσιν** τολμυρά.
8. Ὁ Πλάτοβ τοῦ **διορίζει** τὰ ὄργανα **πί-**
9. **σω γύριζει** νὰ πιάσουν τοὺς ἐχθροὺς:
10. «Ὁ ἐχθρὸς εἶναι στὴν **μέσῃν**, εἰς **τὰ χέρια**
11. σᾶς θὰ πέσῃ μὲ τὴν **Δύναμιν** Θεοῦ».
12. **Σκλαβόμενοι** Γάλοι πλῆθος, **σκοτώμεν-**
13. **νοι** κ[αῖ] **φραντζεζοι** εἰς τὰ χέρια **τῶν Ρούσων**
14. **κλαίου**ν, φεύγουν κ[αῖ] **θρήνονται**.

1. τολμῖν; διόξο[μεν]. 2. τηράνους; ὑπεριφάνους. 3. τις. 4. τὶν; μετόσιν. 6. πλησιάζη; προσταζή. 7. κτυποῦσιν. 8. διόρήξη. 8–9. πησο. 9. γιριζι. 10. μέσιν; ἐχεργιά⁵¹. 11. δηναμιν. 12. ἐσκλάβομενη. 12–13. σκοτονη.⁵² 13. φροντζεζι; τον υ<неразб.>⁵³. 14. Κλέουν; θριν<неразб.>ντε.

с. 17 (л. 9 об.)

1. Π[ε]ίνα ἔχουν κ[αῖ] **λυποῦνται** εἰς **τὰ χέρια**
2. καζακῶν. Ὅποιοι δὲν [μ]ποροῦν νὰ **φύγουν**
3. κ[αῖ] τὰ φίδια νὰ φάγουν, **παρομοιά-**
4. ζουν τοὺς λαγοὺς, τὰ στρατεύματα
5. τοὺς χάνουν κ[αῖ] τοὺς **στρατηγοὺς** ξε-
6. χάνουν, **α Ναπολέων** λείπει.
7. Γάλοι **πεπονηρομένοι** [σ]τὴν Ῥου-
8. σίαν **συλλαβομένοι** εἰς τὰ **χέρια**
9. τῶν **Ῥούσων**. Ἐκοὺ πάλιν <неразб.>
10. **σιτε** **θὰ ξεσκλαβωθῇτε**
11. **μὲ τὴν Δύναμιν**
12. Θεοῦ

1. λήπουν τε; εἰς ἐχίργια (см. сн. 51). 2. Ἐπη; φήγουν. 3. παραμια[ζοῦν]. 5. στρατιγους. 6. ἄνα πολεον⁵⁴; ληποὺς⁵⁵. 7. πεπονηρομένη. 8. συλαβομένη; χεργιά. 9. ρουσόν. 10. θαξε <неразб.>λαβαθήτε. 11. δηναμιν.

⁵¹ Предлагая исправление, мы ориентировались на с. 17 (л. 9 об.), стк. 8: εἰς **τα** χεργιά.

⁵² Предположение, что σκοτονη — это σκοτωμένοι, принадлежит Э. В. Хаджинову.

⁵³ Корректурa τῶν Ῥούσων, предложенная Э. В. Хаджиновым, не только подходит по смыслу, но и имеет параллели далее по тексту, см. с. 17 (л. 9 об.), стк. 8–9.

⁵⁴ Уместно предположить, что ἄ- — это русский союз *a*.

с. 18 (л. 10)

1. ὅπου βοηθεῖ τοὺς Ῥοῦσους τοὺς πιστοὺς
2. κ[αί] ὀρθόδοξο[ν]ς ὅπου προ-
3. σκυνοῦν Αὐτὸν
4. κ[αί] τομένον ροφοτάτο
5. Ἀλεξάνδρον αὐτοκράτορ,
6. κ[αί] ὄλων
7. τῶν Χριστιανῶν.

1. βογιθῇ; тустоуs. 6. ὄлон.

3.4. Перевод «Песни...»

Предлагаемый в этом разделе перевод не литературный, а подстрочный. Здесь мы также старались сохранить особенности членения текста на строки, чтобы облегчить сопоставление с оригиналом.

с. 12 (л. 7)

1. Песнь о войне
2. русских с фр-
3. -анцузами
4. песнь 3
5. Вознамерились (букв. захотели) французы русских
6. враги великие, уничтожить
7. все царство российское (букв. России) и
8. оплот (букв. движущую силу) православия разграбить
9. полностью,

с. 13 (л. 7 об.)

1. пришли вместе с толпой итальянцев
2. всем числом (букв. величиной), красивые и отбор-
3. ные итальянцы и французы, са-
4. ксонцы и голландцы,
5. ляхи (т. е. поляки) все [в] железе, немцы
6. и прусаки, дворяне и знат-
7. ные, бегут и галдят (букв. щебечут).
8. Механическими огнями,⁵⁶ откры-
9. тым высокомерием (букв. фантазиями)¹ <...> заря-
10. жают его, и славным,

⁵⁵ Э. В. Хаджинов предложил понимать ληπούς как ἀλεπού /ale'pu/ 'лисица'. Возможны и другие интерпретации, например, λυπάται /li'pate/ 'печалится'. Впрочем, все они по смыслу представляются менее удачными, чем предложенная здесь.

⁵⁶ Очевидно, имеется в виду огнестрельное оружие.

с. 14 (л. 8)

1. отважным канонирам чудным вторят
2. орудия громко⁵⁷. Разгневанный словно
3. лев император Наполеон бежит
4. вперед с мечом.
5. Говорит, чтоб погубить Россию самому,
6. ведет [войско], берет города (букв. страны или села)⁵⁸ и деревни, про-
7. двигается по (букв. с) России в Москву, сам (букв. сам по себе)
8. уничтожает церкви право-
9. славных из-за невежества с многими суровыми (букв. сдавленными или тугими)
10. жестокостями.

с. 15 (л. 8 об.)

1. Французы безрассудны, и итальянцы
2. безумны, ибо Бог с нами (а не с ними).
3. Злокозненный [Наполеон] толпой сражает-
4. ся. С силой секут в-
5. рага русские и (досл. и русские) его (букв. их) поражают,
6. и французов убивают, словно
7. неверных мавров. Тогда Кутузов смо-
8. трит разгневанный и приказывает: «Стреляй из
9. орудий громко! Русские мои хра-
10. брецы, в мире прославленные,
11. бейте [врага] безжалостно (букв. ужасно)! Все русские
12. приходите (досл. окажитесь [тут]), к оружию своему вставайте

с. 16 (л. 9)

1. с мужеством и отвагой! Чтоб [нам] из-
2. гнать тиранов, французов надменных,
3. врагов Родины!». Тогда русские с
4. силой и такой жестокостью пере-
5. резают врагов. Ибо [к] готовому[войску]
6. [Кутузов] приближается и властно приказывает
7. бить [врагов] отважно.
8. Платов, который отдает приказы, орудия на-

⁵⁷ К сожалению, данный отрывок плохо читается, но можно предположить, что речь идет об артиллерийской перестрелке, когда противники «высокомерно» палят из пушек, а русские «славные и отважные канониры» им отвечают.

⁵⁸ Здесь вспоминается термин *xóga*, используемый в Цаконии для наименования древней столицы Простоса.

9. зад разворачивает, чтобы [они] достали (букв. схватили)¹ врагов:
10. «Враг окружен (букв. в середине), в руки
11. ваши падет по Воле (букв. Силе) Божьей».
12. Толпа пленных французов, уби-
13. тые и французы в руках русских
14. Плачут, бегут и оплакивают себя.

с. 17 (л. 9 об.)

1. Голодают (досл. имеют голод) и горюют в руках
2. казаков. Те, кто не могут убежать,
3. и пусть [их] змеи съедят, подоб-
4. но зайцам [французы бегут], войска
5. свои теряют и генералов также
6. теряют, а Наполеона нет [с ними] (букв. отсутствует).⁵⁹
7. Французов обхитрили (букв. обманутые), в Рос-
8. сии плененные в руках
9. русских. ??? опять???
10. ??? обретете свободу
11. по Воле (букв. Силе)
12. Божьей,

с. 18 (л. 10)

1. который помогает русским, верующим
2. и православным, которые по-
3. клоняются Ему
4. и ???⁶⁰
5. Александру, Самодержцу
6. всех (досл. и всех.)
7. христиан.

3.5. Историко-литературный комментарий, поэтика

На фоне фольклорных текстов «Песня..» уникальна тем, что мы можем довольно точно датировать время ее создания: не ранее 1812 г. и не позднее 1859 г. Благодаря специфической тематике (война русских с Наполеоном), с уверенностью можно говорить и о том, что «Песня...» возникла в южнорусском регионе, а не привезена из других частей греческого мира (из Малой Азии, с островов и проч.), что для румейского фольклора достаточно характерно (ср. Kisilier 2019: 107–112). Эти

⁵⁹ См. также сн. 55.

⁶⁰ Слова *tomévon roforátó* непонятны. Э. В. Хаджинов переводит их как «светлейшему».

особенности, а также широкая распространенность разных сюжетов, связанных с русско-французской войной 1812–1814 гг., в песенной традиции донских казаков — ближайших соседей приазовских греков, рождает предположение, что греческая песня может быть адаптацией или переложением русского оригинала.

Действительно, для донских казаков тема войны с Наполеоном стала одним из существенных элементов конструирования исторической памяти и собственной идентичности. В целом для XIX в. историческая песня является уже непродуктивным жанром. Собиратели сетуют, что серьезные песни уже мало кто знает, интерес к ним невелик, и они быстро вытесняются песнями бытовой или «легкой» тематики. Как пример, приведем подобный пассаж из предисловия Савельева к сборнику донских песен:

Уже и теперь редко попадаются между казаками знатоки старинных песен, отличающихся своим поэтическим содержанием и звучным выразительным стихом; большею же частию молодое поколение *дурачится*, по выражению стариков (курсив автора цитаты — *И. В., М. К.*). Известно, что народ более интересуется мотивом песни, чем самым ее содержанием; поэтому собирателю песен по большей части приходится слышать только отрывки песен, полные же песни можно узнать только от старожил, которые доживают свой век. Но кроме этого мещанское образование, состоящее в ношении модного платья да в пении сладко-приторных лакейских романсов, начинает мало по малу втесняться и в казачью жизнь. (Saveliev 1866: 6–7).

На этом фоне появление и распространенность нового исторического сюжета — показательный факт. Важность темы наполеоновских войн для донских казаков подчеркнута и в разных сочинениях исторического характера — например, в систематизирующем историю донского казачества труде того же Савельева «Трехсотлетие Войска Донского 1570–1870 г.: Очерки из истории донских казаков», посвященном наследнику цесаревичу, Александру Александровичу (Saveliev 1870). В качестве эпиграфа к главе, посвященной новейшей истории казачества, Савельев помещает цитату из грамоты императора Александра I, врученной донскому атаману М. И. Платову, от 18 ноября 1817 г.:

...знаменитые заслуги и подвиги Донского войска нашего в кампанию 1812 г. во многих битвах с издания манифеста 13-го апреля 1813 г. до заключения мирного трактата в Париже, налагают на нас долг перед целым светом засвидетельствовать и повторить изъясненную в помянутом манифесте справедливую нашу к нему признательность и благоволение. Да сохранится сие свидетельство в честь и славу его в память потомков. (цит. по Saveliiev 1870: 89).

«Знаменитые заслуги и подвиги» отражаются в разных песенных сюжетах наполеоновского цикла как отсылка, часто прослеживаемая лишь пунктирно, к тем или иным конкретным эпизодам этой войны: Бородинская битва, пожар Москвы, донское ополчение, рейды в тыл неприятеля, знаменитые заграничные сражения русских войск и т. д. Платов наравне с Кутузовым — один из главных персонажей этих песен. Доминирует в них общий для донских песен мотив исключительной роли казаков как верных защитников православного царя и отечества, отвага и смелость которых обеспечивают победу в самой безнадежной ситуации. Так, в песне «Об атамане графе Платове» (№ 35, Saveliiev 1866: 110) турецкий султан собирается большой армией напасть на Русскую землю и пишет об этом письмо «Александррушке». Узнав о силе турецкой армии «Александррушка затужился», «загоревался»:

Тут его Царская персонушка с лица изменилася,
Его белые руки и ноги подломилися.

Однако Платов встает на защиту царя и Отечества:

Тут Матвей Иванович Платов приподнялся,
И возговорил он своим громким голосом:
«Врешь, ты врешь, Майорин, облыгаешься,
Ты Майорин дюжа выхваляешься,
Я вашей силушки не боюсь,
И во славный Царь-град уберуся.
«Ты не бойся, наш Православный Царь!
Встречать его пошли гренадерушков,
Подбивать его заставь кононерушков,
Стол поставь из медных пушечек
А скатерти постели все лафетушки,
Закусочки им поставь — мелкие пудечки,
А провожать их пошли Донских казаков».

(№ 35, Saveliiev 1866: 110–111).

Мотив казаков-защитников, воюющих за православного государя, характерен не только для донских песен, но можно считать его отличительной чертой русской военной исторической песни как таковой. Нередко и в песне, и в историческом тексте государь именуется «белым царем». Так, именно эта формула использована в патетически возвышенном предисловии к сборнику биографий прославивших себя представителей донского казачества, задуманному как меморат для потомков:

Донские казаки, поставленные в обязанность защищать южные окраины русского государства, более пяти столетий свято исполняли свое назначение, образовав из себя огромную военную дружину, действующую под знаменем Креста Православного и **Царя Белого** (выделено нами — *И. В., М. К.*). (Dontsy 1907: 1).

Семантика формулы «белый царь» имеет давнюю традицию. Здесь отметим лишь, что распространение эта формула получает в контексте конфессионально окрашенных противостояний русских с иноверцами, репрезентируя образ истинного царя и благого царства в противовес мнимому (ср. Uspenskij 1996). Однако в казачьей песне XIX в. «Царь Белый» — это, скорее, уже закреплённое традицией данного региона поименование государя, чем осознанный акцент на теме борьбы с неверными.

Другой характерной чертой русских исторических песен, включая и казачьи песни наполеоновского цикла, является наличие зачина, ориентированного на фольклорную традицию. Вот примеры из нескольких сборников песен, собранных в разных регионах:

На заре-то, было, все на зорюшке,
На белой заре, на утренней,
На закате было месяца ясна,
На восходе была солнца красна.
(№ 26 «Гудович и персидский шах», Saveliev 1866: 103).

На заре то было, на заре на утренней,
Да на утренней,
На восходе было, было солнца красного,
Солнца красного.

Не белой-то ли кречет, белый кречет он кричал,
Да кречет кричал,
Есаул-то ли Попов по сотням он гулял,
По сотням гулял.

(«Казаки под Ленкоранью», из сборника
А. А. Догадина»⁶¹, цит. № 170, Azbelev 2001: 265).

Вы кусты мои, кусточки,
Вы ракитовы кусты,
Вы скажите-ка, кусточки,
Всее правду про сына

(«Битва с французами», № 123 из сборника
Т. М. Акимовой⁶², цит. № 178, Azbelev 2001: 271–272).

Довольно широко используются параллелизмы, также подчеркивающие очевидную адаптацию новых сюжетов к общенародной поэтике:

Не травушка, не ковылушка к земле клонится,
Царя Белого армейюшка Богу молится

(зачин песни «Платов встречает казаков» из собрания
А. Пивоварова⁶³, цит. № 72, Azbelev 2001: 266–267).

Не красно солнце в чистом поле воссияло —
Воссияла у Кутузова вострая сабля

(«Кутузов и французский майор», из собрания
П. В. Киреевского (1868–1874, вып. 10. С. 47), цит. № 188,
Azbelev 2001: 280).

Как не две тученьки, не две грозные
Вместе соходились —
Как две силы-армейюшки
Вместе соединялись.

(«Начало Бородинского боя», из собрания
А. И. Мякутина⁶⁴, цит. № 177, Azbelev 2001: 270).

⁶¹ Былины и песни астраханских казаков. Вып. 1. Собрал и на ноты положил А. А. Догадин. Астрахань, 1908.

⁶² Акимов Т. М. (сост.). Фольклор Саратовской области. Кн. 1. Саратов, 1946.

⁶³ Донские казачьи песни. Собрал и издал А. Пивоваров. Новочеркасск, 1885.

⁶⁴ Песни оренбургских казаков. Т. 1. Собрал сотник А. И. Мякутин. Оренбург, 1904. С. 82.

Не только на уровне композиционных приемов, но и на уровне риторики текста исторические песни наполеоновского цикла ориентированы на хорошо узнаваемую фольклорную модель. Примером тому служат постоянные эпитеты и формульные образы, сравнения и повторы-дублиеты (выделено в примерах нами — *И. В., М. К.*):

Тут наш православный царь крепко призадумался,
 Повесил свою **буйную голову на белые груди**,
 Утупил свои **очи ясные во сыру землю**;
 Перед ним-то стоит граф Кутузов,
 Он речи **говорит что в трубу трубит**:
 «Что вы, православный царь, крепко призадумались?
 Мы его, **собаку**, встретим **среди поля**,
Среди поля, среди Можайского,
 Мы поставим ему столы — пушки медные,
 Как скатерть постелим ему — гернадерушков,
 Закусочку ему положим — ядра чугунные,
 Поилице ему нальем — зелен порох».

(«Наполеон пишет Александру», № 102 из собрания
 Пивоварова, цит. № 173, Azbelev 2001: 267).

Мы из пушек-**то** палили,
Ровно туча с громом шла,
 Из оружий-**то** стреляли,
Будто градом сыпало

(«Бой у переправы», № 174, Azbelev 2001: 268).

Тут **спроговорил-спромолвил** да князь Кутузов
 («Кутузов ободряет солдат», № 96 (Платов и Кутузов)
 из собрания А. Д. Григорьева⁶⁵, цит. № 176, Azbelev 2001: 270).

Очевидно, ориентацией на фольклорную поэтику отмечено не только использование постоянного эпитета как маркера персонажа (ср. в примере выше поименование противника «собака»), но и применение в той же функции формул уничижения. Приведем в пример песню «Наполеон горюет»:

Разбесесчастненькой, бесталанненькой
 Француз зародился,
 Он сы вечера рано спать ложился
 Долго почивать.

⁶⁵ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. Т. 1. М., 1904.

«Ничего ж ли то я, **французик** ли,
Ничего не знаю:
Что побили его, его армию
Донские казаки.
Что мне жаль-то, мне жаль свою армию,
Есть еще жалчея:
Что вот сняли мому, мому родному,
Да родному братцу,
Что вот сняли ему, сняли йму головку,
Да головку.
Что мене ль то, мене, все **французика**,
В полон мене взяли;
Посадили мене, все **французика**,
В темную темницу:
Что вот тошно ли мне, все **французику**,
В темнице сидети.
Если б знал то бы, знал я, **французик** ли,
Я б того не делал!»

(«Наполеон горюет», из собрания П. И. Якушкин⁶⁶,
цит. № 198, Azbelev 2001: 291)

Уничижительные формулы могут сочетаться с фольклорным сюжетом неузнанного гостя. В наполеоновском цикле он представлен мотивным рядом 'Платов в гостях у французов': Платов приезжает к французам, сбрив бороду и подстриженный, они его не узнают; принимают как гостя; выспрашивают об атамане Платове, которого считают своим главным врагом и очень хотят захватить в плен; дочь француза Орина догадывается, что гость и есть Платов; но Платов ловок, успевает скрыться и напоследок дразнит своих незадачливых хозяев:

Под окошки подбегал,
Таковы слова сказал:
«Ты, ворона, ты, ворона,
Подгуменная карга!
Не умела ты, ворона,
Сокола в руках держать,
Что ясного сокола,
Платова-казака».

(«Платов у французов», № 47 из собрания
С. И. Гуляева⁶⁷, цит. № 189, Azbelev 2001: 282)

⁶⁶ Русские песни из собрания П. И. Якушкина // Отечественные записки. СПб., 1860. № 4. Приложение. С. 93.

Показательно также допущение в песне обценной лексики, характеризующей не фразеологическую точку зрения персонажа, а исполнителя песни и ее адресата. Такое проецирование внешней фразеологической позиции на изображаемых персонажей специфично для лубка, где жанровой нормой являются ярко выраженные оценочные характеристики. Свойственные лубку динамизм, пародийная заостренность, как представляется, оказывают довольно сильное влияние на историческую песню XIX в., размывая ее статус как высокого жанра.

Напереди идет Гудович-граф⁶⁸,
Он грозит Шаху Персидскому:
«Ты, с.....а, ты, Персидский Шах!
Ты пошто отрезал голову
Славному князю Цинцианову?
На кого ты, с.....а, понадеялся?».

(№ 26, Saveliev 1866: 104).

Похожую речевую стратегию использует в другой исторической песне и граф Каменский. По сюжету песни турецкий паша пишет ему письмо, вполне выдерживая (в современном понимании) нормы дипломатического общения, чего нельзя сказать о графе:

Пишет Паша Мурза Графу Каменскому:
«Прошу тебя Каменский граф не прогневаться;
Ты зачем зашел завел армию Российскую,
Я солдат драгун повырублю,
А Донских-то казаков во полон возьму,
Со Донскими казаками я служить пойду».
А Каменский-то Граф во ответ ему:
«Врешь ты, Паша Мурза, облыгаешься,
Небылыми речью забавляешься;
Не поймавши гуся сераго, ты щипать стал.
Я твою-то братию повырублю,
А с тебя-то кожу сниму, соломою набыю».

(№ 29, Saveliev 1866: 105–106).

⁶⁷ Былины и песни Южной Сибири. Записи С. И. Гуляева. Под ред. В. И. Чичерова. Новосибирск, 1952.

⁶⁸ Граф (с 5 апреля 1797 г.) Иван Васильевич Гудович (1741–1820) — получил образование в Кёнигсбергском и Лейпцигском университетах, генерал-фельдмаршал русской армии, участник русско-турецких войн 1768–1774, 1787–1791 гг.; в 1789 г. отвоевал у турок крепость Хаджибей (ныне — г. Одесса), под его командованием в 1790–1809 гг. велись военные кампании в Дагестане и в Грузии.

Как представляется, приведенные выше примеры из сборника Савельева (Saveliev 1866), больше других показательны для сопоставления с текстом греческой «Песни...». Это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, сборник Савельева был издан в 1866 г., что хронологически близко ко времени приобретения Хартахаем рукописного песенника (1859 г.). С понятными оговорками, можно считать, что два эти сборника отражают синхронный срез бытования исторических песен в одном регионе и потому сопоставление их текстов наиболее релевантно. Во-вторых, тексты в сборнике Савельева лишены дополнительной литературной обработки, напротив, публикатор явно стремился в самой форме записи слов отразить особенности непосредственно устной манеры исполнения той или иной песни.

В сборнике Савельева к военным песням александровской эпохи относятся тексты под №№ 23–35 — всего 13 (Saveliev 1866: 100–111). Очевидно связанных с наполеоновской темой — два: № 23 «О Наполеоне»⁶⁹ (вариант неоднократно встречающегося сюжета «Наполеон пишет письмо Александру»⁷⁰), и № 24 «О 12-м годе» (близкий вариант этого сюжета представлен в тексте, озаглавленном «Победа под Лейпцигом» в сборнике «Историческая песня XIX века» (№ 120, Azbelev 2001: 194), оба варианта, по сравнению с текстом Савельева, более литературные).

Рассмотрим более внимательно текст № 23 «О Наполеоне», сюжет — «Наполеон пишет письмо Александру»:

Как во той-то было, во французской зомелюшке
Проввился там с... враг. — Наполеон король.
Собирал он себе армееюшку по разным земелюшкам,
Нагружал он свои галерушки разными товарами:
Как да и теми было товарами, свинцом порохом.
Да и пишет он газетушку Царю Александрушке:
«Как прошу я тебя, Александр Царь, прошу не прогневаться.
Изготовь ты мне фатерушки в самой кременной Москве,
А мне, королю французскому, Царские свои палатушки».
На стулу сидит Александра Царь, — очень призадумался

⁶⁹ Такие названия указаны составителем в Оглавлении к сборнику; сами же тексты приводятся в сборнике без заглавий, просто под порядковыми номерами.

⁷⁰ Есть, например, в собрании Пивоварова (№ 102, Azbelev 2001: 173).

Его Царская персонушка в лице переменялася.
Неред ним стоит генералушка — сам Кутузов князь:
«Ты небось, небось, Александра Царь, да не пугайся ты!
Как мы встретим его в... врага, среди путя;
Мы яствице приготвим ему — бомбы с ядрами,
А другое отошлем ему — пушки сы лафетами,
На закусочку подадим ему славную чиненочку».

Эта песня интересна целым рядом примеров, отражающих особенности устного слова ее исполнителя: *зомелюшка, проввился, неред, среди путя, Александра Царь*. Все они красноречиво свидетельствуют о среде бытования данного текста, принадлежности его исполнителя к сельской, а не к городской культуре.

Спустя два десятилетия вариант этой песни был опубликован еще одним собирателем донского фольклора А. И. Пивоваровым (№ 102 «Наполеон пишет Александру», цит. № 173, Azbelev 2001: 267):

Наполеон-король пишет нашему царю Белому:
«Я прошу тебя, православный царь, не прогневаться,
Распиши мне квартирушки на семьсот тысяч
В своем стольном городе, в кременной Москве,
Господам нашим генералушкам по своим по купцам,
А мне, Наполеону-королю, свои царские палаты!»
Тут наш православный царь крепко призадумался,
Повесил свою буйную голову на белые груди,
Утупил свои очи ясные во сыру землю;
Перед ним-то стоит граф Кутузов,
Он речи говорит что в трубу трубит:
«Что вы, православный царь, крепко призадумались?
Мы его, собаку, встретим среди поля,
Среди поля, среди Можайского,
Мы поставим ему столы — пушки медные,
Как скатерть постелим ему — гернадерушков,
Закусочку ему положим — ядра чугунные,
Поилице ему нальем — зелен порох».

В записи Пивоварова текст уже лишен ярких примет устной речи исполнителя. Логично предположить, что к нему в процессе записи была применена редакторская правка собирателя. Справедливо это и в отношении других текстов данного сборника. Если у Савельева разные тексты звучат на разные

«голоса», демонстрируя прежде всего различный уровень языковой компетенции, то у Пивоварова они лишены индивидуализирующей окраски. В то же время вариант Пивоварова, не выходя за границы норм литературного языка, даже более активно, чем текст Савельева, использует узнаваемую традиционную образность: «буйную голову», «белые груди», «ясны очи», «во сыру землю» и т. д., делая текст как бы подчеркнуто фольклорным. Является ли описанная вариативность в передаче сюжета отражением реальной ситуации его бытования или возникает в следствие гиперкоррекции одного из собирателей, сказать трудно. Важно другое: русские исторические песни наполеоновского цикла ориентированы на фольклорную (живую или стилизованную) традицию, не имеют черт книжности и тем самым остаются полностью внутри «демократического» поля культуры.

На этом фоне греческий текст демонстрирует целый ряд существенных отличий от модели русской казачьей песни. Во-первых, мотив войны за православного царя выражен в греческом тексте более явно. Как было сказано выше, для русской казачьей песни этот мотив превращается в устойчивую формулу, лишенную подлинной сюжетной динамики. В греческой песне, как представляется, связанный с православной тематикой комплекс мотивов работает иначе. Наполеон идет в Россию, чтобы «уничтожить все царство российское и оплот православия разграбить полностью»⁷¹ (с. 12 (л. 7), стк. 6–9). Такие цели отчетливо напоминают типичные для греческой традиции мотивы, представленные в разнообразных плачах о падении Константинополя. Русские солдаты «убивают французов, словно неверных мавров» (с. 15 (л. 8 об.), стк. 6–7). Иными словами, именно борьба с маврами выступает в роли того известного сюжета, благодаря которому можно показать слушателю степень ожесточения русской армии в противостоянии с Наполеоном. Корреспондирует с этим мотивом и другой, характерный именно для греческой традиции, — борьба с врагом как призыв к освобождению от рабства: «обретете свободу по Воле Божьей, который помогает русским, верующим православным, которые поклоняются Ему» (с. 17 (л. 9 об., стк. 10–18 (л. 10),

⁷¹ Здесь и далее мы цитируем по нашему переводу «Песни...»; см. раздел 3.4.

стк. 3). Во-вторых, в греческой песне враги — это, толпа (количественно подавляющее множество), но лишенная характерного для русских текстов собирательного обозначения «французы». Напротив, дано перечисление народов: итальянцы, саксонцы, голландцы, ляхи, немцы, прусаки (с. 13 (л. 7 об.), стк. 3–6). Наконец, если в русской песне залог победы над врагом — смелость и отвага казаков, то в греческой песне — божественная правда, пребывающая выше военной силы и личной смелости: «Французы безрассудны, и итальянцы безумны, ибо Бог с нами (а не с ними)» (с. 15 (л. 8 об.), стк. 1–2). В комплексе, пронизывая весь текст, подобные мотивы задают тональность, ощутимо не совместимую с частотной для русской казачьей песни лубочной, травестирующей интонацией.

Можно привести и другие примеры, показывающие, что перед нами оригинальное произведение, а не перевод или адаптация. Если сравнения и, шире, образность казачьей песни ориентирована на русскую фольклорную поэтику, то греческий текст опирается на специфические для своей национальной культуры образы. Так, Наполеон бежит с мечом, «разгневанный, словно лев» (с. 14 (л. 8), стк. 2–3), врагам, которые не могут спастись бегством, желают «пусть [их] змеи съедят» (с. 17 (л. 9 об.), стк. 3).

В то же время в греческой песне есть ряд мотивов, которые свидетельствуют о ее местном происхождении, о том, что она сложилась в южнорусском регионе, а не была привезена из какой-либо другой части греческого мира. Так в песне упомянут этноним Λέχοι 'ляхи' (с. 13 (л. 7 об.), стк. 5), характерный именно для российской территории, а пленные французы «голодают и горюют в руках казаков» (с. 17 (л. 9 об.), стк. 1–2), а не каких-либо иных представителей русской армии.

Однако эти детали, маркируя принадлежность текста региону, не затеняют доминирующие в нем общегреческие наддиалектные черты поэтики. Тем самым «Песня...», несмотря на чуждую для греческого фольклора фабулу, развертывает ее по характерным именно для общегреческой фольклорной традиции сюжетным мотивам. В итоге, история о войне русских с французами включается в обширный и разветвленный нарратив о борьбе с неверными за целостность и сохранение собственной идентичности, нарратив, принципиальный для культурной исторической памяти греческого мира.

4. Заключение

Итак, греческая «Песня...» являет собой примечательный культурный факт. Несмотря на распространенность сюжета о войне русских с французами среди казаков, непосредственных соседей приазовских греков, «Песня...», вопреки ожиданиям, не является переводом или адаптацией русского текста. В то же время в ней присутствуют элементы, свидетельствующие о контакте двух культур — русской и греческой. Однако важнее иное. Самостоятельность и самобытность греческого текста не вызывает сомнений. И в то же время он опосредованно перекликается с соседствующей казачьей культурой по целому ряду, казалось бы, косвенных параметров, как то: возможное знакомство собирателей — Хартахая и Савельева, общность их определяющей мировоззрение школы (Харьковской университет, контекст идей Потебни), попытки зафиксировать живое, неотредактированное бытование текста (различные, но присутствующие и у текстов Савельева, и в греческой песне следы невысокого уровня грамотности у исполнителя). В результате, такие косвенные переклички создают особую среду или ткань, формирующую базу как для возникновения уже осознанно диалогически направленного текста, так и, потенциально, для более прямых диалогических отношений между текстами или иными агентами культуры. Рассказывая о войне русских с французами на своем культурном, мировоззренческом языке, «Песнь...» делает русскую культуру частью себя, а Хартахай обеспечивает трансляцию данного импульса дальше, уже в своей самобытной культуртрегерской деятельности. Осторожно просматриваемый параллелизм культурных процессов в греческом сообществе и в казачьей среде не является отражением прямых диалогических отношений. Но в то же время синхронность и пространственная метонимическая соположенность, казалось бы, разрозненных фактов, фигур и событий превращает их в значимые тексты культуры, способные устанавливать собственные системные связи и диалогизироваться благодаря им. В семиотической перспективе результат такого процесса может быть прочитан как культурный вариант реализации «греческого проекта», который так упорно и так безрезультатно пытались выстроить яркие и креативные личности XVIII–XIX вв., используя весь доступный им инвентарь

социально-исторической реальности — военный, административный и политический.

Сокращения и условные обозначения

= — показатель клитики; 1 — 1 л. у глаголов и местоимений; 2 — 2 л. у глаголов; 3 — 3 л. у глаголов; ед. ч. — единственное число; ж. р. — женский род; л. — лицо; мн. ч. — множественное число; ср. р. — средний род; ACC — аккузатив; ADJZR — адъективизатор; DAT — датив; DEF — показатель определенности (определенный артикль); F — женский род; GEN — генитив; IPFV — имперфектив; M — мужской род; N — средний род; NF — неженский род; NGEN — неродительный падеж; NOM — номинатив; PFV — перфектив; PL — множественное число; POSS — показатель possessивности (притяжательное местоимение); PRS — настоящее время; SBJV — сослагательное наклонение; SG — единственное число; TOP — топиализатор.

Литература

- Animitsa, G. A., Kisilier, M. L. 2009: [History of Urumejs. Chronology of main events (1771–2003)]. Ch. 1. In: Kisilier, M. L. (ed.). *Lingvisticheskaia i etnokulturnaia situatsiia v grecheskikh selakh Priazov'ia. Po materialam ekspeditsii 2001–2004 godov* [Language and Ethno-Cultural Situation in Greek Villages of Azov Region. Field Research Data Collected in 2001–2004]. St. Petersburg: Aletheia, 25–64.
- Анимица, Г. А., Кисилиер, М. Л. 2009: История урумеев. Хронология основных событий (1771–2003) (Гл. 1). В кн.: Кисилиер, М. Л. (отв. ред.). *Лингвистическая и этнокультурная ситуация в греческих селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов*. СПб.: Алетея, 25–64.
- Azbelev, S. N. 2001: *Istoricheskie pesni* [Historical songs]. Moscow: Russkaya kniga.
- Азбелев, С. Н. 2001: *Исторические песни*. М.: Русская книга.
- Braun, F. A.: 1890: [Greeks of Mariupol]. *Zhivaia starina* [Living Antiquity] 2, 78–92.
- Браун, Ф. А. 1890: Мариупольские греки. *Живая старина* 2, 78–92.
- Chernysheva T. N. 1959: [Greek glossary by Theoctist Khartakhay]. *Visnyk Kiivs'kogo universytetu. Seriia filologii ta zhurnalistyky. Movoznavstvo* [Bulletin of Kyiv University. Series of Philology and Journalism. Linguistics] 2. 2, 113–124.
- Чернышева, Т. Н. 1959: Греческий глоссарий Ф. А. Хартахая. *Вісник Київського університету. Серія філології та журналістики. Мовознавство* 2. 2, 113–124.
- Christou, H. 2007: *Glōssikē syrriknōsē stēn Krīmaioazofikē dialektō (Istokokoinōniko plaisio — Epafē me tēn Koinē Neoellēnikē —*

- Epiptōseis sto arkhaiiko leksilogio* [Linguistic contraction in Crimean Azov Dialect (Sociohistorical Framework — Contacts with Standard Modern Greek — Impact on Archaic vocabulary]. Mariupol: Mariupol State University.
- Χρίστου, Χ. 2007: *Γλωσσική συρρίκνωση στην Κριμαιοαζοφική διάλεκτο* (Ιστορικοκοινωνικό πλαίσιο — Επαφή με την Κοινή Νεοελληνική — Επιπτώσεις στο αρχαϊκό λεξιλόγιο). Μαριούπολη: ΚΠΑΣΜ.
- Comrie, B., Haspelmath, M., Bickel, B. 2015: *The Leipzig glossing rules: conventions for interlinear morpheme-by-morpheme glosses*. URL: <http://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>, published 31.05.2015, accessed 17.04.2024.
- Desnitskaya, A. V. 1970: *Naddialektnye formy ustnoi rechi i ikh rol' v istorii iazyka* [Superdialectal forms of spoken language and their role in historical linguistics]. Leningrad: Nauka.
- Десницкая, А. В. 1970: *Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка*. Л.: Издательство «Наука».
- Dontsy. 1907: *Dontsy XIX veka. Biografii i materialy dlja biografii donskikh deiatelei na poprische sluzhby voennoi, grazhdanskoj i obschestvennoj, a takzhe v oblasti nauk, iskusstv, literatury i proch.* [Personalities from the Don region in the 19th century. Biographies and the data for biographies of the Don activists in military, civil and social service and in sciences, art, literature, etc.]. Novocherkassk: Typography of the Don army region.
- Донцы. 1907: *Донцы XIX века. Биографии и материалы для биографий донских деятелей на поприще службы военной, гражданской и общественной, а также в области наук, искусств, литературы и проч.* Новочеркасск: Областная войска Донского типогр.
- Efimova, A. 2018: [Little-known aspects of life and work of Arkhip Kuindzhi]. *Tretyakov Gallery Magazine* 3 (60). URL: <https://www.tg-m.ru/articles/3-2018-60/maloizvestnye-stranitsy-iz-zhizni-i-tvorchestva-ai-kuindzhi>, accessed 25.04.2025.
- Ефимова, А. 2018: Молоизвестные страницы из жизни и творчества А. И. Куинджи. *Третьяковская галерея* 3 (60). URL: <https://www.tg-m.ru/articles/3-2018-60/maloizvestnye-stranitsy-iz-zhizni-i-tvorchestva-ai-kuindzhi>, дата обращения 25.04.2025.
- Fauriel, C.-C. 1824: *Chants populaires de la Grèce moderne, recueillis et publiés avec une traduction française, des éclaircissements et des notes*. T. I. Chants historiques. À Paris: Chez Firmin Didot, Père et fils.
- Fauriel, C.-C. 1825: *Chants populaires de la Grèce moderne, recueillis et publiés avec une traduction française, des éclaircissements et des notes*. T. II. Chants historiques, romanesques et domestiques À Paris: Chez Firmin Didot Père et fils; Dondey-Dupré Père et fils.

- Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg University. *History*. URL: <https://orient.spbu.ru/index.php/ru/o-fakultete/istoriya-fakulteta>, accessed 20.04.2025.
Восточный факультет СПбГУ. *История факультета*. URL: <https://orient.spbu.ru/index.php/ru/o-fakultete/istoriya-fakulteta>, дата обращения 20.04.2025.
- Fedchenko, V. V. 2004: *Stikhotvoreniia Stefana Sakhlikisa* [Poems by Stephan Sakhlikis]. Diploma paper. St. Petersburg: St. Petersburg University. Manuscript.
Федченко, В. В. 2004: *Стихотворения Стефана Сахликуса*. Дипломная работа. СПб.: СПбГУ. На правах рукописи.
- Gadamer, H. G. 1991: [Philosophy and literature]. In: Gadamer, H. G. *The relevance of the beautiful*. Moscow, Iskusstvo, 126–146.
Гадамер, Х. Г. 1991: Философия и литература. В кн.: Гадамер, Х. Г. *Актуальность прекрасного*. М.: Искусство, 126–146.
- Hadzinov, E. V. 1979: *Pesennyi folklor rumeev Donbassa (opyt monograficheskogo issledovaniia i teksty)* [Folk songs of Donbass rumejs (attempt of monographic study and texts)]. Mariupol. Manuscript.
Хаджинов, Э. В. 1979: *Песенный фольклор румеев Донбасса (опыт монографического исследования и тексты)*. Мариуполь. На правах рукописи.
- Holton, D., Horrocks, G., Janssen, M., Lendari, T., Manolesou, I., Toufexis, N. 2019: *The Cambridge grammar of Medieval and Early Modern Greek*. Vol. 1: General introduction and phonology. Cambridge: Cambridge University Press.
- Iletskij, M. 1863: [Young monk (Modern Greek song)]. *Sovremennik* [The Contemporary] I and II (January and February), 120.
Илецкий, М. 1863: Молодой монах (новогреческая песня). *Современник* I и II (январь и февраль), 120.
- Jeffreys, M. J. 1987: [The language of the Chronicle of Morea — the language of an oral tradition?]. In: Eideneier, H. (Hrsg.). *Neograeca Medii Aevi I. 1986. Akten zum Symposion Köln*. Bd. 1. Köln: Romiosini, 139–163. (Eideneier, H. (ed.). *Neograeca Medii Aevi*).
Jeffreys, M. J. 1987: Η γλώσσα του Χρονικού του Μορέως — γλώσσα μίας προφορικής παράδοσης; In: Eideneier, H. (Hrsg.). *Neograeca Medii Aevi I. 1986. Akten zum Symposion Köln*. Bd. 1. Köln: Romiosini, 139–163. (Eideneier, H. (ed.). *Neograeca Medii Aevi*).
- Kaloerov, S. A. 2004: [Theoktist Khartakhay]. In: Khartakhay, Th. A. *Sobranie sochinenii* [The complete works]. Ed. by S. A. Kaloerov. Donetsk: Ĭugo-Vostok, 7–164.
Калоеров, С. А. 2004: Феоктист Хартахай. В кн.: Хартахай, Ф. А. *Собрание сочинений*. Под ред. С. А. Калоерова. Донецк: Юго-восток, 7–164.

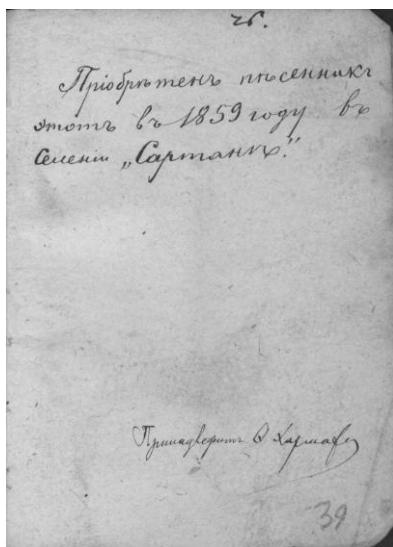
- Khartakhay, Th. A. 2004: *Sobranie sochineniï* [The complete works]. Ed. by S. A. Kaloerov. Donetsk: Iugo-Vostok.
- Хартахай, Ф. А. 2004: *Собрание сочинений*. Под ред. С. А. Калоерова. Донецк: Юго-Восток.
- Kisilier, M. L. (ed.). 2009: *Lingvisticheskaïa i etnokulturnaïa situatsiïa v grecheskikh selakh Priazov'ïa. Po materialam ekspeditsiï 2001–2004 godov* [Language and Ethno-Cultural Situation in Greek Villages of Azov Region. Field Research Data Collected in 2001–2004]. St. Petersburg: Aletheia
- Кисилиер, М. Л. (отв. ред.) 2009: *Лингвистическая и этнокультурная ситуация в греческих селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов*. СПб.: Алетеïя.
- Kisilier, M. L. 2019: [Sociocultural and linguistic peculiarities of Azov Greek poetry]. In: Gushchian, L. S., Tantlevsky, I. R., Fedchenko, V. V. (eds.). *Formirovanie kultury v diaspole* [Formation of Culture in Diaspora]. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Academy for the Humanities, 99–134.
- Кисилиер, М. Л. 2019: Социально-культурные и лингвистические особенности поэзии греков Приазовья. В кн.: Гушчан, Л. С., Тантлевский, И. Р., Федченко, В. В. (ред.). *Формирование культуры в диаспоре*. Санкт-Петербург: Издательство РХГА, 99–134.
- Kisilier, M. 2022: Contact phenomena in Azov Greek. *Languages* 7. 3. DOI: <https://doi.org/10.3390/languages7030174>.
- Koryagin, S. V. 2011: *D'ïakovy i drugie*. Moscow: Rusaki (Genealogiïa and semeïnaïa istoriïa Donskogo kazachestva [Genealogy and family history of the Don Cossacks] 98).
- Корягин, С. В. 2011: *Дьяковы и другие*. М.: Русаки (Генеалогия и семейная история Донского казачества 98).
- Kornilovich, A. O., Sukhorukov, V. D. 1825: *Russkaïa starina: karmannaïa knizhka dlïa lïubiteleï otechestvennago, na 1825 god, izdannaiïa A. Kornilovichem* [Russian antiquity: pocketbook for lovers of the native, 1825, published by A. Kornilovich]. 2nd edn. St. Petersburg: Typography of the Department of the public education.
- Корнилович, А. О., Сухоруков, В. Д. 1825: *Руская старина: карманная книжка для любителей отечественного, на 1825 год., изданная А. Корниловичем*. Издание 2. Санктпетербург: в типографии Департамента народного просвещения.
- Krajsvetnaya, L. V. 1999: [Fedor Kalinovich Trailin, literary and social activist of the Don region]. *Kraevedcheskie zapiski* [Local notes] 4, 29–32.
- Крайсветная, Л. В. 1999: Фёдор Калинович Траилин, литературный и общественный деятель Дона. *Краеведческие записки* 4, 29–32.

- Listopadov, A. M. 1946: *Donskie istoricheskie pesni* [Don historical songs]. Rostov-on-Don: Rostovskoe oblastnoe izdatel'stvo.
Листопадов, А. М. 1946: *Донские исторические песни*. Ростов н/Д: Ростовское областное издательство.
- Lotman, Ju. M. 2002: [Culture and information]. In: Lotman, Ju. M. *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Selected papers on semiotics of culture and art]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt, 143–153.
Лотман, Ю. М. 2002: Культура и информация. В кн.: Лотман, Ю. М. *Статьи по семиотике культуры и искусства*. СПб.: Академический проект, 143–153.
- Markovich, V. M. 2006: [On Bakhtin “genuine” and Bakhtin “real”]. *New Literary Observer* 79. 3, 39–49.
Маркович, В. М. 2006: О Бахтине «подлинном» и Бахтине «реальном». *Новое литературное обозрение* 79. 3, 39–49.
- Nechkina, M. V. (ed.) 1988: *Dekabristy. Biograficheskii spravochnik* [Decembrists. Biographic handbook]. Moscow: Nauka.
Нечкина, М. В. (ред.) 1988: *Декабристы. Биографический справочник*. М.: Наука.
- Nevedomsky, M. P., Repin, I. E. 1913: *A. I. Kuindzhi*. St. Petersburg: Kuindzhi Society.
Неведомский, М. П., Репин, И. Е. 1913: *А. И. Куинджи*. СПб.: Издание общества имени А. И. Куинджи.
- Novik, A. A., Buchatskaya, Yu. V., Ermolin, D. S., Dugushina, A. S., Morozova, M. S. 2016: “*Priazovskii otriad*”. *Īazyk i kul'tura albantsev Ukrainy* [“Priazovskiyy otryad”: Language and culture of Albanians in Ukraine]. Part I. Vol. 1. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography [the Kunstkamera].
Новик, А. А., Бучатская, Ю. В., Ермолин, Д. С., Дугушина, А. С., Морозова, М. С. 2016: «*Приазовский отряд*». *Язык и культура албанцев Украины*. Часть I. Т. 1. СПб.: МАЭ РАН.
- Pachev, S. I. 2007: *Vozniknovenie bolgarskikh sel v Severnom Priazov'e (1861–1863)*. Melitopole: Melitopol State Pedagogical University.
Пачев, С. И. 2007: *Возникновение болгарских сел в Северном Приазовье (1861–1863)*. Мелитополь: МГПУ.
- Pushkin, A. 1887: *Erga anekdota. Nyn to proton. Ekdidomena dapanē tou filogenous autou adelfou Nikolaou Kharamē. Periekhōn metafraseis ek tōn poiēmātōn tou rōssou poiētou* [Unpublished works. Now for the first time. Published with the financial support of his patriotic brother Nikolaos Charamis. Includes translations of the poems of the Russian poet]. Ed. by K. Nestoridis. Transl. by A. Charamis. Athens.
Πούσκιν, Α. 1887: *Έργα ανέκδοτα. Νῦν τὸ πρῶτον. Έκδιδόμενα δαπάνη τοῦ φιλογενοῦς αὐτοῦ ἀδελφοῦ Νικολάου Χαραμή. Περιέχων μεταφράσεις ἐκ τῶν ποιημάτων τοῦ ρῶσσου ποιητοῦ*. Ἐπιμ. Κ. Νεστορίδου. Μετάφρ. τοῦ Α. Χαραμή Λερίου. Ἐν Αθήναις.

- Pushkin, A. S. 1888: *Ekлектὸν ποιημάτων μεταφрасis* [Translation of selected poems]. Vol. 1. Transl. by Ch. Voulodimos. Odessa: Typography of N. Chrysogelos.
- Πούσκηп, Α. Σ. 1888: *Ἐκλεκτὼν ποιημάτων μετάφрасis*. Τ. Α΄. Μετάφρ. Χ. Βουλοδήμου. Ἐν Ὀδησσῷ: Τύποις Ν. Χρυσογέλου
- Saveliev, A. M. 1866: *Sbornik Donskikh narodnykh pesen* [Collection of Don folk songs]. St. Petersburg: Typography of I. Burgel.
- Савельев, А. М. 1866: *Сборник Донских народных песен*. СПб.: Типография И. Бургея.
- Saveliev, A. M. 1870: *Trekhsotletie Voïska Donskogo 1570–1870: Ocherki iz istorii donskikh kazakov* [300 anniversary of the Don Army 1570–1870: Essays on the history of the Don Cossacks]. St. Petersburg: Don Army Statistic Committee.
- Савельев, А. М. 1870: *Трехсотлетие Войска Донского 1570–1870 г.: Очерки из истории донских казаков*. СПб.: Донской войсковой стат. ком.
- Scherbak, D. A.: 2021: [Khariton Belov. On biography on genealogy of Khariton Popov]. *Donskoï vremennik* [Don almanac] 30, 64–72.
- Щербак, Д. А. 2021: Харитон Белов. К биографии и родословной Х. И. Попова. *Донской временник* 30, 64–72.
- Shapurmas, A. 1986: *Kard'ïako-m tu Priazov'e. Stichïa, piimata, paramith'ïa ki churataïda sty eliniki (rumeïku) glosa* [My darling Azov region. Verses, poems and jokes in Greek (Rumejka)] Kyiv: Radïans'kyï pysmennyk.
- Шапурмас, А. 1986: *Καρδ᾽ακο-м ту Приазовье. Стихя, пиимата, парамит᾽я ки хуратайд᾽а сты элиники (румэϊку) глоса*. Київ: Радянський письменник.
- Spyridakis, G. K., Megas, G. A., Petropoulos, D. A. 1962: *Ellēnika dēmotika tragoudia (Eklogē)* [Greek demotic songs (Selected)]. Vol. 1. Athens: Academy of Athens. Reprint edition of 2000.
- Σπυριδάκης, Γ. Κ., Μέγας, Γ. Α., Πετρόπουλος, Δ. Α. (επιμ.). 1962: *Ἑλληνικὰ δημοτικά τραγούδια (Ἐκλογή)*. Τ. Α΄. Αθήναι: Ακαδημία Αθηνῶν. Φωτομηχανική ανατύπωση 2000
- Sukhorukov, V. D. 1867: *Statisticheskoe opisanie zemli Donskikh kazakov* [Statistic description of the Don Cossacks]. Novocherkassk.
- Сухоруков, В. Д. 1867: *Статистическое описание земли Донских казаков*. Новочеркасск.
- Sukhorukov, V. D. 1869: *Istoricheskoe i statisticheskoe opisanie zemli Voïska Donskogo* [Historical and statistic description of the region of the Don Army]. Novocherkassk.
- Сухоруков, В. Д. 1869: *Историческое и статистическое описание земли Войска Донского*. Новочеркасск.
- Sulin S. 1937: *Dontsy v Tavride: sbornik boevykh kazach'ikh pesen 1919–1920. Napisano po boevym dnevnikom chastei Donskogo korpusa* [Don Cossacks in Taurida: collection of battle Cossack songs of

- 1919–1920. *Based on the battle diaries of the detachments of the Don corps*]. Burgas: Headquarters of the Don corps.
- Сулин, С. 1937: *Донцы в Тавриде: сборник боевых казачьих песен 1919–1920. Написано по боевым дневникам частей Донского корпуса*. Бургас: Изд. Штаба Дон. корпуса, 1937.
- Trudgill, P. 2003: Modern Greek dialects. A preliminary classification. *Journal of Greek Linguistics* 4, 45–64.
- Uspenskij, B. A. 1996: [Dualistic character of Russian medieval culture (based on “A journey beyond the three seas” by Afanasy Nikitin[. In: Uspenskij, B. A. *Selected works*. Vol. 1. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury [Semiotics of history. Semiotics of culture]. Moscow: LRC Publishing House, 381–432.
- Успенский, Б. А. 1996: Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материале «Хождения за три моря» Афанасия Никитина. В кн.: Успенский, Б. А. *Избранные труды*. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: ЯРК, 381–432.
- Vasileva, I. E., Kisilier, M. L. 2018: [“Greek myth” of Azov Greeks]. *Indoevropskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology] XXII. 1, 274–291.
- Васильева, И. Э., Кисилиер, М. Л. 2018: «Греческий миф» у греков Приазовья. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* XXII. 1, 274–291.
- Васильева, И. Э., Кисилиер, М. Л. 2018: «Греческий миф» у греков Приазовья. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* XXII. 1, 274–291.
- Vasileva, I. E., Kisilier, M. L. 2019: [The Greek War of Independence as a cultural phenomenon: on the formation of collective memory and local identity]. *Indoevropskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology] XXIII. 1, 135–160.
- Васильева, И. Э., Кисилиер, М. Л. 2019: Греческая революция как культурный феномен: к проблеме формирования коллективной памяти и локальной идентичности. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* XXIII. 1, 135–160.
- Vasileva, I. E., Kisilier, M. L. 2024: [“Their-our Pushkin”: from the history of Greek Pushkin studies]. *Indoevropskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology] XXVIII. 1, 222–273.
- Васильева, И. Э., Кисилиер, М. Л. 2024: «Их-наш Пушкин»: из истории греческой пушкинианы. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* XXVIII. 1, 222–273.

Приложение



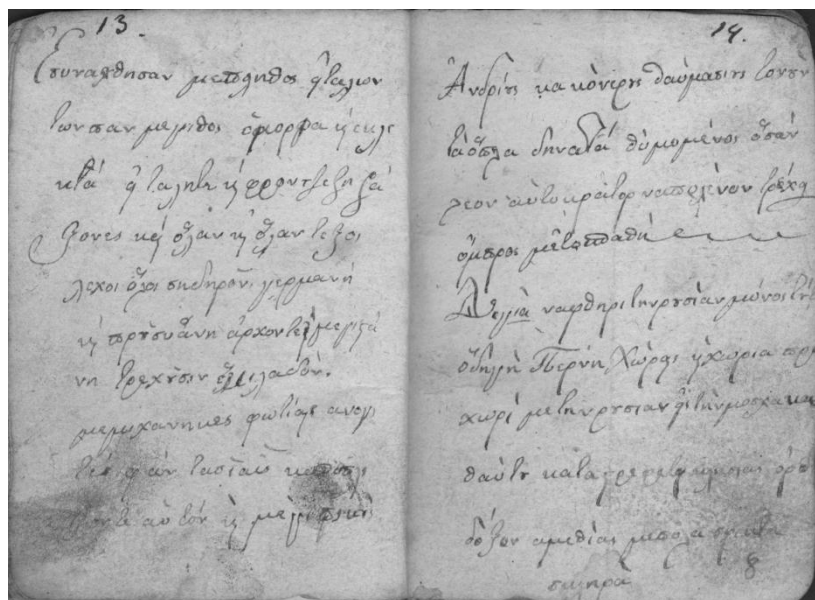


Рис. 3. Греч. 806. С. 13 (л. 7 об.) – 14 (л. 8).

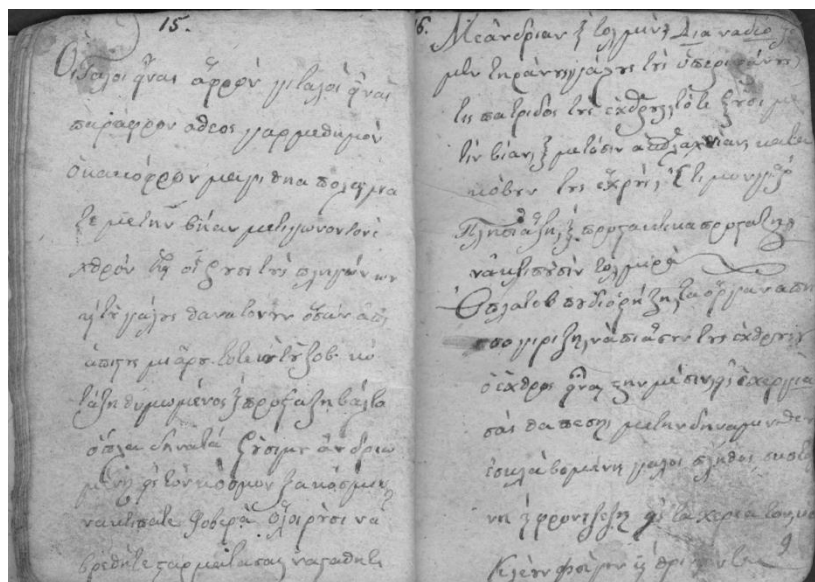


Рис. 4. Греч. 806. С. 15 (л. 8 об.) – 16 (л. 9).

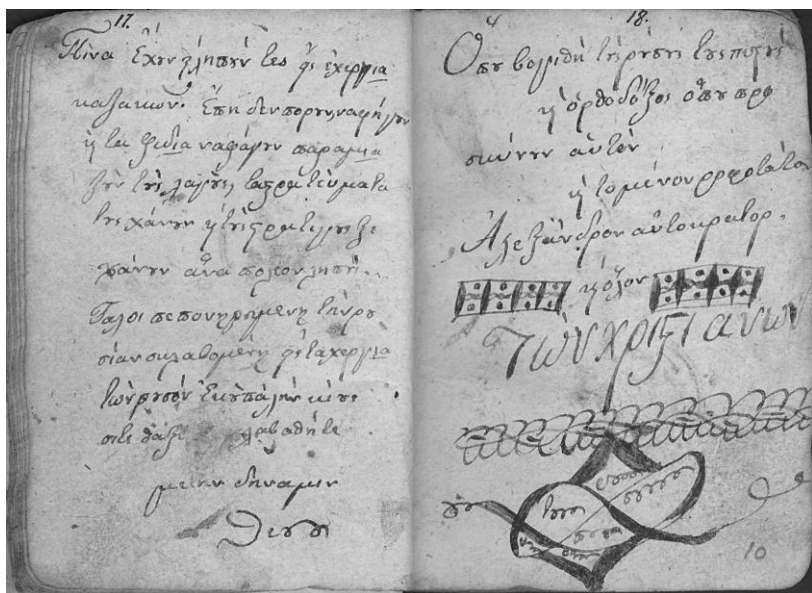


Рис. 5. Греч. 806. С. 17 (л. 9 об.) – 18 (л. 10).

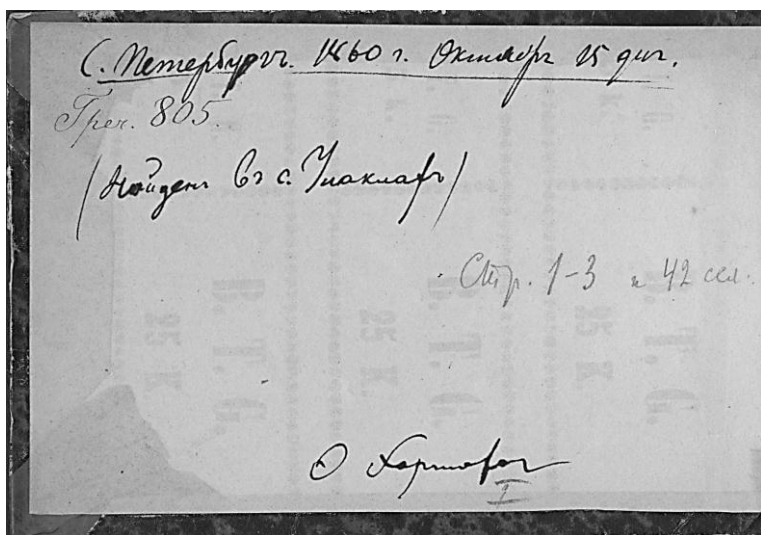


Рис. 6. Греч. 805. Форзац.

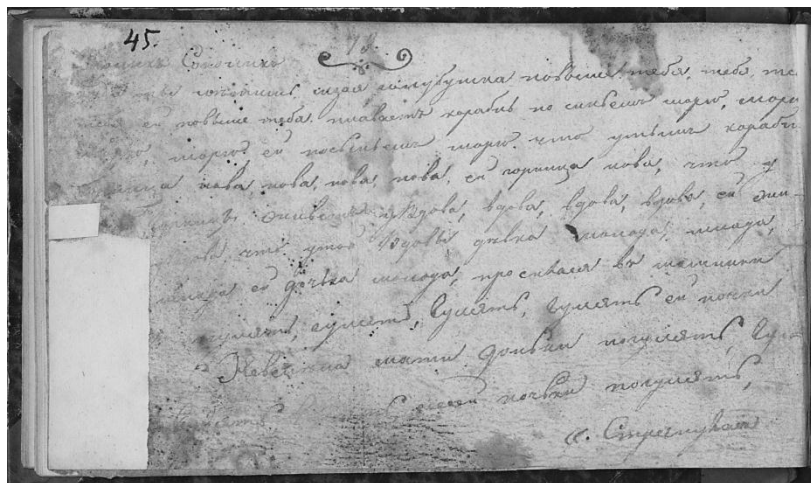


Рис. 7. Греч. 805. С. 45 (л. 22 об.)

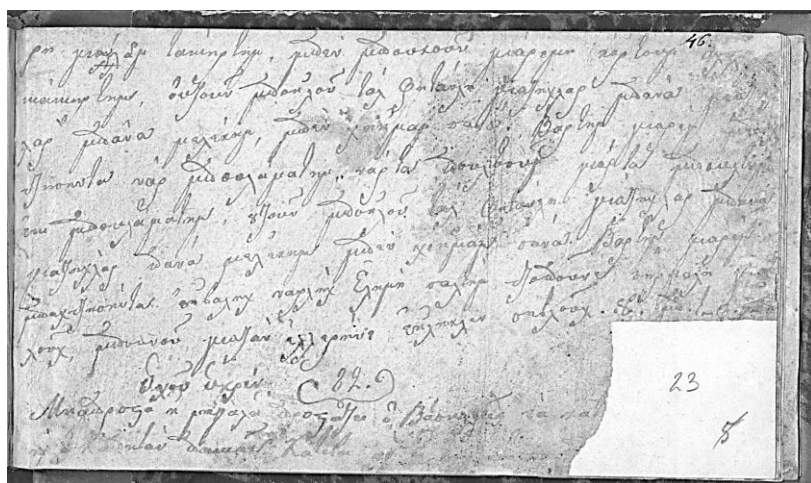


Рис. 8. Греч. 805. С. 46 (л. 23).

М. А. Ведешкин
ИВИ РАН / АНО ИМИНиО. Balatar@mail.ru

«EXPOSITIO TOTIUS MUNDI ET GENTIUM» КАК ИСТОЧНИК ПО РЕЛИГИОЗНОЙ ТОПОГРАФИИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ СЕРЕДИНЫ IV В.¹

В статье анализируются известия трактата «Expositio totius mundi et gentium» о положении языческих культов в Римской империи середины IV века. Освещающие религиозную ситуацию в финикийском Гелиополе-Баальбеке, египетской хоре, Александрии, Риме, Тусции и Ливии данные «Expositio» свидетельствуют об устойчивости языческих практик в христианской империи. Сведения этого источника опровергают распространённые представления о повсеместном упадке язычества в IV в. и демонстрирует жизнеспособность традиционных культов в условиях агрессивной политики государственной христианизации империи.

Ключевые слова: Поздняя античность, поздняя Римская империя, итинерарии, «Полное описание Вселенной и народов», язычество.

М. А. Vedeshkin
Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Autonomous Non-profit
Organization “Institute for Interdisciplinary Research in Science and Education”
(ANO IIRS&E). Balatar@mail.ru

Expositio Totius Mundi et Gentium as a source for the study of religious topography in the Roman Empire in the middle of the 4th century

The Expositio Totius Mundi et Gentium is of pivotal significance for the re-evaluation of the religious landscape of the Roman Empire, offering insights into the resilience of paganism under Constantius II and Constans. The regional accounts on Heliopolis-Baalbek, Egypt, Rome, and the local traditions of Tusciana and Libya in the Expositio demonstrate the religious continuity of Mediterranean paganism. The treatise's detailed descriptions contradict the view of the decline of the traditional religious cults. Beyond its significance for economic geography, the Expositio sheds light on the religious fabric of the Empire in the mid-fourth century, providing documentation of temple vitality, ritual persistence, and elite patronage of pagan cults.

Keywords: Late Antiquity, Later Roman Empire, Itineraria, *Expositio totius mundi et gentium*, paganism.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 24–18–00349 «Представления о мире и мироздании в историческом контексте и социокультурном развитии европейского общества».

Латинский ² трактат «*Expositio totius mundi et gentium*» (Полное описание мира и народов) традиционно считается важнейшим источником по экономической географии Римской империи середины IV в. Его автором был греко- или сироязычный ³ левантиец, язычник по вере ⁴, купец, скорее всего занимавшийся торговлей тканями ⁵. Основная часть этого труда (*Exp.* 21–67) — достаточно лапидарное описание подвластных римским августам территорий, с акцентом на их хозяйственном значении, подчас дополняемое краткими ремарками этнокультурного свойства.

Сведения «*Expositio*» преимущественно использовались исследователями, занимавшимися широким кругом проблем, так или иначе связанных с политической или экономической географией позднеантичного Средиземноморья ⁶. Вместе с тем, в трактате содержится ряд известий о положении традиционных культов дополняющих, а подчас и заметно корректирующих информацию прочих источников, освещающих религиозную жизнь империи середины IV в.

Было бы несправедливо заявлять, что попытки выявления и анализа свидетельств анонимного торговца о духовной жизни населения римской державы не предпринимались ранее. В част-

² Трактат написан на довольно топорной латыни и изобилует гречизмами. Большинство исследователей считает этот текст неумелым переводом греческого оригинала: Vasiliev 1936: 2–7; Pigulevskaya 1951: 39; Rougé 1976: 89–103; Humphries 2007: 46; Hächler 2022; Mittag 2006; Galdi 2012; Lampinen 2022. Впрочем, не исключено, что «*Expositio*» было изначально написано на латыни человеком, который думал по-гречески и недостаточно хорошо знал язык западных провинций империи. См. напр. Polyakova, Felentkovskaya 1956: 293–294.

³ См. Vasiliev 1936: 32–3; Pigulevskaya 1951: 39–40. Впрочем, не исключено, что автор был греко-сирийским билингвой.

⁴ Pigulevskaya 1951: 152–153; Polyakova and Felentkovskaya 1956: 295; Rougé 1976: 48–55; Marasco 1996; Grüll 2014: 638–639; Hächler 2022: 266. Сохранилась позднейшая переработанная версия трактата, которую благочестивый христианский редактор переписал на более правильной латыни, попутно вымарав почти все упоминания о язычестве. См. Vasiliev 1936: 5–7; Polyakova and Felentkovskaya 1956: 296; Rougé 1976: 48–55; Inglebert 2001: 97; Humphries 2007: 48–51.

⁵ Grüll 2014: 634–637.

⁶ E.g. Pigulevskaya 1951: 33–54; Chastagnol 1969; Oliver 1980; Dias 2018; Hächler 2022; Liccardo 2023.

ности, подобное исследование было проведено Г. Мараско⁷. При этом, итальянский антиковед строил свои выводы, опираясь на неверную датировку текста 360 г., которую он заимствовал из труда Ж. Руже, до сих пор остающегося стандартным изданием «Expositio»⁸. Однако, как было показано рядом отечественных исследователей, это сочинение не могло быть создано позднее 348–350 гг.⁹, иными словами, в период, когда положение язычества и его последователей было несравненно крепче, чем в последние годы царствования Констанция II¹⁰. Это обстоятельство в значительной степени компрометирует выводы Мараско и создает дополнительную актуальность изучению сведений «Expositio» о традиционных культах Римской империи.

За исключением содержащихся в трактате замечаний общего характера¹¹, в нем с той или иной степенью подробности описывается религиозная специфика шести регионов империи, а именно финикийского Гелиополя-Баальбека, Египта и Александрии, Рима, Тусции и Ливии.

Гелиополь-Баальбек

О культах Баальбека анонимный автор сообщал следующее: «Гелиополь, лежащий у подножия горы Ливан, славится прекрасными женщинами, которых повсюду называют ливантянками; они оказывают величайший почет Венере, и утверждают даже, что сама богиня обитает в Гелиополе и сообщает его жительницам изящество и прелесть» (*Heliopolis, quae propinquat Libano monti, mulieres speciosas pascit quae apud omnes nominantur Libanotides; ubi Venerem magnifice colunt: dicunt enim*

⁷ Marasco 1996.

⁸ См. Rougé 1976: 9–26.

⁹ См. Vasiliev 1936: 34–37; Pigulevskaya 1951: 35–36; Polyakova and Felentkovskaya 1956: 289–292. Ср. Barnes 1989: 304, n. 7.

¹⁰ Об антиязыческой политике Констанция II, см.: Barnes 1989: 322–333; Vedeshkin 2018: 98–101: 185–188; Stenger 2020: 392–400; Dijkstra 2022: 21–27. 755–760

¹¹ Например, упоминания о том, что, согласно преданиям древних, боги обитали на горе Олимп (*Ехр.* 52); Меркурий был изобретателем алфавита (*ibid.* 34); Кизик был благословлен Афродитой (*ibid.* 48), а остров Тенеос – посвящен Аполлону (*ibid.* 63).

eam ibi habitare et mulieribus gratiam formonsitatis dare.... — *Exp.* 30, здесь и далее пер. С. В. Поляковой и И. В. Феленковской).

Гелиополь являлся одним из крупнейших центром языческого богопочитания в Сиро-Палестинском регионе. Монументальные храмы города неоднократно расширялись и украшались императорами I–III вв. н. э.¹². Местные жители почитали Баала-Гелиоса, Юпитера-Хадада¹³, Меркурия, Тюхе, Вакха, Сабазия, а также муз и особенно Афродиту-Атагартис¹⁴. Особенностью местного культа богини любви, делавшим его примечательным для путешественников и торговцев, подобных автору *Expositio*, являлась ритуальная проституция¹⁵. В написанном между 333 и 337 гг.¹⁶ трактате «О богоявлении» Евсевий Кесарийский сообщал, что в Гелиополе-Баальбеке сохранялись архаичные культовые практики, связанные с почитанием Афродиты-Венеры: местным женщинам запрещалось вступать в брак, до того, как они были «развращены» участием в таинствах богини любви (Euseb. *Theoph.* II.14)¹⁷. Однако, уже в 338/339 г.¹⁸ тот же Евсевий сообщал о том, что император Константин I совершенно уничтожил этот развратный культ: «в финикийском Гелиополе... жители, воздавая почет необузданной похоти под именем богини Афродиты, позволяли женам и дочерям предаваться постыдному любодеянию, но от василевса вышел новый и мудрый закон, строго запрещающий все прежние обычаи» (ἐπὶ τῆς Φοινίκων Ἠλιουπόλεως, ἐφ' ἧς οἱ μὲν τὴν

¹² Dussaud 1942; Watkins 1964; Butcher 2004: 356–369; Ball 2001: 42–46; Magli 2021.

¹³ Cumont 1921; Beard, North, and Price 1998a: 283.

¹⁴ Ball 2001: 42.

¹⁵ Р. А. Оден и С. Будин высказывали предположение, согласно которому сообщения античных авторов о существовании ритуальной проституции в Леванте, в т. ч. и Баальбеке-Гелиополе, являются не более чем литературным конструктом, мифом, основанным на сообщениях Геродота. См. Oden 1999: 141–147; Budin 2008: 287–299. Эта гипотеза не выдерживает критики. Многочисленные свидетельства от Бронзового века до позднеантичного периода явно говорят о том, что ритуальная проституция была более-менее типичным явлением для региона. См. напр. Day 2004.

¹⁶ О дате, см. Kofsky 2000: 266–267.

¹⁷ Cf. Euseb. V. *Const.* III.58; Athan. C. *Gent.* 26; Aug. *De Civ.* IV.10. Но, см. критические замечания в Budin 2008: 270–284. Ср. Gibson 2019.

¹⁸ О дате, см. Cameron and Hall 1999: 10.

ἀκόλαστον ἡδονὴν τιμῶντες Ἀφροδίτης προσρήματι γαμεταῖς καὶ θυγατράσιν ἀνέδην ἐκπορνεύειν συνεχώρουν πρότερον. νυνὶ δὲ νόμος ἐφοῖτα νέος τε καὶ σώφρων παρὰ βασιλέως μηδὲν τῶν πάλα συνήθων τολμᾶν διαγορεύων — Euseb. V. Const. III.58, пер. СПбДА). Схожие рассказы передавали и продолжатели Евсевия. Сократ Схоластик отмечал, что «отечественный закон повелевал быть у них [гелиополитов] общим женам... Дев отдавали они для любодения приходившим туда иностранцам. И этот обычай шел у них из древности. Все это царь [Константин] старался уничтожить» (κοινὰς γὰρ εἶναι παρ' αὐτοῖς τὰς γυναῖκας ἐγχώριος νόμος ἐκέλευεν... τὰς δὲ παρθένους τοῖς παριοῦσι ξένοις παρεῖχον πορνεύεσθαι. Τοῦτο παρ' αὐτοῖς ἐξ ἀρχαίου κρατοῦν καταλῦσαι ἐσπούδασεν — Soc. I.18, пер. СПбДА). Ему вторил Созомен, заявлявший, что в царствование первого христианского императора «у Финикиян, живших в Ливане и Гелиополе, прекратилось обыкновение бесчестить дев, прежде чем они совокупятся с мужьями, с которыми — бывало сочетались законным браком по испытании первоначально беззаконного смешения» (παρὰ δὲ Φοῖνιξιν, οἱ τὸν Λίβανον καὶ τὴν Ἡλιούπολιν οἰκοῦσιν, οὐκέτι θέμις ἦν ἐκπορνεύεσθαι τὰς παρθένους πρὶν τοῖς ἀνδράσι συνελθεῖν, οἷς νόμῳ γάμου συνοικεῖν εἰώθασι μετὰ τὴν πρώτην πείραν τῆς ἀθεμίτου μίξεως — Soz. I.8, здесь и далее пер. по изд. тип. Фишера)¹⁹. Согласно сведениям последнего, храм Афродиты был разрушен, а на его месте возведена христианская церковь (ibid. V.10)²⁰.

Думается, что свидетельство «Expositio» позволяет усомниться в том, что меры Константина по искоренению распутных религиозных практик Баальбека были так успешны, как хотелось думать благочестивым авторам церковных историй. Из текста трактата явственно следует, что гелиополиты продолжали истово чтить богиню любви. Вероятно, и культ Афродиты, и ритуальная проституция в какой-то мере сохраняли свое значение — в середине V в. Феодорит Киррский с

¹⁹ В ряду прочих действий Константина I по борьбе с языческими культами, которые он считал «непотребными». Ср. с уничтожением храма Афродиты и Адониса в Афаке, где также практиковалась ритуальная проституция. См. Euseb. V. Const. IV.55 = *Laud. Const.* 8; Millar 1995: 217; Gibson 2019.

²⁰ Возможно, церковь Св. Варвары. См. Paturel 2019: 236.

неудовольствием отмечал, что в Гелиополе «все устроено дьяволом для удовольствий» (Theod. *HE.* IV.22, пер. СПбДА). Вместе с тем, попытки христианских государей уничтожить эту традицию способствовали обострению межрелигиозных противоречий, открыто проявившимся после вступления на престол Юлиана Отступника. В 362 г. толпа гелиополитов напала на диакона Кирилла, известного разрушением местных храмов, и, зверски замучив, убила его (Theod. *HE.* III.7). Девственницы, жившие при христианском храме, были изнасилованы, после чего некоторые из них были освежаваны и скормлены свиньям. По мнению Созомена причины кровавого бунта крылись именно в запрете обычая «выдавать тамошних дев для растления всякому приходящему, прежде чем они вступали в брак с женихами» (ἐκτορνεύεσθαι παρὰ τοῦ προστυχόντος τὰς ἐνθάδε παρθένους, πρὶν τοῖς μνηστῆρσι συνελθεῖν εἰς γάμον — Soz. V.10)²¹.

В целом, жители Гелиополя-Баальбека сохранили приверженность язычеству даже после введения суровых запретов на любые формы древнего богопочитания при императоре Феодосии I²², в царствование которого был разрушен один из главных храмов города (Malal. XIII.37.344)²³. По данным христианских писателей большая часть жителей города придерживалась отеческих традиций вплоть до конца VI столетия²⁴.

Египет

Описание положения языческих культов Египта является самым пространным из религиозных экскурсов «Expositio»:

²¹ Анализ этого эпизода, см. в Francis 2022.

²² Об антиязыческом законодательстве Феодосия I, см. напр. King 1960: 177–190; Williams and Friell 1994: 90–95; Vedeshkin 2016a: 771–774.

²³ Ср. *Chron. Pasch.* AD 379.

²⁴ Согласно сообщению Феодорита Киррского еще и в конце IV в. почти все жители Гелиополя были идолопоклонниками (Theod. *HE.* IV.22). В начале следующего столетия местными язычниками был изувечен монах Раббула, попытавшийся уничтожить, идолы, установленные в одном из все еще действовавших храмов города (V. *Rabb.* 407–408 [AMS 4, ed. P. Bedjan]). Жители Гелиополя сохраняли приверженность язычеству вплоть до конца VI в. См. Ps.-Dion. *Chron.* AD 554/555; ср. Ps.-Zach. *Chron.* VIII.4; John. Eph. *HE.* III.3.27. О гонениях на язычников Баальбека при императоре Тиберии II, см. Constantelos 1964: 376–377; Rochow 1977: 125–128; Roggo 2022: 156–157.

«Нигде таинства в честь богов не блюдутся так свято, как они блюдутся в Египте с древности вплоть до настоящего времени; одна эта страна заповедала почитание богов чуть ли не всему остальному миру. Правда, утверждают, что халдеи еще более благочестивы, однако мы весьма дивились египтянам, которых видели, и отдаем первенство им²⁵ ... Все святыни и храмы Египта пышно убраны, полны храмовых сторожей, жрецов, служек, гадателей, молящихся и пророков; все в них совершается в строгом порядке: ты найдешь здесь алтари, непрестанно пламенеющие огнем, окутанные благовонием жертвоприношений, священные повязки и курильницы, полные ароматов, источающие дивное благоухание»²⁶.

Проблема жизнеспособности язычества в позднеримском Египте является предметом долгой научной полемики. Ряд исследователей (напр. Р. С. Багналл, Э. К. Газда, П. ван Минне, Й. Х. Ф. Дийкстра) полагали, что традиционные культы долины Нила находились в глубоком упадке уже в III в. н. э., а начавшийся в IV столетии процесс христианизации Египта лишь вбил «последний гвоздь в крышку гроба» египетского язычества²⁷. Иные историки (Р. Ремондон, Ф. Цукер и Д. Франкфуртер) напротив считали, что несмотря на то, что позиции древней религии в III–IV вв. несколько ослабели, традиционные культы были достаточно популярны среди жителей египетской хоры в IV–V и даже в VI вв.²⁸ Иными словами, спор ведется вокруг вопроса о том, являлась ли гибель египетского язычества естественным явлением, лишь несколько интенсифицированным процессами христианизации, или же

²⁵ Халдеи традиционно представлялись «конкурентами» египтян в языческом благочестии. См. напр. Ruf. *HE*. II(XI).26.

²⁶ *nusquam enim deorum misteria sic perficitur quomodo ibi ab antiquo et usque modo. et paene ipsa omni orbi terrarum tradidit deos colere. dicunt autem Chaldeos melius colere; tamen quos videmus miramur et in omnibus primos esse dicimus... et sunt sacra omnia et templa omnibus ornata; aeditimi enim et sacerdotes et ministri et aruspices et adoratores et divini obtimi habundant. et fit omnia ordine; aras itaque invenies semper igne splendentes et sacrificiorum et turis plenas, vittas simul et turabula plena aromatibus divinum odorem spirare* – *Exp.* 34; 36.

²⁷ Bagnall 1988; Bagnall 1996: pass.; Gazda 2004: 44; Minnen 2006; Dijkstra 2005; Dijkstra 2011.

²⁸ Rémondon 1952; Zucker 1956; Frankfurter 2000; Frankfurter 2010.

древние культы были «уничтожены» в ходе столкновения старой и новой веры. Как видно, сведения «Expositio» подтверждают вторую точку зрения.

Представление о витальности египетского язычества в первой половине — середине IV в. в целом подкрепляется данными археологии, папирологии и эпиграфики. К примеру, к началу позднеримского периода в Оксиринхе благополучно функционировали храмы Фоириды-Афины, Сераписа-Зевса, Исиды-Геры, Осириса, Гора-Аполлона, Фониса, Тифона, Сета, Аписа, Тота-Гермеса, Немезиды, Юпитера Капитолийского, а также несколько святилищ, связанных с отправлением культа деифицированных Птолемеев и римских августов²⁹; в фиваидском Панополе-Ахмине действовали культы Мина-Пана, Аперет-Исиды-Трифис, Гора-Коланфиса, Тота-Гермеса, Анубиса, Хнума, Персефоны, Кофоса-Шай-Агафос Даймона, Асклепия и Крона³⁰. Автор «Expositio» не ошибался и в своих оценках положения египетского жречества. По данным архива Аврелия Аммона в конце III — первой половине IV в. оно прочно интегрировалось в грекоязычную муниципальную элиту, контролировало обширные земельные владения храмов³¹ и несомненно принадлежало к верхушке местного общества³².

²⁹ Fikhman 1976: 17–20; Trombley 2001: vol. II, 241–246.

³⁰ Hahn 2004: 244–253; Geens 2014: 308–314; 356 ff.

³¹ На данный момент известен лишь один документ, содержащий информацию о масштабах храмового землевладения конца III — начала IV в. — декларация об имуществе одной из жреческих коллегий Панополя, составленная в 299 г. архипрофетом Аврелием Горионом. Согласно этому источнику, коллегия владела несколькими земельными участками, общей площадью ок. 200 пашен (арур), а также получала ренту с 50 арур частновладельческой земли (*P. Ammon*. II.50). Таким образом, имущества коллегии ставили ее в один ряд с крупными куриалами нома. Глава коллегии имел право удерживать до десятой части доходов с храмовых земель на собственные нужды (Willis and Maresch 1997: 44.). Следует учитывать, что помимо вышеупомянутой коллегии в городе существовали и другие жреческие корпорации, которые также владели землями.

³² Иски, поданные Аврелием Аммоном в 348 г. на имя языческого арихиерея Александрии и всего Египта, а затем и самого префекта, с целью добиться утверждения его племянника Гориона II на посту панополитанского архипрофета (*P. Ammon*. III; IV; Willis and Maresch 1997: 19–58; Stead 1981: 415), свидетельствуют о том, что в середине

Упадок египетского язычества начался лишь в конце столетия. В 384–388 гг. по приказу префекта Востока Кинегия было закрыто и разрушено множество храмов Египта и Сирии (Lib. Or. XXX.46; Zos. IV.37; Hydat. Chron. 388). Агрессивные действия высокопоставленного чиновника против языческих храмов воодушевили представителей местного христианского духовенства (и особенно монашествующих) на организацию масштабной антиязыческой кампании. Последователи новой веры совершали нападения на языческие храмы³³, разоряли усадьбы местной знати, сохранявшей приверженность традиционным культам³⁴. Впрочем, египетское язычество пережило и это потрясение. На протяжении всего V и даже начала VI в. в долине Нила продолжали функционировать древние храмы, при которых сохранялось профессиональное жречество³⁵. Послед-

IV в. жреческие посты сохраняли свое значение и престиж, ср. P. Ammon. I. 3–4.

³³ См. Lib. Or. XXX.8–9. На рубеже IV–V вв. иноки Белого Монастыря сожгли Атрипский храм и разрушили ряд святилищ в окрестностях Панополя. См. Shenout. *De iniur.* 51; *De Idol.* I–II; Bes. V. Shenout. 83–84; Hahn 2004: 253–257; Emmel 2008: 166–177; Geens 2014: 443–444; Emmel 2017. В 391 г. возглавляемые архиепископом Феофилом монахи уничтожили ряд языческих святилищ Дельты, в т.ч. храмовый комплекс Канопы (Ruf. HE. II[XI].26–27; Eunap. VS. 471–472). О проблеме датировки разрушения храмов Александрии и Канопы, см. Vedeshkin 2018: 248, п. 2. Об антиязыческой деятельности Феофила, см.: Orlandi 1970: 61–62; Athanassiadi 1993: 14–16; Haas 1997: 160–169; Hahn 2004: 81–92; Kaplow 2005: 9–11; Russell 2006: 7–10; Hahn 2008; Vedeshkin 2018: 248–252.

³⁴ См. Shenout. *Let Our Eyes*; Shenout. *Adv. Saturnum.* II.45; Bes. V. Shenout. 125–127; Barns 1964; Trombley 2001: vol. II, 207–219; Emmel 2002: 100–113; Geens 2014: 445–448; Brakke and Crislip 2015: 293–299.

³⁵ Деятельность языческого жречества была криминализирована 7 декабря 396 г. (CTh. XVI.10.14). О сохранении языческого жречества в Египте в V в. см.: в Менуфисе (Zach. V. Sev. BF18–19/A18–19, пагинация по изданиям С. Брока и Б. Фитцджеральда [BF], и Л. Амбьерн [A]; BF25/A22; BF33/A27; BF35/A28; BF46/A34; BF48–49/A35–36); в окрестностях Панополя: Ps.-Dios. *Pan. Mac.* 10; 12; 14; Shenout. *The Lord Thundered.* Pr., ed. et trad. J. A. Timbie, J. R. Zaborowski; в окрестностях Абидоса: V. Mos. P. 77–80, ed. et trad. M. Moussa; на острове Филы: Dijkstra 2005: 67–84.

ние упоминания о существовании организованного языческого культа в Египте относятся к эпохе царствования Юстиниана³⁶.

Александрия

Единственным упомянутым в «Expositio» египетским городом является Александрия, куда автор, скорее всего, наведывался по торговым делам. Этот мегаполис произвел на него огромное впечатление своими размерами, богатством и благочестием жителей. По мнению анонима: «Боги в этом городе окружены необыкновенным почетом» (*et dii coluntur eminenter — Exp. 35*). В целом, в первой половине IV в. Александрия оставалась важнейшим центром средиземноморского язычества. Несмотря на быстрый рост христианской общины, на протяжении IV в. основная часть населения города, в том числе и большая часть местной элиты, сохраняла верность отеческой вере³⁷. По сведениям составленной между 272 и 391 г. «Notitia Urbis Alexandrinae» в IV в. в Александрии насчитывалось более 2500 действующих языческих храмов и молелен³⁸.

С особым восторгом в «Expositio» описывался Серапеум: «...храм Сераписа, единственное в своем роде и в целом мире неповторимое зрелище. Нигде на земле не сыщется храма, подобного этому красотой постройки или пышностью ритуала — повсюду, кажется, ему принадлежит первое место» (*et templum Serapis ibi est, unum et solum spectaculum novum in omni mundo; nusquam enim terrae aut aedificum aut dispositio templi aut religionis invenitur — Exp. 35*). Анонимный автор был не одинок и в своем восхищении этим святилищем. Авторы IV–V вв. с неизменным восторгом описывали этот храм. Аммиан Марцелин писал, что «Обширные, окруженный колоннадами дворы, статуи, дышащие жизнью, и множество других произведений искусства, все это украшает его настолько, что после Капито-

³⁶ Ок. 535 г. военачальник Нарсес разрушил храм Исиды на острове Филы (Просор. ВР. I.19.37). См. Dijkstra 2005: 82. Впрочем, попытки местных жителей восстановить этот храм фиксируются еще и в 567 г. См. Dijkstra 2004.

³⁷ О приверженности александрийских куриалов язычеству в середине IV в., см. Athan. *Hist. Ar.* 54–55; в конце столетия – Ruf. *HE.* II(XI).25.

³⁸ Fraser 1951: 104. Вероятно, большая часть этих храмов являлись совсем небольшими святилищами (Haas 1997: 141.). См. также Hahn 2004: 22–26.

лия, которым увековечивает себя достославный Рим, ничего более великолепного не знает Вселенная» (*atriis tamen columnariis amplissimis et spirantibus signorum figmentis et reliqua operum multitudine ita est exornatum, ut post Capitolium, quo se venerabilis Roma in aeternum attollit, nihil orbis terrarum ambitiosius cernat* — Amm. XXII.16.12, пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни); по мнению Евнапия Сардского: «Благодаря храму Сераписа Александрия была словно некая священная вселенная: число тех, кто стекался в нее отовсюду, приближалось к числу ее собственных граждан...»³⁹ (ἡ δὲ Ἀλεξάνδρεια διὰ γε τὸ τοῦ Σεράπιδος ἱερὸν ἱερά τις ἦν οἰκουμένη· οἱ γοῦν πανταχόθεν φοιτῶντες ἐς αὐτὴν πλῆθός τε ἦσαν τῷ δήμῳ παρισούμενοι — Eunap. VS. 471, пер. Е. В. Дарк, М. Л. Хорьковой); Феодорит Киррский замечал, что «по словам некоторых, [Серапеум был] самым огромным и прекрасным храмом на всей земле» (τῶν δὲ πανταχοῦ γῆς καθὰ φασὶ τινες μέγιστός τε οὗτος καὶ κάλλιστος — Theod. HE. V.22)⁴⁰.

Впрочем, вскоре после составления «Expositio» положение языческих культов города резко ухудшилось. В 356 г. в Александрию был направлен указ, воспрещавший язычникам входить в храмы и отправлять свои празднества (Soz. IV.10)⁴¹. Тогда же епископ Георгий начал жестоко оскорблять язычников и мысливших несогласно с ним христиан. Тех и других принуждал он почитать Бога так, как ему хотелось, а противившихся этому преследовал» (χαλεπῶς ἐκάκου τοὺς Ἑλληνας καὶ τοὺς ἑτέρως αὐτῷ δοξάζοντας Χριστιανούς· ἐκατέρους τε γὰρ ὡς ἡβούλετο θρησκεύειν ἐβιάζετο καὶ παραιτουμένους ἤλαυνεν — Soz. IV.30), «низвергал истуканы, разрушал храмы и возбранял им [язычникам] приносить жертвы и совершать отеческие обряды» (τὴν περὶ τὰ ξόανα καὶ τοὺς ναοὺς ὕβριν καὶ τὴν τῶν θυσιῶν καὶ πατριῶν κόλυσιν — *ibid.* V.7)⁴². Попытки городской знати сопротивляться политике Георгия спровоцировали масштабный

³⁹ О паломничестве язычников в Александрийский Серапеум, см. напр. Dam. V. *Isid.* 42, ed. P. Athanassiadi.

⁴⁰ Cf. Ruf. HE. II(XI).23.

⁴¹ Ср. CTh. XVI.10.4.

⁴² Ср. Amm. XXII.11.7; Soc. III.2; Soz. IV.30; V.7.

политический процесс против языческой элиты Египта⁴³. Во время проведения расследования, войска под командованием дукса Артемия разграбили Серапеум и жестоко подавили выступление александрийцев, попытавшихся защитить святыню (Jul. Ep. BC60/W10/Ф29⁴⁴; Theod. HE. III.18). Антиязыческая кампания Георгия была остановлена известием о смерти Констанция II и восшествии на престол Юлиана Отступника. В конце 361 г. толпа линчевала архиерея и двух его приспешников (Jul. Ep. BC60/W10/Ф29; Athan. Hist. Ac. 8; Greg. Naz. Or. XXI.24; Amm. XXII.11.8–11; Epiph. Adv. Haer. 56[76].1; Soc. III.2; Philost. VII.2; Soz. V.7; Theod. HE. III.5). Артемий был передан в руки императорского правосудия и казнен (Theod. HE. III.18)⁴⁵.

Последующие четверть столетия прошли без больших потрясений для александрийских язычников. Традиционные культы открыто отправлялись в городе на протяжении всего царствования Валента⁴⁶ и большей части правления Феодосия I. Несмотря на то, что как минимум с конца 360-х — начала 370-х гг. кровавые жертвоприношения были запрещены почти во всей империи, культовая деятельность язычников Александрии (равно как и Рима) никак не ограничивалась (Lib. Or. XXX.33–35). Ситуация изменилась в 391 г. Новый александрийский епископ Феофил осквернил храм Диониса, чем спровоцировал городских язычников на бунт. По итогам кровопролитных столкновений на улицах города последователи древних культов оказались оттеснены в цитадель Серапеума. Они продолжали защищаться на протяжении нескольких недель, но в конце концов были вынуждены оставить храм. Серапеум и остальные языческие храмы Александрии были разорены и осквернены. Некоторые из них были полностью разрушены, иные превращены в церкви (Ruf. HE. II[XI].22–24; Eunap. VS. 473; Soc. V.16; Soz. VII.15)⁴⁷.

⁴³ См.: Amm. XIX.12; Lib. Or. XIV.15–19; о Скифопольском процессе, см. Haehling 1978; Koptelov 2003: 135–137; Sandwell 2005: 114–116; Heyden 2010: 310–312; Vedeshkin 2018: 196–198.

⁴⁴ Нумерация писем Юлиана приводится по изданиям И. Биде и Ф. Кюмона (BC), У. К. Райт (W) и Д.Е. Фурмана (Ф).

⁴⁵ О религиозно-политической борьбе в Александрии в середине IV в., см. Hahn 2004: 48–77; Vedeshkin 2018: 193–198.

⁴⁶ См. напр. Epiph. Adv. Haer. 31(51).22.

⁴⁷ См. сн. 22, выше.

Победа христианства в столице Египта была закреплена изданием в июне 391 г. императорского эдикта, запрещавшего населению совершать жертвоприношения и посещать храмы (CTh. XVI.10.11). Христиане восприняли известия об уничтожении Серапеума как триумф своей веры⁴⁸, а для язычников разрушение храмов Александрии стало трагедией всемирно-исторического масштаба⁴⁹. Впрочем, жившие в столице Египта последователи традиционных культов еще долго продолжали считать руины Серапеума святым местом — в середине V в. александрийские философы-неоплатоники совершали ритуалы на развалинах великого храма (John. Ruf. V. Petr. Iber. CP99/R72⁵⁰).

Рим

Несомненный интерес автора «Expositio» вызывали и религиозные традиции древней столицы империи. Свой рассказ об обычаях римлян он начинал с описания: «В этом Риме живут семь знатных дев из славнейших домов, которые, следуя обычаю древних, совершают во благо Рима священное служение богам; девы эти зовутся весталками» (sunt autem in ipsa Roma et virgines septem ingenuae et clarissimae quae sacra deorum pro salute civitatis secundum antiquorum morem perficiunt et vocantur virgines Vestae — *Exp.* 55).

На протяжении большей части IV в. весталки продолжали считаться одной из самых почитаемых жреческих коллегий Рима. Коллегия владела обширными земельными угодьями, а сами жрицы обладали рядом привилегий и, с точки зрения христиан, жили в исключительной роскоши (Amb. *Ep.* X.73/Maug. 18.11; *De virg.* I.4.15). Коллегию возглавляли старшие весталки и понтифики Весты, строго следившие за соблюдением обетов⁵¹ девами-весталками, которыми по традиции становились девочки из знатнейших римских фамилий⁵².

⁴⁸ См. Hieron. *De Vir.* CXXXIV; *Ep.* 107.2; Prud. *Carm.* XIX.2.100–110.

⁴⁹ О реакции христиан и язычников на уничтожение Серапеума, см. Vedeshkin 2018: 251.

⁵⁰ Нумерация приводится по изданиям К. Б. Хорн и Р. Р. Феникс (CP), и Р. Раабе (R).

⁵¹ О скандалах, связанных с нежеланием весталок следовать наложенным на них религиозной традицией ограничениям, см. Symm. *Ep.* IX.108; 109; 147; 148.

⁵² См. Symm. *Rel.* III.14; Salzman 2001: 382–383; Undheim 2018: 42.

Особое значение известию «Expositio» придает упоминание о количестве весталок. Как известно, со времен Сервия Туллия число жриц Весты ограничивалось шестью. По этой причине некоторые исследователи считают, что автор «Expositio» ошибся в расчетах⁵³. При этом младший современник анонимного купца — епископ Амвросий Медиоланский также упоминал, что в его время священный огонь поддерживало *семь* весталок (*vix septem Vestales capiuntur puellae* — *Amb. Ep. X.73/Maur. 18.11*). Иными словами, два независимых друг от друга источника явно свидетельствуют о том, что к IV в. число членов коллегии было увеличено⁵⁴.

Суровые антиязыческие эдикты сыновей Константина в целом не повлияли на функционирование традиционных религиозных институтов столицы⁵⁵. Во время своего визита в Рим в 357 г. Констанций «подтвердил привилегии священных дев, заполнил жреческие коллегии людьми благородного происхождения, не жалел издержек на римские религиозные церемонии...» (*nihil ille decrepsit sacrarum virginum privilegiis, replevit nobiles sacerdotia, romanis caerimoniis non negavit inpensas* — *Symm. Rel. III.7*, пер. М. В.)⁵⁶. В 382 г. император Грациан отказался от титула *Pontifex Maximus* (*Zos. IV.36.5*)⁵⁷. Вслед за этим последовал ряд мер, направленных на окончательное размежевание столичных культов и государства⁵⁸. Несмотря на отмену государственного финансирования коллегия продолжила

⁵³ E.g.: Beard, North, and Price 1998b: 360; Nicholson 2018: 1156; Undheim 2017: 393, n. 31.

⁵⁴ Ср. Cecconi 2002: 279; Cameron 2011: 41, n. 47.

⁵⁵ См. напр. Vedeshkin 2018: 94–101.

⁵⁶ Ср. *Amm. XVI.10.14*

⁵⁷ Альтернативную точку зрения на это сообщение, см. в Cameron 1968; Cameron 2011: 51–56. Ср. Lizzi Testa 2008.

⁵⁸ Недвижимое имущество жреческих коллегий было секуляризовано; запрещалось приобретение новых земель по завещанию (*Symm. Rel. III.13–14*; *Amb. Ep. X.73.16/Maur. 18*); жречество лишалось привилегий и иммунитетов (*Symm. Rel. III.11–12*; *Amb. Ep. X.72.4–5/Maur. 17*; *X.73.14/Maur. 18*); средства, выделенные на проведение языческих обрядов, конфисковывалась в пользу фиска и казны префекта претория (*Amb. Ep. X.72.3*; *14/Maur. 17*); прекратились государственные дотации на содержание весталок и прочих римских жрецов (*Symm. Rel. III, 8*; *Amb. Ep. X.72.14/Maur. 17*; *73.11–14/Maur. 18*). Ср. *CTh. XVI. 10.20.1*; *CJ. I.11.5*; *XI.66.4*

функционировать. Вероятно, весталок поддерживали благочестивые сенаторы-язычники, стремившиеся не допустить упадка древних традиций. Одним из них был понтифик Весты Веттий Агорий Претекстат, после смерти которого в конце 384 г. великая весталка Коелия Конкордия распорядилась установить в атриуме богини статую покойного (*CIL* VI 2145; *Symm. Ep.* II.36). Коллегия прекратила свое существование лишь в 394 г. после крушения режима узурпатора Евгения, ознаменовавшего окончательное поражение языческой «партии» в римском сенате⁵⁹. Храм Весты был закрыт, а священный огонь потушен. Впоследствии, некоторые из бывших весталок обратились в христианство (*Prud. Peris.* II.528). По преданию, которое на исходе V в. передавал Зосим, прибывшая в Рим после разгрома Евгения племянница императора Феодосия Серена украдала украшения из храма Кибелы-Реи, после чего последняя из дев-весталок прокляла и ее, и ее семью (*Zos.* V.38.2–4).

Продолжая рассказ о религиозных традициях Рима, автор *Expositio* отмечал богобоязненность столичных жителей: «[Римляне] почитают богов, в особенности Юпитера и Солнце; сообщают, что они справляют также обряды в честь Матери богов...» (*colunt autem et deos ex parte: Iovem Solem; nec non et sacra Matris deum perficere dicuntur* — *Exp.* 55, пер. испр. М.В.).

Не вызывает никаких сомнений, что римляне продолжали чтить Юпитера. Его чествовали во время инаугурации новых консулов в первый день нового года, во время церемонии *Iovi Statori* 13 января, а также как часть празднования *Ludi Plebei*. Капитолийский храм Юпитера Тарпейского почитался чудом света и неизменно вызывал восторги приезжавших в Рим путешественников (*Amm.* XVI.4.13; XXII.16.12). Несмотря на то, что при Константине культ Юпитера Капитолийского утратил официальную поддержку императорской власти⁶⁰, население

⁵⁹ Т. н. «языческому возрождению» 392–394 гг. посвящена обширнейшая литература. Позволим себе перечислить лишь основные труды последних лет: Hedrick 2000: 37–88; Cameron 2011: 74–131; Ratti 2012: 111–120; Vedeshkin 2018: 137–148.

⁶⁰ В 326 г., во время императорского визита в столицу по поводу празднования двадцатилетия правления Константина, император демонстративно отказался приносить жертву Капитолийскому Юпитеру (*Zos.* II.29), что вызвало скандал и спровоцировало беспорядки в

Рима продолжало чтить громовержца и приносить ему многочисленные жертвы⁶¹. Помимо традиционного римского Юпитера в столице почитался ряд синкретических божеств, которые ассоциировались с царем богов. Особой популярностью у жителей Вечного города пользовались культы левантийских Юпитера Долихена, чье святилище располагалось на Авентине⁶², и Юпитера Гелиопольского, колоссальный храм которого на Яникуле был реставрирован в середине IV в.⁶³.

Исключительное значение образа Юпитера для традиционного римского язычества сделало его одним из основных символов борьбы против христианизации империи. Согласно рассказу Августина, ожидая наступления войск августа Феодосия I, поддержавшие узурпатора Евгения поборники древних богов установили на альпийских перевалах изваяния Зевса — Громовержца, призванные принести победу языческой «партии» (Aug. *De Civ.* VI.26)⁶⁴. Как известно сторонники узурпатора проиграли битву на р. Фригид, после чего Феодосий явился в Рим и окончательно ликвидировал местные культы. Через несколько лет после поражения Евгения Иероним Стридонский писал: «Капитолий в запустении, храмы и церемонии Юпитера пали» (*Squalet Capitolium, templa Jovis et caeremoniae considerunt* — Hieron. *Adv. Iovin.* II.38.)⁶⁵.

Автор «Expositio» вполне справедливо оценивал и высокое значение солярных культов для римских язычников. Формально, первым из них был синкретический культ Sol Invictus, находившийся под покровительством императоров вплоть до конца царствования Константина I⁶⁶. Его возглавляли избиравшиеся из числа высшей римской знати⁶⁷ понтифики Солнца⁶⁸.

столице (Lib. *Or.* XIX.19; ср. XX.24; John. Chrys. *Hom. de Stat.* XXI.11). Подробнее, см. Vedeshkin 2018: 92–93, историография 92, сн. 7.

⁶¹ См. напр. Symm. *Ep.* I.49.

⁶² Colini 1935.

⁶³ Merriman 1975: 23–24; 320–326; Beard, North, and Price 1998a: 384–386; Turcan 1996: 188–194; Kristensen 2013: 59–65; Gee 2008.

⁶⁴ См. подробнее Hedrick 2000: 46. Ср. с критикой у Cameron 2011: 103–107.

⁶⁵ Ср. Hieron. *Ep.* 107.1

⁶⁶ Halsberghe 1972: 167–171.

⁶⁷ Halsberghe 1972: 144–148.

Несмотря на то, что начиная с 320-х гг. римские августы начали все более явно дистанцироваться от этого культа, среди римской аристократии почитание Sol было распространено вплоть до конца столетия⁶⁹.

Едва ли не большей популярностью в столице пользовались мистерии солярного божества Митры⁷⁰. Согласно данным эпиграфики на протяжении всего IV в. Митру почитали многие представители сенаторской аристократии Рима⁷¹. В столице действовало, по крайней мере, шестнадцать митрариумов — подземных святилищ Митры⁷². Косвенным свидетельством влияния этого культа являются постоянные выпады против него со стороны христианских апологетов, зачастую воспринимавших митраизм как «дьявольскую» карикатуру на христианство⁷³. Ненависть, которую испытывали столичные последователи новой веры к митраизму, предопределила его быстрый упадок — одним из первых разоренных языческих храмов Вечного города стал митрареум, уничтоженный в 376 г. префектом Гракхом (Hieron. *Ep.* 107.2; Prud. *C. Symm.* 1.561–565).

Еще одной формой гелиолатрии римских язычников был проповедуемый философами-неоплатониками солярный монотеизм. В IV в. среди столичных интеллектуалов, считавших

⁶⁸ Коллегия была учреждена императором Аврелианом (*SHA*. XXVI [Aurelianus].35.3), среди прочих мероприятий, направленных на утверждение общеимперского культа Непобедимого Солнца. В Риме Аврелиан заложил и освятил в Риме храм Sol Invictus (*Ibid.* 1.3; 25.6; 35.3; 39.2; *Aur. Vict. Caes.* XXXV.7; *Eutrop.* IX.15.1; *Zos.* I.61) и учредил *agon Solis*, праздновавшиеся каждые четыре года. См. Halsberghe 1972: 144ff; Salzman 1991: 149–153; Watson 1999: 192; Curran 2000: 16–17.

⁶⁹ См. напр. *CIL*. VI 504; 1778; *Aug. Enarr. in Psalm.* 25.2.

⁷⁰ Возможно, рост популярности этого культа среди столичной знати был связан объявлением Митры защитником империи тетрархами в 307 г. См. Griffin 2000: 12–25.

⁷¹ *CIL* VI.211; 500; 504; 507; 512; 749–754; 1778; 1779; 2151. Об участии представителей сенаторской знати в мистериях Митры см.: Martin 1989; Griffin 2000; Walsh 2018: 27–28.

⁷² Bjernebye 2007.

⁷³ *Just. Mart. I Apol.* 66; *Trith.* 70; *Tertull. De Corona.* 15; *Firm. De Err.* V; XX.1–5; *CCP.* 47; *ps.-Paul. Nol. Carm.* XXXII [PU].113–114; 120–122. Впрочем, язычники также обвиняли христиан в копировании их священных обрядов. См. *Ambros. Quaest. Vet. et Nov. Test.* 84.3.

себя последователями Плотина и Порфирия, было распространено представление о том, что все языческие боги являются множественным проявлением или же знаком (*numen multiplex*) Единого Божества — Солнца (Macrobian. *Sat.* I.17–23; *Ant. Lat.* 389)⁷⁴.

В целом, пережитки солнцепоклонничества сохранялись в Риме еще многие десятилетия после формального запрета на отправление древних культов. В середине V в. папа Лев критиковал тех «мнимых» христиан, которые склонялись перед восходящим Солнцем перед тем, как зайти в базилику ап. Петра (Leo. *Serm.* 27.4).

Упомянутый автором «*Expositio*» культ фригийской Великой Матери богов — Кибелы также имел множество последователей среди представителей сенаторской аристократии Рима IV в., о чем, в частности, свидетельствует распространение ритуала тавроболий⁷⁵, а равно и многочисленные обличения связанных с ним мифов и практик у христианских писателей западных провинций⁷⁶.

Повествование о религиозных традициях Рима автор завершал упоминанием гаруспиков: *et haruspices ad eos esse certum est* (*Exp.* 55). Несмотря на то, что еще при Константине I на частные гаруспиции был наложен запрет⁷⁷, публичные гадание по внутренностям животных оставались одним из основных ритуалов официального языческого культа на протяжении большей части IV столетия⁷⁸. Распространенная во всех про-

⁷⁴ Liebeschuetz 2002; Kahlos 2002: Ch. V.3.

⁷⁵ См. Duthoy 1969: P. 14–24; Rutter 1968. В среде столичной знати уклонение от священнодействий в честь Великой Матери даже считалось неприличным. К примеру, Квинт Аврелий Симмах укорял своего соратника Вирия Никомаха Флавиана в том, что тот не мог приехать в Рим на эти празднования (Symm. *Ep.* II.34).

⁷⁶ См.: Arnob. I.41; II.73; III.32; IV.29; 35; etc; Firm. *De err.* III.1–5; Prud. *Peris.* X. 151–160; 1000–1050; Aug. *De Civ.* VII.26; *ССР.* 65–66; 106–109; CAS. 6–20.

⁷⁷ См. *CTh.* IX.16.1–3; 4; XVI.10.1–2; Delmaire 2009: 136–137; Curran 1996: 70–71; Curran 2000: 172–174.

⁷⁸ В частности, о гаруспиках при дворе Диоклетиана, см. Lact. *De mort.* X.2.3; XI.7; *Inst. Div.* IV.27.5; при Юлиане, см. Amm. XXII.2.4; XXIII.5.10; XXV.2.7–8; Amb. *Ep.* X.72.17/Maur. 17; Ruf. *HE.* I(X).33.

винциях империи⁷⁹ традиция гаруспии была особенно хорошо известна и в Вечном городе. Многочисленные упоминания о столичных гадателях (Amm. XXVI.1.4; XXVIII.1.8; 19; 29), позволяют предположить, что это искусство пользовалось спросом среди жителей столицы. Им не чурались даже представители высшей знати Вечного города. К примеру, знатоками гаданий, в том числе и гаруспий, слыли лидеры языческой «партии» в римском сенате Веттий Агорий Претекстат (ССР. 8; 35–36; 50)⁸⁰ и Никомах Флавиан Старший (Ruf. HE. II[XI].33; Soz. VII.22; Macrobian. Sat. I.24.17). При августе Валентиниане I некоторые римские гаруспики были осуждены по обвинениям в колдовстве (ibid. XXVIII.1.19; 29), однако после ходатайства сената императором был опубликован эдикт, в очередной раз подтвердивший законность древнего обычая (CTh. IX.16.9). Гадания по внутренностям, равно как и все прочие ритуалы древних культов, были запрещены лишь при императоре Феодосии I в 391–392 гг. (CTh. XVI.10.10–12)⁸¹, однако стойкая вера римлян в сверхъестественную силу гаруспиков и истинность их предсказаний сохранялась еще многие десятилетия⁸².

⁷⁹ Напр. в Галлии (Amm. XXII.1.2); в Карфагене (Aug. Conf. IV.2.3); в Медиолане (Paul. V. Amb. 20). Популярность этой формы гаданий и вера в сверхъестественные способности гаруспиков делала их частым объектом критики христианских писателей. См. Arnob. Adv. Nat. I.24; IV.11–12; VII.38; 40; ps.-Paul. Nol. Carm. XXXII [PU].25; Aug. De Civ. II.24; III.11; VIII.16.

⁸⁰ Об идентификации героя ССР с Претекстатом, см. Vedeshkin 2016b, с библиографией.

⁸¹ Об антиязыческой деятельности Феодосия I, см. выше.

⁸² К примеру, в 408 г. в Рим прибыли некие гадатели-этруски, чье магическое искусство якобы защитило их родной город Нарнию от готов Алариха. Они обещали префекту Габинию Барбару Помпеяну спасти Вечный город от варваров путем проведения какого-то языческого ритуала (Soz. IX.6; Zos. V.41.2–3). По свидетельству Созомена, это предложение было с энтузиазмом принято сенаторами-язычниками (Soz. IX.6), однако запланированная церемония так и не была проведена, поскольку «никто не осмелился принять участие» (Zos. V.41.3). См. комм. Paschoud 1986: 275–280. О язычниках в осажденном Риме, см. Matthews 1990: 290; Curran 2000: 307; Parfenova 2006; Jones 2014: 115; Vedeshkin 2018: 157; Machado 2019: 177–178; Testa 2024: 200–201. Еще и в 439 г. полководец Литорий обращался за советами к гаруспикам перед походом против готов (Prosp. Chrom. AD

Тусция

Продолжая свой рассказ об Италии, автор «Expositio» останавливался на Тусции — регионе, чьи религиозные традиции, вызывали его живой интерес: «Ведь передают, что здесь впервые зародились гаруспии и что его как милость даровали боги. Тусция изобилует всеми благами, а сверх того обладает одним исключительным — способностью прорицания; известно, что тускам действительно присущ этот дар» (*unde enim aiunt ab origine inventam esse haruspicinam, quod bonum ad eos esse dicebant; nam et ipsa habundans omnibus bonis et hoc possidet maxime, circa deos haruspicia multa. etenim huius rei certum ad eos esse dicitur — Exp. 56*). Как видно из этого отрывка, традиционные представления об Этрурии, как стране предсказателей в полной мере сохранялись и в рассматриваемый период. В целом в позднеантичной литературе этноним «этруск» частно использовался как синоним для обозначения гаруспика, или вообще всякого гадателя⁸³. Представления о том, что жители этой области имели особый талант к предсказаниям благополучно просуществовали как минимум до второй половины VI в.⁸⁴.

Ливия

Последним религиозным экскурсом «Expositio» являются полные симпатии слова в адрес благочестивых жителей провинции *Libya Inferior*: «Население Ливии немногочисленно, но люди это добрые, благочестивые и честные. Полагаю, что это благо дано им исключительно за почитание бога» (*viros quidem habet paucos tamen bonos et pios et prudentes. puto autem quod bonum eis inest, nisi a dei eruditione — Exp. 62*). Аноним справедливо оценивал исключительную приверженность местных жителей традиционным культам. По данным Прокопия Кесарийского почитание Амона и Александра продолжалось в ливийском городе Авгиле вплоть до середины VI в. Местные жители продолжали приносить им жертвы в открыто действовавших храмах, при которых функционировало многочисленное жречество (*Procop. Aed. VI.2.14–19*). Несмотря на то, что эти

439/AUC 1355). О гаруспиях в поздней античности, см. подробнее Goddard 2007.

⁸³ CCP. 8; 50; Amm. XXIII.5.10; XXV.2.7; Soz. IX.6; Zos. V.41.2–3.

⁸⁴ См. Procop. BG. IV.21. См. подробнее Briquel 2007.

культы были ликвидированы при Юстиниане, значительная часть ливийцев, прежде всего кочевое и полукочевое население региона, продолжали чтить отеческих богов. В «Иоанниде» Корипп сообщал, что вожди местных племен продолжали совершать паломничества в Сиву и воздавать почести Амону и Юпитеру во второй половине VI в. (Cor. *Ioann.* III.81–85; VI.145ff)⁸⁵. Согласно свидетельству пресвитера Исаака еще и в первой половине VII в. жившие в Ливии берберы продолжали чтить Солнце, как бога (Isaak. Pr. V. *Sam. Kal.* 18; 22–23, ed., trans. A. Alcock).

Таким образом, «Expositio totius mundi et gentium» предстает важнейшим источником, освещающим положение традиционных языческих культов в Римской империи IV в. Сведения этого трактата подтверждают сохранение почитания Афродиты (и, возможно, практики ритуальной проституции) в Гелиополе-Баальбеке, свидетельствуют о жизнеспособности языческих культов Египта и Александрии, подкрепляют информацию Амвросия Медиоланского об увеличении количества весталок в позднеантичный период, освещают длительную приверженность отеческим религиозным обычаям населения Ливии. Эти данные подтверждают, что несмотря на все попытки христианских государей насадить новую веру и изничтожить древние «суеверия», на протяжении большей части IV столетия традиционные религиозные институты были вполне жизнеспособны.

Литература

- Athanassiadi, P. 1993: Persecution and Response in Late Paganism: The Evidence of Damascius. *The Journal of Hellenic Studies* 113, 1–29.
- Bagnall, R. 1996: *Egypt in Late Antiquity*, Princeton.
- Bagnall, R. S. 1988: Combat ou vide: christianisme et paganisme dans l'Égypte romaine tardive. *Ktèma* 13, 285–296.
- Ball, W. 2001: *Rome in the East: The Transformation of an Empire*, London; New York.
- Barnes, T. D. 1989: Christians and Pagans in the Reign of Constantius. In: A. Dihle (ed.), *L'église et l'empire au IVe Siècle*, Vandouvres; Geneva, 301–343.
- Barns, J. 1964: Shenoute as a Historical Source. In: J. Wolski (ed.), *Actes Du Xe Congrès International de Papyrologues: Varsouie-Cracovie, 3–9 Septembre, 1961*, Wrocław; Warsaw; Krakow, 151–159.

⁸⁵ См. Shea 1998: 35–43; Tommasi Moerschini 2002; de Marre 2017.

- Beard, M., North, J. A., and Price, S. R. F. 1998a: *Religions of Rome: A History*, Cambridge.
- Beard, M., North, J., and Price, S. 1998b: *Religions of Rome: Volume 2: A Sourcebook*, Cambridge.
- Bjørnebye, J. 2007: "*Hic locus est felix, sanctus, piusque benignus*". *The cult of Mithras in fourth century Rome*. Bergen.
- Brakke, D., and Crislip, A. (trans.) 2015: *Selected Discourses of Shenoute the Great: Community, Theology, and Social Conflict in Late Antique Egypt*, New York, NY.
- Briquel, D. 2007: Religion étrusque et religion chrétienne : un aspect peu étudié de la « réaction païenne ». *Bulletins de l'Académie Royale de Belgique* 7–12, 249–270.
- Budin, S. L. 2008: *The Myth of Sacred Prostitution in Antiquity*, Cambridge.
- Butcher, K. 2004: *Roman Syria and the Near East*, London.
- Cameron, Al. 1968: Gratian's Repudiation of the Pontifical Robe. *The Journal of Roman Studies* 58, 96–102.
- Cameron, Al. 2011: *The Last Pagans of Rome*, Oxford; New York.
- Cameron, Av., and Hall, S. 1999: *Eusebius. Life of Constantine*. Clarendon Ancient History Series, Oxford.
- Cecconi, G. A. 2002: *Commento storico al libro II dell'epistolario di Q. Aurelio Simmaco*, Pisa.
- Chastagnol, A. 1969: Une géographie commerciale du monde romain au IV^e siècle. *Annales. Histoire, Sciences Sociales* 24, 463–466.
- Colini, A. M. 1935: La scoperta del santuario della divinità dolichene sull'Aventino. *BCR* 63, 145–159.
- Constantelos, D. J. 1964: Paganism and the State in the Age of Justinian. *The Catholic Historical Review* 50, 372–380.
- Cumont, F. 1921: Le Jupiter héliopolitain et les divinités des planètes. Syria. *Archéologie, Art et histoire* 2-1, 40–46.
- Curran, J. 1996: Constantine and the Ancient Cults of Rome: The Legal Evidence. *Greece & Rome* 43. Second Series, 68–80.
- Curran, J. 2000: *Pagan City and Christian Capital: Rome in the Fourth Century*, Oxford; New York.
- Day, J. 2004: Does the Old Testament Refer to Sacred Prostitution and Did it Actually Exist in Ancient Israel? In: C. MacCarthy and J. F. Healey (eds), *Biblical and Near Eastern Essays: Studies in Honour of Kevin J. Cathcart*. Journal for the study of the Old Testament 375, London, 2–21.
- de Marre, M. 2017: One oracle too many? Corippus (and Procopius) on female prophecy in North African divination and profit in the Roman world. In: R. Evans (ed.), *Prophets and Profits: Ancient Divination and Its Reception*, New York, 162–182.
- Delmaire, R. (ed.) 2009: *Les lois religieuses des empereurs romains, de Constantin à Théodose II (312–438), Vol. II: Code Théodosien I–XV, Code Justinien, Constitutions Sirmondiennes*, Paris.

- Dias, P. B. 2018: Uma cidade fascinante, mas violenta. a descrição de Alexandria na Expositio totius mundi et gentium. *Boletim de Estudos Clássicos*, 47–71.
- Dijkstra, J. 2005: *Religious Encounters on the Southern Egyptian Frontier in Late Antiquity (AD 298–642)*, Groningen.
- Dijkstra, J. H. F. 2004: A Cult of Isis at Philae after Justinian? Reconsidering “P. Cair. Masp.” I 67004. *Zeitschrift Für Papyrologie Und Epigraphik* 146, 137–154.
- Dijkstra, J. H. F. 2011: The Fate of the temples in Late Antique Egypt. In L. Lavan and M. Mulryan (eds), *The Archaeology of Late Antique Paganism*. 389–436.
- Dijkstra, J. H. F. 2022: The Avenging Sword? Imperial Legislation on Temples in the 4th and Early 5th Centuries. In: D. Dzino and R. Strickler (eds), *Dissidence and Persecution in Byzantium: From Constantine to Michael Psellos*, Leiden; Boston, 13–51.
- Dussaud, R. 1942: Temples et cultes de la triade héliopolitaine a Baalbeck. *Syria* 23, 33–77.
- Duthoy, R. 1969: *The Taurobolium. Its Evolution and Terminology*, Leiden.
- Emmel, S. 2002: From the Other Side of the Nile: Shenute and Panopolis. In: A. Egberts, B. P. Muhs, and J. van der Vliet (eds), *Perspectives on Panopolis: An Egyptian Town from Alexander the Great to the Arab Conquest: Acts from an International Symposium Held in Leiden on 16, 17 and 18 December 1998*, Leiden, 95–113.
- Emmel, S. 2008: Shenoute of Atripe and the Christian Destruction of Temples in Egypt: Rhetoric and Reality. In: J. Hahn, S. Emmel, and U. Gotter (eds), *From Temple to Church: Destruction and Renewal of Local Cultic Topography in Late Antiquity*, Leiden; Boston, 161–201.
- Emmel, S. 2017: Shenoute for Historians: The Pneuait Incident (A Monastic Leader and Anti-Pagan Violence in Late Antique Southern Egypt). In: B. Layton, D. Brakke, S. J. Davis, and S. Emmel (eds), *From Gnostics to Monastics: Studies in Coptic and Early Christianity in Honor of Bentley Layton*. Leuven, 369–408.
- Fikhman, I. F. 1976: [Oxyrhynchus – the city of papyri], Moscow.
Фихман, И. Ф. 1976: *Оксеринх – город папирусов*, М.
- Francis, L.-T. M. L. 2022: Virginité, Bestialité, and Virtue in Sozomen's Account of the Attack of the Consecrated Virgins of Heliopolis. In: C. Cobb and E. M. Vanden Eykel (eds), *Sex, Violence, and Early Christian Texts*, Lanham (Md.) Boulder (Colo.) New York (N.Y.), 107–122.
- Frankfurter, D. 2000: *Religion in Roman Egypt: Assimilation and Resistance*, 2nd ed., Princeton, N.J.
- Frankfurter, D. 2010: The Consequences of Hellenism in Late Antique Egypt: Religious Worlds and Actors. *Archiv für Religionsgeschichte* 2, 162–194.

- Fraser, P. M. 1951: A Syriac “Notitia Urbis Alexandrinae”. *The Journal of Egyptian Archaeology* 37, 103–108.
- Galdi, G. 2012: On the text and language of the *Expositio totius mundi et gentium*. *ERANOS* 106, 9–24.
- Gazda, E. K. 2004: *Karanis: An Egyptian Town in Roman Times Discoveries of the University of Michigan Expedition to Egypt (1924-1935)*. Ann Arbor.
- Gee, R. 2008: The Lucus Furrinae and the Syrian Sanctuary on the Janiculum: Encroachment? Or Renovation and Transformation? *Bollettino Di Archeologia online* Volume speciale, 42–48.
- Geens, K. 2014: *Panopolis, a Nome Capital in Egypt in the Roman and Byzantine Period (ca. AD 200–600)*, Leuven.
- Gibson, C. A. 2019: Temple Prostitution at Aphaca: An Overlooked Source. *The Classical Quarterly* 69, 928–931.
- Goddard, C. 2007: La divination à l’époque tardive: Un exemple ultime du processus de romanisation (IVe-VIe siècles apr. J.-C.). *Dossier: Tekhnai/artes*. Paris, 267–290.
- Griffin, A. B. 2000: Mithraism in the Private and Public Lives of 4th-c. Senators in Rome. *Electronic Journal of Mithraic Studies* I.
- Grüll, T. 2014: *Expositio totius mundi et gentium*. A peculiar work on the commerce of Roman Empire from the mid-fourth century — compiled by a Syrian textile dealer? In: Z. Csabai (ed.), *Studies in Economic and Social History of the Ancient Near East: In Memory of Péter Vargyas*. Budapest, 629–642.
- Haas, C. 1997: *Alexandria in Late Antiquity: Topography and Social Conflict*, Baltimore.
- Hächler, N. 2022: Post hos nostra terra est: Mapping the Late Roman Ecumene with the *Expositio totius mundi et gentium*. In: M. Horster and N. Hächler (eds), *The Impact of the Roman Empire on Landscapes: Proceedings of the Fourteenth Workshop of the International Network Impact of Empire (Mainz, June 12-15, 2019)*, Leiden; Boston, 263–280.
- Haehling, R. von 1978: Ammianus Marcellinus und der Prozess von Skythopolis. *Jahrbuch für Antike Und Christentum* 21, 74–101.
- Hahn, J. 2004: *Gewalt und religiöser Konflikt, Studien zu den Auseinandersetzungen zwischen Christen, Heiden und Juden im Osten des Römischen Reiches (von Konstantin bis Theodosius II)*, Berlin, Boston.
- Hahn, J. 2008: The Conversion of the Cult Statues: The Destruction of the Serapeum 392 A.D. and the Transformation of Alexandria into the “Christ-Loving” City. In: J. Hahn, S. E. Emmel, and U. Gotter (eds), *From Temple to Church: Destruction and Renewal of Local Cultic Topography in Late Antiquity*, Leiden, 336–367.
- Halsberghe, G. H. 1972: *The Cult of Sol Invictus*, Leiden.
- Hedrick, C. 2000: *History and Silence: Purge and Rehabilitation of Memory in Late Antiquity*, Austin.

- Heyden, K. 2010: Beth Shean/Scythopolis in Late Antiquity: Cult and Culture, Continuity and Change. In: R. G. Kratz and H. Spieckermann (eds), *One God — One Cult — One Nation: Archaeological and Biblical Perspectives*, Berlin; New York, 301–337.
- Humphries, M. 2007: A new created World: classical geographical texts and Christian contexts in late Antiquity. In: J. H. D. Scourfield and A. Chahoud (eds), *Texts and Culture in Late Antiquity. Inheritance, Authority, and Change*, Swansea, 33–68.
- Inglebert, Hervé. 2001: *Interpretatio Christiana: Les mutations des savoirs, cosmographie, géographie, ethnographie, histoire, dans l'antiquité Chrétienne, 30-630 Après J.-C.*, Paris.
- Jones, C. P. 2014: *Between Pagan and Christian*, Cambridge.
- Kahlos, M. 2002: *Vettius Agorius Praetextatus: A Senatorial Life in Between*, Rome.
- Kaplow, L. 2005: Religious and Intercommunal Violence in Alexandria in the 4th and 5th centuries CE. *The McGill Journal of Classical Studies* IV, 2–26.
- King, N. Q. 1960: *The Emperor Theodosius and the Establishment of Christianity*, London.
- Kofsky, A. 2000: *Eusebius of Caesarea Against Paganism*, Leiden; Boston.
- Koptevov, B. V. 2003: [The Relationships of the Roman Emperors with the Christian Church in the 330s and early 360s]. Moscow.
Коптелов, Б. В. 2003: Отношения римских императоров с христианской церковью в 330-х — начале 360-х годов. М.
- Kristensen, T. M. 2013: *Making and Breaking the Gods: Christian Responses to Pagan Sculpture in Late Antiquity*, Aarhus.
- Lampinen, A. 2022: A Merchant-Geographer's Identity? Networks, Knowledge and Religious Affinity in the Expositio Totius Mundi et Gentium. In: I. Lindstedt, N. Nikki, and R. Tuori (eds), *Religious Identities in Antiquity and the Early Middle Ages: Walking Together & Parting Ways*, Leiden; Boston (Mass.), 16–40.
- Liccardo, S. 2023: The Urban Populaces of Alexandria and Carthage in the Expositio totius mundi et gentium. *Historia* 72, 242–258.
- Liebeschuetz, J. H. W. G. 2002: The Significance of the Speech of Praetextatus. In: M. Frede and P. Athanassiadi (eds), *Pagan Monotheism in Late Antiquity*, Oxford u.a, 185–206.
- Lizzi Testa, R. 2008: Christian Emperor, Vestal Virgins and Priestly Colleges: Reconsidering the End of Roman Paganism. *Antiquité Tardive* 15, 251–262.
- Machado, C. 2019: *Urban Space and Aristocratic Power in Late Antique Rome: AD 270–535*, Oxford; New York.
- Magli, G. 2021: Archaeoastronomy of the Temples of the Bekaa Valley. *Heritage* 4, 1526–1537.
- Marasco, G. 1996: L'expositio totius mundi et gentium" e la politica religiosa di Costanzo II. *Ancient Society* 27, 183–203.

- Martin, L. H. 1989: Roman Mithraism and Christianity. *Numen* 36, 2–15.
- Matthews, J. 1990: *Western Aristocracies and Imperial Court, AD 364–425*, New York.
- Merriman, J. F. 1975: *Aristocratic and Imperial Patronage of the Decorative Arts in Rome and Constantinople, a.d. 337–395: The Role of Sculpture, Painting, Mosaics, and The Minor Arts in Fourth-Century Society*. Urbana, Illinois
- Millar, F. 1995: *The Roman Near East: 31 BC–AD 337*, Cambridge, Mass.
- Minnen, P. van 2006: Saving History? Egyptian Hagiography in Its Space and Time. *Church History and Religious Culture* 86, 57–91.
- Mittag, P. F. 2006: Zu den Quellen der “Expositio totius mundi et gentium”. Ein neuer Periplus? *Hermes* 134, 338–351.
- Nicholson, O. (ed.) 2018: *The Oxford Dictionary of Late Antiquity*, Oxford, United Kingdom.
- Oden, R. A. 1999: *The Bible Without Theology: The Theological Tradition and Alternatives to It*, San Francisco.
- Oliver, J. H. 1980: Achaia, Greece, and Laconia. *Greek, Roman, & Byzantine Studies*, 75–81.
- Orlandi, T. (ed.) 1970: *Storia della Chiesa di Alessandria. Vol. II: Da Teofilo a Timoteo II*. Milano.
- Parfenova N. V. 2006: [Pagans in the besieged Rome (408–410)]. *Antichniy Mir i Archeologia* 12, 253–261.
- Парфенова, Н. В. 2006: Язычники в осажденном Риме (408–410 гг.). *Античный мир и археология* 12, 253–261.
- Paschoud, F. 1986: *Zosime. Histoire Nouvelle III 1. Livre V*, Paris.
- Paturel, S. E. 2019: *Baalbek-Heliopolis, the Bekaa, and Berytus from 100 BCE to 400 CE: A Landscape Transformed*. Mnemosyne volume 426, Leiden.
- Pigulevskaya, N. V. 1951: [Byzantium on the Roads to India. From the history of Byzantine trade with the East in the 4th–6th centuries], Moscow; Leningrad.
- Пигулевская, Н. В. 1951: *Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV–VI вв.*, М.; Л.
- Polyakova, S. V., and Felenkovskaya, I. V. 1956: [Anonymous geographical treatise “A Complete Description of the Universe and the Nations”]. *Vizantiyskiy vremennik* 8 (33), 277–304.
- Полякова, С. В., and Феленковская, И. В. 1956: Анонимный географический трактат «Полное описание вселенной и народов». *Византийский временник* 8 (33), 277–304.
- Ratti, S. 2012: *Polémiques entre païens et chrétiens*, Paris.
- Rémondon, R. 1952: L'Égypte et la suprême résistance au christianisme (ve–viie siècles). *BIAO* 51, 63–78.
- Rochow, I. 1977: Die Heidenprozesse unter den Kaisern Tiberios II. Konstantinos und Maurikios. In: H. Köpstein and F. Winkelmann (eds), *Studien zum 7. Jahrhundert in Byzanz: Probleme der Herausbildung des Feudalismus*, Berlin Boston, 120–130.

- Roggo, S. 2022: *The Conflict over the Patriarchate of Constantinople under Eutychios and John Scholastikos (552–582) and its Impact on Imperial Religious Policy*, Cambridge.
- Rougé, J. 1976: *Expositio totius mundi et gentium*, Paris.
- Russell, N. 2006: *Theophilus of Alexandria*, New York.
- Rutter, J. B. 1968: The Three Phases of the Taurobolium. *Phoenix* 22, 226–249.
- Salzman, M. R. 1991: *On Roman Time: The Codex-Calendar of 354 and the Rhythms of Urban Life in Late Antiquity*, Berkeley; Los Angeles; Oxford.
- Salzman, M. R. 2001: Competing Claims to “Nobilitas” in the Western Empire of the Fourth and Fifth Centuries. *Journal of Early Christian Studies* 9, 359–385.
- Sandwell, I. 2005: Outlawing “Magic” or Outlawing “Religion”? Libanius and the Theodosian Code as Evidence for Legislation against “Pagan” Practices. In: W. V. Harris (ed.). *The Spread of Christianity in the First Four Centuries*, Leiden; Boston, 87–123.
- Shea, G. W. 1998: *The Iohannis, or, De Bellis Libycis of Flavius Cresconius Corippus*, Lewiston, NY [u.a.]
- Stead, M. 1981: The High Priest of Alexandria and All Egypt. In: R. S. Bagnall, G. M. Browne, A. E. Hanson, and L. Koenen (eds), *Proceedings of the Sixteenth International Congress of Papyrology: New York, 24–31 July 1980*. Chico, CA, 411–418.
- Stenger, J. R. 2020: Pagans and Paganism in the Age of the Sons of Constantine. In: N. Baker-Brian and S. Tougher (eds), *The Sons of Constantine, AD 337–361: In the Shadows of Constantine and Julian*, Cham, 389–413.
- Testa, R. L. 2024: *Christian Emperors and Roman Elites in Late Antiquity*, Abingdon, Oxon; New York, NY.
- Tommasi Moreschini, C. O. 2002: Persistenze pagane nell’Africa del VI secolo. La Iohannis corippea e la questione dei dii mauri. *Africa Cristiana. Storia, Religione, Letteratura*, 269–301.
- Trombley, F. R. 2001: *Hellenic Religion and Christianization*, Vol. II, 2 vols, II., Boston; Leiden, 370–529.
- Turcan, R. 1996: *The Cults of the Roman Empire*, Oxford.
- Undheim, S. 2017: The Wise and the Foolish Virgins: Representations of Vestal Virginity and Pagan Chastity by Christian Writers in Late Antiquity. *Journal of Early Christian Studies* 25, 383–409.
- Undheim, S. 2018: *Borderline Virginities: Sacred and Secular Virgins in Late Antiquity*, Abingdon, Oxon New York (N.Y.).
- Vasiliev, A. A. 1936: *Expositio totius mundi*: an anonymous geographic treatise of the fourth century A. D. *Seminarium Kondakovianum* 8, 1–39.
- Vedeshkin, M. A. 2016a: [The legal status of pagans and pagan cults in the Roman Empire of the fourth to sixth centuries: legislation and

- practice]. In: Emperor Julian. Complete Works, Saint Petersburg, 749–791.
- Ведешкин, М. А. 2016а: Правовой статус язычников и языческих культов в Римской империи IV–VI вв.: законодательство и практика. В: *Император Юлиан. Полное собрание творений*, СПб., 749–791.
- Vedeshkin, M. A. 2016b: [On the problem of identification of the hero of the «Carmen contra Paganos»]. *Aristeas* 13, 63–89.
- Ведешкин, М. А. 2016b: К вопросу идентификации героя «Carmen contra paganos». *Аристей* 13, 63–89.
- Vedeshkin, M. A. 2018: [Pagan Opposition to the Christianization of the Roman Empire (4th-6th Centuries)]. Saint-Petersburg.
- Ведешкин, М. А. 2018: *Языческая оппозиция христианизации Римской Империи IV–VI вв.*, СПб.
- Walsh, D. 2018: *The Cult of Mithras in Late Antiquity: Development, Decline, and Demise Ca. A. D. 270–430*, Leiden; Boston.
- Watkins, R. N. 1964: Baalbek, Ancient Heliopolis, City of the Sun. *Art Journal* 24, 130–133.
- Watson, A. 1999: *Aurelian and the Third Century*, London; New York.
- Williams, S., and Friell, G. 1994: *Theodosius: The Empire at Bay*, New Haven.
- Willis, W. H., and Maresch, K. 1997: *The Archive of Ammon Scholasticus of Panopolis. The Legacy of Harpocraton*, Köln.
- Zucker, F. 1956: Priester und Tempel in Ägypten in den Zeiten nach der decianischen Verfolgung. *Akten Des VIII. Internationalen Kongresses Für Papyrologie Wien 1955*, Wien, 167–174.

A. L. Verlinsky

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, Russia.

THUCYDIDES ON THE CHANGE IN THE RELATION BETWEEN NAMES AND THINGS (3.82–83)

This paper discusses Thucydides' passage on the notorious change in the use of language during the civil strife in the course of the Peloponnesian War. The author argues that today's prevailing interpretation of the crucial sentence καὶ τὴν εἰωθυῖαν ἀξίωσιν τῶν ὀνομάτων ἐς τὰ ἔργα ἀντήλλαξαν τῇ δικαιώσει (3.82. 4) and the ensuing part of the text as referring only to moral revaluation of certain actions and human properties, but not to the change in their primary linguistic designations (J. Wilson, 1980), is incorrect. Also, the earlier understanding of the sentence as pointing to the change in the meaning of the words is not right, if one has in view what is today called 'dictionary meaning'. The debatable sentence should be understood rather as renaming certain actions and human properties, a process in which the dictionary meaning of a word and its connotations are intact, but the understanding of things (referents) and their evaluation has changed, and the things accordingly receive designations corresponding to these new views. This mode of viewing moral degradation occurs after Thucydides in such texts as Plat. *Rep.* VIII. 560 d - e, and some others.

Keywords: Thucydides, the renaming, semantics of moral concepts, history of semantic theory.

А. Л. Верлинский

Институт лингвистических исследований РАН, СПб., Россия.

Фукидид об изменении отношения между “именами” и “вещами” (3.82–83)

В статье рассматривается известное рассуждение Фукидида об изменениях в языке во время гражданских конфликтов, возникших в ходе Пелопоннесской войны. Автор доказывает, что господствующее в современной науке понимание ключевого предложения в этом тексте καὶ τὴν εἰωθυῖαν ἀξίωσιν τῶν ὀνομάτων ἐς τὰ ἔργα ἀντήλλαξαν τῇ δικαιώσει (3, 82, 4) и следующей за ним непосредственно части, как подразумевающих только моральную переоценку определенных типов поведения и человеческих качеств (но не их языковых обозначений), является ошибочным. Более раннее понимание этого предложения как указывающего на изменение в значении слов, также не верно, если понимать под этим изменение в словарном значении. Пересмотр принятого сейчас понимания синтаксиса предложения и

значения слов ἀξίως и δικάως приводит к выводу: спорное предложение должно быть понято как «переименование» качеств и поступков, о которых идет речь, то есть изменение, при котором словарные значения и оценочные коннотации слов остаются прежними, но понимание «вещей» кардинально меняется — «вещи», соответственно, получают новые «имена», которые отражают новые воззрения. Хотя в современной терминологии явление, о котором говорит Фукидид, представляет собой скорее изменение сферы применения определенных слов (их экстенционала), в терминологии историка оно в соответствии с типичными для его эпохи воззрениями понято как переименование. Аналогичный взгляд на моральную деградацию как на переименование значимых для этики понятий встречается у Платона (*Rep.* VIII, 560 d-e) и у некоторых других авторов, вероятно, испытывавших влияние этого рассуждения Фукидида. Само спорное предложение может быть передано так: «(представители новых взглядов) изменили привычное отнесение определенных обозначений к определенным вещам (буквально: «оценку имен в отношении вещей») в пользу своего суждения об этом соотношении (буквально «в пользу своего требования, как эти имена следует относить к вещам»).

Ключевые слова: Фукидид, переименование, семантика

The subject of this paper is Thucydides' famous passage on the moral and psychological consequences of civil strife that became endemic in Greek cities during the Peloponnesian War. The passage follows the description of the civil conflict (*stasis*) on the isle Corcyra in the year 427 BC (3.70–81), which according to Thucydides was a prelude to the following civil discord in the whole of Greece, intensified during the war, due on the one hand to the increased possibilities of attracting one of the two struggling coalitions on the side of the democratic or the oligarchic party in every city (82.1) and, on the other hand, by the pressure of war's harshness on people's normal mode of thought (82.2); as his following analysis shows, people became more inclined to violence and, accordingly, more suspicious of aggression from the side of the opposite party. Also, the estimation of certain intellectual and moral properties shifted, corresponding to this new mode of thought and behavior: now what was most appreciated were aggressiveness and partisanship, stances beneficial for the solidarity of the party and victory over the enemy. I will touch only occasionally on the details of Thucydides' masterly analysis of these changes — it has been the subject of many excellent scholarly works, and it is clear on the

whole in spite of some difficulties of the text¹. The primary aim of this paper is to discuss the difficulties of the debatable sentence with which he begins this section (καὶ τὴν εἰωθυῖαν ἀξίωσιν τῶν ὀνομάτων ἐς τὰ ἔργα ἀντήλλαξαν τῇ δικαιοῦσει 82.4).

I cite this sentence in its context with the part of the text that is most relevant:

82 (3) ἐστασίαζέ τε οὖν τὰ τῶν πόλεων, καὶ τὰ ἐφυστερίζοντά που πύσσει τῶν προγενομένων πολὺ ἐπέφερε τὴν ὑπερβολὴν τοῦ καινοῦσθαι τὰς διανοίας τῶν τ' ἐπιχειρήσεων περιτεχνήσει καὶ τῶν τιμωριῶν ἀτοπίᾳ. (4) καὶ τὴν εἰωθυῖαν ἀξίωσιν τῶν ὀνομάτων ἐς τὰ ἔργα ἀντήλλαξαν τῇ δικαιοῦσει. τόλμα μὲν γὰρ ἀλόγιστος ἀνδρεία φιλέταιρος ἐνομίσθη, μέλλησις δὲ προμηθὴς δειλία εὐπρεπής, τὸ δὲ σῶφρον τοῦ ἀνάνδρου πρόσχημα, καὶ τὸ πρὸς ἅπαν ξυνετὸν ἐπὶ πᾶν ἀργόν· τὸ δ' ἐμπλήκτως ὅξυ ἀνδρὸς μοίραπροσετέθη, ἀσφαλεία δὲ τὸ ἐπιβουλεύσασθαι ἀποτροπῆς πρόφασις εὐλογος. (5) καὶ ὁ μὲν χαλεπαίνων πιστὸς αἰεὶ, ὁ δ' ἀντιλέγων αὐτῷ ὑποπτος. ἐπιβουλεύσας δέ τις τυχὼν ξυνετὸς καὶ ὑπονοήσας ἔτι δεινότερος· προβουλεύσας δὲ ὅπως μηδὲν αὐτῶν δεήσει, τῆς τε ἐταιρίας διαλυτῆς καὶ τοὺς ἐναντίους ἐκπεπληγμένους. ἀπλῶς δὲ ὁ φθάσας τὸν μέλλοντα κακὸν τι δρᾶν ἐπηρεῖτο, καὶ ὁ ἐπικελεύσας τὸν μὴ διανοούμενον. (6) καὶ μὴν καὶ τὸ ξυγγενὲς τοῦ ἐταιρικοῦ ἄλλοτριώτερον ἐγένετο διὰ τὸ ἐτοιμότερον εἶναι ἀπροφασίστως τολμᾶν... (7) ...ἐν δὲ τῷ παρατυχόντι ὁ φθάσας θαρσῆσαι, εἰ ἴδιοι ἄφαρκτον, ἥδιον διὰ τὴν πίστιν ἐτιμωρεῖτο ἢ ἀπὸ τοῦ προφανοῦς, καὶ τό τε ἀσφαλὲς ἐλογίζετο καὶ ὅτι ἀπάτη περιγεγόμενος ξυνέσεως ἀγώνισμα προσελάμβανεν. ῥᾶον δ' οἱ πολλοὶ κακοῦργοι ὄντες δεξιοὶ κέκληνται ἢ ἀμαθεῖς ἀγαθοί, (8) καὶ τῷ μὲν αἰσχύνονται, ἐπὶ δὲ τῷ ἀγάλλονται.... οἱ γὰρ ἐν ταῖς πόλεσι προστάντες μετὰ ὀνόματος ἐκάτεροι εὐπρεποῦς, πλήθους τε ἰσονομίας πολιτικῆς καὶ ἀριστοκρατίας σῶφρονος προτιμήσει, τὰ μὲν κοινὰ λόγῳ θεραπεύοντες ἄθλα ἐποιούντο ... ὥστε εὐσεβεῖα μὲν οὐδέτεροι ἐνόμιζον, εὐπρεπεία δὲ λόγῳ οἷς ξυμβαίῃ ἐπιφθόνως τι διαπράξασθαι, ἅμεινον ἤκουον. 3.83.1 Οὕτω πᾶσα ἰδέα κατέστη κακοτροπίας διὰ τὰς στάσεις τῷ Ἑλληνικῷ, καὶ τὸ εὔηθες, οὗ τὸ γενναῖον πλεῖστον μετέχει, καταγελασθὲν ἠφανίσθη, τὸ δὲ ἀντιτετάχθαι ἀλλήλοις τῇ γνώμῃ ἀπίστως ἐπὶ πολὺ διήνεγκεν.

(3) So then civil war spread among the cities, and those who came to it later took lessons, it seems, from the precedents and progressed to new and far greater extremes in the ingenuity of their machinations and the

¹ Apart from the standard commentaries (Classen, Steup is the most useful), the paper by C. Macleod (1979) remains important for understanding this difficult text.

atrocities of their reprisals. (4) They reversed the usual evaluative force of words to suit their own assessment of actions. Thus reckless daring was considered bravery for the cause of comrades; far-sighted caution was simply a plausible face of cowardice; restraint was a cover for lack of courage; an intelligent view of the general whole was inertia in all specifics; and impulsive haste was enlisted among the manly virtues, while full consideration in the light of possible dangers was a specious excuse for backsliding. (5) People of violent views won automatic credence, and any opposing them were suspect. To lay a plot and succeed was clever: smarter still to detect another's plot. Anyone whose own plot was to remove the need for any plotting was thought to be subverting the party and scared by the opposition. In short, the currency of approval was damage done — either the pre-emptive strike before an opponent could do his own intended damage, or the instigation of those who otherwise had no thought of doing harm. (6) And indeed family became less close a tie than party, as partisans were more prepared to do the deeds without question ... (7) ... But when opportunity presented, the first to take bold advantage of an enemy caught off guard relished this perfidious attack yet more than open reprisal: into his reckoning came both his own safety and the accolade he would also win for intelligence shown in achieving gain through bad faith. Most people would rather be called clever rogues than stupid saints, feeling shame at the latter and taking pride in the former. (8) ... The dominant men on each side in the various cities employed fine-sounding terms, claiming espousal either of democratic rights for all or of a conservative aristocracy, but the public whose interests they professed to serve were in fact their ultimate prize, ... So neither side observed any religious constraint, and those who could put a euphemistic gloss on a distasteful action had their reputations enhanced. (Tr. M. Hammond)

The prevailing view in scholarship was for a long time that τὴν εἰωθυῖαν ἀξίωσιν τῶν ὀνομάτων ἐξ τὰ ἔργα ἀντήλλαξαν indicates that they changed the customary meaning of words. Bloomfield in 1829 in his authoritative translation maintained this as undisputable². He mentions, however, the other difficulties: they relate to the exact meaning and the syntax of τῇ δικαιώσει (in Bloomfield misprinted as ἀξιώσει); some scholars, as Bloomfield reports, even omitted this word; the other understood it as the dative of what is obtained in exchange. As for its meaning, some believed

² Bloomfield 1829: 145 f. See, however, Arnold 1882: I, 454 (originally edited about 1830), who refers to the paraphrase of Dionysius of Halicarnassus, who understood it differently (see below).

that it is ‘justification’. But Bloomfield asserted that the dative is that of cause or accordance and that τῇ δικαιώσει means *arbitratu suo* (after Portus)³ and gave what can be called the standard understanding afterwards: “the accustomed acceptance of names in respect of things they interchanged at their own pleasure” (“acceptation” is here ‘accepted meaning’). E. F. Poppo (1834) in his edition with the commentary approved this view⁴. K. Krüger (1844), however, having accepted this understanding of the sentence, pointed out a difficulty⁵. He noticed that ἀξίωσις in the sense of ‘meaning’ (Geltung) is unusual, and preferred to interpret it as a change in *naming* a certain kind of things (his rendering is something like ‘they stopped esteeming certain words as appropriate designations of certain things’), but this difference from the view that prevailed at the time went unnoticed. J. Classen (1862), in his most authoritative commentary of the 19th century, on the contrary, easily admitted that Thucydides has in view the change in the customary (‘objective’) meanings of words (τὴν εἰωθυῖαν ἀξίωσιν τῶν ὀνομάτων) for things (ἐς τὰ ἔργα) in favor of new, subjective

³ He refers for such understanding to the paraphrase by Gail “La signification ordinaire des mots, qui servent à caractériser les actions, fut changée conformément au nouveau code de justice.” Notice that, contrary to Bloomfield, Gail sees in τῇ δικαιώσει not arbitrary judgment but the new “moral code”, which seems to be correct in respect of neutrality of meaning of the word (see further), but probably going too far as concerns the unduly abstract meaning.

⁴ Poppo 1834: 804–805 cites the earlier scholars who understood the debatable sentence similarly: Aemilius Portus (1594), Bredenkamp (1791), Gail (1807), and, finally, Bloomfield.

⁵ Krüger 1885: 74 ad loc (the first edition appeared in 1844). Krüger wonders whether this unusual semantic development of ἀξίωσις can be understood as, metaphorically, a *claim of words themselves* to their (lawful) references, or because linguistic expressions are regarded by speakers as worthy, viz. appropriate to their objects, and decides tentatively in favour of the latter, ‘because of ἐς’, viz. he weighed whether the unusual meaning of the phrase stems from ‘claiming something as belonging to something’, or from ‘considering something (words) as worthy of something (their objects)’; he thus takes ἐς τὰ ἔργα as going with τὴν εἰωθυῖαν ἀξίωσιν — “die gültige Beziehung auf die Gegenstände”. I think that with this second option Krüger was on the right track. For the rare juncture ἀξίωσις τῶν ὀνομάτων Krüger cited an interesting example: Heliod. *Aethiop.* 8.4 (Εἰρήνην δὲ καὶ πόλεμον οὐχ ἡ τῶν ὀνομάτων ἀξίωσις ἀλλ’ ἡ τῶν χρωμένων διάταξις ἀληθέστερον γνωρίζειν πέφυκε), which is probably an imitation of Thucydides.

interpretations (τῇ δικαιώσει) of them (words?, concepts?), in accordance with what was on occasion comfortable to their users (die subjektive Auslegung, wie sie nach den Umständen recht d. i. [das ist] gelegen war) and how they now interpreted corresponding moral qualities under the circumstances⁶. George Grote renders it also without any doubt: ‘the perversion of ordinary morality, bringing with it altered signification of all the common words importing blame or approbation’⁷. For a long time, this remained the standard understanding; both lexicons on Thucydides and the LSJ cite our passage as the unique example of ἀξιῶσις in the sense of ‘meaning’⁸.

This understanding of ἀξιῶσις came to seem so self-evident that A. W. Gomme did not hesitate to propose that ἐς τὰ ἔργα are not related to this word, but only to τῇ δικαιώσει: the customary meanings of words were changed as men claimed the right to use them to suit their actions⁹. Both parts of this proposal are of course problematic.

However, it should be noticed that W. Müri rendered the debatable sentence differently, as pointing not to the change of word meanings, but to the appearance of new designations of things (Metonomasie), thus returning to how the sentence was understood in antiquity, namely by Dionysius of Halicarnassus and by Thucydides’ scholia (on which see below in more detail): “Und den bislang gültigen Gebrauch der Bezeichnungen für die Dinge vertauschten sie nach ihrer Willkür”. He saw in Thucydides a founder of the tradition that analyzes renaming as a symptom of moral deterioration, on which see below¹⁰. I also notice the diverging interpretation of F. Solmsen, who rejected the standard understanding of ἀξιῶσις as ‘meaning’ and returned to a more literal one, ‘esteem’, ‘evaluation’¹¹.

The traditional understanding of this passage was challenged in 1980 by J.T. Hogan. He pointed out that the noun ἀξιῶσις does not usually have the sense of ‘meaning’: as a deverbative of the verb

⁶ Classen 1875: 137 (1st ed. 1862), Classen - Steup 1892: 166.

⁷ Grote 1849: ch. 50, p. 376.

⁸ See Betant 1843: 109 s.v. (‘significatio’).

⁹ Gomme 1956: II, 384.

¹⁰ Müri 1969: 71.

¹¹ Solmsen 1971: 395: “Men claiming the right to do so, changed the traditional reputation of words in reference to actions.” In what follows, however, he continues speaking of words acquiring new meanings.

ἄξιόν, ‘to demand something as worthy, befitting,’ ‘to evaluate’; it usually means either evaluation as an action or as its result, or has the more objective meaning of ‘value,’ ‘dignity’. This was surely a correct point. Examining the examples given by Thucydides, he further pointed that the evaluative connotations of the expressions discussed by Thucydides, such as “reckless daring” or “courage for the sake of party comrades”, had not changed, from which he concluded that the meanings of the respective expressions themselves had remained the same. He also pointed out that, in this entire passage, Thucydides only rarely uses the verbs for saying or naming, but more often that for considering. Hogan concluded, as a result, that the disputed sentence does not indicate a change in the meanings of the expressions in question, but a change in their evaluation. He thus rendered the debatable sentence as follows: “Men changed the customary estimation of words in respect to deeds in judging what right was.”

However, here a difficulty arose for him, since he himself had stated that the evaluative connotations of the expressions quoted remained the same. Therefore, he was forced to resort to an artificial interpretation of the disputed sentence: in his opinion, Thucydides has in mind two possible situations — in some cases, people used new expressions instead of old ones, applying to certain actions instead of the expression with negative connotation the expression with positive connotation and vice versa, but in other cases they could use the old expression with negative connotation, using it now in a positive sense — for example, using the expression “reckless audacity” for praise (“realistic” or “cynical” usage).

Such an understanding is immediately objectionable, because the disputed sentence in Hogan’s interpretation fits only the latter case (the revaluation of linguistic expressions, that is, changing their positive and negative connotations). However there are no examples of such a shift in Thucydides’ text under discussion, and Hogan’s examples of “cynical” usage are his invention, although they have parallels in other parts of Thucydides’ work. This interpretation was thus rightly rejected¹². I return in what follows to other, minor disagreements with his treatment of the syntax and of the meaning of two key words, ἄξιως and δικάως.

A new and more radical interpretation of this passage, which at first sight overcomes the difficulties mentioned above, was soon afterwards proposed by John Wilson. Like Hogan, he insisted that

¹² See Wilson 1982: 20.

ἀξιῶσις is not ‘meaning’, but rather ‘evaluation’, ‘valuation’. According to Wilson, Thucydides does not have in view change in the meanings of expressions — which, on the contrary, retained both their intelligibility and their connotations. In Wilson’s view, Thucydides is referring to a change in the evaluation not of words, but of the “things” themselves. He explains the phenomena described by Thucydides as a change in the evaluation of behavior, accompanied not by a change in the meanings of words, but by a change in the evaluative descriptions of the actions. He gives an example: unexpectedly removing a chair from under a sitting neighbor used to be considered “a stupid and dangerous prank”, but now it is considered “an amusing piece of creative self-expression”. Accordingly, in Thucydides, behavior that had previously been evaluatively described as “reckless impertinence” was now given the new evaluative description of “courage for the sake of fellow party members”. In agreement with this understanding of the general sense, Wilson proposed a new understanding of sentence syntax: the genitive of τῶν ὀνομάτων is not an objective genitive, not the object of the action that is implied by ἀξιῶσις, evaluation, but a subjective genitive: the words bestow value on deeds; the object for ἀξιῶσις is thus expressed by ἐς τὰ ἔργα. As Wilson claims, the phrase “most naturally means in Greek, as it certainly must mean in this particular context, ‘the accustomed evaluations given by words to things’”¹³. As a result, he translated: “they (the people) changed the accustomed evaluations given by words”, but preferred to render it slightly differently, to avoid the impression that the language of evaluation was not changed: “They changed their accustomed verbal evaluations of things.”

Wilson’s interpretation of the disputed sentence and the general meaning of what Thucydides describes won broad support in scholarship (I. Worthington expressed briefly an opinion similar to Wilson, independently in the same year)¹⁴. Apart from some brief

¹³ Wilson 1982: 19 f.

¹⁴ See Worthington 1982, and further Loraux 2009: 269–271; Orwin 1988: 834 f. (“And they scrambled, in their judgments, the usual evaluations of actions as expressed by the words for them”); Hornblower 1991: 483 (“And they exchanged their usual verbal evaluations of actions for new ones, in the light of what they thought justified”); Rhodes 1994 (“The words normally used to evaluate deeds were changed to fit what was thought justified”; at p. 236 f. Rhodes endorses Wilson’s and Worthington’s interpretation); Reeve 1999: 441; Joho 2022: 5.

remarks contra¹⁵, I know of only one detailed objection to the interpretation of Wilson, that of C. Thompson¹⁶. Quite recently, Wilson's interpretation has been further substantiated and developed by S. Noriega-Olmos¹⁷. He, like Wilson, denies that ἀξίωσις refers to the 'meaning' and understands this word as 'valuation' (not 'evaluation') and τῶν ὀνομάτων as an attributive genitive ("verbal valuation")¹⁸; also, like Wilson, he understands ἐς τὰ ἔργα as the object of ἀξίωσις, that which is valued. In passing judgment (τῇ δικαιώσει), they [that is, people in stasis, in necessity, and lacking judgment] substituted (ἀντήλλαξαν) the normal valuation (τὴν εἰωθυῖαν ἀξίωσιν) of actions (ἐς τὰ ἔργα) [expressed] in words (τῶν ὀνομάτων)¹⁹.

Thus, it is believed that Thucydides has in mind only a change in the evaluation of certain types of behavior, manifested in their new estimative descriptions, but not changes in the meaning of individual expressions²⁰. This prevailing view seems to me partly correct — I agree that Thucydides does not have in view a change in the meaning of words or expressions in the sense of what we today call the 'dictionary meaning'. But I find this view mistaken when it claims that Thucydides has in view only the change in evaluative

¹⁵ Connor 1984: 101.

¹⁶ Thompson 2013 treats the phenomenon Thucydides describes as a real change in the relation of words to things (which I find correct) and treats this as the change in the meanings of the words (which needs qualification, see further). His understanding of the grammar of the debatable sentence ("They exchanged their usual evaluations and changed the meaning of words as they thought justified", as rendered by him), remains obscure for me; his treatment of τῶν ὀνομάτων as simultaneously objective and subjective genitive, and as purposeful ambiguity (p. 277 note 11), is unacceptable, to my mind. But his paper contains pertinent remarks and surely deserves reading.

¹⁷ Noriega-Olmos 2022. He considers the interpretation according to which Thucydides has in view the change in the meaning of the words "traditional", but I think that is correct only with the modification "before Wilson". As far as I can see, the old view occurs only occasionally anymore.

¹⁸ Noriega-Olmos 2022: 91. Wilson regarded the genitive as subjective, but understood it in the same way as Noriega-Olmos.

¹⁹ Noriega-Olmos 2022: 94.

²⁰ The interpretation of the process Thucydides depicts and of the crucial sentence by J. Allison remained obscure for me, although she devotes the whole chapter to his semantic terminology (Allison 1997: 167–170, in particular on our sentence), but she appears to endorse Wilson's view.

descriptions, not in the current designations of certain deeds in ordinary language. My objections relate, on the one hand, to the understanding of the syntax of the sentence under discussion and, on the other hand, to the treatment of the phenomena that Thucydides deals with. Let us start with the latter.

It is evident that the scholars who have drawn attention to the fact that Thucydides does not describe a change in the meanings of words are right: they are right in the sense that the expression *τόλμα ἀλόγιστος*, for example, which formerly meant ‘reckless insolence’, has not changed its semantics in the narrow sense of the dictionary meaning of the word. Thucydides assumes that the expression retained its negative connotations, so that it ceased to be used for those types of behavior that were now approved. From our modern point of view, that implies that speakers of the language both before and after the described changes perceived this expression in a certain context as denoting substantially the same mental content — behavior in conditions of danger, exposing the actor and people associated with him to risks because of insufficient thinking about ways to avoid these risks, as opposed to courage, which implies a more conscious attitude.

However, it does not necessarily follow that for Thucydides only the evaluative descriptions of certain deeds have changed, as Wilson claimed. Wilson denies that Thucydides’ analysis implies a change in the meaning of words, using the example: the Greek *ἐνηθής* and the Old English ‘silly’ changed their meaning from ‘simple-minded’ or ‘honest’ to the later ‘silly’ or ‘naïve’. It is obvious, for him, that *τόλμα ἀλόγιστος*, ‘reckless insolence’, did not undergo a similar change, as according to Thucydides: this expression continued to be used with the same pejorative connotations as earlier. I agree that its dictionary meaning and its connotations did not change, but why is it no longer used or a certain type of actions while another term has taken its place? Wilson’s answer is that *τόλμα ἀλόγιστος* is not a proper designation of this behavior, but only an evaluative description of it, which has changed because the evaluation of this behavior now became positive. But is this what Thucydides thinks?

The problem here is that, unlike Wilson’s example of removing a chair (the neutral and proper linguistic designation of a certain action), which was considered “a stupid and dangerous prank” (negative evaluative description) and is now considered “an amusing piece of creative self-expression” (positive evaluative description), in the examples Thucydides cites, he does not acknowledge that actions have two kinds of designations, neutral and evaluative. All

of the designations that Thucydides gives are for him accurate but also evaluative designations of a particular type of deed. He is not aware of course of the difference between two types of designation, strictly factual and evaluative, and the concepts he discusses are not ones that suggest such a distinction: this is easily maintained in the example Wilson adduces, but is it easy to give a factual description of the behavior that was designated earlier as ‘irrational daring’ and later as ‘courage for the sake of one’s party’? Thucydides definitely thinks that the first one is proper and accurate and second perverse. Thus the point for him is not only about the revaluation of a certain type of behavior, but also about its renaming.

There is no doubt that some of the cases Thucydides cites in the chapters 82–83 do not affect linguistic designations of the discussed concepts; some of them involve only the change in evaluation, from blame to praise and vice versa, the terms in which this estimation was expressed not being mentioned at all. Some other cases are even more distant from the realm of language and are related only to the strategy of behavior toward a real or perceived enemy or to the mode of thought involved in such situations. In the latter case, neither the change in the meaning of words, nor the change in evaluative language would correspond to what Thucydides has in view. But the passage immediately adjacent to the disputed sentence does not refer to the behavior directly. It concerns the changed evaluation of actions in terms of their conformity to certain moral and intellectual qualities (82. 4–5) as expressed in language (in the following, Thucydides returns to the same theme several times again). Here we can speak of changes that affect speech, and the nature of these changes requires close attention.

Now, the change that Thucydides describes here does not necessarily entail any change in how one *refers* to a certain type of behavior: the change that is meant can concern only shifts in evaluation of these types, from negative to positive, or vice versa (the point made by Wilson). This is certainly the case in the following sentence: ἀπλῶς δὲ ὁ φθάσας τὸν μέλλοντα κακόν τι ὄραν ἐπηρεῖτο, καὶ ὁ ἐπικελεύσας τὸν μὴ διανοοῦμενον (“In general, praise was given to the one who managed to outmaneuver someone who intended to do him harm, and to the one who incited someone to evil who did not think about committing evil against another.”) (3.82.5). Here Thucydides does not use a verb of ‘naming’, but also not a verb of ‘considering’. All he has in view is that such a behavior was now praised, and he says it plainly. Thucydides does not say here in what words such a behavior has been praised, most

probably because there was nothing remarkable in the language of such praising.

But this is the exceptional case in this section²¹. When he says that the actions formerly characterized as “reckless daring” have now come to be regarded (ἐνομίσθη) as “courage for the sake of comrades” (the sentence Wilson treats as an example of the shift in estimative descriptions, not in the primary designation of certain actions), it appears to be a different situation. Here he does not cite a neutral word for such actions, and in all probability does not have such a word, quite understandably, because the reference to recklessness and courage cannot be neutral, it is always evaluative. This type of action can be called either, correctly, ‘reckless daring’, or, perversely, ‘courage for the sake of comrades’, in his view. It is thus most natural to understand him as giving the normal designations, proper ‘names’ for them, one that he himself uses and another, perverse one, current among seditious faction members²².

The same applies to other cases in this section:

- (1) μέλλησις προμηθῆς [ἐνομίσθη] δειλία εὐπρεπής
- (2) τὸ δὲ σῶφρον [ἐνομίσθη] τοῦ ἀνάνδρου πρόσχημα
- (3) τὸ πρὸς ἅπαν ξυνετὸν [ἐνομίσθη] ἐπὶ πᾶν ἄργόν
- (4) τὸ δ' ἐμπλήκτως ὅζῳ ἀνδρὸς μοῖρα προσετέθη
- (5) ἀσφαλεία δὲ τὸ ἐπιβουλεύσασθαι [ἐνομίσθη?] ἀποτροπῆς πρόφασις
εὐλογος
- (6) ὁ μὲν χαλεπαίνων [ἐνομίσθη?] πιστὸς αἰεὶ, ὁ δ' ἀντιλέγων αὐτῷ
ὑποπτος
- (7) ἐπιβουλεύσας δέ τις τυχὼν ξυνετὸς καὶ ὑπονοήσας ἔτι δεινότερος

²¹ The similar case in what follows is 3.83.1: τὸ εὖθες, οὗ τὸ γενναῖον πλεῖστον μετέχει, καταγελασθὲν ἠφανίσθη, τὸ δὲ ἀντιτετάχθαι ἀλλήλοις τῇ γνώμῃ ἀπίστω ἐπὶ πολὺ διήνεγκεν, where Thucydides only mentions discrediting of one former approved moral quality and the rise in prestige of the opposite, previously blamed, but not their new designations. In this case, τὸ εὖθες has in fact changed its ‘dictionary’ meaning (εὖθες is used with negative connotations already by Herodotus), and Thucydides was aware of this (see 3.45.7), but he apparently is not interested in such a change, just because the word became ambiguous in this time, and he wants non-ambiguous designations of opposite qualities.

²² Thucydides uses ἀλόγιστος τόλμα as his characterization of the assault of Harmodius and Aristogeiton on Hipparchus in 6. 59. 1, as Rhodes 1994: 237 noticed. It shows that the expression belongs to his existing lexicon rather than being invented; we can call it an “evaluative description”, but Thucydides hardly could distinguish it from the normal generic term for this kind of deeds

(8) προβουλευσας δὲ ὅπως μηδὲν αὐτῶν δεήσει τῆς τε ἐταιρίας διαλυτῆς καὶ τοῦς ἐναντίους ἐκπεπληγμένους.

In every couple, even when the verb used or implied has the meaning ‘now has been considered’, not ‘now has been called’, both members seem to be strict designations of a certain behavior. Of course they have evaluative connotations, positive in one case, negative in the other, opposed to it. But they are not evaluative descriptions that exist beyond the precise and neutral ones, as Wilson will, because, again, any neutral designations for these types are not mentioned, and because it is difficult in fact to imagine such designations, for Thucydides deals with psychological and moral concepts for which there are no neutral terms in ordinary language²³. In Thucydides’ view, the earlier ‘name’ is correct, the present one is false, but both are apparently the primary designations of a certain property or behavior for people with a correct and a wrong view of reality, respectively.

Also in what follows Thucydides refers to ‘names’ of two competing types of constitution: οἱ γὰρ ἐν ταῖς πόλεσι προστάντες μετὰ ὀνόματος ἑκάτεροι εὐπρεποῦς, πλήθους τε ἰσονομίας πολιτικῆς καὶ ἀριστοκρατίας σώφρονος προτιμήσει (3.82.8). Although he calls these names “decent”, “well-sounding”, they are not euphemistic descriptions, but rather the slogans, the real designations of the ideals of two parties, democrats and oligarchs, as used in political language.

The following text has problems (3.82. 7): ῥᾶον δ' οἱ πολλοὶ κακοῦργοι ὄντες δεξιοὶ κέκληνται ἢ ἀμαθεῖς ἀγαθοί, καὶ τῷ μὲν αἰσχύνονται, ἐπὶ δὲ τῷ ἀγάλλονται (“Most people would rather be called clever rogues than stupid saints, feeling shame at the latter and taking pride in the former”. Tr. M. Hammond). But here we certainly have two opposed designations (“names”) of two opposed qualities which are distinguished from their evaluations.

²³ The designations are in some cases asymmetric: one member of a pair can have a broader application than the second one, but this asymmetry is explained by the lack of corresponding linguistic expressions for narrower concepts. Also, in some cases, the earlier, ‘correct’ expressions are more exact from a factual point of view, while the new are straightforwardly evaluative, but it does not appear that Thucydides distinguishes them purposefully or somehow in this respect. The reason for this is that the new terms are apologetic, for they are depicted as used with the purpose of justifying new values and of compromising the older ones, a purpose that normal language did not have.

We are not in position to decide in every case whether Thucydides cites here the real expressions of ‘new language’ or himself constructs proper designations for them. His primary purpose is not to signal the appearance of absolutely new linguistic expressions, but rather to shock his reader by the use of perverse designations of well-known things instead of normal ones. He thus in some cases simply uses the positive terms instead of the negative ones, and vice versa, which is rather trivial. Some other junctures (not words) can be really new²⁴, but again it is difficult to decide whether he found them in the language of his seditious contemporaries (‘factional jargon’) or construed them in order to demonstrate more vividly their mode of thought²⁵. Here we

²⁴ It is quite possible that the juncture ἀνδρεία φιλέταιρος already existed in the ‘normal’ time, too, for courage performed for the sake of comrades in one’s military unit, for instance, but that it acquired the new meaning in the time of civil strife, because of the ambiguity of -εταίρος in the compound adjective — ‘comrade’, but also ‘member of political club or party’. (I am grateful to Nikolai Kazansky for making this point during the discussion of the earlier version of this paper). This ambiguity might have struck Thucydides as an impressive case of the phenomenon of ‘renaming’, and thus has occupied the first place in his list, but of course this remains only a possibility. It is interesting that this positively coloured expression has now become used on account of what was earlier called τόλμα ἀλόγιστος, ‘reckless daring’ or ‘audacity’, because of certain similarity of this type of courage to its negative counterpart: it was just readiness to risk one’s own and another’s life for the sake of one’s party’s victories that now made this behavior approved, in contrast to other newly approved qualities cited by Thucydides that imply rather egoism and cunning. This looks like a juncture that really impressed him, I would speculate. φιλέταιρος is not attested before Thucydides, but it and its relatives are well attested after him, in 4th BC (Plat. *Lys.* 211 e 8 [here it means one who loves to have comrades and is used as a synonym of ‘one who loves to have friends’, probably, in view of lack of a corresponding word φιλόφιλος, which occurs later, see Arist. *EN* 1159 a 34; *Rhet.* 1389 a 35, juxtaposed to φιλέταιρος]; Xen. *Ages.* 2.21; *Cyr.* 8. 3. 49; Arist. *Rhet.* loc. cit.; Theophr. *Char.* 29.4; Cratinus iunior fr. 8, 4 Kassel-Austin; Timocles, fr. 8, 4 Kassel-Austin). In all appearance, it is not a coinage by Thucydides, but an already existing word.

²⁵ Solmsen: 1975, 110, rightly points out that it is difficult to distinguish between real linguistic innovations noticed by Thucydides and his own ‘stylistic idiosyncrasies’. Solmsen claims that, in the sentence we are discussing and in the ensuing passage, Thucydides reports his discovery of ‘a new type of synonym’ (p. 107, viz. the new word that designates the

approach an important point: Thucydides does not aim primarily to describe changes in ordinary language, if one understands these as changes in phonetic or graphic forms of parts of language and in their meaning as abstracted from the context in which they are used. He demonstrates how wrong ‘names’, instead of correct ones, are used for ‘things’ that he assumes to be clear to him and to persons with sound views.

That Thucydides has in view the change in primary designations of deeds or ‘things’, not in their evaluative descriptions, can be seen from the later examples in literature that follow the same pattern and probably were influenced by him. In them, it definitely has to do with renaming. Thus, Plato in the *Republic* (VIII. 560 d-e), depicting the decline of the democratic state, speaks about assigning new names to qualities previously considered virtues but now devaluated. The renaming features here more explicitly than in Thucydides:

Proving stronger in the battle, won’t they call reverence foolishness and drive it out as a dishonored fugitive? And calling temperance cowardliness, won’t they shower it with abuse and banish it? As for moderate and orderly expenditure, won’t they persuade him that it is boorish and illiberal, and join with a multitude of useless appetites to drive it over the border? ...And when they have somehow emptied and purged these from the soul of the one they are seizing hold of and initiating with solemn rites, they then immediately proceed to return arrogance, anarchy, extravagance, and shamelessness from exile in a blaze of torchlight, accompanied with a vast chorus of followers and crowned with garlands. They praise them and give them fine names, calling arrogance “good breeding,” anarchy “freedom,” extravagance “magnificence,” and shamelessness “courage.” (Tr. by C. D. C. Reeve.)²⁶

same thing but with connotations opposite to those the earlier word had), and that we meet here “the first intimations of a “historical” approach [to language]”, as opposed to Prodicus’ “static” treatment of synonyms, i.e. in synchrony). This is a correct description of how we today view Thucydides’ list, but as Solmsen himself maintains, it is not obvious that he is always dealing with facts of real language, as Prodicus certainly did. As for ‘synonyms’, we should keep in mind that the designations he cites are not coexistent, as normal synonyms are, but alternative ones.

²⁶ καὶ τὴν μὲν αἰδῶ ἡλιθιότητα ὀνομάζοντες ὠθοῦσιν ἔξω ἀτίμως φυγάδα, σωφροσύνην δὲ ἀνανδρίαν καλοῦντες τε καὶ προπληκίζοντες ἐκβάλλουσι, μετριότητα δὲ καὶ κοσμίαν δαπάνην ὡς ἀγροικίαν καὶ ἀνελευθερίαν οὔσαν πείθοντες ὑπερορίζουσι μετὰ πολλῶν καὶ ἀνωφελῶν ἐπιθυμιῶν... Τούτων δὲ γὰρ που κενώσαντες καὶ καθήραντες τὴν τοῦ κατεχομένου τε ὑπ’ αὐτῶν καὶ τελουμένου ψυχὴν μεγάλοισι τέλεσι, τὸ μετὰ τοῦτο ἤδη ὕβριν καὶ

Notice that when Plato speaks of the terms he discusses, he explicitly treats them as evaluative, as accompanied by praise or blame, but treats them nevertheless as real, although ‘false’ designations, which now substitute for the earlier, ‘true’ ones, and as different from the terms in which they can be praised or blamed. It is also noticeable that Plato is even less preoccupied than Thucydides with the unusualness of ‘new’ words — they are well-known terms. The novelty is only that they have now acquired new and perverse referents: their ‘dictionary’ meaning is the same, but they are now used as ‘names’ for other things. The renaming took place²⁷. There are some other examples of reasoning in a similar vein, which equally point to renaming (Xen. *Anab.* 2.6.21 ff.; Isocr. *Areop.* [7]. 20; *Panath.* [12]. 131; *Antid.* [15]. 283–284)²⁸.

Thus, there are reasons to believe that Thucydides has in mind not the use of new evaluative descriptions of certain actions, but the substitution of real designations of them by other ones that were previously used as designations for other things. But does he have in view real linguistic changes, viz. that people now used literally the words and expressions he cites? In some cases it can really be the case, as in the case of ‘reckless daring’ — ‘courage for the sake of comrades’ (see above). Equally, for instance, it is easy to imagine a situation in which somebody said, “Look, this is an instance of far-sighted caution,” while someone else, a proponent of new values, objected, “No, it is really only a plausible face of cowardice,” and it is even easier to imagine this not in a private talk, but in speeches. Nevertheless, Thucydides’ point is not primarily a linguistic one: he cites these examples in the same vein as later Plato, Xenophon, and Isocrates, in order to convey not the peculiar language of new people, but their peculiar mode of thought: using other names for the same thing, they convey their judgment of these things; that is, in his view, they use wrong names for them, wrong because they convey perverse views of these things. The specific linguistic form does not

ἀναρχίαν καὶ ἀσωτίαν καὶ ἀναίδειαν λαμπρὰς μετὰ πολλοῦ χοροῦ κατάγουσιν ἐστεφανωμένας, ἐγκωμιάζοντες καὶ ὑποκοριζόμενοι, ὕβριν μὲν εὐπαιδευσίαν καλοῦντες, ἀναρχίαν δὲ ἐλευθερίαν, ἀσωτίαν δὲ μεγαλοπρέπειαν, ἀναίδειαν δὲ ἀνδρείαν.

²⁷ Plato was also the originator of another tradition, that of the ‘catalogues’ of euphemistic designations of beloved persons’ physical faults by words that imply admiration (see *Rep.* V. 474 d–475 a). The process is described again as the renaming of these qualities.

²⁸ See Müri 1969: 73–75 on possible influence of Thucydides on this mode of thinking.

matter much to him; he is at pains to report the expressions that make these wrong views mostly manifest, and he freely creates these expressions himself.

Does this change in the application of new designations for certain types of behavior entail changes in the semantics of the new designations? Thucydides is unlikely to ask such a question, since he does not distinguish between the dictionary meaning of a word, its intension, and the breadth of its application, i.e., its extension. However, the phenomena he describes imply changes in the extension of words — the pejorative expression ‘reckless daring’ has narrowed the scope of its application, while the positive ‘courage for the sake of comrades’ has widened it. In principle, in theoretical terms, this change also affects the dictionary meaning, if we understand it as a precise description of the concept that the word denotes; this description should in principle change. For instance, if the expression ‘cowardice’ had earlier a certain dictionary meaning, that is, one that can be grasped by its exact definition (say, “excessive fear of danger”), this expression, after it has come to be used to describe actions that were earlier assigned to the concept of far-sighted caution and were designated by the corresponding expression, should now get a new definition in our dictionary — it might be “caution that implies excessive fear of danger”, and we would rubricate the second as a specific meaning of the expression in our dictionary, if this new usage becomes stable. Here we thus have to do with a certain semantic change, which can lead to change in the word’s dictionary meaning, but not necessarily amounts to such a change. Of course Thucydides is not a modern linguist, and he, as a normal speaker, does not distinguish precisely between old and new meanings of a word using dictionary definitions. But as an acute observer of linguistic phenomena, he notices anomalies in the usage of words, and he treats them in the way that is most natural — ‘things’ get ‘names’ that are not appropriate to them; for him, as it was later for Plato, Xenophon, and Isocrates, it is the ‘renaming’ things, not the change in meaning of words for them²⁹, and even less the change in their evaluative

²⁹ The semantic change that Thucydides describes should in fact be distinguished from the change in meaning of a word, if one understands dictionary meaning under this term. The differences (more than changes) between dictionary meanings of the same word are of course plentifully represented in ancient dictionaries, where the approach is in a sense opposite to that of Thucydides; the dictionaries are interested in the

descriptions, a concept entirely alien to him, and probably for ancient semantic theory on the whole.

It is more relevant for my purpose here how Thucydides himself estimated the change he depicts. Let us return to the syntax of the disputed sentence. Recall that according to Wilson the genitive of τῶν ὀνομάτων is a subjective genitive; this word refers to the subject that accomplishes the action implied by ἀξιῶσις, the object of this action is expressed by ἐς τὰ ἔργα, i.e., literally “they (the people) changed the accustomed evaluations that words give to deeds according to their understanding”.

This understanding that has come to prevail raises serious objections: first, it seems to me extremely unnatural to abandon the understanding of genitive as object and to put forward in its place a prepositional phrase ἐς τὰ ἔργα for the meaning ‘evaluation of things’³⁰.

Second, I find it surprising and difficult to imagine the subjective genitive τῶν ὀνομάτων (or similar genitives) dependent on ἀξιῶσις or similar deverbative nouns; in this interpretation, the names are the subject, not the object of evaluation. But even the understanding of the term as adjectival, or attributive genitive τῶν ὀνομάτων in the sense of ‘verbal’, is awkward and in need of examples of such usage.

Moreover, such an attribute seems to be superfluous — what else but words can express the evaluation of people's actions, at least in a context like ours? But even if Thucydides wanted to emphasize the importance of linguistic means specifically, again, why such a strange genitive, and not, for example, διὰ τῶν ὀνομάτων?

meanings, not in things (‘concepts’), and they use the context in which words are used to isolate the meaning of a word. But Thucydides and the whole tradition of the depiction of renaming starts from “things” and stresses the changes in their naming, assuming that we know what the essential properties of these things are and how, accordingly, they should be named; the renaming entails a new and wrong understanding of the properties of a thing, a view entirely alien to the approach of a compiler of a dictionary.

³⁰ I found one comparable example of using ἐς with the ἀξιο- words in Thucydides (8.106.2): φοβούμενοι γὰρ τέως τὸ τῶν Πελοποννησίων ναυτικὸν διὰ τε τὰ κατὰ βραχὺ σφάλματα καὶ διὰ τὴν ἐν τῇ Σικελίᾳ ξυμφορὰν, ἀπηλλάγησαν τοῦ σφᾶς τε αὐτοὺς καταμέμφεσθαι καὶ τοὺς πολεμίους ἔτι ἀξιῶσις τοῦ ἐς τὰ ναυτικὰ νομίζειν. The genitive dependent on ἀξιῶσις (του) is of course the objective one, and ἐς τὰ ναυτικὰ denotes the aspect of the evaluation, not its object.

The older understanding of syntax, according to which τῶν ὀνομάτων is an objective genitive, which denotes the object of evaluation, is thus more preferable.

Further, there are reasons to think, as I have argued, that Thucydides has in mind precisely the change in the proper designations of people's actions, and not just their evaluative descriptions.

Modern critics correctly emphasize that the word ἀξιῶσις does not normally indicate 'meaning' in the sense of the dictionary meaning of the word, but we have no need to return to such an understanding either. Hogan and recently Noriega-Olmos stressed, against this understanding, that the idea of evaluating is predominant, and in force of this they denied that the word can apply to words. But although the first idea is correct, the second is a wrong inference from this, because in our case we have a metaphoric extension of this usage, as already Karl Krüger proposed³¹. Nothing stands in the way of understanding τὴν εἰωθυῖαν ἀξιῶσιν τῶν ὀνομάτων ἐς τὰ ἔργα as the accustomed evaluation of words in relation to deeds, that is, an evaluation of how certain words relate to certain types of deeds (literally, 'the evaluation of what word is worthy of what thing')³². This habitual evaluation is expressed in practice in the application of a certain word or expression to a certain phenomenon, that is, in linguistic habit. This habitual usage changed in the new conditions. Of course it is true that the whole section 3.82–83 is devoted to the devaluation of previously valued moral and intellectual qualities and the increase in the value of those more suitable in times of internecine strife. It is possible that Thucydides chose this language of revaluation of words for a metaphoric expression of the idea of linguistic change, of the renaming of things, because for him this change was a symptom of a more general reevaluation of human properties and behavior. But, to stress again, it is necessary to distinguish between the metaphoric language and the real process for which it is used — Thucydides does not speak here about the moral evaluation of names and their revaluation; he only uses this metaphor of evaluation for assigning certain names to certain things in past and present.

³¹ See the above note 5.

³² 3.55.1: Καὶ τὰ μὲν παλαιὰ καὶ μέγιστα τοιοῦτοι ἠξιῶσαμεν εἶναι, πολέμιοι δὲ ἐγενόμεθα ὕστερον; 5.26.2: καὶ τὴν διὰ μέσου ξύμβασιν εἴ τις μὴ ἀξιῶσει πόλεμον νομίζειν, οὐκ ὀρθῶς δικαιοῦσει.

Therefore, it appears that Thucydides is referring to linguistic changes, but not in the changes of meaning of words, at least not primarily, but to changes in the relation between words and actions (or "things" in a broad sense), viz. to their renaming. There is nothing new in this proposal. My understanding is close to how Dionysius of Halicarnassus interpreted this difficult sentence (*De Thuc.* 29 Usener, Radermacher).

ὁ γὰρ βούλεται δηλοῦν ἐν τῇ δυσεξελίκτῳ πλοκῇ, τοιοῦτόν ἐστιν ... τὰ τε εἰωθότα ὀνόματα ἐπὶ τοῖς πράγμασι λέγεσθαι μετατιθέντες ἄλλως ἡξίουσιν αὐτὰ καλεῖν. ... ἡ 'εἰωθυῖα τῶν ὀνομάτων ἀξίωσις' καὶ ἡ 'εἰς τὰ ἔργα ἀντηλλαγμένη δικαίωσις' περιφράσεως ποιητικῆς ἐστὶν οἰκειότερα.

Having changed the names that were customarily used to designate (certain) actions, they now thought it right to call these actions by other names³³.

A similar understanding is presented also in Plutarch³⁴ and in the scholia to this sentence³⁵. It occasionally appeared also in modern

³³ τὰ τε εἰωθότα ὀνόματα ἐπὶ τοῖς πράγμασι λέγεσθαι μετατιθέντες ἄλλως ἡξίουσιν αὐτὰ καλεῖν. ἡ δ' 'ἐπιτέχνησις' καὶ ἡ 'τῶν τιμωριῶν ἀτοπία' καὶ ἡ 'εἰωθυῖα τῶν ὀνομάτων ἀξίωσις' καὶ ἡ 'εἰς τὰ ἔργα ἀντηλλαγμένη δικαίωσις' περιφράσεως ποιητικῆς ἐστὶν οἰκειότερα. It is clear from Dionysius' paraphrase that he understands ἡ εἰωθυῖα τῶν ὀνομάτων ἀξίωσις as accustomed judgment of the names by which deeds should be called, i.e., as customary word usage, and that he understands ἀξίωσις and δικαίωσις as virtual synonyms (he paraphrases δικαίωσις as ἄλλως ἡξίουσιν αὐτὰ καλεῖν). For practically synonymic employment of the corresponding verbs, see Thuc. 5. 26.2 cited above (note 32).

³⁴ Plutarch, *Quomodo adulator* (Mor. 56 b): σπέρμα γὰρ τῶν πράξεων οὖσαν τὴν διάθεσιν καὶ τὸ ἦθος ἀρχὴν καὶ πηγὴν τοῦ βίου διαστρέφουσι, τὰ τῆς ἀρετῆς ὀνόματα τῇ κακίᾳ περιτιθέντες (Flatterers 'invest the names of the virtue to the vice'). ἐν μὲν γὰρ ταῖς στάσεσι καὶ τοῖς πολέμοις ὁ Θουκυδίδης φησὶν ὅτι "τὴν εἰωθυῖαν ἀξίωσιν τῶν ὀνομάτων ἐς τὰ ἔργα ἀντήλλαξαν τῇ δικαίῳσει. τόλμα μὲν γὰρ ἀλόγιστος ἀνδρεία φιλέταιρος ἐνομίση κτλ.

³⁵ Schol. in Thuc. p. 644, 4–6 Kleinlogel – Alpers (Schol. Φ): βούλεται δὲ εἰπεῖν ὅτι μετέθεσαν τὰ ὀνόματα· οὐ γάρ, ὡς νενόμιστο πρόσθεν, ἐχρῶντο κατὰ τῶν πραγμάτων, and 644, 10–12 (Schol. Θ): τὴν κειμένην, φησί, τῶν ὀνομάτων χρῆσιν ἀντήλλαξαν. The comment of 644, 1–3 is different (ἀξίωσιν μὲν τὴν σημασίαν εἶπε, δικαιώσει δὲ ἀντὶ τοῦ τῇ ἑαυτῶν κρίσει), but the continuation (βούλεται δὲ εἰπεῖν ὅτι μετέθεσαν τὰ ὀνόματα· οὐ γάρ, ὡς νενόμιστο πρόσθεν, ἐχρῶντο κατὰ τῶν πραγμάτων, ἀλλὰ μεθήρμοσαν κατὰ τὴν ἑαυτῶν κρίσιν) shows that even if σημασία is here 'meaning', the scholiast like some scholars of the modern time did not see any difference between the change in naming and the change in meaning.

scholars, as for instance, K. Krüger, and W. Müri understood it (see above). Some scholars who interpreted the sentence as having the sense that the change in the meaning of words did not distinguish this understanding from one that I plead for, that it applies to the change in relation between words and things³⁶. This confusion had as its consequence the further mistake, the idea that the word ἄξιωσις has the sense of ‘meaning’, which penetrated into dictionaries, and this in its turn, led to misinterpretations of the syntax of the sentence, such as an attempt to disrupt the connection between ἡ εἰωθυῖα τῶν ὀνομάτων ἄξιωσις and εἰς τὰ ἔργα, as in Gomme (see above). In fact, the sentence points to the linguistic change only if ἄξιωσις τῶν ὀνομάτων (‘estimation of words’) is modified by εἰς τὰ ἔργα (‘in relation to things’).

Further, the dative τῇ δικαίῳσει can be understood as a standard dative with ἀντήλλαξαν of what is obtained in an exchange, i.e., ‘they changed the accustomed judgment of how names relate to deeds (viz. the customary word usage) in favor of their claim, i.e., in favor of how they now thought right to call them (see further on δικαίωσις). ἀνταλλάττω normally means ‘exchange one for another’, not simply ‘change’, viz. ‘alter’; without having the object of what is obtained in exchange, it would make a wrong impression that names mutually changed their reference, which is not what Thucydides means.³⁷ Another advantage of such an understanding is that it yields understanding of τῶν ὀνομάτων and ἐς τὰ ἔργα as related not only to ἡ ἄξιωσις but also to τῇ δικαίῳσει, contrary to the standard understanding of it as a causal dative that makes τῇ δικαίῳσει unqualified and rather obscure³⁸.

³⁶ Thus Wössner 1937: 31, who rightly maintains that Thucydides has in view “die Veränderung der Beziehung der Worte auf die Dinge“, equates immediately ἄξιωσις with German Geltung which is dangerously ambiguous and with σημασία of the scholia, which is incorrect (see the previous note).

³⁷ Compare Thuc. 4.14. 3, where ἀνταλλάττω is used for the Athenians’ and the Spartans’ compelled mutual ‘exchange’ of their usual modes of fighting in the battle of Pylos.

³⁸ Noriega-Olmos 2022: 88, discusses the possibility that the dative here is the dative of what is obtained in exchange, and rejects this, because τῇ δικαίῳσει “lacks the expected qualification ‘abnormal’, and fails to be the antithesis of τὴν εἰωθυῖαν ἄξιωσιν”. But we need not expect here the qualification ‘abnormal’; as we shall see in a moment, δικαίωσις can have the contextual meaning of claiming something as being right, and this creates a sufficient opposition: Thucydides’ point is that the customary and

It is important to consider the meaning of *δικαίωσις*. This word is attested for the first time in Thucydides, and might have been coined by him³⁹. It appears five times in his work and occurs rarely in the later literature. It is a normal derivation from the verb *δικαίωω*; in three cases, the noun in Thucydides means something like ‘claiming something for oneself as having a right to it’ (‘right’ in the view of the claimant, not necessarily objectively)⁴⁰. This corresponds to the most usual meaning of the verb in Thucydides and before him ‘to deem something just or right’, sometimes with the more specific sense of ‘to demand something from somebody and claiming justified reasons for this’; this second sub-meaning is typical of the three cases of Thucydides’ use of *δικαίωσις* just discussed; all of them are even more specifically associated with claims based on force. Once *δικαίωσις* is used in the meaning ‘bringing to trial’⁴¹. Both these meanings of *δικαίωσις* correspond to

universally accepted view had to yield to the claims (or judgment) of the persons who now dominated.

³⁹ See Classen - Steup 1919: 364.

⁴⁰ Thuc. 1. 141. 3 τὴν γὰρ αὐτὴν δύναται δούλωσιν ἢ τε μεγίστη καὶ ἐλαχίστη δικάωσις ἀπὸ τῶν ὁμοίων πρὸ δίκης τοῖς πέλας ἐπιτασσομένη (Pericles’ speech; the demands of the Spartans should be rejected, because “any claim enforced by equals on equals without recourse to arbitration, no matter whether the issue is of the greatest or the least significance, amounts still to enslavement”, tr. by M. Hammond); *δικαίωσις*, neutral by itself, is here the demand by force due to the context; 4.86. 6 ἀπάτη γὰρ εὐπρεπεῖ αἴσχιον τοῖς γε ἐν ἀξιώματι πλεονεκτῆσαι ἢ βία ἐμφανεῖ· τὸ μὲν γὰρ ἰσχύος δικαίωσει, ἦν ἡ τύχη ἔδωκεν, ἐπέρχεται, τὸ δὲ γνώμης ἀδίκου ἐπιβουλῇ (Brasides’ speech, who convinces the citizens of Acanthus to fall away from the Athenians: the citizens of Acanthus should not fear a fraud; it more befits the Spartans to rely on the claim by force that derives from their happy fortune than on the crafty designs of unjust reason; note again that *δικαίωσις* is here used for a claim based on might, even if it should be preferred to trickery); 5.17. 2 ἐπειδὴ ἐκ τῶν ξυνόδων ἅμα πολλὰς δικαίωσεις προενεγκόντων ἀλλήλοις ξυνεχωρεῖτο ὥστε ἂ ἐκάτεροι πολέμῳ ἔσχον ἀποδόντας τὴν εἰρήνην ποιεῖσθαι, Νίσαιαν δ’ ἔχειν Ἀθηναίους (the Spartan-Athenian negotiations in the wake of making Nicias’ peace; both sides mutually bring forward their claims to territories, which afterwards are generally declined in favor of the status quo).

⁴¹ Thuc. 8. 66. 2 εἰ δὲ τις καὶ ἀντείποι, εὐθὺς ἐκ τρόπου τινὸς ἐπιτηδεῖον ἐτεθνήκει, καὶ τῶν δρασάντων οὔτε ζήτησις οὔτ’ εἰ ὑποπτεύοντο δικάωσις ἐγίγνετο. (“If anyone did speak up, he quickly met his death in some convenient way. There was no attempt to search for the perpetrators, and none of the suspects was ever brought to trial.” Tr. by M. Hammond). The

two meanings of the verb, the more usual, ‘to deem right, just’ (and ‘to claim for oneself something as just’), and ‘to treat someone in accordance with law’ (which can mean ‘to accuse’, ‘to condemn’, and ‘to punish’, depending on the context). *δικαίωω* as a denominative verb formed from *δίκαιος*, initially probably meant to treat something in a just (lawful) way (hence the meaning ‘deem something right’) or ‘to treat somebody in this way’, viz. to demand from somebody just (lawful) actions (hence — to accuse, punish, etc.).

The meaning of *δικαίωσις* in the sentence under discussion can be derivative from the first of these two meanings of *δικαίωω*: *δικαίωσις* thus can be understood as ‘deeming as right’⁴², or even ‘claiming for oneself as right’ as applied to the use of words: the people of the new, factional sort, now changed the accustomed assignment of words to things in favor of their claim to master the names (by implication: to distribute them among things as they find right). It is, however, also possible that *δικαίωσις* here has a weaker sense of ‘judgment’, not attested in Thucydides, but corresponding to his use of the verb *δικαίωω* in some contexts. It will then be virtually synonymous with *ἄξιωσις* in the sense I have argued for: the judgment of how names should be assigned to things, but opposed to *τὴν εἰωθυῖαν ἄξιωσιν*, the accustomed judgment as the new judgment of seditious people that has now prevailed. In this case, *δικαίωσις* may imply the same construction as *ἄξιωσις*, that is, as modifying *εἰς τὰ ἔργα*, i.e., the people changed the accustomed judgment of names’ relation to things in favor of their own judgment of this relation. It is difficult to decide what should be preferred, but I find more plausible the first option, with the stronger sense of *δικαίωσις* and the looser connection between it and the words that are directly connected with *ἄξιωσις*, that is, with *τῶν ὀνομάτων* and *εἰς τὰ ἔργα*⁴³.

assigning of this case to the lemma “condemnation, punishment” in the LSJ is incorrect.

⁴² The same meaning the word has in Lys. 9.8, the second earliest example of it after Thucydides, plur. *δικαιώσεις* ‘justifications’, see Todd 2007: 582; 615 (but the speech is generally considered non-authentic).

⁴³ Already Arnold I, 1882: 454, following Thucydidean scholia, gives *τῇ δικαίωσει*, in contrast to Bloomfield and other scholars’ more neutral meaning: not “suo arbitrato”, “at their pleasure”, etc., but more neutral — “as they thought proper”. This is surely correct in view of the usual meaning of the word, and its employment here: arbitrariness is not implied. However the meaning is not necessarily neutral. As we have seen, the verb

The following is my rendering of the debatable sentence: “(Representatives of new views) changed the customary attribution of certain designations to certain things (literally: ‘the evaluation of names in relation to things’) in favour of their own judgement about this relationship (literally: ‘in favour of their own requirement as to how these names should be attributed to things’)”.

Of course we would now say that there has been a revaluation of of certain actions, not a change in the dictionary meaning of words. However, a change in evaluation was accompanied by a change in the linguistic designations of these actions, as one would say, for example saying that stealing now has been called ‘expropriation’. Thucydides has in view something of this sort, but he is not a neutral observer. For this reason, he is not interested, as I have already said, in the neutral designations of the actions he discusses as opposed to their evaluative and emotional designations. He assumes that the accustomed designations of peacetime were correct, that is, that speakers rightly assigned the designation ‘reckless daring’ to a certain kind of behavior, because he regards this linguistic expression as the correct *understanding* of this behavior. On the contrary, to call deeds that lack foresight and put at risk both actors and those who are connected with them ‘courage for the sake of party comrades’ is for him a wrong understanding of this behavior that is rooted in a loss of rationality under the pressure of a new situation. He blames this wrong understanding of reality both when he has in view the change in linguistic designations, as in our case, and when he simply records the change of view of opposite kinds of behavior without visible changes in language practice. Of course, he does not yet have enough sophisticated language to distinguish a concept from a word that is used for this concept, just because it is really difficult to divide a word as a phonetic or graphic sign from the ideas and attitudes that accompany it, and it is equally difficult to treat a concept in separation from the linguistic means that normally convey this concept.

and its derivative often have the additional nuance of authoritarian demand. Although Thucydides disapproves of the judgments that underlie the characteristics of persons and actions in the time of civil strife, his point is not their arbitrariness but, quite the opposite, the compulsory, inevitable character of these judgments, their dependence on the new reality of war and internal strife, which make them aggressive (see 3.82.2 on war as ‘compulsory teacher’, βίαιος διδάσκαλος).

Thucydides also is apparently not interested in a linguistically relevant question: whether the change he so vividly describes affected only one particular species of actions of a certain kind, while other species of this retained their earlier designations. By the same token, one who says that ‘stealing’ has been substituted by ‘expropriation’ is not preoccupied with the question whether the term ‘stealing’, no longer used for a particular kind of actions to which ‘stealing’ referred, continues to be employed for other kinds. An objective observer can describe this particular kind where the change has occurred, but such statements are not made by objective observers, and Thucydides was not objective. Nevertheless, such statements do describe a certain linguistic phenomenon, and it would be wrong to classify them as describing only the moral evaluation of certain kinds of behavior⁴⁴.

References

- Allison J. W. 1997: *Word and Concept in Thucydides*. Atlanta, Georgia: Scholars Press
- Arnold, Th. 1882: *The History of the Peloponnesian War by Thucydides*. Vol. I. 8th ed. Oxford: John Henry Parker.
- Betant, E. 1843: *Lexicon Thucydideum*. T. 1–2. Genevae: Carey; Kessmann.
- Bloomfield, S. T. 1829: *The History of Thucydides Newly Translated Into English*. Vol. II. London: Longman, etc.
- Classen, J. 1875: *Thukydides*. Bd. III. Buch 3. Berlin². Weidmann
- Classen, J., Steup, J. 1892: *Thukydides*. Bd. III. Buch 3. Berlin³: Weidmann.
- Classen, J., Steup, J. 1919: *Thukydides*. Bd. I. Buch 1. Berlin⁵. Weidmann
- Connor, W. R. 1984: *Thucydides*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Gomme, A. W. 1956: *A Historical Commentary on Thucydides*. Vol. II. Books II–III. Oxford: Clarendon Press.
- Grote, G. 1849: *History of Greece*. Vol. VI. London: John Murray.
- Hogan, J. T. 1980: The ἀξίωσις of Words at Thucydides 3.82.4. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 21, 139–149.
- Hornblower, S. 1991: *Commentary on Thucydides*. Vol. 1. Oxford: Oxford University Press.
- Joho, T. 2022: *Style and Necessity in Thucydides*. Oxford: Oxford University Press

⁴⁴ I am grateful to my audiences at the Institute for Linguistic Studies and the Moscow State University for questions and queries which helped me to reconsider my earlier views, and to Mitch Cohen (Berlin) for corrections of my English.

- Krüger, K.W. 1885: Θουκυδίδου συγγραφή, mit erklärenden Anmerkungen. 3. Aufl. Besorgt von W. Pokel. Bd. I. H. 2. Leipzig: K. W. Krüger's Verlagsbuchhandlung.
- Loroux, N. 2009: Thucydides and Sedition Among Words'. In: J. Rusten (ed.) *Thucydides*. Oxford: Oxford University Press (originally edited as: Thucydide et la sedition dans le mots. *Quaderni di storia* 23, 1986, 95–134).
- Macleod C. W. 1979: Thucydides on Faction (3.82–83). *Proceedings of the Cambridge Philological Society* 205, 52–69.
- Müri, W. 1969: Politische Metonomasie (zu Thukydides 3, 82, 4–5). *Museum Helveticum* 26, 65–79.
- Noriega-Olmos, S. 2022: Valuation Drifts, Meaning Endures: Thucydides 3.82.4. *Classical Quarterly* 72, 82–100.
- Orwin, C. 1986: Stasis and Plague: Thucydides on the Dissolution of Society. *The Journal of Politics* 50, no. 4, 831–847.
- Poppo, E. F. 1834: *Thucydidis De bello Peloponnesiaco libri octo. Pars III. Commentarii*. Vol. II. *Adnotata ad libros II et III*. Leipzig: Ernest Fleischer.
- Reeve, C. D. C. 1999: Thucydides on Human Nature. *Political Theory* 27, 435–446.
- Rhodes, P.J. 1994: *Thucydides, History III*. Oxford: Oxbow.
- Solmsen, F. 1971: Thucydides' Treatment of Words and Concepts. *Hermes* 99, 385–408
- Solmsen F. 1975: *Intellectual Experiments of the Greek Enlightenment*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Todd, S. 2007: *A Commentary on Lysias: Speeches 1–11*. Oxford: Oxford University Press
- Thompson, C. 2013: Thucydides, Corcyra and the Meaning of Words. *Ancient Philosophy* 33, 273–289.
- Wilson, J. 1982: The Customary Meanings of Words Were Changed. Or Were they? A Note on Thucydides 3.82.4. *Classical Quarterly* 32, 18–20.
- Worthington, I. 1982: A Note on Thucydides 3.82.4. *Liverpool Classical Monthly* 7, 124.
- Wössner, W. 1937: *Die synonymische Unterscheidung bei Thukydides und den politischen Rednern der Griechen*. Diss. Berlin.

А. Ю. Виноградов

Национальный исследовательский университет «Высшая Школа экономики».
Москва, Россия. auvinogradov@hse.ru

ДВА СРЕДНЕГРЕЧЕСКИХ ГАПАКСА ИЗ РУКОПИСЕЙ «ЛЕСТВИЦЫ»: δουκάω и μετανυκτικόν

Работа посвящена двум уникальным профессионализмам, связанным с византийскими рукописями «Лествицы» Иоанна Синайского. Одно из них — это причастие γεν pl. δουκόντ(ων) в колофоне рукописи Paris BNF Coislin 263 1059 г. Оно означает «быть дукой» и должно иметь начальную форму δουκάω, от δούκας. Видимо, глагол был создан писцом, иеромонахом Феофилом, ad hoc, так как обычно в том же значении употребляется глагол δουκεύω. Другой гапакс известен из литургической пометы в Санкт-Петербургской рукописи РНБ гр. 207. В ней указывается чтение «Лествицы» во весь Великий пост на службе μετανυκτικόν («посленищница»). Практика чтения «Лествицы» в Великий пост помогает понять, что так названа здесь утренняя.

Ключевые слова: византийские рукописи, среднегреческий язык, гапаксы.

A. Yu. Vinogradov

HSE University. Moscow, Russia.
auvinogradov@hse.ru

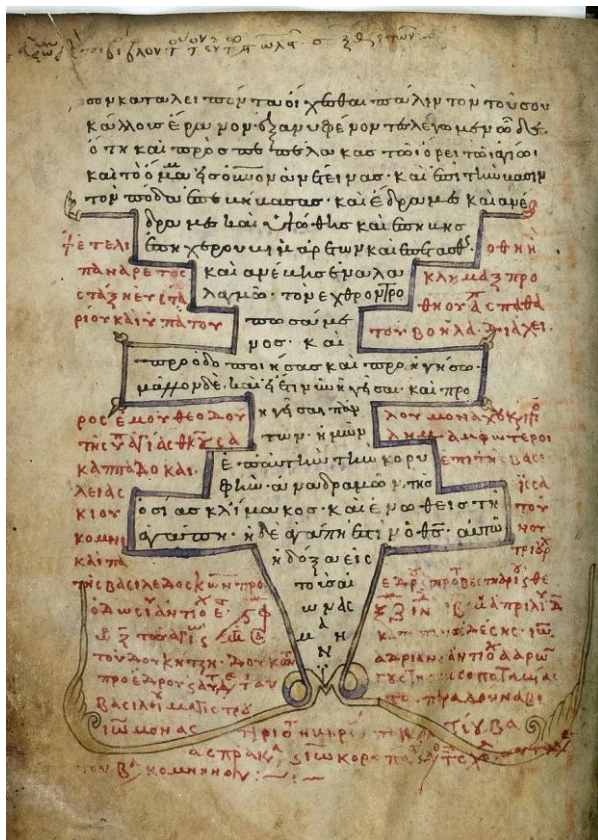
Two Middle Greek *hapax legomena* from the manuscripts of the “Ladder”: δουκάω and μετανυκτικόν

The work is dedicated to two unique professionalisms from the Byzantine manuscripts of the “Ladder” by John of Sinai. One of them is the participle δουκόντ(ων) in the colophon of the Paris manuscript BNF Coislin 263 from 1059. It means “to be a doux” and should have the initial form δουκάω, from δούκας. Apparently, the verb was created ad hoc by the scribe, Hieromonk Theophilus, since the verb δουκεύω is usually used in this meaning. Another hapax legomenon is found in the liturgical scholion in the St. Petersburg manuscript RNB gr. 207. It indicates the reading of the “Ladder” throughout Lent in the service called μετανυκτικόν (“after-night”). The practice of reading the “Ladder” in Lent helps to understand that this is the name of matins.

Keywords: Byzantine manuscripts, Middle Greek, hapax legomena.

Византийские рукописи продолжают оставаться для нас неисчерпаемым источником сведений по греческой лексике. Обычно это слова высокого штиля, часто специально сконстру-

ированные, или, наоборот, вернакулярная лексика. Реже в них встречаются жаргонизмы или профессионализмы, которые отражают разговорную практику определенной среды. Двум таким случаям и будет посвящена настоящая работа. Оба они связаны с рукописями «Лестницы» Иоанна Синайского, одного из самых популярных и читаемых произведений монашеской литературы в Византии.

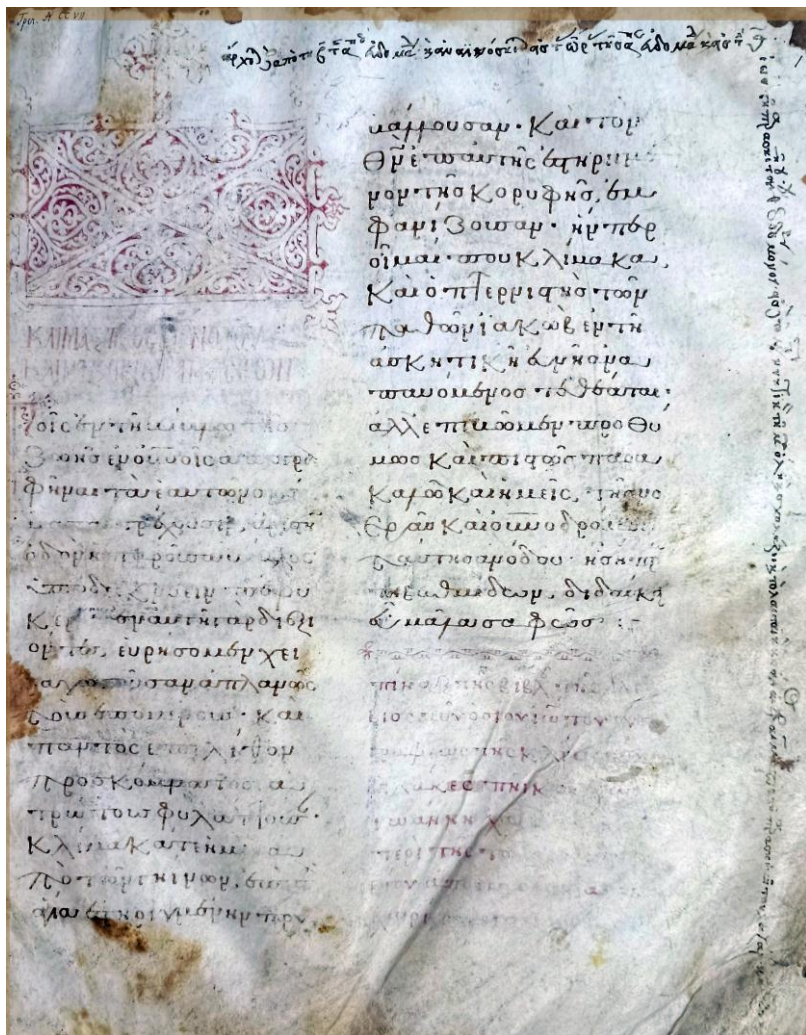


Илл. 1. Paris BNF Coislin 263. Л. 157об.

I. Один из ее списков (Paris BNF Coislin 263) был заказан в 1059 г. простоспафарием и ипатом Евстафием Воилой, византийским военачальником каппадокийского происхождения. Написал его другой каппадокиец — Феодул, иеромонах обители Богородицы Салимской в Сирии. В пространном колофоне (л. 157об.) он датирует конец переписывания «Лестницы» по

правлению императора Исаака I Комнина, патриархов Константинопольского и Антиохийского, году от сотворения мира, индикту, числу месяца и часу, празднику подвижного цикла, катепану Эдессы и шести дукам фем, преимущественно на восточной границе империи (илл. 1). Датировка по последним вводится уникальным причастием δοῦκόντ(ων) «когда дуками были», расположенным слева от основания крестообразной фигуры. Оно настолько необычно, что, несмотря на четко читающееся надстрочное тау (без знака сокращения), первоиздатель принял его за gen. pl. существительного — δοῦκῶν (Beneshevich 1907: 220). Поскольку далее перечисляется много дук различных фем, то причастие здесь должно стоять во множественном числе, но не в единственном — δοῦκόντ(ος), как обычно пишут исследователи вслед за о. Р. Деврессом (Devreesse 1945: 242). Оно попало в словарь византийского греческого языка под редакцией Э. Траппа, в статью δοῦκῶν, с единственным контекстом (Trapp et al. 2001: 407).

Такое восстановление начальной формы глагола вызывает, однако, вопросы. Дело в том, что в средневизантийский период глаголы на -όω не были продуктивны (Holton et. al. 2019: 1273–1393), так что нам не кажется самоочевидным то, что форма δοῦκῶν могла быть образована от существительного δοῦξ, -κός. Но как же тогда образовано причастие δοῦκόντ? Как кажется, альтернативой предложенному ранее механизму могло бы быть произведение этого глагола не от слова δοῦξ, -κός, а от его варианта δοῦκας (Trapp et al. 2001: 410). В таком случае, более вероятным с точки зрения византийской практики словообразования, начальную форму глагола следует восстанавливать как δοῦκάω. Но, в любом случае, данный глагол со значением «быть дукой» происходит из профессиональной среды элиты византийской армии и администрации. Видимо, он был создан иеромонахом Феофилом ad hoc, в подражание другим типичным для датировок глаголам, так как обычно в том же значении употребляется глагол δοῦκεῖω (Trapp et al. 2001: 406).



Илл. 2. РНБ гр. 207. Л. 1.

II. Другой гапакс представлен в Санкт-Петербургском списке «Лестницы» — РНБ гр. 20, конца XIII в. По верхнему и правому краю его первого листа (л. 1) идет запись того же времени о порядке чтения «Лестницы» в течение Великого поста. Эта запись была выявлена и опубликована М. Венецковым (Venetskov 2021: 209), который допустил, однако, в ее передаче две важные ошибки. Благодаря любезной помощи М. А. Шибаева и сотрудни-

ков Отдела рукописей Российской национальной библиотеки нам удалось прочесть запись в ультрафиолетовых лучах, исправить ошибки издателя и даже частично восстановить стертый ее конец (илл. 2).

Запись эта читается следующим образом: ἀρχεται(αι) δὲ ἀπὸ τῆς(ς) β' τῆς α'-ης ἐβδομάδος καὶ ἀναγινώσκει(αι) εἰς τὰς ὥρας τῆς α'-ης ἐβδομάδος καὶ εἰς τὴν θ' ἕως τῆς παρασκευῆς τοῦ ἁγίου Θεοδώρου μόνον· εἰς δὲ τὸ μετανυκτικὸν τῆς μ' ὁλῆς, καὶ σχολάζει καὶ τὸ Λαυσαϊκὸν καὶ ὁ ἅγιος Ἐφραίμ ἀπὸ τῆς παρασκευῆς τοῦ Λαζάρου καὶ γ'' «Начинается же с понедельника 1-й седмицы и читается на часах 1-й седмицы и на 9-м [тоже] только до пятницы святого Феодора, а на посленощнице — всю Четыредесятницу, и заканчивается и [она], и Лавсаик, и святой Ефрем от пятницы Лазаря, и [так все?] 3».

М. Венецков ошибочно прочел ἀπὸ τῆς παρασκευῆς τοῦ Λαζάρου как ἕως τῆς παρασκευῆς τοῦ Λαζάρου и потому вынужден был понимать здесь глагол σχολάζει как «читается» вместо «прекращается». Но главное, он неверно прочел как ката- данное в γ' сокращении начало существительного, открывающего вторую часть фразы, и получил слово κατανυκτικόν, которое известно только по одному южноиталийскому контексту и обозначает некую богослужебную книгу (Trapp et al. 2001: 788), очевидно, связанную с покаянными текстами (от κατανύσσω «сокрушаться»), вроде службы «покаянных». Однако чтение такого объемного текста, как «Лествица», по другой книге неизвестно, да и в контексте всей фразы здесь должно стоять название церковной службы, а не книги.

Действительно, в начале этого слова мы ясно читаем не ката-, а мета-. Однако правильное прочтение этого места дает гапакс — слово μετανυκτικόν «посленощница». Что же он может означать? Ответ нам дает практика чтения «Лествицы» в весь Великий пост — согласно различным уставам, она читалась на утрени, после первой кафизмы (Vinogradova, Titov 2025), а значит, μετανυκτικόν в нашей записи — это образное выражение для утрени (как совершающейся «после ночи»), хорошо понятное клирику (вероятно, монаху).

Литература

- Beneshevich V. N., 1907: [Testament of a Byzantine boyar of the 11th century]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [*Journal of the Ministry of Public Education*], may, 219–231.
- Бенешевич В. Н., 1907: Завещание византийского боярина XI века. *ЖМНП*, май, 219–231.
- Vinogradova E. A., Titov G. V., 2025: [A group of illustrated manuscripts of the Ladder of John of Sinai from the last third of the 11th — beginning of the 12th century and the monastic movement in Constantinople]. *Aktual'nyye problemy teorii i istorii iskusstva* [*Actual Problems of Theory and History of Art*], 15 (in press).
- Виноградова Е. А., Титов Г. В., 2025: Группа иллюстрированных рукописей Лестницы Иоанна Синайского последней трети XI — начала XII в. и монашеское движение в Константинополе, *Актуальные проблемы теории и истории искусства*, 15 (в печати).
- Devreesse R., 1945: *Catalogue des manuscrits grecs. T. II. Le Fonds Coislin*. Paris: Impermerie nationale.
- Holton et. al., 2019: *The Cambridge Grammar of Medieval and Early Modern Greek*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Trapp E. et al., 2001: *Lexikon zur byzantinischen Gräzität*. Bd. 1. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Venetskov M., 2021: Reading traditions of the Ladder of John Sinaites according to the manuscript marks. In: M. Vinzent (ed.), *Papers presented at the Eighteenth International Conference on Patristic Studies held in Oxford 2019* (Studia Patristica, CXXIX). Leuven; Paris; Bristol: Peeters, 207–228.

О. А. Волошина

Университет МГУ-ППИ, Шэньчжэнь, Китай /
МГУ им. Ломоносова, Москва, Россия. oxanav2005@mail.ru

МЕТАЯЗЫК ОПИСАНИЯ СИНТЕЗА ГЛАГОЛЬНОЙ СЛОВОФОРМЫ В ГРАММАТИКЕ ПАНИНИ

В статье анализируется фрагмент метаязыка грамматики Панини, автор исследует описание синтеза глагольной словоформы в Аштадхьяи, варианты представления типов аффиксальных морфем (pratyaya), а именно термины, обозначающие основообразующие, словообразовательные и словоизменительные аффиксы, а также названия операций по присоединению этих морфем к корням при синтезе глагольной словоформы. Анализ метаязыка Панини позволяет реконструировать лингвистическую теорию в трактатах व्याкарана на основе исследования понятийно-терминологической системы древнеиндийской грамматики.

Ключевые слова: типа аффиксов, словообразовательные и словоизменительные аффиксы, синтез словоформы.

О. А. Voloshina

MSU-BIT University, Shenzhen, China /
Moscow State University, Moscow, Russia. oxanav2005@mail.ru

The metalanguage of describing the synthesis of verbal word forms in the grammar of Panini

The article analyzes a part of the metalanguage of Panini's grammar: the author explores the description of the synthesis of the verbal word form in Ashtadhyaya, variants of the representation of types of affixal morphemes (pratyaya), namely, terms denoting basic, word-forming and inflectional affixes, as well as the names of operations for attaching these morphemes to the roots during the synthesis of the verbal word form. This analysis of the Panini metalanguage can be used to reconstruct the linguistic theory in the Vyakarana, relying on the study of the conceptual and terminological system of ancient Indian grammar.

Keywords: types of affixes, word-forming and inflectional affixes, synthesis of a word form.

Грамматические трактаты *vyākaraṇa* (вьякарана) представляют уникальный, разработанный в рамках древнеиндийской лингвистической традиции, метаязык описания. В работе анализируется фрагмент метаязыка грамматики Панини на при-

мере терминов, называющих различные типы аффиксальных морфем *pratyaya* (пратьяя) в Аштадхьяи, а именно основообразующих, словообразовательных и словоизменительных аффиксов в составе глагольных словоформ, а также термины, предписывающие операции синтеза этих словоформ.

Исходной единицей синтеза глагольной словоформы, по представлениям индийских грамматистов, является глагольный корень *dhātu*, к которому последовательно присоединяются аффиксы — *pratyaya*. Термин *pratyaya* вводится заглавной сутрой *adhikara* — первой сутрой третьей книги (3.1.1)¹, которая возглавляет перечень правил, описывающих различные типы аффиксальных морфем, до конца 5-ой книги Аштадхьяи. Следующая за ней сутра 3.1.2 указывает на положение аффикса относительно корня: *ragaṣsa*, что значит *последующий, конечный*. То есть сутра подчеркивает, что аффиксальная морфема следует за корнем, образуя глагольную основу: *dhātu + pratyaya*.

Термином *dhātu* в Аштадхьяи называются еще глагольные основы, образованные при помощи основообразующих суффиксов *saN*², о чем сообщает сутра *sanādyantā dhātavaḥ* (3.1.32). В начальных сутрах третьей книги перечисляются эти аффиксы: *saN* (3.1.5.): *КyaC* (3.1.8), *kāmayac* (3.1.9), *КyaÑ* (3.1.11), *КyaṢ* (3.1.13), *КyaC* (3.1.19), *ÑiÑ* (3.1.20), *ÑiC* (3.1.21), *yaÑ* (3.1.22), *yaK* (3.1.27), *āya* (3.1.28), *īyaÑ* (3.1.29), *ÑiÑ* (3.1.30).

Приведем пример описания функции этих основообразующих аффиксов в грамматике Панини.

¹ Сутры Аштадхьяи нумеруются и обозначаются последовательностью из трех цифр: номер книги, номер раздела и номер сутры. В данной работе приводятся сутры издания Sharma R. N. *Aṣṭādhyāyī of Pāṇini* (Sharma, 2000).

² Заглавной буквой обозначается технический показатель аффикса, который подвергается элизии при синтезе словоформы. В тексте грамматики Панини используется в качестве такого показателя специальный маркер, который в позднейшей комментаторской литературе получил название *anubandha* (*индикатор, показатель, ограничитель*), тогда как в Аштадхьяи такой показатель Панини обозначает техническим символом iT (в примерах из сутр грамматики технический показатель обозначается заглавной буквой). Анубандхи представляют собой отдельные звуки или сочетания звуков и выполняют самые различные функции, указывая на класс единиц (звуков или аффиксальных морфем), на огласовку морфемы или просодическую характеристику и т. п.

Сутра 3.1.5 сообщает, что суффикс *saN* образует основу перфекта: *guptīkīdbhyaḥ saN* – за (корнями) *gup*, *tij* и *kid* следует аффикс *saN* (для образования основы перфекта), например, *gup* > *jūgupsate*. Следующая сутра 3.1.6 также описывает образование глагольной формы при помощи суффикса *saN* и указывает на изменение гласного звука при замене краткого гласного на долгий при удвоении корня: *mān* > *mīmāmsate*.

Омонимичные суффиксы *-ya*: *KyaC*, *KyaṆ*, *KyaṢ*, *KyaC*, *yaṆ* и *yaK* Панини различает при помощи анубандх, которые помимо функции технических показателей аффикса несут дополнительную фонологическую, грамматическую или просодическую информацию.

Например, термин *yaK* обозначает суффикс образования пассива (3.1.27), термин *KyaC* — суффикс деноминативных глаголов, а термин *yaṆ* — фреквентативных глаголов и т. п. Анубандхи у Панини могут указывать на морфонологические чередования или на тип и место ударения, например, начальная анубандха *K* означает запрет на замену гласного основы на ступень *guṇa* (гуна) или *vṛddhi* (вридхи), а конечная анубандха *C* означает ударение на конечном гласном основы³ (3.1.8).

В сутрах грамматики не только анубандхи, но и падежные окончания флексий выполняют метаязыковые функции. Так, сутра грамматики вводит аффикс фреквентативных глаголов *yaṆ*: *dhātor ekāCo halādeḥ kriyāsamabhihāre yaṆ* (3.1.22) — аффикс *yaṆ*, присоединенный к моносyllабическому корню, начинающемуся на согласный, обозначает повторяющееся или интенсивное действие. Например: *uyj* > *yāyajuṇate* 'он регулярно совершает жертвоприношения'. В приведенной сутре термины *dhātor ekāCo halādeḥ* употреблены в форме аблатива — это оформление элемента, после которого происходит операция, предписываемая сутрой: после корня (*dhātor*) с одной гласной (*ekāCo*), начинающегося с согласного звука (*halādeḥ*).

Перечисленные аффиксы образуют глагольные основы разного типа, причем не только от глагольного корня. Например, при помощи суффикса *KyaC* (*-ya*-) образуется основа деноминатив-

³ Такую же роль играет анубандха *C* в символическом обозначении аффикса *ṆiC* (суффикс для образования основ каузатива (3.1.26)), а анубандха *Ṇ* предписывает изменение конечного гласного основы на гласный ступени *vṛddhi* (7.2.115).

ных глаголов, о чем свидетельствует сутра *suPaḥ ātmanah KyaC* (3.1.8), то есть при помощи *KyaC* образуется форма, например, *putrīyati он желает сына*. Следующая сутра грамматики *kāmayaC sa* (3.1.9) предписывает правила образования синонимичной формы с суффиксом *kāmayaC*: *putrakāmayaṭi он желает сына*.

Образование глагольной основы — первый шаг синтеза словоформы, далее Панини вводит специальные термины, которые несут глагольную семантику синтезируемой формы. Глагольные формы получают грамматические значения времени и наклонения, совокупность которых в грамматике называется общим термином *La* (*La-kāra буква (звук) La*), тогда как конкретные формы времени и наклонения санскритского (и ведийского) глагола обозначаются терминами с особой огласовкой и конечной анубандхой:

1.	Laṭ	Презенс	3.2.123
2.	Liṭ	Перфект	3.2.115
3.	Luṭ	Перифрастический футурум	3.3.115
4.	Lṛṭ	Футурум	3.3.112
5.	Leṭ	Ведийский субъюнктив	3.4.7
6.	Loṭ	Императив	3.3.162
7.	Laṅ	Имперфект	3.2.111
8.	Liṅ	Оптатив	3.3.161
9.	Luṅ	Аорист	3.2.110
10.	Lṛṅ	Кондиционалис	3.3.139

В приведенной таблице начальная анубандха *La* символизирует всю совокупность предикативных значений глагола, а именно значения глагольного времени и наклонения, тогда как конечная анубандха указывает на окончания, образующие глагольную форму: формы *Laṭ*, *Liṭ*, *Luṭ*, *Lṛṭ*, *Loṭ* и *Leṭ*, маркированные конечной анубандхой *ṭ*, образуются при помощи первичных окончаний, а маркированные показателем *ṅ* — при помощи вторичных. Например, сутра 3.3.159 вводит термин *Liṅ*, сутра 3.3.162 — термин *Loṭ*, а сутра 6.1.8 вводит термин *Liṭ* и предписывает условие редупликации: *liṭi dhātor anabhyāsasya*, где *liṭi* (*Loc.*), *dhātor* (*Gen.*), *anabhyāsasya* (*Gen.*).

Эти термины обозначают граммы времени и наклонения, тогда как формально глагольные основы образуются разными

способами при помощи особых аффиксальных морфем. В частности, термин *Laṭ* выражает семантику настоящего времени, тогда как основа настоящего времени от глагольного корня *dhātu* в может образовываться по-разному (в зависимости от способа ее формирования все глаголы санскрита делятся на 10 классов). Некоторые глаголы образуют тематическую основу путем присоединения тематических гласных (специальных аффиксов), другие используют суффикс или инфикс. Среди основообразующих аффиксов можно назвать следующие:

ṢaP – аффикс *-a-* присоединяемый к корням 1 класса (например, *pat-a-ti* > *patati*);

ṢyaN – аффикс *-ya-*, присоединяемый к корням 4 класса (*tuṣ-ya-ti* > *tuṣyati*);

Ṣnu – аффикс *-nu-*, присоединяемый к корням 5 класса (*ār-pu/ār-pó* > *ār-pu/ār-pó*);

Ṣa – аффикс *-ā-*, присоединяемый к корням 6 класса (*likh-ā-ti* > *likhāti*);

ṢnaM – инфикс *-na-*, вставляемый к корню 7 класса (*yuṣ-na* > *yunāj*);

Ṣnā аффикс *-nā-*, присоединяемый к корням 9 класса (*bandh-nā* > *badhnā*).

Для формирования глагольной формы настоящего времени мы присоединяем аффикс с символическим обозначением *Laṭ*, который в конкретной словоформе реализуется во флексиях глагольного спряжения, представленных пратьяхарой ⁴ *tiṆ*. Согласно сутре 3.4.78, пратьяхара *tiP* есть техническое обозначение следующих флексий: *tip*, *tas*, *JHi*, *siP*, *thas*, *tha*, *miP*, *vas*, *mas*, *ta*, *ātām*, *JHa*, *thās*, *āthām*, *dvam*, *iṭ*, *vahi*, *mahiṆ*.

Сутра *vibhaktiṣa* (1.4.104) вводит термин *vibhakti* и сообщает, что он обозначает флексии (словоизменительные морфемы) глагольного спряжения и именного склонения. При синтезе глагольной словоформы анубандхи подвергаются

⁴ Партьяхара (*pratyāhāra* букв. *стяжение, компрессия, сжатие*) — особый вид сокращенного лингвистического описания, при котором специальным термином обозначается начало и конец списка выстроенных в линейную последовательность элементов. Панини так определяет пратьяхару: *ādir antyena sahetah (saha ita) начало вместе с замыкающей единицей [которая есть] показатель*, то есть сочетание начального элемента и конечного показателя *iṭ* есть пратьяхара (1.1.71).

элизии, а символическое обозначение категории времени или наклонения заменяется конкретным аффиксом, образующим глагольную основу.

Приведем пример синтеза глагольной словоформы настоящего времени *parasmaipada* 3 лица единственного числа от $\sqrt{\text{paṭh}}$ – *читать, изучать*.

1) Элемент *paṭh* — исходная единица синтеза словоформы, которая представлена в списке корней 1 класса в перечне дхату *патха*, следовательно, согласно сутре 1.3.1, этот элемент является корнем *dhātu*;

2) Для образования глагольной словоформы к корню нужно прибавить показатель *La* — символическое обозначение глагольных грамматических категорий наклонения и времени

$\sqrt{\text{paṭh}} + \text{La}$

3) Основа настоящего времени образуется путем присоединения к глагольному корню аффикса настоящего времени, о чем сообщает сутра 3.2.123: *vartamāne Laṭ*, где *Laṭ* используется для обозначения граммы настоящего времени

$\sqrt{\text{paṭh}} + \text{Laṭ}$

4) Технические показатели *a* (согласно сутре 1.3.2) и *Ṭ* (согласно сутре 1.3.3) претерпевают элизию по сутре 1.3.9: *tasya lopah*

$\sqrt{\text{paṭh}} + \text{L}$

5) При формировании основы настоящего времени, согласно сутре 3.1.68, после корня перед флексией действительного залога настоящего времени появляется аффикс *ṢaP*:

$\sqrt{\text{paṭh}} + \text{ṢaP} + \text{L}$

6) Технические маркеры этого аффикса в процессе синтеза подвергаются элизии (по сутре 1.3.9) и оставшийся тематический гласный *-a* присоединяется к корню для образования основы настоящего времени:

$\sqrt{\text{paṭh}} + \text{a} + \text{L}$

7) Оставшееся техническое обозначение *L* заменяется на одну из 18 флексий глагольного спряжения по сутре 3.4.78: *tiP*, *tas*, *jhi*, *siP*, *thas*, *tha*, *miP*, *vas*, *mas*, *ta*, *ātām*, *jha*, *thās*, *āthām*, *dvam*, *iṬ*, *vahi*, *mahiN* (совокупность личных окончаний обозначается пратьяхарой *tiN*).

$\sqrt{\text{paṭh}} + \text{tiN}$.

Эти окончания классифицируются по трем лицам (1.4.101) и трем числам (1.4.102). Для образования нужной нам формы мы

из этого перечня флексий выбираем окончание действительного залога (parasmaipada) 3 лица (prathama) единственного числа (ekavacana). Согласно сутре 1.4.108 техническое обозначение L мы должны для выражения необходимых нам грамматических значений заменить на tiP.

$\sqrt{\text{pa}\bar{\text{t}}\text{h}} + \text{tiP}$

Аффиксы в символическом обозначении с техническими показателями выстраиваются в цепочку

$\sqrt{\text{pa}\bar{\text{t}}\text{h}} + \text{La} > \sqrt{\text{pa}\bar{\text{t}}\text{h}} + \text{ṣaP} + \text{La}\bar{\text{T}} > \sqrt{\text{pa}\bar{\text{t}}\text{h}} + \text{ṣaP} + \text{tiP}.$

И реализуются в словоформе настоящего времени parasmaipada 3 лица единственного числа $\sqrt{\text{pa}\bar{\text{t}}\text{h}} + \text{a} + \text{ti} > \sqrt{\text{pa}\bar{\text{t}}\text{h}} + \text{a} + \text{ti}$ (он) *читает, изучает*.

Как уже было сказано, при синтезе словоформы в морфемах могут происходить чередования звуков, обусловленные самими разными условиями: это могут быть и морфонологические, и фонетические (позиционные и комбинаторные изменения). Такие изменения звуков предписаны специальными правилами на каждом этапе синтеза словоформы.

Например, по вышеописанной схеме образуется форма настоящего времени 3 лица единственного числа от $\sqrt{\text{sru}}$ (*течь*), однако при образовании основы настоящего времени последняя гласная корня, согласно сутре 7.3.84, выступает в виде guṇa, т.е. $\sqrt{\text{sru}} > \sqrt{\text{sro}} + \text{ṣaP} > \sqrt{\text{sro}} + \text{a}$. Последний гласный корня *o* перед следующей гласной меняется на *av* согласно сутре 6.1.78: $\sqrt{\text{sro}} + \text{a} > \sqrt{\text{sra}v\text{a}}$. На последнем этапе к полученной основе присоединяется окончание 3 лица единственного числа, в результате чего получается форма $\sqrt{\text{sra}v\text{a}} + \text{ti} > \sqrt{\text{sra}v\text{a}t\text{i}}$ (*течет*).

Последовательный синтез словоформы предполагает элизию аффиксов, наличие которых предусмотрено правилами грамматики. Например, при образовании деноминативных глаголов к именной основе присоединяется суффикс КуаС, однако, по представлениям Панини, образование отыменного глагола происходит от грамматически оформленной именной формы с падежными флексиями (sUP), о чем сообщает сутра: supa ātmanah̄ КуаС (3.1.8), именная форма с окончаниями sUP образует глагольную основу со значением *желать что-либо* (при этом объект желания назван именной формой (для себя самого ātmanah̄)) при помощи суффикса КуаС. Однако согласно сутре supo dhātuprātipadikayoḥ (2.4.71) именные флексии sUP, которые являются частью образованной от корня именной основы

grātipadika, претерпевают элизию (замещаются нулем LUK) в процессе образования глагольной формы. При этом перед суффиксом КуаС конечный гласный основы а или ā заменяется на ī, согласно сутре КуаСi са (7.4.33), например, putra + sUP + КуаС + tiÑ > putrīyati *он хочет (получить) сына*.

Итак, сутры грамматики описывают образование разных типов глагольных основ и глагольных словоформ. В грамматике Панини описание синтеза словоформ реализуется при помощи специально разработанного метаязыка, который включает как термины и технические обозначения, так и особые маркеры — анубандхи; символические обозначения класса элементов — пратьяхары; падежные флексии терминов и др. приемы.

Панини разрабатывает и использует метаязык описания морфем разных типов: корни задаются объемным списком, сопровождающим текст грамматики; одиночный аффикс или ряд однородных (функционально или семантически тождественных) основообразующих и словообразовательных аффиксов перечисляются в сутрах грамматики и сопровождаются анубандхой; флексии склонения или спряжения обозначаются пратьяхарой, которая представляет фиксированный список единиц. Списки морфем специальным образом организованы: в дхату-патха предлагается классификация глагольных корней по 10 классам в зависимости от формального способа формирования основы настоящего времени. Основообразующие и словообразовательные морфемы объединяются в ряды, а словоизменяемые глагольные и именные флексии структурируются по лицам и числам или по падежам и числам. Такое метаязыковое представление морфем способствовало выделению корневых, основообразующих, словообразовательных и словоизменяемых морфем в индоевропейских языках.

Кроме того, техника пратьяхар позволяет представлять в грамматическом описании классы единиц, а специальные технические показатели анубандхи, сопровождая термин, несут важную грамматическую и просодическую информацию, необходимую при синтезе словоформ. Особые термины грамматики обозначают нулевые морфемы в цепочке аффиксальных морфем в словоформе (Voloshina 2022).

Таким образом, метаязык грамматического описания в древнеиндийской грамматике представляет собой сложную систему

терминов, особых приемов и технических обозначений, маркирующих языковые единицы и предписывающих определенные действия по синтезу словоформ.

Литература

- Abhyankar, K. V. 1961: *A dictionary of Sanskrit grammar*. Baroda. XVI.
- Devasthali, G. V. 1967: *Anubandhas of Pāṇini*. University of Poona.
- Voloshina, O. A. 2022: [The concept of lopa in the grammar of Panini and the null affix in the works of F. F. Fortunatov]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and classical philology] 26, 209–214.
- Волошина, О. А. 2022: Понятие лора в грамматике Панини и нулевого аффикса в работах Ф. Ф. Фортунатова. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 26, 209–214.
- Voloshina, O. A. 2000: [The conceptual and terminological system of Panini]. Dissertation. Moskovskij gosudarstvennyj universitet.
- Волошина, О. А. 2000. *Понятийно-терминологическая система Панини. Диссертация кандидата филологических наук*. М. МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Sharma R. N. 1990–2003. *Aṣṭādhyāyī of Pāṇini*. New Delhi. Vol. 1–2. 1990. (The second edition — 2000), Vol. III. 1995. (The second edition — 2002), Vol. IV. 1999. Vol. V. 2001. Vol. VI, 2003.
- Tavastsherna, S. S. 2009: [Formation and development of linguistic tradition in Ancient India]. Sankt-Peterburg. Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet.
- Тавастшерн, С. С. 2009: *Становление и развитие лингвистической традиции в Древней Индии. Диссертация кандидата филологических наук*. СПб.: СПбГУ.
- Zaharjin, B. A. 2007: [Varadaraja's Sanskrit Grammar. *Varadarāja laghusiddhānta-kaumudī*, or A light illumination of the provisions of (Sanskrit grammar)]. М. ISAA MGU; Izdatel' Stepanenko.
- Захарьин, Б. А. 2007: *Санскритская грамматика Варадараджи. Varadarāja laghusiddhānta-kaumudī, или Облегченное освещение положений [санскритской грамматики]*. М. ИСАА МГУ; Издатель Степаненко.

А. П. Выдрин

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.

senjacom@gmail.com

ПРОСТЫЕ ГЛАГОЛЫ ЯГНОБСКОГО ЯЗЫКА

Настоящая статья посвящена глагольной лексике ягнобского языка 20-х–60-х гг. XX века. На основе опубликованных устных текстов, словарей и архивных материалов собраны все простые (односоставные) глаголы ягнобского языка, исследованы модели образования каузативных глаголов, а также изучены лабильные глаголы.

Ключевые слова: лексика, глагол, каузатив, лабильность, ягнобский язык, иранские языки.

A. P. Vydrin

Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia

senjacom@gmail.com

Simple verb of Yaghnobi

The paper deals with simple verbs of the Yaghnobi language of 1920–1960-s. The study is based on a collection of oral texts from the first half of the 20th century, dictionaries and archive data. As demonstrated in preceding studies, Yaghnobi transitive verbs are formed either through vowel alternation within the verb root, or via the addition of the causative (Tajik) suffix *-on*. The combination of the vowel alternation and the causative suffix also occurs in some lexemes to form the second causative. My study shows that the Yaghnobi language from 1920–1960-s had 286 simple verbs. The vowel alternation is rare in Yaghnobi and occurs only in 10 lexemes. The causative suffix *-on* is more productive. The study of the lability of simple verbs shows that there are 24 labile simple verbs in Yaghnobi, among them a few causative verbs with the suffix *-on*. Simple verbs show both A-lability and P-lability.

Keywords: lexicon, verb, causative, labile, Yaghnobi, Iranian language.

1. Введение

Ягнобский язык является современным восточноиранским языком, распространенным главным образом на территории долины реки Ягноб (Таджикистан)¹. А. Л. Хромов (1972: 6) на

¹ Я благодарен Л. И. Куликову за внимательное прочтение мой статьи и ценные комментарии.

основе доступных на конец 60-х — начало 70-х гг. XX века колхозных списков оценивал количество ягнобцев в 1509 человек в долине реки Ягноб и около 900 человек за ее пределами. Точное количество носителей на данный момент неизвестно. Портал Ethnologue (Ethnologue 2025) оценивает сохранность ягнобского языка термином *endangered* (исчезающий язык). Современные исследования показывают, что на ягнобском языке все еще говорят (Lurie 2015).

Статья основана на опубликованных и архивных материалах ягнобского языка 20-х–60-х гг. XX века. Именно в это время был собран основной массив устных ягнобских текстов и опубликован ягнобско-русский словарь. В статье намеренно не учитываются данные современного языка (например, наиболее полный на сегодняшний день ягнобско-чешский словарь (Novák 2010)), которые могут значительно отличаться от ягнобского языка первой половины XX века.

Основным источником данных настоящего исследования стал созданный мной устный корпус ягнобского языка объемом 47600 словоформ. В корпус вошли все известные опубликованные устные тексты ягнобского языка 20-х–60-х гг. XX века, а также некоторые неопубликованные материалы. Наибольший объем составляют тексты, собранные М. С. Андреевым и Е. М. Пещеревой (Andreev, Peshchereva 1957), 35800 слов. В корпус вошли тексты, собранные А. Л. Хромовым в 60-е гг. XX в. и опубликованные в его грамматике (Hromov 1972), 3500 слов, «Ягнобская сказка», записанная С. И. Климчицким в 1934 г. (Klimchickij 1940), и четыре коротких текста, записанных В. С. Соколовой (Sokolova 1953: 72–75). В корпус включены также ягнобские тексты из неопубликованной докторской диссертации М. Н. Боголюбова (1956a) общим объемом около 6500 слов. Корпус снабжен полным поморфемным разбором, грамматическими комментариями и переводом.

Вторым источником данных настоящего исследования являются словари ягнобского языка: словарь, составленный В. А. Лившицем и А. К. Писарчик по большей части по архивным материалам М. С. Андреева и Е. М. Пещеревой (Livshic, Pisarchik 1957) и неопубликованный словарь из докторской диссертации М. Н. Боголюбова (1956a). Для дополнительной сверки данных использовались опубликованные архивные материалы М. С. Андреева (1970).

Также было проведено ознакомление с неопубликованным таджикско-ягнобско-русским словарем из архива Б. А. Алборова (1963). Однако ввиду значительного количества ошибок и полного отсутствия примеров, материал этого словаря не вошел в настоящее исследование.

Основные способы образования каузативных глаголов в ягнобском языке описаны М. Н. Боголюбовым (1956b: 18)²: «Каузативные основы (§ 398) представлены в ягнобском непроезными и производными основами. В первых продолжают каузативные основы согдийского типа (древний глагольный класс основ на *-aya-*), напр.: *yuro:s-* ‘просыпаться’ — *yurayš-* ‘будить’, *zuwo:rt-* ‘возвращаться’ — *ziwirt-* ‘возвращать’. Ко вторым относятся основы, образуемые от простых основ: а) изменением коренного гласного, напр. *niž-* ‘выходить’ — *payž-* ‘заставить выйти’, б) прибавлением ударного суффикса *-o:n*, напр., *ni:d-* ‘садиться’ — *ni:do:n-* ‘сажать’; оба приема могут быть использованы одновременно, напр., *jax-* ‘вставать’ — *jaxo:n-* ‘заставить встать’, *gudar-* ‘проходить’ — *gudayro:n-* ‘проводить’».

На синхронном уровне рассмотрения ягнобского материала можно сказать, что у простых (односоставных) глаголов существует два морфологических способа образования каузативных глаголов: 1) чередование в корне, 2) прибавление каузативного суффикса *-on*. Отдельного внимания заслуживает комбинация первого и второго способа, отмеченная М. Н. Боголюбовым.

Сложные глаголы (состоящие из именной части и простого глагола) могут образовывать каузативные пары путем замены непереходного вспомогательного глагола на переходный. Например, *bajo vi-* ‘прятаться’ (букв. «скрытый становиться»), *bajo kun-* ‘прятать’ (букв. «скрытый делать»). Сложные глаголы не будут рассматриваться в настоящей статье.

Более поздние грамматические исследования ягнобского языка (например, Нгомов 1987) в разделе про каузативные глаголы обычно ссылаются на работу М. Н. Боголюбова (1956b) и не добавляют ничего нового. До сих пор не составлен полный список каузативных глаголов, использующих чередование в корне. Также в предыдущих работах не проводилась оценка

² Транскрипция источника сохранена.

продуктивности образования ягнобских каузативов с помощью чередования в корне и каузативного суффикса *-on*.

Целью настоящего исследования является выявление всех простых каузативных глаголов, образованных с помощью чередования в корне и суффикса *-on*, оценка продуктивности образования каузативных глаголов, а также изучение особенностей значений, возникающих при образовании каузативных глаголов.

В статье также будет приведен список лабильных глаголов, т.е. глаголов, сочетающих переходное и непереходное значение.

2. Чередования в корне

Всего на основе проанализированных источников в ягнобском обнаружено 286 простых глаголов, из которых в корпусе текстов встречается только 192 глагола. Проведенное исследование показывает, что только 10 каузативных глаголов образованы с помощью чередования в корне. Ниже дается таблица таких глаголов. Учитывались только те глаголы, для которых сохранилась глагольная пара без чередования. Вначале дается исходный глагол с переводом и грамматическими комментариями, затем — каузативный глагол с чередованием, отдельно отмечаются случаи образования с помощью каузативного суффикса *-on*.

Таблица 1. Глаголы с чередованием в корне
Table 1. Verbs with vowel alternation within the roots

	Глагол	Значение	Комментарий
1.	<i>gudar</i>	1. проходить (о пространстве или времени); 2. миловать, прощать	1. intr, <i>mošin baazob a-gudar</i> (машина с.трудом PST-проходить.3SG) ‘машина прошла с трудом’ (Hromov 1972: 145); <i>du moh, se moh a-gudar</i> (два месяц три месяц PST-проходить.3SG) ‘два месяца, три месяца прошло’ (Hromov 1972: 157); 2. intr, tr, объект обычно маркируется предлогом <i>še</i> ; в корпусе есть лишь один пример, где объект без предлога: <i>Waxīn=š a-dūgar-ēm</i> (кровь=ENC.3SG PST-прощать-1SG) ‘Я простил его [не убивайте его]’ (Andreev, Peshchereva 1957: 48)
	<i>gudayron</i>	переносить; проводить; возвращать	tr, чередование в корне и каузативный суффикс <i>-on</i>

2.	<i>yuros</i>	просыпаться	intr
	<i>yuroson</i>	будить	tr, каузативный суффикс <i>-on</i>
	<i>yūrayš</i>	будить, разбудить	tr
	<i>yūrayšon</i>	будить	tr, каузативный суффикс <i>-on</i>
3.	<i>jax</i>	1. вставать; 2. собираться; 3. начинать; 4. <i>побудит. част.</i> давай	intr
	<i>jayxon</i>	поднимать	tr, чередование в корне и каузативный суффикс <i>-on</i>
4.	<i>nepid</i>	1. лежать; 2. ложиться спать, засыпать 3. спать	intr
	<i>nīpayd</i>	1. укладывать (напр., на землю); 2. укладывать спать	tr
	<i>nīpaydōn</i>	укладывать	tr, чередование в корне и каузативный суффикс <i>-on</i>
5.	<i>nīž</i>	1. выходить (движение) 2. выходить, получаться	intr, 1. см. пример ниже в строке <i>nayž</i> ; 2. <i>Agar gap=īm dūruy a-než,</i> <i>kē=m tuxoy-t</i> (если слово=ENCL.1SG ложь PST-выходить.3SG to=ENCL.1SG убивать-IMP.2PL) ‘Если мои слова окажутся ложью, тогда меня убейте’ (Andreev, Peshchereva 1957: 102)
	<i>nayž</i>	выводить, заставить выйти	tr, <i>i firona či xon a-niz-im, op a-</i> <i>nayž-im</i> (INDEF утро из дом PST- выходить-1SG вода PST-выводить- 1SG) ‘однажды утром я вышел из летовки, пустил воду [дважды полил мой посев]’ (Bogoljubov 1956a: 790)
6.	<i>penaš</i>	теряться	intr
	<i>pīnayš</i>	терять	tr
7.	<i>san</i>	1. подниматься; 2. вырастать	intr
	<i>sayn</i>	поднимать; вызывать (например, жжение)	tr
8.	<i>sūxs</i>	1. гореть, сгорать; 2. страдать	intr
	<i>suxon</i>	жечь	tr, каузативный суффикс <i>-on</i>
	<i>suč</i>	жечь	tr
9.	<i>tiraš</i>	1. падать (также переносно: обращаться к кому-л.); 2. заболеть («свалиться больным»);	1. intr, <i>agar či das sang a-tiraš-iš</i> (если из рука камень PST-падать-3SG) ‘если камень [у кого-нибудь] падал из рук[, то он проигрывал]’ (Hromov 1972: 147); 2. tr, <i>žuta-y a-ur-or, a-tiraš-</i>

		3. повалить	or (мальчик-OBL PST-приводить-3PL PST-повалить-3PL) ‘мальчика привели, повалили (на землю)’ (Andreev, Peshchereva 1957: 73)
	<i>tirayš</i>	1. падать 2. ронять	intr, tr, <i>worza če dast=em a-tirayš</i> , <i>xwat=em=š a-tirayš-em</i> (чашка от рука=ENCL.1SG PST-падать.3SG сам=ENCL.1SG=ENCL.3SG PST-ронять-1SG) ‘чашка упала из моих рук, я сам ее уронил’ (Bogoljubov 1956a: 858).
10.	<i>ziwort</i>	1. возвращаться; 2. поворачиваться	intr
	<i>zīwirt</i>	1. возвращать; 2. поворачивать, заворачивать	tr

Рассмотрим некоторые обнаруженные особенности. У двух пар глаголов отмечается образование каузативного глагола комбинированным способом «чередование в корне + каузативный суффикс *-on*»: *gudar* ‘проходить’ — *gudayrōn* ‘переносить’ и *jax* ‘вставать’ — *jauxon* ‘поднимать’.

У некоторых каузативных глаголов, образованных с помощью чередования в корне, возможно образование второго каузатива с помощью каузативного суффикса *-on*: *γūrayš* ‘будить’ — *γūrayšon* ‘будить’, *nīpayd* ‘укладывать’ — *nīpaydon* ‘укладывать’. В ягнобских текстах не прослеживается семантических различий между *γūrayš* ‘будить’ и *γūrayšon* ‘будить’, а также *nīpayd* ‘укладывать’ и *nīpaydon* ‘укладывать’. Формы *γūrayš* ‘будить’ и *nīpayd* ‘укладывать’ являются более частотными в текстах и употребляются четыре и три раза соответственно, в то время как вторые каузативы *γūrayšon* ‘будить’ и *nīpaydon* ‘укладывать’ встречаются только по одному разу.

У некоторых непереходных глаголов возможно образование переходной пары как с помощью чередования в корне, так и с помощью каузативного суффикса *-on*: *γuros* ‘просыпаться’ — *γuroson* ‘будить’ — *γūrayš* ‘будить’; *sīxs* ‘гореть’ — *suxon* ‘жечь’ — *suč* ‘жечь’. В данном случае также не выявлено семантических или каких-либо других различий между каузативными вариантами.

Заслуживает отдельного внимания рассмотрение семантики пары глаголов *tiraš* ‘падать; повалить’ — *tirayš* ‘падать; ронять’. И исходный глагол, и каузативный являются лабильными (т.е.

одна и та же форма может употребляться и в непереходных, и в переходных конструкциях). Значения исходного и каузативного глаголов практически идентичны. Лексемы *tiraš* и *tirayš* существуют в ягнобском как взаимозаменяемые варианты одного глагола. В словаре (Livshits, Peshchereva 1957: 335) *tirayš* рассматривается как вариант *tiraš*.

Количество обнаруженных каузативных образований с помощью чередования в корне, а также возможность присоединения к этим формам каузативного суффикса *-on* и возможность параллельного образования от исходных непереходных глаголов каузативных глаголов с суффиксом *-on* показывают, что способ образования каузативных глаголов с помощью чередования в корне в ягнобском языке является совершенно непродуктивным.

Образование каузативных глаголов с помощью чередования в корне встречается в других восточноиранских языках, например, в осетинском (Vydrin 2022), где эта модель также является непродуктивной.

3. Каузативный суффикс *-on*

Каузативный суффикс *-on* усвоен ягнобским из таджикского языка, с которым ягнобский непосредственно контактирует. Как отмечает Л. А. Пирейко (1975: 30), «в качестве суффикса каузативности в подавляющем большинстве [ново]иранских языков употребляется формант *-n* с различными огласовками». В обработанном материале ягнобского языка обнаружен 61 глагол, способный присоединять каузативный суффикс *-on*, что в процентном соотношении составляет примерно 27% от всех обнаруженных в этом языке простых глаголов. Учитывая большое число каузативных глаголов, образованных с помощью суффикса *-on*, я не буду приводить их полный список и ограничусь рассмотрением лишь отдельных наиболее интересных случаев.

Некоторые каузативные глаголы, образованные с помощью суффикса *-on* лабильны. Например, в паре глаголов *dau* ‘бегать’ — *dawon* ‘пускать вскачь, гнать; перебрасывать; побежать’ каузативный глагол *dawon* сохраняет непереходное значение ‘побежать’. В паре глаголов *kaf* ‘лопнуть; треснуть; взорваться’ — *kafon* ‘разрезать; взрывать; лопнуть, взорваться’ у каузативного глагола

первые два значения являются переходными, а последнее ‘лопнуть, взорваться’ — непереходное, такое же, как и у исходного глагола.

Отдельные каузативные глаголы не имеют непереходной пары. Например, *kalayon* ‘заставлять взывать о пощаде’ не имеет непереходного глагола и, вероятно, образован непосредственно от именной основы *kalayast* ‘воплъ, крик о помощи’. Каузативный глагол *kašōn* ‘сгребать’ заимствован из таджикского (*кашон(и)дан* ‘переносить, перевозить’), при этом исходный глагол с основой *kaš* в ягнобском отсутствует.

Каузативный суффикс может присоединяться как к непереходным глаголам, так и к переходным. Например, непереходный *xant* ‘смеяться’ — *xanton* ‘рассмешить’; переходный *xwar* ‘есть’ — *xīroñ* ‘кормить’.

4. Простые лабильные глаголы

При исследовании глагольной лексики ягнобского языка был выявлен ряд лабильных глаголов, т.е. глаголов, способных употребляться и в переходных, и в непереходных конструкциях. При этом в переходном значении эти глаголы имеют модель управления базовой переходной конструкции (Vydrin 2023a, 2023b): во временах и наклонениях, не использующих причастие прошедшего времени смыслового глагола, пациен- тивный участник в зависимости от одушевленности и референ- циального статуса (и некоторых других особенностей) марки- руется косвенным или прямым падежом; агентивный участник маркируется прямым падежом и согласуется в лице и числе с предикатом. Глаголы, имеющие переходное значение, но маркирующие объект с помощью предлога или послелога, оцениваются как непереходные. Например, глагол *čukayr* ‘бо- яться’ маркирует свой объект предлогом *če* ‘от, из’ и считается непереходным, в то время как глагол *čoi* ‘давить, раздавить; наступить на’ маркирует свой объект прямым или косвенным падежом и считается переходным.

Ниже приводится таблица всех обнаруженных простых (односоставных) глаголов ягнобского языка, обладающих свой- ством лабильности. В выборку включены также простые глаго- лы с каузативным суффиксом *-on*. В столбце «комментарии» даются примеры на наиболее редкие или неоднозначные значения.

Таблица 2. Лабильные глаголы
Table 2. Labile verbs

	Глагол	Значение	Комментарии, примеры
1	budufs	1. драться; 2. липнуть, приклеиваться; 3. приставать, домогаться	1. intr, a-budufs-im (PST-драться-1PL) ‘мы подрались’ (Hromov 1972: 162); 2. intr, <i>poda=t budufs-ot</i> — <i>san-išt</i> (нога=ENCL.2SG липнуть-SBJV.3SG подниматься-PRS.3SG) ‘если зацепится твоя нога — вылезешь’ (Livshic, Pisarchik 1957: 233); 3. tr, a-budufs-i=m (PST-приставать-2SG=ENCL.1SG) ‘[Или ты на меня будешь смотреть, или я скажу моему мужу, что] ты меня одолевал’ (Bogoljubov 1956: 502)
2	čak	1. доить (напр. корову); 2. капать (напр. о воде)	1. tr; 2. intr
3	dawoñ	1. пускать вскачь, гнать; перебросить (напр. доску через ров); 2. побежать	Каузативный суффикс -on; 1. tr, a-dawwun (PST-пускать.вскачь.3SG) ‘Он пустил [лошадь] вскачь’ (Andreev, Peshchereva 1957: 93); 2. intr, Ax <i>a-jax xobolud, a-než, a-dawon</i> (тот PST-вставать.3SG сонный PST-выходить.3SG PST-побежать.3SG) ‘Тот вскочил заспанный, вышел, побежал [— порезал себе ногу]’ (Andreev, Peshchereva 1957: 187)
4	dih	1. бить, ударять (например, ножом), бросить (камень); 2. попадать (в цель); 3. стрелять, подстрелить; 4. побороть; 5. падать; 6. взять, начать	1. tr; 2. tr; 3. tr; 4. tr; 5. intr, <i>kě fūr-čě, dēh-t čox-ě tak-ě</i> (тогда лететь-PRS.3SG падать-SER.PRS.3SG колодец-OBL дно-OBL) ‘тогда он летит и падает на дно колодца’ (Andreev, Peshchereva 1957: 181) 6. intr, a-dih-im a-šaw Buxoro-vik a-laks (PRS-взять-1SG PST-идти.SER Бухара-сторона PST-гулять.SER) ‘взял я да и пошел бродить в Бухару’ (Hromov 1972: 154)
5	diriš	1. рвать; 2. рваться, разрываться	В корпусе глагол не встречается. В словарях или нет примеров (Livshic, Pisarchik 1957: 247), или примеры неоднозначны (Bogoljubov 1956a: 705) и не позволяют определить переходность глагола
6	gudar	1. проходить (о пространстве или времени) 2. миловать, прощать	1. intr; 2. intr, tr; см. примеры в Таблице 1

7	jěh	прыгать; перепрыгивать	переходное значение ‘перепрыгивать’ отмечается только в словаре (Livshic, Peshchereva 1957: 266), однако примеров не дается
8	jūmbon	1. качать (люльку), трясти (ветку); 2. дрожать, трястись	Каузативный суффикс - <i>on</i> ; 1. tr; 2. intr, дается только в словаре М. Н. Боголюбова (1956a: 783) <i>dasti=š yor, jumbōn-ak=š ast</i> (рука-OBL=ENCL.3SG смотреть.IMP.2SG трястись-INF=ENCL.3SG COP.3SG.PRS.PROG) ‘посмотри на его руки, они трясутся’
9	kafon	1. разрезать; 2. взрывать; 3. лопнуть, взорваться	Каузативный суффикс - <i>on</i> ; 1. tr; 2. tr; 3. intr
10	laks	1. бродить по, обходить; 2. крутиться, вертеться	1. tr, <i>tīk a-ves-im a-met bozor-i a-laks</i> (еще PST-приходить-PST.1SG тот-день базар-OBL PST-бродить.SET) ‘в тот день я пошел, побродил по базару’ (Hromov 1972: 149); 2. intr, <i>čarx=š nī-laks</i> (колесо=ENCL.3SG NEG.PST-крутиться.3SG) ‘ее колесо не вертелось’ (Bogoljubov 1956a: 466)
11	lakson	1. гонять; 2. крутить; 3. ходить	Каузативный суффикс - <i>on</i> ; 1. tr; 2. tr; 3. intr? данное значение похоже на первое значение исходного глагола <i>laks</i> , однако в текстах <i>lakson</i> в этом значении употребляется только без объекта — <i>Lakson-čě, lakson-čě, nos, vvou-t</i> (ходить-PRS.3SG ходить-PRS.3SG брать приходить-SER.PRS.3SG) ‘Он ходит, ходит, берет, возвращается (домой)’ (Andreev, Pisarchik 1957: 149)
12	mon	1. класть; 2. позволять, разрешать; 3. оставлять, уходить, покидать; 4. оставаться; 5. посылать; 6. наливать (редко) 7. результативное значение	1. tr; 2. tr; 3. tr; 4. intr, <i>xor=š qal'a-ě a-mon</i> (сестра=ENCL.3SG крепость-OBL PST-оставаться.3SG) ‘его сестра осталась в крепости’; 5. tr; 6. редко, в корпусе только один пример, tr; 7. модифицирующий глагол с грамматическим значением результата
13	nos	1. брать; 2. ловить; 3. покупать; 4. бороться (с — послелогом <i>pe</i>); 5. идти (об осадках)	1. tr; 2. tr; 3. tr; 4. intr, объект маркируется послелогом <i>pe</i> — <i>Aně odam-ě-pe nos-išt?</i> (другой человек-OBL-POST бороться-PRS.2SG) ‘Будешь ли ты бороться с другим человеком?’ (Andreev, Peshchereva 1957: 33); 5. intr, <i>wafr a-nos, borūn a-nos</i> (снег PST-идти.3SG дождь PST-

			идти.3SG) ‘снег пошел, дождь пошел’ (Hromov 1972: 149)
14	nuyunt	1. надевать (одежду, обувь); 2. одеваться	1. tr; 2 intr; непереходное значение у этого глагола можно рассматривать как опущение объекта, ср. <i>Она надевает одежды</i> и <i>Ей принесли одежды, она надевает / одевается</i>
15	ras	1. достигать, приходиться в; 2. касаться, дотрагиваться; 3. попадать в; 4. доставаться; 5. созреть	1. tr, объект обычно маркируется OBL, иногда может маркироваться послелогом <i>riti</i> или таджикским предлогом <i>ba</i> ; 2. tr; 3. tr; 4. tr; 5. intr, <i>kad yaw, yantum a-ras, rūp-imišt</i> (когда ячмень пшеница PST-созреть.3SG жать-PRS.1PL) ‘когда созреет ячмень, пшеница, мы будем жать’ (Bogoljubov 1956a: 470)
16	ši	1. вымерзнуть; 2. вымораживать	1. intr; 2. tr
17	tiraš	1. падать (также переносно: обращаться к кому-л.); 2. заболеть («свалиться больным»); 3. повалить	см. примеры в Таблице 1
18	tirayš	1. падать; 2. ронять	см. пример в Таблице 1
19	ūnхоу	1. ломать; 2. рубить; 3. ломаться	1. tr, <i>Хаур, gowora ūnхоу, suč!</i> (ладно колыбель ломать.IMP.2SG жечь.IMP.2SG) ‘Ладно, колыбель сломай, сожги’ (Andreev, Peshchereva 1957: 53); 2.tr, <i>ūdda na-vu-ta-x izm unxōy-i</i> (POT NEG-быть-PART.PST-COP.3SG.PRFX дрова рубить-OBL) ‘[он] не мог рубить дрова’ (Bogoljubov 1956: 532); 3. intr <i>Qabūry=am a-ūnхоу</i> (ребро=ENCL.1SG PST-ломаться.3SG) ‘У меня сломалось ребро’ (Andreev, Peshchereva 1957: 73)
20	vant	1. привязывать; 2. запрягать; 3. закрывать; 4. прилеплять; 5. целиться	1. tr; 2. tr; 3. tr; 4. tr; 5. intr, редко, в наших материалах только один пример — <i>Nahīptē qayroq sanga nos-čē, van-čē</i> (таким.образом точило камень брать-PRS.3SG целиться-PRS.3SG) ‘Он берет вот эдакий камень, прицеливается [и кидает в мать]’ (Andreev, Peshchereva 1957: 175)
21	xant	1. смеяться; 2. высмеивать, смеяться над	1. intr; 2. tr, <i>man a-xant-ē, a-dēh-tē</i> (я PST-смеяться-2PL PST-бить-2PL) ‘вы надо мною смеялись, били [меня]’ (Andreev, Peshchereva 1957: 179)
22	xerd	1. intr, испражняться; 2. tr, выкакивать; 3. tr, вульг. относиться	1. intr; 2. tr, <i>šou xwor-tīšt, safet xīrd</i> (черное есть-PRS.3SG белое испражняться.SER.PRS.3SG) ‘ест черное, выбрасывает

		негативно к кому-н («срать на кого-н»)	белое' (ягнобская загадка, ответ — мельница) (Andreev, Peshchereva 1957: 211); 3. tr, <i>ham dodo-ě riš-ĩ=m, ham vir-ĩk-ě=m xĩrd-ĩm</i> (и отец-OBL борода-OBL=ENCL. 1SG и муж-ADJ-OBL=ENCL.1SG испражняться-SBJV.1SG) 'Срала я на бороду отца и мужа[, / Одно свидание с милым лучше ста мужей]' (Andreev, Peshchereva 1957: 212)
23	yoz	1. брать; 2. протягивать (руку, чтобы взять)	1. tr, <i>man yoz-ĩm kě tũ</i> (я брать-SBJV.1SG потом ты) 'я возьму, а потом уже ты' (Andreev, Peshchereva 1957: 37); 2. intr, <i>Dast=š a-yoz, darau=š a-nos</i> (рука=ENCL.3SG PST-протягивать.3SG волос=ENCL.3SG PST-брать.3SG) 'Она протянула руку, схватила его за волосы' (Andreev, Peshchereva 1957: 203)
24	žoy	1. читать; 2. произносить; 3. петь; 4. учиться	1. tr; 2. tr; 3. tr; 4. intr, <i>yayk-at žũta pan sōl maktab-i a-žōy-ōr</i> (дочь-и сын пять год школа-OBL PST-учиться-3PL) 'Дочь и сын пять лет учились в школе' (Bogoljubov 1956a: 541)

Всего обнаружено 24 лабильных глагола, что составляет около 8.4% от общего числа простых глаголов ягнобского языка. Среди лабильных глаголов находится несколько глаголов с так называемой А-лабильностью (*jěh* 'прыгать', 'перепрыгивать'; *niyunt* 'надевать', 'одеваться'), однако большинство обнаруженных глаголов представляют собой скорее Р-лабильность (например, *ĩnхоу* 'ломать', 'ломаться') (про А- и Р-лабильность см., например, работу (Letuchij 2013)).

5. Выводы

В результате проведенного исследования в ягнобском языке 20-х–60-х гг. XX века обнаружено 286 простых глагола, среди них каузативных глаголов, образованных с помощью чередования в корне, — 10; каузативных глаголов, образованных с помощью суффикса *-on*, — 61; лабильных глаголов — 24. Установлено, что чередование в корне является непродуктивной моделью образования глаголов.

Условные сокращения

ADJ — деривационный суффикс, COP — глагол-связка, ENCL — местоименная энклитика, IMP — императив, INDEF — неопределенный артикль, INF — инфинитив, intr — непереходный глагол, NEG — отрицание, OBL — косвенный падеж, PART.PST — причастие прошедшего времени, PL — множественное число, POST — послелог, POT — потенциальная конструкция, PRF — перфект, PRS — настоящее время, PRS.PROG — прогрессив настоящего времени, PST — прошедшее время, SBJV — сослагательное наклонение, SER — зависимая форма, SG — единственное число, tr — переходный глагол.

Литература

- Alborov 1963: Alborov B. A. *Jagnobskij jazyk. Slovar'* [The Yaghnobi language. Dictionary] (A manuscript in the Central State Archive of the Republic of North Ossetia – Alania).
- Алборов 1963: Алборов Б. А. *Ягнобский язык. Словарь*. Рукопись. Отдана на хранение в Северо-Осетинский республиканский архив 15.02.1963 (в настоящее время Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания).
- Andreev 1970: Andreev M. S. *Materialy po etnografii Jagnoba (zapisi 1927–1928)* [Materials on Yaghnob ethnography (recordings of 1927–1928)]. Dushanbe: Donish.
- Андреев 1970: Андреев М. С. *Материалы по этнографии Ягноба (записи 1927–1928 гг.)*. Душанбе: Дониш.
- Andreev, Peshchereva 1957: Andreev M. S., Peshchereva E. M. *Jagnobskie teksty* [Yaghnobi texts]. M.; L.: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR.
- Андреев, Пещерева 1957: Андреев М. С., Пещерева Е. М. *Ягнобские тексты*. М; Л.: Издательство академии наук СССР.
- Bogoljubov 1956a: Bogoljubov M. N. *Jagnobskij (novosogdijskij) jazyk. Issledovanie i materialy*. [The Yaghnobi (New Sogdian) language. Research and materials] Diss. ... dok. fil. nauk. L.: LGU, Vostochnyj fakul'tet.
- Боголюбов 1956a: Боголюбов М. Н. *Ягнобский (новосогдийский) язык. Исследование и материалы*. Дисс. ... док. фил. наук. Л.: ЛГУ, Восточный факультет.
- Bogoljubov 1956b: Bogoljubov M. N. *Jagnobskij (novosogdijskij) jazyk. Issledovanie i materialy*. [The Yaghnobi (New Sogdian) language. Research and materials] Avtoref. diss. ... dok. filol. nauk. Leningrad: LGU.
- Боголюбов 1956b: Боголюбов М. Н. *Ягнобский (новосогдийский) язык. Исследование и материалы*. Автореф. дисс. ... док. филол. наук. Л.: ЛГУ.
- Bogoljubov 1966: Bogoljubov M. N. [The Yaghnobi language]. In: *Jazyki narodov SSSR. Tom I. Indoevropskie jazyki*. M.: Nauka, 342–361.

- Боголюбов 1966: Боголюбов М. Н. Ягнобский язык. В сб.: *Языки народов СССР*. Том I. Индоевропейские языки. М.: Наука, 342–361.
- Ethnologue 2025: D. M. Eberhard, G. F. Simons, Ch. D. Fennig (eds.). *Ethnologue: Languages of the World*. 28th edition. Dallas, Texas: SIL International. Available at: <http://www.ethnologue.com> (accessed on 01.03.2025).
- Hromov 1972: Hromov A. L. *Jagnobskij jazyk* [The Yaghnobi language]. М.: Nauka, 644–701.
- Хромов 1972: Хромов А. Л. *Ягнобский язык*. М.: Наука.
- Hromov 1987: Hromov A. L. [The Yaghnobi language] In: V. S. Rastorgueva (ed.). *Osnovy iranskogo jazykoznanija. Novoiranskije jazyki: Vostochnaja grupa*. М.: Nauka, 644–701
- Хромов 1987: Хромов А. Л. Ягнобский язык. В сб.: В. С. Расторгуева (отв. ред.). *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Восточная группа*. М.: Наука.
- Klimchickij 1940: Klimchickij S. I. [Yaghnobi tale] In: *Trudy tadzhikistanskoj bazy*. Tom IX. М.; Л.: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR, 94–103.
- Климчицкий 1940: Климчицкий С.И. Ягнобская сказка. В сб.: *Труды таджикистанской базы*. Том IX. М.;Л.: Издательство академии наук СССР, 94–103.
- Letuchij 2013: Letuchij A. B. *Tipologija labil'nyh glagolov* [Typology of labile verbs]. М.: Jazyki slavjanskoj kul'tury.
- Летучий 2013: Летучий А. Б. *Типология лабильных глаголов*. М.: Языки славянской культуры.
- Livshic, Pisarchik 1957: Livshic V. A., Pisarchik A. K. [Yaghnobi-Russian dictionary]. In: Andreev M. S., Peshchereva E.M. *Jagnobskie teksty*. М.; Л.: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR, 216–391.
- Лившиц, Писарчик 1957: Лившиц В. А., Писарчик А. К. Ягнобско-русский словарь (приложение). В сб.: Андреев М. С., Пещерева Е. М. *Ягнобские тексты*. М.; Л.: Издательство академии наук СССР, 216-391.
- Lurie 2015: Lurie P. B. [Yaghnobi tale about Ali and Imam Magdi]. In: Pelevin M. S. (ed.) «*Na pastbishhe Mysli Blagoj*». *Sbornik statej k jubileju I. M. Steblin-Kamenskogo*. SPb: Kontrast, 154–163.
- Лурье 2015: Лурье П. Б. Ягнобская сказка об Али и Имаме Махди. В сб.: Пелевин М. С. (отв. ред.) «*На пастбище Мысли Благой*». *Сборник статей к юбилею И. М. Стеблин-Каменского*. СПб: Контраст, 154–163.
- Novák 2010: Novák, Eubomír. *Jaghnóbsko-český slovník s přehledem jaghnóbské gramatiky*. Praha: Univerzita Karlova v Praze, Filozofická fakulta.
- Pirejko 1975: Pirejko L. A. [Voice category]. In: V. S. Rastorgueva (ed.). *Opyt istoriko-tipologičeskogo issledovanija iranskih jazykov. Tom II. Jevojucija grammatičeskijh kategorij*. М.: Nauka, 302–336.

- Пирейко 1975: Пирейко Л. А. Категория залога. В сб.: В. С. Расторгуева (отв. ред.). *Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Том II. Эволюция грамматических категорий*. М.: Наука, 302–336.
- Sokolova 1953: Sokolova V. S. *Očerki po fonetike iranskih jazykov. II. Osetinskij, jagnobskij i pamirskie jazyki* [Essays on the Phonetics of Iranian Languages. II. Ossetian, Yaghnobi and Pamir Languages]. М.; Л.: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR.
- Соколова 1953: Соколова В. С. *Очерки по фонетике иранских языков. II. Осетинский, ягнобский и памирские языки*. М.–Л.: Издательство академии наук СССР.
- Vydrin 2022: Vydrin A. P. Perehodnost' v osetinskom jazyke [Transitivity in Ossetic language]. *Acta Linguistica Petropolitana*. Vol. 18.3, 11–30.
- Выдрин 2022: Выдрин А. П. Переходность в осетинском языке. *Acta Linguistica Petropolitana*. Vol. 18.3, 11–30.
- Vydrin 2023a: Vydrin A. P. [Differentiated case marking of Object in the Yaghnobi language]. In: T. I. Davidjuk, I. I. Isaev, Ju. V. Mazurova, S. G. Tatevosov, O. V. Fedorova (eds.). *Jazyk kak on est': Sb. st. k 60-letiju Andreja Aleksandroviča Kibrika*. М.: Buki Vedi, 160–166.
- Выдрин 2023a: Выдрин А. П. Дифференцированное падежное маркирование объекта в ягнобском языке. В сб.: Т. И. Давидюк, И. И. Исаев, Ю. В. Мазурова, С. Г. Татевосов, О. В. Федорова (ред.-сост.). *Язык как он есть: Сб. ст. к 60-летию Андрея Александровича Кибрика*. М.: Буки Веди, 160–166.
- Vydrin 2023b: Vydrin A. P. Basic constructions of a sentence in the Yaghnobi language. In: *Songs and Trees: Papers in Memory of Sasha Vydrina*. N. R. Sumbatova, I. S. Kapitonov, M. L. Hachatur'jan, S. A. Oskol'skaja, S. Ferhees (eds.) SPb.: ILI RAN, 507–528.
- Выдрин 2023b: Выдрин А. П. Базисные конструкции предложения ягнобского языка. В сб.: *Songs and Trees: Papers in Memory of Sasha Vydrina* / ред. Н. Р. Сумбатова, И. С. Капитонов, М. Л. Хачатурьян, С. А. Оскольская, С. Ферхеес. СПб.: ИЛИ РАН, 507–528.

А. Н. Гавриченко

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского,
Калуга, Россия. pr_nz@mail.ru

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ СЕМАНТИКЕ ДРЕВНИХ ИМЕННЫХ ОСНОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘САМЕЦ’, ‘МУЖЧИНА’, ПРОИЗВОДНЫХ ОТ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ КОРНЕЙ **ǵers-*, **ers-*

Мнение Э. Бенвениста о различении в праязыке двух понятий — функционального (производитель) и природного (самец), восходящих к корням **ǵers-* и **ers-* ‘течь’, неубедительно. Анализ материала указывает на наличие в праиндоевропейском одного, природного понятия (самец). Использование данных корней в названиях самца, мужчины объясняется тем, что древние в движении жидкостей (дождя, росы, сока), несущих в себе изобилие и плодородие, видели проявление мужской силы в природе. Самец изначально — ‘носитель плодородия’, ‘по-мужски сильный’.

Ключевые слова: движущаяся жидкость, изобилие, плодородие, символ мужской силы, самец, новорождённые животные.

А. N. Gavrichenkov

Kaluga State Tsiolkovsky University,
Kaluga, Russia. pr_nz@mail.ru

About the original semantics of ancient nominal bases with the meaning of ‘male’, ‘man’, derived from the Indo-European roots **ǵers-*, **ers-*

The conducted research does not confirm the point of view of É. Benveniste, according to which two concepts should be distinguished in the Proto-Indo-European language, on the one hand, the functional concept of the producer, and, on the other hand, the natural concept of the male. É. Benveniste believes that these concepts are related respectively to two different roots **ǵers-*, **rs-* < **ǵers-*, **ers-* ‘pour out’, ‘flow’. In fact, these synonymous roots (or phonomorphological variants of a single root) are associated only with one concept of a natural and, at the same time, of a functional character, namely, with the concept of a male as a carrier of fertility and a producer of generation. This means that initially the male was not designated by the function that he performed in animal husbandry, i. e. not as a ‘semen emitters’, ‘Beträufeler’ ‘Besamer’ (inseminator), but according to the function determined by its masculine nature, which in the minds of the ancients was likened to the property of a moving liquid (rain, dew, juice), carrying the forces of abundance and fertility. This explains the use in Indo-European languages of the roots **ǵers-*, **ers-* in the

designations of males, as well as newly born animals in Greek (*ἔρσαι*). Young animals mean ‘newborns’, ‘offspring’, and the male, symbolizing masculine strength and fertility, is initially the one who is the bearer of fertility, mannishly strong. The original meanings of the Indo-European bases **ursen-*, **rsen-* have been preserved in the semantics of many derived lexemes, compare, for example, the skr. *vr̥śán-* ‘stark’, ‘kräftig’ (strong), Greek. *ἄρσην*, *ἄρρην* ‘männlich’ (masculine, strong).

Keywords: moving liquid, abundance, fertility, symbol of male power, male, newborn animals.

В «Словаре индоевропейских социальных терминов» Э. Бенвениста исследуется семантика терминов, обозначающих животных мужского пола, производных от индоевропейских корней **uers-* ‘Regen’ (дождь), ‘Tau’ (роса) и **ers-* ‘männlich’ (мужской) (Benveniste 1995: 35–37; Pokorny 1959: 81, 336).

Э. Бенвенист, отвечая на поставленный ещё Г. Курциусом вопрос о соотношении корней **uers-* (*varsh-*) и **ers-* (*arsh-*) (Curtius 1879: 342), полагает, что с корнем **uers-* связано понятие «производитель», присутствующее в значениях именных производных санскр. *vr̥śan*, *vr̥śabha* ‘бык’, авест. **varəšan* ‘племенной баран’, лат. *uerrēs* ‘хряк’. Корень **ers-*, имеет значение «самец» (как разновидность животного), сравн. санскр. *r̥śan*, *r̥śabha* ‘бык’, авест. *arəšan*, греч. *ἄρσην*, *ἄρρην* ‘самец’.

Несмотря на сходство корней **uers-* и **ers-* в их внешней форме и семантике (Schaffner 2005: 134–135), связанные с ними понятия, по мнению Э. Бенвениста, не тождественны: в праиндоевропейском различались, с одной стороны, понятие *функциональное* (производитель), а, с другой стороны, — *природное* (самец). В санскрите, однако, рефлексy этих корней в производных, соответственно, *vr̥śabha* и *r̥śabha*, показывают одинаковые значения: «мифологический бык», «самец вообще». Однако данное сближение, как считает Э. Бенвенист, имеет вторичный характер (Benveniste 1995: 36), представляя собой инновацию этого языка, в то время как показания других индоевропейских языков (авестийского, латинского, и др.) указывают на наличие в праязыке изначально двух совершенно разных, семантически дифференцированных корней. В авестийском это различие выражено особенно чётко: *varəšni-* <**varəšan* <**uers-* ‘баран’, т. е. ‘производитель’, а *arəšan* <**ers-* ‘(просто) самец’, т. е. вид животного по отношению к самке. В латинском имеется производный от **uers-* термин *uerrēs* ‘боров’, ‘племенной хряк’, ‘Bespringer’ («покрывающий») (Vaniček 1877: 935). Для обозначения «самца вообще» здесь используется другое

слово — *sūs* (Benveniste 1995: 37). С корнем **uērs-* этимологически связаны также соответствующие балтийские аналоги: сравн. лит. *veršis* ‘телёнок’ и латышск. *vērsis* ‘вол’, ‘бык’. В греческом языке, напротив, термины *ἄρσην*, *ἄρρην* < и.-е. **ers-* обозначают мужчину, самца, т.е. не производителя.

Завершая исследование, Э. Бенвенист отмечает, что корень **uērs-* транспонировал понятие дождя как оплодотворяющей влаги, сравн. санскр. *varṣ* ‘regnen’ (дождить), в понятие «производитель» (Benveniste 1995: 37).

Для доказательства связи корня **uērs-* с понятием «производитель» Э. Бенвенист ссылается на греческую лексему *ἔρσαι*, обозначающую новорождённых ягнят и козлят и представляющую собой форму множественного числа существительного женского рода *ἔρση* < *ἐ(ω)ἔρση* ‘дождь’, ‘роса’ < и.-е. **uērs-*. Данная лексема, как известно, встречается у Гомера в описании животных, стоявших в пещере циклопа Полифема, сравн. *χωρίς μὲν πρόγονοι, χωρίς δὲ μέτασσαι, χωρίς δ’ αὐθ’ ἔρσαι* ‘отдельно стояли животные старшие, отдельно те, которые помоложе, отдельно также недавно родившиеся’ (Од. 9.222). Перенос наименования объясняется тем, что маленькие животные уподоблялись только что выпавшим каплям росы. Отсюда следует вывод: такой перенос не мог бы иметь места, если бы корень **uērs-* первоначально обозначал просто самца (Benveniste 1995: 37).

Однако возникает вопрос: если недавно родившиеся детёныши уподоблялись утренним каплям росы, то как на «такое развитие смысла» могло повлиять представление о росе как оплодотворяющей влаге, т.е. так называемое «функциональное» понятие? Быть может, данный семантический переход был обусловлен представлением о росе как о *природном* явлении, символизирующем новое рождение? Это обстоятельство заставляет сомневаться в том, что, во-первых, первоначальным значением корня **uērs-* в праиндоевропейском было функциональное (животноводческое) значение ‘производитель’, а не природное значение ‘самец’, и, во-вторых, в справедливости положения Э. Бенвениста о наличии в праязыке двух разных понятий (функционального — производитель и природного — самец).

Концепция о различении в праиндоевропейском двух корней **uērs-*, **ers-* и, соответственно, двух разных понятий («производитель» и «самец») подверглась критике Т. Пронком (Pronk 2009: 170–181), который, в отличие от Э. Бенвениста, полагает, что как формальное, так и семантическое сходство корней с **u-* и

без **u-* указывает скорее на их общее происхождение (Pronk 2009: 172). Основа **rs-ēn-* <и.-е. **ers-/*rs-*, представленная в авест. *arəšan*, греч. *ῥσσην*, *ῥρην* ‘самец’, ‘мужской’, ‘мужественный’, а также в санскр. *rṣabha* ‘бык’, арм. *aṛn* ‘баран’, была, по мнению Т. Пронка, вычленена из второй части композита **g^w(e)h₃u-ursēn* ‘корова-бык’ и продолжила своё существование в качестве самостоятельного слова в греческом, индоиранском и армянском (Pronk 2009: 175). Таким образом, к праиндоевропейскому Т. Пронк относит только корень с начальным **u-*, а соответствующие производные от корня без **u-* представляют собой региональные инновации.

Однако с каким понятием связывает Т. Пронк значение корня **uers-* в соответствующих производных? Он не придерживается трактовки значения этого корня, предлагаемой Э. Бенвенистом («производитель»), и отрицает связь санскр. *vṛṣan-*, *vṛṣabha-*, а также греческих лексем *ῥσσην*, *ῥρην* с понятием «the spraying bull» (бык-осеменитель), и предлагает считать в качестве исходного значения терминов *vṛṣan-*, *vṛṣabha-* значение «the horny one» (возбуждённый) (Pronk 2009: 170–181), ссылаясь в качестве доказательства на значение санскр. формы императива *vṛṣasva*.

Фразу из Ригведы *ā vṛṣasva mahāmaha mahé nṛtama rādhase* (RV 8.24.10), переводимую Т.Я. Елизаренковой как ‘заливай себя (сомой), о величественный, для великого дарения’, а К.Ф. Гельднером как ‘*ermanne dich zu großer Freigebigkeit*’ (мужайся для великой щедрости) (https://samskrta.ru/parallel-corpus/08_rigveda.html), Т. Пронк переводит как ‘be ready (willing) for generosity, o mighty one, o most manly one’ (будь готов к щедрости, о величественный, о самый мужественный). Сравн. также: *ūd vāvṛṣasva maghavan gāvistaye* (RV 8.61.7) ‘be ready (willing), mighty one, for the cow-search’ (будь готов, могущественный, найти коров) (Pronk 2009: 178); сравн. перевод Т. Я. Елизаренковой *ūd vāvṛṣasva* ‘излейся (дарами)’.

Предлагаемый Т. Пронком перевод санскр. *varṣ-* как ‘to desire’, ‘to be ready for’ (страстно желать, быть готовым) может указывать, как он полагает, на исходное значение производного санскр. *vṛṣan-* ‘the male animal as the horny one’ (возбуждённый самец). Однако значения «страстно желать», «быть готовым» или «мужаться, крепиться» (нем. *sich ermannen*) можно рассматривать как вторичные, развившиеся из значения «заливаться (сомой)» в условиях образного употребления основы с корнем **uers-*, санскр. *varṣ-* ‘дождь’, ‘дождить’. Перевод ‘мужается’,

‘собирается с духом’, ‘набирается смелости’ означает «готовится к исполнению функций самца, мужчины», изначально, «заливается сомой для великого дарения». Поэтому значение основы с корнем **u̯ers-*, обозначающей самца, вполне может быть связано с понятием движущейся влаги (дождя, росы).

Однако Т. Пронк не только отказывается от традиционного толкования индоевропейского **u̯rsen->* санскр. *vr̥ṣan-* как ‘the spraying bull’ или как ‘semen emittens’, ‘Besamer’, ‘Bespritzer’ (осеменяющий) (Pokorny 1959: 81; Thumb 1905: 213), ‘befruchtend’ (оплодотворяющий) (Meyer 1901: 462), но и вообще отрицает этимологическую связь **u̯ers-ēn* ‘самец’ с индоевропейским обозначением дождя (**h₁u̯ers-*), считая, что это разные корни, поскольку у **u̯ers-ēn* отсутствует ларингал. Но отсутствие ларингала в данном случае спорно (сравн., например, Martirosyan 2013: 93). Кроме того, из выводов Т. Пронка неясно, каким было значение корня **u̯ers-*, от которого была образована производная *n*-основа **u̯ers-ēn* (> санскр. *vr̥ṣan-* ‘возбуждённый самец’), в индоевропейском, включённая автором в перечень индоевропейских корней (Pronk 2009:179). Поэтому отказ Т. Пронка от традиционной этимологии обозначения самца животного в индоевропейских языках вызывает сомнение.

Если признать наличие этимологической связи обозначения особей мужского пола и корней **u̯ers-* и **ers-* (или, возможно, вариантов одного корня), обозначающих движение жидкости (дождь, роса, сок), то каким образом мог быть осуществлён данный семантический переход? Иначе говоря, каково исходное значение основ **u̯ers-en*, **ers-en* ‘самец’, ‘мужчина’? Вопрос об изначальной семантике терминов (< и.-е. **u̯rsen-*, **rsen-*), обозначающих животное мужского пола (das männliche Tier) в индоевропейских языках остаётся открытым.

В этимологических словарях с санскр. *vr̥ṣan-*, *vr̥ṣabha-*, *r̥ṣabha-* традиционно связываются такие определения, как ‘Befeuchter’, ‘Besamer’, ‘Beträufler’, ‘Befruchter’ (Pokorny 1959: 80; Curtius 1879: 342) или ‘Bespritzer’, ‘the spraying bull’ (осеменитель), что указывает на обозначение самца по его функции в животноводческом хозяйстве как «производителя». Однако данные толкования не вполне убедительны, поскольку неясно, как данные характеристики (‘Beträufler’, ‘Besamer’, ‘Bespritzer’, проч.) сочетаются, например, с семантикой греческих терминов *ἄρσην*, *ἄρρην* ‘мужской’. Требуется объяснения также семантика многочисленных производных в санскрите, где *vr̥ṣan-* < **u̯rsen-*, с одной стороны, — существительное ‘männ-

liches Tier‘ (самец), ‘Stier‘, ‘Hengst‘ (бык, жеребец), а, с другой стороны, — прилагательное ‘сильный’, ‘крепкий’, ‘zeugungs-fähig‘ (способный к рождению), сравн. *vṛṣaṇ-aśvá-* ‘kräftige Rosse habend’ (имеющий сильных коней), *vṛṣa-sandhi* ‘starke Verbindung’ (сильная связь), etc. (Mayrhofer₂ 1995: 575–576; Grassmann 1873: 1344–1350). Сравн. также значения производных глаголов санскр. *vṛṣaṇy* ‘brünstig sein’, ‘течь’, *vṛṣāyate* ‘fühlt sich als Bulle’ (чувствует себя быком), *úd-vṛṣāyate* ‘erkennt sich’ (мужается) (Mayrhofer₂ 1995: 576), прилагательных санскр. *vṛṣṇi-* ‘männlich’ (мужественный, сильный), сложных имен, например, *vṛṣṇya-* ‘Manneskraft’ (мужская сила).

По-видимому, самец в праязыке обозначался не по его функции в хозяйстве (как осеменитель, производитель), которую он может и не выполнять в силу того, что он не всегда взрослая особь. Кроме того, самец — не только животное, но и птица, сравн. др.-исл. *orri*, др.-в.-нем. *orhuon*, ср.-в.-нем. *orrehan* < **ers-* ‘глухарь’. Поскольку понятие самца, вопреки делению Э. Бенвенистом понятий на «функционально» и «природное», может быть не только функциональным, но и природным, самец мог быть обозначен по *природному* свойству этого рода животных, служащих для продолжения рода и производства потомства, т. е. не по хозяйственной, а по своей природной, мужской функции. Самец — производитель, потому что *рождает* потомство. Благодаря своей природной (мужской) функции он выполняет хозяйственно-экономическую функцию как производитель в животноводстве.

Природная функция самца в сознании индоевропейцев связывалась с представлением о движущейся жидкости (дожде, росе, соке), обладающей свойством плодородия и рождения, и являющейся носителем жизненных сил, т. е. с проявлением мужской силы в природе. Этим объясняется соответствующее словопроизводство в индоевропейских языках, а именно, обозначение самца как «по-мужски сильного», а также перенос наименования росы на обозначение новорожденных животных.

О том, что движение жидкости, т. е. дождить, проливаться росой, течь соком (Сомой) представлялось древним как проявление мужских свойств (силы, мужественности) может свидетельствовать, например, следующее сравнение из Ригведы: *marya iva yivatibhiḥ sam arṣati somaḥ kalaśe śatayāmnā pathā* (RV, IX, 86,16) ‘как молодой человек устремляется за девицами, так сома мчится к кувшину по пути в сто дорог’ (перевод

Т. А. Елизаренковой), сравн. санкр. *ars* ‘быстро течь’, ‘мчаться’. В Ригведе дождь ассоциируется с богом Индрой, а сок сомы изображается как рвущийся к награде и выигрывающий состязание конь или бык, сравн., например, *vṛṣa kamkrad arṣate* ‘течёт сок, мощно ревуший бык’ RV, 9.63.20 (перевод Т. Я. Елизаренковой).

Семантика многих производных от корней **uers-*, **ers-*, а также **gheud-* со значением «лить, «течь» в индоевропейских языках также свидетельствует о том, что движущаяся жидкость, носитель изобилия и плодородия, представлялась сознанию древних как проявление природной мужской силы.

Известно, что санскритский корень *vṛṣ-* означает не только ‘regnen’, ‘strömen lassen’ (дождить, поливать), но и ‘sich ergießen (zu großer Gabe) (излиться для великого дарения), ‘sich ausschütten’ (выплеснуться), ‘reichlich mitteilen’ (щедро делиться) (Grassmann 1873: 1343). В греческом лексемы *ἄρσεν*, *ἄρρην*, означающие ‘самец’, ‘мужской’, ‘мужественный’, ‘сильный’ (Weissmann 1991: 199), восходят к и.-е. корню **ers-* /**rs-* ‘течь’, ‘литься потоками’ (Pokorny 1959: 336). В литовском языке прилагательные *gausūs*, *gausingas*, восходящие к и.-е. корню **gheu-* ‘gießen’, ‘schütten’ (лить) (сравн. с тем же значением лат. *fundere*, др.англ. *geōtan* лить), переводятся как ‘reichlich’, ‘ergiebig’, ‘fruchtbar’ (обильный, плодородный), сравн. однокоренные лексемы: др. исл. *gjota* ‘лить’, но и ‘werfen (Junge)’ (рождать детёнышей): *gjota hrognum* ‘непеститься’ (to spawn); ирл. *guss* < **ghustus* ‘Kraft’, ‘Heftigkeit’ (сила) (Pokorny 1959: 448). Немецкое название коня *Gaul* по данным некоторых этимологических словарей (<https://www.dwds.de/wb/etymwb/Gaul>) также родственно немецкому глаголу *gießen* ‘лить’. Это слово ранее означало ‘das zur Begattung dienende männliche Pferd’ (жеребец для спаривания), сравн. родственное ср.в.нем. *urgül* ‘хряк’ (Paul 1959: 213).

Самец, таким образом, — тот, кто предназначен (служит) для приумножения, оплодотворения. Он, подобный движущейся жидкости, — обильный, щедрый. Он — тот, кто несёт в себе плодородие, т. е. плодоносный, способный к рождению, а значит, сильный, мужской, мужественный. Традиционные трактовки первоначального значения и.-е. **uers-en*/**ers-en* как нем. ‘Beträuer’, ‘Besamer’, ‘Bespritzer’, англ. ‘besprinkler’ (осемени-

тель) и т. п., указывающие скорее на утилитарно-хозяйственное значение термина как на исходное, очевидно, не вполне точны.

С представлением о движении жидкости как проявлении указанных свойств мужского пола связано также использование германского корня **ūra-* ‘дождить’ <и.-е. **uwr̥s-* <**urs-* в производных др.-исл. *úrr*, др.-англ. *ūr*, др.-в.-нем. *ūr(ohso)*, ср.-в.-нем. *ūr(ohso)*, *ūr(han)*, нем. *Auerochse* ‘зубр’, *Auerhahn* ‘глухарь’, сравн. др.-исл. *úr* ‘мелкий дождь’ (Kluge 1989: 47). С этим же представлением связано также значение индоевропейской основы *uk^hsen-* ‘Stier’ (бык), санскр. *uksán-* ‘Jungstier’, ‘Farren’ (бычок), сопоставляемой с санскр. *ukṣáti* ‘befeuchtet’, ‘besprengt’ (смачивает, обрызгивает), авест. *uxšyeiti*, ‘sprüht’, ‘ausschüttet’ (распыляет, рассеивает). Основа **uk^hsen-* — отглагольное имя мужского рода с значением молодого бычка. Ю. Покорный на основании засвидетельствованного в латыни обозначения супруги *uxor* (‘Gattin’) восстанавливает для санскрита основу **uk^hsōr-*, которая переводится им как ‘die Besprengte’ (‘осеменённая’) наряду с *uk^hsen-*. На этимологическую связь лат. *uxor* и санскр. *ukṣán* указывает и М. Мейрхофер, который соотносит эти термины соответственно с греч. *δάμαρ* ‘супруга’ и лат. *dominus* ‘господин’ (Mayrhofer₁ 1953: 98). Однако в трактовке Шри Ауробиндо санскр. *uksán-* — ‘тот, кто несёт в себе изобилие, щедрость’, ‘оплодотворяет’, является ‘отцом изобилия’, ‘быком’, ‘мужчиной’ (Aurobindo 1998: 357).

К. Кинле (Kiehnle 1979: 42) полагает, что санскр. *uksán-* является производным от корня **uks/vaks* ‘расти’, а не от корня **uks-*, санскр. *ukṣáti* в значении ‘besprengt’, ‘befeuchtet’ (т. е. обрызгивает, увлажняет) (Mayrhofer₁ 1953: 98), на том основании, что, по её данным, *ukṣán* — это молодой самец в возрасте от 5 до 9 лет, который ещё не может быть осеменителем. Однако самец животного — это, прежде всего, не «тот, кто осеменяет», а тот, кто «мужского пола», способный осуществлять мужскую функцию оплодотворения (сравн. также Brereton 1983: 434).

На семантику способности к выполнению мужских функций (на семантику мужского рода), свойственную рефлексам индоевропейских корней **uk^hsen-*, **r̥sen-*, **ur̥sen-* помимо санскр. *uksán-* ‘бычок’, *vṛṣán-* ‘männlich’ (мужской), ‘zeugungskräftig’, ‘zeugungskräftiger Mann’ (способный производить потомство) указывает также семантика греч. *ἄρσεν* ‘männlich’ (мужской),

первоначально «*masculini generis*» (мужского рода), сравн. также греч. диал. *ἰρνή* ‘mannbar gewordener Jüngling’ (готовый к браку юноша) < **erzēn* (Schaffner, 125, 134-135).

Значение греческой лексемы *ῥοση* ‘роса’ < **uers-* также связано с понятиями изобилия и плодородия. Этим объясняется перенос формы множественного числа имени существительного женского рода *ῥοσαι* < *ῥοση* < *ῥ(ω)ῥοση* ‘роса’ на обозначение недавно родившихся животных. Если принять во внимание значения рефлексов корня *vr̥s-* < **uers-* в санскрите, т.е. не только «*regnen*» (дождить), но и «*sich ergießen zur Gabe*» (излиться дарами), «*ausschütten*», «*reichlich mitteilen*» (проливать, осыпать дарами), «*den Himmel regnen lassen*» (заставить небо пролиться дождём) (Grassmann 1873: 1343), то роса, очевидно, — не что иное, как «(Aus)geschüttetes» (пролитое). Роса — пролившийся с небес дар, и поэтому обозначение росы (*ῥοσαι*) стало прозванием новорождённых животных (условно «росинки», «капельки»), т.е. формой имени существительного, употреблённого в функции прилагательного (как определение или предикатив). Образ недавно родившихся животных мог возникать в сознании людей, созерцающих утреннюю влажную росы, капли излившейся росы. В греческом, как известно, для обозначения молодых животных использовались и другие лексемы, обозначающие росу, дождь, сравн. греч. *δρόσος* ‘роса’ и ‘Jungtier’ (детёныш), *ψακάλον* ‘das junge neugeborene Tier’ (родившееся животное) < *ψακάς* ‘Staubregen’, ‘Tropfen’ (мелкий дождь) (Frisk 1960: 566).

Проведённое исследование убедительно доказывает справедливость традиционной точки зрения о наличии этимологической связи терминов, обозначающих самцов животных, с индоевропейскими корнями **uers-*, **ers-* в значении ‘изливаться’, ‘течь’. Этот вывод подтверждается этимологической связью обозначений самцов животных с корнями со значением движущейся жидкости, а также фактами греческого языка, где именная основа *ῥοσαι* со значением ‘капли росы’ (Weissmann 1899: 531) < **uers-*, употребляется в качестве наименования новорождённых животных.

Анализ материала показывает, что точка зрения Э. Бенвениста, согласно которой в праиндоевропейском следует различать два понятия (функциональное — производитель и природное — самец), связанные с корнями **urs-*, **rs-* < **uers-*, **ers-*

‘изливаться’, ‘течь’, не является достаточно убедительной. В действительности, с данными корнями-синонимами (возможно, вариантами одного корня) связаны не два, а одно понятие природного и, одновременно, функционального характера, а именно, понятие самца как носителя плодородия и производителя потомства. Это значит, что самец обозначался изначально не по функции, которую он выполнял в животноводческом хозяйстве (*semen emittens*, *Beträufler*, *Besamer* ‘осеменитель’), а по функции, определённой его мужской природой, которая в сознании древних уподоблялась свойству движущейся жидкости (дождя, росы, сока), несущей в себе силы изобилия и плодородия. Именно этим объясняется использование корней **yers-*, **ers-* в обозначениях самцов в индоевропейских языках, а также только что родившихся животных в греческом. Молодые животные, значит «новорождённые», «приплод», а самец, символизирующий мужскую силу и плодородие, изначально «способный к плодородию», «по-мужски сильный». Исходные значения индоевропейских основ **ursen-*, **rsen-* сохранились в семантике производных, сравн. санскр. *vr̥ṣán-* ‘stark’, ‘kräftig’ (сильный), греч. *ἄρσην*, *ἄρρην* ‘männlich’ (мужской, мужественный, сильный).

Проведённое исследование ещё раз подтверждает актуальность выдвинутого Э. Бенвенистом методологического принципа семантической реконструкции, а именно: необходимость делать выводы на основании анализа всех доступных исследователю употреблений рассматриваемых лексем, т. е. принимать в расчёт все засвидетельствованные значения исследуемого слова. Рассмотрение лексического материала в расширенном объёме позволило скорректировать традиционные интерпретации исходного значения древних именных основ со значением ‘самец’, ‘мужчина’, ‘мужской’, производных от индоевропейских корней **yers-*, **ers-*.

Литература

- Aurobindo, S. 1998: *The Secret of the Veda*. Vol. 15. P. 357.
 Benveniste, É. 1995: *Slovar' indoevropeyskih sotsialnyh terminov* [*Dictionary of the Indo-European social terms*]. Moscow.
 Бенвенист, Э. 1995: Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс.
 Brereton, J. P. 1983: Vedisch *uks* und *uks/vaks*. Wortgeschichtliche und exegetische Untersuchungen by Catharina Kiehnle. *Journal of the American Oriental Society*. Vol. 103. No. 2, 433–435.

- Curtius, G. 1879: *Grundzuge der griechischen Etymologie*. Leipzig. Druck und Verlag von B. G. Teubner.
- Frisk, Hj. 1960: *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Band I. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- Grassmann, H. 1873: *Wörterbuch zum Rigveda*. Leipzig: F. A. Brockhaus.
- Kiehnle, C. 1979: *Vedisch ukṣ und ukṣ/vakṣ. Wortgeschichtliche und exegetische Untersuchungen*. Wiesbaden.
- Kluge, Fr. 1989: *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 22. Aufl. unter Mithilfe von Max Bürgisser und Bernd Gregor. Völlig neu bearbeitet von Elmar Seebold. Berlin. New York: Walter de Gruyter.
- Martirosyan, H. 2013: The place of Armenian in the Indo-European language family: the relationship with Greek and Indo-Iranian. *Journal of Language Relationship*. 10, 85–137.
- Mayrhofer₁, M. 1953: *Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*. I. Bd. Lfg. 1–2. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- Mayrhofer₂, M. 1995: *Etymologisches Wörterbuch des Altindischen*. II. Bd. Lfg. 17–18. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter.
- Meyer, L. 1901: *Handbuch der griechischen Etymologie*. Leipzig: Verlag von S. Hirzel.
- Paul, H. 1959: *Deutsches Wörterbuch*. Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag.
- Pokorny, J. 1959: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern und München: Francke Verlag.
- Pronk, T. 2009: Sanskrit (v)ṛṣabhá-, Greek ὄρσῃν, ἔρσῃν: the spraying bull of Indo-European? *Historische Sprachforschung / Historical Linguistics*. Bd. 122, 170–181.
- Schaffner, S. 2005: *Untersuchungen zu ausgewählten Problemen der nominalen Morphologie und der Etymologie der altindogermanischen Sprachen*. Regensburg.
- Thumb, A. 1905: *Handbuch des Sanskrit*. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung.
- Vaniček, A. 1877: *Griechisch-lateinisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. 2. Leipzig: Druck und Verlag von B. G. Teubner.
- Weissmann, A. D. 1899: [Greek-Russian Dictionary]. St.-Petersburg. Вейсман, А. Д. 1899: *Греческо-русский словарь*. С.-Петербург.

Н. Ю. Гвоздецкая

Российский государственный гуманитарный университет;
Сретенская духовная академия, Москва, Россия; ngvozdz@yandex.ru

РЕЦЕПЦИЯ И АДАПТАЦИЯ ХРИСТИАНСКОГО АПОКРИФА В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭМЕ «АНДРЕЙ»

В статье рассматривается трансформация в поэзии англосаксов христианского апокрифа о приключениях апостола Андрея в стране людоедов, представленного в ряде греческих и латинских текстов. Рецепция христианского апокрифа в древнеанглийской монастырской среде происходила в условиях симбиоза книжной культуры поздней античности и местной устно-поэтической традиции. Древнеанглийская поэма «Андрей», которая дошла до нас в рукописи конца X в., сохраняет основные эпизоды и композицию ее предполагаемого источника, но одновременно наделяет рассказ германской поэтической фразеологией. Передача аллитерационным стихом сюжета, который возник в чуждом, удаленном пространстве и времени, требовала его адаптации к местному художественному канону. Адаптация достигалась, прежде всего, за счет расширения тех сцен, которые отвечали героико-эпическим темам пира и битвы. Текстуальные совпадения поэмы «Андрей» с «Беовульфом» (как и с некоторыми другими древнеанглийскими поэмами) трактуются не как «заимствования», а как общее формульное наследие поэтического языка, позволявшее представить чужие реалии в терминах англосаксонской ментальности. Погружая аудиторию в мир германской эпики, поэт «Андрея» тоже представляет себя как носителя древней эпической традиции. Вместе с тем, перенос германской формульной фразеологии на реалии иной культуры ничуть не снижает религиозного пафоса поэмы, поскольку традиционные выражения начинают по-иному звучать в новом контексте.

Ключевые слова: христианский апокриф, апостол Андрей, древнеанглийские поэмы «Андрей» и «Беовульф», аллитерационная поэзия англосаксов, героико-эпические темы пира и битвы, формульная фразеология.

N. Yu. Gvozdetskaya

Russian State University for the Humanities / Sretensky Theological Academy.

Moscow, Russia.

ngvozd@yandex.ru

Reception and adaptation of the Christian apocrypha in the Old English poem *Andreas*

The article examines the transformation in Anglo-Saxon poetry of a Christian apocrypha concerned with the adventures of Apostle Andrew in the land of cannibals and presented in a number of Greek and Latin texts. The reception of the Christian apocrypha by the Old English monastic audience took place in the conditions of symbiosis of the book culture of Late Antiquity and the local Anglo-Saxon oral-poetic tradition. The Old English poem *Andreas*, which has come down to us in a manuscript of the late 10th century, retains the main episodes as well as the composition of its supposed source, but at the same time endows the story with the Germanic poetic diction. The story that had emerged in an alien, remote space and time needed to be adapted to the local poetic canon while being rendered in alliterative verse. The adaptation was achieved, first of all, by expanding those scenes that corresponded to the heroic-epic themes of feast and battle. The textual similarities between *Andreas* and *Beowulf* (as well as some other Old English poems) are to be treated not as “borrowings”, but as a common formulaic legacy of poetic language, which allowed foreign realities to be presented in terms of the Anglo-Saxon mentality. The anonymous poet of *Andreas* engrosses the audience in the world of Germanic epic poetry, thereby presenting himself as a bearer of the ancient epic tradition. At the same time, the transposition of Germanic formulaic phraseology to the realities of Anglo-Saxon culture does not diminish the religious pathos of the poem, since traditional phrases begin to resonate differently in the new context.

Key words: Christian apocrypha, Apostle Andrew, Old English poems *Andreas* and *Beowulf*, Anglo-Saxon alliterative poetry, heroic-epic themes of feast and battle, formulaic phraseology.

Древнеанглийская аллитерационная поэма о путешествии апостола Андрея Первозванного в сказочный город людоедов (“*Andreas*”, далее «Андрей») дошла в единственной Верчелльской рукописи (the Vercelli Book), названной по имени городка на севере Италии, где была в начале XIX в. обнаружена в библиотеке местного собора. Рукопись создана во второй половине X в., в эпоху возрождения в Англии монастырской культуры, которая к тому времени вобрала в себя не только

античное литературное наследие, но и богатый фонд древнейшего устно-эпического творчества на древнеанглийском языке, оказавшего влияние на религиозную поэзию англосаксов. Автор поэмы неизвестен, хотя долгое время ее приписывали Кюневульффу, поэту конца VIII — начала IX в., чье имя обозначено рунами в концовке короткой поэмы «Судьбы апостолов» (“The Fates of the Apostles”), следующей в рукописи за «Андреем». Однако в настоящее время авторство Кюневульфа в отношении поэмы «Андрей» отвергнуто (Brooks 1961: xx–xxi).

Поэма «Андрей» представляет поэтическое переложение (более 1700 строк) христианского апокрифа «Деяния Андрея и Матфия¹ в городе людоедов», сохранившегося на разных языках позднеантичной ойкумены, но восходящего к греческому тексту (созданному на Востоке не позднее IV века), который на Западе перерабатывался на латыни². Исследователи указывают на сходство апокрифа с позднеантичным романом, что, вероятно, обусловило его популярность в средние века (Vinogradov 2003: 234, North, Bintley 2016: 4). Источником древнеанглийской поэмы считается утраченная латинская рукопись, близкая греческому оригиналу (допускают, что греческий вариант текста тоже мог быть известен англосаксонскому поэту). На древнеанглийском языке сохранились два небольшие прозаические переложения легенды о приключениях Андрея, также основанные на каких-то латинских рукописях (одно из них включает фразу на латинском языке), но ни то, ни другое не могут считаться источником поэмы, поскольку опускают некоторые

¹ По традиции, унаследованной с континента, в древнеанглийской поэме имя апостола из Семидесяти (Матфий) заменено на имя евангелиста Матфея, ср. *Māthēus sum, / sē mid lūdēum ongan godspell ārest / wordum wītan wundorcræfte* (Andr 11a–13b) «Некий Матфей, / кто первым среди иудеев начал Евангелие / писать словами с удивительным искусством». Здесь и далее текст «Андрея» цит. по (North, Bintley 2016) с делением на долгие строки и в переводе автора статьи.

² Апокриф описывает приключения Андрея, посланного Господом спасти Матфея от людоедов, к которым тот ранее отправился с проповедью. Андрей спасает его, но после сам терпит мучения от каннибалов. Однако по его молитвам тех настигает потоп, так что они, устранившись, обращаются к истинному Богу, а Андрей совершает над ними крещение и наставляет в вере. Об истории апокрифа см. (Vinogradov 2003: 225–242).

эпизоды, общие для греческой, латинской и древнеанглийской (поэтической) версий, в том числе, диалог Андрея с кормчим (Brooks 1961: xv–xvi, Cataldi 2014: 296). По содержанию и композиции древнеанглийская поэма в целом вполне соответствует апокрифу, но более детально разрабатывает темы, типичные для древнегерманского героического эпоса³.

За прошедшие сто лет внимание исследователей прежде всего привлекали параллельные места и дословные совпадения, обнаруживаемые при сравнении «Андрея» с другими памятниками поэтического искусства англосаксов, такими как «Беовульф» и «канон Кюневульфа». В последнее время далеко не все подобные места считаются простыми заимствованиями, но большинство из них рассматривается как «формульное» наследие устной и письменной традиции, в русле которой складывался древнеанглийский поэтический язык (North, Bintley 2016: 57). Соответственно, отказ от гипотезы «плагиата» ведет к их эстетической переоценке, к попытке показать их художественные достоинства в плане поэтического мировоззрения эпохи (Rozano-García 2017). Сколь бы ни были интересны эти подходы к изучению поэмы «Андрей», они сталкиваются с трудностями, связанными с невозможностью, во-первых, строго разграничить «заимствования» и стереотипные выражения, а во-вторых, полностью исключить воздействие вкуса критика на оценку памятника. Кроме того, оба эти направления оставляют за рамками исследования апокрифический источник, укорененный в иной ментальности. Поэтому не менее плодотворным представляется анализ поэмы, обращенный к ее «ментальной» составляющей, скрытой в выборе слов и выражений, осуществляемом поэтом в процессе рассказа.

В древнеанглийской поэме «Андрей» широко используется героико-эпическая фразеология, восходящая к устному творчеству певцов-сказителей, некогда позволявшая прославлять подвиги и образ жизни легендарных древнегерманских вождей. Зачин

³ Впервые попытка сравнить древнеанглийскую поэму с ее возможными греческими и латинскими источниками, а также с аналогами в поэзии англосаксов, была предпринята еще в конце позапрошлого века (Fritzsch 1879), а затем получила развитие в середине прошлого столетия (Schaag 1949). Подобного рода попытки продолжаются и в наше время, ср. ссылку на неопубликованную диссертацию Б. Фризена (Bill Friesen, 2008 г.) в (Rozano-García 2017: 177).

поэмы представляет поэтическое творчество в «формульных» (стереотипных, но изменяемых) выражениях: *Hwæt, wē gefrūnan on fyrndagum / twelfe under tunglum tīrēadige hæleð, / þēodnes þegnas. Nō hira þrym ālæg (Andr 1–3)* «Вот, мы узнали в давние дни / двенадцать под небом достославных героев, / господина слугителей. Не утихала их слава». Ср. зачин «Беовульфа»: *Hwæt, wē Gār-Dena in gēardagum / þēodcyninga þrym gefrūnon, / hū ðā æðelingas ellen fremedon (Beo 1–3)* «Вот, мы копье-данов в минувшие дни, / великих конунгов славу узнали, / как благородные князья подвиги свершали»⁴.

Обе цитаты показывают такие особенности древнегерманского аллитерационного стиха, как начальные корневые созвучия, поэтические синонимы, в том числе поэтические композиты, эпическая вариация; в обеих обращает на себя внимание существительное *þrym* «величие, слава» с его коннотациями военного превосходства. *Þrym* — это военная слава, отмеченная силой и мощью. К концу поэмы «Андрей» это слово употребляется по отношению к каннибалам, чья сила (*wigendra þrym* «воителей мощь») будет сломлена (*forþeged* букв. «согнута») потоком, который с помощью Божией насылает на них Андрей (*Andr 1571–1572a*). Однако и апостолы уже с самого начала рисуются не только как посланники Господа, но и как храбрые воины:

Nō hira þrym ālæg / cam<p>rādenne, þonne cumbol hneotan, / syððan hīe gedældon, swā him dryhten sylf, / heofona hēahcýning, <h>lyt getæhte. / Þæt wæron mære men ofer eorðan, / frome folctogan ond fyrdhwate, / rōfe rincas, þonne rond ond hand / on herefelda helm ealgodon / on meotudwange (Andr 3b–11b)

«Не утихала их слава / в сраженьях, когда знамена сшибались, / с тех пор как разделились, как им Сам Господь, / Высокий Конунг небес, жребий указал. / То были знаменитые мужи на земле, / храбрые воеводы, и в битве отважные, / смелые воители, когда щит и рука / на поле боя шлем оберегали, / на равнине смерти».

В обоих зачинах рассказ представлен как бытующий издавна, относящийся к незапамятным, «эпическим» временам (то, что в «Андрее» под «господином» подразумевается Господь, выясня-

⁴ Здесь и далее текст «Беовульфа» цит. по (Klaeber 1950) с делением на длинные строки и в переводе автора статьи.

ется дальше)⁵. Поэт «Андрея», в сущности, представляет себя как сказителя, повествующего о далеком прошлом, что становится ясно в пространном отступлении к концу поэмы:

H<w>æt, ic hwīle nū hāliges lāre / lēoðgiddinga, lof þæs þe worhte, / wordum wēmdre, wyrd undyrne / ofer mīn gemet. Mycel is tō secganne, / langsum leornung, þæt hē in līfe ādrēag, / eall æfter orde; þæt scell æglæwra / mann on moldan þonne ic mē tælige / findan on ferðe, þæt fram fruman cunne / eall þā earfeðo þe hē mid elne ādrēah, / grimra gūða. Hwæðre gīt sceolon / lýtum sticcum lēoðworda dæl / furður reccan. Þæt is fyrnsægen, / hū hē weorna feala wīta gedolode, / heardra hilda, in þære hæðenan byrig (Andr 1478–1491).

«Вот, сейчас я преданье о святом, / песнопенья, похвалу его трудам / возвестил словами – о событьи, что явно / сверх моего разуменья. Много можно сказать, / долго учить, что он в жизни перенес, / все от начала; мудрей меня будет / муж на земле, чем я себя считаю, / кто в сердце отыщет, как познать от начала / все те страданья, что он стойко перенес, / схватки жестокие. И все же должны [мы], / мало-помалу, словами песни / рассказ продолжить. То сказанья древние [о том], / сколько он невзгод и мук претерпел, / битв суровых в том языческом граде».

Такие слова, как lēoðgidding «песнопение», lēoðword, букв. «песнословие», lof «хвалебная песнь» подразумевают характер творчества, восходящий к устной традиции, слово fyrnsægen «древние сказания» предполагает рассказ о легендарной истории, а имена битвы (gūð, hild) представляют деяния и мученичество Андрея как военные сражения. Подвиг Андрея воспевается как подвиг легендарного германского вождя. По сути, всякое знание истории приравнивается в поэзии англосаксов к владению эпическим искусством: так, в поэме «Елена» Иуда, у которого императрица, полагаясь на его знания о прошлом

⁵ Сходные зачины встречаются в поэмах «Исход» и «Юлиана», ср.: Hwæt, wē feor ond nēah gefrigen habbað / ofer middangeard Mōyses dōmas (Exodus 1–2) «Вот, мы издалика узнали, / в срединном мире Моисея суды», где удаленность событий во времени заменена на удаленность в пространстве. Также: Hwæt, wē ðæt hýrdon hæleð eahtian, / dēman dædhwæte (Juliana 1–2a) «Вот, мы слышали, как герои сказывали, / судили в деле доблестные» (использование «услышали» вместо «узнали» намекает на устные корни традиции). Древнеанглийский текст цит. здесь по (North, Bintley 2016: 217).

еврейского народа, пытается вывести место распятия Христа, назван *fyrngydda frōd* (Elene 542a) «умудренный в древних песнях»⁶. Близкий по смыслу композит *ealldgesegen* «старинное сказание» встречается в «Беовульфе» (Beo 867b–875), где сказитель при дворе датского вождя Хродгара, «памятливый на песни» (*gidda gemyndig*) и «хвалою нагруженный» (*gylphlæden*), воспевае́т Беовульфа, сравнивая его с Сигмундом, героем сказаний о Вёльсунгах.

Другое «параллельное место» связывает обитателей Мермедонии (каннибалов) с племенем данов в «Беовульфе», ср. *Swelc wæs þēaw hira / þæt hīe æghwylcne ellðeodigra / dydan him tō mōse meteþearfendum* (Andr 25b–27) «Таков был их обычай, / что каждого из иноземцев / употребляли они в пищу, мяса жаждущие». В «Беовульфе» это место, начинающееся с той же формулы, говорит о языческих жертвоприношениях данов: *Swylc wæs þēaw hyra, / hāþenra hyht; helle gemundon / in mōdsefan, Metod hīe ne cūþon* (Beo 178b–180) «Таков был их обычай, / язычников упование; помнили ад / в душах своих, Творца не ведали». Следующее за ним формульное выражение (*Wā bið þām ðe...*, Beo 183a «Горе тому, кто...») осуждает подобные обычаи. Хотя каннибалами в «Беовульфе» являются лишь великан Грендель и его мать, даны обнаруживают сходство с чудовищами, именуемыми «пленниками ада» (*helle hæfton*, Beo 788a). Не исключено, что за несколько веков бытования поэмы в устной и письменной традиции легендарные даны обрели в сознании англосаксонской аудитории прочные ассоциации с реальными датскими завоевателями Англии (называемыми в «Англосаксонской хронике» *hæðene* «язычники»), чьи нападения вызывали мистический ужас и связывались с небесными знаменами (ср. Metlitskaya 2010: 71–72). Таким образом, указанная параллель из «Беовульфа» допускает трактовку мермедонян не только как сказочных людоедов-язычников, но и как знакомых англосаксам язычников-викингов.

В плане германских языческих ассоциаций интересным представляется использование в поэме слова *gūpe* для обозначения надписей, по которым мермедоняне определяли, через сколько дней надлежало убить плененного иноземца. Согласно

⁶ Здесь и далее текст «Елены» цит. по (Gradon 1990) с делением на длинные строки и в переводе автора статьи.

греческой и латинской версии, убивали на тридцатый день (чтобы сначала откормить жертву) — число отмечалось на дощечке, которую привязывали к руке пленника⁷. Древнеанглийский поэт опускает такую деталь, как дощечка, а письменна обозначает словом *rūne*: *Hæfdon hīe on rūne ond on ġimcræfte / āwriten wælgrædige wera endestæf* (Andr 134–135) «рунами и числами [букв. «искусством чисел»] / начертали плотоядные [мермедоняне] срок кончины людей».

Руны — древнейшее германское тайное письмо, использовавшееся с магическими целями в языческих культах. После крещения англосаксы не сразу отказались от обычая вырезать руны на священных предметах, о чем говорят такие памятники VII–VIII вв., как Ларец Фрэнкса, где руны сопровождают резные изображения, связанные с мифологическими и библейскими сюжетами, и Рутвельское Распятие, где рунами записаны строфы из аллитерационной поэмы о Кресте Господнем.

В нашей цитате руны, по-видимому, указывают на способ обозначения чисел на письме, так что выражение *on rūne ond on ġimcræfte* образует тавтологическую «парную формулу», характерную для языка древнегерманского эпоса⁸. Однако появление слова *rūne* все же значимо, так как поэт мог бы воспользоваться (но не воспользовался) синонимичным композитом *bōc-stafas* «книжные знаки, буквы». Так, в поэме «Елена» знаки, начертанные на Кресте Господнем, явившемся в видении императору Константину, передаются именно через этот композит, ср. *wæs sē blāca bēam bōcstafum āwriten / beorhte ond leohte* (Elene, 91–92a) «было то сияющее Древо буквами исписано [изрезано], / яркое и светлое»⁹. Напротив, в «Беовульфе» знаки, начертанные

⁷ Ср.: «Потому что для каждого человека, кого хватали, они отмечали день, когда схватили его, и привязывали ему к правой руке табличку [греч. *τάβλαν* – Н.Г.], чтобы знать об истечении тридцати дней» (Vinogradov 2003: 14–15). В латинском тексте: *erat namque per singula tabula scriptum numerum dierum triginta* (Casanatensis, цит. по: North, Bintley 2016: 226).

⁸ См. об этом (Gurevich 1982: 61–82).

⁹ Речь идет о надписи «Сим побеждай» (Socrates 1996: 8). Этимологическое значение *writan* — вырезать. Возможно, первоначально композит *bōc-stafas* (*bōc* «буковое дерево; книга»; *stæf* «шест, палочка») обозначал деревянные дощечки, на которых вырезались руны, однако

на волшебном мече языческих времен, именуются *gūn-stafas* «рунические знаки» (Beo 1695a). Поэтому слово *gūne* применительно к письменам мермедонян может намекать на магические практики, ранее поименованные в тексте как *dwolcraeft* «колдовское искусство» (Andr 34a, см. цитату выше). Негативная оценка подобных практик (с точки зрения христианской веры) заключена во внутренней форме древнеанглийского существительного (от глагола *dwolian* «блуждать, заблуждаться»), представляющего, вероятно, кальку с греческого, сравните в греческом апокрифе: ἐπότισαν αὐτὸν τὸ φάρμακον τῆς μαγικῆς αὐτῶν πλάνης «напоили его своим колдовским, обманным зельем» (Vinogradov 2003: 12–13), букв. «снадобьем своего магического обмана» (πλάνη «блуждание, заблуждение, обман»).

В тексте «Андрея» можно выделить ряд слов, которые несут в себе не только языческие, но и «британские» коннотации: прежде всего это *dryas* и *hlōð*. Первое из них относится к тем мермедонянам, кто опаивал иноземцев колдовским зельем, чтобы лишить их разума, ср. *dryas þurh dwolcraeft drync unheorne* (Andr 34) «[создали] колдуны с помощью магии напитков чудовищный». Этимологически *dryas* восходит к кельтскому наименованию языческих жрецов (друидов), будучи ранним ирландским заимствованием в древнеанглийском языке. Второе слово (*hlōð*) имеет собирательное значение: мермедоняне названы *mānfulra hlōð* (Andr 42b) «отряд злодеев». В англосаксонских законах *hlōð* именуется группу грабителей, чьи действия оцениваются как серьезное нарушение общественного порядка. В «Англосаксонской хронике» это слово обозначает отряды викингов, обвиняемых в грабежах и насилиях, а в древнеанглийской поэме о св. Гутлаке оно распространяется на досаждавших святому бесов, ср. *herehlōðe helle þegna* (Guthlac 1069) «военный отряд служителей ада» (North, Bintley 2016: 221). В поэме «Андрей» выражение *mānfullra hlōð* также приобретает мистический оттенок, поскольку строкой ниже те же мермедоняне названы *deofles þegnas* (43b) «служители дьявола». Вместе с тем, сохраняются и ассоциации с язычниками-викингами (ср. *hæðne hildfreca*, Andr 126 «воины-язычники»; *hæðenra hlōð*, Andr 992 «отряд язычников»), с

с появлением книг стал обозначать просто письмена, так что связь с магией была затемнена.

акцентом на военные действия. Намереваясь убить беззащитных пленников, мермедоняне ведут себя так, словно готовятся к сражению: *Duguð samnade, / hǣðne hildfrecan hēapum þrungon, / gūðsearo gullon, gāras hrysedon* (Andr 125a–127) «Собралась дружина, / вояки дерзкие наступали, отряды язычников, / доспехи гремели, звенели копы».

Еще два слова в поэме намекают на реалии древней Британии, хотя и лишены языческих коннотаций — это *burg* и *ceaster*. Первое — исконное слово индоевропейского происхождения, в эпоху короля Альфреда обозначавшее англосаксонские города-крепости (бурги), которые возводились как средство защиты от викингов. Второе слово пришло из латыни и первоначально применялось по отношению к городам, возникшим в эпоху римского господства в Британии (ср. *Chester*, *Lancaster* от лат. *castra* «военный лагерь»). Оба эти слова используются в «Андрее» как синонимы для обозначения Мермедонии, ср. эпическую вариацию в Andr 40–41a, букв. «и вот Матфей в ту знаменитую крепость (*byrig*) прибыл, в тот город (*ceastre*)» — хотя, возможно, с разными коннотациями¹⁰. Мермедония изображается как обнесенное стенами пространство с воротами, башнями и множеством построек (Andr 829–842), подобное римским городам (North, Bintley 2016: 91–93). Ассоциации с римской Британией, возможно, присутствуют в поэме в эпизоде мученичества Андрея, где его тащили по земле «(букв.) так далеко, как пролегали пути, / великанов древние творения, внутри бургов, / улицы камнем мощеные» (*efne swā wīde swā wegas tōlāgon, / enta ærgeweorc, innan burgum, / stræte stānfāge*, Andr 1234–1236a). Здесь, с одной стороны, видно сходство с текстом апокрифа, согласно которому апостола волочили «по площадям и улицам города» (Vinogradov 2003: 39). С другой стороны, формульное выражение *stræte stānfāge* может ассоциироваться с первичным смыслом слова *stræt*, восходящего к лат. *via strāta* «мощеная дорога». Улицы Мермедонии уподобляются римским дорогам, с которыми познакомились англосаксы в Британии; о том же говорит в

¹⁰ Доводы в пользу образа Мермедонии и как «римского города» (a Roman city), и как «уэссекского бург» (a Wessex burg) см. в (North, Bintley 2016: 91–96).

приведенном отрывке и акцент на их древности (North, Bintley 2016: 279–280)¹¹.

Вместе с тем, главная специфика рассказа в поэме «Андрей», по сравнению с источниками, состоит не в отсылке к конкретным англосаксонским реалиям, а в использовании формульных выражений, отражающих эпические темы пира и битвы (и некоторые сопутствующие им мотивы). Эти формульные повторы нередко смущали исследователей как нечто вроде плагиата или дурного подражания «Беовульфу». Думается, что оценивать их следует, прежде всего, в плане их соответствия ментальности англосаксонской аудитории, для которой история апостолов обретала эстетическую ценность постольку, поскольку отвечала художественным установкам героического эпоса. Обратимся к примерам.

Чаще всего указывают на параллельное употребление композитов *ealu-scerwen* (Beo 769a) и *meodu-scerwen* (Andr 1526b). Композит *ealu-scerwen* — это *harax legomenon*, используемый в сцене набега Гренделя. Его второй компонент может трактоваться и как «недостача», и как «раздача», при сравнении, соответственно, с глаголом *bescerwan* 'deprive' или с существительным *scearu* 'sharing' (Swanton 1990: 192–193). В первом случае даны оказываются «лишенными эля», то есть (в метонимическом значении) пира, что служит знаком беды; во втором случае описание приобретает иронический оттенок (уж и вкусили они эля!). Ср.: *Dryhtsele dynede; Denum eallum wearð, / ceasterbūendum, cēnra gehwylcum / eorlum ealuscserwen* (Beo 767–769a) «Гремел зал дружинный; не досталось [или, наоборот: досталось] тут данам, / пребывавшим в крепости, каждому из храбрецов, / эрлам не хватило [или: хватило] эля».

По-видимому, именно вторая интерпретация годится для того эпизода в поэме «Андрей», где композит *meodu-scerwen* «раздача меда» выступает контекстуальным синонимом выражения *biter bēor-þegu* «горькое вкушение пива», которое метафорически обозначает гибель каннибалов, захлебнувшихся в волнах потопа. Поэт «Андрея» развивает эту метафору через прямое указание на пир и служителей на пиру:

¹¹ Восприятие англосаксами римских построек как *enta geweorc* «творений великанов» наиболее живописно представлено в поэме «Руины» (The Ruins).

Myclade mereflōd. Meoduscweren wearð / æfter symbeldæge;
slæpe tobrugdon / searuhæbende. Sund grunde onfēng, / dēope
gedrēfed; duguð wearð āfyrhted / þurh þæs flōdes fæ̃r. Fæ̃ge
swulton, / geonge on geofene gūðræs fornam / þurh sealtes
swe<l>g; þæt wæs sorgbyrþen, / biter bēorþegu. Byrlas ne gældon, /
ombehtþegnas; þær wæs ælcum genōg / fram dāges orde drync sona
gearu. / Wēox wāteres þrym (Andr 1526–1536a).

«Потоп нарастал. Досталось [им] меду / после дней пиров!
От сна пробудились / оруженосцы. Море сушу накрыло, /
восстав из глубин. Устрашилась дружина / натиска волн.
Обреченные гибли, / уносила юных жестокая брань, / пучина
соленая; было то горе тяжкое, / горькое питье [букв. приятие
(вкусение) пива]. Не мешкали виночерпии, / служители [пира],
хватило всякому / от начала дня питья готового. / Росла сила вод».

Важно при этом, что тема пира влечет за собой тему битвы (через введение формульного выражения *gūðræs fornam* «уносила жестокая брань»), которая, однако, противоречит контексту (людоеды утонули, а не пали в сражении). Для древнеанглийского поэта значима не столько передача реалий, сколько следование эпическому канону (поэтому и мермедоняне здесь представлены как *duguð* «дружина» и *searu-hæbbende* «оруженосцы»).

По этой причине появляются в поэме «Андрей» и другие героико-эпические мотивы, выраженные посредством словесных формул, например, мотив внезапного появления протагониста, которым в «Беовульфе» вводится сцена набега великана Гренделя на пиршественный зал Хеорот: *Cōm þā tō recede rinc sīðian, / drēamum bedæled. Duru sōna onarn, / fýrbendum fæst, syððan hē hire folmum æthrān; / onbræd þā bealohýdig, þā hē gebolgen wæs, / recedes mūþan* (Beo 720–724a) «Вторгся в зал воитель, / [дружинных] радостей лишенный. *Тотчас дверь отворилась*, / запорами крепкая, когда он ее руками толкнул; / открыл разъяренный, гнева исполненный, / зала уста [дверь]». В «Андрее» данный мотив, обозначаемый теми же формульными выражениями (выделены курсивом), указывает на внезапное появление главного героя в тюрьме, где томится Матфей: *Duru sōna onarn / þurh han<d>hrine hāliges gastes, / ond þær in ēode, elnes gemyndig, / hæle hildedēor. Hæðene swæfon, / drēore druncne, dēaðwang rudon* (Andr 999b–1003) «*Тотчас дверь отворилась* / прикосновеньем [букв. толчком

руки] Святого Духа [иначе: святого гостя]¹², / и внутрь вошел, отваги исполненный, / храбрый воин [букв. зверь битвы]. Уснули язычники, / напоенные [иначе: упившиеся, пьяные] кровью, окрасили [кровью] смерти долину».

Различие состоит в том, что Грендель, чуждый дружинному этосу, выступает как чудовище, наводящее ужас своей яростью, в то время как Андрей является как настоящий герой. Оба его эпитета (*elnes gemyndig* и *hæle hildedēor*) – это традиционные обозначения воина-героя, так что едва ли можно думать, что внутренняя форма второго из них («зверь битвы») предполагает уподобление Гренделю. Важнее то, что охранявшие Матфея стражники, внезапно скончавшиеся при появлении Андрея, представлены как павшие в бою: *Ealle swylt fornam, / druron dōmlēase; dēadræs forfēng / hæleð heorod<r>ēorig<e>* (Andr 994b–996a) «Всех [их] смерть унесла, / пали бесславно; натиск смерти увлек / мужей, кровь проливших в бою». Лексика указанных отрывков принадлежит теме битвы. Любопытно, однако, что поэт «Андрея», через употребление эпитета *drēore druncne* (Andr 1003a), намекает также на возможность осмысления ситуации как сцены пира: стражники-людоеды «опьянели от крови». В греческом апокрифе стражники умирают по молитве Андрея, а дверь открывается благодаря крестному знамению¹³. В поэме на Божие вмешательство намекает «прикосновение руки Святого Духа» (*þurh han<d>hrine hāliges gastes*, Andr 1000).

Тему пира в героическом эпосе часто сопровождает мотив сокровищ, которые раздает вождь дружинникам. В «Беовульфе» формульное выражение *landes ond locenra bēaga* (Beo 2995a) [много] «земли и витых колец» относится к дару, которым Хигелак наделяет двух своих сподвижников за то, что те отомстили шведам за убийство его брата. В «Андрее» фразу *landes ne locenra bēaga* (Andr 303a) «[нет у меня ни] земли, ни витых колец» произносит апостол, когда просит кормчего взять

¹² Комментаторы предпочитают трактовку *hāliges gastes* как «святого гостя», то есть Андрея, вследствие смешения в рукописях форм *gāst* «дух» и *gæst/gest/giest* «гость» (North, Bintley 2016: 262). Представляется, однако, возможным метафорическое осмысление руки, ср. «в руце Господни» (Пс. 74: 9).

¹³ Ср.: «Помолился он про себя, и семь стражников упали на землю и умерли. Подойдя к двери тюрьмы, Андрей запечатал дверь крестным знамением, и дверь сама по себе открылась» (Vinogradov 2003: 31).

его в плавание. Это место кажется комментаторам абсурдным (Brooks 1961: xxv), поскольку ясно, что апостол заведомо не может предлагать столь щедрую плату¹⁴. Думается, однако, что здесь перед нами прием эпической гиперболизации, который можно обнаружить и в других эпизодах поэмы. Так, поэт «Андрея» описывает корабль, на котором апостол отправляется в Мермедонию, в тех же героико-эпических терминах, в которых описан в «Беовульфе» корабль Скильда Скевинга в эпизоде его погребения (формульные выражения выделены курсивом), ср. *Gesæt him þā sē hālga holmwearde nēah, / æðele be æðelum; æfre ic ne hȳrde / þon cymlicor cēol gehladenne / hēahgestrēonum. Hæleð in sǣton, / þēodnas þrymfulle, þegnas wlitige* (Andr 359–363) «Затем святой сел рядом со стражем моря [кормчим], / благородный с благородным; *никогда я не слышал, / чтобы великопнее корабль [был] нагружен / несметными [букв. высокими] сокровищами*. На нем восседали герои, / величественные князья, таны [служители вождя] прекрасные»¹⁵. Совершенно очевидно, здесь также присутствует эпическая гиперболизация, поскольку в апокрифе сказано просто: «[Андрей] увидел маленький кораблик, и на кораблике трех сидящих мужчин» (Vinogradov 2003: 15). При этом важно, что гиперболизация в поэме помогает понять подтекст рассказа: под земными драгоценностями могут символически подразумеваться те, кто являются носителями духовных ценностей — святой Андрей и его кормчий, Христос.

Приемом гиперболизации следует объяснять также присутствие в «Андрее» тех же эпитетов корабля, что и в «Беовульфе», ср. *færeð fāmigheals fugole gelīcost, / glīdeð on geofone* (Andr 497–498a) «плывет с пеной у шеи, птице подобный, / скользит по океану» и *winde gefȳsed / flota fāmigheals fugle*

¹⁴ В греческом апокрифе: «Нет у нас для тебя платы за проезд» (Vinogradov 2003: 17). Мотив сокровищ повторяется в поэме и далее, когда Андрей просит кормчего научить его искусству управления кораблем: *Ic wille þē... / bēne biddan, þēah ic þē bēaga lȳt, / sincweorðunga, syllan mihte, / fātedsinces* (Andr 474a–478a) «Хочу я тебя... / попросить, хоть мало колец я тебе, / драгоценностей золотых, мог бы подарить, / витого золота».

¹⁵ Ср. в «Беовульфе»: *Ne hȳrde ic cȳmlicor cēol gegyrgan <...> / þēodgestrēonum* (Beo 38–44a) «не слышал я, чтобы великопнее корабль был украшен <...> / сокровищами неисчерпаемыми».

gelīcost (Beo 218) «ветром гонимый / *корабль с пеной у шеи, птице подобный*». В «Беовульфе» поэт сам любит кораблем; в «Андрее» эти слова принадлежат главному герою, который не только спрашивает кормчего (Иисуса) об искусстве управления кораблем, но сопровождает свой вопрос описанием безопасного плавания (Andr 495b–505a). Данные эпитеты получают в «Андрее» религиозные коннотации, ибо лучшим из лучших должен быть корабль, которым управляет Сам Господь. В поэме монолог Андрея сохраняет отдельные детали источника — шестнадцать плаваний апостола (*syxtýne sīðum on sǣbāte*, Andr 490); образ корабля, который «ведет себя так, как будто он на земле» (Vinogradov 2003: 21, ср. *swā hē on lan<d>sceare / stille stande*, Andr 501a–502b). Однако Андрей-мореплаватель сближается с эпическим героем-изгнанником, который «море замерзшими греб руками» (ср. *mere hrērendum mundum frēorig*, Andr 491 и *hrēran mid hondum hrīmcealde sǣ*, Wanderer 4¹⁶). Наряду с гиперболизацией, в «Андрее» можно увидеть нечто вроде «эпической идеализации» реалий апокрифа: атрибуты германского пиришественного зала, изображенного в «Беовульфе» (Beo 82a), переносятся на Иерусалимский храм, ср. *þær ātīmbred wæs tempel dryhtnes / hēah ond horngēap, hǣledum gefrēge, / wuldre gewlitedod* (Andr 667–669a) «где воздвигнут был храм Господень, *высокий и рогами увенчанный*, мужам известный, славой сияющий» (ср. *Sele hlīfade, / hēah ond horngēap*, Beo 81b–82a «Дворец возвышался, / *высокий и рогами увенчанный*»). Оба названных приема присутствуют в поэме «Андрей» при описании мученичества героя (Andr 1232–1236a), когда дороги, по которым владели апостола, уподобляются творениям мифических великанов (см. выше), а ландшафт выступает за пределы города и включает *dūnscræfum* «пещеры в холмах» и *stānhleoða* «утесы каменные» (Andr 1232b–1233a), напоминая обиталище чудовищ, где Беовульф совершил свой опасный и славный подвиг.

Подведем итоги. Рецепция англосаксами христианского апокрифа происходила в условиях сосуществования в монастырях древней Англии позднеантичной книжности и исконного устно-поэтического творчества. Их симбиоз был прославлен в легенде Беды о поэте Кэдмоне, который первым облек Священ-

¹⁶ Поэма «Скиталец» цит. по (Fowler 1978) в переводе автора статьи.

ную историю «в форму дивных стихов» (Baeda 2001: 141). Однако в аллитерационной поэзии англосаксов поэтическая форма еще не дана поэту как нечто, отличное от содержания: метрика укоренена в «формульности», отлита в традиционные и, одновременно, видоизменяемые выражения, служившие для передачи устойчивых, героико-эпических тем и мотивов. Поэтому воспроизведение аллитерационным стихом сюжета, который разворачивался в чужом, далеком пространстве и времени, требовало его адаптации к художественному канону местной традиции. Адаптация достигалась, прежде всего, за счет расширения и усиления тех моментов апокрифа, которые отвечали темам пира и битвы: каннибализм мермедонян предстает как «анти-пир» мифических чудовищ и связывается с языческими практиками, а склонность к сражениям подчеркивает свойственную каннибалам жестокость. Напротив, наделение Андрея эпитетами воина акцентирует в нем твердость духа, а мотив сокровищ сближает его образ с образом германского вождя. Погружая аудиторию в мир германской эпики, поэт «Андрея» представляет себя как носителя древней традиции, чем придает убедительность рассказу, которая достигается также за счет ряда «британских» аллюзий в тексте. Вместе с тем, перенос германской формульной фразеологии на реалии иной культуры ничуть не снижает религиозного пафоса поэмы, поскольку традиционные выражения начинают по-иному звучать в новом контексте.

Источники и литература

- Baeda Venerabilis. 2001: *Tserkovnaya istoriya naroda anglov [Church history of the English people]*. St. Petersburg: Aleteiya.
- Беда Достопочтенный. 2001: *Церковная история народа англов* / Пер. В. В. Эрлихмана. СПб.: Алетеия, 2001.
- Brooks, Kenneth R. 1961: *Andreas and The Fates of the Apostles*. Oxford: Clarendon Press.
- Cataldi, Claudio. 2014: St. Andrew in the Old English Homiletic Tradition. In: *Hagiography in Anglo-Saxon England: Adopting and Adapting Saints' Lives into Old English Prose (c. 950–1150)*. Barcelona-Madrid: Brepolis Publishers, 293–308.
- Fowler, Roger (ed.). 1978: *Old English Prose and Verse*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Fritzsche, A. 1879: *Das Angelsächsische Gedicht 'Andreas' und Cynewulf*. Halle.
- Gradon, P.O.E. (ed.). 1996: *Cynewulf's Elene*. 2nd edition. Liverpool University Press.

- Gurevich, E.A. 1982: ['Paired' formula in Eddic poetry (An attempt at analysis)]. In: *Khudozhestvennyi yazyk srednevekov'ya [Artistic language of the Middle Ages]*. Moscow: Nauka, 61–82.
- Гуревич, Е. А. 1982: Парная формула в эддической поэзии (Опыт анализа). В сб.: *Художественный язык средневековья*. М.: Наука, 61–82.
- Klaeber, Fr. (ed.). 1950: *Beowulf and The Fight at Finnsburg*. 3rd ed. Boston: D.C. Heath and Company.
- Metlitskaya Z.YU. (transl.). 2010: *Anglosaksonskaya khronika [Anglo-Saxon Chronicle]*. St. Petersburg: Evraziya. Метлицая З. Ю. (пер.). 2010: *Англосаксонская хроника*. СПб.: Евразия.
- North, R., Bintley, M. (eds.). 2016: *Andreas*. Liverpool University Press.
- Rozano-García, Francisco J. 2017: 'Hwær is wuldor þīn?': Traditional Poetic Diction and the Alien Text in the Old English 'Andreas'. *Peritia*, 28, 177–194.
- Schaar, Claes. 1949: *Critical studies in the Cynewulf group*. Copenhagen.
- Socrates Scholasticus. 1996: *Tserkovnaya istoriya [Church history]*. Moscow: ROSSPEHN. Сократ Схоластик. 1996: *Церковная история*. М.: РОССПЭН, 1996.
- Swanton, Michael (ed.). 1990: *Beowulf*. Manchester University Press.
- Vinogradov, A.Yu. (ed.). 2003: *Deyaniya apostola Andrey a [Acts of the Apostle Andrew]*. Moscow: Indrik.
- Виноградов, А. Ю. (ред.). 2003: *Деяния апостола Андрея*. М.: Индик.

Сокращения

Andr – Andreas
Beo – Beowulf

И. Р. Гимадеев
МГУ им. М. В. Ломоносова / МАСКИ МФТИ
Москва, Россия. eliasgimad@mail.ru

МИФ О ФАЛЕРНЕ СИЛИЯ ИТАЛИКА В СВЕТЕ ИСТОРИИ ФАЛЕРНСКОГО ВИНА¹

В статье рассматривается миф из поэмы «Пуника» Силия Италика о явлении Вакха бедному крестьянину Фалерну в связи с историей фалернского вина. После краткого изложения истории вопроса даётся полный перевод мифа о Фалерне. Автор предлагает свое толкование мифа, пытаясь понять, что стоит за вставным мифологическим сюжетом. Делаются попытки этимологизировать топоним и наименование вина. Самым подробным образом рассмотрен вопрос о времени появления фалернского вина и о роли греческих колонизаторов в распространении винодельческой культуры. Устанавливается, что название «фалернское» окончательно закрепилось за этим вином в первой половине I в. до н. э. Автор приходит к выводу о том, что Силий Италик использует типичный для эпической поэзии эллинистического времени вставной сюжет этиологического характера. Мифический рассказ создан самим Силием по известному фольклорному сюжету, а знакомство крестьянина Фалерна с вином похоже на посвящение его в вакхический культ. С помощью мифа о Фалерне Силий подчеркивает святотатство Ганнибала, разорившего Кампанию, которую благословил сам Вакх. В итоге Ганнибал поплатился за уничтожение священных виноградников.

Ключевые слова: Силий Италик, фалернское вино, Фалерн, миф о Фалерне, Пуника.

Elias R. Gimadeev
Lomonosov Moscow State University / Moscow Institute of Physics and Technology.
Moscow, Russia. eliasgimad@mail.ru

The myth of Falernus by Silius Italicus in light of history of Falernian wine

The article examines the myth from the poem Punica by Silius Italicus about the appearance of Bacchus to the poor peasant Falernus in connection with the history of Falernian wine, which is widely known from

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда ««Пуника» Силия Италика: перевод, исторические реалии, рецепция» (проект № 24-18-00445), реализуемого в Московском физико-техническом институте (национальный исследовательский ун-т).

ancient literature and its later reception. After a brief history of the scholarship on the wine, a full translation of the myth of Falernian is given. The author proposes his own interpretation of the myth, based on the works of earlier scholars, trying to elucidate what stands behind the inserted mythological plot. For a better understanding of how this myth relates to the history of the appearance of Falernian wine and its further spread in Antiquity and literary tradition, the geography of the area is studied in detail, endeavours are undertaken to etymologise the toponym and the name of the wine. The author shows the continuity of the ancient tradition in naming wine by the place of its origin, which was a mark of its quality. The problem of the date of the appearance of Falernian wine and of the role of Greek colonisers in the spread of wine culture is considered in detail. It is concluded that the name Falernian was finally assigned to this wine in the first half of the 1st century BC.

The article also examines the production technology and reconstruction of the properties of the beverage. In the course of the study, widely known stories about drinking exceedingly old wine, in particular Falernian, are disproven. An attempt is made to interpret Pliny's statement (N. H. XIV 62) that some varieties of Falernian wine are prone to ignition. The author arrives at the conclusion that Silius Italicus employs an inserted plot of an etiological character, as was typical for the epic poetry of the Hellenistic period. The myth was invented by Silius himself on the basis of a well-known folklore plot. The encounter of the peasant with Falernian wine may be interpreted as a symbolic representation of his initiation into the Bacchic cult. Drawing upon the myth of Falernian, Silius highlights the sacrilege of Hannibal: he has devastated Campania, a country that had been previously blessed by Bacchus himself, and has to pay vengeance for the destruction of the sacred vineyards.

Keywords: Silius Italicus, Falernian wine, Falernus, the myth of Falernus, Punica.

Даже человеку малознакомому с античностью должно быть прекрасно знакомо имя «Фалерн», которое мы находим и у К. Н. Батюшкова (К другу, 1815 г.: «Гдѣ твой Фалерн и розы наши?»), и в передаче А. С. Пушкиным известнейшего стихотворения Катутллы (Cat. 27), начинающегося словами «Minister uetuli puer Falerni...» («Мальчику», 1832 г.: «Пьяной горечью Фалерна / Чашу мнѣ наполни, мальчикъ!»), и в «Амене» А. К. Толстого (1846 г.: «Амвросій выпил бокал душистого фалерна»). У М. А. Булгакова Пилат пьёт тридцатилетнее цекубское («Мастер и Маргарита»: «— Превосходная лоза, прокуратор, но это — не «Фалерно»? / — «Цекуба», тридцатилетнее, — любезно отозвался прокуратор»), а Азazelло отравляет главных героев именно фалернским («Прошу заметить, что это то самое

вино, которое пил прокуратор Иудеи. Фалернское вино»). Наименование этого вина даже не требует объяснения, потому что часто из самого контекста мы уже понимаем, что речь идёт о прекрасном вине древней Италии.

Существует множество форм слова: Falernus, Falerinus, Φάλερνος, Φαλερῖνος, Φαλερνίτης, Φαλερνίτις (Weber 1855: 2). В латинском корпусе фалернское вино (включая вторичные цитаты у схолиастов, упоминания у врачей) встречается около 115 раз. Всего же корень «falern-» — 156 раз, и среди них достаточно часто в сочетании *ager Falernus*. Главными источниками, которые сообщают нам о фалернском вине из прозаиков являются Плиний (11 раз), Скрибоний Ларг, врач эпохи Тиберия и Клавдия (10 раз), Петроний (4 раза); у других прозаиков упоминания совсем редки, но у поэтов мы находим фалернское вино гораздо чаще. О нём очень много вспоминает Марциал (27 раз), Гораций (14 раз и 10 раз его цитирует и объясняет схолиаст Помпоний Порфирион), Ювенал (5), Проперций (3 раза) и совсем редко остальные. Из основных греческих авторов, упоминавших о фалернском вине, можно назвать Страбона, Диоскорида, Афиней, Галена (Dalby 2003: 138)².

Из литературы далеко превосходит все работы уровнем владения материалом старая диссертация немецкого филолога Карла Фридриха Вебера «*De vino et agro Falerno*» (1855); весьма полезна книга его предшественника, Андреа Баччи (Andreas Baccius), «*De naturali vinorum historia, de vinis Italiae et de convivii antiquorum libri septem*» (1596); при изучении любых яств древности обязательно следует обращаться к энциклопедии Эндрю Долби «*Food in the Ancient World from A to Z*». Важно отметить, что RE вовсе не содержит статьи о вине, тем более фалернском, ограничиваясь лишь краткой заметкой о *Falernus ager*. Общую статью о вине (s. v. Wein) мы находим лишь в DNP. Вся же литература о вине и виноделии необъятна и интересуется нас лишь в той части, где она касается интересующего нас предмета. Миф о Фалерне у Силия Италика отчасти уже разбирал Дэвид Весси в статье «*The Myth of Falernus*».

² Латинские и греческие источники точно указаны у Долби. Вебер указывает гораздо больше источников, но отдельного их разбора не даёт.

Силий Италик упоминает фалернское, приводя оригинальный миф о его происхождении (VII 162–211)³:

³ Haud fas, Bacche, tuos tacitum tramittere honores,
quamquam magna incepta uocent. memorabere, sacri
largitor laticis, grauidae cui nectare uites
165 nulli dant prelis nomen praeferre Falernis.
Massica sulcabat meliore Falernus in aeuo
ensibus ignotis senior iuga. pampinus umbras
nondum uua uiridis nudo texebat in aruo,
pocula nec norant sucis mulcere Lyaei,
170 fonte sitim et pura soliti defendere lymphā.
attulit hospitio pergentem ad litora Calpes
extremumque diem pes dexter et hora Lyaeum,
nec pigitum paruosque lares humilisque subire
limina caelicolam tecti. cepere uolentem
175 fumosi postes et ritu pauperis aeui
ante focus mensae, laetus nec senserat hospes
aduenisse deum. sed enim de more parentum
grato cursabat studio instabatque senectae,
donec, opes festas, puris nunc poma canistris
180 composuit, nunc inriguis citus extulit hortis
rorantis umore dapes, tum lacte fauisque
distinguit dulcis epulas nulloque cruore
polluta castus mensa Cerealia dona
attulit ac primum Vestae deterisit honorem
185 undique et in mediam iecit libamina flammam.
deesse tuos latices, hac sedulitate senili
captus, Iacche, uetas. subito, mirabile dictu,
fagina pampineo spumarunt pocula suco,
pauperis hospitii pretium, uilisque rubenti
190 fluxit mulctra mero, et quercu in cratera cauata
dulcis odoratis umor sudauit ab uuis.
'En cape' Bacchus ait 'nondum tibi nota, sed olim
uiticolae nomen peruulgatura Falerni
munera,' et haud ultra latuit deus. inde nitentem
195 lumine purpureo frontem cinxere corymbi,
et fusae per colla comae, dextraque pendit
cantharus, ac uitis thyrsos delapsa uiuenti
festas Nysaeo redimiuit palmitibus mensas.
nec facilis laeto certasse, Falerne, sapor,
200 postquam iterata tibi sunt pocula, iam pede risum,
iam lingua titubante moues, patrioque Lyaeo
tempora quassatus, grates et praemia digna
uix intellectis conaris reddere uerbis,

«Не пристало, Вакх, обходить молчанием твоё почитание, хотя [меня] зовут великие начинания. Ты будешь прославлен, о щедрый даятель священной влаги, которому отягчённые нектаром лозы не дают предпочесть никакое иное наименование вина фалернским прессам.

Массийские вершины в лучшее время, когда войны (букв. мечи) не были известны, бороздил пожилой Фалерн. Виноградный побег ещё не сплетал гроздьями зелёных теней на голой пашне, и [люди] не умели услаждать свои чаши соками Лиэя, но обыкновенно утоляли жажду чистой водой из источника. В добрый час легкая поступь (*pes dexter*) принесла в пристанище Лиэя, который направлялся к берегам Кальпы в самом конце дня, и было нестыдно небожителю войти к земным ларам за порог простой хижины.

Закопченная дверь и яства пред очагом по обычаю бедного века приветствовали гостя (*volentem*), счастливый хозяин и не подозревал, что явился бог. Но по обычаю отцов он носился в приятных хлопотах из последних старческих сил (*instabatque senectae*), пока не поставил праздничные угощения (*opes*), фрукты в чистых корзинах и расторопно принёс из орошённых садов пищу, источающую влагу, затем он украсил сладкие блюда молоком с медовыми сотами и благочестиво (*castus*) принёс на стол дары Цереры, не пролив ни капли крови, и сперва он отщипнул отовсюду по кусочку в честь Весты и бросил жертву в самое пламя.

Восхищённый старческим усердием, ты, Иакх, позволяешь своим сокам появиться в избытке. Внезапно, о чудо, буковые чаши вспенились виноградным соком — плата за гостеприимство бедняка —, и простой подойник излился ярко-красным вином, а в кратер из полого дуба заструилась сладкая влага от ароматных гроздей. «Ну же, прими мой дар, — сказал Вакх, — ещё незнакомый тебе, но когда-нибудь, в будущем, он про-

donec composuit luctantia lumina Somnus,
205 Somnus, Bacche, tibi comes additus. hinc ubi primo
ungula dispersit rores Phaethontia Phoebo,
uiuiferis late florebat Massicus aruis
miratus nemora et lucentis sole racemos.
it monti decus, atque ex illo tempore diues
210 Tmolus <et> ambrosiis Ariusia pocula sucis
ac Methymna ferox lacibus cessere Falernis.

славит имя виноградаря Фалерна», — и бог больше не скрывался.

Ветви плюща тут же обвили его чело, блистающее пурпурным светом, локоны рассыпались по плечам, в правой руке он небрежно держал (*perendit*) кубок, а виноградная лоза, ниспадая вниз по его зеленому тирсу, обвила праздничный стол побегами нисской лозы.

И трудно бороться, о Фалерн, с веселящим вкусом, после того как чаши были подняты по второму разу, ты уже вызываешь смех своим заплетающимся языком и шатающимися ногами. С тяжестью в висках (*quasatus tempora*) он попытался, хотя и не мог говорить внятно, отблагодарить и воздать хвалу отцу Лиэю; и наконец Сон, Сон, который тебе, о Вакх, — верный спутник, сомкнул его противящиеся очи. Затем, когда при первых лучах лучезарного Феба копыта [коней] Фазтона рассеяли росу, весь Массик стал цвести виноградными лозами, поразив листвою и гроздьями, сияющими на солнце. Идёт слава о горе, и с того времени изобильный Тмол, кубки Ариусии с амбросийским соком и крепкое вино Метимны уступили фалернским чанам⁴».

Согласно приведённому мифу Вакх, явившись во всей своей божественной силе, благословил бедного кампанского крестьянина Фалерна великим даром — вином, которое должно было затмить знаменитые Лесбосские (г. Метимна) и Хиосские (мыс Ариусий) привозные напитки. Перед нами распространённый в сказаниях разных народов фольклорный сюжет, где бедняк принимает гостя, бога или царя (ср. явление Святой Троицы Аврааму в Быт. 18), за что бедняк впоследствии вознаграждается. Сцена разворачивается на фоне нашествия Ганнибала, который захватывает Кампанию и предаёт огню виноградники близ горы Массик. Еще Д. Весси отметил (Vessey 1973: 240–246), что к эпохе Силия небольшие вставные сюжеты этиологического характера — реминисценция тех сюжетов, которые встречаются, к примеру, у Гесиода — стали обычны для латинского эпоса (Verg. *Aen.* VIII 185–275: о Геркулесе и Каке, Luc. IV 493–660: встреча Геракла и Антея, Stat. *Theb.*: Лин и Кореб) (Vessey 1973: 240), а Дж. Никол убедительно показал, что миф придуман самим Силием, основываясь на схожих историях об афинянце Икарии и Энее, или Ойнее, царе Калидона (Nicol

⁴ Здесь и далее перевод наш, если не указано иного.

1936: 11–12). Благотворная деятельность Вакха в Кампании по пути на запад, в Испанию (171–172), противопоставлена разрушениям Ганнибала, пришедшего из Испании в Италию. В сцене знакомства старого Фалерна с вином, в самом описании его опьянения, можно отметить озорной элемент, наполненный реализмом, той эллинистической чертой, которая благодаря Каллимаху, а за ним Проперцию и Овидию, была свойственна и Силию. Кроме того, дар Вакха Фалерну, награда за гостеприимство, изображается как своего рода посвящение его, а вместе с ним и народа Италии, в новый культ, открывающий путь к духовной истине, а само божество предстаёт в образе спасителя человечества. Вакхические культы издавна распространённые в Италии, хотя и подверглись преследованию сенаторским декретом 186 г. до н. э., к имперским временам восстановились в иной форме. Судя по всему, к первому столетию они уже не имели своей оргиастической природы. Обращен культ был скорее к зажиточным людям, которые по своему консерватизму держались старой культуры и религии. Возможно, Силий Италик, обладавший внушительным состоянием и имевший досуг, сам был посвящен в один из вакхических культов в Кампании, где он владел виллами (Vessey 1973: 242–243).

Как же этот миф соотносится с исторической картиной появления фалернского вина, с тем, как оно приобрело свою славу, а впоследствии было забыто, оставшись лишь в литературной традиции? Какая земля давала это вино? *Ager Falernus* — область в северной части Кампании, граничащая на западе с морем, на севере с горой Массик, на юге с нижним течением Вольтурна. Первоначальные внутренние границы области на востоке не определены. Впоследствии *Via Latina*, вероятно, отделила *ager Falernus* от *ager Stellas*. Что же можно сказать о происхождении названия области, от которой, как нетрудно догадаться, происходит название вина (не добавляя о происхождении самого слова, *Isid. Orig.* XX 3, 6, сообщает, что фалернское вино было названо по местности Фалерн в Кампании, где производили лучшие вина: *Falernum uinum uocatum esse a Falerna regione Campaniae, ubi optima uina nascantur*). Придворный врач папы Сикста V, А. Баччи (Baccius 1596: 209), написавший среди прочего латинские труды о термах и вине, а вслед за ним и Вебер (Weber 1855: 2), приводят множество мнений относительно этимологии. Некоторые производили

слово Falernus от города Falerii или от названия прилегающей к нему области Faliscum (Φαλέριοι Strab. V 29, Φαλέριον Dion. Hal. I 21), что находится на юге Этрурии. Город по преданию основал греческий герой Галес (Hal(a)esus, Ἁλαισός), возница (возможно, сын: Ou. *Amor.* III 13, 34) Агамемнона под Троей, чье имя могло дать название области (Ou. *Fast.* IV 73 sq.). Этруски, управлявшие 12-ю городами в Этрурии, одним из которых были Falerii, действительно основали ещё 12 городов в Кампании (Polyb. II 17, 1), и столицей этих городов называли Капую. Но так как нельзя с уверенностью говорить о существовании второго одноимённого города (oppidum Falerium или Falernum), и нет иных городов Кампании, которые имели бы названия, совпадающие с наименованиями этрусских городов, то, по мнению Вебера, такую этимологию следует отвергнуть. По другой версии слово происходит от пиценского города Falaria или Faleria, но эта область в средней Италии на берегу Адриатического моря никак не связана с Кампанией. Существовало также мнение, что название происходит от города Falernum, находившегося на границе Кампании недалеко от Синуэссы, но авторы за исключением Макробия (Macr. Sat. III 20, 7: Aminei fuerunt, ubi nunc Falernum est) не упоминают такого города. В рукописях находят разночтение Salernum (codex Pontanus) и Falernum. Вебер полагает (Weber 1855: 26), что под Falernum подразумевается скорее ager, а не oppidum, так как если его не было ранее, то едва ли он мог возникнуть во времена Макробия. В подтверждение своих слов Вебер ссылается также и на Силия Италика (Sil. VII 159 uberis arua Falerni). Силий (Sil. VII 166), по мнению Вебера (Weber 1855: 26), без всякой уверенности сообщает, не зная этимологии существительного, что оно произошло от имени старика Фалерна, который был хозяином той области ещё в золотой век. И другие авторы почти всегда говорят об ager, но иногда упоминают campus, collis, mons. Также наивно было бы возводить это слово к сущ. falĕre (возвышение, помост) (Varr. R. R. III 5, 14; 16). Вебер предполагает (Weber 1855: 3), что существовало древнее название реки Sauo (совр. Саона, примерно в 10 км южнее Синуэссы впадающая в море между Вольтурном и Лирисом) с корнем fal- — Faler или Faleris, в чём нет ничего удивительного, так как многие реки в Италии имеют два наименования, как, например, Вольтурн (Λοθρόνος ap. Plut. *Fab. Max.* 6), протекаю-

ший в той же области, что и Савон. Достаточно правдоподобно, что от реки была названа область, а не город около реки получил название *Falernum*. В исторические времена *ager Falernus* появляется сначала во владении кампанцев, у которых римляне отобрали его в 340 г. (Liv. VIII 11, 12). Территория была роздана римским гражданам и дала название вновь основанной трибе *Falerna* в 318 г. (Diod. XIX 10. Liv. IX 20), которая часто упоминается вплоть до эпохи Марка Аврелия (CIL X 1266: Q. Caesio Q. f. Fal(erna) Fistulano). Подобным образом по названию реки *Vfens* получила своё название триба *Vfentina*. Во вторую Пуническую войну вся округа сильно пострадала от грабежа карфагенян (Liu. XXII 13), что и описывает Силий. Уже к концу республики вся территория находилась в руках нескольких крупных землевладельцев; а две независимых гражданских общины в *ager Falernus*, *Forum Popilii* и *Vrbana*, не имели большого значения. Область обязана своей известностью не только вину; но и плодоводству (Plin. N. H. XV 53) (Weber 1855: 4). В поздней Античности местность у моря стала пустынной из-за малярии (RE s. v. *Falernus ager*). Вебер указывает, что река Саона разделяла *ager Falernus* на две части. Южная часть с туфовыми комковатыми рассыпчатыми почвами вулканического происхождения прекрасно подходила для разведения скота из-за обилия пастбищ. Другая часть по левую сторону от дороги, ведущей от Мондрагоне по направлению в Капую, с большей частью морского побережья и равнины у подножия Массика и до потухшего вулкана Роккамонфина, а также возле холма, где располагается коммуна Франколизе, имела известковую почву, которую называют пойменной, или аллювиальной, и частично туфовую. Такая смешанная почва, наилучшим образом подходящая для выращивания лозы, способствовала производству лучших вин: массийского, фалернского и каленского. Качества земли этого региона описаны Плинием (Plin. N. H. XVIII 110 sq.).

Лоза может вырождаться, поэтому качество вина скорее зависело от почвы и от солнечного света. *Ager Falernus* обладал этими качествами, потому что заботой Вакха (Tib. I 9, 34) получил своё название и давал лучшее вино (Varr. R. R. XI ap. Macr. Sat. II 12). Также местность, по словам Силия, была богата и не обманывала земледельца (Sil. VII 160: *dives et nunquam mentita colono*). Но другие районы этого региона

давали не такие хорошие и ценные вина из-за иных природных условий или из-за менее удачного их сочетания (Vitr. VIII 3, 12). По сообщению Плиния (Plin. N. H. XIV 63), которое подтверждается картой, в *ager Falernus* и *ager Faustianus* есть и равнины, и холмы. И считается, что виноградники на склонах лучше (Varr. R. R. I 6, 5), что подтверждает и Колумелла (Colum. R. R. III 2; cf. Pall. г. г. I 6). Важную роль сыграло также сочетание известняковых и туфовых почв, потому что известняк хорошо сохраняет солнечное тепло, а туф удерживает влагу (Col. R. R. IV 22; III 11). Большое значение имеет также вулканическое происхождение почвы. Такая почва могла быть не только около Везувия и Этны, но и в *ager Falernus*, и *ager Faustianus*. Поэтому у богатых римлян часто именно здесь были виллы. Фалернское поместье Помпея, к примеру, перешло поэту Ансеру (Cic. Phil. XIII 5, 11 шутит: *de Falerno anseres depellentur*). Hor. epod. 4, 15 пишет о военном трибуне Руфе, который тоже владеет там поместьем. Богачей притягивала построенная там дорога, проходившая, вероятно, между *ager Falernus* и *ager Faustianus* (CIL X 3910: M. Cornelius curator uiae Falernae) (Weber 1855: 32). Таким образом, в *ager Falernus* сложились идеальные условия для виноградарства.

В Античности происхождение вина также говорило о его качестве, и «фалернское вино» было повсюду знаком этого качества (DNP s. v. Werbung). То же самое мы наблюдаем и в наши дни, когда система контроля качества вин по происхождению является основой современного виноделия. Изначально система так называемых *аппелласьонов* была разработана во Франции, где в настоящее время их насчитывается около 300. Маркировка *Appellation d'origine contrôlée* (AOC) на бутылке подтверждает, что полный цикл производства вина осуществлен согласно установленным методам в зоне с особым наименованием, которая была законодательно установлена и очерчена. Существуют также и другие категории. К примеру, сырье для категории столовых вин (*vin de table*) может закупаться в других областях или даже странах. Такие вина по косвенным данным были и в древности. К примеру, Гораций, скорее всего, закупал для своего сабинского поместья виноград или сок, а

потом уже на месте производил из него готовый продукт⁵. В современной Италии встречаются две высшие категории: *denominazione di origine controllata*, то есть название с контролируемым происхождением (DOC), и *denominazione di origine controllata e garantita*, название с контролируемым и гарантированным происхождением (DOCG), также как и во Франции есть вина более низких категорий, таких как вина категории *indicazione geografica tipica* (IGT), что далеко не всегда говорит об их худшем качестве, но только указывает на то, что они не обязаны производиться из винограда, собранного на одной территории. В России этому примерно соответствует система *защищённых географических указаний* (ЗГУ) или *защищённых наименований места происхождения* (ЗНМП). Мы не перечисляем все категории, но приводим их в качестве примера, желая показать преемственность античной традиции до современных наименований вина.

Ко временам Плиния насчитывалось приблизительно 80 вин во всей Римской империи (Plin. N. H. XIV 87), которые удовлетворяли высоким требованиям, подлежали долгому хранению и могли из-за этого перевозиться в разные регионы. Примерно 12 из них считались винами высшего качества (альбанское, цекубское, каленское, фалернское, формианское, мамертинское, массийское, суррентийское), которые могли зреть от 10 до 20 лет и более (DNP s. v. Wein, Weinsorten und -qualitäten). Здесь наглядно представлено, что вина назывались именно по месту производства, а не по сорту винограда, к примеру, таким образом, вопрос географии в данной теме один из главных.

О происхождении и древности фалернского вина древние не имели точных сведений, что следует уже из того, что Силий Италик — как часто бывает у поэтов — приводит миф, согласно которому лозы на фалернской земле были посажены самим Вакхом, которого гостеприимно принял старик Фалерн.

⁵ Интересное наблюдение делают Нисбет и Хаббард к Hor. c. I 20: *Vile potabis modicis Sabinum / cantharis, Graeca quod ego ipse testa / conditum levi...* «Ты будешь пить дешёвое Сабинское из скромных канфаров, которое я сам закупорил в греческом сосуде». Сабинское поместье Горация давало скорее перец и ароматическую смолу, чем вино (Hor. *Epist.* I 14, 23: *angulus iste feret piper et tus ocus uua*), поэтому комментаторы справедливо предположили, что виноматериал происходил из другого места (Nisbet, Hubbard 1990: 246).

Вебер подробно говорит о проникновении греческой культуры виноделия в Рим (Weber 1855: 37). В середине VIII в. до н. э. переселенцы с Эвбеи именно в Кампании основали первую греческую колонию Кумы, будущую *Colonia Iulia Augusta* (Liu. VIII 2, 6: *Cumani ab Chalide Euboica originem trahunt*), Вергилий даже называет этот город *arx Chalcidica* (Verg. *Aen.* VI 16). После этого греческие переселенцы заложат ещё много колоний: Синопу, которая станет римским городом Синуэсса, Дикеархию, римские ПUTEОЛЫ, Неаполь и другие. Вместе с переселенцами в Италию проникла культура винопития и виноградарства. С этим событием можно связать миф об аркадце Энотре, сыне Ликаона, переселившемся в Италию, по имени которого была названа юго-восточная часть (Лукания и Бруттий) Италии, *Oenotria*, особенно если учесть, что Аристотель упоминает установление Энотром сисситий в Италии (Arist. *Polit.* VII 9, 2; Dion. Hal. I 11; Paus. VIII 3, 5). Можно предположить, что первые окультуренные лозы были посажены здесь жителями Синопы, которая потом и будет названа *Falerna* (Weber 1855: 37). А по свидетельству Плиния (Plin. *N. H.* XIV 22) в Кумах и в Неаполе росли те же самые лозы, что и в *ager Falernus*, которые назывались *Amineae*, хотя из-за различия терруаров они отличались. Юний Филаргирий (*ad Verg.* G. II 97), ссылаясь на Аристотеля, говорит, что аминейцы должны быть фессалийскими пеласгами. Они основали город *Phalerium*, или *Aequum Faliscum*, с почти таким же названием, как *Phalara* на фессалийском побережье, или *Phalerum*, называвшийся Палеополь, или Неаполь, и завладев полями аврунков основали город Ларисса одноимённый фессалийскому. Наконец, есть мнение, что лоза была завезена в Пенкеттию (среднюю часть восточного побережья Апулии), которую также называли *Aminea*, Певкеттием, братом Энотра, а затем она распространилась в других регионах Италии, в том числе, в Кампании.

Возникновение фалернского вина не может относиться ко временам возникновения первых греческих колоний, хотя вино римляне стали употреблять очень рано. Как известно, ещё Эгнаций Меценций (*Egnatius Mecennius*) убил свою жену в царствование Ромула за винопитие (Plin. *N. H.* XIV 13). Об этом свидетельствует и *lex Postumia* царя Нумы: *Vino rogum ne respargito* (Plin. *N. H.* XIV 88), и XII tab. (Fest. s. v. *tignum* : *tignum iunctum aedibus uineaeue ... ne soluito*). Если же

обратиться к историческим свидетельствам, то в 343 г. до н. э. (Liv. VII 30) после покорения кампанцев римляне заимствовали у них винодельческую культуру, так что Кинеас, поверенный Пирра, вел после битвы при Гераклее (280 г. до н. э.) переговоры, удивлялся высоким лозам и шутил о терпкости вина (Plin. N. H. XIV 12). В 217 г. до н. э. Ганнибал разорил Фалерн, где уже были деревья для подвязки винограда⁶ и виноградники (Liv. XXII 15, 2: *arbusta vineaeque*), однако Плиний сообщает, что вина Италии приобрели свою славу только после 600 г. от основания Рима (= 154 до н. э. Plin. N. H. XIV 87).

Вероятно, одним из первых о фалернском вине упоминает Полибий во фрагменте, который мы находим у Афиней: Πολύβιος δὲ διαφόρων οἶνον ἐν Καπύῃ φησὶ γίνεσθαι τὸν ἀναδενδρίτην καλούμενον, ὃ μὴδένα συγκρίνεσθαι (Polyb. XXXIV 11, 1 ap. Athen. I 57, 10 Kaibel) «Полибий же говорит, что отличное вино есть в Капуе, называемое «вином, полученным из лоз, выющихся вокруг деревьев (ἀναδενδρίτης)», с которым никакое не может сравниться». Данное упоминание Э. Долби, известный исследователь еды в Античности, относит приблизительно к 140 г. до н. э. (Dalby 2003: 138). Эпиграфический материал даёт надпись *fal mas* (*Falernum Massicum*) на амфоре, отмеченной консулами 102 г. до н. э. (CIL IV 2553, XV 4553 sq.). О раннем появлении фалернского свидетельствует и Цицерон в 55 г. (Brut. 287): *ut si quis Falerno vino delectetur, sed eo nec ita novo ut proximis consulibus natum velit, nec rursus ita vetere ut Opimium aut Anicium consulem quaerat*—*atqui hae notae sunt optumae*: *credo; sed nimia vetustas nec habet eam, quam quaerimus, suavitatem nec est iam sane tolerabilis*. «Любитель фалернского вина не захочет его ни совсем молодого, из винограда, собранного при последних консулах, ни слишком старого, времен консула Опимия или Аниция. «Однако это вино — лучшее». Знаю, но оно уже слишком старое, потеряло вкус, который мы в нём ищем, и стало совсем невыносимо» (Пер. И. П. Стрельниковой). Консульство Опимия приходилось на 121 г., а консульство Аниция было в 160 г. до н. э. Упомянув об Опимиянском вине 121 г. до н. э., Плиний прямо говорит, что вина в ту эпоху называли только по консулам (Plin. N. H. XIV 55). Фалернское ещё не было известно, так как Плавт

⁶ О способах подвязки лозы см. DNP s.v. Wein.

упоминает только греческие вина и напиток *murrina*, мёд с миррой (Pseud. II 4, 51), также никак не упоминает фалернское Катон, рассказывая, как приготовить в домашних условиях греческое вино (Cat. 24, 105) или конкретные его виды, к примеру, коское (*ibid.* 112) или вино с миртом (*ibid.* 125) (Weber 1855: 38).

Вебер приходит к выводу (Weber 1855: 39–42), что наименование фалернское закрепилось за вином между 89 и 54 гг. до н. э. Плиний даже рассказывает, что в 46 и 45 гг. Цезарь по случаю триумфальных пиров велел раздавать фалернское вместо Хиосского, Лесбосского и Мамертинского (Plin. N. H. XIV 97). Лозу также называли фалернской, но она по своей сути была аминейской. Поэтому и под *ager Amineus* (Serv. ad Verg. G. II 97) можно понимать *ager Falernus*, также и за Аминейским, которое Катон называет старым, может скрываться фалернское (Cat. 106). Когда о фалернском и прочих винах, когда-то известных, стали забывать, и наименования стёрлись из памяти, то стали пользоваться общим названием *Aminea* или *Italica*. Поэтому аминейские вина у Сервия, Аэция и в Геопониках не отличались от фалернского, но представляли скорее неких класс вин, из которых одним из лучших было фалернское. Также Вергилий не разделяет *Aminea* и *Falerna*, но подчеркивает превосходство фалернского из аминейских лоз:

nec cellis ideo contende Falernis.
sunt et Aminneae uites, firmissima uina,
Tmolius adsurgit quibus et rex ipse Phanaeus,
argitisque minor, cui non certauerit ulla
aut tantum fluere aut totidem durare per annos (Verg. G. II 97).

Силий Италик (Sil. VII 209–211) заканчивает пассаж о Фалерне с оглядкой на слова Вергилия. Конечно, фалернские лозы не всегда называются аминейскими, потому что последние есть и в других регионах Италии. Одни считали *vitis Amineae* автохтоном, другие — привозным греческим сортом. В пользу греческого происхождения свидетельствует заимствование винодельческой культуры в Греции, а также греческое происхождение слова *Aminea*. Существует множество предположений, но Вебер склоняется к сравнительной степени ἄμεινον (Weber 1855: 43). Но, несмотря на происхождение, можно утверждать с уверенностью, что аминейская лоза культивировалась в Италии

с самых древних времен, о чём свидетельствует не только миф о Фалерне Силия, но и Колумелла (Colum. R. R. III 9: *vetustissimas quasque vineas existimans Amineas*).

Об изготовлении фалернского известно следующее (Weber 1855: 45): *mustum* (виноградное сусло), называемое *pingue* (Colum. X 431 говорит о *mustum Falernum*) сливали в винохранилища (*lacus*) и долии (*dolia* = *πίθος*). Лучшие вина Кампании стояли под открытым небом в больших сосудах под воздействием солнца, луны и ливней, обдуваемые ветрами (Plin. N. H. XIV 136). Подобный метод был известен ещё при Катоне. Вина, называемые Плинием *imbecilla*, сохраняли в доляях, закопанных в землю, вина же, именуемые *valida*, оставляли в доляях на земле (Plin. N. H. XIV 134). Гораций упоминает, что массийское вино оставляют на ночь под открытым небом, чтобы устранить мутность и запах, и не советует его процеживать, чтобы оно не потеряло вкус. Здесь же он упоминает, как в осадок фалернского вина доливают суррентское и очищают мутность голубиным яйцом (Hor. Sat. II 4, 51 sqq.). Вебер делает из этого вывод о том, что сахар, содержащийся в сусле, быстрее расщеплялся и превращался дрожжами в спирт. *Mustum* могли подогревать, чтобы после испарения воды вино было слаще (Plin. N. H. XIV 121). Фалернское выдерживали год и более, при этом амфоры могли коптить, чтобы ускорить процессы брожения от тепла (Colum. R. R. I 6, 20: *quoniam vina celerius vetuscescunt*), дозируя эту процедуру (Colum. l. c.), и тем самым улучшать свойства вина. Отсюда ясно, почему Тибулл просит принести *fumosos Falernos* (Tib. II 1, 27: *nunc mihi fumosos ueteris proferte Falernos / consulis*), а Лукан (X 162) говорит, что климат на острове Мероэ на Ниле может быстро придать фалернскому благородную старость. Но в любом случае уже во времена Плиния (*cura culturaque*) традиции производства фалернского угасли, потому что колонны стремились скорее к количеству производимого напитка, а не к качеству (Plin. N. H. XIV 62).

Могли ли употреблять очень старое фалернское вино? Э. Долби сообщает, что развитие виноделия в промышленных масштабах в Италии начинается с урожая 121 г. до н. э., то есть в консульство Л. Опимия. Заметим, что в наши дни для обозначения вина или крепкого напитка, а также урожая определённого года используется термин «винтаж», или «миллезим».

В тот год, продолжает Э. Долби, погода была идеальной, и производились вина исключительного качества. В 39 г. н. э., то есть через 160 лет, П. Помпоний Секунд устроил пиршество в честь императора Калигулы, где подавали вино, собранное при Опимии. Ещё через 30 лет Плиний писал (Plin. *N. H.* XIV 55–6, XIV 94), что эти вина на самом деле уже не годились для питья, по его словам их использовали в небольших количествах, чтобы придать выдержку более молодым винам. Фалернское вино времён Опимия, которое подавал Тримальхион (Petr. *Satyr.* 34, 6: *statim allatae sunt amphorae vitreae diligenter gypsatae, quarum in cervicibus pittacia erant affixa cum hoc titulo: 'Falernum Opimianum annorum centum* «тут же были принесены стеклянные амфоры, запечатанные гипсом, на горлышках которых были этикетки с такой надписью: опимианское фалернское столетней выдержки»), воспринималось как шутка, показывающее простонародное невежество хозяина пира, то же самое можно сказать об опимианском Фалерне у Марциала (Mart. I 26, III 82, IX 87, X 49, XIII 113), поскольку, если даже не брать в расчёт его пригодность для питья, во времена Опимия, по Плинию, на итальянских винах ещё не указывали регион происхождения, а только даты изготовления (Dalby 2003: 358). При этом Тримальхион показывает своё исключительное невежество дважды, демонстрируя также этикетку, на которой указано 100 лет, хотя вино уже 200 (Weber 1855: 49). В I в. н. э. Веллей Патеркул (Vell. II 7, 5) указывает, что опимианское вино не сохранилось, Плиний (Plin. *N. H.* XIV 55), напротив, говорит, что вина ещё есть, но они превратились в подобие терпкого мёда (*mellis asperi*), Марциал чаще хвалит опимианское, но в поэтическом духе (I 27, 7 etc.). Обычно же фалернское оставалось годным для питья по крайней мере 10 лет (Athen. I 48) после сбора урожая, за счет чего становилось слаще и приятнее. Также его иногда называли *acre* (Iuu. XIII 216) и *δριχύ* (Gal. de Theriacle. ad Pion. I 1), потому что от него морщили лоб (Weber 1855: 53).

Что касается свойств вина и его выдержки, то очень важно указание Н. И. Винокурова на то, что в Северном Причерноморье в промышленном виноделии производили в основном высококачественные ликерные вина по греческой технологии (Vinokurov 2007: 280), то есть сладкие и крепкие. А. Хендерсон также сравнивает фалернское с крепкими хересом и мадерой. Изначально они тоже янтарные, затем меняются и темнеют,

обладают схожими свойствами, для улучшения вкуса в них тоже очень важна выдержка. Херес также ферментируется разными способами, а почва Мадейры очень похожа на кампанскую (Weber 1855: 57; Henderson 1824: 91).

В действительности вина не хранятся и не хранились очень долго. Если речь идёт о современном красном вине, которое лучше подходит для долгого хранения из-за повышенного содержания танинов, то оптимальным сроком считается от 2 до 5 лет, после чего вино постепенно теряет свои свойства; редкие вина, к примеру, французские из Бордо и Бургундии или итальянские Бароло и Барбареско могут ждать своего часа 20 лет при строгом соблюдении всех правил хранения, к которым относится определённый температурный режим, обычно высокая влажность и многое другое. Редкие сладкие вина могут дожить до 50 лет, и только креплёные вина могут преодолеть порог в 50 лет. Но крепких алкогольных напитков из-за отсутствия надлежащих методов дистилляции не существовало до начала XII века (DNP s. v. *Alkoholkonsum*), даже само слово «алкоголь», как широко известно, имеет арабские корни⁷, так что фалернское, простоявшее 150 лет, едва ли могло бы сохраниться (Vinokurov 2007: 208).

Из вышеприведённых источников можно утверждать, что фалернское как некая известная марка появляется не позже II в. до н. э., более ранних сведений у нас нет.

Перейдем к качеству и свойствам фалернского вина. Вообще в Античности условно можно выделить благородные вина (*genus nobile* Plin. *N. H.* XIV, 87), которые можно сравнить с современными великими винами, к примеру, *Grands vins de Bordeaux*, или винами высших категорий (см. выше); столовые и вина из выжимок или дешевого виноматериала (*vinum deuterium* или *lora* Col. 12, 40; Plin. *N. H.* XIV 86), то есть вина на каждый день. Самое дешевое и простое вино пили в течение года и перевозили только в соседние регионы, так как их было тяжело сохранить. Более дорогие вина отвечали высоким требо-

⁷ Из ср. лат. *alcohol* ‘порошкообразная руда сурьмы’, от андалузского арабского *الْكُحْلُ* *al-kuḥl* (кл. араб. *الْكُحْلُ* *al-kuḥl*) ‘сурьма’, порошок, используемый для затемнения век, от *kahala* ‘окрашивать’. Парацельс (1493–1541) использовал это слово для обозначения мелкого порошка, а также летучей жидкости.

ваниям, видимо, из-за высокого содержания сахара. Они могли долго сохраняться, а потому транспортироваться даже в отдалённые провинции. Кроме сладких вин могли пить и винные напитки: *mulsum*, вино с добавлением меда, ἀρωματῆτης и *uinum conditum*, то есть приправленное вино и *passum*, вино, как сказали бы сейчас, приготовленное по методу аппассименто, из подвяленных на солнце ягод, близкое к десертным винам, они могут быть крепче из-за большей концентрации сахара и дольше храниться (Plin. *N. H.* XIV, 80) (Solopov, Gimadeev 2024: 143; cf. DNP s.v. Wein).

Так вот, фалернское относится к лучшим винам. Плиний (Plin. *N. H.* XIV 61 sqq.) на первое место ставит цекубское вино, на второе — фалернское, а третье место получает альбанское вино (Plin. *N. H.* XIV 64). Но часто фалернское ставили и на первое место (e.g. Diosc. *mater. medic.* V 6).

При этом на вершинах холмов произрастает *Caucinum*, по середине — *Faustianum*, у подножия холма — *Falernum* (Plin. l. c.), отсюда ясно, что во времена Плиния для всех вин, произведенных в Фалернской или Фаустинской областях, общим названием было фалернское, которое различалось по вкусу, но уже тогда этим винам дают географические наименования: *Falernum*, *Faustianum*, *Caucinum*. Первые два упоминают вплоть до II века, пока не осталось только фалернское. Аэций, врач VI в., различает *Amineum austerum* и *Falernum dulce*, не упоминая *Faustianum* (Weber 1855: 48).

Можно найти упоминания об аромате фалернского (Mart. XI 8, 7; Sil. VII 191: *dulcis odoratis humor sudavit ab uvis*; cf. Plin. *N. H.* XIV 9: *vinum omne dulce minus odoratum, quo tenuius, eo odoratius*; Hor. *sat.* II 5, 51 sq.) и его плотности (*substantia*): *crassa, tenuis, media* (Galen. *Com. in Hippocr. de morb. acut.* III 1 T. XV p. 627).

Фалернское было *tenuis, subtilis* (λέπτος) и *pellucida* (διαυγής). Также его называют *liquidum* (Hor. *epist.* I 14, 34), так как *pingue* могло быть только сусло (Colum. X 431: *mustum Falernum*; cf. Hor. *Sat.* II 4, 51 sq.). По вкусу фалернское было одним из лучших (Athen. I 59) вин Италии. Его также часто

называли *austerum* (Plin. *N. H.* XIV 63) (Dalby 2003: 359)⁸, что в первую очередь относится к молодому фалернскому из *Amineae gemellae*. *Dulce* называли (Plin. *N. H.* XIV 63; Gal. *de rebus boni malique succi* CMG 5.4.2. Kühn T. 6, p. 801: ξανθοὶ δὲ καὶ κίρροι τινὲς μὲν γλυκεῖς εἰσι μετρίως, ὥσπερ <ὁ> Ἴπποδαμάντειός τε καὶ ὁ Φαυστιανὸς Φαλερῖνος, ἔνιοι δ' οὐδ' ὅλως γλυκεῖς, Athen. I 48) другой вид фалернского, который во времена Галена стал называться *Faustianum*. Между *dulce* и *austerum* стоит *tenue* (Plin. *N. H.* XIV 63). Фалернскому свойственны следующие эпитеты: *forte* (Hor. *Sat.* II 4, 24), *severum* (Hor. *Carm.* I 27, 9 sq.), *vehemens* (Plin. *N. H.* XXIII 36), *ardens* (Hor. *Carm.* II 11, 19; Mart. IX 74, 5; XIV 113, 1; cf. Juu. IV 138), θερμόν (Gal. *de sanit.* V 5; *de method.* XII 4, T. X p.831, 836). Встречается также *lene* (Hor. *Sat.* II 4, 26), *languidum* (Hor. *Carm.* III 21, 8; *de Massico promere languidiora vina*), κοῦφον (Athen. I 48) (ит. vino leggèro). Вино могло быть игристым (Prop. I 32, 39 sq.; Colum. X 431; Lucan. X 163; Sid. Apoll. Ep. II 13; Prudent. *Psychom.* 368). Хвалили и его *firmitas*, так что его могли называть *firmum* (Cael. Aurelian. *de morb. acut.* II 37, 212 p. 168) и *aeque perenne* (Colum. III 2), μόνιμον (Gal. *de antid.* I 3, T. XIV p. 19), *immortale* (Mart. IX 94, 1; XI 36, 5) (Weber 1855: 52).

Древние различали цвет вина: *albus* (= λευκός), *niger* (= μέλας), *medius* (= κίρρός) (Athen. I 59; Gell. XIII 30, 14). По Плинию было 4 цвета: *albus*, *fulvus*, *sanguineus*, *niger* (Plin. *N. H.* XIV 80; Plaut. *Menaech.* V 5, 17; *ater*; Mart. II 40, 6; *fuscus*) (Weber 1855: 51; Solopov, Gimadeev 2024: 138–142). По Галену 5 (comment. in Hippocr. III 1 T. XV p. 527): λευκός, μέλας, κίρρός, ξανθός, ἐρυθρός.

Фалернское никогда не называют *album* и λευκόν, хотя Диоскорид и упоминает его среди белых вин, но делает это мимоходом (Diosc. *mater. med.* V 11; cf. Gal. *de method. ad Glauc.* II 3 T. XI p. 87). В другом месте Гален (Gal. *de Sanit.* IV 6 T. VI p.275) отличает фалернское цвета κίρρός от Сабинского белого (λευκός), также фалернское цвета κίρρός от *Hippodamante(ium fulvum* (Gal. *de aliment. succis* 12 T. VI p. 801: ξανθός). А цветом κίρρός (Athen. I 48), янтарным, фалернское

⁸ Гр. αὐστηρός и лат. *austerus* не следует переводить «сухой», хотя так часто делают, так как вино может быть одновременно γλυκύς и αὐστηρός.

обозначают часто, поэтому и сам янтарь называли фалернским (Plin. N. H. XXXVII 47). Фалернские вина также довольно часто называют *nigra* (Mart. VIII 56, 14; 77, 5; IX 23, 8; XI 8, 7; 50, 7; Anth. Lat. III 29, 10; *Massica*: Mart. I 27, 8) и *fusca* (Mart. II 40, 6), μέλανα. По Афинейю фалернское приобретало сладость и темный цвет, когда при сборе урожая дули южные ветры (Athen. I 48) или же оно постепенно изменяло цвет, становясь темнее с возрастом. Следует пояснить, что вино может иметь самые разные оттенки. От выдержки вино может из гранатового стать кирпично-коричневым, потеряв за 5 лет более 80 % красящих веществ, но не утратив яркости. Похожие процессы происходят с белыми винами. Они становятся темно-золотистыми или темно-желтыми, а иногда даже коричневатыми. Добавление в наше время диоксида серы (SO₂) в вино для стабилизации и консервации тоже влияет на его цвет (кроме серы в античности использовали свинец или смолу): чем больше серы, тем менее насыщен оттенок. То же происходит при высоких температурах ферментации красного вина. А при насыщении кислородом вино, подобно яблоку без кожицы, становится коричневатым. Наконец, при низкой кислотности у вина появляется синеватый оттенок, при средней — фиолетовый, при высокой оно приобретает ярко-красный цвет (Solopov, Gimadeev 2024: 143–144).

Сообщение Плиния (Plin. N. H. XIV 62) о том, что некоторые сорта фалернского вина легко воспламеняются требует объяснения. Верхний предел крепости, достижимый в Античности только путем естественного брожения, составлял около 17.5%, поскольку дрожжевые грибы, которые производят и выделяют алкоголь при анаэробном расщеплении сахара, при превышении этой концентрации отравляются собственным метаболитом. Поэтому воспламенение можно объяснить только тем, что из-за пористых стенок глиняных амфор за время хранения испарялось столько воды, что алкоголь, оставшийся в сосуде из-за большей величины его молекул, достигал достаточно высокой концентрации (DNP s. v. *Alkoholkonsum*). Но обычно для воспламенения напитков должен быть хотя бы 40%–50%. Вебер объяснял это сообщение Плиния гораздо проще, полагая, что не само вино вспыхивает от огня, но оно из-за своей плотности горит в огне (Weber 1855: 54).

В римской литературе периода поздней республики и ранней империи фалернское вино становится символом отличнейшего вина и приятного времяпрепровождения. В конце III в. фалернское вино всё ещё пользовалось спросом: в эдикте Диоклетиана на него была установлена высокая цена. Но, скорее всего, достаточно рано понятие «фалернское вино» распространилось на вина из других регионов: массийское (Weber 1855: 16)⁹ вино, со склонов горы Массик, одно из лучших с 30 г. до н. э. по 70 г. н. э., но забытое после 100 г., но точно ко времени написания комментария Сервия к Вергилию (Dalby 2003: 209); каленское и статанское, очень похожее на фалернское (Weber 1855: 17), которое ко времени Плиния утратило популярность (Plin. N. H. XIV 65, XXIII 36) (Dalby 2003: 311). Все эти вина пропадают из более поздних источников.

После IV в. н. э. фалернское перестали употреблять и культивировать, после чего память о нём стерлась. Если какие-то авторы его и нахваливают, то скорее согласно сложившейся литературной традиции. Греческие писатели, естественно, тоже перестают его упоминать. Если мы и встречаем фалернское у Орибасия или у Аэция из Амиды, то они следуют Галену (Weber 1855: 64).

Из всего вышесказанного ясно, что у Силия Италика мы встречаем небольшой вставной сюжет, типичный для эпической поэзии в особенности эллинистического времени и для римских поэтов, которые часто использовали подобные небольшие мифологические рассказы этиологического характера. Фалернское вино в эту эпоху уже получило широкую известность, но технология и история его происхождения поэту не так интересны. Миф придуман самим Силием (см. выше) по распространённому для фольклора сюжету, в котором бедняк принимает важного гостя, за что впоследствии получает высокую награду. Описание знакомства бедного крестьянина Фалерна с вином похоже на посвящение его в вакхический культ, а сам Вакх является в образе спасителя человечества.

⁹ Vinum Massicum служило общим понятием, так как в окрестностях Массика производили и другие вина (Sinuessanum, Petrinum, Statenum, Faustianum, Falernum), так что даже говорили ager Massicus вместо ager Falernus.

Трапеза же явно имеет мистическое значение, когда посвященный вкушает с божеством, предвкушая наслаждение в загробной жизни (Vessey 1973: 244).

Таким образом, мифом о Фалерне Силий хочет показать святотатство Ганнибала, разорившего Кампанию, которую до того благословил сам Вакх. Ганнибал готовит себе поражение, сладострастно наслаждаясь в роскоши Капуи дарами божества, тогда как Сципион, θεῖος ἀνὴρ, которому суждено разбить Карфаген, выбирает путь добродетели (virtus) и достигает апофеоза, когда Силий в завершении эпоса сравнивает его с Вакхом и Геркулесом. Ганнибал же поплатился за свое нечестие — Вакх в образе Сципиона принёс спасение Риму, отомстив за уничтожение священных виноградников.

Литература

- Baccius, A. 1596: *De naturali vinorum historia, de vinis Italiae et de convivii antiquorum libri septem*. Romae.
- Dalby, A. 2003: *Food in the Ancient World from A to Z*. London; New York.
- Henderson, A. 1824: *History of ancient and modern wines*. London.
- Nicol, J. 1936: *The historical and geographical sources used by Silius Italicus*, Oxford.
- Nisbet, R. G. M., Hubbard, M. 1990: *A Commentary on Horace, Odes, Book I*. Oxford.
- Solopov, A. I., Gimadееv, I. R. 2024: [Pliny on the color of wine (Plin. N. H. XIV 80): problems of interpretation]. *Aristej* [Aristaeus] XXIX, 138–142.
- Солопов, А. И., Гимадеев, И. Р. 2024: Плиний о цвете вина (Plin. N. H. XIV 80): проблемы интерпретации. *Аристей* XXIX, 138–142.
- Vessey, D. W. T. C. 1973: The Myth of Falernus in Silius, “Punica 7”. In: *The Classical Journal*, Feb.–Mar., Vol. 68, № 3, 240–246.
- Vinokurov, N. I. 2007: *Vinogradarstvo i vinodelie antichnyh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ya* [Viticulture and winemaking of the ancient states of the Northern Black Sea region]. Simferopol-Kerch.
- Weber, C. F. 1855: *De vino et agro Falerno*, diss., Marburgi.

М. С. Голикова
Московский государственный лингвистический университет.
Москва, Россия. golikofff@list.ru

ВЫРАЖЕНИЕ *SERVIRE TEMPORIBUS* В ТЕКСТАХ ДРЕВНЕРИМСКИХ АВТОРОВ

Статья посвящена исследованию выражения *servire tempori / temporibus* (служить времени; быть рабом времени; соответствовать временам; учитывать обстоятельства), встречающемуся в древнеримских текстах. Эта фраза широко известна в контексте текстологических исследований Нового Завета как латинский эквивалент разночтения в Послании к Римлянам 12:11: τῷ κυρίῳ δουλεύοντες / τῷ καιρῷ δουλεύοντες (Господу/времени служите). Однако использование данной фразы у древнеримских дохристианских авторов до сих пор не было комплексно исследовано, хотя представляет особый интерес из-за множества различных интерпретаций и сложностей перевода.

В статье рассматривается история появления латинской фразы *servire temporibus* в научном дискурсе, а также выявляются и классифицируются случаи ее использования. Выделены основные значения, акцентирована ключевая роль Цицерона в формировании семантического поля этого выражения. Автор приходит к выводу, что использование этого выражения в текстах древнеримских классических писателей не имело исключительно негативной коннотации, как часто считается, а основывалось на идее о «правильном» и «неправильном» служении времени. Значение фразы трансформировалось и отражает древнеримские особенности восприятия времени I века до н. э. — II века н. э., заключающиеся в концепции цикличности времени, идеи о необходимости «взвешивания времени» (соответствии времени) и учете времени как фактора при принятии решений и совершении действий.

Ключевые слова: время, метафоры времени, служить времени, соответствовать времени, быть рабом обстоятельств, Цицерон, Похвала Пизону, *servire temporibus*, *tempus*, τῷ καιρῷ δουλεύοντες, τῷ κυρίῳ δουλεύοντες.

Maria S. Golikova
Moscow State Linguistic University. Moscow, Russia.
golikofff@list.ru

Servire temporibus in The Texts of Ancient Roman Authors

The article is devoted to the study of the expression *servire temporibus* (to serve time; to be a servant of time; to conform to the times; to take account of circumstances) as it appears in ancient Roman texts. This phrase

is widely known within the context of New Testament studies, as the Latin equivalent of the opposition in Romans 12:11: τῷ κυρίῳ δουλεύοντες / τῷ καιρῷ δουλεύοντες (“serve the Lord”/ “serve time”). However, the meaning of this phrase in Roman pre-Christian authors has not yet been comprehensively investigated, although it is of particular interest because of the many different interpretations and translation difficulties.

The article examines the history of the Latin phrase “servire temporibus” in the scientific discourse, identifying and classifying cases of its usage. It also highlights the main meanings and emphasises the pivotal role of Cicero in shaping the semantic field of this expression. The author concludes that the use of this phrase in ancient Roman pre-Christian sources did not have an exclusively negative connotation, as is often believed, but was based on the idea of “right” and “wrong” service of time. The phrase underwent a transformation in meaning, reflecting the distinctive Roman perception of time from the 1st century BC to the 2nd century AD. This perception was characterised by the notion of time as a cyclical entity, the concept of “weighing time” (conformity to time), and the recognition of the necessity of considering time as a factor in decision-making and action.

Keywords: time, metaphors of time, to serve time, to conform to time, to be a slave of circumstances, Cicero, Laus Pisonis, servire temporibus, tempus, τῷ καιρῷ δουλεύοντες, τῷ κυρίῳ δουλεύοντες.

Выражение *servire tempori / temporibus* встречается в латинском языке не так часто, однако в двух случаях оно стало принципиально важным местом и предметом научной дискуссии.

Впервые интерес к этой фразе возник благодаря ее древнегреческому аналогу, который содержится в Послании апостола Павла к Римлянам 12:11: «В усердии не ослабевайте; духом пламенейте; Господу служите» (в Синодальном переводе). В контексте новозаветных текстологических исследований на протяжении веков велись споры о правильной интерпретации этого отрывка: τῷ κυρίῳ δουλεύοντες (служащие Господу, т. е. “служить Господу”) или τῷ καιρῷ δουλεύοντες (служащие времени, т. е. “служить времени”). Разночтения в ряде рукописей и неединообразное цитирование этого места раннехристианскими писателями спровоцировали научные дискуссии, особенно активно разгоревшиеся в эпоху Просвещения на рубеже XV–XVI веков. Эта фраза обсуждалась в эпоху Реформации при решении вопроса о том, следует ли адаптироваться ко времени или служить Господу вне зависимости от временного

контекста¹. Наиболее полный обзор существующей литературы по данному вопросу, анализ разночтений в рукописях Послания к Римлянам, примеры цитат у раннехристианских авторов, а также диспуты между Эразмом и кальвинистами представил в своей диссертации Дж. Л. Норт. Он пришел к выводу о преимуществах формулировки «служить Господу», которая сегодня является общепризнанной (North 1988)².

В рамках текстологического анализа новозаветного отрывка также рассматривались примеры использования *servire temporibus* античными писателями (Wettstein 1752: 80–81). Однако больше внимания всегда уделялось более поздним христианским латинским авторам, таким как Киприан (Ер. 5.2; 11) или Лактанций (Divin. Inst. 5.2.10). Латинское древнеримское выражение *servire temporibus* в целом не исследовалось и часто воспринималось негативно как антипод более ясного и простого прочтения “служить Господу”. В теологическом дискурсе выражение “служить времени” как в греческом, так и в латинском вариантах стало трактоваться отрицательно. Как писал в 1965 году К. Е. Б. Крэнфилд, это означало «приспосабливаться к обстоятельствам», «угождать времени» или «оппортунизм» (Cranfield 1965: 44). В 1977 году Х. Шлиер отмечал, что: «τῷ καιρῷ δουλεύειν в древние времена являлось оскорбительным выражением, обозначающим оппортуниста, который следует за временем и говорит, сообразуясь с ним; такое поведение нельзя рассматривать как свойственное бескорыстной преданности. Божья милость, конечно же, не призывает нас следовать духу времени» (Schlier 1977: 376). В 1982 году У. Вилкенс также утверждал, что «“служить времени” было распространенным выражением с ярко выраженным негативным значением»

¹ В изданиях греческого Нового Завета, подготовленных Эразмом Роттердамским в 1519, 1522, 1527 и 1535 годах, а также в издании Робера Этьенна (Robertus Stephanus) 1550 года, зафиксировано чтение τῷ καιρῷ δουλεύοντες — “служащие времени” (North 1988: 23; 56).

² Дж. Л. Норт пришел к выводу, что существует связь между существительным καιρός и словами μέτρον ‘мера’, σπουδή ‘скорость’, ὄκνος ‘колебание’, πνεῦμα ‘дух’, ἐλπίς ‘надежда’, θλίψις ‘давление’, χρεία ‘нужда’. В своей диссертации Дж. Л. Норт убедительно на многочисленных примерах из древнегреческих авторов показывает совместное употребление этих слов, предполагая, что появление прочтения ‘καιρός’ могло возникнуть именно на основе общих ассоциаций.

(Wilckens 1982: 21). Однако Дж. Л. Норт, наиболее полно рассматривающий использование этого выражения в христианском дискурсе, высказывает сомнение в целесообразности таких однозначных трактовок: «Я очень сомневаюсь, что τῷ καίρῳ δουλεύειν и *servire temporibus* были настолько уничижительными, как считают последние три ученых» (North 1988: 12). Несмотря на это, тенденция противопоставления “неправильного” прочтения “правильному” и негативная интерпретация способствовали тому, что использование латинского выражения *servire temporibus* в нехристианском древнеримском контексте оказывается вне исследовательского внимания и уходит на второй план по сравнению с более поздними христианскими источниками.

Второй случай, когда фраза *servire temporibus* оказывается в центре научного интереса, связан с новейшими исследованиями личности древнеримского политика I века до н. э. Луция Мунация Планка. В одном из своих писем Цицерон утверждает, что многие считают Планка «слишком на службе у времени»: *nimis servire temporibus* (Cic. *Fam.* 10.3.3). Многие ученые, критически оценивающие личность Планка, интерпретируют это выражение в негативном ключе, рассматривая его как приспособленца: «Хороший расчет собственных интересов и усердная забота о собственной безопасности привели его, благодаря своевременным предательствам, к спокойной старости» (Syme 1939: 165).

Однако в последних исследованиях представлен более взвешенный подход. По мнению Т. Х. Уоткинса, Планк представляет собой «типаж выжившего, способного неоднократно менять позицию и оказаться на стороне победителя в любых обстоятельствах» (Watkins 1997: 2). Исследователь Ханна Митчелл, анализируя личность Планка, отмечает, что его негативный образ во многом формируется благодаря отрицательной трактовке выражения *servire temporibus*. Митчелл осторожно формулирует: «Более раннее использование Цицероном *servire temporibus* не всегда носит уничижительный оттенок, а в некоторых случаях может даже иметь положительное значение» (Mitchell 2019: 169).

В результате своего исследования личности и поступков Планка Х. Митчелл призывает исключить из обсуждения цicerоновской фразы английский термин “time-server” и его

аналоги, поскольку они являются удобными, но, в конечном счете вводят в заблуждение (Mitchell 2019: 164). В английском языке “time-server” обозначает человека, который подстраивает свои действия или взгляды под текущие обстоятельства из корыстных побуждений, то есть приспособленца. Однако латинская фраза *servire temporibus* содержит коннотации, отсутствующие в английском языке, что связано с семантическим диапазоном слова “servire”, корни которого восходят к римскому опыту рабства (Arena 2012: 14–30, 46–47). Перевод «быть рабом времени» вносит иной смысл, чем тот, что существовал в античности, добавляя много современных смысловых нюансов.

Хотя выражение *servire temporibus* в исследовании Х. Митчелл служит важным аргументом для пересмотра научного отношения к личности Планка, оно не является главным объектом исследования, оставляя многие вопросы открытыми. Какие примеры использования *servire temporibus* древнеримскими авторами являются положительными, а какие — отрицательными? Выводы о неоднозначности выражения *servire temporibus* касаются лишь этого конкретного места (Cic. *Fam.* 10.3.3), всего цicerоновского использования, или же еще шире — затрагивают употребление этой фразы в латинском языке в целом?

В лексиконе Э. Форчеллини “servire tempori” дается определение «приспосабливаться или подстраиваться» (Forcellini 1828: 541). Так как *Thesaurus Linguae Latinae* на данный момент издан только до буквы “R” и еще нет полноценных статей для слов “servire” и “tempus”, тем не менее, отдельные примеры использования выражения зафиксированы в статье “inservire”. В разделе «предаваться служению, прилагать усилия или следовать за кем-то», с уточнением «как действие», приводится пример: “nihil est a me inservitum temporis causa” (Cic. *Fam.* 6.12.2) — *Я ничего не сделал ради времени* (TLL 1934: 1881). В оксфордском латинском словаре выражение “servire temporibus” встречается в статье “servire” в пункте: «действовать в подчинении, подчинять свои действия (какому-либо интересу, требованию и т. п.); “inservitum temporis causa” в разделе: «служить интересам, посвящать себя или привязываться к чему или кому-либо (OLD 2012: 1925; 1014). В словаре И. Х. Дворецкого зафиксированы значения “servire temporibus calidissime” — «сообразоваться, приспособляться, принаравливаться»; “inservire temporibus” — «приспосабливаться, применяться, принаравли-

ваться к обстоятельствам»; “*assentire temporibus*” — «подчиняться требованиям времени» (Dvoretiskii 1976: 924; 533; 104). В формулировке К. Ф. А. Фритцше “*servire temporibus*” — это «*facere, omittere et perpeti, quae tempora postulant*» — *делать, отпускать и терпеть то, что требует время* (Fritzsche 1843: 74). Однако очевидно, что эти значения не охватывают всех смысловых нюансов, присущих контекстному употреблению. Современные переводы настолько разнообразны, что часто противоречат друг другу: “покоряться обстоятельствам”, “помогать в беде”, “руководствоваться тем, что подходит к настоящему моменту”, “быть рабом времени”, “отбывать наказание”, “тотчас повиноваться”, “воспользоваться обстоятельствами” и многие другие. Аналогичные сложности наблюдаются и в иностранных переводах. Например, когда переводчик стремится избежать резко отрицательного смысла, это приводит к неоднозначным интерпретациям: к отрывку “*pertaesum...animorum non officiis, sed temporibus servientium*” (Cic. Q. fr. 1.2.4) комментатор Альберт Ватсон дает уточняющий перевод: «которые обращают внимание на обстоятельства жизни людей, а не на то, что они оказывают им добрые услуги» (Watson 1881: 94).

Выражение *servire temporibus* также можно определить как метафору. Важность метафор времени для исследования и понимания времени в античности подчеркивается широким кругом работ, посвященных этому вопросу. Эти исследования раскрывают структурирующее воздействие временных метафор на различные аспекты римской социальной жизни, включая художественную практику (Bettini 1991; Short 2016: 381–412; Faure, Valli, Zucker 2022; Naarmann 2023). Таким образом, анализ отдельных локальных метафор, таких как *servire temporibus*, имеет значение для понимания концепта времени в древнеримском мировоззрении.

Целью данного исследования является анализ выражения *servire temporibus* в классических латинских текстах вне христианского дискурса, сосредоточенного вокруг текста Рим. 12:11. Задачи исследования заключаются в нахождении и классификации источников, выделении исходного значения выражения *servire temporibus* и его оценочной характеристики в текстах древнеримских авторов посредством лексико-семантического и контекстного анализа. Материалом для исследования послужила база данных латинских текстов PHI-5 (Latin Texts).

Таб. 1. Сводная таблица мест употребления выражения *servire temporibus* на основе текстовой базы PHI Latin Texts.

автор	#	личная форма глагола <i>servire</i>	инфинитив	причастие	герундив	<i>temporis</i> (gen.)	примеры синонимичных выражений
Cicero	15	• Sist. 6.14: <i>tempori serviam</i>; • Fam. 9.17.3: <i>temporibus servi</i>; • Fam. 10.3.3: <i>servire temporibus</i>.	• Cael. 6.13: <i>servire temporibus suorum omnium</i>; • Att. 8.3.6: <i>servire tempori</i>; • Fam. 10.3.3: <i>nimis servire temporibus</i>.	• Q.Fr. 1.2.4: <i>temporibus servientium</i>; • Tusc. 3.27.66: <i>tempori servientem</i>.	• Verr. 23.199: <i>temporibus vestris serviendum</i>; • Fam. 9.7.1: <i>tempori serviendum est</i>; • Att. 10.7.1: <i>tempori serviendum est</i>.	• Fam. 6.12.2: <i>inservitum temporis causa</i>.	• Fam. 4.9.2: <i>tempori cedere necessitate parere</i>; • Fin. 3.22.73: <i>tempori parere</i>. • Att. 7.18.2: <i>tempori pareamus</i>.
De bello Alexandrini	1					• 13.3: <i>temporis necessitati serviebant</i>.	
C. Nepos	2			• Alc. 1.3: <i>temporibus calidissime servens</i>.		• Att. 9.6: <i>temporis causa facere</i>.	
Seneca senior	1					• Suasoriae 6.21.9: <i>illam miserrimi temporis servitute</i>.	
Seneca minor	1						• Med. 175: <i>tempori aptari decet</i>
Petronius	1					• Sat. 97,5: <i>momento temporis inservit</i>.	
Laus Pisonis	1		• 155: <i>temporibus servire decet</i>.				
Fronto	1		• Ep. 1.5.4: <i>patris temporibus servisse</i>.				

Классификация источников

В корпусе классических древнеримских текстов PHI Latin Text выражение *servire temporibus* встречается 18 раз (+ синонимичные словосочетания) (The Packard Humanities Institute 2011). Источники и хронологически, и количественно, мы можем поделить на две группы: *servire temporibus* в Цицероновском использовании и у других авторов, как современных ему (например, Корнелий Непот), так и более поздних (Петроний, Сенека Старший и Младший, Марк Корнелий Фронтон), а также тексты со спорным авторством и датировкой, такие как “De bello Alexandri” и “Laus Pisonis”. Все эти тексты датируют от I в. до н. э. до II в. н. э. Самые ранние и многочисленные примеры принадлежат Цицерону. Согласно анализу доступных источников, более ранние случаи употребления выражения *servire temporibus* в такой форме в латинских текстах не зафиксированы.

Грамматически фраза имеет несколько вариантов. Глагол *servire*, реже *inservire*, может быть представлен как в личной форме, так и в форме инфинитива, причастия или герундива. Близкими синонимичными выражениями являются конструкции с глаголами *cedere*, *parere*, *aptare*. Существительное *tempus* употребляется как в формах единственного (9 раз), так и множественного числа (9 раз). Во многих случаях употребления присутствует значение долженствования (посредством герундива, глагольной конструкцией с *decet*, существительного *necessitas*).

Использование *servire temporibus* Цицероном

Наиболее частое использование фразы *servire temporibus* обнаруживается у Цицерона — 12 случаев (и в синонимичных выражениях). Если выстроить все примеры употребления в хронологическом порядке, то *servire temporibus* прослеживается в текстах с 70 по 44 г. до н.э. Все эти случаи можно разделить на две группы.

Ранние примеры (70–48 до н. э.) использования фразы у Цицерона носят узкоспециальный характер. В этих случаях употребление *servire temporibus* скорее представляет собой проходной термин, который можно заменить синонимами. Здесь *servire temporibus* выступает как обозначение действия, направленного на выгоду другого объекта или стороны. Важно

отметить синтаксическую особенность примеров раннего периода: наличие *genitivus possessivus* при слове «время» или притяжательного местоимения, уточняющего обладателя времени. За этим генитивом скрывается субъект, в пользу которого направлено или должно совершаться действие.

Первый зафиксированный пример употребления относится к 70 г. до н. э., в речи «О хлебном деле» в рамках слушаний против Верреса, где Цицерон защищает пахарей, обремененных множеством налогов: *serviendum temporibus vestris* (служить времени вашему = служить вам, работать на вас) (Cic. *Verr.* 2.3.199)³.

Аналогично в 56 г. до н. э. Цицерон при защите Публия Сестия предупреждает: хотя он возмущен и сам уязвлен людьми, о которых сейчас будет говорить, все же Цицерон как адвокат ставит дело защиты выше своих личных обид, так как соответствие моменту требует убрать эмоции: *serviam tempori huius* (я буду служить времени этой (речи) = я сосредоточусь на речи) (Cic. *Sest.* 6,14).

В апреле 56 г. до н. э. Цицерон, защищая Марка Целия Руфа, которому вменяли в вину поддержку Катилины, отмечает, что Катилина обладал многими задатками величайших доблестей, но был чудовищем, сочетавшим в себе противоположные стремления и страсти (Cic. *Cael.* 6,12). Цицерон перечисляет качества Катилины, четко противопоставляя хорошие и плохие, и как однозначно положительное он называет: *servire temporibus suorum* (служить времени своих = помогать всем своим сторонникам).

Отдельно в ряду этих ранних употреблений стоит случай в 59 г. до н. э., когда появляется новое значение. В письме к брату Цицерон описывает свои контакты с греческими правителями Гефестием из Апамеи, Мегаристом из Антандра, Ликием из Смирны, Нимфоном из Колофона — «величайшими ничтожествами». Он выражает свое отвращение к тому, что они служат не долгу, а обстоятельствам (*non officiis sed temporibus serviendum*. Cic. *Q. fr.* 1.2.4). Этот случай часто рассматривается как наиболее репрезентативный, указывающий на однозначно негативное значение фразы *servire temporibus* у Цицерона.

³ В русском переводе: «другие думают, что они должны отбывать свое наказание» (пер. В. А. Алексеева под ред. Ф. Ф. Зелинского).

Однако мы можем предположить, что негативное значение проявляется именно в противопоставлении *servire temporibus* и *officium*.

Использование *servire temporibus* Цицероном в социально-политическом дискурсе

Все последующие примеры использования выражения *servire temporibus* в период с 49 по 44 годы до н. э. находятся в едином смысловом социально-политическом дискурсе. Цицерон использует эту фразу в переписке с друзьями как квинт-эссенцию обсуждаемой темы, погружая ее в социально-политический контекст. Большинство случаев связано общей тематической линией и являются продолжением одного разговора, разорванного во времени. Главная тема всех контекстов, в которых он упоминает *servire temporibus*, — это ощущение неопределенности и обсуждение вопросов: что делать, стоит ли поддерживать Цезаря, размышления о своем положении и политической обстановке.

Историческая и фактологическая канва написания этих писем такова. В феврале 49 года, размышляя о том, присоединиться ли к Помпею в Греции или остаться в Риме с Цезарем, Цицерон написал Аттику о примере Луция Филиппа, который, оставаясь в Риме во время господства Цинны, затем присоединился к Сулле, когда тот вернулся, заметив: «Когда нужно, будь рабом времени; но когда появляется возможность, не упускай ее» (*cum sit necesse, servire temporibus et non amittere tempus cum sit datum*. Cic. Att. 8.3.6).

К апрелю 49 года Цицерон посоветовал Аттику не поддерживать публично ни одну из сторон, а “быть рабом времени” (*ergo hac in contentione neutrum tibi palam sentiendum et temporibus serviendum est*. Cic. Att. 10.7.1). Однако это не касается самого Цицерона, который как консул и сенатор имеет свой долг (*officium*), который диктует ему определенное поведение.

После поражения республиканцев при Фарсале в мае 46 года Цицерон принимает новую реальность. Он пишет Марку Теренцию Варрону о том, что его критикуют за то, как легко он принял цезарианское господство в Риме, и за слишком близкое общение с друзьями-цезарианцами. На обвинения Цицерон отвечает: «Что же мне делать? Нужно быть рабом времени» (*quid faciam? temporibus serviendum est*. Cic. Fam. 9.7.1).

В конце августа 46 года Цицерон пишет Луцию Папирию Петту, что все участники событий находятся «в рабстве обстоятельств» так как все решения принимает Цезарь, а он сам так же во власти времени (*Nos enim illi servimus, ipse temporibus. Cic. Fam. 9.17.3*).

К октябрю 46 года его недовольство по поводу критики, поднявшейся на него из-за связи с друзьями Цезаря, возросло. Он написал Ампию Бальбусу: «Я ничего не сделал ради времени; это старые связи, уже существовавшие между нами» (*sed nihil est a me inservitum temporis causa, veteres mihi necessitudines cum his omnibus intercedunt. Cic. Fam. 6.12.2*). Он утверждает: то, что он попросил их об услугах, еще не делает его оппортунистом, так как их дружеские отношения завязывались не с этой целью.

В 45 году он упоминает гибель Помпея и размышляет о том, как его сподвижники, являясь очевидцами его смерти, имели силы соответствовать моменту (*tempori servientem*) и направили свои действия на спасение, оставив горевание на потом. Подобным же образом, делает ввод Цицерон, возможно отложить эмоции и уменьшить боль, если этого требуют обстоятельства (*Cic. Tusc. 3.27.66*).

Известное и часто цитируемое место с *servire temporibus* из письма к Луцию Мутацию Планку, написано в 43 году до н.э. Планк был яркой фигурой политической жизни 40-х–20-х годов: он занимал должности консула в 42 году до н.э., цензора в 22 году, был основателем колоний и легатом Цезаря во время Галльской и гражданской войны в Испании и Африке. В этом письме Цицерон отмечает: «Ты, очевидно, понимаешь... что было время, когда люди считали, что ты слишком сильно раб обстоятельств» (*Seis profecto... fuisse quoddam tempus cum homines existimarent te nimis servire temporibus. Cic. Fam. 10.3.3*). Хотя это место стало основой для множества негативных оценок Планка как политика без принципов, чьей единственной целью было продвижение собственной карьеры, мы можем предположить, что Цицерон не намеревался унижить или обидеть его этими словами. Это письмо является частью переписки с целью наладить диалог с Планком. Не упоминая имен недоброжелателей, он тактично утверждает, что, поскольку он долго дружил с этой семьей и был наставником юного Планка,

он знает, что клевета ложна. Хронологически это последний случай использования Цицероном фразы *servire temporibus*.

Семантическое поле *servire temporibus* у Цицерона

Хотя рассмотренные выше письма относятся к разному времени и адресованы разным людям, но в них прослеживается продолжение одной и той же темы, которая присутствует в размышлениях Цицерона, и все они объединены одним семантическим полем.

А. Восприятие времени

Что такое “служить” или “быть рабом времени”? Цицерон дважды расшифровывает, какой именно смысл он вкладывает во фразу *servire temporibus*, используя синонимичные выражения с глаголами *cedere* и *parere*: *tempori cedere, id est necessitati parere* (Cic. *Fam.* 4.9.2) — *уступать времени, то есть подчиняться необходимости* и *tempori parere* (Cic. *Fin.* 3.22.73) — *подчиняться обстоятельствам*. Здесь Цицерон раскрывает значение фразы, заключающееся в признании силы и власти времени, независимой от человека. Время предоставляет возможности и одновременно накладывает тяготы, с которыми необходимо смириться. Так поступают благоразумные и осмотрительные люди, поскольку не мы управляем временем, а время управляет нами. Этой линии поведения должна сопутствовать нейтральная выжидательная позиция, основанная на том, что собственное действие не рассматривается как основа и ключевой фактор для развития событий; напротив, человек должен прислушиваться к требованиям времени.

В чем *сила и власть времени*? Основанием рабской зависимости от времени является наше незнание будущего: мы не знаем, что потребуют от нас обстоятельства, и не можем сделать безусловно благой выбор, так как не знаем, какие последствия могут иметь наши действия в будущем. *Nos enim illi servimus, ipse temporibus. Ita nec ille quid tempora postulatura sint, nec nos, quid ille cogitet, scire possumus* (Cic. *Fam.* 9. 17. 3). *Даже сам глава (Цезарь) не знает, что будет: а мы в рабстве у него, а он у обстоятельств*. Следовательно, если нет четких указаний о том, как следует поступить, то необходимо смириться и ожидать.

Во всех этих примерах использования прослеживается идея **цикличности времени**: противопоставление периодов обычного времени и периодов рабства, когда необходимо служить времени. *Cum sit necesse, servire temporis et non amittere tempus cum sit datum* (Cic. Att. 8.3.6). *Когда нужно, будь рабом времени, но, когда появляется возможность, не упускай ее*. Момент “служить времени” у Цицерона обозначен не как постоянный, а как возникающая необходимость — *necessitate* (Cic. Fam. 4.9.2), которая представляется критической ситуацией, требующей определенных решений и усилий. Признание власти времени и его цикличности подводит к идее о важности соответствия определенному моменту: ведь всему свое время, что вводит фактор времени как решающий для принятия решений.

С другой стороны, идее цикличности времени сопутствует мысль, созвучная выражению ***carpe diem*** — примите тот день, который есть, пользуйтесь доступными возможностями: «когда появляется возможность, не упускай ее» (Cic. Att. 8.3.6). Нахождение в состоянии рабства времени не означает невозможность жить; важно принимать условия обстоятельств и жить в настоящем, включая бездействие и ожидание как часть жизни.

В понимании цикличной природы времени, в признании власти времени над собой, в умении не упускать моменты жизни и принимать то, что она предлагает — в этом, по мысли Цицерона, заключается **мудрость**. *Primum temporis cedere, id est necessitati parere, semper sapientis est habitum* (Cic. Fam. 4.9.2). *Уступать прежде всего времени, то есть подчиняться необходимости, всегда является привычкой мудрого*. Служение времени подразумевает логичное стоическое поведение, требующее работы над собой. Например, мудрость человека состоит в умении в определенный момент, «служа времени», отложить боль и скорбь неуместные или вредные в определенных обстоятельствах (Cic. Tusc. 3.27.66).

В) Servire temporibus: правильное и неправильное

Цицерон использует выражение *servire temporibus* в большинстве случаев в положительном значении, и только три примера можно отнести к отрицательным (Cic. Fam. 6.12.2; Cic. Q. fr. 1.2.4; Cic. Fam. 10.3.3). В чем же заключается разница? В

этих примерах прослеживается идея о разделении правильного и неправильного служения времени⁴.

Исходной точкой правильного *servire temporibus* является состояние неопределенности и непонимания, как поступить в данной ситуации. Чаще всего это выражается вопросами и недоумением: *Quod faciam?* (Cic. *Fam.* 9.7.1) *Что же мне делать?*; *o rem ... difficilem et inexplicabilem! ... quid enim fieri potest?* (Cic. *Att.* 8.3.6) *о трудная и неразрешимая задача! ...Ведь что может произойти?*; *in utraque enim re summa difficultas erit summus animi dolor* (Cic. *Att.* 8.3.5) *в обоих случаях будет чрезвычайное затруднение, чрезвычайная скорбь*.

Служение времени допустимо, если нет четкого понимания того, что нужно делать. Однако если имеются другие направляющие факторы, такие как долг (*officium*), то в такой ситуации, необходимо следовать ему. Когда у человека есть четкое понимание как нужно поступить по совести, но он не реализует этого из страха, ради личной выгоды или корыстных причин, либо исходя из желания избежать трудностей, мотивируя это «служением времени», такое поведение можно расценивать как нечестное служение (*non officiis sed temporibus servientium*. (Cic. *Q. fr.* 1.2.4).

В своих размышлениях Цицерон все время подчеркивает сложность своей ситуации, заключающейся в том, что его *officium* и дружеские связи и обязательства диктуют ему определенную линию поведения. Это мешает ему оставаться в нейтральной позиции и в состоянии ожидания, затрудняя служение времени. Однако он не совершил ничего «*causa temporis*», ничего, что можно было бы оценить как неправильное служение времени. *Sed nihil est a me inservitum temporis causa* (Cic. *Fam.* 6.12.2) — здесь выражение использовано в негативном значении.

Для определения того, является ли служение честным или нечестным, ключевыми понятиями выступают **мера, соразмерность и взвешивание времени** (*agere moderate* — *Sest.* 6.14).

⁴ Такое разделение согласуется с комментарием К. Ф. А. Фритzsche к Рим. 12:11. «Поэтому выражение «служить временам» употребляется как в похвалу, так и в порицание, и вы можете легко понять причину и значение выражения в любом данном месте, либо из контекста вопроса и предложения, либо из добавленного слова» (Fritzsche 1843: 74).

Служение времени должно происходить в тонком балансе между требованиями времени и тем, что человек может сделать, не нарушив своих принципов. Человек должен постоянно взвешивать, оценивать текущее время и себя в соответствии с ним, быть современным в положительном смысле. Неправильное служение времени приводит к приспособленчеству и оппортунизму. Существует опасность чрезмерно (*nimis*) полагаться на эту временную константу, что может привести к нежелательным последствиям (Cic. *Fam.* 10.3.3).

Следует отметить синтаксическую особенность употребления фразы *servire temporibus* в негативном значении: она характеризуется использованием формы родительного падежа — *temporis*, иногда с предлогом *causa* (Cic. *Fam.* 6.12; Cic. *Att.* 9.6; Sen. *Suasoriae* 6.21.9). Отрицательное значение словосочетания «*temporis causa*» также зафиксировано в словарях: «*temporis causa* — по обстоятельствам, под сиюминутным влиянием, из вежливости, неискренне...» (Cic. *Tusc.* 4.8: *nisi forte temporis causa nobis adsentirebatur*; Cic. *Luc.* 113: *nec dico temporis causa, sed ita plane probo*) (Lewis 1889: 1069); *temporis causa* под давлением обстоятельств (данного момента) (Dvoretzskii 1976: 165,1003).

Примеры использования *servire temporibus* у других древнеримских авторов

Современник и друг Цицерона Корнелий Непот дважды использует фразу в значениях, близких к цicerоновскому. В «Жизнеописании Алкивиада» он пишет: *Cum tempus posceret... temporibus callidissime serviens* (Nep. *Alcib.* 1.3). *Когда обстоятельства требовали... (он был) умеющим ловко приноровиться к случаю. Когда требует время... мудро служить времени.* Примечательно, что такое использование очень похоже на цicerоновское противопоставление положительных и отрицательных свойств Катилины (Cic. *Cael.* 6.13). Таким образом, как и Цицерон, Непот однозначно приписывает упомянутое свойство к положительным качествам.

Второй пример находится в «Жизни Аттика». Непот оправдывает практическую помощь, оказанную Аттиком Фульвии, когда ее муж Антоний был объявлен *hostis* в 43 г., утверждая: *quae cum faciebat, nemo eum temporis causa facere poterat*

existimare; nemini enim in opinionem veniebat Antonium rerum potiturum (Nep. Att. 9.6). *Когда он действовал таким образом, никто не мог подумать, что он сделал это ради времени, поскольку никому не приходило в голову, что Антоний вернет себе власть.* Этот отрывок перекликается с цicerоновским разделением служения времени и личной выгоды. Непот был знаком с письмами Цицерона (Nep. Att. 16.3–4), и вполне возможно, что он строил защиту Аттика с учетом цicerоновской риторики *servire temporis*. Кроме того, использование Непотом выражения *causa temporis*, аналогично Цицерону, подтверждает негативную коннотацию подобной формы фразы.

Одним из самых значимых примеров использования выражения *servire temporibus* является текст “Laus Pisonis” — анонимного Панегирика I века н. э., адресованного Пизону (предположительно, Гаю Кальпурнию Пизону, главе заговора против Нерона в 65 году н. э.). Этот текст выделяется благодаря развернутой авторской интерпретации значения.

Temporibus servire decet: qui tempora certis
ponderibus pensavit, eum si bella vocabunt
miles erit, si pax, positistoga vestiet armis:
hunc fora pacatum, bellantem castra decebunt (Laus Pisonis, 155).

Следует подчиняться [требованиям] времени: кто взвесил время верной мерой, того сраженья позовут — он будет воин, а если мир — сложив оружие, он в тогу облачится: ему в мирное время приличествуют форумы, а в военное — лагеря.

Анонимный автор в своей трактовке термина перекликается с Цицероном и демонстрирует новые значения. Он следует идее цикличности времени (сменяемости войны и мира), акцентируя внимание на принципе *carpe diem* — необходимости действовать в любую фазу времени и выбирать лучшее из возможного. Времена меняются, но добрые люди всегда могут найти верный способ сохранить свое имя и репутацию. Во время написания панегирика стало очевидно, что для Пизона настало время посвятить большую часть своих усилий *otium* и частной жизни в целом. Здесь присутствуют идеи о необходимости подчиняться времени (*decet*), о важности взвешивать время верной мерой (*certis ponderibus pensavit*) и для жизни в благом соответствии времени, а не в диссонансе (Di Brazzano 2004, 298). Особенностью является расширение цicerоновской идеи о власти

времени и важности соответствия ему не только в тяжелые, но и в светлые времена: и в *otium* и в *negotium*.

В других, особенно более поздних примерах, использование метафоры *servire temporibus* имеет однозначно прикладное значение “воспользоваться моментом”, сходное с цicerоновским “*non ammittere tempus*” (Cic. *Att.* 8.3.6). В таком значении синтаксис фразы обычно дополняется уточнением сиюминутности: “*momento temporis*”, “*necessitas temporis*”. *Sed praesentis temporis necessitate serviebant* (Bell. *Alex.* 13.3.2) — *но служили только необходимости настоящего момента*. У Петрония главный герой помогает мальчику Гитону сбежать от преследователей и приказывает ему забраться под кровать: *imperium momentoque temporis inseruit* (Petron. *Sat.* 97.5.) В этих примерах основное значение выражения — руководствоваться настоящим моментом, своевременно делать то, что нужно в данный момент.

Фронтон использует эту фразу в значении “действие, направленное в пользу кого-либо”. *Quis ignorat... Nulla umquam te neque somni neque vigiliae neque cibi neque itineris prope tua tempora habuisse, sed patris temporibus servisse?* (Ep. 1.5.4.) «Кто не знает... что вы никогда не занимались собственными удобствами в вопросах сна или бодрствования, еды или упражнений, но жертвовали всем ради удобства вашего отца?...»⁵.

Заключение

Мы можем заключить, что Цицерон использовал выражение *servire temporibus* не только в бытовом, но и в общественно-политическом дискурсе, как элемент риторики и объект философских размышлений, что не могло не оказать влияния на последующих авторов. Актуальность этого выражения можно объяснить обстановкой гражданских войн, когда само время требовало от людей осторожности и умения адаптироваться к меняющимся обстоятельствам.

Оценочная интерпретация *servire temporibus* тесно связана с идеей разделения «служение времени» на правильное и неправильное, честное и нечестное. Честное служение в положи-

⁵ Здесь «служить времени отца», означает «жертвовать всем для удобства отца», ср. в английском переводе К. Р. Хейнса: «sacrificed everything to your father's convenience» (Haines 1920: 127).

тельном значении заключается в признании власти времени и соответствии ему, понимании момента и использовании его возможностей. Нечестное служение, напротив, характеризуется нарушением баланса: оно заключается в служении времени для личной выгоды, в собственных интересах, вопреки принципам *officium*.

Следует отметить, что современный дословный перевод «быть рабом времени» и английское “time-server”, часто используемые для перевода выражения *servire temporibus*, не полностью отражают смысл оригинала и не учитывают всех нюансов значений, которые, в большинстве случаев, имеют положительную окраску. На основе контекстного анализа выделенных примеров употребления мы можем уточнить лексические значения словосочетания *servire temporibus* следующим образом:

I. В прикладном, бытовом значении.

a) Совершение действия в пользу кого-то:

помощь, уступка кому-то, войти в чье-то положение; жертвовать: подчинять свои действия обстоятельствам, то есть нуждам другим, терпеть невзгоды, несчастья или ограничения в пользу кого-либо. *servire tempori/temporibus+gen: s: temporibus vestris* (Cic. Verr. 2.3.199); *s: temporibus huius, temporibus suorum omnium* (Cic. Cael. 6,13); *s: temporibus patris* (Fronto 1.5.4).

b) Ловить момент:

ловить возможность, которую дает время; быстро действовать согласно предлагаемым обстоятельствам; ориентироваться на нужды настоящего момента; принимать решение в моменте. (Вместе с *momentum, necessitas: s: momento temporis* (Petr. Sat. 97.5)).

II. В социально политическом дискурсе:

a) В положительном смысле: служить времени, адаптироваться к ситуации, случаю; признавать власть времени; соответствовать ситуации, обстоятельствам; приспосабливаться, приноравливаться к обстоятельствам; быть своевременным, современным.

b) В отрицательном смысле: быть рабом времени; чрезмерно (слишком) служить времени (*servire + (gen.) temporis; causa temporis facere*).

Полученные выводы согласуются с данными исследований Ж. Ф. Томаса и К. Новака (Thomas 2011: 47–60; Nowak 2019: 69–85), которые проанализировали лексику *tempus* с использованием дистрибутивных семантических моделей. Их исследова-

ния показали, что в классическом латинском языке концепция времени воспринималась не столько как хронологическая последовательность, сколько как некое пространство (*spatium temporis*), понятие *tempus* к I–II векам н. э. приобрело значение пространства или положения, а не просто хронологического хода и скорости. Это согласуется со значениями, которые вкладываются в *servire temporibus* — время как обстоятельства и ситуации, в которых оказывается человек.

Согласно полученным данным, можно предположить, что использование фразы *servire temporibus* у христианских латинских авторов не обязательно является отсылкой к тексту Рим. 12:11; возможно это использование в общеизвестных для того времени смыслах, например, «быть своевременным», «служить в пользу кого-то». Таким образом, можно предположить существование в раннехристианском дискурсе параллельного использования *servire temporibus* в нескольких разных значениях.

Выражение *servire temporibus* в текстах классических латинских авторов I в. до н. э.–II в. н. э. отражает нюансы понимания концепции времени и идею о необходимости адаптироваться к обстоятельствам.

Литература

- Arena, V. 2012: *Libertas and the Practice of Politics in the Late Roman Republic*. UK: Cambridge.
- Bettini, M. 1991: *Anthropology and Roman Culture: Kinship, Time, and Images of the Soul*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Cranfield, C. E. B. 1965: *A commentary on Romans 12–13*. Edinburgh; London: Oliver & Boyd.
- Di Brazzano, S. 2004: *Laus Pisonis. Introduzione, edizione critica e commento*. Pisa: Scuola Normale Superiore.
- Dvoretckii, I. Kh. 1976: [Latin-Russian dictionary]. Moscow: Izdatel'stvo «Russkii yazyk».
- Дворецкий И. Х. 1976: Латинско-русский словарь. Москва: Издательство «Русский язык».
- Faure, R., Valli, S. P., Zucker, A. 2022: *Conceptions of Time in Greek and Roman Antiquity*. Berlin, Boston: De Gruyter.
- Forcellini, E. 1828: *Totius Latinitatis lexicon*. Vol. 2. Londini: Baldwin et Cradock.
- Fritzsche, K. F. A. 1843: *Pauli ad Romanos Epistola*. Vol. 3. Halis saxonium: sumtibus gebaueriis.

- Haarmann, H. 2023: *Kairos. Human Responses to the Flow of Time in the Dynamic Formation Process of Western Civilization*. Munich: Georg Olms.
- Haines, C. R. 1920: *The correspondence of Marcus Cornelius Fronto*. London: William Heinemann.
- Lewis, C. T. 1889: *A Latin Dictionary for Schools*. New York: Harper & Brothers.
- Mitchell, H. 2019: The Reputation of L. Munatius Plancus and the Idea of “Serving the Times”. In: *The alternative Augustan age*. Eds. K. Morrell; J. Osgood; K. Welch. New York: Oxford University Press, 163–181.
- North, J. L. 1988: *Romans 12.11: a textual, lexical and ethical study*. Doctoral thesis, Durham University.
- Nowak, K. 2019: Tempus mutatur: analysing collocations of tempus ‘time’ with distributional semantic models. In: *Words and Sounds*. Volume I. Eds: N. Holmes, M. Ottink, J. Schrickx & M. Selig. Berlin, Boston: De Gruyter.
- OLD — *Oxford Latin Dictionary*. 2012. Vol. 1. Ed. P. G. W. Glare. UK: Oxford University Press.
- PHI Latin Texts 2011: *PHI Latin Texts*. The Packard Humanities Institute. URL: <https://latin.packhum.org/> (accessed: 5.03.2025).
- Schlier, H. 1977: Der Römerbrief. In: *Herders Theologischer Kommentar zum Neuen Testament*, Freiburg-Basel-Wien: Herder.
- Short, W. M. 2016: Spatial Metaphors of Time in Roman Culture. *The Classical World*, vol. 109, № 3, 2016, 381–412.
- Syme, R. 1939: *The Roman Revolution*. UK: Oxford.
- Thomas, J. F. 2011: Problèmes de polysémie et de synonymie dans la lexicalisation de l’espace et du temps en latin. In: *Espace et temps en latin*. C. Moussy. Paris: Presses de l’université Paris-Sorbonne, 47–60.
- TLL — *Thesaurus Linguae Latinae*. 1934. Vol.7.1. Leipzig: Teubner. URL: <https://tll-open.badw.de/de/thesaurus/lemmata/#51620> (accessed: 20.03.2025).
- Watkins, T. H. 1997: *L. Munatius Plancus: Serving and Surviving in the Roman Revolution*. Atlanta: Scholars Press.
- Watson, A. 1881: *Cicero select letters with english introductions, notes and appendices*. UK: Oxford University.
- Wettstein, J. J. 1752: *Novum Testamentum Graecum*. Vol. 2. Ed. J. J. Wettstein. Amstelaedami: ex officina Dommeriana.
- Wilckens, U. 1982: *Der Brief an die Römer*. Vol. 3. Zurich: Benziger; Neukirchener Verlag.

Е. А. Гуськов
МГПУ / Самарский университет,
Москва, Россия. megistos@yandex.ru

ПРЕТОРИАНСКИЕ ПРЕФЕКТЫ И РИМСКИЙ НОБИЛИТЕТ В РАННЕЙ ИМПЕРИИ¹

Проведенные Августом и продолженные его ближайшими преемниками реформы способствовали более тесной интеграции высших сословий римского общества, что становится заметно на примере целого ряда фамилий преторианских (и египетских) префектов. После завершения службы многие из них стали переходить в сенаторское сословие и даже стали родоначальниками целых «династий», которые на протяжении поколений удерживали в своих руках высшие магистратуры и промагистратуры империи. Однако при этом даже в эпоху позднего принципата должность префекта претория все так же, как и во времена ее создания, предназначалась в первую очередь для представителей всаднического сословия.

Ключевые слова: Древний Рим, ранняя Римская империя, сенат, сенаторы, всадники, praefectus praetorio, praefectus Aegypti.

Е. А. Guskov
Institute of Humanities, Moscow City University / Samara University.
Moscow, Russia. megistos@yandex.ru

Praetorian prefects and Roman noble families in the early Roman Empire

The reforms carried out by Augustus and continued by his immediate successors contributed to a closer integration of the upper classes of Roman society, as the example of a number of Praetorian (and Egyptian) prefects demonstrates. After completion of their service, many of them ascended into the senatorial class and even became the progenitors of entire “dynasties” that for generations held the highest magistracies and promagistracies of the empire in their hands. However, even in the era of the late principate, the position of praefectus praetorio remained the same as at the time of the creation of this office, being intended primarily for representatives of the equestrian class. Despite the strengthening of the

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 24-28-01528 «Интеракции многосторонних групп раннеимператорского Рима: сенаторы, городской плебс, военный гарнизон столицы».

knights' position in state and municipal government, and the reduction of the importance of the senatorial class, even in the second half of the third century, the Praetorian prefects still did not equal the senatorial status. The Praetorian prefects' families, at least some of them, became very powerful and influential, joining the nobility of the empire. However, this was not only due to their high administrative position, but also contingent on more individual factors. The examples of marriages of children and grandchildren of Praetorian prefects demonstrate close affiliations of this group with representatives of other noble families.

Keywords: Ancient Rome, early Roman Empire, Senate, senators, knights, praefectus praetorio, praefectus Aegypti.

Должность префекта претория была учреждена во 2 г. до н. э. (Dio Cass. LV. 10. 10) спустя примерно четверть века после создания постоянной преторианской гвардии. Согласно решению Августа, начальником претория мог быть только всадник. Принимая во внимание, что и других высших префектов — Египта, вигилов и анноны — тоже назначали из всаднического сословия, можно считать, что это было частью более широкого замысла усиления позиций всадников как в социальном, так и в управленческом плане. При этом Август действовал довольно осторожно, сохранив в руках сенаторов военное руководство над всеми легионами (Markelov 2019), кроме, разумеется, дислоцированных в Египте, управление которыми было доверено префекту (или префектам) лагеря из числа всадников (Dobson 1982; Letta 1986).

В это время гвардия еще не играла заметной политической роли, а сама должность начальника претория задумывалась Августом как техническая (Parfenov 1999: 65), но важная, поэтому кандидатуры на нее отбирались в первую очередь на основании личного доверия (Laet 1946: 513). Первые префекты претория для нас остаются загадкой: о них нет практически никаких сведений до их назначения в гвардию, и вряд ли это случайность. Скорее всего, Август целенаправленно делал ставку на тех представителей всадничества, которые не принимали активной роли в политической борьбе и имели безупречную репутацию; почти наверняка, учитывалось наличие или отсутствие связей с влиятельными семействами нобилитета. Не будет ошибкой считать, что наряду с собственно военными

заслугами² этот критерий для начальников гвардии, видимо, был одним из важнейших.

Поскольку префекты претория пользовались полным доверием императора, круг их полномочий начал стремительно расширяться, выходя за рамки первоначально отведенного им управления преторианскими когортами. В силу самой специфики функционала гвардии установление тесных контактов между верхушкой гвардии и императорским двором было лишь делом времени (см. некоторые примеры: Tac. *Ann.* VI. 38. 2; Ios. *Ant.* XIX. 64; Dio Cass. LIX. 29 etc.), а по мере того, как рос вес и расширялся набор полномочий префекта претория, его положение в «социальном рейтинге» становилось все более значительным. Как известно, уже начиная с правления Тиберия начальники гвардии начинают играть ощутимую политическую роль, возрастающую с каждым новым транзитом власти. Поэтому можно согласиться с теми исследователями, которые связывают усиление гвардии с мероприятиями Тиберия и префекта Сеяна (Keppie 1996: 101–124; Bird 1969: 64 ff.; Bird 1970: 1050), хотя превращение префектуры претория в первую из старших всаднических служб произойдет несколько позднее — по всей видимости, при Флавиях (Guskov 2019: 53). В эпоху Клавдия префект претория получает право присутствовать на заседаниях сената в порядке сопровождения императора (Dio Cass. LX. 23. 3; Suet. *Claud.* 12. 1; cf. Dio Cass. LVIII. 18. 5).

Уже начиная с Юлиев-Клавдиев начальники гвардии стали получать преторские и консульские знаки отличия³. Впрочем,

² Проведенное Мишелем Абселем наблюдение над карьерой ранних преторианских начальников показывает, что все они были профессиональными военными, прошедшими долгую службу и накопившими большой боевой опыт (Absil 1995: 168 ff.).

³ Преторские знаки получали Л. Элий Сеян (Dio Cass. LVII. 19. 7), Руфрий Криспин (Tac. *Ann.* XI. 4. 5), Аппий Вар (Tac. *Hist.* IV. 4. 2); консульские знаки — Секст Афраний Бурр (CIL XII. 5842 = ILS 1321), Офоний Тигеллин и Нимфидий Сабин (Tac. *Ann.* XV. 72. 2–3). По поводу Руфрия Криспина, который, по свидетельству Тацита (Tac. *Ann.* XVI. 17. 2), получил еще и *ornamenta consularia*, высказал сомнения У. Макдермотт (McDermott 1949: 233; см. также Syme 1958: 747). Тацит, по его мнению, ошибся, а Криспин получил только преторские украшения. Для нас это не столь принципиальный вопрос; главное, что для Тацита в этом не было ничего невозможного; к тому же в свете консульских знаков Бурра, Тигеллина и Нимфидия Сабина

само по себе это не означало их введения в состав *ordo senatorius* (Balakhvantsev 2000: 63), но тем не менее их потомки уже в первом поколении демонстрируют карьеру, свойственную сыновьям сенаторов⁴.

Еще одним успешным примером интеграции высших преторианских офицеров в среду высшего сословия является карьера Марка Аррецина Клемента в 38–41 гг., который, по утверждению Тацита (*Hist.* IV. 68. 2), с достоинством исполнял обязанности префекта. Известно, что его сын возглавил преторий в 70–71 гг., а затем дважды был суффектом (в 73 и 83/84 гг.). Интересно, что Клемент-старший был женат на дочери своего непосредственного подчиненного, трибуна Юлия Лупа, чья

это не выглядит чем-то невероятным. Впрочем, после Нерона данная «традиция» прерывается, а следующим окажется только Марк Гавий Максим, префект претория в 138–158 гг. (*SHA. Ant. Pius.* 10. 6; *CIL* IX. 5358 = *ILS* 1325). При Марке Аврелии как минимум Марк Бассэй Руф, префект претория в 168–177 гг. (*Dio Cass.* LXXII (LXXI). 5. 2–3; *ILS* 1326), Тит Фурий Викторин, префект претория в 160/161–168 (*ILS* 9002), и Публий Таррутиен Патерн (префект претория в 177/178–182) — самые «воинственные» префекты антониновской эпохи — удостоились подобной чести (Rossignol 2007: 152; Kłodziński 2012: 12), очевидно, за свои победы в войнах с варварами. В северовскую эпоху консульские знаки отличия получили Гай Фульвий Плавтиан (префект в 197–205 гг.), Квинт Меций Лет (префект с 205 по 211 (?) гг.), Марк Опеллий Макрин и Марк Оклатиний Адвент (оба — занимали эту должность в 212 (?) — 217 гг.) (в целом о префектах северовского см. Coriat 2007, о наградах: 181 ff.). Насколько можно понять, начиная со II в. принадлежность к разряду *virī clarissimi* приравнивалась к консульским украшениям (Passerini 1939: 307; Ensslin 1954: 2399).

⁴ Например, самый первый преторианский префект, Квинт Осторий Скапула, хотя сам почти неизвестен, стал родоначальником видного сенаторского семейства: его сын — также Кв. Осторий Скапула — стал суффектом и был введен в сенат в ранние годы принципата Тиберия, а внук стал консулом в 41 г. Семья брата префекта претория — Публия Остория Скапулы, который занимал пост префекта Египта — также заняла ведущие позиции: его сын, т. е. племянник Квинта, П. Осторий Скапула был консулом в конце принципата Тиберия или при Гае (во всяком случае, до 47 г. н. э.), а затем стал легатом в Британии, а его брат был консулом при Клавдии; внук префекта (и сын предыдущего) М. Осторий Скапула стал консулом в 59 г. (умер в 66 г.), а праправнук М. Осторий Скапула (внук консула 59 г.) после консульства в конце 97 г. стал проконсулом Азии (предположительно в 114/115 г.), т. е. занял высший наместнический пост в Империи.

судьба сама по себе является показательной в рамках нашего сюжета (подробнее о нем: Guskov 2021). Мы почти ничего не знаем о статусе семейства Лупа до этого брака, но вот его сыновья определенно уже принадлежали к высшему эшелону всаднического сословия. Старший — Тиберий Юлий Луп (PIR². J. 390) — был префектом Египта в 71–73 гг. (Ios. B. I. VII. 420: Λούπος τότε διόκει τὴν Ἀλεξάνδρειαν; 434: Λούπλου δὲ μετὰ βραχὺ τελευτήσαντος; Plin. H. N. XIX. 2. 11: *ante Iulio Lupo, qui in praefectura Aegypti obiit*; CIL III. 31). Смерть его наступила, скорее всего, весной 73 г. (Campbell 1988: 157)⁵. На посту египетского префекта Луп сменил Тиберия Юлия Александра, одного из самых надежных людей Веспасиана. Вероятно, доверие со стороны императора было вызвано тем, что Луп как-то проявил себя во время бурных событий 69 г. Видимо, он сразу присоединился к партии Веспасиана, как только стало известно о его аккламации в июле 69 г., если не раньше (Guskov 2021: 52–53). Его младший брат — Луций Юлий Урс — был последовательно префектом анноны, Египта и претория (AE 1939. 60; 1956. 57)⁶, а сразу после выхода в отставку Урс получил консульскую должность (вероятно, в мае 84 г., см. Syme 1980: 66), войдя, таким образом, в состав сената; при Нерве стал членом императорского совета, затем последовало еще два его консульства (в 98 и 100 гг.). И хотя все три консульства не были ординарными, стоит учитывать, что еще у отца Урса не было вообще ни одного.

⁵ Во всяком случае, последнее упоминание о нем в папирусах относится к февралю-марту 73 г. (SEG XX. 651; P. Оху. 22. 2349), и в этом же году новым префектом стал Валерий Паулин, который обычно отождествляется с прокуратором Галлии в 69 г. (Tac. Hist. III. 43. 1) (Jones 1997: 249; Demougin 1992, no. 702: 596–597). Паулин также весьма примечательная фигура: в 60-е гг. I в. он был трибуном преторианской когорты, а потом стал прокуратором Нарбоннской Галлии, а при Флавиях получил префектуру над Египтом. Хотя гвардию Паулин не возглавлял, но часть его карьеры была связана с ней, и представляется, что именно трибунат дал ей дополнительный импульс. Его сын (или, может быть, внук) — Гай Валерий Паулин — становится консулом-суффектом в 107 г. (Demougin 1992: 597).

⁶ Датировки назначений Юлия Урса, по-видимому, следующие: он исполнял обязанности префекта анноны в 74–76 гг., префекта Египта — в 76–78 гг., а в 81–83/84 гг. возглавил префектуру претория (Magioncalda 2012: 118–119).

Публий Юлий Луп (PIR². J. 389), по-видимому, сын Тиберия Лупа, был консулом-суффектом в 97 или, скорее, 98 г. Он был женат на Аррии Фадилле, вдове ординарного консула 89 г. Тита Аврелия Фульва (деда будущего императора Антонина Пия).

Следующее поколение семейства уже занимает не просто высшие магистратские должности, но при том неоднократно и вдобавок в составе первой консульской пары, что было особенно почетно. Так, сын Урса, Луций Юлий Урс Сервиан (PIR². J. 631), был консулом трижды — в 90 (суффект), 102 и 134 гг.

Конечно, можно предположить, что путь наверх Лупам открыл матримониальный союз с префектом претория, но стоит учитывать также и то обстоятельство, что самого Клемента в конце 30-х — начале 40-х гг. еще нельзя отнести к высшему эшелону: по крайней мере, у нас нет свидетельств высокого статуса его семьи на тот момент (Guskov 2021: 46–47; подробнее см. Passerini 1940; о карьере его сына, тоже префекта, см. Jones, Develin 1976). По сути, взлет двух этих семейств произойдет уже после бурных событий гражданской войны 69 г. с приходом к власти Флавиев, связанных матримониальным союзом с семейной «коалицией» Аррецинов — Юлиев: старший сын нового императора Веспасиана, Тит, был женат на Аррецине Тертулле, племяннице Юлия Лупа и, соответственно, дочери Аррецина Клемента. Так что, похоже, это был союз примерно равных по статусу семейств, которые параллельными линиями восходили к высшим слоям всадничества и в какой-то момент их союз принес им еще большую славу. Как видим, два высших всаднических поста — префектов гвардии и Египта — стали своеобразным социальным трамплином для перехода *in amplissimo ordine*.

Большинство преторианских префектов, в том числе бывших, разумеется, не могли похвастаться такими связями, но тем не менее они, наряду с другими высшими префектами, шли в авангарде процесса слияния высших сословий. Уже в середине I в. мы видим первые браки между действующими префектами претория и представителями сенаторских семейств (напр., Tac. Ann. XIV. 48. 2 etc.). Одни из самых известных и могущественных начальников гвардии Луций Элий Сеян (занимал эту должность в 14–31 гг.) по отцу происходил из влиятельной всаднической семьи, а по матери и вовсе принадлежал к сенаторской и даже консульской семье (подробнее — см. Sumner 1965;

Durry 1938: 152), поэтому его стремление породниться с представителями сенаторских родов⁷ вполне объяснимо не только его политическими амбициями, но семейными «потребностями» — стремлением к сохранению и приумножению фамильного престижа. Попытка Сеяна самому породниться с императорским домом, правда, успехом не увенчалась (Parfenov 1999: 67–68, 70): ответ Тиберия на письмо Сеяна о просьбе вступить в брак с Ливиллой содержал дипломатичный отказ, причиной которого была недостаточная родовитость претендента на руку снохи императора (Durry 1938: 154)⁸.

К сожалению, состояние источников не позволяет воссоздать полную картину, но число таких «межсословных» браков, несомненно, возрастает в последующие эпохи. В качестве примеров можно привести несколько засвидетельствованных случаев. Во-первых, матримониальный союз сына преторианского префекта Секста Корнелия Репентина (префект претория в 161–167 гг.) и Дидии Клары (SHA. *Did. Iul.* 3. 6), дочери одного из самых богатых сенаторов своего времени, впоследствии даже ненадолго облачившегося в императорский пурпур, — Дидия Юлиана, семейство которого предположительно имело связи с Антонинами (Leaning 1989: 553; Chausson, Rossignol, 2009: 303–304). Данный брак был заключен, возможно, уже после того, как младший Репентин стал суффектом (о карьере Репентина-младшего см. Еск 2017). Известно также, что дочь Таррутиена Патерна (префект претория в 177–182 гг.) была обручена с сыном пропретора Публия Сальвия Юлиана (SHA. *Comm.* 4. 8), но, по всей видимости, данный брак так и не был заключен из-за казни Патерна и Юлиана в 182 г. В-третьих, правнучка Луция Лаберия Максима (префект претория при Домициане, с 83/84 г., дата окончания полномочий неизвестна), Бруттия Криспина, была женой императора Коммода (SHA. *M. Ant.* 27. 8; Dio Cass. LXXI. 33. 1; LXXII. 4. 6; Herod. I. 8. 4; SHA. *Comm.* 5. 9).

⁷ Его сын Элий Галл Страбон был обручен с дочерью консула Гнея Корнелия Лентула Гетулика (Тас. *Ann.* VI. 30. 2–4), а дочь, Юнилла, была сосватана за Друза, сына Клавдия (Тас. *Ann.* III. 29. 5–6).

⁸ Положительный ответ Сеян в итоге получил позднее, но наши источники содержат противоречия относительно того, кем была обрученная: то ли Ливилла, вдова Друза Младшего, то ли Юлия, дочь Друза и Ливиллы, вдова старшего сына Германика (Нерона). Об этой проблеме см. Parfenov 1999: 73–74.

В качестве особого случая, впрочем, не противоречащего отмеченной тенденции, можно выделить брак Плавтиллы, дочери Г. Фульвия Плавтиана (префект претория в 197–205 гг.), с императором Каракаллой (Dio Cass. LXXVII (LXXVI). 1. 2; LXXVI (LXXV). 14. 5; Herod. III. 10. 5, 7; SHA. *Sept. Sev.* 14. 8).

Автор *НА* сообщает, что при Антонинах преторианские префекты, завершая службу, фактически стали переходить в сенаторское сословие (SHA. *Hadr.* 8. 7), и в этом не приходится сомневаться, поскольку, помимо прямых сообщений источников о самих бывших префектах (SHA. *Comm.* 4. 7–8; Dio Cass. LXXVIII. 14. 1–4), об этом же свидетельствуют карьеры их потомков в первом и втором поколениях, которые, действительно, демонстрируют типичные для детей сенаторов ступени⁹.

Конечно, необходимо делать скидку на то, что о некоторых префектах у нас совсем мало информации, но все же некоторые выводы сделать можно. Если отбросить все случаи постсеверовской эпохи как неоднозначные, у нас по 83 преторианским префектам, занимавшим свои посты — единолично или коллегиально — до конца 2-го года правления Александра Севера, получается следующая картина. В первой половине I в. всего один префект стал сенатором во время преторианской службы: Луций Элий Сеян (ординарный консул 31 г.)¹⁰, а вот во второй половине того же века, в особенности начиная с эпохи Флавиев, мы видим существенный сдвиг: как минимум Луций Юлий Урс (префект претория в 81–83/84 гг.) сразу после завершения префектуры стал консулом-суффектом в мае 84 г., Секст Аттий Субуран (префект претория в 98–101 гг.) был суффектом в

⁹ Сыновья бывших преторианских префектов нередко занимают высокие наместнические посты в основном преторского ранга, что позволяет говорить об их вхождении в сенаторское сословие. Например, сын М. Бассэя Руфа, занимавшего пост префекта претория в 168–177 гг., Марк Бассэй Астур (PIR². В. 66), служил наместником Аравии при Коммодe (Birley 1980: 19–21).

¹⁰ Некоторые исследователи относят в эту категорию также Валерия Лига (Лигура), префекта претория при Августе (датировка неизвестна), упоминаемого Кассием Дионом (LX. 23. 3), полагая, что он может быть идентичен сенатору Варию Лигу, которого, в свою очередь, упоминает Тацит (*Ann.* IV. 42. 3), однако, более вероятна версия А. Пассерини, который считал их разными людьми (Passerini 1939: 275; Demougin 1992, no. 128).

марте 101 г., а два префекта были сенаторами еще даже до того, как возглавили императорский преторий: Марк Аррецин Клемент-младший (префект претория в 70–71 гг., сын одноименного префекта в 38–41 гг.) и будущий император Тит.

При Адриане начальник претория, наряду с другими высшими префектами, был причислен к разряду «виднейших мужей» (*virī eminentissimi*), а позднее, если верить НА, Александр Север отнес главу претория к рангу «светлейших мужей» (*virī clarissimi*) (SHA. Alex. Sev. 21. 3–5), что означало бы автоматическое вхождение его в состав сената. Анализ эпиграфики не дает однозначного результата, так как идентификация префектов, их родственников и senatorского статуса в большинстве случаев невозможна при нынешнем уровне источниковой базы (Arnheim 1971; Mennen 2012). По крайней мере, во второй половине III в. они получали консульство либо во время службы, либо сразу после нее (Salway 2006: 128), т. е., строго говоря, так же, как это периодически случалось и ранее. Иными словами, мы до сих пор не понимаем: новый статус прикреплялся к самой должности или к конкретным ее носителям (Mennen 2011: 135–191).

С одной стороны, мы видим, что на протяжении флавианского и особенно антониновского времени участие всадников в государственном и муниципальном управлении возрастает. Всадники практически полностью вытесняют вольноотпущенников из дворцовых ведомств (Smyshlyaev 1981). С другой стороны, несколько снижается значение самого senatorского статуса, особенно после правления Галлиена. В целом, можно сказать, что во второй половине III в. префекты претория действительно приблизились к senatorскому положению, но при этом все еще не сравнялись с ним (Mennen 2011: 190). Семейства преторианских префектов, по крайней мере, некоторых из них, становились очень могущественными и влиятельными, вливаясь в нобилитет империи, однако, судя по всему, это происходило не только благодаря их высокому административному положению, но и зависело от более индивидуальных факторов: изначального семейного статуса, индивидуальных талантов самих префектов, расположенности к ним императора и т. д.

Литература

- Absil, M. 1995: La carrière antérieure (principalement militaire) des préfets du prétoire pendant les deux premiers siècles de l'Empire. In: *La hiérarchie (Rangordnung) de l'armée romaine*. Paris: De Boccard, 167–174.
- Arnheim, M. T. W. 1971: Third Century Praetorian Prefects of Senatorial Origin: Fact or Fiction? *Athenaeum* 49, 74–88.
- Balahvantsev, A. S. 2000: [Inheritance of the Senatorial Title: The Reality of History or a Historiographical Myth?]. In: *Trudy kafedry drevnih yazykov istoricheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova* [Proceedings of the Department of Ancient Languages, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University] / Ed. by N. G. Mayorova. Moscow; St. Petersburg: Aletheia, 62–70.
- Балахванцев, А. С. 2000: Наследование сенаторского звания: реальность истории или историографический миф? В сб.: *Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова* / Отв. ред. Н. Г. Майорова. М.; СПб.: Алетейя, 62–70.
- Bird, H. W. 1969: L. Aelius Seianus and his Political Significance. *Latomus* 28 (1), 61–98.
- Bird, H. W. 1970: L. Aelius Seianus: Further Observations. *Latomus* 29 (4), 1046–1050.
- Birley, E. 1980: M. Bassaeus Astur: A note. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 37, 19–21.
- Campbell, D. B. 1988: Dating the Siege of Masada. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 73, 156–158.
- Chausson, Fr., Rossignol, B. 2009: La carrière de Didius Iulianus: Rhin et Belgique. In: *Occidents romains. Sénateurs, chevaliers, militaires, notables dans les provinces d'Occident (Espagnes, Gaules, Germanies, Bretagne)*. Chausson Fr. [ed.]. Paris: Éditions Errance, 301–324.
- Coriat, J.-P. 2007: Les préfets du prétoire de l'époque sévérienne: un essai de synthèse. *Cahiers du Centre Gustave Glotz* 18, 179–198.
- Demougín, S. 1992: *Prosopographie des chevaliers Romains Julio-Claudiens* (43 av. J.-C. — 70 ap. J.-C.). Rome: École française de Rome, Palais Farnèse.
- Dobson, B. 1982: Praefectus Castrorum Aegypti — a Reconsideration. *Chronique d'Égypte* 57 (114), 322–337.
- Durry, M. 1938: *Les cohortes prétoriennes*. Paris: E. de Boccard.
- Eck, W. 2017: Eine Laufbahnschrift aus Sicca Veneria und die Stadtpräfektur des Cornelius Repentinus. In: *Voce concordi*. Scritti per Claudio Zaccaria, hg. F. Mainardis. Trieste, 271–278.
- Ensslin, W. 1954: Praefectus praetorio. *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* XXII, 2, 2391–2426.

- Guskov, E. A. 2019: [Domitian, Domitia Longina, and L. Julius Ursus: In Addition to the History of the Conflict]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Istoricheskie nauki* [Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences] 1 (4), 51–57. Гуськов, Е. А. 2019: Домициан, Домиция Лонгина и Луций Юлий Урс: к истории одного конфликта. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки* 1 (4), 51–57.
- Guskov, E. A. 2021: [Julius Lupus: Centurion or Tribune?]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Istoricheskie nauki* [Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences] 3, 2 (10), 45–57. Гуськов, Е. А. 2021: Юлий Луп: трибун или центурион? *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки* 3, 2 (10), 45–57.
- Jones, B. W., Develin, R. 1976: M. Arrecinus Clemens. *Antichthon* 10, 79–83.
- Jones, Ch. P. 1997: Egypt and Judaea under Vespasian. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 46 (2), 249–253.
- Keppie, L. 1996: The Praetorian Guard before Sejanus. *Athenaeum* 84, 101–124.
- Kłodziński, K. 2012: Prefekci pretorianów cesarza Kommodusa. *KLIO. Czasopismo poświęcone dziejom Polski i powszechnym* 20 (1), 3–44.
- Laet S. J. De. 1946: Les pouvoirs militaires des Préfets du Prétoire et leur développement progressif. *Revue belge de philologie et d'histoire* 25 (3-4), 509–554.
- Leaning, J. B. 1989: Didius Julianus and His Biographer. *Latomus* 48 (3), 1989, 548–565.
- Letta, C. 1986: Praefectus castrorum Aegypti: ‘comandante del campo d’Egitto’ o ‘comandante di campo in Egitto’? *Egitto e Vicino Oriente* 9, 1–5.
- Magioncalda, A. 2012: La carriera di L. Iulius Ursus e le alte prefetture equestri nel I sec. D.C. *Cahiers du Centre Gustave Glotz* 23, 113–129.
- Markelov, A. Yu. 2019: [Roman Senate Prerogatives in the Military Sphere during the Principate of Augustus]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3 (65), 93–105. Маркелов, А. Ю. 2019: О полномочиях римского сената в военной сфере в период принципата Августа. *Проблемы истории, филологии, культуры* 3 (65), 93–105.
- McDermott, W. C. 1949: Sextus Afranius Burrus. *Latomus* 8 (3/4), 229–254.
- Mennen, I. 2011: *Power and Status in the Roman Empire, AD 193–284*. Leiden: Brill, 305 p. + XIII.
- Mennen, I. 2012: Praetorian Prefects’ Power and Senatorial Status in the Third Century: Reevaluating Historia Augusta, Vita Alexandri 21. 5. *Mnemosyne* 65 (4–5), 656–673.

- Parfenov, V. N. 1999: [Sejanus: Rise and Fall]. [*Ancient World and Archeology*] 10, 63–88. Парфенов, В. Н. 1999: Сеян: взлет и падение. *Античный мир и археология* 10, 63–88.
- Passerini, A. 1939: *Le coorti pretorie*. Roma: Angelo Signorelli.
- Passerini, A. 1940: M. Arrecino Clemente. *Athenaeum* 18, 145–163.
- Rossignol, B. 2007: Les préfets du prétoire de Marc Aurèle. *Cahiers du Centre Gustave Glotz* 18, 141–177.
- Salway, B. 2006: Equestrian Prefects and the Award of Senatorial Honours from the Severans to Constantine. In: *Herrschaftsstrukturen und Herrschaftspraxis. Konzepte, Prinzipien und Strategien der Administration im römischen Kaiserreich* / A. Kolb (Hg.). Akten der Tagung an der Universität Zürich, 18–20.10.2004. Berlin: Akademie Verlag, 115–135.
- Smyshlyaev, A. L. 1981: [Knights in Charge of Offices in the Imperial Chancellery of the Second to Mid-Third Centuries]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2 (156), 91–108. Смышляев, А. Л. 1981: Всадники во главе ведомств императорской канцелярии во II — начале III в. н. э. *Вестник древней истории* 2 (156), 91–108.
- Sumner, G. V. 1965: The Family Connections of L. Aelius Sejanus. *Phoenix* 19 (2), 134–145.
- Syme, R. 1958: *Tacitus*, in 2 vols. Vol. II. Oxford: Clarendon Press. 396 p.
- Syme, R. 1980: Guard Prefects of Trajan and Hadrian. *Journal of Roman Studies* 70, 64–80.

Список сокращений

- AE — L'Année épigraphique. Paris, 1888–...
- CIL — Corpus inscriptionum latinarum. Berolini, 1863–...
- Dio Cass. — Dio Cassius. Dio's Roman History: In 9 vols. / With an English trans. by E. Cary. L.: William Heinemann; NY: The Macmillan Co., 1914–1927.
- Herod. — Herodiani Ab excessu divi Marci libri octo / ed. L. Mendelssohn. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1883.
- ILS — Hermann Dessau. Inscriptiones latinae selectae. 3 vols. in 5 partes. Berlin, 1892–1916 (reéd. 1954–1955; 1962).
- Ios. Ant. — Flavii Iosephi Antiquitates // Flavii Iosephi Opera omnia / Post Immanuelem Bekkerum recognovit Samuel Adrianus Naber. In VI vols. Vol. I–IV. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1888–1893.
- Ios. B. I. — Flavii Iosephi Bellum Iudaicum // Flavii Iosephi Opera omnia / Post Immanuelem Bekkerum recognovit Samuel Adrianus Naber. In VI vols. Vol. V–VI. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1895–1896.
- P. Oxy. — The Oxyrhynchus Papyri: in 85 vols. London, 1898–...
- PIR² — Prosopographia Imperii Romani Saeculi I–III. Edit. sec. / E. Groag, A. Stein etc. (1933–...).

- Plin. *H. N.* — Plinius, C. Secundus (Maior). Natural History: In 10 vols. / With an English trans. by H. Rackham. Cambridge (Mass.); L.: Harvard University Press, 1969–1979.
- SEG — Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden — Amsterdam — London, 1923–...
- SHA. *Alex. Sev.* — Alexander Severus Aelii Lampridii // Scriptores historiae Augustae / With an English transl. by D. Magie. In 3 vols. Vol. II. Cambridge (Mass.); London: Harvard Univ. Press, 1993. P. 178–313.
- SHA. *Ant. Pius.* — Iulii Capitolini Antoninus Pius // Scriptores historiae Augustae / With an English transl. by D. Magie. In 3 vols. Vol. I. Cambridge (Mass.); London: Harvard Univ. Press, 1991. P. 100–131.
- SHA. *Comm.* — Commodus Antoninus Aelii Lampridii // Scriptores historiae Augustae / With an English transl. by D. Magie. In 3 vols. Vol. I. Cambridge (Mass.); London: Harvard Univ. Press, 1991. P. 264–313.
- SHA. *Did. Iul.* — Aelii Spartiani Didius Iulianus // Scriptores historiae Augustae / With an English transl. by D. Magie. In 3 vols. Vol. I. Cambridge (Mass.); London: Harvard Univ. Press, 1991. P. 348–369.
- SHA. *Hadr.* — Aelii Spartiani De vita Hadriani // Scriptores historiae Augustae / With an English transl. by D. Magie. In 3 vols. Vol. I. Cambridge (Mass.); London: Harvard Univ. Press, 1991. P. 2–81.
- SHA. *M. Ant.* — Iulii Capitolini Marcus Antoninus Philosophus // Scriptores historiae Augustae / With an English transl. by D. Magie. In 3 vols. Vol. I. Cambridge (Mass.); London: Harvard Univ. Press, 1991. P. 132–205.
- SHA. *Sept. Sev.* — Aelii Spartiani Severus // Scriptores historiae Augustae / With an English transl. by D. Magie. In 3 vols. Vol. I. Cambridge (Mass.); London: Harvard Univ. Press, 1991. P. 370–429.
- Suet. *Claud.* — Divus Claudius // Gai Suetoni Tranquilli quae supersunt omnia / Recensuit C. L. Roth. Lipsiae: B. G. Teubner, 1898. P. 147–169.
- Tac. *Ann.* — P. Cornelii Taciti Annalium ab excessu divi Augusti libri: In 2 vols. / Ed. by H. Furneaux. 2nd ed. Vol. I: Lib. I–VI. Oxford: At the Clarendon Press, 1896. 692 p.; Vol. II: Lib. XI–XVI. Oxford: At the Clarendon Press, 1907. 720 p.
- Tac. *Hist.* — Tacitus. The Histories / With an English transl. by C. H. Moore. The Annals. With an English transl. by J. Jackson. In 4 vols. Vol. I. The Histories. Books I–III. Cambridge (Mass.): Harvard University Press; L.: William Heinemann LTD, 1962. 520 p.; Vol. II. Books IV–V. The Annals. Books I–III. Cambridge (Mass.): Harvard University Press; L.: William Heinemann LTD, 1962. 668 p.

Ф. Н. Двинятин

Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург,
Россия. feodvin@yahoo.com

ОТ МИКЕНСКОГО *KU-WA-NO*, ГРЕЧЕСКОГО *ΚΥΑΝΟΣ* К ИМЕНИ *ЦΙΑНА*: ВЕЩЕСТВА, ЦВЕТА И ГЕРОИНИ

История корня *циан-*, проходящего через многие языки (др.-греч., лат., фр., нем., англ., рус. и др.), богата и многолинейна. Зафиксированное еще в микенских табличках слово *ku-wa-no* сохраняется в греческом языке. Слово знает не менее трех направлений семантического развития: как термин ремесла, технологии и химии, после древнего, не вполне ясного значения ‘ценное вещество (темно-)синего цвета’, становится центром нового пласта химической терминологии (радикал *СН-*, цианиды и др.); как литературное имя присваивается сицилийской нимфе, героиням соблазна, чистой любви или мистической тайны в немецкой прозе конца XVIII века; как колористический термин переходит от значений ‘(темно-)синий’, ‘(почти) черный’ к современному ‘(светлый) голубо-зеленый’. В русской классической поэзии *циана* — раритетное параллельное обозначение василька.

Ключевые слова: *κύανος*, *суане*, *цианистый*, древнегреческий, микенский, слова и вещи, этимология, семантика, ономастика, василек, синий, Виланд, де Кандоль, Гете, О. Руд.

F. N. Dvinyatin

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
feodvin@yahoo.com

From Mycenaean *ku-wa-no*, Greek *κύανος* to the name *Цяна* (Russian *Циана*): substances, colors and heroines

The semantic history of *циана*, *κύανος*, *cyanus*, *cyane*, *cyan* etc., which passes through many languages (ancient Greek, Latin, French, German, English, Russian, etc.), is extremely rich and multilinear. Recorded in Mycenaean tablets (*ku-wa-no*), it continues as a regular component of the Homeric vocabulary (*κύανος*) and through Latin passes into the world of new European languages and literature. The word undergoes at least three lines of semantic evolution: scientific-technological, literary and (in a certain sense mediating the two previous) coloristic. As a term of craft, technology and chemistry, the word (or its root), after an ancient, not entirely clear meaning of ‘precious substance of (dark) blue color: lazurite or lapis lazuli, or Egyptian blue, or blue glass, may also be niello’, becomes the center of a new layer of chemical terminology, designations of substances with the radical *CH-* (cyanides, etc.). De Candolle, at about the

same time, developed a theory of flowers' colour, for two types of which he used the terms *xanthique* and *cyanique*, invented by him; these two colour poles resemble those recognised in Goethe's colour theory. *Cyana* is the name of many literary heroines (in the forms Κυανή, Cyane, etc.): first a Sicilian nymph, a witness to the abduction of Persephone (Ovid, Claudian); then a priestess of Diana or a priestess's confidante in the French classical theater (de Lagrange Chasselas, Favart); then the embodiment of temptation, or pure selfless love, or mystical mystery in the German novel and story of the late 18th century (Wieland, Frederica Brun, von Bilderbeck, Novalis). In archaic Greek κύανος as a color adjective means either 'dark blue', or 'shiny, bluish dark, almost black', and there are difficulties in accepting both versions. In the modern system of color designation (O. Rood), *cyan* is a bright and saturated, rather light color, average (in equal measure) between blue and green. In Russian classical poetry, *цяна* is a rare parallel designation for cornflower, introduced by Zhukovsky in his adaptation of Schiller's "Eleusinian Festival".

Keywords: κύανος, cyane, cyanide, ancient Greek, Mycenaean, Wörter und Sachen, etymology, semantics, onomastics, cornflower, blue, Wieland, de Candolle, Goethe, O. Rud.

Весной и летом 1856 года выздоровевший после долгой и тяжелой болезни гр. А. К. Толстой совершил с женой поездку по Крыму. Главным ее поэтическим памятником стали «Крымские очерки», но тогда же было написано стихотворение, не подвергшееся окончательной обработке и при жизни поэта не опубликованное. Помимо прочего, в нем есть одно любопытное обозначение возлюбленной: *Если б я был богом океана, / [...] Со степеней сорвал бы я курганы! / Доплеснул волной до синих скал, / Чтоб добыть тебя, моя цяна [...]*!

Что имел в виду поэт, о ком или о чем думал, называя возлюбленную *цяной* (*цяной*, *Цяной*)? Отождествлял ли ее с васильком, вспоминая Шиллера и Жуковского? помнил ли сицилийскую нимфу Киану? подразумевал ли героиню немецкоязычной литературы — воплощение тайны, или самоотверженности (учитывая то, как выхаживала С. А. Миллер «охотника» [добровольца] Толстого, заболевшего, в шаге от военных действий, смертельно опасным недугом)? История корня, слова и имени, проходящая через множество языков, эпох, культур и значений, дает основания для этих и некоторых других предположений.

Впервые мы встречаем его в микенской слоговой письменности: *ku-wa-no* (*ku-wa-no pa-ra-ku-we-qe ku-ru-so-qe*, PY Ta 714: 1, то же PY Ta 714: 3; *ku-wa-no-qe pa-ra-ke-we-qe*, PY

Та 642: 1¹; [ku-wa-]no-wo-ko-i, MY Oi 701: 7; [ku-wa-]ḫo-wo-ko-i, MY Oi 702: 4; ku-wa-no-wo-ko-i, MY Oi 703: 2; ku-wa-ḫo[-wo-ko-i, MY Oi 704: 4, причем ku-wa-no-wo-ko /kuano-worgos/ ‘ремесленник, мастер по работе с ценным синим веществом кῠανος’. Вопрос о том, с чем именно имели дело древнейшие «цианурги» (кианурги), остается дискуссионным. Если ku-ḡu-so- (из этих же текстов) сразу было понято как χρυσός ‘золото’, а для ра-га-ku- (оттуда же) общепринятое удовлетворительное объяснение отсутствует (предполагается железо либо олово либо другой ценный в момент написания текстов материал, скорее всего, металл), то ku-wa-но занимает промежуточную позицию: предлагается несколько родственных версий, по крайней мере одна из которых почти наверняка справедлива.

Во-первых, это может быть лазурит (чистый минерал) либо ляпис-лазурь (составная, пестровая горная порода с преобладанием лазурита)². Именно слово кῠανος употребляет Теофраст, говоря почти наверняка о ляпис-лазури: καλεῖται δὲ καὶ κῠανος ὁ μὲν ἄρρην ὁ δὲ θῆλυς, Theophr. *De lap.*, 5: 31, («Мужским или женским бывает и азурит...», пер. А. А. Россиуса), ср. ниже. Этимология кῠανος считается неясной. Новейший этимологический словарь признает это слово «явно до-греческим», указывая на некоторые близкие случаи и на группу -ua- как на признак заимствования (Beekes 2010: 792). В этом аспекте обозначения ляпис-лазури в ближневосточном локусе явно заслуживают внимания. «Существует общее древнее левантийское название ляпис-лазури, которое в аккадском языке обозначается как *uqnū*, а в угаритском — как *ʾiqnʾu*. Даже финикийский язык имел форму этого слова в *ʿqnʿ*, которая обозначала ‘окрашенную в синий цвет (образно, ‘цвета ляпис-лазури’) шерсть’» (Ayil 2024: 73–74); если это источник, надо предполагать метатезу³. В свою очередь, *uqnū* соответствует шумерскому *zagin* (обычно *za-gin₃* или *na₄za-gin₃*).

¹ Bennett 1955: 187 (рукописная копия Та 714), 186 (рукописная копия Та 642); Palaima 2023: 225 (фотография Та 714).

² Kazanskene, Kazansky 1986: 66, 113, 138; Tsagrakis 2012: 323, 325; Ayil 2024: 74.

³ Chadwick, Baumbach 1973: 559 (1955). Разрозненные и отчасти гадательные параллели из хеттского и лувийского, а также хурритского, обобщены в Halleux 1969: 62–65: формы типа *kuwanna* со значением ‘медь’. «Несомненным является заимствование из хеттского...» (Ivanov 1977: 26, со ссылкой на Halleu 1969: 26–29).

Во-вторых, это может быть «египетский синий», искусственный продукт, предназначенный для имитации лазурита, по некоторым предположениям — первый синтетический материал в истории человечества, двойной силикат кальция и меди, $\text{CaCuSi}_4\text{O}_{10}$, изготавливавшийся из известняка, обычного кварцевого песка и какого-либо источника меди. О нем тоже пишет Теофраст: «есть самородный азурит, а есть и приготовленный, как делают его в Египте. Есть три вида азурита: египетский, скифский и кипрский...» — Theophr. *De lap.*, 8: 55 (пер. А. А. Россиуса).

В-третьих, это может быть синее стекло либо стеклянная паста⁴ (*Pâte de Verre*), возможно — открытое первоначально как шлак, побочный продукт металлургического производства⁵.

Еще одна версия, различающаяся с предыдущими больше, чем все они между собой, состоит в том, что уже в микенский период под *κύανος* понимается чернь⁶, *niello*, либо вороненая сталь⁷ (одно или другое Н. И. Гнедич в своем переводе передавал как «воронь»⁸).

⁴ Chadwick, Baumbach 1973: 214 («material used for inlay on furniture [...] 'blue glass paste, cyanus'»);

⁵ Trowbridge 1930: 11–20: «...стекло в виде пасты или эмали было известно и обозначалось термином *kyanos* (11), «*kyanos* во дворцах у Гомера был сделан из синей стеклянной пасты, эта точка зрения была подтверждена открытием именно такого фриза в Тиринфе» (14). — В главе «The Kyanos Freeze» (Schliemann 1885: 284–292). Г. Шлиман, опираясь на только что вышедшее (1884) издание «Гомеровского эпоса» Хельбига, обосновывает понимание *κύανος* в духе Лепсиуса-Хельбига и подтверждает его данными последних археологических открытий в Тиринфе: «...фриз... украшен инкрустацией из синей стеклянной пасты» (284).

⁶ В Halleux 1969 предполагается следующее развитие значений: 'медь' → 'медная руда, азурит' → 'цветовой аналог лазурита, синее стекло' → 'чернь как цветовой аналог эмали из синего стекла' (65). Значение 'медь', сохранившееся в анатолийских, было утрачено греческим. Значение искусственный лазурит (не стекло) не известно ранее Теофраста.

⁷ К этой версии возвращается Дж. Эванс, отец великого археолога: ранним значением могло быть 'сталь', цвет вороненой стали согласуется с последующими цветовыми значениями, процедура закалки топора описана у Гомера (Evans J. 1876: 14).

⁸ Ventrìs, Chadwick: 239, со ссылкой на описание доспехов Агамемнона в Илиаде (см. ниже): «*κύανος* представляет собой чернь, синечерную металлическую амальгаму, декоративное использование которой представлено в чаше из Энкоми, той же эпохи», при этом на

Существительное *κύανος* и прилагательное *κυάνεος* принадлежат к устойчивым элементам гомеровского словаря. Они могут называть фрагменты инкрустаций на доспехах либо деталь интерьера (значение, по-видимому, связывающее гомеровское словоупотребление с микенскими текстами): τοῦ δ' ἦτοι δέκα οἴμοι ἔσαν μέλανος κύανοιο⁹, *Il.* 11: 24; κυάνεοι δὲ δράκοντες, *Il.* 11: 26 (о змеях), ср. *Il.* 11: 39; ἀμφὶ δὲ κυανέην κάπετον, *Il.* 18: 564; θριγκὸς κύανοιο, *Od.* 7: 87; темный, иссиня-черный цвет облака (или тучи), реального или метафорического: νεφέλῃ δέ μιν ἀμφιβέβηκε κυανέη, *Od.* 12: 74–75; κυανέῃ νεφέλῃ, *Il.* 5: 345; νεφέλῃ δέ μιν ἀμφεκάλυψε κυανέη, *Il.* 20: 417–418 (черная мгла покрывает взор Полидора); κυάνεον Τρώων νέφος, *Il.* 16: 66; то же о массе воинов без сравнения с облаком: φάλαγγες κυάνεαι, *Il.* 4: 481–482; песок обнажившегося морского

микенские века переносится предположительное гомеровское значение. При этом замечается, что в классическую эпоху «...*κύανος* применяется как к лазуриту, так и к его синтетической имитации; и такое синее стекло известно как по египетской мебели того же периода, так и по фризу Большого Мегарона в Тиринфе». — Стоит заметить, что ставшее классическим понимание раннего *κύανος* рождалось в пересмотре именно «металлической» версии, основанной на гомеровских контекстах (см. ниже) при понятном незнании с еще не открытыми микенскими памятниками. В 1872 году выдающийся египтолог К. Р. Лепсиус опубликовал свое исследование об упоминании металлов в древнеегипетских надписях; один из разделов работы посвящен египетскому *xesbet* (= *khesbed*, *hsbd* / *hsbd*), для которого Лепсиус, после обстоятельного разбора памятников и археологического материала, протицировал и подробно прокомментировал свидетельства Плиния о *κύανος* (Lepsius 1872: 55–79), принимает три значения: 1) естественный лазурит или ляпис-лазурь, 2) искусственный аналог, имитация ляпис-лазури, 3) синее стекло, вероятно, окрашенное соединениями кобальта, или стеклянная паста, причем все эти вещества могут использоваться и как синие красители, пигменты (Lepsius 1872: 77–79). Выводы Лепсиуса признает («значение слова *κύανος* уже было правильно объяснено Лепсиусом») и пересказывает применительно к гомеровскому контексту В. Хельбиг: вопреки новым возражениям Эванса, за словом нужно принять три значения: лазурит, ультрамариновый краситель на основе лазурита, имитация лазурита (Helbig 1887: 101).

⁹ Эти доспехи подарил Агамемнону Кинар, царь города Пафоса на Кипре, где был один из центров производства искусственного лазурита (Helbig 1887: 383).

дна: ψάμψο κυανέη, *Od.* 12: 243; черный цвет кудрей, бровей, бороды: χαῖται κυάνεαι πίτναντο, *Il.* 22: 401–402; κυανέησιν ἐπ’ ὀφρύσι νεῦσε Κρονίων, *Il.* 1: 528; κυάνεαι δ’ ἐγένοντο γενειάδες, *Od.* 16: 176¹⁰; траурный цвет одежд (Фетиды, *Il.* 24: 93–94). Примеры есть также у Гесиода и древнейших лириков. Называемые предметы в основном темные, черные, блестящие черные¹¹, но, с другой стороны, предположение о семантической траектории от синего к черному и снова к синему в более позднюю эпоху выглядит не слишком убедительно¹².

В латинских текстах рассматриваемый корень впервые мотивирует личное имя, поначалу — мифоним. *Циана/Киана* — сицилийская нимфа, свидетельница похищения Прозерпины Аидом, обращенная в реку и упоминаемая, в числе прочего, в «Метаморфозах» Овидия, V: 409–412, 425–427, немного короче у Клавдиана, с характерной подробностью — венком, *corona*, на голове Кианы, *De raptu Proserpinae* III: 247 (и дважды, еще

¹⁰ Нельзя ли предположить здесь у Гомера отдаленного переживания ближневосточных представлений? Одиссей молодеет, обретает темный цвет бороды и БОльшую ухоженность. Прежде чем прийти к своему выводу о символическом понимании лазурита в некоторых контекстах (Winter 1999: 49), И. Винтер со ссылками на предшественников приводит примеры «лазуритовой бороды» в месопотамских текстах (шумер. *su₆-za-gin₃* и др.). Впрочем, со ссылкой на Марка Козна, она предполагает, что в таких упоминаниях может иметься в виду не синий, а «сияющий» или «темный блестящий» цвет, так что сходство может иметь типологический характер. — Ср. также סָפִיר גָּרָר в Плаче Иеремии, 4:7. «Бороды подрезают и придают им форму, так же как и лазурит. Символика лазуритовой бороды берет свое начало в Месопотамии...» (Ayil 2024: 75); в христианских переводах значение ‘борода’ для *gizrā* ‘резание, полировка, отделение’ обычно не передается, а название сапфира вместо ляпис-лазури автор специально объясняет утратой в еврейском того общего семитского термина, который сохранился в аккадском и угаритском.

¹¹ Существует по крайней мере один случай, где значения ‘синий’ и ‘черный’ должны давать не нейтрализацию, а четкое противопоставление: это *κυανώπες*, ‘с глазами цвета κύανος’: κυανώπιδος Ἀμφιτρίτης, *Od.* 12: 60; Θειστονόην κυανώπιν Hes. Sc. 356.

¹² Украшение доспехов «Илиаде» (XI, 25, 34) — особый случай, ср. Halleux 1969: 53–55; «...le sens de “nielle” ne doit pas être exclu» (62). О развитии цветового значения в более поздний период подробно писали в своих диссертациях Н. К. Малинауспене (Садыкова) и Е. А. Дружинина.

менее подробно, ранее; Р. Л. Шмараков отмечает в этом месте у Клавдиана овидиевский подтекст (Клавдиан 2008: 356); ср. беглое упоминание у Элиана и другой рассказ с участием персонажа по имени *Киана* у Псевдо-Плутарха).

Элементом художественного фикционального ономастикона Циана (*Suane*), по-видимому, становится у драматургов французского классицизма. В трагедии «Орест и Пилад» Ф. Ж. де Лагранжа-Шанслея (1697) Циана — жрица Дианы, наперсница Ифигении. Появляется и ожидаемая рифма *Suane* — *Diane*. В 1702 трагедия была издана в Амстердаме в голландском переводе М. Боде, рифма утрачена (поскольку богиня именуется *Diana*, а героиня, как и в оригинале, *Suane*). «Расиновская четверка» представлена в трагедии в виде *Thomiris*, скифская царица → *Thoas* → *Iphiginie* → *Pilade*. Мотив любви Тоаса к Ифигении, возможно, взят из «Цирцеи» Чарльза Давенанта (1677), в которой, однако, Тоас женат на Цирцее, «скифской царице»; Цианы там нет. Возможно, в этот период Циана начинает восприниматься как один из (псевдо-)античных партенонимов, круг которых набирается в основном из имен нимф и поэтических возлюбленных.

В комической опере Ш.-С. Фавара «Нимфы Дианы» (1747) Циана — наперсница Северины, верховной жрицы Дианы. Кажется, ничто не выдает в обеих этих Цианах-наперсницах ни наследниц античной образности, ни предшественниц героинь следующей литературной эпохи. Но передача имени состоялась.

Примечательная Циана появляется в «Агатоне» К. М. Виланда (1766): это сущее воплощение соблазна, с помощью которого Гиппий испытывает крепость Агатона в добродетели. На протяжении двух-трех страниц рассказчик описывает и анализирует сцену соблазнения; «правду сказать, розовая одежда, струившаяся вокруг нее, была больше похожа на то, что Петроний называет сотканным ветром или льняным туманом, чем на ткань, призванную скрывать что-либо от глаз»; *Was Petron einen gewebten Wind oder einen leinenen Nebel nennt* — это, конечно, из (псевдо-)Публ(ил)ия, декламируемого Тримальхионом: *aequum est induere nuptam ventum textilem, / palam prostare nudam in nebula linea* (*Sat.* 55: 6).

Следующий этап — идиллия Фредерики Брун *Suane und Amandor. Eine Schweizergeschichte* («Циана и Амандор. Швей-

царская история», 1795). Циана, ее героиня, чиста, целомудренна и героически самоотверженна в своей девической любви; она спасает находящегося на самом краю гибели возлюбленного и при этом чудом выживает сама.

Еще один пример обращения к имени *Циана* — небольшой «греческий роман» Л. Б. Ф. фон Бильдербека *Cyane ou les jeux de destin* («Циана, или Игра судьбы»), изданный в 1790 по-французски, а в 1792 в немецком и английском переводах; героиню его ждут не столько приключения, сколько перипетии любви, случая и судьбы. Второе название в немецкой версии — *Cyane, oder: Das Spiel des Schicksals* («Циана, или Игра случая») — может отсылать к незадолго до того опубликованной (1789, анонимно) новелле Шиллера *Spiel des Schicksals*.

В самом конце жизни Новалис работал над романом «Гейнрих фон Офтердинген», одну из героинь которого зовут *Cyane*. Роман, как известно, остался незаконченным; Циана участвует фактически только в одной сцене, произнося несколько значительных и загадочных мистических реплик. Излагающий предполагаемые перипетии незаконченного романа Новалис Л. Тик говорит о тождестве нескольких героинь, в то же время называя одну из них то *Циана*, то *Голубой цветок* (Novalis 1805: 338). Отождествление Цианы с Голубым цветком, в частности, через название василька — общее место в трактовке романа.

Линнеевское обозначение василька *Centaurea cyanus* отсылает еще к античному обозначению (Plin. Nat. 21.24). В *Элевсинском празднике* (1798) Шиллера есть редкий поэтический случай употребления: *Windet zum Kranze die goldenen Ähren, / Flechtet auch blaue Cyanen hinein!* — где *Cyane*, теперь обычно орфографическая *Zyane*, она же *Kornblume* (ср. англ. *cornflower*) ‘василек’. Жуковский переводит (1833): *Свивайте венцы из колосьевъ златыхъ; / Цианы лазурныя въ нихъ заплетайте...*

Помимо прочего, обращает на себя внимание очевидный в старой орфографии женский род множественного числа, как и в строках Щербины: *...клонились ціаны, / Будто смятыя ножкой Діаны...* (ради уже упомянутой рифмы *Диана* — *Циана*, на этот раз в русском контексте, эллинофил Щербина даже называет Артемиду именем латинской богини). Форма род. п. мн. ч. указывает на женский род *циан* и в гораздо более позднем сонете Вяч. Иванова: *Въ вѣнкѣ ціанѣ, припала ты на грудь.*

Таким образом, русское *циана* попадает в группу отнюдь не редких случаев предметной синонимии, в области названия растений, животных, веществ, природных объектов¹³.

В начале XIX века описываемый корень обретает новую жизнь в естественнонаучной терминологии. Новая область значений, к которой он применяется, не имеет отношения ни к лазури, ни к меди вообще, ни к окрашенному кобальтом синему стеклу, ни к стали, но ее нельзя назвать полностью омонимичной классическим значениям, потому что удерживается «синий этимон». Исследуя популярный синий краситель, т. н. берлинскую лазурь (она же прусская, либо парижская)¹⁴, предыдущие работы с которой позволили выделить особое вещество, названное синильной кислотой (нем. Blausäure), Ж. Л. Гей-Люссак в

¹³ Вот ряд примеров, в котором из каждого синонимического ряда для краткости называется только одно слово: *месяц, маслина, чинара, тут, чабрец, бегемот, спрут, смирна; циана, далия, крин, синель, урюк* (дерево), *бабр, скимен, меск, ишак, камелопард, векиша, еродий, филомела, гальциона, желвь, мокой, мезгирь, смарагд, лал, диамант, маргарит, киннамон, ливан*. К синонимии примыкает варьирование плана выражения: ударения в *маслина*, рода и фонемного состава в *алой-алоз, георгин-георгина, чинар-чинара, жираф-жирафа*, рода и написания в *сико(а)мор-сико(а)мора*. Наряду с синонимией встречаются полисемия и даже омонимия: *явор, сико(а)мор(а), медуница, аспид, порфирный, денница*. Возможны и паронимические путаницы, в том числе устойчивые: в перечислении пахучих трав вместо ожидаемого *тимьяна* появляется *тмин*.

¹⁴ Кроме берлинской лазури, которую можно было получить в популярном опыте взаимодействия т. н. желтой кровяной соли с соединениями двухвалентного железа, регулярно упоминалась и «турнбулва синь», получаемая при похожем взаимодействии красной кровяной соли с соединениями трехвалентного железа. На протяжении XX века о соотношении берлинской лазури (нерастворимой) и турнбулевой сини писали как-то невнятно, и по мере появления специальных работ нарастало понимание того, что они идентичны. Ключевая роль в их окончательной химической идентификации, по-видимому, принадлежит работе: Wilde, Ghosh, Marshall 1970. Таким образом, «берлинская лазурь» и «турнбулева синь» с логической и семиотической точки зрения — еще один пример типа Morgenstern и Abendstern (Φωσφόρος, / Νῶσφόρος и Ἑσπερος, Lucifer и Vesper), о которых писал Г. Фреге, исторически сложившегося различия Sinn при совпадении Bedeutung, или, в другой концептуальной системе, различия интенционалов при совпадении экстенционала.

1815 получил и назвал *цианоген* (Gay-Lussac 1815: 163). С 1830-х в русской печати появляются обозначения *цианъ*, *кианъ*, *синеродъ*, *синетворъ* и соответствующие прилагательные. На становление русской терминологии скорее всего повлияли немецкие образцы: *Blaustoff* ‘циан’, *Blausäure* ‘синильная кислота’ и др., ср. излюбленное у Андрея Белого *синерод* в значении ‘[порождающая] синева; стихия, субстанция синего цвета; небесная синь или синий воздух’.

В первой половине XIX века терминология, производная от *κύαν-/суан-*корня, пережила еще один взлет, впрочем, недолгий и сейчас в значительной степени забытый. Великий ботаник О. П. де Кандоль (Декандоль), выявив у цветущих растений два типа окраски цветков — наиболее характерные цвета желтый и синий — назвал эти типы (серии) прилагательными греческого происхождения *xantique* и *cyanique*. Ксантические цвета — от бледно-желтого к оранжевому красному, цианические — от голубоватого к фиолетовому; в зеленом они смешиваются, но это цвет листьев, а не цветков, красный — пограничная полоса, но сам красный может быть ксантического или цианического оттенка. Каждому виду растений не выйти за пределы своей серии (это по большому счету не подтвердилось). В качестве примеров де Кандоль (de Candolle 1832: 908; ср. de Candolle 1805: 198; de Candolle 1819: 174ff) приводит, в числе прочих растений, лютик азиатский (ксантическая серия) или эгонихон (воробейник) пурпурно-голубой (цианическая серия).

Первое, беглое, изложение системы де Кандоля вышло в свет за пять лет до появления *Zur Farbenlehre* Гете. Их подходы объединяет одно, чрезвычайно важное и показательное, сходство. Гете также считает зеленый смешением, красный пределом стремления одновременно желтого и синего, а эти два последних, желтый и синий, двумя полярными и противостоящими друг другу цветами. К красному желтый (через оранжевый) и синий (через фиолетовый) приближаются, так сказать, с двух сторон, по мере их *Steigerung* — повышения, увеличения, роста. Сходным образом де Кандоль толкует шкалы оттенков, которые потом получают у него названия ксантических и цианических.

Новое цветовое значение прилагательного *суан*, поначалу в английском языке, связано с исследованиями и публичными выступлениями Огдена Руда, теоретика цвета, любителя-

акварелиста, корреспондента Писсарро и Сёра. Обозначение *суап-blue* начинает появляться в текстах Руда, начиная по крайней мере с 1876 года; в своем учебнике (Rood 1881: 24 и мн. др.), как и в предыдущих публикациях, Руд толкует *суап-blue* как стоящий между *green-blue* и *blue*; впоследствии, как известно, *суап* стал обозначать довольно светлый оттенок цвета, находящегося на равном расстоянии от синего (голубого) и зеленого (а не ближе к синему, примерно на три четверти, как было у Руда). Таким образом, производные корня *суап* совершили третий референциальный переход: не только от сицилийской нимфы к героине просветительской и романтической прозы и от лазурита и синего стекла к нитриду углерода и его соединениям, но и от темно-синего, близкого обобщенно-темному и даже черному, к светлому голубо-зеленому.

Какие-то из рассмотренных значений и контекстов могли или даже должны были быть известны А. К. Толстому (василек, немецкие героини и даже синильная кислота), других он не мог знать. В целом рассматриваемый казус представляет классическую проблематику школы *Wörter und Sachen* и ее последователей. Пожалуй, стоит подчеркнуть, что речь должна идти не только о «словах» как таковых, но и о «текстах», так что этимолого-лексикологический анализ должен быть дополнен различными видами филологического анализа в области источниковедения и поэтики. В любом случае, взаимосвязанное изучение вещей, слов и текстов — направление, отнюдь не исчерпанное.

Литература

- Ayil E. S. 2024: *Identifying the Stones of Classical Hebrew. A Modern Philological Approach*. Leiden, 2024.
- Beekes R. 2010: *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden; Boston, 2010.
- Bennett E. L. 1955: *The Pylos Tablets: Texts of the Inscriptions Found, 1939–54*. Princeton, 1955.
- Chadwick J., Baumbach L. 1973: *The Mycenaean Greek Vocabulary. Glotta*. Bd. 41. H 3/4. 1963. P. 157–271.
- de Candolle A. P. 1805: *Flore française, ou, Descriptions succinctes de toutes les plantes qui croissent naturellement en France : disposées selon une nouvelle méthode d'analyse, et précédées par un exposé des principes élémentaires de la botanique*. Vol. 5. P., 1805.
- de Candolle A. P. 1819: *Théorie élémentaire de la botanique : ou, Exposition des principes de la classification naturelle et de l'art de décrire et d'étudier les végétaux*. P., 1819.
- de Candolle A. P. 1832: *Physiologie végétale, ou, Exposition des forces et des fonctions vitales des végétaux*. P., 1832.

- Evans J. 1876: *Petit album de l'âge du bronze de la Grande Bretagne*. L.
- Gay-Lussac J. L. 1815: *Recherches sur l'acide prussique*. In: *Annales de Chimie*. 95 (1815). P. 136–231.
- Halleux R. 1969: *Lapis-Lazuli, Azurite ou Pâte de Verre ? A propos de kuwano et kuwanowoko dans les Tablettes Mycéniennes*. *Studi micenei ed egeo-anatolici*. 9. P. 7–66.
- Helbig W. 1887: *Das homerische Epos aus den Denkmälern erläutert: archäologische Untersuchungen; mit zwei Tafeln und 120 in den Text gedruckten Abbildungen*. Aus. 2. Leipzig, 1887.
- Ivanov V. V. 1977: [Ancient cultural and linguistic connections of the South Balkan, Aegean and Asia Minor (Anatolian) areas. In: *Balkan linguistic collection*]. Moscow, 1977. P. 3–39.
- Иванов Вяч. Вс. 1977: Древние культурные и языковые связи южнобалканского, эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов. В сб.: *Балканский лингвистический сборник*. М., 3–39.
- Kazanskene V. P., Kazansky N. N. 1986: [Dictionary of objects and notions of Ancient Greek. Creto-Mycenaean period]. Leningrad.
- Казанскене В. П., Казанский Н. Н. 1986: *Предметно-понятийный словарь греческого языка (крито-микенский период)*. Л.
- Kozhevnikova N. A. 1992: [The Language of Andrei Bely]. Moscow.
- Кожевникова Н. А. 1992: *Язык Андрея Белого*. М.
- Palaima T. 2023: The Pylos Ta series and the Process of Inventorying Ritual Objects for a Funerary Banquet. In: *Processions: Bronze Age Ceremonial Studies Presented to Robert B. Koehl*. Oxford, 2023. P. 222–233.
- Rood O. 1881: *Students' text-book of color, or, Modern chromatics*. New York, 1881.
- Schliemann H. 1885: *Tiryns: The Prehistoric Palace of the Kings of Tiryns, the Results of the Latest Excavations*. New York, 1885.
- Trowbridge M. L. 1930: *Philological Studies in Ancient Glass*. Urbana-Champaign, 1930.
- Tsagrakis A. 2012: *Furniture, precious items and materials recorded in the Linear B archives*. *Studi Micenei ed Egeoanatolici*. 54. 2012, 323–341.
- Ventris M., Chadwick J. 1973: *Documents in Mycenaean Greek*. 2nd edn. by J. Chadwick. Cambridge.
- Lepsius C. R. 1872: *Die Metalle in den ägyptischen Inschriften*. Leipzig.
- Wilde R. E.; Ghosh S. N.; Marshall B. J. 1970: *The Prussian Blues*. *Inorganic Chemistry*. 9, 2512–2516.
- Winter I. J. 1999: The Aesthetic Value of Lapis Lazuli in Mesopotamia. In: *Cornaline et pierres précieuses: La Méditerranée de l'Antiquité à l'Islam*. P., 43–58.

Е. А. Десницкая
Институт восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия.
khecari@yandex.ru

«ДВА ОБЛИКА» БРАХМАНА В «БРИХАДАРАНЬЯКА-УПАНИШАДЕ» 2.3

В статье представлен анализ раздела из «Брихадараньяка-упанишады» (БАУ 2.3). Брахман в ранних прозаических Упанишадах обыкновенно понимается в монистическом духе: как универсальное основание всех феноменов. Однако в БАУ 2.3 излагается учение о двух обликах Брахмана: проявленном и непроявленном. Проявленный Брахман связан с миром материальных объектов и человеческой психики, а непроявленный пребывает вне их пределов. Сходные представления обнаруживаются и в некоторых других произведениях поздневедийской литературы. Постулирование проявленного Брахмана как «промежуточной» формы позволяет выстроить градиацию нисхождения от запредельного Абсолюта в мир феноменов.

Ключевые слова: Упанишады, Брихадараньяка, Брахман, Атман, индийская философия, индрагопа.

Е. А. Desnitskaya
Institute of Oriental Manuscripts, RAS. St. Petersburg, Russia.
khecari@yandex.ru

“The two forms” of Brahman in the *Bṛhadāraṇyaka-upaniṣad* 2.3

The article presents an analysis of the teaching of the two Brahman in the *Bṛhadāraṇyaka Upaniṣad* (BAU) 2.3. The early Upaniṣads typically conceive of Brahman in a monistic manner — as the universal basis of all phenomena. However, BAU 2.3 describes Brahman as having two forms: the manifested (*mūrta*) and the non-manifested (*amūrta*). The manifested Brahman, being mortal and immovable, is immanent in the phenomenal world and the mind, while the non-manifested Brahman transcends them. On the macrocosmic level, the non-manifested Brahman is identified with space and wind, and on the microcosmic level, it is associated with the inner space and *prāṇa*.

The non-manifested Brahman is metaphorically described as a subtle light or color that is perceivable, yet it cannot be reduced to its material substrate. Of particular interest is the comparison with *indragopa*. It is argued that this creature should be identified as red millipedes (*Julida*), which creep out from the earth, forming large flecks visible from afar.

The identification of two modes of the Absolute was not unique to BAU 2.3. Similar ideas can be found in other works, particularly in the

Maitrāyaṇīya Upaniṣad. Introducing the manifested Brahman as an intermediate form of the Absolute helps establish a gradation from the transcendent Absolute to the phenomenal world. From an anthropological perspective, this can be described as an ascent from mundane experience to the transcendent. In the later history of Indian philosophy, the teaching of the two Brahmanas can be compared with the views of the dualistic schools of Vedānta.

Since the school of Advaita Vedānta became mainstream in the later history of Indian philosophy, the Upaniṣads are often interpreted from an Advaitic perspective. In this context, the doctrine of the two Brahmanas may appear marginal. However, marginal doctrines are of particular interest because they help trace some less obvious philosophical trends that, once popular, were eventually forgotten over time.

Keywords: Upaniṣads, Bṛhadāraṇyaka, Brahman, Ātman, Indian philosophy, indragopa.

«Брихадараньяка-упанишада» (БАУ), букв. «Великая лесная упанишада» — древнейшая прозаическая Упанишада¹, сложившаяся в традиции «Яджурведы». БАУ также считается завершающей частью обширной «Шатапатха-брахманы», и в плане содержания и жанровых характеристик ее можно считать переходным произведением между ритуалистическими Брахманами и Упанишадами как произведениями «предфилософского» характера.

Одной из ключевых тем в ранних Упанишадах был поиск всеобщей первоосновы — неизменной природы различных сущностей и явлений. Эта задача естественно проистекает из характерной для брахманистского дискурса практики выстраивания цепочек эквивалентов или отождествлений, в ходе которой одни понятия или явления сводятся к другим и далее к некоторому единому основанию. В прозаических Упанишадах эта практика представлена предельно широко: само ведийское слово *upaniṣad* в ранних контекстах означало '[семантическую] подчиненность', 'эквивалентность'². В качестве такого абсолютного основания, к которому могут быть сведены различные

¹ Наряду с «Чхандогья-упанишадой» (ЧУ). БАУ принято датировать VI в. до н. э., однако есть основания полагать, что по крайней мере раздел Яджнявалкьи был составлен несколько позже.

² Подробнее см. (Falk 1986: 83; Olivelle 1998: 24). Расхожая трактовка слова *upaniṣad* как 'сидение у [ног учителя]' является вторичным ad hoc объяснением, не находящим контекстуальных подтверждений.

феномены, в различных контекстах в БАУ фигурируют такие понятия как Пуруша, Брахман, Атман, мёд (*madhu*).

Пуруша (*puruṣa*) — это Дух или духовное основание человеческого существа. Этот термин с неизбежностью напоминает о философии санкхьи, зарождение которой хронологически можно отнести к поздневедийскому периоду. В дуалистической санкхье Пуруша понимался как духовное первоначало, противопоставленное первичной материи (*prakṛti*). В БАУ дихотомия Духа и материи отчетливо не формулируется, Пуруша в ряде случаев фигурирует во множественном числе, что позволяет интерпретировать это понятие скорее как дух или душу. Использование термина *madhu* (мёд) для обозначения Абсолюта менее очевидно и не получило распространения в пост-ведийский период. Однако, в БАУ учению о мёде посвящен целый раздел (*Madhu-kāṇḍa*) (БАУ 1–2), и утверждается, что это учение мудрец Дадхьянч Атхарвана (*Dadhyañc Ātharvaṇa*) преподавал Ашвинам³.

Атман (*Ātman*) и Брахман (*Brahman*) — ключевые понятия в философской системе веданты, которая декларировала свою преемственность по отношению к Упанишадам. Средневековые авторы, принадлежавшие к различным школам веданты, составляли комментарии к Упанишадам. Сквозь призму этих заведомо поздних трактовок учения Упанишад далее рассматривались в брахманистском традиционном дискурсе. Схожего подхода придерживаются и многие современные исследователи и переводчики Упанишад, некритически полагающиеся, например, на комментарии Шанкары⁴ или иные концепции поздней веданты⁵. И только изучение ранних Упанишад в синхроническом контексте позволяет заметить, что значения терминов *Ātman* и *Brahman* в этих произведениях существенно отличаются от принятых в классической веданте.

Так, Атман (первоначально — рефлексивное местоимение со значением ‘сам’) в ранних Упанишадах в равной мере

³ См. (Macdonell 1897: 141). О связи учения о мёде с ритуалом *pravargya* см. (Houben 2000: 528). Сравнение солнца с ульем, полным мёда, представлено также в ЧУ 3.1–11.

⁴ В частности, это характерно для русского перевода Упанишад, выполненного А. Я. Сыркиным в середине XX в. (Syarkin 2000).

⁵ О расхождениях в прочтении БАУ 4.5.13 см. (Desnitskaya 2024a: 57).

использовался для обозначения физического тела и духовного основания человеческого существа (Olivelle 1998: 22). В некоторых контекстах Атман также понимался в значении субстанции, составляющей природу всего сущего (Desnitskaya 2021: 297). В «Шатапатха-брахмане», завершающей частью которой является БАУ, Атман понимался как особое тело для посмертного существования, обретаемое заказчиком жертвоприношения в ходе ритуала *агничаяна* (Reinvang 2000: 150).

Слово *bráhman* в Ведах первоначально употреблялось в значении ‘священное слово’, ‘ведийский гимн’, ‘заклинание’, но в поздневедийской литературе оно постепенно стало использоваться для обозначения абсолютного начала⁶. Понимание Брахмана в значении Абсолюта закрепилось, начиная с ранних Упанишад, и стало общепринятым. Но и в этом случае непосредственный контекст не позволяет однозначно отождествить Брахман в Упанишадах с Брахманом позднейших школ веданты, в частности с недвойственным Абсолютом Шанкаровой адвайты⁷. Об этом, в частности, свидетельствует раздел БАУ 2.3, анализ которого представлен в настоящей статье.

Брахман как абсолютное первоначало априорно мыслится единым. Однако БАУ 2.3. начинается с констатации наличия у Брахмана двух обликов:

2.3.1. *Поистине у Брахмана есть два облика: проявленный (mūrta) и непроявленный (amūrta). Смертный и бессмертный. Неподвижный и движущийся. [Зовущийся] сущим/ подлинным (sat) и [зовущийся] ‘тем’ tyad*⁸.

Облик или форму (*rūpa*), вероятно, можно считать модусом репрезентации, поэтому сам Брахман мыслится единым (и выражается в единственном числе)⁹. Проявленный и непроявленный облики Брахмана обозначаются как ‘сущий’ (*sat*) и ‘тот’ (*tyad*), что в совокупности образует слово *satya* ‘подлинное’, ‘истинное’. Подобные процедуры семантического анализа (*нир-*

⁶ Обзор актуальных исследований о семантической истории слова *bráhman* см. (Desnitskaya 2023: 67–70).

⁷ Стоит отметить ошибочность расхожего представления об адвайта-веданте как философском учении веданты *par excellence*.

⁸ Все приводимые переводы с санскрита выполнены автором.

⁹ В отличие от эксплицитного постулирования двух Брахманов в «Майтраяния-упанишаде» (см. далее).

вачана) разрабатывались в особой поздневедийской дисциплине, нирукте¹⁰.

Далее в тексте БАУ 2.3 приводятся характеристики двух обликов Брахмана:

2.3.2. *Проявленное — это то, что отличается от ветра и пространства. Оно смертно. Оно неподвижно. Оно [зывается] подлинным (sat). Суть (rasa) этого проявленного, этого смертного, этого неподвижного, этого подлинного — то, что дает жар [солнце]. Именно оно — суть подлинного.*

2.3.3. *Непроявленное же — это ветер и пространство. Оно бессмертно. Оно движется. Оно [зывается] 'тем' (tya). Суть этого непроявленного, этого бессмертного, этого движущегося, [зовущегося] 'тем' — Пуруша в [солнечном] диске. Именно он — суть [зовущегося] 'тем'. Так сказано относительно божественного.*

Брахман в своем проявленном облике, вероятно, связан с миром материальных объектов, воспринимаемых органами чувств. Его отличие от «ветра (*vāyu*) и пространства (*antarikṣa*)» означает, что он пребывает в «ветре и пространстве» как в универсальном локусе. Примечательно, что проявленный облик не только смертен, но и неподвижен. Он связан с «тем, что дает жар» — по контексту можно заключить, что речь идет о солнце как небесном огне/ светиле. Именно солнце и есть «суть подлинного» (*sato rasa*), т. е. квинтэссенция проявленного Брахмана.

Непроявленный же Брахман отождествляется с ветром и пространством — универсальным локусом, в котором пребывают все чувственно познаваемые объекты. Это «мета-пространство» характеризуется как бессмертное и связанное с движением — движением энергии, динамизмом творения(?). Пуруша «в [солнечном] диске», очевидно, противопоставляется солнцу как материальному объекту-источнику жара. Дух-Пуруша неоднократно фигурирует в БАУ, где понимается как глубинная

¹⁰ Процедура *нирвачаны* проясняла скрытые аспекты некоторого понятия при помощи «деконструкции» обозначающего это понятие слова. Предлагаемый в рамках *нирвачаны* «анализ» слова мог противоречить и грамматическим нормам, и естественному языковому чутью, поэтому характеристика нирукты как «этимологии» ошибочна. Подробнее о методе *нирвачаны* см. (Kahrs 1998). Об анализе слова *satya* см. также (Olivelle 1998: 501). Другая версия анализа *satyam* как состоящего из слогов *sa*, *tī* и *yat* приводится в БАУ 5.5.1

сущность того или иного явления. Пуруша (*puruṣa*) также является ключевым понятием в дуалистической философии санкхьи, где он противопоставлен материи-Пракрити. Переключку с этой оппозицией можно усмотреть в противопоставлении солнца как материального объекта, «дающего жар», и Пуруши «в [солнечном] диске» в БАУ 2.3.2–3.

Завершающая ремарка БАУ 2.3.3 («так сказано относительно божественного») отсылает к поздневедийскому представлению о существовании нескольких равноположенных модусов описания. Одно и то же явление может быть описано в «относительно божественного» (*adhidaivatam*) — т. е. в терминах мифологии или космологии, или иначе говоря, на уровне «макрокосма». Также его можно описать «относительно Атмана» (*adhyātmam*) — т. е. в антропологических терминах, связанных с душой или телом, или на уровне «микрокосма»¹¹.

Этот способ описания двух обликов Брахмана представлен в следующем разделе:

2.3.4. *Теперь относительно Атмана. Проявленное отлично от дыхания и от пространства внутри тела*¹². Оно смертно. Оно неподвижно. Оно [зовется] подлинным (*sat*). Суть этого проявленного, этого смертного, этого неподвижного и этого подлинного — глаз. Ведь такова суть подлинного.

2.3.5. *Непроявленное же — это и дыхание, и пространство внутри тела. Оно бессмертно. Оно подвижно. Оно [зовется] 'тем' (ya)*. Суть этого непроявленного, этого бессмертного, этого подвижного, этого Того — это Пуруша в правом глазу. Ведь такова суть Того.

¹¹ Помимо этого, возможно обсуждение тех же явлений в контексте ритуала (*adhiyajñam*) (Witzel 1979), однако в БАУ 2.3 этот уровень описания не представлен.

¹² Буквально: «Проявленное отлично от дыхания, и это пространство внутри тела» (*idaṁ eva mūrtam yad anyat prāṇāś ca yāś cāyam antar ātmann ākāśaḥ*). Однако такой перевод выглядит не слишком осмысленным, т. к. далее в БАУ 2.3.5 с дыханием и пространством отождествляется непроявленный Брахман. И таким же образом в БАУ 2.3.2–3 проявленный Брахман эксплицитно назван отличным от ветра и пространства, а непроявленный с ними отождествляется. Шанкара и авторы доступных переводов (Hume 1921: 97; Syrkin 2000: 90; Olivelle 1998: 67) переводят как «отличный от тела», никак специально это не оговаривая.

В антропологической перспективе (Атман в широком смысле) проявленный облик Брахмана описывается как отличный от пространства внутри тела (локус психической деятельности?) и от дыхания (*prāṇa*). Дыхание понималось в качестве квинтэссенции жизненной силы и, вероятно, мыслилось в качестве антропологического коррелята для ветра в БАУ 2.3.2. Далее проявленный облик Брахмана описывается теми же характеристиками, что и в БАУ 2.3.2 (смертный, неподвижный, подлинный), а на материальном уровне отождествляется с глазом. Непроявленный, напротив, отождествляется с дыханием, пространством внутри тела и «Пурушей в правом глазу». Правый глаз в данном случае выступает антропологическим коррелятом для солнца, а пребывающий в нем Пуруша, очевидно, предстает бессмертной сущностью, занимая то же место на уровне микрокосма, что Пуруша в солнечном диске — на уровне макрокосма.

Дополнительные сведения о «Пуруше в правом глазу» представлены в завершающем пассаже:

2.3.6. *Облик этого Пуруши таков: словно одежда, окрашенная шафраном; словно белая овечья шерсть; словно красные [ползающие] существа (indragopa)¹³; словно язык пламени; словно белый лотос; словно внезапная вспышка молнии. И подобной*

¹³ Современные исследователи ставят под сомнение приведенное в словарях значение слова *indragopa* как 'кошениль'. Линхард, основываясь, главным образом, на материале более поздней санскритской и палийской поэзии, утверждает, что *indra* в названии отсылает не к божеству, но к связанному с ним дождю, и предполагает, что речь идет о неких существах красного цвета, которые в больших количествах выползают из-под земли после дождя и скапливаются на траве, придавая ей красноватый оттенок (Lienhard 1978). Линхард отождествляет этих существ с клещами-краснотелками (Trombididae), однако это предположение вызывает сомнение, поскольку краснотелки не имеют обыкновения скапливаться в больших количествах, а их небольшой размер (1–2 мм) не позволил бы издалека распознать такое скопление как пятно. Поэтому можно предположить, что речь идет о каких-то более крупных членистоногих, которые в значительном количестве выползают из-под земли после дождя. Стоит также учесть, что средневековые комментаторы Далхана и Дхармапала описывали индрагопу как червя (*kṛmi*) (Lienhard 1978: 182). Таким образом, речь может идти о дождевых червях или, что более вероятно, о многоножках-кивсяках (Julida). Благодарю сотрудника ЗИН РАН, д.б.н. Ф. Е. Четверикова за консультацию.

внезапной вспышке молнии будет слава у того, кто так знает. Поэтому того [Пуруши] эквивалент (ādeśa): «не», «не». Нет ничего иного, выше этого «не». Его обозначение: «Подлинное в подлинном». Ведь подлинное — это дыхания. Пуруша — их сущность.

Метафорические описания «Пуруши в правом глазу», приведенные в первом предложении, объединяет общая черта: неуловимость. Во всех примерах речь идет о восприятии некоторого света или цвета, который улавливается в опыте, но в то же время не может быть однозначно сведен к своему материальному носителю: это отчетливо явствует из таких примеров, как вспышка молнии, язык пламени, свечение, исходящее в темноте от белого лотоса. Неуловимость Пуруши (и соответственно, непроявленного Брахмана) приводит к невозможности обозначить его словами. Указать на него можно только апофатически: при помощи выражения *neti neti* (*na-iti na-iti*), буквально 'не', 'не'¹⁴. Выражение *neti* для описания Брахмана широко использовалось в последующей философии веданты, однако впервые оно фигурирует в БАУ (БАУ 2.3.4, 3.9.26, 4.5.15).

Термин *ādeśa* достаточно проблематичен. Наряду с распространенным переводом 'указание', это слово также понимается как 'замещение', 'эквивалент', 'субститут'. Такое значение неразрывно связано с практикой выстраивания цепочек эквивалентов, к которой отсылает и слово *upaniṣad*. Как отмечал Пауль Тиме, эквивалентность в данном случае не подразумевает полного тождества, поскольку отождествление работает только в одну сторону: от явного к глубинному. Поэтому утверждение БАУ 2.3.6 о том, что у Пуруши (и непроявленного Брахмана) есть негативный эквивалент («не, не»), означает, что речь идет предельной высшей сущности (Thieme 1968: 718–720). Об этом далее эксплицитно сообщается и в БАУ 2.3.6: «Нет ничего иного, выше этого 'не'. Его обозначение: 'Подлинное в подлинном'».

Формула «кто так знает» (*ya evaṃ veda*), широко распространенная в Брахманах и ранних Упанишадах, обыкновенно подытоживает учение обещанием результата, который обретет знающий. По контексту можно заключить, что идет о знании, кардинально меняющем человека (Sementsov 1981: 27). Связь

¹⁴ Частица *iti* маркирует прямую речь, поэтому распространенный перевод *neti* как «не то» вряд ли можно считать обоснованным.

между содержанием учения и обещанным за это знание результатом далеко не всегда очевидна¹⁵.

Дыхание (*prāṇa*) в Упанишадах понимается не только как физический процесс дыхания, но также и в значении жизненной силы. Дыхания также связаны со способностью к восприятию, и традиционно выделяемые пять *пран* отождествляются с пятью органами чувств (Olivelle 1998: 23). В БАУ 2.3.6 дыхание отождествляется с Пурушей, непроявленным Брахманом и подлинной основой мироздания. На макрокосмическом уровне коррелятом *праны* выступает ветер (*vāyu*).

Примечательность раздела БАУ 2.3 заключается, прежде всего, в постулировании двойственной природы Брахмана — в выделении двух модусов Абсолютного: имманентного феноменальному миру и человеческой психике и трансцендентного, пребывающего вне их пределов. Подобный подход может показаться противоречащим представлению о Брахмане как едином и неделимом абсолютном начале, свободном от какой-либо двойственности. Однако представление о градациях Абсолютного обнаруживается и в других произведениях поздневедийской литературы. Например, в гимнах «Атхарваведы» АВ 19.53–54 время (*kāla*) предстает одновременно и «обращенным к живым существам»¹⁶, т. е. доступным им в обыденном опыте, и силой, создавшей небеса и землю (АВ 19.53.5)¹⁷. Непосредственная параллель к БАУ 2.3 представлена в сравнительно поздней «Майтраяния-упанишаде» (МУ), где говорится о таких обликах Брахмана как «проявленный» и «непроявленный» (МУ 6. 3)¹⁸; «время» (*kāla*) и «не-время» (*a-kāla*) (МУ 6.15); звук (*śabda*) и не-звук (*a-śabda*) (МУ 6.22); спокойный (*śānta*) и избивильный (*samṛddha*) (МУ 6.36). Как отмечает ван Бейтенен, все

¹⁵ Например, в БАУ 1.2.3 нарратив о сотворении мира первосуществом, последовательно именуемым как Голод, Смерть и Праджапати, завершается обещанием, что тот, «кто так знает», обретет весь мир в качестве пищи и преодолеет повторную смерть (Desnitskaya 2024a).

¹⁶ *sa imā viśvā bhuvanāni pratyāṇ* (АВ 19.53.3).

¹⁷ Подробнее о «временном» и «вневременном» времени см. (Yanchevskaya 2019: 99).

¹⁸ Первое предложение этого раздела повторяет зачин БАУ 2.3.1.

эти пары восходят к базовой оппозиции бытия и небытия (*sat* и *asat*)¹⁹ (van Beutenen 1962: 40).

Можно предположить, что постулирование проявленного Брахмана как «промежуточной» формы позволяет заполнить лакуну и выстроить некоторую градацию нисхождения от запредельного Абсолюта к миру феноменов. Или — при взгляде в антропологической перспективе — можно вести речь о градации восхождения от обыденного опыта к запредельному. Последнее особенно актуально в контексте МУ 6.22, содержащем описания практики восхождения от звучащего Брахмана к беззвучному²⁰. Антропологическая перспектива представлена и в описании «Пуруши в правом глазу», представляющем суть непроявленного Брахмана (БАУ 2.3.6): образы неуловимого света или цвета, не сводящегося к материальному субстрату, очевидно, указывают на неуловимость (и в то же время неоспоримость) переживания непроявленного Брахмана в непосредственном опыте.

В дальнейшей истории классической индийской философии представление о двух Брахманах можно сопоставить с учениями «двойственных» школ веданты (таких как *бхеда-абхеда*), не настаивавших, в отличие от адвайта-веданты, на радикальном отличии Абсолюта от феноменального мира и допускавших существование Брахмана в двух формах. Не столь очевидным может показаться предположение о сходстве учения о двух Брахманах с философией санкхьи. На типологическом уровне оппозиция трансцендентного и имманентного миру Брахмана может быть сопоставлена с оппозицией Пуруши и Пракрити — хотя, разумеется, значение подобного параллелизма не следует переоценивать.

Раздел БАУ 2.3 стилистически является достаточно типичным образцом брахманической прозы, и в то же время, содержащееся в нем учение не вошло в число тех, что обыкновенно ассоциируются с Упанишадами. Широко распространенный ретроспективный взгляд на Упанишады сквозь призму доктрин позднейшей философии веданты выводит из фокуса внимания те представления, которые по ряду причин не стали общепризнанными или популярными. Однако на нынешнем этапе

¹⁹ Одно из самых ранних упоминаний оппозиции бытия и небытия содержится в космогоническом гимне РВ X.129.

²⁰ Подробнее см. (Desnitskaya 2023: 72).

развития индологии именно такие маргинальные учения представляют особенный интерес, поскольку обращение к ним расширяет наши представления о древнеиндийской предфилософии, а в некоторых случаях позволяет выявить тенденции, которые в неявном виде могут быть прослежены на материале более поздних индийских философских произведений.

Литература

- van Buitenen, J. A. B. 1962: *The Maitrāyaṇīya Upaniṣad: A Critical Essay with Text, Translation and Commentary*. Hague: Mouton.
- Desnitskaya, E. 2021: Ātman as Substance in the Vākyapadīya and Beyond. *Philosophy East and West*, 71(2), 287–308.
DOI 10.1353/pew.2021.0020
- Desnitskaya, E. A. 2023: [The Origin of Śabda-Brahman]. *Asiatica: Proceedings on Philosophy and Cultures of the East*, 17 (1), 64–79.
Десницкая, Е. А. 2023: Истоки представления о Шабда-Брахмане. *Asiatica: Труды по философии и культурам Востока*, 7 (1), 64–79.
- Desnitskaya, E. A. 2024a: [The Cosmogonic Narrative in the ‘Bṛhad-āraṇyaka’ 1.2]. *Vostok (Oriens)*, 3, 141–151.
Десницкая, Е. А. 2024а: Космогонический сюжет в «Брихад-араньяка-упанишаде» 1.2, *Восток (Oriens)*, 3, 141–151.
DOI 10.31696/S086919080030911-9
- Desnitskaya, E. A. 2024b: [Yājñavalkya’s Dialogue with Maitreyī: Narrative Structure and Problems of Interpretation]. *Asiatica: Proceedings on Philosophy and Cultures of the East*, 18 (1), 46–62.
Десницкая, Е. А. 2024б: Диалог Яджнявалкьи с Майтрейи: структура повествования и проблемы интерпретации. *Asiatica: Труды по философии и культурам Востока*, 18 (1), 46–62.
- Falk, H. 1986: Vedisch upaniṣād. *Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft*, 136 (1), 80–97.
- Houben, J. E. M. 2000: The Ritual Pragmatics of a Vedic Hymn: The “Riddle Hymn” and the Pravargya Ritual. *Journal of the American Oriental Society*, 120 (4), 499–536.
- Hume, R. E. 1921: *The Thirteen Principal Upanishads (Translated from Sanskrit)*. London: Oxford University Press.
- Kahrs, E. 1998: *Indian Semantic Analysis: The Nirvacana Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lienhard, S. 1978: On the Meaning and Use of the Word *indragopa*. *Indologica Taurinensia*, 6, 177–188.
- Macdonell A. A. 1897: *Vedic Mythology*. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner.

- Olivelle, P. 1996: Dharmaskandhāḥ and Brahmasaṁsthaḥ: A Study of Chāndogya Upaniṣad 2.23.1. *Journal of the American Oriental Society*, 116 (2), 205–219.
- Olivelle, P. 1998: *The Early Upaniṣads: Annotated Text and Translation*. Oxford, Oxford University Press.
- Reinvang, R. 2000: A Critical Survey of the Dialogue between Yajnavalkya and Maitreyi in the Bṛhadāranyaka Upaniṣad 2.4 and 4.5. *Acta Orientalia*, 61, 145–202.
- Sementsov, V. S. 1981: [*The Problems of Interpretation of Brahmanic Prose*]. Moscow: Nauka.
- Семенцов, В. С. 1981: *Проблемы интерпретации брахманической прозы*. М.: Наука.
- Syrkin, A. Ya. 2000: [*The Upanishads*. Tr. from Sanskrit]. Moscow: Vostochnaya literatura.
- Сыркин, А. Я. 2000: *Упанишады, перевод с санскрита, исследования, комментарии*. Москва: Восточная литература.
- Thieme, P. 1968: Adeśa. In *Mélanges d'indianisme: à la mémoire de Louis Renou*. Paris: E. de Boccard, 715–723.
- Witzel, M. 1979: *On Magical Thought in the Veda (Inaugural Address, Leiden University)*. Leiden: Universitaire Pers Leiden.
- Yanchevskaya, N. 2019: *Contemplating Eternity: On Time, Death, and Timelessness in Ancient India*. Doctoral dissertation. Harvard University.

Т. Н. Джаксон
Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия.
Tatjana.Jackson@gmail.com

«ХОЛОДНАЯ СВИТЬОД» И ЕЕ МЕСТО В ПРЕДЕЛАХ ОЙКУМЕНЫ ПО «САГЕ О НИТИДЕ» И «САГЕ ОБ ИНГЛИНГАХ»

Речь в статье идет о недавней попытке в историографии представить «альтернативную» Т-О карту древних скандинавов, отличающуюся от классической тем, что вместо Африки, наряду с Европой и Азией, на ней расположен либо «Север» (McDonald Werronen 2016), либо «Великая/Холодная Свитьод» (Walther 2022). Методически неверный подход — недоучет как видовой специфики саг, так и времени их возникновения, вкупе с приписыванием автору саги своих собственных представлений, приводит к ошибочным выводам.

Ключевые слова: древнеисландские саги, ментальная карта, трехчастное деление ойкумены, «Холодная Свитьод», историческая география, методика работы с сагами

Tatjana N. Jackson
Institute of World History, RAS, Moscow, Russia.
Tatjana.Jackson@gmail.com

Svíþjóð in kalda and its place within the ecumene according to Nítíða Saga and Ynglinga Saga

Having published a couple of times on *Svíþjóð in mikla eða in kalda*, I return to this topic due to the article by Sabine H. Walther “*Svíþjóð in mikla. The Invention of a Classical Past for ‘Scandinavia’ in Snorri Sturluson’s Ynglinga saga*” published in 2022. The toponym in question is recorded in Old Norse-Icelandic writings and refers to the ancestral homeland of Scandinavians in the euhemeristic legend about the settlement of Scandinavia by the people from Asia, according to which the ancestors of the Swedish and Norwegian kings, former pagan gods led by the leader of the Æsir Óðinn, move from *Svíþjóð in mikla* in Asia to *Svíþjóð* (Svealand, the land of the svear) in the region of lake Mälaren. S. Walther interprets the geographical space in which the events of the migration legend unfold in an unconventional way and asserts the existence of an unusual idea of a T-O world map among the Icelanders of the 13th and 14th centuries. Based on the description of the “circle of the world” in the first chapter of *Ynglinga saga*, Walther argues that “*Ynglinga saga* introduces *Svíþjóð in mikla* as the third entity instead of Africa” (p. 66), that “the image of the world in *Ynglinga saga* as well as *Nítíða saga*

follows an alternative model”, and that “in this worldview, ‘northern Europe’ plays the role of the third continent, completing (Latin) Europe and Asia on the world map” (p. 82). In my paper I try to demonstrate that these conclusions are erroneous. They are just a result of the methodologically incorrect approach — underestimation of both the genre specificity of the sagas and the time of their origin, coupled with attributing one’s own ideas to saga authors.

Keywords: Icelandic sagas, mental map, tripartite division of the ecumene, *Svíþjóð in kalda*, historical geography, saga source criticism.

«Сага о Нитиде» («*Nítiða saga*») относится по современной классификации к «местным рыцарским сагам», возникшим в Исландии к концу XIII в. по образцу «переводных рыцарских саг». Сага была создана, скорее всего, в Исландии в XIV в. и сохранилась в 65 рукописях в основном XVIII–XIX вв. (см.: McDonald Werronen 2016; Matyushina 2020).

Топоним *Холодная Свитьод* (*Svíþjóð in kalda*) используется в саге всего один раз, в следующем контексте: героиня саги, дева-правительница Нитида, произносит в разговоре со своей приемной матерью: «Мне рассказывали, что островом, который называется Визио, правит ярл, по имени Виргилиус; он мудр и сведущ в колдовстве. Этот остров лежит за пределами Холодной Свитьод (*út undan Svíþjóð hinni köldu*), у самого [Северного] полюса, на краю тех земель, о которых у людей есть сведения» (Matyushina 2020: 124, с моими уточнениями). Далее она плывет на остров Визио, где присваивает несколько волшебных предметов, а затем возвращается в Апулию, откуда начинался ее путь. Больше Холодная Свитьод в тексте саги не упоминается, т. е., надо думать, она была использована в данном случае только как географический ориентир знакомый читателям. И такой ориентир, «маркер» (McDonald Werronen 2016: 105), был автору саги необходим, поскольку речь шла о легендарном острове, который требовалось разместить на ментальной карте. Современные исследователи расходятся в локализации острова Визио: его отождествляют с Сицилией (Schlauch 1934: 167–168), с «Земным Раем» (Barnes 2014: 36–37), помещают на границе реального мира и воображаемого пространства (Hansen 2009: 65; McDonald Werronen 2016: 119–120).

Откуда Холодная Свитьод могла быть известна автору «Саги о Нитиде» и его аудитории? Топоним встречается в весьма ограниченном числе поздних саг: кроме данной саги, это — (из

известных мне) еще одна «местная рыцарская сага» — «Сага об Экторе» («*Ectots saga*», кон. XIV или нач. XV в., 45 рукописей XV–XIX вв.), где говорится, что черный берсерк, тролль и колдун Ингифер был родом из самой отдаленной части Холодной Свитод (*Loth* 1962: 109), и «Сага об апостоле Филиппе» («*Filippus saga postula*») по версии Бьёрна Торлейвссона (перв. пол. XVI в.), где об апостоле Филиппе рассказывается, что он «был послан в ту землю, что зовется Синтика (*Sinthica*) или Сифия (*Sithia*), а некоторые здесь у нас называют эту самую страну Холодной Свитьод (*kallda svíþjóð*)» (Wolf 2015: 152). «Саги об апостолах», одна из разновидностей «саг о святых», основаны на житиях апостолов, которые стали известны в Исландии и Норвегии, как считается, вскоре после принятия христианства, т. е. в начале XI в. Они прочно укоренились и принадлежат к одним из первых текстов, переведенных с латыни на древнеисландский язык. В исландской «Саге о двух апостолах Филиппе и Якобе» содержится известие о проповеди апостола Филиппа в Скифии («Святой Филипп, апостол нашего Господа Иисуса Христа, отправился после Его вознесения в эти земли, которые зовутся *Скифия*, и проповедовал там знания и правую веру в течение двадцати лет» Unger 1874: 740). Однако надо подчеркнуть, что *Скифия* латинских текстов чаще передается в исландских текстах как *Великая Свитьод* (см.: Jackson 2016: 273–290). Это дает основание считать *Холодную Свитьод* и *Великую Свитьод* синонимами, что также подтверждается существованием топонима *Свитьод Великая, или Холодная* (*Svíþjóð in stóra/mikla eða in kalda*), к которому мы переходим.

Перечисленные выше саги, использующие топоним *Холодная Свитьод*, сложились позже «Саги о Нитиде». Но имеется два более ранних текста, в которых эпитет *Холодная* (*kalda*) присоединяется к *Свитьод* (*Svíþjóð*), только это происходит в сложном топониме *Свитьод Великая, или Холодная*. Речь идет о двух «королевских сагах», отнесение которых к данному поджанру далеко не однозначно. Считается, что самое раннее упоминание Свитьод Великой, или Холодной, содержится в «Саге о Скъёльдунгах» («*Skjöldunga saga*»), записанной не позднее 1220 г. (а предположительно — в 1180–1200 гг.), автор которой не известен. Сага представляла собой историю легендарных датских конунгов от основателя династии, носившей его имя, — Скъёльда, сына Одина, — до Горма Старого (ум. ок. 940 г.).

Оригинальный текст саги не сохранился (за исключением одного фрагмента), но до нас дошло ее латинское переложение в «*Rerum Danicarum fragmenta*» Арнгрима Йонссона (ок. 1568–1648 гг.), который, как показали исследования, близко следовал своему источнику. Здесь сага начинается с краткого изложения мифа о происхождении скандинавских правителей и названий подвластных им территорий. Сообщается, что пришедший «из Азии» в «самую северную часть Европы» Óдин раздал земли своим сыновьям, а что название *Свеция* (*Svecia*) образовалось от имени «тех областей, откуда Óдин со своими впервые вышел», «тех, что лежат к северу от *Меотийского болота* и которые древние скандинавы называли *Свитьод Великой, или Холодной*» (Bjarni Guðnason 1982: 4). Текст Арнгрима Йонссона написан на латыни, но последняя фраза — «*Huylche ssom ligger Norden for palude Moeotide, og de gammel Norshe kallede Su<i>thiod in Store eller Kolde*» — на датском языке. Она включает в себя два топонима (выделенных мной курсивом), совершенно очевидно восходящих к латинской (античной) и древнескандинавской традициям, соответственно.

Вторая из упомянутых «королевских саг» — это «Сага об Инглингах», с которой начинается созданный Снорри Стурлусоном ок. 1230 г. свод «королевских саг» «Круг земной». Она открывается описанием ойкумены: «Круг земной, где обитает род человеческий, сильно изрезан заливами. Большие моря вдаются в землю из окружающего [ее] океана. Известно, что море тянется от Нёрвасунда и вплоть до Йорсалаанда. От этого моря отходит на северо-восток длинный залив, который называется Свартахав. Он разделяет трети света. Восточная называется Азией, а западную некоторые называют Европой, а некоторые — Энеей. А к северу от Свартахав простирается *Свитьод Великая, или Холодная*» (Bjarni Aðalbjarnarson 1941: 9). Понятно, что *море*, которое протянулось от *Нёрвасунда* (Гибралтарского пролива) до *Йорсалаанда* (Плестины), это — Средиземное море, а отходящий от него на северо-восток *залив*, зовущийся *Свартахав*, — это Черное море. Однако не только оно разделяет, согласно Снорри, Европу и Азию, но также и река *Танаис* (Дон), текущая через Великую Свитьод «с севера, с гор, лежащих за пределами всех населенных мест» (вероятно, с Рифейских гор), впадающая в Черное море и разделяющая «трети света» (Ibid.: 10). Если еще учесть заявление Снорри,

что «северная часть [Великой] Свитьод не заселена из-за мороза и холода» (Ibid.), то карта Евразии предстанет в следующем виде: все пространство от Черного моря до Рифейских гор и Северного Ледовитого океана занимает Свитьод Великая, или Холодная, которая лежит как в Европе, так и в Азии, потому что через нее (по реке Дон и Черному морю) проходит граница между этими двумя частями света.

Земля изображена Снорри Стурлусоном (как и в его же «Младшей Эдде», и в зачинах исландских географических сочинений) в виде плоскости, окруженной Океаном. «Описательная “карта” мира» Снорри «испытала влияние средневековой географии и энциклопедических знаний его времени» (Klingenberg 1994: 23). В саге Снорри утверждает, что Земля разделена на «трети» (*heimspriðjungar*), но называет лишь две из них: восточную — Азию и западную — Европу, не упомянув (как в Прологе «Младшей Эдды») также и Африку. В «Саге об Инглингах» Африка не фигурирует по очень простой причине: Черное море, которое «разделяет трети света», разделяет только две из них (Европу и Азию) и к третьей (Африке) отношения не имеет, а рисовать иную карту Снорри не было нужды — он здесь лишь описывает место действия переселенческой легенды, к изложению которой перейдет чуть ниже, а движение асов в рамках этого переселения происходит из Азии на север Европы. Его хорография здесь, как это определяет Х. Клингенберг, — более избирательна, чем в «Младшей Эдде»: он делает акцент на тех «локациях, с которых начинается ученая предыстория в “Круге земном”» (Klingenberg 1994: 25).

Суть легенды заключается в том, что Скандинавия была заселена, как это удачно сформулировала Е. А. Мельникова, «уже претерпевшими эвгемеризацию и осмысленными в качестве героев» богами-асами во главе с Одином (Melnikova 2016: 511). Текст Снорри изобилует народными этимологиями. Из античного названия Дона, *Танаис*, он формирует якобы второе его название *Танаквисл*, что буквально значит «Рукав Тана», и добавляет якобы синонимичное ему *Ванаквисл* («...река, правильное название которой Танаис. Раньше она называлась Танаквислом, или Ванаквислом») и располагает по реке область с названием «Ваналанд (земля ванов. — Т. Д.), или Ванахейм (жилище ванов. — Т. Д.)» (Bjarni Aðalbjarnarson 1941: 10), тем самым «создавая» место обитания для «ванов» — груп-

пы богов в древнескандинавской мифологии. Их противников «асов», составляющих основную группу богов, которая ассимилирует ванов после победы над ними в войне асов и ванов, Снорри размещает явно на основании фонетического и графического сходства слов (*áss*) «ас» и (*Ásía*) «Азия». Так, он пишет, что «[земля] в Азии к востоку от Танаквисла звалась Асаландом (землей асов. — *Т. Д.*), или Асахеймом (жилищем асов. — *Т. Д.*), а главный город, который был в той стране, называли они Асгардом (городом асов. — *Т. Д.*)» (*Ibid.*: 11). Из Асаланда, а значит, из Великой Свитьод, отправляется Один со своими людьми на север и поселяется в конечном итоге в Старой Сигтуне. Снорри так строит свое повествование (*Ibid.*: 22–23), будто скандинавская Свитьод (Свеаланд) получает имя от Великой Свитьод.

Возвращаясь к отсутствию топонима *Африка* в географическом описании Снорри Стурлусона в первой главе «Саги об Инглингах», следует отметить, что тем не менее Снорри использует здесь же *Великий Блаланд* (*Bláland it mikla*, букв.: «Великая черная земля») — название Эфиопии или Северо-Западной Африки, а также *Великий Серкланд* (*Serkland it mikla*, букв.: «Великая земля сарацин») — обозначение некоторых областей в Северной Африке и Передней Азии. Кстати, в другой саге того же свода у Снорри имеется однозначное отождествление Серкланда с Африкой: «Пошел он (Харальд Суровый Правитель. — *Т. Д.*) тогда со своим войском на запад в Африку, которую вэринги называют Серкландом» (*Bjarni Aðalbjarnarson* 1951: 74).

Сравнивая Великий Блаланд с Великой Свитьод, Снорри отмечает невозможность жизни в южной части Блаланда «из-за солнечного зноя», как и в северной части Великой Свитьод «из-за мороза и холода» (*Bjarni Aðalbjarnarson* 1941: 10). В этом утверждении явно слышатся отголоски учения о широтной климатической и природной зональности, согласно которому на Земле выделяются пять зон, и три из них непригодны для существования человека: два холодных необитаемых полюса и жаркий необитаемый пояс, ограниченный тропиками (о нем мы вспомним, когда вернемся к «Саге о Нитиде»). Соответственно, в представлении Снорри, Свитьод Великая, или Холодная, так далеко простирается к северу от Черного моря, что выходит за северный полярный круг, с чем, вероятно, можно связать вто-

рой эпитет в ее названии — *Холодная*.

Боюсь, что в вопросе о том, кто первым употребил интересующий нас сложный топоним, мы не можем однозначно отдать пальму первенства автору «Саги о Скьёльдунгах». Что меня заставляет думать, будто топоним создал не он, а Снорри Стурлусон? Во-первых, — и от этого никуда не деться — мы знаем «Сагу о Скьёльдунгах» по пересказу конца XVI — первой половины XVII в., а «Сагу об Инглингах», как минимум, по рукописи первой четверти XIV в. Во-вторых, рассказ «Саги о Скьёльдунгах» настолько лаконичен, что производит впечатление переложения чего-то более пространного, каковым и является текст Снорри. Более того, и это — в-третьих, из текста Снорри делается понятным, почему Один пускается в путь из Азии (см. выше о звуковом сходстве). В-четвертых, из текста Снорри понятно, почему Свитьод можно обозначить как *Холодную* (см. выше о климатических поясах). Наконец, в-пятых, *Великая* только в «Саге о Скьёльдунгах» передается не как *mikill*, а как *stórr*, хотя топоним *Свитьод Великая* (*Svíþjóð in mikla*) встречается в древнескандинавских текстах далеко не один раз. И хотя у Снорри в гл. 29 его «Саги об Инглингах» имеется ссылка на «Сагу о Скьёльдунгах» и эта последняя считается одним из источников Снорри, всё это не исключает вероятности того, что искомый топоним в свой пересказ Арнгрим Йонссон ввел, позаимствовав его у Снорри, чей труд сохранился в значительном числе рукописей, датированных XIV–XVII вв. Скорее всего, *Свитьод Великая*, или *Холодная*, была творением именно Снорри Стурлусона, опиравшегося на географические знания, взгляды и представления своего времени, но создавшего из *Скифии* древних и средневековых авторов прародину скандинавов, занимающую земли в Европе и Азии, протянувшиеся от Черного моря на юге до Рифейских гор на севере.

В недавней статье С. Х. Вальтер «Великая Свитьод. Изобретение классического прошлого для ‘Скандинавии’ в *Саге об Инглингах* Снорри Стурлусона» (Walther 2022) предложен совершенно иной взгляд на то географическое пространство, на котором разворачиваются события переселенческой легенды. На основании описания «круга земного» в первой главе «Саги об Инглингах» Вальтер утверждает, что на ментальной Т-О карте «Саги об Инглингах» «в качестве третьей части света

вместо Африки вводится *Великая Свитьод*» (Ibid.: 66). Все мое предшествующее изложение демонстрирует мое категорическое несогласие с этим выводом, который, на мой взгляд, вытекает не из анализа источника, а из некой априорной установки. А именно, Вальтер удаётся обнаружить в географическом описании «Саги об Инглингах» ту же, по ее определению, «альтернативную карту мира, Т-О карту, где три континента — это Азия, “Север” и Европа», которую описала Ш. Макдональд Верронен в своем исследовании «Саги о Нитиде» (Ibid.: 80; см.: McDonald Werronen 2016: 96–105).

Что же это за «альтернативная карта»? В «Саге о Нитиде» рассказывается, что среди присвоенных девой-правительницей на острове Визио волшебных предметов были некие магические камни, через которые она могла видеть «все части мира». Однажды она решила позабавить своего гостя и в течение трех дней давала ему смотреть в волшебные камни. В первый день «он увидел всю Францию, Прованс, Равенну, Испанию, Галисию, Фризию, Фландрию, Нормандию, Шотландию, Грецию и всех живущих там людей». На второй день, посмотрев в камень «они увидели все северные области (*norður hálfuna alla*): Норвегию, Исландию, Фареры, Гебриды, Оркнеи, Швецию, Данию, Англию, Ирландию и многие другие страны, о которых он и не знал». На третий день в камне можно было разглядеть многое: «восточные области всего мира (*austur hálfuna heimsins*): Индию, Палестину, Азию, Серкланд — и все другие части света, а также горящий пояс, который никем не населен» (Matyushina 2020: 135).

Справедливо отмечая, что в этой совокупности цитат разделение мира на три региона не соответствует традиционному средневековому европейскому делению мира на трети — Европу, Азию и Африку, — Макдональд Верронен всё же дает определение трем группам стран, которые Нитида разглядела сквозь волшебные камни (McDonald Werronen 2016: 97). В первой цитате она, вслед за Дж. Барнес (Barnes 2006: 110), видит «преимущественно латинскую Европу», как на Т-О картах, хотя так в саге и не названную (McDonald Werronen 2016: 98). Однако совершенно неуместна в этом ряду — если это «латинская Европа» — Греция. Вторая цитата представляет, как она пишет, — «Север». Сюда, кроме Скандинавии, входят Англия и Ирландия, чье присутствие в северной группе

оправдано «контекстом эпохи викингов» (Ibid.). В нее также включены Оркнейские и Гебридские острова, от которых странным образом «оторвана» помещенная в первую группу Шотландия. Третья цитата, по ее мнению, «отображает Восток» «и то, что иначе можно было бы назвать Азией» (Ibid., 98–99). Позволю себе не согласиться с этим утверждением, поскольку в ее «Азию» входит и сама «Азия», и «Серкланд» (который, обозначал как земли Передней Азии, так и территории в Северной Африке), и «все другие части света», и «горящий пояс, который никем не населен» и который, «согласно поздним римским географам», находился «в середине Земли» (Matyushina 2020: 140, п. 24), т. е. относился и к южным землям, в том числе Африке. Как видим, «наполнение» землями и странами трех предложенных «частей света» («латинской Европы», «Скандинавии» и «Азии») не до конца последовательно, если, конечно, автор саги выстраивал эту схему сознательно. Кстати, в противоречии с ней находится и самое начальное определение местоположения того королевства, в котором сидела дева-правительница Нитида: она «восседала на мировом престоле в добром королевстве Франции» и жила при этом «в северной части мира» (Ibid.: 123).

Есть еще два момента, оставленных без внимания обеими исследовательницами. Во-первых, это использование автором «Саги о Нитиде» применительно к двум группам стран из трех термина *hálfa* «часть». Дело в том, что наряду с ученым делением ойкумены на *тpи* части (*heimspriðjungar*) в древнеисландской литературе активно используется деление обитаемого мира на *четыре* четверти (*hálfur*) с центром на северной оконечности датских островов: *Austrhálfa* «восточная четверть» (куда входят все земли по берегам Балтийского моря и в глубине Восточной Европы), *Vestrhálfa* «западная четверть» (вся Атлантика), *Suðrhálfa* «южная четверть» (Дания, Саксония) и *Norðrhálfa* «северная четверть» (Норвегия, Финнмарк). Сгруппированные по воле автора «Саги о Нитиде» земли, конечно же, не вписываются и в эту схему (как они плохо ложатся на Т-О карту), но содержат ее отголоски. Во-вторых, требует внимания тот факт, что и сами географические горизонты, и набор топонимической номенклатуры значительно расширились с появлением переводных саг (скажем, никакой *Равенны* или *Галисии* в сагах первой половины XIII в. нет) и

изменились качественно (допустим, *Йорсалаланд* превратился в *Палестину*). Это не означает, что все земли и страны были знакомы авторам саг XIV в. и более позднего времени. Однако они оперировали значительным набором топонимов, накопленным всей историей сагописания, и конструировали карту мира, будучи знакомы через более ранние тексты как с классическим трехчастным, так и с саговым четырехчастным делением пространства. Можно сказать, они жонглировали топонимами, распределяя их в соответствии со своими знаниями и представлениями, а то и просто по неведению.

Именно поэтому мне представляется, что неверный методически подход С. Вальтер — уподобление трехчастного деления «круга земного» у Снорри Стурлусона (его Т-О карты) трем группам стран, названным в «Саге о Нитиде», — приводит ее к ошибочному выводу о существовании у древних скандинавов альтернативной ментальной (тоже трехчастной) карты, на которой Африки не было, а третьим — «северным» — материком выступала Свитьод Великая, или Холодная.

Источники и литература

- Barnes, G. 2006: Margins vs. centre: geopolitics in Nitida saga (A cosmographical comedy?). In: *The Fantastic in Old Norse/Icelandic Literature. Sagas and the British Isles. Preprint Papers of the Thirteenth International Saga Conference*. Durham: Durham University. Vol. 1, 104–112.
- Barnes, G. 2014: *The Bookish Riddarasögur: Writing Romance in Late Mediaeval Iceland*. Copenhagen: University Press of Southern Denmark.
- Bjarni Aðalbjarnarson (ed.) 1941–1945: Snorri Sturluson. *Heimskringla 1–3* (ÍF; 26–28).
- Bjarni Guðnason (ed.) 1982: Skjöldunga saga. In: *Danakonunga sǫgur* (ÍF; 35), xix–lxx, 1–83.
- Hansen, A. 2009: Crossing the Borders of Fantastic Space: The Relationship between the Fantastic and the Non-Fantastic in Valdimars Saga. *Parergon*. Vol. 26, No. 1, 57–74.
- ÍF — Íslenzk fornrit. Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag.
- Jackson, T. N. [Scythia of West-Scandinavian medieval sources]. In: Podosinov, A. V., Jackson, T. N., Kononova, I. G. *Skifiya v istoriko-geograficheskoy traditsii antichnosti i srednikh vekov*. Moscow: Akvilon, 255–290.
- Джаксон, Т. Н. Скифия западно-скандинавских средневековых источников. В кн.: Подосинов А. В., Джаксон Т. Н., Конова-

- лова И. Г. *Скифия в историко-географической традиции античности и средних веков*. М.: Аквилон, 2016. С. 255–290.
- Klingenberg, H. 1994: Odins Wanderzug nach Schweden: Altisländische Gelehrte Urgeschichte und mittelalterliche Geographie. *Alvíssmál*. Nr. 3, 19–42.
- Loth, A. (ed.) 1962: Ectors saga. *Victors saga ok Blávus. Valdimars saga. Ectors saga* (Editiones Arnarnagænar. Ser. B; 20). København: Munksgaard, 79–186.
- Matyushina, I. G. 2020: [“The Saga of Nitida”. Translation, Introduction, Commentary]. *Vestnik RGGU. Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. 2020. No. 1, 120–142.
- Матюшина, И. Г. «Сага о Нитиде». Перевод, вступительная статья, комментарий. *Вестник РГГУ. Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2020. № 1, 120–142.
- McDonald Werronen, Sh. 2016: *Popular Romance in Iceland: The Women, Worldviews, and Manuscript Witnesses of Nítíða saga*. Amsterdam: AUP (Crossing Boundaries; 5).
- Melnikova, E. A. 2016: [Genealogy and the beginnings of Icelandic-Norwegian historiography]. In: *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2013 god*. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 464–526.
- Мельникова, Е. А. 2016: Генеалогия и начала исландско-норвежского историописания. В кн.: *Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 год*. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 464–526.
- Schlauch, M. 1934: *Romance in Iceland*. London: Allen and Unwin.
- Unger, C. R. (ed.) 1874: *Postola sögur. Legendariske fortællinger om apostlernes liv, deres kamp for kristendommens udbredelse samt deres martyrdød*. Christiania: Bentzen.
- Walther, S. H. 2022: Svíþjóð in mikla. The Invention of a Classical Past for ‘Scandinavia’ in Snorri Sturluson’s Ynglinga saga. In: *W świecie bogów, ludzi i zwierząt. Studia ofiarowane Profesorowi Leszkowi Pawłowi Ślupeckiemu*. Ed. by M. Dzik et al. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 63–86.
- Wolf, K. 2015: Low German legends of the apostles in Icelandic translation. *Gripla* 2015. Vol. 26: 139–183.

К. Джункова

Институт славистики им. Яна Станислава Словацкой академии наук.
katarina.dzunkova@seznam.cz

**В ПОИСКАХ ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА.
Неизвестный словацкий перевод Евангелия от Матфея
с церковнославянского языка начала XX века¹**

Статья посвящена неизвестному переводу Евангелия от Матфея с церковнославянского на словацкий язык, выполненному в 1909 году словацким предпринимателем, издателем и просветителем лютеранского вероисповедания Йозефом Трнкоци. Трнкоци подготовил перевод, применив разработанные им правила словацкого языка, согласно которым словацкий должен был стать универсальным языком для всех славян карпатского региона. В конечном итоге все славянские языки по аналогии с немецким должны были объединиться в один общеславянский язык. Трнкоци в переводе Евангелия использовал целый ряд заимствований из цел. языка на различных уровнях, включая адаптацию словацкой лексики к восточнославянским языкам (к русскому). Перевод содержит также уникальные переводческие решения, отступающие от прежней традиции.

Ключевые слова: словацкий язык; Евангелие от Матфея; церковнославянский язык; библейский перевод; панславизм; общеславянский язык.

K. Džunková.

Jan Stanislav Institute of Slavistics of the Slovak Academy of Sciences.
katarina.dzunkova@seznam.cz

**In search of a common Slavic language. An unknown Slovak
translation of the Gospel of Matthew from Church Slavonic from the
early 20th century**

The article is devoted to an unknown translation of the Gospel of Matthew from Church Slavonic into Slovak, which was translated and published around 1909 by Slovak entrepreneur, publisher and propagator of enlightenment Jozef Trnkočí. Trnkočí came from a Lutheran noble family from the region of Orava (northern Slovakia), which was accused of Panslavism by the Hungarian government. Trnkočí intended this Gospel to

¹ Работа выполнена в рамках проекта *Receptia biblickej rodinnej terminológie a motívov v slovanskom kultúrnom prostredí* (VEGA 2/0015/22) в Институте славистики им. Яна Станислава Словацкой академии наук.

serve as a model text for a new Slovak language that would be universal for all Slavs living in the Carpathian Mountains region. His ultimate vision was for all Slavic languages to be unified into a common universal Slavic language, following the example of the German language in a united Germany. Trnkóci opposes the revisions of Slovak grammar since the second half of the 19th century applied new rules to the text that brought it closer to its Slavic basis. He achieves this by incorporating numerous borrowings from the Church Slavic language at the lexical, morphological and syntactic level. A characteristic feature of his translation is the adoption of nominal constructions instead of sentences with *verbum finitum*, which had already been established in biblical translation for several centuries. In addition, Trnkóci tries to adapt the Slovak lexis to the Church Slavic language, or rather to the East Slavic – especially Russian. He was proficient in Russian and had spent some time in the Russian Empire due to his business activities in the industrial sector. Apparently, he was inspired there by the use of the Church Slavonic Bible, as he emphasizes in the preface that it is the liturgical language of millions of Slavs, to which the young generation of Slovaks should also devote their free time. Unintelligible Church Slavonic lexis in the text is sometimes indicated with a translation in brackets or an explanation in a footnote. Furthermore, Trnkóci introduces new translation solutions and incorporates Slovak cultural elements into the biblical text, deviating from previously established biblical terms. His translation also shows traces of influence from the Czech *Kralická Bible* (late 16th century), which was used by Slovak Lutherans until the mid-20th century; the 1829 Slovak Bible translation by Slovak Catholic priest J. Palkovič; and the 1847 Serbian Bible translation by V. Karadžić.

Key words: Slovak language; Gospel of Matthew; Church Slavonic language; Biblical translation; Panslavism; Common Slavic language

Идея создания языка, общего для всех славян², набиравшая популярность в первой половине XIX столетия, приобретала

² Концепцией общеславянского языка занимался в России, например, А. С. Будилович в произведении «Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы» (1892). По разным причинам эта идея нашла свое отражение более в трудах авторов особенно среди западнославянских народов, как например, А. Я. Пухмайер, Й. Юнгманн, М. Маяр Зильский... (Ondicová 2012). Хорватский священник и интеллектуал Ю. Крижанич сочинил грамматику русского языка с вкраплениями хорватского «Gramatičko iskazanje ob ruskom jeziku» (1665), но, по мнению Й. Гамма, на самом деле хотел исправить цсл. грамматику М. Смотрицкого для русской аудитории. См. введение к сочинению: *Sabrana djela Jurija Križanića*. Knjiga 2.

своих сторонников, в том числе и среди формирующейся словацкой интеллигенции. Уже в сочинениях поэта, философа и лютеранского священника Яна Коллара (1793–1852) появляется мысль о «славянской взаимосвязи», однако у него она не превратилась в осознание потребности в общем языке. Менее известный словацкий филолог и юрист Ян Непомук Геркель (1786–1853) в сочинении «*Elementa universalis linguae Slavicae*»³ излагает правила общего славянского языка, основы которого следует искать среди всех славянских языков. По его мнению, язык этот должен культивироваться совместными усилиями славянских народов (словаков он называет «панонцами») как самостоятельный литературный язык. Геркель предлагает для него собственный алфавит, добавляя кириллические буквы с диакритическими знаками вместо латинских (Herkel' 1824: 7–8). В своем подходе он вдохновлялся языковой и этнической близостью славян, которую упоминал во введении к «Словарю польского языка» Самуил Линде (1771–1847) (Buzássyová, Herkel' 2009: 8).

Однако лингвистические идеи словацкого инженера, печатника, издателя и интеллектуала Йозефа Трнкоци (1850–1915) остались в истории науки без внимания. В предисловии к двум своим произведениям начала XX в. — «*Slovo ku slovenskim gazdom*» и «*Evangelie Novieho zázveta Hospodina našeho Ježiša Christa*» — он указывает на надобность постепенного формирования общеславянского литературного языка по аналогии с объединением государства и литературного языка у немцев.

Gramatično izkazanje ob ruskom jeziku. Priredio, uvod napisao i tekst prevel Josip Hamm. Zagreb, 1984.

³ Перевод латинского сочинения Геркеля на словацкий с содержательным предисловием издала в 2009 г. словацкая филолог Л. Бузаша «*Ján Herkel' a jeho dielo. Základy všeobecného slovanského jazyka odvodené zo živých rečí a podložené zdravými zásadami logiky.*» Английский перевод со специальным введением был издан в 2024 г. в Берлине: «*Elementa universalis linguae Slavicae: Annotated translation with introductory essays by Raf Van Rooy and Alexander Maxwell.*»

Жизнь и работа Йозефа Трнкоци

Й. Трнкоци родился в 1850 г. в Долном Кубине, в регионе Орава — по совпадению, в этом же северословацком регионе родился и Ян Геркель. Трнкоци происходил из лютеранского аристократического рода, известного с XVII века, из которого вышел ряд ученых интеллектуалов. Высшее техническое образование, особенно в области химии, он получил в Праге. В 80-х гг. XIX в. три года работал нотариусом в Долном Кубине, затем занял должность технического администратора на известной картонной фабрике в городе Ружомберок⁴. Трнкоци занимался издательской деятельностью и стал известен прежде всего как владелец типографии Д. Шнайдера в Долном Кубине в 1895–1914 гг., где выпускал несколько периодических изданий, в том числе на венгерском языке, например, еженедельники «*Árvamegyei Hírlap*» или «*Testvériség Politikai Hetilap*» (SBS 1994: 124). Семья Трнкоци активно участвовала в общественной, деловой и экономической жизни, открыто выражая свои словацкие национальные убеждения, за что венгерские власти причисляли их к «панславистам» (Čerňan 1988: 122).

Интересен тот факт, что в 1880 году Трнкоци, по приглашению правительства Российской империи, организовал переселение словаков⁵, желающих заниматься сельским хозяйством на Северном Кавказе (ibidem: 121). В 1880-х гг. Трнкоци на некоторое время прекратил деятельность нотариуса и «отправился в Россию для осмотра тамошних деревянных мельниц» (Brodňanský 2012: 3). Однако более подробные сведения о его пребывании в Российской империи неизвестны и требуют дополнительного архивного исследования. Можно предположить, что именно тогда Трнкоци освоил русский язык и обратил более пристальное внимание на церковнославянскую Библию.

⁴ Этот значимый город в регионе Липтов с 1318 г. получал титул свободного королевского города Венгрии.

⁵ К теме чехов и словаков в Российской империи см. Серапионова Е. П. *Чехи и словаки в Российской империи: последняя треть XIX - начало XX вв.* Москва: Институт славяноведения РАН, 2021.

Представления Трнкоци о языке

В Словакии Трнкоци известен, прежде всего, как предприниматель и издатель, но его филологические взгляды остались незамеченными. Его перевод Евангелия упоминается лишь в библиографических списках, в статье, посвященной оравским печатным изданиям на словацком языке в фонде Библиотеки Чапловича в Долном Кубине (Jedláková 2021: 186–187), одним предложением, в истории словацкого библейского перевода (Bednářová 2013: 175). Первую характеристику языка этого памятника мы опубликовали в 2024 г. (Džunková 2024), но как сам перевод, так и биографические данные и взгляды Трнкоци требуют еще более детального исследования.

Свои языковые представления Трнкоци сформулировал в предисловиях к двум изданиям на словацком языке, оба из которых опубликованы в форме брошюр без указания даты. Первым из них является руководство для словацких хозяев «Slovo slovenskim gazdom»⁶, которое, скорее всего, относится к 1902 г., когда Трнкоци основал в Долном Кубине Хозяйственно-промышленный и продовольственный кредитный кооператив (Jedláková 2021: 187). Второе предисловие содержится в переводе «Evangelie Novieho zázveta Hospodina našeho Ježiša Christa», где его филологические размышления уже более развиты, с примерами (по мнению Трнкоци) неправильных форм из современных ему словацких периодических изданий. Издание Евангелия мы относим ко времени не ранее 1909 г., поскольку в приведенных выдержках из периодики он цитирует сведения о словацкой политической жизни, имевшие место до этого момента⁷, а также упоминает исключение⁸ словацкого языка из школьной системы. Произведение Трнкоци опубликовано в период действия шовинистического школьного закона 1907 г. венгерского министра просвещения А. Аппоньи, запретившего

⁶ Все произведения Трнкоци цитируем соблюдая его особенное правописание отличающиеся от литературного словацкого языка.

⁷ Трнкоци приводит примеры из периодических изданий о лютеранском священнике О. Шкровине, рукоположенном в 1903 г.; словацких депутатах, избранных в венгерский парламент в 1906 г.; или отмене парламентского иммунитета депутата М. Иванки в 1909 г.

⁸ При этом он помечает словацкий язык крестиком, каким в печати означаются усопшие.

использование языков национальных меньшинств в учебных заведениях Королевства Венгрия. В результате принятия этого закона было закрыто множество словацких и румынских школ, что, вероятно, усилило национальные убеждения Трнкоци. Оба предисловия подписаны его именем, и поскольку тексты произведений следуют языковым принципам, изложенным в этих предисловиях, а также содержат определенные заимствования из русского языка, у нас нет причин сомневаться в его авторстве.

По мнению Трнкоци, развитие языка прямо пропорционально уровню образования, экономики, науки, культуры в данном народе. Именно поэтому культурные народы испытывают гордость за свой язык, и он для них тем важнее, чем шире его распространение. Немцы многого добились для своего языка «мечом, колонизацией и печатным словом», но их величайшим достижением стало «объединение своих разных племен единым литературным языком. В этом единстве великая сила!» (Tmčí 1902: введение). Сравнивая это со славянскими народами, Трнкоци с сожалением отмечает почти полное равнодушие последних к созданию единого языка. Однако, по его мнению, можно было бы сделать многое, «если бы в среде славянских ученых и писателей вспыхнула искорка, огонек, помогающий отыскать тропинки, ведущие к широкому пути общеславянского языка» (ibidem).

В Австро-Венгрии было в то время популярным эсперанто, и Трнкоци пишет так: «Желательно, чтобы славянские литераторы, собираясь время от времени, составили коллегия уполномоченных для создания словаря всех славянских наречий, с обозначением слова, которое бы наилучшим образом способствовало стремлению взаимно сблизить славян — направить течение всех рек к одному могучему желобу. В противном случае нас может победит эсперанто»⁹. (Tmčí 1909: введение).

⁹ «Žiaducno by bylo, aby slavianski literáti shromažďujúci sa občasne, utvorili poverenictvo k zostaveniu slovára všetkých slavianskích nárečí s vyznačením toho slova, ktorô by najlepšie zodpovedalo snahe sbližovať Slovanov, napraviť tok všetkých riek smerom k jednému mohutnému žlabu. Ináče zmôže nás esperanto».

Реформы словацкого языка, предлагаемые Трнкоци

Чтобы лучше приспособить словацкий язык к другим славянским языкам, Трнкоци предлагает внести в него изменения и выражает несогласие с некоторыми современными ему грамматическими нормами¹⁰. По мнению Трнкоци, словацкий язык должен был охватить более широкую территорию Карпат: «Словацкий язык своим выгодным положением призван заключить в свои братские объятия всё северо-восточное Подкарпатье, поэтому хорошо понятный для нас интерес требует приспособить наш язык к выполнению очень серьезной задачи». (Trnkóci 1909: введение). В целях повышения понятности словацкого языка для других народов он предлагал использовать элементы церковнославянского и русского языков.

Трнкоци не согласен с новейшими реформами словацкого языка (например, реформа Годжи и Гаталлы 1851 г.), более правильной он считал норму в грамматике Л. Штура «*Náuka reči slovenskej*» 1846 г. Однако и литературный словацкий язык по концепции Л. Штура, основанный на центральнословацких диалектах, он подвергал критике. По его мнению, создатели этого языка взяли «все, что нашли» в центральнословацком наречии, но строили язык так, словно «в одной руке у них был меч, а в другой строительный инструмент: укладывали превосходный материал совместно с подлым на очень узком основании». По его мнению, народный язык искусственным образом не меняется, но литературный язык изменился в худшую сторону.

В морфологии ему более всего претит введение конечного «-é» у прилагательных, в результате чего формы среднего рода в ед. и мн. ч. становятся идентичными. Более подходящим окончанием в ед. ч. ему кажется «-ô» (uo), как это предлагал Л. Штур. Однако филолог М. Гаттала в сочинении «*Grammatica*

¹⁰ В этом отношении его взгляды совпадают с представлениям словенского филолога М. Маяра Зильского (1809–1892), который в труде «*Pravila kako izobraževati ilirsko narečje i u obće slavenski jezik*», следуя идеям Я. Коллара, предлагал свести славянские языки к четырем главным наречиям, которые затем должны были сблизиться и со временем объединиться в общий славянский язык. Благодаря исправлениям в системах отдельных славянских языков они должны были стать более взаимопонятными (Ondicová 2012: 25).

linguae slovenicae» (1850) раскритиковал норму Штура и рекомендовал ввести формы прилагательных «*dobré, dobrého, dobrému*» вместо «*dobruo, dobrjeho, dobrjemu*». Трнкоци считает окончание «-ô» более близким к восточнославянскому «-oje». Вместо форм «*dobré dieťa, dobré deti*» он предлагает «*dobrô dieťa, dobre deti*». Эти правила он последовательно соблюдает в своих текстах в зависимости от мягкости гласного, напр.: «*kultúrny národy*» (Trnkóci 1902: введение) или «*snadnejšie jest velblúdu cez iholnô uško prejsť*» (Мф. 19:24), «*plemeno jašteričô*» (Мф. 12:34), «*Matúša zvanieho*» (Мф. 9:9), «*plody dobre*» (Мф. 7:18). Но все-таки мы находим у него здесь определенное количество неточностей, например, непоследовательность в соблюдении конечного -ô и -o в страдательных причастиях: «*rečeno bylo*» (Мф. 5:21) против «*rečenô bylo*» (Мф. 5:43).

В предисловии к Евангелию Трнкоци выражает свои этимологические взгляды, которые иногда противоречат языковым закономерностям, напр. вместо *medzi* ‘между’ предлагает писать *mezi*, причем наивно аргументирует здесь тем, что корнем слова является не *med* ‘мёд’, но *mez* ‘межа’, в соответствии с гр. μέσος. Можно указать и другие случаи использования им вульгарной этимологии.

Трнкоци критикует также использование вариантных падежных окончаний в родительном и местном падежах, напр. «*v Temešváru (vs. Temešváre) vypijem pohár kávy*» (Džunková 2024: 58–60), приводя цитаты из различных современных ему журналов. При этом он выражает разочарование, что такие неточности допускают не «вражеские», а «наши», словацкие печатные издания. Он предлагает создать раздел по орфографическим и этимологическим вопросам

Интересным является его отношение к чешскому языку. Будучи протестантом, Трнкоци хорошо знал текст Кралицкой Библии и владел традицией чешского литературного языка. Однако в своем переводе он стремился избегать некоторых заимствований из чешского в пользу заимствований из русского, которые считал более логичными. Например, рассуждая о часто употребляемом богемизме *úkol* ‘задача, задание’, Трнкоци убеждает читателя, что это слово имеет правильное значение только в русском языке – «укол ножом, шилом, шипом». Вместо этого автор советует использовать более корректное словацкое выражение *úloha*. Так же «неправильно», по чеш-

скому образцу, словаки пишут игрек (у) после *k*. Этого, по мнению Трнкоци, не следует делать, так как «ни в одном славянском наречии нет слова, где бы произносился слог *kü*».

Ему не нравится слово *sporitelňa* ‘сберегательная касса’, о котором он думает, что чехи заимствовали его из нем. *Sparkasse*, как заимствовали они *sporák* ‘плита’ из нем. *Sparherd*. Но на словацком языке глагол *sporit’* ‘спорить’ значит то же самое, что и на русском: иметь с кем-то спор. Таким образом, название *sporitelňa* словно бы обозначает учреждение суда, куда люди обращаются со своими спорами, по аналогии с другими подобными словацкими выражениями: *spalňa*, *čítalňa*, *jedálňa*, *korhelňa*. Трнкоци более согласен с русским *sberegatelna*, этимологию которого он правильно объясняет, и предлагает этот корень в качестве основы для словацкого неологизма *sberatelňa*.

Но Трнкоци рекомендует соблюдать то хорошее, что есть в чешском языке, так как многие чешские формы, по его мнению, являются этимологически более правильными, чем словацкие, а некоторые словацкие словоформы и вовсе указывают на неразвитость языка: «Многие подчеркивают необходимость приближения к чешскому языку. Да, мы примем от них то, что у них есть хорошего; а они пусть примут от нас то, то в нашем языке является более славянским. Чехи правильным образом пишут *jsem*, *jsi*, *jest*, *jsme*, *jste*, *jsú*; следует, чтобы и мы так же писали [...] Написания же *som*, *si*, *sú*, *ste* представляют собой чистую фонетику, которая производит впечатление неразвитости, безграмотности. Позорно писать: *vták* вместо *pták*, *hoci* вместо *choťa* [...], *povraz* вместо *provaz* [...]»

Немецким лексическим заимствованиям (напр. *gruppa*, *flák*, *cverna*, *špic*, *fertoch*, *urlaub*, *vinš*, *šajba*, *lifrovat’*, *holdovat’*) Трнкоци, опять же, предпочитает заимствования из русского языка. Так, вместо слова *hák* он предлагает использовать русское «*kriuk*».

При употреблении малопонятных русских слов Трнкоци здесь же приводит их объяснение в кавычках или сносках. Молодежи он рекомендует посвящать свободное время изучению апостольского языка св. Кирилла и Мефодия — церковного языка миллионов славян, которое уподобляет (плодо-

родному) полю, коим стоит заниматься более, нежели «нивой измышленных тайн»¹¹.

Евангелие от Матфея в переводе Й. Трнкоци

Трнкоци перевел свой текст, скорее всего, по Библии Елизаветы Петровны (Elizabeth Bible 1751). Церковнославянский и словацкий тексты он набрал в двух параллельных колонках, причем цсл. текст транскрибировал с кириллицы на латиницу. В обеих колонках им использован архаизирующий шрифт «фрактура», характерный для тогдашних церковных печатных изданий словацких лютеран. Предисловие напечатано обычным для печатных изданий шрифтом, причем в словацком тексте Евангелия, в отличие от предисловия к нему или произведения «Slovo ku slovenskim gazdom», Трнкоци употребляет графемы *w* или *f* и *ff*, которые мы транскрибируем в соответствии с современным правописанием. Остальные особенности авторской орфографии оставляем неизменными.

Хотя местами Трнкоци употребляет элементы русского языка, они не совпадают с текстом Нового Завета Синодального перевода (Synodal Bible 1870). Также можно исключить употребление им в работе латинского или греческого оригиналов, поскольку следов этого в тексте не находится; Трнкоци не ссылается на них в своих вводных размышлениях о библейском переводе, где его интересует лишь точность перевода на другие языки по сравнению с цсл. (Džunková 2024: 62). Вместе с тем, Трнкоци упоминает использование им немецкого, сербского (перевод В. Караджича 1847 г.), чешского (Кралицкая Библия, 1579–1593 гг.) и словацкого (перевод католического священника Ю. Палковича 1832 г.) переводов Нового Завета.

Как в переводе, так и в цсл. транскрипции Трнкоци допускал определенные неточности, например «г» он передает то как *g*, то как *h*, причем эта вариативность может встречаться у него в пределах одного стиха, напр. Мф. 3:9 «I ne načínajte

¹¹ «Pole studiuma staroslovenčiny vd'áčnejšô jest nivý mudrlantských záhad, [...]. A múdrosť okrievajúčne dyšúca z učenia Kristovho stačí ukojiť um ľudskí žižniacy za pravdou po všetki veky».

glagolati w febe: otca imamy awraama; hlaholiu bo wam, jako mozet boh ot kamenia feho wozdwihnuti čada awraamu». ¹²

9. Ž ne načínajte glagolati w febe: ota imamy awraama; hlaholiu bo wam, jako mozet boh ot kamenia feho wozdwihnuti čada awraamu.

9. Ž ne načínajte hovoriť w febe: ota imáme Abrahama; lebo povedám wám, že môže Boh z kamenia tohoto pozdvihnúť synov Abrahamových.

«Pole studiuma staroslovenčiny vďačnejšô jest nivy mudrlantskich záhad, [...]. A múdrosť okrievajúcne dyšúca z učenia Kristovho stačí ukojiť um ľudskí žižniacy za pravdou po všetki vekí».

Заметны неточности и в транскрипции некоторых других цсл. букв, а также в употреблении ударений (Džunková 2024: 61).

Мы нашли у Трнкоци несколько сходств с упомянутыми переводами НЗ на сербский, чешский¹³ и словацкий языки, но все-таки его перевод является полностью самостоятельным, и большинство инноваций вызвано к жизни цсл. оригиналом. Заимствования из имеющихся чешского и словацкого текстов НЗ применены при передаче специфических библейских терминов, где цсл. лексика является непонятной (Džunková 2024: 62–63), или в некоторых устойчивых библейских словосочетаниях, как напр. *plač a škripanie zubov* (скрѣжеть зѣбѣмъ), *kvieťa polnô* (крѣнь сѣльныхъ) и др. Трнкоци сохраняет также прочно усвоенные в народном обиходе библейские отрывки, такие, например, как текст молитвы «Отче наш» и др., где словацкому читателю будут непонятны некоторые цсл. выражения¹⁴.

В приводимом ниже исследовании текста «Evangeliu Novieho zâveta Hospodina našeho Ježiša Christa» мы используем отрывки из двух наиболее использованных Трнкоци переводов: Кралицкой Библии (BiblKral) и Нового Завета Ю. Палковича (NZPalkovič), а также, местами, из новозаветного перевода В. Караджича (NZKaradžić).

¹² н' не начинайте глаголати въ себѣ: отца ѿмамы авраама: глаголю бо вамъ, ѿкъ можетъ бгъ ѿ каменѣа сегѣ въздвѣгнѣти чѣда авраамѣ

¹³ Текст Библии Кралицкой Трнкоци мог знать по памяти.

¹⁴ Напр. хлѣбъ нашъ насѣщный дѣждь намъ днесъ: и вѣстави намъ долги наша, ѿкъ н' мы вѣставляемъ должникѣмъ нашимъ – *Chlieb náš vezdajší dajž nám dnes. A odpusť nám viny naše, jako i my odpúšťame vinnikom našim.*

Влияние церковнославянского оригинала

Трнкоци принимал заимствования из цсл. языка на разных уровнях. Возможно, он прибегал к цсл. источнику ради архаизации словацкого текста, создавая своеобразный, возвышенный библейский стиль, и одновременно стремился к понятности нового перевода для более широкой славянской аудитории.

Заимствования из цсл. встречаются, как можно ожидать, среди собственных имен: *Kapernaum* вместо *Kafarnaum* (BiblKral, NZPalkovič). Однако тут же имеет место и расхождение графических вариантов, напр. *Jakov* (цсл.) и *Jakob*.

Библейские термины Трнкоци тоже часто переводит по образцу цсл., например, **амѣнь** как *ameň*, вместо *amen*, или **госпѣдь** как *hospodin*, вместо *pán*¹⁵. Но как и первые чешские переводчики XIV в. (Džunková 2022: 284–290), Трнкоци различает значения «Господь» (*hospodin*) и «хозяин» (*pán*), напр. Мф. 7:21 **Не всѣкъ глаголаѣ мѣ: гдѣи, гдѣи, внидетъ въ црѣвѣе нѣное** — *Nie každý prihovárajúci sa mi: hospodine, hospodine vôle do kráľovstva nebeského* и Мф. 18:18 **Тогда призвѣвъ егѡ господѣнъ егѡ...** — *Tehda predvolav poddaného pána jeho*.

Кроме того, Трнкоци заимствует из цсл. языка слова, понятные словацкому читателю, но не существующие в словацкой лексике¹⁶, напр. **крещѣніе** — *krstenie* вместо *krst* (Мф. 3:7)¹⁷. Цсл. лексику он приспособливает к законам словацкого языка, напр. **корѣбль** — *korábel* вместо *lod'*, *lodička* (Мф. 8:23) или

¹⁵ Здесь, кстати, следует отметить, что выражение *pán* употреблялось в чешском библейском переводе с XV в. Первый полный древне-чешский библейский перевод «Дрезденская библия» датируется ок. 1360 г., первый сохранившийся словацкий перевод «Камальдильская библия» относится к концу XVIII в.

¹⁶ Мы провели сравнения по словарям: «Historický slovník slovenského jazyka I–VII» (Bratislava, 1991–2008), «Slovník slovenských nárečí I–III» (Bratislava, 1994–2021).

¹⁷ В отрывке Мф. 3:7 **Видѣвъ же (їѡаннъ) многѣ фарѣсеи и саттѡукѣи градоуцѣи на крещѣніе егѡ** — *Videv-že mnohých fariseov a saddukeov, kráčajúcych na krstenie jeho* Трнкоци подражает цсл. оригиналу, но в другом месте употребляет лексику *krst*, напр. Мф. 3:16 **И крѣтѣвса їѣсъ** — *Po krste Ježiš*.

предѣлѣть — *prídiel* вместо *končina* (Мф. 2:16): послáвъ изъвѣ всѣмъ дѣти соущыя въ внолѣемѣ и во всѣхъ предѣлѣхъ егѡ — *poslav pozabíjal všetky deti jsúce v Betleeme i všetkých prídieloch*.

Трнкоци использует словацизированные формы цсл. лексики. Например, в Мф. 5:27 приводит новую формулировку заповеди: *preľúbosť ne stváraj*, хотя в чешском (и словацком) языке с XIV в. закрепилось выражение: *nesesmylníš* или *nezcizoložíš*¹⁸. В данном случае на Трнкоци мог оказать влияние сербский перевод Нового Завета. Мф. 5:27 не прелюбы сотвориши — *preľúbosť ne stváraj* — BiblKral: *nezcizoložíš* — NZPalkovič: *nezesmilníš* — NZKaradžić: *не чини прелюбе*.

Трнкоци часто прибегает к лексическому подражанию цсл. оригиналу, напр. Мф. 5:37 боуди же слово ваше: ей, ей: ни, ни: лишше же сею ѿ неприязни есть — *hej, hej, nie, nie; čo vyššie toho, od nepriazni (zle) jest*. Здесь мы видим, что к непонятной лексеме *nepriazni*, используемой вместо традиционного *od zlého*, Трнкоци добавляет в скобках объяснение выражения. Звуковое подражание цсл. находим также в отрывке Мф. 8:20 лиси ѡзвныи ѡмоутъ — *liški jaminu majú*. Ср. BiblKral: *lišky douputa mají* — NZPalkovič: *liški majú jami* — NZKaradžić: *лисуце имају јапе*.

В другом месте Трнкоци употребляет одновременно заимствования из цсл. и сербского переводов:

Мф. 4:24 И изыде слоухъ егѡ по всей сѣрѣ: и приведоша къ нему всѣ болѣщыя, различными недузи и страстьми ѡдержимы, и бѣсны, и мѣсачныя, и разслабленныя (жилами): и исцѣли ихъ.

Trnkóci: *I rozišiel sa o ňom sluch po všetkej Syrii i privodili k nemu všetkých bolestných, rozličnými neduhý a strádaniami sklúčených, i besných, i mesačnikov i zoslabených v žilách a zacelil, vyliečil ich*.

BiblKral: *A rozešla se o něm pověst po vši Syrii. I vodili k němu všechny nemocné, rozličnými neduhy a trápeními obklíčené, i ďábelníky, i náměsíčníky, i šlakem poražené a uzdravoval je*.

¹⁸ Электронная база данных древнечешского библейского перевода: <https://diabible.ujc.cas.cz/>

NZPalkovič: *A rozešla sa o ňem povest' po celej Sirii, a podávali mu vŕŕeckich zle sa majícich, vŕŕelijakimi neduhi trápeních, i tich ktorí zlého ducha mali, i mesáčňikov, i ŕŕlakom porazeních, a uzdravoval jich.*

NZKaradžić: *И отиде глас о Њему по свој Сирији и приведоше Му све болесне од различнијех болести и с различнијем мукама, и бијесне, и мјесечњаке, и узете, и исцијели их.*

Подобную же стратегию применял в начале XIX в. чешский просветитель, филолог и католический священник Франтишек Новотны из Лужи (1768–1826) в своем переводе Четвероевангелия, с тем отличием, что цсл. для него не являлся языком подлинника, а лишь источником вдохновения при создании возвышенного библейского стиля (Bartoň 2018: 185–192).

Кроме того, в тексте Трнкоци находим кальки – буквальные переводы с цсл., иногда вводимые ценой потери словацких библейских устойчивых словосочетаний. Например, пищу Иоанна Крестителя *проўжіє н' мѣдъ дівій* (Мф. 3:4) он переводит как *skočki (kobyľki) a med divý* вместо устойчивого словосочетания *kobyľky a med lesní (polesní)*.

В Мф. 5:43 Трнкоци переводит *искренній* буквально как *dôverný* вместо *blížny*. Заимствование из цсл. употребляет он здесь и в случае слова *врагъ*, однако словацкое значение *nepriateľ* оставляет в скобках.

Мф. 5:43 *возлюбѣши искреннаго твоего н' возненавидѣши врага твоего*

Trnkóci: *Lúbit' budeš dôverného svojého a nenávidieť vraha (nepriateľ'a) svojého.*

BiblKral: *Milovati budeš bližního svého, a nenáviděti budeš nepřítel'e svého.*

NZPalkovič: *Milovať budeš blížného tvého, a nenávid'eť budeš nepřátel'a tvého.*

NZKaradžić: *Люби ближняго своего, и мрзи на неприятеля своего.*

Одной из характерных черт перевода Трнкоци является частое употребление творительного падежа по образцу цсл. источника. Напр. в Мф. 2:23 *ѡкъ да своудетсѧ речѣнное прорѣки* — *aby splnilo sa rečenô proroki* вместо винительного падежа: *skrze prorokov* (NZPalkovič). Или в Мф. 4:14 *да своудетсѧ*

речѣнное нѣсáѣмъ прѣрѣкомъ — *Aby splnilo sa rečenô Isaïom prorokom* вместо *skrže Izajáša proroka* (NZPalkovič). Иногда конструкции с творительным падежом Трнкоци вводит самостоятельно, независимо от цсл. текста, напр. Мф 5:45 ѡ́къw сѣ́лнцѣ своѣ сѣ́лѣтъ на злы́х ѡ бѣ́лѣхъ — *ktorý slncom svojim sviati na zlých i dobrych*.

Еще одной характерной чертой перевода Трнкоци является употребление причастий, в том числе прошедшего времени, по образцу цсл. оригинала, хотя уже Палкович в своем переводе 1832 г. использовал в таких случаях придаточные предложения с *verbum finitum* или причастия настоящего времени, более соответствующее словацкому языку.

Мф. 2:7 испѣтовашѣ ѡ́ нѣхъ врѣмѣ ѡ́бълѣшѣсѣ звѣзды — *vyspytoval od nich čas pojavivšej sa sviezdy* – BiblKral: *pilně se jich vyptával, kterého by se jim času hvězda ukázala* — NZPalkovič: *vidovedoval od nich čas hviezdi, ktorá sa jim bola ukázala*.

Заметим, что в указанном отрывке Трнкоци уподобляет слово *sviezda* (вместо *hviezda*) цсл. правописанию.

При этом Трнкоци не везде соблюдает одинаковую морфологическую форму причастий, напр. *šed* и *šiev*. Мф. 2:8 ѡ́къw да нѣ ѡ́зъ шѣ́тъ поклони́сѣ ѣмоу — *aby i ja šed poklonil sa jemu* и Мф. 5:24 шѣ́тъ прѣ́жде смири́сѣ съ брáтомъ твои́мъ, нѣ тогдá прише́тъ принеси́ дáръ тво́й — *šiev, prvej smier sa s bratom a tehda prišed oddaj dar tvoj*.

И все-таки Йозеф Трнкоци не принимает все цсл. конструкции автоматически. Характерным примером такой избирательности является дательный самостоятельный, который Трнкоци чаще всего переводит придаточными предложениями с *verbum finitum*, напр. Мф. 6:3 тебѣ́ же творáщюу́ мѣ́лостыню — *ty pak ked' udeluješ milodar*. Пользуется он также и именными конструкциями, как правило с употреблением причастий. Так, в Мф. 8:1 он переводит имперфект перфектом в форме л-причастия и принимает с цсл. наречие ѡ́слѣ́дъ:

Мф. 8:1 Ѡ́ше́дшоу́ же ѣмоу́ съ горы́, ѡ́слѣ́дъ ѣгѡ́ нѣ́дáхоу́ наро́ди мно́зи.

Trnkóci: *Za schodiacym s hory, v sled jeho šiel národ mnohý*.
BiblKral: *A když sstupoval s hory, šli za ním zástupové mnozí*.
NZPalkovič: *A když zestúpil z hori, išli za ním zástupi mnohé*.

NZKaradžić: *A kad siđe s gore, za Ćum iħaše naroda mnogo.*

Вместо дательного самостоятельного Трнкоци использует также номинатив причастия прошедшего времени, хотя употребляет для ед. числа форму *byvše*, означавшую мн. число.

Мф. 9:33: **И изгнаноу вѣсоу, проглагола нѣмый.**

Trnkóci: ***I vyhnan byvše z neho bes, nemý promluvil.***

BiblKral: *A když vyvrženo bylo d'ábelství, mluvil němý.*

NZPalkovič: *I kdiž vivrhnutí bol zlí duch, mluvil ěmí.*

NZKaradžić: *И пошто изгна ѡвола, проговори нијему.*

Как можно было заметить выше, Трнкоци не перенимает формы цсл. простого прошедшего времени (аориста), напр. Мф. 14:20 **И ѡдѡша вси и насытишася** — *I jedli všeci i nasýtili sã.*

Займствований из цсл. он избегает и при передаче некоторых неизвестных словацкой аудитории выражений, напр. Мф. 6:3 **шолѣца, десница** — *levica, pravica*; Мф. 7:6 **вѣсеръ** — *perly*; Мф. 7:18 **дрѣво добръ** — *strom dobrý*; Мф. 9:2 **на ѡдрѣ** — *na loži*. Иногда он употребляет непонятные слова с указанием их значения в скобках, напр. Мф. 5:47 **И аще цѣлоуєте дроуги вѡша тѡкмѡ** — *A jestli celujete sa (pozdravujete) len s vašimi družmi*; Мф. 7:29 **И аѣе ѡчистишя емоу проказа** — *I hneď očistila sa mu prokaza (nákaza)*; Мф. 7:22 **и твоимъ именемъ силы многы сотворихомъ** — *a твоjim menom sily (divy) mnohíe nestvárali*; Мф. 10:8 **тѣне прѣясте, тѣне дадите** — *túno (lacno) jste prijali, túno dajte*.

Новые словацкие переводческие решения и «русизмы»

Выполняя перевод, Трнкоци старался нарочно выбирать лексемы, близкие к русскому языку (восточнославянским языкам). Это заметно даже в предисловии, где применённые им русские выражения объясняются в скобках — напр. слово *dosuh* в рассуждении о необходимости изучения цсл. языка: «Slovenčina vyklučená zo škôl, nemajúca pestovateľov z povolania, odkázaná jest na ľubiteľov, ochotníkov. Mládeži doplnujúcej preredlie rady starších, snažne odporúčam venovať svoj dosuh (prázdny čas) studiumu staroslovenčiny apoštolskej to reči Cyrilla a Metoda i reči cirkevnej mnoho miliónov Slavían». Отметим, что

в этом отрывке Трнкоци использованы и такие не существующие в словацкой лексике выражения, как *vykličená, ľubitel'*.

Следует добавить, что хорошее знание русского языка встречалось среди словацких интеллектуалов того времени исключительно редко, сложности у некоторых из них появлялись уже на этапе освоения русской азбуки. Кроме того, в начале XX века за чтение русской литературы и прессы они могли попасть в затруднительное положение из-за обвинений в панславизме (Holec 2022: 113).

Видимо, этим объясняются некоторые «провинциальные» особенности русского языка Трнкоци. Лексему *chlopoty*, например, он употребляет при переводе цсл. *винà*, причем в Синодальном переводе на этом месте стоит *обязанность*: Мф. 19:10 *âце тáкѡ ёсть винà челоѡѣкѡ съ женюю — ked' je tol'ko chlopoty so ženou* — Синод. перевод: *если такова обязанность человека к жене* — BiblKral: *poněvadž jest taková pře s manželkou* — NZPalkovič: *ked' je takí spôsob človeka s manželkou* — NZKarážic: *ako je tako čovjeku sa ženom*.

Подобным образом использует он «сниженную» лексему *chižina* вместо цсл. *храмина*. Мф. 2:11 *пришедше въ храминѡ, видѣша ѡтроцà съ мрією мтрію єгѡ — všedše v chižinu, videli dieťa s Mariou materou jeho* — Синод. перевод: *и, войдя в дом, увидели Младенца с Мариєю*.

Применены Трнкоци и другие нестандартные переводческие решения, напр. Мф. 6:16 *не боудите ѡкоже лицемѣри сѣтоюще — ne bud'te jako ľicomeri, pretvárajúci sã a mračiaci sa*; Мф. 8:4 *но шедъ покажиса їерёви — no chod', ukáž sa duchovníkovi*; Мф. 9:5 *что во ёсть оудобѣе рещи — čo je udobnejšie rieci'* (в сноске со звездочкой написано: *nádobno, údobno*); Мф. 15:22 *дщи моѡ салѣ бѣсноуетсѡ — dcera moja, veľmi stráda besovstvom*; Мф. 21:12 *трапѣзы торжниковѡ испроверже — stolíki trhovcom poprevracal*; Мф. 21:18 *ѡтроцъ же возвращиса во градъ... — Utrom vracajú sa do mesta...*

Кроме того, Трнкоци, будучи сознательным словаком, употребляет в библейском тексте новую словацкую лексику, особенно в отношении сельскохозяйственных терминов, напр. *sipárňa* ‘зернохранилище’, *chotár* ‘территория деревни, населенного места’, *gazda* ‘хозяин’, *poddaný* ‘крепостной’ а также

haliena ‘рубаха’. Интересно, что Трнкоци в своем переводе приводит также названия словацких музыкальных инструментов, напр. уникальным образом включает в библейский текст традиционный словацкий деревянный духовой инструмент фуяра, называя музыканта *fujarník* вместо цсл. **сопѣць**.

Мф. 9:23 **И прише́дъ ѿ́нсъ въ до́мъ кнѣ́зь, и́ ви́дѣвъ сопцы́ и наро́дъ мо́лващъ.**

Trnkóci: *Prišed Ježiš v dom kniežaťa a videv **fujarníkov** a národ hlučiacu.*

BiblKral: *Přišed pak Ježíš do domu knížete, a užřev trubače i zástup hlučící.*

NZPalkovič: *Pridúce ale Ježíš do domu kňazíka, a uzříce piskačov, a zástup hlučící.*

NZKaradžić: *И дошавши Исус у дом кнежев и видјевши свираче и људе забуњене*

Заключение

При переводе Нового Завета на словацкий язык Йозеф Трнкоци заимствует из цсл. текста множество особенностей. Наиболее заметным у него является употребление именных конструкций вместо придаточных предложений с *verbum finitum*, благодаря чему текст приобрел архаические черты. Подобную стратегию обращения к цсл. оригиналу применял в начале XIX в. в переводе Четвероевангелия чешский просветитель Ф. Новотны из Лужи, но в гораздо меньшем объеме.

В тексте Трнкоци заслуживает внимания та грань, далее которой Трнкоци считал цсл. заимствование уже неясным для словацкой аудитории. Тогда он обращался к более древним библейским переводам на словацком и чешском языке или применял новые переводческие решения, отражая словацкие реалии.

Рассмотренный перевод Евангелия от Матфея выдает стремление Й. Трнкоци сделать словацкий язык более понятным для славян карпатского региона и создать новый, возвышенный словацкий библейский стиль, основанный на традициях святых Кирилла и Мефодия.

Трнкоци взялся за идею общеславянского языка на несколько десятилетий позже своих предшественников. Но интересен тот факт, что общеславянским языком занимался в 20-х годах XIX века именно земляк Трнкоци — филолог и юрист Я. Н. Геркель из региона Орава. И кажется, что особенно активно к

церковнославянскому языку в XIX веке обращались словацкие лютеране именно из Оравы. У другого земляка Трнкоци, его личного знакомого, крупнейшего словацкого поэта П. Орсага Гвездослава, в конце подражания Псалму 98, посвященного святым Кириллу и Мефодию («Žalm na tisícročnú pamiatku vierozvestcov sv. Cyrila a Metodeja», 1885)¹⁹, встречается цитата на чистом церковнославянском языке: «Budi Gospodi milosť Tvoja na nás nynie i ve veku!».

Литература

- Bartoň, J. 2018: [Church-Slavonic Elements as a Source of the Czech Biblical Style in the Period of the Czech National Revival (Unique Attempt of František Novotný from Luže)]. *Slověne* 7, 2, 179–198.
- Бартонь, Й. 2018: Церковнославянское языковое наследие как источник чешского библейского стиля в эпоху национального возрождения (Уникальный опыт Франтишка Новотного из Лужи). *Slověne* 7, 2, 179–198.
- Bednářová, K. 2013: *Dejiny umeleckého prekladu na Slovensku, I: Od sakrálného k profánnemu*. Bratislava.
- BiblKral — *Bible kralická: šestidílná: kompletní vydání s původními poznámkami*. Praha: Česká biblická společnost, 2014.
- Buzássyová, E., Herkeľ, J. 2009: *Ján Herkeľ a jeho dielo: základy všeobecného slovanského jazyka odvodené zo živých rečí a podložené zdravými zásadami logiky*. Bratislava.
- Brodňanský, J. 2012: Ochotnícke divadlo v Dolnom Kubíne v rokoch 1875–1918. *Priateľ knižnice* 4, 2, 3–6.
- Čerňan, I. 1988: Príspevok k dejinám tlačiarň na Orave. In: Domová, M. *Kniha '88. Zborník o problémoch a dejinách knižnej kultúry na Slovensku*, Martin: Matica slovenská, 119–127.
- Džunková, K. 2022: [“Dominus” lexeme in the Old Czech translation of the New Testament (ca. 1360–1500)]. In: *Kommunikativnye kody v mezhkulturnom prostranstve kak sredstvo formirovaniya obshchegumanitarnykh kompetentsiy cheloveka novogo pokoleniya* [Communicative Codes in Intercultural Space as a Means of Formation of General Humanitarian Competences of a New Generation Person.]. Moscow: KDU, Universitetskaya kniga, 281–293.
- Джункова, К. 2022: Лексема «dominus» в древнечешском переводе Нового Завета (ок. 1360–1500). В сб.: *Коммуникативные коды в межкультурном пространстве как средство*

¹⁹ Из Оравы происходил и лютеранский священник Ян Кутлик старший (1806–1890), служивший в словацких деревнях в Нижней Венгрии, автор гимна святым Кириллу и Мефодию «Slávospiev k tisícročnej pamiatke Cirylo-Methodejskej» (Žiláková 2018: 68–69).

- формирования общегуманитарных компетенций человека нового поколения. *Материалы II Междисциплинарной научно-практической конференции 31 мая 2022 г.* Москва: «КДУ», «Университетская книга», 281–293.
- Džunková, K. 2024: „Pole studiuma staroslovenčiny vďačnejšô jest nivy mudrlantských záhad.“ *Neznámy slovenský preklad Evanjelia od Matúša zo začiatku 20. storočia (prvá správa).* *Clavibus unitis*, XIII, 2, 53–56.
- Elizabeth Bible 1751 — *Bibliya sirech knigi Svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta* [The Bible i.e. the books of the Holy Scriptures of the Old and New Testament]. Saint Petersburg. Библия сиречь книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. Санкт-Петербург.
- Herkeľ, J. N. 1824: *Elementa universalis linguae Slavicae e vivis dialectis eruta et sanis principiis logicae suffulta.* Budae.
- Holec, R. 2022: *Kniha o čítaní, čítanie o knihách: (kto, čo, kde a prečo čítal v "dlhom" 19. storočí na Slovensku).* Bratislava.
- Jedláková, R. 2021: Oravské slovaciká vo fonde Bibliotéky Čaplovičiany. In: Jagnešáková, M. (ed.) *Zborník Oravského múzea* 38. Dolný Kubín: Oravské múzeum P. O. Hviezdoslava, 176–204.
- NZKaradžić 1847 – *Novi zavjet Gospoda našega Isusa Khrista* [The New Testament of our Lord Jesus Christ]. Vienna. Нови завѣтъ Господа нашего Исуса Христа. Беч.
Онлайн-версия: <https://biblija.rs/files/Biblija-cirilica.pdf>.
- NZPalkovič 1832 – *Swaté Pismo starého i nowého zákona podľa obecného latinského, od sw. Rímsko-Katolíckég Cirkwi potvrdeného, preložené s prirownáním gruntowného Textu na Swetlo widané, díl první a druhí.* Ostrihom.
- Ondicová, S. 2012: *Hledání všeslovanského jazyka.* (Diplomová práce). Brno: Masarykova univerzita, Filozofická fakulta.
- SBS 1994 — *Slovenský biografický slovník (od roku 833 do roku 1990).* VI. zväzok. T – Ž. Martin.
- Synodal Bible 1870: *Novyy Zavět Gospoda našego Isusa Khrista* [The New Testament of our Lord Jesus Christ]. Saint Petersburg. *Новый Заветъ Господа нашего Исуса Христа.* Санкт-Петербург.
- Trnkóci, J. 1902: *Slovo ku slovenskim gazdom.* Dolný Kubín.
- Trnkóci, J. 1909: *Evangélie Novieho záveta Hospodina našeho Ježiša Christa.* Dolný Kubín.
- Žiláková, M. (ed.) 2018: *Kutlíkovci na Bánhedeši.* Veľký Bánhedeš.

Ю. А. Дзицойты
Юго-Осетинский государственный университет. Цхинвал, Южная Осетия /
Центр скифо-аланских исследований ВНИЦ РАН, dzicc@mail.ru

А. И. Фалилеев
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
a.falilejev@gmail.com

НАЗВАНИЯ ДЕСНЫ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Слова со значением ‘десна’ в иранских языках были недавно рассмотрены Е. Филиппоне (2018), и в этой статье предлагается анализ собственно осетинских данных. После небольшого комментария по поводу ос. *dændaʒy fyd(tæ)* с семантическими параллелями в иранском, и.-е. и в различных языках Кавказа (и полным этимологическим тождеством в сангличи), исследование концентрируется на осет. *myly, -tæ | mutultæ*. Рассмотрены формальные и семантические аспекты этого слова, что способствовало и выявлению его омонима. Все это позволило сопоставить его с осет. *mūk'ū | mok'o*, которое также исследовано в работе. Предлагается их возведение к иранск. **mau-* : *mu-* (вероятно — ‘жевать’), что должно, в том числе, способствовать и уточнению семантики и.-е. **(s)meuH-*.

Ключевые слова: осетинский язык, иранистика, этимология, лексикология, индоевропеистика.

Yu. A. Dzitstsoity
South Ossetian State University. Tskhinval, South Ossetia. dzicc@mail.ru

Alexander Falilejev
Institute for Linguistic Studies, RAS. St. Petersburg, Russia.
a.falilejev@gmail.com

Words denoting ‘gum’ in Ossetic

Words for ‘gum’ in Iranian have been considered in a recent article by E. Filippone (2018), and this paper offers a discussion of corresponding lexemes particularly in Ossetic. After a brief comment on *dændaʒy fyd(tæ)* that finds semantic parallels both in Iranian / Indo-European as well as in various languages of the Caucasus, and the exact etymological match in Sanglechi, the discussion concentrates on *myly, -tæ | mutultæ*. Formal and semantic aspects of this word are elucidated, and its homonym is detected. The range of meanings of the lexeme offers us the possibility to compare it with Osset. *mūk'ū | mok'o*, which is also analysed in the article. The cumulative evidence points to their derivation from Iranian **mau-* : *mu-*, probably with the meaning ‘to chew’, which is found rudimentally in

several Iranian languages. These findings contribute to the discussion of semantics attributed to PIE **(s)meuH-*, to which the reconstructed stem undoubtedly belongs.

Keywords: Ossetic, Iranian linguistics, etymology, lexicology, Indo-European.

Введение

Почти век тому назад, в 1930 г., известнейший швейцарский лингвист Эдуард Швицер (1874–1943) опубликовал свою статью, посвященную анализу названий десны в индоевропейских языках (Schwyzer 1930). В ней были рассмотрены известные к этому времени данные, и несомненной заслугой этого филолога-классика является, помимо прочего, интерес к семантическому аспекту сопоставлений. Швицер наглядно показал семантическую связь между названиями десны, челюсти и нёба, прослеживаемую по многочисленным и разнообразным данным, а также с лексемами, означающими другие части рта и лица в целом. Совсем недавно Эла Филиппоне посвятила свое исследование этой же группе слов, в котором она весьма подробно рассмотрела богатейший материал иранских языков (Filippone 2018). В своей статье итальянская иранистка, естественно, использовала свидетельства как древних, так и современных иранских языков, в том числе и осетинского. В этой работе мы вернемся к анализу собственно осетинских данных.

I. Осетинские названия десны (и губы)

В осетинском языке понятие десна выражается лексемой *myly*, *-tæ* | *mutultæ* и словосочетанием *dændaǵy fyd(tæ)* (*дæндаджы фыдтæ*) досл. ‘мясо зубов’. В современной лексикографии они представлены как абсолютные синонимы, что нуждается в некоторой корректировке. Осет. *myly*, *-tæ* | *mutultæ* означает десну как у человека, так и у животных. В. И. Абаев в своем словаре приводит два соответствующих примера, это иллюстрирующих (HEDOL II: 139), к чему следует добавить следующее. Как показывают полевые наблюдения одного из авторов этой работы, слово *myly(tæ)* в применении к жвачному (жертвенному) животному, голова которого варится и подается к столу старших, означает не только десну, но и внутреннюю часть губы. Это семантическое изменение известно в иранском

и вне осетинского: так, Филиппоне приводит белудж. *popul*, означающее как десны, так и губы, которое она связывает с лексемой со значением ‘беззубый’ *vel sim.* (Filippone 2018: 171). О связях между наименованиями десны и губы речь пойдет ниже, и тут можно упомянуть о том, что предыстория стандартного названия губы в осетинском остается полем для дискуссий.

В. Ф. Миллер связывал осет. *byl* | *bilæ* ‘губа’¹, а также ‘край’, ‘берег’ с др.-инд. *bila-* ‘пещера, отверстие, яма’ (Miller 1903: 33), не оговорив фонетические трудности: в осетинском ожидали бы **byr* | *biræ*. Неудивительно, что В. И. Абаев (HEDOL I: 278) отверг это сопоставление, признав осет. слово заимствованием из кавказского субстрата, в связи с чем приводятся дидойск. (бежтинск.) *bəl, bil* ‘губа’, сванск. *p’il* ‘губа’, груз. *p’iri* ‘рот’. Р. Бильмайер расширил список близких по звучанию и значению кавказских слов, однако, учитывая единичность этих лексем на кавказской почве, вопрос о заимствовании или исконном характере осет. слова оставил без ответа (Bielmeier 1977: 133–134). Более того, учитывая созвучные слова в некоторых других языках, вроде нем. *Lippe* ‘губа’, Бильмайер не исключил возможности звукосемантического (ономатопоэтического) характера всей этой группы слов (Ibid.: 73, 133). Очевидно, немецкий специалист имел в виду в том числе и иранские соответствия к нем. *Lippe*, для которых Д. И. Эдельман реконструировала праиран. этимон **lap-*, **lab-* ‘губа, губы’, также признав их звукосеман-

¹ Имеется огромное количество производных от этого слова. Помимо *bylgæron* ‘край (обрыва, крыши и т. п.)’ и *bylyzdux* ‘скручивание губы’, ‘закрутка’ у строптивой лошади при ковке и т. п. в целях ее укрощения (HEDOL I: 278), ср. *былыцæрттæ* ‘кожица на губах’ (чаще всего в устойчивом выражении *былыцæрттæ хæрын* ‘страстно стремиться, мечтать о чем-л.; страстно желать чего-л.’, букв. «грызть кожицу (на своих) губах»), *былыалгъ*, букв. «кончик губы» в выражении *былыалгъмæ схæццæ уын* «оказаться на кончике губы (о гневе)», т. е. быть готовым сорваться с губ. Места соединения верхней и нижней губы называются *донгæмттæ* (ед. ч. — *донгом* ‘уголок рта’). Это слово самостоятельно практически не употребляется; обычно мы находим его в устойчивом выражении *йæ хъуымыз йæ донгæмттæй кæлы* «(у него) молоко не обсохло на губах», букв. «у него молоко течет из уголков рта»; ср. HEDOL I: 369.

лическими образованиями (EDIL V: 67). В случае верности догадки Р. Бильмайера, осет. *byl* | *bilæ* пришлось бы рассматривать в качестве метатезы из **lab-*, что в принципе допустимо, но маловероятно. Что касается гипотезы о кавказском субстрате, то и она недоказуема. Начнем с того, что картвельские и северокавказские языки не родственны друг другу, поэтому субстрат (если он в действительности имел место) мог быть либо пракартвельским, либо прадагестанским. Как отмечает Р. Бильмайер, на пракартвельский уровень реконструируется праформа **p'ir-* ‘рот’, а на прадагестанский интересующая нас лексема, скорее всего, не проецируется (ср. Mudrak 2018: 129, где приводится працезско-дидойская реконструкция). К тому же, в HEDOL IV: 282 Абаев, со ссылкой на работу Альтхейма и Штиля, приводит топоним *zmyzbl'*, зафиксированный в первом веке в арамейской надписи из Мцхеты, который толкует из осетинского (дигорского) как *zmes bilæ* ‘песчаный берег’. Если это так, то на аланской почве слово *bilæ* существовало в то самое время, к которому относят их появление на Кавказе. Между тем, для усвоения субстратных элементов нужны время и условия, что в данном случае не прослеживается. Таким образом, предположение об ономато-поэтическом и независимом друг от друга происхождении слов со значением ‘губа’ в осетинском и различных языках Кавказа, остается в силе, тем более что сам В. И. Абаев постоянно напоминает нам о том, что осетинские анатомические названия обычно относятся к исконному фонду (ср. HEDOL I: 355).

Также примечательно, что в осетинском языке в отношении человека *mylytæ* ‘десны’ применяется именно к беззубым — младенцам и старикам, у которых зубы выпали. Десны у человека с зубами называются *dændažy fyd(tæ)* (*дæндаджы фыдтæ*) досл. ‘мясо зубов’. Семантическая структура этого выражения повторяется в адыгейском *całəxər*, кабардинском *dzałxər* ‘дёсны’, букв. ‘зуб’ & ‘мясо’, снабженные формантом мн. ч. на *-xə-r* (SKYA: 72, 73; Shagirov, 1: 166). Аналогичные образования находятся и в других языках этого региона, ср. напр. карач.-балк. *тиш эт* ‘id.’ (Alikaeв, Unatlov 2024: 346–5), и список можно продолжать. Понятно, что в данном случае мы имеем дело с некоторой универсалией, и Эдуард Швицер уже продемонстрировал использование этой модели в различных языках в работе Schwyzer 1930. Собственно иранские данные,

иллюстрирующие её, были удобно собраны в исследовании Filippone 2018: 165–6. Они содержат продолжение иранск. **dant-* : *dat-* ‘зуб’ (EDIL II: 329–31) и, в большинстве своем, иранск. **gau-št-* ‘мясо’ (EDIL III: 212), ср. перс. *gušt-e dandān*. Осетинская форма *daendažy fyd(tæ)* сюда не относится полностью — второй ее компонент продолжает иранск. **pi-tu-* ‘пища’, см. EDIL VI: 74–6. Однако в списке иллюстраций этой модели, приведенном Филиппоне (Filippone 2018: 166), мы находим точное этимологическое соответствие осетинскому названию в сангличском *dān-pəθf* ‘десны’ (Morgenstierne 1938: 390), оба — с рефлексом иранск. **pi-tu-*; см. Dzitstsoity 2021: 278. Понятно, что эта тождественность не предполагает особых отношений между осетинским и сангличским в рамках иранских языков — мы имеем дело с репродукцией известной модели с участием общих, унаследованных от общеиранского компонентов².

II. Осет. *myly*

Как отмечалось выше, осет. *myly*, *-tæ* | *mutultæ* означает десну как у человека, так и у животных, а также внутреннюю часть губы у животного. Этим значения лексемы не ограничиваются. В связи с этим следует обратить внимание на следующий фрагмент нартовского эпоса, в котором рассказывается о побоище, устроенном великаном. Он хватал и швырял в разные стороны нападающих на него нартов и при этом калечил их так, что «чи цонгсаст кодта, чи уа́рагсаст, чи сохъхъуыр кодта, (чи) *мылысаст*», т. е. «у одних сломались руки, у других — колени, третьи лишились глаз, а у четвертых ломались *мылы*» (NK VII: 488). Очевидно, что *мылы* (resp. *myly*) в этом контексте нельзя понимать как ‘десна’, тем более, у взрослого воина ломались либо челюсти, либо зубы. Подобное семантическое разнообразие не является проблематичным, и соответствующие переносы значения хорошо представлены и в иранских языках. Так, авест. *sparn̥ha-* ‘десна’ исторически соответствует осет. (*æ*)*fsær* ‘челюсть’ (ср. HEDOL I: 482 или Filippone 2018: 169), а номинация десны с помощью лексемы, означающей зуб,

² Сангл. *gušt* ‘мясо’ зафиксировано (Morgenstierne 1938: 394) и упоминается в EDIL III: 212 при анализе иранск. **gau-št-* ‘мясо’. В осетинском продолжения этого иранского этимона нет.

очевидна. В этой связи ср. уже упомянутую модель ‘мясо зубов’ (соотв. нем. *Zahnfleisch*, санскр. *dānta-pālī* и пр.), представленную и в осетинском, или историю праслав. **dęsn-* ‘десна’, традиционно возводимого к и.-е. названию зуба, ср. осет. *dændag* ‘зуб’ (ср. HEDOL I: 355).

Так же, слово *мылы* (*myly*) встречается в осетинской поговорке *дзылыыйсен — дзылыый хай, мылыыйсен — мылыый хай* «маленькой птичке (сверчку) — небольшая доля, а *мылы* — доля *мылы*» (об этом выражении см.: Chedzhemty 2019: 74–75), ср. «Кесарю кесарево, а Богу Богово» и под. Она предполагает противопоставление маленького (*дзылы* ‘маленькая птичка’), вероятно, ‘большому’, которому уготовлена соответствующая доля. Противопоставление маленькому и выражено словом *мылы*, которое — по контексту — означает нечто огромное, возможно, животное или птицу. Омонимы *мылы* ‘десна’ неизвестны в осетинском языке и не зафиксированы в лексикографии, а очевидных формально-звуковых параллелей мы не обнаруживаем ни в иранском материале, ни в данных контактирующих языков. Возможно, мы имеем дело тут с аллитерационным рифмованным редупликативным образованием, т. е. **дзылы-мылы* ‘птичка-мичка’ *vel sim*. Использование подобной модели с парными словами, и в том числе и с начальным губным носовым (ср. русск. *гоголь-моголь*), уже отмечалось для осетинского (Gabaraev 1977: 77; Alborov 1979: 78–79, 105, 265; Ivanov 2004: 143; Dzitssoity 2019: 244–245). Ср. в этой связи осет. *k’æz-mæz* «идущий вкривь и вкось» (HEDOL, I: 622) или *зук’у-тук’у* ‘маленькая девочка’ (в устах великана) (IAA I: 258) при обычном *зук’уна* ‘маленькая девочка; кукла’ (Miller 1925: 541). Этот прием, как отмечает Вяч. Вс. Иванов (2004: 142), «обычно используется в живой речи для образования оборотов с сильно выраженной эмоциональной (иногда негативной) или иронической окраской». Впоследствии, как это имеет место в некоторых образованиях такого же типа, значащее слово и «мредупликant», используя термины современного лингвистического анализа, были разделены. Соответственно, редупликант зажил собственной, но ограниченной жизнью (ср. русск. окказионализм *манцы* из сложного образования *танцы-манцы*), а в осетинской поговорке второй компонент был наделен значением, прямо противоположным первому. Соответственно, в использовании осет. *мылы* в данном конкретном случае можно

увидеть своеобразный антоним к русск. *птичка-невеличка*. Понятно, что это употребление выводится за скобки изучаемого вопроса об этимологии осет. *myly*, *-tæ* | *mutultæ* ‘десна’, ‘десны’.

III. Осет. *myly*, *-tæ* | *mutultæ* ‘десна’, ‘десны’

Согласно В. И. Абаеву (HEDOL II: 139–40), «[ф]орма *myly* (из **mūlū*) естественно сближается с германской группой», представленной др.-сев. *mūli*, нем. *Maül* ‘рот’, ‘пасть’ и др., и формами с начальным *s-* (слова со значением ‘улыбаться’ = «обнажать десны»), как ср.-в.-нем. *smollen* и т. д. Абаев приводит тут и др.-греч. *μύλλον* ‘губа’, однако традиционное включение этой лексемы в круг рассматриваемых слов (ср. IEW: 75) уже было пересмотрено, см. Beekes 2010: 980 или Kroonen 2013: 374. Таким образом, создается впечатление, что осет. *myly* в иранском оказывается изолированным, а его единственные параллели находятся только в германских языках, подробнейший список которых (также с включением в него и форм с начальным *sm-*) см. в Lühr *et al.* 2017 s. v. *mūla*. Подобный подход, впрочем, не является для В. И. Абаева исключительным, и в целом ряде случаев он восстанавливал эксклюзивные «скифо-германские» изоглоссы типа осет. *tæsk*’ | *tæsk’æ* ‘корзина’ и др.-сев. *taska* ‘сумка’, или осет. (дигорск.) *tusk’a* ‘кабан’ при др.-сев. *toskr* ‘клык’, см. Aбаev 1965: 26-7. Однако дальнейшие исследования показали, что предполагаемая эксклюзивность часто оказывается иллюзорной, непосредственно о последней паре сопоставлений см. недавнее: Dzitstsoity, Falileyev 2024.

Другая этимология рассматриваемого слова была недавно осторожно предложена в работе Filippone 2018: 167-8. Итальянская исследовательница указывает на возможную историческую связь осет. *myly*, *-tæ* | *mutultæ* ‘десна’, ‘десны’ с перс. (диалектн., тадж.) *melk* и рядом других форм. Подобный подход, как любезно сообщил авторам настоящей статьи Г. С. Асатрян, которому мы признательны за эту консультацию, неприемлем. Слово *milk* в литературном персидском означает ‘межу’, ‘обрамляющую линию / полосу вокруг ногтей [как в тадж. *melk*], глаз’ и т. д. и непротиворечиво возводится к иранск. **m̥zu-ka-* < **m̥zu-*, ср. авест. *mərəzu-* ‘позвонок’. Персидск. диалектн. *milom*, etc., ‘десна, корни’ (подробный

список в Filippone 2018: 167–8) в реальности относится сюда же. Соответствующий языковой материал (включая осетинск. *mærz-* в *mærzæzduxt* ‘коренастый’, *morz* ‘короткий’, редкое слово, см. HEDOL II: 100, 131) удобно собран в EDIL V: 256–58 s.v. *²*marǵ-* : *mǵǵ-*. Осет. *myly* не может восходить к этому этимону, и, соответственно, предложение Филиппоне должно быть отвергнуто. Кроме того, О. А. Мудрак (2018: 131) высказался в пользу кавказского происхождения осет. *myly*, ссылаясь на прото-лезгинский этимон со значением ‘нос; клюв; морда, рыло; губа, губы и часть лица вокруг’. Конечно, приведенный семантический пласт вполне уместен для наименования десны, но, очевидно, для обращения и в этот раз к кавказскому субстрату для объяснения осетинского слова нет никаких причин.

Представляется, что при анализе предыстории осет. *myly* следует идти по следам В. И. Абаева, но при этом необходимо выйти за пределы осетино-германского лексического сопоставления. В этой связи следует обратить внимание на то, что приведенная группа германских слов не рассматривалась как изолированная в истории науки — мы находим ее, к примеру, для иллюстрации и.-е. **mi-* ‘рот’ и проч. в словаре Ю. Покорного (IEW: 751). Понятно, что эта словарная статья была существенно пересмотрена в последующие годы, однако в какой-то степени сходные построения мы находим и в современных трудах. Так, Г. Кроонен, который не включает в рассматриваемые им данные германские формы с начальным *s-*, считает (с некоторыми сомнениями), что герм. **mūlan-* m. ‘muzzle’ восходит к **miH-* и является производным с суффиксом *-lo-* от того же корня, что и баварск. *māiuen* ‘жевать’ < **maujan-* < **mou(H)-eie-* (Kroonen 2013: 374). Исходя из более широкого круга германских лексем, авторы *Этимологического словаря древневерхненемецкого языка* восстанавливают в этой связи др.-герм. *(s)*mū-* / *(s)*mau-*, восходящее к и.-е. *(s)*meuH-* ‘Maul, Mund, Schnauze’ (Lühr et al. 2017 s. v. *mūla*). Они также высказывают серьезные сомнения в том, что здесь следует рассматривать др.-греч. μύλλον ‘губа’, но приводят и точную морфологическую параллель в балтийском, представленную латышск. *smaule* ‘Fresse, Mund, Maul’ < и.-е. **smouH-l-*. В таком случае эксклюзивность «скифо-германской изоглоссы» уже нарушается.

Хотя Мудрак (2018: 131) отмечает отсутствие иранских параллелей при анализе предыстории осетинской лексемы, такой взгляд также является ошибочным. Более того, возможно, что мы находим их даже в индо-иранском. Конечно, санскр. *mūla-* ‘корень’ (Mayrhofer 1996: 369) сюда не относится (см. Beekes 2010: 980 или Lühr et al. 2017 s. v. *mūla*), однако в отношении санскр. *mūkha-* ‘рот’ подобный вердикт может быть и не состоятельным. Действительно, Ю. Покорный (IEW: 751) учитывает эту лексему в своей словарной статье, где приводятся и др.-сев. *mūli*, однако помещает ее в квадратные скобки с пометой: заимствование из дравидийского. Однако, похоже, в этой гипотезе нет необходимости, и в литературе признается возможность исконности его происхождения, в том числе и в связи с указанными германскими формами, см. Mayrhofer 1996: 360, где приводится индо-иранская реконструкция **mu-kʰa-*. Эта реконструкция лежит в основе иранского этимона **mucha-*, **muk(h)a-* ‘рот, лицо’ (EDIL V: 393-4, ср. **mucha-* ‘Mund, Gesicht’ в Mayrhofer 1996: 360, все — из **mu-kʰa-*), рефлексy которого зафиксированы в ряде языков восточного ареала (ср. Trofimov 2022: 232), и в осетинском. Об осет. *mūkʰ’ū* | *mokʰo* речь пойдет ниже, а реконструированный глагол **mu-*, лежащий в основе индо-иранского слова, означающего рот, интерпретировался как, возможно, звукоподражательное слово, и разные взгляды на его точное значение были высказаны, ср. Mayrhofer 1996: 360 и, напр., EDIL V: 393.

Если им является ‘жевать’ или ‘двигать губами / челюстями’ *vel sim.*, иранск. **mucha-*, etc., похоже, не является единственным примером, сохранившим этот же **mu-*. Так, его, вероятно, можно выделить в хорезмск. *mwsū-* ‘жевать, разжевывать, грызть’, осторожно сопоставленным с йд. *mā-* : *mavd-* ‘жевать, разжевывать’ (ср. Morgenstierne 1938: 226) в работе Д. МакКензи (MacKenzie 1975: 390). Эти слова не менее осторожно рассматриваются в EDIL V: 278 при анализе иранск. **²tau-* : *ti-* ‘двигать(ся)’ и т.д.; в связи с этим иранским этимоном см. теперь Dzitsstsoity, Falileev 2022: 66-8. Хорезм. *mʷ(y)-* ‘пробовать губами, чмокать’, в принципе, тоже может относиться сюда. Известны многие его реконструкции (ср. **māwa(ya)-* со знаком вопроса в MacKenzie 1975: 393, или к указанному выше иранск. **²tau-* : *ti-* ‘двигать(ся)’), и возможны другие интерпретации предыстории этого глагола (см.

Dzitzstsoity, Falileev 2022: 65), однако семантическое отличие ‘жевать’ от ‘пробовать губами’ в приведенных иранских примерах не представляется непреодолимым.

Таким образом, возведение осетинского слова к иранск. **mu-* кажется непротиворечивым. Семантический аспект этого вопроса будет рассмотрен ниже, а по поводу морфологии осет. *myly*, *-tæ* | *mutultæ* ‘десна’, ‘десны’ следует отметить следующее. Дигорская форма *mutultæ* явно вторична. Она возникла по нехарактерной для осетинского языка метатезе $l-t > t-l$, с последующим наращением показателя множественности *-tæ*. При ином подходе форма *mutultæ* могла возникнуть в результате эпентезы показателя множественности *t*. В обоих случаях фонетические преобразования дигорской формы выпадают из общего ряда комбинаторных явлений в осетинской фонетике. Наличие в этом слове суффикса *-l-* свидетельствует о том, что оно в прошлом воспринималось как диминутивное, о суффиксе *-l-* (*-ul-* / *-yl-*) в осетинском см. Edelman 1986: 98; Dzitzstsoity, Falileev 2023: 101–116. Следует также отметить, что конечное *-y* | *-u* в осетинском слове также нуждается в объяснении. Древнеиранские конечные гласные в осетинском отпали, и в современном осетинском языке они либо вторичного происхождения, либо являются указанием на заимствованный характер слова (ср. *gædy* | *gædi* ‘кошка’). В нашем случае речь должна идти о сохранении конечного гласного внутри словоформы, *myly-tæ*, с последующим спорадическим отпадением показателя множественности. Таким образом, исторически в *myly-* мы имеем **mu-l-u*, в котором сегмент *-l-* на протяжении длительного времени воспринимался в качестве уменьшительно-ласкательного суффикса; см. в иранской перспективе Asatryan 2019.

IV. Осет. *mūk'ū* | *mok'o* как когнат осет. *myly*, *-tæ* | *mutultæ*

В. И. Абаев (HEDOL II: 131) переводит осет. *mūk'ū* | *mok'o* как ‘морда’; он отмечает, что слово чаще всего используется в форме множественного числа (*mūk'ūtæ*) и иллюстрирует его одним примером, *dæ mūk'ūtæ dyn nuxxoj-zynæn!* «набью тебе морду!». Очевидно, что перевод весьма здесь условен, ср. определение в словаре (Miller 1927: 826), где *мукъу* трактуется как ‘рожа, шиш’. Примечательно, что слово иллюстрируется формой единственного числа в выражении *Мукъу дын!* «вот

тебе шиш!»³; приводится и производное *мукъуджын* ‘мордастый’. Ср. в этой связи и определение, используемое О. А. Мудраком (2018: 130) для этого слова — ‘морда (которую бьют), рыло, рожа’. Следует отметить, что в осетинском языке имеется несколько синонимичных выражений для понятия «набить морду»: помимо упомянутого выше, ср. еще *byrynк’ нуххојун* и *хæтхудтæн иу фæвæрын*, букв. ‘дать / заехать по роже’. Во всех случаях мы имеем дело с переносным значением, т. к. и *byrynк’* ‘рыло’, и *хæтхудтæ* ‘морда (у животного)’, и *мук’утæ* употребляются в отношении животных. *Byrynк’* используется для обозначения рыла у свиньи, реже — хобота у слона или жала у насекомого. *Хæтхудтæ* говорят о широкой, массивной морде у животного. В отличие от них *мук’утæ* — это передняя часть морды, причем, не у каждого животного, а преимущественно у жвачного. Как показывает наш специальный опрос, *мук’у* — это преимущественно верхняя «губа» у жвачного животного, вся внутренняя часть которой, вплоть до места соприкосновения с зубами, называется *тулу*. Слова *byrynк’*, *хæтхудтæ* и *мук’утæ* по отношению к человеку всегда употребляются в уничижительном, оскорбительном или ироничном контексте.

Для нашей темы важно, что для толкования слова *мук’у* информанты прибегают к помощи слова «губа» — *stury wællag byl* ‘верхняя «губа» у крупного рогатого скота’, подчеркивая, что у животных нет, собственно, губ, а есть *мук’у*. Кроме того, из личного языкового опыта одного из авторов этой работы можно привести неологизм *мук’у-фæндыр*, придуманный одним из музыкантов Южной Осетии (Цхинвал, 90-е гг. прошлого века) для обозначения своей губной гармошки. Во второй части композита находится осет. *фæндыр* ‘название различных музыкальных инструментов’ (см. HEDOL I: 447–9), а образование в целом такое же, как *dala-fæндыр* ‘род скрипки’ (там же: 342), *qisyn-fæндыр* ‘id.’ (HEDOL II: 305) и т. п. Конечно, название *мук’у-фæндыр* употреблялось музыкантом в шутку, но важно подчеркнуть, что языковое чутье подсказало ему, что к человеческой губе применимо и слово *мук’у*. Форма множественного числа у слова *мук’утæ*, как и у *хæтхудтæ*, указывает, скорее всего, на невероятно большие размеры денотата. Именно в этом смысле можно понимать форму множественного числа у

³ Нет ли тут путаницы со словом *муč’i* ‘шиш’?

таких слов, как *bæzʒyn, stavd* — оба в значении ‘толстый’ в выражениях *bæzʒytæ / stævdætæ aræzt adæjmag* ‘толстый человек’, букв. «толсто сложенный человек». Предельную степень качества передает форма множественного числа и в выражении *fælmæntæ us* ‘мягкая (по характеру) женщина’ от *fælmæn* ‘мягкий’. В этом смысле *muk’utæ* означает не просто ‘губа у животного’, а «губище», *xæmxudtæ* — не просто ‘морда’, а «мордище».

Согласно В. И. Абаеву (HEDOL II: 131), осет. *mūk’ū | mok’o* ‘морда’ представляет собой контаминацию «иран. **muxa-* с каким-то синонимичным субстратным словом». Как было отмечено (ср. EDIL V: 393), осетинский здесь сближается с ограниченным количеством иранских языков, в которых наблюдаются его рефлексy, т.е. пшт. *təx* ‘лицо; сторона, край; грань, лезвие’ (ср. Dybo 1974: 77), орм. *tux, tox* ‘лицо’, парачи *toх, tux* ‘лицо; щека’. Таким образом, помимо осетинского, мы имеем дело с явно ареальным словом, признанным «важной лексической изоглоссой между ормури, парачи и афганским» (Trofimov 2022: 232). Что касается «субстратных слов», то Абаев приводит здесь гунзиб. *mok’o* ‘клюв’, цахур. *bok’* ‘морда’, ‘клюв’, мегр. *nuk’u* ‘подбородок’ (ср. Mudrak 2018: 130) и чан. *nuk’u* ‘подбородок’, ‘рот’, ‘лицо’; к ним, очевидно, можно добавить табасаранское *mukkmukk* ‘десны’, которое, по всей видимости, стоит изолированно на дагестанской почве, см. SKYA: 73. Сам Абаев (HEDOL V: 19) отмечает неполное звуковое соответствие между осет. *mūk’ū | mok’o* и санскр. *mūkha-* ‘рот’, ссылаясь на личное сообщение М. Майрхофера. Действительно, в соответствии с формой древнеиндийского слова в осетинском ожидали бы **mug-* | **mog-* (конечное *-u* | *-o* — суффикс, наращенный на собственно осетинской почве).

Следует отметить, что перебой **g* > *k*’ происходит в осетинском обычно в экспрессивной лексике без всякого кавказского влияния: приведем в качестве примера осет. *synk’ | sunk’æ* ‘чирей’ из др.-иран. **sūnaka-* (HEDOL III: 202–203), несомненно, через этап **sungaæ*. Поскольку рассматриваемое слово является несомненным экспрессивом, отмеченный перебой вполне закономерен, и обращение к иноязычным влияниям для его объяснения является избыточным. Согласно же Мудраку (2018: 130), который, впрочем, обходит вопрос о фонетических аномалиях и приводит только мегрельскую форму, опуская все

индо-иранские построения, перед нами — очередное кавказское заимствование в осетинский, на этот раз из працезско-дидойского. Однако сама гипотеза о працезско-дидойском субстрате в осетинском языке построена на сомнительных сопоставлениях, поэтому к подходу О. А. Мудрака к предыстории осет. *tuk'u* следует относиться и в этот раз с осторожностью. Не столь категоричен А. А. Трофимов (2022: 232), который видит в осетинском слове «в лучшем случае контаминаци[ю] **tuxa-* с синонимичным субстратным словом из кавказских языков». Отметим, что точный праиранский этимон осетинского слова должен иметь форму **tau-ka-*, а не **tuxa-*.

Уточненная выше семантика осет. *mūk'ū* | *mok'o* позволяя сопоставить его с осет. *myly*, *-tæ* | *mutultæ* ‘десна’, ‘десны’, в том числе — этимологически. Вероятно, оба слова являются производными от праиран. глагола **tu-* / **tau-*, но с использованием их в разных огласовках и с помощью разных суффиксов. В *myly* мы имеем корень с огласовкой **tu-* и производное с суффиксом *-l-*, а в *tuk'u* — производное на **-ka* от огласовки корня **tau-*. В осетинском языке имеются и другие случаи наращения разных суффиксов на одну и ту же праиранскую основу, ср. анализ в связи с омонимичными **¹tau* : *mū̃-* ‘быть влажным, увлажнять, влага, жидкость, муть’ и **²tau* : *mū̃-* ‘двигать(ся), удалять(ся), отодвигать(ся)’, предложенный в Dzitstsoity, Falileev 2022: 65–8. Так, с участием указанных суффиксов от праиран. основы **bāžu-* ‘рука’ в осетинском имеем такие производные, как *bazyg* ‘рука выше локтя’ (< **bāžū-ka-*), а также и *bazyr* ‘крыло’ (< **būžu-ra-*), см. HEDOL I: 242–3 и EDIL II: 161–4. Список параллелей можно долго продолжать, ср. языковые факты, приведенные при обсуждении омонимичного **tau-r-*: *mū̃-r-* / **tau-l-*: *mū̃-l-* в Dzitstsoity, Falileev 2022: 66–8. В отличие от подобных образований, имеющих абсолютно нейтральный статус, осетинские *mylytæ* и *tuk'utæ* имеют ярко выраженный экспрессивный характер, что и предопределило в них соответствующие фонетические изменения.

V. Заключение: несколько слов о **tau-* : *tu-*

Представляется, что семантическое обоснование этих построений нуждается в дополнительных комментариях, в том числе и

в виду круга значений осет. *mūk'ū* | *tok'o*, очерченного выше. Семантические особенности всегда были в центре внимания и при изучении этой группы лексем⁴, и то, что осетинское слово означает не только 'морду', но используется в значениях 'рожа, шиш' и особенно — 'губа', представляется немаловажным. В этом отношении следует сразу обратить внимание на иранские лексемы, рассматриваемые как производные от иранск. **tiha-*, **muk(h)a-* 'рот, лицо' (EDIL V: 393-4). Так, В. А. Дыбо (1974: 97) предполагает, что сюда относится пшт. *māxāu* 'подобный, похожий', если его интерпретировать как '(одного) лица (с кем-то / чем-то)' в адъективных словосложениях. Впрочем, Дыбо отмечает, что в отличие от индийских языков, в иранских подобного узуса не зафиксировано, и имеется другое объяснение этого слова. Совершенно очевидно, что перенос значения от 'рот; лицо' на 'рожа, морда' произошел на иранской почве в глубокой древности. Поэтому обратный перенос на 'лицо' — явление, очевидно, праосетинское. Также следует отметить значение 'передний', свойственное производным от **muk(h)a-* и рассмотренное в EDIL V: 393-4.

Далее, если как предположено выше, указанные иранские слова с **tau-* : *ti-* являются родственными, то только в осетинских продолжениях с *-l-* они означают, помимо прочего, непосредственно 'десну', а также 'губу'; в приведенном фрагменте нарттовского сказания оно означает 'челюсть'. Немаловажно, что это слово в значении 'десна' частотно применимо к беззубым. В продолжениях этого корня на гуттуральный мы находим, кроме того, осетинское слово в значении 'губа' и 'морда, харя', а также 'лицо; сторона, край; грань, лезвие' в пушту (*māx*), 'лицо' в ормури (*tiux*, *tox*) и 'лицо; щека' в парачи. Это согласуется семантически с санскр. *mūkha-* 'рот', германскими данными типа нем. *Maül* 'рот', 'пасть' или латышск. *smaule* 'id.'. Производные от него слова в иранском имеют значение 'передний', что также объяснимо. Если обратиться к собственно иранским глаголам, то можно напомнить,

⁴ Ср. «[с] сомнением предполагается, что слово в ормури заимствовано из пушту, хотя соответствие в парачи при этом исконно [...]; но ввиду дополнительного значения 'щека' предпочтительнее и формы ормури рассматривать в качестве унаследованных» (Трофимов 2022: 232).

что хорезм. *mwsy-* как и йд. *mā-* : *mavd-* используются для номинации действия ‘жевать, разжевывать’, а хорезм. *m'w(y)-* ‘пробовать губами, чмокать’. Очевидно, что это находит точную параллель в баварск. *māuen* ‘жевать’ и проч. Таким образом, для общеиранского мы вправе реконструировать глагол **tau* : *tu-* со значением ‘жевать’, возможно — с какими-то дальнейшими семантическими спецификациями («жевать не зубами» — ?). Это предположение, равно как и очерченный выше круг релевантных для этого исследования значений и их переносов, необходимо учесть при анализе семантики и.-е. *(s)*teuH-*.

Библиография

- Abaev V. I. 1965: *Skifo-yevropeyskiye izoglossy*. [Scythian-European isoglosses]. Moscow.
Абаев В. И. 1965: *Скифо-европейские изоглоссы*. М.
- Alborov B. A. 1979: *Nekotoryye voprosy osetinskoy filologii* [Some issues of Ossetian philology]. Ordzhonikidze.
Алборов Б. А. 1979: *Некоторые вопросы осетинской филологии*. Орджоникидзе.
- Alikaev R. S., Unatlokov V. Kh. 2024: [The linguo-philosophical concept of V. I. Abaev and the Ossetian-Kabardino-Balkarian ideosemantic parallels]. *Kavkazologiya*. Vol. 1, 334–352.
Аликаев Р. С., Унатлоков В. Х. 2024: Лингвофилософская концепция В. И. Абаева и осетино-кабардино-балкарские идеосемантические параллели. *Кавказология*. Т. 1, 334–352.
- Asatryan G. 2019: Formations with the suffixal element -l- in New Iranian. *Caucaso-Caspica*. Vol. 4, 175–189.
Асатрян Г. 2019: Образования с суффиксальным элементом -l- в новоиранском. *Caucaso-Caspica*. Т. 4. С. 175–189.
- Beekes, R. 2010: *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden; Boston.
- Bielmeier, R. 1977: *Historische Untersuchung zum Erb- und Lehnwortschatzanteil im ossetischen Grundwortschatz*. Frankfurt am Main, etc.
- Chedzhemty, G. 2019: *Fydæltý hæzna* [Treasures of the ancestors]. Džædzhikhæu.
Чеджемты, Г. 2019: *Фыдæлты хæзна* [Сокровища предков]. Дžæуджыхъæу.
- Dybo, V. A. 1974: [Afghan stress and its significance for Indo-European and Balto-Slavic accentology. I. Nominal accentuation]. *Balto-Slavic studies*. М., 67–105.

- Дыбо, В. А. 1974: Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балтославянской акцентологии. I. Именная акцентуация. *Балто-славянские исследования*. М., С. 67–105.
- Dzitsoity Yu. A. 2019: [On the etymology of the ethnonyms Alan and Allon]. *Voprosy onomastiki [Questions of onomastics]*. Vol. 16, No. 2, 232–258.
- Дзиццойты Ю. А. 2019: К этимологии этнонимов Alan и Allon. *Вопросы ономастики*. Т. 16, № 2. С. 232–258.
- Dzitsoity Yu. A. 2021: [Etymological dictionary of Iranian languages. Vol. 6]. *Nartamongæ*. Vol. 16, 260–287.
- Дзиццойты Ю. А. 2021: Этимологический словарь иранских языков. Т. 6. *Nartamongæ*. Т. 16, 260–287.
- Dzitsoity Yu. A., Falileev A. I. 2022: Osset. myg / mugæ ‘sperm’ and some issues of common Iranian and Indo-European reconstruction. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Series of Literature and Language*. Vol. 81. No. 5, 57–73.
- Дзиццойты Ю. А., Фалилеев А. И. 2022: Осет. myg / mugæ ‘сперма’ и некоторые вопросы общеиранской и индоевропейской реконструкции. *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. Т. 81. № 5, 57–73.
- Dzitsoity, Yu. A., Falileev, A. I. 2023: [Magic bead of Ossetians: philological and linguistic analysis]. *Voprosy yazykoznaniiya [Questions of linguistics]*. Т. 5, 101–116.
- Дзиццойты Ю. А., Фалилеев А. И. 2023: Волшебная бусина осетин: филологический и лингвистический анализ. *Вопросы языкознания*. Т. 5, 101–116.
- Dzitsoity, Yu., Falileev, A. 2024: *Ossetic Boar. Iran and the Caucasus*. V. 28, 420–432.
- Edelman D. I. 1986: *Comparative grammar of Eastern Iranian languages*. Phonology. Moscow.
- Эдельман, Д. И. 1986: *Сравнительная грамматика восточно-иранских языков*. Фонология. М.
- EDIL (= ЭСИЯ) Rastorgueva V. S., Edelman D. I. 2000–2020: *Etymological Dictionary of Iranian Languages*. Т. 1–6. Moscow.
- ЭСИЯ = Расторгуева, В. С., Эдельман, Д. И. 2000–2020: *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 1–6. М.
- Filippone, E. 2018: The gums of the teeth in the Iranian languages. *Mélanges d'ethnographie et de dialectologie Irano-Aryennes à la mémoire de Charles-Martin Kieffer*. Leuven.
- Gabaraev N. Ya. 1977: *Morfologicheskaya struktura slova i slovoobrazovaniye v sovremennom osetinskom yazyke [Morphological structure of the word and word formation in the modern Ossetian language]*. Tbilisi.
- Габараев Н. Я. *Морфологическая структура слова и словообразование в современном осетинском языке*. Тбилиси, 1977.

- HEDOL (= ИЭСОЯ) — Abaev, V. I. 1958–1995: *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Vols I–V. Moscow; Leningrad.
ИЭСОЯ — Абаев В. И. 1958–1995: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. I–V. М.; Л.
- IAA — *Iron adæmon argyæuttæ* [Ossetian folk tales]. Т. I. Tskhinval: Iryston, 1959.
ИАА — *Ирон адæмон аргъæуттæ* [Осетинские народные сказки]. Т. I. Цхинвал: Ирыстон, 1959.
- IEW — Pokorny, J. 1959: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1. Bern.
- Ivanov, Vyach. Vs. 2004: *Linguistics of the third millennium*. Moscow.
Иванов, Вяч. Вс. 2004: Лингвистика третьего тысячелетия. М.,.
- Kroonen, G. 2013: *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Leiden, Boston.
- Lühr, R. et al. 2017: *Etymologisches Wörterbuch des Althochdeutschen*. Band 6, mâda – pûzza. Vandenhoeck & Ruprecht.
- MacKenzie, D. 1975: Khwarezmian imperfect stems. *Mélanges linguistiques offerts à Émile Benveniste*. Louvain, 389–395.
- Mayrhofer, M. 1996: *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Band II. Heidelberg.
- Miller, V. F. 1925, 1927: *Ossetian-Russian-German dictionary*. Т. I, II. Leningrad, 1925, 1927.
Миллер В. Ф. 1925, 1927: *Осетинско-русско-немецкий словарь*. Т. I, II. Л., 1925.
- Miller, W. 1903: *Die Sprache der Osseten*. Strassburg.
- Morgenstierne, G. 1938: *Indo-Iranian frontier languages. II. Iranian Pamir languages* (Yidgha-Munji, Sanglechi-Ishkashmi and Wakhi). Oslo.
- Mudrak, O. A. 2018: Caucasianisms in the Ossetian language (analysis of the semantic fields «body», «people»). *Native language*. V. 1, 109–153.
Мудрак, О. А. 2018: Кавказизмы в осетинском языке (разбор семантических полей «тело», «люди»). *Родной язык*. Т. 1, 109–153.
- NK — *Narty Kaddzhytæ. Iron adæmy epic*. Comp. Т. А. Khamitsaeva, ed. Sh. F. Dzikaeva. Т. I–VII. Dzaudzhikhæu, 2003, 2004, 2005, 2007, 2010, 2011, 2012.
НК — *Нарты кадджытæ. Ирон адæмы эпос*. Сост. Т. А. Хамицаева, под ред. Ш. Ф. Джикаева. Т. I–VII. Дзауджыхæу, 2003, 2004, 2005, 2007, 2010, 2011, 2012.
- Schwyzler, E. 1930: Die Bezeichnungen des Zahnfleisches in den indogermanischen Sprachen. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*. B. 57, 256–275.
- Shagirov A. K. 1977: *Etymological dictionary of the Adyghe (Circassian) languages*. Т. I. Moscow.
Шагиров, А. К. 1977. *Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков*. Т. I. М.

- SKYA (= СКЯ) — Klimov, G. A., Khalilov M. Sh. 2003: *Dictionary of Caucasian languages: comparison of basic vocabulary*. Moscow.
- СКЯ — Климов, Г. А., Халилов, М. Ш. 2003: *Словарь кавказских языков: сопоставление основной лексики*. М.
- Trofimov, A. A. 2022: Stress in the Parachi andOrmuri languages in connection with Afghan and its significance for Iranian reconstruction. *Journal of Language Relationship*. V. 20, 222–252.
- Трофимов, А. А. 2022: Ударение в языках парачи и ормури в связи с афганским и его значение для иранской реконструкции. *Journal of Language Relationship*. V. 20, 222–252.

М. В. Домосилецкая
Институт лингвистических исследований РАН. Санкт-Петербург, Россия.
marinaling@mail.ru

ПЛАТАН (ПЛАТАН ВОСТОЧНЫЙ *PLATANUS ORIENTALIS* L.): К ЭТИМОЛОГИИ АЛБАНСКИХ ФИТОНИМОВ

В статье рассматривается платан восточный (*Platanus orientalis*) — характерное для флоры Албании дерево. Упоминаются его внешние отличительные черты — отслаивающаяся кора и широкие листья. Важную роль в культуре Албании играют старые платаны, которые часто становятся достопримечательностями и имеют собственные имена. Статья исследует албанские обозначения платана. Все источники указывают на наличие здесь только двух албанских лексем: явный турцизм *çinar* (северное гегское) и широко распространенное слово с множественной этимологией *rrap*, которое может быть как исконным (< алб. *rrjep*, *rjep* ‘сдирать кожу, кору; ошипывать’ < др.-алб. **rapa*), так и старым славянским заимствованием: 1. < слав. **rěpъjь* ‘лопух большой, репей *Arctium lappa*’ (сходство цепких цветков лопуха и плодов платана) < *и.-е. **rep* ‘схватить, захватить’ или 2. < слав. **rěpina* ‘явор, *Acer pseudoplatanus*’ (сходство двух деревьев по листе и отслаивающейся коре). Последний фитоним для явора, не произрастающего на Балканах, мог быть принесен славянами при переселении с более северных мест. Затрагивается вопрос о роли платана в албанской фразеологии и паремиологии.

Ключевые слова: албанский язык, фитонимы, этимология, платан.

М. V. Domosiletskaya
Institute for Linguistic Studies, RAS. St. Petersburg, Russia.
marinaling@mail.ru

Plane tree (*Platanus orientalis* L.): the etymology of Albanian phytonyms

The article discusses the Oriental Plane (*Platanus orientalis*), a tree characteristic of Albania's flora. It highlights its distinctive features, such as exfoliating bark and broad, lobed leaves. Old plane trees play a significant role in Alb. culture, often becoming legendary landmarks with their own names. The article examines the terminology used for the plane tree in Albanian. The Albanian dialect atlas does not include a specific name for the tree, but lexicographic sources indicate the presence of two main Alb. phytonyms for its denoting: the “transparent” Turkism *çinar* and the multi-etymological term *rrap*. *Çinar* is widespread primarily in the

northern Gheg area and is introduced through Ottoman urban culture. As for *rrap* it is likely of Slavic origin, with several plausible theories on its source: 1) < Slav. suffixal formation **rěpъjъ* “burdock,” this theory aligns with the IE root **rep-* “to seize”; the metaphorical transfer from “burdock” to “plane tree” is based on the similarity of the burdock’s seed heads to the plane tree’s winter fruit clusters; 2) < Old Slavonic *rěpina* “*Acer pseudoplatanus*, a variety of maple” although not found in the “Old Church Slavonic Dictionary” it is supported by adjectives in I.I. Sreznevskiy’s “Dictionary of Old Russian Language”. The similarity between the plane tree and the maple *Acer pseudoplatanus*, which also has peeling bark and broad leaves, suggests that the Alb. phytonym might have been borrowed from Slavs who identified both trees due to their resemblance. *Acer pseudoplatanus* does not grow in the Balkans, its name could have been brought here by the Slavs when they migrated from more northern places. But *rrap* may have an internal Alb. etymology, being a native Alb. word. The most plausible connection is between Alb. *rrap* and the native Alb. verb *rrjep* “to strip (skin, bark), pluck” < Old Alb. **rapa*. The origin of *rrap* remains uncertain, but it likely stems from the tree’s flaking bark (internal Albanian or distant Slavic etymology) and the visual similarity between its fruits and the burdock’s seed heads (hidden in Slavic borrowing). The study highlights the dual, if not triple, etymology of the word *rrap* and its wide use in Alb. language and culture. The question of the role of the plane tree in Albanian phraseology and paremias is raised.

Key words: Albanian, phytonyms, etymology, plane tree.

Платан восточный — листопадное высокое дерево (40–50 м) с густой кроной, *широкими* лопастными резными листьями — одно из самых характерных для флоры Албании. Ствол его достигает порой более 4 м в диаметре. Возраст отдельных экземпляров может достигать до 3000 лет. Один из ярких внешних признаков платана — это его *отслаивающаяся кора*, светло-пятнистая, зеленовато-серая, которая отпадает от ствола, придавая ему своеобразный «ободранный» вид, что и нашло предположительно отражение в албанском именовании растения.

Дерево светолюбивое и влаголюбивое, распространено во влажных местах со средиземноморским климатом, по берегам рек и ручьев. Преимущественные районы обитания в Албании — южные: Химара, Конисполи, Дельвина, Гирокастра, Пермет, Тепелена, Влёра, Фиер, Малакастра, Скрапар, Берат, Люшня, Грамши, Эльбасан, Тирана. Встречается местами и на севере страны. Вдоль одной из рек, протекающей и по Греции (Αῶος, Αοος) и по Албании (Vjösë, Вьоса), платаны формируют

небольшие рощи (*rrapishtë*). Древесина платана сходна с древесиной бука, но легче и более рыхлая. Легко поддается резьбе, токарной обработке, используется поэтому для изготовления столярных изделий, мебели, а также служит хорошим топливом (Mitrushi 1955: 85; Fjalor 2009: 2272). Поскольку дерево растет быстро, очень декоративно и дает много тени, его традиционно высаживают на базарах, вдоль дорог, у родников, колодцев и ручьев, у храмов, обычно в центре села платан образует излюбленное место встреч и отдыха.

В Албании старые платаны очень почитают. Во многих местах отдельные древние экземпляры являются достопримечательностями, носят сакральный оттенок и имеют собственные имена: платан Мараша (*rrapi i Marashit*) на левом берегу Белого Дрина в Призрене, легендарно связанный с борьбой против турок в 1908 г. платан Машкуллоре (*rrapi i Mashkullores*) в районе Гирокастры¹, платан Маркети (*rrapi i Marqethit*) возле села Лис в области Мат, платан Лесковик (*rrapi i Leskovikut*) вблизи одноименного населенного пункта в области Колёнье, платан Палясы (*rrapi i Palasës*) в коммуне Химара и мн. др. Некоторые платаны овеяны легендами, например шестисотлетний Манастирский платан (*rrapi i Manastirit*, макед. *Битолскоот чинар*), считающийся самым старым деревом Северной Македонии и якобы посаженный в свое время одной из христианских узниц османской тюрьмы. В современном албанском обществе они имеют статус охраняемых «памятников природы» (алб. *monument natyre*). Отголоском существования такого некогда известного в округе платана можно считать топоним *Çinar* (букв. «платан») — название небольшого поселения в округе Фиер (муниципалитет Люшня) на западе южной части Албании.

В диалектном атласе албанского языка (Atlasi 2007–2008) именование платана не представлено, однако можно с уверенностью сказать (об этом свидетельствуют все лексикографические источники), что на территории всей Албании и на албаноязычных или двуязычных балканских территориях встречаются только две албанские лексемы для обозначения этого дерева: «прозрачный» турцизм *ÇINAR* и слово с множественной этимологией *RRAP*.

¹ Здесь был окружен османскими войсками знаменитый партизанский отряд братьев Черчиза и Байо Топуллы (*Çerçiz и Bajo Topulli*).

Турцизм *çinar*, *-i* м.р. (*qinar* — в северных диалектах) известен в албанском довольно широко, но в основном в северном гегском ареале (Lloshi 2010: 287; Mitrushi 1955: 84) и вошел через османскую городскую культуру. Восходит к тур. *çinar* ‘*Platanus* платан’ (Dizdari 2006: 173), проникшему также во многие балканские языки: арум. (Македония) *činar* (Polenakovich 2007: № 480), болг., макед. *чинар* (Grannes, Hauge, Sülemanogly 2002: 286; Jashar-Nasteva 2001: 46). Тур. *çinar* < персид. *čanār* ‘платан’ (Stachowski 2019: 112).

Вторая лексема для обозначения платана — *rrap*, *-i* м.р. (мн.ч. *rrepe*, *rrapa*), максимально распространённая в албанском ареале (Lloshi 2010: 545), в Ляберии и Мюзеке имеет огласовку *rrëp* (Mitrushi 1955: 84). Часто встречается в топонимике: *Rrap*, *Rrapaj* (Тепелена), *Rrape* (Пука), *Rrapës*, *Rrapëz(ë)* (Люшня), *Repisht* (< мн. ч. *rrepe*), а также используется в качестве антропонимов и патронимов (Çabej 1976: 87; Topalli 2017: 1261)².

Фитоним *rrap* может иметь двойственную, если не тройственную этимологию

1. Прежде всего, вполне вероятно, что слово *rrap* имеет **славянское происхождение**. Существует несколько более или менее приемлемых точек зрения на этот источник.

1.1. < слав. **grabъ* ‘граб’ (Selishev 1931: 164), что представляется невероятным, так как в при заимствовании славянских слов в албанском их начальная группа *gr-* регулярно сохраняется и не может переходить в раскатистый звук, обозначаемый диграфом *rr-*: *gradinë* ‘огород’ < *градина*, *granicë* < *граница*, *grusht* ‘кулак’ < болг. *гръст* < слав. **grstь* и мн. др.

1.2. < слав. суффиксальное образование **rěpyjь* ‘лопух большой, репейник, репей *Arctium lappa*’ (см. старослав. *рѣпниѣ* ‘репейник’ (SS 1994: 587)) < **rěp-*. Предлагаемая при этом рядом авторов дальнейшая и.-е. этимология славянского корня вызывает вопрос с точки зрения семантики (ср. др.-исл. *rāft*, *rāf* ‘перекладина, балка, брус’, др.-в.-нем. *ravo* ‘балка, перекладина, опора крыши’) < и.-е. **rēp-* **rəp-* ‘кол, шест, палка; балка, перекладина’ (Jokl 1934/1935: 309–310; Çabej 1976: 87). Столь же странно по семантическим соображениям и сопоставление с литов. *rėplióti*, *rėplinti* ‘ползти на четвереньках’ (BER 2002: 223).

² Примеров авторы не приводят.

Ю. Покорный вычленял *три* созвучных и.-е. корня: 1) **rep-* ‘схватить, захватить’ (др.-греч. ἐρέπτομαι ‘есть, пожирать’, лат. *rapiō*, -*ere* ‘хватать, похищать’, др.-исланд. *refsa*, др.-в.-нем. *refsen* ‘наказывать’), 2) **rēp*-(1) (*rep*-?) ‘ползти, красться’ (лат. *rēpō*, -*ere* ‘ползти, ползать’, литов. *rēpliōti* ‘ползти на четвереньках’, *rēplinėti* ‘ползать’) и 3) **rēp*-(2), *rəp-* ‘опорная балка, шест’ (др.-в.-нем. *rāvo* ‘стропило’, др.-исл. *rāfr*, *ræfr* m., *rāf* n. ‘крыша из стропил’, литов. *rēplinti* ‘возвести, положить’; др.-слав. *rěpъjь*, *rěpiъjь* ‘свая, столб’) (Рокорну 1959: 865–866). Из них семантически приемлемым для слав. фитонимического корня следует считать и.-е. **rep-* ‘схватить, захватить’. Исходная семантика и.-е. корня использована славянами для выражения следующего яркого признака репейника: у него имеются шаровидные чашечки цветков (хохолки) в виде совокупности шипов, которые цепляются за одежду человека и шерсть животных, «хватают» ее и тем самым переносятся на большие расстояния. Мотивировка же названия *rrap*, заимствованного в албанском уже у славян, построена на метафорическом переносе («репейник > платан»), в котором закреплена следующая характерная особенность платана — остающиеся у него на зиму шаровидные *соплодия*, шерстистые, густоволокнистые, напоминающие хохолки репейника.

1.3. < старослав. *rěpina* ‘платан’ (Meyer 1891: 372; Meyer 2007: 436). По «Старославянскому словарю (по рукописям X–XI веков)» (SS 1994), однако, не был обнаружен, но в Словаре древнерусского языка И. И. Срезневского имеются прилагательные: *рѣпиниини*, *рипиниини*, *рѣпиньни* ‘яворовый’ < *рѣпина* [‘явор’] (Sreznevskiy 1912: 222). Явор (клён белый, клён псевдоплатановый *Acer pseudoplatanus*) — широколиственное дерево, во многом напоминающее платан: его серая кора с возрастом *отслаивается чешуйками*, как у платана, являя нижние бежево-розовые слои, по цвету отличающиеся от платановых, но вот листья явора тоже широкие и лопастные, как у чинара. Однако явор имеет более северное, чем платан восточный, распространение, в южных частях Европы встречается только в горах, предпочитая прохладу. Славяне, пришедшие в свое время на Балканы с более северных мест и хорошо знакомые с явором, могли отождествить оба «сбрасывающих» кору широколистных дерева. Действительно, можно предположить, что албанцы

заимствовали в такой форме фитоним у славян и перенесли его на изначально им известный платан.

2. Слово может иметь и собственно внутриязыковую этимологию, являясь в албанском **исконным**. Ряд исследователей, усматривая здесь лишь *близость* славянского и албанского и опираясь на чередование (*a/e*) в корневой огласовке, говорят не о заимствовании (слав. > алб.), а скорее о славянско-албанском соответствии, где слав. **rěp-* (старослав. *rěpijь* ‘кол, шест’) соотносится с исконным албанским **rap-* ‘кол, шест, палка; балка, брус, бревно’ (Çabej 1976: 87; Çabej 2002: 311-312; Topalli 2017: 1261); ср. выше у Ю. Покорного и.-е. **rěp-(2)*, *rap-* ‘опорная балка, шест’ (Pokorny 1959: 866).

Однако в конечном итоге представляется, что с точки зрения развития значений (отслаивающаяся пластинками кора) наиболее вероятна связь алб. *rrap* ‘платан’ и исконного алб. глагола *rrjep*, нов. *rjep* (< древнеалб. **rapa*) ‘сдирать (кожу, кору), ошипывать’ (Orel 1998: 378). В. Орел предполагал, что в данном случае сталкиваемся с мотивационной параллелью³ алб. *rrap* и греч. *πλατάνος* (там же) < *πλατύς* ‘широкий’, где в глубину обоих фитонимов заложено понятие о *широких* отпадающих осењу пластах тонкой коры платана⁴.

Чтобы понять место растения в картине мира народа, его символическую окраску и выяснить его метафорическую ценность, особенно интересно изучить фразеологические единицы и паремии, содержащие в своем составе интересующий фитоним. Важно заметить, что особое почтительное отношение албанцев к платану *не нашло выражения* в их пословицах и поговорках, причем ни с лексемой *rrap*, ни с лексемой *çinar*. Образ этого дерева словно обойден народным сознанием — в отличие, например, от образов таких древесных растений, как *дуб*, *маслина*, *груша*, *инжир*, родовое *фруктовое дерево* и др., которые встречаются в десятках пословиц и поговорок. Может

³ Называл он эту параллель почему-то калькой (Orel 1998: 378).

⁴ В греческом же было якобы названо так с опорой на *два* признака: либо по *широким* листьям, либо по *большим плоским* кускам отшелушивающейся коры (Strömberg 1940: 39). Р. Бекек действительно предлагал отбросить эту точку зрения и считать её «народной этимологией» для осмысления носителями древнегреческого неясного для них заимствованного *догреческого* слова (Beekes 2010: 1204).

быть, в этом выражается в народном сознании какая-то особая сакральность этого дерева?

Во фразеологии же платан все же оставил некоторый отпечаток. Это воплощение силы, мощи: см. *i fortë* (*i shëndoshë*) *si rrap* ‘сильный (здоровый), как платан’. А такая особенность платана, как долголетие, отразилась во фразеологизме *u bë rrap e rrënjë*⁵ букв. «стал, сделался платаном и дубом», т. е. многоопытный, много переживший, много видевший и слышавший, умудренный жизнью (Fjalor 1981: 1679). См. *Ca pleq e plaka, që ishin bërë rrap e rrënjë, ishin shtruar këmbëkryq mbi rrasat e ftohta dhe pinin duhan* ‘Несколько многоопытных («ставших платаном и дубом») стариков и старух расположились, скрестив ноги, на холодных плоских камнях и курили’ (Thomai 1999: 848).

Итак, вопрос о происхождении алб. *rrap*, широко распространенного фитонима для обозначения почитаемого в народе дерева, не находит однозначного ответа, однако можно с уверенностью сказать, что в мотивационную основу именования платана в албанском языке могут быть положены два признака растения: 1) отслаивающаяся пластами кора (внутриязыковая этимология или дальняя славянская этимология) и 2) внешнее сходство плодов платана и цепких головок цветков репейника, лопуха большого (скрыто в славянском заимствовании).

Источники и литература

- Atlasi 2007–2008 — *Atlasi dialektologjik i gjuhës shqipe*. V. I-II. Università degli Studi di Napoli l’Orientale.
- Beekes, R. 2010: *Etymological Dictionary of Greek*. Vol. I. Leiden; Boston: Brill.
- BER 2002 — *Balgarski etimologichen rechnik*. [Bulgarian etymological dictionary]. VI. M. Racheva, T. Todorov. (Eds.). Sofia: Akademichno izdatelstvo “Prof. Marin Drinov”.
- Български етимологичен речник*. VI. М. Рачева, Т. Тодоров (ред.). София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов».
- Çabej, E. 1976: *Studime gjuhësore. II. Studime etimologjike në fushë të shqipes (P–ZH)*. Prishtinë: Rilindja.

⁵ Алб. *rrënj/-ë, -a* ж.р. дуб черешчатый *Quercus robur* — исконное слово < др.-алб. **wradnjā*, родств. др.-греч. ῥάδιξ ‘ветвь, сук’, лат. *rādīx* ‘корень’ (Orel 1998: 384).

- Çabej, E. 2002: *Studime etimologjike në fushë të shqipes*. VI (N-RR). Tiranë: Akademia e shkencave e Republikës së Shqipërisë. Instituti i gjuhësisë dhe i letërsisë.
- Dizdari, T. N. 2006: *Fjalor i orientalizmeve në gjuhën shqipe*. Tiranë: Instituti Shqiptar i Mendimit dhe i Qytetërimit Islam.
- Fjalor 2009 — *Fjalor enciklopedik shqiptar*. Botim i ri. Tiranë.
- Fjalor 1981 — Kostallari, A. et al. *Fjalor i gjuhës së sotme shqipe*. I–II. Prishtinë: Rilindja.
- Grannes, A., Hauge K.R., Sülemanogly H. 2002: *A Dictionary of Turkisms in Bulgarian*. Amsterdam: The Institute for Comparative Research in Human Culture.
- Jashar-Nasteva, O. 2001: *Turските лексички елементи во македонскиот јазик*. [Turkish lexical elements in Macedonian]. Institut za makedonski јазик “Krstе Misirov”. (Posebni izdaniја, 3). Skopje.
- Јашар-Настева, О. 2001: *Турските лексички елементи во македонскиот јазик*. Институт за македонски јазик «Крсте Мисиров». (Посебни изданија, книга 31). Скопје.
- Jokl, N. 1934/1935: Slaven und Albaner. In: *Slavia*. XIII. Praha, 281-325.
- Lloshi, Xh. 2010: *Fjalor i emrave të bimëve dhe të kafshëve shqip-latinisht dhe latinisht-shqip* / H. Abazi (kryered.). Tiranë: Logos-A.
- Meyer, G. 2007: *Fjalor etimologjik i gjuhës shqipe (1891)*. Përkth. Omari A. Tiranë: Botime Çabej.
- Meyer, G. 1891: *Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache*. Strassburg.
- Mitrushi, I. 1955: *Drurët e shkurret e Shqipërisë*. Tiranë: Instituti i shkencave.
- Orel, V. 1998: *Albanian Etymological Dictionary*. Leiden; Boston; Köln: Brill.
- Pokorny, J. 1959: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1, Bern, Munich: A. Francke.
- Polenakovich, Kh. 2007: *Turските елементи во ароманскиот*. [Turkish elements in Aromanian]. Doktorska dissertatsija odobraneta vo 1939 godina na Filozofskiот fakultet vo Zagreb. [Doctoral thesis]. Skopje: Makedonska Akad. na naukite i umetnosti.
- Поленаковић, Х. 2007: *Турските елементи во ароманскиот*. Докторска дисертација одобрета во 1939 година на Филозофскиот факултет во Загреб. Скопје: Македонска Акад. на науките и уметности.
- Selishev, A. M. 1931: *Slav'anskoye naseleniye v Albanii*. [The Slavic population in Albania]. Sofia.
- Селищев, А. М. 1931: *Славянское население в Албании*. София.
- Sreznevskiy, I. I. 1912: *Materialy dl'a slovar'a drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pam'atnikam*. [Materials for the Dictionary of the Old Russian language based on manuscripts]. Vol. 3 (R-Ya). St-Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences

- Срезневский, И. И. 1912: *Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам*. Т. 3 (Р-Я). СПб: Типография Императорской академии наук.
- SS 1994 — *Staroslav'anskiy slovar' (po rukopis'am X–XI vekov)*. [*Old Church Slavic Dictionary (based on 10th–11th century manuscripts)*]. Eds.: Tseytlin, R. M., Veчерка, R., Blagova, E. Moscow: Russkiy yazyk.
- Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994.
- Stachowski, M. 2019: *Kurzgefastes etymologisches Worterbuch der turkischen Sprache*. Kraków.
- Strömberg, R. 1940: *Griechische Pflanzennamen*. Göteborgs Högskolas Arsskrift. XLVI, 1. Göteborg.
- Thomai, J. 1999: *Fjalor frazeologjik i gjuhës shqipe*. Tiranë: Shkenca.
- Topalli, K. 2017: *Fjalor etimologjik i gjuhës shqipes*. Tiranë: Qendra e studimeve albanologjike; Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë.

Н. В. Драчёва

РГГУ, Москва, Россия. nvdrachiova@mail.ru

ВЛИЯНИЕ АТОМИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ НА ЛИНГВИСТИЧЕСКУЮ ДОКТРИНУ МАРКА ТЕРЕНЦИЯ ВАРРОНА

В статье рассматриваются схожие черты трактовки понятия «слово» в лингвистической доктрине Варрона и понятия «атом» в учениях философов-атомистов. Основанием для данного анализа послужило определение Варроном слова как неделимой и наименьшей (*indivisa et minima*) частицы речи. Статья содержит исследование термина *indivisa* и его сравнение с термином *individuum*, который был введён в латинский язык в качестве перевода греческого термина *ἄτομος*.

Ключевые слова: слово (*verbum, vocabulum, vox*), атом, философы-атомисты, Лукреций, Цицерон, изменение слов (*declinatio*), составные части слова (*materia — figura*).

N. V. Drachyova

Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia. nvdrachiova@mail.ru

The influence of the atomistic philosophy on the linguistic theory of Marcus Terentius Varro

This paper examines the similarities between the concept of ‘word’ in Varro’s linguistic theory and the philosophic idea of ‘atom’. The analysis starts from Varro’s definition of ‘word’ as an undivided and minimal (*indivisa et minima*) particle of speech. In the paper, the term *indivisa* is compared to *individuum*, which has been introduced to Latin language as a translation of the Greek *ἄτομος*. Furthermore, Varro’s multi-purpose terms for ‘word’ (*vox, vocabulum, verbum*) are analysed.

The author arrives at the conclusion that Varro’s linguistic conception is based on the blend of different linguistic theories: atomistic, Stoic and Alexandrian. As for the three terms, *verbum* is used in connection with morphology, *vocabulum* a lexical term, and *vox* is phonetical.

The relationship between the real world and words in Varro’s theory can be described as follows: when a thing (*res*) becomes relevant for real life, it receives a name (*vocabulum*) as a result of *impositio*. When used in speech, *vocabulum* becomes *verbum* and it undergoes a process of *declinatio*. Inside of the *verbum* itself happens an interaction between word’s *materia* and its *casus*, which gives rise to a word form, *figura*.

Keywords: word (*verbum, vocabulum, vox*), atom, atomist philosophers, Lucretius, Cicero, word inflection (*declinatio*), parts of word (*materia — figura*).

В статье представлены некоторые мои наблюдения, касающиеся определения, данного Варроном понятию «слово» в X книге (77) трактата «De Lingua Latina».

Прежде чем перейти к сути вопроса, я должна отметить, что при определении понятия «слово» Варрон использует три термина — *vox*, *vocabulum*, *verbum*. В ходе анализа обращает на себя внимание тот факт, что они не обладают той однозначностью, которая присуща терминам в строгом смысле, и имеют многоуровневый характер. Варрон использует данные термины для описания явлений как общетеоретического плана, так и в узко грамматическом смысле (Drachyova 2013: 12–14). В общетеоретическом плане варроновское *verbum* обозначает морфолого-синтаксическую единицу языка. В отличие от этого понятия *vocabulum* выражает лексико-семантическое содержание этой единицы, а *vox* — её фонетическую форму.

Когда Варрон описывает процессы изменения слов, он говорит о некой языковой единице *verbum*, способной принимать те или иные грамматические формы. Эти формы необходимы слову для связи с другими единицами языка, чтобы отобразить взаимодействие вещей в природе. В этом значении мы встречаем *verbum* в тех фрагментах, где речь идёт о *declinatio* (изменения слов) и о проявлениях аналогии и аномалии в языке.

Когда же Варрон рассматривает установление имён для вещей, он употребляет термин *vocabulum*. На протяжении всего повествования именно этот термин сопровождает у него слова *impositio*, *imponere*, *appellare*, *facere*, *ponere*, *habere* etc. В ряде фрагментов, хотя в них отсутствуют слова, обозначающие установление, *vocabulum* бесспорно выражает имя, полученное вещью в ходе этого процесса. Этимологическая связь *vocabulum* (имя, способ или средство называния) со словом *vox* (голос) подчёркивает неотъемлемую функцию названия: оно должно быть способным к воспроизведению в речи (Ernout, Meillet 1939: 1135; Walde 1938: 823).

Нельзя не отметить, что в некоторых фрагментах мы сталкиваемся, на первый взгляд, со смешением названных понятий, и оба термина употребляются практически как полные синонимы. Однако детальный анализ позволит увидеть, что в доктрине Варрона *verbum* и *vocabulum* — не тождественные понятия, но они тесно связаны между собой и могут переходить одно в другое.

Так, в ходе морфологических и синтаксических процессов *vocabulum* переходит в разряд *verbum*. Напротив, когда необходимо проанализировать *verbum* с точки зрения лексико-семантического подхода, оно рассматривается как *vocabulum*.

В грамматическом плане вышеупомянутые термины представляют собой название частей речи. Это демонстрируют нам фрагменты, в которых Варрон рассуждает о специфике изменений имён и глаголов. Здесь мы встречаем оппозицию *verbum* — *vocabulum*, где термином *verbum* обозначается глагол, а термином *vocabulum* — имя нарицательное (Drachyova 2012: 201–220).

Таким образом, можно предположить, что отсутствие у Варрона однозначности, присущей термину в современном понимании, неслучайно и продиктовано желанием показать взаимосвязь описываемых понятий, а также их способности перетекать одно в другое в ходе языковых процессов. Он сознательно использует один термин *declinatio* для двух понятий — словообразования и словоизменения, что позволяет ему подчеркнуть их тесную связь и взаимодействие.

Наряду с терминами *verbum* и *vocabulum* Варрон пользуется термином *vox* для обозначения звукового оформления слова, его фонетической формы. Этот термин употребляется по отношению как к начальной форме, так и к формам, приобретаемым словом по мере необходимости в процессе функционирования в языке.

Теперь, учитывая все эти нюансы, мы можем вернуться к варроновской дефиниции понятия «слово» в его морфолого-синтаксическом аспекте, т. е. *verbum*: «...неделимой и наименьшей частицей речи я называю слово...» (*verbum dico orationis [vocalibus]¹ partem, quae sit indivisa et minima*) (X, 77). Моё внимание привлекла формулировка *indivisa et minima*, которая невольно вызывает ассоциации с определением атома у философов-атомистов.

В трактате «De Lingua Latina» Варрон проводит тщательный анализ языковых явлений на базе обширного, собранного им, фактологического материала (Collart 1978: 6). Подробный обзор источников, которыми пользовался Варрон, представлен в работе О. В. Сидорович (Sidorovich 2005: 216–217), которая приходит к выводу, что он не отдаёт предпочтение какому-то

¹ *vocalibus* — в издании Антония Августина (Editio Vulgata. Rome, 1554).

одному, отдельно взятому, мнению, но подвергает все мнения, содержащиеся в данных источниках, критической оценке. А. Мишель (Michel 1978: 163–164), рассматривая, насколько философские течения повлияли на научные воззрения Варрона, делает вывод, что последовательный и логичный эклектизм приводит в итоге Варрона к созданию самостоятельной теории, оказавшейся плодотворной для последующей традиции.

В результате анализа этого значительного по объёму материала Варрон делает заключение, что все процессы, происходящие в языке, строго регулируются универсальным законом — *ratio*. Варрон понимает *ratio* как функционирование всеобщего космического закона мироздания, т. е. стоического λόγος, в сфере языка.

Такой подход позволяет сделать вывод, что Варрон является сторонником гипотезы природного происхождения языка, а примирение аналогии и аномалии является лишь одним, самым очевидным, аспектом его теории. Иллюстративные примеры, взятые Варроном из разных сфер жизнедеятельности человека, космических и природных явлений, призваны не только обеспечить доступность изложения, но и подчеркнуть неразрывную связь языка и природы.

Принимая во внимание всё вышесказанное, вполне закономерным выглядит обращение Варрона к атомистической теории (Taylor 1974: 9; Kritskaya 2001: 95–97). Варроновское определение *verbum* свидетельствует о явном влиянии этой теории и важности этого факта в понимании его лингвистической доктрины.

Во-первых, о значении для Варрона выводов философов-атомистов мы можем судить по его собственному высказыванию: «...Демокрит, Эпикур, а также другие, которые определили бесчисленные первоначала, сделали важное открытие. Хотя они не сказали, откуда происходят эти первоначала, а только, какого вида они бывают, однако они показали, что из них состоит всё в мире...» (Democritus, Epicurus, item alii qui infinita principia dixerunt, quae unde sint non dicunt, sed cuiusmodi sint, tamen faciunt magnum: quae ex [h]is constant in mundo, ostendunt) (VI, 39).

Во-вторых, как я уже сказала, об этом влиянии говорит определение *indivisa*, которое, на мой взгляд, заслуживает особого внимания.

В этой связи необходимо обратиться к трудам Цицерона и Лукреция, современникам Варрона, которые занимались исследованиями учения философов-атомистов. Оба автора увлечённо работали над созданием философской терминологии на латинском языке и добились на этом поприще значительных результатов, о чём писали многие исследователи (Trencsényi-Waldapfel 1958: 321–381; Pokrovskaya 1967: 63–83; Pokrovskaya 1979: 45–51; Vasilyeva 1986: 74; Utchenko 1994: 154; Grintser 2000: 20, 24–26).

В поэме Лукреция мы неоднократно сталкиваемся с суждениями поэта о том, что в латинском языке не хватает лексических средств для выражения отвлечённых понятий, например, поэт говорит о скудости родного языка (*propter egestatem linguae*) (Lucr. De rer. nat., I, 139), о бедности родной речи (*patrii sermonis egetas*) (Lucr. De rer. nat., I, 832). Но, при этом, Лукреций не ограничивается жалобами, а предпринимает успешные попытки преодолеть сложности в создании латинской философской терминологии (например: *materia* для передачи греческого *ὑλη*, проводя параллель между понятиями «мать» и «материя» благодаря этимологической близости этих слов (Lucr. De rer. nat., I, 167–171) (Ernout, Meillet 1939: 596; Pokrovskaya 1979: 47–48).

Цицерон же, отдавая должное Лукрецию в этой области, полностью отрицает его мнение о родном языке и призывает: «...давайте лучше будем пользоваться добротностью наших слов, чем блеском греческих...» (*bonitate potius nostrorum verborum utamur, quam splendore Graecorum*) (Cic. Or. 164, 1), а также «...как я часто рассуждал, латинский язык не только не скуден, как обычно считается, но даже более полноценен, чем греческий...» (*et saepe disserui Latinam linguam non modo non inopem, ut vulgo putarent, sed locupletiore etiam esse, quam Graecam*) (Cic. De fin. I, 10). Руководствуясь этим принципом, он вводит в римскую философию значительное число латинских терминов, в частности, термин *individuum* (неделимое) для обозначения греческого термина *ἄτομος*: «которые он называет атомами, т.е. неделимыми телами» (*ille atomos quas appellat, id est corpora individua*) (Cic. De fin. 1, 17) (Malinauskene 2006: 72). Цицерон активно использует термин *individuum*, наряду с *ἄτομος* или *atomus*, в рассуждениях об учениях Демокрита и Эпикура (Cic. De fin. 1, 18; De fat. 18, 15, 22, 9, 23, 7; Luc. 55, 13).

Интересно, что в своей поэме «De rerum natura» Лукреций не употребляет ни термина *atomus*, ни термина *individuum*, используя вместо них целый ряд синонимов: *primordia rerum*, *genitalia corpora*, *semina rerum*, *corpora*, *corpora prima*, *corpusecula*, *exordia rerum*, *radices*, *elementa*, *principia* etc.

Для объяснения этого феномена я считаю целесообразным рассмотреть концепцию З. А. Покровской (Pokrovskaya 1979: 47–51). Она пишет, что отказ Лукреция от терминов *atomus* и *individuum* обусловлен не только, и не столько, невозможностью употребления этих слов в гексаметре. Лукреций, мастерски используя синонимию, мог бы подобрать латинское слово, соответствующее требованиям метрики, которое передавало бы понятие неделимости. Но он сознательно избегает подобной дефиниции, так как его атомы состоят из частиц, количество и расположение которых придают атому определённые свойства (Petrovsky 1947: 377). От полученных свойств атома зависят, в свою очередь, формы и величины предметов. Это наглядно демонстрируется поэтом во фрагменте, где речь идёт о перестановке частиц атома:

Предположи, например, что тела изначальные будут
Три или несколько больше частей заключать наименьших;
Если затем ты начнёшь эти части у данного тела
Переставлять или снизу наверх, или слева направо,
Ты обнаружишь тогда, сочетания все их исчерпав,
Все изменения форм, что для этого тела возможны;
Если ж иные ещё получить ты желаешь фигуры, –
Части другие тебе прибавить придётся...

(пер. Ф. А. Петровского²)

² fac enim minimis e partibus esse
corpora prima tribus, vel paulo pluribus auge;
nempe ubi eas partis unius corporis omnis,
summa atque ima locans, transmutans dextera laevis,
omnimodis expertus eris, quam quisque det ordo
formai speciem totius corporis eius,
quod super est, si forte voles variare figuras,
addendum partis alias erit (II, 485–492).

Здесь и далее перевод цитируется по изданию: Тит Лукреций Кар. О природе вещей. Перевод Ф. А. Петровского. М.: Изд-во «Художественная литература», 1983.

Из-за того, что частицы атома могут менять своё положение, происходит виртуальное разъединение и перестановка этих частиц в пределах атома, следовательно, он, в известной степени, делим. Именно поэтому Лукреций не создает никакого латинского эквивалента понятию «атом», так как он не мог сделать термином название несуществующего свойства.

З. А. Покровская (Pokrovskaya 1960: 93–95) отмечает новаторство и ценность учения Лукреция, которое заключается в том, что он так же, как Эпикур, предугадывает сложное строение. Предполагаемые частицы атома, называемые Лукрецием «крайняя точка» (*extremum cacumen*), «вершины, пределы» (*cacumina*), «наименьшее» (*minimum*), «наименьшая (вещь)» (*minima (res)*), «наименьшие части» (*minimae partes*), расположены сплочённым строем (Petrovsky 1947: 346). Они не существуют и не смогут существовать отдельно Лукреций обозначает это выражением *sine partibus* — неделимое на части, а также *nec... secretum* — не... отдельное, не... отделённое, самостоятельное (OLD 1968–1982: 1718) вместо *individuum* — неделимое:

Далее, так как есть предельная некая точка
Тела того, что уже недоступно для нашего чувства,
То, несомненно, она совсем не делима на части,
Будучи меньше всего по природе своей; и отдельно,
Самостоятельно, быть не могла никогда и не сможет,
Ибо другого она единая первая доля,
Вслед за которой ещё подобные ей, по порядку
Сомкнутым строем сплотясь, образуют телесную сущность;
Держатся вместе они, и ничто их не может расторгнуть³

Благодаря такому прочному соединению этих наименьших частей атом становится абсолютно прочным и вечным:

³ (Tum porro quoniam est extremum quodque cacumen
corporis illius, quod nostri cernere sensus
iam nequeunt, id nimirum sine partibus extat
et minima constat natura nec fuit umquam
per se secretum neque post hac esse valebit,
alterius quoniamst ipsum pars primaque et una,
inde aliae atque aliae similes ex ordine partes
agmine condenso naturam corporis explent;
quae quoniam per se nequeunt constare, necessest
haerere unde queant nulla ratione revelli) (I, 599–608).

Первоначала вещей, таким образом, просты и плотны,
 Стиснуты будучи крепко, сцепленьем частей наименьших,
 Но не являясь притом скоплением отдельных частичек,
 А отличаясь скорей вековечной своей простотою⁴.

Итак, становится понятным, почему Лукреций отдаёт предпочтение терминам «первоначала», «первоосновы» etc., избегая названия «неделимое». Как мы видим, атом у Лукреция является не последней точкой деления материи, а первой её самостоятельной единицей.

Такую же интерпретацию понятия «атом» мы видим в тексте Эпикура, где части атома называются *tà ἐλάχιστα ἢ τὸ ἄκρον* (Epic. Epist. ad Herod., 56–59). Подтверждение гипотезы о подобном строении атома мы находим также в ряде научных работ: Ф. А. Петровский (Petrovsky 1947: 346) писал о сложной структуре атома у Лукреция, А. С. Ахманов (Akhmanov 1947: 506) — о наименьших частях атома у Эпикура. В своей работе, посвящённой наименьшим частицам в эпикурейском атомизме, Г. Властос (Vlastos 1965: 146–147) признаёт наличие минимальных частиц атома у Лукреция, указывая при этом на некоторые противоречия в их понимании.

Столь пристальное внимание к строению атома у Лукреция было продиктовано тем, что мы наблюдаем сходную трактовку понятия *verbum* в лингвистической доктрине Варрона.

В своей дефиниции «слова» Варрон вместо термина *individuum* использует другую словообразовательную модель для понятия «неделимая частица» — *pars indivisa*. Различия в терминах можно объяснить довольно весомой, на мой взгляд, причиной. Сравнительный анализ семантики близких синонимов *individuum* — *indivisum* выявляет интересную деталь (OLD 1968–1982: 885). *Individuum* (неделимое) — это то, что не может быть разделено на части никоим образом, а именно, целостное, неразрывное. *Indivisum* же (неразделённое) обозначает то, что не может быть разделено снаружи, удерживаемое в целостности, но оставляет возможность более мелкого деления внутри. Аналогичную трактовку этих понятий мы встречаем в

⁴ sunt igitur solida primordia simplicitate,
 quae minimis stipata cohaerent partibus arte.
 non ex illorum conventu conciliata,
 sed magis aeterna pollentia simplicitate (I, 609–612).

работе В. де Мело (de Melo 2019: 631, 1242). Автор переводит на английский язык определение *indivisa et minima* как *undivided and minimal*. Мы видим, что *undivided* соответствует русскому понятию «неразделённый, целый», в отличие от перевода Р. Кента (Kent 1938: 591), который предлагает для этого определения вариант *smallest indivisible*, где *indivisible* — «неделимый, неразложимый», что соответствует понятию *individuum*.

Именно эта разница в значениях чрезвычайно важна для взглядов Варрона, которые в значительной степени перекликаются с пониманием «атома» Лукрецием. В теории Варрона «слово» является наименьшей смысловой единицей языка, как у Лукреция атом — первой самостоятельной единицей материи. Сама же эта смысловая единица, в свою очередь, состоит из более мелких частей (*principia*) — *materia* и *figura*, от взаимодействия которых зависит роль слова в речи.

С точки зрения Варрона, *materia* — это исходные категории слова, присущие всей парадигме, т. е. то, что не изменяется, а *figura* — любая форма, в которую облакается языковая единица в процессе изменения, т. е. является сочетанием *materia* с изменяющимися компонентами слова (*casus, exitus eius*), которые призваны служить отражением взаимосвязи вещей и явлений.

Падеж⁵ с соответствующим ему окончанием становится признаком определения материи, т. е. её оформления в ту или иную форму (*figura*), придавая ей новое качество.

Названные части *materia* и *figura*, которая получается в результате сочетания *materia* и *casus, exitus eius* не существуют и не могут существовать раздельно, сами по себе, они пребывают в неразрывной связи в рамках *verbum* и определяют его сущность так же, как у Лукреция от сочетания неразъединимых частиц атома зависят его форма и качество и, как следствие, свойства предмета. Именно по этой причине, на мой взгляд, Варрон не использует вошедший в философский обиход термин *individuum* (неделимое), а предлагает другой, более соответствующий сути явления, термин *indivisum* (неразделённое) так же, как Лукреций использует выражения *sine partibus* и *nes...secretum*. Это и даёт основание говорить о сходных чертах

⁵ Падеж в данном контексте следует понимать широко — как любое морфологическое изменение.

в физическом учении Лукреция и лингвистическом учении Варрона. Перенесением реалий физики в область языковых процессов Варрон стремится подчеркнуть природное происхождение языка.

Внутреннее членение наименьшей языковой единицы на две составные части (*materia* и *figura*) может свидетельствовать о влиянии не только атомистического, но и стоического учения⁶, а именно, интерпретации понятий *ὅλη* — *σχήμα* из теории *πάθος*, но это выходит за рамки предложенной темы, являясь предметом отдельного исследования.

Подводя итоги сказанному, можно сделать следующие выводы.

Исследуя, что является базовым элементом языка, Варрон критически осмысляет различные философские и грамматические учения (атомистическое, стоическое, александрийское) и выстраивает собственную концепцию в отношении элементарной языковой единицы. Таковой для него является «слово» в совокупности грамматического, семантического и фонетического аспектов. Подобная трактовка позволяет рассматривать «слово» как целостную, наименьшую смысловую единицу.

Употребление трёх различных терминов для обозначения понятия «слово» продиктовано стремлением показать, о какой функции идёт речь в том или ином контексте: морфолого-синтаксическая функция — *verbum*, лексико-семантическая — *vocabulum*, фонетическая — *vox*.

В «слове» как морфолого-синтаксической единице (*verbum*) Варрон выделяет два первоначала (*materia* и *figura*), которые позволяют объяснить механизмы и закономерности процесса изменения слов (*declinatio*), который управляется универсальным законом языка (*ratio*).

Взаимоотношения объекта реального мира и слова в учении Варрона могут быть представлены в виде следующей схемы.

⁶ В этой связи нам представляется интересным замечание Т. В. Васильевой (Vasilyeva 1986: 74, 79–82) о том, что у Лукреция встречаются отголоски стоических философских представлений, в частности представление о судьбе (Lucr. De rer. nat., I, 159–214). Признавая философскую самобытность Лукреция, Т. В. Васильева говорит, что его поэма скорее позволяет судить о достижениях материалистической мысли всей предшествующей эпохи, нежели является строгим изложением эпикурейских взглядов.

Если вещь (*res*) находит применение в повседневной жизни, она в процессе установления (*impositio*) получает название (*vocabulum*). Для отражения в речи связи вещей *vocabulum* переходит в разряд *verbum* и подвергается процессу *declinatio*. В ходе этого процесса внутри *verbum* происходит взаимодействие *materia* и *casus, exitus eius* в результате которого образуется морфологическая форма слова *figura*.

Литература

- Akhmanov, A. S. 1947: [Epicurus]. *Lukretiy. O prirode veshhey. Articles, commentaries, fragments of Epicurus and Empedocles*. Ed. By F. A. Petrovskiy. Leningrad, vol. 2., 301–387.
- Ахманов, А. С.: Эпикур. Лукреций. О природе вещей. Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла. Сост. Ф. А. Петровский. Л., Т. 2, 301–387.
- Collart, J. 1978: L'œuvre grammaticale de Varron. *Varron, grammaire antique et stylistique latine*. Paris: «Belles lettres», 3–21.
- Drachyova, N.V. 2013: *Linguisticheskaya terminologiya Marka Terentsiya Varrona (na materiale VIII–IX knig traktata "De Lingua Latina")* [Linguistic terminology of Marcus Terentius Varro (based on books VIII–X of the "Lingua Latina")]. Abstract of the Cand. of Sci. Dissertation. Moscow.
- Драчёва, Н. В. 2013: *Лингвистическая терминология Марка Теренция Варрона (на материале VIII–X книг трактата «De Lingua Latina»)*. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. М.: МГУ.
- Drachyova, N.V. 2012: [Classification of Parts of Speech in the Linguistic Doctrine of Marcus Terentius Varro]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and classical philology] 16, 201–220.
- Драчёва, Н. В. 2012: Классификация частей речи в лингвистической доктрине Марка Теренция Варрона. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 16, 201–220.
- Ernout, A.; Meillet, A. 1939: *Dictionnaire étymologique de la langue latine*. Paris: Librairie C. Klincksieck.
- Grintser, N.P. 2000: [The Roman Face of the Greek Philosophy]. An introduction. *Marcus Tullius Cicero. About the Ends of Goods and Evils. The paradoxes of the stoics*. Moscow, 9–38.
- Гринцер, Н. П., 2000: Римский профиль греческой философии. Вступительная статья. *Марк Туллий Цицерон. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков*. М., 9–38.

- Kent, R. G. 1938: *Varro. On the Latin Language*. With an English translation by Ronald G. Kent. Vols. 1–2. London: Harvard University Press.
- Kritskaya, S. Y. 2001: [The influence of stoic and atomistic language views on Marcus Terentius Varro's "De lingua latina"]. *ЭПИСТОЛАИ. Сборник статей к 80-летию профессора Н.А. Чистяковой*. Saint Petersburg, 95–97.
- Крицкая, С. Ю. 2001: Отражение языковых взглядов стоиков и атомистов в трактате Марка Теренция Варрона «О латинском языке». *ЭПИСТОЛАИ. Сборник статей к 80-летию профессора Н. А. Чистяковой*. СПб: Изд-Во СПбГУ, 95–97.
- Malinauskene, N. K. 2006: *Vvedenie v istoriyu latinskogo yazyka (klassicheskiy period)*. [Introduction to the history of the Latin language (classical period)]. Moscow, Museum Graeco-Latinum.
- Малинаускене, Н. К. 2006: *Введение в историю латинского языка (классический период)*. М.: ГЛК.
- Melo de, W. 2019: *Varro: De lingua Latina*. Introduction, Text, Translation, and Commentary. Vols. 1–2. Oxford: University Press.
- Michel, A. 1978: Le philosophe et l'antiquaire: à propos de l'influence de Varron sur la tradition grammaticale. In: *Varron, grammaire antique et stylistique latine*. Paris: «Belles lettres», 163–170.
- OLD — *Oxford Latin Dictionary*. Oxford: Clarendon Press, 1968–1982.
- Petrovsky, F. A. 1947: [Commentary to books I and II]. *Lukretiy. O prirode veshhey. Articles, commentaries, fragments of Epicurus and Empedocles*. Ed. By F. A. Petrovskiy. Leningrad, vol. 2., 301–387.
- Комментарии к книгам I и II. *Лукреций. О природе вещей. Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла*. Сост. Ф.А. Петровский. Л., Т. 2, 301–387.
- Petrovsky, F.A. 1983: *Tit Lukretiy Kar. O prirode veshhey*. [Titus Lucretius Carus. *On the Nature of things*]. Trans. by F.A. Petrovskiy. Moscow.
- Петровский, Ф.А. 1983: Тит Лукреций Кар. О природе вещей. Перевод Ф.А. Петровского. М.
- Pokrovskaya, Z.A. 1960: [First Principles, Emptiness, and the Universe in Lucretius' Philosophical Dictionary]. *Vestnik Drevnei istorii* [Ancient History Bulletin] 4, 83–101.
- Покровская, З. А. 1960: Первоначала, пустота и вселенная в философском слове Лукреция. *Вестник древней истории* 4, 83–101.
- Pokrovskaya, Z. A. 1967: [Philosophical terminology of Lucretius and Epicurus]. *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungariae*, XV, 63–83.
- Покровская, З. А.: Философская терминология Лукреция и Эпикура. *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungariae*, XV, 63–83.
- Pokrovskaya, Z. A. 1979: *Antichnyy filosofskiy epos. Lektsii po spezkursu*. [Ancient philosophical poetry. Lectures]. Moscow.
- Покровская, З. А., 1979: Античный философский эпос. Лекции по спецкурсу. М.

- Sidorovich, O.V. 2005: *Annalists i antikvary: rimskaya istoriographia kontsa III–I vv. do n.e. [Annalists and antiquarians: roman historiography (late 3rd–1st cent. BC)]*. Moscow, RSUH.
- Сидорович, О. В. 2005: *Анналисты и антиквары: римская историография конца III–I вв. до н. э.* Москва: РГГУ.
- Taylor, D. 1974: *Declinatio. A study of the Linguistic Theory of Marcus Terentius Varro*. ASTHLS. Amsterdam.
- Trencsényi-Waldapfel, I. 1958: *Cicéron et Lucrèce. Acta antiqua Academiae scientiarum Hungariae*. T. VI, 3–4, 321–381.
- Utchenko, S. L. 1994: [Cicero's political and philosophical treatises]. *Cicero. Dialogues*. Moscow.
- Утченко, С. Л. 1994: Политико-философские трактаты Цицерона. *Цицерон. Диалоги*. М.
- Vasilyeva, T.V. 1986: [The stoic conception of nature and Lucretius' 'On the nature of things']. *Hellenistic philosophy*, Moscow, 66–84.
- Васильева, Т. В. 1986: Стоическая концепция природы и поэма Лукреция «О природе вещей». *Эллинистическая философия*, М., 66–84.
- Vlastos, G. 1965: *Minimal Parts in Epicurean Atomism*. The University of Chicago Press. The History of Science Society. V. 56. № 2, 121–147.
- Walde, A. 1938: *Lateinisches Wörterbuch*. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung.

С. К. Егорова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
s.egorova@spbu.ru

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ 5 ЭПОДА ГОРАЦИЯ, ИЛИ К ВОПРОСУ О СОБАКАХ (Hor. *Epod.* 5, 58)

В статье предлагается исправление рукописного текста Hor. *Epod.* 5, 58: *latrent canes suburanae* или *suburbanae*. Первое чтение прочно укоренилось в изданиях Горация и не привлекало внимания специалистов. Между тем оно вводит конкретное указание на место действия событий — ночную улицу в Риме, что усиливает макабрическое звучание этого стихотворения, не вполне свойственное Горацию. Кроме того, указание на Субуру, подразумевающее, как обычно полагают, «никогда не спящий» район (ср. Prop. 4.7.15), плохо согласуется с действием: ни тот, ни другой рукописный вариант не дают ответа, почему привыкшие к ночным прохожим собаки должны облаивать персонажа? Автор статьи предполагает, что первоначальным чтением было причастие с приставкой *sub-* со значением «встревоженный» или, что было бы остроумнее, «подученный» (последнее значение имеет глагол *subornare*).

Ключевые слова: Гораций, колдовство в античности, рукописная традиция, Субура, Эподы Горация.

S. K. Egorova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.
s.egorova@spbu.ru

Where does Horace's *Epode* 5 Take place? Or the Problem of the Dogs (Hor. *Epod.* 5, 58)

This article reconsiders the manuscript variants in Horace's *Epode* 5. 58: *latrent canes Suburanae* versus *Suburbanae*. The former reading is firmly established in modern editions of Horace and has received little scholarly attention. However, it offers a direct spatial reference to the location of the poem's events — a street in Rome that, at the time, was the center of the nightlife. This setting heightens the eerie atmosphere of the poem, which is otherwise not quite typical of Horace.

Other details scattered throughout the poem suggest a broader Italian context, or even an allusion to the Neapolitan region (see lines 26, 29, 42, 43). The mention of the Esquiline Hill (line 100) may appear to contradict this, but it likely serves a figurative function—*Esquiliae* as a metonym for a graveyard — especially considering that the area was already developed

into gardens during Horace's lifetime, making a realistic interpretation problematic.

Moreover, the reference to Subura as a "never-sleeping" district (cf. Prop. 4.7.15: *vigilacis Suburae*) seems ill-suited to the poem's action: neither manuscript variant explains why dogs accustomed to nocturnal foot traffic would bark at the character. The article proposes an alternative hypothesis: the original reading may have been a participle with the prefix *sub-*, conveying the sense of "alerted" or, more pointedly, "instructed." The verb *subornare* can carry such a meaning — particularly with the addition *against smb.* — although there is no direct parallel involving dogs.

This conjecture allows for the recovery of a comic detail that may have been lost early in the textual tradition: the barking dogs serve as a sign that the mistresses are not eager to receive the visitor. At the same time, the elimination of a specific Roman topographical reference distances the poem's macabre plot from the familiar landscape of Horace's Roman readers.

Keywords: Horace, Horace's Epodes, manuscript tradition, Subura, witchcraft in antiquity.

В настоящей статье я хочу вернуться к текстологической трудности, которую рассмотрела лишь поверхностно в диссертации и подготовленных на ее основе публикациях¹. Речь идет о сцене в 5 эподе Горация — произведении в целом довольно необычном: если оно способно шокировать современного читателя, то, надо полагать, вызывало сильные чувства и у римлян. Ведьма Канидия и несколько ее помощниц приносят в жертву ребенка (вернее подростка, он уже носит тогу с затканной полосой, стих 7), который в сюжете является полноправным субъектом — его словами начинается (1–10) и заканчивается (87–102) стихотворение. Колдовской ритуал, как часто бывает в античных произведениях², имеет приворотные цели и призван вернуть любовь Вара, мужа Канидии, имя которого дано в стихе 73. В словах главной героини за обращением к божествам следует описание сцены, содержащее целый ряд сложных мест, засвидетельствованных в рукописной традиции:

¹ Egorova 2007: 70, Egorova 2021, 372, где среди прочих разбирался пример Ног. *Epod.* 5, 58.

² О соотношении сюжета с магическими папирусами и др. источниками об античном колдовстве см. Watson 2003: 175–181. Канидия встречается у Горация несколько раз, в том числе в 17 эподе (где он сам становится ее жертвой), подробнее см. посвященный лично ей раздел Appendix 2 (Mankin 1995: 299–301).

formidulosus cum latent silvis ferae 55
 dulci sopore languidae,
 senem, quod omnes rideant, adulterum
 latrent Suburanae canes
 nardo perunctum, quale non perfectius
 meae laborarint manus. 60

latrent mss. latrant Zielinsky, Housman

suru banę C suburbanae Alλ Suburanae BFR γδνπυ³
 Suburae P⁴

«В то время как звери в пугающих лесах скрылись, расслабленные сладким сном, старого прелюбодея, над чем все станут смеяться, облаивают / пусть облаивают (Conj. / Ind.) собаки Субуры при том, что он умащен нардом⁵, совершеннее которого мои руки не делали».

Приведя выше текст, который встречается во всех изданиях последнего времени, я не стану рассматривать не только разночтения formidulos-is/ae и laborar-int/unt, но и варианты с наклоном глагола (latr-ent/-ant), ведь для вопроса с определением к *canes* в каком-то смысле не так важно, происходит ли сцена в реальности или является пожеланием Канидии (неясно — искренним⁶ или саркастическим⁷); скорее интересно отметить, что в любом случае лай собак невыгоден Вару, оповещая людей о его ночных перемещениях.

О том, что место было испорчено уже очень рано, может свидетельствовать чтение рукописи C/E⁸, содержащее заведомо бессмысленное *suru banae* (впрочем, дающее нам основания

³ Для этого случая рукописи приведены наиболее полно в издании О. Келлера и А. Холдера. В издании Фр. Клингнера обобщенная помета «ЕΨ» указывает на принадлежность рукописей к обоим выделяемым им древним классам.

⁴ Добавленный в научный оборот И. Боржаком codex Bodmerianus (X в.).

⁵ В нардовую мазь могло быть добавлено и зелье (Mankin 1995:128).

⁶ Можно предположить, что под действием приворота он бросится домой с такой быстротой, что это встревожит собак (Watson 2003: 229). Лай собак сообщает о приближении возвращающегося персонажа в сходном сюжете (Verg. *Ecl.* 8, 107).

⁷ Л. Ватсон (Watson 2003: 229) допускает, что лай собак может быть желателен Канидии как еще одно унижение для изменника.

⁸ Monacensis lat. Clm 14685, хранился в Регенсбурге, выполнен в XI в. там же по мнению Б. Бишоффа (Bischoff 1981: 49).

полагать, что изначальное чтение было согласовано с собаками по женскому роду⁹).

В большинстве же рукописей находим *suburbanae* ('пригородные') или *Suburanae* ('субурские', т.е. из римского района Субур(р)а). Последнему чтению по сравнению с первым рукописным вариантом издателя Горация отдают предпочтение по нескольким причинам:

1) употребление слова *suburbanus* в формальных и административных контекстах (что, впрочем, не препятствовало использованию этого прилагательного в поэзии: ср. Ovid. *Ars* 1, 259; *Fast.* 6, 361 и 723; Catull. 44, 6; Stat. *Silv.* 4, 4, 7, в том числе и самим Горацием в Hor. *Sat.* 2, 4, 15; *Epist.* 1, 7, 76).

2) предполагалось, что, будучи *lectio difficilior*, прилагательное 'субурский' могло быть неизвестно переписчикам и редакторам вне Италии¹⁰, что объяснило бы его переход в общеизвестное прилагательное *suburbanus*.

Также находили¹¹ соотношение с упоминанием Субуры как района с оживленной ночной жизнью в тот же период: Проперций называет Субуру *vigilax* в 4.7.15 (в словах Кинфии):

iamne tibi exciderant vigilacis furta Suburae?

Ты уже забыл <наши> обманы бдительной Субуры?

Вместе с тем не до конца ясно, что подчеркивает этот эпитет в контексте: вероятно, речь идет просто о «никогда не спящем» районе¹². Возможно, однако, что Кинфия вспоминает, с какой изворотливостью они скрывались даже от столь «бдительных», т.е. сующих всюду свой нос обитателей Субуры¹³. Отметим, что оба понимания в каком-то смысле противоречат перенесению сцены с Варом в Субуру: привыкшие к ночным

⁹ У Горация встречаются собаки обоих полов (f — *Epod.* 2, 31; 5, 23; *Serm.* 1, 8, 35; *Epist.* 2, 2, 75; m — *Epod.* 6, 1; 12, 6; *Epist.* 1, 2, 26).

¹⁰ В позднеантичном и даже средневековом Риме этот топоним продолжал использоваться (Sid. Apol. *Carm.* 23, 236; Prud. *Peristephanon* XI, 45).

¹¹ Mankin 1995: 128; Watson 2003: 229–230. Там же перечислены места в поэзии I в. н.э.

¹² В пер. А. И. Любжина: «наши проделки в бессонной Субуре» (Liubzhin 2004: 203).

¹³ Хатчинсон, например, допускает оба понимания — “lively night-life and watchful eyes to evade” (Hutchinson 2006: 175).

визитерам собаки вряд ли встревожатся, почуяв еще одного, даже источающего сильный запах благовоний.

Однако если предположить, что мы имеем дело с изначально испорченным текстом (впрочем, о наличии приставки *sub-* можно говорить вполне уверенно), то какую подробность мы бы ожидали? С одной стороны, это могло быть что-то банальное¹⁴, например, причастие со значением ‘разбуженный’, ‘потревоженный’. Вместе с тем в сцене как будто не хватает ответа на вопрос — почему именно на Вара должны лаять собаки? Возможно причастие (по метрическим требованиям корень глагола должен начинаться с гласного) вводило дополнительную комическую (*quod omnes rideant*) подробность — что, если собаки были *подучены* своими хозяйками, не желавшими принимать Вара?

Такое значение имеет глагол *sub-ornare*, который первоначально употреблялся в значении «снабжать средствами», в том числе оружием, средствами борьбы¹⁵ (приставка *sub-*, вероятно, придавала оттенок оказания помощи¹⁶), откуда развилось (благодаря переосмыслению приставки *sub-* как указания на скрытое, коварное действие) значение «подучивать», «подготавливать против кого-то»,¹⁷ что в нашем контексте могло бы

¹⁴ Этот текст принадлежит перу еще начинающего поэта, как это показывает упоминание спящих зверей.

¹⁵ С нейтральным и даже положительным оттенком глагол употребляется в этом значении, напр., в Cic. Leg. 1, 59: *quem ad modum a natura subornatus in natura venerit*.

¹⁶ См. Roby 1875: 444 (ср. *subministrare*, *subvenire* и др.).

¹⁷ ‘to instruct for a secret or underhand purpose’ (*OLD* 3). Здесь следует отметить, с одной стороны, значение ‘подготавливать (подкупать) против кого-то (в качестве лже-свидетелей или лже-обвинителей в суде)’ (Cic. Q. Rosc. 51: *Deiot. 17*), а, с другой стороны, ‘подсылать (в качестве убийц)’ (Liv. 42, 15, 3; Curt. Ruf. 6, 9, 5). Со значением ‘подкупать’ (о свидетеле) перешел в современные языки (фр. *suborné*, англ. *suborned* etc.). Это употребление подразумевает, помимо прямого значения ‘снабжать необходимыми средствами’, ‘готовить’, также дополнительные семантические оттенки пристрастной направленности против кого-то, секретности, коварства и соответствующую пейоративность.

означать подученных, то есть «науськанных» на Вара собак¹⁸. Надо признать, что *subornare*, насколько можно судить, в этом значении применяется к людям, однако применение его к собакам кажется возможным. Не исключено, что эта необычность как раз и могла смутить переписчиков, которые, встретившись с причастием *subornatus*, отнесенным к собакам, попытались различными способами исправить текст.

Отказ от указания на один из районов Рима в рассмотренном стихе меняет и общее восприятие сюжета, который читателю при обычном понимании мог бы казаться пугающим — тогда действие может происходить и не в Риме. Если понимать и указание на Эсквилин в стихе 100 в более общем значении (эсквилинский = кладбищенский) — во времена Горация на Эсквилинском холме уже были сады, что в любом случае не дает видеть здесь реалистическую подробность — весь текст эпода содержит несколько отсылок к общеримскому контексту:

- а) в ритуале используется вода из Авернского озера (стих 26);
- б) служанка *Veia* носит этрусское (или оскское) имя (стих 29);
- с) помощница Канидии Фолия родом из Ариминия (стих 42);
- д) Неаполь (вероятнее не часть Сиракуз, а город в Кампании, т. к. снабжен эпитетом *otiosa*) упоминается как место практики Фолии¹⁹ (стих 43).

В таком случае кровавые ужасы²⁰ оказываются как бы удаленными от читателя-жителя Рима, тогда как при сохранении чтения *Suburanae* (или даже *suburbanae*) конкретное указание на топографию Рима, напротив, усиливает макабрический характер произведения.

Литература

Bischoff, B. 1981: *Mittelalterliche Studien*. Bd. III. Stuttgart: Hiersemann.
Borzsák = Q. *Horati Flacci Opera*, rec. S. Borzsák. Lipsiae: Teubner, 1984.

¹⁸ Возможно, ‘подучивание’, т. е. натравливание собак на Вара указывает на то, что им дали понюхать связанный с ним предмет, например, одежду (благодарим анонимного рецензента за это соображение).

¹⁹ Порфирион сообщает, что и Канидия была оттуда родом, однако эта деталь не представляется комментаторам надежной (Mankin 1995: 123).

²⁰ Пытаясь более точно определить стиль эпода, комментаторы используют в том числе выражения “black humour”, “horror-farce”, “ghost-story” и т. д. (Watson 2003: 182; Mankin 1995: 110).

- Egorova, S. K. 2007: A Possible Origin of Variants in Two Manuscripts of Horace (Paris. 7972 and Leidensis B. P. 28). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta*. Series 9, issue 4, part 1, 69–74.
- Егорова, С. К. 2007: О возможном происхождении чтений в рукописях эподов Горация (Paris. 7972 и Leidensis B. P. 28). *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 9, выпуск 4, часть 1, 69–74.
- Egorova, S. K. Horace's edition by Fr. Vollmer // *Indo-European Linguistics and Classical Philology*, 2021. t. 25. p. 369–374. С. К. Егорова, «Гораций в издании Фольмера», *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 25 (2021), 369–374.
- Hutchinson, G. 2006: *Propertius. Elegies. Book IV*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Keller, Holder = *Q. Horati Flacci Opera*, rec. Keller O. et Holder A. Lipsiae, 1888.
- Klingner = *Q. Horati Flacci Opera*, tert. rec. F. Klingner. Lipsiae: Teubner 1959.
- Liubzhin, A. I. 2004: *Sexti Properti Elegiarum Libri quattuor*. Moscow: Greko-latinskiy cabinet Iu. A. Shichalina, Accademia Properziana del Subasio di Assisi. Любжин, А. И. 2004: *Секст Проперций. Элегии в четырех книгах*. М: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, Accademia Properziana del Subasio di Assisi.
- Mankin, D. 1995: *Horace. Epodes*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Watson, L. C. 2003: *A Commentary on Horace's Epodes*. Oxford: Oxford University Press.

В. В. Емельянов

Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия
banshur69@gmail.com

«ШУМЕРСКИЙ ВОПРОС» Ф. ВАЙСБАХА И СОВРЕМЕННЫЕ ГРАНИЦЫ ШУМЕРСКОГО ВОПРОСА¹

В статье определяется значение монографии Ф. Вайсбаха «Шумерский вопрос» для развития шумерологии и уделяется особое внимание развитию шумерского вопроса в отечественной науке о древнем Востоке. Автор считает, что работа Вайсбаха обозначила ту границу консенсуса, которая существует в современной науке по поводу этничности, языка и культуры шумеров с 1890-х гг. и пока не претерпела изменений. До сих пор считается, что слоговую клинопись начал первым использовать народ, говоривший на несемитском языке, что нужно называть этот народ шумерами, что его язык имеет естественное происхождение и, следовательно, существует шумерская этничность и шумерская культура. В статье показано, что проблема происхождения шумеров разделилась на этнический, лингвистический и расовый аспекты. Об этничности и расе шумеров ничего не известно, в их языке есть слова, присутствующие в различных макросемьях языков, а их культура не помнит стадии переселения и связана с ландшафтно-климатической парадигмой развития Южного Двуречья. Сам топоним KI.EN.GI, сопоставляемый с аккадским топонимом Shumeru, в наиболее ранних текстах обозначал часть города Урука, а вовсе не территорию Южного Двуречья. Тем не менее, следует выделить такие особенности шумерской культуры как культы неба, гор (как обители мертвых) и деревьев, отождествление небесного с божественным, вера в существование имперсональной божественной силы, а также возможную полиандрию. Все эти черты нехарактерны в III–II тыс. до н. э. для автохтонов древнего Ближнего Востока. Автор статьи обращает внимание на лингвистические сходства в базовой местоименной парадигме и религиозной лексике, а также в самоназвании шумеров с сино-тибетскими народами и полагает, что те и другие принадлежали некогда к более крупной межрегиональной общности.

Ключевые слова: Ф. Вайсбах, М. В. Никольский, шумеры, шумерский вопрос, проблема идентификации шумеров.

¹ Сердечно благодарю к.ф.н. Илью Александровича Грунтова за консультации в области лингвистики дальнего родства.

V. V. Emelianov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

banshur69@gmail.com

“Die Sumerische Frage” by F. H. Weissbach and the modern boundaries of the Sumerian question

The article defines the significance of F. H. Weissbach's monograph “Die Sumerische Frage” for the development of Sumerology and pays special attention to the development of the Sumerian question in the Russian studies of the ancient Near East. The author believes that Weissbach's work marked the boundary of the consensus that has existed in modern scholarship regarding the ethnicity, language and culture of the Sumerians since the 1890s and has not yet undergone changes. It is still believed that cuneiform was first used by a people who spoke a non-Semitic language, that this people should be called Sumerians, that their language has a natural origin and, therefore, there is Sumerian ethnicity and Sumerian culture. The article shows that the problem of the origin of the Sumerians is divided into ethnic, linguistic and racial aspects. Nothing is known about the ethnicity and race of the Sumerians, their language contains words present in various macrofamilies of languages, and their culture does not remember the stage of migration and is associated with the landscape-climatic paradigm of the development of the Southern Mesopotamia. The toponym KI.EN.GI itself, compared with the Akkadian toponym Shumeru, in the earliest texts denoted a part of the city of Uruk, and not the territory of the Southern Mesopotamia at all. Nevertheless, it is necessary to highlight such features of the Sumerian culture as the cults of the sky, mountains (as the abode of the dead) and trees, the identification of the heavenly with the divine, the belief in the existence of an impersonal divine force, as well as possible polyandry. All these features are not characteristic of the autochthons of the Ancient Near East in the 3rd-2nd millennia BC. The author of the article draws attention to linguistic similarities in the basic pronominal paradigm and religious vocabulary, as well as in the self-designation of the Sumerians with the Sino-Tibetan peoples, and believes that both once belonged to a larger interregional community.

Keywords: F. H. Weissbach, M. V. Nikolski, Sumerians, Sumerian question, problem of identification of Sumerians.

МОНОГРАФИЯ Ф. ВАЙСБАХА И РОССИЙСКАЯ АССИРИОЛОГИЯ

Российская ассириология с самого начала, т. е. с 1880-х гг., развивалась независимо от западноевропейской. Ее основателями были автодидакты М. В. Никольский, В. С. Голенищев и В. К. Шилейко. Никто, кроме египтолога и эфиописта Б. А. Тураева,

не прошел стажировки по аккадским и шумерским текстам в Германии. Отечественные ученые работали только с теми собраниями табличек, которые находились на территории Российской империи, и никогда не обсуждали тех важнейших публикаций, которые выходили за пределами их страны. Так, в период марксистской схоластики 1920–1930-х гг. мимо нашей науки прошла важнейшая статья Б. Ландсбергера о концептуальной автономии вавилонской мысли, сформировавшая весь дискурс интеллектуальной истории в области ассириологии (Landsberger 1926; Sallaberger 2007). Однако еще раньше, в дореволюционный период, осталась незамеченной выдающаяся работа Ф. Вайсбаха «Шумерский вопрос», которая, с одной стороны, положила конец длительным дискуссиям, а с другой — обозначила границы нашего современного знания о предмете (Weissbach 1898). Интересно, что в этой работе немецкий коллега учел малоизвестную методическую публикацию своего русского коллеги М. В. Никольского. Однако в книге В. К. Шилейко «Вотивные надписи шумерийских правителей» ссылки на Вайсбаха и Никольского отсутствуют, а их выводы не обсуждаются (Shilejko 1915). Последующие работы отечественных ассириологов также игнорируют важнейшие тезисы обеих публикаций. В этой статье мы попытаемся осветить тезисы Никольского и параллельно работавшего Вайсбаха с позиций современной науки, а также определить современные границы шумерологии и те проблемы, которые пока не позволяют их преодолеть.

В 1880-х годах М. В. Никольский вел в Московском университете занятия «по семитоведению и ассириологии». Его студентами Б. А. Тураев в статье об ученых заслугах Никольского называет С. С. Слуцкого и И. Соловейчика (Turaev 1915: 5). Для учебных целей Никольский подготовил пару пособий. В помощь новичкам в ассириологии он создал хрестоматию, состоявшую из двух брошюр. В первой части были избранные ассиро-вавилонские силлабарии, а во второй — комментированное издание под названием: «Сумерийский гимн богу Огня IV тысячелетия до Р.Х. с транскрипцией, переводом и подробным объяснением, с приложением введения и примечаний. Автографическое издание М. Никольского, преподавателя еврейского языка в Императорском Московском Университете. Москва, 1884». Все пособие (52 с.) написано от руки, с

карандашной правкой и зачеркиваниями. Это и в самом деле издание шумеро-аккадского текста новоассирийской эпохи, но не гимна богу огня (как думал Никольский), а заклинания бога огня Гирры. В предисловии к своему изданию Никольский пишет: «Сумерийский язык, на котором первоначально написан разбираемый нами гимн, есть язык первобытных обитателей Халдеи. Он не принадлежит ни к индоевропейским, ни к семитическим языкам, но имеет много общего с языками финскими и урало-алтайскими; так же, как эти языки, он стоит еще на ступени агглютинации, но существенно отличается от них тем, что для образования грамматических форм употребляет способ префигирования элементов образования к корню, тогда как поименованные языки употребляют для сего суффигирование. Отнести его к разряду этих языков все-таки нельзя еще; кроме различия в строении, этому препятствует, главным образом, громадная разница во времени жизни того и других: между тем как сумерийский язык по самым древнейшим памятникам, на нем написанным, восходит до V тысячелетия до Р.Х., литература финских народов не имеет памятников свыше VIII в. после Р.Х. На этот язык надобно смотреть как на единственный в своем роде, притом как на самый древнейший из известных нам языков, древнее языка египетских иероглифов. Несмотря на такую его древность, мы все же далеко не беспомощны в деле его изучения; напротив, едва ли какой-либо из древнейших языков человечества имеет столько вспомогательных средств к тому, чтобы быть самым основательным образом исследованным и разработанным и лингвистически и литературно, как язык сумерийский. Обширная литература сумерийская дошла до нас почти исключительно чрез руки позднейших семитических халдеев и ассирийцев, также говоривших на семитическом языке; они тщательно сохранили сумерийские тексты, снабдили их переводом на свой язык (так называемый ассирийский), а главное, оставили нам большее количество составленных ими разнообразных руководств к пониманию сумерийского языка и литературы» (Nikol'skij 1884: 3)².

²Далее следует ряд ценных частных наблюдений, например: «Сумерийцы считали существующими только те предметы, которые соответственно своим свойствам получали имя; название предметом своего имени по их воззрению равносильно проявлению бытия, самопро-

Таким образом, уже в этом методическом пособии 1884 г. высказывается сразу несколько характерных для современной науки идей: 1) шумерский язык является реальным языком, на котором говорили обитатели южной Месопотамии; 2) он имеет много общего с известными европейцам агглютинативными языками, и потому его можно типологически сравнить с финно-угорскими и алтайскими; 3) однако, он отличается от них способом агглютинации (префиксы в шумерском и суффиксы в языках сравнения) и очень далеко располагается от прочих агглютинативных языков во времени, что мешает синхронному сравнению; 4) на него нужно смотреть как на изолят; 5) мы понимаем шумерский язык только через вавилоно-ассирийское посредничество.

Книжечку Никольского в числе трех книг, о которых он знает, но не видел, упомянул в своей докторской диссертации Франц Вайсбах (Weissbach 1898: III). Имя этого выдающегося востоковеда очень мало упоминается в современной науке. Поэтому имеет смысл привести его краткую биографию. Франц Генрих Вайсбах (1865–1944) учился в Лейпцигском университете у Фридриха Делича. В 1890 году была защищена его докторская диссертация на тему «Об ахеменидских надписях второго рода», посвященная текстам на эламском языке. В 1897 г. он стал хабилитированным доктором за диссертацию «К решению шумерского вопроса», а в следующем году выпустил монографию «Шумерский вопрос». В дальнейшем Вайсбах занимался самыми разными предметами: издавал древнеперсидские надписи, вавилонские надписи Навуходоносора II, изучал системы веса в древней Месопотамии, участвовал в раскопках и изучал современные арабские диалекты Ирака. Его карьера складывалась причудливо. Вайсбах работал библиотекарем и одновременно читал лекции в Лейпцигском университете как внештатный профессор. Ординарным профессором он стал только в 1930 г. Однако довольно быстро лишился места. Дело в том, что в 1933 г. Вайсбах захотел вступить в НСДАП, но не был принят, поскольку состоял в масонской ложе. Тогда в 1934 г. он написал письмо Гитлеру, в котором

явлению» (Nikol'skij 1884: 24–25); «В сумерийском языке называть имя значит быть, и <...> самый глагол быть, те, первоначально имел значение ‘называть’» (Nikol'skij 1884: 31).

защищал честь масонства, при этом подчеркивая свои национальные чувства. Ответом канцлера Германии было увольнение странного профессора из университета. С 1935 г. Вайсбах был лишен работы и не публиковался. А в 1944 г. он погиб от взрыва бомбы на улице своего города Марклеберга (Müller 1979: 67–86).

Как становится ясно из его биографии, Вайсбах с самого начала хотел быть специалистом по Эламу. Он довольно рано определил эламский язык как изолированный и искал среди других древних языков второй пример изолята, чтобы сопоставить его с эламским. Таким языком оказался шумерский. И Вайсбах принялся изучать историю шумерологии еще тогда, когда сам предмет находился в стадии острейших дискуссий, а до важнейших филологических публикаций Ф. Тюрро-Данжена оставалось около десяти лет. Нельзя не подивиться смелости исследователя, ранее имевшего дело только с персидским, аккадским и эламским языками. Нельзя не отметить и его скрупулезность в учете публикаций, позволившую ему учесть данные даже малотиражного московского учебного пособия, написанного Никольским.

Для истории шумерологии (а она еще не написана) книга Вайсбаха является важнейшей вехой, потому что это первое подведение итогов научной дискуссии, начавшейся в 1850 году и доведенной до года защиты диссертации (1897). Судя по дате в предисловии, книга была завершена 22 ноября 1897 г. В первой части работы автор делит историю шумерологии на три этапа. А во второй формулирует основные проблемы и в конце предлагает их решения. Начать, пожалуй, нужно именно с этих проблем:

- 1) Клинопись — семитское или несемитское изобретение?
- 2) Представляет ли так называемый шумерский язык ассирийскую аллографию или другой язык?
- 3) Так называемый шумерский — искусственный или естественный язык?
- 4) Какое название следует дать так называемому шумерскому языку?
- 5) Каковы родственные отношения шумерского языка?

Первый этап в истории шумерологии, согласно Вайсбаху, длился с 1850 по 1874 гг. На этом этапе основным вопросом было именование несемитского языка клинописных текстов

Ассирии как «шумерского» или как «аккадского», а также определение его лингвистического типа. После того, как Э. Хинке определил один из языков библиотеки Ашшурбанапала как семитский, возникли вопросы по поводу второго языка, который явно не встраивался в семитскую парадигму. Г. Раулинсон, Ж. Опперт, Ф. Ленорман стали предлагать свои названия: касдо-скифский, прото-скифский, аккадский. 13 января 1869 г. Опперт выступил в Обществе французских нумизматов и археологов с докладом, в котором назвал несемитский язык ассирийских текстов касдейским или шумерским. Он определил его как грамматически похожий на турецкий, финский и венгерский. Обсуждение доклада шло в русле сопоставления носителей шумерского языка с т. н. «туранцами»³ и с библейскими потомками Ноя.

Дальнейшая дискуссия шла уже между Оппертом и Ленорманом. Доводы Опперта в пользу шумерского языка и шумеров были следующие:

1) В клинописных текстах цари, даже позднего периода, называют себя «царями шумеров и аккадцев». Из этих двух имен последние представляют семитский народ, а шумеры — туранский народ.

2) Идеограмма Шумера состоит из двух символов ЕМЕ.KU, один из которых означает «язык», а другой — «поклонение». Так что Шумер — это что-то вроде «священного языка».

3) Символ Аккада также обозначает землю Арарат, что указывает на нордическое происхождение. Более того, эта идеограмма Аккада, обозначающего Вавилон, по-видимому, образовалась путем наложения знака Ашшура.

4) В одном тексте ассирийские грамматики приравниваются к аккадским; в другом ассирийский текст квалифицируется как аккадский документ. Если бы мы не называли язык ассирийским, нам пришлось бы называть его аккадским.

5) В текстах этого языка, как и в более поздних, «Шумер» предшествует слову «Аккад» и представлен там тремя символами KI.EN.GI «земля истинного Господа», тогда как ассирийцы выражают название «Шумер», принадлежавшее прежде их

³ Об истории понятия «туранцы» в европейской антропологии в настоящее время см. (Knüppel 2006; Wiedermann 2010).

земле, используя известную идеограмму ЕМЕ.KU «святой язык».

Далее Опперт продолжил эти аргументы рядом комментариев о шумерской грамматике. Ему казалось, что язык шумеров принадлежит к вымершей ветви туранской языковой семьи. Однако, хотя ему удалось обнаружить сходство шумерского и татаро-финского языков в системе суффиксов и послелогов, шумерский глагол проявлял такие аномалии, что, несмотря на годы усилий, ему не удалось обнаружить ничего, что напоминало бы туранское спряжение (Weissbach 1898: 10–14).

Затем со своими контраргументами выступил Ленорман. Он, в частности, заметил связь между *ng* и *m* в семитских названиях южного Двуречья: *Sungiri*, *Sennar*, *Samarra*, *Šin‘ar*, *Singara*. Следовательно, у страны изначально могло быть туранское название, связанное с назализованными звуками. Он также полагал, что *ki-en-gi* обозначает «земля, страна», и таким образом титул *šar ki-en-gi Akkad* означает просто «царь земли Аккад». «Аккадский» язык Ленорман считал происходящим из особой группы урало-алтайской семьи, ближе к финскому, но в определенном отношении родственным турецкому, монгольскому, тунгусскому и даже баскскому (Weissbach 1898: 14–16).

Итак, первый период в развитии шумерологии имел следующие основные результаты:

1) Клинопись не была изобретена семитами.

2) Несемитский язык клинописи является агглютинирующим и относится к туранским. Шумер и Аккад даже сопоставляются с Суоми и Аккерак (Weissbach 1898: 24).

Второй этап в развитии шумерологии по Вайсбаху длился с 1874 по 1880 г. И основным его вопросом был вопрос, является ли так называемый аккадский или шумерский язык естественным языком отдельного народа или разновидностью семитской письменности. В июне 1874 г. семитолог Ж. Галеви опубликовал работу, в которой изложил взгляды на клинопись, прямо противоречащие общепринятым. В своих «Критических наблюдениях о предполагаемых туранцах Вавилонии» он стремился ответить на следующие 3 вопроса:

1. Принадлежит ли аккадский язык, если предположить его существование, туранской языковой семье?

2. Можно ли доказать существование туранского народа на земле Вавилонии?

3. Составляют ли тексты, называемые «аккадскими», язык, отличный от ассирийского, или просто идеографическую систему, которую придумали сами ассирийцы, помимо фонетической транскрипции?

В следовавших далее тезисах Галеви верно понял, что в «аккадском» и «туранских» нет общих грамматических категорий, различный синтаксис и нет заметной общей лексики. Однако его гиперкритицизм пошел значительно дальше, и он предположил, что, поскольку мы не знаем изображений несемитского населения, а все населенные пункты Месопотамии имеют семитское происхождение, то односложные слова «аккадского» это не что иное, как начальные слоги семитских слов⁴ (Weissbach 1898: 25–27). На помощь Галеви пришли финно-угроведы и тюркологи. Они сопоставили термины родства и числительные в шумерском, финно-угорских и тюркских языках и пришли к однозначному выводу: «Аккадский язык не является урало-алтайской идиомой. Это может быть агглютинирующий язык, но мы отвергаем термин «туранский» как совершенно неоправданный и ненаучный, когда речь идет об угрофинских, самодийских и тюркских языках» (Weissbach 1898: 33). Галеви торжествовал и объявил «аккадский» язык призраком. В результате такого поворота дел Ж. Опперту пришлось воевать на два фронта — против называния шумерского языка аккадским и против отрицания его как естественного языка (Weissbach 1898: 27). После раскопок Э. де Сарзека на холме Телло были обнаружены артефакты несемитской культуры Двуречья. И к 1880 г. победила точка зрения, согласно которой аккадским следует называть семитский язык клинописи, а несемитские надписи методом исключения следует считать написанными на шумерском языке.

Можно сказать, что гиперкритика Галеви была после 1880 г. окончательно преодолена сообществом ассириологов. Третий этап шумерологии был начат П. Хауптом, открывшим особый «женский» диалект шумерского языка (EME.SAL), и характерен изучением различных диалектов и идиолектов

⁴ Например, силлабарное соответствие шум. А = аккад. *aplu* ‘наследник’ Галеви понимал, как аллограмму аккадского слова по первому звуку, а не соответствие аккадского слова шумерскому слову а ‘вода, семя, наследник’.

шумерского языка: EME.KU, EME.SAL, EME.LUN и др. Однако Галеви продолжал собирать аргументы и активно публиковал статьи против существования шумерского языка. И на новом этапе самым последовательным критиком его идей стал К. Леман. Он сравнил между собой аккадский и шумерский языки и пришел к следующим выводам:

1. Ассирийский язык флективный, шумерский агглютинативный.

2. В ассирийском языке гласные являются важнейшим средством выражения и различения форм, образовавшихся от корня слова. В шумерском же, напротив, особенностями, прямо противоречащими этой функции гласных, являются: а) жесткая неизменность основы, при которой, конечно, изменения звука являются внешними факторами, не имеющими никакой связи со значением и развитием формы; б) гармония гласных.

3. Ассирийский имеет грамматический род, Шумерский язык не имеет рода.

4. В ассирийском языке есть предлоги, в шумерском языке можно найти только послелогии.

5. В ассирийском местоименный объект маркируется суффиксом, в шумерском — инфиксом.

По-видимому, именно Леману удалось окончательно убедить сообщество и в самостоятельности, и в отдельности шумерского языка (Weissbach 1898: 121–125). После его работ начались поиски родства. Возникли сразу египетская, этруская и китайская гипотезы. Однако они довольно быстро были опровергнуты сравнениями грамматики и лексики (Weissbach 1898: 130–133).

Во второй части своей монографии Вайсбах анализирует аргументы сторонников и противников шумерского языка и формулирует ответы на вопросы, поставленные в каждой главе (Weissbach 1898: 181).

1. Клинопись была изобретением народа, не говорившего на семитском языке.

2. Язык этого несемитского народа, присутствующий в бесчисленных исторических надписях, религиозных и грамматических текстах, можно охарактеризовать как «шумерский».

3. Он не является аллографией семитского, а представляет собой естественный язык.

4. Родственники этого языка не обнаружены.

Мы знаем, что история шумерологии была продолжена в начале XX в. изданиями Ф. Тюрро-Данжена, грамматиками А. Пёбеля и А. Фалькенштейна. Эта часть истории науки теперь хорошо освещена в работе Э. Марзаль. Она дает трудам Вайсбаха достойную оценку: «Последним примечательным ученым этого периода является Франц Х. Вайсбах (1865–1944), который в своей работе *Zur Lösung der sumerischen Frage* (1897) в значительной степени доказал несостоятельность аргументов Галеви. За этим последовала его другая главная работа по шумерскому языку, *Die sumerische Frage* (1898), где он вернулся к этим аргументам, настаивая на существовании диалекта Эмесаль как главного доказательства существования шумерского языка. С публикацией этих важных работ реальность шумерского языка была окончательно доказана, хотя аргументы Галеви все еще продолжали цитироваться на первых страницах всех шумерских грамматик в течение нескольких последующих лет» (Marsal 2014: 291).

Аргументы Галеви не просто продолжали цитироваться. В сентябре 1897 г. на Международном конгрессе востоковедов в Париже ученые голосовали за или против существования шумеров. За шумеров поднялись только две руки — Тюрро-Данжена и А. Иеремиаса (Weissbach 1898: IV). Такова была степень консерватизма ассириологов и семитологов Западной Европы.

Как же приняли работу Вайсбаха отечественные ассириологи? О ней хорошо знал учившийся у Лемана Тураев⁵. Однако он после издания двух шумерских табличек из Киевского музея (Turaev 1901) не занимался ассириологией. Что же касается

⁵ «С зимнего семестра 1893–1894 года выступил в Берлинском университете молодой, но уже давно известный ассириолог доктор К. Леман <...>. Действительно, между здешними ориенталистами он более других приближается к настоящему понятию историка, а потому его курс вавилоно-ассирийской истории и служивший к нему дополнением археологический курс в Музее были полны глубокого интереса и сообщали немало новых взглядов. Остроумие, широта мысли, прекрасное знание классиков и умение извлекать из них ценные данные, строгая, но свободная от крайности критичность, отсутствие предвзятых взглядов учёного, от которого наука вправе ожидать ещё очень многого. Уже теперь она обязана ему уяснением самого тёмного периода вавилонской истории — древнейших городских царств и блестящим опровержением анти-сумеристов» (Turaev 1894: 20–24).

П. К. Коковцова, то исследование его архива показало его полную осведомленность в трудах Вайсбаха. Сохранились десятки выписок Коковцова из книги Вайсбаха. Но из представленных фактов Коковцов сделал противоположные выводы, никому не сообщив о своем анти-сумеризме в печати⁶. Никольский или не был с ней знаком, или изучил ее невнимательно. Иначе не были бы возможны поздние внезапные сомнения Никольского в шумерах и шумерском языке (возникшие, бесспорно, от влияния Коковцова)⁷. Что же касается Шилейко, то следов монографии

⁶ Коковцов, не публиковавший своих мнений по поводу шумеров и шумерского языка, даже в 1920-х гг. пытался искать обоснование теориям Галеви. Об этом говорят его черновые записи, обнаруженные мною в архиве ученого. Так, он заметил, что шумерское слово *ka₅* 'лиса', по-аккадски звучащее как *šēlibu*, пишется знаком LIB (СПб АРАН. Ф. 779. Оп. 1. Д. 45/1,2. Л. 531), а знаком MU обозначаются слова, имеющие в семитских языках окончание -*tu* (араб. 'āmu(n) 'год' и аккад. *šutu* 'имя') (л. 531). В ряде случаев им установлены аккадские слова, заимствованные шумерским языком: GAZ < *qašāšu* 'резать' (л. 480). Однако Коковцов делает из своих наблюдений совсем другой вывод, а именно — что шумерские знаки являются криптограммами аккадских слов, а следовательно — нужно вслед за Галеви и его сторонниками считать шумерскую часть силлабария иератикой, а аккадскую — демотикой клинописи. Поразительно при этом то, что все выписки Коковцова касаются только новоассирийской и нововавилонской графики. Он даже не пытается проследить изменения клинописных знаков и потому сомневается в том, что новоассирийская клинопись могла произойти от «сумерийского» письма, хотя не сомневается в происхождении ее из пиктограмм.

⁷ «Надобно сначала решить вопрос, что древнее, курица или яйцо, т. е. сумерийцы ли заимствовали у семитов или последние у сумерийцев, а еще роится другой вопрос, да были ли еще сумерийцы. Погружаясь все глубже в гущу сумеризма, я все более теряю почву под ногами: сумерийские идеограммы и их странные комбинации мне все более представляются каким-то искусственным механизмом, лишенным свойств живого организма. Для меня они получают жизнь только тогда, когда я устанавливаю их семитские эквиваленты, без превращения же сумеризма в семитизмы приходится иметь дело с какими-то знаками или символами чего-то живого, а не с самою живою индивидуальностью» (письмо П. К. Коковцову 1905 г., б. д. Ф. 779. Оп. 2. Д. 297. Л. 39 об.). В другом письме тому же адресату Никольский еще более откровенен: решив, что шумеро-аккадские соответствия типа E₂.GAL = *ekallu* 'дворец' — это идеографическое и фонетическое чтение одного семитского слова, он пишет: «Галеви, пожалуй, прав,

Вайсбаха в его работах нет⁸. И, скорее всего, его конфликт с Коковцовым не касался этой работы напрямую⁹. К сожалению, такого рода отставание от передовых научных позиций стало следствием автономного развития ассириологии в России.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ШУМЕРСКОГО ВОПРОСА

Однако от истории науки перейдем теперь к ее современному состоянию. Диссертация и монография Вайсбаха, равно как и тезисы Никольского, обозначают ту границу, на которой с 1898 г. находится шумерология в самом главном своем аспекте — обнаружения своего объекта и родства его языка. Мы можем констатировать здесь отсутствие заметного продвижения. Накопленные многочисленные сведения о письме, грамматике и текстах пока не продвинули нас ни на шаг дальше. Предложенные за сто лет новые чтения знаков, равно как и гипотезы родства со всеми семьями языков, пока ни к чему не привели¹⁰. Равным образом и антропологам не удалось на

называя подобные шумерийские формы ребусами для ассирийских слов» (от 1 июня 1905 г. Ф. 779. Оп. 2. Д. 297. Л. 31). Удивительно, что Никольский пишет это через 20 лет после своих правильных суждений о шумерском языке в пособии 1884 г.

⁸ Шилейко предпочитал использовать публикации частного характера и не читать обобщающих работ. В его первой статье видны следы его знакомства с этими публикациями: «В 1889 г. Бецольд доказал, что сами вавилонские семиты называли этот чуждый им язык «языком Шумера». Около того же времени появились сомнения в принадлежности шумерийского языка к туранской языковой группе. Гоммель сближал его с египетским языком, Брюннов подыскивал аналогии в языках китайском, японском, сиамском и т. д.; более осторожные поставили пока на этом вопросе *non liquet*. В настоящее время точное грамматическое изучение шумерийского языка успешно ведется Тюрро-Данженом, отказывающимся от всяких сближений и аналогий. Вопрос о расовом различии населения Вавилонии покоится исключительно на различии языков. Таким образом, пока не разрешен вопрос о шумерийском языке, не может быть разрешен и вопрос о расовой принадлежности древнейших обитателей Вавилонии, шумерийцев» (Shilejko 1912: 190).

⁹ О перипетиях этого конфликта подробнее (Emel'janov 2019: 111–131).

¹⁰ Их обзор и критика даны в (Emel'janov 2006).

сегодняшний день обнаружить шумеров во плоти¹¹, поскольку кладбища фрагментарны, а анализ гаплогрупп не может указывать на этническое происхождение. Что же касается памятников искусства, то изображения на них условны и не маркируют расовую принадлежность.

Попробуем кратко описать движение шумерологии в сторону изучения шумерской идентичности после издания Ф. Тюротанженом в 1905 г. шумерских царских надписей. Уже в 1910 г. появляется монография Л. В. Кинга, в которой выдвигается гипотеза межэтнического конфликта шумеров и аккадцев с последующим вытеснением и уничтожением шумеров (King 1910). Эта гипотеза была довольно живучей и просуществовала до 1939 г., когда Т. Якобсен, а за ним спустя десятилетия и И. М. Дьяконов показали ее несостоятельность: в раннем древнем мире не было представлений об этнической солидарности, идентичность определялась принадлежностью либо к городу, либо к роду (Jacobsen 1939; D'jakonov 1963). В 1923 г. выходит шумерская грамматика А. Пёбеля. В конце 1920-х гг. Б. Ландсбергер постулирует отличие грамматических и религиозных категорий в аккадском и шумерском языках и ставит вопрос о концептуальной автономии вавилонского мира (Landsberger 1926). В 1932 г. В. Христиан открывает эргативность в шумер-

¹¹ Антропология и этнология шумеров пока не добились никаких результатов. О материальной культуре нельзя судить, потому что непонятно, как разделить шумерскую посуду или украшения от семитских или хурритских. Погребенных в некоторых районах южного Ирака относят к большой средиземноморской ветви европеоидной расы, однако никто не смог бы сказать, были ли среди них шумеры. В конце своего исследования А. Совтысяк резюмирует: «В настоящее время никто не ожидает, что краниологические измерения могут раскрыть происхождение шумеров, но физические антропологи могут попытаться реконструировать состояние здоровья, рацион питания, род занятий и многие другие индивидуальные и популяционные характеристики, которые могут расширить наше современное представление об условиях жизни шумеров и других этнических групп, населявших Месопотамию в прошлом» (Softysiak 2004: 154). Что же касается одежды, то В. Христиан усматривает сходство между одеяниями шумеров и жителей Индии и Ассама. Он также находит аналогии в бритье бороды и волос на голове у шумеров и тибетцев. Христиан ищет прародину шумеров в междуречье Брахмапутры и Иравади (Christian 1961).

ском языке (Christian 1932: 113–114; Marsal 2015: 260). В конце 1930-х гг. С. Н. Крамер начинает публиковать литературные тексты на шумерском языке, а Т. Якобсен формулирует основные идеи по поводу общественного строя в Шумере. Это укрепляет позиции сторонников шумерского доминирования в Двуречье, среди которых был еще В. К. Шилейко, и временно расшатывает позиции сторонников семитского преобладания, шедших за Э. Мейером¹². Кульминацией такого «паншумеризма» в науках о древнем Востоке стали книги Крамера (Kramer 1956; 1963), а последним всплеском «паншумеризма» был выпуск в 1970-х гг. С. Либберманом тома шумерских заимствований в аккадском языке, из содержания которого было видно подавляющее влияние шумерского языка во всех сферах применения аккадского языка (Lieberman 1977). Однако вскоре маятник качнулся в другую сторону.

За десятилетие до выхода книги Либбермана И. Гельб предложил разделить этническую, лингвистическую и расовую проблему шумеров. Его аргументы были следующие:

1. На шумерском языке говорили в III тыс. и писали в III–I тыс. до н. э. все народы, жившие в Месопотамии.

2. Мы не можем установить по костякам и изображениям, кто был или не был шумером, поскольку в Месопотамии жило множество народов. Соответственно, доводы о брахицефалии или долихоцефалии как этнической или расовой принадлежности¹³ несостоятельны.

3. Жившие в Шумере (т. е. на юге страны) не называли себя шумерами.

4. Из этого следует вывод, что нешумер мог говорить и писать по-шумерски, шумеры могли иметь разные формы черепа, а шумеры по происхождению из текстов не выделяются (Gelb 1960).

Позиция Гельба постепенно начинает иметь успех, и к началу 1990-х гг. происходит наступление лингвистов-семито-

¹² Об аргументах В. К. Шилейко в пользу шумерского приоритета в культуре Месопотамии и о его дискуссиях со сторонниками Э. Мейера теперь см. (Emel'janov 2019: 168–178).

¹³ Такую точку зрения высказывал Г. Франкфорт, который на основе изображений южной Месопотамии делал вывод о брахицефальности шумеров и долихоцефальности аккадцев (Frankfort 1932: 62–63).

логов, которые обнаруживают в шумерском языке большое количество аккадизмов (итог подведен в (Emelianov 2014)) и семитизмов (Kovalev, Militarev 1993; Civil 2007; Cerqueglini 2023). Затем за дело берутся лингвисты дальнего родства. И в результате шумерские слова обнаруживаются в большом количестве языков и языковых макросемей — афразийской (Militarev 1995)¹⁴, ностратической (Whittaker 1998) и синокавказской (Bengtson 1990¹⁵; Blažek, Bengtson 1995¹⁶). К началу нового столетия прежняя модель общества «шумерский Шумер — семитский Аккад» рассыпается, и на ее месте оказывается модель «Юг-Север», для которой постулируются в одинаковой степени и шумерское, и семитское влияние (Steinkeller 1993; Kozyreva 2004; Pecha 2023).

¹⁴ Им был сделан следующий вывод: «...ареал их обитания, непосредственно предшествовавшего исторически засвидетельствованной локализации в Нижней Месопотамии, следует искать в гипотетической зоне контактов с афразийцами, т. е. в ареале распространения афразийских диалектов VI–IV тыс., которым мог быть любой участок «плодородного полумесяца» (скорее всего Средняя Месопотамия, но возможно — Северная или Восточная Аравия)» (Militarev 1995: 116). Милитареву ответил И. М. Дьяконов, предположив, что единственным возможным вариантом контакта был вымерший афразийский диалект Х, носители которого жили в Передней Азии во время прихода туда шумеров (D'jakonov 1996: 89).

¹⁵ Примеры Бенгтсона содержат ошибки в обозначении шумерских слов: (12) 'день' будет не ug, а ud; (14) ma-da 'страна' это аккадизм от *mātu*; (15) za₂ — устаревшее чтение для pa₄ 'камень'; (30) все наоборот: -ta это показатель аблатива, а -da — комитатива, ta- не выступает в значении локатива. Очевидно неверен первый пример: шумер. me 'магическая сила, желание, потенция' никогда не выступало в значении 'язык', me и me₂ связаны только созвучием.

¹⁶ Из представленных в этой статье многочисленных соответствий для шумеролога интересны прежде всего грамматические: соответствие синокавказских и шумерских показателей указательных местоимений ne 'этот' и gi 'тот', а также синокавказское -da в значении 'и, или, а также' в сопоставлении с шумерским показателем комитатива -da 'вместе с' (Blažek, Bengtson 1995: 40–41). Поскольку в шумерском языке соединительный союз u₃ 'и' заимствован из аккадского языка, то было непонятно, как же обозначалась соединительность до прихода шумеров в Месопотамию. Указанное авторами схождение может прояснить этот вопрос.

Так постепенно шумерский вопрос стал растворяться в более общих проблемах — проблеме взаимодействия языковых макросемей и проблеме ландшафтно-климатического устройства и хозяйствования двух регионов Месопотамии. Шумерская культурная идентичность потерялась почти совершенно. И пора вернуться к ней на новом этапе развития шумерологии, если мы не хотим окончательно утратить свой объект, увидеть его призраком, как и думал в свое время Галеви.

Прежде всего, нужно вернуться к обсуждению терминов идентичности. Несомненно, что язык, который мы называем шумерским, по-аккадски назывался именно *lišān Šumeri* (CAD Sh3: 272–273). Однако на самом шумерском языке он назывался *eme-gir*₁₅, и перевод второго слова нам в точности не известен. Мы до сих пор не понимаем значения знака KU в чтении *gir*₁₅. В силлабрии дано *rubû* «вельможа, господин, влиятельный человек» (CAD R: 396 в чтении *ge-e*), между тем как словари трактуют его «native, local» (ePSD, *gir*₁₅). Откуда берется такая интерпретация — непонятно. Если следовать силлабарию, то перевод будет «язык господ», т. е. тот, на котором говорит правящий слой населения. Не меньше вопросов вызывает обозначение территории KI.EN.GI. Отсутствие идеограммы при записи топонима может указывать на его иноязычное происхождение¹⁷. Известно, что наиболее древние местные объекты обозначались в ранней клинописи именно идеограммами. Кроме того, следует иметь в виду, что в гимнах из Абу Салябиха (XXV в.) KI.EN.GI во всех контекстах маркирует Урук и его храм (Krebernik, Lisman 2020: 37, 112). Это не название страны в целом. Однако в силлабариях II тыс. до н. э. есть устойчивое соответствие KI.EN.GI^{ki} = *Šumeru* (CAD Sh3: 272). Точное значение KI.EN.GI неизвестно (возможно, в народной этимологии его понимали «земля властных энов»). Таким образом, данные термины менее всего пригодны для рассмотрения вопроса о культурной идентичности. К этому прибавляется проблема слитности шумерской и аккадской культур в единую шумеро-аккадскую. Современные исследования древнейших

¹⁷ Такое обозначение, учитывая употребление с падежом и полную форму Kengi(r), могло отражать на письме сложное сочетание звуков, вовсе не свойственное народам Ближнего Востока, например, *kuengir* или даже *khyengir*.

литературных текстов на шумерском языке позволили прочесть в колофонах имена писцов, и оказалось, что почти половину составляют семитские имена (9 шумерских имен и 8 семитских) (Krebernik, Lisman 2020: 79). То есть, самые ранние известные нам шумерские тексты записаны носителями как шумерских, так и семитских языков. И тогда получается, что не только с конца III тыс. до н. э., но уже с его середины шумерский язык должен восприниматься нами через почерки и знания семитоязычных копиистов или даже составителей шумерских текстов, не бывших теми, кого мы назвали бы этническими шумерами. Вероятно, шумерское культурное начало в письменный период никогда не существовало на юге Двуречья вне аккадского. Если же прибавить к этому современные сомнения специалистов в том, что шумеры были изобретателями клинописи (Englund 1998: 78–79), то хочется спросить, как же вообще с учетом этих фактов можно найти живого шумера и увидеть его неповторимый облик.

Автор этой статьи придерживается того мнения, что те, кого мы называем шумерами, не были автохтонами южной Месопотамии. Они принесли на новую территорию своего обитания культ Неба, которое отождествляли с божественным началом как таковым, культ гор, где они помещали мертвых¹⁸, и культ священных деревьев. В южном Ираке нет гор, нет высоких деревьев, проживающие там и в окрестностях семитские народы никогда не отождествляли божество с верхом и с небом¹⁹.

¹⁸ В шумерской литературе есть упоминание о царе Мескианггашере, который *ab-ba ba-an-kur₉ hur-saĝ-še₃ ba-an-ed₃* «вошел в море (и) ушел в горы» (Царский список: 100–101), что является эвфемизмом смерти. Известны также упоминания о восшествии царей III династии Ура на небо через неделю после их смерти (Steinkeller 2013: 460–466). Вполне возможно, что это очень древние представления, связанные с воздушным погребением — подвешиванием тел умерших на деревьях или сооружением каменной гробницы на вершине горы, что практикуется у тибетцев, народов Кавказа, алтайских народов и у финского племени мокша. Они сменились у шумеров ближневосточным обычаем погребения в землю, но мифологема осталась прежней.

¹⁹ Шумер. знак AN объединяет слова *an* ‘небо’ и *dingir* ‘бог’. Бог шумеров — сияющее тело, удаленное от Земли. Вполне возможно, что шумерское *dingir* связано с алтайской основой **t’angiri* ‘клятва, бог’, к которой восходят, в частности, праторское **teŋri* / **taŋri* ‘небо, бог’ и праипонское **tinkir-* ‘клясться’. Альтернативной этимоло-

Высотные храмы на Ближнем Востоке тоже впервые возникают только в районе обитания шумеров. Для религии шумеров характерна вера в нисходящую с неба имперсональную божественную силу, от которой зависит жизненный процесс, власть правителя и городская цивилизация. Подобная вера неизвестна у семитских или кавказских народов Ближнего Востока, зато ее хорошо знают в Китае, в Индии и в Тибете. К этим чертам, нехарактерным для семитских культур, следует прибавить полиандрию. В шумерском тексте, известном как «Овальная пластинка», есть прямой запрет женщинам иметь двух мужей (Gavrilova 2024: 155), а в шумерской религии постоянно прослеживается конфликт между женскими и мужскими божествами.

Обратимся теперь к свидетельствам, которые позволяют конкретизировать нашу позицию. Тибетолог Я. Браун еще в 1971 г. высказал гипотезу о том, что шумеры пришли на кораблях из северной Индии, где они жили рядом с сино-тибетскими народами (Braun 1971: 47–48). Связь между народами Индии и Шумера была отмечена и в статье об Аратте в древнеиндийских источниках (Vasil'kov, Gurov 1995). К этим наблюдениям нужно прибавить и гипотезу И. М. Дьяконова о родстве шумерского с языками мунда (хотя и не подтвержденную списками базисной лексики) (Diakonoff 1997; Kassian 2014: 3–4). Несколько позднее Я. Браун выпустил монографию о сравнении шумерского языка с тибето-бирманскими (Braun 2001). В ней несколько сотен предполагаемых соответствий. Однако профессиональный шумеролог сразу обнаружит такие проблемы этого исследования, как:

1. Пользование «Шумерским лексиконом» А. Даймеля (1935–1950), в котором множество устаревших транслитераций и неверно установленных значений.
2. Сравнение тибетских слов с первыми значениями шумерских знаков, без знания правильного чтения и дополнительных значений.

логией для тюркского корня является енисейское *tingVr- ‘high’ (Georg 2001; Starostin, Dybo, Mudrak 2003: 1401–1402; Dybo 2007: 83). Напротив, семит. *’l, ilu* связано с основой *’yl* ‘to be powerful’, а эпитетом Эла является ‘Бык’ (Pore 1955: 16–21), бог семитов — тот, кто имеет силу и повелевает.

3. Сравнение шумерских слов со словами современных тибето-бирманских языков, без обращения к реконструкции праязыка семьи и списков Сводеша.

Тем не менее, если сравнить небольшую часть представленного материала с лексикостатистической базой данных и с данными шумерских текстов, то представляются интересными следующие соответствия²⁰:

1. Базисная местоименная парадигма шумерского *jae* ‘я’ — *zae* ‘ты’ соотносится с первой частью сино-тибетской парадигмы *ŋā*- ‘я’ — **nhā* ‘ты’²¹.

2. Шумерским числительным *limmu* ‘4’ и *ia*₂ ‘5’ соответствуют прото-сино-тибетские **lĭj* (p-) (в частности, бирманское *lay3*) ‘4’ и **ŋāh* (в том числе, бирманское *nga3*) ‘5’.

3. Шумерскому слову *lu*₂ ‘свободный мужчина, человек’ соответствует бирманское *luu* ‘человек’²².

4. Шумерским эпитетам святости *dag-dag* (*dadag*, *zalag*) и *ṣep* соответствуют тибетские эпитеты святости *dag* (прото-сино-тибетское **th(r)Vŋ* (~ *dh-*)) (Jäschke 1881: 247) и (*b*)*seŋ* (прото-сино-тибетское **chĕŋ*).

5. Шумерским поминальным местам *abum* и *dur*²³ соответствуют тибетские поминальные места *ābum*²⁴ и *dur* (Jäschke 1881: 253; Emelianov 2024).

6. Шумерскому *dug*₃ ‘хороший, добрый, приятный’ соответствует тибетское (*s*)*dug* ‘хороший, добрый, приятный’ (прото-сино-тибетское **tĭk^w*) (Jäschke 1881: 293).

7. Шумерскому *ša*₅ ‘прекрасный’ соответствует прото-сино-тибетское *sāŋ* ‘прекрасный, красивый’.

8. Шумерскому *zil*₂ ‘сияющий’ соответствует тибетское *zil* ‘сияние’.

9. Шумерскому *te-na* ‘прохлада, холод’, *en-te-en* ‘зима’ соответствует прото-сино-тибетское **tōŋ* / **tōn* ‘зима, осень’.

10. Довольно курьезна встречаемость похожих слов со значением ‘дыра, яма’ в шумерском и прото-сино-тибетском

²⁰ Дальнейшие примеры взяты из базы Starling.

²¹ При этом шумер. *zae* коррелирует с прото-северокавказским местоимением 2 л. **žwĕ*.

²² Сино-тибетские параллели отсутствуют. Но возможна сино-кавказская основа (Blažek, Bengtson 1995: 35).

²³ *du*₆(-*ra*₂) в (Dumuzid-Inanna T: 9, 10, 26, 27, 32, 33).

²⁴ Это слово имеет сино-кавказскую форму **pVmV* ‘earth, grave’.

языках: *ghuar(Н) и hur, hur-ru-um; *lūr, lhur и ub₄ (аккад. *hurru*).

Шумерскому самообозначению saĝ-gig₂-ga ‘черноголовые’ соответствует аналогичное обозначение податного населения у китайцев, тибетцев и тангутов. Однако во всех четырех языках оно маркируется разными лексемами. В качестве антонимов у тангутов выступает слово ‘краснолицые’, эвфемизм для обезьян. Ровно так же у шумеров кочевники, не относящиеся к горожанам и земледельцам, сравниваются с обезьянами (de Lacomperie 1891; Kepping 2003; Hill 2016; Emelianov 2022)²⁵.

Из представленных наблюдений можно сделать следующие выводы. По местоименной парадигме и ряду лексем (не входящих в базисный список Сводеша) шумерский наиболее близко сходится с сино-тибетскими языками (в особенности, с тибето-бирманской их ветвью). Возможно, что шумерский принадлежал к полностью исчезнувшей группе языков, которая контактировала с сино-тибетскими или принадлежала к сино-кавказской макросемье, но при этом в своих странствиях частично пересекалась с какими-то афразийскими племенами. Ни один из языков «шумерской группы» не дожил до письменности, его ближайшие родственники вымерли. Отсюда уникальное положение шумерского в современной лингвистике.

Однако возможно, что решение шумерского вопроса ожидает нас на принципиально ином уровне. Было бы интересно на новом витке развития науки вернуться к одной гипотезе А. С. Хомякова, высказанной им в трактате «Семирамида». Здесь он разделил все человечество на пять общностей, каждая из которых обозначена цветом: белых (индогерманцы и семиты), черных (африканцев), желтых (финны и тибетяне), красных (индейцы) и оливковых (полинезийцы и австралийцы). Интересно именно это объединение финно-угров с алтайскими и сино-тибетскими народами. Хомяков пишет: «Полное описание индогерманских народов обнимает большую часть Кавказа и цепь Арарата, почти всю Персию, Индию по обе стороны Гангеса и западные долины Гиммалай, Инду-Куга и Памира, где они составляют большую часть народонаселения под именем кяфиров, таджиков и сартов, — но тут их крайние

²⁵ Также примечательно, что у тибетцев есть представления о семи небесах и семи воротах мира мертвых.

пределы. Далее на восток, северо-восток и север мы находим жилища желтого племени, разделенного на две могучие ветви. Одна из них под именем финнов и чуди, расселяясь по течению северных рек и морей, бросила случайно смелую колонию венгров к славянскому Дунаю и проникла до берегов Балтики, и до оконечности Европы к Норд-Капу, и до устья Енисея и Лены; она же, перебираясь по цепи островов от Азиатского материка в Америку, докочевала под именем эскимосов до холодных тундр Гренландии, за которыми уже кончается жизнь органическая и мертвый лед покрывает бесконечность полярных морей. Чудь в племени желтом представляет некоторое сходство с семитическою ветвию племени белого. Она также была в старину грозна оружием и славна богатством и также упала, сохранив только огромность пустынных жилищ, любовь к свободе и кочевую жизнь. Другая ветвь желтого племени, которое не имеет общего названия (но которое можно соединить под фирму тибетян), расселилась под разными именами — японцев, китайцев, монголов, турок и проч. по всей Средней Азии, по роскошным берегам рек, текущих от Гиммалая к Восточному океану, и по великолепным островам его. Тут образовала она колоссальные державы, богатые всем, кроме истинного просвещения, а между тем ее смелые колонии, разрывая сеть народов индогерманских и семитических, смешались с индийскими племенами за Гангесом, заняли Каспий, ворвались в гористую Персию, где они до сих пор живут под разными названиями: туркменцев, брагуйцев и других; покрыли низовья Волги и Дона, втеснились в ущелья Кавказа, сделались почти единственными жителями Малой Азии и основали одну из сильнейших империй мира в землях, разделяющих славян от эллинов, на прекрасных берегах Архипелага и Мраморного моря. Было время, когда сила желтого племени грозила не только первенству, но даже свободе и существованию европейцев» (Номjakov 2024: 20–21). Хомяков также обращает внимание на особые типы религиозности, свойственные для выделенных им общностей: «Многобожие (политеизм), единобожие (монотеизм) и всебожие (пантеизм) заключают в себе все виды верования. В них содержится и дуализм, который есть или скрытый монотеизм (как у древних персов), или политеизм (как у некоторых гностиков) и нигилизм, в котором не видим ничего кроме измененного пантеизма. Считаая монотеистами христиан,

евреев, магометан и гвевров; пантеистами — почти всех жителей огромного Китая, Тибета, Японии, Загангесской Индии, Цейлона; наконец, политеистами — все прочие народы, у которых находим поклонение многим богам или одному богу родовому или местному, не исключающему возможности других, — мы найдем, что все три вида веры почти равны между собою числом своих последователей, но что некоторое первенство принадлежит пантеизму. Придет время, когда человечество, мужая разумом и образованностию, признаёт одни начала высшей истины, — но теперь мы видим, что формы религии до некоторой степени соответствуют разделению племен. Христианство озаряет только народы индогерманские и весьма слабо проникло в отрасль семитическую. Распространение его в племенах черном, оливковом, красном и желтом так незначительно, что об нем еще нечего упоминать. Магометанство принадлежит единственно народам происхождения семитического и турецкого. Индогерманцы мало к нему обращались и более повиновались насилию, чем внутреннему влечению. Пантеизм есть неоспоримая собственность племени желтого; наконец, многобожие доходит в черных народах Африки до самой крайней нелепости» (Номjakov 2024: 25). Что же считает Хомяков основным культом пантеистического желтого племени? Культ Неба (китайского Тианг), которое представляется единственным предметом обожания (Номjakov 2024: 156).

Иногда необходимо возвращаться к началу. Интуиции 1850-х годов, породившие некогда и продолжающие порождать сравнения шумеров то с тюрками, то с финно-уграми²⁶, то с

²⁶ В этой связи интерес представляют работы специалистов по сравнительной мифологии. Так, в недавней статье Ю. Е. Березкина была предложена классификация зафиксированных в XIX–XX вв. повествовательных эпизодов, сходных с эпизодом встречи Лугальбанды и птицы Анзу. Прослежено распространение двух основных вариантов. Согласно первому, человек убивает змею, собиравшуюся сожрать птенцов могучей птицы, а благодарная птица ему помогает. Этот вариант, в Старом Свете известный от Алжира до Индии и от Маньчжурии до Карпато-Балкан, имеет параллели в Америке. Во втором варианте змея не фигурирует, а человек заботится о птенцах — кормит, укрывает от непогоды и т.п. Именно этот вариант зафиксирован у шумеров. В поздних текстах он редок на юге (от Магриба до Индии), зато господствует у восточных славян, прибалтийских

сино-тибетцами, должны в наше время обрасти необходимыми лингвистическими и историко-культурными наблюдениями, которые позволят сдвинуть шумерский вопрос с той мертвой точки, на которой он стоит со времен диссертации Вайсбаха.

Список сокращений

СПб АРАН: Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук
Царский список URL: <https://etcs1.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcs1.cgi?text=c.2.1.1>
CAD: Chicago Assyrian Dictionary. 1956–2010.
Starling URL: <https://starlingdb.org/cgi-bin/query.cgi?basename=%5Cdata%5Cintib%5Cstibet&root>

Литература

- Bengtson, J. D. 1990: Notes on the Sino-Caucasian Affiliation of Sumerian. *Proto-Languages and Proto-Cultures*. (V. Shevoroshkin (ed.)). Bochum. 56–59.
- Berezkin, Ju. E. 2023: [The Sumerian Poem about Lugalbanda and Parallels to One of Its Episodes]. *Этнографическое обозрение*. 6. 211–227.
- Березкин, Ю. Е. 2023: Шумерская поэма о Лугальбанде и параллели к одному из ее эпизодов. *Этнографическое обозрение*. 6. 211–227.
- Blažek, V., Bengtson, J. D. 1995: Lexica Dene-Caucasica. *Central Asiatic Journal*. Vol. 39, No. 1. 11–50.
- Braun, J. 1971: Stosunki etniczne starożytnej Mezopotamii. «*Mezopotamia*», ed. J. Braun. Warszawa. 46–49.
- Braun, J. 2001: *Sumerian and Tibeto-Burman*. Warszawa.
- Cerqueglini, L. 2023: West Semitic Lexicon in Sumerian. *Bulletin de l'Académie Belge pour l'Étude des Langues Anciennes et Orientales*. 12. 1–10.
- Christian, V. 1932: *Die sprachliche Stellung des Sumerischen*. Paris, P. Geuthner.
- Christian, V. 1961: *Die Herkunft der Sumerer*. Wien.
- Civil, M. 2007: Early Semitic Loanwords in Sumerian. *Studies Presented to Robert D. Biggs*. (M. Roth, W. Farber, M. Stolper, P. von Bechtolsheim (eds.)). Chicago. 11–34.
- de Lacouperie, T. 1891: The black heads of Babylonia and Ancient China. *The Babylonian and Oriental Record* 5.11: 233–246.

финнов и, видимо, балтов. Единичные сибирские фиксации локализованы от северных ханты до азиатских эскимосов. Учитывая американские аналогии, первый вариант оценивается автором статьи как более ранний (Berezkin 2023: 211).

- D'jakonov, I. M. 1963: [Ethnic and social factors in the history of the ancient world (using Sumer as an example)]. *Vestnik drevnej istorii*. 2. 167–179.
Дьяконов, И. М. 1963: Этнический и социальные факторы в истории древнего мира (на примере Шумера). *Вестник древней истории*. 2. 167–179.
- D'jakonov, I. M. 1996: [The Sumerians and Afro-Asians through the eyes of a historian]. *Vestnik drevnej istorii*. 4. 81–89.
Дьяконов, И. М. 1996: Шумеры и афразийцы глазами историка. *Вестник древней истории*. 4. 81–89.
- Diakonoff, I. M. 1997: External Connections of the Sumerian Language. *Mother Tongue. Journal of the Association for the Study of Language in Prehistory*. 3. 54–62.
- Dybo. A. V. 2007: *Lingvистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период*. М.
Дыбо. А. В. 2007: Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М.
- Emelianov, V. V. 2014: Akkadian Loanwords in Sumerian Revised. *Acta Linguistica Petropolitana*. X/1. 483–514.
- Emelianov, V. V. 2022: What Could Be an Opposition to the Sumerian Self-Designation «The Black-headed»? *XVth Annual International Conference on Comparative Mythology. Sacred Ground: Place and Space. Program and Abstracts. June 7–11, 2022*. Serbian Academy of Sciences & Arts. Belgrade. 26–28.
- Emelianov, V. V. 2024: Sumerian Abu and Shamanic Obo (A Comparative Analysis of Summer Festivals). *XVIIth Annual International Conference on Comparative Mythology. The Origins of Mythology. In Honor of Michael Witzel on the Occasion of His 80th Birthday. Program and Abstracts*. Kokugakuin University, August 27–30. Tokyo. 21–24.
- Emel'janov, V. V. 2006: [Step-by-step reconstruction of Sumerian etymology (Sumerian integrated thesaurus)]. *Indoeвропейское языкознание и классическая филология-X. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. 19–21 июня 2006 г.* СПб.: ИЛИ РАН. 78–84.
Емельянов, В. В. 2006: Поэтапная реконструкция шумерской этимологии (шумерский интегрированный тезаурус). *Индоевропейское языкознание и классическая филология-X. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. 19–21 июня 2006 г.* СПб.: ИЛИ РАН. 78–84.
- Emel'janov, V. V. 2019: *Vol'demar Kazimirovich Shilejko. Nauchnaja biografija*. [Voldemar Kazimirovich Shileiko. Academic biography]. СПб.: Peterburgskoe vostokovedenie.
Емельянов, В. В. 2019: *Вольдемар Казимирович Шилейко. Научная биография*. СПб.: Петербургское востоковедение.

- Englund, R. K. 1998: Texts from the Late Uruk Period. Bauer J., Englund R. K., Krebern timer M. *Mesopotamien. Späturuk-Zeit und Frühdynastische Zeit*. Annäherungen 1. Hrsg. von P. Attinger, M. Watler. Freiburg (Schweiz); Göttingen. 15–233.
- Frankfort, H. 1932: The Earliest Appearance of the Sumerians. *Actes du XVIIIe Congrès International des Orientalistes*. Leiden. 62–63.
- Gavrilova, Ju. B. 2024: [The “Oval Plate” Among the Inscriptions of the First Dynasty of Lagash: General and Specific]. *Peterburgskoe vostokovedenie: al'manah: Festschrift v chest' I. A. Alimova*. Spb.: Peterburgskoe vostokovedenie. 136–160.
- Гаврилова, Ю. Б. 2024: «Овальная пластинка» среди надписей I династии Лагаша: общее и особенное. *Петербургское востоковедение: альманах: Festschrift в честь И. А. Алимова*. СПб.: Петербургское востоковедение. 136–160.
- Gelb, I. J. 1960: Sumerians and Akkadians in Their Ethnolinguistic Relationship. «Genava». 8. 258–271.
- Georg S. 2001: Türkisch/Mongolisch tengri ‘Himmel, Gott’ und seine Herkunft // *Studia Etymologica Cracoviensia*. 6. 2001. 83–100.
- Hill, N. W. 2016: ‘Come as lord of the black-headed’ — an Old Tibetan mythic formula. *Zentralasiatische Studien*. 45. 203–216.
- Homjakov, A. S. 2024: *Homjakov Aleksej Stepanovich. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 12 t. T. V: Semiramida. Kn. 1: I<ssledovanija> i<stiny> i<storicheskikh> i<dej>*. [Khomyakov Aleksej Stepanovich. Complete Works and Letters: In 12 Volumes. Volume V: Semiramis. Book 1: I<ssledovanija> is<tiny> i<historical> i<deas>]. SPb.: ООО «Poligraf».
- Хомяков, А. С. 2024: *Хомяков Алексей Степанович. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. Т. V: Семирамида. Кн. I: Исследования и<стины> и<сторических> и<дей>*. СПб.: ООО «Полиграф».
- Jacobsen, T. 1939: Assumed Conflict Between Sumerians and Semites in Early Mesopotamian History. *Journal of American Oriental Society*. New York, 1939. Vol. 59. No. 4. 485–495.
- Jäschke, H. 1881: *A Tibetan-English Dictionary*. Delhi.
- Kassian, A. S. 2014: Lexical Matches between Sumerian and Hurro-Urartian: Possible Historical Scenarios. *Cuneiform Digital Library Journal*. 4. 1–23.
- Kepping, K. 2003: The black-headed and the red-faced in Tangut indigenous texts. *Studia Orientalia*. 95. 275–298.
- King L. W. 1910: *A History of Sumer and Akkad*. London.
- Knüppel, M. 2006: Zur ungarischen Rezeption der sumerisch-turanischen Hypothese in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts. *Zeitschrift für Balkanologie*. Bd. 42, Hft. ½. 93–107.
- Kovalev, A. A., Militarev, A. Ju. 1993: [The Sumerians and the Semites: A Meeting of Equal Cultures]. *Vostok. Afro-aziatskie obshhestva: istorija i sovremennost'*. 5. 22–33.

- Ковалев, А. А., Милитарев, А. Ю. 1993: Шумеры и семиты: встреча равновеликих культур. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 5. 22–33.
- Kozyreva, N. V. 2004: [Sumer and Akkad: Two Models of Archaic Societies]. *Assiriologija i egiptologija*. SPb.: Skifija. 11–48.
- Козырева, Н. В. 2004: Шумер и Аккад — две модели архаических обществ. *Ассириология и египтология*. СПб.: Скифия. 11–48.
- Kramer, S. N. 1956: *History Begins at Sumer*. Philadelphia.
- Kramer, S. N. 1963: *The Sumerians. Their History, Culture, and Character*. Chicago, Chicago University Press.
- Krebernik, M., Lisman, J. J. W. 2020: *The Sumerian Zame Hymns from Tell Abū Ṣalābiḥ. With an Appendix on the Early Dynastic Colophons*. Münster, Zaphon.
- Landsberger, B. 1926: Die Eigenbegrifflichkeit der babylonischen Welt. *Islamica*. 2. 355–72.
- Lieberman, S. 1977: *Sumerian Loanwords in Old Babylonian Akkadian*. Missoula.
- Marsal, E. 2014: The beginnings of Sumerology (I) From Early Sketches to a First Complete Grammar. *Aula Orientalis*. 32/2. 283–297.
- Marsal, E. 2015: The beginnings of Sumerology (II). From Delitzsch's grammar to Adam Falkenstein *Aula Orientalis*. 33/2. 255–269.
- Militarev, A. Ju. 1995: [The Sumerians and the Afrasians]. *Vestnik drevnej istorii*. 2. 113–127.
- Милитарев, А. Ю. 1995: Шумеры и афразийцы. *Вестник древней истории*. 2. 113–127.
- Müller, M. 1979: Die Keilschriftwissenschaften an der Leipziger Universität bis zur Vertreibung Landsbergers im Jahre 1935. *Wiss. Z. Karl-Marx-Universität Leipzig, Gesellschaftswiss. — Sprachwiss.* Reihe 28(1). 67–86.
- [Nikol'skij, M. V.] 1884: *Sumerijskij gimn bogu Ognja IV tysjacheletija do R. H. s transkripciej, perevodom i podrobnym ob#jasnieniem, s prilozheniem vvedenija i primechanij. Avtograficheskoe izdanie M. Nikol'skogo, prepodavatelja evrejskogo jazyka v Imperatorskom Moskovskom universitete*. [The Sumerian Hymn to the God of Fire from the 4th Millennium B.C. with Transcription, Translation, and Detailed Explanation, with an Introduction and Notes. Autographed Edition by M. Nikol'skij, Lecturer of Hebrew at the Imperial Moscow University]. Moscow.
- [Никольский, М. В.] 1884: *Сумерийский гимн богу Огня IV тысячелетия до Р. Х. с транскрипцией, переводом и подробным объяснением, с приложением введения и примечаний. Автографическое издание М. Никольского, преподавателя еврейского языка в Императорском Московском университете*. М.
- Pecha, L. The Early Dynastic (Sumerian, Southern) and Sargonic (Akkadian, Northern) Models of Royal Power. Béranger M., Nebiolo F., Ziegler N. (eds.). *Dieux, rois et capitales dans le*

- Proche-Orient ancien. Compte rendu de la LXVe Rencontre Assyriologique Internationale (Paris, 8–12 juillet 2019), Publications de l'Institut du Proche-Orient Ancien du Collège de France*, 5. Leuven-Paris-Bristol, Peeters, 2023. 797–810
- Pope, M. H. 1955: *El in the Ugaritic Texts*, Leiden: Brill.
- Sallaberger, W. 2007: Benno Landsbergers 'Eigenbegrifflichkeit' in wissenschaftsgeschichtlicher Perspektive. *Das geistige Erfassen der Welt im Alten Orient*. Edited by C. Wilcke. Wiesbaden: Harrassowitz. 63–82.
- Shilejko, V. K. 1912: Babylonia. *Novyj jenciklopedicheskij slovar': F. A. Brokgauz i I. A. Efron*. SPb., 1912. T. IX. 186–217.
- Шилейко, В. К. 1912: Вавилония. *Новый энциклопедический словарь: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон*. СПб., 1912. Т. IX. 186–217.
- Shilejko, V. K. 1915: *Votivnye nadpisi shumerijskih pravitelej. Klinopisnye teksty pamjatnikov Juzhnoj Mesopotamii sobranija N. P. Lihacheva*. [Votive Inscriptions of the Sumerian Rulers. Cuneiform Texts from Monuments of Southern Mesopotamia, Collection of N. P. Likhachev]. Pg.
- Шилейко, В. К. 1915: *Вотивные надписи шумерийских правителей. Клинописные тексты памятников Южной Месопотамии собрания Н. П. Лихачева*. Пг.
- Soltysiak, A. 2004: Physical anthropology and the «Sumerian problem». *Studies in Historical Anthropology*. 4, 145–158.
- Starostin, S. A., Dybo, A. V., Mudrak, O. A. 2003: *An Etymological Dictionary of Altaic Languages*, vol. I–III. Leiden: Brill.
- Steinkeller, P. 1993: Early Political Development in Mesopotamia and the Origin of Sargonic Empire. *Akkad. The First World Empire: Structure, Ideology, Traditions*. Ed. M. Liverani. History of the Ancient Near East. Studies 5. Padua, 1993, 107–130.
- Steinkeller, P. 2013: Steinkeller P. How Did Shulgi and Išbi-Erra Ascend to Heaven? *Literature as Politics, Politics as Literature: Essays on the Ancient Near East in Honor of Peter Machinist*. D. S. Vanderhooft, A. Winitzer (eds). Winona Lake, Eisenbrauns, 459–479.
- Turaev, B. A. 1894: [Studies in Egyptology and Assyriology in Berlin]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija*. № 294 (ijul')– 12–25.
- Тураев, Б. А. 1894: Занятия египтологией и ассириологией в Берлине. *Журнал Министерства народного просвещения*. № 294 (июль), 12–25.
- Turaev, B. A. 1901: [On Two Cuneiform Tablets in the Museum of the Church Archaeological Society at the Kyiv Theological Academy]. *Zapiski Vostochnogo otdelenija (Imperatorского) Russkogo arheologicheskogo obshhestva*. № 13. 008–015.
- Тураев, Б. А. 1901: О двух клинописных табличках музея церковно-археологического общества при Киевской Духовной академии. *Записки Восточного отделения (Императорского) Русского археологического общества*. № 13. 008–015.

- Turaev, B. A. 1915: *Uchenye zaslugi Mihaila Vasil'evicha Nikol'skogo*. [Scholarly Achievements of Mikhail Vasil'evich Nikol'skii]. М. Тураев, Б. А. 1915: *Ученые заслуги Михаила Васильевича Никольского*. М.
- Vasil'kov, Ja. V., Gurov, N. V. 1995: [The Country of Aratta According to Ancient Written Sources]. *Vestnik Vostochnogo instituta*. Vol. 1, № 1. 12–66.
Васильков, Я. В., Гуров, Н. В. 1995: Страна Аратта по древним письменным источникам. *Вестник Восточного института*. Т. 1, № 1. 12–66.
- Weissbach, F. H. 1898: *Die Sumerische Frage*. Leipzig, J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1898.
- Whittaker, G. 1998: Traces of an Early Indo-European Language in Southern Mesopotamia. *Göttinger Beiträge zur Sprachwissenschaft*. 1. 111–147.
- Wiedemann, F. 2010: Völkerwellen und Kulturbringer Herkunfts- und Wanderungsnarrative in historischarchäologischen Interpretationen des Vorderen Orients um 1900*. *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*, Jahrgang 51, 1/2. 105–128.

А. А. Еселева
ИЛИ РАН, СПб., Россия, eselana@mail.ru

ИМЕННЫЕ КОМПОЗИТЫ *HLAFORD*, *EALDHLAFORD* И *EALDHLAFORDCYNN* В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена анализу некоторых аспектов именной композиции применительно к древнеанглийскому языку на примере лексем *hlaford*, *ealdhlaford* и *ealdhlafordcynn*. Лексический композит *hlaford* рассматривается также с семантической и этимологической точки зрения.

Ключевые слова: именная композиция, древнеанглийский язык, модели словообразования, сложное слово, композит.

А. А. Eseleva
Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, SPb., Russia,
eselana@mail.ru

On nominal compounds *hlaford*, *ealdhlaford* and *ealdhlafordcynn* in Old English

The paper analyses some aspects of nominal compounding in Old English on the example of three lexemes: *hlaford*, *ealdhlaford*, and *ealdhlafordcynn*. The compounds were consequently formed according to the models: N + N (*hlaford*) > Adj + N (*ealdhlaford*) > N + N (*ealdhlafordcynn*). Being the oldest of the three, *hlaford* consists of *hlaf* ‘bread’ and *weard* ‘ward’. Out of its 1400 occurrences in Old English there is one retaining the original form *hlafweard*. The semantics of *hlaford* according to the Toronto Dictionary of Old English includes *male head of a household, master, husband, ruler, sovereign, lord, God*, and surprisingly — also *Satan* as head of the hell, or lord of devils. The compound *ealdhlaford* amounts to 6 occurrences only, mostly found in the Alfredian texts in connection with ancient history. Despite its narrow distribution, the compound *ealdhlaford* enters a new compound as a separate part, and that is — *ealdhlafordcynn*, hapax legomenon from the prose version of the Old English Boethius. Interestingly, this single example is in the Genitive form, which means that the lexeme is understood as full-fledged and may have been used in other non-preserved texts.

Keywords: nominal compounding, Old English, models of compounds, word-building, compound lexeme.

Вопросы именной композиции в древних и новых индоевропейских языках находятся в настоящее время в центре внима-

ния исследователей (Lieber, Štekauer 2009; Schlücker 2019; Bauer 2019). При этом в область рассмотрения наряду со сложными лексическими образованиями входят и устойчивые сочетания (*multi-word expressions* в терминологии Schlücker 2019: 1–3). Исследователи определяют композиты (*compounds*) как результат морфологического процесса, в то время как *multi-word expressions*, понимаемые очень широко, являются результатом процесса синтаксического. В зависимости от подхода, а также от особенностей исследуемого языка, композиты рассматриваются как подвид *multi-word expressions*, либо противопоставляются им. Композиты фонологически и морфологически оформлены как одно слово и синтаксически неделимы (Bauer 2009). Предметом рассмотрения в данной статье являются др.-англ. именные композиты *hlaford*, *ealdhlaford* и *ealdhlafordcynn*.

Лексему *ealdhlafordcynn* буквально можно перевести как ‘род прежних господ’. Словарь Древнеанглийского языка предлагает литературный перевод ‘старинная благородная семья’ (*‘old noble family’*, DOE 2024). Данная лексема представляет интерес, потому что является результатом нескольких словообразовательных процессов и включает в себя четыре основы, что не характерно для др.-англ. композитов.

Именная композиция, наряду с заимствованиями, играла ведущую роль как источник новых слов в английском языке на протяжении всей его истории (Minkova 2001; Kastovsky 2006), а значение этого способа словообразования для древнеанглийского языка трудно переоценить. Лексема *ealdhlafordcynn* — *hara*х legomenon в корпусе др.-англ. текстов. Любопытно, что единственное употребление лексемы зафиксировано в родительном падеже:

- (1) forþam se kasere wæs heora **ealdhlafordcynnes** (Bo 1.7.19)
 ‘потому что этот император был из рода их прежних господ’

Таким образом, композит осознаётся как единая лексема и используется без ограничений в парадигме. Композит состоит из трёх не затемненных основ: *eald*, *hlaford* и *cynn*. Согласно Д. Кастовскому, три компонента — это, как правило, предельное количество составляющих композита в др.-англ. языке (Kastovsky 2006: 231). Но следует принять во внимание, что лексема *hlaford* ‘господин’ также представляет собой композит, образованный от основ *hlaf* ‘хлеб’ и *weard* ‘хранитель’ (OED

1933, s.v. *lord*). Если рассматривать основу *hlaford* как сложную, то в композите *ealdhlafordcynn* насчитывается четыре элемента.

Пример (1) взят из прозаического переложения трактата «Утешение Философией» Боэция на др.-англ. язык. На основании этого переложения затем была создана новая, версия, в которой главы в прозе чередуются с поэтическими вставками. Сопоставление двух версий текста — прозаической и прозиметрической, — показывает, что употребление композита *ealdhlafordcynn* имеет метрические ограничения¹. Версификатор перестраивает фразу, и вместо *ealdhlafordcynn* в поэтической части появляется лексема *ealdhlaford* ‘прежний / старший господин’:

- (2) Sende ærendgewrit **ealdhlafordum** degelice (Met 1.63)
 ‘(он) тайно отправлял письма прежним господам’

Помимо метрических соображений возможен и другой мотив выбора композита меньшей длины, чем *ealdhlafordcynn*, для поэтического произведения — традиция. Лексема *ealdhlaford* встречается в др.-англ. корпусе DOE 6 раз, и одно из употреблений зафиксировано в «Беовульфе»:

- (3) Bill ær gescod
 (ecg wæs iren) **ealdhlafordes**
 þam ðara maðma mundbora wæs
 longe hwile (Beo 2777)

‘Меч меднокованный (лезвие было железным) его старшего господина уже сразил того, что был того сокровища издавна хранителем’

Остальные случаи употребления лексемы *ealdhlaford* относятся к произведениям эпохи короля Альфреда: уже упомянутые прозиметрическая и прозаическая версии «Древнеанглийского Боэция», «Древнеанглийский Орозий» и «Заботы Пастыря». Представляется, что в целом существование *ealdhlaford* как отдельной лексемы было обусловлено экстралингвистическими факторами, обозначая прежнего господина — *old lord*, обычно при переходе слуги (или народа) под новое владычество. Далее эта лексема в виде композита исчезла из языка.

¹ Об ограничениях на употребление некоторых «прозаических» именных композитов в поэтическом др.-англ. тексте см. Minkova & Zhou 2023.

В отличие от *ealdhlafordcynn* и *ealdhlaford* судьба композита *hlaford* сложилась иначе. *Hlaford* — слово очень древнее, восходящее к общегерманскому. Это лексический композит, значение которого не сводимо к сумме значений его составных частей. В др.-англ. корпусе зафиксировано ок. 1400 употреблений лексемы *hlaford*. В «Парижской Псалтири» сохранилось написание *hlafwearð*, в связи с чем можно предположить, что на др.-англ. этапе морфологическая граница между составными частями композита ещё не была полностью утрачена. Согласно В.Н. Ярцевой, «дальнейшее затемнение соотносительной связи между корневой морфемой и её генетическим источником может возникать при различных комбинаторных изменениях, меняющих звуковой облик одной из морфем» (Yartseva 1960: 46). В результате этих процессов в современном англ. *lord* сохранилось *lo* — от первой части композита и *rd* — от второй (Stockwell, Minkova 2001: 13).

Композит *hlaford* интересен тем, что из всех германских языков он сформировался только в древнеанглийском (OED 1933, s.v. *lord*), сохранился на более поздних этапах и занял своё место в современном английском. В составе композита — две общегерманские основы **xlaibaz* и **wardaz* или **wardō(n)* (Orel 2003: 173–74; 448). От основы **xlaibaz* произошла гот. лексема *hlaifs*, которой переводятся греч. ἄρτος ‘хлеб’ и ψωμίον ‘кусочек пищи’, и которая имеет соответствия в др.-исл. *hleifr*, др.-англ. *hlaƿ*, др.-фриз. *hlēf*, др.-верх.-нем. *hleib*, *leip* (Lehmann 1986: 185). Значение ‘хлеб’ помимо **xlaibaz* передает также слово **braudān*. Интересно, что от этой второй основы (гот. *broe*, др.-исл. *brauð*, др.-англ. *brēad*, др.-фриз. *brād*, др.-сакс. *brōd*, др.-верх.-нем. *brōt*) происходит лексемы со значением ‘хлеб’ в современных германских языках, в то время как от первой основы (ср. др.-исл. *hleifr*) были заимствованы из германских языков в славянские и балтийские слова, обозначающие ‘хлеб’ (Lehmann 1986: 186). В статьях, посвященных гот. *hlaifs* и *broe*, У. Леман упоминает теории, противопоставляющие семантику этих двух основ со значением ‘хлеб’. Он предполагает, что прагерманская основа для *broe* должна была означать хлеб на закваске (что несомненно), в то время как семантические различия с **xlaibaz* могли заключаться в том, что последний означал ‘пресный хлеб’ (Lehmann 1986: 80–81; 185). Сходная версия изложена в словаре немецкого языка Duden, где

отмечается, что нем. *Laib* происходит от герм. *hlaiba* — ‘ungesäuertes Brot’ (Duden 2025, s.v. *Laib*). Пресный хлеб или опреснок — это продукт, используемый в западном христианстве в связи таинством Евхаристии. Но др.-герм. лексемы, образованные от **xlaibaz*, такие как гот. лексема *hlaifs* или др.-англ. *hlaf* не могли означать пресный хлеб, поскольку соотносятся с греч. ἄρτος². Следует предположить, что данное семантическое развитие могло произойти в более позднюю эпоху.

В связи с вышеизложенными соображениями о семантике *hlaf* большой интерес представляет вопрос о диапазоне значений др.-англ. *hlaford*. Словарь Древнеанглийского языка наряду со значениями «глава дома», «муж», «правитель» выделяет значения «применительно к Богу» (*se eca hlaford* ‘вечный Господь’) и «обращение к Богу» (*hlaford God min* ‘Господь Бог мой’). Наряду с этими употреблениями лексема *hlaford* может использоваться в числе эпитетов Сатаны: *ealra deofla hlaford* ‘господин всех дьяволов’; *þære helle hlaford* ‘хозяин ада’ (DOE 2024, s.v. *hlaford*).

Возвращаясь к сопоставлению композитов *hlaford*, *ealdhlaford* и *ealdhlafordcynn*, следует рассмотреть модели, по которым они образованы (на основании списка словообразовательных моделей для др.-англ. композитов в Brinton, Arnovick 2016). В соответствии с частеречной принадлежностью вновь образованного слова все рассматриваемые в данной статье композиты относятся к субстантивным или именным. В образовании композитов задействованы имя существительное и имя прилагательное:

N + N для *hlaford* и *ealdhlafordcynn*

Adj + N для *ealdhlaford*

Образование композита *hlafweard* произошло на более раннем этапе языкового развития, по сравнению с двумя другими исследуемыми композитами. В др.-англ. языке лексема *hlaford* обладает широкой семантикой. Хотя композит *ealdhlaford* насчитывает всего 6 употреблений в др.-англ. языке и не сопоставим по частотности с *hlaford*, он выступает как самостоятельная лексическая единица на следующем словообразовательном этапе. Это приходится признать в связи с тем, что не существует модели, которая предусматривала бы одновремен-

² Автор благодарит А. В. Сизикова за указание, что готы как восточные христиане использовали дрожжевой хлеб для Евхаристии.

ное совмещение трёх компонентов и позволила бы описать лексему *ealdhlaforðcynn* как результат одновременного сложения трёх основ. Следовательно, словообразовательный процесс двигался по следующей схеме: $N + N$ (*hlaforð*) > $Adj + N$ (*ealdhlaforð*) > $N + N$ (*ealdhlaforðcynn*). Образование композитов было и остаётся одним из самых продуктивных способов словообразования на протяжении истории английского языка, а современный уровень изученности др.-англ. материала открывает новые возможности сопоставления композитов и их взаимодействия в диахронии.

Литература

- Yartseva, V. N. *Istoricheskaya morfologiya angliyskogo yazyka [Historical morphology of English]*. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Ярцева В. Н. 1960: *Историческая морфология английского языка*. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Bauer, L. 2019: Compound and compounding. *Folia Linguistica* 53(1): 277–286.
- Brinton, L. J., Arnovick L. K. 2016: *The English language. A linguistic history*. Oxford: Oxford University Press.
- DOE 2024 — *Dictionary of Old English: A to Le online*. Eds. A. Cameron, A. Crandell Amos, A. diPaolo Healey et al. Toronto: Dictionary of Old English Project.
- Duden Online, 2025. Cornelsen Verlag GmbH. <https://www.duden.de> (14.03.2025).
- Kastovsky, D. 2006: Vocabulary. In: Hogg, R., Denison D. *A History of the English Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lehmann, W. P. 1986: *A Gothic Etymological Dictionary*. Leiden: E. J. Brill.
- Lieber, R., Štekauer, P. 2009: *The Oxford Handbook of Compounding*. Oxford: Oxford University Press.
- Minkova, D., Zhou Z. L. 2023: Nominal Compounds in Old English Meter and Prosody. *Journal of Germanic Linguistics*. 35.1: 69–95.
- OED 1933 — *The Oxford English Dictionary*. Vol. VI. Oxford: Clarendon Press.
- Orel, V. 2003: *A Handbook of Germanic Etymology*. Leiden; Boston: Brill.
- Schlücker, B. (ed.) 2019: *Complex Lexical Units. Compounds and Multi-Word Expressions*. Ed. B. Schlücker. De Gruyter, 2019.
- Stockwell, R., Minkova, D. 2001: *English Words: History and Structure*. Cambridge: Cambridge University Press.

А. Ю. Желтов

СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия, a.zheltoy@spbu.ru

Е. В. Желтова

СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия, e.zheltova@spbu.ru

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ДИНАМИКОЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СИСТЕМ ТЕРМИНОВ РОДСТВА В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Системы терминов родства (СТР) являются одной из самых привлекательных и хорошо изученных тем в антропологии и лингвистике. Хотя в большинстве индоевропейских языков терминология родства в синхронном срезе описана достаточно хорошо, динамика перехода одних систем в другие, не говоря уже о реконструкции праиндоевропейской СТР, все еще остается областью гипотез. Авторы статьи ставят перед собой задачу проследить эволюцию СТР в трех ветвях индоевропейской семьи языков, имеющих длительную письменную традицию, — греческой, латино-романской и индийской — на основе реально зафиксированных терминов, а не гипотетических реконструкций, которых как правило, не хватает для отчетливой типологизации системы. К анализу привлекались только термины родства, обозначающие связи внутри поколения родителей (включая их сестер и братьев) и детей (включая их родных и двоюродных сестер и братьев), которые являются ключевыми для определения типов СТР в рамках общепринятой типологии. Для каждой языковой ветви производились наблюдения над терминами родства в трех временных срезах — древнейшем, средневековом и современном.

Для выявления семантики терминов в диахронической перспективе в некоторых случаях производился их этимологический анализ, наблюдение над динамикой их употребления в корпусах текстов, привлекались свидетельства древних и современных лексикографов. Полученные данные интегрировались в типологическую матрицу, позволяющую сделать предположение о СТР, доминирующей на том или ином временном срезе.

Полученные результаты позволяют говорить о возможном направлении развития СТР в анализируемых ветвях языков: наблюдается эволюция от исходной суданской системы в наиболее древних языках, через переходную средневековую стадию к позднейшей эскимосской системе. В статье показано, что при общем векторе развития эти процессы шли с разной скоростью и не всегда линейно в разных ветвях. Отдельно обсуждается вопрос о возможности выделить в анализируемых языках рудименты ирокезской системы, затрагивается

дискуссионная проблема релевантности типа омаха для праиндоевропейского языка.

Ключевые слова: системы терминов родства, индоевропейские языки, греческие, латинские, романские и индийские термины родства, динамическая типология систем терминов родства.

A. Yu. Zheltov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, ajujeltov@mail.ru

E. V. Zheltova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, elena.zheltova.mail.ru,

Some observations on the dynamics of Indo-European kinship term systems in a typological context

Kinship term systems (KTS) are one of the most attractive and well-studied topics in anthropology and linguistics. Although in most Indo-European languages kinship terminology in the synchronic perspective is described quite well, the dynamics of the transition of one system into another, not to mention the reconstruction of Proto-Indo-European KTS, is still a field of hypotheses. The authors of the article make an attempt to trace the evolution of KTS in the three branches of the Indo-European language family with a long written tradition — Greek, Latin- Romance and Indian — on the basis of actually recorded terms, rather than hypothetical reconstructions, which are usually insufficient for a clear typologization of the systems. Only kinship terms denoting intra-generational relationships between parents (including their siblings) and children (including their siblings and cousins), which are key to identifying KTS types within a generally accepted typology, were analyzed. For each language branch, observations were made on kinship terms in three time periods — ancient, medieval and modern.

To reveal the semantics of terms in diachronic perspective, in some cases their etymological analysis and the corpus study were performed, and the evidence of ancient and modern lexicographers was used. The obtained data were integrated into a typological matrix, allowing us to make an assumption about the kinship term systems dominating at a particular time period.

The results of the study allow us to speak about the possible direction of KTS development in the analyzed branches of languages, viz. evolution from the initial Sudanese system in the most ancient languages, through the transitional medieval stage to the later Eskimo system is observed. The paper shows that, given a common vector of development, these processes proceeded at different speeds and not always linearly in different branches. In addition, the question of the possibility of identifying rudiments of the Iroquoian system in the analyzed languages is discussed, and the debatable

problem of the relevance of the Omaha type for the Proto-Indo-European language is touched upon.

Keywords: kinship term systems, Indo-European languages, Greek, Latin, Romance, and Indian kinship terms, dynamic typology of kinship term systems.

1. Введение. Постановка проблемы

Начиная с книги Л. Г. Моргана (Morgan 1871) проблемы классификации систем терминов родства, их происхождения и развития, соотношения языковых терминов и социальных реалий, за ними стоящих, привлекали внимание огромного числа исследователей, прежде всего, антропологов и лингвистов. Библиография только русскоязычных работ по тематике родства (Dzibel 2012) занимает 120 страниц, а анонсированная в (Dzibel 2019: 10) общая библиография предполагает около 30000 работ в пяти томах. Исходя из подобного объема, очевидно, что представить сколь-нибудь полную «историю вопроса» невозможно не только в рамках статьи, но и книги. Отметим, что среди прочих история изучения и проблематики систем терминов родства (далее — СТР) представлена в (Kriukov 1972; Girenko 2004; Dzibel 1998, 2001, 2006; Popov 2014; Milanova 2014, 2020)¹.

Можно заметить, что типология терминов родства относится к одним из самых «неевропоцентричных» сюжетов в гуманитарной науке, об этом говорят сами названия типов СТР: ирокезская, омаха, кроу, малайская, суданская, эскимосская (в частности, русская² и английская системы относятся к «эскимосской»). При этом очевидно, что и терминам родства в индоевропейских языках посвящен большой объем литературы — только библиография к диссертации В. Милановой “Kinship and Affinity in Indo-European: Universal, Inherited, Contact, and Area Specific Features of Indo-European Kinship Terms (with a Special Focus on the Iranian Branch)” содержит больше 50 страниц (Milanova 2020).

¹ Сложность и дискуссионность обсуждаемой проблематики можно отчетливо увидеть по ретроспективе публикаций в серийном издании «Алгебра родства» (отв. редактор В. А. Попов), которое издается с 1995 года.

² Подробный анализ русской СТР представлен в (Burykin, Popov 2020).

Исходя из очевидной невозможности дать полный обзор всей проблематики СТР, представляется важным определить сферу интересов именно данной статьи, ее специфику и задачи.

В своем самом традиционном варианте типология СТР выглядит следующим образом: ирокезская (турано-гонованская, бифуркативно-сливающаяся) СТР, которая представлена собственно «чистой» ирокезской системой³, а также вариантами кроу и омаха⁴ (иногда выделяют и третий вариант, называемый «дравидийским»), малайская (гавайская, генерационная)⁵, суданская (арабская, бифуркативно-коллатеральная)⁶, эскимосская (английская, линейная)⁷. Типы выделяются на основании различий в терминах для родственников в поколении родителей и поко-

³ В поколении «+1» (родители) брат матери и сестра отца обозначаются так же, как мать и отец, специальные термины существуют для брата матери и сестры отца. В поколении «эго» объединяются брат/сестра и ортокузены (дети брата отца и сестры матери), противопоставляемые кросскузенам (детям брата матери и сестры отца), с которыми возможен (желателен) брак.

⁴ Эти типы совпадают с ирокезским в терминах для поколения «+1», но зеркально различаются в поколении «эго»: в кроу (матрилинейный тип) дети брата матери маркируются как кросскузены (как и в ирокезском), а для детей сестры отца наблюдается т. н. «генерационный сдвиг» — сын сестры отца обозначается как «отец», а дочь сестры отца — как «тетя». Для системы омаха (патрилинейный тип) зеркальным образом дети сестры отца обозначаются как кросскузены, а «генерационный сдвиг» наблюдается для детей брата матери: сын брата матери обозначается как «дядя», а дочь брата матери — как «мать».

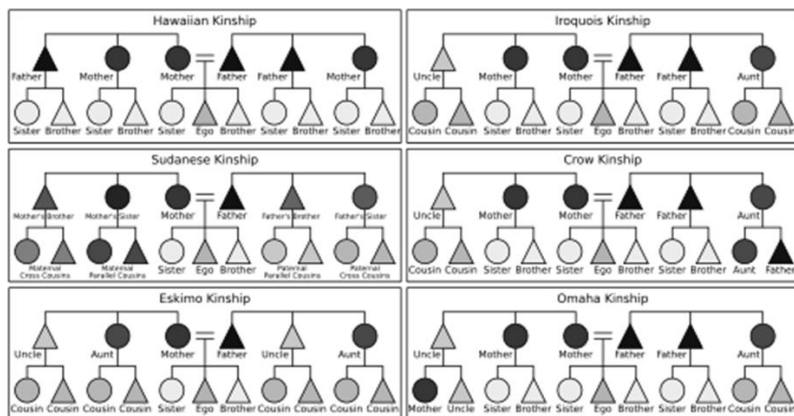
⁵ Термины родства различаются только по полу и поколению: все сестры и братья родителей маркируются так же, как родители, а все сиблинги — как братья и сестры.

⁶ Все термины и в поколении «+1» и в поколении «эго» маркируются различным способом: брат матери отличается и от отца, и от брата отца, сын сестры отца отличается от сына сестры матери и т. д. Это максимально сложный тип, где все термины являются «дескриптивными», т. е. обозначают одного конкретного родственника, а не группу.

⁷ Этот тип противопоставляет кровных (линейных) родителей их братьям и сестрам, для которых существует общий термин типа «дядя» и «тетя». В поколении «эго» родные братья и сестры (дети одних родителей) противопоставляются «кузенам» — детям братьев и сестер родителей (именно такой тип свойственен, в частности, русской СТР).

лении «эго», при этом термины для разных поколений рассматриваются как взаимозависимые (Схема 1):

Схема 1. Системы терминов родства



Подобная типология восходит еще к Моргану, с добавлением суданского (бифуркативно-коллатерального) типа в (Lowie 1928), поэтому неудивительно, что с тех пор выявился целый ряд важных явлений, не вошедших в эту типологическую схему, и ряд проблем, связанных с подобной типологизацией. Данная типология не может отражать сравнительный возраст внутри поколения (старший/младший брат), релеяционность обозначения сиблинга (сиблинг одного/противоположного пола с говорящим), «реципрочные» термины (дед=внук, дядя=племянник), некоторые варианты «генерационного скоса» (племянник и внук обозначаются общим термином) — при том, что подобные явления реально засвидетельствованы в некоторых СТР, различие собственно терминов и апеллятивов («детская речь»)⁸, возможность различной типологизации для разных поколений (например, нередко в поколении «+1» обнаруживается система суданская, а в поколении «эго» — линейная) или разных линий родства (для материнской линии в поколении «+1» малайская, а для отцовской — ирокезская). Больше всего дискуссий вызывают попытки установления стадиальности данной типологии:

⁸ Например, в анатолийских языках слова из, предположительно, «детской речи» *atta и *anna заменили исходные протоиндоевропейские термины для «отца» и «матери», соответственно (Serangeli 2020).

какой тип первичен, каковы возможные направления изменений от одного типа к другому. В этом вопросе, действительно, много проблем: СТР, в определенной степени, могут отражать социальные отношения родства, но не могут «зеркально» отражать социальную реальность (она меняется быстрее, чем ее отражение в языке). Хотя основные термины родства входят в списки «базовой» лексики, которая предположительно «плохо» заимствуется, существуют многочисленные примеры активного заимствования терминов родства: от языков Африки до русского и английского (при этом термины заимствуются сравнительно легко, но система в целом меняется тогда, когда изменилась социальная сущность родственных отношений, например, система родства переходит от регламентации брачных партнеров к фиксации наследования). СТР стали предметом классификаций только с 19 века, соответственно, все существующие системы (какими бы архаичными ни были определенные культуры) прошли очень длительный путь изменений, и искать в них «детство человечества» не перспективно. Попытки реконструировать СТР для праязыков предпринимались и предпринимаются, но даже для праиндоевропейского не удастся реконструировать их в объеме, достаточном для определения типа (см., например, Milanova 2014 — нет реконструкций терминов для «кузенов», реконструкция для братьев и сестер матери и отца не выглядит определенной). Понятно, что ожидать полной типологической матрицы для более глубокой ностратической реконструкции (Dybo, Kullanda 2005) также не приходится⁹. Попытки «логической» реконструкции, предпринимаемые антропологами (по Моргану (Морган 1871) — от простого к сложному, с первичностью самой «простой» малайской СТР, или по Дзибелю (Dzibel 2001, Dziel 2006) — с первичностью максимально сложной логически исчисленной матрицы), не могут быть доказаны на конкретном материале и

⁹ В этом контексте сформулированный Г. В. Дзибелем принцип исторического анализа СТР «термины родства должны реконструироваться как системы, а не индивидуальные элементы» (Dziel 2006b: 42) выглядит вполне правильным, но не ясно, что делать, если реконструированных терминов не хватает для системной типологизации. Вряд ли решение можно найти в замене лингвистической реконструкции теоретическими типологическими построениями (хотя некоторые подобные идеи и могут быть полезными для реконструкции).

справедливо критикуются (см., например, Olderogge 1983, Girenko 2000). В этом контексте принципиально важным для понимания направления изменений СТР оказываются языки с давней письменной традицией, с текстами, которые дошли до нас в объеме, достаточном, чтобы найти в них (а не реконструировать) необходимые для типологизации термины, а затем проследить их изменения в языках-потомках.

Индоевропейские языки предоставляют, как минимум, три подобных линии с максимальной глубиной: древнегреческий — новогреческий, латинский — романские, санскрит — новоиндийские. Причем в некоторых случаях мы можем увидеть и промежуточные этапы, важные для отслеживания направления. При этом очевидно, что не приходится ожидать обнаружения чего-то «первичного», но можно относительно уверенно говорить о реальности наблюдаемого изменения, что для любой попытки стадияльной типологии весьма важно.

Таким образом, мы поставили перед собой задачу последовательно заполнить типологическую матрицу материалом древнегреческого (с разделением Гомеровского и классического) и новогреческого, латинского и итальянского (с промежуточными данными средневековой латыни), санскрита, пали и хинди. При возможности мы привлекали материал и других индоевропейских языков. Отдавая себе отчет в недостатках используемой нами типологической схемы (см. выше), мы не стали пытаться ее усложнить: все же возможности письменных памятников не безграничны и не могут предоставить данные по любому запросу, наподобие работы с информантом¹⁰. Например, напрашивающаяся идея привлечения материала анатолийских языков не была реализована, так как даже для заполнения предлагаемой здесь типологической матрицы материала не хватило ни для реконструкции анатолийских (Serangeli 2020), ни для наиболее изученного хеттского (Pringle 1993).

При этом все же есть два принципиальных момента, которые нельзя не учитывать, так как они критически влияют на анализ. Во-первых, как уже отмечалось, важно видеть гетерогенную природу СТР, зависящую как от регламентации

¹⁰ В случае обнаружения особенностей СТР, перечисленных выше и не описываемых типологической матрицей, мы старались обращать на них внимание.

брачных партнеров, так и от регламентации наследования, которая появляется позже, но с учетом «стадиальной гетерогенности» (Girenko 1986) обе мотивации СТР могут сосуществовать в определенный период. Во вторых, первичная классификация СТР Морганом на «классификаторские» (ирокезская, малаяйская) и противопоставленные им «deskриптивные» (линейная эскимосская, и позже выделенная суданская), противоречива не только из-за наличия у линейных эскимосских систем классификаторских, а не только deskриптивных терминов (например, «дядя» — это и брат отца, и брат матери), но и, в принципе, должна быть переформулирована: под «deskриптивным» термином понимаются как минимум три разных понятия — термин, обозначающий одного родственника, а не группу (например, «отец» в эскимосской и суданской системах), производный термин, реально описывающий тип родства с помощью других терминов, а не «называющий» его одним словом (например, «сын брата отца»), а также термин, производный от другого лексически («двоюродный брат» от «брат») или деривационно («*patruus*» от «*pater*»). Таким образом, «deskриптивный» термин «двоюродный брат» является одновременно и «классификаторским». Это противоречие может быть устранено за счет более сложной таксономии:

1. классификаторский/неклассификаторский (обозначает одного родственника/группу),

2.1. deskриптивный, непроизводный («отец» в эскимосском типе, термин обозначает одного родственника, но не является ни перифрастическим, ни производным),

2.2. deskриптивный производный (*patruus* «брат отца» от *pater* «отец» — термины различны, но, очевидно, восходят к одному термину),

2.3. deskриптивный перифрастический (типа «сын брата матери», собственно, действительно описательный тип, с помощью которого можно продуцировать практически любой термин из типологической матрицы при наличии в системе терминов лексем «отец», «мать», «сын», «дочь», «брат», «сестра»).

В результате проведенного анализа мы получаем динамическую типологию СТР (хотя и в, очевидно, небольшом его фрагменте) и можем относительно уверенно выделить моменты, описывающие эту динамику. В мире можно назвать, пожалуй, еще только две возможности с отслеживанием (а не рекон-

струкцией — логической или лингвистической) динамики СТР на протяжении пары тысячелетий: Ближний Восток и Китай. В принципе, в этом и состоит фактологическая и доказательная часть нашей статьи. Мы не ставили задачу предложения новых реконструкций или этимологий, что является популярной темой в индоевропеистике, но пытались рассмотреть динамику изменения СТР и интерпретировать ее в типологическом контексте (для которого индоевропейский материал часто кажется однотипным, а, следовательно, не очень интересным). Отдавая себе отчет в опасности выхода из фактологического материала, в конце статьи на основании проведенного анализа и с использованием некоторого типологического материала из других семей и существующих наиболее доказательных выводов о динамике СТР, мы все же делаем некоторые предположения, относящиеся к общей динамике СТР. Исходя из огромного объема литературы по терминам родства, конечно, окончательно нельзя быть уверенным, что мы не пропустили уже существующий аналогичный (или похожий) анализ, однако, насколько нам известно, подобный подход в такой версии не применялся.

2. Материал

Итак, у нас есть редкая возможность проследить эволюцию терминов родства в языках, имеющих длительную письменную традицию, и в современных языках этих же ветвей индоевропейской семьи.

Рассмотрим, как изменения в системах родства отражались на терминах, обозначающих родственные связи внутри поколения родителей (отец, мать, их сестры и братья) и детей (сын, дочь и их кузены и кузины по отцовской и материнской линии), т. е. термины родства, важные для определения типа СТР.

Для каждой ветви, в которой есть древние письменные языки (греческая, латино-романская, индоарийская) мы проанализируем три временных среза, соответственно: гомеровский язык — послегомеровский греческий — новогреческий, классическая латынь — средневековая латынь — итальянский, санскрит — пали — хинди.

2.1. Термины родства в гомеровском греческом, послегомеровком греческом и новогреческом

Сводные данные об эволюции терминов систем родства в греческом представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Термины родства в гомеровском греческом, послегомеровком греческом и новогреческом¹¹

язык/ период	термин	сестра отца	брат отца	отец	мать	сестра матери	брат матери
		сын/дочь сестры отца	сын/дочь брата отца	брат	сестра	сын/дочь сестры матери	сын/дочь брата матери
Гомеров- ский греческий		?	<u>πάτωρ</u> <u>pátōr</u> , <u>πατροκασί-</u> <u>γνητος</u> <u>patrokasi-</u> <u>gnētos</u>	<u>πατήρ</u> <u>patēr</u> , <u>πάππας</u> <u>páppas</u>	<u>μήτηρ</u> <u>mētēr</u>	?	<u>μήτωρ</u> <u>mētrōs</u>
		?	<u>κασίγνητος</u> <u>kasígnētos</u> <u>ἀνεψίος</u> <u>anepsiós</u>	<u>ἀδελφεός</u> <u>adelphēós</u> , <u>κασίγνητος</u> <u>kasígnētos</u> , <u>αὐτοκασί-</u> <u>γνητος</u> <u>autokasi-</u> <u>gnētos</u>	<u>κασιγνήτη</u> <u>kasígnētē</u> , <u>αὐτοκασί-</u> <u>γνήτη</u> <u>autokasi-</u> <u>gnētē</u>	?	?
Послего- меров- ский греческий		<u>τηθίς</u> <u>tēthís</u> , <u>πατροκα-</u> <u>σιγνήτη</u> <u>patroka-</u> <u>signētē</u>	<u>θεῖος</u> <u>theíos</u> , <u>πάτωρ</u> <u>pátōr</u> , <u>πατρ-ἀδελφος</u> <u>patr-ádelphos</u> <u>ἀδελφóθεος</u> <u>adelphó-</u> <u>theos</u>	<u>πατήρ</u> <u>patēr</u> , <u>πάππας</u> <u>páppas</u>	<u>μήτηρ</u> <u>mētēr</u>	<u>τηθίς</u> <u>tēthís</u> , <u>ἡ μητρ-</u> <u>ἀδελφος</u> <u>hē mētr-</u> <u>ádelphos</u>	<u>θεῖος</u> <u>theíos</u> , <u>μήτωρ</u> , <u>mētrōs</u> , <u>ὁ μητρ-</u> <u>ἀδελφος</u> <u>ho mētr-</u> <u>ádelphos</u> , <u>νέννος</u> <u>nénnos</u>

¹¹ В таблице греческие термины даны с латинской транслитерацией (для наглядности с подчеркиванием), синонимы — через запятую, гендерно различающиеся термины отделены косой чертой. Здесь и далее в таблицах темно-серая заливка обозначает совпадение терминов по линейному типу, светло-серая заливка маркирует тенденцию к подобному совпадению.

	<u>ἀνεψιός</u> <u>anepsiós,</u> <u>ἀδελφι-</u> <u>δοῦς</u> <u>adelphi-</u> <u>dūs/</u>	<u>ἀνεψιός</u> <u>anepsiós,</u> <u>ἀδελφιδοῦς</u> <u>adelphidūs/</u>	<u>ὁ κάσις</u> <u>ho kásis,</u> <u>κασίγνητος</u> <u>kasignētos</u> <u>ἀδελφός</u> <u>adelphós</u>	<u>ἀδελφή</u> <u>adelphē,</u> <u>ἡ κάσις</u> <u>hē kásis,</u> <u>κασιγνήτη</u> <u>kasignētē</u>	<u>ἀνεψιός</u> <u>anepsiós,</u> <u>ἀδελφι-</u> <u>δοῦς</u> <u>adelphi-</u> <u>dūs/</u>	<u>ἀνεψιός</u> <u>anepsiós,</u> <u>ἀδελφι-</u> <u>δοῦς</u> <u>adelphi-</u> <u>dūs/</u>
	<u>ἀνεψιά</u> <u>anepsiá,</u> <u>ἀδελφιδῆ</u> <u>adelphidē</u>	<u>ἀνεψιά</u> <u>anepsiá,</u> <u>ἀδελφιδῆ</u> <u>adelphidē,</u>			<u>ἀνεψιά</u> <u>anepsiá,</u> <u>ἀδελφιδῆ</u> <u>adelphidē</u>	<u>ἀνεψιά</u> <u>anepsiá,</u> <u>ἀδελφιδῆ</u> <u>adelphidē</u>
		<u>πατραδέλ-</u> <u>φεια</u> <u>patradél-</u> <u>pheia</u>				
Ново- греческий	<u>θεία</u> <u>thía</u>	<u>θεῖος</u> <u>thíos</u>	<u>πατέρας</u> <u>patéras</u>	<u>μητέρα</u> <u>mitéra</u>	<u>θεία</u> <u>thía</u>	<u>θεῖος</u> <u>thíos</u>
	<u>ἐξάδελ-</u> <u>φος</u> <u>exádel-</u> <u>phos/</u> <u>ἐξαδέλ-φῃ</u> <u>exadél-phi</u>	<u>ἐξάδελφος</u> <u>exádelphos/</u> <u>ἐξαδέλφῃ</u> <u>exadélphi</u>	<u>ἀδελφός</u> <u>adelphós</u>	<u>ἀδελφή</u> <u>adelphí</u>	<u>ἐξάδελ-</u> <u>φος</u> <u>exádel-</u> <u>phos/</u> <u>ἐξαδέλ-φῃ</u> <u>exadél-phi</u>	<u>ἐξάδελ-φος</u> <u>exádel-</u> <u>phos/</u> <u>ἐξαδέλ-φῃ</u> <u>exadél-phi</u>

2.1.1. Гомеровский греческий

У нас есть три источника информации о значении гомеровских слов: употребление соответствующих терминов в «Илиаде» и «Одиссее», свидетельства древних лексикографов и комментаторов, а также этимологические словари. Хотя изучение гомеровской лексики осложняется тем, что язык Гомера представляет собой смесь из различных греческих диалектов, прием допущение Гейтса, что диалектный состав гомеровского языка имеет относительно небольшое значение для изучения терминологии родства и что единственный термин, который происходит из неионийского диалекта, — это *κασίγνητος* ‘брат’ (Gates 1971: 4).

Другое осложнение состоит в том, что набор терминов, засвидетельствованных у Гомера, может быть неполным или не совсем точно отражать все разнообразие терминологии родства, поскольку некоторые лексемы могли плохо укладываться в

гексаметр и по этой причине отсутствовать у Гомера, а другие были просто не востребованы в героическом эпосе, при том что Гомер вполне мог их знать (например, предсказуемо отсутствуют некоторые «женские» термины в героическом эпосе).

Для обозначения отца и матери Гомер употребляет унаследованные из праиндоевропейского языка слова *πατήρ* и *μήτηρ*, но кроме того, в Одиссее мы встречаем слово из детского языка *πάππας*, в основном, в форме вокатива (*πάππα φίλε Od. 6.57*).

Говоря о братьях и сестрах, Гомер использует *ἀδελφεός* «брат», а также семейство слов, содержащих основу *κασίγνητ-*: *κασίγνητος* и *αὐτοκασίγνητος* «брат», *κασιγνήτη* и *αὐτοκασιγνήτη* «сестра». Первое — *ἀδελφεός* — встречается у Гомера двадцать раз, и именно ему отдается предпочтение, когда говорится о каком-то конкретном лице (17 из 20 случаев)¹². Примечательно, что женский когнат *ἀδελφεή* «сестра» не встречается у Гомера — либо по случайности, либо из-за метрических ограничений (не вписывалось в гексаметр), хотя оно засвидетельствовано уже у Сапфо и Алкея, так что с высокой вероятностью Гомер его знал.

Этимологическая связь *ἀδελφεός* с *δελφύς* «матка, утроба» была признана уже в античности (см. *Hesych.*, s.v. *δελφύς*, *Arist. NA 510b*, 13–14 Bekker, sc. *ἀδελφοί* — «рожденные от одной матери» (Benveniste 1973: 241))¹³. На основе данной этимологии делались предположения о наследовании данного слова из догреческого матрилинейарного общества, но с равным успехом это слово может указывать и на конкубинат (Beekes 2010: 20).

Лексемы *κασίγνητος* и *αὐτοκασίγνητος*, вместе с их женскими соответствиями (всего 64 случая, включая обращения), являются более распространенным способом обращения к братьям и сестрам у Гомера, чем *ἀδελφεός*. Нельзя исключить, что *αὐτοκασίγνητος* было всего лишь метрически более удобным для начальной позиции в стихе вариантом *κασίγνητος* (например, *Il. 2.706*: *αὐτοκασίγνητος μεγαθύμου Πρωτεσίλαου*). Считается, что *κασίγνητος* пришло в гомеровский язык из Эолии (Gates 1971: 14; Benveniste 1973: 245)¹⁴. Согласно Бикесу (Beekes 2010: 20),

¹² Здесь и далее статистические сведения взяты из (Gates 1971).

¹³ См. подробнее (Beekes 2010: 20).

¹⁴ Тот факт, что *κασίγνητος* чаще встречается в эпических формулах, чем *ἀδελφεός*, свидетельствует в пользу принадлежности *κασίγνητος* к более древнему слою эпоса (Gates 1971: 14).

каσίγνητος происходит из ****kmti-gnh₁-to-**, означавшего ‘рожденный вместе’, то есть от одной матери (как и ἀδελφεός). Однако в Илиаде есть, по крайней мере, один пассаж (Il. 15.545–547), из которого следует, что κασίγνητος применялось не к только к родным, но и к двоюродным братьям со стороны отца (1):

(1) Ἑκτωρ δὲ **κασιγνήτοισι** κέλευσε
 πᾶσι μάλα, πρῶτον δ' Ἰκεταονίδην ἐνένιπεν
 ἰφθίμῳ Μελάνιππον. (Il. 15.545–547)
 ‘Но Гектор велел всем кузенам, и первым упрекнул мощного Меланиппа, сына Гикетаона.’

Из контекста следует, что Гектор называет термином κασίγνητος внуков Лаомедонта, одним из которых является Меланипп, сын Гикетаона, брата Приама, то есть кузен Гектор со стороны отца. О возможной интерпретации обозначения одним и тем же термином родных братьев и брата со стороны отца мы скажем в выводах.

Важно отметить, что для обозначения кузена со стороны отца Гомер несколько раз использует и слово ἀνεψιός (Il. 9.464, 15.422, 15.554), которое в послегомеровскую эпоху станет главным термином со значением «двоюродный брат» (со стороны как отца, так и матери). Так, в пассаже (2) Гектор обращается к тому же двоюродному брату Меланиппу, который несколькими стихами ранее идентифицирован как κασίγνητος (Il. 15.545–547), призывая его отвоевать доспехи только что убитого Долопа, который является двоюродным братом со стороны отца для них обоих и назван термином ἀνεψιός:

(2) τὸν ῥ' Ἑκτωρ ἐνένιπεν ἔπος τ' ἔφατ' ἔκ τ' ὀνόμαζεν·
 οὕτω δὲ Μελάνιππε μεθήσομεν; οὐδέ νυ σοὶ περ
 ἐντρέτεται φίλον ἦτορ **ἀνεψιοῦ** κταμένοιο; (Il. 15.552–554)
 ‘Его-то Гектор и укорял и говорил, обращаясь по имени:
 Неужели так оставим, Меланипп?
 Неужели не трепещет у тебя милое сердце, при том что убит
 двоюродный брат?’

Таким образом, и κασίγνητος, и ἀνεψιός у Гомера могли обозначать сына брата отца.

В таком же значении ἀνεψιός встречается в примере (3) в отношении Калетора, сына Клития и внука Лаомедонта, то есть кузена Гектора со стороны отца:

(3) ἐνθ' οὐα Κλυτίοιο Καλήτορα φαίδιμος Αἴας
 πῦρ ἐς νῆα φέροντα κατὰ στήθος βάλε δουρί.
 δούπησεν δὲ πεσών, δαλὸς δὲ οἱ ἔκπεσε χειρός.
 Ἔκτωρ δ' ὥς ἐνόησεν **ἀνεψιὸν** ὀφθαλμοῖσιν
 ἐν κονίησι πεσόντα νεὸς προπάροιθε μελαίνης... (Il. 15.419–423)

‘Там Калетора, сына Клития, несущего огонь к кораблю,
 поразил в грудь сияющий Аякс.
 Тот с грохотом упал, и выпал факел из его руки.
 Гектор же, как заметил глазами двоюродного брата,
 лежащего в пыли перед черным кораблем...’

Однако в пассаже (4) **ἀνεψιοί** употребляется в обобщенном значении, рядом с ἔται ‘родные’, без всякой возможности более точной идентификации:

(4) ἧ μὲν πολλὰ ἔται καὶ **ἀνεψιοὶ** ἀμφὶς ἑόντες
 αὐτοῦ λισσόμενοι κατερήτυον ἐν μεγάροισι (Il. 9.464–465).

‘А родные и кузены, находившиеся рядом,
 с мольбой пытались удержать меня дома’.

Из данного пассажа можно с одинаковой вероятностью предположить, что **ἀνεψιοί** обозначало как кузенов по отцу, так и любых кузенов.

Других сведений о терминах, обозначающих сиблингов, гомеровские поэмы, к сожалению, не содержат. Что касается унаследованного из праиндоевропейского языка слова φράτηρ, оно, в отличие от других языков-потомков, использовалось в греческом прежде всего в религиозных и политических контекстах и для обозначения членов расширенной семьи, например, племянников (Beekes 2010: 20; LSJ. s.v.).

Для обозначения дяди по матери Гомер использует μήτρως (Il. 2.662; 16.717), однако для обозначения дяди по отцу он предлагает не ожидаемое πάτρως, а πατροκασίγνητος (перифразический термин, буквально означающий ‘брат отца’, см. Il. 21.469; Od. 6.330; 13.342). При этом у более поздних авторов, например, у Пиндара (Ol. 9.63) и Еврипида (HF 43), термин πάτρως встречается. Трудно поверить, что, многократно используя μήτρως, Гомер не знал слова πάτρως, образованного в точности по той же модели, поэтому отсутствие последнего является скорее случайностью, чем надежным свидетельством неиспользования данного обозначения дяди по отцу в обществе, описываемом Гомером. Косвенным свидетельством в пользу

того, что Гомеру это термин был известен, является упоминание последнего в комментарии Евстафия к Илиаде Гомера¹⁵.

Удивительно, что Гомер практически не использует термины со значением «тетя». Существительное *πατροκασίγνητή*, предполагаемое в качестве женского соответствия к *πατροκασίγνητος*, засвидетельствовано в греческих надписях и у позднего эпического поэта Квинта Смирнского (LSJ, s.v.), но не у Гомера. Не встречаются у него и такие термины, как *θεῖος* «дядя» и *θεία /τηρίς* «тетя», хотя нельзя исключать, что они были ему известны (Gates 1971: 22).

2.1.2. Послегомеровский греческий

Поскольку под наше условное определение «послегомеровский греческий» попадает несколько эпох общей протяженностью более тысячи лет и литературные памятники в разных жанрах, репертуар терминов весьма богат, причем почти для каждого родственника мы располагаем не одним термином, а целыми синонимическими рядами.

Выбор каждой лексемы тем или иным автором мог зависеть от множества факторов, включая особенности словоупотребления в конкретную эпоху, жанр и содержание произведения, в котором термин упоминается/не упоминается, метрические ограничения, зависимость от традиции и особенности диалекта. Некоторые термины, например, встречаются исключительно у эпических поэтов, которые явно ориентировались на Гомера и могли использовать традиционную лексику, уже на самом деле вышедшую из употребления в их время. При таком разбросе особенную ценность приобретают свидетельства аттических ораторов 4 века до н. э., речи которых часто касались судебных процессов, связанных с наследством и другими семейными делами.

При анализе послегомеровской терминологии родства бросается в глаза, что к уже известным из Гомера обозначениям родных братьев и сестер добавляются *ἀδελφή* «сестра» и общий термин *ὁ/ἡ κάσις* «брат/сестра».

¹⁵ Ὁ δὲ πατροκασίγνητος καὶ θεῖος λέγεται καὶ **πάτρωζ καθ' ὁμοιότητα τοῦ μήτρωζ**, ὥς προδεδήλωται (Eust. *Comm. ad Hom. Il.* v. 469). «А брат отца и дядя также назывался **πάτρωζ** по аналогии с **μήτρωζ**, что очевидно».

Никуда не исчезает разграничение в названиях братьев отца и матери, при этом к старым гомеровским добавляются новые.

Так, лексикограф 2 в. н. э. Юлий Поллукс свидетельствует, что брата отца обозначали терминами *θεῖος*, *ἀδελφός*, *πατράδελφος* или *πάτρως*, а брата матери — *θεῖος*, *μητράδελφος*, *μήτρως* или *νέννος* (Poll. 3.22.1).

Очевидно, что часть этих терминов прошла путь от Гомера до поздней античности, некоторые характерны для позднейшей эпохи (*ἀδελφός*, *νέννος* — TLG, s.v), а универсальный термин *θεῖος* сохранился вплоть до наших дней. Бикес выводит его этимологию из оноματοпоэтической основы *θη- (вероятно, той же, что в русском «тетя»), которая в редуцированном виде дает *τήθη* «бабушка» (Beekes 2010: 537). Дериватом от той же основы становится *τηθίς* — общий термин для обозначения сестры отца и сестры матери (Beekes 2010: 1477), но при этом признаки бифуркативной коллатеральности суданского типа сохранялись в лексемах *πατροκασιγνήτη* «сестра отца» и *μητράδελφος* «сестра матери».

О двоюродных братьях и сестрах Юлий Поллукс сообщает следующее:

(5) *πάλιν τοίνυν ἀδελφῶν παῖδες ἀνεψιοί, εἴτ' ἐκ πατραδέλφων εἶεν εἴτ' ἐκ μητραδέλφων· κατὰ ταῦτα δὲ καὶ αἱ θήλειαι ἀνεψιαί.* (Poll. 3.28.2).

«В свою очередь, сыновья сестер и братьев называются *ἀνεψιοί*, как со стороны отца, так и со стороны матери; аналогично и дети <сестер и братьев> женского пола — *ἀνεψιαί*.»

На самом деле, помимо упомянутых Поллуксом, в послегомеровском употреблении были термины *ἀδελφίδους* «двоюродный брат» и *ἀδελφιδή* «двоюродная сестра» для кузенов как со стороны отца, так и со стороны матери. Слово *ἀδελφίδους* в неслитной форме (*ἀδελφιδέος*) встречается уже у Алкмана (7 в. до н. э.) и довольно часто используется Геродотом. Кроме того, в «Умоляющих» Эсхил один раз использует термин *πατραδέλφεια* «кузина со стороны отца» (Aesch. *Supp.* 38).

2.1.3. Новогреческий

Как видно из Таблицы 1, в современном греческом система максимально упростилась, оставив универсальные названия для братьев и сестер (*αδελφός* и *αδελφή*), дядей и тетей (*θείος* и *θεία*), а также для кузенов и кузин (*εξαδελφός* и *εξαδελφή* — приставочные производные от *αδελφός* и *αδελφή*), таким образом,

система превратилась в линейную (эскимосскую). Однако в ряде диалектов, особенно в сельских говорах, до сих пор могут сохраняться разграничения между родственниками по материнской и отцовской линии. Например, в Эпире и в греческих деревнях Албании зафиксированы диалектные *палас* ‘дядя по отцу’ и *млаплас* ‘дядя по матери’.

2.2. Термины родства в латинском языке, средневековой латыни и итальянском

Динамику изменений в системах терминов родства, запечатленную латинским и романскими языками, мы проследили, выделив (очень условно) 3 временных пласта. Первый — это латинский язык, засвидетельствованный в памятниках римских авторов всех периодов античной эпохи (с 3 в. до н. э. по 5 в. н. э.). За свидетельства второго этапа мы приняли британские, французские, германские, иберийские и итальянские документы, написанные на средневековой латыни между 1000 и 1300 гг. (по данным Cawley 2015). Наконец, для демонстрации того состояния, к которому пришла латинская СТР в ходе своей эволюции, мы использовали термины родства в современном итальянском языке, как ближайшем языке-потомке латыни, см. Таблицу 2.

Таблица 2. Термины родства в латинском языке, средневековой латыни и итальянском¹⁶

язык/ период	термин	сестра отца	брат отца	отец	мать	сестра матери	брат матери
		сын/дочь сестры отца	сын/дочь брата отца	брат	сестра	сын/дочь сестры матери	сын/дочь брата матери
Латинский язык		<i>amita</i>	<i>patruus</i>	<i>pater</i>	<i>mater</i>	<i>mater-tera</i>	<i>avuncu-lus</i>
		<i>frater amitinus/ soror amitina</i>	<i>frater patruelis/ soror patruelis</i>	<i>frater, germanus</i>	<i>soror, germana</i>	<i>frater consobrinus/ soror consobrina</i>	<i>frater matruelis/ soror matruelis</i>

¹⁶ В таблице синонимы даны через запятую, гендерно различающиеся отделены косой чертой, числа в скобках указывают, сколько раз в средневековых документах данный термин встречается в указанном значении.

Средневековая латынь	<i>amita</i> (20), <i>matertera</i> (3)	<i>patruus</i> (97), <i>avuncu-lus</i> (73), <i>tio</i>	<i>pater</i> , <i>genitor</i>	<i>mater</i> , <i>geni-trix</i>	<i>amita</i> (7), <i>matertera</i> (6)	<i>avuncu-lus</i> (69), <i>tio</i>
	(<i>con</i>) <i>sobrinus</i> , <i>consanguineus</i> / (<i>con</i>) <i>sobrina</i> , <i>consanguinea</i>	(<i>con</i>) <i>sobrinus</i> , <i>consanguineus</i> , <i>patruelis</i> , <i>fratrueli</i> , (<i>con</i>) <i>sobrina</i> , <i>consanguinea</i>	<i>germanus</i>	<i>germana</i>	(<i>con</i>) <i>sobrinus</i> , <i>consanguineus</i> / (<i>con</i>) <i>sobrina</i> , <i>consanguinea</i> , <i>mater-tera</i> (1)	(<i>con</i>) <i>sobrinus</i> , <i>consanguineus</i> / (<i>con</i>) <i>sobrina</i> , <i>consanguinea</i>
Итальянский	<i>la zia</i>	<i>lo zio</i>	<i>il padre</i>	<i>la madre</i>	<i>la zia</i>	<i>lo zio</i>
	<i>il cugino</i> / <i>la cugina</i>	<i>il cugino</i> / <i>la cugina</i>	<i>il fratello</i>	<i>la sorella</i>	<i>il cugino</i> / <i>la cugina</i>	<i>il cugino</i> / <i>la cugina</i>

2.2.1. Латинский язык

В латинском языке античной эпохи присутствует отчетливое деление СТР на родственников по материнской и отцовской линии. Брат и сестра со стороны отца называются *patruus* и *amita*. *Patruus* представляет собой дериват от *pater* ‘отец’, а *amita* рассматривается как диминутив от слова *amma* ‘мама’, которое в таком виде сохранилось только в качестве глоссы у Исидора, но присутствует как основа латинских имен *Amma*, *Ammius*, *Ammia*, *Ammianus* и их производных в романских языках (de Vaan 2008: 38).

Брат и сестра со стороны матери назывались, соответственно, *avunculus* и *matertera*¹⁷. Этимология обоих терминов совершенно прозрачна. *Avunculus* — диминутив от *avus* ‘дед’ (de Vaan 2008: 66), произведенный от основы, которая также сохранилась в кельтском когнате со значением «дядя». Происхождение *avunculus* от *avus* Бенвенист объясняет так: «Только допущение кросскузенного брака в результате которого одно и то же лицо является отцом моего отца и братом матери моей

¹⁷ Объяснение семантических нюансов слов со значением «тетя» приводится в «Дигестах Юстиниана» (6 в. н.э.): *amita est patris soror: matertera est matris soror* ‘*amita* — это сестра отца, *matertera* — сестра матери’. (Dig. 38.10.10. § 4).

матери, позволяет понять» почему лат. *auunculus*, производное от *amis* ‘дедушка по отцу) имеет значение ‘дядя по матери’. Соответственно этому *peros* ‘племянник’ (ласково опекаемый своим дядей по матери, но подчиняющийся суровой *patria potestas* ‘отцовской власти’) наряду со своим древним значением, которое подтверждается среди прочего гр. *anepsios* ‘двоюродный брат’, букв. ‘со-племянник*, приобретает значение ‘внук* везде, где неумолимо начинает преобладать индоевропейская система родства, устанавливаемого по отцовской линии» (Benveniste 1995: 156).

Что касается *matertera*, это существительное образовано от *mater* ‘мать’ при помощи суффикса **-tero-*, который ряд ученых считает компаративным (Szemerényi 1977: 10), и имеет приближительный смысл ‘та, кто как мама, тетя со стороны мамы’ (de Vaan 2008: 367). Происхождение и семантика этого суффикса — предмет продолжительных споров лингвистов и антропологов, внятный обзор которых в (Milanova 2018) показывает, что этот вопрос по-прежнему далек от ответа, однако наблюдения над другими латинскими словами на *-ter* показывает, что этот суффикс, действительно участвующий в образовании сравнительной степени прилагательных и наречий в греческом, в латыни — *inter alia* — стал, по нашему мнению, маркером принадлежности его носителя к некой бинарной оппозиции. Это свойство проявляется и в ряде местоименных прилагательных на *-ter* со значением выбора из двух вариантов (*alter* ‘другой из двух’, *neuter* ‘ни один из двух’, *uter* ‘какой из двух’, *uterque* ‘и тот, и другой, оба’), и в парах противопоставленных друг другу слов, в самой семантике которых проявляется бинарность: *dexter* — *sinister* ‘правый — левый’, *magister* — *minister* ‘хозяин — слуга’ (изначально ‘старший из двух (OLD, s.v.) — младший из двух’), наконец, *pater* — *mater* ‘отец — мать’. Заметим, что в *matertera* мы имеем редупликацию данного суффикса, который вполне мог придавать термину, обозначающему тетю со стороны матери, значение «другая из (двух) мам»¹⁸.

¹⁸ Этимология корня лексемы *mater*, как пишет de Vaan (2008: 367) неясна, но не исключает деривацию с суффиксом **-ter* от “nursery form *ma(ma) ‘mum’”.

Для понимания сути социальных отношений, скрывающихся за терминами родства, и их регламентирующей функции, весьма показателен пассаж из «Метаморфоз» Овидия:

(6) *materteram uxorem ducere non licet.* (Ov. Met. 3. 312)

‘На сестре матери жениться не дозволяется’.

Не менее отчетливое разграничение демонстрируют термины, обозначающие братьев и сестер со стороны отца и матери. Так, сын и дочь сестры отца называются *frater amitinus* и *soror amitina* (от *amita* ‘сестра отца’), в то время как сын и дочь брата отца — *frater patruelis* и *soror patruelis* (от *patruus* ‘брат отца’). Для обозначения кузенов и кузин со стороны сестры матери использовались дескриптивные термины *frater consobrinus* и *soror consobrina*. Прилагательное *consobrinus* является дериватом от *soror* ‘сестра’, а приставка *con-* придает термину оттенок взаимности (*consobrini* — дети двух сестер). Изначально термин применялся к детям сестры матери, в соответствии с этимологией слова, но по мере расшатывания системы стал периодически использоваться и в отношении детей брата матери (OLD, s.v.; de Vaan 2008: 576).¹⁹ Термину *consobrinus* противопоставлен *matruelis*, обозначающий кузенов со стороны брата матери — *frater matruelis* и *soror matruelis*.

Важно отметить, что в латыни было еще один термин — *nepos*, который означал и «внука», и «племянника» и был родственен греческому ἀνεψιός ‘племянник’ (Kullanda 2001: 98). *Thesaurus Linguae Latinae* дает ему следующее определение: “сын либо сына или дочери, либо брата или сестры” (*filius aut filii filiaeve aut fratris sororisve* (TLL, s.v.)).²⁰ Второе значение проявилось, по преимуществу, в пост-Августовскую эпоху, как, например, в «Жизнеописаниях двенадцати Цезарей» Светония:

(7) *Sed nouissimo testamento tres instituit heredes sororum nepotes.* (Suet. Caes. 83)

‘Но в последнем завещании назначил наследниками трех племянников со стороны сестер.’

¹⁹ Ср. Cic. *de Or.* 2.1.2 и Cic. *Off.* 1.17.54.

²⁰ В литературе есть указания на то, что в латинских надписях на территории Британии слово *nepos* обозначало только сына сестры (Wolfe 2009: 431).

Нличие этого термина, в котором наблюдается генерационный скос «-1/-2 поколения», активно использовалось в рамках дискуссии о возможности интерпретации праиндоевропейских систем родства как СТР типа омаха (см., в частности, (Gates 1971).

2.2.2. Средневековая латынь и романские языки

Юридические документы (уставы, завещания, договоры) и хроники, написанные на латинском языке в период с 1000 по 1300 год на территории Британии, Франции, Германии, Испании (Иберии) и Италии (Cawley 2015: 26), являются свидетельством происходящего сдвига от суданской СТР к линейной.

Эта система сохраняет четырехчленную модель для обозначения братьев и сестер отца и матери, но при этом показывает ее на переходном этапе к линейной СТР, в которую она превратится в современных романских языках. Это переходное состояние выражается в двух системных изменениях.

Первое затронуло обозначения тети и дяди со стороны отца и матери (*amita*, *matertera*, *patruus*, *avunculus*), которые, хотя и сохраняются из античной эпохи, начинают смешиваться друг с другом, причем в разной пропорции в разных регионах²¹ (Таблица 2). Как следует из Таблицы 2, термины для сестры матери *matertera* и брата отца *patruus* отчасти сохраняются, но в значительной степени заменяются на более специализированные непроизводные от *mater* и *pater* термины *avunculus* и *amita*, при крайне незначительном числе примеров обратного процесса. Очевидно, что в этом процессе отражается необходимость специализированного противопоставления «линейных» кровнородственных отца и матери другим родственникам поколения «+1».

Кроме того, к четырем терминам, перешедшим в средневековую латынь из античной, добавляется еще один — *tio*, обозначающий как брата отца, так и брата матери. Этот

²¹ Каули демонстрирует нам некоторые интересные различия по регионам: французские первоисточники отдают предпочтение «дяде по отцовской линии» как правильному значению слова *avunculus*, германские источники — «дяде по материнской линии», а британские — примерно одинаковое число обоих значений (Cawley 2015: 32). В Таблице 2 в скобках приводятся суммарные данные, сколько раз термин встречается с соответствующим значением; более детальные сведения по регионам см. в (Cawley 2015).

термин, как и соответствующий ему термин женского рода *tia*, очевидным образом представляет собой заимствование из греческого (от *θείος* ‘дядя’ и *θεία* ‘тетя’). Дю Канж (Du Cange, s.v.) сохраняет их придыхательный вариант написания *th-* и утверждает, что *thius* — это *patruus* (брат отца), а *thia* — *amita* (сестра матери). Как мы увидим далее, оба термина впоследствии перешли со значением «дядя и тетя по любой линии» в испанский (*tio/tia*) и итальянский (*zio/zia*) (Beekes 2010: 537).

Интересно, что разные романские языки по-разному откликнулись на две вышеописанные возможности противопоставить кровнородственных родителей всем дядям и тетям. Итальянский и испанский выбрали «готовый вариант» заимствования, уже отражающий такое объединение (*tio/tia* (исп.) и *zio/zia* (итал.)), а французский предпочел перенос значения «тетя» и «дядя» со специализированных *amita* и *avunculus* на этимологически более близкие к *mater* и *pater* термины *matertera* и *patruus*, полностью вытеснив их²².

Второе системное изменение затронуло названия сиблингов. Здесь мы наблюдаем, во-первых, отказ от дублетных терминов *frater/ germanus* ‘брат’ и *soror/ germana* ‘сестра’ в пользу *germanus* и *germana*. В древнем Риме слова *frater* и *germanus* в большинстве случаев были синонимами, но термин *frater* мог включать как братьев от общих родителей, так и братьев от разных отцов или матерей²³. *Germanus* же обозначал только брата, рожденного от одних и тех же родителей (Cawley 2015: 41) и в Средние века стал единственным. Во-вторых, четырехчленная система для обозначения двоюродных братьев и сестер, описанная выше, почти полностью унифицируется до одного термина (*(con)sobrinus/ (con)sobrina* (с приставкой или

²² См. (Guminov, Moiseeva 2010: 240): «Интересно отметить то, что лат. *patruus* ‘брат отца’, и *avunculus* ‘брат матери’, были объединены в одной только лексеме фр. *oncle*. Лексемы *amita* ‘сестра отца’, *matertera* ‘сестра матери’ объединила в себе фр. *tante*. Лексема *oncle* происходит от *avunculus* ‘брат матери’, а *tante* от *amita* > *t'ant* (*t<ta*) притяжательное местоимение, ср. *aunt* в англ. яз. и *Tante* в нем. яз.) ‘сестра отца’».

²³ Изначально ПИЕ **bhrāter* ‘брат’ является термином не кровного родства, но, по мысли Бенвениста, скорее классификационным термином: греческий язык лучше, чем любой другой, сохранил в слове *φράτηρ* смысл «член фратрии» (Benveniste 1995: 147).

без), который в античную эпоху обозначал только сына/дочь сестры матери, а в Средние века распространился на всех кузенов и кузин. Подсказку к первоначальному значению слова *consobrinus* дает современный кастильский испанский, в котором *sobrinio* означает «племянник». Таким образом, термин *consobrinus* должен был обозначать общие отношения между двумя людьми, оба из которых являются племянниками третьих лиц и, следовательно, первыми кузенами друг друга. Добавление префикса «con-» описывает взаимно разделяемые идентичные отношения, которые могут быть как по отцовской, так и по материнской линии (Cawley 2015: 39). Следует добавить, что с *(con)sobrinus/ (con)sobrina* конкурировала еще одна пара — *consanguineus/consanguinea* — с тем же значением «кузен/кузина со стороны матери или отца» и с прозрачной этимологией «человек той же крови». Кроме того, для обозначения сына брата отца несколько раз в документах Германии и Франции используются слова *patruelis* и *fratruelis*, а в отношении дочери сестры матери один раз идентифицирована лексема *matertera* (Cawley 2015: 42–43, 47). Но немногочисленные окказиональные употребления этих терминов наряду с более распространенными несущественны для общей картины сдвига в сторону унификации названий сиблингов в направлении линейности, которую мы наблюдаем в романских языках — потомках латыни. Итог этого процесса представлен в Таблице 2 на примере итальянского языка, где термины *lo zio* и *la zia* стали универсальными для дяди и тети по любой линии, а все кузены и кузины также обозначаются посредством *il cugino* и *la cugina*, которые восходят к *(con)sobrinus* и *(con)sobrina*.

2.3. Термины родства в санскрите, пали и хинди

Динамику терминологии родства в индийских языках мы представили в Таблице 3. Следует отметить, что в данном случае мы не имеем дело с линейной последовательностью идиомов (хинди из пали, пали из санскрита), скорее, мы обладаем материалом языков одной (индоарийской) группы, представляющими разные периоды отдаленности от прото-языка: санскрит (2–3 тысячи лет назад, пали — несколько столетий назад, хинди — современность).

Таблица 3. Термины родства в санскрите, пали и хинди²⁴

язык/ период термин	сестра отца	брат отца	отец	мать	сестра матери	брат матери
	сын/дочь сестры отца	сын/дочь брата отца	брат	сестра	сын/дочь сестры матери	сын/дочь брата матери
санскрит	<i>pitṛ-śvasar</i>	<i>pitṛvya</i>	<i>pitār</i>	<i>mātar</i>	<i>mātrśvasar</i>	<i>mātula</i>
	<i>bhrātrvya/?</i>	<i>bhrātrvya/?</i>	<i>bhrātar</i>	<i>svasar</i>	<i>mātrśvaseya/ mātrśvaseyī</i>	<i>mātuleya/ mātuleyī</i>
пали	<i>pitucchā</i>	<i>pettāpiya</i>	<i>pitara</i>	<i>mātar</i>	<i>mātucchā</i>	<i>mātula</i>
	<i>-putta/- dhītā</i>	<i>?/?</i>	<i>bhātar</i>	<i>bhaginī</i>	<i>-putta/-dhītā</i>	<i>?/-dhītā</i>
хинди	<i>bhua, phupi, kaki (ji²⁵)</i>	<i>taya, tau (ji) (сmap.); chacha, chachu, khaka (ji) (мл.)</i>	<i>pita (ji)</i>	<i>mata</i>	<i>masi (ji)</i>	<i>mama, mamu (ji)</i>
	<i>(phuphera) bhai/ (phupheri) behan</i>	<i>(chachera) bhai/ (chacheri) behan</i>	<i>bhaiya; bhai saab, dada (сmap.)</i>	<i>behan; didi, behan ji (сmap.)</i>	<i>(mausera) bhai/ (mauseri) behan</i>	<i>(mamera) bhai/ (mameri) behan</i>

Отсутствие в таблице материала для дочерей брата и сестры отца в санскрите, а также для сына/дочери брата отца и сына брата матери в пали, не кажутся критическим для определения типа терминов родства (представляется, что они могут быть реконструированы исходя из логики системы в целом). В целом картина похожа на другие проанализированные языки: в поколении «+1» все три языка отчетливо демонстрируют суданский тип СТР, который сохраняется и в современном хинди. В поколении «эго» санскрит сохраняет суданскую систему по материнской линии и приобретает линейный характер по отцовской, причем термины для кузенов по отцовской линии

²⁴ Материал санскрита взят из онлайн словаря санскрита на 30000 слов (<https://www.learnsanskrit.ru/>), материал пали из электронного словаря пали (<https://dsal.uchicago.edu/dictionaries/pali/>), а материал хинди — из статьи (Suryanarayan, Khalil 2021).

²⁵ (ji) - это факультативный маркер уважительности по отношению к старшему поколению.

являются производными от «брат», а по материнской линии — от «мать». Система пали выглядит как линейная, а хинди, на первый взгляд, сохраняет суданский тип, но все термины для кузенов дескриптивные и перифрастические. В (Suryanarayan, Khalil 2021) указывается, что перифразы типа (*phupheri*) *behan* («сестра со стороны сестры отца») не используются, и для всех сиблингов, включая кузенов, чаще применяется общий термин *bhai/behan* (брат/сестра), превращая, таким образом, систему в фактически малайскую (генерационную), но с выделением специальных терминов для родных старших братьев и сестер (линейная).

В контексте разнообразия индоиранских языков интерес представляет работа (Ogawa 2018), в которой представлены типы родства для поколения «+1» в 55 языках района Гиндукуша (Схема 2).

Схема 2. Типы родства в поколении родителей для 55 языков Гиндукуша по (Ogawa 2018: 19)

1. $F \neq FB \neq MB / M \neq MZ \neq FZ$ Indo-Aryan (16), Iranian (8), Turkic (2), Burushaski (1) 27 (49 %)
 2. $F = FB \neq MB / M = MZ \neq FZ$ Indo-Aryan (2), Nuristani (3), Tibeto-Burman (1), Burushaski (1) 7 (13 %)
 3. $F = FB \neq MB / M \neq MZ \neq FZ$ Indo-Aryan (5), Nuristani (2) 7 (13 %)
 4. $F \neq FB = MB / M \neq MZ = FZ$ Indo-Aryan (1), Iranian (4) 5 (9 %)
 5. $F \neq FB \neq MB / M \neq MZ = FZ$ Indo-Aryan (4), Iranian (1) 5 (9 %)
 6. $F = FB \neq MB / M \neq MZ = FZ$ Indo-Aryan (1), Nuristani (1) 2 (3,5 %)
 7. $F \neq FB \neq MB / M = MZ = FZ$ Indo-Aryan (2) 2 (3,5 %)
- 55 (100 %)

Всего в выборке представлено 50 индоевропейских языков (31 индоарийский, 13 иранских и 6 нуристанских (дардских)). Из них 24 языка демонстрировали по родству в поколении «+1» суданскую систему (1), 5 индоарийских и нуристанских языков демонстрируют ирокезскую систему (2), 7 — ирокезскую по отцовской линии и суданскую по материнской (3), 5 языков (4 иранских и 1 индоарийский) демонстрируют линейную (эскимосскую) систему (4), 4 индоарийских языка демонстрируют суданскую по мужской линии и линейную по женской (5), 2 языка (индоарийский — калаша, и нуристанский — западный кати) демонстрируют ирокезскую систему по мужской линии и

линейную по женской (6), два индоарийских языка демонстрируют малайскую систему по женской линии и суданскую по мужской (7) (Схема 2).

Типы 1 (суданский), 4 (линейный), и 5 (смешанный суданско-линейный) вполне соответствуют развитию от суданской к линейной системе (при консервации суданской в поколении «+1», наблюдаемой как в хинди, так и в других индоевропейских языках (староанглийский, датский)). Проявление же ирокезского типа в 5 языках (2) и частично ирокезского (по мужской линии) в еще 9 языках (3, 6), а также малайский тип по женской линии (7) требуют особого внимания и специального анализа²⁶.

3. Выводы. Типологический комментарий

1. В целом можно отметить достаточно отчетливую картину возможной динамики СТР в анализируемых языках: в поколении родителей «+1» мы наблюдаем исходную суданскую систему в наиболее древних языках. Далее возможна консервация суданского типа (хинди, пали и ряд других языков — староанглийский, датский, многие индоиранские) или переход к линейной системе (романские, новогреческий, английский, русский и многие другие) при промежуточном состоянии, например, средневековой латыни, что тоже вполне предсказуемо. Интересно, что послегомеровский греческий уже демонстрирует некоторые элементы перехода от суданской к линейной системе, примерно соотносимые с аналогичными элементами в средневековой латыни, при том, что классическая латынь демонстрирует наиболее последовательную суданскую систему из языков выборки. Относительно дискуссии об элементах типа омаха для праиндоевропейского (см., например, Gates 1971: 39–44; Milanova 2014: 59–60) можно отметить, что никаких специфических черт этого типа в нашем материале не видно, по крайней мере, таких черт, которые бы относились именно к подтипу омаха, а не в принципе к ирокезскому типу (см. ниже о возможных следах ирокезского типа в анализируемом материале).

2. Что касается поколения «эго» (его также называют «нулевым»), то суданский тип можно увидеть только в классической

²⁶ Проблемные типы выделены на схеме серым.

латыни и в санскрите по материнской линии (по отцовской кузены обозначаются одинаково). Причем во всех этих случаях различные термины для различных кузенов являются дескриптивными и перифрастическими (типа латинских *frater amitinus/soror amitina* — букв. «брат по сестре отца/ сестра по сестре отца»), что очень напоминает систему и в хинди, где также существует возможность дескриптивных перифрастических различий для кузенов, образованных по такой же модели, но, согласно (Suryanarayan, Khalil 2021), указания на различия в поколении «эго» в реальности не используются, что превращает систему в практически малайскую — с двумя терминами для всех сиблингов и с различием только по полу (брат/сестра). Все остальные системы можно отнести к линейным. Данная ситуация хорошо коррелирует с цитатой из (Kriukov 1972: 280) об идее Г. Доул (Dole 1969), «которая выдвинула положение о том, что в процессе эволюции систем родства наиболее подвижным элементом, в первую очередь откликающимся на модификацию социальной организации, являются термины нулевого поколения». Похожие идеи о возможности независимого развития терминов в разных поколениях можно встретить и в (Dziebel 2006). Следует отметить, что и в «классических» суданских системах, например, арабской (Suryanarayan, Khalil 2021), термины для кузенов/кузин являются перифрастическими (как в латыни и в хинди) типа *bent khali* «дочь брата матери» (сирийский арабский), однако они имеют в основе базовую структуру «сын/дочь родственника поколения +1», а не «брат/сестра по линии родственника поколения +1» (как в латыни и хинди), следовательно, у них меньший потенциал к слиянию с родными братьями и сестрами.

3. Представляется интересным остановиться отдельно на возможности выделить в анализируемых языках элементы (рудименты) ирокезской системы терминов родства. Особую роль именно ирокезского типа СТР как симметричного и допускающего билатеральность/билинейность, из которой могут появляться унилатеральные (унилинейные) системы, отмечал, в частности Н. М. Гиренко (Girenko 1980a, 1980b). Некоторый консенсус о первичности бифуркативных систем родства можно увидеть в статье В. А. Попова в БРЭ (Попов 2015: 303): «Исторически первым (изначальным) типом С. т. р. считается бифуркативный, свойства которого порождены первичными

(классификац.) системами родства и обычно связываются с родовой организацией и половозрастной стратификацией.» Особый интерес представляют идеи в этой области В. М. Крюкова (Kriukov 1972), поскольку он описывал развитие СТР от древнекитайской к современной китайской — один из очень немногих вариантов, где термины можно фиксировать на основании письменных памятников (на протяжении около 3000 лет), а не реконструировать. Он пишет (Kriukov 1972: 212–213): «В частности, давно уже было замечено, что анализ суффиксальных производных позволяет реконструировать предшествующий этап группировки терминов. Латинские *patruus* и *matertera*, восходящие соответственно к *pater* и *mater*, или древнекитайские *шифу* и *цунму*, производные от корневых терминов *фу* и *му*, позволяют предполагать, что арабской (=суданской — Желтовы) системе родства у римлян и древних китайцев предшествовала система ирокезского типа. В отношении китайской системы мы располагаем реальными историческими доказательствами того, что в конце II тысячелетия до н. э. предки китайцев действительно не проводили терминологического различия между отцом и его братьями, между матерью и ее сестрами. Но что касается латинской системы родства, то аналогичный вывод может быть сделан исключительно на основании анализа лексической формы терминов.» Попробуем рассмотреть конкретные языковые данные, свидетельствующие о возможной первичности ирокезской системы по отношению к отчетливо заметной суданской для анализируемых языков. Очевидно, что мы можем иметь дело только с косвенными свидетельствами — среди рассматриваемых языков ирокезского типа не наблюдается. Действительно, латинские *patruus* и *matertera*, восходящие соответственно к *pater* и *mater*, противопоставлены терминологически не производным от последних *avunculus* и *amita*. Попытаемся проанализировать с этой точки зрения древнегреческий и санскрит как наиболее древние в других ветвях. Очевидно, что искать рудименты ирокезского строя, прежде всего, следует в более архаичных терминах для «+1» поколения, и интересны в этом контексте не перифрастические, а производные термины. В древнегреческом такими неперефрастическими терминами являюся *πάτρως* от *πατήρ* — ‘брат отца’ — и *μήτρως* от *μήτηρ* — ‘брат матери’, остальные термины перефрастические или линейные. Подобная же ситу-

ация наблюдается и в санскрите: *pitṛvya* от *pitār* — ‘брат отца’, *mātula* от *mātar* — ‘брат матери’, остальные термины перифразические — *pitṛṣvasar* ‘сестра отца’, *māṭṛṣvasar* ‘сестра матери’. «Условно ирокезские» рудименты видны только по отцовской линии²⁷. Эти данные интересным образом коррелируют с наличием в соответствии с (Ogawa 2108) девять индоиранских языков Гиндукуша, в которых наблюдается ирокезский тип по отцовской линии (F=FB), а по женской линии наблюдается суданский (7 языков) или линейный (2) типы. Еще у пяти языков в поколении «+1» наблюдается ирокезский тип по обеим линиям²⁸.

В контексте очевидной тенденции к большему проявлению (элементов?) ирокезского типа именно по отцовской линии представляется целесообразным вернуться к проблеме реконструкции типа омаха для праиндоевропейского. Тип омаха представляет собой развитие ирокезской СТР (которая допускает как билатеральность (билинейность), так и матри-/патрилатеральность (линейность)), в отчетливое доминирование патрилинейности, в отличие от «зеркального» и более редкого матрилинейного типа кроу). В самой распространенной версии определения типа поколение «+1» маркируется по «стандартному» ирокезскому типу: отец = брат отца, мать = сестра матери, а для брата матери и сестры отца существуют специальные термины. При этом для системы омаха дети сестры отца обозначаются как кросскузены, а «генерационный сдвиг» наблюдается для детей брата матери: сын брата матери обозначается как «дядя», а дочь брата матери — как «мать»²⁹. Есть и еще более ограниченное определение, предполагающее и параллельный

²⁷ Следует упомянуть, что в (Gamkrelidze, Ivanov 1984:769) для праиндоевропейского языка реконструируются термины для «брата отца» и «брата матери», но нет реконструкции для сестер отца и матери.

²⁸ Наличие в современных индоиранских языках Гиндукуша ирокезского типа для поколения «+1» (или его элементов в отцовской линии) можно интерпретировать тремя способами: как свидетельство архаического «досуданского» типа, как контактное влияние (в двух языках этого региона, представляющих другие семьи, зафиксирован ирокезский тип), как инновацию (хотя типологически более вероятен переход от ирокезского типа к суданскому, априорно исключать возможность противоположного направления нельзя).

²⁹ Именно такой тип генерационного скоса доминирует в языках индейцев, на основе которых он и был выделен.

генерационный скос: «патрилаторальные кросскузены относятся к нисходящим поколениям, матрилаторальные — к восходящим» (Роров 2015: 303). Однако в дискуссии о типе омаха для праиндоевропейского упоминается обычно только патрилинейность индоевропейского социума и наличие генерационного скоса, причем совсем другого типа: *nepos* (племянник = внук) и *avus/avu(nculu)s* (дед=брат матери), т.е. отсутствуют объединяющие термины «отец = брат отца», «мать = сестра матери», специальные термины для кросскузенов, но есть некоторые свидетельства генерационного скоса. Однако генерационный скос типа «племянник = внук» может появляться и в ирокезской системе без признаков типа омаха. Например, в суахили, относящемся к языкам банту (нигер-конго, Африка), в которых доминирует ирокезский тип, также есть термин *mjukuu*, обозначающий и племянника, и внука. Кроме того, в латыни наблюдаются и элементы генерационного скоса по материнской линии, что совсем не свойственно типу омаха, но возможно для билаторального ирокезского типа: в средневековой латыни встречается употребление термина *matertera* не только для сестры матери, но и для дочери сестры матери (см. Таблицу 2). Таким образом, представляется, что «элементы системы омаха» скорее соответствуют элементам ирокезского типа. Интересно, что элементы типа омаха выделяются и для тюркских языков (Taşbaş 2019) с доминирующим суданским типом СТР, причем примерно на тех же основаниях — патрилинейное общество и похожий генерационный скос.

В поколении «эго» можно заметить еще только один очень косвенный признак ирокезского типа, помимо уже упомянутого употребления *matertera* не только для сестры матери, но и дочери сестры матери: в Илиаде есть по крайней мере один пассаж (II. 15.545–547), из которого следует, что κασιγνήτος применялось не к только к родным, но и к двоюродным братьям со стороны отца (см. пример (1) выше): т. е. термин κασιγνήτος обозначает и родного брата и ортокузена по отцовской линии, что соответствует ирокезской СТР.

Таким образом, можно заметить, что анализируемые языки демонстрируют некоторые элементы ирокезского типа, причем больше по отцовской, чем по материнской линии, однако подобная асимметрия не выглядит как соответствующая типу омаха.

4. До сих пор мы оставались в рамках материала анализируемых языков. В этом разделе мы сделаем попытку совместить

этот материал с типологическими данными и возможной логикой изменений СТР для того, чтобы предложить весьма предварительную и гипотетическую модель динамической типологии СТР (только в рамках изначально выбранных для анализа типов). Итак, наш материал подтверждает направление перехода от суданской СТР к линейной. Более или менее консенсусным можно признать существование перехода от ирокезской СТР к малайской и к СТР типа омаха и кроу, которые представляют собой разновидности ирокезской системы. Описанный В. М. Крюковым вариант развития «ирокезская — суданская — линейная» (Kriukov 1972) заставляет внимательно относиться к возможному переходу от ирокезского к суданскому типу для индоевропейских языков, но лишь косвенные свидетельства рудиментов ирокезской СТР в самых старописьменных индоевропейских языках заставляет предполагать ее возможность для доиндоевропейского периода. Обращает на себя внимание некоторая тенденция к большей выраженности ирокезского типа в отцовской линии, но пока мы не готовы как-то это интерпретировать. Дополнительный типологический пример перехода от ирокезской СТР к суданской можно увидеть на примере крайне мобильного изменения СТР в варианте суахили города Гома (восточная ДРК): стандартный суахили демонстрирует отчетливую ирокезскую модель для поколения «+1» (*baba* — «отец = брат отца», *tama* — «мать = сестра матери»), при этом, очевидно, что значимость именно кровнородственных родителей для суахилиговорящих жителей Восточной Африки вряд ли в наши дни принципиально ниже, чем для современных европейских обществ, в которых подобная значимость выражается либо в линейной, либо в суданской системе СТР (суданская система также предполагает отличие в терминах для родителей и их братьев и сестер). Мы уже отмечали, что направление развития СТР не предполагает детерминированности быстрой реакции СТР на изменение социальных условий (где-то происходит быстрый переход от суданской системы к ирокезской, а где-то консервируется суданский тип). Стандартный суахили весьма консервативен в сохранении ирокезской СТР для поколения «+1», более мобильный региональный вариант, подвергающийся влиянию многоязычия носителей и современных реалий атомарной кровнородственной семьи, демонстрирует переход, но не прямо к линейной СТР,

которая бы соответствовала современным социальным реалиям, а к суданской системе: к терминам *papa* и *tama* ‘отец = брат отца’ и мать = ‘сестра матери’ добавляется заимствованный из соседнего лингала корень *leki* ‘брат/сестра’ для обозначения брата отца (*papa leki*) и сестры матери (*tama leki*). На основе этого примера можно предположить, что суданский тип является необходимым условием для перехода ирокезской системы к дифференциации кровнородственных родителей, поскольку, вероятно, сразу к линейному типу не перейти: язык не может просто «отбросить» уже существующую систему СТР, но может дифференцировать отца и его брата, добавив к последнему перефразистический элемент. В принципе, и для индоевропейских языков можно предположить универсальность суданской системы как транзитной к линейной, но уже способной маркировать кровнородственное родство.

Мы не знаем, как могла бы выглядеть «самая первая» СТР, но для существующих известных систем можно было бы предположить следующие гипотетические варианты, соответствующие изменению социальных реалий, вызывающих изменения СТР: ирокезская система регламентирует билатеральный кросс-кузенный брак, СТР кроу и омаха ограничивают его только патрилинейными кросскузенами (омаха) или матрилинейными (кроу), малайская система, для которой все кузены равны братьям и сестрам, должна бы в принципе ограничивать возможность брака со всеми кузенами. Суданская система меняет основной принцип организации СТР, выводя на первый план не регламентацию брака, а нормы наследования³⁰ — в этой

³⁰ Вне латинской (терминологически суданской, направленной на нормы наследования) СТР трудно представить возможность юридического текста Юстиниана о степенях родства: «В первой степени родства наверху — отец и мать, снизу сын и дочь. Во второй степени наверху — дед и бабка, снизу внук и внучка, а сбоку (со стороны) — брат и сестра. К третьей степени относятся: наверху прадед и прабабка, снизу правнук и правнучка. Сбоку: сын и дочь брата или сестры и по условности дядя с отцовской стороны и его жена, а также дядя и тетя со стороны матери. В четвертой степени наверху прапрадед и прапрабабка, снизу правнучатый племянник и племянница, а сбоку внучатый племянник и племянница брата и сестры, и соответственно также брат и сестра деда и брат и сестра бабки; затем дедовы двоюродные братья и сестры (т. е. все происходящие от двух

системе кровнородственные родители противопоставляются их братьям и сестрам, но остается уже существующее отличие сестер и братьев по материнской и отцовской линии. Суданская система оставляет все терминологические отличия ирокезской, но добавляет дифференциацию «отец/брат отца», «мать/сестра матери», создавая, таким образом, самую сложную систему СТР, в которой совмещаются термины для регламентации брака с терминами, важными для наследования. Линейная система появляется вслед за суданской, нейтрализуя уже не значимые рудиментарные различия между типами братьев и сестер родителей³¹. Интересно, что во всех трех анализируемых языках, так же, как и в китайском, фиксируется совпадение наличия письменности и суданской СТР³². Здесь не следует говорить о прямой корреляции, скорее, и суданские СТР, и возникновение письменности коррелируют с развитием общества, в котором появляется, что наследовать, а, следовательно, и что записывать.

5. В заключение обратим внимание на еще два момента, которые представляются интересными. В исследуемом материале индоевропейских языков не нашлось свидетельств тесной связи терминов родства с притяжательными местоимениями, что характерно для многих языков, так как без указания посессора термин родства лишается референции с конкретным лицом. Еще одно явление, которое требует внимания и дальнейшего специального исследования, это различные способы парной группировки, или подстройки терминов родства по полу и по возрасту различными формальными средствами, в которых задействованы и корни, и грамматические морфемы, и аналогические (субморфные) подстройки.

братьев) <...> К пятой степени относятся наверху отец прапрадеда или прапрабабки, снизу прапраправнук и прапраправнучка. Сбоку внучатые племянники брата и сестры и соответственно брат и сестра деда или бабки (т. е. брат и сестра прадеда) и т. д.» (Kazansky 2022: 142)

³¹ Представляется, что из малайской СТР линейная система могла бы появиться напрямую, минуя суданскую, но в нашем материале таких примеров не было.

³² Для еще одного региона древних письменных систем (Ближний Восток) мы пока не обладаем данными.

Литература

- Beekes, R. S. P. 2010: *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden: Brill.
- Benveniste, É 1995: *Slovar' indoevropskikh social'nyh terminov*. [Dictionary of Indo-European Social Terms.] Translated from French. General editorial board and introduction by Academician Yu. S. Stepanov. Commentary by Yu. S. Stepanov and N. N. Kazansky. Moscow: Progress-Univers, 1995. Tr. by B. P. Narumov.
- Бенвенист Э. 1995: *Словарь индоевропейских социальных терминов*. Пер. с французского. Общая редакция и вступительная статья акад. Ю. С. Степанова. Комментарий Ю. С. Степанова и Н. Н. Казанского. М.: *Прогресс — Универс*, 1995. Пер. Б. П. Нарумова.
- Burykin A. A., Popov V. A. 2020: *Russkaya terminologiya rodstva i svojstva. Istoricheskaya dinamika, aksiologicheskie polya*. [Russian terminology of kinship and affinity. Historical dynamics, axiological fields.] SPb.: Petersburg Oriental Studies Publishing House.
- Бурыкин А. А., Попов В. А. 2020: *Русская терминология родства и свойства. Историческая динамика, аксиологические поля*. СПб: Издательство Петербургское Востоковедение.
- Cawley, Ch. 2015: Was My Aunt Her Grandmother's Niece? A Guide To Relationship Terms In Medieval Latin. *Foundations* 7, 25–53.
- Gamkrelidze T. V., Ivanov Vyach. Vs 1984: *Indoevropskij yazyk i indoevropcy: rekonstrukciya i istoriko-tipologicheskij analiz prayazyka i protokul'tury* [Indo-European language and Indo-Europeans: reconstruction and historical-typological analysis of the proto-language and proto-culture] [in 2 parts], Tbilisi: Publishing house of Tbilisi University.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. 1984: *Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры* [в 2 ч.], Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та.
- Gates, H. P. 1971: *The kinship terminology of Homeric Greek*. *Memoir 27 of the International Journal of American Linguistics*. Baltimore: Waverly Press.
- Girenko, N. M. 1986: [Synchrony and diachrony (toward the question of interpreting cultural phenomena)]. In: Iu. V. Knorozov (ed.). *Drevnie sistemy pis'ma. Etnicheskaya semiotika*. [Ancient writing systems. Ethnic semiotics.] М.: Nauka, 6–27.
- Гиренко Н. М. 1986: Синхрония и диахрония (к вопросу об интерпретации явлений культуры). В сб.: Ю. В. Кнорозов (ред.). *Древние системы письма. Этническая семиотика*. М.: Наука, 6–27.
- Girenko, N. M. 1980a: [Dual Organization and Turano-Ganowan Systems: Towards the Question of Statics and Dynamics in Social Structure]. In: *Africana. AEC*. SPb.: MAE RAS. 2, 101–128.

- Гиренко, Н. М. 1980а: Дуальная организация и турано-ганованские системы: К вопросу о статике и динамике в социальной структуре. В сб.: *Africana. АЭС*. СПб.: МАЭ РАН. 2, 101–128.
- Girenko, N. M. 1980b: [Classificatory principle and periodization of the evolution of kinship systems. Towards the question of sociogenesis in the primary formation]. In: *Africana. AEC*. St. Petersburg: MAE RAS. 2, 6–23.
- Гиренко, Н. М. 1980б: Классификаторский принцип и периодизация эволюции систем родства. К вопросу о социогенезе в первичной формации. В сб.: *Africana. АЭС*. СПб.: МАЭ РАН. 2, 6–23.
- Girenko, N. M. 2000: [A few remarks on the theory and methodology of idenetic reconstruction of kinship term systems]. In: V. A. Popov (ed.). *Algebra rodstva. [Algebra of kinship]* SPb.: MAE RAS. 5, 53–57.
- Гиренко, Н. М. 2000: Несколько замечаний о теории и методологии иденетической реконструкции систем терминов родства. В сб.: В. А. Попов (ред.). *Алгебра родства*. СПб.: МАЭ РАН. 5, 53– 57.
- Girenko, N. M. 2004: *Sociologiya plemeni: Stanovlenie sociologicheskoy teorii i osnovnye komponenty social'noy dinamiki*. [Sociology of the Tribe: Formation of Sociological Theory and Main Components of Social Dynamics]. SPb.: Carrilon.
- Гиренко, Н. М. 2004: *Социология племени: Становление социологической теории и основные компоненты социальной динамики*. СПб.: Carrilon.
- Guminov, P. S., Moiseeva, S. A. 2010: Diachronic analysis of kinship terms in Western Romance languages. In: *Aktual'nye problemy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki i optimizacii prepodavaniya inostrannyh yazykov : pamyati prof. R. G. Piotrovskogo : materialy II Mezhdunar. nauch. konf* [Actual problems of theoretical and applied linguistics and optimization of foreign language teaching: in memory of Prof. R. G. Piotrovsky : proceedings of the II Intern. scientific conference,] *Togliatti, 5–7 Oct. 2010*. Togliatti, 237–243.
- Гуминов, П. С., Моисеева, С. А. 2010: Диахронический анализ терминов родства в западно- романских языках. В сб.: *Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизации преподавания иностранных языков : памяти проф. Р. Г. Пиотровского : материалы II Междунар. науч. конф., Тольятти, 5–7 окт. 2010 г.* Тольятти, 237–243.
- Dole, G. 1969: Generation Kinship Nomenclature as an Adaptation to Endogamy. *Southwestern journal of Anthropology* 25 (2), 105–123.
- Du Cange, Ch. et al. 1883–1887: *Glossarium mediae et infimae Latinitatis*. Niort: L. Favre. searchable full-text online edition, by the École nationale des chartes (23.04.2025)

- Dybo, A. V., Kullanda, S. V. 2005: [Nostratic Terminology of Kinship and Affinity]. In: V. A. Popov (ed.). *Algebra rodstva*. [Algebra of kinship.] SPb.: MAE RAS. 9, 5–31.
- Дыбо, А. В., Кулланда, С. В. 2005. Ностратическая терминология родства и свойства. В сб.: В. А. Попов (ред.). *Алгебра родства*. СПб.: МАЭ РАН. 9, 5–31.
- Dzibel, G. V. 1998: [Kinship term and kinship term system: linguistic context in relation to ethnographic one]. In: V. A. Popov (ed.). *Algebra rodstva*. [Algebra of kinship.] SPb.: MAE RAS. 2, 89–134.
- Дзибель, Г. В. 1998: Термин родства и система терминов родства: лингвистический контекст в отношении к этнографическому. В сб.: В. А. Попов (ред.). *Алгебра родства*. СПб.: МАЭ РАН. 2, 89–134.
- Dzibel, G. V. 2001: *Fenomen rodstva. Prolegomeny k ideneticheskoj teorii*. [The Phenomenon of Kinship. Prolegomena to idenetic theory]. SPb.: MAE RAS.
- Дзибель, Г. В. 2001: *Феномен родства. Прологомены к иденетической теории*. СПб.: МАЭ РАН.
- Dzibel, G. V. 2006a: Kinship Systems, Linguistic Classification, and Language Typology: Contributing to the Modern Human Origins Debate. *105th American Anthropological Association Meetings, San Jose, CA, November 15–19, 2006* https://www.academia.edu/110844441/Kinship_Systems_Linguistic_Classification_and_Language_Typology_Contributing_to_the_Modern_Human_Origins_Debate (25.04.2025)
- Dzibel, G. V. 2006b: Reconstructing «our» kinship terminology (Comments on the Indo-European material in A. V. Dybo and S. V. Kullanda's The Nostratic terminology of kinship and affinity). In: V. A. Popov (ed.). *Algebra of kinship*. SPb.: MAE RAS. 11, 4–92.
- Dzibel, G. V. 2012: [Annotated interdisciplinary bibliography of scientific literature in Russian on kinship, kinship systems, kinship term systems, family and clan organization and marriage (with additions of literature in the languages of the former Soviet Union and Bulgaria), 1835–2012]. In: V. A. Popov (ed.). *Algebra rodstva*. [Algebra of Kinship.] St. Petersburg: MAE RAS. 13, 243–364.
- Дзибель, Г. В. 2012: Аннотированная междисциплинарная библиография научной литературы на русском языке по родству, системам родства, системам терминов родства, семейно-родовой организации и браку (с добавлениями литературы на языках бывшего Советского Союза и Болгарии), 1835–2012. В сб.: В. А. Попов (ред.). *Алгебра родства*. СПб.: МАЭ РАН. 13, 243–364.
- Dzibel, G. V. 2019: [Ethnicity and kinship in ethnography, ethnology, anthropology; from interdisciplinarity of the subject to self-determination of the discipline]. In V. A. Popov (ed.). *Algebra*

- rodstva*. [Algebra of Kinship.] St. Petersburg: SPbNTs RAN; ANO «КИО». 17, 1–21.
- Дзибель, Г. В. 2019: Этничность и родство в этнографии, этнологии, антропологии; от междисциплинарности предмета к самоопределению дисциплины. В сб.: В. А. Попов (ред.). *Алгебра родства*. СПб.: СПбНЦ РАН; АНО «КИО». 17, 1–21.
- Kazansky N. N. *Problemy leksikologii latinskogo yazyka*. [Problems of lexicology of the Latin language.] - St. Petersburg: Nauka, 2022.
- Казанский Н. Н. *Проблемы лексикологии латинского языка*. — СПб.: Наука, 2022.
- Kriukov, M. V. 1972: *Sistema rodstva kitajcev. (Evoljuciya i zakonomernosti)*. [The Kinship System of the Chinese. (Evolution and patterns).]. М.: Nauka.
- Крюков, М. В. 1972: *Система родства китайцев. (Эволюция и закономерности)*. М.: Наука.
- Kullanda, S. 2001: Indo-European “kinship terms” revisited. *Current Anthropology* 43 (1), 89–111.
- Lowie, R. 1928: A Note on Relationship Terminologies. *American Anthropologist* 30, 263–267.
- LSJ — Liddle, H. G., Scott, R., Jones H. S. 1996: *A Greek-English Lexicon*. Oxford: Clarendon Press.
- Milanova, V. V. 2014: *Proto-Indo-European kinship terms*. Verfasserin Veronika Milanova angestrebter akademischer Grad Master of Arts (MA). Wien. <https://theses.univie.ac.at/detail/30150> (6.05.2025).
- Milanova, V. V. 2018: [Proto-Indo-European kinship terms on *-ter and age-grades]. In: V. A. Popov (ed.). *Algebra of kinship*. SPb.: SPbNTs RAN; ANO «КИО». 16, 70–97.
- Миланова В. В. 2018: Праиндоевропейские термины родства на *-ter и возрастные степени. В сб.: В. А. Попов (ред.). *Алгебра родства*. СПб.: СПбНЦ РАН; АНО «КИО». 16, 70–97.
- Milanova, V. V. 2020: *Kinship and Affinity in Indo-European: Universal, Inherited, Contact, and Area Specific Features of Indo-European Kinship Terms (with a Special Focus on the Iranian Branch)*, verfasst von / submitted by Veronika Milanova, MA angestrebter akademischer Grad / in partial fulfilment of the requirements for the degree of Doktorin der Philosophie (Dr. phil.) Wien.
- Morgan, L. H. 1871: *Systems of Consanguinity and Affinity of Human Family*. Washington.
- Ogawa, J. 2018: Kinship terminology in the Greater Hindu Kush. <https://su.diva-portal.org/smash/get/diva2:1220979/FULLTEXT02.pdf> (25.04.2025)
- OLD — Glare P. G. W. 1968: *Oxford Latin Dictionary*. Oxford: Clarendon Press.
- Olderogge, D. A. 1983: *Malajskaya sistema rodstva*. [The Malay kinship system]. In: D. A. Olderogge. [Epigamy. Selected works.] Moscow: Nauka, 131–179.

- Ольдерогге, Д. А. 1983: Малайская система родства. В сб.: Д. А. Ольдерогге. *Эпигамия. Избранные труды*. М.: Наука, 131–179.
- Pali-English dictionary, <https://dsal.uchicago.edu/dictionaries/pali/> (10.05.2025).
- Popov, V. A. 2014: *Algebra rodstva i vlasti. Issledovaniya po antropologii rodstva i politicheskoy antropologii*. [Algebra of Kinship and Power. Studies on the anthropology of kinship and political anthropology]. Moscow; SPb.
- Попов, В. А. 2014: *Алгебра родства и власти. Исследования по антропологии родства и политической антропологии*. М.; СПб.
- Popov, V. A. 2015: Systems of kinship terms. Bolshaya russiyskaya encyclopedia. [The Great Russian Encyclopedia.] 30. Moscow, 303
- Попов, В. А. 2015: Системы терминов родства. *Большая российская энциклопедия*. 30. Москва, 303.
- Pringle, J. M. 1993: *Hittite kinship and marriage: a study based on the cuneiform texts from 2nd millenium Boğazköy*. PhD thesis. SOAS, University of London. DOI: <https://doi.org/10.25501/SOAS.00018018>
- [Sanskrit Dictionary] Словарь санскрита <https://www.learnsanskrit.ru/> (10.05.2025)
- Serangeli, M. 2020: Kinship Terms in the Anatolian Languages. In: B. N. Whitehead, B. Olsen, J. B. Jacquet (eds.). *Kin, Clan, and Community in Indo-European Society*. Copenhagen Studies in Indo-European 9. Copenhagen: Museum Tusculanum, 181–218.
- Szemerényi, O. 1977: Studies in the kinship terminology of the Indo-European languages. *Acta Iranica* (Varia 1977). Leiden: Brill.
- Suryanarayan, Kh. 2021: Neelakshi Suryanarayan and Amr Khalil Kinship terms as indicators of identity and socialreality: A case study of Syrian Arabic and Hindi. *Russian Journal of Linguistics* 25 (1), 125–146. https://www.researchgate.net/publication/350923759_Kinship_term_s_as_indicators_of_identity_and_s_ocial_reality_A_case_study_of_Syrian_Arabic_and_Hindi (8.05.2025).
- Taşbaş, E. 2019: The Turkic kinship system. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 72 (2), 245–258 <https://real.mtak.hu/94891/1/062.2019.72.2.6.pdf> (10.05.2025).
- TLG — Thesaurus Linguae Graecae <http://stephanus.tlg.uci.edu/index.php>
- TLL — Thesaurus Linguae Latinae <https://publikationen.badw.de/en/thesaurus/lemmata?#93665>
- Vaan, M. de. 2008: *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden: Brill.
- Wolfe, S. J. 1986: On terms of consanguineal kinship in Proto-Indo-European. *Paper in Linguistics* 19 (4), 425–447.

А. В. Жугра

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
ajugra@rambler.ru

ПОЧЕМУ ГЕРОИ АЛБАНСКОГО ЭПОСА ТАК ЧАСТО ПЬЮТ ВОДУ?

В статье анализируется употребление сочетания *pi ujë* ‘пить воду’ в текстах героического албанского эпоса, высокая частотность появления которого объясняется пониманием воды как основы жизнедеятельности человека, закрепленным в оппозиции *pi ujë* ~ *s'pi ujë* ‘пить воду ~ не пить воду’.

Ключевые слова: албанский, эпос, вода, пить.

A. V. Zhugra

Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia. ajugra@rambler.ru

Why do heroes of Albanian epic drink water so often?

The article analyzes the use of the combination *pi ujë* ‘to drink water’ in the texts of the heroic Albanian epic. The high frequency of this combination is explained by the understanding of water as the basis of human life, fixed in the opposition *pi ujë* ~ *s'pi ujë* ‘to drink water ~ not to drink water’.

Keywords: Albanian, epic, water, drink.

Тема воды, предстающей как важный элемент поэтики во многих эпических традициях, явилась предметом анализа целого ряда исследований, в том числе сопоставительного характера (напр. Торогова 2016). Однако мотив питья воды является, видимо, достаточно редким и в таких исследованиях почти не обсуждается. Своеобразную интерпретацию мотива «герой пьет воду» находим в албанской эпической традиции.

Водная стихия обильно представлена в албанском героическом эпосе. Она реализуется в таких достаточно частотных лексемах, как *ujë* ‘вода’ — 115 словоупотреблений (далее с/у), *gurrë* ‘родник’ — 50 с/у, *krua* ‘источник’ — 66 с/у, менее частотных *lum* ‘река’ — 20 с/у, *det* ‘море’ — 13 с/у, единичных *akull* ‘лед’, *breshër* ‘град’, *shi* ‘дождь’. Лексема *ujë* чаще всего выступает в глагольном сочетании *pi ujë* ‘пить воду’, но также и в естественно ожидаемых *jap ujë* ‘дать воды’, *kerkoj ujë* ‘просить/искать воды’, *bie ujë* ‘принести воды’, *mbush ujë* ‘сходить за водой, принести воды’. Субъектом сочетания *pi ujë* ‘пить воду’ в большинстве случаев является именно герой

повествования, но им может быть также богатырский конь, невеста богатыря, горная фея зана.

Присутствие *воды* и *питье воды* фиксируется нарратором при описании целого ряда ситуаций — как повседневных бытовых, так и экстремальных, особенных.

ОБЫДЕННЫЕ СИТУАЦИИ

Вода привычно присутствует при обычной трапезе, например, в описании ужина у горных фей — у зан: *Kin shtrue buken e po hanë, / kin shtrue pijen e po pinë* (1: 194–195) ‘Разложили еду (букв. хлеб) и едят, / выставили питье и пьют’, а девушка-пленница им прислуживает: *nusja aspak n’ trevesë s’ po ulet / po u sillë uj e po u then bukë* (1: 196–197) ‘девушка за стол не садится / но подает им воду и преломляет хлеб’.

Находясь в своем доме, герой повествования пил вино, опьянел, и ему захотелось воды. Он велит своей дочери быстро принести воды, потому что: ... *se un du për me pi, / m’ka marrë dëshiri tash për uj të kritë* (51: 9–13) — (в зачине песни): ‘... потому что я хочу пить, / меня сейчас охватило желание [выпить] воды холодной как лед’. Аналогично и зана испытывает жажду и требует: *do uj të ftoftë mue me ma pru!* (90: 73) ‘холодной воды мне принеси’.

Поскольку жажда является столь привычным явлением повседневной жизни героев, она легко может быть использована как не вызывающий сомнений предлог отлучиться на время из дома, что и делает плененная занами девушка: — *A mer vesht, ori nanë, / po shkoj te kroni uj me marrë, / se etja vend nuk asht tue më lanë.* (90: 113–115) ‘А знаешь, матушка, / пойду-ка я к источнику воды набрать, / потому что жажда меня не оставляет’.

Жена, чтобы успокоить своего легкомысленного мужа, заключившего опасное пари, подает ему еду и *ujë me pi me tasin e bilurit* (48: 103) ‘воды попить в чашке из фарфора’.

В долгом пути по горам герои обычно делают остановку, чтобы отдохнуть и напиться воды из горного источника, и отступление от этого правила воспринимается как нечто необычное. Вот сваты главного героя так спешат за невестой, что не остановились даже *as ndër gurra uj me pi, / as ndër mrize me pushue* (1: 37–38) ‘ни у родника воды попить / ни в тени отдохнуть’.

Остановившись на отдых, богатыри непременно должны и коней своих напоить, — надо спуститься к реке, чтобы *gjoqut uj me i dhanë* (6: 39–42) ‘дать воды коню’.

Просьба дать воды напиться используется как повод для начала коммуникации. Желая похитить девушку, молодой богатырь изображает сильную жажду и просит воды: *Ne kujtosh sevapin e zotit, / nji tas **uj** ma bjen **ta pi**, / se buza gjak prej ethesh m'u ka plasë* (17: 55–57) ‘Ради господ бога, / принеси мне стакан воды попить, / губы в кровь потрескались от жажды’;

Отказать в такой просьбе значило бы нарушить нормы вежливого поведения в обществе: *na ktij djalit **uj mos me i dhanë**, / të tanë Jutbinën po e korisim* (12: 93–94) ‘если мы этому юноше не дадим воды, / всю Ютбину опозорим’.

Со стороны девушки предложение богатырю напоить его коня также выступает как предлог завязать знакомство. Чтобы завлечь славного богатыря *Çika tu kroni kanka shkue, / çika Zukut atherë i ka thanë*: — *Zdripi dorisë e epi **uj me pi**!* (89: 94–96) ‘Девушка к источнику пошла, / девушка Зуку тогда сказала: — Слезай с коня и дай гнедому воды попить’.

ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ

Получивший тяжелое ранение герой испытывает сильную жажду и просит свою сестру: — *Ala shpirti, moter, nuk më ka dalë, / me ma pru do **ujë per me pi*** (73: 16–17) ‘Пока душа моя меня еще не покинула, / принеси мне сколько-нибудь воды попить’.

Слишком быстрая езда, стремительная и долгая скачка на коне тоже вызывают сильную жажду. Как объясняет Хюса Радоица, он с такой стремительностью проскакал дорогу, что от этого его охватила неодолимая жажда, и он просит *me m'dhanë **uj, nuse, me pi**!* (12: 88) ‘дай мне, девушка, воды попить!’.

Вода нужна, чтобы смыть кровь с лица во время поединка. Когда два противника равны по силам и их противостояние длится слишком долго, возникает необходимость сделать передышку. Один из участников предлагает остановить на время схватку и тогда *edhe nusja **uj do të na bijnë** / e faqesh të dy po lahena, / njikta gjak syve ta hjekim / e në mejdan prap po çohena* (12: 248–251) ‘девушка принесет нам воды, / и мы оба омоем лицо, / эту кровь с глаз уберем / и снова выйдем на мейдан’.

К экстремальным ситуациям относится также испытание на выносливость. Спор между братьями о том, кто из них больший богатырь, решается просто: мать велит им отправиться в горы и находиться там максимально долго, и кто дольше продержится без еды и питья, тот и лучший. Младший брат не выдерживает испытания, он жалуется, что душа его вот-вот покинет тело, он

умоляет брата: — *A din, Mujo, kund ndoi gurrë me uj? <...> Ndo po m'çon, Mujo, **uj me pi**, / ndo po e theri gjogun thikë në bri, / gjakun gjogut të tanë me ja pi.* (26: 175, 177-179) ‘Не знаешь ли, Муйо, здесь какого-нибудь родника с водой? <...> Или отведи меня, Муйо, воды напиться, / или я ударю коня ножом в ребро, / [чтобы] всю кровь коня выпить’, а также (84: 94–98).

КАК ПОЭТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ ПОВЕСТВОВАНИЯ

Вне экстремальных случаев ситуация «питье воды у источника» используется нарратором для обозначения поворота в развитии событий в повествовании. Такой поворот может быть связан либо с тем, что, напившись воды, герой засыпает у источника, либо с тем, что он забывает здесь свое ружье.

Уставший в пути богатырь решил отдохнуть, он ***uj në gurrë asht ulë e ka pi*** ‘присел у родника и выпил воды’, но снежная вода «на сердце пала» и *gjumi i randë tu gurra e ka marrë* (13: 47, 52) ‘сон тяжелый его охватил’, ср. также (26: 216–219). Заснувшего героя славы берут в плен и заточают в темницу.

Вернувшийся за своим ружьем Муйо, едва только наклонился к роднику ***uj me pi*** ‘воды напиться’, как суровая ора¹ напомнила ему о долге покарать недруга: — *Mos, o zot, ktu **uj me pi**, / pa i pre kryet Behur Kapedanit!* (6: 265–266) — ‘Нет, никакой воды тут не пить, / пока не снесешь голову Бехури Капедану!’.

Способность героев выпить большое количество воды используется нарратором как гипербола при описании их богатырской мощи. Вот достигли богатыри источника и: *Ujë Halili kur **ka pi**, / fort pak ujë per gurrë po vje. / Qatherë Muja **ujë ka pi**, / kurr 'i pikë per gurrë nuk vje.* (101: 39–42) ‘Когда Халиль воду пил, / очень мало воды в родник приходит. / Затем Муйо воду пил, / ни одной капли в родник не приходит’.

Как можно видеть, нарратор охотно использует сочетания ***pi ujë*** при характеристике поведения главных героев — богатырь утоляет постоянную жажду и пьет воду на отдыхе в долгом пути, при тяжелом ранении, во время кровопролитного поединка, при обычной трапезе, при встрече с девушкой у родника.

¹ Ора (алб. *orë*, опред. форма *ora*) — мифологические существа, напоминающие по своим функциям ангела-хранителя (Elsie). В албанском эпосе оры постоянно сопровождают героев, помогая им в поединках, дают советы.

Феномен высокой частотности сочетания *pi ujë* в албанском эпосе можно было бы объяснить стремлением нарратора к более объективному «показу действительности», его желанием представить зримо и в деталях бытование эпического героя. Но такой подход означал бы, с нашей точки зрения, упрощение вопроса, поскольку его объяснение лежит в другой плоскости и связано с пониманием и осознанием воды как важнейшей и необходимой составляющей жизнедеятельности человека.

В ментальности албанского народа понятие *pi ujë* не стоит в ряду обычных глагольных сочетаний, но выступает как второй член оппозиции *pi ujë* ~ *s'pi ujë* 'пить воду ~ не пить воду', приобретшей в пословицах и фразеологии свои метафорические значения. Данная оппозиция выражает соответственно понятия *норма* ~ *ненорма*, т. е. нормально функционирующий субъект, полный сил и деятельный ~ потерявший свою полноценность субъект, ущербный, не имеющий в глазах окружающих никакого значения (Zhugra, Domosiletskaya 2025).

Помещая своего героя в самые разные ситуации, нарратор настойчиво повторяет такую деталь, как питье им воды, что должно свидетельствовать о неубывающей и постоянно подкрепляемой мощи и силе богатыря.

Литература

- Elsie R. 2001: A dictionary of Albanian Religion, Mythology and Folk Culture. New York University Press.
- Epika — Folklor shqiptar, II. Epika legjendare, vëll. i parë. Tiranë, 1966.
- Zhugra A. V., Domosiletskaya M. V. 2025: [Water as a part of human life activity and the metaphorization of the phrase PI UJË «to drink water» (on the material of Albanian paremys)]. In: *Staroye i novoye/molodoye v lingvokulturnom prostranstve Balkan*. [Old and New/Young in the Linguocultural Space of the Balkans]. Moscow: Institute of Slavic Studies, 167–172.
- Жугра А. В., Домосилецкая М. В. 2025: Вода как часть жизнедеятельности человека и метафоризация сочетания *pi ujë* 'пить воду' (на материале албанских паремий). В: *Старое и новое/молодое в лингвокультурном пространстве Балкан*. М.: Институт славяноведения РАН, 167–172.
- Топорова Т. В. 2016: "Man & Water" in the Epic (based on the "Elder Edda" and Russian epics). *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and classical philology], XX (2), 984–999.
- Топорова Т. В. 2016: «Человек & вода» в эпосе (на материале «Старшей Эдды» и русских былин). *Индоевропейское языкознание и классическая филология* — XX (2), 984–999.

Я. Л. Забудская

МГУ им. М. В. Ломоносова / Совместный университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне,
Москва, Россия. yanazabud@mail.ru

«(НЕ)ТРАГИЧЕСКИЙ» ОРЕСТ В ГРЕЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В работе рассматриваются пути появления в позднегреческой паремиологии фразеологизма с именем Ореста. Традиция связывает возникновение двух фразеологизмов, содержащих имя «Орест», с реальным разбойником, притворявшимся безумным; в том же контексте в компендиуме Христидиса рассматривается и третий фразеологизм, восходящий к корпусу «Эзоповых паремий». Однако сходство «паремии» с двустушием из «Ореста» Еврипида (395–6) показывает, что она является измененной фразой из трагедии, и объяснения про известного разбойника здесь очевидно излишни, а отделение поговорки от ее трагических корней — ошибочно. Рассмотренный случай интересен тем, что он указывает на тенденцию разрыва связи между паремией и ее литературным источником. Можно предположить, что в данном случае мы имеем дело не с поговоркой, а с «крылатым выражением» в процессе оформления его «крылатости», то есть отрыва от первоисточника.

Ключевые слова: фразеология, паремиография, схолии, литературная традиция

Y. L. Zabudskaya

Moscow State University, MSU-BIT University in Shenzhen.
Moscow, Russia. yanazabud@mail.ru

“(Non)tragic” Orestes in Greek phraseology

The paper explores the possible ways of appearance of proverb with the name of Orestes in late Greek paremiology. Tradition (scholia to Aristophanes, Suidas, Apostolius) connects the emergence of two phraseologisms containing the name “Orestes” not with a tragic character of Aeschylus or Euripides, but with a real robber who pretended to be insane; in the same context, the compendium of Christidis cites the third phraseologism, dating back to the corpus of “Παροιμια Αισώπου”. However, the similarity of the “paroimia” with two verses from Euripides’ Orestes (395–6) indicates that it is a modified phrase from the tragedy, which vividly illustrates the idea of conscience, remorse and retribution. The explanations that refer to the famous robber are obviously superfluous, and the separation of the proverb from its tragic roots is erroneous. The case is interesting because it indicates a tendency to break the connection

between the proverb and its literary source. It is thus certain that the phrase under discussion is not a proverb, but rather a “winged expression” in the process of acquiring its “wingedness”, i.e. detaching from its original source.

Keywords: phraseology, paremiography, scholia, literary tradition

В сложившемся корпусе древнегреческих паремий, обобщенном в недавнем издании Христидиса (Christidis 2023), трагедия находит свое отражение в разных формах. Это, во-первых, фразеологизмы, содержащие соответствующую лексику и реалии: например, рассуждение Демокрита *ὁ κόσμος σκηνή, ὁ βίος πάροδος· ἦλθες, εἶδες, ἀπῆλθες* (frg. 84), одно из первых проявлений концепта «мир-театр» (Zabudskaja 2020: 26), очевидно повлиявшее на знаменитую фразу Цезаря, пусть и по форме, а не по смыслу. Во-вторых, некоторые фразеологизмы представляют собой цитаты (чаще всего это одна строка ямбического trimetra) и перифразы (искаженные цитаты, трагическое происхождение которых иногда можно проследить только благодаря комментарию паремиографа).

Отдельно следует отметить ряд коротких идиом, сложившихся к концу античности, содержащих имя трагического персонажа и отражающих осмысление сюжета трагедий или отдельных характеров: *Ἀθηνᾶς ψῆφος* «камешек Афины», *σωφρονέστερος Ἴππολύτου* «мудрее Ипполита», *βάλλ' ἐς Μακαρίαν* «отправляйся к Макарии» и т. п. Эти идиомы оказываются напрямую связанными с драматической интерпретацией мифа: эпизод с возглавляемым Афиной судом Ареопага вводит Эсхил, мотив «неразумия» Ипполита — это трактовка его ошибки-«гамартии» в еврипидовской версии сюжета, равно как и жертвоприношение Макарии в «Гераклидах». Семантика этих идиом определяется прежде всего именем собственным (в современной фразеологической терминологии — онимом). Учитывая важность трагических текстов для позднеантичной пайдеи, можно предположить, что появление соответствующего онима в качестве компонента позволяет отнести соответствующую фразеологическую единицу (ФЕ) к области трагедии.

Любопытной и неожиданной оказывается трактовка в античной паремиографии имени Ореста. В компендиуме Христидиса (Christidis 2023:177–178) с этим именем связаны 3 поговорки: 1) *Ὁρέστα τίς σε ἀλώλεσεν; ἡ ἰδία μου συνείδησις*

2) Ὀρέστη χλαῖναν ὑφαίνει 3) Ὀρέστης ὁ ἐν ὄρεσι διαιτώμενος. Источником первой указаны Эзоповы басни (89 в нумерации Перри), второй — словарь Суда (о 538) с отсылкой к «Птицам» Аристофана (712), третьей — тот же Суда (о 537), а также собрание паремий Апостолия. Все три получают сходный комментарий: это не сын Агамемнона, а известный грабитель. Объяснение это почерпнуто у Суды (οὐχὶ δὲ τῷ Ἀγαμέμνονος, ἀλλὰ λωποδύτῃ τινί).

Если же обратиться к источникам, то мы увидим, что у Суды Ὀρέστης ὁ ἐν ὄρεσι διαιτώμενος — не столько поговорка, сколько толкование имени (Ὀρέστης — ὁ ἐν ὄρεσι), встречающегося у Аристофана (в «Ахарнях» 1167 εἴτα κατεάξειε τίς αὐτὸν τῆς κεφαλῆς Ὀρέστης μαϊνόμενος *а потом расколотит ему голову какой-нибудь безумный Орест*); поскольку у Аристофана есть μαϊνόμενος, нам объясняется, что речь идет о грабителе, который притворялся безумным: οὗτος προσποιούμενος μαῖαν τοὺς παριόντας ἀπέδυνεν: ἦν γὰρ λωποδύτης. Далее Суда разъясняет уже не этимологию, а метафорическую семантику этого имени: Орест — также значит безумствующий (κατὰ προσωνομίαν, ἀντὶ τοῦ μαϊνόμενος ὡς ὁ Ὀρέστης). У Апостолия же Ὀρέστης ὁ ἐν ὄρεσι διαιτώμενος — это поговорка, применяемая к грабителям, ἐπὶ τῶν λωποδυτούντων (Leutsch, Schneidevin 1851: 568).

Суда рассматривает именно как поговорку (παροιμία) Ὀρέστη χλαῖναν ὑφαίνειν *«шить хлену для Ореста»* — это и есть цитата из «Птиц» (Aristoph. Av. 713). Похоже, все это дает нам возможность увидеть «кухню» поздней византийской паремиографии: в поисках «паремий» Апостолий обнаружил это слово у Суды и превратил в «паремию» начало словарной статьи об Оресте, обитающем в горах, вместо цитаты, которую приводит в качестве поговорки Суда. Этот частный пример позволяет в том числе объяснить расхождения в перечнях в ранней и поздней паремиографии: поздние паремиографы стремятся сказать «свое слово» и ищут новые паремии, находя их в том числе и там, где их нет.

Схолий к соответствующей строке «Птиц» Аристофана почти дословно совпадает с Судой. В схолии к 1487 появляется имя отца этого «нетрагического» Ореста — Тимократ, и уточняется, что наш разбойник предпочитал действовать ночью (White 1915: 266). Так разъясняется аристофановское νύκτωρ. Обилие подробностей и тоекратное упоминание (в «Ахарнях»

нах» 1167 и два раза в «Птицах», 713 и 1487¹) заставляет поверить, что речь идет о реальном персонаже. Можно предположить, что именно контекст породил уточнение о ночных грабежах, но имя отца — подробность убедительная, хотя и не исключающая, что речь идет о комическом переосмыслении образа трагического героя (в особенности — персонажа одноименной трагедии Еврипида, где есть и безумие, и захват заложников). Хотя трагедия Еврипида, датируемая 408 г. до н.э., не может быть источником для «Ахарнян» (425) и «Птиц» (414), ее влияние предполагается в «Антропоресте» Страттида, сохранившемся во фрагментах (Miles 2009: 128, 319). Скорее всего, мотив безумия Ореста, обозначенный уже у Эсхила, повлиял на семантику имени (Орест = «безумный») и способствовал его «переносу» на разбойника (если имя Тимократ для эпохи классики неудивительно, то имя Орест подходит скорее как прозвище, так что трагический Орест так или иначе все равно проступает за фигурой грабителя). Во всяком случае, авторы современных комментариев предпочитают либо повторять, не вдаваясь в детали, схолий об Оресте-разбойнике, либо видеть в этих строках аллюзию на безумие трагического Ореста. Например, в комментарии к изданию Аристофана в «Литературных Памятниках» речь идет об Оресте, сыне Агамемнона, а столь важный для схолиаста «заменимый разбойник» даже не упоминается (Yarho 2000: 967, 989-991).

Тем не менее, первая из приведенных у Христидиса «паремий» вызывает большие сомнения в обоснованности толкования. Во-первых, басня 89 в перечне Перри (Perry 1952), «Гермес и Тиресий», хоть и говорит о воровстве, имени Ореста не содержит. Да и сам текст «паремии» на басню не похож. Это — изречение из числа так называемых «Эзоповых паремий», высказываний, сопровождающихся поучающим толкованием: Ὀρέστα, τίς σε ἀπώλεσεν; “ἡ ἰδίᾳ μου συνείδησις.” Ἑρμηνεία. Ἐκαστον ὑπεύθυνον ὧν πράττει κακῶς / Ὁ τρόπος ἀπελέγχει καὶ δῆλον ποιεῖ («Орест, кто тебя погубил? Моя собственная совесть»). Толкование: *Всякого ответственного за свершаемое зло/ Характер уличит и обнаружит*).

¹ 1487 в схолиях, 1490 по изданию Aristophanes Comoediae, ed. F. W. Hall and W. M. Geldart, vol. 2. F. W. Hall and W. M. Geldart. Oxford. Clarendon Press, Oxford. 1907.

Существует несколько собраний пословиц, приписываемых Эзопу: Παροιμίαι Αἰσώπου, вошедшие в классический Corpus paroemiographorum Graecorum (Leutsch, Schneidewin 1851: 228–230), так называемые «Мирские комедии Эзопа» (Αἰσώπου κοσμικαὶ κομῳδίαί), изданные В. К. Ернштедтом (Jernstedt 1893), и издание Московской рукописи (cod. Mosquensis 239) К. Крумбахера (Krumbacher 1900), дополненное тем же Ернштедтом (Jernstedt 1901) по Дрезденской рукописи (cod. Dresdensis D a 35), где в заглавие в качестве основного именованья вынесено λόγοι; наше высказывание входит в собрание Крумбахера под номером 76. Как видно, приписываемые Эзопу фразеологизмы именуются λόγοι, παροιμίαι и даже κομῳδίαί, хотя очевидно носят скорее характер «апофтегм» — «речений»-высказываний². В Московской и Дрезденской рукописях (представляющих собой часть одного манускрипта (Jernstedt 1901: 125–126)) «паремии» имеют двухчастную структуру: высказывание идиоматического характера, иногда схожее с фразами из других собраний, в частности из «мирских комедий» (Jernstedt 1901: 118), и его метризованное толкование. Это толкование, именуемое Ернштедтом «эрминией», восходит, видимо, к византийским комментариям, а сама поговорка (λόγος в терминологии Дрезденской рукописи) мыслится восходящей к Эзопу.

Христидис присоединяет эту Эзопову «паремию» (как уже было сказано, в самом издании этот тип высказываний характеризуется как «логос») к двум другим поговоркам с именем Ореста и толкует ее сходным образом: речь идет об ответственности за совершенные преступления, а Орест — это известный разбойник. Это вполне логично, кроме одного, но, как кажется, очень существенного обстоятельства: «паремия» очень похожа на цитату из «Ореста» Еврипида (395–6):

Μενέλαος Τίς σ' ἀπόλλυσιν νόσος;

Ὁρέστης Ἦ σύνεσις, ὅτι σύνοῖδα δεῖν εἰργασμένος.

Вопрос Менелая получил обращение и утратил указание на болезнь; в ответе Ореста σύνεσις и σύνοῖδα объединились в συνείδησις; но в целом и синтаксис, и лексика, и смысл остались неизменными. Таким образом, вполне возможно, что мы имеем дело с отредактированной фразой из трагедии, сюжет которой

² Терминологическая запутанность в древнегреческой паремиографии — отдельный и сложный вопрос, см. (Lelli 2023: 144–145).

ярко иллюстрирует представление об осознании своего проступка как форме возмездия, и объяснения про известного разбойника здесь очевидно излишни, а отделение поговорки от ее трагических корней — ошибочно.

Рассмотренный случай важен не тем, что он указывает на связь трагедии с паремиологией — она очевидна; но тем, что он указывает на интересную тенденцию разрыва этой связи. Семантика фразеологизма, содержащего оним, определяется культурным пространством, с которым оним соотносится. Греческая трагедия, весьма важная для культурного пространства вплоть до поздней античности, очевидно сдает позиции в Византии: имеющие хождения тексты сокращаются до «триад». Хотя «Орест» входил в еврипидовскую «триаду», восходящая к нему цитата утратила авторство и оказалась приписанной условному «Эзопу».

Очевидно, что отражение реалий афинской жизни V в. у настоящего Эзопа так же маловероятно, как и цитата из Еврипида. Ситуация также осложняется формой паремии, лишенной законченности и краткости звучания: большинство других высказываний из Эзопова корпуса, как и паремий в целом, имеют форму краткую, часто метризованную и легко запоминаемую, но в данном примере паремия оформлена как диалог, что крайне редко встречается в ФЕ, и утрачивает метрическую форму. Таким образом, можно предположить, что в данном случае мы имеем дело не с поговоркой, а с «крылатым выражением» в процессе оформления его «крылатости», то есть отрыва от первоисточника.

Литература

- Christidis, D. 2023: *Parimies ke parimiakes frasis tis ellenikis archeotitas*. [Proverbs and proverbial phrases of Greek antiquity] Institute of Modern Greek Studies of The Aristotle University of Thessaloniki. Χρηστίδης Δ. Α. *Παροιμίες και παροιμιακές φράσεις της ελληνικής αρχαιότητας*. Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών του Α.Π.Θ.
- Leutsch, Schneidevin, 1839–1851: *Corpus paroemiographorum graecorum*. Tomus I–II (I. Zenobius. Diogenianus. Plutarchus. Gregorius Cyprius. Cum appendice proverbiorum. II. Diogenianus. Gregorius Cyprius. Macarius, Aesopus. Apostolius et Arsenius. Mantissa proverbiorum). Ed. E. L. Leutsch et G. G. Schneidevin. Hildesheim.

- Jernstedt, V. K. 1893: [The Forgotten Greek Proverbs]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 23–48; 179–206.
- Ернштедт, В. К. 1893: Забытые греческие пословицы. *Журнал Министерства Народного Просвещения*, апрель-май 23–48; 179–206.
- Jernstedt V. K. 1901: [Aesop's Sayings in Moscow and Dresden]. *Vizantijskij vremennik* [Byzantine chronicles]. V. VIII, 115–130; 217–234.
- Ернштедт, В. К. 1901: Речения Эзопа в Москве и Дрездене. *Визант. Времен.*, т. VIII, 115–130; 217–234.
- Krumbacher, K. 1900: *Die Moskauer sammlung mitteligriechischer Sprichwörter*. München.
- Lelli, E. 2023: A History of the Proverb in Greece and Rome. Rome.
- Miles, S. 2009: Strattis, tragedy, and comedy. PhD thesis, University of Nottingham
- Perry, B. E. 1952: *Aesopica. Greek and Latin Texts*. Urbana.
- White, J. 1915: The Scholia on the Aves of Aristophanes: With an Introduction on the Origin, Development, Transmission, and Extant Sources of the Old Greek Commentary on His Comedies. Ginn.
- Yarho V. N. 2000: Comments. *Aristophanes. Comedies. Fragments*. Moscow. 960–1015.
- Ярхо, В. Н. 2000: Примечания. В: *Аристофан. Комедии. Фрагменты*. М. 960–1015.
- Zabudskaja Y. L. 2020: ["Life is a stage": the formation of theatrical terminology and imagery in Greek literature] In: *Rossiya i Greciya: yazykovye i kul'turnye svyazi* [Russia and Greece: linguistic and cultural connections] Moscow, 25–28.
- Забудская, Я. Л. 2020: «Жизнь есть сцена»: становление театральной терминологии и образности в греческой литературе. В сб.: *Россия и Греция: языковые и культурные связи*. М., 25–28.

Д. В. Зайцев
РАНХиГС при Президенте РФ / НИУ МФТИ. Москва, Россия.
dmitriyzaits@yandex.ru

САГУНТ И FIDES: НЕКОТОРЫЕ КОММЕНТАРИИ КО ВТОРОЙ ПЕСНЕ «ПУНИКИ» СИЛИЯ ИТАЛИКА*

В статье рассматриваются истоки одного из эпизодов осады Сагунта в поэме Силия Италика «Пуника». В поэме взятие города происходит в результате борьбы богини Fides и Тисифоны. Силий неоднократно называет Сагунт городом богини Fides, которая обеспечивает жителям, сохранившим верность союзному Риму, достойную гибель. В статье показано, что традиция о Сагунте как верном союзнике встречается уже у авторов I в. до н. э., причем уже является вполне сложившейся. Впоследствии этот мотив встречается у Тита Ливия, Валерия Максима и Лукана. Скорее всего, актуализации этого сюжета способствовала эпоха Гражданских войн. Таким образом, Силий заимствует уже существующую традицию, но творчески ее перерабатывает, превращая Сагунт в важный моральный образец для современников.

Ключевые слова: Силий Италик, Вторая пуническая война, Сагунт, Fides.

D. V. Zaytsev
RANEPA / Moscow Institute of Physics and Technology. Moscow, Russia.
dmitriyzaits@yandex.ru

Saguntum and Fides: some comments on the second song of the Silius Italicus' *Punica*

This article examines the origins of one of the episodes of the siege of Saguntum in the Silius Italicus' *Punica*. In the poem, the capture of the city occurs as a result of the struggle between the goddess Fides and Tisiphone. Silius repeatedly refers to Saguntum as the city of Fides, and it is this goddess who ensures that the inhabitants, who have remained loyal to allied Rome, receive a dignified death. The article shows that the tradition of Saguntum as a faithful ally is already found among authors of the 1st century BC, and is already well established. This motif is subsequently found in Titus Livius, Valerius Maximus and Lucan. Most likely, the era of

* Работа подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда «“Пуника” Силия Италика: перевод, исторические реалии, рецепция» (проект № 24-18-00445), реализуемого в Московском физико-техническом институте (национальный исследовательский университет).

the Civil Wars contributed to the actualization of this plot. Thus, Silius draws upon an earlier tradition, but creatively reworks it, turning Saguntum into an important moral example for his contemporaries.

Keywords: Silius Italicus, Second Punic War, Saguntum, Fides.

Одним из ярчайших эпизодов в поэме Силия Италика «Пуника» и далеко не последним достижением римской эпической поэзии в целом является описание осады испанского города Сагунта Ганнибалом, охватывающее первую и вторую книги поэмы. Эта часть «Пуники» уже не раз становилась объектом детального изучения в историографии¹. Исследователи видят в осаде Сагунта программный эпизод, раскрывающий моральное содержание «Пуники». Уже М. фон Альбрехт отметил, что Сагунт является воплощением самого Рима, а нападение на испанский город означает начало войны Ганнибалом. При этом, начало осады — это и первый шаг к падению самого Карфагена (Albrecht 1964: 25–28; Dominik 2003: 474–475). Подмечено было и то, что Силий уделяет сагунтскому эпизоду гораздо большее внимание, чем античные историки (Dominik 2003: 472).

Одним из ключевых эпизодов для понимания «Пуники» является сцена, где Геркулес, не имея возможности действовать самостоятельно², привлекает богиню Fides для помощи Сагунту, а Юнона повергает его жителей в безумие при помощи фурии

¹ Наверное, именно сагунтскому эпизоду уделяется наибольшее внимание в историографии. См. Albrecht 1964: 57–62, Vessey 1974; Kissel 1979: 97–99; Küppers 1986: 107–170; McGuire 1989; Feeney 1991: 307–308; Hardie 1993: 81–83; Dominik 2003; Dominik 2006; Cowan 2007; Marks 2010; Ariemma 2011.

² Отметим, что Силий является в целом нетипичным поэтом для эпохи Флавиев, поскольку обращается не к мифологическим сюжетам, а, скорее, продолжает традицию гражданского эпоса. Параллелям между Силием и Луканом посвящены многочисленные исследования (см. например, Marks 2010; Ariemma 2011). Однако включение в сюжет активно действующих богов является данью более ранней эпической традиции (Augoustakis 2010: 10; Feeney 1991: 301–312). К сожалению, у нас нет возможности оценить влияние на Силия «Анналов» Энния. Впрочем, в историографии выражаются сомнения, что какое-то влияние Энния на поэзию I в. н. э. после Овидия вообще имело место (Albrecht 2003: 172).

Тисифоны³. Предметом настоящей работы станет вопрос о том, когда именно мы можем зафиксировать в римской литературе тему особой верности сагунтян союзу с римлянами. То, что Силий не изобрел этот мотив, но взял из предшествующей традиции, уже отмечалось в историографии (Albrecht 1964: 58). Однако дальше указания самого факта и параллельных мест из нескольких предшественников поэта, прежде всего, Валерия Максима, исследователи не уходили.

Решение же вопроса о том, на какую традицию опирался Силий, представляя нам свой образ Fides и ее связь с Сагунтом, кажется немаловажным в двух контекстах. Во-первых, это может дать нам лучшее понимание формирования римской литературной традиции о второй пунической войне. Во-вторых, может пополнить наши знания о методах работы Силия Италика, дискуссия вокруг литературных качеств которого продолжается. Насколько Силий был самостоятелен, а насколько зависел от предшествующих авторов — это можно попробовать исследовать и на сагунтском сюжете.

Начнем, собственно, с описания событий у Силия Италика. Во второй песни Геркулес следующим образом обращается к Fides (Sil. II. 487–492):

exitiumne tuae dirum spectare Sagunti
et tot pendentem pro te, dea, cernere poenas
urbem lenta potes? moritur tibi uulgus, et unam
te matres uincente fame, te maesta uirorum
ora uocant, primaque sonant te uoce minores.
fer caelo auxilium et fessis da surgere rebus⁴.

Обращает на себя внимание то, что Геркулес называет Сагунт городом богини (tuae ... Sagunti) и указывает, что жители страдают ради богини (pro te, dea). Fides отвечает (Sil. II. 507–512):

³ Рассуждая о значении Fides в поэме, М. фон Альбрехт отмечает, что Сагунт является оплотом богини (Albrecht 1964: 25), сама же она ни в одном другом эпосе не играет столь важной роли, как в «Пунике» (Albrecht 1964: 55–62).

⁴ Ты можешь равнодушно смотреть на гибель твоего Сагунта и на город, который ради тебя несет столько кар? Ради тебя умирает народ, и, побежденные голодом, к тебе одной взывают матери и печальные уста мужей, и малые первым произносят твое имя. Приди на помощь с небес и дай подняться вновь от бессилия (пер. А. И. Любжина).

sed si cura, tua fundata ut moenia dextra
dignum te seruent memorando fine uigorem,
dedita nec fessi tramittant corpora Poeno:
quod solum nunc fata sinunt seriesque futuri,
extendam leti decus atque in saecula mittam
ipsaque laudatas ad manes prosequar umbras⁵.

После этого Fides внушает защитникам Сагунта новые силы для сопротивления карфагенянам и удерживает их от каннибализма, к которому те уже готовы были обратиться (Sil. II. 513–525). В ответ Юнона отправляет к защитникам города Эвмениду Тисифону, которая приводит город к падению⁶. Юнона называет это платой за верность: *hac mercede Fides constet delapsa per auras* (Sil. II. 525)⁷. Наконец, горожане сами истребляют себя и Силий горестно восклицает (Sil. II. 650–659):

Quis diros urbis casus laudandaque monstra
et Fidei poenas ac tristia fata piorum
imperet euoluens lacrimis? uix Punica fletu
cessassent castra ac miserescere nescius hostis.
urbs, habitata diu Fidei caeloque parentem
murorum repetens, ruit inter perfida gentis
Sidoniae tela atque immania facta suorum,

⁵ Но если тебя заботит, чтобы крепость, основанная твоей десницей, сохранила в памятном конце достойную тебя силу и в изнурении не сдалась бы пунийцу, — а рок и цепочка грядущего ныне позволяют только это — я распротру славу гибели и пошлю ее в века, и сама последую за достославными тенями вплоть до царства смерти (пер. А. И. Любжина).

⁶ Рассуждая о месте Тисифоны в «Пунике», исследователи приходят к выводу, что, по сути, ее действия помогают реализации плана Fides. Сагунтинцы, с одной стороны, под влиянием фурии отказываются от решимости сопротивляться до последнего человека, которую вдохнула в них Fides. С другой же стороны, они не сдаются противнику и сохраняют верность Риму, то есть приходят к тому самому результату, который желала видеть богиня. См. Vessey 1974: 34; Küppers 1986: 169–170; Feeney 1991: 307–308; Dominik 2003: 485–491. Иную трактовку предлагает Ф. Харди, акцентирующий внимание на том, что именно Тисифона провожает души сагунтян в Эреб. Исследователь заключает, что мы имеем дело с некоторой путаницей в сюжете у Силия. См. Hardie P. 1993: 81–83.

⁷ Пусть этой ценой они заплатят за Верность, которая спустилась к ним по воздуху (пер. А. И. Любжина).

iniustus neglecta deis: furit ensis et ignis,
quique caret flamma, scelerum est locus. erigit atro
nigramtem fumo rogos alta ad sidera nubem⁸.

Здесь снова акцентируются те же мотивы. Сагунт называется городом, где долго жила верность (*urbs, habitata diu Fidei*) и за эту верность получившим наказание (*Fidei poenas*). Как мы видим, Силий в кульминации осады переносит действие на божественный уровень, делая центральными действующими лицами не людей, а богов. При этом мы видим у него уже вполне разработанный сюжет покровительства Сагунту со стороны Fides.

Тему верности Сагунта мы впервые встречаем у авторов эпохи гражданских войн. Для ранней традиции это, как кажется, не было свойственно. Например, Полибий, подробно рассматривающий причины второй пунической войны, подходит к делу с традиционной для него прагматичностью и рассматривает юридические основания для начала конфликта. Он подвергает суровой критике историков, которые описывали споры в сенате после падения Сагунта (Polyb. III. 20), и не дает эмоциональных комментариев об этом событии. Отсутствие указаний Полибия на особую жестокость при взятии города и особую верность Риму, которую выказал Сагунт, можно считать слабым свидетельством в пользу того, что такая традиция была историку неизвестна. Ведь Полибий нередко пользуется возможностью упрекнуть своих предшественников в допущенных ошибках. Таким образом, мы могли бы ожидать от него комментариев по поводу историков, которые особенно подчеркивали бы верность Сагунта Риму. Впрочем, аргумент этот весьма слаб. Полибий мог не счесть необходимым приводить рассуждения других историков о сагунтском сюжете.

⁸ Кто мог бы овладеть своими слезами, разворачивая жуткую гибель города, чудовищные и славные дела, наказания за верность и печальный рок благочестивых? даже и пунийский лагерь едва остановил бы плач и отказался от сострадания, забыв, что это враг. Город, где долго жила Верность, создателем чьих стен был небожитель, рушится в окружении вероломного оружия сидонского племени, совершив великие дела: несправедливые боги пренебрегли им. Бушуют меч и огонь, и злодейство обретается в месте, где нет пламени. Костер вздымает до самых высоких светил черную дымную тучу (пер. А. И. Любжина).

Впервые, так или иначе, мы встречаем тему особой верности Сагунта в творчестве Саллюстия и Цицерона. В отрывках «Истории» Саллюстия мы читаем следующее: «Saguntini fide atque aerumnis incliti prae mortalibus, studio maiore quam opibus, quippe apud quos etiam tum semirutae moenia, domus intactae parietesque templorum ambusti manus Punicas ostentabant» (Sall. Hist. II. 64)⁹. Этот фрагмент относится к описанию событий Серторианской войны. Из сообщения Саллюстия очевидно, что в середине I в. до н. э. традиция об особой верности Сагунта уже существовала. Впрочем, римский историк подчеркивает не только верность сагунтинцев, но и бесполезность этой верности, поскольку их сил было явно недостаточно.

В текстах Цицерона тема Сагунта встречается неоднократно. В речи «В защиту Луция Корнелия Бальба» Цицерон называет сагунтинцев, в числе прочих, одними из давних и верных союзников римлян: «Sed, per deos immortalis, quae est ista societas, quae amicitia, quod foedus, ut aut nostra civitas careat in suis periculis Massiliensi propugnatore, careat Gaditano, careat Saguntino, aut, si quis ex his populis sit exortus qui nostros duces auxilio laboris, commeatus periculo suo iuverit, qui cum hoste nostro comminus in acie saepe pugnarit, qui se saepe telis hostium, qui dimicationi capitis, qui morti obiecerit, nulla condicione huius civitatis praemiis adfici possit?» (*Pro Balbo* 23)¹⁰. В «Парадоксах стоиков» Цицерон привлекает один из сюжетов традиции о Сагунте, оправдывая убийство сагунтинцами их родителей. «Patrem vita privare si per se scelus est, Saguntini, qui parentes suos

⁹ Сагунтинцы выдавались среди всех своей верностью и перенесенными страданиями, но больше проявляли свою верность усердием, чем силами, как люди, у которых полуразрушенные стены, непокрытые крышей дома и обожженные стены храмов говорили о хозяйничании пунических войск (пер. В. С. Соколова).

¹⁰ Но — во имя бессмертных богов! — что это за союзные отношения, что это за дружба, что это за союзный договор, при которых наше государство, находясь в опасном положении, лишается защитников в лице масилийцев, гадитанцев, сагунтинцев, и ни один человек из этих народов, если он, с опасностью для себя, помог нашим полководцам своим трудом, снабжением, не раз сражался с нашими врагами в рукопашном бою, часто грудью встречал копья врагов, бился с ними не на жизнь, а на смерть, подвергался смертельной опасности, — ни при каких условиях не может быть награжден дарованием ему прав нашего гражданства? (пер. В. О. Горенштейна).

liberos emori quam servos vivere maluerunt, parricidae fuerunt. Ergo et parenti non numquam adimi vita sine scelere potest et servo saepe sine iniuria non potest. Causa igitur haec, non natura distinguit; quae quoniam utro accessit, id fit propensius, si utroque adiuncta est, paria fiant necesse est»¹¹ (*Paradoxa Stoicorum* III. 24). Таким образом, и Цицерон, и Саллюстий упоминают особенную верность Сагунта Риму. Цицерону известна и традиция об убийстве сагунтянами родственников для их спасения от карфагенского плена.

Обратимся теперь к текстам эпохи империи. Тит Ливий — как считается, основной источник для Силия¹² — также отдельно подчеркивает верность города союзникам. «Ceterum in tantas breui creuerant opes seu maritimis seu terrestribus fructibus seu multitudinis incremento seu disciplinae sanctitate qua fidem socialem usque ad perniciem suam coluerunt»¹³ (Liv. XXI. 7. 3). Как видим, и здесь есть указание на верность союзникам (fidem socialem), которую проявляли жители. Гибель города, согласно Ливию, была результатом нежелания сагунтинцев соглашаться на условия мира, предложенные Ганнибалом. По сообщению историка жители сжигали ценности и до последнего вели безнадежное сражение с ворвавшимися в город карфагенскими войсками (Liv. XXI. 14). Разумеется, в историческом труде мы не встретим борьбы Fides и Тисифоны, но общая канва событий вполне совпадает с тем, что мы видим в «Пунике». В последующих частях труда Ливий подчеркивает незаслуженность судьбы Сагунта, оттолкнувшей от Рима некоторых союзников (Liv. XXI. 19. 9–11).

¹¹ Если лишение жизни отца является само по себе преступлением, то сагунтинцы, которые предпочли, чтобы их родители умерли свободными, а не остались жить рабами, были отцеубийцы, следовательно, иногда можно лишить жизни родителя, не совершая при этом преступления, и часто нельзя убить и раба, не совершив беззакония (пер. Н. А. Федорова).

¹² Этот тезис практически не подвергается сомнению и является общепризнанным в историографии. См. Nesselrath 1986; Pomeroy 2010.

¹³ В скором времени город значительно разбогател, благодаря выгодной морской торговле, плодородию местности, быстрому росту населения, а также и строгости нравов; лучшее доказательство последней — верность, которую они хранили союзникам до самой гибели (пер. Ф. Ф. Зелинского).

Упоминает Сагунт и Валерий Максим, причем в его тексте впервые упоминается богиня Fides. «Post duorum in Hispania Scipionum totidemque Romani sanguinis exercituum miserabilem stragem Saguntini uictricibus Hannibalis armis intra moenia urbis suae compulsi, cum vim Punicam ulterius nequirent arcere, collatis in forum quae unicuique erant carissima atque undique circumdatis accensisque ignis nutrimentis, ne a societate nostra desciscerent, publico et communi rogo semet ipsi superiecerunt. crediderim tunc ipsam Fidem humana negotia speculantem maestum gessisse uultum, perseuerantissimum sui cultum iniquae fortunae iudicio tam acerbo exitu damnatum cernentem» (Val. Max. VI. 6. ext. 1)¹⁴. Параллель Силия и Валерия Максима уже отмечалась в историографии. Ряд исследователей даже предполагал наличие у Силия и Валерия Максима общего источника¹⁵. Впрочем, мы бы не спешили соглашаться с авторами комментариев к «Пунике». Несмотря на упоминание Fides, разница между сообщением Валерия Максима и сюжетом Силия представляется достаточно существенной.

В дальнейшей литературной традиции пример Сагунта также встречается, причем в разных контекстах. У Лукана город называется в качестве образца борьбы за свободу в речи масилийцев:

«nec pauet hic populus pro libertate subire
obsessum Poeno gessit quae Marte Saguntum»

(Luc. Phars. III. 349–350)¹⁶.

¹⁴ После прискорбной гибели в Испании двух Сципионов и стольких же войск римского народа сагунтинцы были загнаны победоносным оружием Ганнибала внутрь стен своего города. Не в силах далее сдерживать пунийский натиск, они собрали на центральной площади то, что каждому было дороже всего, обложили со всех сторон горячим материалом и подожгли. И сами бросились в общий для всех совместный погребальный костер, дабы не отступить от союза с нами. Я поверил бы, что сама Верность, наблюдавшая за человеческими делами, имела тогда печальный лик, видя, как ее самое стойкое почитание осуждено на столь жестокий исход решением несправедливой Фортуны (пер. А. М. Сморгкова).

¹⁵ Albrecht 1964: 58; Spaltenstein 1986: 153; Bernstein 2017: 214.

¹⁶ Вынесет этот народ за свободу лишения так же,
Как осажденный Сагунт перенес их в войне с Ганнибалом
(пер. Л. Е. Остроумова).

Обратим внимание, что Сагунт и Массилия снова упоминаются параллельно, как это было и в процитированной выше речи Цицерона (Pro Balbo. 23).

Наконец, стоит заключить, что идеологический пафос при описании осады Сагунта исчезает в дальнейшем из исторических произведений. Например, Аппиан Александрийский во II в. н. э. уже не указывает на особую верность сагунтян и даже подчеркивает, что союзниками римлян они не являлись (App. VI. 10–12).

Итак, что мы можем заключить из приведенных сведений? Вероятнее всего Сагунт становится образцом верного союзника для Рима в эпоху Гражданских войн. Это можно аргументировать тем, что впервые он встречается в таком виде в литературной традиции в середине I в. до н. э. При этом в более ранней традиции, представленной греческими авторами, падению Сагунта не уделялось серьёзного внимания. Впрочем, фрагментарность наших знаний о римской исторической традиции не позволяет заключить это с полной уверенностью. Не можем мы и связать образ Сагунта как верного союзника с творчеством какого-то конкретного писателя или поэта. Но, очевидно, что формирование образа предшествовало середине I в. до н. э. Ведь мы наблюдаем сложившуюся традицию в сочинениях Саллюстия и Цицерона. Оба автора указывают пример Сагунта как нечто известное их аудитории.

Затем, как кажется, можно заключить, что сама актуализация сагунтского сюжета в эпосе Силия является ожидаемой. Эпоха гражданских войн, расколовшая римское государство, приводит к новому осмыслению исторических примеров республиканской эпохи. Не случайно параллели взятию Сагунта исследователи находят в эпосе Лукана о гражданских войнах, а именно во время осады Массилии Цезарем¹⁷. Цицерон и Лукан, как мы видели, тоже упоминают осаду Сагунта в параллели с осадой Массилии.

Рассматривая этот вопрос в контексте творчества Силия Италика, мы должны подчеркнуть следующее. Во-первых, поэт явно опирается на историческую традицию, однако творчески ее перерабатывает. Он сохраняет в своем эпосе пожар, о котором пишут Цицерон и Ливий, красочно описывает само-

¹⁷ См. Marks 2010: 130–133; Ariemma 2011.

убийство горожан, однако перекладывает ответственность за это на богов. Эта ссылка на богов, с одной стороны, интертекстуальна, поскольку параллели встречаются в других эпосах. С другой же стороны, она отражает подход Силия, включающего богов в свое повествование в качестве активных участников, однако подчиняющего их Судьбе¹⁸. Во-вторых, Сагунт для Силия превращается в важный литературный образ. Вторая песнь заканчивается пророчеством, предрекающим бесславную кончину Ганнибала, и наставлением соблюдать договоры и следовать богине Fides. Застав смену двух династий, переосмысляя опыт гражданских войн, поэт акцентирует внимание на верности договорам и традиционных римских добродетелях в эпоху, когда отсутствие этих добродетелей воспринималось в интеллектуальной среде особенно остро.

Литература

- Albrecht, M. von 1964: *Silius Italicus: Freiheit und Gebundenheit römischer Epik*. Amsterdam: Schippers.
- Albrecht, M. von 1994: *Geschichte der römischen Literatur: Von Andronicus bis Boethius. Mit Berücksichtigung ihrer Bedeutung für die Neuzeit*. I. München: K. G. Saur. Альбрехт, М. фон 2003: *История римской литературы от Андроника до Боэция и ее влияния на позднейшие эпохи. Т. I.* / пер. А. И. Любжина. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина.
- Ariemma, E. 2011: De Marsiglia a Sagunto: prove di Guerra civile da Lucano a Silio Italico. In: *Nuovi archivi e mezzi d'analisi per i testi poetici*. Eds. P. Mastandrea, L. Spinazzè. Amsterdam: Adolf M. Hakkert editore. 137–155.
- Augoustakis, A. 2010: Silius Italicus, A Flavian Poet. In: *Brill's Companion to Silius Italicus*. Ed. A. Augoustakis. Leiden; Boston: Brill. 3–23.
- Bernstein, N. W. 2017: *Silius Italicus, Punica 2. Edited with an Introduction, Translation, and Commentary*. Oxford, Oxford University Press.
- Cowan, R. 2007: The headless city: the decline and fall of Capua in Silius Italicus' *Punica*. *Oxford University Research Archive 1542* (<https://ora4-prd.bodleian.ox.ac.uk/objects/uuid:dceb6b5a-980c-46ca-ac9e-88615e7fbea/files/m05dee751b22b25f9d00b6c1ec76289ec>)
- Dominik, W. 2003: Hannibal at the Gates: Programmatising Rome and Romanitas in Silius Italicus' *Punica* 1 and 2. In: *Flavian Rome*.

¹⁸ Vessey 1974: 32.

- Culture, Image, Text*. Eds. A. J. Boyle and W. J. Dominik. Leiden; Boston: E. J. Brill. 469–497.
- Dominik, W. 2006: Rome then and now: linking the Saguntum and Cannae episodes in Silius Italicus' *Punica*. In: *Flavian Poetry*. Eds. R. R. Nauta, H.-J. Van Dam, J. J. L. Smolenaars. Leiden and Boston: Brill. 129–145.
- Feeney, D. C. 1991: *The Gods in Epic. Poets and Critics of the Classical Tradition*. Oxford: Clarendon Press.
- Hardie, Ph. 1993: *The Epic Successors of Virgil: A Study in the Dynamics of a Tradition*. Cambridge: Cambridge university press.
- Kißel, W. 1979: *Das Geschichtsbild des Silius Italicus*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Küppers, J. 1986: *Tantarum causas irarum. Untersuchungen zur einleitenden Bücherdyade der Punica des Silius Italicus*. Berlin and New York: Walter de Gruyter.
- Marks, R. 2010: Silius and Lucan. In: *Brill's Companion to Silius Italicus*. Ed. A. Augoustakis. Leiden; Boston: Brill. 127–153.
- McGuire, Jr. D. T. 1989: Textual Strategies and Political Suicide in Flavian Epic. *Ramus*. Vol. 18. Iss. 1–2. 21–45.
- Nesselrath, H.-G. 1986: Zu den Quellen des Silius Italicus. *Hermes*. Bd. 114. H. 2. 203–230.
- Pomeroy, A. To Silius through Livy and his Predecessors. In: *Brill's Companion to Silius Italicus*. Ed. A. Augoustakis. Leiden–Boston: Brill. 27–45.
- Spaltenstein, F. 1986: *Commentaire des Punica de Silius Italicus (livres 1 à 8)*. Geneve: Librairie Droz.
- Vessey, D. 1974: Silius Italicus on the Fall of Saguntum. *Classical Philology*. Vol. 69. No. 1. 28–36.

А. О. Захарченко

МГУ им. Ломоносова / МГЛУ. Москва, Россия.
anna.zakharchenko.jim@gmail.com

КОНСТРУКЦИЯ *AB URBE CONDITA* В ПРОЗЕ САЛЛЮСТИЯ

В настоящей статье впервые систематически рассмотрены все случаи употребления конструкции *ab urbe condita* у Саллюстия. В прозе Саллюстия данная причастная клауза используется редко: мы нашли по одному случаю употребления оборота без предлога в именительном и родительном падежах, 6 контекстов использования конструкции в аблативе после безличного выражения *opus est*, а также 12 случаев, в которых *ab urbe condita* управляется предлогом. В результате анализа конструкции *ab urbe condita* выяснилось, что Саллюстий зачастую использует её как одно из средств архаизации стиля, а также избегает следования узусу Цицерона, который внёс значительный вклад в развитие и усложнение причастной клаузы в своей прозе. Саллюстий ориентируется на традицию употребления оборота *ab urbe condita*, восходящую ещё к доклассическому периоду. Некоторые особенности использования конструкции Саллюстием были переняты последующими историками: например, Тит Ливий вслед за Саллюстием использует в обороте множественное число среднего рода местоимения.

Ключевые слова: Саллюстий, конструкция *ab urbe condita*, причастная клауза, доминантное причастие, Цицерон.

A. O. Zakharchenko

Lomonosov Moscow State University; Moscow State Linguistic University
anna.zakharchenko.jim@gmail.com

The *ab urbe condita* construction in Sallust

In this paper, all instances of the use of the construction *ab urbe condita* in Sallust are systematically examined for the first time. In Sallust's prose, this participial clause is rarely used: we found one instance of the use of the construction without a preposition in the nominative and genitive cases, six contexts of the use in the ablative after the impersonal expression *opus est*, and twelve instances in which the *ab urbe condita* construction is governed by a preposition. As a result of the analysis of Sallust's use of the *ab urbe condita* construction, it became clear that the author often uses it as one of the means of archaizing his narrative style, and also intentionally avoids following the usage of Cicero, who made a significant contribution

to the development and complication of the participial clause in his prose. Sallust is guided by the tradition of using the *ab urbe condita* construction, which has been established in the Latin language in the pre-classical period. However, some of the features of Sallust's use of the construction were adopted by subsequent representatives of the genre of historical prose: for example, Titus Livius, following Sallust, uses the plural form of the neuter pronoun in the *ab urbe condita* construction.

Keywords: Sallust, the *ab urbe condita* construction, participial clause, dominant participle construction, Cicero.

Конструкция *ab urbe condita* состоит из существительного (субъекта) и причастия (предиката), которые соединяются таким образом, что получившийся комплекс приобретает субстантивированный характер и способность выступать во фразе в качестве субъекта / объекта глагола или управляться предлогом. Эта конструкция, в которой превалирует значение причастия, на большинство современных языков переводится с помощью отглагольного существительного с несогласованным определением, выраженным родительным падежом: «от основания города». В таком причастном обороте обычно используется пассивное перфектное причастие.

Причастная клауза *ab urbe condita* выступает в роли аналога придаточного предложения (Kühner, Stegmann 1914: 766–774; Боровский, Болдырев 1975: 141). В связи с этим представляется логичным видеть в конструкции *ablativus absolutus* частный случай функционирования «доминантного» причастия (*dominant participle construction* в терминологии Х. Пинкстера (Pinxter 2021: 31)), несмотря на то, что только в единичных случаях до работ последних лет в этих двух причастных конструкциях видели родство (Heick 1936: 14). Причиной для рассмотрения их по-отдельности, вероятно, является восприятие *ab urbe condita* сквозь призму перевода на современный язык через отглагольное существительное с зависимым родительным падежом, а не посредством придаточного предложения, как в случае с *ablativus absolutus*.

Относительно происхождения оборота *ab urbe condita* существует дискуссия. В классических немецких грамматиках он назван изобретением латинского языка (Stolz, Schmalz, Lehmann, Hofmann 1928: 608). Однако не представляется возможным игнорировать использование аналогичных комплексов в древнегреческом языке, в особенности в прозе Фукидида. Самыми

распространёнными примерами здесь являются *μετὰ Συρακοῦσας οἰκισθεῖσας* (Thuc. VI 3, 3) «после основания Сиракуз»; *τῷ τε σίτῳ ἐπιλείποντι ἐπιέζοντο* (Thuc. III 20, 1) «страдали от недостатка продовольствия». Были также предприняты попытки показать, что конструкция *ab urbe condita* в древнегреческом языке более распространена, чем это предполагалось ранее. Это сделано, например, в диссертации Ф. Джонса (Jones 1939). Несмотря на большое количество приведённых им контекстов с причастными конструкциями, зачастую они не представляют собой оборот *ab urbe condita*, а являются иллюстрациями к иным предикативным функциям причастия (Laughton 1964: 85). О. Спевак отмечает, что Джонс ошибочно включает в ряд примеров, иллюстрирующих использование клаузы *ab urbe condita* в древнегреческом языке, те случаи, в которых причастный оборот использован после глаголов речи и восприятия (Spevak 2023). В грамматике древнегреческого языка Э. Швицера тоже принята точка зрения греческого происхождения конструкции *ab urbe condita* (Schwyzer, Debrunner 1950: 404). Э. Лаутон в своей работе, посвящённой употреблению причастий Цицероном, доказывает независимое происхождение данной причастной клаузы в латинском языке, аргументируя это случаями её использования до тесного литературного контакта Рима и Древней Греции (Laughton 1964: 85). Работы исследователей латинского синтаксиса последних лет не акцентируют внимание на источнике возникновения конструкции *ab urbe condita*, признавая, тем не менее, существование её полного аналога в древнегреческом языке (Bolkestein 1980; Pinxter 2021: 25–31; Ruppel 2013: 82–126; Spevak 2018).

В архаической латыни конструкция *ab urbe condita* использовалась в устойчивых выражениях о восходе и заходе солнца, что видно по её употреблению у Плавта: *ante solem exorientem* (Bacch. 424) «до восхода солнца», *ante solem occasum* (Epid. 144) «до захода солнца». Кроме того, в схожем контексте причастный оборот можно найти и в Leges XII Tabularum: *sol occasus suprema tempestas esto* (Tabula I) «пусть заход солнца будет последним сроком». У Теренция встречается причастная клауза с предлогом *post*: *post factam iniuriam* (Ter. Hec. 742) «после причинения обиды». Плавт также использует *ab urbe condita* с предлогом *super*: *super auro amicaque eius inventa Bacchide* (Plaut. Bacch. 367) «о золоте и том, что его подруга

Вакхида нашлась». Теренций и Катон также употребляют причастную клаузу с предлогом *ob*: *ob male facta haec* (Ter. Ad. 199) «за эту жестокость»; *ob rem bene gestam* (Re. Mil. fr. 2 Jordan) «за хороший исход дела».

В архаической латыни можно найти контексты с использованием конструкции, состоящей из существительного и причастия, при безличных выражениях *opus / usus est*: *mihi homine convento est opus* (Plaut. Curc. 302) «мне нужно встретить человека»; *quid istis nunc memoratis opust?* (Plaut. Pseud. 732) «зачем их сейчас вспоминать?». В таких случаях может использоваться и одиночное перфектное причастие в аблативе, если оно образовано от непереходного глагола или употребляется без указания на объект действия: *obvigilatost opus* (Plaut. Bacch. 398) «нужно бодрствовать»; *cauto opust* (Plaut. Merc. 466) «нужно остерегаться».

У авторов классического периода конструкция *ab urbe condita* используется нечасто, с очень ограниченным количеством предлогов и не употребляется при безличных оборотах *opus / usus est*. Например, в прозе Цезаря её можно обнаружить считанное число раз с предлогами *ante* и *praeter*, у Корнелия Непота — с предлогами *ante*, *de*, *post* и *propter*. Цицерон же расширяет и усложняет причастную клаузу, используя её в беспредложных конструкциях во всех падежах, кроме звательного, и со многими предлогами. Кроме того, у него оборот *ab urbe condita* может включать в себя значительное количество зависимых слов: *post delatam ad eum primam illam coniurationem* (Cic. Sull. 81) «после доноса ему об этом первом заговоре».

В настоящей статье будут рассмотрены случаи беспредложных, а также управляемых предлогами причастных клауз *ab urbe condita* в прозе Саллюстия в сравнении с использованием этой конструкции в архаическом языке, с одной стороны, и с употреблением причастной клаузы Цицероном, с другой стороны. До настоящего момента систематическое исследование случаев употребления Саллюстием конструкции *ab urbe condita* проведено не было. Самым полным собранием примеров использования данной причастной клаузы в латинском языке остаётся работа О. Хайка (Heick 1936), и все исследования последних лет, посвящённые этой синтаксической конструкции, опираются на созданную им выборку контекстов (Spevak 2018; 2023). Помимо того, что список Хайка не

является исчерпывающим, в его работе не была предпринята попытка анализа употребления причастной клаузы. Последующие исследователи данной конструкции не стремились найти все контексты её функционирования у авторов, а анализировали, исходя из уже имеющегося набора примеров. Для исследования узуса Цицерона до сих пор используется описательная работа Э. Лаутона, посвящённая причастиям (Laughton 1964), и примеры, приведённые в ней, фигурируют во всех последних работах, затрагивающих синтаксис причастий (Ruppel 2013; Sprevak 2018; 2023; Pinxter 2021: 220–224). В работах, посвящённых порядку слов в латинском языке, зачастую этой конструкции не уделяется специального внимания: причастные обороты рассматриваются наряду с герундивными конструкциями и придаточными определительными предложениями (Devine, Stephens 2006: 123). Тем не менее, систематическое рассмотрение причастных конструкций и их использование отдельными авторами остаётся актуальным (Kormilina 2024).

Исследование всех случаев употребления конструкции *ab urbe condita* у Саллюстия позволит дополнить раздел работы Э. Лаутона, посвящённый причастной клаузе в прозе Цицерона, полной базой контекстов её употребления у другого автора, что позволит проследить особенности развития данной конструкции в латинском языке. Кроме того, анализ использования Саллюстием оборота *ab urbe condita* поможет яснее обозначить специфику языка автора на фоне архаической прозы и нововведений Цицерона.

Беспредложное употребление

Nominativus

В качестве примера использования оборота *ab urbe condita* в именительном падеже в архаической латыни, кроме приведённого выше контекста из *Leges XII Tabularum*, можно привести ещё только следующее место у Плавта: *perdita perdidit me* (Plaut. *Cist.* 686) «[её] пропавша меня погубила». В прозе Цезаря также единожды встречается причастная клауза в номинативе: *atque ea res saepe temptata etsi impetus eius consiliaque tardabat* (Caes. b. c. I 26, 2) «и несмотря на частые попытки этого, он медлил с нападением и решениями». У Цицерона случаи использования именительного падежа в клаузе засвидетельствованы уже в ранних произведениях (Laughton 1964: 90). Это

позволяет прийти к заключению, что употребление конструкции *ab urbe condita* в номинативе получило некоторое распространение уже в предшествующий период. Цицерон использует причастную клаузу в именительном падеже не саму по себе, а только при перечислениях, то есть в ряду однородных подлежащих, зачастую выраженных отглагольными существительными. Такой художественный приём, по-видимому, позволяет постепенно ввести в употребление непривычный до этого оборот: *non me bonorum direptio, non tectorum excisio, non depopulatio praediorum, non praeda consulum ex meis fortunis crudelissime capta permovet* (Cic. dom. 146) «меня не волнует ни расхищение имущества, ни уничтожение дома, ни опустошение поместий, ни добыча консулов, осуществленная крайне жестоко похищение консулами моего имущества».

Нами был найден лишь один пример использования конструкции *ab urbe condita* в прозе Саллюстия в именительном падеже, и в этом употреблении, как видно из того, что изложено выше, автор опирается на уже сложившуюся до него традицию:

Praeterea se missum a M. Crasso, qui Catilinae nuntiaret, ne eum Lentulus et Cethegus aliique ex coniuratione deprehensi terrerent (Sall. Cat. 48, 4) «Кроме того [сообщает], что его отправил Марк Красс, чтобы сообщить Катилине: пусть его не страшат аресты Лентула, Цетега и прочих заговорщиков».

Genetivus

Использование конструкции *ab urbe condita* в родительном падеже в архаической латыни не засвидетельствовано. В жанре исторической прозы первым к такому употреблению прибегает Цезарь:

...ut nuntios *expugnati oppidi* famamque antecederet (Caes. b.c. III 80, 7) «...так что он опередил гонцов и вести о взятии города».

Цицерон же в речах чаще всего использует причастную клаузу *ab urbe condita* именно в родительном падеже. Значительное число контекстов подобного употребления объясняется крайне распространённым использованием существительного с зависимым от него генетивом, а причастный оборот позволяет достичь определённой лаконичности высказывания (Laughton 1964: 93). Цицерон часто использует родительный падеж оборота *ab urbe*

condita после существительных, обладающих значением речи, мысли или восприятия: *confectorum ludorum nuntios exspectat* (Cic. Att. XVI 4, 4) «он ожидает известий *об окончании игры*».

В прозе Саллюстия нами был найден только один случай употребления конструкции *ab urbe condita* в генетиве, когда автор следует, скорее всего, за узусом Цезаря:

...quo facilius indicio regis Scauri et relicuorum, quos *pecuniae captae* arcessebat, delicta patefierent (Sall. Jug. 32, 1) «...чтобы благодаря показаниям царя тем легче вскрылись преступления Скавра и остальных, кого он обвинил во *взяточничестве*».

Ablativus при безличном выражении *opus est*

В прозе Цезаря, Цицерона и других современников Саллюстия при обороте *opus est* ставится существительное в аблативе или инфинитив, в то время как в *Coniuratio Catilinae* обнаружены 6 контекстов с использованием конструкции *ab urbe condita* в таких случаях:

Ne existumarent sibi, patricio homini, cuius ipsius atque maiorum plurima beneficia in plebem Romanam essent, *perdita re publica* opus esse (Sall. Cat. 31, 7) «Пусть они не думают, что ему, патрицию, оказавшему, как и его предки, многие благодеяния римскому народу, нужно *губить государство*».

Аналогичным образом используется конструкция *ab urbe condita* в следующих контекстах: *mature facto* opus est (Sall. Cat. 1, 7) «нужно *действовать спешно*»; *tantummodo incepto* opus est (Sall. Cat. 20, 10) «нужно только *начать*»; *facto, non consulto* in tali periculo opus esse (Sall. Cat. 43, 3) «в такой опасности нужно *действовать, а не совещаться*»; *uti facto* opus sit, ita agant permittit (Sall. Cat. 45, 2) «разрешает, чтобы они поступали так, как нужно *действовать*»; *quid facto* opus esset (Sall. Cat. 46, 2) «что нужно было *делать*». Такое употребление является одним из способов, которые Саллюстий употребляет с целью архаизации языка.

Цицерон употребляет конструкцию *ab urbe condita* со многими падежами без предлога. Второй по частотности после родительного падеж, который Цицерон использует в конструкции *ab urbe condita* без предлога, — винительный. В большинстве контекстов причастная клауза употребляется после глаголов эмоциональной реакции на происходящее: *illi libertatem*

imminutam civium Romanorum non tulerunt (Cic. *Manil.* 11) «они не потерпели *ограничения свободы римских граждан*».

Употребления конструкции в аблативе у Цицерона зачастую бывает сложно отграничить от случаев её функционирования в качестве *ablativus absolutus*, а также от контекстов, в которых причастие употреблено атрибутивно. Например, в следующем контексте использование причастного оборота может быть интерпретировано и как *ablativus abcolutus*, и как конструкция *ab urbe condita*: *M. enim Marcello vobis, patres conscripti, reique publicae reddito, non illius solum, sed etiam meam vocem et auctoritatem et vobis et rei publicae conservatam ac restitutam puto* (Cic. *Marcell.* 2) «я думаю, что *благодаря возвращению Марка Марцелла вам / так как Марк Марцелл был возвращён вам, отцы-сенаторы, и государству*, сохранены и восстановлены для вас и для государства не только его, но и мой голос и авторитет».

Предложное употребление

Случаи употребления конструкции *ab urbe condita*, управляемой предлогами, будут расположены ниже в зависимости от степени их распространённости в произведениях предшественников и современников Саллюстия и частотности использования им самим.

ante

Чаще всего Саллюстий использует конструкцию *ab urbe condita* с предлогами во временном значении, не отступая в этом от узуса своих предшественников. Такая структура является сложившейся традицией в латинском языке. Среди предлогов времени самым частотным у Саллюстия является *ante*: нами были найдены три случая употребления причастной клаузы с ним:

Nam ante Carthaginem deletam populus et senatus Romanus placide modesteque inter se rem publicam tractabant (Sall. *Jug.* 41, 2) «Ведь *до разрушения Карфагена* римский народ и сенат мирно и с умеренностью делили между собой государственные дела».

Аналогично причастная клауза использована в следующих контекстах: *ante te cognitum* (Sall. *Jug.* 21, 3) «до знакомства с тобой»; *ante proelium factum* (Sall. *Jug.* 110, 2) «до сражения».

В прозе Цицерона предлог *ante* является одним из самых частотных с конструкцией *ab urbe condita*, таких контекстов было найдено 10 (Laughton 1964: 88): *tot annis ante civitatem datam* (Cic. Arch. 9) «за столько лет до получения гражданства».

post

С предлогом *post* конструкция *ab urbe condita* встречается у Саллюстия единожды и имеет ту же структуру, что и в случае с употреблением после предлога *ante*:

Ео die *post conditam urbem Romam* pessimum facinus patratum foret (Sall. Cat. 18, 8) «В этот день произошло бы худшее злодеяние с момента (= после) основания города Рима».

Как видно из узуса Цицерона, выражение *post urbem / Romam conditam* является устойчивым выражением: около четверти контекстов из 50 случаев использования причастной клаузы с предлогом *post* составляет именно эта фраза (Laughton 1964: 87). Саллюстий, несомненно, употребляет её в силу уже сложившейся в латинском языке традиции.

ob

Предлог *ob* с конструкцией *ab urbe condita* уже в архаической латыни засвидетельствован в устойчивом выражении: *ob rem bene gestam* (Re. Mil. fr. 2 Jordan) «за хороший исход дела». Такое же употребление единожды встречается у Цицерона: *ob eas res bene, fortiter feliciterque gestas* (Cic. Phil. XIV 37) «за честное, храброе и удачное совершение этих дел».

Саллюстий как архаист также использует эту идиому в своей прозе:

Postquam Cyrenenses aliquanto posteriores se esse vident et *ob rem corruptam* domi poenas metuont, criminari Carthaginensis ante tempus domo digressos (Sall. Jug. 79, 7) «Киреяне, видя, что они несколько опаздывают, и опасаясь наказания дома за провал задания, обвинили карфагенян, что они вышли из дома до срока».

Заслуживает отдельного внимания тот факт, что Саллюстий использует в конструкции *ab urbe condita* местоимение во множественном числе среднего рода. Такое употребление свойственно архаической латыни и встречается, например, у Теренция: *ob male facta haec* (Ter. Ad. 199) «за эту жестокость». Цицерон, по-видимому, избегает подобного использования, в то

время как Саллюстий, как будет видно ниже, прибегает к нему не единожды:

Itaque senatus *ob ea feliciter acta* dis immortalibus supplicia decernere (Sall. Jug. 55, 2) «Поэтому сенат, *из-за того что это счастливо завершилось*, назначил жертвоприношения богам».

de

Причастная клауза с предлогом *de* встречается у Саллюстия не одиночно, а только в фигуре перечисления (подобное использование конструкции мы отмечали выше, когда речь шла об *ab urbe condita* в именительном падеже у Цицерона). Оборот используется в ряду однородных членов, состоящем из отглагольных существительных, создающих своего рода опору и поддержку для причастной клаузы:

Is cum se diceret indicaturum de coniuratione, si fides publica data esset, iussus a consule, quae sciret, edicere, eadem fere, quae Volturcius, *de paratis incendiis*, de caede bonorum, de itinere hostium senatum docet (Sall. Cat. 48, 4) «Когда он заявил, что расскажет о заговоре, если ему будет обеспечена безопасность, и получил приказ консула рассказать, что знает, доносит сенату почти то же, что и Вольтурций: *о подготовке поджогов*, о резне честных людей, о передвижении врагов».

Legati in Africam maturantes veniunt, eo magis quod Romae, dum proficisci parant, *de proelio facto* et oppugnatione Cirtae audiebatur (Sall. Jug. 22, 1) «Послы спешно прибывают в Африку, тем более что в Риме, пока они готовились к отбытию, было слышно *о сражении* и осаде Цирты».

Такое же употребление обнаруживается в прозе Цицерона, который использует конструкцию с предлогом *de* довольно часто: *de hospitio violato* et de tuo isto scelere nefario nihil queror (Cic. Verr. II 2, 111) «я ничуть не жалею *на попрание права гостеприимства* и твоё гнусное преступление».

ad

Саллюстий использует оборот *ab urbe condita* с предлогом *ad* единожды:

Porro animus cupidine caecus *ad inceptum scelus* rapiebat (Sall. Jug. 25, 7) «В свою очередь натура, ослеплённая желанием [власти], рвалась *начать преступление*».

В контексте рассмотрения конструкции *ab urbe condita* представляется целесообразным сказать, что этой причастной клаузе очень близка герундивная конструкция: она также состоит из существительного и отглагольного образования, которое невозможно опустить без потери смысла, и способна выступать субъектом или объектом глагола и управляться предлогом. Особенно схожи эти две конструкции, когда они используются с предлогом *ad* в значении цели. Например:

Ea res in primis studia hominum accendit ad consulatum mandandum M. Tullio Ciceroni (Sall. Cat. 23, 5) «Это в первую очередь прибавило людям стремления для *вверения консулата* Марку Туллию Цицерону».

Существенное отличие, которое может быть сформулировано применительно к *ab urbe condita* и герундивной конструкции, состоит в том, что в случае использования перфектного причастия действие мыслится завершённым, а при герундive — незавершённым или предполагаемым. Цицерон не единожды использует обе конструкции в рамках одной фразы: *repete superiora, Tubuli de pecunia capta ob rem iudicandam* (Cic. nat. deor. III 74) «обратиться к прошлому: [дело] Тубула *о взятке* в открытую».

ab

Несмотря на то, что причастная клауза названа посредством выражения '*ab urbe condita*', в действительности предлогом *ab* она управляется довольно редко. В архаической латыни вовсе нет подобного узуса, у Цицерона оборот с предлогом *ab* встречается считанные разы: *illi regibus parere iam a condita urbe didicerant* (Cic. Phil. III 9) «уже с основания города они научились повиноваться царям». Саллюстий употребил конструкцию *ab urbe condita*, управляемую предлогом *ab*, единожды:

Praeterea ab incenso Capitolio illum esse vigesimum annum, quem saepe ex prodigiis haruspices respondissent bello civili cruentum fore (Sall. Cat. 47, 2) «Кроме того этот год — двадцатый после пожара на Капитолии, и он, как гаруспики часто отвечали на основании знамений, будет кровавым из-за гражданской войны».

inter

Крайне редко конструкция *ab urbe condita* используется с предлогом *inter* во временном значении. До Цицерона такое употребление засвидетельствовано не было, и обнаруживается всего один контекст с причастной клаузой с *inter* во всём его корпусе: *ne quid inter caesa et porrecta ... oneris mihi addatur aut temporis* (Cic. Att. V 18, 1) «чтобы между закланием и принесением [жертвы] ... не прибавили мне бремени или срока».

В прозе Саллюстия такое употребление конструкции *ab urbe condita* с предлогом *inter* встречается единожды:

Inter haec parata atque decreta Cethegus semper querebatur de ignavia sociorum (Sall. Cat. 43, 3) «Пока это готовилось и решалось, Цетег постоянно жаловался на бездействие союзников».

Как уже было отмечено выше, у Цицерона не встречается использование множественного числа среднего рода местоимения в причастной клаузе, в его прозе это единственный случай, судя по собранию примеров, произведённому О. Хайком (Heick 1936) и Э. Лаутоном (Laughton 1964). Такое употребление, по-видимому, было свойственно архаическому языку. В этом отношении Саллюстий не следует узусу Цицерона, а прибегает к употреблению среднего рода множественного числа местоимения как к способу архаизации языка. Нужно сказать, что такое использование в конструкции *ab urbe condita* множественного числа среднего рода местоимения впоследствии перенимает Тит Ливий: *haec dicta vulgo creditaque cum indignitate angerent consulis animum, vocato ad concilium populo summissis fascibus in contionem escendit* (Liv. II 7, 7) «так как то, что это говорилось открыто и этому верили, приводило консула в негодование, он, созвав народ на сходку, вошёл в собрание с опущенными фасциями».

cum

С предлогом *cum* нами не было найдено ни одного случая использования конструкции *ab urbe condita* ни у предшественников, ни у современников Саллюстия. Это позволяет сделать вывод, что автор, хотя аккуратен с нововведениями, всё же иногда проявляет некое новаторство:

Sed pariter cum capta Thala legati ex oppido Lepti ad Metellum venerant orantes, uti praesidium praefectumque eo mitteret (Sall.

Jug. 77, 1) «Но в одно и то же время с *взятием Талы* к Метеллу пришли послы из города Лепты, прося прислать туда гарнизон и префекта».

Как явствует из приведённых контекстов, в отличие от Цицерона, Саллюстий избегает использования конструкции *ab urbe condita* без предлога: мы нашли только по одному контексту употребления именительного и родительного падежей. Употребление Саллюстием данной причастной клаузы, таким образом, не подвергается воздействию прозы Цицерона и вписывается в рамки уже сложившейся традиции в латинском языке. Заслуживает внимания тот факт, что Саллюстий часто прибегает к безличному выражению *opus est*, ставя после него оборот *ab urbe condita* в аблативе, в то время как его современники в таких случаях используют либо существительное в аблативе, либо инфинитив. Такое употребление свойственно латинскому языку доклассической эпохи, и Саллюстий делает его одним из способов архаизации своей прозы.

Что касается причастной клаузы, управляемой предлогами, в основном Саллюстий использует её после предлогов временного значения (*ante*, *post*), а также с предлогами *ob* и *de*, употребление с которыми конструкции *ab urbe condita* уже утвердилось в латинском языке. Интересен контекст, в котором оборот управляется предлогом *inter* в значении «(в промежуток времени), когда» «*во время, пока*», так как аналогичных контекстов у предшественников Саллюстия зафиксировано не было, а Цицерон использует причастную клаузу после *inter* лишь единожды. Также по одному разу Саллюстий использует конструкцию *ab urbe condita* после предлогов *ab*, *ad*, *cum*. Особого внимания заслуживают контексты, в которых Саллюстий употребляет средний род местоимения множественного числа в причастной клаузе, поскольку это является ещё одним способом архаизации стиля повествования: такой узус был свойственен представителям ранней латинской литературы.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, Саллюстий использует конструкцию *ab urbe condita* весьма скупой: по сравнению с узусом Цицерона у него крайне мало контекстов употребления данной причастной клаузы. Во-вторых, оборот в прозе Саллюстия практически не встречается без предлога. В-третьих, конструкция *ab urbe condita* управляется у автора после малого количества предлогов: Саллюстий

ограничивает использование причастной клаузы рамками до-классического узуса, не перенимая опыт Цицерона, экспериментировавшего и с предложным, и с беспредложным употреблением оборота *ab urbe condita*.

Литература

- Bolkestein, A. M. 1980: *De ab urbe condita-konstrucie in het Latijn. Lampas* 13, 80–98.
- Borovsky, J. M., Boldyrev A. V. 1975: *Uchebnik latinskogo yazyka dlya gumanitarnykh facul'tetov universitetov* [Latin Studentbook for Himanities Faculties of Universities]. Moscow.
- Боровский Я. М., Болдырев А. В. 1975: *Учебник латинского языка для гуманитарных факультетов университетов*. М.
- Devine A. M., Stephens L. D. 2006: *Latin Word Order. Structured Meaning & Information*. Oxford.
- Heick, O. W. 1936: *The ab urbe condita Construction in Latin*. Lincoln.
- Jones, F. P. 1939: *The ab urbe condita Construction in Greek. A Study in the Classification of the Participle*. Baltimore.
- Kormilina A. A. 2024: [Word order in embedded predications: ablativus absolutus (on the basis of Petronius' Satyricon)]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and classical philology] 28, 856–878.
- Кормилина, А. А. 2024: Порядок слов во вставных предикациях: ablativus absolutus (на материале «Сатирикона» Петрония). *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 28, 856–878.
- Kühner, R., Stegmann, C. 1914: *Ausführliche Grammatik der lateinischen Sprache*. Vol. 2. Hannover.
- Laughton, E. 1964: *The Participle in Cicero*. Oxford.
- Pinxter, H. 2021: *The Oxford Latin Syntax*. Vol. 2. Oxford.
- Ruppel, A. 2013: *Absolute Constructions in Early Indo-European*. NY.
- Schwyzler, E. Debrunner, A. 1950: *Griechische Grammatik*. Vol. 2. Munich.
- Spevak, O. 2018: La construction à participe dominant vs. le nom verbal chez Cicéron. *Revue de philologie* 92, 63–84.
- Spevak, O. 2023: Towards a Unified Account of the ab urbe condita Construction in Latin and Ancient Greek. *Classical Philology and Linguistics*, 557–572.
- Stolz F., Schmalz J., Lehmann M., Hofmann J. B. 1928: *Lateinische Grammatik. Laut- und Formenlehre. Syntax und Stilistik*. Munich.

В. В. Зельченко

Институт древних рукописей им. Месропа Маштоца (Матенадаран).
Ереван, Армения. vsevolodzelcenko@gmail.com

ГЕОРГИЙ ПИСИДА И КОМАР

В статье разбираются три пассажа, посвященные комару, из ямбического «Шестоднева» византийского поэта VII в. Георгия Писиды. В полемике с Фабрицио Гоннелли автор высказывает предположение, что мишенью резкой инвективы в стт. 71–73 (где самодовольного языческого интеллектуала кусает комар) следует считать не эпидейктических ораторов, сочинявших парадоксальные энкомии насекомым, а философов, подобных Хрисиппу, которые искали причину и оправдание тому, что природа создала комаров и других докучливых и вредных тварей; к этим стихам впервые привлекается параллель из Иеронима (*In Psalm.* 91, 106 sqq.). Что касается античного школьного красноречия, то оно оказало влияние на два других «комариных пассажа» поэмы (964–965; 1169–1178): это можно продемонстрировать как на содержательном, так и на лексическом уровне. Обозревая, в хронологическом диапазоне от Диона Хризостома до Ахилла Татия, мотив «прославления комара» в античной литературе, автор также высказывает лингвистический довод против гипотезы Ф. Ф. Зелинского о греческом источнике эпиллия *Culex*.

Ключевые слова: Георгий Писида, «Шестоднев», комар, античные и раннехристианские философы о насекомых, эпидейктическое красноречие.

V. V. Zeltchenko

Mesrop Mashtots Research Institute of Ancient Manuscripts (Matenadaran).
Yerevan, Armenia. vsevolodzelcenko@gmail.com

George of Pisidia and the mosquito

The paper discusses three passages on mosquitoes from the iambic *Hexaemeron* by the 7th-century Byzantine poet George of Pisidia. Such a persistent interest in mosquitoes is all the more surprising given that these insects are absent from hexaemeral tradition. Basil the Great, one of the main sources of George of Pisidia, mentions them quite casually alongside other creatures; neither he nor any other representative of the genre, such as Gregory of Nyssa or Ambrose, offers a personal portrait of a mosquito. Contrary to Fabrizio Gonnelli, the author argues that the target of the sharp invective in vv. 71–73 (where a mosquito bites a smug pagan intellectual) should be considered not the epideictic orators composing paradoxical

encomia of insects, but rather philosophers such as Chrysippus, who sought to find reasons and justifications for why nature created mosquitoes and other annoying and harmful animals. A close parallel to these verses is suggested in Jerome's commentary on Psalms (91, 106 ff.) As for ancient school rhetoric, it influenced two other 'mosquito passages' in the poem (964–965; 1169–1178), which can be demonstrated at both the content and lexical levels. Thus, the *exemplum culicis* in *Hexameron* is based on the intersection of three traditions at once: natural science, philosophy / theology, and rhetoric. However, none of these traditions is autonomous: their skilful combination (or even interpenetration) in George of Pisidia's text was inspired by his predecessors. In reviewing the motif of 'glorifying the mosquito' in ancient literature, chronologically ranging from Dio Chrysostom to Achilles Tatius, the author also presents a linguistic argument against Th. Zielinski's hypothesis about the Greek source of the epyllion *Culex*.

Keywords: George of Pisidia, *Hexameron*, mosquito, ancient and early Christian philosophers on insects, epideictic rhetoric.

В монументальной ямбической поэме «Шестоднев» Георгий Писида (VII в.) заводит речь о комарах с неожиданной настойчивостью. Впервые они упоминаются в программной вступительной части, где изобличается (под собирательным именем Прокла)¹ суемудрие языческих писателей, неспособных преклониться перед непостижимым величием Творца и его творения (ст. 71–73): Οὐκ ἡγνόεις γὰρ δεινὸς ὢν λογογράφος, / ὥς εἶγε κἂν κώνωπα τολμήσεις φράσαι, / αὐτὸς σε νύξας ἐκφοβήσῃ σαλπίσας («Ведь ты, хоть и будучи ловким сочинителем, прекрасно знаешь, что если осмелишься рассуждать хоть бы даже и о комаре, то он сам напугает тебя укусом и звуком своей трубы»). Далее, в ст. 964–965, комар возникает в перечислении, демонстрирую-

¹ Об этой инвективе и ее месте в структуре поэмы см.: (Nodes 1996: 276 ff.); подробнее об отношении автора «Шестоднева» к Проклу и другим языческим неоплатоникам: (Lauritzen 2020). Условный характер именования явствует из резюмирующего ст. 80, где имя Прокла поставлено во множественное число (σὺγῶσι Πρόκλοι). В целом упоминания языческих писателей в «Шестоднев» бывают как «точечными» (см., напр., ст. 1061, где Порфирий порицается за неверное толкование египетского культа скарабеев в *De abstin.* IV, 9), так и обобщенными, причем оба этих подхода могут применяться к одним и тем же авторам: так, имя Галена многожды используется в почти что нарицательном значении 'врач', однако в ст. 1118 предполагает конкретную отсылку (Zeltchenko 2024: 126–127).

щем превосходство маленьких тварей в противоборстве с большими: бык бежит от овода, визг свиней пугает слонов, собака — льва, ἡμᾶς δὲ κώνωψ εὐτελὴς διαστρέφει / δάκνων προσαυλῶν ἐξυπνίζων πολλάκις («нас же лишает покоя простой комар, многаяжды кусая, дуя в свой авлос, пробуждая ото сна»).

Наконец, в ст. 1169–1178 уже полноценный портрет комара занимает место в галерее удивительных созданий, иллюстрирующих, *sit venia verbo*, *конструкторское мастерство* (μηχανουργία) Творца²:

Ποίου δὲ κώνωψ εὐπορήσας ὄργανον
 φωνὴν ἔχει σάλπιγγος, ἢ ποίῳ λόγῳ
 ἐν μικρότητι συντεθεὶς ἀμηχάνῳ
 μόρφωσιν ἔσχε καὶ πτερούμενος φέρει
 στόμα τράχηλον ὄμμα κοιλίαν πόδας
 καὶ τὰς ἀδήλους τῶν ἔσω διαπλάσεις,
 ἃς οὐκ ἀφῆκε ψηλαφᾶν ἢ λεπτότης;
 Οὐ γὰρ τοσοῦτον τῶν μεγίστων ἡ φύσις
 ὅσον τὰ μικρὰ ταῦτα τῶν ἀμηχάνων
 τὴν πανσθενῇ δείκνυσι μηχανουργίαν³.

Благодаря какому инструменту комар издает трубный голос? Каким образом он, сложенный в невозможно крохотных размерах, получил форму и, окрыленный, имеет рот, шею, глаза, чрево, ноги и неразличимые устройства внутренних

² Ориентируясь, по всей видимости, на терминологическое употребление этого слова у античных инженерных писателей (см. Athen. *De mach.* 31), Георгий Писида в ст. 1178 впервые применяет его к сотворению мира (ср. также ст. 158: ὁ μηχανουργέ) — новаторство тем более заметное, что в предшествующей и последующей литературе μηχανουργία значит ‘хитрости, козни’ (LBG II, 1024) и в этом качестве неоднократно относится к дьяволу или демонам (Ioann. *Damasc. Artem.* 33; *Theod. Studit. Catech.* 4, 22, 14; etc.). Попутно заметим, что в славянском переводе Димитрия Зографа (XIV в.) стоит *чадотворение*, при этом μηχανουργέ в ст. 158 верно переведено как *ремесловодителю* (Shlyapkin 1882: 5, 36). Учитывая чтение рукописи **В** *чутворение*, Джузеппе Фермелля делает конъектуру *чутвотворение* — несуществующее слово, которому он приписывает значение ‘изобретение’ (Fermeglia 1964: 241); мы предложили бы *чудотворение*.

³ В последний раз комар назван, через запятую с другими насекомыми (ст. 1243), в пассаже, резюмирующем раздел о маленьких животных: здесь поэт подвергает амплификации уже высказанную в ст. 1176–1178 мысль о том, что мельчайшие создания Творца в большей мере свидетельствуют о его всемогуществе, чем крупные.

органов, чья малость не позволяет к ним прикоснуться? Природа самых больших тварей не в такой мере являет всесылное мастерство созидания невозможного, как эти малые существа⁴.

Настойчивость, с которой наш автор возвращается к комару, тем примечательнее, что среди множества упомянутых в его поэме животных нет никаких других привычных врагов человека и вообще ни одного существа, целесообразность сотворения которого могла бы быть поставлена читателем под вопрос⁵. Между тем греческая традиция, как языческая, так и христианская, ожидаемым образом полна проклятий комару, «*deliberately troublesome*» (Beavis 1988: 193). Из множества примеров выберем три наиболее колоритных. Элиан, сообщая, что (точно не

⁴ Мы предпочитаем относить τῶν ἀμυγχανῶν не к τὰ μικρὰ ταῦτα, а к τὴν μηχανουργίαν, получая тем самым эффектный оксюморон (о пристрастии автора «Шестоднева» к оксюморонам, «основанным на α privativum», см. Radošević 1979: 87); к синтаксису фразы ср. выше ст. 1030, где Создатель именуется συντελεστής τῶν ἀμυγχανῶν, и 1060, где паутина названа μηχανήμα τῆς λεπτοουργίας. Трудная конструкция ст. 1177–1178 вызвала к жизни пояснительную интерполяцию ὅσον τὰ κρυπτά τῶν ἀμυγχανῶν μέρη, засвидетельствованную в рукописи **D** и в древнеармянском переводе IX в., имеющем общий с **D** источник (Gonnelli 1998: 196, in app.; Diroyean 1900: 124: δαδνιϋρ ὠήνιϋρ ὠιπρῶγδῖ ὠιηῶιϋρ). Следуя этой подсказке, Фабрицио Гоннелли понимает τὰ μικρὰ ταῦτα τῶν ἀμυγχανῶν как *крохотные части слабейших существ*, «*le piccolezze dei quelli infimi*» (Gonnelli 1996: 114; Gonnelli 1998: 197) — что, по нашему мнению, нарушает баланс риторической антитезы τὰ μέγιστα / τὰ μικρά и наделяет τὰ ἀμύχανα контекстуально неоправданным значением. Кратко перечислим другие интерпретационные решения. Джузеппе Мария Кверчи, сколько можно судить по его переводу, видел в τῶν ἀμυγχανῶν *genetivus partitivus* при τὰ μικρὰ ταῦτα: «*in hisce minimis, quae fieri non posse videntur*» (Querci 1777: 171); Луиджи Тарталья предполагает *genetivus qualitatit*: «*questi minuscoli esseri, la cui esistenza ha dell'impossibile*» (Tartaglia 1998: 383).

⁵ Большой экскурс о саранче в стт. 1215–1232 (его разбор см.: Tartaglia 2005: 55–57) — исключение, подтверждающее правило: Георгий Писида сразу начинает его с отсылки к восьмой казни египетской (1216: ἔθνος πτερωτὸν εἰς φθορὰν Αἰγυπτίων), что дает ему возможность далее описывать войско саранчи как идеальный инструмент гнева Господня (ср. Basil. Hom. in Hexaem. 8, 7, 78A, где саранча, садясь на посевы и деревья, не трогает их до тех пор, пока не получит приказ Бога). О саранче в христианской литературе см. специальную работу: (Nazzaro 2010).

идентифицируемую рыбу) θύμαλ(λ)ος можно поймать только на комара, усматривает в этом обстоятельстве парадокс, который и развивает далее с риторическим искусством: фимал любит того, кого не любит больше никто (NA XIV, 23: κώνωπι δὲ αἰρεῖται μόνῳ, πονηρῷ μὲν ζῷῳ καὶ μεθ' ἡμέραν καὶ νύκτωρ ἀνθρώποις ἐχθρῷ καὶ δακεῖν καὶ βοῆσαι: «он ловится только на комара, гнусное животное, днем и ночью враждебное людям и укусами, и криком»); Мелеагр в одной из двух «комариных» эпиграмм (о другой см. ниже) называет этих насекомых ἀναϊδέες αἵματος ἀνδρῶν / σίφωνες, νυκτὸς κνώδαλα διπτέρυγα (AP V, 151 [= 33 Gow — Page], 1–2: «бесстыдные насосы человеческой крови, двукрылые ночные чудища»); по Артемидору (III, 8), увидеть во сне комара означает подвергнуться преследованиям скверных людей, которые будут не просто чинить сновидцу вред, но и осыпать его оскорблениями⁶. Начиная с *Aesch. Agam.* 892, где отнимающее сон жужжание комаров описано в тончайших деталях⁷, авторы многократно говорят о назойливой ненасытности комаров, об их неприятных укусах, противном писке и т. д.; лишь малярия не входит в этот перечень, поскольку роль комаров в распространении этой болезни была установлена медициной только в XIX в.⁸ Неудивительно потому, что в традиции толкований на Шестоднев комары не представлены: Василий Великий, один из главных источников нашего поэта, упоминает их вполне случайным образом, через запятую с другими существами (6, 6, 56A — в сравнении астрологов с пауками, чьи сети способными уловлять лишь мелких насекомых; 7, 1, 62E — в связи с порождающим потенциалом стоячей воды озер и болот); персонального портрета комара ни Василий, ни Григорий Нисский, ни Амвросий, ни другие представители жанра не предлагают. Более того, сам Георгий Писиды в другой

⁶ Аналогичные толкования засвидетельствованы и в византийских сонниках (Oberhelman 2008: 177).

⁷ Характерно, что и Э. Френкель, и С. Баррет в полемике об этом месте апеллировали к мучительному опыту собственных бессонниц (Fraenkel 1962: II, 404; III, 830).

⁸ О комарах в античности см.: (Keller 1913: 451–454; Steier 1933; Davies, Kathirithamby 1986: 165–167; Beavis 1988: 229–236); о комарах в христианской экзегезе: (Ciccarese 2007: 411–422; Miller 2018: 174–181). Поучительный, но весьма неполный обзор «комариных» текстов греческих и латинских писателей: (Pontani 1979).

поэме говорит о комарах во вполне традиционном духе, сравнивая с ними полчища жадных до крови варваров (*Bell. Avar.* 64). Таким образом, характеристика комара в «Шестодневе» является инновацией, заслуживающей внимания и анализа.

Интересную попытку такого анализа предложил в 1996 г. Фабрицио Гоннелли, рассмотревший «комариные пассажи» «Шестоднева» в более широком контексте отношения гексамеральной литературы к *minuta animalia*; центральный пункт его рассуждения, однако, представляется нам спорным. По мысли Гоннелли (Gonnelli 1996: 114–115; cf. Gonnelli 1998: 121, in app. ad v. 72 sq.), в процитированных выше стт. 71–73 мишенью Георгию Писиде служат эпидейктические риторы второй софистики, практиковавшие, в качестве своеобразного *tour de force*, демонстративное прославление очевидно незначительных и неприятных вещей, и в том числе насекомых⁹. Согласиться с этим выводом трудно: как ни собирателен «Прокл», весь контекст обращенной к нему длинной инвективы указывает на то, что стт. 71–73 полемизируют не с риторической, а с философской традицией¹⁰. Это побуждает нас рассмотреть вопрос заново; используя находки Гоннелли и других комментаторов, мы надеемся добавить к ним несколько новых

⁹ Для обозначения подобных упражнений, которые сами греки называли *ἐγκώμια ἄδοξα* или *παράδοξα*, Р. Фолькман ввел в оборот термин *Adoxographie* (Volkmann 1869: 154–155). Исследования, посвященные античной адоксографии, необозримы (Burgess 1902: 157–166; Pease 1926; Pernot 1993: 532–546; Dandrey 1997: 9–35; Peri 2003; и мн. др.); энкомии докучливым насекомым, образцом которых осталась для нас лукиановская «Похвала мухе», занимали в ней существенное место (см. комментированную антологию: Billerbeck, Zubler 2000). Актуальность этой традиции в византийскую эпоху (Fuente 2004; Marciniak 2019) доказывают три *opuscula* Михаила Пселла, представляющие собой похвалы блохе, вши и клопу (*Psell. Orat. min.* 27–29 Littlewood) и составленные, как явствует из другой его речи (25, 74 sqq. Littlewood; cf. 28, 119 sqq., 29, 88 sqq.), в учебных целях и в подражание классическим образцам. Еще один энкомий блохе сочинил в XIV–XV вв. Димитрий Хрисолор (Andrés 1984).

¹⁰ Ст. 77 (*ἀλλ' ὃ σοφιστὰ τῶν ξενοπλόρων λόγων*), разумеется, имеет оценочный, а не содержательный характер: помимо ст. 60 (*ὃ σοφιστὰ Πρόκλε*) ср. также 1297, где софистами названы сторонники представления о бугонии, т. е. философские и естественнонаучные писатели.

параллелей, позволяющих уточнить наши представления об источниках и контексте *exemplum culicis* в «Шестодневе».

Как констатировал уже Фредерик Морель в кратком примечании на полях *editio princeps* (Morel 1585: 44), наиболее близкую параллель к *Hexaem.* 1169–1175 представляет пассаж Плиния Старшего из вступления к книге о насекомых (*NH* XI, 2; мы подчеркиваем те части тела и «способности» комара, которые названы и у Георгия Писиды): *in his tam parvis atque tam nullis quae ratio, quanta vis, <qu>am inextricabilis perfectio! ubi tot sensus collocavit (sc. natura) in culice? <...> ubi visum in eo praetendit? ubi gustatum adplicavit? ubi odoratum inseruit? ubi vero truculentam illam et portione maximam vocem ingeneravit? qua subtilitate pinnas adne<xu>it, praelongavit pedum crura, disposuit ieiunam caveam uti alvum, avidam sanguinis et potissimum humani sitim accendit! telum vero perfodiendo tergori quo spiculavit ingenio atque, ut in capaci, cum cerni non possit exilitas, reciproca generavit arte, ut fodiendo acuminatum pariter sorbendoque fistulosum esset!* («В столь маленьких и даже ничтожных созданиях какой разум, какая сила, какое сложнейшее совершенство! Где природа сумела поместить столько чувств в комаре? <...> Где расположила зрение? Где приладила вкус? Где приспособила обоняние? Где вживила этот голос, воинственный и, по сравнению с размерами комара, чрезвычайно громкий? С каким тонким искусством присоединила крылья, удлинила голени ног, расположила ненасытную полость, как чрево, разожгла в нем жажду крови, особенно человеческой! С каким талантом натищила его оружие, чтобы оно могло пронзать кожу, причем породила его с двояким искусством — как и в больших созданиях, хотя малость комара не дает даже возможности это разглядеть, — так что оно одновременно и заострено для протыкания, и имеет форму трубки для всасывания»). Более того, у Плиния (*ibid.*, paulo supra), как и в «Шестодневе» (стт. 1176–1178, 1242–1243), пример комара призван доказать, что малые создания природы в большей мере достойны восхищенного внимания, нежели крупные; при этом оба автора используют «ремесленно-инженерную» метафорику (*officina* / *μηχανουργία*): *In magnis siquidem corporibus aut certe maioribus facilis officina sequaci materia fuit: in his tam parvis atque tam nullis quae ratio, quanta vis, <qu>am inextricabilis perfectio! <...> rerum natura nusquam magis quam in minimis tota sit* («В больших — или, во

всяком случае, больших — телах работа [природы] была легкой, благо материя поддавалась; но в этих, таких мелких, таких ничтожных, какой разум, сколько силы, какое сложное совершенство! Нигде в большей мере, чем в мельчайших созданиях, природа вещей не проявляется во всей своей полноте»¹¹.

¹¹ Исходный толчок к этому рассуждению дал пассаж [Arist.]. *Part. anim.* 645a, 15–23: διὸ δεῖ μὴ δυσχεραίνειν παιδικῶς τὴν περὶ τῶν ἀτιμωτέρων ζώων ἐπίσκεψιν. Ἐν πᾶσι γὰρ τοῖς φυσικοῖς ἔνεστί τι θαυμαστόν· <...> καὶ πρὸς τὴν ζήτησιν περὶ ἐκάστου τῶν ζώων προσιέναι δεῖ μὴ δυσωποῦμενον ὡς ἐν ἅλασιν ὄντος τινὸς φυσικοῦ καὶ καλοῦ («Поэтому не стоит по-ребячески кривиться от наблюдений над непотченными животными. Ибо во всех явлениях природы есть нечто удивительное; <...> и к изучению каждого из них надлежит подступать без смущения, поскольку в каждом есть нечто природное и прекрасное»). Если для автора *De partibus animalium* рассмотрение мелких животных связано с теоретическим принципом *causa finalis*, то Плиний подхватывает и развивает слова Псевдо-Аристотеля уже не в философском, но в облегченном декламационно-риторическом духе (Ernout, Répin 1947: 124). П. В. Никитин, упрекая комментаторов «Шестоднева», которые «отсылают читателя к сочинениям естествоведов» (Nikitin 1888: 23–24; неназванной мишенью здесь служит, очевидно, Querci 1777: 225), с излишней, на наш взгляд, категоричностью утверждает, что прямым образцом для Георгия Писиды послужило длинное рассуждение Василия Великого (*Hom. in Hexaem.* 9, 5, 86CD: οὐ μόνον δὲ ἐν τοῖς μεγάλοις τῶν ζώων τὴν ἀνεξιχνίαστον σοφίαν ἔξεστι κατιδεῖν, ἀλλὰ καὶ ἐν τοῖς μικροτάτοις οὐδὲν ἔλαττον...: «Не только в больших созданиях можно наблюдать неисследимую мудрость [Создателя], но ничуть не менее и в крохотных...» и т. д.). В самом деле, если Василий, как и Псевдо-Аристотель, декларирует в этом вопросе равновесие — насекомые являют Божественную премудрость *не в меньшей мере*, чем самые большие из животных (то же см., напр., в *Plut. De soll. anim.* 968B: ἵνα τοῦ νοῦ τὴν φύσιν ἔν τε τοῖς μικροτάτοις ἅμα καὶ μεγίστοις σώμασι κατανοήσωμεν; *Hier. in Ps.* 91, 5: sic miror Dominum in elephanto, quomodo et in formica; sic illum praedico in camelo, quomodo et in culice) — то суждение Георгия Писиды в своей парадоксальной заостренности совпадает с плиниевским: не просто не в меньшей, но в большей. Схожее подведение баланса в этом вопросе обнаруживается только у Августина (*De Gen. ad litt.* III, 23 [параллель с «Шестодневом» отмечена: Gonnelli 1996: 155]; *Civ.* XXII, 24, 5), который, судя по всему, зависит здесь от Плиния (Miller 2018: 175).

Этому отрывку была суждена богатая рецепция в ранне-христианской литературе (Waszink 1947: 188–189; Bartelink 1978; Lardet 1993: 339–341; Grant 1999: 29–33). Во II в. н. э. эллинистический философский спор о целесообразности сотворения «*minuta animalia*» (в рамках которого вместе с вшами, блохами и пр. упоминались и комары: см. *Chrysipp.* fr. 1048 Arnim = *Alex. Aphrod. de mix.* p. 226, 26 Bruns; *Plutarch.* fr. 193 Sandbach = *Porph. De abst.* III, 20 [в конечном итоге это рассуждение восходит к Карнеаду]; *Galen. De foet. form.* vol. IV, p. 700 Kühn) воскрес в связи с учением Маркиона, считавшего мир творением злого и неумелого божества; перечень уродливых и опасных тварей играл в его аргументации важную роль. Опровергая эту доктрину, Тертуллиан, как показал Ян Хендрик Вассинк (Waszink 1947: 189), прямо опирается на плиниевское место, а Иероним и Августин (возражая уже не маркионитам, а манихеям) развивают его. В этой «апологетической энтомологии» (Grant 1999: 30; см. также Marciniak 2023: 183–186) рационалистические рассуждения Хрисиппа о пользе бесполезного (fr. 1163 Arnim [= *Plut. De Stoic. repugn.* 1044e]: οἱ κόρες εὐχρήστως ἐξυπνίζουσιν ἡμᾶς, καὶ οἱ μύες ἐπιστρέφουσιν ἡμᾶς μὴ ἀμελῶς ἕκαστα τιθέναι: «клопы пробуждают нас для нашей же пользы, а мыши побуждают нас не разбрасывать беспечно вещи») уступают место восхищению Плиния; ср. характерный пассаж Августина, часто цитируемый исследователями вопроса (*De Gen. adv. Manich.* I, 26): Ego vero fateor me nescire mures et ranae quare creatae sint, aut muscae aut vermiculi; video tamen omnia in suo genere pulchra esse («Признаюсь, что не знаю, для чего созданы мыши и лягушки, мухи и черви; но вижу, что все они в своем роде прекрасны»). Речь идет о более чем десятке пассажей (полный их перечень см.: Bartelink 1978); приведем только те, которые упоминают комара и текстуально близки как плиниевскому отрывку, так и «Шестодневу»: *Tertull. Adv. Marcion.* 1, 14: sustine <...> culicis et tubam et lanceam («попробуй выдержать <...> трубу и дротик комара»); *Augustin. In Psalm.* 148, 10: *quis dedit aculeum culici*, quo sanguinem sugat? *Quam tenuis fistula est qua sorbet!* («Кто дал комару жало, чтобы он сосал кровь? Как тонка трубка, которой он ее втягивает!»); *Hier. In Psalm.* 91, 115 sqq.: *Vide culicem, quomodo quasi punctum cuiusdam corpusculi est, et tamen vide in ipso puncto corpusculi omnia esse membra divisa. Habet sex pedes, habet duos*

oculos, habet os, habet et ventrem, habet et tubam vocis, habet et alas («Посмотри на комара — его тельце представляет собой словно бы точку, но в самой этой точке все органы расположены отдельно друг от друга. У него есть шесть ног, есть два глаза, есть рот, есть чрево, есть труба голоса, есть и крылья»).

Это последнее место тем более важно, что непосредственно перед ним (106 sqq.) Иероним рисует образ погруженного в размышления любомудра, которого *кусают клоп* — в точности как это происходит с «Проклом» и комаром в ст. 73 «Шестоднева»: Si omnia Deus fecit, et in utilitatem hominum fecit, quid necesse fuit cimicem facere et pulicem? Ego tibi breviter respondeo: ut ostenderetur, o homo, fragilitas tua. Qui enim cogitationem tuam in coelum ponis, respice, morderis a cimice, et contremescis. Quid erigeris in caelum, et cogitatio tua transcendit in coelum? Ecce a cimice vulneraris («Если все создал Бог, и притом на пользу людей, то для чего ему было создавать клопа и блоху? Отвечаю тебе кратко: чтобы явить твою хрупкость, о человек. Посмотри: тебя, полагающего свое помышление в небесах, кусает клоп, и ты трепещешь. Что с того, что ты поднимаешься в небо и мысль твоя уносится в небо? Вот, тебя уязвляет клоп»)¹². Вопрос о том, позволительно ли предполагать для Георгия Писиды знакомство с латинскими авторами или же здесь, как и в случае с Плинием, следует постулировать общие греческие источники, приходится оставить на будущее; однако параллель из Иеронима во всяком случае помогает поместить стт. 71–73 «Шестоднева» в нужный контекст: эти строки имеют в виду не риторов, а языческих философов, которые, подобно Хрисиппу, ищут *raison d'être* для вредных насекомых вместо того, чтобы смириться с непостижимостью Божественного промысла.

Что касается античной школьной риторики, то ее влияние можно уловить в двух других «комариных пассажах» поэмы. Как справедливо указывает Гоннелли (Gonnelli 1996: 114–115; cf. Gonnelli 1998: 121, in app. ad v. 72 sq.), среди героев пара-

¹² Среди многочисленных параллельных мест иеронимовского корпуса есть и такие, в которых упоминается комар; ср., напр., *In Ioel*. 2, 22 sqq.: illud solemus Marcioni et ceteris respondere haereticis qui vetus laniant testamentum, quod et pulices et culices et cimices et huiusmodi animantia idcirco fecerit Deus, ut fragilitatem et imbecillitatem nostrae carnis ostenderet, quae intantum nihil est, ut ab his quae parva sunt vulneretur.

доксальных энкомиев насекомым были и комары: мы знаем об этом благодаря свидетельству Синесия, который сообщает (*Dio* 2 = *Opusc.* 6, 41c Terzaghi) об ἔλαινος κώνωπος, написанном Дионом Хризостомом. Более того, Дион, по-видимому, не был единственным: защищая адоксосографические παίγνια, Пселл называет рядом Диона с его похвалой попугаю (также не дошедшей до нас) и *кого-то другого*, написавшего похвалу комару (*Orat. min.* 25, 77–78 Littlewood: ὁ δὲ τὸν ψιττακὸν ἐπαινέσας Δίων καὶ τὴν μῦαν σοφιστῆς ἕτερος καὶ ἄλλος τὸν κώνωπα); см. также *Anon. ad Arist. Rhet.* 1358b = CGA XXI, 2, p. 10, 25 [цит. ниже]; p. 13, 29 Rabe.

Обследование памятников античной словесности позволяет, пусть и гипотетически, проследить историю мотива «похвалы комару». На первый взгляд, точкой отсчета здесь должна служить эпиграмма Мелеагра *AP* V, 152 (= 34 Gow — Page), чья популярность засвидетельствована двумя папирусами I в. до н. э. — I в. н. э. и цитатой, вырезанной на египетском рельефе (Gutzwiller 2010). Этот текст составляет контрастную пару (Ypsilanti 2005: 89–90) с эпиграммой того же автора *AP* V, 151 (цит. выше): первая из них содержит изобретательные проклятья комарам, которые мешают спать возлюбленной поэта Зенофиле, а во второй поэт, наоборот, просит комара разбудить Зенофилу и позвать ее на свидание — соответственно, тон ее преувеличенно леств. Однако остроумная игра Мелеагра преследует собственные цели (Gow, Page 1965: 627; Giangrande 1972; Andreassi 2011) и, помимо заискивающего эпитета φιλόμουσε (*AP* V, 152, 4) — который, как явствует из других случаев употребления этого прилагательного, означает скорее восприимчивость комара к поэтическим призывам Мелеагра, нежели его собственные музыкальные таланты (Giangrande 1972: 297–298; Cairns 2016: 387), — никаких риторических похвал не содержит.

Любопытным образом мы не находим этого мотива там, где ожидали бы обнаружить его в первую очередь — а именно в эпиллии *Culex*, сохранившемся в составе *Appendix Vergiliana*. Это умолчание тем заметнее, что автор *Culex* непрерывно демонстрирует готовность развивать риторико-поэтические общие места всюду, где для этого предоставляется случай — будь то экфрасис *locus amoenus*, похвала бедной жизни, каталог деревьев, картина Троянской брани и т. д. и т. п.; однако воз-

возможностью восхвалить или даже пристально описать комара, своего главного героя, он не пользуется. На наш взгляд, это значимое отсутствие можно применить в качестве *terminus post quem*: очевидно, ко времени создания поэмы (*vexatissima quaestio* о ее датировке сейчас чаще всего решается в пользу эпохи Тиберия [Seelentag 2012: 9–17]; во всяком случае, она была известна Лукану) интересующий нас риторический топос «восхваления комара» еще не сформировался¹³.

Таким образом, мы, вероятно, не ошибемся, предположив, что традиция похвалы комару возникла в рамках эпидейктического красноречия в I в. н. э.; может быть, приведенный выше пассаж Плиния, очевидно риторически организованный, уже находится под влиянием этой традиции. После Диона

¹³ Гипотеза о греческом источнике *Culex* базируется на получившем широкую известность наблюдении Ф. Ф. Зелинского (Zielinski 1901: 3; далее см., напр.: Helm 1953: 66; Marinčič 1996: 55–56; Mindt 2011: 21–22), указавшего, что добродетельный комар оказывается в подземном царстве в компании мифологических *героинь* — Алкестида, Пенелопы и т. д. Это неожиданное помещение комара в женском отделении Элизидума Зелинский связал с тем, что греческое *ἐμπίς*, в отличие от латинского *culex* — *femininum*, и считал аргументом в пользу эллинистического оригинала. Против этой идеи высказывались убедительные литературоведческие доводы (Büchner 1955: 1107–1108; Heil 2022: 111–112: «Als ob sich (nach Ovid!) ein männlicher Sprecher nicht auch mit weiblichen Figuren identifizieren könnte»); мы хотели бы предложить лингвистический. В самом деле, из двух греческих именовании комара (попытки некоторых античных авторов их разграничивать отвергаются современными энтомологами; см.: Gil Fernández 1959: 26; Davies, Kathirithamby 1986: 165; Beavis 1988: 233) *ἐμπίς* является словом живой аттической речи (ср. Chantraine 1983, s. v.: «de caractère populaire»), которое используется в древней комедии (*Aristoph. Nub.* 157 sqq.; *Av.* 245; *Lys.* 1031–1032; *Com. adesp.* 1213, 2 Kassel — Austin) и едва ли не отсюда было заимствовано аттицизирующими писателями эпохи империи (ср. *Schol. Aristoph. Nub.* 157c: τὰς ἐμπίδας, οὓς ἡμεῖς κόωντας λέγομεν; *Hesych.* ε 246 Latte). Напротив, у авторов, писавших не по-аттически, как Геродот или создатели гиппократовского корпуса, а также у поэтов от Эсхила до эпиграмматистов Антологии комар именуется только *κόωνψ* (всегда *masculinum*, вопреки *Suda* κ 2281 Adler; об источниках этой грамматической аберрации см. *Schol. in Aristoph. Plut.* 538; TGL IV, 2205; Pontani 1979: 59–60); очевидно, так и только так он должен был бы называться и в (воображаемом) эллинистическом эпиллии.

Хризостома с его несохранившимся ἔλαινος κώνωπος следующим, и важнейшим для нас, свидетельством оказывается роман Ахилла Татия (сейчас, по результатам папирусных находок, его принято датировать первыми десятилетиями II в. н. э.; таким образом, автор был младшим современником Диона), во второй книге которого описан словесный поединок рабов Сатира и Конопса: каждый из них рассказывает басню о комаре. Как давно установлено, обе эти басни имеют эзоповский источник (140; 267 Hausrath), однако расцвечены Ахиллом Татием с демонстративным риторическим мастерством (Delhay 1990; Marein 2011). Нас будет интересовать вторая из них, в которой комар, хвастаясь перед львом, произносит изобретательный гимн себе самому (II, 22, 1–4): ἐμοὶ δὲ μέγεθος μὲν ὁ ἄηρ ὅλος, ὅσον μου καταλαμβάνει τὸ πτερόν, κάλλος δὲ αἱ τῶν λειμώνων κόμαι· αἱ μὲν γάρ εἰσιν ὥσπερ ἐσθῆτες, ἃς ὅταν θέλω παῦσαι τὴν πτῆσιν ἐνδύομαι. τὴν δὲ ἀνδρείαν μου μὴ καὶ γελοῖον ἢ καταλέγειν· ὄργανον γὰρ ὅλος εἰμὶ πολέμου. μετὰ μὲν σάλπιγγος παρατάττομαι, σάλπιγξ δὲ μοι καὶ βέλος τὸ στόμα· ὥστε εἰμὶ καὶ αὐλητῆς καὶ τοξότης. ἔμαντοῦ δὲ οἷστός καὶ τόξον γίνομαι· τοξεύει γάρ με διαέριον τὸ πτερόν, ἐμπεσὼν δὲ ὡς ἀπὸ βέλους ποιῶ τὸ τραῦμα· ὁ δὲ παταχθεὶς ἐξαίφνης βοᾷ καὶ τὸν τετρακότα ζητεῖ. ἐγὼ δὲ παρὼν οὐ πάρεμι. ὁμοῦ δὲ καὶ φεύγω καὶ μένω, καὶ περιῖππεύω τὸν ἄνθρωπον τῷ πτερῷ, γελῶ δὲ αὐτὸν βλέπων περὶ τοῖς τραύμασιν ὀρχούμενον (перевод АБДЕМ: «Мой же рост так же безграничен, как воздух, который преодолевают мои крылья. Моя красота — это убор лугов. Луговые травы служат мне одеждой, когда я погружаюсь в них, желая отдохнуть от полета. Смешно было бы усомниться в моей воинственности: я весь представляю собой оружие войны. Когда я готовлюсь к бою, то даю сигнал на трубе, причем и труба и стрелы — это мое жало. Так что я одновременно и трубач и лучник. Я и стрела и лук. Запускают меня в воздух мои крылья, и в то же время я сам становлюсь стрелой и наношу рану. Раненый тотчас вскрикивает и начинает искать обидчика. Я же, присутствуя, отсутствую, я и остаюсь, и исчезаю. Я задеваю человека крылом и смеюсь, наблюдая за тем, как он пляшет от моих укусов»).

Как показывает «Похвала мухе» Лукиана, подобного рода энкомии насекомым естественным образом членились на две части: в одной прославляется внешний облик героя, в другой — его добродетели, в первую очередь мужество и упорство (Peri

2003: 27–32). В версии Ахилла Татия мы имеем дело с обоими мотивами сразу, в то время как у Георгия Писиды они разведены: стт. 963–964 посвящены храбрости комара, а стт. 1169–1175 — его телесному устройству. Это разделение, помимо всего прочего, позволяет поэту уйти от деликатной проблемы: в самом деле, в «портрете комара» перечисляются едва ли не все его органы, кроме самого удивительного и бросающегося в глаза — жала, которому уделяют так много места и Плиний, и Ахилл Татий; оно спрятано в ст. 1173 за уклончивым *στόμα*. Таким образом, в стт. 1169–1175 комар описывается как словно бы безвредный: *μηχανουργία* Создателя должна пробуждать эмоцию чистого восторга, не омраченного «манихейским» вопросом, зачем нужно было создавать вредное насекомое.

В заключение обратим внимание на прямую лексическую параллель между «Левкиппой и Клитофонтом» и «Шестодневом»: это даже не употребление *ὄργανον* (любимое слово нашего поэта; см. стт. 643, 834, 920 и др.) и не *σάλπιγξ*¹⁴, но *αὐλήτης* (ниже, в сцене битвы комара со львом, Ахилл Татий будет использовать однокоренные глаголы; ср. 22, 4: *περιϋπτάμενος ἄμα καὶ τῷ βόμβῳ καταυλῶν*; 22, 7: *ὁ δὲ κώνωψ περιϋπτάμενος αὐτοῦ τὴν κόμην ἐπηύλει μέλος ἐπινίκιον*). Насколько нам известно, сравнение звуков комара и авлоса нигде более не засвидетельствовано (стандартным словом для комариного писка было *βομβέω*), так что новейший комментатор «Левкиппы и Клитофонта» справедливо отмечает его необычность (Whitmarsh 2020: 232); между тем в ст. 964 «Шестоднева» стоит *προσαυλῶν*. Этого, конечно, недостаточно, чтобы утверждать, будто Георгий Писида читал «Левкиппу и Клитофонта»: сходство, на наш взгляд, должно объясняться обращением к общей традиции риторических похвал комару. О зависимости Ахилла Татия от этой (дионовской?) традиции свидетельствует и анонимный комментарий XII в. к *Arist. Rhet.* 1358b (CGA XXI, 2, p. 10, 25 Rabe; cf. p. 13, 29), упоминающий о риторе, который, в числе прочего, *τὴν δύναμιν <...>*

¹⁴ О «трубе комара» авторы говорят многократно: ср. *Aristoph. Nub.* 165 sqq. (где, впрочем, трубой в результате сократовских разысканий оказывается *зад* насекомого); *Aesop.* 267 Hausrath; *Batrachom.* 199–200; *Tertull. Adv. Marc.* 1, 14; *Hier. in Psalm.* 91, 122 (оба места цит. выше). См.: (Fraenkel 1962: II, 404; Hosty 2020: 209).

ἐπιδείκνυται τὴν οἰκείαν δεικνὺς τὸν κόνωπα ἴσον τῷ λέοντι («демонстрирует свои возможности, доказывая, что комар равен льву»): именно на этом сопоставлении построена похвальба комара перед львом в «Левкиппе и Клитофонте».

Таким образом, *exemplum culicis* в «Шестодневе» строится на пересечении сразу трех традиций: естественнонаучной, философско-теологической и риторической. Как мы постарались показать, ни одна из этих традиций не является автономной: их искусное соединение (или даже взаимопроникновение) в тексте Георгия Писиды было подсказано поэту его предшественниками. Так, пассаж о комаре из «Естественной истории» Плиния оказался вписан в богословские дискуссии латинских отцов церкви; а согласно убедительному предположению Артура Стэнли Пиза (Pease 1926: 32), особое внимание к насекомым у риториков-адоксогографов мотивировано, в том числе и искренним восхищением сложностью мироустройства — иначе говоря, реакцией на развитие аристотелевского естествознания.

Литература

- Andreassi, M. 2011: Implicazioni magiche in Meleagro AP 5.152. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 176, 69–81.
- Andrés, G. de. 1984: Demetrio Crisoloras el Palaciego. Encomio de la pulga. *Helmantica* 35, 51–69.
- Bartelink, G. J. M. 1978: Hieronymus über die minuta animalia. *Vigiliae Christianae* 32, 289–300.
- Beavis, I. C. 1988: *Insects and Other Invertebrates in Classical Antiquity*. Exeter: University of Exeter Press.
- Billerbeck, M., Zubler, Chr., 2000: *Das Lob der Fliege von Lukian bis L. B. Alberti*. Bern: Lang (Sapheneia 5).
- Burgess, Th. C. 1902: Epideictic Literature. *Studies in Classical Philology at the University of Chicago* 3, 89–261.
- Büchner, K. 1955: P. Vergilius Maro. In: *RE VIII A*, 1021–1486.
- Cairns, F. 2016: *Hellenistic Epigrams: Context of Exploration*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Chantraine, P. 1983: *Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots*. 2^{ème} éd. T. 1–2. Paris: Klincksieck.
- Ciccarese, M. P. 2007: *Animali simbolici: Alle origini del bestiario cristiano*. Vol. 2. Bologna: EDB.
- Dandrey, P. 1997: *L'éloge paradoxal: De Gorgias à Molière*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Davies, M., Kathirithamby, J. 1986: *Greek Insects*. New York; Oxford: Oxford University Press.

- Delhay, C. 1990: Achille Tatius fabuliste? *Pallas* 36, 117–131.
- Diroyean, A. (ed.). 1900: *Vec'ōreayk' Gēorgay Pisisideay imastasiri* [Hexaameron by the Philosopher George of Pisidia]. Venice: St Lazarus, 1900.
- Տիրոյեան Ա., 1900. Վեցորեայք Գեորգեայ Պիսիդեայ Իմաստասիրի. Վենետիկ: Ի տպարանի Սրբոյն Հագարու.
- Ernout, A., Pépin, R. 1947: *Pline L'Ancien. Histoire naturelle. Livre XI*. Paris: Les Belles Lettres.
- Fermeglia, G. 1964. Studi sul testo delle due versioni (slava ed armena) dello *Hexaameron* di Giorgio Pisida. *Memorie dell'Istituto Lombardo. Accademia di Scienze e Lettere. Classe di lettere, scienze morali e storiche* 28(2), 227–333.
- Fraenkel, E.: 1962. *Aeschylus. Agamemnon*. Vol. 1–3. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press.
- Fuente, J. M. de la. 2004: El insecto como tema retórico y poético. *Minerva* 17, 85–102.
- Giangrande, G. 1972: Meleager und die Mücke. *Mnemosyne*, 4th ser. 25, 296–302.
- Gil Fernández, L. 1959: *Nombres de insectos en griego antiguo*. Madrid: Instituto “Antonio de Nebrija”.
- Gonnelli, F. 1996: Poesia biblica bizantina e barocca: Il bestiario esamerale. *Compar(a)ison* 1, 102–130.
- Gonnelli, F. 1998: *Giorgio di Pisidia. Esamerone*. Pisa: ETC.
- Gow, A. S. F., Page, D. L. 1965: *The Greek Anthology: Hellenistic Epigrams*. Vol. 2. Cambridge, Cambridge University Press.
- Grant, R. M. 1999: *Early Christians and Animals*. London; New York: Routledge.
- Gutzwiller, K. 2010: The Demon Mosquito. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 174, 133–138.
- Heil, A. 2022: ‚Lieber mit Homer irren?‘: Scheinbar unmögliche Autopsien in den Totenbegegnungen frühkaiserzeitlicher Epik. Leiden; Boston: Brill.
- Helm, R. 1953: Beiträge zum *Culex*. *Hermes* 81, 49–77.
- Hosty, M. 2020: *Batrachomyomachia (Battle of the Frogs and Mice)*. Oxford: Oxford University Press.
- Keller, O. 1913: *Die antike Tierwelt*. Bd 2. Leipzig: Engelmann.
- Lardet, P. 1993: *L'apologie de Jérôme contre Rufin: Un commentaire*. Leiden: Brill.
- Lauritzen, F. 2020: Late Antique Philosophy and the Poetry of George of Pisidia. In: *Myth, Religion, Tradition, and Narrative in Late Antique Greek Poetry*. Ed. by N. Kröll. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 59–68 (Wiener Studien 41).
- LBG — *Lexikon zur byzantinischen Gräzität, besonders des 9.–12. Jahrhunderts*. Erst. Von E. Trapp. Bd 1–2. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2001–2017.

- Marein, M.-F. 2011: Le lion et le moucheron: Achille Tatius, II, 2, variation sophistique autour d'un thème du corpus ésoptique. In: *Présence du roman grec et latin: Actes du colloque tenu à Clermont-Ferrand (23–25 novembre 2006)*. Textes réunis par R. Poignault, avec la collaboration de S. Dubel. Clermont-Ferrand: Centre de recherches A. Piganiol — Présence de l'Antiquité, 93–101 (Collection Caesarodunum 50–51bis).
- Marciniak, P. 2019: The *Paradoxical Enkomion* and the Byzantine Reception of Lucian's *Praise of the Fly*. *Medioevo Greco* 19, 141–150.
- Marciniak, P. 2023: Byzantine Cultural Entomology (Fourth to Fifteenth Centuries): A Microhistory of Byzantine Insects. *Dumbarton Oaks Papers* 77, 177–193.
- Marinčič, M. 1996: Die Funktion des Orpheus-Mythos im *Culex* und in Vergils *Georgica*. *Živa Antika* 46, 45–82.
- Miller, C. P., 2018: *In the Eye of the Animal: Zoological Imagination in Ancient Christianity*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Mindt, N. 2011: Vergil zur Mücke machen: Zum *Culex* der *Appendix Vergiliana*. *Atene e Roma* n. s. 5, 19–36.
- Morel, F. 1585: *Opus sex dierum, seu mundi opificium: Georgii Pisidae <...> poema. Eiusdem senarii de vanitate vitae. Omnia nunc primum Graece in lucem edita, et Latinis eiusdem generis versibus expressa <...> cum fragmentis ex Suida et aliis*. Lutetiae: Apud Fed. Morellum.
- Nazzaro, A. V. 2010: Le locuste nella Bibbia e nella letteratura patristica latina. In: *Il simbolismo degli elementi della natura nell'immaginario cristiano*. A cura di A. M. Barbàra. Napoli: ESI, 85–112.
- Nikitin, P. V. 1888: [Textual Notes to George of Pisidia's *Hexaemeron*]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvesh'eniya [Journal of the Ministry of Public Education]* 255, sect. class. phil., 1–29.
Никитин, П. В., 1888: Замечания к тексту «Шестоднева» Георгия Писидийского. *Журнал Министерства народного просвещения* 255, отд. класс. фил., 1–29.
- Nodes, D. J. 1996: Rhetoric and Cultural Synthesis in the *Hexaemeron* of George of Pisidia. *Vigiliae Christianae* 50, 274–287.
- Oberhelman, S. M. 2008: *Dreambooks in Byzantium: Six Oneirocritica in Transl., with Comm. and Introd.* Aldershot: Ashgate, 2008.
- Pease, A. S., 1926: Things without Honor. *Classical Philology* 21, 27–42.
- Peri, A. 2003: Teoria e prassi degli ἐγκώμια ᾄδοξα. In: *Incontri triestini di filologia classica*. Vol. 1: 2001–2002. Trieste: Edizioni Università di Trieste, 25–32 (Polymnia. Studi di filologia classica 2).
- Pernot, L. 1993: *La rhétorique de l'éloge dans le monde gréco-romain*. T. 2: Les valeurs. Paris: Institut d'Études Augustiniennes (Collection des Études Augustiniennes. Série Antiquité 138).

- Pontani, F. M. 1979: *Mali culices. Gymnasium Siculum* n. s. 32, 43–68.
- Querci (Quercius), J. M. 1777: *Georgii Pisidae Hexaameron. In: Corporis Historiae Byzantinae nova appendix, opera Georgii Pisidae, Theodosii Diaconi et Corippi Africani grammatici complectens.* [Ed. P. F. Foggini.] Roma: Apud B. Francesium.
- Radošević, N. 1979: *Šestodnev Georgija Paside i njegov slovenski prevod* [The Hexaameron of George Pisides and Its Slavonic Translation]. Belgrade.
- Радосевић, Н. 1979: *Шестоднев Георгија Писиде и његов словенски превод*. Београд.
- Shlyapkin, I. A. 1882: *Shestodnev Georgiya Pizida v slavyano-russkom perevode 1385 goda* [George of Pisidia's Hexaameron in Slavonic-Russian Translation of 1385]. Saint Petersburg: Tipografiya A. Transhelya.
- Шляпкин И. А. 1882: *Шестоднев Георгия Пизиды в славяно-русском переводе 1385 года*. СПб.: Типография А. Траншеля.
- Seelentag, S. 2012: *Der Pseudovirgilische Culex: Text-Übersetzung-Kommentar*. Stuttgart: Franz Steiner (Hermes Einzelschriften 105).
- Steier A., 1933: *Mücke*. In: *RE* 16, 450–454.
- Tartaglia, L. 1998: *Carmi di Giorgio di Pisidia*. Torino: UTET.
- Tartaglia, L. 2005: L'exkursus zoologico dell'Esamerone di Giorgio di Pisidia. *Νέα 'Ρώμη* 2, 41–57.
- TGL — *Thesaurus Graecae linguae ab H. Stephano constructus*. Tertio edd. K. B. Hase, G. et L. Dindorf etc. Vol. 1–8. Parisiis: Firmin Didot, 1831–1865.
- Volkman, R. 1869: *Synesius von Cyrene: Eine biographische Charakteristik aus den letzten Zeiten des untergehenden Hellenismus*. Berlin: H. Ebeling & C. Plahn, 1869.
- Waszink, J. H. 1947: *Q. Septimi Florentis Tertulliani De anima*. Amsterdam: Meulenhoff.
- Whitmarsh, T. 2020: *Achilles Tatius. Leucippe and Clitophon. Books 1–2*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Ypsilanti, M. 2025: Literary Loves as Cycles: From Meleager to Ovid. *L'Antiquité classique* 74, 83–110.
- Zeltchenko, V. V. 2024: Sources and Models of the Zoological Excursus in George of Pisidia's *Hexaameron*. Part 1: Aithyia, Ibis, Spider. *Philologia Classica* 19, 121–133.
- Zielinski, Th. 1901: Marginalien. *Philologus* 60, 1–16.

Сурен Золян
Российско-Армянский университет. Ереван, Армения.
surenzolyan@gmail.com

МГЕР-СТАРШИЙ И МГЕР-МЛАДШИЙ В ЭПОСЕ «НЕИСТОВЫЕ САСУНЦЫ»: ДВОЙНАЯ СЕМАНТИКА ОДНОГО ИМЕНИ

Мы рассматриваем семантику образов Мгера-старшего и Мгера-младшего в армянском эпосе и стараемся объяснить причину дублирования имени. Одноименность в мифопоэтической традиции позволяет хотя бы частично восстановить смысловые *рассеяния* данного имени (В. Н. Топоров). Параллель между Мгером армянского эпоса и иранским Михром и солнечным мифом лежит на поверхности и с самого начала была отмечена всеми исследователями. При этом предполагалось, что изначально это был один и тот же персонаж, раздвоившийся в результате бытования эпоса. Однако функционально и семантически эти персонажи значительно различаются. Непонятно и то, как характеристики солнечного мифа отображены в образах героев армянского эпоса столь отличным образом. Акад. И. А. Орбели предположил, что Мгер-старший и Мгер-младший — это воплощение различных ипостасей солнца, восходящего дневного, и закатного, ночного. В развитие этой мысли об изначальной раздвоенности образа-этимона, можно предположить, что смысловые характеристики Мгера старшего и Мгера-младшего отражают различные стадии и трансформации митраистского мифа, в первом случае — это связь с необходимостью исполнения клятвы и наказанием за неисполнение, во втором — с комплексом скалы и пещеры, преобладанием маскулинности и мотивами наказания и спасения. Поэтому различия между персонажами, представленными в эпосе как дед и внук, оказались гомологичными трансформациям Михра/Мехра индоиранской традиции, приведших в культу Митры уже в поздней античности. Такую двойственность можно рассматривать как рефлекс характерного для армянской идентичности синтеза восточной и западной традиций.

Ключевые слова: Армянский эпос, Мгер, Михр/Мехр, Митра, одноименность.

Suren Zolyan

Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia
surenzolyan@gmail.com**Mher the Elder and Mher the Younger in the Epic *The Daredevils of Sassoon* — the dual semantics of the same name**

We explore the semantics of the characters Mher the Elder (Mher-Lion) and Mher the Younger in the Armenian epic, aiming to clarify the reason for their duplication. Our analysis is based on the premise that eponymous figures in mythological traditions allow at least partial reconstruction of their *dispersion* (V.N. Toporov). The parallel between Mher from the Armenian epic and the Iranian Mihr/Mehr (Mithra) is evident and has been noted from the very beginning. At the same time, it was assumed that they originated from the same character, which later diverged. However, functionally and semantically, these characters differ significantly. Additionally, it remains unclear how the attributes of a solar myth are represented in such a different way. As was pointed out by Joseph Orbeli, the image of this deity in the epic is split into two characters: if Mher-Lion corresponds to the rising sun, Mher the Younger correlates with the setting sun. To develop this idea about the initial duality of the etymon image, one can assume that the semantic characteristics of Mher the Elder and Mher the Younger reflect the different stages and transformations of the Mithraic myth. In the case of Mher the Elder, the focus is on the connection between fulfilling an oath and the punishment for violating it. In contrast, Mher the Younger is associated with the complex of the rock and the cave, emphasizing themes of masculinity, as well as motives of punishment and salvation. The differences between the characters in the epic, represented as grandfather and grandson, are analogous to the transformations of Mihr/Mehra from the Indo-Iranian tradition, which ultimately contributed to the cult of Mithras in the late ancient times. This duality can be seen as a defining characteristic of Armenian identity, showcasing unique syntheses between Eastern and Western traditions.

Keywords: Armenian epic, Mher, Mihr/Mehr, Mithra.

1. Имя собственное как мифопоэтический комплекс.

Армянский эпос «Неистовые Сасунцы» был записан сравнительно поздно (впервые в 1873 г.), основной ареал его бытования был труднодоступен и изолирован, почему он и не был известен на большей части территории Армении, особенно в ее восточных областях. Это значительно ослабляло потенциал возможного взаимодействия с другими культурами, однако можно найти многочисленные параллели между армянским эпосом и мифологией сопредельных народов. Учитывая

огромный разрыв между временем предположительного создания эпоса и временем его записи, эти параллели будут носить большей частью гипотетический характер и основываться на реконструкции. Здесь особую роль приобретают имена собственные, поскольку имена главных персонажей остаются наиболее консервативным компонентом, и их семантика позволяет строить более или менее достоверные предположения об исходных смысловых структурах дошедших до нас фрагментов и восстанавливать утраченные сюжетные связи и мифопоэтические ассоциации: «В рисуемом таким образом мифологическом мире имеет место достаточно специфический тип семиозиса, который сводится, в общем, к процессу номинации: знак в мифологическом сознании аналогичен собственному имени... Можно сказать, что общее значение собственного имени в его предельной абстракции сводится к мифу» (Lotman, Uspenskiy 1973: 283). Подобный мифопоэтический потенциал имени собственного позволяет рассматривать дошедшие до нас смысловые структуры эпоса как семантические трансформации инвариантного ядра в процессе межкультурных и межтекстовых переходов, поскольку появление того или иного имени есть манифестация порождающего его мифа. Эта роль имен собственных в связи с проблемами реконструкции, их потенциал и в то же время зыбкость устанавливаемых соответствий были емко охарактеризованы В. Н. Топоровым: «При должном внимании исследователь исходя из имени собственного, как по тонкой, ежеминутно грозящей оборваться нити, при определенных условиях может придти к элементарным сочетаниям элементов, атрибутов и предикатов, к фрагментам текста в его языковой форме, отсылающим к особым классам и жанрам текстов, наконец, к сложным и идеологическим концепциям и их реальной подоснове» (Toporov 1987: 111).

Видимо, это следствие того, что мифологическое имя есть глубинный семантический комплекс, при актуализации которого каждый из компонентов развертывается автономно, но сохраняя связи с праобразом и память о нем. Соответственно, нисхождение в обратном направлении может прояснить глубинную семантику зачастую остающимся непонятным дошедшего до нас текста, поскольку имя оказывается идентичным персонажу и связанному с ним мифологическому narra-

тиву. Кажущиеся разрозненными и несвязанными между собой мотивы оказываются мотивированными поскольку представляют разбегающиеся траектории различных элементов заключенного в имени исходного смыслового ядра. Соответственно, «...уже сам факт одинаковости имени в мифопоэтической традиции всегда по-особому значим и в принципе никогда не может объясняться случайностью... Исходя из такого рода одноименности иногда удастся восстановить практически весь диапазон рассеяния данного имени, восходящего к мифологическому имени (и соответственно — персонажу), на разных уровнях системы и во всех составляющих традицию жанрах» (Топоров 1979:141).

2. Одинаковы ли одноименные герои? — два Мгера в армянском эпосе.

Исходя из вышеизложенных положений, попытаемся рассмотреть вопрос одноименности двух ключевых героев армянского эпоса «Неистовые сасунцы» (в русских переводах он обычно именуется как «Давид Сасунский»). Четыре ветви эпоса «Неистовые сасунцы» различаются по именам главного их героя: это Санасар и Багдасар, и потомки Санасара: Мгер-старший (или Львоподобный Мгер), его сын Давид и его внук Мгер-младший¹. Одним из неуясненных вопросов является удвоение имени *Мгер* (*Մհեր*, *Mher*). Принятым объяснением является ссылка на обычай называть сына-первенца именем деда, но оно явно не соответствует эпической традиции. Такое понимание сводит мотивированность имени не к его семантике и характеристикам его носителя, а к социальным установлениям.

Куда более правомерным является стремление найти объяснение в мифопоэтических истоках образа Мгера. Параллель между Мгером армянского эпоса и иранским Михром и солнечным мифом лежит на поверхности и с самого начала была

¹ Примечательно, что в эпосе отец и сын даже если сосуществуют во времени, не встречаются в одном локусе. Исключение подтверждает это правило: встреча не узнавших друг друга Давида и Мгера-мл., завершается боем, победой Мгера и проклятием Давида. В некоторых вариантах уже Мгер по незнанию убивает сына Ованеса и за это проклинает себя и уходит в пещеру.

отмечена всеми исследователями. При этом были выявлены не только индо-европейские параллели, но и относящиеся к культу урартского Халди (Dyakov 1983, Petrosyan 2002, 2006), весомым основанием для этого послужила т. н. «Дверь Мгера» — портал с посвящением Халди². Начиная с Манука Абегяна, отмечали также дублирование между Мгером-старшим и Мгером-младшим, причем многие предполагали, что изначально это был один и тот же персонаж. При этом Манук Абегян считал, что исходным персонажем был Мгер-Младший, а ветвь о Мгере составлена из повторов эпизодов из ветвей, повествующих о Давиде и Санасаре (Abeghyan 1966: 419). Действительно, в дошедших версиях эпоса ветвь о Мгере-старшем наименее насыщена эпизодами (Абегян указывает на поединок со львом как на единственный оригинальный эпизод). Обычно фигурирует только либо Мгер-старший, либо Мгер-младший. Подобная дополнительная дистрибуция может служить аргументом в пользу точки зрения М. Абегяна рассматривать деда и внука как единый персонаж, раздвоившийся в различных версиях. Однако тем не менее эти персонажи разительно отличаются, при этом можно выделить сюжетное ядро, характеризующее исключительно Мгера старшего. Эти эпизоды достаточно системно были выделены подготовившими в 1939 г. сводный текст эпоса Мануком Абегяном, Геворком Абовым и Арамом Ганалаяном под редакцией Иосифа Орбели (SD 1939).

Мгер-старший функционально отличается от остальных героев эпоса. И. А. Орбели назвал его наиболее совершенным — он в самом деле в наибольшей мере соответствует идеалу эпического и сказочного героя, который заботится о подданных, побеждает вредоносных чудовищ — льва и вишапа, и даже врагов предпочитает не уничтожать, а решать вопросы миром. В этом он полностью противоположен Мгеру младшему, который находится в постоянном конфликте со всем миром,

² Ср.: «На вершине Ванской скалы, где заключен Младший Мгер, есть урартский портал с большой клинописной надписью конца IX века до н. э. Это единственный текст, который представляет весь урартский пантеон и порядок жертв, приносимых богам. Надпись начинается так: “Богу Халди, владыке, Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, эти ворота построили”. Младший Мхер входит именно в эти “ворота” и должен выйти из них в будущем» (Petrosyan 2006: 223).

едва не убивает отца, в некоторых вариантах убивает сына и вызывает на поединок даже ангелов. Тем более странным оказывается одноименность столь разных героев. Между тем, двойственность семантики самого имени позволяет предположить, что сходство может быть установлено не на поверхностном, а на глубинном уровне сюжета, то есть не применительно к эпизодам, а к текстопорождающим моделям (об этом различии применительно к эпосу см.: Zolyan 2015). Герои одноименны не только друг другу, но и породившему их архетипу, который в свою очередь раздвоился на две различные — Мехра/Михра и Митру. И. А. Орбели принадлежит наблюдение о том, что Мгер-старший и Мгер-младший — это воплощение различных ипостасей солнца, восходящего дневного, и закатного, ночного (Орбели 1956). Оставляя без комментариев возможную параллель между Мгером-младшим и мифологемой ночного (черного) солнца, ассоциируемой со смертью и погребением, попытаемся развить мысль И. А. Орбели об изначальной раздвоенности образа-этимона и на его упоминание в этой связи и Михра, и Митры.

3. Мгер-старший — герой и жертва обета.

На наш взгляд, характеристики Мгера старшего соотносятся с Михром иранской традиции, в которой Михр выступает как божество договора и клятвы, карающее за их нарушение. Мгер-старший в эпосе — это жертва одновременно и исполнения клятвы, данной врагу Сасуна Мсра-Мелику, и нарушения другой клятвы, которая была дана его супругой (сорок лет не делить с ним ложе за его измену). Если оставить в стороне представленные в этой ветви эпизоды сказочного характера (бой с дэвами-великанами, поединок со львом), то ее главная дилемма — это необходимость исполнения клятвы и кара за ее нарушение. Это и является основным сюжетным стержнем, определяющим поведение и гибель Мгера-старшего. Михр - божеством, требующее соблюдения клятвы и карающее за ее неисполнение. Из многочисленных свидетельств приведем свидетельство В. Н. Топорова: «В индо-иранской традиции Митра в сфере брачных отношений выступает как их организатор, гарант и свидетель... Индо-иранский Митра выступает как воплощенный персонифицированный закон, о чем много

писалось, начиная с Мейе (ср. в последнее десятилетия работы Ж. Дюмезиля, П. Гиля, Я. Ф. Кейпера, И. Гершвина и др.)» (Торогов 1987: 106, 108; см. также Daryae 2008).

Мгер также считает своим долгом соблюдение клятвы даже перед врагом. Этот мотив появляется еще до основной коллизии этой главы. Еще юношей, он дает обещание сразиться с Белым Дэвом (чудищем):

Մհեր պատախանեց.– Իմ տված խոսք– խոսք է.

Թե դուք դև եք,

Մենք էլ Սասնա կտրիճ փահլևան ենք:

Մեզ տուտ, չկա. ասա, ի՞նչ կուզես:... (SD 1939: 136)

Мгер ответил — Мной данное слово — есть слово. Вы — дэвы, а мы — Сасунские молодцы-богатыри, нет на нас лжи;

Так же отвечает он и отговаривающей его от боя с Дэвом матери:

Ամա ես խոսք տվի Դևին, տ'երթամ

« но я слово дал и должен идти (SD1939: 137).

Впоследствии, когда Мгер возмужал, заклятый враг Сасуна, Мсра-Мелик, убедившись, что он не сможет брать прежнюю дань и вновь завоевать Сасун, испугался мощи Мгера, и предложил ему заключить союз и стать кровными братьями:

< Մըրա Մելիք > Ասաց.— Թե ես մեռնեմ՝

Զիմ թագուհին ու երեխեք հանձնեմ քեզի.

Թե դո՛ւ մեռար՝ զքոն հանձնի մեզի:

Որ խալիս չ'ասի, մնացեր են որք:

Մասնեք կտրին, արուս արնի խառնեցին,

Պայման դրին, էղան աղբեր:

Мсра-Мелик сказал: «Если я умру, то мою царицу и детей вручаю тебе, Ты умрешь — твоих вручи мне. Чтоб не говорил народ — остались они сиротами». Порезали пальцы, смешали кровь, стали братьями» (SD1939: 137).

После смерти оставшегося бездетным Мсра-Мелика его вдова Хатун напоминает Мгеру о его обете и призывает его к себе защитить ее от осаждающих Мсир семи князей. Мгер отвечает: «Божья клятва пусть надо мной будет» и обещает прибыть к ней. Понимая, что дело идет не к добру, старший брат Ован также пытается остановить Мгера, но слышит в ответ:

Ես հենտ աստծո՛ւ ուխտ եմ արեմ:

Թե՛ որ չ'երթամ՝ էդ իմ ուխտի տակ տի մեռնեմ:

«Я богу дал клятву, если не поеду, то под моею клятвой умру».

(SD1939: 142).

Жена Мгера Армаган умоляет не ехать, и дает клятву — сорок лет не пускать Мгера к себе. Целью Хатун было заиметь от Мгера сына-богатыря, что ей удастся обманом опоив Мгера и продержав у себя семь лет. Но Мгеру довелось услышать, что Хатун говорит сыну: она растит его, чтобы тот в будущем разорил Сасун. Хмель проходит, и не имеющий наследника Мгер понимает, что оставил Сасун без защиты. Понимая, что это грозит уничтожением Сасуна, Армаган решается обойти данную ею клятву — тем более, что князья и священники переиначили ее, превратив сорок лет в сорок мгновений. Но, как и предсказывала Армаган, это было нарушением клятвы, и сразу после рождения сына Мгер и она сама умирают. Как видим, основная коллизия соответствует выраженному в гимне Митре императиву:

Будь верен договору Ты данному, Спитама, И лживым иноверцам,
И верным в благочестьи, Ведь слово договора Принадлежит
обоим: И лживым, и правдивым (Авеста Яшт 10:1–3: 76).

4. Мгер-младший — герой воскресения и апокалисиса.

Мгер-младший — это герой противоречий, в этом он полностью проотивоположен деду. Вместе с тем, как это сформулировал Джеймс Расселл, оба героя находятся в отношении дополнительности: « In this he is in vivid contrast to his grandfather Mec Mher, Great Mithra, whose story is all about the *longue durée*, maturation, fallibility, and death. One is tragedy and sudden death,; the other, the gazing forward into deathlessness...Together, they compass both the human condition and its contrasts, and the dual and paradoxical themes of apocalyptic itself». (Russell 2024, 44). Мгер-внук — сирота, его выгоняют из отчего дома дядя и его жена; он становится жестоким воином и постоянно сражается. Не найдя достойного соперника на земле, он бросает вызов ангелам. Он скорее объект проклятия — начиная с рождения, когда на его младенческой ладони выступает кровь, и после, когда его прокликает отец, обрекая на бездетность и бессмертие. Он едва не убивает отца, в

некоторых вариантах он убивает сына. Его, как и Святогора, перестает выносить земля. В одном из вариантов его называют «бессмертным Каином». Окончательным прибежищем Мгера-младшего оказывается пещера, где он спит, чтобы пробудиться или в день Второго пришествия и Страшного суда, или когда мир станет лучше и добрей, или же когда настанет время последней битвы с *идолопоклонниками*.

При таком разительном отличии от Мгера-деда, в образе его внука, можно увидеть черты, напоминающие те, что возникли как результат гомологичной трансформации архаичного иранского Михры/Мехра в Митру, непобедимого мускулиного бога-воина римских легионеров. Помимо воинственности и постоянного участия в сражениях, можно отметить две ключевых характеристики: это «женоненавистничество», и связь с пещерой/скалой. Первая характеристика проявляется в не всегда мотивированных эпизодах истребления женщин. В таком поведении можно увидеть отражение финальной стадии глубинного сюжетного ядра эпоса — переход от чудесного рождения к завершению деторождения и гибели Сасуна³. Рождение Митры из камня без участия женщины имеет семантическую структуру, которая предполагает самодостаточность мужского начала, возможность деторождения без участия женщин, причем из камня — вместо ассоциируемой с женским началом воды. Это представляет полную инверсию исходной для армянского эпоса структуры рождения близнецов, мать которых зачала от выпитых двух горстей воды. Согласно этой логике, представленная в эпосе финальная структура могла бы

³ Глубинный сюжет ограничивается ступенчатыми переходами между различными моделями миропорядка. Мир первой ветви основан на матрилокальности и матрилинейности, основоположница рода Цовинар рождает без мужа, зачав от выпитой морской воды, она и ее дети бегут из дома мужа-язычника. Ее сыновья основывают новый город, Сасун, заложив основы патрилокального порядка. Основной конфликт эпоса — это противостояние двух сыновей Мгера-старшего — патрилокального и патрилинейного Давида и матрилокального и матрилинейного Мелика. Заключительная, четвертая ветвь знаменует неудачный финал патрилокальности и патрилинейности: жену Мгера-младшего Гоар привозят из отчего дома в Сасун только для того чтобы похоронить. На Мгере прекращается род, сам он обречен на отсутствие дома и потомства — см.: Zolyan 2015.

иметь продолжение, в которой отрицательный признак «отсутствие деторождения» заменен на положительный. Тем самым был бы повторен мотив рождения Митры из камня. Тем не менее, заметны и отголоски исходного мотива — зачатие основательницы рода Цовинар от морской воды: из пещеры сочится вода (во многих версиях — это моча коня). Совпадает время, когда зачала Цовинар и когда открываются двери пещеры — это День Вознесения. Отголосок возможности деторождения из камня/скалы можно увидеть в наличии вариантов, в которых в пещере появляется забредшая туда по ошибке девушка, хотя это никак не мотивировано сюжетом. (Рискнем предположить возможность такого сюжетного продолжения, что в конце времен из скалы может выйти не сам Мгер, а его сын⁴).

Что касается связи со скалой и пещерой, то сам финал эпоса аналогичен инвертированному образу рождения Митры из скалы, что предопределило отправление его культа в пеще-

⁴ Варианты, в которых появляется девушка, явно являются отголосками утраченного сюжета, уже малопонятного, видимо, и для самих сказителей. Так, в рассказе сказителя Ована из Мокса (записано в 1898 г.) говорится, что раз в год, когда из Иерусалима излучается свет, тогда с неба сыпется манна, которую едят Мгер и его конь и весь год остаются сытыми. Девушку на Красное Воскресение посылают в церковь зажечь огонь в лампаде. Армянская церковь празднует Красное воскресение (второе воскресение после Пасхи знаменующее явление Христа ученикам у Генисаретского озера — Иоанн 21:1–19.). Она попадает в пещеру к Мгеру, проводит там год, насыщается вместе с Мгером падающей с неба манной, видит свет небесный из Иерусалима, после чего возвращается домой. На распросы — где она была целый год — она удивленно отвечает, что зашла в церковь только на мгновение — зажечь лампаду (SC 1936: 244–245). Еще более странным выглядит поведение девушки в записанном в 1898 г. варианте, рассказанном Затиком Хапоенцем. Можно предположить, что сказитель попытался воспроизвести уже основательно забытый сюжет, от которого в памяти остались лишь неясные для него самого ключевые маскулинные символы деторождения — конь и копые: «Девушке дали платок, наполненный яйцами, чтобы она отнесла в дом крестного. Девушка идет к скале, видит открытую дверь и входит в пещеру. Мгер говорит ей «Дай немного травы моей лошади. Пусть ест». Девушка говорит: «Дай мне твое копые, Я положу траву на наконечник копыя, И дам его твоему коню, чтоб он съел. Моя рука так высоко не дотянется, он высокий». Мгер говорит: «Девочка, мой конь не ест траву». (SC 1936: 118)

рах, которые предполагались местом его обитания. В эпосе голос умерших родителей посылает Мгера к скале, которую он рассекает мечом, входит в нее вместе с конем и оказывается в пещере, в которой так и остается, неподвижный и безмолвный. Из пещеры вытекает «вода от коня». Раз в год на праздник Вознесения и Преображения скала открывается. Однажды пастух увидел в пещере Мгера и спросил его, когда тот выйдет из скалы. (Напомним, что первыми рожденного из скалы Митру увидели пастухи). Здесь можно увидеть двойную инверсию: не Митра выходит к пастухам, а пастух входит в пещеру к Мгеру. Возможность глобальной инверсии митраистского мифа можно продемонстрировать на основе свидетельства, приведенного Дж. Расселлом (Russell 2019) и Арменом Петросяном: «Согласно Псевдо-Плутарху (*De fluviis* XXIII, 5), Митра, ненавидя женщин, оплодотворяет скалу, и родившийся от нее герой превращается в гору рядом с рекой Аракс (Petrosyan 2006: 223). Важное место занимает и мотив ворона: к этой пещере Мгера направляет ворон, а сама скала называется Ագռավաքար, *Агравакар* (Скала ворона). Между тем, в культе Митры ворону отводится существенное место: он символ первой ступени посвящения и сам служит посредником между Митрой и небом. Наконец, еще одна параллель может быть проведена между Мгером младшим и Митрой как спасителем мира. Его образ сочетает характеристики как прикованных к скале или ушедших в скалу кавказских героев (Прометей, Артавазд, Сослан, Амирани — ср.: Abramyan 2006) так и умирающих (или снисходящих в подземный мир) и воскрешающих солярных богов Востока. Характеристики Митры как спасителя мира отражаются в образе Мгера-внука двойственным образом. Кровь на его кулачке при рождении указывает, что родился разрушитель мира, который в конце и был заключен в скалу и не должен иметь потомства. Однако говорится и о его возрождении как поборника правильного порядка, поскольку мир должен быть разрушен вследствие его несправедливости и восстановлен вновь, уже по-новому и по-правильному, только тогда Мгер сможет выйти из скалы: «Որ աշխարհ ավերվի, մեկ էլ շինվի» (Когда мир разрушится и вновь отстроится). (SD 1939: 369)

5. Заключение:

На примере двух героев армянского эпоса мы попытались показать, что семантика имени собственного позволяет хотя бы частично выявить *диапазон рассеяния* (В. Н. Топоров) связанных с ним мифопоэтических характеристик и связей, в том числе и такие, что в эпосе либо оказались утраченными либо не проявились в полной мере. Одноименность позволяет нащупать глубинные связи между этими этими полностью отличными персонажами, смысловые характеристики Мгера старшего и Мгера младшего отражают различные стадии и трансформации митраистского мифа, в первом случае — связь с необходимостью исполнения клятвы и наказанием за неисполнение, во втором — с комплексом скалы и пещеры, преобладанием маскулинности и мотивами наказания и спасения. Поэтому различия между персонажами, представленными в эпосе как дед и внук, оказались гомологичными трансформациям Михра/Мехра индоиранской традиции, приведших в культу Митры уже в поздней античности. Такую двойственность можно рассматривать как рефлекс характерного для армянской идентичности синтеза восточной и западной традиций.

Литература

- Abeghyan, M. 1966: *Works*. Vol. 1...: Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR,
Արեւիայն. Մանուկ . *Երկեր*, Հ. Ա. Երևան: ՀՄՄՀ ԳԱ հրատ., 1966.
- Abrahamian, L. 2006: Hero Chained in a Mountain: On the Semantic and Landscape Transformations of a Proto-Caucasian Myth. *Aramazd: Armenian Journal of Near Eastern Studies*. № 1, 208–222.
- Avesta. 1993: *Izbrannyye gimny*; Iz Videvdata. Per. I. M. Steblin-Kamenskogo. M.: Druzhba narodov; [Avesta. Selected Hymns; From Videvdad. Transl. by I. M. Steblin-Kamensky]. Moscow: Druzhba Narodov. 1993.
Авеста 1993: *Избранные гимны из Видевдата*. Пер. с авест., И. М. Стеблин-Каменского. М.: Дружба народов;
- Daryaei, T. 2008: On Swearing to Mithra in the Armenian and Iranian World in Late Antiquity. *Bulletin of Ancient Iranian History*. www.iranancienthistory.com, vol. 4, March.
- Dyakonov, I. M. 1983: K voprosu o simvole Khaldi *Drevniy Vostok*, 4. *Sb. statey*. Yer., Izd-vo AN ArmSSR,. Vyp. 4. Yerevan, 190–194

- [Dyakonov, I. M. On the question of the symbol of Khaldi. *Ancient East*, 4. *Collection of articles*. Yerevan, Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1983. Issue 4. Yerevan: 190–194].
- Дьяконов, И. М. 1983: К вопросу о символе Халди. *Древний Восток*, 4. Сб. статей. Ер., Изд-во АН АрмССР, Вып. 4. Ереван, 190–194.
- Lotman, Yu. M. , Uspenskiy B. A. 1973: Mif — imya — kul'tura .*Uchen. zap. Tartuskogo . gos. un-ta. Vyp. 308– (Tr. po znakovym sistemam; [T.] Tartu , Izd-vo TGU, 282–303. [Lotman, Yu. M., Uspenskiy, B. A. Myth — Name — Culture. Sc. Papers Tartu state University. Issue 308 (Proceedings on Sign Systems; [Vol.]) 6 Tartu, TSU Publishing House, 1973, 282–303].*
- Лотман, Ю. М., Успенский, Б. А. 1973: Миф — имя — культура. *Учен. зап. Тартуского . гос. ун-та. Вып. 308– (Tr. po znakovym sistemam; [T.] Tartu, Изд-во ТГУ, 282–303.*
- Orbeli, H. A. *Armenian heroic epic*. Yerevan, Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1956, 138 p. (in Armenian).
- Օրբելի, Հ. Ա. Հայկական հերոսական էպոս: Ե., ՀՍՍՌ ԳԱ հրատ., 1956, 138 էջ
- Petrosyan, A. Y. 2002: The Indo-European and Ancient Near Eastern Sources of the Armenian Epic. *Journal of Indo-European Studies*. Monograph No 42. Washington DC.
- Petrosyan, A. 2006: Haldi and Mithra/Mher. *Aramazd: Armenian Journal of Near Eastern Studies* , 1, 222–238.
- Russell. James R. 2019. “Mithra”. “Mithra”, in Ephraim Nissan, ed., *Sino-Iranica's Centennial. Between East and West, Exchanges of Material and Ideational Culture (= Quaderni di Studi Indo-Mediterranei*, Bologna, Vol. 12 (2019 [2020]), pp. 87–101.
- Russell, James R. “The Epic of Sasun: Armenian Apocalypse”. In *The Armenian Apocalyptic Tradition: A Comparative Perspective*, ed. Kevork B. Bardakjian and Sergio La Porta, 41-77. Leiden: Brill. 2014. https://doi.org/10.1163/9789004270268_005/
- SC 1936 = *Sasna ç'êr*, (Daredevils of Sasun), vol. 1, Eds.: Abelyan Manuk , Karapet eds., Erevan: Petakan hratarakč'ut'yun, 1936.
- Սասնա ծռեր Հ. 1 /Խմբ.՝ ակադեմիկոս Մ. Աբելյան .- Յերեվան: Պետական հրատ., 1936.
- SD 1939 — *Sasuntsi Davit. [David of Sasun]*: Armenian folk epic /Compiled by M. Abeghyan; G. Abov; I. A. Orbeli. Armenian SSR State Publishing House. Yerevan 1939.

Մասունցի Դավիթ: Հայկական ժողովրդական եպոս /Վազմ.՝ Մ. Աբեղյան; Գ. Աբով; Ի. Ա. Որբելի: Հայկ. ԽՍՀ Պետական հրատ. Յերևան 1939.

Toporov, V. N. 1979: [Toporov, V. N. On one way of preserving tradition in time: a proper name in the mythopoetic aspect. *Problems of Slavic ethnography*. Leningrad, 132–148.

Топоров, В. Н. 1979: Об одном способе сохранения традиции во времени: имя собственное в мифопоэтическом аспекте. *Проблемы славянской этнографии*. Л.:, 1979, 132–148.

Toporov, V. N. 1987: Notes on the reconstruction of texts. *Research on the structure of the text*. М.: Nauka, 99–132.

Топоров, В. Н. Заметки по реконструкции текстов. *Исследования по структуре текста*. М.: Наука, 1987, 99–132.

Zolyan, S. T. 2014: The Daredevils of Sassoun: The Deep Structure of the Plot. *Studia Metrica et Poetica* 1.1 , 55–67.

<https://doi.org/10.12697/smp.2013.1.1.04>

И. И. Ибрагимов

Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия, ibragimov.lectures@yandex.ru

МНОГОЗНАЧНОСТЬ ЦЕЛЕВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ (на материале русского и древнегреческого языков)

В статье анализируется семантика русского союза *чтобы*, который употребляется как в целевых, так и в дополнительных придаточных предложениях с волитивным компонентом значения, вводит различные несобственно-целевые конструкции, конструкции иной имплицативной семантики, а также конструкции, части которых связаны соединительными или противительными отношениями.

На примере некоторых конструкций древнегреческого, а также новогреческого и французского языков показано, что периферийные значения союза *чтобы* имеют параллели в других языках и могут быть учтены при изучении моделей полисемии целевых показателей в языках мира, в частности, при составлении типологических анкет.

Ключевые слова: предложения цели, несобственно-целевые значения, союз *чтобы*, синтаксис русского языка, синтаксис древнегреческого языка, лингвистическая типология.

I. I. Ibragimov

Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia
ibragimov.lectures@yandex.ru

The polysemy of final markers (based on the Russian and ancient Greek usage)

The article analyzes the semantics of the Russian conjunction *чтобы*, which is used both in final and complement subordinate clauses with a volitional component of meaning, introduces various quasi-final constructions, constructions of other implicative meanings, as well as constructions with conjunctive or adversative relations between clauses.

Using several constructions of ancient Greek, as well as modern Greek and French as an example, it is shown that the array of peripheral meanings of the conjunction *чтобы* have parallels in other languages and can be taken into account when studying the models of polysemy of final markers in the languages of the world, in particular, for making typological questionnaires.

Keywords: final clauses, quasi-final meanings, conjunction *чтобы*, Russian syntax, Ancient Greek syntax, linguistic typology.

1. Вводные замечания.

Общеизвестно, что значения цели, причины и следствия тесно взаимосвязаны: цель всегда предполагает причину тех или иных целенаправленных действий и их следствие (результат). Согласно одному из определений, цель — это причина действия, «сформулированная в терминах запланированного результата (*intended outcome*) этого действия» (Jackson 1995: 57). В более развернутой формулировке, «в понятие цели идея причины входит дважды: при целенаправленной деятельности, с одной стороны, человек готов совершить определенные действия, потому что считает, что они приведут к желаемому результату, с другой стороны, желаемый результат достигается, потому что совершаются определенные действия» (Boguslavskaya, Levontina 2004: 70).

Вполне ожидаемо, что совмещение значений цели, причины и следствия в семантике одного и того же показателя — распространенное явление в языках различного строя. Согласно исследованию обстоятельственных маркеров подчинения в языках Европы, из 80 рассмотренных показателей цели, значение следствия демонстрируют около 52% показателей, значение причины — 46% показателей (Kortmann 1997: 198). По данным исследования маркеров цели в 80 разноструктурных языках мира, из 58 показателей около 52% демонстрируют значение следствия, 9% — причины (Martowicz 2011: 180).

Кроме обстоятельственных бипредикативных конструкций со специальным показателем цели, целевую семантику и близкие к ней значения могут реализовывать и сложноподчиненные предложения с придаточным дополнительным. Согласно исследованию К. Шмидтке-Бодэ, в 61 языке из 80, как минимум одна целевая конструкция по своим морфосинтаксическим свойствам совпадает с сентенциальным дополнением: в обоих типах конструкций могут употребляться одни и те же союзы, аффиксы или глагольные формы (Schmidtke-Bode, 2009: 158).

В русском и древнегреческом языках тоже имеется общность показателей целевых и дополнительных предложений. В русском языке союз *чтобы*, а в древнегреческом — союзы *ὥς* ‘как’, ‘чтобы’ и *ὅπως* ‘как’, ‘каким образом’, ‘чтобы’ могут вводить и целевую клаузу, и придаточное дополнительное. В последнем

случае придаточное может характеризоваться и целевой семантикой.

Основное внимание в данной статье будет уделено русскому многозначному союзу *чтобы*. Представляется, что разнообразие конструкций, в которых он употребляется (включая так называемые несобственно-целевые конструкции), может быть учтено при анализе полисемии различных целевых показателей в типологической перспективе.

В заключение будут рассмотрены способы выражения несобственно-целевой семантики в древнегреческом языке с привлечением диахронических данных и некоторых примеров из французского языка.

2. Семантика конструкций с союзом *чтобы*.

Союз *чтобы* (в том числе, в составе союзных сочетаний) может вводить как актантные, так и сирконстантные придаточные предложения следующей семантики: (i) придаточные изъяснительные; (ii) придаточные цели (в том числе, синкретичные, совмещающие с целевым и другие значения); (iii) придаточные следствия; (iv) придаточные с противительной или соединительной связью, в которых отсутствует имплицативная семантика, (в т. ч., конструкции антицели и отвергнутой цели).

i. Союз *чтобы* употребляется в функции изъяснительного союза с глаголами волеизъявления, стремления и некоторых других семантических групп, например, целенаправленного наблюдения (Grammatika-80, 1982: 477–478). Значение союза *чтобы* во многом обусловлено его происхождением (изъяснительный союз *что* и частица *бы*, участвующая в образовании форм сослагательного наклонения)¹, так что даже в случаях

¹ Ср. (Пешковский, 1914: 405): «...союз “чтобы” образовался из союза “что” и частицы “бы”, которая раньше примыкала к глаголу ... и образовывала с ним составную форму сослагательного наклонения. ... Так как союз “что” сам по себе — изъяснительный ... и к сослагательному наклонению никакого отношения не имеет, то здесь произошло не только внешнее, но и внутреннее слияние двух оттенков: оттенка союза “что” и оттенка сослагательного наклонения. Там, где это слияние проявляется полностью, т. е. где и союз “что”, и сослагательное наклонение по условиям контекста неуместны, там мы и имеем настоящий союз цели. Там же, где это слияние еще не закончилось,

употребления *чтобы* в функции изъяснительного союза, в его семантике присутствует компонент волитивности или гипотетичности:

- (1) *...и он желал, чтоб ветер выл не так уныло* (Пушкин).
- (2) *Екатерина Дмитриевна старалась, чтобы дом ее был всегда образцом вкуса и новизны, еще не ставшей достоянием улицы* (А. Н. Толстой).
- (3) *Он все время следил, чтоб идти в ногу с девушкой* (Шукшин).

Союз *чтобы* употребляется также в «волитивных» контекстах вместо союза *что* (Apresjan, Pekelis, 2012):

- (4) *ПА говорит, чтобы я к ней с этим не приставала* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого). Ср. *Она говорит, что я к ней не приставала.* = ‘Она отрицает, что имеет место факт приставания’ (компонент волитивности отсутствует).
- (5) *Мама упорно настаивала, чтобы мы её «правильно поняли»* (А. Алексин. Раздел имущества). Ср. *Она настаивала, что мы ее правильно поняли.* = ‘Она утверждает, что мы ее правильно поняли’ (компонент волитивности отсутствует).

Частицей *бы* обусловлена потенциальная или ирреальная семантика еще одного подтипа придаточных изъяснительных. Речь идет о предложениях, в главной части которых выражается сомнение в наличии ситуации придаточной части, в частности, употреблен глагол речи, ментальный предикат, глагол восприятия с отрицанием (Grammatika-80, 1982: 478):

- (6) *Неужели же вы думаете, чтоб я, имея деньги, отказал себе в трубке табаку?* (Писемский).
- (7) *Не думаю, чтобы он пришел.*

Различия между *что* и *чтобы* могут нейтрализовываться:

- (8) *Сомневаюсь, чтобы он был способен на такое.* Ср. *Сомневаюсь, что он способен на такое.*

В Грамматике-80 употребления (8) признаются равнозначными (Grammatika-80, 1982: 478), хотя, как нам кажется, для носителя русского языка между ними имеются различия

просвечивает несмотря на внешнюю цельность, бывший союз “что” и бывшее сослагательное наклонение».

(категоричность соответствующих утверждений и отнесенность к разным стилям речи).

Наконец, союз *чтобы* может вводить изъяснительные предложения с целевой семантикой, которые будут рассмотрены в следующем разделе.

ii. Прототипическим для союза *чтобы* является значение цели. В этих случаях главная часть должна иметь значение динамического, активного, произвольного действия (9) или получать такое значение в контексте (10) (Grammatika-70, 1970: 725)²:

(9) *Докладчик говорил громко, чтобы всем было хорошо слышно.*

(10) *Полтора года я был в лагере — и выжил, чтобы прийти сюда* (Бакланов, Почем фунт лиха).

Особым случаем являются конструкции «ложной цели»³, имеющие в большинстве случаев полемическую направленность:

(11) *Я прочел все эти книги не для того, чтобы ты в конце концов сказал мне, что оно того не стоит.*

Ряд конструкций с союзом *чтобы* совмещают семантику цели с другими значениями. Основные типы так называемых синкретичных сложноподчиненных предложений выделялись А. К. Федоровым (Fedorov, 1982). К таковым он относит предложения определительно-целевые (12), определительно-изъяснительно-целевые (13), условно-целевые (14) и причинно-целевые (15) (Glazunov, 2015: 122):

(12) *Нужно поставить свою жизнь в такие условия, чтобы труд был необходим* (Чехов).

(13) *Кабинет министров дал знак головою* (какой? о чём? с какой целью?), *чтобы секретарь садился* (Лажечников).

² В работе Г. Гросса и М. Пранди перечисляются три условия наличия целевой конструкции: «...нужна главная часть, включающая глагол действия, подразумевающий в глубинной структуре человеческий субъект, зависимая часть, обозначающая естественное следствие этого действия, и третий предикат, связывающий два других и транслирующий намерение, “целевую направленность” (finalité) того, кто является автором действия» (Gross, Prandi 2004: 220).

³ Термин предложен В. С. Храковским (устный доклад, октябрь 2024).

(14) *А ежели вам сказали, что я отдаю вам хлеб с тем, чтобы вы остались здесь, то это неправда* (Л. Толстой).

(15) *Ему казалось, что Богданыч едет близко, чтобы показать Ростову свою храбрость* (Л. Толстой).

iii. Некоторые конструкции с союзом *чтобы* отчасти или полностью лишены целевой семантики и представляют собой предложения следствия, реже — выполняют функцию придаточных определительных или условных. Для таких предложений используется термин «несобственно-целевые конструкции», однако представляется, что он оправдан только для тех предложений, в которых в каком-то виде подразумевается целенаправленная деятельность. Главная часть таких конструкций содержит составное сказуемое со словами *достаточно, довольно, стоит/стоило* (Glazunov, 2015: 121)⁴:

(16) *Достаточно было ему только пошевелиться или как-нибудь ненароком мигнуть бровью, чтоб подпасть вдруг под гнев* (Гоголь).

(17) *Стоило взглянуть на Пекторалиса, чтобы оценить, как он серьезно понимает значение этой торжественной минуты* (Лесков).

Интерпретация предложений достаточного основания может быть частично обусловлена определенной грамматической формой (Grammatika-80, 1982: 601):

(18) *Он достаточно талантлив, чтобы решать такие задачи.*

Приведенный пример может означать ‘он талантлив и поэтому решает такие задачи’ и ‘он талантлив, и поэтому ему не следует (он не должен, ему неинтересно...) решать такие (простые) задачи’. При исключенности следствия здесь употребляется глагол несовершенного вида.

Вместе с тем, значение следствия в предложениях с союзом *чтобы* в целом не грамматикализовано и в большинстве случаев определяется контекстом и значениями входящих в них лексем. Г. И. Кустова считает, что подобные целевые конструк-

⁴ В ряде работ такие конструкции называются обосновывающе-целевыми, предложениями со значением необходимого / достаточного / недостаточного основания, несобственно-целевыми предложениями или предложениями антицели, см., например, (Grammatika-70, 1970: 726–727).

ции соответствуют «несвободным моделям» предложений со значением обусловленности (Kustova 2013: 240–241): «в несвободных моделях используются добавочные структурные элементы (полнозначные и грамматикализованные лексемы, фиксированный порядок частей). Благодаря включению дополнительных элементов несвободные модели могут выражать более частные и специальные разновидности условно-следственных отношений; в то же время исходные значения, выражавшиеся свободными моделями — цели, условия, результата, — могут размываться или даже полностью утрачиваться...».

Таким образом, вполне корректными (но не целевыми) являются предложения с союзом *чтобы*, в главной части которых вообще не идет речь о каких-либо целенаправленных действиях:

(19) *Перепадов температур и ветра вполне достаточно, чтобы ландшафт с течением времени изменился / чтобы изменить ландшафт.*

К «дополнительным элементам», о которых пишет Г. И. Кустова, относится наречие *достаточно*, с помощью которого образуются несобственно-целевые предложения достаточного основания⁵. Так, в интерпретации М. В. Глазунова (Glazunov, 2015: 121), первый из нижеследующих примеров является предложением цели, второй — следствия:

(20) *Двух картофелин достаточно, чтобы накормить зверька* (достаточно для какой цели?).

(21) *Я достаточно хорошо знаю своего приятеля, чтобы не обижаться на его резкие слова* ('знаю ...', так что не обижаюсь...').

Семантические различия двух приведенных примеров несомненны, однако предложение (20) едва ли можно считать целевой конструкцией (его главная часть не описывает никакого целенаправленного действия). Кроме того, в предложении имплицитно выражено условие ('если взять две картофелины, то зверьку их будет достаточно'), а не цель (например, 'кто-то что-то делает, чтобы накормить зверька').

⁵ К добавочным структурным элементам конструкций, соответствующих «несвободным моделям», также относятся лексемы со значением чрезмерности или недостаточности признака.

Еще одна группа конструкций с союзом *чтобы* может выражать значения, близкие к условным: «конструкции со словом *стоит* (*стоило*) выражают условно-временные или условно-следственные отношения». Фактически можно рассматривать образование *стоит ..., чтобы* как составной союз (Kustova, 2013: 242):

(22) *Стоило только поднять голову от лампы вверх к небу, чтобы понять, что ночь пропала безвозвратно* (Булгаков).

Некоторые конструкции с союзом *чтобы* выполняют функцию придаточного определительного при отсутствии целевой семантики, ср. определительно-целевую конструкцию (12):

(23) *За последние недели не было и дня, чтобы я не фотографировал, и мои карточки уже хвалили на студии* (Александр Снегирев. Как же ее звали?..).

Подытоживая, можно сделать вывод, что предложения с союзом *чтобы* образуют своего рода континуум с той или иной степенью выраженности целевого значения. Среди несобственно-целевых предложений наиболее близки к прототипическим те предложения, «в которых содержание придаточного является или может интерпретироваться как цель субъекта главного предложения» (Kustova, 2013: 241):

(24) *Чтобы попасть на вокзал вовремя, нужно выйти из дома часа за два до поезда.*

Если ситуация главной части не является контролируемой, целевое значение ослабляется или полностью исчезает, как в примерах (18, 19, 20).

iv. Когда главная и придаточная части конструкции с союзом *чтобы* не связаны какими-либо имплицативными отношениями, в этих случаях «значение целенаправленности, целесообразности, преднамеренности уступает место отношениям соединительным (25) или противительным (26)» (Grammatika-80, 1982: 596):

(25) *И жили мы, не тратя лишних слов, Чтоб к вам прийти лишь в пересказах устных Да в серой прозе наших дневников* (Н. Майоров)

(26) *Садовод любовно ухаживает за яблонькой, чтобы её сломал хулиган.*

Применительно к конструкциям с союзом *чтобы*, в которых отсутствует имплицативная семантика, используется термин «антицель». Согласно Грамматике-70, «в предложениях антицели придаточная часть обозначает реальный факт, который, следуя за действием главной части, делает его нецелесообразным или обесценивает его» (Grammatika-70, 1970: 727). Таким образом, в придаточной части указывается событие, не являющееся целью субъекта и даже противоречащее его интересам (Kustova, 2013: 224), примеры (26, 27):

(27) *Всю жизнь собирал коллекцию, чтобы в один день все потерять.*

В. А. Белашапкина понимает антицелевые предложения несколько по-иному, как «передающие в главной части значение непроизвольного действия» (Beloshapkova, 1989: 755):

(28) *Его [лагеря] легкие постройки возникали по утрам, чтобы с заходом солнца исчезнуть, оставив на песке городские отходы: увядшие дынные корки, яичную скорлупу и газетные лоскутья* (Ильф и Петров).

Часто термин «антицель» понимают более широко, включая в группу конструкций антицели предложения достаточного основания, а также предложения с маркером чрезмерности или недостаточности в главной части, см., например, (Danilova, 2009; Nevskaya, Tazhibayeva, 2015; Mosinets, 2017).

Наконец, особый случай употреблений союза *чтобы* представляют собой заместительные конструкции, или предложения отвергнутой цели⁶. Речь идет о предложениях, в которых употреблено союзное сочетание *вместо того (,) чтобы*.

А. М. Пешковский (1914: 407) считает такие конструкции и союз в них изъяснительными. По мнению М. В. Глазунова, «с такой квалификацией трудно согласиться. Ведь придаточные изъяснительные отвечают на падежные вопросы и относятся к членам предложения, которые имеют значения речи, мысли или чувства. Однако никакого вопроса к придаточным отвергнутой цели нельзя поставить, и относятся они ко всему главному предложению» (Glazunov, 2015: 122):

⁶ Термин «предложения отвергнутой цели» предложен А. К. Федоровым (Fedorov 1972).

(29) *Дворяне, вместо того чтобы сравниться с рыцарями, истощали недавно приобретённые поместья* (Сергеев-Ценский).

Как и многие другие конструкции из рассматриваемой группы, предложения отвергнутой цели не выражают каких-либо имплицативных значений и, очевидно, сближаются с противительными конструкциями.

3. Полисемия целевых показателей и некоторые данные древнегреческого языка.

Очевидно, что периферийные значения, которые демонстрирует союз *чтобы*, имеют параллели в других языках и могут быть учтены при анализе моделей полисемии целевых показателей в типологической перспективе. Так, например, сходную многозначность демонстрирует французский целевой союз *pour que*, который употребляется в несобственно-целевых конструкциях, предложениях антицели и «ложной цели» (Gross, Prandi, 2004: 220):

(30) *Cette histoire est trop compliquée pour que je puisse te la résumer en deux minutes.*

Эта история слишком сложна, чтобы я мог изложить ее тебе за две минуты.

(32) *Il a fallu attendre mars 1994 pour que la France ratifie ce traité.*

Нужно было дожидаться марта 1994 года, чтобы Франция ратифицировала этот договор.

(32) *Il n'est pas nécessaire de hurler pour que le silence se fasse.*

Не обязательно кричать, чтобы наступила тишина.

(33) *J'ai fait tous ces efforts pour que finalement tu abandonnes!*

<И> я приложил все эти усилия, чтобы ты в результате отказался!

(34) *Je n'ai pas lu tous ces livres pour que tu me dises à la fin que ce n'était pas la peine.*

Я прочел все эти книги не для того, чтобы ты в конце концов сказал мне, что оно того не стоит.

Насколько можно судить, картина несколько иная в древнегреческом языке, где имеется три целевых союза:

ἵνα 'чтобы' — первоначально локативное относительное местоимение 'где' (Chantraine, 1968: 464). В новогреческом к союзу ἵνα восходит подчинительный союз/частица широкой семантики *vá* наподобие фр. *que*.

ὅπως ‘каким образом’, ‘чтобы’ — состоит из двух компонентов: указательного местоимения ὅ ‘что’, ‘который’ и вопросительно-неопределенного местоимения πώς ‘как’, ‘каким образом’.

ὥς ‘как’, ‘что’, ‘чтобы’ — подчинительный союз/наречие широкой семантики ‘как’, ‘что’, ‘чтобы’. Наречие образовано по продуктивной словообразовательной модели от относительного местоимения ὅς ‘который’ (ср. ἄλλος ‘иной’, ἄλλως ‘иначе’).

Из трех клаузалых показателей цели многозначными являются ὥς и ὅπως. Как и русский союз *чтобы*, они могут вводить придаточные дополнительные с волиитивным компонентом значения (35, 36), со значением целенаправленного наблюдения (37), с глаголами стремления или заботы (38). Союз ἵνα в таких конструкциях не употребляется.

(35) Ant. 1.23 δεήσεται δ' ὑμῶν οὗτος μὲν ὑπὲρ τῆς μητρὸς τῆς αὐτοῦ ..., ὅπως δίκην μὴ δῶ...

Он попросит вас от имени своей матери ..., (о том) чтобы она избежала наказания...

(36) Plat. Resp. 339a ...ἔμοιγε ἀπηγόρευες ὅπως μὴ τοῦτο ἀποκρίνοίμην...

... ты запретил мне давать этот ответ... (букв. ‘чтобы я давал’).

(37) Xen. Eq. Mag. 1.3 ...ἐπιμελητέον μὲν ὅπως τρέφονται οἱ ἵπποι ὥς ἂν δύνωνται πόνους ὑποφέρειν.

...должно следить за тем, чтобы лошади получали достаточно еды, чтобы выдерживать тяжелую работу.

(38) Xen. An. 4.6.10 τοῦτο δὲ παρασκευάσασθαι, ὅπως ὥς κράτιστα μαχοῦμεθα

...нужно подготовиться к тому, чтобы сразиться наилучшим образом.

На текущем этапе исследования, в памятниках древнегреческой письменности не удалось обнаружить конструкции антицели. В известных нам исследованиях также нет упоминаний таких конструкций. В этой связи интересным представляется развитие полисемии союза ἵνα, который на более раннем этапе употреблялся в качестве локативного относительного местоимения со значением ‘где’, в классическую эпоху V-IV вв. до н. э. стал моносемантическим целевым союзом, а в современном языке употребляется и в несобственно-целевых конструкциях, и в предложениях антицели.

В классическую эпоху засвидетельствованы лишь отдельные локативные употребления ἵνα (39), а прототипическим для союза является целевое значение (40):

(39) Hdt. 9.27.6 ...ἄρτιοι εἰμὲν πείθεσθαι ὑμῖν ὧ Λακεδαιμόνιοι, ἵνα δοκέει ἐπιτηδεότατον ἡμέας εἶναι ἐστάναι καὶ κατ' οὐστίνας...

...мы готовы подчиниться вам, о лакедемоняне, — где и против кого вы найдете наиболее подходящим нас поставить.

(40) Thuc.1.99.3 ...οἱ πλείους αὐτῶν, ἵνα μὴ ἀπ' οἴκου ᾧσι, χρήματα ἐτάξαντο ἀντὶ τῶν νεῶν...

...их них большинство, чтобы не удаляться с родины, обложили себя денежной данью вместо доставки кораблей...

Союз ἵνα сохранил значение цели на протяжении всех этапов развития греческого языка: многозначный подчинительный союз/частица να в новогреческом языке имеет, в том числе, целевое значение⁷:

(41) Ἐφερα та παιδιά (για) να τους κόψεις τα μαλλιά (Holton et al. 2012: 561) Я привел(а) детей, чтобы ты подстриг(ла) им волосы.

В современном греческом языке союз να употребляется в конструкциях антицели (42) и в несобственно-целевых конструкциях различной семантики (43, 44, 45):

(42) Της πήρε τα λεφτά, για να μην της τα επιστρέψει ποτέ (Holton et al., 2012: 561)

Он взял у нее деньги, чтобы никогда их не вернуть.

(43) Για να μιλάει έτσι κάτι πρέπει να έχει μάθει (Holton et al., 2012: 561) Чтобы так говорить, он, должно быть, что-то узнал.

(44) Θα είναι πολύ χαζός για να μην δεχτεί μια τέτοια δουλειά (Holton et al., 2012: 562).

Он, должно быть, очень глуп, чтобы не согласиться на такую работу.

(45) Είναι πολύ μικρός για να καπνίζει (Holton et al., 2012: 562)

Он очень молод, чтобы курить.

⁷ В качестве целевого союза чаще употребляется сочетание για να 'чтобы' (Holton et al., 2012: 560). Компонент για, восходящий к др.-греч. διά 'через', 'по причине', 'с целью', в новогреч. употребляется, в том числе, как предлог со значением причины и цели, а союз γιατι является одним из двух прототипических причинных союзов в современном греческом языке (Bardzokas, 2012: 86).

В данной работе была проанализирована семантика союза *чтобы*, который употребляется как в целевых, так и в дополнительных придаточных предложениях с волитивным компонентом значения, вводит различные несобственно-целевые конструкции, конструкции иной имплицативной семантики, а также конструкции, части которых связаны не имплицативными, а соединительными или противительными отношениями. Широкий спектр семантики конструкций, в которых употребляется союз *чтобы*, позволяет говорить о своего рода континууме различных употреблений с той или иной степенью выраженности целевого значения.

Было показано, что периферийные значения союза *чтобы* имеют параллели в других языках и могут быть учтены в исследовании моделей полисемии целевых показателей в языках мира, в частности, при составлении типологических анкет.

Литература

- Apresjan, V. Yu., Pekelis, O. E., 2013. [*Russian Corpus Grammar*]. http://rusgram.ru/Подчинительные_союзы#9 Accessed: 05.04.2025
- Апресян В. Ю., Пекелис О. Е., 2012. *Русская корпусная грамматика*. http://rusgram.ru/Подчинительные_союзы#9 Дата обращения: 05.04.2025
- Bardzokas, V.: 2012: *Causality and Connectives. From Grice to Relevance*. Amsterdam.
- Beloshapkova, V. A., ed., 1989. [*Modern Russian language: a textbook for philological specialties of universities*]. Moscow: Vysshaya shkola.
- Белашапкова В. А., ред. *Современный русский язык: учебник для филологических специальностей университетов*. М.: Высшая школа, 1989.
- Boguslavskaya, O. Yu., Levontina, I. B. 2004. [The meanings 'REASON' and 'GOAL' in natural language]. *Voprosy Yazykoznaniya*. № 2, 68–88
- Богуславская, О. Ю., Левонтина, И. Б. 2004. Смыслы 'ПРИЧИНА' и 'ЦЕЛЬ' в естественном языке. *Вопросы языкознания*. 2004. № 2, 68–88
- Chantraine, P. 1968. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots*. Paris: Klincksieck.
- Danilova, E. A., 2009. [About the semantics of contraim in reasonment relations system]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta*. T. 4, 213–217.

- Данилова Е. А., 2009. О семантике антицели в высказываниях с отношениями обусловленности. *Вестник Чувашского государственного университета*. Vol. 4, 213–217.
- Fedorov, A. K., 1972. [*The system of subordinating conjunctions in the modern Russian language. Dissertation Paper of Doctor of Philology*]. Vol. 1–3. Orel, 1972.
- Фёдоров А. К., 1972. *Система подчинительных союзов в современном русском языке. Диссертация на соискание степени доктора филологических наук*. Т. 1–3. Орёл.
- Fedorov, A. K., 1982. [*Controversial issues of the theory of complex sentences*]. Kursk: Kursk State University Publishing House.
- Фёдоров А. К., 1982. *Спорные вопросы теории сложноподчинённого предложения*. Курск: издательство Курского государственного университета.
- Glazunov, M. V., 2015. [Semantic types of complex sentences with the clauses of purpose]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 6 (69), 120–123.
- Глазунов М. В., 2015. Семантические разновидности сложных предложений с придаточными цели. *Ученые записки Орловского государственного университета*. №6 (69), 120–123.
- Grammatika-70, 1970. [Grammar of the modern Russian literary language]. N. Yu. Shvedova, ed. Moscow: Nauka.
- Грамматика-70, 1970. Грамматика современного русского литературного языка. Н. Ю. Шведова (ред.), М.: Наука.
- Grammatika-80, 1982. [Russian grammar. Vol. 2. Syntax]. Moscow: Nauka.
- Грамматика-80, 1982. Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М.: Наука.
- Gross, G., Prandi, M. 2004. *La finalité: Fondements conceptuels et genèse linguistique*. Bruxelles: de Boeck.Duculot.
- Holton, D., Mackridge, P., Philippaki-Warbuton, I., 2012. Greek: a comprehensive grammar. 2nd ed. revised by Vassilios Spiropoulos. Routledge.
- Jackson, H. 1995. *Grammar and Meaning: A Semantic Approach to English Grammar*. London: Longman.
- Kortmann, B. 1997. *Adverbial subordination: a typology and history of adverbial subordinators based on European languages*. Berlin: de Gruyter.
- Kustova, G. I., 2013. [*Syntax of the modern Russian language: a course of lectures*]. Moscow, Flinta.
- Кустова Г. И. *Синтаксис современного русского языка: курс лекций*. М.: ФЛИНТА.
- Martowicz, A. 2011. *The origin and functioning of circumstantial clause linkers: A cross-linguistic study*. Ph.D. diss. Edinburgh: Univ. of Edinburgh, 2011.

- Mosinets, A. G. 2017. [Bulgarian sentences with the conjunction “за да” expressing the semantics of anti-purpose]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota. № 10 (76), Vol. 1, 144–148.
- Мосинец А. Г. Предложения с семантикой антицели в болгарском языке с союзом **за да**. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2017. № 10(76). Ч. 1. С. 144–148.
- Nevskaya I. A., Tazhibayeva S. Zh., 2015. [Semantic types of purpose constructions in Turkic languages in comparison with Russian]. *Russkij yazyk i literatura v prostranstve mirovoj kul'tury. Materialy XIII Kongressa MAPRYAL*, in 15 Vol. Vol. 11. Marussenko, N. M., Shishkov, M. S., eds.
- Невская И. А., Тажибаева С. Ж., 2015. Семантические типы целевых конструкций тюркских языков в сопоставлении с русским. *Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ*: В 15 т.. Том 11. Составители: Н. М. Марусенко, М. С. Шишков.
- Schmidtke-Bode, K. 2009. *A Typology of Purpose Clauses*. Amsterdam: Benjamins.

С. В. Иванов

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
serge0ivanov@gmail.com

«ФЕМИНИЗАЦИЯ» ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ: КРОВОТЕЧЕНИЕ ИУДЕЕВ И НЕДУГ УЛАДОВ

В статье впервые сопоставляются два случая средневековой «феминизации» народов, выражаемой в переносе специфически женских состояний на мужчин. Рассматриваются представления о месячных у иудеев и «недуг уладов». Анализ источников показывает, что идея о кровотоке у иудеев, хотя и не всегда сопоставимая с женскими месячными, была широко распространена со второй половины XII в., отражая низкий социальный статус и изолированное положение этого меньшинства. С другой стороны, о недуге уладов, который некоторые источники сравнивают с беременностью и который связывали с обрядом кувады, чрезвычайно мало известно, потому что тексты дают о нем мало информации, которая к тому же непоследовательна и противоречива. Учитывая, что «недуг» присутствует только в цикле «Похищения» и, по-видимому, не соответствует предпосылкам, очевидным в случае с иудейской феминизацией, можно выдвинуть предположение, что перед нами нарративный прием развития повествования «Похищения». Как бы то ни было, он также должен рассматриваться в рамках феминизации, хотя, возможно, был заимствован из другой традиции, что объясняло бы его чужеродность, которая причиняла очевидные неудобства уже средневековым редакторам.

Ключевые слова: феминизация, месячные у иудеев, недуг уладов, Похищение быка из Куальнге.

S. V. Ivanov

Institute for Linguistic Studies, RAS, St.Petersburg, Russia.
serge0ivanov@gmail.com

“Feminization” of Ethnic Groups in Medieval Europe: Jewish Male Menses and the Debility of the Ulstermen

The paper for the first time addresses two cases of medieval “feminization” of a whole ethnos as expressed through the transfer of specifically female biological conditions onto men. The cases under consideration are the Jewish male menses and the “debility” of Ulstermen. The evidence shows that the idea of Jewish “flux sanguinis” — although not directly and not always comparable to the women’s menses — was

widely recognized and can be traced from the second half of the 12th century, thus mirroring the low social status and isolation of this ethnic minority. On the other hand, the debility of the Ulstermen which some sources compare to the pregnancy and which has been linked to the rite of *couvade* is too obscure since the texts do not say very much about it, and when they do, the information they give is inconsistent and contradictory. Given that the debility is not mentioned elsewhere outside the *Táin Bó Cúailnge* and seems not to match social presuppositions obvious in the Jewish case, it can be regarded as a narrative tool for bringing the *Táin* plot into motion. However, it must be also counted to the “feminization” motifs — taken perhaps from some other tradition, which would explain its alienness that evidently caused troubles already to the medieval redactors.

Keywords: feminization, Jewish menses, debility of Ulstermen, *Táin Bó Cúailnge*.

В этой заметке мы собираемся рассмотреть средневековые европейские представления о специфически женских состояниях, перенесенных на представителей мужского пола и охватывающие всю популяцию определенной этнической или этноконфессиональной группы. Хотя по отдельности оба случая, которые будут рассмотрены ниже, давно и подробно изучались, их сопоставление, насколько мне известно, до сих пор не было предпринято. Речь пойдет об иудеях в связи с менструацией и об уладах в связи с их «недугом».

Прежде всего, обратимся к сведениям о мужской менструации у иудеев. Эта тема активно освещалась в последнее время, в том числе в рамках гендерных исследований и истории расизма. Нас главным образом будут интересовать разборы средневековых источников, поэтому укажем в первую очередь на работы Johnson 1998, Biller 2001 и Resnick 2000¹. Хорошие обзоры представлены в Kaplan 2019, 57–80; Gebke 2020, 123–234 и Mayerhofer 2021. Мы приведем здесь ранние источники XII–XIII вв., послужившие основой для формирования и дальнейшего развития этих представлений, в хронологическом порядке.

Прежде всего, следует заметить, что самый ранний источник остался незамеченным в указанной литературе, хотя в ней и рассматривается восходящая к нему традиция. Это этимологи-

¹ Следует упомянуть также классическую работу Trachtenberg 1943, 50, где менструация включается в общий список болезненных состояний, характеризующих иудеев по мнению христиан.

ческий труд «Derivationes» Угуция Пизанского², где мы находим такой пассаж:

Из *pedor* [зловоние] выводится *podex*, то есть задний проход, потому что воняет. Ювенал: «Однако же с гладкого зада» (Iuu. 2, 13, пер. Д. С. Недовича). И в сочетании с *vergo* [вытирать, выскребать] оно производит *verpus*, средний палец, то есть «вытирающий зад». Ведь Бог поразил врагов его в тыл, вечному сраму предал их (Пс. 77: 66). Ведь каждый год на Распятие Господе они испускают кровь из задней части и, положив туда средний палец, вытирают этим пальцем задний проход, и поэтому *verpus* так называется, то есть «вытирающий зад». Поэтому этот палец до сих пор показывают иудеям в поношение; если ты покажешь его какому-либо иудею, то он никогда уже тебя не полюбит. Поэтому Ювенал говорит: *Mediumque ostenderet unguem* (Iuu. 10, 53, пер. Ф. А. Петровского «Рукою показывал кукиш»). Это показывал Демокрит Фортуне, то есть вытягивал средний палец ей в поношение, как поступают с иудеями, тем самым показывая, как она презренна. И поэтому встречается обозначение *verpus* для иудея. Ювенал: «Иль отводить к роднику лишь обрезанных» (Iuu. 14, 104, пер. Ф. А. Петровского), что надо толковать «иудеев» (Cecchini 2004 II, 963, также 305).

В контексте данной тематики этот отрывок обсуждался Брюно Руа (Roy 1998), который, однако, не придал значения хронологии, хотя совершенно верно указал на то, что этот труд послужил образцом для последующих лексикографических сочинений, и поэтому приведенный отрывок почти дословно цитируется в словаре к Библии «*Summa Britonis*», написанном в середине XIII века францисканцем Вильгельмом Бритоном («Бретонец» или «Британец»), см. Daly and Daly 1975, I, 195–196, и затем в грамматическом и лексикографическом труде «*Catholicon*» Иоанна Бальба (ум. 1298), и в глоссах XV века к Ювеналу (Derolez 1988, 113)³. Кроме того, справедливо и заме-

² Хотя точная датировка написания *Derivationes* невозможна, предполагается, что Угуций начал работу над ними в начале 1160-х гг. (Cecchini 2004, I, xxi–xxii) Даже если принять позднюю датировку 1190-ми годами, влияние этого труда, тем не менее, должно быть переосмыслено с учётом того, что перед нами одно из самых ранних свидетельств.

³ Джонсон (Johnson 1998, 291) обсуждает *verpus* на примере «Католикона», но ему осталась неизвестной стоящая за ним традиция.

чание Руа о том, что эти пособия были популярны и «имели все шансы быть известными изучающим латынь, как клирикам, так и мирянам».

Следующим по времени источником, который долгое время считался самым ранним, является итинерарий «*Tractatus de locis et statu sancte terre ierosolimitane*», написанный «в последние два десятилетия существования Иерусалимского королевства» (Kedar 1998, 119), то есть в 1170–1180-е гг. Давая краткую характеристику населяющим Святую землю народам, автор пишет об иудеях:

Первыми из них [не-христиан] идут иудеи, люди упрямые, миролюбивые (*imbelles*) больше женщин, повсюду поработенные, страдающие каждую луну от кровотечения. Они соблюдают буквально Ветхий завет и пишут еврейским письмом. Из них саддукеи не верят в воскрешение (Kedar 1998, 130).

Этот трактат, очевидно, послужил одним из источников для Иакова из Витри, епископа Акры, написавшего около 1221 г. «Восточную историю» (*Historia orientalis*), где содержится такой пассаж:

Другие же иудеи, о которых их предки кричали: «Кровь Его на нас и на детях наших» (Мф. 25: 24–25), рассеявшись почти по всему свету и по всем направлениям, повсюду оказались рабами и данниками. Сила их, по слову пророка Исайи, обратилась в искру (Ис. 1: 31), ибо они стали миролюбивыми и бессильными (*imbelles et imbecilles*), как женщины. Поэтому каждую новую луну, как говорят, они страдают от кровотечения. Ведь Бог поразил врагов его в тыл, вечному сраму предал их (Пс. 77: 66). Ведь после того как они убили своего брата, истинного Авеля, то сделались бродягами и скитальцами по земле, как проклятый Каин, с трясущейся головой, то есть робким сердцем, денно и ночно в страхе и трепете за свою жизнь (Donnadieu 2008, 328).

Примерно в то же время (к 1223 г.) завершил свой труд «Диалог о чудесах» цистерцианский монах Цезарий Гейстербахский, собравший множество *exempla* в назидание послушникам. В главе II, 23 он приводит длинный рассказ о юном клирике, соблазнившем девушку-иудейку и избежавшем наказания. Из этого рассказа в нашем контексте интересно самое начало:

В одном английском городе жила девушка, дочь иудея, и очень красивая как дитя своего народа. Один молодой клирик, родственник епископа этого города и каноник при соборе, увидев ее, воспылал вожделением и любовными речами с огромным трудом склонил ее к согласию. И когда он стремился к ее объятиям и, разгоревшись великим пылом, соблазнял ее на совокупление, она ответила: «Меня очень любит отец, который так строго меня сторожит, что ни я не могу придти к тебе, ни ты ко мне, разве что в ночь пятницы, которая предшествует вашей Пасхе». Ведь тогда иудеи, как говорят, страдают от некоей болезни, которая называется кровотечением, и под ее воздействием не в состоянии следить за другими. Услышав это, юноша, почти лишившийся рассудка от пылкой любви, предал забвению христианское благочестие, пренебрег Страстями Господними и, придя той ночью к девушке, спал с нею до самого утра (Strange 1851, I, 92).

Важное и остающееся на периферии исследований свидетельство представляет текст «*Liber physionomie*» Михаила Скотта. В редакции, возникшей, вероятнее всего, в середине 1250-х годов (Voskoboynikov 2019, 38)⁴, сообщается:

Следует также знать, что иудеи естественным образом страдают от истечения крови каплями через член в соответствии с луной, как женщины (Voskoboynikov 2019, 297).

Наконец, около 1260 появился труд доминиканца Фомы из Кантимпре «*Opus universale de aribus*»⁵, где автор приводит обстоятельный рассказ (II xxix 23):

Поэтому следует рассмотреть, почему у иудеев заведено проливать христианскую кровь в каждой области, где они живут. Ведь доподлинно известно, что каждый год в каждом краю они бросают жребий, [определяя], какой город или какое селение должно передать другим городам христианскую кровь. Из святого Евангелия явствует, что, когда Пилат умыл руки и сказал «Невиновен я в крови Праведника Сего», нечестивые иудеи ответили криками: «Кровь Его на нас и на детях наших»

⁴ Биллер (Biller 2001, 141) упоминает это свидетельство, но считает фразу поздней интерполяцией; издание текста говорит о том, что, даже если оно появилось в результате редактуры, эта версия имела хождение уже во второй половине XIII в.

⁵ Resnick 2000, 250 ошибочно называет Цезария «младшим современником» Фомы из Кантимпре.

(Мф. 25: 24–25). Об этом, как представляется, говорит блаженный Августин в одной проповеди, которая начинается «На кресте» — [а именно], что до сих пор от проклятия предков из-за запятнанной крови (per maculam sanguinis) до потомков бежит преступная жила (vena facinoris), чтобы нечестивый род жестоко и без искупления мучался от ее истечения (hanc fluidam)⁶, пока с покаянием не признает себя виновным в крови Христовой и не исцелится. Кроме того, я слышал, как один образованнейший иудей, в наши времена обратившийся в [истинную] веру, говорил, что один из их так называемых пророков при смерти предсказал иудеям: «Уверяю вас, вы никоим образом не можете излечиться от того позорнейшего мучения, которым вы наказаны, кроме как при помощи христианской крови». Вечно слепые и нечестивые иудеи подхватили эти слова и ввели [обычай] каждый год в каждой области проливать христианскую кровь, чтобы исцеляться этой кровью. И он добавил: «Они плохо поняли эти слова, решив, что речь идет о крови любого христианина, но имелась в виду, конечно, та кровь, которая каждодневно проливается на алтаре во искупление грехов. И кто бы из нас, обратившись в веру Христову, ни принял эту кровь, как и подобает, тот сразу исцеляется от этого проклятия наших предков» (Burkhardt 2020, II, 580–582).

При рассмотрении этих и дальнейших пассажей на ту же тему, следует поставить вопрос: что именно подразумевали авторы источников? И за этим должен идти вопрос: что подразумевают современные авторы, берущие эти источники за основу? Так, Уиллис Джонсон (Johnson 1998) утверждает, что представления о мужской менструации оформились только к рубежу XVI в., а все предыдущие тексты говорят о геморроидальном кровотечении. Впрочем, если обратиться к уже приведенным выше отрывкам, картина окажется несколько более сложной.

Текст Угучия меняет не только хронологию, но и общий взгляд на проблему, потому что цитата из Псалма (Пс. 77: 66), как выясняется, появляется уже у него до Иакова из Витри, и нет никаких сомнений, что речь у него идет именно о геморрое. Однако сопоставление иудеев с женщинами и приписывание им ежемесячного кровотечения встречается уже в следующем

⁶ Фраза «ex maledictione parentum currat adhuc in filios vena facinoris per maculam sanguinis, ut per hanc fluidam importune proles impia inexpiabiliter crucietur» допускает разные трактовки.

тексте — «Tractatus de locis et statu sancte terre ierosolimitane». То же самое мы наблюдаем у Иакова из Витри. Впрочем, в тексте Цезария кровотечение приходит только раз в год, на Страстную пятницу — как у Угущия. Наконец, Фома из Кантимпре выражается крайне туманно, однако напрямую связывает это явление с кровавым наветом⁷.

Пояснения этого феномена, основывающиеся на натурфилософии и медицинской теории, появляются, как показал Биллер (Biller 2001) позднее, но уже к концу XIII века. В большинстве из них, действительно, кровотечение понимается как геморроидальное. Тем не менее, в некоторых текстах встречаются другие толкования. Отрывок из «Liber physonomie», процитированный выше, не оставляет сомнений в том, что во второй половине XIII века были представлены воззрения, согласно которым кровотечение происходило через пенис. Отголоски этого мнения мы находим в т. н. комментарии В к трактату «De secretis mulierum», приписывавшемуся Альберту Великому, где содержится следующая классификация:

Также заметь, что, по мнению некоторых, месячные разделяются на три категории. Первая — это естественные месячные, такие как женские. Вторая — это сверхестественные, такие как у иудеев. Третья — это противоестественные, как у некоторых христиан-меланхоликов, [протекающие] через задний проход, а не через член (per virgam). (De secretis mulierum 1508, A8r-v).

То, как комментатор уточняет вид кровотечения у христиан, явно указывает на то, что автор, подобно Михаилу Скотту или его редактору, приписывал иудеям кровотечение из пениса. Какими бы медицинскими терминами ни обставлялись рассуждения о иудейском кровотечении и какими экзотическими бы ни были идеи о его конкретном протекании, можно с уверенностью считать, что это результат рационализации, стремящейся дать приемлемую трактовку уже имеющимся представлениям в рамках современных теорий и вписать их таким образом в научную картину мира. Из ранних источников только в лексикографии (Угущий, Вильгельм Бритон и т. д.) указывается конкретная биологическая или медицинская составляющая.

⁷ В контексте общих представлений о крови в христианской и иудейской культурах см. Biale 2007, 105.

Скорее всего, важнейшим элементом для теологических и назидательных сочинений был сам символизм, связывающий пролитие крови Христовой с последующим наказанием⁸.

Нельзя не отметить и различия в регулярности кровотечений. Наряду с месячными существовала устойчивая традиция, привязывавшая наступление болезненного состояния к Пасхе, как мы видели в текстах Угуция и Цезария. То, что эти традиции сосуществовали на протяжении всех Средних веков, показывает латинская лексикография того времени, постоянно воспроизводящая этимологию Угуция.

Таким образом, мы наблюдаем двойственную картину. С одной стороны, феминизация, сближение иудеев с женским полом, не подлежит сомнению и подчеркивается соположением и открытыми сравнениями с ранних фиксаций. С другой стороны, называть «месячными», например, геморроидальное кровотечение, происходящее с годичной регулярностью — а такие представления, как было показано выше, были не менее распространены, чем представления о ежемесячных кровотечениях — можно только с большой натяжкой. Кроме того, некоторых авторов явно не интересовали ни биологические детали, ни сопоставление с женщинами. Это необходимо учитывать при знакомстве с современной литературой, обсуждающей представления о «менструации у иудеев»⁹.

Обратимся теперь к свидетельствам о феномене, известном под названием «недуг уладов». Это болезненное состояние является основным двигателем сюжета в «Похищении быка из Куальнге», где вражеское войско сдерживается единственным защитником Ульстера, не подверженным этому недугу — Кухулином. Между тем отсылки к нему крайне расплывчаты и противоречивы. В тексте самого «Похищения», записанном,

⁸ Отдельно можно было бы рассмотреть словоупотребление Фомы из Кантимпре, который говорит о *vena facinoris*, и попытаться сопоставить ее с теми венами, которые, согласно анатомическим представлениям того времени, были ответственны за возникновение геморроя (Johnson 288–289), однако стиль Фомы характеризуется сложной и богатой метафорикой, не всегда позволяющей определить, что именно он имеет в виду.

⁹ Схожий пафос в статье Джонсона (Johnson 1998), но, к сожалению, хронологические ошибки и учет далеко не всех источников искажают его выводы.

вероятно, в VIII–IX вв., но дошедшем до нас в рукописях не ранее XII в., сообщается, что от недуга страдали все улады, кроме Кухулина и его отца Суалтайма (ТВС I, ll. 216–7). Далее Фергус, улад-изгнанник, перебежавший на сторону врагов, рассказывает, что от этому недугу не подвержены женщины и мальчики, а также никто за пределами Ульстера, а также Кухулин и его отец, и никто не смеет проливать их кровь, потому что тот, кто их поранит, тотчас сам начинает страдать от недуга или чахнет, или сокращается срок его жизни (ll. 525–9). Относительно сроков недуга также нет уверенности: Фергус высказывает удивление тем, что улады так долго не могут оправиться от болезни (ll. 1283–4), и в другом месте повторяет, что недуг продлится существенно больше, прежде чем они наконец исцелятся (ll. 2408–9). Более того, имеются указания на то, что недуг прерывался и возобновлялся (ll. 1219–20, 1629–1630)¹⁰.

Происхождение этого феномена объясняется в двух текстах — «Noinden Ulad» и «Ces Ulad». «Noinden Ulad» представлен тремя редакциями, первая датируется серединой IX в., вторая более поздним временем¹¹. В этом тексте повествуется о женщине, являющейся к богатому селянину Крунху, которая приносит благополучие и достаток его дому и становится его женой. Крунху решил отправиться на общеуладский праздник, несмотря на уговоры жены, которая просила его не рассказывать о ней. На состязании колесниц, в котором победили королевские кони, он не удерживается и заявляет, что его жена пробежала бы быстрее. Его хватают и держат, пока не приходит его жена, чтобы подтвердить его слова. Хотя она беременна, ее начинают принуждать к состязанию с королевскими конями. Она просит об отсрочке, но король не соглашается. Беременная обгоняет коней, но падает и рождает мальчика и девочку. Услышавшие ее крики улады вдруг чувствуют слабость, будто женщина в родах. Тогда она сообщает, что отныне в трудные времена каждый из них, кто встанет на защиту родной земли,

¹⁰ Мы пользуемся первой редакцией «Похищения», так как в редакции Лейнстерской книги упоминаний о недуге значительно меньше, и это тоже может отражать неуверенность в ее конкретном описании.

¹¹ Обзор версий см. Thurneysen 1921, 359–363. См. перевод второй редакции «Недуг уладов» (пер. Т. А. Михайловой) в ПБК, 7–9.

будет обладать силой женщин при родах, на время, обычное при родах, то есть пять дней и четыре ночи на протяжении девяти поколений. Однако этому недугу не были подвержены женщины и дети, а также Кухулин, потому что он не был из уладов, а также те, кто находится за пределами пятины (Hull 1968).

В тексте «Ces Ulad», дошедшем в единственной рукописи XVI в. и крайне сложном для понимания, сообщается, что когда Кухулин охотился на рыбу в реке Бойн, с другого берега за ним наблюдали сид Элкмар и его жена Федельм. Элкмар возмутился вторжением и вошел в брод, там он поднял булыжник, так что лошади испугались, и Кухулин отрубил ему большие пальцы на руках и ногах. Федельм пообещала Кухулину год быть его подругой и показаться голой уладам по своему появлению. Спустя год в тот же день она обнажилась, и это привело к недугу уладов (Hull 1962/64).

Недугу уладов посвящено множество трудов, предлагающих различные интерпретации текстуальных свидетельств. Если раньше в них главным образом видели отражение обряда кувады¹², то в последнее время акцент стал смещаться на другие возможные толкования. Уже О'Брынь (Ó Broin 1963), указывая на очевидные противоречия в сопоставлении с обрядами кувады (у уладов кувада охватывает всё племя; коннахтцы нападают, подгадывая наступление к началу болезни, то есть точно зная ее сезонность; по «Похищению» она длится целых три месяца и т. д.), предложил сближать этот недуг с вегетационными мифами и с гибернацией — зимней спячкой¹³. Киллин (Killeen 1974) полагает, что перед нами традиционный фольклорный мотив магической слабости, а уподобление родам просто удачное сравнение.

Эти толкования, выдвигающие на передний план мифологический и фольклорный аспект, дополняются и в значительной мере корректируются работами, ориентированными прежде всего на текстуальный анализ. Мартин (Martin 1989) сравнивает тексты о происхождении недуга и, отмечая совершенно разные объяснения, которые дает «Noínden Ulad» и «Ces Ulad», видит их связь в женском обнажении, приводящем к недугу. Тонер (Toner 2010) подчеркивает, что имя женского персонажа Маха в

¹² См. Михайлова 1982; Vendryes 1934, 335–337.

¹³ См. также Ó Cathasaigh 1993, 122–125.

«Noínden Ulad» кажется поздним дополнением, призванным увязать рассказ с названием столицы уладов Эмайн Маха, и потому этот текст не имеет никакого отношения к ирландским женским божествам, известным под этим именем. Кроме того, он также указывает на параллель между недугом и обнажением женских персонажей.

Кажется, к этим подходам следовало бы добавить нарратологический и рассмотреть, какую роль играет недуг в повествовании, какое влияние он оказывает на развитие сюжета, как он описывается в самом тексте его героями, как он проявляется за пределами очерченного комплекса саг.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что недуг уладов не упоминается где-либо за пределами «Похищения быка из Куальнге» и круга обрамляющих его текстов¹⁴. Для самого «Похищения», как уже говорилось, недуг служит стержнем и необходимым условием всего повествования, которое по сути представляет собой крайне интересный своей парадоксальностью сюжет: На уладов нападает войско, главную роль в котором играют улады-изгнанники, не страдающие от недуга, потому что они оказались за пределами Ульстера, а защищает уладов герой не-улад, который поэтому единственный среди них не подвержен недугу.

Однако этот эффектный прием порождает множество противоречий, которые устраняются или сглаживаются всё новыми пояснениями и обстоятельствами, вводимыми, кажется, *ad hoc* для каждого возникающего недоумения. Почему, собственно, этому недугу не подвержены изгнанники, хотя они улады? Очевидно, ответ дает Фергус в перечислении лиц, обладающих иммунитетом: а также любой, кто находится вне пределов Ульстера (TBC I, ll. 526–7 *nách for neoch bis fri crích nUlad anechtair*, так же в «Noínden Ulad», Hull 1968, 38). Но при вторжении изгнанники оказываются на территории Ульстера, почему же они не страдают, как прочие улады?

¹⁴ См. TBC I, 241, где в примечании к недугу уладов Сесиль О'Рахилли пишет: "It is mainly in TBC that we find reference to cess Ulad. But in the account of the death of Cu Chulainn, both the fragmentary LL-version and the modern tale Breisleach Mor Muighe Muirtheimhne tell us that Cu Chulainn was killed while the Ulstermen lay prostrate in their cess, unable to defend him".

Почему обладает иммунитетом Кухулин? Логичным ответом казалось бы постоянно повторяемое указание на его юный возраст. В тексте подчеркивается, что он безбородый юнец, и таким образом можно предположить, что он попадает в категорию *meic* ‘мальчиков’, которые, к тому же, в определенный момент выступают против вражеской армии (*Aided na Macraidi ll. 1631–1657*). Однако в «*Noínden Ulad*» — но не в *TBC I* — объявляется, что Кухулин не подвержен недугу, потому что он не улад. В *TBC I* прямо говорится, что Кухулин улад (*ll. 421–2 sech rafetamár is di Ultaib dó*), ср. Ó Cathasaigh 1993, 124. В современных исследованиях это противоречие снимается указаниями на божественное происхождение Кухулина или на неуладское происхождение его отца Суалтайма¹⁵, но это кажется вторым витком уже в рамках современных попыток объяснений и рационализации, поскольку сам текст «Похищения» не дает никаких пояснений. Это же относится к включению в список самого Суалтайма. Он выступает в ряде случаев в качестве гонца, приносящего вести от уладов Кухулину и наоборот, поэтому он должен быть свободен от болезни, чтобы выполнять эту функцию. Заметим, что недугу не подвержен также колесничий и постоянный спутник Кухулина Лаэг (Лоэг), но это обстоятельство никак не комментируется ни в сагах, ни в современной литературе.

Недуг, как указывалось выше, прерывается; более того, сезонному толкованию болезни как части мифа об умирающей и возрождающейся природе противоречит тот факт, что ее продолжительность, очевидно, не совпадает с ожиданиями самих уладов. Когда Фергус говорит: «Мне кажется странным, что они так долго не выздоравливают от своего недуга» (*ll. 1283–4*), или «Недуг уладов будет значительно продлен, прежде чем они наконец выздоровеют» (*ll. 2408–9*), из этого явствует, что часто приводимая в подтверждение этих мифологических трактовок длительность недуга «от Самайна до Имболка», то есть на протяжении трех зимних месяцев, на самом деле экстраординарна. Возможно, здесь сыграло роль сопоставление с известным по «*Noínden Ulad*» сроком «пять дней и четыре ночи». Даже если это поздняя глосса, ясно, что в саге, призванной объяснить происхождение недуга, его длительность гораздо

¹⁵ См. с библиографией Jaski 1999, 9–10.

меньше, чем три месяца — и этот факт вызывает недоумение и у Фергуса, который разделяет его с аудиторией «Похищения», как бы примиряя ее с необъяснимым.

Наконец, совершенно загадочной выглядит фраза «таким образом никто не смеет проливать их кровь, потому что того, кто их ранит, настигает [тот же] недуг или упадок или быстрая смерть» (ll. 528–9 *Ocus ane ní lamar fuligud forro-som, ar conscescing in cess for intí nod goin nó a meth nó a garséle*). Неясно, чью именно кровь запрещено проливать — уладов, охваченных недугом, или же тех из них, кто недугу не подвержен. Видимо, в любом случае этот гейс должен был предотвращать нападения, подобные тому, которое составляет сюжет «Похищения». По крайней мере, он подразумевает, что недуг мог распространяться не только на уладов. Характерно, что эта фраза опущена в одной из рукописей, содержащих ТВС I, — «Желтой книге из Лекана».

Конечно, отчасти эти противоречия и нестыковки объясняются сложной историей текста «Похищения», поскольку ТВС I является компиляцией разных версий, насыщенной дублетами эпизодов, а также интерполяциями. Правда и то, что было бы неверно подходить к средневековому тексту буквально с точки зрения, например, современного сценариста. Однако, тем не менее, вряд ли можно согласиться с предложениями просто принять всё, как есть¹⁶, ведь именно такие несогласованности и нарушения хода повествования открывают возможности для анализа текста и суждений о его истории.

Итак, с точки зрения повествовательной механики и стратегии недуг уладов, как мы только что видели, создает больше сложностей, чем разрешает, и существенно запутывает логику сюжета. Таким образом, складывается парадоксальная ситуация: необходимое для сюжета условие становится основным источником его проблем. Очевидно, это было ясно и средневековым редакторам, которые опускали отдельные особенно выбивающиеся из сюжета фразы или же, подобно редактору ТВС II, просто старались поменьше упоминать о недуге. Возможно, с этим связана и туманность указаний на то, когда именно возник и закончился недуг. В «*Noínden Ulad*» не назван

¹⁶ “Perhaps we should simply remember that absolute consistency is not to be expected on matters of this kind” (Ó Cathasaigh 1993, 124).

по имени король, при котором проходили состязания беременной с конями, а имена королев, при которых недуг закончился спустя девять поколений, отличаются в разных версиях и либо неидентифицированы, либо противоречат хронологии¹⁷.

Таким образом, недуг уладов, особенно его функции в повествовании «Похищения», остается загадочным явлением, сведения о котором значительно скуднее и неопределеннее, чем о кровотоке иудеев. Тем не менее, некоторые параметры, как представляется, являются общими и ключевыми для разнообразных и противоречивых упоминаний недуга. Эта слабость охватывает всех (с оговорками) уладов как результат женского обнажения и/или проклятия, произнесенного женщиной, которая обещана (обнажена) в нарушение всех мужских и королевских правил; мужское сообщество тем самым лишает чести само себя и подвергается в наказание «феминизации»¹⁸. Как именно связан недуг с беременностью и не является ли она, например, всего лишь метафорой (Killeen 1974, 85), не представляется возможным установить¹⁹.

Обращаясь к сопоставлению представлений об иудеях и уладах, можно с уверенностью сказать, что их объединяет по меньшей мере общая и важная параллель, устанавливаемая между их болезненными состояниями и женским полом: как иудеи становятся *imbelles* «подобно женщинам» и страдают от *fluxus sanguinis*, так и воинственные улады оказываются

¹⁷ Ср. в NU I co haimsir Fergusa maic Domnaill, NU II conice amsir Forco meic Dalláin — см. Toner 2010, 89.

¹⁸ См. Martin 1989, 109: “A common factor present in these stories of CuChulainn and the men of Ulster may be formulated as follows: warriors see unclothed women and then find themselves incapable of action or as enfeebled as women after parturition; there is a ‘feminization’ of men usually celebrated for their vigour”; p. 111: “The story of the debility of the men of Ulster may be considered as a complex exemplum of such a social philosophy. Unjustly deprive women of modesty, it would suggest, and you risk depriving men of true manliness, for the ‘truth’ of men and kings and the ‘modesty’ of women were indispensable complements to one another.”

¹⁹ На полях заметим, что сама по себе мужская беременность теоретически допускалась в средневековых трактатах, ср., например, комментарий А к «De secretis mulierum»: «Ведь если бы кот забрызгал своим семенем шалфей и кто-нибудь съел бы этот шалфей, то от его семени в животе мужчины зародились бы кошки, которых пришлось бы выводить с рвотой» (Lyons 1580, 19).

неспособны сражаться с врагами. Оба народа подвергаются «феминизации» если не в смысле конкретной болезни (см. выше обсуждение кровотечения; о том же, как именно понималась болезнь уладов, слишком мало данных), то в общих чертах болезненного состояния, сравнимого или напрямую идентифицируемого со слабостью, наступающей у женщин в результате месячных или беременности. Оба народа подвергаются этим недугам в наказание за проступки, падающие позором на всех мужчин, однако у иудеев это преступление против Бога (кровопролитие, влекущее за собой кровотечение), тогда как у уладов это преступление против правил приличий / чести в отношении женщины.

Насколько нам известно, для средневековой Европы это единственные примеры подобной феминизации. Чтобы расширить круг сопоставлений, здесь уместно вспомнить параллель, проведенную Вандриесом (Vendryes 1934) между недугом уладов и сообщением Геродота о скифах, который пишет:

Возвращаясь назад, скифы прибыли в сирийский город Аскалон. Большая часть скифского войска прошла мимо, не причинив городу вреда, и только несколько отсталых воинов разграбили святилище Афродиты Урании. [...] Грабителей святилища в Аскалоне и всех их потомков богиня наказала, поразив их навеки «женским» недугом. И не только сами скифы утверждают такое происхождение их болезни, но и все посещающие Скифию могут видеть страдания так называемых энареев (Herodot. I, 105. Пер. Г. А. Стратановского).

Интересно, как эта история сближается с рассмотренными средневековыми рассказами. С одной стороны, святотатство скифов находит очевидную параллель в преступлении иудеев, с другой — это преступление совершено против богини, то есть против женщины, как у уладов²⁰. Недуг у скифов, впрочем, поражает только часть народа, непосредственно ответственную за святотатство²¹, причем пострадавшая часть получает своего рода компенсацию в виде искусства гадания (Геродот IV, 67).

²⁰ Женский персонаж, из-за которого недуг постигает уладов, в «Ces Ulad» происходит из сидов, но в ранней версии «Noinden Ulad» никак не характеризуется, ср. подробное обсуждение Toner 2010.

²¹ Это несколько напоминает упоминания о кровотечении как наказании иудеев, требовавших распятия Христа. Неясно, впрочем, действительно ли при этих уточнениях имелось в виду, что страдают только

На примере иудеев ясно видно, что феминизация отражает понижение в статусе и социальное обособление «феминизируемых»; обособление или специализацию «феминизируемой» части скифов предполагает текст Геродота. Как сказалась феминизация на уладах или отражением какого комплекса представлений о них она является, мы не знаем, и это еще раз заставляет предположить, что «недуг» является нарративным приемом, использованным специально для «Похищения» — возможно, на основе легенд или саг, изначально принадлежавших совсем другим традициям.

Библиография

- De secretis mulierum 1508 — *Albertus magnus de secretis mulierum cum commento. Nouissime infinitis pene erroribus emendatus*. Venetia.
- Biale D. 2007: *Blood and Belief: The Circulation of a Symbol between Jews and Christians*. Berkeley: University of California Press.
- Biller P. 2001: A 'Scientific' View of Jews from Paris around 1300. *Micrologus* 9, 137–68.
- Burkhardt J. 2020: *Von Bienen lernen. Das Bonum universale de apibus des Thomas von Cantimpré als Gemeinschaftsentwurf. Analyse, Edition, Übersetzung, Kommentar*. (Klöster als Innovationslabore 7.) 2 vols. Regensburg: Schnell & Steiner.
- Cecchini E. 2004: (ed.) *Uguccione da Pisa. Derivationes*. 2 vols. Firenze: SISMEL — Edizioni del Galluzzo.
- Daly L. W, Daly B. A. 1975: *Summa Britonis sive Guillelmi Britonis Expositiones vocabulorum Biblie*. 2 vols. Padua: Editrice Antenore.
- Derolez A. 1988: "Pan et circenses": The Reading of Juvenal in the School of the Ghent Hieronymites in the Fifteenth Century. In: *De Captu Lectoris. Wirkungen des Buches im 15. und 16. Jahrhundert dargestellt an ausgewählten Handschriften und Drucken*. Hg. von Wolfgang Milde und Werner Schuder. Berlin; New York: De Gruyter, 105–116.
- Donnadieu J. 2008: (ed.) *Jacques de Vitry. Histoire orientale: Historia orientalis*. (Sous la règle de saint Augustin 12.) Turnhout: Brepols.
- Gebke J. 2020: (Fremd)Körper: Die Stigmatisierung der Neuchristen im Spanien der Frühen Neuzeit. Wien; Weimar: Böhlau.
- Herodot. *Istoriya v devyati knigakh*. [Herodotus. The Histories.] Геродот. *История в девяти книгах*. Пер. Г.А. Стратановского. Л.: Наука 1972.

потомки иудеев, непосредственно принимавших в этом участие. Многие источники, в том числе приведенные выше, показывают, что болезнь понималась как охватывающая всех иудеев.

- Hull V. 1962–1964: Ces Ulad: The Affliction of the Ulstermen. *Zeitschrift für celtische Philologie* 29, 305–314.
- Hull V. 1968: Noinden Ulad: The Debility of the Ulidians. *Celtica* 8, 1–42.
- Jaski B. 1999: Cú Chulainn, gormac and dalta of the Ulstermen. *Cambrian Medieval Celtic Studies* 37, 1–31.
- Johnson W. 1998: The Myth of Jewish Male Menses, *Journal of Medieval History* 24, 273–295.
- Kaplan M. L. 2019: *Figuring Racism in Medieval Christianity*. New York: Oxford University Press.
- Kedar B. Z. 1998: The Tractatus de locis et statu sancte terre ierosolimitane. In: *The Crusades and their Sources. Essays Presented to Bernard Hamilton*. Eds. J. France and W. G. Zajac. Brookfield, Vermont: Ashgate, 111–133.
- Killeen, J. F. 1974: The Debility of the Ulstermen: A Suggestion, *Zeitschrift für celtische Philologie* 33, 81–86.
- Martin B. K. 1989: “Truth” and “Modesty”: A Reading of the Irish Noinden Ulad. *Leeds Studies in English* 20, 99–117.
- Mayerhofer K. 2021: Inferiority Embodied: The ‘Men-struating’ Jew and Pre-Modern Notions of Identity and Difference. In: *Comprehending Antisemitism through the Ages: A Historical Perspective*. Eds. Armin Lange, Kerstin Mayerhofer, Dina Porat, and Lawrence H. Schiffman. Berlin: De Gruyter, 135–59.
- Mikhajlova T. 1982: Nedug uladov — popytka interpretatsii [The Debility of the Ulidians — an Attempt at an Interpretation]. [*Soviet ethnography*] 2, 103–107.
- Михайлова Т. 1982: Недуг уладов — попытка интерпретации. *Советская этнография* 2, 103–107.
- Ó Broin T. 1963: “What is the ‘debility’ of the Ulstermen?” *Éigse* 10, 286–299.
- Ó Cathasaigh T. 1993: Mythology in Táin bó Cúailnge. In: *Studien zur Táin bó Cúailnge*. Ed. Hildegard L. C. Tristram. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 114–132.
- PbK — *Pokhishchenije byka iz Kual’nge* [The Cattle Raid of Cooley]. Moscow 1985.
- ПбК — *Похищение быка из Куальнге*, изд. подготовили Т. А. Михайлова, С. В. Шкунаев, М. 1985.
- Resnick I. M. 2000. Medieval Roots of the Myth of Jewish Male Menses. *Harvard Theological Review* 93/3, 241–263.
- Roy B. 1998: À propos d’un geste antisémite décrit par Huguccio de Pise. In: *Le geste et les gestes au Moyen Âge*. Aix-en-Provence: CUER MA.
- Strange J. 1851: *Caesarii Heisterbacensis monachi ordinis Cisterciensis Dialogus miraculorum*. 2 vols. Coloniae; Bruxellis: J. M. Heberle (H. Lempertz’ Söhne).

- TBC I — *Táin Bó Cúailnge: Recension I*, ed. Cecile O'Rahilly. Dublin: Institute for Advanced Studies, 1976.
- Thurneysen R. 1921: *Die irische Helden- und Königsage bis zum siebzehnten Jahrhundert*. Halle: Max Niemeyer.
- Toner G. 2010: Macha and the Invention of Myth. *Ériu* 60, 81–109.
- Trachtenberg J. 1943: *The Devil and the Jews: The Medieval Conception of the Jew and its Relation to Modern Antisemitism*. New Haven: Yale University Press.
- Vendryes J. 1934: La couvade chez les Scythes. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres* 78/4, 329–339.
- Voskoboynikov O. 2019: (ed.) *Michel Scot, Liber particularis, Liber physonomie*. (Micrologus Library 93.) Firenze: SISMEL — Edizioni del Galluzzo.

Е. Ю. Иванова
СПбГУ / ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия.
e.y.ivanova@spbu.ru

ИНИЦИАЛЬНЫЕ КЛИТИКИ В БОЛГАРСКИХ ГОВОРАХ В СВЕТЕ КОНТАКТОЛОГИИ¹

В статье рассматриваются линейно-синтаксические свойства клитик в ряде болгарских говоров, носители которых находились в разной степени контакта с румыноязычным населением. Характерной особенностью всех этих говоров является начальная позиция клитик, запрещенная в стандартном болгарском языке. Ставится вопрос о том, на каком уровне интерференции возможно копирование из языка-донора параметра инициальности клитик. Материал гребенского диалекта на территории Болгарии со слабой степенью контактно-индуцированных изменений показал, что заимствование начальной позиции для клитики возможно даже вне других грамматических последствий. Проанализированы особенности болгарского языка, способствующие легкости отмены закона Тоблера-Мусафии.

Ключевые слова: языковые контакты, болгарско-румынская интерференция, болгарские говоры, клитики, закон Тоблера-Мусафии.

Е. Yu. Ivanova
St. Petersburg State University, ILS RAS,
St. Petersburg, Russia. e.y.ivanova@spbu.ru

Initial clitics in Bulgarian dialects in the light of contactology

The article investigates the linear-syntactic properties of clitics in a series of Bulgarian dialects that are or were in contact zones with the Romanian-speaking population. The most distinctive feature of these dialects is the initial position of clitics. The essential factors determining the differences between the dialects under study are the conditions under which language contact occurs/occurred, its permanence and duration. These factors influence not only the optionality vs. stable variation in the realisation of the initial position, but also the extension of the paradigmatic and syntactic properties of clitics in the initial position.

The question is raised as to what level of interference allows the clitic initialisation parameter to be copied from the donor language. The material of the Greben dialect on the territory of Bulgaria, with a low degree of contact-induced change, has shown that this is possible even without other

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00064, <https://rscf.ru/project/25-18-00064/>

grammatical consequences of contact. The features of the Bulgarian language that contribute to the ease of repealing the Tobler-Musafia law are analysed.

Keywords: language contacts, Bulgarian-Romanian interference, Bulgarian dialects, clitics, Tobler-Mussafia law

ВВЕДЕНИЕ

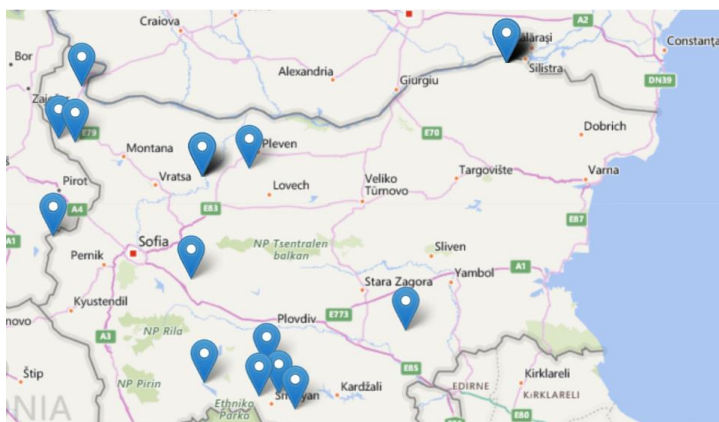
Большинство языков балканского языкового ареала (румынский, албанский, новогреческий, македонский) разрешают постановку клитик в абсолютное начало предложения. Изоглосса распространения инициальной позиции клитик в языках Балкан была впервые отражена в МДАБЯ (Sobolev 2003: 94) и на более обширной выборке задокументирована в Атласе балканского языкового ареала, где выявлены два архаических кластера — болгарский и боснийско-сербохорватский, в которых инициальная позиция клитик запрещена (Sobolev et al 2025).

Действительно, и в болгарском литературном языке, и в большинстве болгарских диалектов инициальная позиция глагольных и местоименных клитик не допускается, что обычно описывается как действие закона Тоблера-Мусафии (*the Tobler-Mussafia law*). Для ряда болгарских говоров этот запрет, однако, не действует. Интерактивная карта болгарского диалектологического ресурса, разработанного Р. Александер и В. Жобовым (Alexander, Zhobov 2016), позволяет получить по запросу о допустимости инициальных клитик следующую изоглоссу, см. Карту 1. Даже с учетом того, что на карте отражены лишь те пункты на территории Болгарии, которые попали в выборку диалектологов и были соответствующим образом глоссированы, видно, что запрет на инициальные клитики снимается прежде всего в контактных зонах.

В фокусе внимания в данной статье находится наиболее интересная с точки зрения контактологии зона — придунайские территории по северо-восточной границе Болгарии с Румынией. Болгарские идиомы, на которых говорят жители сел, находящихся к югу и к северу от Дуная, близки, но с XIX в. они развивались практически в полной изоляции друг от друга и при различной контактной ситуации с румыноязычным населением. С одной стороны, это северо-восточная часть Болгарии (Южная Добруджа), где в нескольких селах между Тутраканом и Силистрой еще Л. Милетич обнаружил потомков тех болгар, которые, спасаясь от

притеснений и войн, «часто убегали через Дунай в Румынию и позже часть из них возвращались снова» (Miletich 1902: 158), см. и (Kochev 1969: 9–10), и которые сохранили архаичный гребенский говор (мизийская диалектная группа) с некоторыми чертами, свидетельствующими о последствиях языкового контакта с румынским языком. С другой стороны, это болгарские поселения в румынской Мунтении, где расположены села с потомками болгар, переселившихся сюда примерно 150–200 лет назад² и говорящие на идиомах, также принадлежащих мизийской группе говоров. Их язык испытал и продолжает испытывать влияние румынского как доминантного языка.

Карта 1. Инициальные клитики в болгарских говорах по Alexander, Zhobov 2016



Основная задача нашего исследования состоит в решении следующего вопроса: на каком уровне языкового контакта можно ожидать копирования языком-реципиентом (в нашем случае болгарскими идиомами) возможности инициальной позиции клитик, которой характеризуется язык-донор (в нашем случае румынский язык)? Исследуемый материал, как мы

² В целом перемещение болгарского населения с юга на север от Дуная имелося всегда, но после установления турецкого господства на болгарских землях это были, по выражению болгарского историка Б. Цветковой (Tsvejkova 1962: 232), «хронические массовые переселения». Наиболее интенсивными потоки стали с конца XVIII в., достигая масштабных размеров в период русско-турецких войн (Vasileva 1974: 9–21; Mladenov 1993: 7–11, там же и литература).

увидим, показывает, что инициальность может появиться в языке-реципиенте даже при относительно непродолжительных контактах. Однако из контактологических исследований известно, что изменения порядка слов при недлительных и нерегулярных воздействиях обычно не происходит (напр. Moravcsik 1978; Thomason, Kaufman 1988; Winford 2003). Мы попробуем проанализировать, как это положение соотносится с ситуацией «заимствования» инициальности в рассматриваемых зонах и какие параметры языка-донора и языка-реципиента способствуют «легкости» отмены закона Тоблера-Мусафии в болгарском языке как языке-реципиенте.

Более частные задачи, которые ставятся в данной работе, касаются исследования синтаксических правил использования начальных клитик в рассматриваемых болгарских говорах, векторов распространения этого явления, а также ограничений на инициальность в сопоставлении с аналогичным явлением в языке-доноре. Исследованию языка болгаро-румынских контактных зон посвящено несколько важных монографий, прежде всего (Mladenov 1969; Kochev 1969; Mladenov 1993; Marinov 2008) и статей (см. разделы 2 и 3), в которых фиксируется наличие инициальных клитик в придунайских болгарских говорах под влиянием румынского языка, однако закономерности их употребления, синтаксические особенности и т.п., за исключением единичных наблюдений, которые будут представлены далее, еще не изучены.

Материалом для исследования послужили тексты, представляющие гребенский говор Болгарии (мизийская диалектная группа) и мизийских говоров Румынии.

Прежде всего, использовались электронные корпуса текстов обеих исследуемых зон, а также ряд печатных источников.

1. Для анализа гребенского говора Болгарии привлекались тексты с. Сребырна и с. Гребен из электронного корпуса *Bulgarian Dialectology as Living Tradition* (Alexander; Zhobov 2016), а также примеры, содержащиеся в описании этого говора И. Кочевым (Kochev 1969) и аудиоматериал из с. Ветрен (Iliev 2018).

2. Для анализа мизийских говоров на румынской территории использован прежде всего электронный ресурс *Отвъддунавски електронен корпус* (Olga Mladenova & Darina Mladenova 2001–2018). Данный корпус является электронным дополнением к исследованию болгарских говоров в Румынии, произве-

денному известным болгарским диалектологом М.С. Младеновым и опубликованному в (Mladenov 1993). Диалектные примеры из его монографии также включены в нашу работу. Из обоих источников отбирался только материал сёл с говорами мизийской группы, причем из последних наибольшее внимание мы уделяем данным тех локусов, которые являются лингвистически наиболее близкими гребенскому говору Болгарии. Эта близость определялась с учетом результатов масштабного исследования Д. Младеновой (Mladenova 2014), сопоставившей мизийские говоры Румынии и Болгарии по нескольким десяткам языковых признаков и установившей процентное лингвистическое соответствие между болгарскими говорами румынских сел и болгарскими локусами в метрополии. Привлечены также опубликованные диалектные тексты (Mladenov 1994; Dimchev 1969; 1974). Весь указанный материал мизийских говоров в Румынии относится к диалектологическим записям 60-х и 70-х гг. XX в. Учтены также примеры из работ К. Сугаи по местоименному удвоению в говорах сел Валя Драгулуй и Брэнешть (Sugai 2015a,b, 2016), представляющие более свежие данные 2012–2013-х гг.

Основные локусы для исследования представлены следующими селами Румынии (в болгарском и румынском написании): *Vălea Drăguлуй* (*Valea Drăganului*), заселение болгар — начало XIX в., *Мъньстѹря* (*Mănăstirea*), заселение — конец XVIII вплоть до 1928 г., *Кучелѹту* (*Chiseletu*), заселение — начало XIX в., *Брънѹщ* (*Brănești*)³, заселение — начало XIX в., а также некоторые другие (см. Список сокращений населенных пунктов).

Статья строится следующим образом. В первом разделе будут представлены краткие сведения о правилах линейаризации клитик в болгарском литературном языке. Второй и третий разделы посвящены изложению данных гребенского (мизийского) говора Болгарии (раздел 2) и мизийских говоров Румынии (раздел 3). Каждый из этих разделов начинается с описания

³ В статистику Д. Младеновой в связи с недостатком лингвистических данных не включено с. Брэнешть. Мы используем материалы этого идиома, т.к. на значительную близость его к гребенскому говору Болгарии и на наличие переселенцев из гребенских сел указывали ряд диалектологов (Romanski 1930: 432; Mladenov 1993: 34; Bolokan 1968; Sugai 2015a).

контактологических аспектов языковой ситуации для определения уровня интерференции (контактного влияния) в говоре, и затем на этом фоне рассматривается сфера употребления инициальных клитик в данном говоре. В разделе 4 сравниваются и обобщаются данные и формулируются результаты исследования.

1. ЛИНЕЙНО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА СЕНТЕНЦИАЛЬНЫХ КЛИТИК В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В фокусе внимания в этой статье находятся только сентенциальные клитики, т. е. клитики предикатного уровня (*clause-level clitics*). Фразовые клитики (*phrase-level clitics*), а именно клитики уровня именной или предложной группы, нас интересуют лишь в той степени, в которой они могут извлекаться из группы. Таковыми в болгарском языке являются посессивные клитики (генетически производные из личных местоимений дательного падежа), которые способны извлекаться из DP (определенной именной группы) и встраиваться в цепочку сентенциальных клитик, если место датива свободно (Cinque, Krapova 2009; Petrova 2016 и др.). В результате этой синтаксической операции, известной как *Possessor raising* (Schürcks, Wunderlich 2003), притяжательная клитика становится кластеризуемой, см. пример из (Petrova, Ivanova 2017: 121):

- (1) Изпала е [_{DP} блузата си (POSS)] → Изпала си (POSS) е [_{DP} блузата t]
‘[Она] постирала свою блузку’

Сентенциальными могут быть болгарские клитики разного категориального статуса: вспомогательные глаголы (формы настоящего времени глагола *съм* ‘быть’), краткие формы местоимений, включая возвратные, отместоименные частицы, дискурсивные и иллокутивные элементы. Их взаиморасположение определено достаточно строгими правилами, см., напр., (Ivanova, Gradinarova 2015: 507–532), и в данной работе рассматриваться не будет. Заметим лишь, что линейаризация клитик по отношению друг к другу (т. е. порядок в кластере) в интересующих нас говорах не имеет значительных отличий от стандартного болгарского языка (фиксируются лишь единичные отклонения).

Болгарские сентенциальные клитики характеризуются по двум параметрам: они являются клитиками, смежными с глаго-

лом (*Verb-adjacent clitics*) и одновременно клитиками второй позиции (*2P clitics*) (Dimitrova-Vulchanova 1999; Zimmerling 2012a,b; Dimitrova 2023; Zimmerling 2022).

1. Ограничение на смежность с глаголом (*Verb-adjacent clitics*) выражается в том, что клитики находятся в непосредственной близости от глагола, который является для них и синтаксическим, и, как правило, просодическим хозяином (Dimitrova 2023: 55–56). Болгарские клитики могут, таким образом, находиться в препозиции или постпозиции к глаголу. Это описывается формулой $XP - CL - V \sim V - CL$ (Zimmerling 2012a: 5; 2022), где XP — любая начальная группа, ср. (2) и (3):

(2) $XP-CL-V$:

а. Тя му (3SG.DAT) го (3SG.ACC) върна ‘Она ему его вернула’

б. Вчера му (3SG.DAT) го (3SG.ACC) върнах
‘[Я] вчера ему его вернул(а)’

(3) $V-CL$:

Върнах му (3SG.DAT) го (3SG.ACC) вчера.
‘[Я] вернул(а) ему его вчера’

Варианты возможных начальных групп (XP), допустимых для болгарского предложения с клитиками, установлены прежде всего в работах (Dimitrova-Vulchanova 1999; Zimmerling 2013: 385–401): это могут быть как проклитико-энклитический комплекс, так и сентенциальная составляющая. XP может представлять собой и группу коммуникативно-единообразных составляющих, как в примере (4):

(4) $XP [XP_1+XP_2] -CL-V$:

[Тя вчера] му (3SG.DAT) върна всичко
‘Она вчера ему всё вернула’

2. Признак второй позиции (*2P clitics*) в применении к болгарскому языку, где клитики ориентированы на глагол, означает, что они при этом стремятся находиться ближе к левой границе клаузы, что реализуется как позиция 2P при базовом порядке слов, т.е. вне действия синтаксических барьеров (о них см. далее). 2P-позиция клитик в болгарском предложении не является категорическим правилом, а лишь тенденцией, которая, впрочем, получила статистическое подтверждение: в недавнем исследовании Ц. Димитровой корпуса болгарской устной разговорной речи выявлено, что при базовом порядке

слов местоименные клитики занимают вторую позицию более чем в 80% случаев (Dimitrova 2023: 52).

Как и в большинстве языков с цепочками клитик, в болгарском языке действуют правила барьера, порождающие производные, контекстно обусловленные порядки слов, при которых клитики могут смещаться достаточно далеко вправо (Dimitrova-Vulchanova 1999; Zimmerling 2012б: 19–20; Zimmerling 2013: 113–118), особенно в болгарском вопросительном предложении, где допустимо большее число барьеров, чем в других иллокутивных типах, как в примере (5) из (Ivanova, Gradinarova 2015: 532):

- (5) Чичо, // дето си ти, // жените // госпожи ли са (3PL.PRS), или селянки? (Елин Пелин)
 ‘Дяденька, // там, где ты, // женщины // госпожи или крестьянки?’⁴

3. Наконец, в болгарском языке запрещена инициальная позиция клитик.

В рассматриваемых далее говорах клитики разделяют с болгарским литературным языком все правила расположения клитик в предложении, кроме запрета на инициальную позицию. Иначе говоря, в них разрешена (далее мы покажем, с какими ограничениями и в какой степени) постановка «нестрогих энклитик»⁵ на левый край клаузы, что можно отразить формулой (6), где скобки указывают на факультативность первого элемента. Таким образом, если место первой составляющей свободно и предложение планируется начать с глагольной группы, то клитика в исследуемых говорах может оказаться в начале клаузы, ср. пример (6а) из идиома с. Мыныстиря (*Мънѣстиря/ Mănăstirea*) в Румынии с начальной XP *после* и (6б) с нулевой XP:

⁴ Знаком // отмечено место барьера.

⁵ В языках с нестрогими энклитиками (*1P/2P clitics*) разрешен нулевой фонологический элемент или нулевая составляющая перед клитиками, см. (Zimmerling 2015). Строгие энклитики (*strict enclitics*, Zimmerling, Kosta 2013: 194–195), такие как болгарская вопросительная частица *ли*, никогда не появляются в инициальной позиции.

(6) (XP)–CL–V

- а. после гу (3SG.ACC) режеш със ножъ (М)⁶ ‘потом его режешь ножом’
б. # гу (3SG.ACC) гуждъш у сълъмуръ (М) ‘его кладешь в рассол’

Тем самым порядок расположения сентенциальных клитик болгарских говоров Румынии сближается с возможностями румынского языка, где тоже не действует закон Тоблера-Мусафии:

- (7) Mi-o dai (1SG.DAT-3SG.ACC.F.give.2SG.PRS) (Gerstenberger 2022: 57)
‘[Ты] даешь мне ее/это’

Исключением на инициальность клитик в румынском языке является требование постглагольной позиции местоименных безударных элементов в случае положительной формы императива и причастия/герундия (Gerstenberger 2022: 41–57). Имеются и фонологические ограничения на начальную позицию для местоимения 3 л. ед.ч. ж.р., см., напр. (Gerstenberger 2022: 41).

Копируются ли в болгарских говорах эти ограничения, будет показано далее.

2. ГРЕБЕНСКИЙ ГОВОР БОЛГАРИИ — ОСТАТОЧНЫЕ КОНТАКТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ И ИНИЦИАЛЬНОСТЬ КЛИТИК

2.1. Общие сведения о говоре

Гребенский говор (округ Силистренско⁷) — диалект старого болгарского мизийского населения, которое проживает в нескольких южнодобруджанских селах вдоль Дуная между городами Тутракан и Силистра. Полное описание этого говора осуществлено И. Кочевым на основе диалектного материала, собранного в период с 1961 по 1967 гг. в селе Пожарево (7 км от Тутракана) с привлечением данных близлежащих сел гребен-

⁶ Буква в скобках обозначает населенный пункт (см. Список сокращений населенных пунктов). Диалектные примеры в статье цитируются с сохранением транскрипции источников.

⁷ Болгарский диалектологический атлас очерчивает территорию гребенского говора шире, охватывая придунайские села между городами Русе и Силистра (Antonova-Vasileva et al. 2014). Мы следуем в определении границ говора за И. Кочевым (Kochев 1969: 5–11), указавшим на наибольшую сохранность черт этого говора лишь в части этой территории, а именно в Силистренском округе.

ской группы М. Преславец, Гарван, Попина, Сребырна, Ветрен и Калипетрово (Kochnev 1969: 9). Этнический состав Пожарево в момент сбора данных И. Кочевым составляли, в основном, болгары, с некоторым количеством цыган, говорящих на румынском диалекте.

Контакт с румыноязычным населением у носителей гребенского говора осуществлялся, во-первых, в периоды временных переселений в Румынию, в основном, с XVIII в. до сер. XIX вв., во-вторых, у их потомков в XX в., а именно в период вхождения Южной Добруджи в состав Румынии в 1913–1940 гг., когда румынский был на этой территории официальным языком, в том числе языком образования. Кроме этого, в тот же период гребенцы находились в контакте с временными переселенцами из Румынии, ср., напр., заселение в с. Пожарево в период 1926–1940 гг. болгарских румын из района Видина (107 домов), впоследствии покинувших эти земли. Данный контакт, по замечанию И. Кочева, не был интенсивным, поскольку румыны воспринимались местными жителями как «колонизаторы» (Kochnev 1969: 11).

Сохранность особенностей гребенского говора как архаичного мизийского диалекта, слабо подверженного влиянию окружающих говоров, во многом определялся его географической и исторической изолированностью. Так, с. Пожарево (фокусный пункт для описания гребенского говора у Кочева) находится на географически замкнутой территории, окруженной высокими холмами. На севере в нескольких километрах протекает Дунай. На юге расположено с. Зафирово, где живут переселенцы с Балкан, которые не вступали в активный контакт с местными. На западе находится г. Тутракан, где до 1940 г. говорили порумынски. Таким образом, жители Пожарево долгое время поддерживали связи только с восточными селами, где также говорят на гребенском говоре.

В настоящее время значительное влияние на говор оказывает литературный болгарский язык, и лишь немногие жители этих сел говорят на диалекте. Впрочем, эти носители, как показывают записи диалектологов, сделанные в 2002 г. в селах Гарван и Сребырна (Alexander; Zhobov 2016) и в селе Ветрен 2018 г. (Piev 2018), демонстрируют хорошую сохранность говора.

2.2. Остаточные контактнообусловленные явления в гребенском говоре

В гребенском говоре представлены лишь остаточные явления, свидетельствующие о прошлом взаимодействии с румыно-говорящими носителями. Помимо возможности инициальной позиции клитик, которая имеет ряд ограничений (см. раздел 2.3.), это некоторые, нерегулярно реализующиеся структурные заимствования, которые зафиксированы в описании говора И. Кочевым (Kochnev 1969):

1) употребление предложных групп с предлогом *нъ* вместо беспредложных, представляющее собой калькирование румынского способа присоединения прямого дополнения с помощью морфемы *pe* (предлога по происхождению), которая маркирует актантный статус и определенность последующего существительного (Lukht, Narumov 2001: 598–599):

(8) ше (FUT) съ (REFL) пупитъм **нъ** майкъ си (Kochnev 1969: 8)
'Я спрошу свою маму', ср. болг. литер.: Ще попитам майка си

2) изменение переходности ряда глаголов, в частности, увеличение числа глаголов с показателем возвратности, как *съ пупитъм* в примере (8) выше, где использован рефлексивный маркер *съ*, в то время как в болгарском литературном языке этот глагол — невозвратный;

3) наличие страдательных причастий от непереходных глаголов: *станат*, *легнът* (ср. болг. лит. *стана* 'встать', *легна* 'лечь').

Встречаются также немногочисленные лексические и семантические кальки, но и довольно большой пласт румынской лексики, в том числе последней волны контактов (периода вхождения Южной Добруджи в состав Румынии). Заимствованные элементы интегрированы в систему языка и оформлены по фонетическим и морфологическим правилам болгарского литературного языка или гребенского говора. Иноязычные фонемы встречаются лишь в отдельных румынских лексемах (Kochnev 1969: 127–130).

Уровень интерференции, как показывают эти данные, является невысоким. Некоторые последствия языкового контакта со временем, видимо, еще более снижают свою распространенность. Так, тексты, записанные в 2002 г. (Alexander; Zhobov

2016), как и аудиозаписи 2018 г. (Pliev 2018), не содержат очевидных конвергентно обусловленных отклонений в управлении глаголов. И наиболее яркой контактнообусловленной синтаксической особенностью говора является допустимость инициальной позиции клитик.

2.3. Особенности реализации инициальной позиции клитик в гребенском говоре

Инициальной мы будем считать следующие две позиции:

- а) позиция абсолютного начала предложения;
- б) позиция внутри предложения после (возможной) паузы, начинающей новую предикацию. Взяты для рассмотрения только те контексты, когда в литературном болгарском языке предполагается синтаксический барьер и клитика стоит постглагольно, напр. между двумя бессоюзно сочиненными предикациями⁸, как в примере (9).

Таким образом, не включаются в рассмотрение позиции, при которых в болгарском языке иногда допускается клитика после знака препинания или паузы. Например, в литературном языке и в говорах клитика факультативно может начинать главное предложение, если в препозиции к нему находится придаточное (10)⁹:

- (9) болг. лит. Влиза, вижда го (3SG.ACC), разказва му (3SG.DAT)
‘Входит, видит его, рассказывает ему’.
- (10) Като го видях, му (3SG.DAT) казах (Пенчев 1984: 72)
‘Увидев его, [я] ему сказал’

Перечислим основные особенности начальных клитик в гребенском диалекте.

Инициальными здесь могут быть клитики разного категориального статуса — как местоименные, так и глагольные, ср. (11) и (12). Возвратные местоименные клитики тоже встречаются в абсолютном начале — и как аргументные местоимения (13), и

⁸ При наличии сочинительных союзов (*и, а, но, ама*) в разговорной речи и диалектах возможны варианты позиционирования клитик (Dimitrova 2023: 52).

⁹ В терминах формального синтаксиса, перед клитикой стоит сентенциальная составляющая в качестве начальной группы (XP).

как частицы — словообразовательные или формообразовательные (14):

- (11) сѣм (1SG.PRS) ин (3PL.DAT) далѣ (Г-1: 200)¹⁰ ‘[Я] им дала’
 (12) ги (3PL.ACC.) пѣсе чубан:о (С-2: 24) ‘Их пасет пастух’
 (13) сѣ (DAT.REFL) купувѣт сирене (С-2: 39)
 ‘покупают себе брынзу’
 (14) дѣ, сѣ (ACC.REFL) сригѣт (С-2: 2)
 ‘да, стригут [овец]’, букв. ‘стригутся’

Инициальные клитики в данном идиоме характеризуются рядом ограничений. Парадигма глагольных клитических элементов представлена только формами 1 и 2 л.¹¹: глагольная клитика 3 л. не встречается в инициальной позиции ни как компонент составных глагольных форм, ни как глагол-связка в именном сказуемом. В целом для этого говора не характерно использование инициальных клитик связочного глагола настоящего времени при неглагольных сказуемых.

Дативные клитики в функции внешнего посессора в инициальной позиции в этом говоре не отмечены, также как и не зафиксировано случаев инициальных клитик при местоименном удвоении объекта (ср. с ситуацией в задунайских говорах, раздел 3.2).

Имеются также запреты на инициальную позицию, связанные с иллокутивным типом предложения. В абсолютном начале возможна постановка клитик только в повествовательном предложении. Ни в вопросительном, ни в побудительном предложении инициальная позиция в говоре не встречается. Так, общие вопросы строятся, как и в литературном языке, с постпозицией клитик (в цепочке с вопросительной энклитикой *ли*):

- (15) ѱод’ил’и л’и сти (2PL.PRS) (Г-1: 78) ‘Вы ходили [туда]?’

¹⁰ Числа при указании населенного пункта означают номер текста и строку текста на ресурсе *Bulgarian Dialectology as Living Tradition*. 2016.

¹¹ Заметно преобладают формы 1 л. вспомогательного глагола *сѣм* в настоящем времени. Это связано с активностью перфектных форм в перволичном повествовании и в диалогических репликах для описания информантом своего экспериенциального опыта или результирующей деятельности.

Важно подчеркнуть, что возможность постановки клитик в абсолютное начало предложения в гребенском говоре имеет факультативный характер: в близких коммуникативно-синтаксических условиях носитель говора может использовать инициальную или неинициальную клитику, ср.:

- (16) а. сън (1SG.PRS) съ (REFL) умилъ и сън (1SG.PRS) душла у вас
(П; Kochev 1969: 75) ‘[Я] умылась и пришла к вам’
б. легнълъ сън (1SG.PRS) нъ двънайси чъсо (П; Kochev 1969: 85)
‘[Я] лег в 12 часов’

Основные синтаксические и морфосинтаксические свойства инициальных клитик в гребенском диалекте обобщены в Таблице 1 далее.

3. МИЗИЙСКИЕ ГОВОРЫ РУМЫНИИ — ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И ИНИЦИАЛЬНОСТЬ КЛИТИК

3.1. Явления интерференции в мизийских говорах Румынии

Иную языковую ситуацию обнаруживаем в болгарских селах к северу от Дуная, где контакты болгароязычного и румыноязычного населения были более продолжительными и постоянными. Здесь расположены многочисленные села с потомками болгар-переселенцев, попавших сюда в основном в период XVIII и начала XIX вв.

Языковая ситуация в исследуемых мизийских селах на территории Румынии характеризуется как ситуация неравновесного билингвизма, что, впрочем, характерно для балканского ареала в целом (Konior, Sobolev 2017; Sobolev et al. 2018; Morozova, Rusakov 2018; Morozova 2019; Morozova 2021 и др.). В таких ситуациях говорящие продолжают использовать свой L1, но социалингвистически доминирующий L2 становится для них также лингвистически доминирующим (Morozova, Rusakov 2021: 1012). Еще в 70-х гг. прошлого столетия исследователи болгарских говоров в Румынии отмечали высокую степень языковой интеграции болгарского населения, см. об этом (Mladenov 1993: 50–54, 364–372). Для многих информантов румынский язык тогда уже являлся (и является сейчас) основным языком общения в семье и вне ее.

При этом, как показывает диалектологический материал прошлого века, представленный в (Dimchev 1969; Mladenova O.,

Mladenova D. 2001–2018), и более свежие примеры К. Сугаи (Sugai 2015a,b, 2016), индивидуальное языковое поведение каждого информанта различно: от слабой до высокой степени языковой компетенции в славянском идиоме. Часть информантов владеет славянским идиомом в полном объеме, другая часть может порождать лишь отдельные высказывания, и необходимость выдать связный текст ведет к разным речевым сбоям, в основном, в виде смешения кодов, напр. *Нуй ѝедем ла чинч* (ВД; Dimchev 1969: 560) ‘Мы едим в пять часов’ (ср. рум. *la cincî* ‘в пять’)¹².

Степень влияния румынского языка на эти говоры можно установить на основе интерференционных явлений, которые отмечаются на всех языковых уровнях.

Широко представлены элементы структурного калькирования:

1) употребление предлога *нъ/на* (ср. рум. *pe*) при введении прямого объекта, выраженного определенным именем (17a) или личным местоимением в винительном падеже (17б). Таким образом, те же конструкции с предлогом *нъ*, которые встречаются в виде кальки в гребенском идиоме Болгарии, здесь уже копируются и как модель (*pattern borrowing*), и как материя (*matter borrowing*).

(17) а. Питъм **нъ** дърт’у (М).

‘[Я] спрашиваю старика’

б. **Нъ** мене мъ пузнаваѝо мл’огу хоръ (Б; Sugai 2016: 346)

‘Меня знают много людей’

По более новым данным К. Сугаи, копирование румынского правила употребления показателя *нъ/на* при личном местоимении в винительном падеже, как в примере (17б), в исследованных им идиомах сел Валя Драгулуй и Брэнешть уже стало обязательным (Sugai 2015b: 97–100);

2) постпозиция определения в именной группе: *гуждѝм ѝѝ у кѝзан’у сѝс огѝн гул’ам* ‘[я] кладу ее в казан с огнем большим’ (ВД, Mladenov 1993: 309, 385); *мѝжете сѝс гаѝте бели* ‘муж-

¹² Причины неравенства языковых компетенций могут быть различными, но данные о социолингвистических профилях (*sociolinguistic profiles*) информантов, которые могут прояснить расхождения в языковом репертуаре говорящих (Adamou 2012; Rusakov, Morozova 2019; Morozova, Rusakov 2021), у нас отсутствуют.

чины в штанах белых’ (ВД). В целом постпозиция определения по отношению к вершинному существительному, копирующая румынский порядок слов, пока еще не является обязательной моделью, хотя преобладала над препозицией в этих говорах уже в 60-е гг. XX в. (Dimchev 1974: 256–258);

3) двойное маркирование определенности. Варианты оформления именной группы определенным артиклем, в том числе в сочетании с указательным местоимением, в мизийских говорах Румынии разнообразны (Mladenov 1993: 309–310; 383–384). Часть из них копирует правила болгарского, часть — румынского языка. Смещение этих правил, обусловленное подстраиванием под румынский порядок составляющих в именной группе, дает неграмматичные построения, где определенность выражается одновременно несколькими способами, напр.:

- (18) а. масѣтъ (DEF) гул’амѣтъ (DEF) ‘стол большой’
 б. тий (DEM) другарки нейните (DEF) ‘эти подружки ее’
 (Mladenov 1993: 309)
 в. да знаѣт и наште (DEF) шефувѣ по гулемите (DEF) (ВД),
 букв. ‘пусть знают и наши начальники более важные’

4) изменение управления глаголов (пример (19 а), увеличение числа рефлексивных и лабильных глаголов (19 б, в), как в румынском языке (Lukht, Narumov 2001: 600–601):

- (19) а. ж (FUT) тъ (2SG.ACC) пумогнь ‘[Я] тебе помогу’ (ВД;
 Dimchev 1974: 256)
 б. съ (REFL) висеѣа ‘[они] висели’ (Чщ., Mladenov 1993: 377)
 в. Ни съ (REFL) можи ‘невозможно’ (Чщ., Mladenov 1993: 377)

5) активность страдательных причастий от непереходных глаголов: *сме трѣзнати да си земим житуту* (ВД; Dimchev 1974: 256) ‘мы пошли собирать зерно’.

В мизийских идиомах Румынии фиксируются многочисленные кальки: напр., *от млѡгу* ‘давно’ < рум. *de mult*; *дѡвѣм дѡлу* ‘снимать’ < рум. *dau jos*; *трѣвѣт нѣ* (ср. рум. *la*) *згуденицѣтъ* ‘отправляются к невесте’ (Mladenov 1993: 369–431), в том числе на уровне устойчивых выражений (*си дукарвѣм нѣ умо* < рум. *îmi aduc aminte* ‘я вспоминаю’ (Dimchev 1974: 256). Используются румынские дискурсорегулирующие элементы: *мѡй алѣс* ‘особенно’ < рум. *mai ales*, *бинеѣнцелѣс* ‘конечно’ < рум. *bineînțele*, *ла фѣл* ‘также’ < рум. *la fel*.

В то же время значимой (угрожающей сохранению языка) перестройки какого-л. фрагмента болгарской языковой системы не происходит. Это доказывают следующие факты:

а) флективная морфология не затронута: румынские слова включаются в речь напрямую в одной из форм (*иннь кърц* (Ч) ‘какие-то книги’, ср. рум. *carte*, мн.ч. *cărți*) или приспосабливаются к болгарской морфологической системе, как это показано М. Младеновым на обильном материале для каждой группы болгарских говоров в Румынии, включая мизийские (Mladenov 1993: 372–380), напр.:

– болгарский артикль присоединяется прямо к артиклевой форме заимствованного существительного м.р.: *лупуль* (ср. *lupul* от *lup* ‘волк’);

– славянский суффикс ед.ч. служит для образования форм ед.ч. заимствованных личных имен м.р.: *пескарин* ‘рыбак’, *полугарин* (‘жнец, земледелец’), ср. *pescar*, *pologar*;

б) вычленение и заимствование деривационных аффиксов из румынских слов не отмечено, за исключением рум. *ori-* («угодно»): *оркой* ‘кто угодно’, *орколко* ‘сколько угодно’ и под. (ср. рум. *oricine*, *oricât*) (Dimchev 1969: 256; Mladenov 1993: 386);

в) фонологическая система демонстрирует ряд изменений, хотя они не достигли характера системных свойств. Наиболее значительным фонетическим изменением является расширение дистрибуции звонких согласных, при этом в конце слова — только в румынских словах, а перед сонорными и *в* — и в других позициях, напр. *з вино, з вази, знопове* (Mladenov 1993: 428–429). Дифтонги используются лишь в заимствованных словах (*шкоуълъ* < рум. *școală*).

В целом представленные данные могут свидетельствовать, что уровень интерференции в данных говорах относительно высок и соответствует степени 3 по шкале [Thomason and Kaufman 1988: 74], а именно *more intense contact: slightly more structural borrowing*.

Какова на этом фоне ситуация с инициальностью клитик?

3.2. Особенности реализации инициальной позиции клитик в мизийских говорах Румынии

Инициальная позиция клитик, в отличие от гребенского говора Болгарии, при коммуникативно-нейтральном начале предложения преобладает у подавляющего большинства информантов, а у части — является единственным вариантом¹³.

Инициальные клитики, как показывает материал, имеют полные парадигматические возможности и широкую сферу распространения.

1. Отсутствуют категориальные ограничения: инициальными могут быть местоименные и глагольные клитики. В инициальной позиции фиксируется полнота парадигмы и местоимений, и вспомогательного глагола.

2. Инициальность клитик не зависит от морфологической формы сказуемого, т. е. она возможна не только при глагольном сказуемом, но и при неглагольном, см. примеры с адъективным (20а) и наречным (20б) сказуемым, где связочный глагол находится в абсолютном начале:

- (20) а. Съ (3PL.PRS) малки (Mladenov 1993: 309) '[Они] маленькие'
 б. ъе (3SG.PRS) убе дъ знайт (М; Mladenov 1993: 309)
 'Хорошо бы [им] знать'

3. В исследуемых говорах Румынии допускается инициальность посессивных дативов — клитик, находящихся вне именной группы в позиции внешнего посессора. Для румынского языка структура с внешним посессором (*external possessor*), а не приименная позиция клитик (*DP-internal clitics*), — это доминирующая стратегия применения посессивного датива, представляющая в современном языке немаркированный способ выражения обладания (Niculescu 2008; Hill, Tasmowski 2008: 367–368), в то время как в болгарском использование посессивного

¹³ Как показывают наши наблюдения, инициальные клитики используются подавляющим числом информантов как дефолтный вариант при коммуникативно нейтральном начале при отсутствии кандидатов с тематическим статусом на первую позицию — подлежащих или тематических обстоятельств, см. и об антиципации далее. Вопрос дистрибуции инициальной и неинициальной позиции клитик в речи информантов, которые в сходных контекстах используют обе позиции, нуждается в отдельном исследовании.

датива вне определенной именной группы (DP), — лишь одна из возможностей (Cinque, Krapova 2009; Krapova, Dimitrova 2024: 185–228): доминирующей стратегией выражения обладания с помощью посессивного датива в болгарском языке остается приименная позиция притяжательной клитики, а использование датива вне DP свойственно разговорной речи, ср.:

- (21) а. рум. *Îmi iubesc părinții*.
 б. болг. лит. Обичам родителите **си** / разг. Обичам **си** родителите.
 ‘Я люблю своих родителей’

Примеры (22) показывают реализацию конструкций с инициальным посессивным дативом в мизийских говорах Румынии. Пример (22а) содержит стандартную структуру с внешним посессором, где отличие от болгарского языка состоит лишь в инициальной позиции клитики и в отсутствии возвратной частицы (ср. болг. лит. *Разболя ми се момчето*). В примере (22б) представлен пример инициального посессива *му*, который удваивает предложную группу *на мунчето*. В примере (22в) иллюстрируется использование информантом двух воспринятых им румынских особенностей: инициальность посессива и постпозиция определения в именной группе, в результате чего образована конструкция, не соответствующая правилам линейизации компонентов ни для одного из сопоставляемых языков:

- (22) а. Ми (1SG.DAT /POSS) разбул'а мунчету (ВД; Sugai 2015a:105)
 ‘Сын у меня/мой заболел’
 б. Му (POSS) имиту на мунчету туй Кент (ibid)
 букв. ‘Его имя мальчика этого — Кент’
 в. Ми (1SG.DAT /POSS) съ (3PL.PRS) дицать гулеми (Mladenov 1993: 308) ‘У меня/мои дети взрослые’

3. Клитки могут стоять в начале не только повествовательного предложения, но и вопросительного, а именно начинать общий вопрос (с устранением и частицы *ли*, обязательной для болгарского вопросительного предложения), см. пример (23а). Однако форма синтетического положительного императива требует постпозиции клитик (23б):

- (23) а. Ти (DAT.2SG) съ (REFL) доспа? (Е; Mladenov 1993: 383)
 Ср. рум. *Ți-e somn?* vs. болг. лит. Доспа ли ти се? / Спи ли ти се?
 ‘Тебе захотелось спать?’
 б. пийтѝте мъ (ACC.1SG) (ВД) ‘Спрашивайте меня’

4. Инициальные клитики встречаются при местоименном удвоении объекта. К. Сугаи, посвятивший этой теме ряд работ, прежде всего (Sugai 2015b: 97–100; 2016), фиксирует в своем материале 2012–2013 гг. (идиом с. Брэнешть) высокую активность «правой дислокации» (антиципации), напр.:

- (24) а. **Ги** викъф и **пъ** **унес** (Sugai 2015b: 97)
 букв. ‘Их [я] звал и тех’. Ср. рум. **I-am chemat pe cei**
 б. **Гу** пузнавъш **пъ** Вълев? (ibid) ‘Его знаешь, Вылева?’

Это особенно значимо при сравнении с болгарским литературным языком и говорами Болгарии, где, как известно из работы (Кгарова, Tiševa 2006), преобладает левая дислокация, отражающая дискурсивный характер местоименного повтора в болгарском языке.

Представленные К. Сугаи наблюдения значимы для нашей темы потому, что, во-первых, только структура с правой дислокацией (антиципацией) дает возможность реализации инициальной позиции клитик, во-вторых, увеличение доли правой дислокации свидетельствует о том, что инициальные клитики стали связываться у информантов с коммуникативно-нейтральным статусом начала клаузы. Такая коммуникативно-синтаксическая конфигурация маркирует тенденцию к грамматикализации местоименного повтора имени, — так, как это происходит в македонском языке, допускающем инициальные клитики¹⁴.

Представленные в этом разделе данные показывают, что парадигматические, синтаксические и морфосинтаксические свойства инициальных клитик существенно расширены по сравнению с сопоставляемым гребенским говором Болгарии (см. Табл. 1 далее). Единственным фактором, блокирующим инициальность клитик в мизийских говорах Румынии и в гребенском говоре Болгарии, является сказуемое в форме синтетического положительного императива.

¹⁴ Большая степень грамматикализации местоименного повтора, чем в стандартном болгарском языке, повышает место рассматриваемых говоров в шкале степени обязательности удвоения в балканских языках Ю. А. Лопашова (макед. > алб. > рум. > греч. > болг. (Lopashov 1978: 122)). см. об этом и (Sugai 2015b: 101).

РАЗДЕЛ 4. ОБОБЩЕНИЕ ДАННЫХ И ВЫВОДЫ

4.1. Расширение сферы инициальности в зонах интенсивного контакта

Материал разделов 2 и 3 позволяет показать, в каких направлениях происходит расширение сферы распространения инициальности клитик при нарастании интенсивности контакта. Инициальные клитики в зонах продолжительного контактного взаимодействия болгарских носителей с языком-донором демонстрируют полноту парадигмы, допуск разных категориальных типов клитик (включая посессивные дативы), независимость от морфологии смыслового предиката (а именно допуск глагольных клитик не только в функции вспомогательных компонентов, но и связочных глаголов при разных типах неглагольного сказуемого), расширение иллокутивных типов общими вопросами, включение структур с местоименным дублированием объекта по модели антиципации.

При этом заимствование инициальной позиции клитик в языке-реципиенте, как показывает наш материал, происходит без копирования ограничений на морфологические (и тем более фонологические) свойства глагольной вершины языка-донора.

Насколько универсальным является снятие ограничений на тип сказуемого в зонах взаимовлияния языков, покажут исследования других зон, где контактируют языки с инициальными клитиками и языки с законом Тоблера-Мусафии. В рамках болгарско-румынского пограничья недавно получены (Ivanova, 2025) результаты исследования клитик в идиоме Ново село, находящемся на северо-западе Болгарии, вблизи румынской границы. Этот самобытный говор испытал не только значительное влияние румынского языка, но и, по-видимому, македонского языка (Mladenov 1969), — языка, в котором допускаются инициальные клитики, но имеются отличные от румынского языка ограничения на инициальность, связанные с типом сказуемого. Проанализированные данные показывают, что в новосельском говоре расширение границ реализации инициальной позиции клитик произошло в тех же направлениях, что и в рассмотренных здесь болгарских говорах Румынии, и со снятием части запретов на инициальность, имеющих в македонском языке (Ivanova 2025).

Единственное общее ограничение для всех этих говорков — это постглагольная линейаризация клитик при форме синтетического положительного императива. Эта особенность, свойственная многим индоевропейским языкам 1Р типа (Zimmerling 2015), является, видимо, реликтовой¹⁵ синтаксической особенностью, обусловленной подчеркнутой иллокутивной маркированностью побудительной модели с выдвижением директивного смыслового глагола в начало предложения.

Таблица 1. Характеристики инициальных клитик в исследуемых говорах

Признаки / Говоры	Гребенский (мизийский) говор (Болгария)	Мизийские идиомы Румынии
Любой разряд клитик (мест. и глаг.)	+	+
Полнота парадигмы	—	+
Любой морфологический тип предиката (включая возможность инициальности глагола-связки в наст. времени)	—	+
Внешний посессор	—	+
Активность правой дислокации (с начальной клитикой)	—	+
Общие (да-нет) вопросы	—	+
Императивные (неотриц.) клаузы	—	—

4.2. Инициальная позиция клитик как явление интерференции

Предполагается, что изменения порядка слов, вызванные контактами, происходят на продвинутых стадиях языковой интерференции (borrowing scale 3–4, по (Thomason and Kaufman

¹⁵ На реликтовый характер этой линейаризации может указывать не только ее распространенность во многих языках 1Р, но и тот факт, что эта позиция иногда соблюдается в формулах даже с неимперативной формой глагола, но имеющих ту же выраженную директивную направленность. Так, в румынском языке постглагольно может ставиться местоименная клитика при проклятиях и благопожеланиях (Gerstenberger 2022: 57), в говоре Ново Село — при проклятиях, ругательствах (Mladenov 1969: 162).

1988) и обычно сопровождаются и другими грамматическими копированиями (Moravcsik 1978)¹⁶.

Материал гребенского диалекта на территории Болгарии со слабой степенью контактноиндуцированных изменений показал, что копирование инициальности клитик возможно и вне каких-л. других структурных изменений. Этот результат порождает два предположения.

1) Во-первых, возможно, заимствование инициальной позиции не является, по крайней мере для болгарского языка, в прямом смысле изменением порядка слов. В рассмотренных болгарских контактных идиомах клитики не меняют свою позицию, не передвигаются, они лишь остаются на своем месте при отсутствии кандидатов на первую позицию, напр., при опущении местоименного подлежащего (при обычном порядке SVO).

2) Во-вторых, в болгарском языке, как мы полагаем, имеются условия, облегчающие такое копирование и, таким образом, позволяющие его внедрение на невысоких стадиях интерференции. Действительно, болгарские энклитики при инициальности не становятся из энклитик проклитиками. Они и в стандартном болгарском регулярно демонстрируют проклизу — и синтаксическую (положение перед хозяином-глаголом при порядке XP–CL–V, см. примеры (2)) и фонетическую (кластеризуются к глаголу). Более того, в болгарском языке уже и так имеется возможность неударного начала предложения в виде проклитико-энклитического комплекса (наследие праславянского синтаксиса), когда перед глаголом допускается неакцентированная группа «проклитика + энклитика», образующая акцентное единство с последующим смысловым предикатом: *И=ми=се=обади*. *Ще=ми=се=обади*. Так что и фонетических препятствий для формирования неударного клитического начала в болгарском языке не имеется.

Обратим внимание, что в другом смежном балканославянском ареале без инициальных клитик — боснийско-сербохорватском (Sobolev et al 2025) — отсутствуют синтаксические

¹⁶ См., однако, иное мнение: “Naturally, reversing the order of elements is a much simpler adjustment to the construction than any morphological changes” (Matras 2020: 275) ‘Изменение порядка следования элементов — это гораздо более простая корректировка конструкции, чем любые морфологические изменения’.

и просодические условия клитизации, которые есть в болгарском языке. В них нет требования смежности клитик с глаголом, и клитизируются они не синтаксически, а чисто фонетически — к предшествующему слову (Tomić 1996: 817; Radanović-Kocić 1996; Zimmerling in print и др.). Даже возможность проклитико-энклитического начала в сербском языке, например, не является литературной нормой (Kolaković et al 2022: 160). При интенсивных контактах и там могут появляться клитики в абсолютном начале предложения (Sobolev et al 2025; Konior, Sobolev 2017: 997; Kolaković et al 2022: 160–162)¹⁷, но нам неизвестны данные о такой интерференции в сербохорватских идиомах со слабым уровнем контакта с румынским языком или другими языками IP.

В качестве перспективы исследования выдвинем следующую гипотезу для дальнейшего подтверждения на материале других контактных языков:

Инициальная позиция клитик в языке-доноре является легкой мишенью для заимствования, представляя собой модель, которая может копироваться даже на слабых уровнях интерференции — но в тех случаях, если в языке-реципиенте у синтаксических клитик уже имеется возможность синтаксической проклитизы (препозиции к хозяину) и условия для соответствующей просодии.

Список сокращений населенных пунктов

- Б — Брънещ / Brănești¹⁸
- ВД — Валя Драгулуй / Valea Drăganului
- Г — Гарван
- Е — Епуреш, Йепуреш / Iepurești
- К — Киселету / Chiseletu
- М — Мъньстиря / Mănăstirea
- П — Пожарево
- С — Сребърна
- Ч — Чаку / Ceacu
- Чщ — Чокънеш / Ciocănești

¹⁷ При этом распространение такой инициальности, как показывает материал этих работ, имеет ограничения.

¹⁸ Названия населенных пунктов даются в болгарском (или в болгарском и румынском) написании, как в источниках материала.

Литература

- Adamou, E. 2012: Social networks in Greek Thrace: Language shift and language maintenance. *Slavica Helsingiensia* 41, 7–32.
- Alexander, R.; Zhobov, V. 2016: *Bulgarian Dialectology as Living Tradition*. URL: <https://bulgariandialectology.org/> (дата обращения 15.01.2025)
- Antonova-Vasileva, L., Vasileva, L., Keremidchieva, Sl., Kocheva, A. 2014: *Karta na dialektnata delitba na bulgarskiya ezik* [Map of the dialectal division of the Bulgarian language]. Sofia: Prof. M. Drinov Publishing House of BAS.
- Антонова-Василева, Л., Василева, Л., Керемидчиева, Сл., Кочева, А. 2014: *Карта на диалектната делитба на българския език*. София: Издателство на БАН «Проф. М. Дринов». https://ibl.bas.bg/bulgarian_dialects/.
- Bolokan, G. 1968: [Bulgarian dialect of the village of Brănești. Vocalism]. *Revue roumaine de linguistique* 2, 147–164.
- Болокан, Г. 1968: Болгарский говор села Брэнешть. Вокализм. *Revue roumaine de linguistique* 2, 147–164.
- Cinque, G., Krapova I. 2009: The two „possessor raising” constructions of Bulgarian. In: Franks, S., Chidambaram, V., Joseph, B. (eds.). *A Linguist's Linguist: Studies in South Slavic Linguistics in Honor of E. Wayles Browne*. Bloomington, Slavica Publishers, 123 — 148.
- Dimchev, K. 1969: [Texts from the v. Valea Dragului (Romania)]. *Bulgarski ezik* 19. 6, 559–561.
- Димчев, К. 1969: Текстове от с. Валя Драгулуй (Румъния). *Български език* 19. 6, 559–561.
- Dimchev, K. 1974: [Morphological-syntactic patterns established under Romanian influence in the Bulgarian dialect of the v. Valea Dragului (Romania)]. In: *V pamet na profesor Stoyko Stoykov (1912–1969)*. *Ezikovedski izsledvaniya*, 255–259.
- Димчев, К. 1974: Морфологично-синтактични модели, установени под румънско влияние в българския говор на с. Валя Драгулуй (Румъния). В сб.: *В памет на професор Стойко Стойков (1912–1969)*. *Езиковедски изследвания*, 255–259.
- Dimitrova, Ts. 2023: *Bulgarskite klitiki: istoriya i nastoyashte* [Bulgarian clitics: history and present]. Sofia: Institute for Bulgarian Language.
- Димитрова, Ц. 2023: *Българските клитики: история и настояще*. София: Институт за български език.
- Dimitrova-Vulchanova, M. 1999: Clitics in the Slavic languages. In: van Riemsdijk, H. (ed.), *Clitics in the languages of Europe*. (Eurotype 20–5). Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 83–121.
- Gerstenberger, C.-V. 2022: How weak are Romanian clitic pronouns? *Nordlyd* 46. 1, 37–57.
- Hill, V., Tasmowski, L. 2008: Romanian Clitic Doubling: A view from pragmatics-semantics and diachrony. In: Kallulli, D., Tasmowski, L.

- (eds.) *Clitic Doubling in the Balkan Languages*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 367–368.
- Iliev, I. 2018: *Bulgarska dialektologiya: Vetren, Silistrensko* [Bulgarian dialectology: Vetren, Silistra Province].
- Илиев, И. 2018: *Българска диалектология: Ветрен, Силистренско*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iAOA1k0X63g>
- Ivanova, E. Yu. 2025: Syntax of clitics in Bulgarian contact dialects. Prepared for: *Journal of Contemporary Philology*. Vol 8. No 1.
- Ivanova, E. Yu., Gradinarova, A. A. 2015: *Sintaksicheskaya sistema bolgarskogo yazyka na fone russkogo* [Syntactic system of the Bulgarian language against the background of the Russian language]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury.
- Иванова, Е. Ю., Градинарова, А. А. 2015: *Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского*. М.: Языки славянской культуры.
- Kochev, I. 1969: [The Greben dialect in the Silistra Province (with special reference to its lexical system)]. In: *Trudove po bulgarska dialektologiya*. Vol. 5. Sofia: Publishing House of BAS.
- Кочев, И. 1969: Гребенският говор в Силистренско (с особен оглед към лексикалната му система). В сб.: *Трудове по българска диалектология*. Кн. 5. София: Издателство на БАН.
- Kolaković, Z. et al. 2022: *Clitics in the wild: Empirical studies on the microvariation of the pronominal, reflexive and verbal clitics in Bosnian, Croatian and Serbian* (Open Slavic Linguistics 7). Berlin: Language Science Press.
- Konior, D. V., Sobolev, A. N. 2017: [Peculiarities of unbalanced bilingualism among Romanian-speaking Carashevians in the village of Iabalcea]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* — XXI, 985–1001.
- Конѐр, Д. В., Соболев, А. Н. 2017: Особенности неравновесного билингвизма у румыноязычных карашевцев в селе Ябалча. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* — XXI, 985–1001.
- Krapova, I., Dimitrova, Ts. 2024: *Bulgarskiyat ezik v evropeyskiya ezikov areal*. [The Bulgarian language in the European linguistic areal] Sofia: St. Kliment Ohridski University Press.
- Кръпова, И., Димитрова, Ц. 2024: *Българският език в европейския езиков ареал*. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски».
- Krapova, I., Tiševa, J. 2006: Clitic reduplication structures in the Bulgarian dialects. In: *Diachronija in sinhronija v dialektoloških raziskavah*, 415–422.
- Legendre, G. 2000: Optimal Romanian Clitics: A Cross-Linguistic Perspective. In: *Comparative Studies in Romanian Syntax*. Brill. Vol. 58. 227–264.

- Lopashov, Yu. A. 1978: *Mestoimennye povtory dopolneniya v balkanskikh yazykakh* [Pronominal doubling of the object in the Balkan languages]. Leningrad: Nauka.
- Лопашов, Ю. А. 1978: *Местоименные повторы дополнения в балканских языках*. Л.: Наука.
- Lukht, L. I., Narumov, B. P. 2001: [The Romanian language]. In: *Yazyki mira. Romanskie yazyki*. Moscow: Academia.
- Лухт, Л. И., Нарумов, Б. П. 2001: Румынский язык. В сб.: *Языки мира. Романские языки*. М.: Academia.
- Marinov, V. 2008: *Bilingvalna interferentsiya v krayniya bulgarski severozapad* [Bilingual interference in the far north-west of Bulgaria.]. Veliko Tarnovo.
- Маринов, В. 2008: *Билингвална интерференция в крайния български северозапад*. Велико Търново.
- Matras, Y. 2020 [2009]: *Language Contact*, 2nd edn. Cambridge: Cambridge University Press.
- Miletich, L. 1902: *Staroto bulgarsko naselenie v Severoiztochna Bulgariya* [The Old Bulgarian population in Northeastern Bulgaria]. Sofia.
- Милетич, Л. 1902: *Старото българско население в Североизточна България*. София.
- Mladenov, M. 1994: [Wedding customs of the Bulgarians in Romania. Dialect texts. (Prepared for print by Darina Mladenova)]. In: *Etnografski problemi na narodnata dukhovna kultura*. Sofia, Klub' 90, 3, 19–47.
- Младенов, М. 1994: Сватбени обичаи на българите в Румъния. Диалектни текстове. (Подготвено за печат от Дарина Младенова). В сб.: *Етнографски проблеми на народната духовна култура*. София, «Клуб' 90», 3, 19–47.
- Mladenov, M. S. 1969: [The dialect of Novo Selo, Vidin Province. A contribution to the issue of mixed dialects]. In: *Trudove po bulgarska dialektologiya*. Vol. 6. Sofia: Publishing House of BAS.
- Младенов, М. С. 1969: Говорът на Ново село Видинско. Принос към проблема за смесените говори. В сб.: *Трудове по българска диалектология*. Кн. 6. София: Издателство на БАН.
- Mladenov, M. S. 1993: *Bulgarskite govori v Rumaniya*. [Bulgarian dialects in Romania]. Sofia: Publishing House of BAS.
- Младенов, М. С. 1993: *Българските говори в Румъния*. София: Издателство на БАН.
- Mladenova, D. 2014: [To the question of the localization of the Transdanubian Moesian dialect based on linguistic data]. In: *Etnichnost, ezik i identichnost v Yugoiztochna Evropa*. *Studia balcanica* 29. Sofia: Prof. M. Drinov Publishing House of BAS, 213–248.
- Младенова, Д. 2014: Към въпроса за локализацията на отвъддунавския мизийски говор по езикови данни. В сб.: *Етничност*,

- език и идентичност в Югоизточна Европа. *Studia balcanica* 29. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 213–248.
- Mladenova, O., Mladenova, D. 2001–2008: *Otvaddunavski elektronen korpus* [Transdanubian electronic corpus]. *Отвъддунавски електронен корпус*. URL: <http://www.corpusbdr.info>.
- Moravcsik, E. 1978: Universals of language contact. In: Greenberg, J. H. (ed.) *Universals of human language*. Stanford: Stanford University Press, 94–122.
- Morozova, M. S. 2019: [Peculiarities of communication in conditions of unbalanced bilingualism: Slavic-Albanian interference and code switching]. In: Sedakova, I. A., Makartsev, M. M., Tsivyan, T. V. (eds.). *Balkanskiy tezaurus: kommunikatsiya v slozhno-kulturnykh obshchestvakh na Balkanakh*. Moscow: Institute of Slavic Studies of RAS, 82–88.
- Морозова, М. С. 2019: Особенности коммуникации в условиях неравновесного билингвизма: славянско-албанская интерференция и переключение кодов. В сб.: Седакова, И. А., Макарец, М. М., Цивьян, Т. В. (ред.). *Балканский тезаурус: коммуникация в сложно-культурных обществах на Балканах*. М.: Институт славяноведения РАН, 82–88.
- Morozova, M. 2021: “Balanced language contact” in social context: Velja Gorana in Southern Montenegro. In: Sobolev, A. N. (ed.). *Between Separation and Symbiosis: Southeastern European Languages and Cultures in Contact*. Boston, Berlin: de Gruyter Mouton, 89–134.
- Morozova, M. S., Rusakov A. Yu. 2018: [The Albanian-Montenegrin linguistic borderland: in search of “balanced language contact”]. *Slověne* 7/2, 258–302. Морозова, М. С., Русаков А. Ю. 2018: Албанско-черногорское языковое пограничье: в поисках “сбалансированного языкового контакта”. *Slověne* 7/2, 258–302.
- Morozova, M. S., Rusakov, A. Y. 2021: Societal multilingualism à la balkanique: the Montenegrin Velja Gorana and beyond. *International Journal of Bilingualism* 25 (4), 999–1018.
- Niculescu, D. 2008. Romanian possessive dative — the limits of the structure. *Revue roumaine de linguistique* 53.4: 485–515.
- Penchev, Y. 1984: *Stroezh na bulgarskoto izrechenie*. [Structure of Bulgarian sentence]. Sofia: Nauka i izkustvo. Пенчев, Й. 1984: *Строеж на българското изречение*. София: Наука и изкуство.
- Petrova, G. 2016: [“Raising the possessor” in the Bulgarian language (with Russian parallels)]. In: Dimitrijević, B., Đigić, G. (eds.). *Savremena nauka o jeziku i književnosti*. Niš: Faculty of Philosophy, 63–70.
- Петрова, Г. 2016: «Повдигане на посесора» в българския език (с руски паралели). В сб.: Димитриевић, Б., Ђигић, Г. (уред.). *Савремена наука о језику и књижевности*. Ниш: Филозофски факултет, 63–70.
- Petrova, G., Ivanova, E. 2017: [Clustering of pronominal clitics in Bulgarian: possibilities and constraints]. In: *Savremenni tendentsii v*

- ezikovedskite izsledvaniya: Papers from the Jubilee Scientific Session (dedicated to the 85th anniversary of the birth of Prof. Yordan Penchev. 10–11 November, Paisius' Readings 2016, Plovdiv)*. Sofia: Prof. M. Drinov Publishing House of BAS, 116–130.
- Петрова, Г., Иванова, Е. 2017: Клъстеризация на местоименните клитики в българския език: възможности и ограничения. В сб.: *Съвременни тенденции в езиковедските изследвания: Доклади от Юбилейната научна сесия (посветена на 85 години от рождението на проф. д.ф.н. Йордан Пенчев. 10–11 ноември, Паисиеви четения 2016, Пловдив)*. София: Издателство на БАН „Проф. М. Дринов”, 116–130.
- Radanović-Kocić, V. 1996: The placement of Serbo-Croatian clitics: A prosodic approach. In: A. L. Halpern, A. M. Zwicky (eds), *Approaching second: Second position clitics and related phenomena*. Stanford: CSLI Publications, 429–448.
- Romanski, S. 1930: *Bulgarite vav Vlashko i Moldova. Dokumenti* [Bulgarians in Wallachia and Moldova. Documents]. Sofia.
- Романски, С. 1930: *Българите във Влашко и Молдова. Документи*. София.
- Rusakov, A. Y., Morozova, M. S. 2019: [Language contacts in trilingual communities: Matter borrowing in Balkan dialects]. In: Sedakova, I. A., Makartsev, M. M., Tsivyan, T. V. (eds.). *Balkanskiy tezaurus: kommunikatsiya v slozhno-kulturnykh obshchestvakh na Balkanakh*. Moscow: Institute of Slavic Studies of RAS, 75–81.
- Русаков, А. Ю., Морозова, М. С. 2019: Языковые контакты в условиях трилингвизма: заимствование «материи» (matter borrowing) в балканских диалектах. В сб.: Седакова, И. А., Макартцев, М. М., Цивьян, Т. В. (ред.). *Балканский тезаурус: коммуникация в сложно-культурных обществах на Балканах*. М.: Институт славяноведения РАН, 75–81.
- Schürcks, L., Wunderlich D. 2003: Determiner-possessor relation in the Bulgarian DP. In: Coene, Martine & D'Hulst, Yves (eds.), *From NP to DP. Volume II: the expression of possession in noun phrases*. Amsterdam: Benjamins, 121–139.
- Sobolev, A. N. (ed.). 2003: *Malyy dialektologicheskiy atlas balkanskikh yazykov. Probnyy vypusk*. (MDABYA). [Minor dialectological atlas of the Balkan languages. Sample issue (MDABL)]. München: Biblion Verlag, 94–107.
- Соболев, А. Н. (ред.). 2003: *Малый диалектологический атлас балканских языков. Пробный выпуск*. (МДАБЯ). München: Biblion Verlag, 94–107.
- Sobolev et al. 2018: Sobolev, A. N., Kisilier, M. L., Kozak, V. V., Konior, D. V., Makarova, A. L., Morozova, M. S., Rusakov A. Yu. [South Slavic dialects in symbiotic communities in the Balkans. Report at the XVI International Congress of Slavists. Belgrade, 19–27 August

- 2018]. *Acta linguistica petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Studies of the RAS*. XIV. 2. 685–746.
- Соболев и др. 2018: Соболев, А. Н., Кисилиер, М. Л., Козак, В. В., Конёр, Д. В., Макарова, А. Л., Морозова, М. С., Русаков А. Ю. Южнославянские диалекты в симбиотических сообществах Балкан. Доклад на XVI Международном съезде славистов. Белград, 19–27 августа 2018 г. *Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. XIV. 2. 685–746.
- Sobolev, A. et al. 2025: Sentence initial clitic placement. Prepared for: Adamou E., Sobolev A. (eds.) *The Balkan Linguistic Area: An Atlas of Variation and Contact*. Boston; Berlin: Mouton de Gruyter.
- Sugai, K. 2015a: [On some specific features of pronominal clitics in the Greben dialect in Romania]. *Balgarska rech* 2, 102–109.
- Сугаи, К. 2015a: За някои специфични характеристики на местоименните клитики в гребенския говор в Румъния. *Българска реч* 2, 102–109.
- Sugai, K. 2015b: [To the issue of doubling the direct object in Bulgarian speech in Romania (Analysis in comparison with Romanian)]. In: *Dvizhenie i prostranstvo v slavyanskite ezitsi, literaturi i kulturi. Proceedings of the Twelfth International Slavic Readings*. 1. Sofia, 94–102.
- Сугаи, К. 2015b: Към въпроса за удвояването на прякото допълнение в българския говор в Румъния (Анализ в съпоставка с румънския език). В сб.: *Движение и пространство в славянските езици, литератури и култури. Сборник от Дванадесетите международни славистични четения*. 1. София, 94–102.
- Sugai, K. 2016: [The structure of the object doubling according to the left dislocation model in a Bulgarian migrant dialect in Romania]. *Slavyanskiy almanakh* 3–4. 344–354.
- Сугаи, К. 2016: Структура удвоения допълнения по модели левой дислокации в болгарском переселенческом диалекте в Румынии. *Славянский альманах* 3–4. 344–354.
- Thomason, S.G., Kaufman, T. (1988). *Language contact, creolization, and genetic linguistics*. Berkeley: University of California Press.
- Tomić, O. 1996: The Balkan Slavic clausal clitics. *Natural Language & Linguistic Theory* 14(4). 811–872.
- Tsvetkova, B. 1962: On some forms of resistance against the Turkish feudal order in the 18th century. In: *Paisiy Khilendarski i negovata epokha (1762–1962)*. Sofia, 213–251.
- Цветкова, Б. 1962: За някои форми на съпротива срещу турския феодален строй през XVIII в. В сб.: *Паисий Хилендарски и неговата епоха (1762–1962)*. София, 213–251.
- Vasileva, M. 1974: [Demographic processes in Dobruja from the end of the 14th to the 40s of the 20th century]. In: Todorov, D. et al. (ed.)

- Dobrudzha. Etnografski, folklorni i ezikovi prouchvaniya*: Sofia: Publishing House of BAS, 9–21.
- Василева, М. 1974: Демографски процеси в Добруджа от края на XIV до 40-те години на XX в. В сб.: Тодоров, Д. и др. (ред.) *Добруджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания*: София: Издателство на БАН, 9–21.
- Winford, D. 2003: *An introduction to contact linguistics*. Oxford: Blackwell
- Zimmerling, A. V. 2012a: [Word order systems with clitics in Slavic languages]. *Voprosy yazykoznaniiya* 5, 3—37.
- Циммерлинг, А. В. 2012а: Системы порядка слов с клитиками в славянских языках. *Вопросы языкознания* 5, 3—37.
- Zimmerling, A. V. 2012b: [Word order systems with clitics in typological aspect]. *Voprosy yazykoznaniiya* 4, 3—38.
- Циммерлинг, А. В. 2012b: Системы порядка слов с клитиками в типологическом аспекте. *Вопросы языкознания* 4, 3—38.
- Zimmerling, A. V. 2013: *Sistemy poriadka slov slavyanskikh yazykov v tipologicheskom aspekte*. [Word order systems of Slavic languages in typological aspect]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury.
- Zimmerling, A. 2015: 1P orders in 2P languages. In: Lyutikova, E. A., Tsimmerling, A. V., Konoshenko, M. B. (eds.). *Tipologiya morfo-sintaksicheskikh parametrov 2015*. Moscow: MPGU, 459–483. В сб.: Лютикова, Е. А., Циммерлинг, А. В., Коношенко, М. Б. (ред.). *Типология морфосинтаксических параметров 2015*. М.: МПГУ, 459–483.
- Zimmerling, A. 2022: Clitics. Prepared for: Jan Fellerer, & N. Bermel (Eds.). *The Oxford Guide to the Slavonic Languages*. Oxford University Press. URL: https://www.researchgate.net/publication/361184640_Clitics_Prepared_for_Jan_Fellerer_N_Bermel_Eds_The_Oxford_Guide_to_the_Slavonic_Languages_Oxford_University_Press_2022
- Zimmerling, A., Kosta, P. 2013: Slavic clitics: a typology. *Language Typology and Universals* (STUF) 66 /2, 178–214.

Е. В. Илюшечкина
ИВКА РГГУ, ШАГИ РАНХиГС. Москва, Россия.
ilyushechkinae@gmail.com

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ ТОПИКИ «ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЯ» (Plin. *Hist. Nat.* VII 191–215)*

Рассуждения Плиния Старшего о природе человека, строении и частях его тела, развитии человеческого организма и пр. в VII книге «Естественной истории» чередуются с экзотическими сведениями о нравах и образе различных племен, и с разного рода парадоксографическими экскурсами, необычными явлениями, историческими анекдотами, любопытными этимологиями и т. д. Среди этого разнообразия привлекает к себе внимание достаточно обширный пассаж со списками греческих и латинских авторов культурно-исторических нововведений в разных областях практического знания и ремесел (§§ 191–215). Как представляется, перечень мифических и исторических изобретателей функционирует в тексте Плиния в качестве риторического способа группировки материала. Кроме того, приводимый Плинием материал по теме «первых» мифических и реальных авторитетов прошлых времен включается в общий смысловой контекст книги о человеческой природе и словно создает некий элемент структуры, сродни каталогу в дидактических произведениях.

Ключевые слова: Плиний Старший, «Естественная история», антропология, топос, первооткрыватели.

Е. V. Ilyushechkina
Russian State University for the Humanities /
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia. ilyushechkinae@gmail.com

Remarks on the ‘inventors’ topicality (Plin. *Nat. Hist.* 7, 191–215)

Pliny the Elder’s discourses on the nature of a human being, the construction and parts of his body, the development of the human organism, etc. in 7th Book of the “Natural History” alternate with exotic information about the manners and ways of various tribes, with paradoxographical excursions, historical anecdotes, curious etymologies etc. Among this variety, attracts attention a rather extensive passage with lists of Greek and Latin authors of cultural and historical innovations in different fields of practical knowledge and crafts (§§ 191–215). This list of mythical and historical inventors appears to function in Pliny’s text as a rhetorical way of grouping material. Moreover, Pliny’s citation of material on the topic of the ‘first’ mythical and real authorities of past times is included in the general

semantic context of his book on human nature and seems to create an element of structure akin to a catalogue in didactic works.

Keywords: Pliny the Elder, *Historia naturalis*, Anthropology, topos, inventors.

Седьмая книга «Естественной истории» Плиния посвящена вопросам антропологии, что, в свою очередь, должно восприниматься современным читателем с характерными для античной эпохи оттенками употребления этого понятия. Рассмотрение вопросов антропологического знания у Плиния содействует пониманию ряда проблем, связанных с изучением места человека в природно-культурном пространстве античного мира. Целый ряд аспектов, непосредственно связанных с жизнедеятельностью человека, оказывается в поле рассмотрения VII книги Плиния¹.

Так, рассуждения Плиния о природе и развитии человеческого организма, строении и частях тела не ограничиваются описанием биологических функций, элементов эмбриологии и физиологии, но сочетаются с разнообразными дополнительными сведениями, начиная от мифологии и завершая более или менее достоверными свидетельствами из славного исторического прошлого Греции и Рима². Наряду с этим вводятся пассажи со списками греческих и латинских авторов культурно-исторических нововведений в разных областях практического знания и ремесел. Перечень мифических и исторических изобретателей (§§ 191–215) функционирует в тексте Плиния в качестве риторического способа группировки материала по теме нововведений, тесно связанных с опорными словами

* Работа выполнена в рамках государственного задания РАНХиГС.

¹ Подробнее см.: Kádár, Berényi-Révész 1986: 2201–2224; Звиревич 2024. В частности, в VII-ой книге Плиния говорится о строении человеческого тела, признаках беременности, деторождении и наследственных факторах. В сферу жизнедеятельности человека включены попытки младенца начать говорить, прорезывание молочных зубов, неприхотливость в еде и питье, а также наблюдения о том, как у людей вырабатываются навыки адаптации к среде обитания.

² Так, например, говорится об изобретении письменности, музыки и архитектуры, сообщается о навыках земледелия, технических усовершенствованиях, кораблестроении, упоминаются законодательные инициативы и даже такие подробности повседневного обихода как ставшая модной манера римлян брить бороду.

«первый» или «впервые» (*primus*, -ā, -um; *in primis*, *primā*; см. *Приложение*).

Считается, что ранняя греческая традиция о первооткрывателях и их изобретениях стала складываться по меньшей мере с VI в. до н.э.³ Автор монографии о зарождении и развитии историографии науки в античности Л. Я. Жмудь приходит к выводу, что за сотни лет существования жанр римских и христианских «каталогов открытий» не претерпел особенных изменений⁴.

Плиниев список первооткрывателей и их изобретений носит характер дополнения к предшествующему тексту седьмой книги (ср. «Пока я не отошел от рассказа о природе человека, видимо, будет не лишним поведать и об открытиях в разных областях» — *Plin. VII 191*). Наибольший интерес вызывают у Плиния греческие первооткрыватели, будь то боги, герои или, наконец, личности, примерявшие на себя функции прежних божеств и героев — свидетельство творческой работы человеческого сознания в его временной ограниченности.

Как известно, Плиний оперирует заемным материалом и не скрывает своих письменных источников, которые приводит в указателе в первой книге, что, впрочем, не исключает использования им безымянных сборников со школьными упражнениями, составленными для обучения ритором⁵. Не

³ Жмудь 2002: 44–53. По словам автора монографии, который привлекает многочисленные свидетельства, дошедшие от эпохи архаики, «поиски первооткрывателей отражали характерную для греческой культуры установку на первенство» (с. 53). Так, Л. Я. Жмудь упоминает датируемый VI в. до н. э. гомеровский гимн Гермесу (*IV 24–61*), которому приписывается изобретение семиструнной лиры; на рубеже VI–V вв. до н.э., отмечает Л. Я. Жмудь, формируется важный этап поисков не божественных, а исторических первооткрывателей культурных новшеств — поэтов, архитекторов, музыкантов, скульпторов и др. Л. Я. Жмудь пишет, что к IV вв. до н.э. традиция поисков первооткрывателей претерпевает трансформацию, прежде всего, в рамках перипатетической историографии науки, см., напр., Аристотеля, *Diog. Laert. V 22–27*, две книги «Об изобретениях» Теофраста (*Diog. Laert. V 47*), Стратона, автора сочинения против Эфора «Опровержения найденного» (*Diog. Laert. V 60*).

⁴ Zhmud' 2002: 73–74.

⁵ См. посвященные этой теме статьи в сборнике: French & Greenaway (eds.) 1986.

секрет, что интересы Плиния имели отчетливое дидактическое направление и, скорее всего, в соответствии с античной традицией «обучение» в данном случае сводилось, по преимуществу, к запоминанию списка древних первооткрывателей⁶. Более того, некоторые исследователи видят в перечнях «прославления» (laudatio) изобретателей и их открытий «топос первооткрывателя»; со временем подобные списки изобретателей в грекоязычной и латинской беллетристике только удлинялись⁷. Такие компиляции в эллинистическое и римское время были частью формирования и сохранения культурной традиции.

М. Бигон подчеркивает, что, несмотря на несомненный приоритет греческого первооткрывательства, особым вниманием пользовалась эта тема у римлян⁸. Так, исследовательница предполагает, что, например, Плиний мог напрямую или через посредников использовать сведения о первооткрывателях у Эфора (IV в. до н. э.), упоминаемого в указателе к седьмой книге. Одновременно Плиний прямо ссылается на Филостефана Киренского (III в. до н. э.), когда пишет об изобретении судостроения и т. п. Квинт Энний (239–169 гг. до н. э.) переводил греческих авторов на латинский язык, в их числе и сочинение Евгемера с характерной для того рационализацией мифов, когда изобретательные люди заменяли богов⁹. Одним из важных источников для списка Плиния стали, видимо, произведения римского историка-анналиста I в. до н. э. Гнея Геллия: сохранилось 30 фрагментов его труда по истории Древнего Рима (ср. *Plin. nat. hist.* VII 192, 194, 197). Тит Лукреций Кар (98–55 вв. до н. э.) в пятой книге своей дидактической поэмы «О природе вещей», посвященной, в частности, происхождению и развитию человечества, не раз касается темы первооткрывательства (*Lucr.* V 1241–1296: об открытии металлов — золота, меди, железа и их использовании; *Lucr.* V 1350–1360: об изобретении ткацкого

⁶ Как известно, память в античном мире играла исключительно важную роль. Подробнее см.: Ассман 2004: 119–121.

⁷ Курциус 2021 (т. 2): 220 слл.

⁸ Beagon 2005: 416–420.

⁹ Ср. «Это учение [ср. ‘что богами после смерти становятся или храбрые, или прославленные, или могущественные люди’] более всего развивал Евгемер, а наш Энний стал первым из всех его переводчиком и последователем» (*Cic. nat. deor.* I 119, пер. М. И. Рижского).

дела; Lucr. V 1385: об изобретении свирели и т. д.)¹⁰. Луций Анней Сенека Младший (4 г. до н.э. — 65 г. н.э.) в одном из писем (Ep. 90, 20–26; 31–33) вопреки установкам Посидония и софистов сообщает о результатах культурных достижений в области земледелия, а также об изобретении людьми мельниц, пекарен, ткачества и т.д.: «такие изобретения — дело человека, а не мудреца-философа» (Sen. Ep. 24, пер. С.А. Ошерова)¹¹. Вместе с тем было бы заблуждением считать, что проблема нарративных источников списка «первооткрывателей» в седьмой книге Плиния решена окончательно. Обнаружение даже незначительной части неизвестных ранее разновременных греческих и латинских источников списка Плиния по необходимости выявит новые черты в манере автора комбинировать и трансформировать топоним «первооткрывателя» от версии к версии в соответствии с закреплённой культурной традицией и этикетными требованиями современного Плинию мира.

В заключении заметим, что топика «первооткрывателя» в пассаже Плиния (VII 191–215) включает следующие положения: 1) список первооткрывателей, состоящий из легендарных и исторически достоверных имен, 2) польза культурных и технических нововведений для человека и государства, 3) культурно-исторические предпосылки изобретений и открытий. В основанный на авторитете античных свидетельств материал Плиния по теме «первооткрывательства» включен в единый смысловой контекст рассуждений Плиния о человеческой природе и облечен в жанрообразную форму сродни каталогу¹².

Литература

Assman, J. Kulturnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysshih kul'turah drevnosti [*Cultural Memory. Writing, past memory and political identity in the higher*

¹⁰ Ср. «первым посмел четверню в колесницу впрячь Эрихтоний» (Verg. Georg. III 113, пер. С. В. Шервинского).

¹¹ Schilling 2003: 234–262.

¹² Следует отметить, что групповые списки поэтов, писателей, ораторов и философов составлялись уже александрийскими грамматиками и тем более писателями императорской эпохи. Ср., к примеру, аналогичные перечни, или каталоги, в произведениях Гигина (*fab.* 274), Климента Александрийского (*Strom.* I 74 p. 132 Sylb.), Кассиодора (*Var.* IV 34) и др.

- cultures of antiquity, original: Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*] Moskva, 2004.
- Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высших культурах древности. М., 2004 (перевод с нем.).
- Beagon M. *The Elder Pliny on the Human Animal. Natural History. Book 7. Translated with Introduction and Historical Commentary.* Oxford, 2005.
- Curtius, E. R. [*European literature and the Latin Middle Ages, original: Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*]. *Evropeyskaya literatura i latinskoe srednevekov'e.* Moskva 2021, vol. 1–2.
- Курциус Э. Р. *Европейская литература и латинское средневековье.* Т. I–II. М., 2021.
- French, R., Greenaway, F. (eds.). *Science in the Early Roman Empire. Pliny the Elder, his Sources and Influence.* London 1986.
- Kádár, Z., Berényi-Révés, H. Die Antropologie des Plinius Maior, in: H. Temporini, W. Haer (Hrsgg.), *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt (ANRW).* Teil III. Principat. Bd. 12, 4. Berlin-New-York, 1986. S. 2201–2224.
- Schilling, R. (ed.) *Pline l'Ancien. Histoire naturelle. Livre VII.* Paris, 2003.
- Zhmud', L. Ya. *Zarozhdenie istorii nauki v antichnosti [The origins of the history of science in antiquity].* Sankt-Peterburg. 2002.
- Жмудь Л. Я. *Зарождение истории науки в античности.* СПб., 2002.
- Zvirevich, V. T. *Antichnaya antropologiya [Ancient Anthropology].* Moskva 2024.
- Звиревич В. Т. *Античная антропология.* М., 2024.

Приложение

ПАССАЖ ПЛИНИЯ О ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЯХ И ИХ НОВОВВЕДЕНИЯХ (VII 191–215) Перевод с латинского Е. В. Илюшечкиной

«(191) Пока я не отошел от рассказов о природе человека, видимо, будет нелишним поведать и об открытиях в разных областях. Куплю и продажу привнес Меркурий, виноградарство — Отец Либер; он же придумал диадему, знак царской власти и триумф; Церера в Аттике (иные говорят, что на Сицилии) открыла пользу зерна (а до того люди собирали желуди) и еще, как его молоть и делать муку, потому она [sc. Церера] и почиталась богиней. Она же первая дала [людям] законы, хотя другие приписывают это [изобретение] Радаманфу.

(192) Я полагаю, что у ассирийцев всегда были письмена, а другие, как например, Геллий, считают, что их изобрел египтянин Меркурий, третьи предпочитают считать, что их изобрели сирийцы; эти мнения допускают вероятность того, будто Кадм принес алфавит из шестнадцати букв в Грецию из Финикии, а во время Троянской войны Паламед добавил в него [sc. алфавит] четыре буквы — ΖΥΦΧ, а затем еще мелический поэт Симонид [Кеосский] прибавил четыре — ΨΞΩΘ; все они обозначают звуки, известные нам и в римском алфавите [в виде знаков для согласных и гласных звуков]. Аристотель считает, что первоначально алфавит состоял из восемнадцати букв, и что Ψ и Ζ добавлены скорее Эпихармом, нежели Паламедом.

(193) Антиклид передает, что в Египте некто по имени Менон изобрел алфавит за пятнадцать тысяч лет до Форонея, самого древнего царя Греции; при этом он пытался ссылаться на памятники. С другой стороны, Эпиген, серьезнейший автор, учит, что вавилоняне наблюдали астрономические явления в течении семисот тридцати тысяч лет и записывали [результаты] на глиняных табличках; а Берос и Криптодем называют минимальным периодом астрономических наблюдений четыреста девяносто тысяч лет; из этого следует, что письменность была в употреблении с самых древних времен. В Лаций ее привнесли пеласги.

(194) Впервые кирпич и строительство домов в Афинах были введены братьями Эвриалом и Гипербием; а прежде люди жили в пещерах. Гней Геллий указывает на Токсия, сына Неба, как на изобретателя строительства жилища с помощью раствора по примеру ласточкиных гнезд. Кекроп назвал своим именем один из первых городов — Кекропию, теперь это афинский акрополь; другие, однако, утверждают, что [город] Аргос был основан еще до царя Форонея, а некоторые называют Сикион, но египтяне полагают, будто Диосполис в их стране был основан гораздо раньше.

(195) Черепицу изобрел Кинир, сын Агриопы, им же была введена добыча меди в рудниках — оба изобретения родом с Кипра; кроме того, там впервые применили клещи, молоток, рычаг и наковальню. Колодцы — изобретение Даная, который пришел в греческий «безводный Аргос» из Египта; каменоломни открыл Кадм в Фивах или (если верить Теофрасту) — в Финикии; [первые] стены возвел Фразон, [первые] башни, согласно Аристотелю — киклопы, а согласно Теофрасту — тиринфяне;

(196) полотняная ткань изобретена египтянами, окраска шерсти — лидийцами в Сардах, а веретено для шерстяной пряжи — Клостером, сыном Арахны; льняные ткани и сети — изобрела Арахна, сукновальное дело — Никий из Мегары, изготовление обуви — Тихий из Беотии; науку о медицине египтяне приписывают самим себе, но другие называют Араба, сына Бабилы и Аполлона; траволечение и

лекарственные снадобья придумал Хирон, сын Сатурна и Филиры. (197) По Аристотелю работать с медью научил скиф Лид, а по Теофрасту — фригиец Делас; как обращаться с бронзой научили халибы, а по другим сведениям — киклопы; первенство в обработке железа Гесиод приписывает людям, прозванными Идейскими Дактилями с Крита. Эрихтоний Афинский (или по другим сведениям Эак) [первым] открыл серебро; добыча и выплавка золота была открыта финикийцем Кадмом вблизи [горы] Пангея, другие называют Фоанта или Эака, [открывших золото] на острове Панхея, либо Сола, сына Океана, которому Гней Геллий приписывает еще и открытие снадобий из минералов; Мидакрит первым привез олово с Касситерид. (198) Обработку железа придумали киклопы, гончарное дело — афинянин Короб, а гончарный круг [изобрел] скиф Анахарсис, но по другим сведениям — Гипербий из Коринфа. Плотническое дело выдумал Дедал, [который] изобрел еще и пилу с топором, отвес, буравчик, клей и [жидкий] рыбий клей; Феодор Самосский [изобрел] угломер, уровень, долото и ключ; меры же [длины] и вес ввел аргивянин Фидон, или, как считает Гней Геллий, — Паламед; высекать огонь из кремния первым начал Пирод, сын Килика, а поддерживать огонь — Прометей; четырехколесные повозки изобрели фригийцы, торговать [первыми] начали финикийцы.

(199) Разведение виноградной лозы и [садовых] деревьев приписывают Евмолпу из Афин, смешивать вино с водой [первым] стал Стафил, сын Силена; разведением олив и изобретением маслодавательного пресса, как и добычей меда, [первым] занялся афинянин Аристей; плуг и борону [первым] изобрел Бузиг из Афин, другие называют Триптолема; монархическое правление впервые ввели египтяне, республиканское правление — афиняне после [правления] Тезея.

(200) Первым тираном был Фаларид из Аграганта. Рабство первыми придумали лакедемоняне. Смертный приговор впервые был вынесен Арепагом. Жители [северного побережья] Африки первыми использовали против египтян дубинки, их еще называют «фалангами». Бронзовые щиты придумали Проит и Акрисий друг против друга, а возможно, их выдумал Халк, сын Афананта; Мидий из Мессены изобрел нагрудные доспехи, шлем, меч и пику — лакедемоняне, поножи и султаны на шлеме — карийцы. (201) [Одни] говорят, будто лук и стрелу изобрел Скиф, сын Юпитера, другие [передают], что стрелу изобрел Перс, сын Персея. Копье [выдумали] этолийцы, дротик и пращу — Этол, сын Ареса [sc. Марса]; копье для метания было изобретено Тирреном, боевой топорик — амазонкой Пенфесилеей; рогатина — Писеем. Для осады скорпион и катапульту [придумали] критяне, сирофиникийцы — баллисту и пращу; (202) медную [sc. боевую] трубу — Писей, сын Тиррена, «черепаху» [выдумал]

Артемон из Клазомен. Среди других осадных орудий — «конь», которого теперь называют «тараном» [и который] придумал Эпей у Трои; ездить верхом на коне начал Беллерофонт, поводья и седло придумал Пелефроний, сражаться верхом на конях первыми стали фессалийцы, которых еще называли кентаврами и которые обитали неподалеку от горы Пелион. Запрягать колесницу парой коней первыми стали фригийцы, а [конные] бега на квадригах [ввел] Эрихтоний. Боевой строй, сигнал к началу сражения, военные пароли и ночную стражу придумал Паламед во время Троянской войны; сигнальные огни с башни и смену караула — Синон в той же войне; перемирие [первым заключил] Ликаон, союзные договоры [придумал] Тезей. (203) Гадание по [поведению] птиц Кар первым назвал авгуриями; и Кария ведет свое название от имени Кар. Орфей добавил ауспиции — гадание по другим животным, Дельф [первым ввел] гадание по [внутренностям] жертвоприношений животных, Амфиарий — гадание по огню, Тиресий из Фив — гадание по внутренностям птиц, Амфикион — толкование знамений и снов, астрологию [создал] Атлант, сын Ливии, по мнению же других — египтяне или ассирийцы, Анаксимандр из Милета — небесный глобус, Эол, сын Эллина, [первым создал] пособие по «розе ветров»; (204) Амфион [открыл] музыку, Пан, сын Меркурия, выдумал дудку и одностовольную свирель, Мидас во Фригии — флейту высокого тона, Марсий в той же стране — двойную флейту [sc. флейту высокого и низкого тона]; «лидийский» лад придумал Амфион, «дорийский» [лад] — фракиец Фамирид, «фригийский» [лад] — фригиец Марсий; Амфион [изобрел] кифару, но одни [называют] Орфея, а иные — Лина. Терпандр [первым стал] играть на кифаре в семь струн, добавив к четырем поначалу струнам еще три [струны]; Симонид [Кеосский] добавил восьмую струну, а Тимофей из Милета — девятую [струну]. Фамирид [первым] играл на кифаре без пения; как говорят одни, Анфином сопровождал игру на кифаре пением, а другие [считают], что Лин; Терпандр сочинил стихи для пения под кифару; Ардал из Трезена первым стал петь в сопровождении флейты; куреты [первыми] обучили боевым пляскам в доспехах, а Пирр научил пиррихию [sc. Пирровой пляске] — и те, и другой родом с Крита. (205) Гексаметром мы обязаны Пифийскому оракулу, однако о происхождении поэзии идет много споров: считается, что ее знали еще до Троянской войны. Впервые речь в прозе произнес Ферекид из Сирова в правление царя Кира, Кадм из Милета первым создал историописание; Ликаон ввел [первым] гимнастические игры в Аркадии, Акаст в Иолке — погребальные игры, а затем уже Тезей на Истме и Геракл в Олимпии; состязания атлетов ввел Питфей, Гигес из Лидии — игру в мяч; живопись [изобрели] египтяне, а в Греции, как считает Аристотель, — Эвхир, родственник Дедала, но по мнению

Теофраста — Полигнот Афинский. (206) Данай первым приплыл в Грецию из Египта на корабле; до этого плавали на плотах, которые придумал царь Эритра для плавания между островами в Красном [sc. Эритрейском] море. Но находятся и те, которые полагают, что еще раньше корабли придумали мисийцы и троянцы для плавания по Геллеспонту, когда они начали войну против фракийцев. Да и теперь в Британском океане [лодки] делаются из обтянутых вокруг [корпуса] переплетенных кожаных ремней, а на Ниле — из стеблей папируса, тростника и камыша. Филостефан передает, что первым стал плавать на длинном [sc. военном] корабле Ясон, но Гигесий [полагает], что Парал, а Ктесий — Семирамида, ну а Архемах — Эгеон. (207) Бирему, по мнению Дамаста, соорудили жители Эритры; трирему, по словам Фукидида, [изобрел] Аминокл из Коринфа, [изобретение] квадриремы Аристотель [приписывает] карфагенянам, квинкверему, по мнению Мнесигитона, — саламиняне; Ксенагор числит за сиракузцами корабль с шестью рядами весел; его же [sc. корабль], по мнению Мнесигитона, довел до десяти рядов [весел] Александр Великий, а до двенадцати рядов, [отмечает] Филостефан, — Птолемей Сотер; до пятнадцати рядов [весел довел] Деметрий [Полиоркет], отпрыск Антигона, до тридцати рядов — Птолемей Филадельф, а еще и до сорока рядов — Птолемей Филопатор по прозвищу Трифон. Грузовое [военное] судно изобрел Гипп Тирский, лемб придумали киренцы, кимбу — финикийцы, целер — родосцы, керкиру изготовили киприоты.

(209) Финикийцы [первыми ввели] наблюдение за звездами во время [ночных] плаваний, первыми [изобрели] весло жители Коп, широким сделали [весло] платейцы, паруса придумал Икар, мачту и реи — Дедал, судно для перевозки лошадей — самосцы или Перикл Афинский; жители Фасоса изобрели длинные [sc. военные] крытые [палубные] корабли — до этого сражались только с носа или с кормы. Ростры добавил сын Тиррена Писей, якорь изобрел Эвпалам, а двулапый якорь — Анархасис; Перикл Афинский изобрел abordажный крюк, средства управления [кораблем] придумал Тифий, первым морской бой дал Минос. Гиппербий, сын Марса, первым убил животное, а Прометей — [первым убил] быка.

(210) Первым соглашением между народами была молчаливая договоренность использовать ионийские буквы. Древнегреческий алфавит был похож на латинский, это видно по надписи на бронзовой табличке из Дельф, которая теперь хранится на Палатине среди подношений принцепсу и которая посвящена Миневре:

Навсикрат посвятил дочери Зевса десятую часть [...]

(211) Следующее соглашение народов [заключалось] в бритье бороды, однако римляне заимствовали его позднее. Варрон передает, что

Публий Титиний Мена первым привез цирюльников в Италию из Сицилии в 454 г. от основания Города [т. е. в 300 г. до н.э.], а до этого римляне носили бороды. Позже привычку бриться ежедневно ввел Африкан [sc. Сципион Младший]. Божественный Август всегда пользовался бритвами.

(212) Третье соглашение, обусловленное, скорее всего, соображениями учета [времени], заключалось в наблюдении за часами; о том, когда и кем в Греции было это [первым] изобретено, написано во второй книге [«Естественной истории»]. Намного позже оно [sc. наблюдение за часами] появилось в Риме: в Законах XII таблиц говорилось только о восходе и закате [солнца]; спустя некоторое время стали отмечать полдень — служитель консула для поручений возвещал его наступление [sc. полдень], когда наблюдал солнце между рострами и грекостасисом. Когда же солнце заходило за Мениевой колонной и тюрьмой и [на небе] появлялись первые звезды, он возвещал о конце дня, но это было возможно лишь в безоблачные дни и так [продолжалось] вплоть до Первой Пунической войны.

(213) Есть свидетельство Фабия Вестала, что первым солнечные часы установил за одиннадцать лет до [начала] войны с Пирром Луций Папирий Курсор у храма Квирина, когда он [sc. Папирий Курсор] посвятил его [sc. храм] по обету своего отца; однако Фабий не пишет об устройстве этих часов, не называет автора сообщения и не упоминает имени изобретателя [часов].

(214) Марк Варрон сообщает, что первые солнечные часы были установлены около ростр на колонне в Первую Пуническую войну консулом Манием Валерием [Максимом] Мессалой после взятия города Катины на Сицилии, откуда [часы] были доставлены [в Рим] спустя тридцать лет после установки солнечных часов Папирия в 459 г. от основания Города [т. е. в 264 г. до н. э.]. И хотя их показания не совпадали полностью с первыми часами, тем не менее, их использовали еще девяносто девять лет, пока Квинт Марций Филипп, который был цензором вместе с Луцием Павлом, не поместил рядом более точные часы; и этот дар был воспринят в качестве одного из самых благих деяний его цензорства.

(215) Но даже и после в пасмурные дни часы эти плохо справлялись вплоть до ближайшего пятилетия [т. е. цензорства], когда Сципион Назика, коллега Лената, первым установил водяные часы, которые верно определяли время дня и ночи; и эти часы, находящиеся под крышей, он [sc. Сципион Назика] освятил в 491 г. от основания Города [т. е. в 159 г. до н. э.]. А до этого римский народ долго не разделял день и ночь на часы».

Н. Н. Казанский

ИЛИ РАН, СПб., Россия, nkazansky@iling.spb.ru

ПРОБЛЕМЫ КОММЕНТИРОВАНИЯ И СОПОСТАВЛЕНИЯ В РУССКО-ЛАТИНСКОМ ПАРАЛЛЕЛЬНОМ КОРПУСЕ¹

Статья посвящена вопросам, связанным с составлением параллельного корпуса русского и латинского языков. Корпус, включающий древний язык, всегда нуждается в дополнительных пояснениях, а корпус латинского языка нуждается в таких комментариях еще и в силу необходимости учитывать восприятие текста на протяжении длительного времени в европейских традициях, с которыми история русского языка как европейского неразрывно связана. В статье приводятся примеры трудностей, с которыми сталкивается формальная (в том числе фонологическая) и содержательная (семантическая и культурно-историческая) интерпретация, а также намечаются пути их преодоления.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, корпус латинских текстов, корпус русских переводных текстов, русско-латинский корпус, комментирование в языковом корпусе, сопоставление языковых корпусов.

Nikolai N. Kazansky

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, SPb., Russia,
nkazansky@iling.spb.ru

Problems of commenting and comparison of Russian and Latin texts within in the parallel corpus

The article is devoted to issues related to the compilation of a parallel corpus of Russian and Latin languages. A corpus that includes an ancient language always requires additional explanations, and the corpus of the Latin language needs such comments also because it must take into account the perception of the text over a long period of time in European traditions, with which the history of the Russian language as a European language is inextricably linked. The article provides examples of difficulties encountered by formal (including phonological), content (semantic and cultural-historical) interpretation and outlines ways to overcome them.

¹ Работа выполнена в рамках гранта РНФ № 25-28-01003 «Русско-латинский параллельный корпус: проблемы сопоставления, разметки и комментария» (Н. Н. Казанский — руководитель, И. М. Егоров — компьютерное обеспечение проекта, П. К. Мотовичева и А. С. Банина — исполнители).

Keywords: corpus linguistics, corpus of Latin texts, corpus of Russian translated texts, Russian-Latin corpus, commenting in a language corpus, comparison of language corpora.

Тема данной статьи может восприниматься как чисто практическая, поскольку в центре внимания оказываются вопросы, в первую очередь связанные с необходимостью включения в языковой корпус комментариев — филологического, связанного с «реалиями», исторического и культурологического. Первые публикации на эту тему датируются еще 2015 годом, когда в рамках декабрьской сессии РАН «Отечественная гуманитарная наука в новейших междисциплинарных исследованиях» был прочитан доклад «Проблемы создания филологического корпуса» (Kazansky 2016). Эта тема была продолжена в совместном исследовании И. М. Егорова, Н. Н. Казанского и М. Л. Кисилиера (Egorov, Kazansky, Kisilier 2021), где также мной ставился вопрос о филологическом корпусе. Очень полезно обсуждение этого круга проблем в сборнике интервью Pil'shchikov 2022. В последнее время было предложено обратить специальное внимание на семантическую сторону дела, для чего предстоит рассмотреть грамматическую и лексическую семантику, взятые в динамике развития². Проблема комментария как общая и связанная с филологическими исследованиями в целом, рассматривалась в рамках конференции, посвященной 75-летию Вяч. Вс. Иванова (Toropov 2006).

Продолжается и издание комментариев к переводам латинских текстов на русский язык, ср. последнее по времени издание текста речи Цицерона «В защиту поэта Архия» (Antonets, Solopov 2024). Комментарии в учебниках помимо хрестоматии А. В. Подосинова (Podossinov 2002) и В. А. Плунгяна (Plungian 1998) пополнились разделом «Латинский язык христианской церкви в контексте современного движения живой латыни» в учебнике христианской латыни А. Г. Следникова (Slednikov 2025).

Филологический и культурологический комментарии в равной мере предполагают использование достижений в области типологии — лингвистической при филологической интерпретации и типологии культурных ситуаций при реконструкции, учитывающей особенности общественных установлений.

² Вопрос о семантической составляющей в корпусе подробно рассматривался в статье М. Гронаса и Б. Орехова (Gronas M., Orekhov 2018).

Комментирование как теоретическая проблема неоднократно становилось предметом обсуждения, поскольку проблема соотношения текста и комментария³ остается актуальной. Не теряет актуальности и проблема формирования языка под влиянием переводной литературы. Для некоторых эпох такое влияние не вызывает сомнений, для других — требуется специальное предварительное исследование и трудоемкое теоретическое осмысление.

В любом случае трудно переоценить важность переводной литературы в становлении письменной речи, в ее формировании и выработке литературных и риторических приемов.

Уже для памятников хеттской письменности очевидно влияние переводов с аккадского и с шумерского (Эпос о Гильгамеше), мифологических и ритуальных текстов (хурритских и хаттских в своем оригинале) и прямых цитат на лувийском языке, снабженных в клинописи специальной пометой (т. н. «глоссовый клин»).

Русский язык приобрел свои уникальные качества в условиях многовековых контактов с языками Европы, от переводов греческих, а также латинских, польских, французских, немецких, английских и др. текстов. Особенно следует подчеркнуть, что всякий раз при этом русский язык вступал в соревнование за точность выражения чувств и мыслей, а также передачи наблюдаемых ситуаций и философских обобщений.

Переводы с разных языков (по большей части европейских) способствовали выработке точности и выразительности русских текстов. При дальнейшей работе над Корпусом планируется использовать материалы по римскому праву и их передачу на русском языке (Kofanov 2001+). В частности благодаря необходимости стилистически и содержательно передавать особенности различных по характеру иноязычных текстов от научной прозы до лирических описаний. Особенно важно в этих случаях было выражать средствами русского языка реалии, свойственные иным культурам. Опыт в решении таких проблем накапливался веками, начиная с первых славянских книжников.

³ См., например, книгу «Текст и комментарий» (Торогов 2006). В этом издании на основании результатов анкетирования и обсуждения общих вопросов была предпринята попытка теоретического осмысления проблемы.

Последнее в полной мере относится к переводам античных текстов, которые требуют целого ряда особых условий, к числу которых относится включение в орбиту исследования очень особого регистра литературного русского языка, основанного на стилизации переводов «под старину» без придания тексту древнерусского колорита. Этот регистр и его развитие в русском языке обычно игнорируют, считая его несущественным.

Думая о сложных случаях интерпретации, необходимо иметь в виду и необходимое расширение описания за счет необычных ситуаций и важного для понимания текста осмысления латинских слов. Так называемые «ложные друзья переводчика» заставляют подставлять значения, не полностью соответствующие мысли оригинала.

Приведу один пример из Эйнхарда (*Vita Caroli Magni*, 7): *Sed magnanimitas regis ac perpetua tam in adversis quam in prosperis mentis constantia nulla eorum mutabilitate vel vinci poterat vel ab his quae agere coeperat defatigari*. В переводе Р. Л. Шмаракова, «Но **великодушие** (Курсив мой — *Н. К.*) короля и невозмутимость его, неизменная и в несчастных, и в счастливых обстоятельствах, не могли быть побеждены непостоянством саксов или утомлены его начинаниями». Это «великодушие» как поясняет следующая фраза, сводилось к тому, что «Он никогда не позволял, чтобы саксы, совершив нечто подобное, избегли наказания...»⁴. Речь, очевидно, идет не о *великодушии* в нашем понимании, а о чем-то таком, благодаря чему ни одно враждебное действие саксов не осталось без отмщения. Такое «великодушие» скорее говорит о масштабе духа, не боящегося взять на себя ответственность, нежели о великодушном поступке в современном понимании. Не вполне точна и формулировка М. С. Петровой: «Но **сильный дух короля** (Курсив мой — *Н. К.*) и всегдашнее его постоянство как при неблагоприятных, так и при благоприятных обстоятельствах, не могли быть побеждены переменчивостью саксов [и] не [были] изнурены предпринятыми начинаниями»⁵. В латинском тексте

⁴ Эйнхард. Жизнь Карла Великого. Перенесение и чудеса святых Марцеллина и Петра. Письма. Перевод Р. Л. Шмаракова, О. С. Воскобойникова. Общая редакция, статья, комментарии А. И. Сидорова. СПб.: Наука, 2024. С. 15. (серия «Памятники исторической мысли»).

⁵ Жизнь Карла Великого. Вступительная статья, перевод, примечания, указатели М. С. Петровой. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. С. 68–69.

речь идет не о *силе духа*, а о масштабе личности, не побоявшейся взять на себя ответственность за наказание и за переселение целых народов. Представляется, что с развитием двуязычных и толковых словарей на основе компьютерных технологий появятся возможности демонстрировать в словарной статье варианты понимания с тонкими нюансами значений. При этом, поскольку любой авторский словарь по своей природе является авторитарным, авторский выбор продиктует не только общее описание семантики, но и точный лексический эквивалент для конкретного контекста. Это будет обобщением трудов переводчиков и их осмыслений текста. Эти наблюдения не менее важны, чем комментарии, хотя и комментарии лишними не будут. Объяснительный перевод важен, поскольку слова, даже сохраняющие единую внутреннюю форму и необходимые признаки семантического соответствия, по значению могут различаться в зависимости от контекста. Речь идет о таких соответствиях как лат. *magnanimitas* ‘величие души, духовное благородство, великодушие’, которое само по себе представляет калькированный с греческого композит (греч. *μεγαλοφροσύνη* ‘величие духа, великодушие’ во мн. ч. ‘высокомерие, надменность’), русское *великодушие*, где наблюдается почти полное формальное тождество (хотя противопоставление *душа* — *дух* остается), но при этом само *великодушие* заключается не в христианском великодушном прощении, а в умении взять ответственность на себя: душа Карла Великого, по сообщению Эйнхарда, достаточно велика, чтобы брать на себя ответственность за события, которые идут вразрез с принятой моралью.

В целях демонстрации того, что при подборе семантических соответствий важно учитывать особенности обоих сравниваемых языков в диахронии, приведу еще один пример, из современного текста, содержащего разбор семантики с обще моральных позиций, даже не лишенных богословской подоплеки. Вот цитата из Н. Трауберг, которая, анализируя консьюмеризм, попыталась определить понятие «святой практичности». Она сформулировала любопытное понимание слова *prudentia*, но попутно описала и ход поисков своего подхода к решению этой задачи: «Вспомнив, как один католик ссылаясь на “святую осторожность”, а люди любых конфессий — на праведный гнев, я склонилась к этому самому гневу, но подумала, что именно эта страсть уподобляет нас бесам, и попыталась заменить ее печальным удивлением. Оно позволило ответить, надеюсь — по существу. Да, *prudentia* — добродетель, но это

скорее трезвенный разум, и уж никак не оборотистость. Странно повторять снова и снова, что центробежный порок вроде мотовства или, что опасней, восторженности, ничуть не оправдывает другой, центростремительный, вроде сухости или скупоности. Однако повторять и не стоит, что это — из другой области. Протестантская практичность с сопутствующими ей честностью и трудолюбием меркнет, мне кажется, в сравнении с особой, безгрешной легкостью католических и православных святых»⁶.

Думаю, что понимание *«трезвенный разум, способный здраво оценить имеющиеся возможности и подготовиться к неожиданностям»*, вполне удачен в приложении ко многим античным контекстам латинского слова *prudentia* и не является результатом семантических изменений в христианской латыни.

Во всяком случае, в классической латыни значение слова *prudentia* от своей внутренней формы (< *pro-uidentia*), т. е. «про-видЕние/пред-вИдение» или «пред-усмотрение» ушло очень далеко и оказалось фактически лишено предчувствия: «знание», «наука», «благоразумие, рассудительность» требуют именно вовлеченность ума.

Корпус в подобных случаях может дать основу для более точного (хотя иногда и излишне описательного) контекстуального значения. Не приходится сомневаться, что и для русского языка разбор подобных контекстов более чем актуален⁷. Нюансы семантических различий позволят увидеть и сходство, и различие в осмыслении конкретных явлений и идей.

Русский язык есть язык европейский, связанный самыми тесными связями с языками Европы. Значение латинско-русского параллельного корпуса особенно велико для изучения русского языка из-за возможности пополнить материалы, служащие для понимания его истории и стилистической дифференциации текстов разных жанров, новыми высокохудожественными и обладающими культурной значимостью данными. Начиная со второй половины XIX в., на русском языке появляются переводы, которые не устарели до настоящего времени. Разумеется, переводы бывали разного качества. Латинскую поэзию переводил Фет, «Историю Тита Ливия» переводил коллектив специалистов по латинскому языку, не слишком обра-

⁶ Н. Трауберг. *Сама жизнь*. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. С. 117–118.

⁷ О сделанном в этом направлении в рамках НКРЯ см.: Sichinava 2015.

щавший внимание на стилистическую выдержанность русского текста, а киевское издание Блаженного Августина⁸ М. Е. Сергеевко определяла как перевод «с латинского на поповский».

XX век дал образцы изумительных по качеству переводных текстов, отражающих работу крупнейших мастеров русского слова. Переводы М. Кузьмина «Золотого осла» Апулея, переводы комедий Плавта, начиная с комедии «Близнецы» в пер. Сергея Радлова (1915), целая библиотека латинских прозаических и стихотворных текстов, блестяще переведенных М. Л. Гаспаровым⁹, Вергилий в переводе С. А. Ошерова и целый ряд других сочинений вошли в число лучших образцов художественных текстов на русском языке. По безукоризненному качеству эти переводы стоят в одном ряду с лучшими образцами итальянской и французской литературы в переводе М. Л. Лозинского, а также с выдающимися переложениями английской классики, принадлежащими перу М. Л. Лозинского и Т. Г. Гнедич¹⁰.

Специально следует подчеркнуть, что лучшие переводы на русский язык неизменно сохраняют важнейшие особенности оригинального текста, включая особенности культуры, в том числе — свойственные культуре способы построения логики общения. Талантливые переводчики обогащают русский язык, создавая средства и возможность выразить то, что до их появления не было для русской культуры ни органичным, ни специфичным. Можно сказать, что переводные тексты не только воздействуют на русскую культуру, но и развивают выразительные возможности русского языка как части мирового культурного пространства, но и поднимают выразительные возможности русского языка на общемировой уровень. Это касается не только способности с необходимой точностью передать нюансы душевных поисков, но и отражает возможность в

⁸ Творения блаженного Августина епископа Иппонийского (Библиотека творений св. отцов и учителей церкви западных, издаваемая при Киевской духовной академии).

⁹ Для нашего корпуса и отраженных в нем общих представлений очень важны его наблюдения о роли Катулла в становлении латинского языка (его статья «Катулл или изобретатель чувства» (Gasparov 2021: 183–211).

¹⁰ Подробный анализ представлен в двух совместных с Вc. Е. Багно статьях, опубликованных в многотомном издании *Übersetzung — Translation — Traduction. Ein internationales Handbuch zur Übersetzungsforschung* (Bagno, Kzansky 2011a; 2011b).

характерных и точных деталях описать знаковые особенности поведения, зависящие во многом от специфики национальной культуры.

Двуязычные корпуса позволяют в равной мере видеть культурные противопоставления и совпадения, устанавливать сходства и различия в выражении мысли на разных языках. Такого рода совпадения важны не только для филологов (лингвистов и литературоведов), но также для специалистов по истории культуры, культурной антропологии и даже для тех, кто занимается политической историей.

Среди параллельных корпусов особое место занимают те, которые учитывают не только синхронный материал, но и демонстрируют изменения и разнообразие, связанное с диахронией. Из осуществленных проектов здесь в первую очередь следует упомянуть о древнерусском корпусе, работа над которым осуществляется под руководством члена-корреспондента РАН А. А. Пичхадзе. Древнерусский подкорпус НКРЯ включает в себя значительный массив оригинальных греческих христианских текстов с переводом их на старославянский и древнерусский языки.

Для латинского языка такая работа отмечалась уже в домонгольский период, но начиная с XVI в. переводы с латинского языка известны в отечественной культуре, ср. точно переданную цитату из бл. Августина в полемической переписке Курбского с Иваном Грозным (Kalugin 2003: 37).

Ясно, что начинать работу над латинско-русским параллельным корпусом следует с современных переводных текстов художественной литературы. Ограничение сопоставляемого материала периодом, который можно отнести к современному русскому языку, оправдано, прежде всего, тем, что с XIX в. перед переводчиком ставились задачи совместить научное представление об описываемых событиях с удачными формулировками, стилистически и интонационно подходящими к содержанию. В этом сыграла важную роль практика литературного перевода и выработка теоретических положений, из которых наиболее известны изложенные в трудах А. В. Федорова¹¹. Живое обсуждение принципов перевода было тем более профессиональным, что его вели признанные мастера русского художественного слова, многие из которых только в переводе

¹¹ См. неоднократно переиздававшуюся монографию А. В. Федорова (Fedorov 1968).

могли осуществлять профессиональную деятельность (см указанную в сноске 3 работу «Übersetzerische ‚Nische‘ in der Sowjetzeit und das Phänomen der Versübersetzung im 20. Jahrhundert»). В течение почти всего XX века художественный перевод на русский язык становился формой высокого творчества, в то время как в других европейских культурах художественный перевод не получил того статуса, которым он обладает в России.

Поставленные цели обусловили решение о представлении данных русско-латинского корпуса в формате параллельного корпуса НКРЯ¹². Сопоставление оригинальных и переводных отрезков текста происходит в полуавтоматическом режиме: несмотря на то, что фрагменты сопоставляются автоматически по индексу, принятому в изданиях классических авторов, редактор имеет возможность более точного соотнесения контекстов. В части комментирования предполагаются следующие типы: традиционный, отсылающий к реалиям, лингвистический и критический.

Поисковый интерфейс (CLR-сайт) в текущей реализации предполагает следующие варианты поиска: определенной словоформы; всех словоформ леммы; словосочетания; словосоче-

¹² Напомню, приведя краткие выдержки из раздела И. М. Егорова (см. Egorov, Kazansky, Kisilier), что с точки зрения технической реализации система (Corpus Latino-Rossicum — CLR) представляет из себя серверную часть с открытым программным интерфейсом и клиентские части: CLR-редактор (с функцией токенизации, морфологического разбора латинского, греческого и русского текстов, сопоставления оригинала с несколькими переводами и комментирование), а также поисковый интерфейс, адрес текущей версии: <https://clr.iling.spb.ru>. Открытый программный интерфейс делает возможным обмен динамическими данными с другими заинтересованными системами и приложениями. Система позволяет экспортировать обработанные статические данные в формате параллельного корпуса НКРЯ.

Для морфологического разбора система использует данные сторонних сервисов: для латинского и греческого языков — Morpheus проекта Perseus Digital Library (<http://www.perseus.tufts.edu>), для русского — MyStem (<https://yandex.ru/dev/mystem>). Система автоматически определяет словоформы, различным образом помечая однозначные и многозначные, но не предполагает алгоритмов автоматического снятия омонимии. Более того, если редактор решил, что та или иная однозначная форма справедлива для данного текста или языка в целом, он может создать правило, позволяющее автоматически принимать эту форму для конкретного текста или языка.

тания с интерпозицией; с учетом морфологических признаков; с учетом определенных произведений. Языки поиска: латинский, греческий и русский. Результат поиска: найденные фрагменты с параллельными текстами; искомые формы; все определенные формы сопровождаются морфологической справкой.

При разработке необходимо учитывать особенности текстологической традиции и по возможности всю работу над каждым текстом.

Лишены филологического комментария полезные для машинного поиска корпуса **PHI-5 LATIN TEXTS** (<https://latin.packhum.org/search>), который включает латинские литературные тексты до 200 г. н. э., и **Musisque Deoque** (<https://open.unive.it/mqddq/>) — корпус латинских поэтических текстов от Античности до Возрождения. Таблица, составленная М. Л. Кисилиером (Egorov, Kazansky, Kisilier 2021: 85), хорошо показывает возможности этих корпусов:

Табл. 1. Особенности корпусов латинского языка

Корпус	Грамм. анализ.	Поиск по лемме	Поиск группы слов	Синтакс. поиск	Метрич. поиск	Коммент. и схолии
Perseus Digital Library	+	+	+	—	—	7/+
PHI Latin Texts	—	—	—	—	—	—
Musisque Deoque	—	+	+	+	+	—

В настоящее время к существующим корпусам латинского языка¹³ можно добавить проект Филиппа Релли и Яна Ктибора *Corpus corporum*, включающий тексты на средневековой латыни¹⁴.

Филологические корпуса созданы далеко не для всех авторов, но **Catullus Online** (<http://www.catullusonline.org/CatullusOnline/index.php>), содержащий рукописные чтения (с фотографиями рукописи) и конъектуры, представляет собой незаменимый источник. **Perseus Digital Library** (<https://www.perseus.tufts.edu/hopper/collections>) включает латинские тексты, схолии и комментарии.

¹³ См. разбор в: Egorov, Kazansky, Kisilier 2021: 84–86.

¹⁴ См.: Roelli, Ctibor 2022–2023, а также статью Релли, которая публикуется в этом номере журнала «Индоевропейское языкознание и классическая филология».

Латинско-русский корпус, что естественно, может основываться только на письменных данных, но для изучения латинского языка как языка необходимо понимать, что письменная форма лишь отчасти отражает речевые особенности. Языковые связи, а также свойственная языку системность (Aprésyan 1995) и ориентация на языковую норму в корпусе письменных текстов находят отражение лишь в очень ограниченной мере. Так, для корпуса любого современного языка не всегда отмечается произношение, хотя известно, что один и тот же знак на письме и в современных текстах может обозначать разные фонетические сущности. С другой стороны, для письменного текста безо всякого комментария здесь могут быть помещены образцы звучащей речи носителей языка. Для древних языков требуется иное решение, всякий раз касающееся конкретного текста, поскольку обычно памятники охватывают многие десятилетия истории языка, отражая как хронологически так и регионально различающиеся лингвистические характеристики. Все они нуждаются в комментариях. Насколько важна такая интерпретация, показывает статья Фредерики Бивиль (Biville 1994)¹⁵, которая рассмотрела варианты возможной интерпретации стоящих рядом знаков <V> и <I>, поскольку такая графическая последовательность может скрывать не только два гласных разной длительности, но также различные комбинации гласных и неслоговых /i/ и /u/. Приведу краткое изложение ее выводов:

<VI> = /iū/, ср. глаголы на -uō (*rūit, rūimus* etc.), перфектные формы на -uī (*uolūisti, volūit*)

<VI> = /iū/ засвидетельствовано в форме *fūit*. У Лукреция наряду с *flūitāns* (Lucr. 1, 718) встречается также *flūtat* (Lucr. 3, 189).

<VI> = /iū/ в причастии *gratūita* (Plaut.), в прилагательных на -ītus, ср. *fortūitus* (Iuu. 13. 225). Во всех приведенных примерах метрика позволяет читать <tui> как /tūi/.

<VI> = /uij/ встречается в *cūius* /cuī-ius/. Согласно Присциану, *huic, cui* односложные, поэтому в формах *cui, hui* и *huic* речь может идти о дифтонге /ui/.

¹⁵ Biville F. Existait-il une diphtongue *ui* en latin? // Herman J. (ed.). *Linguistic Studies in Latin. Selected papers from the 6th International Colloquium on Latin Linguistics* (Budapest, 23–27 March 1991). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1994. P. 3–18.

<VI> = /цї/ обычно в перфекте на -uī (*amāuī, crēuī, petīuī, nōuī*).

<VI> = /цї/ при обычном *tēnūis* (Lucr. IV. 63) встречается и дактилическая форма *tenuia*, с первым закрытым слогом, т. е. /tēn-цїă/.

<VI> = <VVI>, ср. написание *flūid-* наряду с *flūiūidus* 'текущий', передающим [цїi].

Стих Вергилия *sic ait, atque oculos Rutulorum reicit aruis* (Verg. Aen. 10, 473) демонстрирует трехсложное *reicit* с приставкой *rě-*, но предполагает долготу первого слога, а глагол *iaceo* имеет в корне начальное *i-* и гласный: /reĭ-ĭi-kit/. Должно получиться <reĭiicit>. Присциан (GL II 14 Keil) свидетельствует, что Цезарь через три <i> писал форму род. п. *Pompei* — <Pompeĭii>. Точно так же долгий первый слог требует чтения /reĭ-ĭi-ce/ в Verg. Georg. 3, 390:

*reice, ne maculis infuscet uellera pullis*¹⁶.

Одновременно с этим у Вергилия (Verg. Ecl. 3, 96) встречается двусложная форма *reice* /reĭ-kě/:

*Tityre, pascentis a flumine reice capellas*¹⁷.

Фонологическая интерпретация относится к чисто лингвистической, также как и интонационная. О последней у нас есть возможность судить, опираясь на запреты и разрешения в разрыве фразы, например при помещении обращения, стоящего в вокативе, в середину структурированного текста. Любопытные примеры, в которых разбирается интонационное членение фразы с учетом синтаксической позиции обращения, помещенного внутрь фразы, и цезуры, отражающей паузу внутри стиха у Проперция, собраны в работе М. Н. Казанской (Kazanskaya 2006), где отмечается, что «Имя *Cynthia* имеет такую просодическую структуру, что может появляться в элегическом дистихе только в двух падежах: в номинативе и аккузативе» (Kazanskaya 2006: 74). При этом в вокативе имя Цинции у Проперция регулярно оказывается на пятой стопе, что опре-

¹⁶ «Брось: чтобы темными он не испортил пятнами шерсти» (Пер. С. В. Шервинского).

¹⁷ «Титир, пасущихся коз пока отгони от потока» (Пер. С. В. Шервинского).

деленным образом отражает возможности интонационного членения фразы¹⁸.

Следует специально подчеркнуть, что к интерпретации необходимо отнести также все наблюдения над особенностями соотношения письменной фиксации текста (включая орфографию) и системными языковыми данными, которые по определению существуют только в устной форме. Такая интерпретация необходима, чтобы на основе письменного текста попытаться создать модель, приближающуюся к фонологической интерпретации языка.

Как можно видеть, при работе с корпусом древних языков уже на самом поверхностном уровне формальной реконструкции исконного текста возникают проблемы, которые совсем не просто поддаются разрешению несмотря на их кажущуюся простоту.

Проблемы римской орфографии, как было показано, должны быть аккуратно отмечены и (там где это возможно) описаны в деталях.

Необходимо также для классического и более поздних периодов иметь в виду сильное влияние греческого языка на латинский. Смена языкового кода не исключает и случаев смешения языковых кодов, что требует еще одного дополнительного комментария. Мне доводилось указывать (см.: Kazansky 2022: 186–191), что в Риме для классического латинского языка о диглоссии как таковой говорить не приходится, но можно собрать данные о роли греческого языка в Риме и расклассифицировать факторы, влияющие на смену языкового кода, которая не допускалась в официальной обстановке. Ее нет в речах, но в переписке Цицерона выделяют: (1) смену кода, обусловленную внутренними причинами; (2) смену кода, обусловленную внешними причинами; (3) языковую аттракцию. Встречаются случаи многократной смены языкового кода, например в письме Курия к Цицерону: *Sum enim χρήσει μὲν tuus, κτήσει δὲ Attici nostri*. (Cic. *Fam.* VII, 29) — «Ведь я в смысле пользования твой, в смысле собственности — нашего Аттика» (Пер. В. О. Горенштейна).

¹⁸ Cp.: *quin etiam absenti prosunt tibi, Cynthia, venti* (I, 17, 5).
Etsi me invito discedis, Cynthia, Roma (II, 19, 1)
unde tuos primum repetam, mea Cynthia, fastus? (I, 18, 5)
Non ego nunc tristis vereor, mea Cynthia, Manes (I, 19, 1)

Противопоставление греческих языковых фрагментов здесь дополнительно подчеркивают частицы, причем второе место в предложении, которое должна занимать частица *μεν*, уже занято латинским *enim*, но внутри греческого текста *μεν* сохраняет правильное место, тем самым дополнительно подчеркивая смену кода. Подобные примеры см. в Kazansky 2022: 183–198. Разбор греческого текста также подразумевается и может быть осуществлен с опорой на морфологический анализатор программы Perseus.

Параллельный корпус латинских и русских текстов предполагает различного рода комментарии, структуру которых еще предстоит уточнить. В настоящее время очевидно, что там, где это возможно, необходимо сделать географические¹⁹ и хронологические привязки с отсылками в отдельных случаях к научной литературе. Сложнее обстоит дело с наблюдениями над самим текстом и интерпретацией отдельных пассажей. Приходится иметь в виду, что значительная часть комментариев не может быть отнесена и привязана к конкретному предложению или строке, выражению или слову. Еще сложнее дать правдивую и исчерпывающую характеристику тексту в целом.

В настоящее время, используя возможности, которые открывает корпус, можно не ограничиваться реальным комментарием, а устанавливать разные типы связей между комментарием и текстом.

Для изучения русского языка важны возможности включить в орбиту исследования очень особый регистр литературного русского языка, основанный на стилизации переводов «под старину». Эти талантливые тексты могут стать важным источником для пополнения толковых словарей русского языка.

Над решением этих — важных в теоретическом плане — вопросов предстоит вести работу параллельно с расширением объема представленных в корпусе латинских и русских текстов.

Литература

Antonets, E. V., Solopov, A. I. 2024: *Cicero. Pro Archia poeta*. Commentary by E. V. Antonets and A. I. Solopov. Moscow.

Антонец Е. В., Солопов А. И. Марк Туллий Цицерон. Речь в защиту поэта Архия. Издание текста и комментариев Е. В. Антонец, А. И. Солопова. М.: Р. Валент, 2024.

¹⁹ Ср., например, интернет-ресурс *Maps for Texts* применительно к тексту Тита Ливия: *Livy Study Maps: Book 21* и *Livy Study Maps: Book 22*.

- Apresyan, Yu. D. 1995: *Lexical Semantics*. Moscow, 1995.
Апресян Ю. Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). Изд-е 2-е, доп. (Избранные труды. Т. I.). М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
- Bagno, Vs. E., Kazansky N. N. 2011a: Die zeitgenössische russische Übersetzung, ihre Rolle in Russlands internationale Verortung und bei der russischen Aneignung der Weltkultur. In: *Übersetzung — Translation — Traduction: Ein internationales Handbuch zur Übersetzungsforschung* / ed. by H. Kittel et al. 3. Teilband. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2011. S. 2082–2089.
- Bagno, Vs. E., Kazansky, N. N. 2011b: Übersetzerische ‚Nische‘ in der Sowjetzeit und das Phänomen der Versübersetzung im 20. Jahrhundert. In: *Übersetzung — Translation — Traduction: Ein internationales Handbuch zur Übersetzungsforschung* / ed. by H. Kittel et al. 3. Teilband. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2011. S. 2090–2097.
- Biville F. Existait-il une diphtongue ui en latin. In: J. Herman (ed.). *Linguistic Studies in Latin. Selected papers from the 6th International Colloquium on Latin Linguistics* (Budapest, 23–27 March 1991). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1994. P. 3–18.
- Egorov I. V., Kazansky N. N., Kisilier M. L. 2021: Parallel Corpus of Latin and Russian Texts: Problems and Perspectives. In: *Transactions of the Department of Historical and Philological Sciences*. Vol. 11. 2021. Ed. V. A. Tishkov. Moscow, 2022. P. 81–94.
Егоров И. М., Казанский Н. Н., Кисилиер М. Л. Параллельный корпус латинских и русских текстов: задачи и перспективы. В сб.: *Труды Отделения историко-филологических наук*. Т. 11. 2021. Отв. ред. В. А. Тишков. М., 2022. С.81–94.
- Fedorov, A. V. 1968: *Grundriss der Übersetzungstheorie*. 3. Aufl. Moscow.
Федоров А. В. 1968: *Основы общей теории перевода*. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа.
- Gasparov, M. L. 2021: *Rome and after Rome*. Moscow.
Гаспаров, М. Л. 2021: *Собрание сочинений в шести томах*. Т. 2: *Рим / После Рима*. / Сост. Н. П. Гринцер, М. Л. Андреев. М.: Новое литературное обозрение,.
- Gronas, M., Orekhov, B. What is semantically oriented edition and why all editions in future should be semantical? In: *A/Z: Essays in honor of Alexander Zholkovsky* / edited by Dennis Ioffe, Marcus Levitt, Joe Peschio, and Igor Pilshchikov. Boston: Academic Studies Press, 2018. C. 246–268.
Гронас М., Орехов Б. Что такое семантическое издание и почему в будущем все издания станут семантическими? In: *A/Z: Essays in honor of Alexander Zholkovsky* / edited by Dennis Ioffe,

- Marcus Levitt, Joe Peschio, and Igor Pilshchikov. Boston: Academic Studies Press, 2018. С. 246–268.
- Kalugin, V. V. 2003: *Biblical quotations in connection with the question of attribution of the Old Russian translation* (based on the «Book of St. Augustine») In: *Slavjanovedenije*. 2003. No. 2.
Калугин В. В. Библейские цитаты в связи с вопросом атрибуции древнерусского перевода (на материале «Книги святого Августина») // Славяноведение. 2003. № 2.
- Kazanskaya, M. N. 2006: *Rhythm and meaning. Combination of three- and seven-half caesuras and bucolic dieresis in Propertius*. Thesis. Department of Classical Philology of St. Petersburg State University. St. Petersburg, 2006. 184 p. Казанская М. Н.. Ритм и смысл. Сочетание трехполовинной и семиполовинной цезур и буколическая диереза у Проперция. Дипломная работа по кафедре классической филологии СПбГУ. СПб., 2006.
- Kazansky, N. N. 2016 Problems of creating a philological corpus // *Transactions of the Department of Historical and Philological Sciences*. Ed. V. A. Tishkov. Moscow: Nauka, 2016. Pp. 133–146.
Казанский Н. Н. Проблемы создания филологического корпуса // Труды Отделения историко-филологических наук. Отв. ред. В. А. Тишков. М.: Наука, 2016. С. 133–146.
- Kazansky, N. N. 2022: *Problems of Lexicology of Latin Language*. St. Petersburg: Nauka publishing, 2022.
Казанский, Н. Н. 2022: *Проблемы лексикологии латинского языка*. СПб.: Наука.
- Kofanov, L. L. (ed.), 2002: *Digesta Iustiniani. Russian translation*. Moscow.
Кофанов Л. Л. (отв. ред). 2002: *Дигесты Юстиниана*. Пер с латинского. М.: «Статут» .
- Pil'shchikov, I. A. 2022: *Seven Essays on Philology and Digital Humanities. Interviews and Discussions* (2015–2021) Moscow: Moscow State University Press, 2022.
Пильщиков, И. А. 2022: *Семь бесед о филологии и Digital Humanities. Интервью и дискуссии* (2015–2021) М.: Изд-во МГУ.
- Plungyan, V. A. *Voice of the Muse. Vox Camenae: Anthology of Latin Lyrics with Commentary and Russian Translations*. Moscow: Progress Group Publishing House, 1998. Плунгян В. А.. Голос Музы. Vox Camenae: Антология латинской лирики с коммент. и русскими переводами / Пер. с лат., сост. В. А. Плунгян. М.: Изд. группа Прогресс, 1998.
- Podossinov, A. V. 2002 *Lingua Latina. Introduction to the Latin Language and Ancient Culture*. Part IV, Book 3. Reader of Latin texts — comments. Moscow: Flinta; Science, 2002.
Подосинов, А. В. 2002: *Lingua Latina. Введение в латинский язык и античную культуру*. Ч. IV, Кн. 3. Хрестоматия латинских текстов — комментарии. М.: Флинта; Наука,.

- Roelli Ph., Ctibor J. 2022–2023: A new version of *Corpus corporum*, the Latin full-text database and tool. *Archivum latinitatis Medii Aevi* (ALMA). 2022–2023. Т. 80, 251–257.
- Sichinava D. V. Parallel texts in the National Corpus of the Russian Language: new directions of development and results. *Transactions of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language*. 2015. Issue 6. P. 193–235.
- Сичинава Д. В. Параллельные тексты в составе Национального корпуса русского языка: новые направления развития и результаты. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. 2015. Вып. 6. С. 193–235.
- Slednikov A. G. 2025 *Textbook of Christian Latin A. Vestigiarii institutiones linguae Latinae Christianae: textbook*. Moscow: Encyclopedia, 2025.
- Следников А. Г. *Учебник христианской латыни A. Vestigiarii institutiones linguae Latinae Christianae: учебник*. М.: Энциклопедия, 2025.
- Toporov 2006 — *Text and commentary: Round table for the 75th anniversary of Vyach. Vs. Ivanov* / Ed. V. N. Toporov. Moscow: Nauka, 2006.
- Топоров В. Н. (Отв. ред.). *Текст и комментарий: Круглый стол к 75-летию Вяч. Вс. Иванова*. М.: Наука, 2006.

Д. М. Каменев

Санкт-Петербургский государственный университет.
Санкт-Петербург, Россия. kamenev.daniel2000@gmail.com

ФОРМЫ ДВОЙСТВЕННОГО ЧИСЛА В ГАЛИЦКОЙ И ВОЛЫНСКОЙ ЛЕТОПИСЯХ

Статья посвящена сопоставительному анализу состояния категории двойственного числа в Галицкой и Волынской летописях. На материале функционирования дуальных форм в конструкциях с парными существительными и со счетно-количественными лексемами **оба** (**обѣа**) также в синтаксически обусловленных позициях показано, что исследуемые летописи по-разному отражают эволюцию двойственного числа. Полученные данные подтверждают идею о том, что процесс утраты двойственного числа следует признать достаточно поздним, выходящим за рамки древнерусского языка и завершившимся, как считает О. Ф. Жолобов, к XVII в. Проведенное исследование состояния дуалиса в Галицкой и Волынской летописях свидетельствует о необходимости отказа от традиционной номинации «Галицко-Волынская летопись» и позволяет, вслед за некоторыми современными исследователями, прийти к выводу о целесообразности изучения Галицкой и Волынской летописей как разных в языковом отношении текстов, включенных в Ипатьевский кодекс. Дальнейшее раздельное исследование текстов может пролить новый свет на некоторые проблемы истории русского языка, уточнить общие вопросы исторической лингвистики.

Ключевые слова: древнерусский (общевосточнославянский) язык, историческая грамматика, двойственное число, Галицкая летопись, Волынская летопись, Ипатьевская летопись.

D. M. Kamenev

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.
kamenev.daniel2000@gmail.com

Forms of dual number in the Galician and Volhynian chronicles

The article is devoted to a comparative analysis of the state of the dual number category in the Galician and Volyn chronicles. The analysis of the material on the functioning of dual forms in constructions with paired nouns and with countable-quantitative lexemes **оба** (**обѣа**), **длѣва** (**длѣвъѣ**), as well as in syntactically conditioned positions, demonstrates that the studied chronicles reflect the evolution of the dual number in different ways. The data obtained confirm the idea that the process of loss of the dual number should be recognized as quite late, going beyond the

framework of the Old Russian language and completed, according to O. F. Zholobov, by the XVII century. The conducted research also indicates the need to abandon the further nomination “Galician-Volyn Chronicle”, allows us, following some modern researchers, to come to the conclusion about the expediency of studying the Galician and Volyn annals as linguistically different texts, included in the Ipatiev Codex. Further separate study of the texts may shed new light on some problems of the history of the Russian language, clarify general issues of historical linguistics.

Keywords: Old Russian (East Common Slavic) language, historical grammar, dualis, Galician chronicle, Volyn chronicle, Ypatyevsky chronicle.

Галицкая летопись (далее — ГЛ) и Волынская летопись (далее — ВЛ) в совокупности составляют третий компонент Ипатьевской летописи. До исследования И. С. Юрьевой было принято считать, что эти летописи, отражающие историческое целое галицко-волыньских земель XIII в., представляют единый текст, входящий в Ипатьевский кодекс. После изучения И. С. Юрьевой языка летописей стало ясно, что их в дальнейшем необходимо рассматривать отдельно — исследователь пришла к выводу, что ГЛ и ВЛ, сильно отличающиеся по языку, не являются частями одной ГВЛ летописи (Yuryeva 2013: 149), а представляют собой разные тексты, возможно, и переписанные с разных протографов, которые позднее были объединены в составе Ипатьевской летописи.

Раздельное изучение языка ГЛ и ВЛ может пролить новый свет на определенные проблемы исторической грамматики русского языка и привести к пересмотру некоторых традиционных представлений. В соответствии с этой общей установкой мы проанализируем состояние форм двойственного числа в текстах ГЛ и ВЛ на примере функционирования дуальных форм парных существительных, в сочетаниях с лексемами счетно-количественного порядка *оба* (*обѣ* также в синтаксически обусловленных позициях — при координации субъекта и предиката).

Распространенным является мнение, что раньше всего дуальная семантика стала утрачиваться у парных существительных. Так, А. М. Иорданский, вслед за А. Беличем, признавал, что «двойственное число как синтаксическая категория начало утрачиваться в русском языке в дописьменный период. В этот

период формы двойственного числа приобрели множественное значение в категории свободного двойственного (названия парных предметов)» (Iordansky 1960: 17). Главный аргумент заключается в том, что в ранних памятниках письменности ученые увидели случаи замены исконных дуальных флексий на флексии ед. ч. и мн. ч., при этом никаких иных интерпретаций, а тем более доказательств в виде реконструкций и сопоставлений с другими славянскими языками, не было представлено. Можно согласиться с Г. А. Хабургаевым, который в отношении утраты дв. ч. справедливо отмечал: «Длительное сохранение форм дв. ч. в средневековом книжнолитературном языке... заставляет проявлять осторожность (курсив наш — Д. К.) в интерпретации свидетельств письменных памятников при решении вопросов, связанных с определением времени и условий разрушения соответствующей грамматической категории в диалектном языке восточных славян» (Khaburgaev 1990: 116). При этом, по мнению О. Ф. Жолобова, «древнеславянские источники не подтверждают выводы А. Белича о замене дистрибутивного дв. ч. формами мн. ч. и утрате сначала значения двойственности, а затем и самих дуальных форм» (Zholobov 2001: 67). А. М. Иорданский привлекает достаточно скудный текстовый материал, опираясь в своей теории лишь на авторитет А. Белича, не подтверждая выводы убедительными фактами древних текстов. О. Ф. Жолобов справедливо отмечает, что «причина этих ошибок — в полном отсутствии анализа дистрибутивного употребления парных обозначений» (Zholobov 2001: 97).

По мнению А. М. Иорданского, парные существительные уже к XIII в. почти полностью употреблялись с плюральными окончаниями, вслед за ним об этом говорят и некоторые исследователи, также рассматривавшие дв. ч. на материале старославянского и древнерусского языков, а также различных славянских языков (см. (Blinova 1963). Опровергнуть это утверждение можно, представив данные достаточно поздней ГЛ (по Ипатьевскому списку — нач. XV в.). Материал ГЛ показывает, что в 25 случаях (из 348 контекстов с формами дв. ч. в тексте в целом) мы встречаем употребление парных существительных с исконными дуальными флексиями, например: *wn же wboуимаѧ нозѧ его wбѣщаѧ работѧ възти емуу* ‘Тот же [Судислав], обнимая его [Мстислава] ноги, обещал быть ему рабом’ (л. 251);

Небру азви чѣтъѣрми ранами, древо же възшисѣ. копье из роукоу его ‘нанес [Даниил] Небру четыре раны и древком выбил копье из его рук’ (л. 255)¹. Количественный состав дуальных форм в данном случае не связан с распадом категории дв. ч. в это время: «ограниченность примеров <...> находится в прямой зависимости от ее жанрово-стилистического своеобразия, а не от ослабления дв. ч. (курсив наш — Д. К.)» (Zholobov 2001: 65). Близкое к ГЛ распределение обнаруживается и в ВЛ, где в 13 случаях (из 69 контекстов) мы встречаем последовательное употребление парных существительных в форме дв. ч., например: слава и хвала Б(о)г. створшаго предивнаѣ. покоршаго ворогѣи под нозѣ Василкови ‘Славя и хваля Бога, сотворившего чудеса, покорившего врагов к ногам князя Василька’ (л. 285 об.); и въздѣвъ роуцѣ на н(е)во. молашесѣ со слезами ‘И, воздев руки к небу, молился со слезами’ (л. 302 об.). Количество словоформ никак не может быть объяснено следами падения дв. ч., так как главная особенность различного количества вхождений — объем текстов и тематическая ограниченность повествования.

Ослабления дуальной семантики в случаях употребления парных существительных обнаружено не было ни в одном из текстов. Мы встречаем достаточно традиционные написания, где соблюдается числовое согласование по дв. ч. зависимых от парных существительных частей предложения, например: ꙗко не имать встати(са) градѣ Галичѣ. нѣсть кто избавлаѣ и ѿ роукоу моего ‘Не уцелеет город Галич. Никто не может избавить его [Галич] от рук моих’ (л. 258); ꙗцѣ Б(о)гѣи нѣи естъ предѣлѣи и властъ нашуу грѣхѣ ради наши(хѣ) во роуцѣ ваши ‘Если Бог отдал нас и наше государство из-за грехов наших в ваши руки’ (л. 267 об.). Следующее обнаруживается и в ВЛ: завѣтра же притѣха Боурандан в Володимѣрь и видѣ своима вѣчима городѣ изгорѣвши всѣ ‘На другой

¹ Здесь и далее контексты выделены при помощи грамматической разметки Национального корпуса русского языка (древнерусский подкорпус): <https://ruscorpora.ru/>. Использованные примеры уточнялись в опубликованном тексте летописи в ПСРЛ, Т. 2. Спорные случаи проверялись в тексте рукописи: Ипат., БАН, 16.4.4, перв. пол. (сер.?) XV в. В некоторых случаях использовался (либо уточнялся) перевод О. П. Лихачевой (Likhacheva 1998: 184–357). В круглых скобках указывается лист рукописи. Для облегчения чтения примеров титла раскрываются.

день приехал Бурундай во Владимир и увидел своими глазами, что укрепления все сгорели' (л. 283 об.). В основном это формы местоимений в функции определений.

Интересен пример, который был обнаружен в ВЛ. Парные существительные *роука* и *нога* здесь используются с флексиями мн. ч. при описании физических достоинств князя Владимира Васильковича: *Сии же вл(а)говѣрнзи князь Володимѣрь <...> волосы имѣа желтзы коудравзы. бородоу стригзы. роуказы же имѣа красны. и ногзы рѣчь же вашеть в немь толъста и оустна исподнаа 'Сей благоверный князь Владимир был высок ростом, широк плечами, красив лицом, волосы у него были русые, кудрявые, бороду он стриг, руки и ноги у него были красивые, голос низкий, нижняя губа толстая' (л. 304). Отказ от дуальных флексий в пользу плюральных может быть связан здесь с тем, что писцом *роука* и *нога* воспринимались, вероятно, как конечности человека в целом, включающие в себя 4 части, поэтому могли быть сосчитаны друг с другом — две руки и две ноги воспринималось как 4 объекта, следовательно, и мн. ч. здесь оказывается вполне оправданным. Г. А. Хабургаев, например, приводит контекст из Успенского сборника XII в. с очевидной, по его мнению, утратой дв. ч.: *Слава ти Х(рист)е мзномуу ти м(и)л(о)с(ь)рдию иже направи на правзыи путь мирны ногзы ногзы <sic!> моя теци кз тебе бе-сзблзна 'Слава тебе, Христос, и безмерному твоему милосердию, которым направил ты мирские стопы мои на праведный путь' (л. 12). Он считает, что парное существительное в форме мн. ч. вм. дв. ч. входит в ряд, когда «случаи употребления форм мн. ч. при указании на двух лиц (или на два предмета) встречаются уже в самых ранних памятниках восточнославянской письменности» (Khaburgaev 1990: 117–118). Однако можно предположить в данном случае, что существительное *ногзы* использовано, как и в приведенном выше случае, когда *ногзы* объединяются в сознании пишущего в понятие «конечности человека» (к тому же писец ошибочно продублировал форму, благодаря чему получилось вновь 4 объекта), поэтому и плюралис здесь, думается, вполне уместен. С другой стороны, в сочетании *миръны ногзы* ощущается некоторая идиоматичность, возможно, что это тоже могло повлиять на выбор формы мн. ч. Представляется при этом, что формы дв. ч. у парных существительных в некоторых словах могли**

дольше сохраняться ввиду книжной традиции. Так, например, лексема *роука* чаще всего объединяется с лексемой *Богъ* — *роуцѣ Бо(г)а*, образуя устойчивое сочетание, благодаря чему форма дуалиса у слова *роука* способна распространяться и на идентичные функциональные случаи не книжного характера, ср.: *ти тако д(оу)ша своа предаша в роуцѣ Б(г)оу* ‘и так они предали свои души в руки Божии’ (л. 263 об.) — при аналогичной позиции в следующем контексте: *и вдасть [Даниил] Къивѣ в роуцѣ Дмитрови* ‘он отдал в руки Дмитру Киев’ (л. 264).

Лексемы счетно-количественного порядка *оба* (*обѣ*), *дѣва* (*дѣвѣ*) входят в класс слов, образующих при сочетании с другими словами устойчивые конструкции, благодаря чему некоторые ученые признают их «фразеологизированными», «формульными сочетаниями»: «Таким образом, наиболее устойчиво формы двойств. ч. сохраняются: 1) в сочетании со словами *два, оба* (почти до XVIII в.: их считают «застывшими формулами») (Kolesov 2010: 216), либо «устойчивые (фразеологизированные)» (Gorshkova, Khaburgaev 1981: 161; Khaburgaev 1991: 121). Устойчивость дуалиса в данной позиции отмечается и в «Древнерусской грамматике XII–XIII вв.»: «Изученные материалы отражают последовательное сохранение форм дв. ч. в конструкциях с числительными *дѣва, дѣвѣ, оба, обѣ*» (Iordanidi 1995: 268).

Данные ГЛ показывают, что 13 контекстов относятся к сочетаниям с лексемами *оба* (*обѣ*) например: *хоташе дати дщерь свою. за княза Данила. убѣима дѣтѣскома бѣвшима* ‘хотели отдать королевскую дочь за князя Даниила — они оба были еще детьми’ (л. 247); *порокъ же емоу имоуще великъ ѿ убою братоу. пошто миръ створи соущю ти с великими вои* ‘И было ему большое порицание от обоих братьев: «Зачем ты заключил мир, хотя у тебя большое войско?»’ (л. 259 об.). В ВЛ отобрано 16 примеров с рассматриваемыми сочетаниями, например: *изогна Миндовга. тоу же и оуби его и уба с(ѣ)ида его* ‘догнал Миндовга, и убил его, и двух его сыновей’ (л. 280 об.).

В единственном случае, где в ГЛ отсутствует согласование при лексеме счетно-количественного порядка — существительное *лета*, употребленное не в дв. ч., а во мн. ч.: *велику мѣтежу вставшю в землѣ Роускон. вставившима же са. дѣвима с(ѣ)инома его. єдинъ. ѿ. лѣ(т)а д(о)ругии двоу лѣтъ* ‘когда началась великая смута

в Русской земле, то остались после него [смерти князя Романа] два сына: один четырех лет, а другой — двух' (л. 254). Можно согласиться с О. Ф. Жолобовым, что употребление генетива мн. ч. *лѣтъ*, вм. дв. ч. *лѣтоу* в таком (-их) контексте (-ах) не отражает замены дв. ч. на мн. ч., а представляет собой синтаксически закономерную форму мн. ч. отложительного родительного падежа без предлога (Zholobov 2001: 110). Иных случаев обнаружено не было ни в ГЛ, ни в ВЛ, что опровергает мнение А. М. Иорданского, который считал, что к XIII в. такие сочетания сохранялись, но изменяли свое значение: «В сочетаниях с числительным два (две) и в анафорическом употреблении двойственное число продолжало сохраняться до XIII века с *особым синтаксическим значением* (курсив наш — Д. К.)» (Iordansky 1960: 17). Позднее ученый поясняет, что *особое синтаксическое значение* — это развитие семантики множественности при последовательном дуальном употреблении (имеются в виду случаи, когда использованная дуальная форма в тексте могла восприниматься писцом уже как плюральная — явление грамматической омонимии). С таким выводом согласиться трудно, особенно в случае отсутствия каких-либо примеров, доказывающих эту гипотезу. Прав в данном случае О. Ф. Жолобов: «В действительности еще во второй половине XIII в. — нач. XIV в. в разных типах склонения продолжают использоваться правильные формы связанного дв. ч.» (Zholobov 2001: 110). В более ранней работе он также справедливо указывал: «Не менее чем на столетие должна быть передвинута данная Иорданским датировка *начала утраты* (курсив наш — Д. К.) связанного дв. ч. Она может быть определена началом XIV в.» (Zholobov 1997: 78), что, в целом, подтверждает еще достаточно последовательное отражение дуалиса в сочетаниях с счетно-количественными лексемами в ГЛ и в ВЛ.

Наиболее яркие примеры, которые мы можем интерпретировать как отражение утраты дв. ч., связаны с синтаксическими условиями. К таким мы относим координацию субъекта, выраженного сочетанием двух существительных, соединенных союзом *и*, либо предлогом *съ*, а также зависимых от субъекта членов предложения. Данную особенность отмечает в своей статье и И. С. Юрьева, когда разбирает особенности синтаксиса ГЛ, не отмечая и не объясняя при этом сходные явления в ВЛ.

К таким случаям мы относим отсутствие согласования по дв. ч. зависимых глагольных форм при парном субъекте, например, употребление аориста в ед. ч.: ѡбѣщаѡса емуѡ Даниилъ и Лександръ ити в Галичъ ‘Даниил и Александр обещали ему уйти в Галич’ (л. 250); наутрѣ же приде Даниилъ и Василко, и предаша(са) лоучане ‘На другой день пришли Даниил и Василько, и сдались лучане’ (л. 255); И тако по нихъ Шварно с Володимѣромъ поиде во силъ тажъчѣ ‘И так пошли Шварн с Владимиром за ляхами с большим войском’ (л. 288). В ВЛ отмечаем случаи употребления ед. ч. вм. ожидаемого мн. ч. в форме перфекта без связки, а также аориста при двух субъектах: Въспоману Миндовгъ. оже Василко кн(а)зь с богатѣремъ воевалъ землю Литовскоую, и посла ратъ на Василка, и воеваша ѡколо Каменца ‘А Миндовг вспомнил, что князь Василько с Бурундаем-богатырем воевал против земли Литовской, и послал рать против Василька, и воевали они около Каменца’ (л. 285). Использование предлога съ, отграничивающего один субъект от другого, видимо, позволяет автору выбирать центральное действующее лицо, второй же оказывается соучастником действия, поэтому и использование ед. ч. в таких случаях может быть вполне оправданным. В устойчивой конструкции при двух именах собственных и явной зависимости от счетно-количественной лексемы ѡба, использованной в форме дв. ч. причастие в следующем примере употребляется не в ожидаемом дв. ч., а во мн. ч.: Доброславоу же и Григорию ѡбѡимъ ловашимъ. на са ‘Доброслав же и Григорий подстерегали друг друга’ (л. 266 об.). Возможно, что в данном случае форма ѡбѡимъ (ѡбои — дѣвои) является собирательным числительным, которое соотносится как с предшествующим субъектом предложения, выраженным сочетанием двух имен, так и с последующим причастием во мн. ч. О. Ф. Жолобов указывал, что такие числительные «согласуются с существительными во мн. ч.», а также, что они отличаются от обычных числительных «семантическим компонентом ‘целостность’, в том время как компонент ‘раздельность’ выступает на задний план» (Zholobov 2006: 206). Вероятно, оно используется здесь для выражения подчеркнутой целостности, неразрывности двух субъектов, а мн. ч. причастия оправдывается общим правилом согласования по мн. ч. при собирательном числительном. При этом мы могли

бы ожидать здесь и форму дв. ч. Так, В. Б. Крысько, развивая идеи А. Вайана (Vaillant 1952: 194), показал на материале памятников ранней славянской (включая и древнерусскую) письменности, что «числовые собирательные местоимения *дъвои* и *обои* могли употребляться в двойственном числе в конструкциях, обозначающих совокупность двух различных предметов» (Krys'ko 2020: 55).

В ВЛ, как и в ГЛ, встречаем подобное: Княжащюу Воишелкови во Литвѣ и Шварнови, иде литва на лахъѣ воевать, на Болеслава князя 'Когда Войшелк и Шварн княжили в Литве, литовцы пошли воевать против ляхов, против князя Болеслава' (л. 287 об.). Возможно, в данном случае на выбор формы ед. ч. причастия при двух субъектах повлияло его использование в обороте *dativus absolutus*. Важно отметить, что в ВЛ примеров на распад координированной связи насчитывается пять, в ГЛ таких контекстов значительно больше.

Для анализа интересен следующий контекст: Въ то же лѣ(т) изгна Миндовгъ. с(ѣ)новца своего. Тевтевила. и Едивила пославшому емоу на воиноу со воємъ своими на воиноу со Взыконтмъ на Роусь воевать ко Смоленскоу 'В тот же год Миндовг изгнал своих племянников Тевтевила и Едивила, когда он послал их на войну вместе с их дядей Выкинтм на Русь воевать, к Смоленску' (л. 273 об.). Здесь форма существительного *с(ѣ)новца* и определяющее его местоимение-прилагательное *своего* стоят в ед. ч. Эта конструкция непосредственно предшествует сочетанию двух имен, соединенных союзом *и*. Удивительно, что две зависимые друг от друга части, в большей же степени первая от второй, не координируют друг с другом, видимо, семантически, а потому и грамматически. Возможно, ожидаемое *сѣиновца своѣа* (ВП дв. ч.), использованное верно в протографе, здесь написано в искажённом виде в результате восприятия писцом формы дв. ч. *сѣиновца* как ВП ед. ч. с последующим искажением согласуемой формы местоимения: *сѣиновца своѣа* > *сѣиновца своего*. Указательное местоимение *емоу*, используемое во избежание повтора имен князей, также употреблено в форме ед. ч., вм. ожидаемой формы дв. ч. *ѣа*. Думается, что и здесь, как в случае выше, на выбор формы ед. ч. повлияло использование этого местоимения в качестве субъекта в конструкции *dativus absolutus*. Подобное встречаем и

в другом случае, где вместо ожидаемого *ворога своа* (дв. ч.) встречаем *ворога своево* (определение в форме ед. ч.): *еха ко Волковъизску, ловя нати ворога своево Вшышелка и Тевтивила* ‘потому что он [Даниил] ехал в Волковскийск, чтобы схватить своих врагов — Войшелка и Тевтивила’ (л. 282 об.). Замену можно увидеть и в следующем контексте: *Володимѣръ же и Данилъ поидоста* по нихъ. *Василко же и Александръ приде* ко брату ‘Владимир и Даниил пошли за ними. Василько и Александр пришли к брату’ (л. 260 об.).

Привлекает внимание также следующий контекст: *Василка же Юрьи попъ с кормилицею возма. изъиде* дъзирею градною *не вѣдахоу* во камо *бѣжаше*. бѣ во Романъ оубыенъ на ляхохъ. а Лестько мира не створишъ ‘А Василька вынесли кормилица и поп Юрий, выйдя через дыру в городской стене, но они не знали, куда бежать: ведь Роман был убит на войне с ляхами, а Лестько не заключил мира’ (л. 245 об.). Субъект предложения — сочетание *Юрьи попъ с кормилицею*, при котором последующие зависимые члены предложения в традиционном написании должны использоваться в форме дв. ч. (ср. также в ГЛ: и *восхотѣста* ити. *Данилъ со братомъ Василкомъ* гърцикови во помощь ‘Даниил и его брат Василько захотели пойти герцогу на помощь’ (л. 262 об.) указаны в рассматриваемом примере в форме ед. ч. (причастие *возма*, аорист *изъиде*). Думается, можно принять и другую интерпретацию — активным субъектом повествования для летописца здесь выступает *Юрьи попъ*, последующая же часть *с кормилицею* выступает как дополнение, сопровождающее производителя действия.

Нельзя отрицать, что отсутствие координации по единой числовой форме может быть следствием иных семантико-грамматических процессов, однако нам представляется вполне закономерным относить предыдущие примеры к яркому доказательству утраты исключительно форм дв. ч. — вариативное написание свидетельствует, вероятно, о трудности выбора писцом той или иной грамматической формы. Думается, что в разговорной речи в подобных условиях автор текста уже не слышал дуальных флексий, что напрямую отражается на письме. Остатки дуальных форм в данной позиции лишь подтверждают сказанное.

Таким образом, проведенный анализ позволил сделать следующие выводы:

1. ГЛ и ВЛ отражают разные этапы длительного процесса утраты категории дв. ч. Наиболее традиционное и последовательное употребление мы встречаем в ВЛ, в то время как в ГЛ можем отметить уже достаточно широкое отражение процесса утраты дуалиса по всем рассматриваемым группам — у парных существительных, при сочетаниях с лексемами *оба* (*обѣв* синтаксически обусловленных позициях. В работе специально не рассматривался дуалис в прономинальном комплексе — думается, его функционирование заслуживает отдельного исследования.

2. Если в ВЛ формы дв. ч. парных существительных употребляются достаточно традиционно (при единственном контекстном употреблении с очевидной утратой дуальной формы), то в тексте ГЛ отмечается вариативность флексий дв. ч. и мн. ч. у парных существительных при контекстных условиях, требующих постановки исключительно формы дв. ч., что может отражать определенный этап утраты дуальной семантики.

3. Дуалис при сочетаниях с счетно-количественными лексемами *оба* (*обѣ*), *дѣва* (*дѣвѣ*) используется вполне традиционно и последовательно в текстах обеих летописей, вероятно потому, что получаемые сочетания образуют устойчивую конструкцию-формулу, которая достаточно долго (по мнению некоторых ученых и в настоящее время, см. (Yakubinsky 2021: 134) сохраняет дуальную семантику.

4. Показательные случаи с ослаблением координации субъекта и предиката, а также субъекта и определения. Такие случаи — действительное отражение этапа унификации дуальной семантики, что напрямую сказывается на согласовательной функции. В ГЛ, в отличие от ВЛ, представлено большее количество замен дуалиса в синтаксически обусловленных позициях.

5. Проанализированные примеры утраты форм дв. ч., наряду с их традиционным и последовательным употреблением как в ГЛ, так и в ВЛ, представляют важный текстовый материал. Эти данные позволяют утверждать, что процесс утраты дв. ч. в Ипатьевской летописи, как в тексте переходного периода, отражает не начало, а один из этапов одновременного и последо-

вательного устранения его форм в различных семантических группах. Главная идея концепции А. М. Иорданского заключается в том, что унификация семантики дв. ч. происходит ещё в дописьменный период, а утрата флексий дв. ч. отражается уже в ранних памятниках письменности. Наше исследование позволяет пересмотреть этот тезис и заключить, что процесс утраты дв. ч. следует признать достаточно поздним, выходящим за традиционные рамки древнерусского языка. Так, О. Ф. Жолобов, на примере малого количественного указал, что утрата дуальной семантики, которая выражалась грамматически, происходит лишь в XVII в.: «В XVII в. распространился новый малый количественный типа *два, три, четыре года*. Таким образом, *только в этот период произошла утрата грамматического значения двойственности* (курсив наш. — Д. К.)» (Zholobov 1998: 34). Анализ показал, что при преобладающем традиционном употреблении дуальных форм возможны спорадические замены в согласованных словах, что может свидетельствовать о дальнейшей тенденции к повсеместной утрате двойственного числа в различных структурных группах.

Литература

- Blinova, E. D. 1963: *Dvoystvennoe chislo sushchestvitel'nyh v istorii belorusskogo yazyka*. Diss. ... kand. filol. nauk: [The dual number of nouns in the history of the Belarusian language. PhD diss in Philology]. Minsk.
- Блинова, Э. Д. 1963: *Двойственное число существительных в истории белорусского языка*. Дисс. канд. филол. наук. Минск.
- Gorshkova, K. V., Khaburgaev, G. A. 1981: *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow: Vysshaya shkola.
- Горшкова, К. В., Хабургаев, Г. А. 1981: *Историческая грамматика русского языка*. М.: Высшая школа.
- Iordanidi, S. I. 1995: Sushchestvitel'noe [Noun]. In: *Drevnerusskaya grammatika XII–XIII vv.* [Old Russian Grammar of XII–XIII centuries]. Moscow: Nauka, 170–294.
- Иорданиди, С. И. Существительное. В кн.: *Древнерусская грамматика XII–XIII вв.* М.: Наука, 170–294.
- Iordansky, A. M. 1960: *Istoriya dvoystvennogo chisla v russkom yazyke* [The history of the dual number in the Russian language]. Vladimir.
- Иорданский, А. М. 1960: *История двойственного числа в русском языке*. Владимир.

- Khaburgaev, G. A. 1990: *Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka. Imena* [Essays on the Historical Morphology of the Russian Language. Nouns]. Moscow: MGU.
- Хабургаев, Г. А. *Очерки исторической морфологии русского языка. Имена*. Москва: МГУ.
- Kolesov, V. V. 2010: *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. St. Petersburg: SPbHU.
- Колесов, В. В. 2010: *Историческая грамматика русского языка*. St. Petersburg: СПбГУ.
- Krys'ko, V. B. 2020: *Dъvoi čepi: k istorii slavyanskikh sobiratel'nyh chislitel'nyh* [Dъvoi čepi: On the history of slavic collective numerals]. In: *Voprosy Yazykoznaniya*. Moscow: RAN, 55–69.
- Крысько, В. Б., 2020: *Дъвои чепи: к истории славянских собирательных числительных*. Вопросы языкознания. М.: РАН, 55–69.
- Likhacheva, O. P. 1997: *Galitsko-Volynskaya letopis': Podgotovka teksta, perevod i kommentarii* [Galicia-Volyn Chronicle: Text preparation, translation and commentary]. In: *Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 5: XIII vek*. St. Petersburg: Nauka.
- Лихачева О. П., 1997: *Галицко-Волынская летопись: Подготовка текста, перевод и комментарии*. В кн.: *Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5: XIII век*. СПб.: Наука.
- NCRL: *Natsionalny korpus russkogo yazyka* [National Corpus of Russian Language [elektronny resurs]: <https://ruscorpora.ru/>].
Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]: <https://ruscorpora.ru/>.
- PSRL 1998: *Polnoe Sobranie Russkikh Letopisej. T. 2: Ipat'yevskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 2: Ypatyev chronicle]. Moscow.
- Полное собрание русских летописей: Ипатьевская летопись. Т 2. М.
- US 1971: *Uspenskij sbornik XII–XIII vv.* [The Uspenskij Codex]. Moscow: Nauka, 42–58.
- Успенский сборник XII–XIII вв.* 1971. М.: Наука, 42–58.
- Vaillant, A. 1952: *Rukovodstvo po staroslavjanskemu yazyku* [Guide to the Old Church Slavonic]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury.
- Вайан А. 1952: *Руководство по старославянскому языку*. М.: Издательство иностранной литературы.
- Yakubinsky, L. P. 2021: *Istoriya drevnerusskogo yazyka* [The history of the Old Russian language]. Moscow: LENAND.
- Якубинский, Л. П. 2021: *История древнерусского языка*. Москва: ЛЕНАНД.
- Yuryeva, I. S. 2013: *Nekotorye osobennosti sintaksisa, morfologii i leksiki tak nazyvamoj Galicko-Volynskoj letopisi* [Some features of

- syntax, morphology and vocabulary so named by the Galicia-Volyn cronicle]. In: *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo literaturnogo yazyka*. Moscow: Drevlekhranilishche, 135–151.
- Юрьева, И. С. 2013: *Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики так называемой Галицко-Волынской летописи*. В кн.: *Лингвистическое источниковедение и история русского литературного языка*. М.: Древлехранилище, 135–151.
- Zholobov, O. F. 1997: *Drevnerusskoe dvojstvennoe chislo v obshcheslavjanskom kontekste* [The Old Russian dual number in the Proto-Slavic context]. Kazan: UNIPRESS.
- Жолобов, О. Ф. 1997: *Древнерусское двойственное число в общеславянском контексте*. Казань: УНИПРЕСС.
- Zholobov, O. F. 1998: *Istoriya dvojstvennogo chisla i kvantitativnyh konstrukcij v russkom yazyke*. Diss. ... doct. filol. nauk: [The history of the dual number and quantitative constructions in the Russian language. PhD in Philology]. Moscow.
- Жолобов, О. Ф. 1998: *История двойственного числа и количественных конструкций в русском языке*. Дисс. ... доктора филол. наук. М.
- Zholobov, O. F., Krys'ko, V. B. 2001: *Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka. T. II: Dvojstvennoe chislo* [Historical grammar of the Old Russian language. T. II.: Dual number]. Moscow: Azbukovnik.
- Жолобов, О. Ф., Крысько, В. Б. 2001: *Историческая грамматика древнерусского языка. Т. II. Двойственное число*. М.: Азбуковник.
- Zholobov, O. F., Krys'ko, V. B. 2006: *Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka. T. IV: CHislitel'nye* [Historical grammar of the Old Russian language. T. IV.: Numerals]. Moscow: Azbukovnik.
- Жолобов, О. Ф., Крысько, В. Б. 2006: *Историческая грамматика древнерусского языка. Т. IV. Числительные*. М.: Азбуковник.

А. В. Каргальцев
РГПУ им. А. И. Герцена
akargaltsev@ Herzen.spb.ru

«СТРАСТИ СВЯТОЙ САЛЬСЫ»: ИСТОРИЧЕСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ПАМЯТНИКА

Статья посвящена истории изучения, особенностям содержания и историческому окружению одного из памятников так называемого «мавретанского цикла» — «Страстям Святой Сальсы» (BHL 7467). Это в значительной степени исторически недостоверный рассказ о страстях христианской мученицы в эпоху Великого гонения Диоклетиана, который, тем не менее, содержит множество ценных сведений о характере проповеди и жизни церкви в римской Северной Африке на рубеже IV–V вв., включая полемику с донатистами, а также сообщает о восстании Фирма (272–275 гг.).

Ключевые слова: агиография, мученики, Римская империя, Северная Африка, раннее христианство.

A. V. Kargaltsev
Herzen State Pedagogical University of Russia
akargaltsev@ Herzen.spb.ru

The Passion of Saint Salsa: historical surroundings and literary specifics of the monument

The article is devoted to the study of «The Passion of Saint Salsa» (BHL 7467), a specific monument of Christian hagiography of the late Roman Empire. The text recounts the tale of a fourteen-year-old girl from a noble family who, having been baptized, severed the head of a dragon idol during a pagan sacrifice, the latter being described as a disgusting scene of drunkenness and debauchery. After that angry pagan killed the girl and throw her body into the sea. However, her body was discovered solemnly buried in the city of Tipasa. Salsa became the patron saint of the city and protected it from barbarians during the revolt of Firmus (272–275). This story formed the basis of the local cult of Saint Salsa in Tipasa, in whose honor a magnificent basilica was erected. Archaeological excavations in Tipasa revealed inscriptions in honor of the saint and her burial. The Passion of Saint Salsa was composed at the turn of the 4th and 5th centuries, along with descriptions of the deeds of other saints of Mauretania Caesarea. Although the original Salsa is believed to have suffered during

the Great Persecution, there is no reference in the text to the age of Diocletian. On the contrary, the girl's action suggests the activities of radical Donatists who actively fought against pagan cults in North Africa. It is hypothesised that the compilation of the so-called Mauretanian cycle of martyrdom was an attempt to reconcile Catholics and Donatists, explaining the actions of the latter by righteous faith. The Passion of Saint Salsa is a classic hagiographic construct typical of late hagiographic literature, in which elements of the plot are reiterated in several texts. The Passion contains valuable information about the life and teachings of the early fifth-century church: the glorification of monasticism and virginity, the active struggle against pagan cults, the practice of venerating saints and the need to pray to them, and elements of anti-Semitism. Also, the Passion is a valuable source for the uprising Firmus (272–275, who besieged Tipasa with his army.

Keywords: hagiography, martyrs, Roman Empire, North Africa, earlier Christianity

«Страсти Святой Сальсы» (далее — «Страсти») (*Passio Sanctae Salsae*, BHL 7467) — агиографический памятник, относящийся к так называемому «мавретанскому циклу», группе сочинений, составленных, вероятно, на рубеже IV–V вв. и прославляющий христианских святых, пострадавших в римской Кесарейской Мавретании в эпоху гонений на церковь¹. История исследования всех «мавретанских» памятников в целом схожа, будучи неплохо изученными в начале XX в. (Monceaux 1905: 164–168; Grégoire 1937: 213–224), они долгое пребывали в забвении из-за своей исторической ненадежности, хотя и привлекались отдельными учеными, поскольку, например, «Страсти Святой Сальсы» содержали достоверное упоминание о восстании Фирма в Африке (272–275 гг.). В свое время В. Саксер вслед за И. Делае ввел в научный оборот такое понятие как «эпические мученичества» (*les passions épiques*) для обозначения источников, которые «имеют в значительной степени вымышленное или, по крайней мере, смешанное содержание и, следовательно, вызывают подозрения в их исторической достоверности» (Saxer 1991: 324–326). Ситуация изменилась лишь несколько десятилетий назад, когда в 2002 г. А. М. Пиредда подготовила новое критическое издание сохранившихся рукописей памятника,

¹ Подробнее о составе памятников «Мавретанского цикла» и их особенностях см.: Kargaltsev 2024: 737.

снабдив его подробнейшим исследованием (Piredda 2002), а в 2015 г. вышла коллективная монография группы ученых под руководством С. Фиалон, посвященная изучению различных аспектов «Страстей» (Fialon, Meyers 2015). С этого времени памятник вновь вошел в научный оборот, что нашло отражение в том числе и в отечественной историографии (Mamontov 2021: 226–227). В данном случае важно не то, что поменялось отношение к малодостоверной истории страстей христианской героини, но то, что этот источник стали привлекать для освещения церковной проблематики только в IV–V вв. (Lanégy 2015: 109).

В научной литературе продолжается дискуссия по поводу целостности корпуса «мавретанской» агиографии, в частности небезосновательно высказывается точка зрения, что эти произведения могли принадлежать одному автору или редактору (Fialon 2014: 128). Хотя с точки зрения стилистики языка существуют заметные различия во всех произведениях корпуса, однако их объединяет, как будет показано ниже, повторяемость частей сюжета, а также круг проблем, которые пытается охватить автор своей проповедью, переданной от лица мучеников. Схожа и технология написания сочинений: автор на месте знакомится с традицией почитания мучеников, что отражено в довольно пространственных и при этом точных географических наблюдениях, сделанных на месте событий. Во всяком случае, теория одного автора, переезжающего с места на место, кажется нам более вероятной, чем гипотеза, что каждый из памятников «мавретанского цикла» был написан в разных городах (Piredda 2002: 41). В «Страстях» отдельный раздел посвящен описанию топографии Типасы (*Pass. Sals.*, 3), не менее подробными и точными предстают картины окрестностей города во время его осады войсками Фирма (*Pass. Sals.*, 13).

Автор даже не пытается связать свой рассказ с конкретными антихристианскими гонениями, нет характерных для ранней агиографии перечислений имен императоров и их эдиктов, упоминаний о гонениях или точных хронологических указаний. По форме «Страсти» напоминают скорее панегирик. Ряд исследователей полагает, что весь корпус создавался, чтобы читаться как проповедь в дни памянования мучеников, о чем прямо говорится в тексте, однако столь масштабная работа по увековечиванию памяти одновременно нескольких христиан-

ских героев Мавретании требовала серьезного повода (Lanéry 2015: 111).

Параллельно с исследованием текста существует обширная традиция изучения археологически памятников Типасы. Впервые их подробное описание сделал С. Гзель (Gsell 1894), а настоящему времени наиболее полный отчет содержится в статье С. Ланселя (Lancel 1982: 739–786). Название города имеет, очевидно семитское происхождение, аналогичные топонимы встречаются в других регионах Средиземноморья, в том числе в Нумидии (Neurgon 1930: 182–201; Lassère 2015: 15). Тимасы возникли в V в. до н. э. и представляли собой небольшую финикийскую торговую факторию в одном переходе, то есть на расстоянии примерно тридцати километров от Иола, переименованного Юбой II в Кесарию Мавретанскую. К началу V в. город обладал уже двумя крупными базиликами. Первая располагалась непосредственно в центре города внутри городских стен и была построена в конце IV в. епископом Александром и стала местом его упокоения (Urbanovich 2015: 17). Именно в этом месте ранее располагался языческий храм, на что и указывает сам автор «Страстей». Вторая, получившая название в честь Святой Сальсы, расположена чуть восточнее по побережью на месте городского некрополя, существовавшего еще с пунических времен (Duval 1982: 698).

Исследователи считают, что она была построена примерно в то же время, что и базилика Александра, а в период владычества вандалов была значительно перестроена и расширена. Таким образом, автор вполне достоверно передает ту часть истории, когда рассказывает о попытке Фирма помолиться на месте погребения святой. Вероятно, эти архитектурные памятники, дополненные надписями, и были единственными достоверными сведениями, которыми располагал автор. И если память о восстании Фирма еще сохранялась среди местных жителей, то история Сальсы, очевидно, приобрела легендарный характер. В западной части базилики перед апсидой на полу была обнаружена мозаика, содержащая надпись в честь святой с такими словами: «*Martyr hic est Salsa dulcior nectare semper, quae meruit caelo semper habitare beata*» (Piredda 2002: 10–11). Чуть далее содержится погребение, которое, очевидно, и почиталось как место упокоения Сальсы.

В научной литературе идет дискуссия, было ли это действительно христианское захоронение, или оно принадлежало язычнице, или даже одноименной христианке, выступившей покровительницей строительства базилики на могиле святой (Piredda 2002: 12–14). В рамках нашего исследования достаточно констатировать существование в городе культа Сальсы, который, несомненно, восходил к реальной христианской мученице, возможно, действительно пострадавшей при Диоклетиане (хотя подлинных свидетельств об этом не было уже к концу IV в.). Сальса дважды упоминается в «Мартирологе Иеронима» 10 мая и 10 октября (Monceaux 1905: 164). Эта путаница, как и в случае с Марцианой, вполне могла возникнуть при переносе мощей святой в Испанию (Kargaltsev 2024: 738). Как отмечает в своей диссертации А. ван ден Бош, существование в Африке локальных мучеников, культ которых не распространялся далеко за пределами родного города, было довольно типичным явлением (Bosch 2023: 70).

Что касается времени создания памятника, то имеются прямые свидетельства, на основании которых датируются сочинения всего «Мавретанского цикла». Во-первых, в тексте упоминается восстание Фирма, который со своей армией в 272–273 гг. опустошил Кесарию Мавретанскую² и осаждал Типасу, о чем говорится в заключительной части «Страстей» (*Pass. Sals.*, 13). Во-вторых, в памятнике нет свидетельств о разрушительном вторжении вандалов в 429 г. (Piredda 2002: 37). Мы продолжаем придерживаться той точки зрения, что общей целью создания «Мавретанского цикла» было прославление мучеников, которые почитались не только кафоликами, но и донатистами с целью примирения с последними накануне Карфагенского собора 411 г. или, напротив, попыткой привлечь на свою сторону население городов, поддерживающих раскол, сразу после собора (Kargaltsev 2024: 743).

Забегая вперед, можно отметить, что повествование представляет собой своеобразный конструктор, элементы которого повторяются в других памятниках позднеантичной африкан-

² Как сообщает Аммиан Марцелин, когда Феодосий со своей армией вступил в город, то «его взорам представилось зрелище страшного пожарища и торчащие повсюду камни, поросшие мхом» (Amm. Marc. XXIX, 5, 18).

ской агиографии. Задача автора, как представляется, заключается отнюдь не в стремлении реконструировать жизнеописание подлинной христианской героини, напротив, он стремится распространить и популяризировать культ Сальсы в том виде, как он сложился в Типасе к концу IV в.³ Отсюда помимо традиционной для данного жанра похвалы мученичеству присутствуют и многие другие черты, не характерные для ранней агиографии. Во-первых, автор указывает на обязанность верующих почитать святых, во-вторых, подчеркивает не уступающий мужскому героизм женщин-мучениц (*Pass. Sals.*, 1). Главная героиня произведения — четырнадцатилетняя девушка Сальса, которая происходит из знатной языческой семьи, очевидно, получила хорошее образование; при этом она крещена, девственна и желает посвятить себя Христу⁴. В отличие от Марцианы (*Pass. Marcian.*, 2), в житии которой намеренно подчеркнута внешняя непривлекательность девушки, и противопоставляется ее нравственная чистота телесной красоте (Fialon 2023: 66–67)⁵. Как замечает А. М. Пиредда, речь может идти о формировании в это время женских иконографических типов: красавиц, посвятивших себя монашеской аскезе, и совсем юных дев, прекрасных своей искренней верой (Piredda 2002: 8). Действительно, схожее описание мы находим в сопоставимом по времени созданию «Мученичестве Максимы, Секунды и Донатиллы», где двенадцатилетняя Секунда избирает мученичество, хотя к ней «много раз сватались, но она всем отказала, поскольку любила одного Бога» (*Pass. Max.*, 4) (Kargaltsev 2014: 461). Девушка в сопровождении «нечестивых родителей» (*infausti parentes*)

³ *Communicemus ergo uota cum sanctis, quorum a nobis celebranda memoria est sancta et per omnia uenerabilis* (*Pass. Sals.*, 1).

⁴ *Abiciens retro quod habuit ex natura, adepta est quod censebatur ex gratia, et renata Deo per baptismum, respuit illud quod originis suae importabat elogium, ut moriens saeculo uiueret caelo et uinceret in Christo* (*Pass. Sals.*, 2).

⁵ *Nam de corporis eius forma interea nihil dico: quae etsi fuit, ut perhibetur, egregia, utpote quae fuerat sanctimoniae consecrata, non est adeo in hoc dumtaxat praedicatione laudanda; in Dei enim rebus non membrorum uenustas adtenditur, sed morum pulchritudo laudatur* (*Pass. Sals.*, 2).

отправляется совершать языческие жертвоприношения в капище дракона.

Появление этого мифологического существа в повествовании заслуживает отдельного внимания. Как справедливо отмечают исследователи, автор текста не дает никакого герменевтического пояснения, очевидно, полагая, что фигура дракона понятна его аудитории (Hamdoune, Chalon 2015: 53–54). Ряд ученых склонен видеть здесь аллюзию на «Страсти Перпетуи», в которых главная героиня в своем видении попирает змея, лежащего под лестницей, ведущей к небу (*Pass. Perp.*, 4, 4; ср.: Откр. 12:9; Herm. Vis., 4, 1, 16) (Ogden 2021: 252–255; Bosch 2023: 85). Круг героинь, в том числе христианских, побеждающих чудовищ и дьявола необычайно широк. В своей речи перед языческой аудиторией Сальса требует испытания, то есть предлагает дракону самому покарать ее. Здесь нельзя не обнаружить хорошее знание библейского текста, где после разрушения Гедеоном жертвенника Ваалу, его отец Иоас спасает сына от расправы, требуя Ваалу самому судиться с ним (Суд. 6:32). Поскольку Типаса являлась старым пунийским городом, можно предположить, что под драконом следует понимать финикийского Дагона. В этом случае появление дракона или дьявола в качестве главного языческого божества города перестает выглядеть фантастическим. В начале V в. среди местного населения вполне могла сохраниться память о прежних религиозных традициях Типасы, которая таким образом была творчески переработана автором «Страстей».

Далее он дает весьма гротескное описание происходящего: стены храма украшены драпировками и лавровыми ветвями, языческие жрецы предстают в пышных одеяниях, на алтарях горят жертвы и благовония, звучат лиры и кифары, все действие сопровождается «отвратительными танцами» (*Pass. Sals.*, 4). Нельзя не отметить, что, несмотря сохранившиеся в это время в Африке элементы языческой религиозности, которые могли быть известны современникам, автор явно не стремится описать церемонию с исторической достоверностью, намеренно и гротескно искажая поведение людей: одни валялись, опьянённые вином, другие истязали себя, третьи кружились, залитые кровью (*Pass. Sals.*, 4).

В разгар всего этого действия Сальса произносит речь, в которой можно обнаружить черты зрелой христианской

проповеди: существует только один Бог, который сотворил небо и землю, иды — это творения рук человеческих, наконец, дракон не может защитить сам себя и поэтому девушка готова с ним сразиться (*Pass. Sals.*, 5). Столь богатая по содержанию речь, предполагающая знакомство с предшествующей христианской апологетической традицией, очевидно и не требует исторической достоверности.

Характерной чертой позднеантичной агиографии является наделение героев исключительными чертами, недоступными рядовому верующему (как, например, происходящие с ними чудеса, или в данном случае уникальное для отроковицы красноречие и знакомство с содержанием христианской апологетики). Именно это и делает мученический подвиг подвигом, то есть явлением, недоступным для рядового верующего. Наконец, когда участники церемонии уже были пьяны, «не сколько от вина, сколько от нечестия», и «одних рвало, а другие храпели», Сальса, помолившись, подобно святой вдове Юдифи и Даниилу, «убившему дракона вавилонского» (*Pass. Sals.*, 6), оторвала золотую голову идола и выбросила в море (*Pass. Sals.*, 7). Здесь мы видим буквальное повторение сюжета, описанного в «Страстях Марциана», где хрупкая девушка руками разбивала на куски статую Дианы (*Pass. Marcian.*, 3, 2–5). То есть христианский подвиг героини заключается не исповедании веры в период гонений, как это и было в доконстантиновскую эпоху, а в результате борьбы с языческими культами.

Здесь нельзя не заметить параллель с деятельностью радикального крыла донатистов в Африке. В данном случае прославление христианской героини призвано примирить верующих с проявлениями христианского вандализма и объяснить эти деяния искренней верой, духовной чистотой и святостью перед лицом омерзительного язычества. Сальса, набравшись смелости, готовая к мученичеству объявляет о своем поступке проснувшимся язычникам, и те с яростью набросились на нее, убили и выбросили ее безжизненное тело в море (*Pass. Sals.*, 7).

Здесь мы вновь обнаруживаем сюжет характерный для памятников «Мавретанского цикла». Подобным же образом посмертная судьба мученика описана в «Мученичестве Вексилария Фабия», который за надругательство над воинским значком, был приговорен к смерти, и чтобы избежать его

последующего прославления как христианского святого, тело его по частям было выброшено в море (*Pass. Fab.*, 9). Позднее в обоих случаях тела героев были чудесным образом обнаружены.

В «Страстях» случайный мореплаватель Сатурнин, которого застает буря на море, видит пророческий сон о том, что под днищем его корабля покоится тело Сальсы (*Pass. Sals.*, 12). Тело торжественно хоронят, а на месте погребения появляется базилика в честь святой, которую и осматривает автор произведения, и далее героиня становится святой покровительницей и защитницей Типасы во время осады города Фирмом (*Pass. Sals.*, 13). Как справедливо полагает А. Л. Мамонтов, здесь чудо, совершенное Сальсой, заставившей узурпатора снять осаду с города, также может рассматриваться в контексте полемики с донатистами: не самая безупречная святая выступает на стороне кафоликов (Mamontov 2021: 227).

В «Страстях» есть детали, которые перекликаются с другими сочинениями цикла, однако не получают развития в силу отсутствия для этого исторической фактуры. Так, при описании храма дракона говорится, что на месте этого языческого капища позднее дьявол воздвиг синагогу иудеев, а только потом там появился христианский храм⁶. Ряд исследователей действительно полагает, что городская синагога была позднее освящена как христианский храм, однако в нашем тексте этот сюжет упоминается лишь однажды, и будь у автора больше оснований развить этот сюжет, мы бы, вероятно, увидели бы развернутый рассказ о кознях иудеев против местных верующих, как это нашло отражение в «Страстях Марцианы» (Kargaltsev 2024: 742–743). Вновь заметим, что христианский автор начала V в. находится к крайне уязвимом положении, с одной стороны необходимо прославить христианских мучеников, пострадавших в период гонений, с другой стороны, вспоминать о том, что именно римские императоры были гонителями Церкви, тем более в Кесарейской Мавретании, где Феодосий Старший, отец будущего императора Феодосия. спас местное

⁶ Ubi enim dudum templa fuerant instituta gentilium, postmodum ibidem diabolus synagogam constituit Iudaeorum; sed nunc meliore vice migravit ad Christum, ut in loco in quo gemina regnabant ante sacrilegia, nunc in honore martyris triumphet Ecclesia (*Pass. Sals.*, 3).

население от «варваров» Фирма, совсем несвоевременно. Думается этим отчасти и объясняется литературная обработка страстей мучеников, которая заменяет подлинную историю гонений. Иудеи же в этой связи идеально подходят на роль главных врагов христиан. И хотя никаких археологических следов их пребывания в Типасе обнаружено не было, они пусть и фрагментарно упоминаются в тексте (Lander 2013: 414).

Подводя итог, можно заключить, что перед нами очень сложный по структуре памятник начала V в., который создает новые традиции христианской идентичности, переосмысляет отношения церкви и государства и в этом отношении является полезным источником по истории Церкви в позднеантичный период.

Литература

- Bosch, A. van den., 2023: *Creating the Female Martyr in Late Antique North Africa*. Exeter: University of Exeter.
- Duval, Y. 1982: *Loca Sanctorum Afticae. Le culte des martyrs en Aftique du IV^e au VII^e siècle*. T.2. Rome: École française de Rome.
- Fialon, S. 2014: Y a-t-il une Africitas? Une analyse statistique et quantitative de trois passions de Maurétanie Césarienne. In: *Les Études classiques* 82, 125–181.
- Fialon, S., Meyers, J. (ed.) 2015: *La «Passio sanctae Salsae» (BHL 7467). Recherches sur une passion tardive d'Afrique du Nord*. Bordeaux: Ausonius.
- Fialon, S. 2023: Rhétorique de l'éloge et construction des modèles de sainteté dans l'hagiographie africaine (II^e–VI^e siècles). In: *Constructing Saints in Greek and Latin Hagiography: Heroes and Heroines in Late Antique and Medieval Narrative*. Turnhout: Brepols, 57–78.
- Grégoire, H. 1937. Sainte Salsa, roman épigraphique. In: *Byzantion*, 12: 213–224.
- Gsell, S. 1894. Tipasa, ville de la Maurétanie Césarienne. In: *Mélanges d'archéologie et d'histoire* 14, 291–450.
- Hamdoune, C., Chalon, M. 2015: Salsa et le dragon: fondements historiques et reconstruction hagiographique. In: *La Passio sanctae Salsae (BHL 7467). Recherches sur une passion tardive d'Afrique du Nord*. Bordeaux: Ausonius, 53–73.
- Heurgon, J. 1930: Nouvelles recherches à Tipasa, ville de la Maurétanie césarienne. In: *Mélanges d'archéologie et d'histoire*, 47, 182–201.
- Kargaltsev, A. V. 2014 «Muchenichestvo Svyatyh Maksimy, Sekundy i Donatilly» [Passio Sanctorum Maximae, Secundae et Donatillae]. In: *Mnemon* 13, 455–464.

- Каргальцев, А. В. 2014: Мученичество Святых Максимы, Секунды и Донатиллы. В сб.: Мнемон 13, 455–464.
- Kargaltsev, A. V. 2024: «Strasti svyatooy martsiany»: literaturnaya i istoricheskaya spetsifika [The Passion of Saint Marciana: literary and historical peculiarities]. In: Kazanskiy, N. N. (ed.) *Indoevropeyskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya XXVIII* (1), Saint Petersburg, ILI RAN, 736–744.
- Каргальцев, А. В. 2024: «Страсти святой марцианы»: литературная и историческая специфика. В сб.: *Индоевропейское языкознание и классическая филология-XXVIII* (1). СПб.: ИЛИ РАН, 736–744.
- Lander, S. L. 2013: Inventing Synagogue Conversion: The Case of Late Roman North Africa. In: *Journal of Ancient Judaism* 4(3), 401–416.
- Lanéry, C. 2015: Note d'hagiographie africaine: les Passions de Salsa de Tipasa et de Marcienne de Césarée. In: *La Passio sanctae Salsae (BHL 7467). Recherches sur une passion tardive d'Afrique du Nord*. Bordeaux: Ausonius, 109–131.
- Lancel, S. 1982: Tipasa de Maurétanie: histoire et archéologie I. État des questions des origines préromaines à la fin du III^e siècle. In: *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*, II/2, 739–786.
- Lassère, J.-M. 2015: Tipasa et Salsa. In: *La Passio sanctae Salsae (BHL 7467). Recherches sur une passion tardive d'Afrique du Nord*. Bordeaux: Ausonius, 15–25.
- Mamontov, A. L. 2021: Donatisty i afrikanskije vosstaniya vtoroy poloviny IV v. [The Donatists and the African uprisings of the second half of the 4th century]. In: *Religiya. Tserkov'. Obshchestvo. Issledovaniya i publikatsii po teologii i religii* 10, 222–237.
- Мамонтов, А. Л. 2021: Донатисты и африканские восстания второй половины IV в. В сб.: *Религия. Церковь. Общество: Исследования и публикации по теологии и религии* 10, 222–237.
- Monceaux, P. 1905: *Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne depuis les origines jusqu'à l'invasion arabe*. T. 3. Paris: E. Leroux.
- Ogden, D. 2021: *The Dragon in the West: From Ancient Myth to Modern Legend*. Oxford: Oxford University Press.
- Piredda, A. M. (ed.) 2002: *Passio Sanctae Salsae: testo critico con introduzione e traduzione italiana*. Sassari: Edizioni Gallizzi.
- Saxer, V. 1991: Aspects de la typologie martyriale. Récits, portrait et personnages. In: *Les fonctions des saints dans le monde occidental (III^e-XIII^e siècle) Actes du colloque de Rome (27-29 octobre 1988)*. Rome: École Française de Rome, 321–331.
- Urbanovich, G. 2015: Osobennosti stanovleniya severoafrikanskoy rannekhristskoy arkhitektury (IV–V vv.) v svyazi s traditsiyey pominiy i pochitaniya muchenikov [Features of the North African early Christian architecture (4th–5th centuries) in connection

with the tradition of remembrance and veneration of the martyrs]. In: *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya V: Voprosi istorii i teorii hristianskogo iskusstva*, 19, 7–26 (in Russian).

Урбанович, Ю. Я. 2015: Особенности становления северо-африканской раннехристианской архитектуры (IV–V вв.) в связи с традицией поминания и почитания мучеников. В сб.: *Вестник ПСТГУ. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства* 3 (19), 7–26.

К. Ф. Карлова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.
kseniadom87@mail.ru

ОБРАЗ ВСАДНИКА, УБИВАЮЩЕГО ДЕМОНИЧЕСКОГО ВРАГА, В ПОЗДНЕРИМСКИЙ ПЕРИОД

В статье рассматриваются возможные истоки иконографии всадника-копьемосца, поражающего врага, в позднеримский период. К этому времени относится появление в сиро-палестинском регионе магических защитных амулетов с изображением всадника, пронзающего копьем демона в женском облике, а с ранневизантийского времени — змею. Анализ иконографии позволяет предположить, что этот образ мог быть привнесен из Древнего Египта, где сюжет о поражении копьем врага, олицетворяющего злые силы, был традиционным. В IV в. под влиянием античной традиции в Египте получает повсеместное распространение образ божественного всадника с копьем, который повергает врагов, в том числе змея. Из Египта змееборческий мотив мог распространиться и в соседние регионы, поскольку на некоторых магических амулетах антропоморфный всадник пронзает копьем змею или дракона.

Ключевые слова: всадник, Соломон, амулет, демоница, Хор, Сет, змееборец.

K. F. Karlova

Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia.
kseniadom87@mail.ru

The image of a horseman slaying a demonic enemy in the late Roman period

The article explores the possible origins of the iconography of the rider defeating the enemy in the late Roman period. This is the time of the appearance of magical protective amulets in the Syro-Palestinian region with the image of a horseman piercing with a spear a demon in a female form, which in the early Byzantine period could be replaced by a serpent. An analysis of the iconography indicates that this image may have originated from ancient Egypt, where the plot of defeating an adversary who personified evil forces was traditional. In the 4th century, under the influence of Roman tradition, Egyptian deities who killed enemies began to be depicted as horsemen. From Egypt, the serpent-fighting motif may have spread to neighbouring regions, since some magical amulets depict an anthropomorphic horseman piercing a snake or dragon with a spear.

Keywords: horseman, Solomon, amulet, demoness, Horus, Seth, serpent-bearer.

В позднеримское время (III–IV вв. н. э.) большое распространение получает образ всадника, который поражает копьем врага, олицетворяющего злые силы. По большей части он известен на территории Египта, Сирии и Палестины, в отдельных случаях — в самой Римской империи. Особый интерес представляют магические геммы, на которых изображен всадник, часто в нимбе, пронзающий копьем женскую фигуру, — демоницу, воздевающую в защитном жесте руки или распростертую на земле. Этот иконографический сюжет широко тиражировался на геммах позднеримского и ранневизантийского времени. Предметы с такого рода изображениями были подробно рассмотрены Г. Шлюмберже и впервые систематически опубликованы К. Боннером, который обозначает их термином «амулеты» (Schlumberger 1892; Bonner 1950; см. также Delatte, Derchain 1964; Michel 2001; Mastrocinque 2014). Это большая категория артефактов, куда входили предметы глиптики, бронзовые подвески-кулоны, браслеты-амулеты, медальоны-печати, которые первоначально производились преимущественно в сиро-палестинском регионе (Spier 1993: 60–61), но впоследствии появились и в других местах, населенных христианами (Khairedinova 2014; Khairedinova 2022). Толчком для распространения этого сюжета стало увлечение демонологией с изучением магических приемов, чтобы противостоять демонам, связанным с болезнями и дурным глазом (*oculus invidiosus*). Одним из них было ношение амулетов из специальных материалов, считавшихся лечебными, на которых выгравировывались заклинания или определенные знаки (Walter 1989–1990: 34). Например, защитными функциями обладали имена ΙΑΩ САΒΑΩ ΜΓΧΑΝΑ ΓΑΒΡΙΗΛ (Иао, Саваоф, Михаил, Гавриил), помещаемые на реверсах амулетов.

Наиболее ранними типами гемм с всадником являются те, на которых представлен царь Соломон — их часто обозначают как ΣΦΡΑΓΙΣ ΘΕΟΥ («печать бога») (рис.1). Эти геммы происходят из Сирии и Палестины III–IV вв. н. э. (Walter 2003: 36; Bank 1956: 333–334). Соломон традиционно считался целителем и уничтожал болезни, предстающие в образах демонов, о чем сообщает Иосий Флавий в «Иудейских древностях» (VIII, 2). Согласно магическому трактату «Завещание Соломона», известному в средневековой обработке, но восходящему, возможно, к рубежу эр (Lyavdansky 2017: 73–74), Соломон получил

через архангела Михаила печать от бога, с помощью которой можно сдерживать демонические силы. В нем перед Соломоном предстает демоница по имени Абизу, которая вредит беременным женщинам и убивает младенцев. Абизу в «Завещании Соломона» — это только одно из имен демона в женском обличье. О себе она говорит, как о неистовом духе с мириадами имен и форм (Conybeare 1898: 30). В средиземноморском регионе зловредные демоницы известны также под именами Лилит в иудейской традиции, Алабасдрия в коптском Египте, Гилу в Византии (Bonner 1950: 210). В более поздней традиции имя «Абизу» считалось одним из обозначений демоницы Гилу, которая имела двенадцать с половиной имен (Perdrizet 1922: 19–20). Помимо названных выше имен демоницам присваивались и многие другие, которые указывали на их связь со средиземноморскими богинями неба, луны, моря, земли и подземного мира (Fauth 1999: 413). Было необходимо назвать все имена демонов, поскольку их произнесение лишало зловредных существ сил.



Рис. 1. Инталия с изображением Соломона, пронзающего копьем демоницу. На реверсе надпись: «печать бога». Кабинет медалей Национальной библиотеки Франции. По: Mastrocinque 2014: 190, no. 522.

Fig. 1: Intaglio with the image of Solomon piercing a demoness with a spear. The reverse bears the inscription: 'seal of god'. Museum of the Bibliothèque nationale de France. By: Mastrocinque 2014: 190, no. 522

Помимо Соломона на амулетах мог изображаться всадник, обозначающийся как «единственный бог, побеждающий зло», а также святой Сисиний, известный, в том числе, как противник демоницы Гилу. В некоторых случаях всадник остается безымянным. На амулетах, относящихся к ранневизантийскому периоду, образ антропоморфной демоницы иногда заменяет змея / дракона (Bonner 1950: no. 327; Walter 1989–1990: 38, fig. 6; Michel 2001: 279, no. 450) или демон с головой женщины и туловищем животного (Bonner 1950: no. 324). Могут различаться и другие детали — менялось одеяние всадника, варьировались магические формулы и имена. Всадника часто сопровождает лев, который в этих случаях изображается под поверженной женской фигурой, иногда — над ней. На некоторых амулетах сцена повержения демона окантовывается уроборосом — важнейшим атрибутом магических гемм (Bonner 1950: pl. XIV, fig. 296–297). Между лицом всадника и головой лошади часто помещается шестиконечная или восьмиконечная звезда. На некоторых амулетах уже в IV в. появляется христианская символика, а апотропейные черты, приписываемые Соломону, распространяются на святых всадников (Walter 1989–1990: 38, 41; Bonner 1942: 468), которые появляются на амулетах с конца V в. На амулетах византийского периода копье всадника увенчивается крестом, иногда его сопровождает ангел. В связи с тем, что амулеты предназначались, в частности, для защиты от сглаза, на реверсах многих из них изображен дурной глаз, утыканный кинжалами. Рядом с ним помещены апотропейные животные — два льва, ибис, скорпион и змея (Bonner 1950: pl. XIV, fig. 299; pl. XV, fig. 300–301, 303). Отметим, что змея могла восприниматься двояко — как благая или же как враждебная сила. Такое восприятие змеи характерно, в том числе, для древнеегипетской мифологии. В некоторых случаях под дурным глазом и животными помещается фигура поверженной демоницы (Schlumberger 1892: 74). Сцена убийства всадником демоницы единожды зафиксирована в виде росписи в одной из часовен коптского монастыря святого Аполлона в Бавите (Египет, VI–VII в. н. э.). На ней святой Сисиний в парфянском одеянии, сидящий на коне, пронзает копьем демоницу Алабасдрию¹ (Cledat 1906: pl. LV).

¹ Имя «Алабасдриа» происходит от греческого названия алебастро-

Особую ценность магические амулеты приобретают в связи с тем, что из их изобразительной программы развилась христианская иконография, связанная с образом святого всадника, повергающего силы зла (Walter 2003: 36). И если трансформация образа Соломона или всадника на амулетах в иконографию христианского наездника прослеживается довольно легко, то вот относительно того, как Соломон оказался всадником и как сложился облик борца с демонами и змеями на геммах нет ясности. В источниках Соломон не называется наездником и роль всадника, вероятнее всего, была ему присвоена. П. Пердризе видит корни этого образа в греко-римском Египте, где под античным влиянием были распространены культы богов-всадников, в первую очередь Герона (Perdrizet 1922: 7–10), завезенного в эллинистический Египет фракийскими наемниками в составе птолемеевской армии. Боннер полагает, что появление образа Соломона на коне должно быть связано с античной средой. В качестве возможных предшественников он называет фракийского всадника и надгробие Дексисея, на котором представлен всадник-копьемосец, атакующий гоплита. Из возможных мифологических прототипов он выделяет Беллерофонта, сражающегося с Химерой, и романизированный облик древнеегипетского бога Хора (Bonner 1942: 468). Также он полагает, что есть связь между образом на амулетах и более ранними изображениями на монетах некоторых римских императоров из династии Антонинов, представленных в качестве кавалеристов, и пронзающих копьем поверженного врага (Bonner 1950: 210). По мнению Уолтера все сопоставления Соломона с такими античными героями как Персей и Геракл, а также с фракийским всадником и Хором, не имеют под собой какой-либо прочной основы (Walter 1989–1990: 42). Он не отрицает, что основная функция языческих героев и богов, заключавшаяся в повержении сил зла, была унаследована и христианскими святыми воинами. Однако он не видит возможности установления явной преемственности между их образами (Walter 1989: 661). Э. Гуденаф обращает внимание на нимб вокруг головы Соломона и других всадников, отмечая, что это солярный символ, который мог быть позаимствован из образа

вого сосуда, которое, в свою очередь, могло быть заимствовано греками из древнеегипетского языка (Sethe 1976: 561–562).

бога Герона (Goodenough 1953: 227). А. В. Банк указывает как римское, так и восточное влияние, отразившееся в иконографии амулетов (Bank 1956: 334). Популярно также мнение, что при создании образов святых воинов-всадников в качестве прототипа использовались сцены римской охоты и императорского триумфа (Bystrikova 1978: 65; Stepanenko 2020: 296).

Образ всадника, пронзающего копьем врага, был известен в античном искусстве, как в мифологических сюжетах, так и в сценах триумфа над врагом. В частности, изображение всадника с копьем встречается на греко-римских геммах I–II вв. н. э. (Sagiv 2016: 33–35). Наиболее популярным мифологическим героем-всадником, который продолжал изображаться на рубеже эр, был Беллерофонт, атакующий Химеру (Sagiv 2016: 37). Облик наездника стал традиционным и для римского императора, в котором, таким образом, сочетались атрибуты мифологического всадника классического периода и божественного правителя эллинистического времени (Mackintosh 1991: 15). Однако массовое распространение иконографический тип всадника-копьеносца, поражающего мифологического противника, получает только в III–IV в. Это касается не только магических амулетов из сиро-палестинского региона, но и Египта, где была благоприятная почва для развития и трансформации представлений о борьбе с врагом. Для древнеегипетской иконографии сюжет повержения врага был традиционным — образ царя, поражающего пленников булавой или кинжалом, является одним самых важных и древних образов египетской иконографии (Correns 2021: 407). Начиная с эпохи Нового царства, появляются изображения змееборческой сцены, на которой представлен бог, пронзающий копьем змея (Karlova 2021: 230). В правление XIX династии тиражируется образ крылатого Сета-змееборца на скарабеях, скарабеоидах, печатях и стелах². Эта иконографическая традиция оказалась востребована в греко-римский период, когда змееборческий миф вновь переживал расцвет. Сюжет фиксируются как в крупнейших храмах Египта (Карнак, Эдфу, Эсна), так и на периферийных территориях страны — в оазисах Западной пустыни Харга и Дахла, покровителем которых считался Сет. Засвидетельствовано большое

² Подробнее о культе Сета-змееборца при XIX династии см.: (Karlova 2016).

количество памятников, представляющих Сета, пронзающего копьём Апопа. Самый известный пример — рельеф из храма Амона Фиванского в Хибисе, на котором изображен сокологоловый Сет, убивающий змея (Davies 1953: pl. 43, 77: b) (рис. 2). Соколиные черты Сет приобретает в связи с тем, что на основной территории Египта его образ демонизируется из-за его негативной роли в мифе об Осирисе. В оазисах же он продолжал чтиться как бог-змееборец, но уже с соколиными чертами³. На основной территории Египта главными противниками змея Апопа становятся сам царь или Хор.

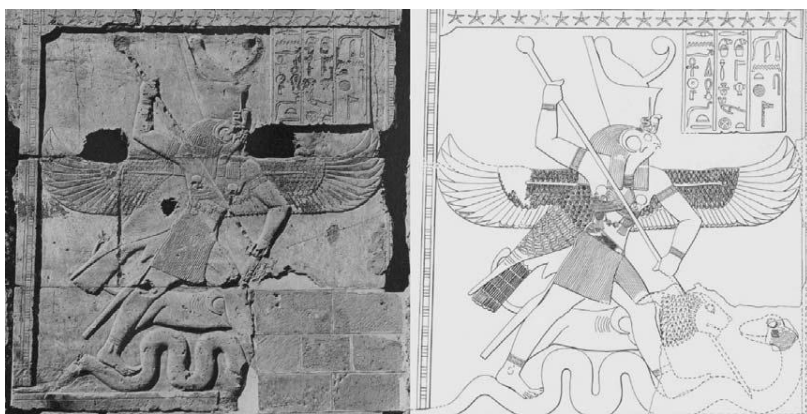


Рис. 2. Фрагмент (и его прорисовка) из храма в Хибисе с изображением Сета, пронзающим копьём Апопа. Египет, оазис Харга (in situ). Фотография по: Davies 1953: pl.77b. Прорисовка по: Davies 1953: 57, pl. 42).

Fig. 2. A fragment (and its drawing) from the temple at Hibis with the image of Seth spearing Apep. Egypt, Kharga oasis. Photo by: Davies 1953: pl.77b. Drawing by: Davies 1953: 57, pl. 42.

До греко-римского периода египетский царь, поражающий врага, или божество, убивающее змея, всегда изображались пешими. Но с птолемеевского времени, в связи с греко-македонским влиянием, появляются изображения царя-всадника, пронзающего копьём противника. Он представлен на т. н. «декрете Рафии» 217 г. до н. э., отмечающим победу Птолемея

³ О специфике бытования культа Сета в оазисах см.: (Kaper 1997: 55–63; Karlova 2016: 218–228).

IV Филопатора над Антиохом III в битве при Рафии (Correns 2021: 433–434; Karlova 2022: 579–580). В большей степени образ всадника оказывается востребован среди кавалеристов из эллинистической среды, на погребальных стелах которых помещаются изображения конных воинов (Lewis 1973: 33). В птолемеевский Египет проникает культ бога Герона (Героса), считающегося эллинизированным проявлением фракийского всадника (Lefebvre 1920: 243; Perdrizet 1922: 9). Его первое появление в Египте относится к правлению Птолемея XIII. На стеле, происходящей из храма Герона в Филадельфии (Фаюм) (Lefebvre 1920: 237–238), изображен Герон-всадник в эллинистическом военном облачении, а над его головой помещен крылатый солнечный диск с двумя уреями. Семантика образа этого бога является предметом отдельного исследования, поэтому здесь отметим только, что Герон почитался среди солдат птолемеевской армии как проводник умерших в загробный мир, помогающий обрести бессмертие. Подобно фракийскому всаднику, он не рассматривался как бог, повергающий врага. Это важная деталь, поскольку образ всадника, получивший распространение в позднеримский период, был связан непосредственно с повержением злых сил.

Под воздействием эллинистического влияния трансформировалась и иконография древнеегипетских божеств. Так, например, в птолемеевский период появляются статуэтки бога Беса, сидящего верхом на коне (Kosmann 2014: 531, 543, 557–558). Но только в позднеримское время получает распространение иконография божества-всадника с копьем, борющегося с врагом. Эти функции закрепляются за Хором, поскольку в греко-римский период он рассматривался как один из главных борцов с силами хаоса и зла. Одним из наиболее показательных памятников, характеризующих этот облик Хора, является коптский рельеф из Лувра (E 4850), датирующийся, вероятнее всего, IV в. (Clermont-Ganneau 1876; Kosmann 2014: 359). На нем изображен всадник с головой сокола, одетый в римские доспехи. В этом всаднике можно опознать Хора, поскольку он пронзает копьем крокодила, который в рамках мифа об Осирисе был связан с Сетом — убийцей Осириса и главным антагонистом Хора. Крокодил как животное Сета становится известен с эпохи Нового царства, когда в магических текстах появляется крокодил по имени Мага (*Mgʿ*), считавшийся сыном Сета. В

рамках этих текстов Мага представляет основную угрозу для Осириса, поэтому против крокодила направляются ритуалы, призванные защитить тело Осириса⁴. Отметим, что Мага появляется, в частности, на т. н. стелах «Хор на крокодилах», что получают распространение в Египте с III Переходного периода, а особенную популярность приобретают в греко-римское время. Их использовали для исцеления от укусов змей и скорпионов, от болезней и для защиты от опасных животных. На стеле изображается младенец Хор, сжимающий в руках животных, считавшихся в Египте опасными или злокозненными (скорпионов, змей, антилоп), и попирающий двух крокодилов. Скульптурное изображение, как правило, сопровождалось текстами, направленными на борьбу со зловредными существами⁵. Рельеф из Лувра — не единственный памятник, который представляет эту роль Хора в римский период. В ГМИИ им. А. С. Пушкина хранится бронзовая статуэтка пешего Хора и крокодила (Инв № I, 1a 2794) (Kat. Moskau 2002: 185 Nr. 688). Хор представлен в виде стоящего воина в римском облачении, в развевающемся плаще и в двойной короне Египта. У его ног помещен крокодил, которого Хор пронзает копьем (ныне утрачено).

Относительно же становления облика Хора на коне в контексте его борьбы с Сетом интересно отметить, что в трактате Плутарха «Об Исиде и Осирисе» повествуется о появлении Хора-всадника, мстящего Сету-Тифону за отца и мать. На вопрос Осириса какое животное предпочтительнее в битве Хор отвечает, что это конь. Это вызывает удивление Осириса, полагающего, что таким животным должен быть лев. Хор же отвечает, что конь подходит лучше льва, поскольку последний выступает в роли защитника, в то время как лошадь необходима для того, чтобы нагнать бегущего врага и уничтожить его (DIO, 19). А. Сорлен-Дорины полагает, что этот фрагмент из трактата Плутарха может служить пояснением к тем магическим амулетам, на которых, с одной стороны геммы над поверженной демоницей изображен бегущий лев, а с другой — всадник-копьеносец (Sorlin Dorigny 1891: 287–288). Отметим,

⁴ О связи Сета и крокодила и их включении в миф об Осирисе см.: (Karlova 2021: 98–101).

⁵ Подробнее о *cippi* Хора см.: (Seel 1947; Hodjash, Berlev 1982: 244–245).

что значение образа льва на геммах является предметом дискуссий (Delatte 1913: 259–260; Walter 1989–1990: 38–40; Torijano 2002: 135), поэтому трактовка Дориньи только одна из возможных. Упоминание льва у Плутарха определенно не является случайным, поскольку традиция изображения льва в качестве спутника фараона в боевых сценах восходит к периоду Нового царства, откуда он переходит и в змееборческие сцены (Karlova 2021: 219–220).



Рис. 3. Плитка с изображением антропоморфного Хора, пронзающего копьем антилопу. Коллекция Майерса, Итонский колледж. По: Kовmann 2014: Taf. 77.

Fig. 3. Plate depicting an anthropomorphic Horus piercing an antelope with a spear. The Eton Myers Collection. By: Kовmann 2014: Taf. 77.

По всей видимости, в облике Хора-копьеносца, побеждающего противника, подразумевался также император, поскольку в древнеегипетской традиции царь выступал воплощением Хора на земле, а на позднем ее этапе царь и Хор стали главными борцами с вражескими силами. Это соответствовало и римской традиции, в которой образ императора-всадника, поражающего врага, также был востребован. Схожий сюжет с Хором представлен еще на ряде памятников, наиболее веро-

ятная датировка которых относится к IV в. В Берлинском музее хранится терракотовая статуэтка сокологолового бога в двойной короне Египта и с копьем в руке, сидящего на коне (Erman 1934: 394–395). Изображение врага отсутствует, но предполагается, что им может быть Сет, представленный в образах, ассоциируемых с ним животных, — крокодила или антилопы. На плитке из бирюзового фаянса, хранящейся в коллекции Майерса Итонского колледжа (Inv. ECM 2166) (Georganteli 2010: 111), представлен Хор-всадник в полностью антропоморфном облике и в римском облачении (рис. 3). Здесь уже сильнее проявляется римское влияние на иконографию бога — Хор изображен как юноша с кудрявыми волосами. Копьем он пронзает сбитую передними ногами коня антилопу — символ Сета. Изображение сокологолового Хора-всадника с копьем представлено на двух медальонах-подвесках. Первый происходит из бывшей коллекции Г. Шлюмберже, однако в настоящее время место его хранения неизвестно (Clermont-Ganneau 1895: 79; Kozmann 2014: 393). Он выполнен из бронзы, изображение выгравировано. На одной стороне медальона Хор-копьемосец, облаченный в римское одеяние, поражает предполагаемого врага, который не изображен. На другой стороне представлен теленок, которого кормит грудью богиня в римском одеянии и с полумесяцем на голове — ее можно идентифицировать как Исиду-Хатхор. Ш. Клермон-Ганно рассматривает оба изображения, широко представленные в древнеегипетском искусстве, как своего рода «житие» Хора: с одной стороны медальона показывается его вскармливание (пусть и в виде теленка) и детство, а с другой — его главный подвиг (Clermont-Ganneau 1895: 81). У него не вызывает сомнений то, что именно Хор-всадник, побеждающий Сета-Тифона, стал прототипом для образа святого Георгия. Второй медальон, датируемый III–IV вв., хранится в Метрополитен-музее (Inv. 90.6.150) (Kozmann 2014: 394–396, Taf. 77c). Он выполнен из свинца, нижний левый сегмент медальона отколот. На нем изображен Хор в двойной короне Египта, сидящий на галопирующей лошади. Однако в отличие от других изображений, здесь копьё направлено острием вверх, поэтому в утраченной части, вероятнее всего, противник не был представлен. Очевидно, что это изображение представляет триумф императора, поскольку иконография сцены в большей степени римская, чем египетская. Оба медальона отли-

чаются достаточно грубой работой, но подразумевают бытование множества образцов и, следовательно, широкое распространение представленных на них сюжетов (Clermont-Ganneau 1895: 80).

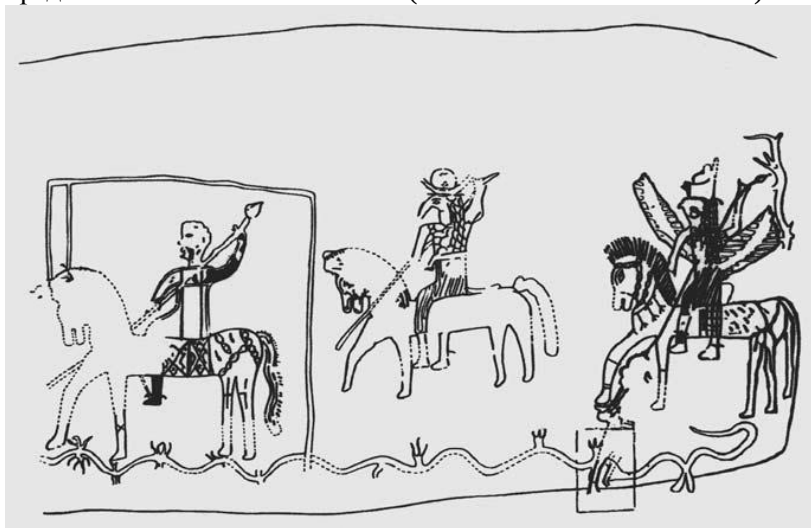


Рис. 4. Прорисовка фрески с тремя всадниками-змееборцами из Айн-Турбы. Египет, оазис Харга По: Cruz-Urbe 2009: fig. 30.

Fig. 4. Drawing of a fresco with three horsemen killing a serpent from Ain et Turba. Egypt, Kharga Oasis. By: Cruz-Urbe 2009: fig. 30.

Отдельного внимания заслуживает змееборческая сцена, происходящая из дома в Айн-Турбе, — местечке, располагающемся в оазисе Харга и являвшемся частью древнего города в Хибисе. Здесь, в частном римском доме были изображены три фигуры всадников с копьями: первый — в образе человека, второй — с головой животного Сета, третий — крылатый, с головой сокола, увенчанной египетской двойной короной. Центральная фигура Сета облачена в чешуйчатый римский доспех, а на голове помещены солнечный диск и полумесяц. Под всадниками изображено извилистое и узловатое тело змея, которое через короткие промежутки прорастает корнеобразными ногами, напоминающими узелки (Cruz-Urbe 2009: fig. 30) (рис. 4). Эта сцена была обнаружена во время раскопок Метрополитен-музея в оазисе Харга, в 1908–1909 гг. в ходе расчистки секций домов (Cruz-Urbe 2009: 224). К сожалению, впоследствии фреска была утрачена, поэтому приходится полагаться на единственную черно-белую фотографию и прорисовку, сделан-

ные в ходе экспедиции. Это изображение, вероятнее всего, датируется IV в., во всяком случае, Айн-Турба была заселена до этого времени. Весьма закономерно и то, что эта фреска была обнаружена в оазисе Харга, где, как уже говорилось, широко почитался Сет в своей ипостаси змееборца. Все три фигуры могут выступать как проявления Сета, или рассматриваться как три отдельных божества. Примечательно, что после долгого перерыва Сет вновь изображается в традиционном облике — с головой своего титульного животного. Вместе с тем образ сокологолового бога уже устойчиво ассоциировался с мотивом змееборчества в оазисах греко-римского времени, поэтому на фреске он также представлен. Что же касается фигуры всадника-человека, вызывающей наибольший интерес, то такой образ, несомненно, был создан под влиянием римской иконографии. Любопытно и то, что это единственная из трех фигур в квадратной рамке, которая в записях, сделанных в ходе экспедиции, обозначается как «святилище» (Cruz-Uribe 2009: 224). Примечательность фрески из Айн-Турбы состоит в том, что она отражает эволюцию иконографического типа древнеегипетского змееборца: Сета в его привычном облике, сокологолового бога и человека. Образ всадника был привнесен римлянами, но традиционный египетский сюжет о повержении змея оказался востребованным в римской среде.

Отметим, что в рамках древнеегипетской иконографии традиция изображения бога-всадника, поражающего копьем врага, не была однородна, поскольку сюжет о повержении Хором Сета, предстающего в образах различных животных, и победа Сета над змеем Апопом, являлись разными мифами. Однако в III–IV вв. н. э. оформляется общий иконографический тип всадника, повергающего противника, который обобщенно олицетворяет хаос и злые силы. Такими врагами на позднем этапе египетской религии являлись Сет и змей Апоп, но именно образ змея как противника всадника мог перейти в иконографию магических гемм. С ранневизантийского времени образы демоницы и змеи на амулетах становятся взаимозаменяемы, либо же змея частично вытесняет образ антропоморфного демона (Bonner 1950: fig. 327, Walter 1989–1990: 38, fig. 6). Среди обширного репертуара имен демоницы засвидетельствованы апеллятивы, которые характеризуют ее, в том числе, как монструозное и змееподобное существо: Λαοδρακαва ‘ящерица’,

Харμοδρακίνα ‘острозубая змея’, Ἀπλետος (от др.-греч. ἄπλετος ‘монстр’) (Fauth 1999: 410). На примере фрески из Айн-Турбы, которая, вряд ли была единична, учитывая распространенность змеборческого сюжета в Египте, хорошо прослеживается возможная преемственность между египетской иконографией в эпоху поздней античности и изображениями всадников на магических амулетах, по крайней мере тех, которые поражали копьём змею. Наиболее показательным является амулет из Британского музея, датирующийся V в. (Inv. G 1986, 5–1,14.) (Michel 2001: 279, no. 450) (рис. 5). На нем безымянный всадник в нимбе поражает крестообразным копьём дракона.



Рис. 5. Прорисовка инталии с изображением всадника-драконоборца. Британский музей. По: Michel 2004: 279, fig. 450.

Fig. 5. Drawing of an intaglio with the image of dragon-slaying rider. British Museum. From: Michel 2004: 279, fig. 450.

Амулеты с такого типа изображениями можно считать непосредственными предшественниками иконографии всадников-драконоборцев — святого Феодора Стратилата (или Тирона) и святого Георгия. Отдельного внимания также заслуживает амулет из зеленой яшмы с безымянным драконоборцем, который происходит из коллекции Кабинета медалей Национальной библиотеки Франции (Inv. 58.2219, см.: Delatte-Derchain 1964, no. 299; Mastrocinque 2014; no. 533) (рис. 6). На нем изображен всадник, чья голова окружена лучами наподобие нимба. Он поражает копьём дракона с раскрытой пастью. На амулете также помещены магические символы гемм — скорпион и две звезды (шестилучевая и восьмилучевая). Как в случае и с другими памятниками этого типа место происхождения амулета неизвестно, что значительно усложняет его интерпретацию.

А. Делатт и Ф. Дершейн постулируют его связь с древнеегипетской традицией. Они рассматривают сцену на амулете как иллюстрацию египетского мифа о борьбе Сета со змеем Апопом, хотя отмечают, что в позднее время всадник, убивающий дракона, вряд ли мог напрямую ассоциироваться с Сетом, равно как и с Хором (Delatte, Derchain 1964: 219). Тем не менее, связь этой сцены с Древним Египтом, по их мнению, подтверждается восприятием всадника как солярного божества, поскольку его голова окружена лучами, образующими нимб. А. Мастрочинкве полагает, что амулеты такого типа могли производить в восточных регионах Византийской империи (Mastrocinque 2014: 193).



Рис. 6. Инталия с изображением драконоборца. Кабинет медалей Национальной библиотеки Франции. По: Mastrocinque 2014: 193, no. 533.

Fig. 6. Intaglio with the image of dragon-slaying rider. Museum of the Bibliothèque nationale de France. By: Mastrocinque 2014: 193, no. 533.

Г. Сейриг под знаком вопроса указывает на возможное сасанидское происхождение этой геммы (Seyrig 1965: 410). Такая интерпретация объясняется тем, что в сасанидском Иране получили распространение геммы с изображением всадника в нимбе, пронзающего копьем многоглавого дракона (Borisov, Lukonin 1963: № 129; Bivar 1969: pl. 7 (3–4); Magistro 2000: 191). Отдельные иконографические черты рассматриваемого нами амулета действительно напоминают изображения на сасанидских геммах: нимб всадника изображен посредством лучей, а тело дракона имеет характерные завитки, которые присутствуют и у других иранских драконов. Отличие заключается в том, что здесь дракон представлен одноглавым, тогда как на

других сасанидских амулетах он имеет шесть голов, что связано с иранской (и шире — индоевропейской) традицией. Тем не менее, сама фиксация сюжета борьбы добра со злом на сасанидских амулетах, кажется, происходит под влиянием сиропалестинской и египетской традиций. М. Магистро обращает внимание на один амулет из частной коллекции с изображением всадника, под конем которого помещен объект, напоминающий веревку (Magistro 2000: 191, fig.1). По всей видимости, это не веревка, а схематичное или даже неправильно интерпретированное изображение демоницы из сиро-палестинских гемм, которая могла изображаться спеленутой или одетой в юбку, напоминающую повязки (Magistro 2000:184). Кроме того, на рассматриваемой гемме и на амулетах с всадником-драконоборцем копье наездника увенчано крестом⁶. Имя драконоборца неизвестно, но, по-видимому, этот образ был заимствован из иудео-христианской и египетской среды (Grenet 2016: 217), равно как и иконографическая модель борьбы божества с демоном или чудовищем (Magistro 2000: 170, 183; Grenet 2016: 217). Она была благодатно воспринята на местной почве в связи с наличием мифов о победе над злом, воплощаемым, в том числе, в образе дракона (Kuehn 2014: 69).

Отметим, что в большинстве случаев магические геммы, имеющие апотропейные функции, изготавливались в Египте, а точнее — в Александрии, где сосуществовали египетское, греческое и иудейское магические учения (Delatte, Derchain 1964: 15). Слияние египетских и иудео-христианских традиций могло происходить как в самой Александрии, так и по всей

⁶ Вместе с тем на других сасанидских амулетах фигурирует божество-защитник, именуемый Сесеном (*Ssn*). Его образ, как показал М. Шварц, восходит к древнему семитскому божеству, известному по угаритским памятникам, который считался защитником беременных женщин и новорожденных от демонов (Schwartz 1998). Из выводов Шварца, принятых большинством исследователей, следует, что этот древневосточный бог проявляется в образах других героев-демоноборцев, которые наделяются именами, происходящими от имени «Сесен» (Rychkov 2017: 752, 755). Сюда же относится имя «Сисиний» и другие его вариации. Однако в сасанидской глиптике мотив борьбы божества с демоницей не отражен, хотя в зороастризме, по всей видимости, существовали верования и обряды, связанные с благоприятным течением беременности (Timuş 2008: 114).

территории Восточного Средиземноморья, в том числе и в среде эллинизированных иудеев. Египетское влияние на сюжет и иконографию магических амулетов с всадником-демоноборцем, как и ее опосредованное воздействие на христианскую иконографию прослеживается на примере амулета из коллекции Британского музея (Inv. 1938, 1010.1), который, как считается, является гальванопластической копией XIX в. с утерянного драгоценного камня VI в. н. э., некогда хранившегося в Эрмитаже (Barb 1964: 10, fig. 2 a-b) (рис. 7)⁷.



Рис. 7. Реверс медальона с изображением фигуры на двух крокодилах. Британский музей. По: Barb 1964: pl. 2 (b).

Fig. 7. Reverse of medallion depicting a figure on two crocodiles. British Museum. By: Barb 1964: pl. 2 (b).

⁷ Подробнее об истории этого амулета см.: (Lidova 2024).

На аверсе медальона представлены четыре ряда новозаветных изображений и надписей. Они включают изображение лика Иисуса Христа, поддерживаемого ангелами, сцены Благовещения, поклонение волхвов, чудо исцеления, совершаемое Христом и брак в Кане Галилейской. Изображения сопровождаются надписью на греческом, сообщающей, что Бог не дает силы врагам и обращает зло на головы их. На реверсе медальона изображена крылатая мужская фигура с нимбом, стоящая на двух крокодилах и держащая в руках по паре скорпионов. Вокруг нее размещены магические символы. Внизу помещено изображение двух львов и звезда Давида. В середине амулета расположен текст на древнегреческом: «Сисиний топчет тебя, отвратительную [женщину], у тебя больше нет силы. Печать Соломона лишила тебя силы. Михаил, Гавриил, Уриил, Рафаил связывают тебя, *Алимербимах*⁸». Эта надпись является прямой отсылкой к амулетам со всадником, уничтожающим демоницу и, кроме того, демонстрирует тесную взаимосвязь египетской и иудейской магических традиций. Фигура, стоящая на двух крокодилах, представляет собой вариацию знаменитого скульптурного изображения юного бога Хора на крокодилах, помещаемую на уже упоминавшихся *сипри* Хора. На рассматриваемом медальоне фигура имеет крылья, что является отсылкой уже к другому древнеегипетскому божеству — Бесу Пантеосу. Это полиморфное божество, изображаемое с лицом бога Беса, телом человека, двумя парами (или более) крыльев, часто с головами священных животных и другими атрибутами (First 2014). Этот образ появляется уже в позднеегипетской религии, когда полиморфные божества приобретают большую популярность в магическом контексте: они вводятся как защитники от болезней, вреда и злых сил. Оба изображения — Хор на крокодилах и Бес Пантеос — представлены на многих геммах, причем Бес Пантеос является одним из самых популярных божеств магической глиптики. В связи с тем, что именно магические элементы демонстрируют наибольшую устойчивость при изменении религиозного мировоззрения, не вызывает особенного удивления, что популярный древнеегипетский образ доживает до ранневизантийского времени. Однако не совсем понятно, как трактовать эту фигуру на крокодилах — непосредственно как

⁸ *Vox magica* — непереводимая магическая формула.

самого Хора или все-таки как другое божество? А. Барб полагает, что это может быть сам Христос, поскольку, по его мнению, рядом с изображением крокодилов угадывается монограмма Христа, а сама ассоциация Хора со Спасителем не единична (Barb 1964: 14–16). Но в независимости от того, как интерпретировать фигуру на крокодилах, этот медальон служит одним из лучших примеров египетского и иудео-христианского синкретизма.

В Поздней Римской империи также появляются изображения, связанные с мотивом змееборчества. От времени правления Констанция II дошла золотая медаль, на которой император представлен как *debellator hostium* («укрошающий врагов»). Константин изображен в виде всадника, делающего триумфальный жест руками, а под копытами его коня находится змей. Это изображение, по-видимому, иллюстрирует оформившийся при Константине Великом сюжет о его победе над врагом в облике змея. Как известно из сообщения Евсевия Кесарийского, император Константин повелел изобразить себя в качестве победителя змея над входом во дворец в Константинополе (Euseb. *Vita Const.* II. 3). Евсевий трактует это как символ победы императора над «врагом рода человеческого», подразумевая, что он выступает здесь в качестве защитника христианства. Другой вероятной трактовкой этой сцены является повержение Константином своего политического врага — Лициния, изображенного в облике змея (Grabar 1967: 43–44, 130). Кроме того, при Константине стали выпускаться монеты, на которых изображено знамя императорского Рима (лабарум), воткнутое в извивающегося змея. Тем самым, свою победу над Лицинием император, возможно, представил с точки зрения библейских образов, и тогда змей-дракон будет являться не только воплощением конкретного врага, но и персонификацией самого зла, т. е. дьявола, поверженного Константином (Odahl 1975). С определенными модификациями этот сюжет отражен на реверсах солидов, выпускавшихся в Поздней Римской империи и Византии при императорах Гонории, Валентиниане III, Маркиане, Петронии Максиме, Майориане, Либии Севере, Льве I Макелле. Гонорий представлен как попирающий крестом помещенных под его ногой льва и змея (Carson, Kent, Burnett 1994: Pl. 39), что является прямой отсылкой к Псалму 90, в котором говорится о попании льва и

дракона. Другие императоры изображены с длинным крестом в одной руке и символом победы в другой, наступающими ногами на змею с человеческой головой (Carson, Kent, Burnett 1994: Pl.48–49, 55–61). Этот иконографический сюжет передает идею об императоре как о победителе врагов Рима, которая была традиционной для римской идеологии. В этом контексте образ божества, поражающего злые силы, был востребован в Египте позднеримского времени как актуальный для имперской идеологии.

Облик всадника-змееборца или пешего змееборца органично вошел в иконографию коптского Египта. Большой интерес представляет т. н. пенал мученика с изображением святого Филофея, хранящийся в Лувре (AF 5158) (Rogozhina 2019: 8). Он происходит из Антинополя и датируется периодом до 650 г. (Walter 2003: 234). На нем святой Филофей, облаченный в доспехи и со щитом, попирает ногами и пронзает копьем змея с головой человека. Изображение сопровождается заклинательной формулой. По одной из версий змееподобное существо может олицетворять императора Диоклетиана, упоминающегося в «Мученичестве Филофея» и считающегося врагом христианской церкви (Rogozhina 2019: 238). Уолтер придает большое значение этому изображению, которое, по его мнению, наряду с образом святого Сисиния из Бавита, является одним из самых ранних примеров возникновения образа святого воина в христианстве (Walter 2003: 234). Но какая же традиция оказала влияние на иконографию этой сцены? С одной стороны, на упомянутых выше римских монетах в схожем контексте также присутствует змея с головой человека. С другой стороны, влияние египетской змееборческой традиции, в которой всегда присутствовал образ копыеносца, побеждающего змея, кажется более вероятным. Помимо этого, в Египте изготавливаются костяные резные амулеты, датирующиеся VII-VIII вв., на которых безымянный всадник поражает копьем фигуру с женской головой и телом змеи (Osharina 2024: 432–433). Иконографически они относятся к тому же типу, что и амулеты позднеримского периода, и производились серийно, что свидетельствует о непрерывности традиции.

Новое рождение образ всадника в Египте переживает в византийский период, в коптском искусстве. Считается, что на его иконографию существенное влияние оказала фигура

фракийского всадника, поскольку, как и последний, коптский наездник часто связан со сценами охоты (Lewis 1973: 42–43). Сопоставляются они и по ряду других признаков, однако, как справедливо отмечает Льюис, иконографическую преемственность между фракийским и коптским всадниками следует постулировать с известной долей осторожности (Lewis 1973: 43). Образ коптского всадника и сопутствующая ему атрибутика многогранны и вобрали в себя разные традиции: императорскую символику, сюжет мифологической охоты, представления о культе святых и мучеников. Нас же в большей степени интересует то, что он может представлять в качестве демоноборца и змееборца. В некоторых случаях коптский всадник побеждает змею с головой женщины, как, например, на двух тканых медальонах из коллекции Эрмитажа (Osharina 2024: 429 (ил. 4–5)), что напрямую отсылает к образам всадника на магических амулетах и святого Сисиния в Бавите. Традиционный змееборческий сюжет также присутствует на коптских тканях. На гобеленовой ленте из Берлинского музея, датирующейся от VI до VIII в., выткано изображение всадника, поражающего копьём змею (Wessel 1963: 227–229; Lewis 1973: fig. 28). Вряд ли его стоит связывать исключительно с римской иконографией императорского триумфа, как это предлагают сделать К. Вессель и С. Льюис (Wessel 1963: 229; Lewis 1973: 54–53). Римский император никогда не изображался как всадник, пронзающий копьём змею, — этот мотив изначально был присущ только древнеегипетской иконографии, откуда он органично перешел в репертуар христианской культуры, о чем свидетельствует востребованность змееборческого сюжета в коптском Египте. На тканом медальоне из Лувра (E 26518), предположительно датирующемся VII в., изображен всадник, поражающий копьём змею в самую пасть (Rutschowskaya 1990: 142), что является характерной чертой древнеегипетской змееборческой иконографии. На медальоне, хранящемся в ГМИИ им. А.С. Пушкина, выткан всадник, пронзающий копьём маленькую змею, напоминающую рогатую гадюку, хорошо известную египтянам (Инв.№ 5175) (Shurinova 1967: no. 179, pl. 101). Этот вид змеи послужил основой для написания иероглифа  (f) в древнеегипетском языке. Наездника сопровождает лев, являющийся его частым спутником в

коптском искусстве, что восходит к уже упоминавшейся древнеегипетской изобразительной традиции. Таким образом, не вызывает особых сомнений то, что прототипом коптских всадников-змееборцев стал Сет, образ которого в позднеримское время трансформировался в антропоморфный. В последствии отличительной чертой коптского искусства становится широкое распространение святых всадников, уничтожающих злые силы.

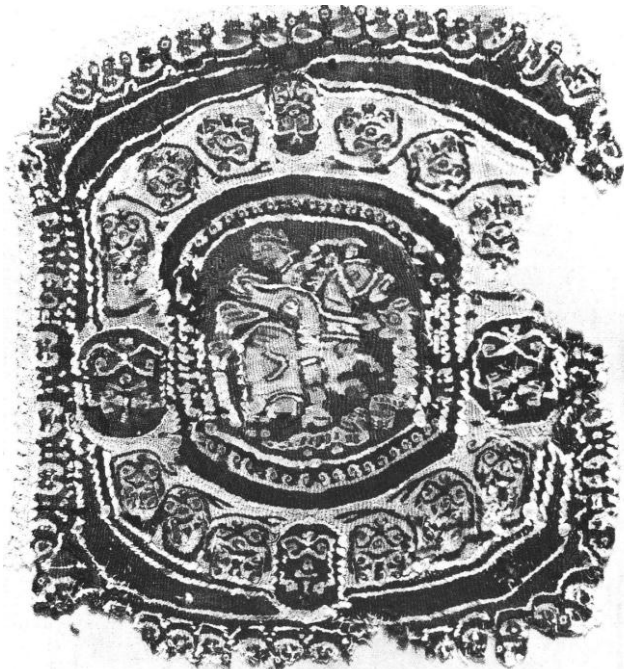


Рис. 8. Коптская ткань с изображением всадника, пронзающего копьём змею. Лувр. По: Walter 1989–1990: 39; fig. 8.

Fig. 8. Coptic tissue depicting a horseman piercing a snake with a spear. Louvre. From: Walter 1989–1990: 39; fig. 8.

Литература

- Bank, A. W. 1956: Gemma s izobrazheniyem Solomona [Gemma with the image of Solomon]. *Vizantiyskiy Vremennik* [Byzantine Chronicle]. 8 (33). 331–337.
- Банк, А. В. 1956: Гемма с изображением Соломона. *Византийский временник*. 8 (33). 331–337.

- Barb, A. A. 1964: Three Elusive Amulets. *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 27. 1–22.
- Bivar, A. D. H. 1969: *Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum. Stamp Seals II: The Sassanian Dynasty*. London.
- Bonner, C. 1942: Two Studies in Syncretistic Amulets. *Proceedings of the American Philosophical Society*. 85 (5). 466–471.
- Bonner, C. 1950: *Studies in Magical Amulets, chiefly Graeco-Egyptian*. London; Oxford.
- Borisov, A. Ya., Lukonin, V. G. 1963: *Sasanidskiye gemmy* [Sassanian gems]. Leningrad [Leningrad].
- Борисов, А. Я., Луконин, В. Г. 1963: *Сасанидские геммы*. Л.
- Bystrikova, M. G. 1978: Koptskiye tkani-medal'ony v roli zashchitnykh amuletov [Coptic cloth medallions used as protective amulets]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History]. 4. 64–71.
- Быстрикова, М. Г. 1978: Коптские ткани-медальоны в роли защитных амулетов. *Вестник древней истории*. 4. 64–71.
- Carson, R. A. G., Kent, J. P. C., Burnett, A. M. 1994: *Roman Imperial Coinage Vol. X: The Divided Empire and the Fall of the Western Parts 395–491*. London.
- Clermont-Ganneau, Ch. 1876: Horus et Saint Georges d'après un bas-relief inédit du Louvre (Notes d'archéologie orientale et de mythologie sémitique). *Revue Archéologique, Nouvelle Série*. 32. 196–204.
- Clermont-Ganneau, Ch. 1895: Le mythe d'Horus et de St. Georges *Études d'archéologie orientale*. I. Paris, 78–82.
- Conybeare, F. C. 1898: The Testament of Solomon. *The Jewish Quarterly Review*. 11 (1). 1–45.
- Coppens, F. 2021: The Ptolemaic Basileus and the Roman Emperor Slaying the Enemies of Egypt. The *sm3 sbi/hftw/h3swt/S'tt* Ritual Scene in Context. In: Coppens F. (ed.). *Continuity, Discontinuity and Change. Perspectives from the New Kingdom to the Roman Era*. Prague. 405–489.
- Cruz-Urbe, E. 2009: *Sth 3 phly* «Seth, God of Power and Might». *The Journal of the American Research Center in Egypt*. 45. 201–226.
- Davies, N. de G. 1953: *The Temple of Hibis in El Khargeh Oasis. Pt. III. The decoration*. New York.
- Delatte, A. L. 1913: Études sur la magie grecque: I. Sphère magique du Musée d'Athènes. *Bulletin de correspondance hellénique*. 37. 247–278.
- Delatte, A. L., Derchain, Ph. 1964: *Les intailles magiques gréco-égyptiennes*. Paris, 1974.
- Erman, A. 1934: *Die Religion der Aegypter*. Berlin.
- Fauth, W. 1999: Der christliche Reiterheilige des Sisinnios-Typs im Kampf gegen eine vielnamige Dämonin. *Vigiliae Christianae*. 53 (4). 401–425.

- First, G. 2014: Polycephaly — Some Remarks on the Multi-Headed Nature of Late Egyptian Polymorphic Deities. *Studies in Ancient Art and Civilization*. 18. 205–222.
- Georganteli, E. 2010: Economy and Art in Egypt from Alexander the Great to the Arab Conquest, In: Georganteli E., Bommas M. (eds.). *Sacred and Profane. Treasures of Ancient Egypt from the Myers Collection, Eton College and University of Birmingham*. London. 101–120.
- Goodenough, E. R. 1950: *Jewish Symbols in the Greco-Roman Period. The archaeological evidence from the diaspora*. Vol. II. New-York.
- Grabar, A. 1967: *The Beginnings of Christian Art*. London.
- Grenet, F. 2016: Transferts magiques et démoniaques. De l'Orient romain à l'Asie centrale (IIIe-IXe siècles). In: Espagne M., Gorshenina S., Grenet F., Mustafaev Sh., Rapin C. (eds.). *Asie centrale. Transferts culturels le long de la Route de la Soie*. Paris. 199–210.
- Hodjash, S., Berlev, O. 1982: *The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts*. Leningrad.
- Kaper, O. E. 1997: *Temples and Gods in Roman Dakhleh: Studies in the Indigenous Cults of an Egyptian Oasis*. Groningen.
- Karlova, K. F. 2016: [The winged Seth and his connection to the solar deity]. *Vostok (Oriens) [Orient (Oriens)]*. 3. 6–19.
- Карлова, К. Ф. 2016: Крылатый Сет и его связь с солнечным божеством. *Восток (Oriens)*. 3. 6–19.
- Karlova, K. F. 2021: [Friend or Foe? Two Hypostases of the God Seth in the Late Egyptian Religion]. Moskva [Moscow].
- Карлова, К.Ф. 2021: *Свой или чужой? Две ипостаси бога Сета в позднеегипетской религии*. Москва.
- Karlova, K. F. 2022: ['Dragon-slayer' myth as a part of the state ideology in Greco-Roman Egypt]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology]*. 26 (1). 570–584.
- Карлова, К.Ф. 2022: Змееборческий миф как часть государственной идеологии в греко-римском Египте. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 26 (1). 570–584.
- Kat. Moskau 2002: [The Way to Immortality. Monuments of Ancient Egyptian Art from the Collection of the Pushkin Museum of Fine Arts. Catalogue of the Exhibition]. Moskva [Moscow].
- Кат. Москва 2002: *Путь к бессмертию. Памятники древнеегипетского искусства в собрании Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Каталог выставки*. М.
- Khairedinova, E. A. 2014: [Medallions with the Image of Holy Rider from the Necropolis near the Village of Luchistoye]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria]*. 19. 147–210.

- Хайрединова, Э. А. 2014: Медальоны с изображением святого всадника из могильника у с. Лучистое. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 19. 147–210.
- Khairedinova, E. A. 2022: [Amulet Featuring the Image a Holy Rider from the South-Western Crimea]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Classical Antiquity and Middle Ages]. 50. 96–115.
- Хайрединова, Э. А. 2022: Амулет с изображением святого всадника из Юго-Западного Крыма. *Античная древность и средние века*. 50. 96–115.
- Koßmann, D. 2014: *Ägyptische Götter in Panzertracht in der römischen Kaiserzeit*. PhD thesis, Universität zu Köln.
- Kuehn, S. 2014. The Dragon Fighter: The Influence of Zoroastrian Ideas on Judaeo-Christian and Islamic Iconography. *Zoroastrianism in the Levant, ARAM Periodical (ARAM Society for Syro-Mesopotamian Studies)*. 26 (1/2). 65–101.
- Lefebvre, G. 1920: "Le Dieu "HPQN d'Egypte. *Annales du service des antiquités de l'Égypte*. 20. 237–250.
- Lewis, S. 1973: The Iconography of the Coptic Horseman in Byzantine Egypt. *Journal of the American Research Center in Egypt*. 10. 27–63.
- Lidova, M. 2024: Old Habits, New Faith: A Late Antique Amulet from Egypt (BM 1938,1010.1). *Metamorphoses (Art Readings, Thematic Peer-reviewed Annual in Art Studies)*. 2023. I. 87–102.
- Lyavdansky, A. K. 2017: ["The Testament of Solomon" and the Genesis of the Plot of the Sisinian Legend]. In: *Sisiniyeva legenda v fol'klornykh i rukopisnykh traditsiyakh Blizhnego Vostoka, Balkan i Vostochnoy Yevropy*. Pod red. Toporkova A. L. [In: Toporkov A. L. (ed.). *The Sisinian Legend in the Folklore and Manuscript Traditions of the Middle East, the Balkans and Eastern Europe*]. Moskva [Moscow]. 63–87.
- Лявданский, А. К. 2017: «Завещание Соломона» и генезис сюжета Сисиниевой легенды. В: *Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы*. Под ред. А.Л. Топоркова. Москва. 63–87.
- Mackintosh, M. 1991: *The Divine Horseman in the Art of the Western Roman Empire*. PhD thesis, Open University.
- Magistro, M. R. 2000: Alcuni aspetti della glittica sacro-magica sasanide: il "cavaliere nimbato". *Studia Iranica*. 29. 167–194.
- Mastrocinque, A. 2014: *Les intailles magiques du département des Monnaies Médailles et Antiques*. Paris.
- Michel, S. 2001: *Die magischen Gemmen im Britischen Museum*. Bd I–II. London.
- Odahl, Ch. 1975: An Eschatological Interpretation of Constantine's Labarum Coin. *Journal of the Society for Ancient Numismatics*. 6 (3). 47–51.

- Osharina, O. V. 2024: [Christian apotropaic amulets with images of horsemen from the Hermitage collection]. *Sim pobedishi: Cbornik statey k 75-letiyu Georgiya Vadimovicha Vilinbakhova / Gosudarsvennyy Ermitazh*. [In hoc signo vinces: Collected papers to mark the 75th anniversary of Georgy Vadimovich Vilinbakhov / State Hermitage Museum]. 427–435.
- Ошарина, О. В. 2024: Христианские амулеты-апотропеи с изображениями всадников из собрания Эрмитажа. *Сим победиши: Сборник статей к 75-летию Георгия Вадимовича Вилинбахова / Государственный Эрмитаж*. 427–435.
- Perdrizet, P. 1922: *Negotium perambulans in tenebris: études de démonologie gréco-orientale* (publications de la Faculté des lettres de l'Université de Strasbourg, 6). Strasbourg, Paris.
- Rogozhina, A. 2019. "And from his side came blood and milk" The Martyrdom of St Philotheus of Antioch in Coptic Egypt and Beyond. Piscataway.
- Rutschowskaya, M. H. 1990. *Tissus coptes*. Paris.
- Rychkov, A. L. 2017: [Sacred character of the Sisinian legend: about the background of the name and image]. In: *Sisiniyeva legenda v fol'klornykh i rukopisnykh traditsiyakh Blizhnego Vostoka, Balkan i Vostochnoy Yevropy*. Pod red. Toporkova A. L. [In: Toporkov A. L. (ed.). *The Sisinian Legend in the Folklore and Manuscript Traditions of the Middle East, the Balkans and Eastern Europe*]. Moskva [Moscow]. 751–770.
- Рычков, А. Л. 2017: Сакральный персонаж Сисиниевой легенды: о предыстории имени и образа. В: *Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы*. Под ред. А. Л. Топоркова. М., 751–770.
- Sagiv, I. 2016: The Image of the Rider on Greco-Roman Engraved Gems from the Israel Museum (Jerusalem). *Istraživanja. Journal of Historical Researches*. 27. 33–44.
- Schlumberger, G. 1892: Amulettes byzantins anciens, destinés à combattre les maléfices et maladies. *Revue des Études Grecques*. 5 (17). 73–93.
- Schwartz, M. 1998: *Sasm, Sesen, St. Sisinnios, Sesengen Barpharanges, and ... 'Semanglof'. *Bulletin of the Asia Institute*. 10. 253–257.
- Seel, K. C. 1947: Horus on the Crocodiles. *Journal of Near Eastern Studies*. 6 (1). 43–52.
- Sethe, K. 1976: *Leipziger und Berliner Akademieschriften* (1902–1934). Leipzig.
- Seyrig, H. 1965: Compte rendu de Delatte-Derchain. *Syria*. 42. 409–410.
- Shurinova, R. D. 1967: [Coptic Textiles. Collection of Coptic Textiles State Pushkin Museum of Fine Arts]. Leningrad [Leningrad].
- Шуринова, Р. Д. 1967: *Коптские ткани. Собрание Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина*. Л.

- Sorlin Dorigny, A. 1891: Phylactère Alexandrin contre les Epistaxis. *Revue des Études Grecques*. 4 (15). 287–296.
- Spier, J. 1993: Medieval Byzantine Magical Amulets and Their Tradition. *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 56. 25–62.
- Stepanenko, V. P. 2020: [Image of St. George as Dragon-Slayer on the Seal M-8759 from the State Hermitage Museum Collection]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Classical Antiquity and Middle Ages]. 48. 290–300.
- Степаненко, В. П. 2020: Образ св. Георгия-драконоборца на печати М-8759 из собрания Государственного Эрмитажа. *Античная древность и средние века*. 48. 290–300.
- Timuş, M. 2008: Légendes et savoirs périnataux chez les Zoroastriens. *Bulletin of the Asia Institute, New Series*. 22. 105–118.
- Torijano, P. A. 2002: *Solomon the Esoteric King: from King to Magus, Development of a Tradition*. Brill.
- Walter, C. 1989: The Thracian Horseman: Ancestor of the Warrior Saints? *Byzantinische Forschungen*. 14. 657–673.
- Walter, C. 1989–1990: The Intaglio of Solomon in the Benaki Museum and the Origins of the Iconography of Warrior Saints. *Deltion tes Christianikes Archaialogikes Hetaireias*. 15. 33–42.
- Walter, C. 2003: *The Warrior Saints in Byzantine Art and Tradition*. London, New-York.
- Wessel, K. 1963: *Koptische Kunst: Die Spätantike in Ägypten*. Recklinghausen.

М. Н. Кириллова

Институт всеобщей истории РАН / МГТУ им. Н.Э. Баумана Москва, Россия.
mnkirillowa@bmstu.ru

ОПИСАНИЕ МЕЖЕВАНИЯ ОКРЕСТНОСТЕЙ САБИНСКОГО ГОРОДА КУРЕСА В *LIBER COLONIARUM II* И ЕГО ИСТОЧНИКИ¹

В статье анализируются три описания поля Куреса Сабинского, сохранившиеся в землемерных сочинениях. Описание из т. н. второй книги колоний (*liber coloniarum II*) не пользуется доверием исследователей, однако анализ его терминологии и сравнение с другими описаниями Куреса показывает его непротиворечивость и последовательность. Мы приходим к выводу, что в основе всех описаний Куреса лежали сведения одного источника, которые составитель второй книги колоний скопировал точнее других авторов.

Ключевые слова: римские землемеры, книги колоний, Сикул Флакк, Курес Сабинский.

M. N. Kirillova

Institute of World History RAS / Bauman Moscow State Technical University.
Moscow, Russia. mnkirillowa@bmstu.ru

The Description of Cures Sabini in *liber coloniarum II* and its sources

The article examines three descriptions of the survey in Cures Sabini, preserved in the Roman surveying texts. The description of the so-called Book of Colonies II (*liber coloniarum II*) is generally regarded with skepticism by researches. T. Mommsen suggested that this description was compiled based on information from Siculus Flaccus and the text *Ex libris Magonis et Vegoiae auctorum*. M. De Nardis rejects the latter text, leaving only Siculus Flaccus. He believes that the compiler of the Book of Colonies II supplemented his text with information about Caesar's surveying shaped by late antique perceptions of his role in organizing land surveying of Italian communities. However, an analysis of the terminology from Book of Colonies II suggests that it accurately reflects the development of Roman surveying during the Republic. In contrast, the descriptions of the survey of Cures in the treatises are less precise and

¹ Исследование подготовлено при поддержке гранта РНФ 24-78-10152 «Этнокультурное взаимодействие в Средиземноморье IV–I вв. до н. э.: политика, религия и интеллектуальная жизнь (Италия, Египет, Малая Азия)».

depend on the purposes of the narratives. The divergent objectives of these narratives provide a rationale for the absence of references to the activities of Iuli Caesaris in other accounts. In the text *Ex libris Magonis et Vegoiae auctorum*, Cures serves as an example of land surveying characterized by a minimal setting of termini; the text also mentions a later reorganization of the territory, although without specific details. In the treatise of Siculus Flaccus, the *agri quaestorii* of Cures Sabini illustrate a general picture of Roman land use. The author arrives at the conclusion that all the descriptions of Cures originate from a single source, possibly the work of Balbus. The compiler of Book of Colonies II appears to have copied this text more accurately than other authors.

Keywords: Roman land surveyors, *libri coloniarum*, Siculus Flaccus, Cures Sabini.

Сохранившиеся среди сочинений римских землемеров т.н. книги колоний (*libri coloniarum*) представляют собой два списка итальянских общин с описаниями их землеустройства и особенностей правового статуса. Т. Моммзен, автор комментария к первому изданию книг, сдержанно оценил их потенциал как источника ввиду большого количества неточностей (Mommesen 1852: 143). Однако, данные Книг всё чаще используются для исторических реконструкций (Peugas 2006; Roselaar 2009).

В статье речь пойдет о фрагменте второй книги колоний (*liber coloniarum* II), в которой описывается межевание окрестностей сабинского Куреса². Оно интересно упоминанием квесторских полей (*agri quaestorii*). За пределами землемерных текстов эта категория земель встречается только один раз: о продаже квесторами общественной земли в районе Капуи сообщает Тит Ливий (Liv. 28.46.4), этот эпизод датируется 205 г. до н.э. Существование *agri quaestorii* принято связывать с эпохой Пунических войн, на ведение которых римской общине требовались дополнительные средства. Сведения *liber coloniarum* II о межевании Куреса помогли бы прояснить историю квесторских полей. Однако для их использования

² Курес был важным центром сабинов в эпоху царского Рима и Ранней республики. Он считается родиной царей Тита Тация и Нумы Помпилия. От названия Куреса, согласно точке зрения, распространенной в античности, произошли слова «квириты» и «курия» (Var. LL. VI.68; Liv. I.13.5; Plut. R.19; N. 3). Мы слабо осведомлены о его истории в более поздние эпохи.

необходимо решить вопрос об источниках о межевании Куреса, которые легли в основу описания в *liber coloniarum* II.

В интересующем нас фрагменте сообщается следующее:

«поле сабинского города Куреса продано через квесторов и включает в неких кирпичиках³ по пятьдесят югеров, впоследствии же по приказу Юлия Цезаря было перемежевано с помощью центурий и лимитов. Были поставлены тибуртинские термины,⁴ однако же имеются и местные камни, и с пометками. Ведь в разных местах стены, заборы, надгробия, течения рек и ручьев, прежде посаженные или привезенные иноземные деревья и ямы указывают на границы, но (имеются) и другие знаки, о которых можно прочитать в книгах авторов. Поэтому, если эти знаки не находятся и если (ряды) оливковых деревьев пересекаются, следует наблюдать их вместо ригора⁵. И этот ригор называется *pinnalis* (острым)⁶. Если действительно ряды сходятся, и этот ригор соединяется с острым, (он) называется тупым. Так соединишь границы между владениями»⁷.

Как видим, описание поля Куреса Сабинского, «называющегося квесторским», достаточно подробное. Однако, с точки

³ Согласно Гигину так называли участок, получавшийся в результате межевания на квесторских полях.

⁴ Термин — особый тип межевого камня, появление которого связано с почитанием бога Термина. Описание жертвоприношений при его установке сохранилось у Сикла Флакка, см. *SF* II.8–9.

⁵ Ригор — тип границы между участками, как правило, прямоугольными. См. более подробно Gvozdeva 1999: 74.

⁶ Перевод, предлагаемый Б. Кэмпбеллом (Campbell 2000: 193). В землемерных текстах для обозначения острого угла обычно используется *acutus*, см. Campbell 2000: 208: *Genera angulorum rationalium sunt tria, recta, ebes, acuta*,

⁷ *Curium Sabinorum ager per quaestores est venundatus, et quibusdam laterculis quinquagena iugera inclusus est, postea vero iussu Iuli Caesaris per centurias et limites est demetitus. Termini vero Tiburtini affixi sunt, sed et lapides enchorii et signati sunt. Variis autem locis muros macherias sepulchra monumenta, rivorum vel fluminum cursus, arbores ante missae vel peregrinae et putea finem faciunt; sed et alia signa quae in libris auctorum leguntur. Quod si signa haec non inveniantur, arbores olivarum si sibi in transverso occurrerint, pro rigore servandum est. Qui rigor pinnalis dicitur. Si certe ordines sibi convenerint et hic rigor iungatur cum pinnale, hebes appellatur. Sic enim colliges fines inter possessiones.*

Текст приведен по изданию Б. Кемпбелла (Campbell 2000: 192). Трактаты, изданные Ж.-И. Гийомом, цитируются по предложенной им системе (Guillaumin 2005; 2010).

зрения Т. Моммзена, этот фрагмент составлен из сообщений Сикула Флакка (SF I.7) и фрагмента «Из книг Магона и Вегейи» (Mommmsen 1852: 170). Моммзен не аргументировал свою точку зрения подробно, однако можно предположить, что к такому выводу его привели как сходство сведений в указанных фрагментах, так и отсылка к *libri auctorum*, в которых однозначно угадываются сочинения других землемерных авторов⁸.

Гипотеза Моммзена была проанализирована в работах М. Де Нардиса. С его точки зрения, текст «Из книг авторов Магона и Вегейи» фрагментарен и не поддается содержательному анализу, однако он оговаривает, что его автор читал Сикула Флакка (De Nardis 2009: 212), т. е. по всей видимости мог заимствовать фразу о квесторских полях у него. Де Нардис обращает внимание на то, что Курес не упоминается в *liber coloniarum* I — перечне, который считается более ранним, чем *liber coloniarum* II (Campbell 2000: xl). Также у Сикула Флакка, в отличие от *liber coloniarum* II, отсутствуют ссылки на мероприятия Юлия Цезаря (De Nardis 2019: 290–292). Де Нардис считает, что источник у Сикула и составителя *liber coloniarum* II был один и тот же, однако упоминания Цезаря позднеантичный составитель второй книги либо добавил из неизвестного нам источника, либо (и к этой позиции склоняется автор) они обусловлены представлениями, характерными для поздней античности, согласно которым для землеустройства италийских общин имела большое значение деятельность Цезаря и Августа, который, по понятным причинам, также часто называется у землемеров Цезарем. Эта же логика применяется к сведениям об особых межевых знаках на территории Куреса, которые были добавлены из землемерных сочинений, чтобы придать тексту большую убедительность (De Nardis 2019: 293–294).

Де Нардис приводит серьезные аргументы, но анализ терминологии, использованной в описании Куреса Сабинского в *liber coloniarum* II, показывает, что сведения о квесторских полях едва ли были подобраны только лишь исходя из позднеантичных представлений. Так, при описании межевания для квесторской продажи не говорится о лимитации — типе межевания,

⁸ Ср. упоминание *auctorum doctrina* в описании *ager Corfinius*, Campbell 2000: 194.

наиболее распространенном начиная с эпохи Поздней республики, но используется термин «кирпичики» (*laterculi*). Согласно сведениям землемера Гигина, кирпичиками называли участок, получавшийся в результате межевания на квесторских полях: «что теперь называется центурии, это *plinthides*, т.е. плинфа, плашки или кирпичики (Н II.23: *quae centuriae nunc appellantur, id est plinthides, hoc est laterculi*). В другом месте, Гигин пользуется термином *laterculi* при описании межеваний на землях царя Птолемея VIII на Киренаике (Н II.52). В известном папирусе P.Lille 1, в котором идет речь о рытье каналов на квадратном участке в Арсинойском номе, упомянут термин *τὸ πλινθεῖον*: имеется в виду план местности, состоящей из прямоугольных участков (*ὡς διαέγραπται ἐν τῷ πλινθεῖῳ*). Таким образом, термин *laterculi*, который сохраняют все описания Куреса, не случайный. Вероятно, при межевании полей для квесторских продаж римляне использовали опыт землеустройства царских земель эллинистического Египта, отсюда и произошло название *laterculi*, которое землемеры используют крайне осторожно.

Согласно дальнейшему описанию поля сабинского Куреса, его размежевание лимитами на центурии происходит только в эпоху Цезаря. В самом деле, это выглядит достоверным в силу того, что археологические исследования выявляли в других областях Италии массовые переделки старых межеваний в I в. до н.э. (Chouquer, Clavel-Levêque, Favory 1982: 855; Clavel-Levêque, Favory 1992: 94) Целью этого переоформления не обязательно могли быть ветеранские земельные раздачи, характерные для этого времени: квесторские поля относились к вектигальным, т.е. за их пользование необходимо было платить, и землемерное вмешательство могло понадобиться, чтобы уточнить размеры податей. Таким образом, описание межевания Куреса Сабинского учитывает тонкости эволюции межевой техники в эпоху Республики, которые могли быть малопонятны в более позднее время. Отсылки же к «книгам авторов» при описании межевых знаков, возможно, как раз обращены к современникам составителя, привыкшим к жестким правилам оформления участков, распространившимся в эпоху Поздней республики — Ранней империи.

Как было указано выше, Де Нардис отказывается подробно анализировать текст «Из книг авторов Магона и Вегойи».

Заголовок, в котором упоминаются карфагенский автор сельскохозяйственных трактатов и этрусская нимфа, не имеет отношения к содержанию этого текста, что нередко бывает с землемерными сочинениями. Текст представляет собой фрагмент трактата и в основном посвящен особенностям постановки межевых знаков. Его едва ли можно датировать, однако примечательно, что в Габиях анонимный автор застал результаты ветеранских земельных раздач, проведенных, судя по «Книгам колоний», ещё при Сулле (Campbell 2000: 182). Это сочинение интересно тем, что его автор апеллирует в основном к собственному опыту работы землемером. Чуть ли не единственный случай, когда он приводит в пример некое общеизвестное межевание — это пример квесторских полей Куреса Сабинского. В тексте сообщается следующее:

«Ведь поле (Куреса) Сабинского, которое зовется квесторским, которое, проведя лимиты, заключили в некие кирпичики по пятьдесят югеров. Потом же в некоторых местах поставили термины, и вкопали некоторые знаки вместо терминов. Ведь в действительности эти поля имеют разные состояния»⁹.

В описании этого неизвестного автора уже смешаны два этапа — межевание поля для квесторской продажи проводится лимитами, однако упоминается, что терминов, привычных для римской лимитации, первоначально не стояло. Кроме того, говорится, что поле содержит некие особые межевые знаки, причем далее автор признается, что в своей практике сам не везде ставил термины (представлявшие собой большие и хорошо обработанные каменные стелы), а ограничивался более простыми видами пограничных знаков.

Описание Сикула Флакка содержит ещё меньше подробностей:

«Ведь когда римляне покорили все народы, поля, захваченные у врага, разделили между народом-победителем. Другие же поля продали, как *ager Sabinorum*, который называется квесторским: его разделили актуарными лимитами и заключили по пятьдесят

⁹ Campbell 2000: 256: *Nam Sabinensis ager, qui dicitur quaestorius, quem actis limitibus quibusdam laterculis quinquagena iugera incluserunt. Postea vero aliquibus locis terminos posuerunt, et signa aliqua pro terminibus defoderunt. Hi vero agri multas habent condiciones.*

югеров в “кирпичики”, (отмерив) по десять актов, и таким образом через квесторов римского народа продали»¹⁰.

Упоминание квесторских полей имеет здесь другую функцию: оно помещено в пассаж, рассказывающий об истории римского землепользования. Как и в случае неизвестного автора, лимитация и межевание на *laterculi* смешаны в одно действие. В отличие от *liber coloniarum* II и анонимного автора, Сикул Флакк в этом месте не упоминает и разнообразие видов межевых знаков на квесторских полях. В то же время, далее по тексту он целых два раза сообщает о том, что термины на квесторских полях расставлены в недостаточном количестве, и это осложняет поиск «прямых линий» (*rigores*) межевания (SF III.2; 8). Таким образом, у Сикула Флакка зафиксировано представление о неких проблемах с расстановкой межевых знаков на квесторских полях. Однако, он не раскрывает их подробно и тяготеет в этих фрагментах к пересказу сведений о квесторских полях из трактата Гигина. В этом сочинении не упоминается Курес Сабинский, а акцент сделан на освещение особенностей правового статуса этих полей (H II.22–23)¹¹.

Предположение Де Нардиса, согласно которому неизвестный автор «Из книг Магона и Вегойи» мог читать Сикула Флакка, основано на том, что у них обоих есть схожие пассажи об ответственности магистров пагов за поддержание в порядке межевых знаков на сельских дорогах¹². Однако, если допустить, что автор читал именно Сикула Флакка и именно от него взял сообщение о межевании квесторских полей, возникает вопрос, почему его пассаж с описанием межевых знаков Курса Сабинского содержательно ближе к описанию *liber coloniarum* II, в то время как у Сикула Флакка эта информация подана менее конкретно и смешана с подчерпнутой у Гигина. С нашей

¹⁰ SF I.7–8: *Ut vero Romani omnium gentium potiti sunt, agros ex hoste captos in victorem populum partiti sunt. Alios vero agros vendiderunt, ut Sabinorum ager qui dicitur quaestorius: eum limitibus actis dividerunt, et denis quibusque actibus laterculis quinquagena iugera incluserunt, atque ita per quaestores populi Romani vendiderunt.*

¹¹ Он цитирует Гигина и в других местах, ср., например, общий для них пассаж о связи *agri occupatorii* и *agri arcifinii*, не встречающийся у других авторов: H 2.21–22; SF II.1.

¹² На это же обратил внимание Б. Кэмпбелл: Campbell 2000: 446.

точки зрения, этот вопрос отпадает, если принять, что все указанные авторы черпали свои сведения о межевании сабинского Куреса из одного источника, причем составитель книги колоний скопировал данные точнее остальных.

Что касается отсутствия сведений о межевании Куреса Сабинского в *liber coloniarum I*, то эта проблема возникает и с другими общинами. Если мы обратимся к перечню общин Пицена из первой книги, озаглавленному «Из книги Бальба провинция Пицена», то заметим, что общин в нем упомянуто в несколько раз меньше по сравнению с описанием Пицена из *liber coloniarum II*. Это обстоятельство привело Р. Томпсона к мысли о том, что составитель *liber coloniarum II* пользовался более ранними источниками, которыми не воспользовались составители *liber coloniarum I* (Thomsen 1947: 296–297). М. Де Нардис считает, что источником описания Куреса мог быть землемер Бальб, упомянутый в заголовке описания Пицена в *liber coloniarum I*. Его имя еще раз встречается в книгах колоний: ему приписывается обработка всей имевшейся в эпоху Августа документации о межеваниях (Campbell 2000: 18). В этом случае естественно предположить, что вторая книга колоний могла быть пусть и более поздним, но более полным списком с сочинения Бальба, тогда как первая — по каким-то причинам сокращенным. Однако, исследователя смущает отсутствие упоминаний Цезаря в других источниках, прежде всего у Сикула Флакка (De Nardis 2019: 293).

На наш взгляд, это отсутствие можно объяснить разными функциями рассказов о межевании Куреса. В тексте «Из книг Магона и Вегойи» Курес — пример того, как межевание можно оформить постановкой минимума терминов. При этом неважно, кто именно и когда проводил второе землеустройство; для нас важно, впрочем, что реорганизация территории в этом тексте засвидетельствована однозначно. У Сикула Флакка квесторские поля — пример, необходимый для создания общей картины римского землепользования. Э. Эрмон уже обращала внимание на то, что это описание похоже на рассказ об использовании римлянами завоеванных земель из «Гражданских войн» Аппиана (App. BC I.7) (Hermon 2006: 187). Конкретные примеры древних способов использования общественной земли делают рассказ Сикула более фундированным, но дальнейшие оговорки

о реорганизации квесторских полей в более позднее время были бессмысленны.

Таким образом, с нашей точки зрения, все землемерные авторы, писавшие о Куресе Сабинском, были знакомы с одним и тем же источником. Им могло быть описание, составленное землемером Бальбом, упомянутое в *liber coloniarum* I, как это предлагает Де Нардис. Более того, описание межевания из *liber coloniarum* II наименее противоречиво и по всей видимости наиболее близко передает содержание первоисточника и особенности оформления квесторских полей. Для землемеров межевания поля Курса Сабинского, называемого квесторским — пример юридического и технического архаизма, следы которого сохранились и на земле, и в документации. Он, с одной стороны, напоминал о древнем способе использования общественной земли, а с другой — об эпохе, когда практика лимитации не была отработана и существовали другие способы межевания, мало знакомые землемерам эпохи Империи. Вероятно, это и есть основные причины, по которым землемеры чаще других авторов пишут о квесторских полях.

Литература

- Campbell, B. 2000: *The Writings of the Roman Land Surveyors*. London: Society for the Promotion of Roman Studies.
- Chouquer, G., Clavel-Levêque, M., Favory, F. 1982: Cadastres, occupation du sol et paysages agraires antiques. *Annales. Histoire, Sciences Sociales* 5/6, 847–882.
- Clavel-Levêque, M., Favory, F. 1992: Les gromatici veteres et les réalités paysagères: présentation de quelques cas. In: *Die römische Feldmesskunst: Interdisziplinäre Beiträge zu ihrer Bedeutung für die Zivilisationsgeschichte Roms*. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 88–139.
- De Nardis, M. 2009: L'ager quaestorius di Cures Sabini e lo sviluppo della centuriazione romana. *Agri centuriati* 6, 207–216.
- De Nardis, M. 2019: I libri coloniarum lachmanniani e la datazione di Siculus Flaccus. In: *Uomini, istituzioni, mercati. Studi di storia per Elio Lo Cascio*. Bari: Edipuglia, 287–298.
- Guillamin, J.-Y. 2005: *Les arpenteurs romains*. T. 1. *Hygin le Gromaticus. Frontin*. Paris: Les belles lettres.
- Guillamin, J.-Y. 2010: *Les arpenteurs romains*. T. 2. *Hygin. Siculus Flaccus*. Paris: Les belles lettres.
- Gvozdeva, I. A. 1999: [Finis and rigor in the Agrarian Law of Ancient Rome]. In: *Drevniy Vostok i antichnyy mir. Trudy kafedry istorii*

- drevnego mira Istoricheskogo fakul'teta MGU*. Вып. 2. [Ancient East and the ancient world. Proceedings of the Department of the History of the Ancient World, Faculty of History, Moscow State University. Issue 2.] Moscow: Russkiy dvor, 72–79.
- Гвоздева, И. А. Finis и rigor в аграрном праве древнего Рима. В сб.: *Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира Исторического факультета МГУ*. Вып. 2. М.: Русский двор, 72–79.
- Hermón, E. 2006: Le concept d'*ager publicus* et l'équivalence *ager occupatorius/ager arcifinius* dans la définition des terres publiques par les Gromatici. In: *Les vocabulaires techniques des arpenteurs romains. Actes du colloque international (Besançon, 19–21 septembre 2002)*. Besançon: ISTA, 183–192.
- Mommsen, Th. 1852: Die libri coloniarum. In: *Die Schriften der Römischen Feldmesser*. Bd. II. Berlin, 143–220.
- Peyras, J. 2006: Les Libri Colonarium et l'œuvre Gracchienne. In: *Autour des Libri coloniarum: colonisation et colonies dans le monde romain. Actes du Colloque international (Besançon, 16–18 octobre 2003)*. Besançon: Presses Universitaires de Franche-Comté, 47–64.
- Roselaar, S.T. 2009: References to Gracchan Activity in the Liber Coloniarum. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 58(1), 198–214.
- Thomsen, R. 1947: *The Italic regions, from Augustus to the Lombard invasion*. Kobenhavn: Gyldendal.

М. Л. Кисилиер
СПбГУ / Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
m.kisilier@spbu.ru, maxim@iling.spb.ru

О ДВУХ РАЗНЫХ ПЕРФЕКТАХ ИЛИ ОБ АРХАИЗМЕ И ИННОВАЦИЯХ В ГЛАГОЛЬНОЙ СИСТЕМЕ НОВОГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА *

Хотя греческому перфекту посвящено значительное количество исследований, на первый взгляд может сложиться впечатление, что его изучение едва ли интересно вне рамок эллинистики. Хорошо известно, что более чем за трехтысячелетнюю историю в греческом языке фиксируются разные модели перфекта. Для новогреческого и большинства его диалектов характерен аналитический поссесивный перфект, появившийся или, вероятно, заимствованный около XVII в. На протяжении всего средневекового периода греческий «опробовал» разнообразные перифрастические конструкции, по-видимому, имевшие не перфектное, а результативное значение и, скорее всего, развивавшиеся под влиянием романских языков. Некоторые из этих моделей до сих пор сохраняются в новогреческих диалектах. Традиционным для греческого был синтетический перфект, имевший не только собственную основу, но и свой набор окончаний. Принято считать, что уже в эллинистическом койне он утратил перфектные свойства и влился в аорист. При этом его формы уже как аористные существуют до сих пор как в стандартном новогреческом, так и по диалектам, где степень распространения подобных форм может указывать на степень архаичности диалекта. В настоящей статье не просто предпринимается попытка объединить проблематику древнегреческого и новогреческого перфектов — это делалось и прежде. Важнее было показать, что древнегреческий перфект отличается от новогреческого не только по форме, но и типологически. Более того, уместно предположить, правда, на данном этапе исключительно гипотетически, что аорист, интегрируя в себя древнегреческий перфект, перенимает не только его формы, но и приобретает некоторые его свойства, которые сегодня позволяют аористу конкурировать с новогреческим перфектом.

Ключевые слова: история греческого языка, греческий перфект, аналитический перфект, синтетический перфект, перифрастический перфект, результатив, новогреческая диалектология.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 25-18-00064 «Функциональная грамматика балканского языкового союза».

Maxim Kisilier

St. Petersburg State University / Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia.
m.kisilier@spbu.ru, maxim@iling.spb.ru

Two different perfects, or about an archaism and innovations in the verbal system of Modern Greek

Greek perfect is a recurring theme in numerous linguistic contributions, although at first glance it may appear to be of limited interest outside Hellenic studies. It is well known that during its long history (more than three thousand years), Greek used multiple models of perfect. Modern Greek and most of its dialects make use of the analytic “possessive” perfect which has appeared (or even has been borrowed) approximately in the 17th century. Medieval Greek has tried various periphrastic constructions. However, the majority of them seem to have rather resultative rather than perfect meaning, and their development was most likely influenced by the Romance languages. Some of these patterns persist in Modern Greek dialects. Synthetic perfect was more genuine for Greek. It had not only its distinct stem but also a special set of flexions. It is generally believed that it lost its “perfect” attributes during the period of Hellenistic Koine and merged with aorist. Some forms of the former synthetic perfect still exist both in Standard Modern Greek and its dialects, and the more archaic is the dialect, the more forms of the synthetic perfect it has. This contribution does not merely try to explore together the problematics of the Ancient Greek and the Modern Greek perfects which has been previously undertaken. Its goal also to demonstrate that the difference between the two perfects is not only formal but typological as well. Moreover, it is tempting to hypothesize that in integrating the forms of synthetic perfect, aorist adopted some of the semantics of perfect as well. That is why in Modern Greek aorist in many situations can compete with Modern Greek perfect.

Keywords: history of Modern Greek, Greek perfect, analytic perfect, synthetic perfect, periphrastic perfect, resultative, Modern Greek dialects

1. Введение

На первый взгляд глагольная система стандартного новогреческого и его диалектов¹ малоинтересна исследователю-неэллинисту². Долгое время считалось, что и в балканской

¹ В настоящей статье все варианты греческого языка, существующие сегодня, условно названы новогреческими диалектами, независимо от времени их возникновения и степени взаимопонятности.

² Вероятным исключением можно считать ситуацию в цаконском диалекте, где синтетический презенс обнаруживается лишь в сослагательном наклонении (ср. Haspelmath 1998: 11–12). При этом, приходится признать, что рассматривать данное явление продуктивнее в диахро-

перспективе несмотря на то, что новогреческий, несомненно, относится к балканским языкам (ср. Joseph 2020), новогреческий глагол не демонстрирует ничего, что стоило бы считать балканизмом. Так, ни в одном известном локальном варианте (ново)греческого нет эвиденциалиса, а, например, перфект, хотя и сопоставим с перфектами в языках балканского ареала (Adamou 2012; Adamou et al. Forthcoming; Kisilier, Rusakov Forthcoming-a; Forthcoming-b), скорее всего, развивался самостоятельно, а не в контакте с другими балканскими языками или под их влиянием. Поэтому вполне ожидаемо, что при описании балканского аналитического перфекта, нередко включаемого в перечень т. н. балканизмов (Mišeska Tomić 2008: 187), новогреческий либо не упоминается вообще (Sandfeld 1930: 149–150), либо подчеркивается особость (которую в данном случае можно интерпретировать как периферийность) по сравнению с другими балканскими языками (ср. Friedman, Joseph 2025: 541–543)³. Даже такие, на первый взгляд необычные примеры, как перфект в греческом диалекте Дропула (Южная Албания), где может изменяться не вспомогательный глагол как в стандартном новогреческом (1), а «смысловой» (2),⁴ по-видимому, оказываются своего рода локальными курьезами, интересными для неозллингвистики, но не столь важными для прочих областей лингвистики.

(1) стандартный новогреческий:

το έχω πει

to=éx-o

3SG.N.NGEN=иметь.PRS-PRS.1SG

‘[я] сказал’ (Arkhangelskiy, Kisilier 2015)

*p-i*⁵

говорить.PFV-PRF⁶

нической перспективе, нежели в типологической (подробнее см. Kisilier 2016b).

³ Возможно, что к новогреческому перфекту вполне применим термин ‘антибалканизм’ (о термине см. подробнее Sobolev 2011).

⁴ Стоит отметить, что подобная модель встречается в греческом диалекте Дропула также и в плюсквамперфекте, причем даже регулярнее, чем в перфекте.

⁵ В стандартном новогреческом данная форма восходит к древнегреческому инфинитиву.

⁶ Здесь и далее примеры глоссируются в соответствии с «Лейпцигскими правилами глоссирования». Обозначение грамматических категорий производится согласно (Comrie et al. 2015; CorpAfroAs_Team 2017). Глаголы по умолчанию считаются в активном залоге и в изъявительном наклонении.

- (2) греческий диалект Дропула:

tó=ç-i

3SG.N.NGEN=иметь.PRS-PRS.3SG

‘[я] сказал’ (Kisilier 2025b)

p-ó

говорить.PFV-PRS.1SG

Можно предположить, что примеры типа (2) возникли под влиянием двух моделей — ранненовогреческого будущего времени со вспомогательным глаголом *έχω* /έχο/ ‘иметь’ и инфинитивом (3) и современного албанского (4), а, возможно, и новогреческого (5) футурума, представляющего собой сочетание модальной частицы и глагола в сослагательном наклонении.

- (3) ранненовогреческий (XVI в.):

κατέβην έχω εις Μάγγε

katév-in**έx-o**

is Μαηέ

спускаться.PFV-INF

иметь.PRS-PRS.1SG

в Мекка

‘[я] буду на пути Мекку’ («Поэма о Дигенисе Акрите», *E.* 288, чит. по Jeffreys 1998: 258)

- (4) албанский
- ⁷
- :

do

t'-më

jap-ësh

FUT SBJV-1SG.DAT

давать.SBJV-SBJV.2SG

‘[ты] мне дашь’

- (5) стандартный новогреческий (футурум):

τι θα πείτε

ti θα=pi-te

что FUT=говорить.PFV-2SG

‘что скажете’ (Pavlidou 2011)

Очевидно, сходство моделей, по которым в раннем новогреческом конструировалось будущее время, а в современном новогреческом — перфект (то есть, вспомогательный глагол ‘иметь’ + инфинитив или форма, восходящая к инфинитиву), могло способствовать тому, что в греческом диалекте Дропула в перфекте вспомогательный глагол постепенно начал превращаться в модальную частицу, а «смысловой» стал употребляться не в форме, восходящей к инфинитиву, а, по сути, в сослагательном наклонении.

Впрочем, как представляется, в глагольной системе новогреческого языка и/или его диалектов обнаруживаются не

⁷ Пользуясь случаем, выражаю благодарность А. Ю. Русакову, подсказавшему этот пример.

только подобного рода курьезы, но и более принципиальные особенности, значимые как для истории новогреческого языка, так и для лингвистической типологии. В настоящей статье речь пойдет об особенностях, так или иначе связанных с формами перфекта. В разделе 2 представлен краткий обзор аналитических форм и перифрастических конструкций, в традиционных грамматиках трактуемых как перфект. Раздел 3 посвящен судьбе синтетических форм перфекта. Материалы для статьи, в основном, были собраны автором в ходе полевых исследований в разных грекоязычных регионах и в процессе работы с информантами при помощи современных средств коммуникации (социальных сетей, платформ для видеоконференций, клиентов по обмену мгновенными сообщениями и голосовой связи по ip). Многие материалы опубликованы в «Атласе языков балканского ареала» (Adamou, Sobolev 2025). Кроме того, для исследования привлекались корпусы новогреческого языка, в частности, (Pavlidou 2011; подробнее о корпусах новогреческого языка см. Arkhangelskiy, Kisilier 2018).

2. Аналитические формы и перифрастические конструкции, связанные с перфектом

Описанию новогреческого перфекта посвящено немало исследований, среди которых стоит выделить (Hedin 1987; Mozer 1994). До сих пор множество вопросов остается открытыми, но вместе с тем есть все основания утверждать, что новогреческий поссесивный перфект со вспомогательным глаголом ‘иметь’ следует относить к т. н. **слабым** перфектам (Plungian 2016: 25–26), поскольку его употребление ограничено экспериенциальным значением (Eløeva, Chernoglazov 2016: 18–19). Результативу отведены особые перифрастические конструкции в активном (6) и в пассивном (7) залогах.

(6) активный результатив:

τους	σκελετούς σου <...>	που έχεις κρυμμένους
tus	scelet-ús=su <...>	
DEF.M.ACC.SG	скелет-SG.ACC=POSS.2SG	<...>
pu	έξ-ís	krimen-us
который	иметь.PRS-PRS.2SG	скрывать.PTCP.PFV.PASS-M.ACC.PL
‘твои скелеты <...>, которые [ты] спрятал’ (Pavlidou 2011)		

- (7) пассивный результатив:
 то ξέρουμε <...> γιατί **είναι** και **γγραμμένο**
 to=*ksér-ume* <...> *játí*
 3SG.N.NGEN=знать-PRS.1PL <...> потому.что
ίνε *се* **γγραμέν-ο**
 быть.PRS.3SG и писать.PTCP.PFV.PASS-NF.NGEN.SG
 ‘[мы] это знаем <...>, потому что [это/так] и написано’
 (Pavlidou 2011)

Новогреческие формы результатива в полной мере не грамматикализировались и, в отличие от форм перфекта, не стали аналитическими (Eloeva, Chernoglazov 2016: 18). На это, в частности, указывают согласование причастия по роду и числу с референтом и допустимость разрыва перифрастической конструкции союзом или частицей (7), что недопустимо для перфекта в стандартном новогреческом.

При этом складывается впечатление, что перифрастический результатив появился ранее аналитического поссесивного перфекта. «Кембриджская грамматика средневекового и раннего новогреческого языка» (Holton et al. 2019: 1831–1840) дает довольно подробный перечень подобных форм. Ниже в (8–10) приводятся примеры некоторых моделей.

- (8) ‘иметь’ + пассивное перфективное причастие (распространено с XV в., отдельные примеры с XI в.):
 τόσους **ἔχει χαμένους**
 tós-us *ές-ι* *χαμέν-us*
 столько-М.ACC.SG иметь.PRS-PRS.3SG терять.PTCP.PFV.PASS-
 М.ACC.PL
 ‘[он/а] столько потерял[а]’ (Holton et al. 2019: 1834)
- (9) ‘быть’ + пассивное перфективное причастие (распространено с XV в., чаще всего с глаголами движения):
 δὲ θέλει να ξέρει ο βασιλὸς πὼς **εἴμεστα ἐρθομένοι**
 de=*thél-i* *na=ksévr-i* *o* *vasil-ós*
 NEG=хотеть-PRS.3SG SBJV=знать-PRS.3SG DEF.M.NOM.SG царь-
 NOM.SG
pos *ímesta* *erθ-omén-i*
 как быть.PRS.1PL приходить.PTCP.PFV-PASS-M.NOM.PL
 ‘не хочет знать царь, как [мы] пришли’ (Holton et al. 2019: 1838)

- (10) ‘иметь’ + отглагольное прилагательное (фиксируется с XIII в.):
 τὸ ἀμπέλν ὁποῦ **ἔχουν ἀγοραστό**
to abél-i opí
 DEF.N.NGEN.SG виноград-NGEN.SG который
έχ-un **agoras-t-ó**
 иметь.PRS-PRS.3SG покупать.PFV-ADJZR-NF.NGEN.SG
 ‘участок с виноградными лозами, который [они] купили’
 (Holton et al. 2019: 1839)

Скорее всего, перифрастические формы, образованные с помощью вспомогательных глаголов ‘иметь’ (8) и ‘быть’ (9) и пассивного перфективного причастия, развились под влиянием романских языков (ср. Norricks 1997: 231), но что важнее — все конструкции, перечисленные в (Holton et al. 2019: 1831–1840), следует связывать, скорее, с результатом, чем собственно с перфектом. На это указывают два фактора:

- (а) отсутствие выраженного экспериенциального значение во всех приводимых примерах;
- (б) неграмматизированность перифрастических конструкций, что в средневековом греческом и новогреческом свойственно именно для результата.

Сочетания глагола ‘иметь’ с глагольной формой, восходящей к инфинитиву, для обозначения перфекта фиксируются не ранее XVII в. (Hatzidakis 1905: 598–609; cf. Janssen 2013; Holton et al. 2019: 1840–1841). Долгое время, видимо, начиная с эллинистического койне и до XI в. (Markopolous 2009: 60–73, 141), а, в возможно, и позже,⁸ эта конструкция служила для обозначения будущего времени.

Таким образом, складывается впечатление, что в течение некоего относительно длительного периода в греческом вообще не было перфекта (см. также Kisilier 2016a). Это предположение косвенно подтверждается, с одной стороны, тем, что, в отличие от прочих балканских языков, в новогреческом отсутствует

⁸ После XI в. инфинитив начинает активно заменяться формой сослагательного наклонения с частицей *va* /*na*/, при этом сочетания глагола ‘иметь’ с формой сослагательного наклонения, скорее, оказываются связаны с долженствованием, чем с будущим. Впрочем, в греческом диалекте итальянской Апулии (грико) именно такая форма (*ές-ι ná=rt-i* <иметь.PRS-PRS.3SG SBJV=приходить.PFV-PRS.3SG> ‘[он] придет’) оказывается основным средством выражения будущего времени (подробнее см. Abdrakhmanova 2002: 35–39).

эвиденциалис, для которого обычно используются формы перфекта, а с другой стороны, — ситуацией в диалектах новогреческого языка. Эта ситуация уже была относительно подробно описана в (Ralli et al. 2007), поэтому здесь можно остановиться лишь на некоторых наблюдениях, важных именно для настоящего исследования. Во-первых, перфект обнаруживается далеко не во всех диалектах новогреческого языка. Например, его нет ни в одном варианте понтийского⁹ или в диалекте приазовских греков,¹⁰ и нет оснований считать, что он исчез там в каком-то обозримом прошлом. Во-вторых, диалекты, где есть перфект или близкая к нему форма,¹¹ можно разделить, по крайней мере, на две группы:

- (а) диалекты, в которых перфект или близкая к нему форма сохраняет определенную средневековую модель;
- (б) диалекты, в которых форма перфекта строится по новогреческой модели.

К первым относятся, например, кипрский (11) и цаконский (12).

⁹ Справедливости ради стоит отметить, что в речи понтийцев, проживающих в Греции, может иногда промелькнуть форма перфекта, однако это, несомненно, переключение кодов, а не языковой факт, связанный с понтийским диалектом.

¹⁰ В одном из первых лингвистических описаний диалекта приазовских греков (Sergievskiy 1934: 582) в числе грамматических категорий глагола упомянут и перфект. При этом М. В. Сергиевский отмечает результирующее значение у этих форм, а единственный приведенный пример взят из поэзии Г. А. Костоправа, стремившегося создать литературный язык на базе местного диалекта и, по-видимому, сконструировавшего эту форму по новогреческой модели.

¹¹ В новогреческих диалектах всегда проблематично определить семантику глагольных форм, которые можно было бы назвать перфектом. Как показал опыт полевых исследований, при переводе стимулов информанты охотно соотносят их с новогреческим перфектом, что регулярно не соответствует реальному употреблению этих форм. Впрочем, проследить реальное употребление — отдельная, крайне непростая задача. Например, почти за 15 лет работы с цаконским мне довелось лишь пару раз услышать форму перфекта в живой речи. Возможно, это связано с тем, что в моем общении с информантами преобладает нарратив, а для него, по-видимому, не свойственны перфектные формы.

- (11) кипрский (ср. (9)):

ime *faimén-os*
 быть.PRS.1SG есть.PTCP.PFV.PASS-M.NOM.SG
 ‘[я] поел’ (Kisilier 2025a)

- (12) цаконский (ср. (10)):

épi *éx-u* *xcis-t-é*
 быть.PRS.1SG иметь-PTCP.M.SG строить.PFV-ADJZR-NF.SG
ta *ǵé-a*
 DEF.F.OBL.SG дом.NGEN.SG-NGEN.SG
 ‘[я] построил дом’ (Kisilier 2025d)

По формальным признакам кипрский перфект (11), где причастие согласуется по роду и числу с субъектом (пусть даже опущенным в данном случае, поскольку кипрский относится к языкам типа pro-drop), скорее похож на результатив. Возможно, поэтому в него последние десятилетия активно заимствуется новогреческая модель перфекта (Melissaropoulou et al. 2013).

Цаконский перфект, напротив, представляет собой аналитическую форму,¹² и в диалекте не наблюдается попыток применять новогреческую модель. Правда, для глаголов движения в цаконском преимущественно используется модель с глаголом ‘быть’, аналогичная кипрской (13).

- (13) *éte* *ǵaç-it-i*
 быть.PRS.1PL бежать-ADJZR-NN.PL
 ‘[мы] побежали’ (Kisilier 2025d)

Примеры типа (13) могут служить подтверждением высказанного выше предположения Джоффри Хоррокса о романском происхождении такого рода форм. Так или иначе, кипрская, цаконская и другие подобные модели, очевидно, являются инновациями, появившимися достаточно поздно.

Естественно, диалектов, в которых перфект следует новогреческой модели, большинство. Но и в них возможны, казалось бы, неожиданные вариации. Например, изменяется не вспомогательный глагол, а другая часть аналитической формы,

¹² Существенная особенность цаконского перфекта связана с отсутствием синтетической формы для презенса (ср. сн. 2), поэтому в перфекте две аналитические формы словно «накладываются» одна на другую.

как в греческом диалекте Дропула (2),¹³ или вообще обе части, как на Лемносе (14).

- (14) *éx-u* *kán-u*
 иметь.PRS-PRS.1SG делать-PRS.1SG
 '[я] сделал' (Ralli et al. 2007: 363)

В других случаях форма перфекта кажется абсолютно идентичной новогреческой, но, в отличие от стандартного языка, допускается интерпозиция местоименной клитики (15).¹⁴

- (15) севернохиотский:
tó=ç-is *tu=ðóc-i*
 3SG.N.NGEN=иметь.PRS-PRS.2SG 1SG.GEN=давать.PFV-PRF
 '[ты] мне это дал' (Kisilier 2025c)

Примеры типа (2), (14), (15) свидетельствуют о крайней нестабильности перфекта по диалектам и о том, что формы перфекта не успели в полной мере грамматикализироваться. Скорее всего, поссессивный перфект в диалектах развился не самостоятельно, а был заимствован извне, например, из стандартного новогреческого.

3. Синтетический перфект

Принципиально иную картину демонстрирует древнегреческий синтетический перфект. В отличие от новогреческого аналитического перфекта, он был не слабым перфектом, а **расширенным**, то есть спектр его значений включал как результативность, так и экспериенциальность (подробнее см. Chantraine 1926; Wackernagel 2009: 216–217; Rijksbaron 2006: 35–38; Crellin 2020a: 437). Впрочем, для настоящего исследования важнее другое. В древнегреческом языке еще сохраняется архаическая праиндоевропейская система, при которой у претерита и перфекта сохраняются и разные основы, и разный набор окончаний (ср. Perelmuter 1977). В индоевропейских языках эта система исчезает: синтетические перфекты

¹³ Стоит отметить, что в греческом диалекте Дропула встречается и вполне традиционная модель, полностью идентичная новогреческой: *éx-o xtís-i* <иметь.PRS-PRS.1SG строить.PFV-PRF> '[я] построил' (Kisilier 2025b).

¹⁴ Правда, более регулярно интерпозиция имеет место в плюсквам-перфекте (подробнее см. Kisilier 2024: 809–810).

превращаются в претериты (как, например, в латыни, ср. Crellin 2020b), а параллельно с их исчезновением могут появляться новые перифрастические/аналитические перфекты, как в тохарском (Seržant 2020) или в хеттском (Inglese, Luraghi 2020; в общем виде этот процесс кратко представлен в Kümmel 2020). Греческий язык не является исключением, хотя и уникален тем, что позволяет воочию наблюдать функционирование праиндоевропейской системы, в которой противопоставлены основы и флексии перфекта и претерита. Еще в древнегреческом появляются перифрастические средства выражения перфекта (Bruno 2014; Kazansky 2016: 133; Bentein 2016: 107–201; Drinka 2017: 94–111), в т. ч. и с глаголом ‘иметь’. Эти перифрастические конструкции оказываются в итоге непродуктивны и исчезают, а наблюдаемые в них модели в эпоху койне и позднее употребляются в иных значениях (например, футурума). При этом уже в эпоху койне можно говорить о постепенном превращении синтетического перфекта в аорист. Об этом, в частности, свидетельствуют примеры, когда в I в. н. э. авторы (например, Аммоний) путаются, определяя семантические различия между перфектом и аористом, приписывая перфекту значение аориста и наоборот (16).

- (16) **Ἀπέθανε** καὶ **τέθνηκε** διαφέρει. **Ἀπέθανε** μὲν νῦν **τέθνηκε** δὲ πάλαι
 ‘Ἀπέθανε ([он] умер’ — аорист) и τέθνηκε ([он] умер’ — перфект) различаются. Ἀπέθανε — сейчас, а τέθνηκε — давно’
 (цит. по Eloeva, Chernoglazov 2016: 11)

В ранневизантийских текстах, например, в популярном патерике VII в. «Луге Духовном» Иоанна Мосха, причастия перфекта и аориста могут даже употребляться как однородные, описывающие одновременные события (17).

- (17) τοῦτο ἀκηκοὼς <...> καὶ θεωρήσας
tút-o *aciko-ós* *ce*
 3SG.N-N.SG.NGEN слышать.PRF-PRF.M.SG.NOM и
θεορ-ís-as
 смотреть-AOR-AOR.M.SG.NOM
 ‘... это **услышав** <...> и **увидев**...’ (Migne 1863: 3073A1–2)

Синтетические формы перфекта продолжают широко употребляться в т. н. «высокой» византийской литературе вплоть до XIV в., а, возможно, и позже, где они регулярно выступают в качестве альтернативной формы аориста (Hinterberger 2014:

189). Тем не менее, семантика перфекта не полностью стирается, и отдельные византийские авторы даже в XII в. осведомлены об исконных значениях перфектных форм (Elieva, Chernoglazov 2016: 12–13).

Принципиально иначе синтетический перфект развивался в разговорном греческом. Как любой перфект расширенного типа, он превратился в претерит (ср. Plungian 2016: 23–24), трансформировавшись в т. н. «капповый» аорист и утратив редупликацию. В стандартном новогреческом такой аорист сохраняется до сих пор. Он нерегулярен, но, как кажется, появляется у глаголов, у которых в древнегреческом был несигматический аорист (18).

- (18) н.-греч. βρήκα /vríka/ ‘[я] нашел’ < др.-греч. εὔρηκα /^héure:ka/,
ср. AOR εὔρον /^héuron/
н.-греч. μπήκα /bíka/ ‘[я] вошел’ < др.-греч. βέβηκα /bébe:ka/, ср.
AOR ἔβην /ébe:n/

«Капповый» аорист представлен и по диалектам (19). Знаменитый греческий диалектолог Никос Кондосопулос даже рассматривает его наличие как один из параметров диалектной классификации (Kontosopoulos 2001: XXIII).

- (19) грек. *ekatévika* ‘[я] спустился’ (Rohlf 1977: 107)
< др.-греч. καταβέβηκα /katabébe:ka/
цак. *oráka* ‘[я] увидел’ < др.-греч. ἑώρακα /^heóra:ka/

В некоторых диалектах, в частности, в понтийском и цаконском, формы каппового аориста могут даже вытеснять формы сигматического аориста (20).

- (20) понт. *epíka*, цак. *ebíka* ‘[я] сделал’ < др.-греч. πεποίηκα /peróje:ka/,
ср. AOR ἐποίησα /eróje:sa/

Феномен вытеснения сигматического аориста «капповым», а также степень распространения последнего можно считать важным показателем «архаичности» диалекта. С этой точки зрения понтийский и цаконский заметно выделяются на фоне других. В них превалирует «капповый» аорист, а примеров сигматического аориста¹⁵ сравнительно мало¹⁶.

¹⁵ Термин ‘сигматический аорист’ к цаконскому применим в значительной степени условно, так эти аористные формы давно утратили

4. Краткое подведение итогов

Греческий языковой континуум позволяет четко проследить развитие перфекта и его трансформацию на разных этапах исторического развития греческого языка. Изначальный синтетический перфект расширенного типа, как и положено, у некоторых глаголов исчезает, а у других переходит в претерит (аорист), вытесняя изначально корневой, а иногда даже и сигматический аорист. Вероятно, степень распространения форм синтетического перфекта в том или ином диалекте можно рассматривать как надежный показатель его архаичности (с этой точки зрения, понтийский и цаконский значительно архаичнее, чем стандартный новогреческий). По-видимому, в средние века греческий язык в течение длительного времени существовал без перфекта, активно используя разнообразные и постоянно сменяющие друг друга перифрастические конструкции для обозначения результата. Наконец, уже в раннем новогреческом появляется новый слабый поссесивный перфект, скорее всего, заимствованный из романских языков. Сначала он появился в литературном языке, а оттуда с разной степенью успешности стал проникать в диалекты, где его значение, сферы употребления и степень грамматикализованности требуют отдельного исследования. Один из актуальных вопросов неозллинистики связан с семантическими различиями форм аориста и перфекта в современном языке. Вероятно, при рассмотрении этой проблемы имело бы смысл пристальнее взглянуть на процесс объединения древнегреческого перфекта и аориста, вобравшего в себя в итоге и древний перфект. При этом на первый план должно выйти не просто изменение «грамматического» статуса тех или иных глагольных форм, а вопрос о том, насколько однонаправленным был процесс семантической интеграции старых перфектных форм. Иными словами, перфект просто превратился в аорист, или и аорист, благодаря сравнительно массовому внедрению перфектных форм сам стал немного перфектом, что, в итоге, и позволяет

сигму: *ek^hará* < **ek^harása* '[я] попросил', *esitá* < **esitása* '[я] упал', *aníá* < **aníasa* '[я] открыл', и др.

¹⁶ Например, в полевых материалах, собранных у носителей цаконского диалекта в 2010–2024 гг. (более 30 экспедиций), примеры с «капповым» аористом занимают более 95% всех аористных примеров.

сегодня новогреческому аористу успешно конкурировать с новогреческим перфектом. Если высказанная гипотеза справедлива, то приведенные выше примеры, где путается семантика древнегреческого перфекта и аориста (16) или формы перфекта и аориста описывают одно и то же событие в одном и том же предложении (17), свидетельствуют не только и не столько об утрате семантики перфекта, сколько о «перфективизации» аориста.

Сокращения и условные обозначения

= — показатель клитики; 1 — 1 л. у глаголов; 2 — 2 л. у глаголов; 3 — 3 л. у глаголов; грек. — греканико (греческий диалект Калабрии); др.-греч. — древнегреческий язык; н.-греч. — новогреческий язык; понт. — понтийский диалект; цак. — цаконский диалект; ACC — винительный падеж; ADJR — адъективизатор; AOR — аорист; DAT — дательный падеж; DEF — показатель определенности (определенный артикль); F — женский род; FUT — будущее время; INF — инфинитив; M — мужской род; N — средний род; NF — неженский род; NEG — отрицание; NGEN — неродительный падеж; NN — несредний род; NOM — именительный падеж; OBL — косвенный падеж; PFV — перфектив; PL — множественное число; POSS — показатель possessивности (притяжательное местоимение); PRF — перфект; PRS — настоящее время; PTCP — причастие; SBJV — сослагательное наклонение; SG — единственное число.

Литература

- Abdrakhmanova, D. R. 2002: *Oformlenie grammmy buduschego vremeni v novogrecheskom ŷazyke* [Presentation of the grammeme of the Future Tense]. Thesis. St. Petersburg. St. Petersburg University. Manuscript.
- Абдрахманова, Д. Р. 2002: *Оформление граммы будущего времени в новогреческом языке и его диалектах*. Дипломная работа. СПб.: СПбГУ. На правах рукописи.
- Adamou, E. 2012: Le parfait avec 'avoir' dans l'aire balkanique: approche multifactorielle diversifiée d'une balkanisme. In: Chamoreau, C., Goury, L. (eds.). *Changement linguistique et langues en contact*. Paris: CRNS éditions, 101–119.
- Adamou, E., Kisilier, M. L., Rusakov, A. Y. Forthcoming: Perfect: auxiliary verb in the active voice. In: Adamou, E., Sobolev, A. N. (eds.). *The Balkan linguistic area. An atlas of variation and contact*. Berlin: De Gruyter.
- Adamou, E., Sobolev, A. N. (2025). *Atlas of the Balkan linguistic area online (ABLA)*. URL: <https://abla.cnrs.fr>, accessed 08.04.2025.

- Arkhangelskiy, T., Kisilier, M. 2015: *Corpus of Modern Greek*. URL: http://web-corpora.net/GreekCorpus/search/?interface_language=en, accessed 01.04.2025.
- Arkhangelskiy, T., Kisilier, M. 2018: [Corpora of Modern Greek: achievements and goals]. *Indoeuropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology] XXII. 1, 50–59.
- Архангельский, Т. А., Кисилиер, М. Л. 2018: Корпуса греческого языка: достижения, цели и задачи. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* XXII. 1, 50–59.
- Bentein, K. 2016: *Verbal periphrasis in Ancient Greek. Have- and be-constructions*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Bruno, C. 2014: Ἐχθ-perfects in Greek: a diachronic view. In: Bartolotta, A. (ed.). *The Greek verb. Morphology, syntax, and semantics. Proceedings of the 8th International meeting on Greek linguistics. Agrigento, October 1–3, 2009*. Lovain-la-Neuve; Walpole, Ma: Peeters, 43–52.
- Chantraine, P. 1926: *Histoire du parfait grec*. Thèse présentée à la Faculté des lettres de l'Université de Paris. Université de Paris. Paris.
- Comrie, B., Haspelmath, M., Bickel, B. 2015: *The Leipzig glossing rules: conventions for interlinear morpheme-by-morpheme glosses*. URL: <http://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>, published 31.05.2015, accessed 15.04.2024.
- CorpAfroAs_Team. 2017: *The CorpAfroAs and CorTypo list of glosses*. URL: <https://bit.ly/Glosses-CorpAfroAs>, accessed 16.02.20.
- Crellin, R. 2020a: The perfect system in Ancient Greek (Ch. 13). In: Crellin, R., Jügel, T. (eds.). *Perfects in Indo-European languages and beyond*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 435–481 (Salmons, J. C., Bower, C., D'Arcy, A., Embleton, S., van Gelderen, E., Igartua, I., Joseph, J. E., Juge, M., Law, D., Maiden, M., Ratliff, M., Willems, K. (eds.). Current issues in linguistic theory. Vol. 352).
- Crellin, R. 2020b: The perfect system in Latin (Ch. 16). In: Crellin, R., Jügel, T. (eds.). *Perfects in Indo-European languages and beyond*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 549–590 (Salmons, J. C., Bower, C., D'Arcy, A., Embleton, S., van Gelderen, E., Igartua, I., Joseph, J. E., Juge, M., Law, D., Maiden, M., Ratliff, M., Willems, K. (eds.). Current issues in linguistic theory. Vol. 352).
- Drinka, B. 2017: *Language contact in Europe. The periphrastic perfect through history*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Eloeva, F. A., Chernoglazov, D. A. 2016: [Perfect as a stylistic device]. *Voprosy Jazykoznanija* 1, 7–24.
- Елоева, Ф. А., Черноглазов, Д. А. 2016: Греческий перфект как стилистический прием. *Вопросы языкознания* 1, 7–24.

- Friedman, V. A., Joseph, B. D. 2025: *The Balkan languages*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Haspelmath, M. 1998: The semantic development of old presents: new futures and subjunctives without grammaticalization. *Diachronica* 15, 29–62.
- Hatzidakis, G. N. 1905: *Mesaiōnika kai Nea Ellēnika* [Medieval and Modern Greek]. Vol. 1. Athens: Sakellarios (Library of Marasli).
- Χατζιδάκις, Γ. Ν. 1905: *Μεσαιωνικά και Νέα Έλληνικά*. Τ. Α'. Έν Αθήναις: Τύποις Π. Δ. Σακελλαρίου (Βιβλιοθήκη Μαρασλή).
- Hedin, E. 1987: *On the use of the perfect and the pluperfect in Modern Greek*. Stockholm: Coronet Books Inc. (Studia Graeca Stockholmiensia. Vol. 6).
- Hinterberger, M. 2014: The synthetic perfect in Byzantine literature. In: Hinterberger, M. (ed.). *The language of Byzantine learned literature*. Turnhout: Brepols Publishers, 176–204. (Βυζαντιος: Studies in Byzantine history and civilization.).
- Holton, D., Horrocks, G., Janssen, M., Lendari, T., Manolassou, I., Toufexis, N. 2019: *The Cambridge grammar of Medieval and Early Modern Greek*. Vol. 3: Verb morphology. Cambridge: Cambridge University Press.
- Horrocks, G. C. 1997: *Greek. A history of the language and its speakers*. London; New York: Longman Publishing group.
- Inglese, G., Luraghi, S. 2020: The Hittite periphrastic perfect (Ch. 11). In: Crellin, R., Jügel, T. (eds.). *Perfects in Indo-European languages and beyond*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 378–410 (Salmons, J. C., Bowers, C., D'Arcy, A., Embleton, S., van Gelderen, E., Igartua, I., Joseph, J. E., Juge, M., Law, D., Maiden, M., Ratliff, M., Willems, K. (eds.). Current issues in linguistic theory. Vol. 352)..
- Janssen, M. 2013: Perfectly absent: the emergence of the Modern Greek perfect in Early Modern Greek. *Byzantine and Modern Greek Studies* 37, 245–260.
- Jeffreys, E. M. 1998: *Digenis Akritis. The Grottaferrata and Escorial versions*. Cambridge: Cambridge University Press. (Cambridge Medieval Classics. Vol. 7).
- Joseph, B. D. 2020: What is not so (E)strange about Greek as a Balkan language. *Keria: Studia Latina et Graeca* 22. 2, A glimpse into Greek linguistics, 57–83.
- Kazansky, N. N. 2016: Реч. Bartolotta (ed.). The Greek verb. Morphology, syntax, and semantics. Proceedings of the 8th International meeting on Greek linguistics. Agrigento, October 1–3, 2009. Lovain-la-Neuve: Peeters, 2014. X, 342 p. (= BCLL 128.) ISBN 978-90-429-2722-3. *Voprosy Jazykoznanija* 2, 132–139.
- Казанский, Н. Н. 2016: А. Bartolotta (ed.). The Greek verb. Morphology, syntax, and semantics. Proceedings of the 8th International meeting on Greek linguistics. Agrigento, October 1–3,

2009. Lovain-la-Neuve: Peeters, 2014. X, 342 p. (= BCLL 128.) ISBN 978-90-429-2722-3. *Вопросы языкознания* 2, 132–139.
- Kisilier, M. L. 2016a: [About the perfect forms in Early Modern Greek]. *Indoeuropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaja filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology] XX. 1, 426–439.
- Кисилиер, М. Л. 2016a: Из истории новогреческого перфекта. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* XX. 1, 426–439.
- Kisilier, M. L. 2016b: Tsakonian analytic forms of present and imperfect. *Acta linguistica Petropolitana* XII. 3, 93–109.
- Кисилиер, М. Л. 2016b: Аналитические формы настоящего времени и имперфекта в цаконском диалекте новогреческого языка. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* XII. 3, 93–109.
- Kisilier, M. L. 2024: [On pronominal syntax in Modern Greek dialects] *Indoeuropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaja filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology] XXVIII. 1, 796–844.
- Кисилиер, М. Л. 2024: О местоименном синтаксисе в диалектах новогреческого языка. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* XXVIII. 1, 796–844.
- Kisilier, M. L. 2025a: Cypriot (Dymes). In Adamou, E., Sobolev, A. N. (eds.). *Atlas of the Balkan Linguistic Area Online*. URL: <https://abla.cnrs.fr/dataset/cypriot-dymes/>, accessed 15.04.2025.
- Kisilier, M. L. 2025b: Greek of Southern Albania (Dropull). In Adamou, E., Sobolev, A. N. (eds.). *Atlas of the Balkan Linguistic Area Online*, iURL: <https://abla.cnrs.fr/dataset/albanian-greek-dropull/>, accessed 15.04.2025.
- Kisilier, M. L. 2025c: Northern Chiotic (Lagkada). In Adamou, E., Sobolev, A. N. (eds.). *Atlas of the Balkan Linguistic Area Online*. URL: <https://abla.cnrs.fr/dataset/northern-chiotic-lagkada/>, accessed 15.04.2025.
- Kisilier, M. L. 2025d: Tsakonian (Tyros). In Adamou, E., Sobolev, A. N. (eds.). *Atlas of the Balkan Linguistic Area Online*. URL: <https://abla.cnrs.fr/dataset/tsakonian-tyros/>, accessed 15.04.2025.
- Kisilier, M. L., Rusakov, A. Y. Forthcoming-a: Perfect. In: Adamou, E., Sobolev, A. N. (eds.). *The Balkan linguistic area. An atlas of variation and contact*. Berlin: De Gruyter.
- Kisilier, M. L., Rusakov, A. Y. Forthcoming-b: Perfect: lexical part. In: Adamou, E., Sobolev, A. N. (eds.). *The Balkan linguistic area. An atlas of variation and contact*. Berlin: De Gruyter.
- Kontosopoulos, N. G. 2001: *Dialektoi kai idiōmata tēs neas ellēnikēs* [Dialects and idioms of Modern Greek]. Athens: Grigoris Publishers.
- Κοντοσόπουλος, Ν. Γ. 2001: *Διάλεκτοι και ιδιώματα της νέας ελληνικής*. Αθήνα: Εκδόσεις Γρηγόρη.

- Kümmel, J. M. 2020: The development of the perfect within IE verbal systems. An overview (Ch. 2). In: Crellin, R., Jügel, T. (eds.). *Perfects in Indo-European languages and beyond*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 15–47. (Salmons, J. C., Bowers, C., D'Arcy, A., Embleton, S., van Gelderen, E., Igartua, I., Joseph, J. E., Juge, M., Law, D., Maiden, M., Ratliff, M., Willems, K. (eds.). *Current issues in linguistic theory*. Vol. 352).
- Markopolous, T. 2009: *The future in Greek. From ancient to medieval*. Oxford: Oxford University Press.
- Melissaropoulou, D., Themistocleous, C., Tsiplakou, S., Tsolakidis, S. 2013: The present perfect in Cypriot Greek revisited. In: Auer, P., Caro Reina, J., Kaufmann, G. (eds.). *Language variation — European perspectives IV. Selected papers from the Sixth International conference on language variation in Europe (ICLaVE 6), Freiburg, June 2011*. [s.l.]: John Benjamins Publishing Company, 159–172. (Auer, P., Hinskens, F., Kerswill, P. (eds.). *Studies in language variation*. Vol. 14).
- Migne, J.-P. 1863: *Patrologiae cursus completus*. Paris: J.-P. Migne. (Series Graeca Prior. T. 87.3).
- Mišeska Tomić, O. 2008: An integrated areal-typological approach. Local convergence of morphosyntactic features in the Balkan Sprachbund. In: Muysken, P. (ed.). *From linguistic areas to areal linguistics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 181–219. (Abraham, W., Noonan, M. (eds.). *Studies in Language Companion Series*. Vol. 90).
- Mozer, A. 1994: *Poion kai apopseis tou rēmatos [Aspects of the verb]*. Athens: National and Kapodistrian University of Athens (Periodical “Parousia”. Supplement No. 30).
Μόζερ, Α. 1994: *Ποιόν και απόψεις του ρήματος*. Αθήνα: Εθνικό και Καποδιστριακό Πανεπιστήμιο Αθηνών (Περιοδικό “Παρουσία”. Παράρτημα Αρ. 30).
- Pavlidou, Th.-S. 2011: *The corpus of spoken Greek*. URL: <http://corpus-ins.lit.auth.gr/corpus/index.html>, accessed 08.04.2025.
- Perelmuter, I. A. *Obscheindoevropěiskij i grecheskij glagol. Vido-vremennye i zalogovye kategorii [Pan-Indo-European and Greek perfect. Categories of aspect, tense and voice]*. Leningrad: Nauka.
Перельмутер, И. А. 1977: *Общеиндоевропейский и греческий глагол. Видо-временные и залоговые категории*. Л.: Наука.
- Plungian, V. A. 2016: [Towards the typology of the perfect in the world's languages: introduction]. *Acta linguistica Petropolitana* XII. 2, 7–36.
Плунгян, В. А. 2016: К типологии перфекта в языках мира: предисловие. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* XII. 2, 7–36.

- Ralli, A., Melissaropoulou, D., Tsalakidis, S. 2007: [Perfect in Modern Greek dialects: notes about its form and developpment]. *Studies in Greek Linguistics* 27, 361–372.
- Ράλλη, Α., Μελισσαροπούλου, Δ., Τσολακίδης, Σ. 2007: Ο παρακείμενος στη νέα ελληνική και στις διαλέκτους: παρατηρήσεις για τη μορφή και την εξέλιξη του. *Μελέτες για την Ελληνική γλώσσα* 27, 361–372.
- Rijksbaron, A. 2006: *The syntax and semantics of the verb in Classical Greek. An introduction*. 3 ed. Chicago; London: The University of Chicago Press.
- Rohlf, G. 1977: *Grammatica storica dei dialetti italogreci (Calabria, Salento)*. Trans. by S. Sicuro. Nuova edizione interamente rielaborata ed aggiornata. München: C. H. Bech'sche Verlagsbuchhandlung.
- Sandfeld, K. 1930: *Linguistique balkanique. Problèmes et résultats*. Paris: Librairie ancienne honoré Champion. (Collection linguistique publiée par la Société Linguistique de Paris. T. XXXI).
- Sergieviskiy, M. V. 1934: [Greek idioms of Mariupol. Attempt of a brief overview]. *Izvestiia AN SSSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk* [Bulletin of the Soviet Academy of Sciences. Department of Social Sciences] 7, 533–587.
- Сергиевский, М. В. 1934: Мариупольские греческие говоры. Опыт краткой характеристики. *Известия АН СССР. Отделение общественных наук* 7, 533–587.
- Seržant, I. A. 2020: Paradigmatisation of the perfect and resultative in Tocharian (Ch. 6). In: Crellin, R., Jügel, T. (eds.). *Perfects in Indo-European languages and beyond*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 215–244. (Salmons, J. C., Bower, C., D'Arcy, A., Embleton, S., van Gelderen, E., Igartua, I., Joseph, J. E., Juge, M., Law, D., Maiden, M., Ratliff, M., Willems, K. (eds.). Current issues in linguistic theory. Vol. 352).
- Sobolev, A. N.: 2011: [Antibalkanisms]. *Južnoslovenski filolog* LXVII, 185–195.
- Соболев, А. Н. 2011: Антибалканизмы. *Јужнословенски филолог* LXVII, 185–195.
- Wackernagel, J. 2009: *Lectures on syntax with special reference to Greek, Latin, and Germanic*. Oxford; New York: Oxford University Press.

О. Ю. Климов

Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.
o.klimov@spbu.ru

ПЕРГАМСКИЙ «ЛОГОС» В «ИСТОРИИ» ПОЛИБИЯ

В статье дается характеристика тех разделов труда Полибия, которые посвящены истории Пергамского царства. Автор обращает внимание на комплиментарные характеристики, которые дает Полибий царям Атталу I и Эвмену II, на негативные характеристики главных противников Пергамского царства, особенно царя Вифинии Прусия II, а также на то, что Полибий воспроизвел некоторые идеи, составлявшие основу официальной пропаганды пергамских царей. Это лозунг защиты эллинов от варваров-кельтов, идея об особом благочестии цариц и ряд других. Причина исключительно благожелательного отношения историка к Пергамскому царству заключалась, прежде всего, в том, что оно на протяжении десятилетий оставалось наиболее надежным союзником Рима. Кроме того, цари Пергама имели хорошие отношения с многими представителями римской знати, в том числе со Сципионом Эмилианом — воспитанником Полибия. Автор статьи доказывает, что в основу своего повествования об истории Пергамского царства Полибий положил труды придворных историков, писавших при дворе Атталидов.

Ключевые слова: Эллинизм, Пергамское царство, Полибий, царский культ, образ царей Атталидов, придворное историописание.

Oleg Yu. Klimov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.
o.klimov@spbu.ru

The Pergamon Logos in Polybius' History

The article provides a description of those sections of Polybius's work that are devoted to the history of the Pergamon Kingdom. The author draws attention to the complimentary characteristics that Polybius gives to the kings Attalus I and Eumenes II, to the negative characteristics of the main opponents of the Pergamon Kingdom, especially the king of Bithynia Prusias II, and also to the fact that Polybius reproduced some ideas that formed the basis of the official propaganda of the Pergamon kings. This is the slogan of protecting the Hellenes from the barbarian Celts, the idea of the special piety of queens and a number of others. The reason for the exceptionally benevolent attitude of the historian to the Pergamon Kingdom was, first of all, that for decades it remained the most reliable ally of Rome. In addition, the kings of Pergamon had good relations with many

representatives of the Roman nobility, including Scipio Aemilianus, a pupil of Polybius. The author of the article proves that Polybius based his narrative of the history of the Pergamon Kingdom on the works of court historians who wrote at the court of the Attalids.

Keywords: Hellenism, Pergamon kingdom. Polybios, king's cult, the image of the Attalid Kings, the court historiography.

«Всеобщая история» Полибия содержит рассказ об истории многих народов и государств, среди которых немаловажное место занимает Пергамское царство. Сведения о нем рассредоточены по разным книгам в соответствии с хронологическим и географическим принципом построения этого выдающегося труда, тем не менее, несмотря на утрату значительной части произведения, дошедшие до современного исследователя рассказы по истории государства Атталидов позволяют составить представление о том, каким было отношение Полибия к Пергамскому государству и его правителям.

Полибий сообщает многие факты из пергамской истории: о походе Аттала I с галлами эгосагами вдоль западного побережья Малой Азии с целью восстановить утерянную власть над городами или поставить под свой контроль новые полисы, о войне совместно с Антиохом III против наместника Малой Азии Ахея, который объявил себя царем, об участии Аттала I в Первой Македонской войне, о войне Эвмена II с Антиохом III Великим и с Персеем, о войнах с Вифинией, Понтом, другими государствами и о многих других событиях истории царства Атталидов. Но для нашей цели важны не только и не столько фактографические сообщения историка, но те высказывания Полибия, в которых даются оценки, его личное отношение к деятелям и к событиям.

Анализируя информацию Полибия о Пергаме, отметим некоторые её особенности. Прежде всего, историк, весьма критично настроенный в отношении многих царей, например, Филиппа V (Polyb., VIII, 11, 6; XV, 22; 23, 7, 9–10; XXII, 17), Фарнака I (XXIV, 1, 2; XXVII, 17), Антиоха IV (XXVI, 1) или Прусия II (XXX, 19–20; XXXII, 27; XXXVII, 7), правителям Пергама, напротив, дает превосходные характеристики. Полибий воздает хвалу Атталу I: «... нельзя не восхищаться величием души Аттала... с супругой и детьми был кроток и благопристойен, соблюдал верность в отношениях со всеми союзниками и

друзьями и кончил дни за прекраснейшим делом, — в борьбе за свободу эллинов» (XVIII, 41)¹. Об итогах деятельности его сына и преемника Эвмена II также рассказывается в самых хвалебных тонах: «... получив в наследство от отца царство, в котором насчитывалось очень немного городов, и то мелких, он сравнивал его с обширнейшими царствами» (XXXII, 22, 3). Эту характеристику Полибий дополняет словами о том, что «...ни один из современных ему царей не облагодетельствовал столько эллинских государств, не обогатил такого множества отдельных граждан» (XXXII, 22, 5). В рассказе про Эвмена II даются некоторые весьма красноречивые детали, которые в самом выгодном свете характеризуют пергамского царя. Полибий, например, отметил особое почтительное отношение Эвмена II и его брата Аттала, будущего царя Аттала II, к матери — вдовы царице Аполлониде (XXII, 20, 1–5). Сама царица Аполлониде получила из уст историка самые лестные характеристики: она была скромна и благоразумна, благочестива и доброжелательна (XXII, 20, 1–5).

Впрочем, в труде Полибия встречаются критические высказывания в адрес пергамских царей, но даже высказанное пару раз в их адрес порицание звучит весьма сдержанно. Так, например, Полибий порицает Аттала I и родоссцев за медлительность в противостоянии Филиппу V (XVI, 28). Пожалуй, единственным примером критического отношения Полибия к Эвмену II может служить осуждение корыстолюбия пергамского монарха в рассказе о его стремлении выступить за деньги посредником между македонским царем Персеем и Римом в годы Третьей Македонской войны (XXIX, 5–9).

Отметив критическое отношение Полибия к ряду царей, важно заметить, что все они были противниками государства Атталидов. При этом едва ли не самым ненавистным врагом являлся царь Вифинии Прусий II, которому ахейский историк дает убийственную, оскорбительную характеристику (XXX, 19–20; XXXII, 27; XXXVII, 7).

Очень существенным свойством той информации, которую сообщает Полибий из пергамской истории, является не только её откровенно комплиментарный характер, но насыщенность

¹ Цитаты из труда Полибия даются по изданию: Полибий. Всеобщая история / Пер. Ф.Г. Мищенко Т.1–3. СПб., 1994–1995.

детальными — живыми, яркими, образными. Причем, у Полибия встречаются подробные описания событий, свидетелем и участником которых он точно не был, то есть эту информацию историк получил из рук хорошо информированных людей. Многие описания не просто детализированы, но носят «зрительный» характер, т. е. восходят к впечатлениям очевидцев. Это относится к описанию посещения города Кизика царицей Аполлонидой, вдовой Аттала I, матерью Эвмена II и Аттала II, которая происходила из этого города (XXII, 20, 1–5), или к описанию пребывания Аттала I в Афинах (XVI, 25). Подобным же образом историк писал о почестях Атталу I в Сикионе и подарках царя городу (XVIII, 16), о войне Пруссия II и Аттала II (XXXII, 15; 16, 2–3; XXXIII, 7, 2; 12–13) и о некоторых других событиях. В повествовании Тита Ливия, который, как считается, следовал рассказу Полибия, содержится детальное изложение детективной истории покушения на Эвмена II в Дельфах и тех событий, что тогда же произошли в Пергаме (XLII, 15–16; 18; ср. Plut. Moral. 184 a, b).

Еще одним важным содержательным моментом в труде Полибия служат указания на некоторые идеологические установки пергамских царей, которыми обосновывалась их внешняя политика. Полибий отметил стремление Аттала I играть роль защитника греческих интересов, который защищает не только своих подданных, но и всех вообще живущих в Азии (Polyb. XVIII, 41, 9). Историк говорит об Аттале I: царь «кончил дни за прекраснейшим делом, — в борьбе за свободу эллинов» (ἀγωνιζόμενος ὑπὲρ τῆς τῶν Ἑλλήνων ἐλευθερίας — XVIII, 41). Эта же мысль высказана в отношении Эвмена II Титом Ливием, который, как считается, во многом следовал труду Полибия. Характеризуя отношения пергамского царя с греками, римский историк писал, что многие государства и отдельные люди были благодетельствованы Эвменом II, который «...вел себя в своем царстве так, что подвластные ему города не пожелали бы поменяться своим положением ни с каким свободным государством» (Liv. XLII, 5, 3).

Эта идея Полибия удивительным образом совпадает с некоторыми положениями, содержащимися в надписях, отразивших официальную идеологию династии. Почетное постановление гражданской общины Телмесса в честь Эвмена II в связи с победами над Пруссией и галатами вождя Ортиагона, принятое

в 184/3 г. до н.э., включало в качестве мотивировки утверждение, что царь Эвмен — спаситель и благодетель — предпринял войну не только ради подвластных ему, но и ради всех населяющих Азию (ἐπειδὴ βασι]λεὺς Εὐμένης ὁ σωτὴρ καὶ εὐεργέ[της ἡμ]ῶν ἀναδεξάμενος τὸν πόλεμον οὐ μ[ό]νον ὑπ[ὲρ] τῶν ὑφ' αὐτὸν τασσομένων ἀλλὰ καὶ [τῶν ἄ]λλων τῶν κατοικούντων τὴν Ἀσίαν (Allen 1983 No. 7, стк. 7–9). Этот же мотив, несомненно, служил одним из оснований для назначения царю культового имени Сотер, которое впервые для Эвмена II упоминается именно в данном постановлении (Allen 1983: No. 7, 1, 6).

В письме Эвмена II союзу городов Ионии, которые не состояли под властью пергамского царя, зафиксирована та же идея: Атталиды являются защитниками греков от варваров. Письмо царя было направлено в связи с декретом, которым союз ионийских городов в 167–166 гг. до н.э. установил пергамскому царю почести и в высшей степени комплиментарно оценил его деятельность. За многочисленные благодеяния царя городам союза было решено воздвигнуть ему позолоченную статую в том месте союза, где Эвмен пожелает, увенчать его золотым венком, объявить о почестях царю на Панионийском празднике и в отдельных городах лиги (Welles 1934: № 52, 23 сл.)². Важно в данном случае, что в начальной части своего послания пергамский царь пересказывает важнейшие положения декрета союза ионийских полисов: (Welles 1934: № 52, 5–21). В декрете зафиксированы следующие важнейшие положения: Эвмен II назван эвергетом эллинов (εὐεργέτην τῶν Ἑλλήνων — стк. 8); его деятельность как эвергета заключается в том, что он «...предпринял многие великие сражения (войны) против варваров» (πολλοὺς μὲν καὶ μεγάλους ἀγῶνας ὑπέστην πρὸς τοῦ[ς] βαρβάρους — Welles 1934: № 52, 8–10). Эта деятельность была предпринята ради того, чтобы жители греческих городов пользовались миром и процветанием (стк. 11–13) (ὅπως οἱ τὰς Ἑλληνίδας κατοικοῦντες πόλε[ις] διὰ παντὸς ἐν εἰρήνῃ καὶ τῇ βελτίστῃ καταστάσ[ει] ὑπάρχωσιν — Welles 1934: № 52, 11–13). Наконец, в документе зафиксирована идея преемственности такой политики: Эвмен II продолжает деятельность своего отца Аттала I (ἀκολούτως τῇ τοῦ πατρὸς προαίρεσει — Welles 1934: № 52, 15–16). Приведенные

² См. также Welles 1934: 213–214.

примеры показывают, что идея об Атталидах как благодетелях эллинов и всех живущих в Азии стала своего рода идеологическим клише в обосновании всей внешней политики царей Пергама и их политики в отношении греческих полисов (McShane 1964: 60–61; Koehn 2007: 121–123, 130–135). Интересно, что этот идеологический мотив был Полибию хорошо известен, и он отразил его в своем труде.

Следует обратить внимание на еще один важный пергамский идеологический нарратив, зафиксированный в официальных эпиграфических текстах и также получивший отражение в труде ахейского историка. В официальной государственной идеологии Атталидов важное место заняло почитание не только самих царей, но членов царской семьи, в частности царицы Аполлониды, жены Аттала I и матери двух царей братьев — Эвмена II и Аттала II. Аполлониды была удостоена многих культовых почестей, которые зафиксированы в декретах гражданских общин Теоса и Гиерополя (Dittenberger 1903: № 308; 309). Царица была причислена к богам (Dittenberger 1903: № 308, 4); в её честь следовало возвести храм, избирать специальных жрецов и жриц, устраивать религиозные процессии, жертвоприношения и в других формах отправлять её культ (Dittenberger 1903: № 309, 4–5, 6–7, 12; Климов 2016: 486–487; 2021 159–161; Нопп 1977: 32–33).

Наиболее значимой характеристикой царицы в официальных текстах стал мотив её особого благочестия, который явился основой её государственного образа (Dittenberger 1903: № 308, 309). В этой связи заслуживает особого внимания отношение Полибия к царице Аполлониде. Ахейский историк дал пергамской царице превосходную характеристику, отметив её многочисленные достоинства: она была скромна и благоразумна, любила своих четырех сыновей, из которых двое стали царями (XXII, 20, 1–5). Характеристика, данная царице Полибием, снова совпадает с официальной идеологической позицией Атталидов, которая тиражировалась в надписях городов и в официальной придворной историографии. Например, в своем посвящении Аполлониде царевич Аттал отметил именно это качество матери — любовь к нему (*φιλοστοργία* — Dittenberger 1903: № 307, 2–3).

В итоге всего сказанного неизбежно возникают два важных вопроса. Первый: о причинах такого откровенно комплимен-

тарного восприятия пергамских царей и пергамской истории Полибием. Второй: о тех источниках, из которых Полибий черпал информацию об истории Атталидов, чтобы в своем труде повторить хвалебные характеристики царей и членов царской семьи и отобразить официальные идеологические нарративы.

Вероятно, исключительно позитивная характеристика пергамских царей может быть объяснена положительным отношением историка к Риму и его политическим институтам. Поскольку Атталиды во всех сложных событиях в Восточном Средиземноморье в III–II вв. до н. э. выступали как верные и надежные союзники Рима, их деятельность должна была получить положительную оценку со стороны Полибия. Но главную причину можно усмотреть в другом: и Полибия, и пергамских царей связывали особые отношения с частью римской политической элиты. Одним из таких дружественно настроенных к Атталидам было семейство Корнелиев Сципионов, с которыми отношения у пергамских царей сложились, по крайней мере, с момента войны с Антиохом III. Позже Аттал II установил отношения со Сципионом Эмилианом, когда тот во время своей поездки по восточным странам посетил Малую Азию, побывал в Пергаме в 140 или 139 г. до н.э.³ Вероятно, тогда сложились дружественные отношения между наследником — будущим царем Атталом III и римским политиком. Полибий сопровождал своего воспитанника и друга, следовательно, также был лично знаком и общался с Атталом II и Атталом III. Позже Аттал III, став царем, постарался закрепить эти отношения со Сципионом Эмилианом: весной 133 г. до н. э. он отправил к Нуманции вспомогательные войска, а также дары, которые полководцем были приняты на глазах войска (Cic. *Pro Deiot.* 7, 19; ср. Liv. *Per.* LVII). Данная акция, что справедливо подчеркивает, например, Й. Хопп, не была ответом на запрос Сената, но в большей мере была личной инициативой царя, стремившегося закрепить сложившиеся прежде отношения с влиятельным римским политиком (Норр 1977: 116, Anm. 54).

На второй вопрос о том, из каких источников Полибий мог черпать всю эту детальную информацию о Пергаме и его царях,

³ Э. Хансен датирует 140 г. до н. э. — Hansen, P.141. Й. Хопп 139 г. — Норр. S. 101; Н. Н. Трухина — 136 г. — н. 135 гг. до н. э.

наиболее вероятный ответ будет состоять в том, что сведения Полибий получил из каких-то подаренных ему исторических трудов, которые были составлены придворными пергамскими историками. Этим объясняется комплиментарное отношение Полибия к пергамским царям, детальное описание ряда важнейших событий истории царства и пересказ главных идеологических постулатов, составлявших основу официальной пропаганды Атталидов.

Литература

- Allen, R. E. 1983: *The Attalid Kingdom. A Constitutional History*. Oxford
- Dittenberger, W. 1903: *Orientis Graeci Inscriptiones Selectae*. Vol. I. Leipzig
- Hansen, E. 1971: *The Attalids of Pergamon*. Ithaca, London
- Hopp, J. 1977: *Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden*. München
- Klimov O. Yu. 2021: Propaganda in the Politics of the Attalids of Pergamon. [*Istoriya i kul'tura antichnogo mira. Sbornik statey (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora V.G. Borukhovicha*]. Nizhny Novgorod, 2021, 152–166. [*History and Culture of the Ancient World. Collection of Articles (on the 100th Anniversary of the Birth of Professor V.G. Borukhovich*]. Nizhny Novgorod, 2021.
- Климов О. Ю. 2021: Пропаганда в политике Атталидов Пергама. В сб.: *История и культура античного мира. Сборник статей (к 100-летию со дня рождения профессора В.Г. Боруховича)*. Нижний Новгород, 2021, 152–166.
- Klimov, O. Yu. 2010: *Pergamskoye tsarstvo. Problemy politicheskoy istorii i gosudarstvennogo ustroystva*. [The Kingdom of Pergamon. Problems of Political History and State Structure. SPb., 2010.
- Климов, О. Ю. 2010: *Пергамское царство. Проблемы политической истории и государственного устройства*. СПб., 2010.
- Klimov, O. Yu. 2016: [The Kingdom of Pergamon. Problems of Political History and State Structure]. In: «*Bogi sredi lyudey*»: *kul't pravatelya v ellinisticheskom...* [*Gods Among People*]: *The Cult of the Ruler in the Hellenistic, Post-Hellenistic and Roman World*. Moscow, SPb, 476–515.
- Климов, О. Ю. 2016: Царский культ в Пергамском государстве. В сб.: «*Боги среди людей*»: *культ правителя в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире*. М., СПб., 2016. С. 476–515.
- Koehn, Cl. 2007: *Krieg-Diplomatie-Ideologie. Zur Aussenpolitik hellenistischer Mittelstaaten*. Stuttgart.

- McShane, R. 1964: The Foreign Policy of the Attalids of Pergamum. Urbana.
- Walbank, F. 1981: The Hellenistic World. Brighton.
- Walbank, F. W. 1957: A Historical Commentary on Polybius. Vol. 1. Oxford.
- Walbank, F. W. 1967: A Historical Commentary on Polybius. Vol. 2. Oxford.
- Walbank, F. W. 1972: Polybius. Berkeley, Los Angeles, London.
- Walbank, F. W. 1979: A Historical Commentary on Polybius. Vol. 3. Oxford.
- Walbank, F. W. 2002: Polybius, Rome and the Hellenistic World. Cambridge.
- Welles, Ch. B. 1934: Royal Correspondence in the Hellenistic Period. New Haven.

Е. В. Коровина
Институт языкознания РАН / Северо-Восточный федеральный университет
Москва, Россия. jekorovina@gmail.com

К ВОЗМОЖНОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ДИСКРЕТНОЙ МОДЕЛИ ГЛОТТОХРОНОЛОГИИ¹

В статье рассматривается возможность нового определения ряда ключевых понятий и математического аппарата глоттохронологии. В первой части работы рассматриваются основные методики вычисления времени распада языков, применимые ко всем языкам. Во второй части работы предлагается дискретная модель лексикостатистики, основанная на предположении, что одно выбранное случайным образом слово списка заменяется за единицу времени t , если оно еще не было заменено, а если при данной итерации выбор падает на уже замененное слово, то оно больше не изменяется. При принятии $t = 72$ годам данный алгоритм дает результаты, аналогичные классической формуле М. Сводеша. При этом данный метод позволяет не только получить даты расхождения языков, но и получить сведения о возможном разбросе результатов, который наблюдается при работе с реальным материалом.

Ключевые слова: сравнительно-историческое языкознание, базисная лексика, скорость изменений, глоттохронология.

Е. V. Korovina
Institute of Linguistics RAS / North-Eastern Federal University.
Moscow, Russia. jekorovina@gmail.com

Toward the construction of a discrete model of glottochronology

A central challenge in comparative-historical linguistics is quantifying language relatedness and establishing divergence chronologies, which can be cross-validated with genetic, archaeological, and anthropological data. While traditional methods rely on detailed, family-specific reconstructions, universal approaches—such as glottochronology—offer scalable solutions for understudied languages. This paper critically evaluates glottochronology's theoretical foundations, tracing its evolution from Swadesh's (1950) original formulation—based on constant core vocabulary replacement

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ №25-78-30006 «Языки и культуры народов Севера и Арктики Российской Федерации: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)» (рук. Л. Гренобль, СВФУ)

rates — to modern probabilistic refinements (Sankoff 1969, Starostin 1989; Vasil'ev 2008). We highlight key criticisms, including lexical unpredictability and methodological ambiguities (e.g., loanword handling).

We then propose a discrete model, simulating lexical replacement as a sequence of random, time-bound events. Computational experiments (100,000 iterations) demonstrate close alignment with Swadesh's exponential decay formula when inter-event intervals approximate 72 years, validating its utility for divergence dating. Unlike classical models, this approach explicitly incorporates randomness, enabling probabilistic confidence intervals for divergence estimates. The model's flexibility permits extensions — such as word-specific replacement rates or contact-induced changes — offering a robust, statistically grounded alternative to classical glottochronology. By bridging theoretical linguistics and computational modeling, this work advances the empirical rigor of language divergence chronologies, particularly for families and subgroups lacking extensive historical records.

Keywords: comparative-historical linguistics, basic vocabulary, rate of change, glottochronology.

Одной из важных задач сравнительно-исторического языкознания является определение степени родственности языков. Впоследствии данные о языковой близости и классификации могут быть использованы для установления соответствий с данными иных наук, например, генетики, истории или антропологии. Построение классификации возможно в рамках двух различных подходов: универсального и частного. Частный подход предполагает тщательное филологическое и лингвистическое исследование той или иной языковой семьи или группы с использованием всех доступных данных для выявления порядка изменений, на основании которых впоследствии строится классификация, при этом наработки для каждой конкретной языковой группы не всегда применимы к другим языкам. Универсальный подход, напротив, предполагает использование ограниченного количества языковых данных, но применим ко всем языковым группам мира, что особенно важно для языков без развитой сравнительно-исторической традиции, древних памятников, а также не всегда даже имеющих полноценное синхронное описание, — то есть, для подавляющего большинства языков мира.

Работы в рамках универсального подхода к классификации в конечном счете восходят к работам 1950-х, посвященным

глоттохронологии, хотя полноценные деревья на ее основе появились лишь в 1980-ые (Guy 1980), а до этого в работах исследователей фигурировали графы другого типа. При этом если рисование деревьев, основанных на универсальных принципах, в настоящее время процветает, все более совершенные математические, в частности байесовы, методы применяются ко все большему количеству языковых семей, то идея универсальной модели определения времени сейчас скорее находится на некоторой периферии. Даже в работах, напрямую говорящих о времени распада, например, для праиндоевропейского (Kassian et al. 2021) или для пратунгусо-маньчжурского (Oskolskaya et al. 2022), для его получения используются даты, специфические для конкретной группы, которые наряду с языковым материалом вводятся в программу для анализа. При этом для большинства групп мы крайне мало знаем об истории входящих в них языков (и, вероятно, вряд ли будем знать принципиально больше в будущем); и, следовательно, модель оценки времени должна носить универсальный характер. Некоторый шаг в этом направлении предполагает данная статья. В первой части работы будут рассмотрены основные универсальные методы, существующие на сегодняшний день, а во второй будет предложено некоторое переопределение модели, которое, как кажется, позволит работать с ней как с полноценно статистической.

Как уже было сказано, в середине XX-го века американский исследователь Моррис Сводеш (Swadesh 1950) предложил универсальный способ определить время расхождения между двумя идиомами, который он назвал глоттохронологией (*glottochronology*). Суть этого метода состояла в предположении, что в любом языке существует группа слов (базисная лексика), которые будут изменяться примерно с одинаковой скоростью в любом языке мира, подобно тому, как замена радиоактивного углерода на не радиоактивный не зависит от того, где он находится, что дало возможность для разработки радиоуглеродного датирования органических остатков. Основная формула глоттохронологии, служащая для определения временного расстояния между языком-предком и языком-потомком, имеет вид $t = \frac{\ln(c)}{-L}$, где c — процент, сохранившейся базисной лексики в языке-потомке, а

L — глоттохронологическая константа, для 100-словного списка равная 0,14.

В своих работах Сводеш довольно мало уделял внимания изложению теоретической рамки своего исследования, из-за чего его точные идеи относительно практических деталей метода не всегда вполне ясны. Так, из-за отсутствия прямого указания часто предполагается, что его модель не требовала исключения заимствований, однако в работе 1961 года (Swadesh 1961), посвященной сопоставлению языков майя, очевидно, что словам, которые заимствованы из испанского языка, например, **anima** ‘сердце’ (в его списках в киче, какчикель, покомам, покомчи и кекчи) не присвоен никакой номер и они были исключены из анализа, а не сопоставлялись между собой. Что, впрочем, не отменяет того, что систематическим поиском заимствований из индейских языков в индейские Сводеш не занимался, но это, вероятно, больше связано с состоянием тогдашней индейской компаративистики, чем с теоретическим решением не исключать заимствования.

Все время своего существования глоттохронология многократно подвергалась разнообразной критике. В частности, не раз предлагались другие варианты списков базисной лексики, чтобы они лучше подходили для исследуемых языков. Например, в (Elbert 1953) в список были добавлены, в частности, такие значения, которые хорошо сохраняются в Океании — ‘банан’, ‘кокос’, ‘каное с балансиром’ и ‘панданус’, и исключены слова, типичные для северного региона, которые были исходно взяты Сводешем. Критиковалась также и возможность создания «идеального» списка в целом, в частности, в (Hoijer 1956). Демонстрировалось и то, что скорость изменения зависит от того, сколько и каких элементов входит в список базисной лексики, так глоттохронологическая константа для 200-словного списка составляет 0,2, а для 100-словного — 0,14 (Swadesh 1955: 130). Словам, очевидно, оказалось присуще значительно более индивидуальное поведение, чем атомам углерода.

В то же время появились работы, более четко формулирующие основания глоттохронологии. В англоязычной литературе они были опубликованы в (Gudschinsky 1956), а русскоязычному читателю известны по (Арапов&Hertz 1974). Они не вполне совпадают, ниже будут приведены обе версии, поскольку

проясняют особенности глоттохронологической традиции на разных языках.

В статье (Gudschinsky 1956: 177–178) выделяются 4 основных предположения лексикостатистики:

1. Некоторые части словаря любого языка предполагаются на основе эмпирических данных намного менее изменяемыми, чем другие (*basic core vocabulary*);

2. Степень сохранности (*rate of retention*) лексических единиц в основном ядре относительно устойчивой лексики постоянна в течение времени;

3. Скорость потери (*rate of loss*) в рамках основного ядра приблизительно одинакова для всех языков;

4. Если известен процент истинных когнатов в базисной лексике для некоей пары языков, то можно вычислить время, прошедшее с момента расхождения этих языков из общего языка-предка. При этом такие факторы как миграции, завоевания и другие контакты, могут ускорить или замедлить этот процесс.

В книге Арапова и Херц основания метода формулируются иначе, авторы выделяют следующие пять пунктов (Arapov&Hertz 1974: 21–22):

1. В словаре каждого языка можно выделить специальный фрагмент, который мы будем называть дальше основной, или стабильной, частью.

2. Можно указать список значений, которые в любом языке обязательно выражаются словами из основной части. Будем говорить, что эти слова образуют основной список (ОС). Через N_0 обозначим число слов в ОС.

3. Доля p -слов из ОС, которые сохраняются (не будут заменены другими словами) на протяжении интервала времени $\Delta t...$, постоянна (то есть зависит только от величины выбранного промежутка, но не от того, как он выбран или какие слова какого языка рассматриваются).

4. Все слова, составляющие ОС, имеют одинаковые шансы сохраниться (соответственно, или не сохраниться, «распасться») на протяжении этого интервала времени.

5. Вероятность для слова из ОС праязыка сохраниться в ОС одного языка-потомка не зависит от его вероятности сохраниться в аналогичном списке другого языка-потомка.

Можно видеть степень различия определений. В частности то, что в англоязычной версии отсутствует какой бы то ни было аналог четвертому и пятому постулатам, которые для русскоязычной аудитории являются весьма важными в контексте методологии. Именно эти определения послужили отправной точкой для построения трех более сложных, чем исходная, глоттохронологических моделей. Ниже они будут коротко изложены.

Наиболее всеобъемлющая модель, учитывающая наибольшее количество параметров, была предложена в конце 1960-х математиком Дэвидом Санкоффом (Sankoff 1969, 1973). Его модель включала 4 поправки, учитывающие следующие параметры: характеристику распределения индивидуальных скоростей замены слов, вероятность случайной (а не истинной) когнции, изменение константы с течением времени и вероятность заимствования. К сожалению, получившаяся формула оказалась настолько сложна, что вычислений конкретных ее параметров никогда сделано не было, и она осталась примером чисто теоретического построения.

В 1989 году С. А. Старостин (Starostin 1989) опубликовал другую модификацию модели. Отправной точкой этой работы служило замечание о том, что близкородственные языки, например, русский и белорусский, в рамках модели Сводеша показывают крайне близкие и ничему в реальности не соответствующие даты расхождения. В связи с этим С. А. Старостин вносит идею о том, что слова, в отличие от атомов, «стареют», что обуславливает наблюдаемый эффект увеличения скорости изменения по мере отдаления от нашего времени, что является нарушением 3-го постулата глоттохронологии в формулировке Арапова и Херц. В результате Старостин предложил следующую формулу «равномерно ускоренного движения»:

$$t = \sqrt{\frac{\ln N(t)}{-\lambda * N_0}},$$
 где λ , согласно его данным, была равна 0,05. Эта

модификация позволяла получить более реалистичные даты для близкородственных языков. Впоследствии в изданной посмертно статье 2007 г. (Starostin 2007) ставится под сомнение и четвертый постулат, а в рамках системы Starling предлагается модель с индивидуальными скоростями изменений.

Еще одной важной моделью для вычисления времени разделения языков является «потокковая модель», предложенная М. Е. Васильевым (Vasil'ev, Militarev 2008, Vasil'ev, Saenko 2016, 2017). Потокковая модель предполагает, что исходную модель можно разложить на сумму нескольких «потоков» с различной скоростью. В результате калибровки Васильев приходит к выводу о том, что базисная лексика может быть разделена на две части: постоянную (практически неизменную) и распадающуюся, — что в работе 2008 г. дает формулу $N_{\text{отн}}(t) = 0,08 + 0,92e^{-0,45t}(1 + 0,45t)$, а в работе 2016 г. — формулу $N2_p(t) = e^{-0,61t}(1 + 0,61t)$. Разницу в коэффициентах автор объясняет калибровкой на существенно различающихся данных. Важно отметить, что в этих работах автор формулирует крайне важную идею, что «лингвистические датировки, полученные с использованием глоттохронологических методов, имеют вероятностный характер и представляют собой не точную величину, а диапазон (доверительный интервал) значений, к которому с известной вероятностью будет принадлежать искомая дата».

После такого краткого обзора перейдем к попытке построить еще одну модель глоттохронологии, которая на этот раз позволяла бы осуществлять полноценную оценку вероятностей. Вначале следует сформулировать список утверждений, на которых, как кажется, основываются такого рода вычисления времени распада языков.

1. Можно выделить список базисных значений, который может быть переведен на целевые языки; безусловно, в ряде случаев существуют трудности с заполнением конкретных позиций, но в целом задача выполнима;

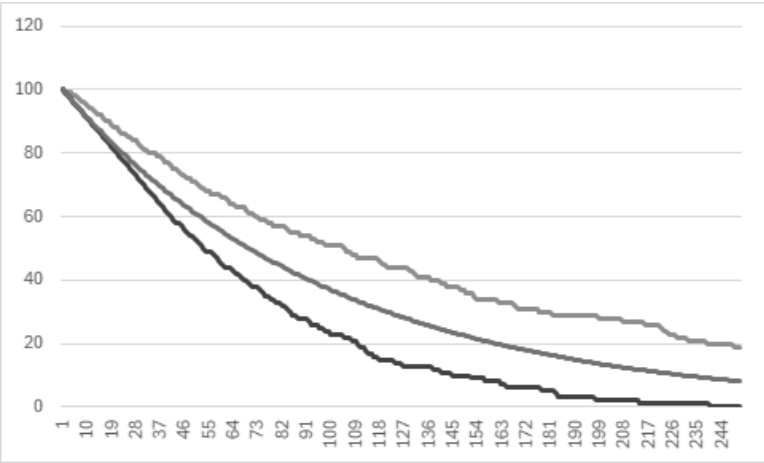
2. Предполагается, что если слов-когнатов между языками А и В из переводов этого списка больше, чем между словами языков В и С и А и С, то языки А и В являются более близкородственными друг другу, чем относительно языка С; можно также предположить ситуацию, когда это отчасти нарушается, в основном за счет трудностей с опознанием когнатов, в частности, если речь идет о случаях, когда все три языка довольно близки между собой; это утверждение предполагает, что если человек соглашается с возможностью построения дерева на основании лексической схожести в базисной лексике и относительной корректности деревьев такого рода, то он

должен соглашаться и с возможностью определения примерного времени существования общего праязыка для этого дерева: ведь обратное предполагает, что то, что язык А ближе к языку В, чем к С, не является аргументом за бóльшую классификационную близость языков А и В.

3. Предполагается, что замены в базисном списке происходят относительно равномерно; то есть, не бывает такой ситуации, например, что в одно тысячелетие в списке заменилось 10% слов, а в другое 30%. При этом, однако это утверждение не обладает категоричностью 3-го постулата Арапова и Херц.

Теперь, когда обозначена исходная аксиоматика, перейдем к предлагаемой модели. Помимо описания при помощи формулы, которая описывает языковые изменения как непрерывно происходящие, можно посмотреть на эти изменения как на череду дискретных событий. Рассмотрим следующую простейшую модель.

Пусть существует список из N независимых элементов (в данном случае длиной 100) (пусть для простоты каждому из них будет присвоено значение 0), пусть раз в период времени t один из этих элементов заменяется на 1 — какой именно, определяется случайным образом, при этом, если этот элемент уже был заменён, то больше он меняться уже не может. Можно построить следующий график соотношения периодов времени t и количества элементов, которые остаются имеющими значение 0. По вертикали — количество значений, которые остались равными 0, по горизонтали — количество интервалов времени t . Подобного рода вычисления были проделаны 100000 раз при помощи скрипта, написанного на Python. Верхняя линия — максимальное количество «сохранных» элементов, нижняя — минимальное, линия посередине — среднее количество.



Эта модель, хотя в ее основе и лежит совершенно другая идея по сравнению с моделью М. Сводеша, тем не менее дает к ней крайне близкие результаты при принятии интервала t между случайными событиями примерно равным 72 годам. В этом можно убедиться, сравнив результаты в таблице:

Количество интервалов	Среднее кол-во сохранившихся элементов	Расстояние от точки отсчета по формуле Сводеша, в тыс. лет	Расстояние от точки отсчёта по формуле N интервалов $\cdot 0,072$, в тыс. лет
10	90,43	0,72	0,72
20	81,79	1,43	1,44
30	73,96	2,15	2,16
40	66,89	2,87	2,88
50	60,48	3,59	3,6
60	54,69	4,31	4,32
70	49,46	5,03	5,04

Можно видеть, что результаты вычислений несколько отличаются, однако сходство между результатами несомненно и, что особенно важно, покрывает весь массив потенциально калибруемых данных. К сожалению, письменных традиций протяженностью свыше 5 тысяч лет не существует, поэтому более древние даты являются в любом случае субъектом моделирования и вычисления или генерации тем или иным образом.

Предъявленная дискретная модель является простейшим вариантом моделей такого рода. Можно предложить более сложные модели, учитывающие, например, что вероятность выпасть на каждом временном интервале у каждого слова/ группы слов индивидуальна, или учитывающие, что слово может заменяться не один раз, а также учитывающие, что в близкородственных будущих языках, а, по сути, еще диалектах, изменения происходят до некоторой степени связано, так как заимствования из идиомы в идиом в этом случае практически еще невозможно выделить. Каждая из моделей этого типа будет несколько отличаться от исходной как по форме графика, так и по величине разброса возможных значений. Определение конкретных параметров модели данного типа — вопрос времени, требующий рекалибровки принятого сейчас списка. Однако представляется, что даже в этом предварительном виде такая переформулировка глоттохронологии может представлять определенный интерес.

Литература

- Arapov, M. V., Hertz, M. M. 1974: *Matematicheskie metody v istoricheskoi lingvistike* [Mathematical Methods in Historical Linguistics]. Moscow.
- Арапов, М. В., Херц, М. М. 1974: *Математические методы в исторической лингвистике*. М.
- Elbert, S. H. 1953: Internal relationships of Polynesian languages and dialects. *Southwestern Journal of Anthropology* 9(2), 147–173.
- Gudschinsky, S. C. 1956: The ABC's of lexicostatistics (glottochronology). *Word* 12(2), 175–210.
- Guy, J. B. 1980: *Glottochronology without cognate recognition*. Canberra: Dept. of Linguistics, Research School of Pacific Studies, The Australian National University.
- Hoijer, H. 1956: Lexicostatistics: a critique. *Language* 32(1), 49–60.
- Kassian, A. S., Zhivlov, M., Starostin, G., Trofimov, A. A., Kocharov, P. A., Kuritsyna, A., Saenko, M. N. 2021: Rapid radiation of the inner Indo-European languages: an advanced approach to Indo-European lexicostatistics. *Linguistics* 59(4), 949–979.
- Oskolskaya, S., Koile, E., Robbeets, M. 2022: A Bayesian approach to the classification of Tungusic languages. *Diachronica* 39(1), 128–158.
- Sankoff, D. 1969: *Historical linguistics as stochastic process*. PhD thesis. McGill University.
- Sankoff, D. 1973: Mathematical developments in lexicostatistic theory. In: *Current Trends in Linguistics* 11, 93–113.

- Starostin, S. A. 1989: [Comparative-historical linguistics and lexicostatistics]. In: *Lingvisticheskaya rekonstruktsiya i drevneishaya istoriya Vostoka* [Linguistic Reconstruction and the Ancient History of the East]. Moscow: Nauka, 3–39.
- Старостин, С. А. 1989: Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика. В сб.: *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*. М.: Наука, 3–39.
- Starostin, S. A. 2007: [Determining the stability of core lexicon]. In: *Trudy po yazykoznaniiyu* [Works on Linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 580–590.
- Старостин, С. А. 2007: Определение устойчивости базисной лексики. В сб.: *Труды по языкознанию*. М.: Языки славянских культур, 580–590.
- Swadesh, M. 1950: Salish internal relationships. *International Journal of American Linguistics* 16(4), 157–167.
- Swadesh, M. 1955: Towards greater accuracy in lexicostatistic dating. *International Journal of American Linguistics* 21(2), 121–137.
- Swadesh, M. 1961: Interrelaciones de las Lenguas Mayas. *Anales del INAH* 13, 231–267.
- Vasiliev, M. E., Militarev, A. Yu. 2008: [Glottochronology in comparative-historical linguistics. Models of language divergence]. In: *Orientalia et Classica. Trudy Instituta vostochnykh kultur i antichnosti* [Orientalia et Classica. Works of the Institute of Oriental Cultures and Antiquity] 19. Moscow: RGGU, 509–536.
- Васильев, М. Е., Милитарев, А. Ю. 2008: Глоттохронология в сравнительно-историческом языкознании. Модели дивергенции языков. В сб.: *Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности* 19. М.: РГГУ, 509–536.
- Vasiliev, M. E., Saenko, M. N. 2016, 2017: [On the accuracy of glottochronology]. *Journal of Language Relationship* 14, 259–278; 15, 114–135.
- Васильев, М. Е., Саенко, М. Н. 2016, 2017: К вопросу о точности глоттохронологии. *Journal of Language Relationship* 14, 259–278; 15, 114–135.

А. В. Короленков

Государственный академический университет гуманитарных наук.
Москва, Россия. Sallust@list.ru

ОБРАЗ ГАЯ МАРИЯ В СОЧИНЕНИИ ЛУЦИЯ АННЕЯ ФЛОРА¹

В статье рассматривается образ Гая Мария в сочинении Луция Аннея Флора. Великий *homo novus* из Арпина появляется в четырёх его разделах: 1) *bellum Iugurthinum*; 2) *bellum Cimbricum*; 3) *seditio Appuleiana*; 4) *bellum civile*.

Несомненно, когда Флор писал о Югуртинской войне, он находился под влиянием Саллюстия (упоминание о наборе в армию *capite censi*, описание боевых операций) и более поздней историографической традиции (низкое происхождение Мария). В рассказе о войне с кимврами писатель восхваляет многие действия Мария-полководца; Флор — единственный античный автор, который сообщает о появлении Кастора и Поллукса в Риме с вестью о решающей победе над германцами. Но порой Флор сомневается в правильности тех или иных решений Мария; в рассказе о битве на Равеннских полях он уподобляет Мария Ганнибалу при Каннах — весьма сомнительный комплимент в устах римлянина.

В главе о *seditio Appuleiana* Флор явно осуждает Мария за поддержку Луция Сатурнина и указывает, что Марий отказался от нее, лишь столкнувшись с единодушной враждебностью сенаторов по отношению к мятежному трибуну. Наконец, Флор считает Мария зачинщиком гражданской войны. Рассказ о марианской резне — одна из самых больших «миниатюр» в труде Флора. В нём он, похоже, следует ливанской традиции, возможно, создавая тот образ Мария, который позднее завоевал особую популярность.

Ключевые слова: Луций Анней Флор, Саллюстий, ливанская традиция, Гай Марий, Югуртинская война, первая гражданская война в Риме.

A. V. Korolenkov,

State Academic University for the Humanities.
Moscow, Russia. Sallust@list.ru

Image of Gaius Marius in Lucius Annaeus Florus' Work

The article is devoted to Gaius Marius' image in Lucius Annaeus Florus' work. The great *homo novus* from Arpinum appears in four sections of his *Epitoma*: 1) *bellum Iugurthinum*; 2) *bellum Cimbricum*; 3) *seditio*

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00727, <https://rscf.ru/project/25-28-00727>

Appuleiana; 4) *bellum civile*. When writing on the Jugurthine war, Florus was clearly influenced both by Sallust (mention of recruiting *capite censi*, description of military operations) and the later historiographical tradition (Marius' humble origin). In the narrative on the Cimbrian war the Roman writer lauds many Marius' actions as military leader; Florus is the only ancient author who reports the appearance of Castor and Pollux in Rome with the news of the final victory over Germans. However, on occasion, Florus questions the rationality of Marius's manoeuvres. In his account of the battle on the Raudine Plain, Florus draws parallels between Marius and Hannibal at Cannae (a questionable compliment for a Roman).

In the chapter on *seditio Appuleiana* Florus clearly condemns Marius' support of Lucius Saturninus and points out that Marius abandoned him only because of the senators' unanimous hostility towards the seditious tribune. Finally, Florus considers Marius as the main instigator of the first civil war. The account of the Marian massacre (III. 1. 13–16) is the one of the largest Florus' miniatures. In this narrative, Florus seems to follow Livian tradition, possibly promoting Marius' image which won popularity later.

Keywords: Lucius Annaeus Florus, Sallust, Livian tradition, Gaius Marius, the Jugurthine war, Cimbrian war, the first civil war in Rome.

Образ Мария в трудах латинских авторов исследовали не раз. Изучался взгляд на него Цицерона, Саллюстия, Валерия Максима, а вот то, как воспринимали его менее значимые писатели, привлекало внимание ученых куда меньше. Один из таких писателей — Луций Анней Флор, автор уникального в своем роде обзора истории Рима (см. Bessone 1993: 85–87).

Марий появляется в четырёх главах его труда — о войнах с Югуртой, кимврами, тевтонами и тигуринами, а также о движении Сатурнина и первой гражданской войне. Очевидно, в силу краткости изложения Флор не упоминает о борьбе Мария за консулат и даже о получении им командования, а сразу переходит к описанию его действий: «Затем Марий, когда значительно увеличил свое войско (поскольку он был человеком низкого происхождения, то привёл к воинской присяге неимущих), напал на царя, уже терпевшего поражение и раненого, но победа далась ему не легче, чем если бы тот был цел и невредим (*postremo Marius auctis admodum copiis, cum pro obscuritate generi sui capite censos sacramento adegisset, iam fusum et saucium regem adortus, non facilius tamen vicit quam si integrum ac recentem*)» (III. 1. 13. Пер. А. И. Немировского с изменениями).

Как видим, Флор повторяет за Саллюстием историю о включении Марием в армию *capite censi*, добавляя от себя, что это позволило значительно увеличить численность армии (*auctis admodum copiis*), чего уже у Саллюстия нет, равно как и обоснования данной меры тёмным происхождением арпината (*pro obscuritate generi*) — очевидное влияние более поздней традиции, изображавшей его простолюдином (Plin. HN. XXXIII. 150; Tac. Hist. II. 38. 1; Plut. Mar. 3.1). Набор в армию неимущих и такое объяснение его явно неблагоприятно для Мария. Зато военные успехи последнего описываются с явным уважением: «Марий благодаря какой-то удивительной удаче захватил [...] Капсу, защищённой благодаря [окружавшим ее] безводным пустыням с множеством змей; при помощи [некоего] лигура он проник по обрывистому, непроходимому ущелью в Молуху, город на скалистой горе, и вскоре у города Цирты нанёс тяжёлое поражение не только Югурте, но и Бокху, царю Мавретании, вступившемуся за нумидийцев как единокровных (...*Capsam, in media Africa siti anguibus harenisque vallatam, mira quadam felicitate superavit, et saxeo inditam monti Molucham urbem per Ligurem aditu arduo inaccessoque penetravit. Mox non ipsum modo, sed Bocchum quoque Mauretaniae regem, iure sanguinis Numidam vindicantem, apud oppidum Cirtam graviter cecidit*)» (III. 1. 14–15). Обращает на себя внимание, что если в связи с Капсой Саллюстий указывает на хорошую подготовку похода (Iug. 90.1), а удачей объясняет взятие мулуккской цитадели (92.6; 94.7), то у Флора мы наблюдаем обратную картину, что подразумевает отступление не от каких-то частных фактов, а от весьма важной для характеристики Мария конструкции: последний (вероятно, по мысли Саллюстия, под воздействием предсказания жреца в Утике, побудившего его полагаться на благосклонность судьбы) решается на поход против Капсы, но готовит его тщательно, пусть и возлагая отчасти надежды на богов, однако затем, возгордившись, пытается захватить мулуккскую цитадель уже без такой подготовки и попадает в патовое положение, из которого его выручает лишь *fors/fortuna*, тогда как следует полагаться на *virtus* (Sall. Iug. 1.3; Brescia 1997: 20–25).

Последнее упоминание о Марии в рассказе о Югуртинской войне звучит так: «Коварнейший из царей (Югурта — *А.К.*), привлеченный в засаду коварством же своего тестя (Бокха — *А.К.*), был передан в руки Суллы, и наконец, римский народ во время

триумфа Мария увидел Югупту в оковах (*sic fraudulentissimus regum fraude gener soceri sui in insidias deductus Sullae in manum traditur, tandemque opertum catenis Iugurtham in triumpho populus Romanus aspexit*)» (III. 1. 17). Марий здесь изображён отстранённо, без упоминания о том, что Бокха вынудили к этому поражения от того же Мария — подобную картину мы наблюдаем и у Саллюстия.

Гораздо более ярко подчёркивается роль арпината в рассказе о войне с германцами: Риму «пришел бы конец, если бы не жил в том веке Марий (*actum erat, nisi Marius illi saeculo contigisset*)» (III. 3. 5). Он с невероятной быстротой опережает неприятеля, идущего через Альпы (§7); нападает на кимвров, когда те изнеживаются в Венеции (§13); расставляет свои войска на Раудийских полях так, чтобы ветер нёс врагам пыль в лицо, а сверкание римских шлемов ослепляло их, добавляя к доблести хитрость (*addiderat virtuti dolum*), что позволяет сравнить его с самим Ганнибалом при Каннах (§ 15) — комплимент, который можно счесть весьма двусмысленным.

При этом действия арпината не всегда изображаются безупречными. В этом контексте любопытно, что если о мнимой опрометчивости Мария под Мулуккой Флор не пишет, то ситуация накануне битвах при Аквах Секстиевых изображается вполне в духе мулуккской: «У наших не было никаких запасов воды. Трудно сказать, предусмотрел ли полководец это заранее или же выдал свою оплошность за военный план, но бесспорно, что причиной победы оказалась доблесть, подкреплённая необходимостью (*consultone id egerit imperator, an errorem in consilium verterit, dubium; certe necessitate aucta virtus victoriae causa fuit*)» (III. 3. 8). Примечательно, что ни Плутарх (Mar. 18. 6–8), ни Орозий (V. 16. 10), признавая нехватку воды, не пишут, однако, о возможной ошибке Мария, а Фронтин (Strat. II. 7. 12) перелагает ответственность на межевщиков (иначе см. Valgiglio 1967: 92).

Зато весьма лестной, хотя и косвенной характеристикой Мария является сообщение о том, «в тот же день, когда произошла битва [при Верцеллах], видели перед храмом Поллукса и Кастора юношей, вручающих победные послания претору, и в театре много раз слышался голос: “Да славится победа над кимврами!” Что может быть удивительнее и знаменательнее этого (*quo quid admirabilius, quid insignius fieri potest*)!» (III. 3. 20). Хотя вполне естественно, что римляне объясняли победу над

германцами вмешательством богов (Van Ooteghem 1964: 228), Флор — единственный автор, который сообщает о появлении в Риме Диоскуров с вестью о победе. Это был тем более лестный для Мария сюжет, что напоминал об аналогичной истории в связи с победой Эмилия Павла над Персеем при Пидне (II. 12. 14–15; также см. Cic. ND II. 6; Plin. HN. VII. 86). В то же время Флор не сообщает, что арпината считали отныне новым основателем Рима, как это делает его старший современник Плутарх (Mar. 27.9).

Теперь обратимся к образу Мария в контексте гражданских раздоров. В начале рассказа о Сатурнине, взявшемся отстаивать гракханские законы, Флор пишет, что такую решимость внушил ему Марий, человек, «всегда враждебный знати (*nobilitati semper inimicus*)» (III. 16. 1) — учитывая проаристократическую позицию писателя (см. von Albrecht 2012: 1213), это явно не комплимент. От поддержки трибуна арпинат отказывается вынужденно, столкнувшись с единодушной антисатурниновской позицией сенаторов: *tum vero iam conspiratione senatus, ipso quoque iam Mario consule, quia tueri non poterat* (§ 5).

В рассказе о гражданской войне Флор по отношению к Марию ещё более беспощаден. Достаточно сказать, что он называет эту войну Марианской и лишь как вариант Сулланской (*bellum civile Marianum sive Sullanum*), а затем прямо обвиняет победителя кимвров в ее разжигании (*initium et causa belli inexplebilis honorum Marii fames*), действия же Суллы оправдываются нетерпимостью к беззаконию (*impatiens iniuriae*), на незаконность же захвата им самим Рима не указывается (III. 21. 3; 6). Когда же Марию приходится спастись после поражения, он уподобляется беглому рабу, которого Фортуна сохранила лишь для новой войны (*Marium servilis fuga exemit, immo fortuna alteri bello reservavit*) (§ 8).

Однако затем Флор немного смягчается (впрочем, чтобы затем вернуться к прежней суровой оценке арпината): когда началась борьба между Цинной и Октавием, «из Африки возвратился [Марий], возвеличенный несчастьями (*rediit ab Africa clade maior*). Тюрьма, цепи, бегство, изгнание сделали его внушающим страх. [...] Можно было бы признать, что Марий имеет право силой вернуть себе родину, из которой был насильно изгнан, если бы он не проявил такую свирепость (*vi patriam reposcens, unde vi fuerat expulsus, poterat videri iure agere, nisi causam suam saevitia corrumperet*)» (III. 21. 10, 12). Как

видим, у Флора находит отражение популярный в античности образ Мария-изгнанника, он даже признаёт его право на насильственные действия для возвращения из изгнания, осуждая их не за незаконность, а за крайнюю жестокость.

Тут же следует характерное риторическое преувеличение: «Поскольку его имя было широко известно, он легко собрал войско, вооружив рабов и – о ужас! [открыв] эргастулы (*ad nomen tanti viri late concurritur, servitia pro nefas – et ergastula armantur, et facile invenit exercitum imperator*)» (§11). Налицо развитие популярного сюжета о том, как смутьяны призывали к оружию рабов, хотя на деле речь шла, судя по Аппиану (BC. I. 67. 305–306), лишь о рабах тех, кто приплыл с Марием.

Весьма любопытно описывает Флор жестокость Мария: «Затеяв вражду с богами и людьми, он первым делом напал на город Остию, клиента и вскормленника Рима, подвергнув его гнусному разграблению (*sed cum dis hominibusque infestus rediret, statim primo impetu cliens et alumna urbis Ostia nefanda strage diripitur*)» (III. 21. 12). Понятно, что разграбление города, взятого штурмом, было в порядке вещей и представляло собой меньшее бедствие, нежели массовое избиение его жителей, как то произошло при взятии Афин Суллой, и Флор, очевидно, понимая это, указывает на старинную связь между Римом и Остией, *cliens et alumna urbis*.

Впрочем, убийства, начавшиеся после взятия Рима, дали Флору прекрасную возможность для обличения жестокости арпината. В § 14 он пишет о голове Марка Антония Оратора, будто бы «украсившей» пиршественный стол Мария, а в § 16 — расправе с Квинтом Анхарием, убитым только потому, что Марий не пожелал ответить на его приветствие (*Ancharius ipso vidente Mario confossus est, quia fatalem illam scilicet manum non porrexerat salutanti*). При этом Флор не упоминает «эпilog» рассказа о гибели Анхария, содержащийся у Плутарха (Mar. 43.6), согласно которому будто бы все, на чьи приветствия Марий не встречал, теперь умерщвляли. Едва ли это вызвано нежеланием перегружать рассказ — вряд ли писатель отказался бы от столь эффектной детали, скорее он просто не слышал о ней.

Последнее упоминание о Марии поистине уничтожающе: «Убийства сенаторов произошли между календами и идами января седьмого консульства Мария. Что бы было, если бы он

исполнял должность целый год (*quid futurum fuit, si annum consulatus implesset?*)» (III. 21. 17).

В заключение можно сказать следующее. В целом Флор следует традиции, восходящей, по-видимому, к Ливию (per. 80), согласно которой Марий был превосходным воином, спасавшим *res publica* от внешней опасности, но губившим ее кознями, а затем и гражданской войной (см. чеканную формулировку Веллея Патеркула (II. 11. 1): *quantum bello optimus, tantum pace pessimus*). При этом острая неприязнь к Марию-политику заметно повлияла на оценку Мария-полководца — достаточно вспомнить сравнение с Ганнибалом при Каннах. В. Ден Бур считает, что именно к Флору восходит куда менее объективный, нежели, например, у Аппиана, образ Мария как человека низкого происхождения и постоянного врага знати, который стал традиционным (Den Boer 1965: 370). Суждение весьма спорное (и уж тем более не заслуживающее того, чтобы преподносить его как нечто однозначное, как то делает Ден Бур). Напомним, что современник Флора Тацит (Hist. II. 38. 1) писал об арпинате как о человеке из низов (*e plebe infima*), да и влияние Ливия также не стоит недооценивать, а что писал о нём он, мы в точности не знаем. Другое дело, что Флор благодаря лёгкости и яркости своего стиля мог весьма поспособствовать тому, что упрощённые представления о Марии закрепились в широких кругах образованных публики, откуда перекочевали и в работы многих авторов нового и новейшего времени.

Литература

- Albrecht, M., v. 2012: *Geschichte der römischen Literatur*. Bd 3. Berlin; Boston: De Gruyter.
- Bessone, L. 1993: Floro: un retore, storico e poeta, *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Tl II. Bd 34.1. B.; N. Y.: De Gruyter, 80–117.
- Brescia, G. 1997: *La 'scalata' del Liquro: Saqqio di commento a Sallustio, Bellum Iugurthinum 92–94*. Bari: Edipuglia.
- Den Boer, W. 1965: Florus und die römische Geschichte, *Mnemosyne*. 4th Series. Vol. 18. Fasc. 4, 366–387.
- Valgiglio, E. 1967: *Commento, Plutarco. Vita di Mario*. Firenze: La nuova Italia, 3–219.
- Van Ooteghem, J. 1964: *Caius Marius*. Bruxelles: Palais des Academies.

Antonio Corso

Society for the Messenian Archaeological Studies. Athens, Greece

antoniocorso@hotmail.com

A SUGGESTION CONCERNING THE STATUE OF ZEUS IN THE CENTRE OF THE EASTERN PEDIMENT OF THE PARTHENON

Pausanias informs that the marble sculptures of the east pediment of the Parthenon represented the birth of Athena from Zeus. Ancient visual evidence of this episode suggests that Zeus was represented enthroned. The drawing of the east pediment by Carrey of 1674 clarifies that the statue of Zeus had disappeared prior to this date. This detail makes it possible that the statue had been brought to Constantinople. A seating Zeus in white marble attributed to Pheidias and set up near the temple of Selene and Helios in the Amastrinum quarter of Constantinople is mentioned by Cedrenus, *Compendium historiarum* 1. 567: it may be the seating Zeus originally in the middle of the east pediment of the Parthenon. It is possible that an image of Zeus was regarded necessary in a place devoted to celestial bodies because this god personified the sky and a planet.

Keywords: Pheidias, Parthenon, Zeus, Constantinople, Amastrinum.

A. Корсо

Общество археологических исследований Мессении.

antoniocorso@hotmail.com

О статуе Зевса в центре восточного фронтона Парфенона

Павсаний сообщает, что мраморные скульптуры восточного фронтона Парфенона изображали рождение Афины от Зевса. Древние визуальные свидетельства этого эпизода предполагают, что Зевс был изображен на троне. Рисунок восточного фронтона Керри 1674 года доказывает, что статуя Зевса исчезла до этого года. Эта деталь позволяет предположить, что статуя была перевезена в Константинополь. Сидящий Зевс из белого мрамора, приписываемый Фидию и установленный около храма Селены и Гелиоса в квартале Амастриан в Константинополе упоминается Кедреном (*Compendium historiarum* 1. 567): это мог быть сидящий Зевс, первоначально находившийся в середине восточного фронтона Парфенона. Возможно, изображение Зевса считалось необходимым в месте, посвященном небесным телам, поскольку этот бог олицетворял небо и планету.

Ключевые слова: Фидий, Парфенон, Зевс, Константинополь, Амастриан.

The aim of this article is to suggest the possible removal of the statue of Zeus from the middle of the east pediment of the Parthenon at Athens to Konstantinople.

We are aware of the subject represented in this east pediment of the Parthenon, made of Pentelic marble and to be dated in the early 430s BC, from Pausanias 1. 24. 4–5: the birth of Athena¹.

Although statues of this pediment are preserved in the two angles of the pediment, its central section does not survive and was missing already in 1674, when Jacques Carrey made drawings of the Parthenon².

Thus scholars have suggested two different configurations for the Zeus:

1. that Zeus was enthroned. This proposal is based on the fact that in the surviving ancient visual evidence Zeus is always represented enthroned when he gives birth to Athena from his head³. A neo-Attic well-head at Madrid, which portrays the birth of Athena from an enthroned Zeus⁴, (fig. 1) has been regarded particularly compelling, because usually neo-Attic masters try to imitate *opera nobilia* and the east pediment of the Parthenon must have been considered the most obvious *opus nobile* for the representation of this mythic episode.

2. that Zeus was standing. This interpretation is due to the concern for the weight of the pediment and thus for the static of the temple, suggesting to avoid a heavy throne on the pediment.

However this second idea has against all the surviving visual examples of this mythical episode and thus it looks to me rather unlikely.

For this reason I believe that Zeus was enthroned on the east pediment of the Parthenon and that his configuration may have been that on the well head of Madrid.

¹ The bibliography on the Parthenon and its pediments of temple is of course huge. Here I cite only Berger 1974; Brommer 1975; Palagia 1993; Korres 1996; Beard 2003; Mostratos 2004: 115–149; Neils 2005; Jenkins 2007; Williams 2013 and Mitsios 2015.

² See Bowie 1971.

³ See Demargne 1984, 986–989, nos. 334–373.

⁴ See Romeo 2020, 841–855, with previous bibliography.



Fig. 1. Zeus on a well-head at Madrid, Archaeological Museum.

Now we should ask the following question: why the statue of Zeus was no longer on the pediment in the drawing of Carrey of 1674 (fig. 2), whilst the west pediment of the Parthenon, also drawn by Carrey, was still endowed of nearly all its statues?

I believe a possible answer may be provided by a passage of Kedrenos, *Compendium historiarum* 1. 566–567:

“Ὅτι τὰ Ἀμαστριανοῦ λέγεται εἴτε ἀπὸ τινος εὐτελοῦς πατρίδα ἔχοντος τὴν Ἀμαστριν, ἐλθόντος τε κατὰ πενίαν ἐν τῇ πόλει κάκεῖ τελευτήσαντος, εἴτε ἀπὸ ἐνεργοῦς τῆς τοῦ τόπου δυσφημίας, ὅτι πᾶς κακοῦργος καὶ φονεὺς αὐτόθι τιννύει δίκην, κλησιν ἔλαχεν αἰσχίστην τῆς Παφλαγόνων ἔνεχεν βδελυρίας. ἦν δέ ποτε ναὸς μέγιστος αὐτόθι Ἡλίου καὶ Σελήνης, οὗ πρὸς ἄρκτον κίονες στοιχηδὸν εἰστήκεισαν, μέσον δὲ κόλπος οἷα κόγχης εὐγύρου, ὑπερθεῖν δὲ αὐτῆς Ἥλιος ἐπὶ λευκοῦ ἄρματος, ἡ δὲ αὖ Σελήνη

νυμφικῶς ἐστεμμένη ἐφ' ἄρμαμάξης ἦγετο. Βύζαντος ἔργα ταῦτα, τοῦ Φειδαλείας ξυνενέτου. κάτω δὲ πρὸς θέμεθλα δόμου ἐκάθητο τις σκηπτοῦχος ἐπὶ θρόνου, καὶ λαοῖς ἐκέλευσε τοῖς κρατοῦσιν ὑπεΐκειν. αὐτοῦ δὲ πρὸς γῆν ἦν βρέτας Διὸς ἐκ λευκοῦ λίθου, ἔργον Φειδίου, ἰζάνον τῷ δοκεῖν ἐπὶ κλίνης.⁷



Fig. 2. J. Carrey, drawings of the pediments of the Parthenon, Paris, National Library.

We argue from this passage that there was a seating Zeus in white marble attributed to Pheidias near the temple of Selene and Helios in the Amastrinum quarter of Konstantinople.

The only known work by Pheidias which may be identified with this statue is the seating Zeus in Pentelic marble from the middle of the east pediment of the Parthenon. An image of Zeus may have been regarded necessary in a place devoted to celestial bodies because the god personified the sky and a planet⁵. The attribution of the Parthenon to Pheidias may have been argued by Plutarch, *Pericles* 13. 4⁶ and perhaps also by *Atthis* of Philochorus⁷.

⁵ For the cosmic interpretation of Zeus in late antiquity, see Proclus, in John Lydius, *On the Months* 2. 6.

⁶ On the fortune of Plutarch in the middle Byzantine world, see Mewaldt 1906, 824–834.

⁷ On the fortune of Philochorus in middle Byzantine times, see Philochorus: FGrHist 3. 328, testimonia, nos. 1 and 8; frgg. 1; 2b; 8–9; 11–12; 19; 30; 34 a–b — 35 a; 42; 48; 57; 61; 64b; 74–75; 77–78; 80; 85–91; 93; 95; 100–101; 104 a–b – 106; 108; 114–115; 117–125; 127–135 a;

In fact Pheidias is associated to the Parthenon also by the Scholiast to Demosthenes, *Contra Androktionem* 13, dated around 1000.

This seating Zeus may coincide with a statue of seating Zeus described in *Patria Konstantinoupoleos* 2. 8:

‘Περὶ ἀγάλματος τοῦ Διός. ἄγαλμα πλάττουσι τοῦ Διὸς καθήμενον, ἔχον τὰ ἄνω γυμνά, τὰ δὲ κάτω ἐσκεπασμένα’ κρατεῖ δὲ τῇ μὲν εὐωνύμῳ σκῆπτρον, τῇ δὲ δεξιᾷ ἅτερον προτείνει, καὶ τὸ μὲν καθέξεσθαι τὸ ἐδραῖον τῆς δυνάμεως αἰνίττεται, τὸ δὲ τὰ ἄνω γυμνά ἔχειν, ὅτι φανερόν τοις νοεροῖς καὶ τοῖς οὐρανίοις τοῦ κόσμου μέρεσι, τὰ δὲ λοιπὰ σκέπεται, ὅτι τοῖς χαμαιζήλοις ὁ θεὸς ἄγνωστος, τὸ δὲ τῇ λαιᾷ σκῆπτρον κατέχειν τὸ ἐξουσιαστικὸν σημαίνει, τὸ δὲ τῇ ἐτέρᾳ προτείνειν ἅτερόν, ὥς τῶν ἀεροφόρων πνευμάτων κρατεῖ, ὥς ἅτερος τῶν μεταρσίων ὀρνέων.’

This Zeus was seated, having the upper part of his body naked and the lower part draped and moreover held a scepter in his left hand exactly as the Zeus on the well-head of Madrid and this cannot be a coincidence. The celestial symbolism of his iconography would have been quite appropriate to a Zeus set up in a sanctuary of celestial bodies.

I wish to stress that stone statues from pediments were also collected at Konstantinople, as it is argued from *Patria Konstantinoupoleos* 2. 36:

‘Τὰ δὲ Λαύσου οἶκος (...) ἐν ᾧ καὶ ἅτεροι λίθινοι καὶ φιάλαι καὶ βαῖμοι καὶ βωμοὶ τετράγωνοι’.

Thus stone or marble pediments had been collected in the Lauseion⁸.

In conclusion it is not unlikely that the Zeus from the east pediment of the Parthenon was moved to the sanctuary of Selene and Helios at Konstantinople.

138–143; 148; 166; 177–178 a-b; 183; 186; 188–194; 199–204; 207–209; 211–213; 218; 220; 223 and 230. On Pheidias at Konstantinople, see Bauer 2024 (too skeptical toward the reliability of Byzantine *testimonia*) with previous bibliography.

⁸ On the Lauseion, see Bassett 2000, 6–25.

Bibliographic abbreviations

- Bassett, S. G. 2000: "Excellent Offerings: The Lausus Collection in Constantinople", *The Art Bulletin*, 82, 1, 6–25.
- Beard, M. 2003: *Ο Παρθενώνας*, Athens.
- Berger, E. 1974: *Die Geburt der Athena im Ostgiebel des Parthenon*, Basle.
- Bauer, F. A. 2024: *Phidias in Konstantinopel*, Regensburg.
- Bowie, T. R. 1971: *The Carrey drawings of the Parthenon sculptures*. Bloomington.
- Brommer, F. 1963: *Die Giebel des Parthenon*, Mainz.
- Demargne, P. 1984: "Athena", in *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae* 2, 955–1044.
- Jenkins, I. 2007: *The Parthenon sculptures in the British Museum*, London.
- Korres, M. 1996: *Ο Παρθενών*, Athens.
- Mewaldt 1906: "Maximus Planudes und die Textgeschichte der Biographien Plutarchs", *Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften*, 75, 824–834.
- Mitsios, I. 2025: *The West Pediment of the Parthenon*, Leiden.
- Mostratos, G. 2004: "A reconstruction of the Parthenon's east pediment", in M. B. Cosmopoulos (ed.), *The Parthenon and its Sculptures*, Cambridge.
- Neils (ed.), J. 2005: *The Parthenon*, New York.
- Palagia, O. *The Pediments of the Parthenon*, Leiden.
- Romeo, I. 2020: "Un'Athena capitolina, il puteale di Madrid e il frontone Est del Partenone", in A. Delivorrias et al. (ed.), *Σπονδή: Αφιέρωμα στη μνήμη του Γιώργου Δεσπίνη*, Athens, 841–855.
- Williams, D. 2013: *The East pediment of the Parthenon*, London.

А. О. Корчагин
МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва, Россия
megistos@mail.ru

ЧЬЕЙ ПИЩЕЙ СТАЛ ЛЕВИАФАН? К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПС. 73/74:14

Статья посвящена проблеме интерпретации одного трудного места в псалме, имеющем в Масоретском тексте номер 74, а в переводе Септуагинты — номер 73. В 14 стихе псалма говорится о том, что Бог сокрушил головы морского чудовища Левиафана и отдал его кому-то в пищу. Последнее слово в стихе (לִי־יָ) трудно для понимания и допускает множество различных интерпретаций. В настоящей работе анализируются все случаи употребления слова в древнееврейской Библии, а также рассматривается передача слова в древнегреческом и латинском переводах Священного Писания. Однозначного ответа на вопрос о том, кому был отдан в пищу Левиафан в 73/74 псалме, на настоящий момент нет. Автором статьи разобраны возможные варианты интерпретации трудного стиха Псалтири.

Ключевые слова: Псалтирь, Масоретский текст, Септуагинта, Вульгата, Левиафан, לִי־יָ.

A. O. Korchagin
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
megistos@mail.ru

Whose food did Leviathan become? On the interpretation of Ps. 73/74:14

The article is dedicated to the problem of interpreting one difficult place in the psalm, which has the number 74 in the Masoretic redaction of the Hebrew Bible and the number 73 in the Septuagint translation. Verse 14 of the psalm indicates that God crushed the heads of the sea monster Leviathan and gave it to someone as food. The last word in the verse (לִי־יָ) is difficult to understand and that's why various scholars interpret this verse differently. This article analyzes all the cases of the word's use in the Hebrew Bible, and also examines the rendering of the word in the ancient Greek and Latin translations of the Holy Scripture. There is no clear answer to the question to whom was given Leviathan as food in Psalm 73/74. The author of the article analyzes possible interpretations of the difficult verse of the Psalter.

Key words: Psalter, Masoretic Text, Septuagint, Vulgate, Leviathan, לִי־יָ.

В псалме 74¹ в 14 стихе сказано, что Бог сокрушил головы Левиафана и отдал это чудовище кому-то на съедение. Но кому — из текста псалма остается неясным. Данное место считается одним из темных мест Библии. Буквально в Масоретском тексте Пс. 74:14 говорится следующее:

אַתָּה רָצַצְתָּ רִאשֵׁי לַיָּתוֹן תִּתְּנֵנִי מְאֹכֵל לָעָם לְצִיִּים:

“Ты сокрушил головы Левиафана, отдал его в пищу народу (?)”

Значение последнего слова неясно. Однако попробуем разобраться, о чем идет речь в данном стихе псалма.

Вначале кратко скажем о том, кто в Библии подразумевается под именем Левиафана. В библеистике существует обширная литература, посвященная этому чудовищу², однако все же вкратце скажем о том, что собой представляет Левиафан. Под Левиафаном (древнеевр. לִוְיָתָן) в Библии понимается морское чудовище, подобное змею или дракону. В имени ветхозаветного чудовища присутствует тот же корень, который содержится в названии угаритского морского чудовища Литану (Emerton 1982; Uehlinger 1999: 511). Этимологически название морского чудовища восходит к семитскому корню *lwy/lww* со значением “извиваться”, “изгибаться”.

Самое известное и подробное описание Левиафана в Библии содержится в 40–41 главах книги Иова³. Бог, явившийся в конце книги Иову из бури, рассказывает праведному страдальцу о двух страшных чудовищах — Бегемоте и Левиафане. Левиафан описан в книге Иова как ужасное морское чудовище, один вид которого внушает страх. Чешуя на его теле напоминает двойные ряды щитов, сомкнутые настолько плотно, что между ними не проходит воздух. От его чихания сверкает молния, глаза Левиафана напоминают ресницы зари. Из пасти Левиафана вырывается пламя, а из ноздрей идет дым, словно от кипящего котла. Мясистые части его тела сочленены настолько плотно, что их не поколебать. Сердце Левиафана твердо, как камень или мельничный жернов. Его невозможно убить ни мечом, ни копьем, ни дротиком, ни стрелой. Железо он считает соломой,

¹ По Масоретскому тексту, по Септуагинте (далее — LXX) — псалом 73.

² См. статью (Uehlinger 1999) и список литературы в данной статье.

³ Иов 40:20–41:26.

бронзу — гнилым деревом, камни из пращи — мякиной, дубину — соломинкой. Брюхо Левиафана покрыто пластинами, похожими на острые черепки, и ими он царапает морское дно. Огнедышащий Левиафан кипятит морскую пучину и оставляет за собой светящийся след. Как справедливо указывают Роберт Грейвс и Рафаэль Патай, Левиафан частично похож на кита, а частично на крокодила (Graves, Patai 2008: 64). В современном иврите слово לִוְיָתָן означает “кит” (Palkhan 2006: 189). Однако из описания четко видно, что Левиафан обладает и фантастическими чертами, так что логичнее было бы отождествить его с морским драконом. Имя морского чудовища часто выступает как синоним чего-то поражающего своими размерами или выступающего как инструмент подавления. Недаром английский философ Томас Гоббс (1588–1679) назвал свой самый известный трактат “Левиафан”⁴. В этой книге под именем чудовища метафорически подразумевается сильное и могущественное государство.

Помимо 40–41 глав Книги Иова, Левиафан упоминается в 3 главе этой же книги, в первой речи Иова, в которой Иов проклинает день, в который он родился, и ночь, в которую он был зачат. В Иов 3:8 в оригинале говорится следующее:

קָבְחוּ אֲרִי־יָם טְעִיזִים עֶרֶךְ לַוְיָתָן;
 “Да проклянут ее⁵ заклинатели дня, готовые разбудить
 Левиафана”.

Примечательно, что ряд исследователей предлагает сделать в данном месте эмендацию — вместо יוֹם (“день”) читать יָם (“море”), что было бы логично, поскольку Левиафан является морским чудовищем, которое могли вызвать заклинатели моря, чтобы внушить людям страх. В частности, такой точки зрения придерживается Драйвер (Driver 1955a:72). Другие ученые, в частности, Грей (Gray 2010:143), считают правильным чтение יוֹם (“день”). По мнению Грея, в данном контексте речь идет о колдунах-заклинателях, способных проклясть день, вызвав солнечное затмение. Исследователь считает, что колдуны насы-

⁴ Полное название — “Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского” (“Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Common Wealth Ecclesiasticall and Civil”).

⁵ Ночь, в которую был зачат Иов.

ляли солнечное затмение, вызывая Левиафана, который подобно древнеегипетскому мифологическому змею Апопу (Апофису) проглатывал солнце. Это выглядит еще более логично, так как Иов проклинает именно день своего рождения и ночь, в которую он был зачат, желая, чтобы тот день был покрыт тьмой. Поэтому в данном контексте логичным выглядит упоминание Левиафана, способного насылать тьму.

Помимо Книги Иова, Левиафан упоминается и в некоторых других книгах Ветхого Завета, в частности, о Левиафане говорится в Книге пророка Исайи. В Ис. 27:1 сказано следующее:

בַּיּוֹם הַהוּא יִפְקֹד יְהוָה בְּחַרְבּוֹ הַקָּשָׁה וְהַגְדֹּלָה וְהַחֲזָקָה עַל לְוִיָּתָן נָחֵשׁ בְּרִים וְעַל לְוִיָּתָן נָחֵשׁ עַמְלֵלָתוֹן וְהָרַג אֶת־הַתַּנִּינִן אֲשֶׁר בָּיִם

“В тот день покарат Господь Своим мечом тяжелым, большим и сильным Левиафана, змея убегающего и Левиафана, змея извивающегося, и убьет чудовище морское”.

Как ясно из дальнейшего контекста, под морским чудовищем Левиафаном подразумеваются враги Израиля. Говоря о борьбе Бога Яхве с Левиафаном, Исайя делает отсылку к мифологической борьбе Ваала с Литану и актуализирует данный миф, проецируя его на будущее. Как справедливо пишет Улингер (Uehlinger 1999: 513–514), данный контекст несет в себе эсхатологический смысл и представляет собой пример проецирования прошлого (Urzeit) на будущее, на конец времен (Endzeit). Правда, из контекста не совсем ясно, идет здесь речь о двух морских чудовищах (о Левиафане убегающем и Левиафане извивающемся), или все же имеется в виду одно существо. На наш взгляд, речь идет об одном чудовище. В этом контексте присутствует столь распространенный в Библии прием, как параллелизм. В данном случае “убегающий” и “извивающийся” являются эпитетами одного морского чудовища — Левиафана. Это не единственное место в книге Исайи, где говорится о борьбе с врагами Израиля со ссылкой на борьбу божества с мифологическими чудовищами. Так, в Ис. 51:9 содержится призыв к Господу восстать, как в давние времена, в древние роды, когда рука Господня поразила морских чудищ Рехаву и Таннина.

Левиафан также дважды упоминается в Псалтири. В псалме 104⁶, в котором автор восхищается величием сотворенного Богом мира, при описании моря сказано следующее⁷:

שָׁם אֲנִיּוֹת יִהְיוּ לֶלֶכֶן לִזְמָן יִהְיֶה יָצָרָתָ לְשִׁקְקָבָו

“Там плавают корабли. Там тот самый Левиафан, которого ты сотворил, чтобы играть в нем”.

В данном контексте существует проблема относительно значения последнего слова в стихе — *בָּו*. Данный предлог с местоименным суффиксом третьего лица можно понимать двояко. Традиционная трактовка данного стиха заключается в том, что Бог сотворил Левиафана, чтобы тот играл, резвился в море. Однако древнееврейский предлог *בָּ* нередко имеет значение совместного действия. Таким образом, возможно, в данном стихе имеется в виду то, что Бог сотворил Левиафана, чтобы Самому играть с ним. Таким образом, Левиафан может пониматься как игрушка в руках Бога. На сложность в понимании данного стиха обращает внимание ряд исследователей (Uehlinger 1999: 514; Ross 2016: 252). В данном случае я согласен с точкой зрения Вайса (Weiss 1984: 78–92), которую также разделяет Росс (Ross 2016: 252). Вайс считает, что предлог с местоименным суффиксом в данном стихе указывает не на Левиафана, а на море. Исследователь обращает внимание на то, что автор псалма, говоря о сотворенных Богом природных объектах, указывает на то, что они обязательно предназначены для каких-либо существ или предметов. Так, описывая водные источники, псалмопевец говорит, что они служат для того, чтобы поить животных, горы являются жилищем для дамано⁸, деревья — местом, где гнездятся птицы, а море — пространством, где живут рыбы и морские гады, плавают корабли и резвится Левиафан. Как справедливо отмечает неоднократно упомянутый нами Улингер, в отличие от тех контекстов в Книге пророка Исайи и Книге Иова, где упомянут Левиафан, в 104 псалме Левиафан предстает не как грозное, наводящее

⁶ По LXX — Псалом 103.

⁷ Пс. 104:26.

⁸ Особый отряд млекопитающих; даманы по виду напоминают грызунов, однако на самом деле являются близкими родственниками слонов.

страх чудовище, но как безвредное существо (Uehlinger 1999: 514).

Наконец, Левиафан упоминается в интересующем нас Псалме 74, где говорится о том, что Бог уничтожил Левиафана и кому-то его скормил. Прежде чем попытаться дать ответ на вопрос, чьей пищей стал Левиафан, подведем промежуточные итоги. Итак, всего в Библии Левиафан упомянут 6 раз (дважды в Книге Иова, дважды в одном стихе у пророка Исайи и дважды в Псалтири). Таким образом, это чудовище упоминается только в поэтических и пророческих книгах. В 40–41 главах Иова содержится подробное описание Левиафана, в остальных контекстах Левиафан упоминается вскользь. Интересно также то, что Левиафан описывается то как реально существующее животное (в книге Иова и в Псалме 104), то как чудовище, которое Бог победил в прошлом (в Псалме 74), то, как существо, которое Бог убьет в будущем (в Книге пророка Исайи; правда, как мы сказали, вероятно, в данном контексте имеет место проекция прошлого на будущее).

В LXX древнееврейское слово לִוְיָתָן почти всегда передается как δράκων (“дракон, змей”), за исключением Иов 3:8, где לִוְיָתָן переводится словом κῆτος (“морское чудовище”, “кит”). В Вульгате в основном дается транслитерация Leviathan, но в версии Псалтири, переведенной с LXX, Иероним использует слово draco (“дракон, змей”).

Вернемся к 74 псалму. Прежде чем попытаться дать ответ на вопрос, кому Бог отдал в пищу Левиафана, кратко остановимся на содержании псалма. В псалме 23 стиха, он имеет надписание “Поучение Асафа”. По сути дела, псалом представляет собой плач и начинается с жалобного обращения к Богу. Псалмопевец, взывая к Богу, спрашивает, зачем Он отринул Свой народ. Далее говорится о том, что гора Сион пришла в запустение, что святилище разрушено. Вероятно, здесь речь идет о разрушении Храма вавилонским царем Навуходоносором II в 586 году до н. э. (Lange et al. 2008: 419). Враги рычат среди собраний, словно дикие звери, поставили всюду свои символы вместо знаков и символов Израиля. Наконец, враги разрушили все в святилище секирами и топорами, а само святилище предали огню. После разрушения Храма и завоевания Иудеи врагами в стране больше не стало пророков и прекратились знамения. В десятом стихе псалмопевец вновь

взывает к Богу и молит, чтобы Он покарал врагов, поразил их Своей десницей. Далее следуют интересующие нас стихи. Автор псалма вспоминает победу Бога над первобытными чудовищами, говорит о том, что Бог сокрушил головы змеев в воде, сокрушил головы Левиафана и отдал его в пищу неким существам. Бог исторг из земли источники, осушил полноводные реки. Псалмопевец вспоминает и сотворение мира, создание Богом светил, установление Творцом времен суток и времен года. А меж тем, враг поносит и хулит Господа. Автор псалма просит Бога не предать на растерзание врагам народ Израиля, который сравнивается в девятнадцатом стихе с кроткой птицей горлицей. В следующем стихе говорится о том, что мрачные места земли наполнились жилищами насилия. Псалмопевец еще раз молит Бога восстать и показать Свою силу, дабы нищие и угнетенные восхвалили имя Бога. Бог должен восстать, ибо враги хулят Бога, и крик врагов постоянно усиливается.

Таково содержание псалма. Таким образом, становится ясно, что поэт вспоминает победу Бога над древними чудовищами в контексте борьбы с врагами Израиля, разрушившими Храм и разорившими страну. Похожий контекст присутствует в 27 главе книги пророка Исайи. Иеромонах Ириней Пиковский и Назарий Эйвазов в своем комментарии на псалом пишут, что “этот фольклорный образ, видимо, понадобился автору псалма, чтобы в поэтической форме показать превосходство Бога над самой могущественной из всех мыслимых созданий мира воплощенной силой зла и хаоса” (Pikovsky, Eyvazov 2023: 431).

Вернемся к главному вопросу данной статьи. Так кому все же отдал Бог в пищу Левиафана? В 14 стихе говорится о некоем לָעָם (“народ, люди, толпа”) и неких לִמְנוּחָם . Значение последнего слова остается в данном контексте неясным.

В древнееврейском языке есть как минимум два омонимичных слова לֵךְ . Первое из них означает “корабль”⁹. Слово это заимствовано из египетского языка. Обычно оно обозначает речной корабль (Koehler, Baumgartner et al. 1996: vol. 3, 1020). В Ветхом Завете слово לֵךְ в значении “корабль” встречается в Чис. 24:24, Ис. 33:21, Иез. 30:9, Дан. 11:30. Обычно множественное число этого слова — לֵכוֹת , однако встречается и לֵכִים . Казалось

⁹ См. Dictionary of Classical Hebrew (Clines 2011:113) s.v. לֵךְ I.

бы, упоминание кораблей в данном контексте выглядит вполне разумным. Вспомним 103/104 псалом, в котором говорится, что Левиафан играет в море, в котором плавают корабли. Соответственно, можно было бы предположить, к примеру, что речь идет о “народе кораблей”, то есть либо о корабельщиках, либо о пассажирах судна. Такое предположение было бы не лишено смысла, если бы в данном контексте присутствовало сопряженное сочетание. Однако здесь мы видим два существительных с предлогом ל, очевидно несущим функцию дательного падежа. Если понимать второй предлог ל как уточнение к первому существительному, а само существительное как метонимию (под “кораблями” понимать корабельщиков или пассажиров судна), то такое предположение выглядит весьма натянутым и подразумевание под неодушевленным предметом одушевленного выглядит странным.

Существует также омонимичное слово יָצַח, обозначающее неких загадочных существ¹⁰. Всего это слово встречается в Библии 6 раз. Трижды мы находим слово יָצַח в Книге Пророка Исайи. Всякий раз оно встречается в похожих контекстах, когда речь идет о разрушении и запустении какой-либо страны. Так, в Ис. 13:21 говорится о разорении Вавилона:

וְרִבְצֵי-שָׂם צִיִּים וּמִלְאֵי בְתִימָם אֲחִים וְשָׁכְנוּ שָׁם בְּנוֹת גִּלְגָּל וְשְׂעִירִים יִרְדְּדוּ-שָׂם:

“И залягут там צִיִּים, и наполнятся дома их [вавилонян] совами, и поселятся там страусы, и косматые демоны будут плясать там”.

В Ис. 23:13 эти загадочные существа упоминаются также в связи с землей халдеев, то есть Вавилоном:

הָיוּ אֶרֶץ כַּשְׂדִּים זֶה הָעָם לֹא הָיָה אֲשֶׁר יִסְדָּה לְצִיִּים הַקִּימוּ (בְּחִינֵי) עָרְרוּ אֶרְמֹנֶיהָ שָׂמָה לְמַפְלָה:

“Вот земля халдеев — это народ, которого нет. Ассирия отдала ее צִיִּים. Они поставили свои осадные башни, разрушили чертоги ее, превратили ее в развалины”.

Данная глава посвящена в основном пророчеству о разрушении и разорении Тира, таким образом, участь, постигшая землю халдеев, ждет также Тир.

¹⁰ См. Dictionary of Classical Hebrew (Clines 2011: 113) s.v. יָצַח II.

В Ис. 34:14 данные существа упоминаются в связи с разорением и запустением земли Едома:

וּפָגְשׁוּ צִיִּים אֶת־אֲיִים וְשָׁעִיר עַל־רֵעֵהוּ קָרָא אֶדְ-שָׁם הָרֹגֵצָה לִילִית וּמִצָּאָהּ לָהּ מְנוּחַ:

“И будут встречаться **צִיִּים** с шакалами, и косматые демоны будут друг с другом перекликаться, также там поселится Лилит¹¹ и найдет себе покой”.

Эти загадочные существа упоминаются и в книге пророка Иеремии, также в том месте, где говорится о разорении Вавилона. В Иер. 50:39 сказано следующее:

לָכֵן יֵשְׁבוּ צִיִּים אֶת־אֲיִים וְיִשְׁבוּ בָהּ בְּנוֹת יַעֲקֹב וְלֹא־תֵשֵׁב עוֹד לְיִצְחָק וְלֹא תִשְׁכֹּן עַד־דָּוָר וְדָוָר:

“Поэтому будут (там) жить **צִיִּים** с шакалами, и поселятся в ней¹² страусы, и не будет она уже населена вовек, и не будет обитаема из рода в род”.

Отметим, что Иеремия описывает разорение Вавилона почти теми же словами, что Исая.

Наконец, **צִיִּים** дважды упоминаются в Псалтири. Помимо интересующего нас 73/74 псалма, об этих существах говорится также 71/72 псалме. В 9 стихе этого псалма сказано следующее:

לִפְנֵיו יִכְרְעוּ צִיִּים וְאִיֻּבָיו עָפָר יִלְחָכוּ:

“Перед лицом его¹³ склонятся **צִיִּים**, и враги его будут лизать прах”.

Итак, всего **צִיִּים** упоминаются в Библии 6 раз. Правда, некоторые исследователи ставят под сомнение упоминание данных существ в ряде рассмотренных контекстов, в том числе в интересующем нас 74 псалме, о чем будет сказано ниже.

Что можно сказать о данных существах? Из приведенных контекстов мы видим, что они упоминаются практически всегда в тех контекстах, где речь идет о запустении, разорении, гибели. Слово встречается всегда только во множественном числе (**צִיִּים**). Практически во всех словарях указывается, что единственное число слова — **צִי**. В 13 и 23 главе книги пророка Исаяи и в 50 главе книги пророка Иеремии **צִיִּים** упоминаются

¹¹ Ночная демоница, в Синодальном переводе — “ночное привидение”.

¹² Земле Вавилона.

¹³ То есть царя.

наряду с дикими животными и демонами. В словаре Брауна, Драйвера и Бриггса утверждается, что под словом **יָצ** имеется в виду некий дикий зверь, однако в точности неизвестно, какой именно. Возможно, это зверь, обитающий в пустыне (Brown, Driver, Briggs 1907:850). Авторы словаря утверждают, что слово родственно арабскому *ḏayūna* — “дикий кот”. Это логично, поскольку в Ис. 34:14 и в Иер.50:39 сказано, что на разоренной земле Вавилона наряду с **יָצ** поселятся **יִנְיָ**. Под **יִנְיָ** подразумеваются дикие хищные животные, возможно, шакалы или гиены (Clines 1993: 204; Grafov 2019: 36), следовательно, можно считать, что и **יָצ** имеет значение “млекопитающее отряда хищных”. Графов в своем “Словаре библейского иврита” пишет, что **יָצ** родственно словам **יָצָה** и **יִצָּח** (оба означают “сухая земля, пустыня”), соответственно, **יִנְיָ** обозначает существ, живущих в пустыне (Clines 2011: 113), однако мы не знаем точно, кто имеется в виду — дикие кошки, люди или демоны (Grafov 2019: 431). В The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament также подчеркивается, что значение слова **יָצ** неизвестно. Речь может идти о диких животных, о людях, живущих в пустыне, ли о демонах (Koehler, Baumgartner et al. 1996: vol. 3, 1020). Яновски также пишет, что слово **יִנְיָ** этимологически связано с **יָצָה** (“пустыня”), таким образом, **יִנְיָ** — это обитатели пустыни (Janowski 1999:897). Мюллер считает, что речь идет скорее о существах нечеловеческой природы (Müller 1989).

В The Dictionary of Classical Hebrew (Clines 2011:113) присутствуют еще два омонимичных слова **יָצ**. **יָצ** III может означать “руины, пустыню”, а **יָצ** IV — “стройный, изящный”. Оба этих омонима могут предполагаться в анализируемых контекстах 71/72 и 73/74 псалмов. Таким образом, в 71/72 псалме речь может идти о том, что перед царем либо склонятся руины завоеванных им городов, либо склонятся стройные люди. В 73/74 может говориться о том, что Бог отдал Левиафана в пищу либо пустыне (здесь предполагается метонимия, в значении “жители пустыни”), либо стройным обитателям пустыни. Версию, согласно которой под **יָצ** в 71/72 и 73/74 псалмах подразумеваются руины или пустыня, выдвинул Г. Драйвер в статье 1922 года (Driver 1922: 409). В качестве родственных слов Драйвер приводит аккадские *ša'u* (“опустошать”) и *ši'u* (“разрушение”). Тот же Драйвер в статье 1955 года (Driver

1955b:71) пишет, что זָר может значить “стройный, изящный” (слово זָר буквально значит “сухая, высушенная земля”, следовательно, זָר — “сухой, худой, стройный, изящный, высокий”). Именно таким пониманием слова, возможно, обусловлен перевод זָר как Αἰθίοπες в переводе LXX (см. ниже). В арабском языке существует также родственное слово ḍawīya (“иметь стройное тело и ноги”). Правда, в *The Dictionary of Classical Hebrew* словарные статьи זָר III и זָר IV помечены знаком *, таким образом, автор словарных статей сомневается в том, что в псалмах слова употребляются именно в этих значениях.

Итак, большинство лексикографов соглашаются с тем, что под זָרִים подразумеваются некие существа, обитающие в пустыне, однако нельзя с определенностью сказать, кто конкретно имеется в виду. Это могут быть люди, звери или демоны. Впрочем, мы видим в приведенных контекстах, что дикие звери и демоны в Библии нередко упоминаются вместе, и часто звери могут быть истолкованы как существа, имеющие демоническое обличие (Janowski, Neumann-Gorsolke 1993).

Не все исследователи согласны с тем, что во всех шести вышеприведенных контекстах употребляется слово זָרִים . Так, Яновски считает, что определенно о наличии слова זָרִים можно говорить только в Ис. 13:21, Ис. 34:14 и Иер. 50:39, то есть лишь в трех контекстах их шести предполагаемых. В остальных случаях, возможно, употребляется омонимичное или совсем другое слово (Janowski 1999: 897). Так, в Ис. 23:13 могут иметься в виду не загадочные пустынные существа, а корабли (омонимичное слово). То есть, возможно, смысл стиха такой: ассирийцы подойдут к стенам Вавилона на кораблях и осадят его. Сомнительно и наличие слова זָרִים и в Пс. 71/72:9. Возможно, в данном контексте нужно читать не זָרִים , а צָרִים (“враги, притеснители”)¹⁴. Действительно, логичнее представить победу царя над врагами, чем над непонятными пустынными существами. Тем более, если принять эту конъектуру, в тексте псалма можно наблюдать весьма типичный для ветхозаветной поэзии синонимический параллелизм.

Предполагается, что слово זָרִים может отсутствовать и в интересующем нас тексте 73/74 псалма. Однако прежде чем поговорить об этом, проанализируем то, как слово זָרִים

¹⁴ См., Brown, Driver, Briggs 1907: 850.

передается по-гречески и по-латински в LXX и Вульгате во всех контекстах, явных и предполагаемых.

Начнем с Книги пророка Исайи. В Ис. 13:21 в LXX дан следующий греческий перевод:

Καὶ ἀναπαύσονται ἐκεῖ θηρία καὶ ἐμπλησθήσονται αἱ οἰκίαι ἤχου, καὶ ἀναπαύσονται ἐκεῖ σειρήνες, καὶ δαιμόνια ἐκεῖ ὀρχήσονται.

“И будут там отдыхать звери, и наполнятся дома эхом, и будут там отдыхать сирены, и демоны там будут плясать”.

Иероним дает следующий перевод для данного места:

Sed requiescent ibi bestiae et replebuntur domus eorum draconibus et habitabunt ibi strutiones et pilosi saltabunt ibi.

“И будут там отдыхать звери, и наполнятся их дома драконами, и будут там обитать страусы, и волосатые будут плясать там”.

Как мы видим, и в греческом, и в латинском переводе в данном контексте говорится о том, что на развалинах Вавилона поселятся дикие звери вперемешку с демоническими существами. Однако и переводчик LXX, и Иероним считают, что в данном месте под 𐤍𐤕𐤔 имеются в виду звери (θηρία, bestiae).

В Ис. 23:13 перевод LXX следующий:

(Καὶ ἐὰν ἀπέλθῃς εἰς Κιτιεῖς, οὐδὲ ἐκεῖ ἀνάπαυσις ἔσται σοι· καὶ εἰς γῆν Χαλδαίων, καὶ αὕτη ἡρήμωται ἀπὸ τῶν Ἀσσυρίων, οὐδὲ ἐκεῖ σοι ἀνάπαυσις ἔσται, ὅτι ὁ τοῖχος αὐτῆς πέτωκεν.

“И если ты пойдешь к китиянам, и там не будет тебе покоя, и (если пойдешь) в землю халдеев (а она опустошена ассирийцами), и там не будет тебе покоя, ибо стена ее пала”.

В данном случае мы приводим наряду с тринадцатым стихом также конец двенадцатого стиха, так как лишь в связи с концом предыдущего стиха понятен контекст в переводе LXX. Как мы видим, в данном случае греческий перевод довольно сильно отличается от Масоретского текста, и слово 𐤍𐤕𐤔 передано здесь не существительным, а глаголом ἐρημόω (“опустошать, разорять”).

Сильно отличается от древнееврейского оригинала в данном месте и достаточно описательный перевод Иеронима, и в латинском переводе, кажется, отсутствует слово, которое можно было бы считать переводом древнееврейского לִמְנוּחָיו :

Ecce terra Chaldeorum: talis populus non fuit. Assur fundavit eam in captivitate. Transduxerunt robustos eius, suffoderunt domos eius posuerunt eam in ruinam.

“Вот земля халдеев: такого народа не стало. Ассур поместил ее в плен. Они увели крепких людей ее, подкопали ее дома, превратили ее в развалины”.

В Ис. 34:14 перевод LXX следующий:

Καὶ συναντήσουσι δαιμόνια ὀνοκενταύροις καὶ βοήσονται ἕτερος πρὸς τὸν ἕτερον· ἐκεῖ ἀναπαύσονται ὀνοκεύνταυροι, εὖρον γὰρ αὐτοῖς ἀνάπαυσιν.

“И будут встречаться демоны с онокентаврами и будут кричать один к другому. Там будут отдыхать онокентавры, потому что они нашли себе покой”.

Здесь לִמְנוּחָיו передаются по-гречески как ὀνοκεύνταυροι — “онокентавры”. Под онокентаврами подразумеваются фантастические существа (полуослы-полулюди). Интересно также то, что в переводе данного стиха не только интересующие нас существа ассоциируются с онокентаврами. С ними здесь в переводе LXX отождествляется также Лилит¹⁵. Таким образом, можно сделать промежуточный вывод: в LXX Исаяи нет единого понимания слова לִמְנוּחָיו : эти существа трактуются то как звери, то как фантастические онокентавры.

В Вульгате текст Ис. 34:14 переведен следующим образом:

Et occurrent daemonia onocentauris, et pilosus clamabit alter ad alterum. Ibi cubavit lamia et invenit sibi requiem.

¹⁵ При этом впервые в греческой литературе онокентавры упоминаются именно в LXX пророка Исаяи. Следующее упоминание онокентавров содержится в труде Клавдия Элиана (2-я половина II в. н. э. — 1-я половина III в. н. э.) “О природе животных” (De natura animalium II 9; VII 9). Изображение онокентавра встречается также на Нильской мозаике из Палестрины. Подробнее об онокентаврах см. Meuyboom 1995: 111–114.

“И будут встречаться демоны с онокентаврами, и волосатый будет кричать один к другому. Там залегла ламия и нашла себе покой”.

Как мы видим, в данном случае Иероним следует LXX и использует в переводе греческое слово *onocentauri*.

Обратимся теперь к переводу Иер. 50:39. Перевод LXX в данном контексте такой¹⁶:

Διὰ τοῦτο κατοικήσουσιν ἰνδάλματα ἐν ταῖς νήσοις καὶ κατοικήσουσιν ἐν αὐτῇ θυγατέρες σειρήνων, οὐ μὴ κατοικηθῇ οὐκέτι εἰς τὸν αἰῶνα.

“Поэтому будут жить привидения на островах, и будут жить в ней¹⁷ дочери сирен, не будет она уже обитаема вовек”.

Для перевода древнееврейского נִדְּאָלִים здесь выбрано очень редкое древнегреческое слово *ἰνδαλμα* — “подобие, образ”, также его можно понимать в значении “призрак, привидение” или “галлюцинация” (Liddell, Scott, Jones 1996: 830). Это слово (и однокоренное слово *ἰνδαλμός*) помимо LXX встречается только у поздних авторов — Лукиана, Диогена Лаэртского. Возможно, здесь имеется в виду призрак, привидение. В церковнославянском переводе, в основном следующем LXX, используется слово “мечты”. В греческом переводе анализируемого места у Иеремии есть одна явная неточность. Слово נִדְּאָלִים (“шакал, гиена”) понято как омонимичное слово, означающее “остров”, отсюда — чтение ἐν ταῖς νήσοις (“на островах”).

Латинский перевод в данном контексте следующий:

Propterea habitabunt dracones cum fatuis ficariis et habitabunt in ea strutiones et non habitabitur ultra usque ad sempiternum, nec extruetur usque ad generationem et generationem.

“Поэтому будут обитать (там) драконы с глупыми разносчиками смокв (фíговыми глупцами?), и будут обитать в

¹⁶ Как известно, в Книге пророка Иеремии в LXX нумерация глав и стихов не совпадает с масоретской. В Книге пророка Иеремии это 39 стих 27 главы.

¹⁷ Земле Вавилона.

ней страусы, и не будет она населена больше вовек, и не будет отстроена уже в род и род”.

Иероним в данном контексте полагает, что под פִּתְיוֹן здесь понимаются драконы. Загадочным здесь остается перевод פִּתְיוֹן как *fatui ficarii*. Остается неясным, на каком основании сделан именно такой перевод, а также непонятно значение данного выражения¹⁸. Это тема для отдельного исследования. Правда, в издании *Vulgata Clementina* в данном месте сказано “*cum faunis ficariis*”. Если принять во внимание данное чтение, то в этом случае можно говорить, что в Иер. 50:39 речь может идти о фавнах, обитающих на фиговых деревьях.

Наконец, перейдем к Псалтири. В Пс. 71/72:9 в LXX греческий перевод таков:

Ἐνώπιον αὐτοῦ προλεσούνται Αἰθίοπες καὶ οἱ ἐχθροὶ
αὐτοῦ χοῦν λείξουσιν
“Перед лицом его падут эфиопы, и враги его прах будут лизать”.

Как известно, Иероним сделал два перевода Псалтири — перевод с Септуагинты и перевод с древнееврейского текста.

Однако удивительно то, что в обеих латинских версиях, как и в LXX, под פִּתְיוֹן подразумеваются эфиопы. Перевод Иеронима по LXX полностью отражает греческий текст:

Coram illo procident Aethiopes et inimici eius terram lingent.

Перевод, сделанный с еврейского текста (*versio iuxta Hebraicum*), незначительно отличается от перевода, сделанного с LXX:

Ante eum procident Aethiopes et inimici eius pulverem lingent.
“Перед ним падут эфиопы, и враги его будут лизать прах”.

В данном случае вместо предлога *coram* употреблен предлог *ante*, местоимение *ille* заменено на *is*, а вместо существительного *terra* используется *pulvis*. Впрочем, все эти слова синонимичны, и смысл стиха в обеих иеронимовых версиях идентичен.

¹⁸ Возможно, имеются в виду глупые разносчики смокв или некие демонические существа недалекого ума, обитавшие в ветвях смоковниц, но определенно сказать нельзя.

В интересующем нас 14 стихе 73/74 псалма в LXX речь также идет об эфиопах:

Σὺ συνέθλασας τὰς κεφαλὰς τοῦ δράκοντος ἔδωκας αὐτὸν βρῶμα λαοῖς τοῖς Αἰθίοσιν.

“Ты сокрушил головы дракона, отдал его в пищу народам эфиопским”.

Версия Иеронима на основе LXX выглядит следующим образом:

Tu confregisti capita draconis dedisti eum escam populis Aethiopum.

Перевод в целом соответствует греческому тексту, только датив в греческой версии заменен в латинской на генетив.

В латинской версии iuxta Hebraicum сказано следующее:

tu confregisti capita Leviathan, dedisti eum in escam populo Aethiopum.

“Ты сокрушил головы Левиафана, отдал его в пищу народу эфиопов”.

Что характерно, и в версии, сделанной с древнееврейского текста, речь идет о эфиопах. Версия в данном контексте отличается от перевода, сделанного с LXX, тем, что здесь конструкция accusativus duplex заменена на конструкцию с целевым предлогом in, имя Левиафана транслитерируется, а не передается как draco, а слово populus употребляется в единственном числе, что ближе к древнееврейскому тексту, а не к греческому переводу.

Обращает на себя внимание то, что в переводе Псалтири и в LXX, и в обеих версиях Иеронима под словом עֲפְרָיִם подразумеваются эфиопы. С чем связана данная трактовка, неизвестно. Можно твердо сказать, что данная передача древнееврейского слова указывает на индивидуальную манеру греческого переводчика Псалтири, и этой манере следует и Иероним. Данный вариант перевода невозможно объяснить ошибкой в чтении. Название народа Αἰθίοπες в LXX обычно используется для передачи древнееврейского этнонима Куш (כּוּשׁ), и нет никаких слов, похожих по написанию на עֲפְרָיִם, которые могли бы подразумевать эфиопов. Возможно, переводчик LXX вознамерился конкретизировать врагов царя и в силу каких-то причин решил, что в данном контексте имеются в виду эфиопы, а в Пс.

73/74:14 использовал для слова этот же вариант перевода. Возможно, наоборот, переводчик сначала перевел 73/74 псалом и решил, что под жителями пустыни следует понимать эфиопов, а затем данный вариант перевода использовал в 71/72 псалме. Г. Драйвер в упомянутой статье 1955 года выдвигает гипотезу, согласно которой Αἰθίοπες может представлять собой смысловой перевод слова מִן־צִי (Driver 1955b:71). Драйверу считает, что צִי можно понимать как “стройный, изящный, высокий”. При этом, как отмечает ученый, у Геродота эфиопы описываются как μέγιστοι καὶ κάλλιστοι (“самые рослые и красивые” люди на земле)¹⁹. Кроме того, у Исаии эфиопы названы גִּזְרֵי מְרוֹשָׁה וְגִזְרֵי מְרוֹשָׁה נָעִים, “народом высоким, рослым”²⁰.

Церковнославянский перевод²¹ следует за Септуагинтой:

Ты сокрушил еси главу змиеву, далъ еси того брашно людемъ еѳіопскимъ.

Правда, здесь, в отличие от оригинального древнееврейского текста, LXX и Вульгаты, в которых употреблено множественное число, говорится, что Бог сокрушил не головы, а голову Левиафана (змиеву), в то время как в угаритском мифе Литану описан как семиголовое чудовище.

Та же ошибка повторяется и в Синодальном переводе:

Ты сокрушил голову левиафана, отдал его в пищу людям пустыни.

Таким образом, мы видим, что в Синодальном переводе под מִן־צִי понимаются живущие в пустыне люди.

В переводе РБО ошибка в употреблении числа исправлена, в этой версии под מִן־צִי понимаются дикие звери:

Ты разможил головы Левиафана, отдал его в пищу диким зверям.

Как мы сказали, не все исследователи согласны, что в интересующем нас тексте 74 псалма употребляется слово מִן־צִי. Рядом комментаторов место считается испорченным. Особенно странным смотрится повтор во фразе предлога ל. Если рассматривать имеющееся чтение, то в этом случае предлог ל можно понимать либо как уточняющий, конкретизирующий

¹⁹ Herod. Hist. III.20.

²⁰ Ис. 18:2,7.

²¹ Цитата приводится по Елизаветинской Библии.

предыдущее слово (народу, а именно, אֱמֻנָה), либо можно видеть здесь асиндетон (народу (и) אֱמֻנָה). Слово אֱמֻנָה (“народ, люди, толпа”) обычно употребляется по отношению к людям, но изредка может применяться по отношению к животным, например, в книге пророка Иоиля²² этим словом обозначено полчище саранчи. Таким образом, если под словом אֱמֻנָה понимать животных, то слово אֱמֻנָה в данном контексте вполне допустимо. Правда, фраза выглядела бы логичнее, если бы в ней было не два существительных с повторяющимся предлогом לְ, но сопряженное сочетание אֱמֻנָה-אֱמֻנָה. Такая эмендация выглядела бы разумной. Ряд ученых в этом месте предлагает еще одну эмендацию. Вместо אֱמֻנָה לְאֱמֻנָה предлагается читать אֱמֻנָה לְאֵמֻנָה (“морским акулам”), что представляется разумной конъектурой, так как убитый Левиафан вполне мог быть отдан в пищу морским рыбам, в частности, акулам. Впервые такую гипотезу предложил Лёв (Löw 1906). Это мнение разделяет ряд ученых (Janowski 1999: 898). Напротив, другие исследователи критикуют данную гипотезу, например, Дж. Барр (Bar 1968: 236–237). Барр считает, что, несмотря на то, что гипотеза выглядит на первый взгляд разумной, в других семитских языках, помимо древнееврейского, не зафиксировано родственных слов, обозначающих акулу или вообще какой-либо вид рыбы. Впрочем, если оставить чтение אֱמֻנָה, то тогда можно считать, что морское чудовище намеренно находится здесь в антитезе с обитателями суши, для которых оно стало пищей.

Теперь посмотрим, как данное место понимают важнейшие комментаторы Псалтири. Митчелл Дахуд считает, что в данном контексте имеются в виду обитающие в пустыне племена (Dahood 2008: 205). Марвин Тейт (Tate 1990:243) пишет, что значение слова אֱמֻנָה неясное, а сама фраза является темным местом. Возможно, речь идет либо о людях, либо о животных, обитающих в пустыне, к примеру, о гиенах. Тейт также замечает, что существует омонимичное слово אֵמֻנָה в значении “корабль”, то есть в тексте может идти речь о корабельщиках, мореходах (если вместо двух существительных с предлогом предполагать здесь сопряженное сочетание, в котором אֱמֻנָה означает “корабли”). Найт осторожно переводит אֱמֻנָה как *the creatures of the wilderness* “твари пустыни”, не конкретизируя

²² Иоиля 2:2.

значение слова (Knight 1983:14). Хоссфельд и Ценгер пишут, что здесь дается аллюзия на битву Яхве с чудовищем, олицетворяющим хаос, говорят об угаритских параллелях к данному стиху и считают, что речь может идти об обитающих в пустыне диких зверях, например, гиенах, но также упоминают конъектуру, на основании которой можно предполагать, что Левиафан был съеден акулами. Комментаторы также отмечают, что наличие во фразе повторяющегося союза וְ создает трудность в интерпретации (Hossfeld, Zenger 2005: 239). Аллен Росс также пишет, что речь может идти об обитателях пустыни, это могут быть и люди, и дикие звери, к примеру, все те же упомянутые другими комментаторами гиены. Росс также упоминает версию об акулах и указывает на то, что в LXX в данном месте имеются в виду эфиопы, а это может подтверждать тот факт, что в древнееврейском тексте речь идет о жителях пустыни (Ross 2013: 572).

Какой можно подвести итог на основании проведенного анализа? Мы видим, что среди переводчиков и комментаторов нет единства в понимании того, кому Бог отдал в пищу Левиафана. Согласно различным интерпретациям, это могут быть обитатели пустыни, под которыми могут подразумеваться дикие звери (например, гиены или дикие коты), люди (согласно LXX и Вульгате — эфиопы) или фантастические существа — демоны, драконы, оноцентавры, призраки, также речь в псалме может идти об акулах или корабельщиках. Мы считаем, что в псалме говорится об обитателях пустыни (если, конечно, принимать чтение וְ и отвергать предлагавшиеся конъектуры). Трудно, практически невозможно дать ответ на вопрос, кто конкретно имеется в виду. Если принять во внимание то, что в псалме дается отсылка к битве Бога с первобытным чудовищем, ко временам, когда еще не было людей, то, вероятно, речь может идти о населяющих пустыню животных или фантастических существах.

Литература

- Barr J., 1968: *Comparative Philology and the Text of the Old Testament*. Oxford: Oxford University Press.
- Brown, F., Driver, S. R., Briggs, C. A., 1907: *Hebrew and English Lexicon of the Old Testament*. Oxford: Clarendon Press.

- Clines 1993: Clines D. (editor): *The Dictionary of Classical Hebrew*. Vol. I. Sheffield: Phoenix Press.
- Clines 2011: Clines D. (editor): *The Dictionary of Classical Hebrew*. Vol. VII. Sheffield: Phoenix Press.
- Dahood, M., 2008: *Psalms II: 51–100. Introduction, translation and notes*. New Haven; London: Yale University Press.
- Driver, G. R. 1922: Notes on Hebrew Lexicography. *The Journal of Theological Studies* 23 (1922), 405–410.
- Driver, G. R. 1955b: Notes on Notes. *Biblica*, vol. 36 No.1 (1955), 71–73.
- Driver, G. R., 1955a: Problems in the Hebrew Text of Job. *Wisdom in Israel and in Ancient Near East*, 72–93.
- Emerton, J. A., 1982: Leviathan and Ltn: The Vocalization of the Ugaritic Word for Dragon. *Vetus Testamentum* 32, 327–331.
- Grafof 2019: *Slovar' bibleyskogo ivrita*. [Dictionary of Biblical Hebrew]. Moscow: Text.
- Графов 2019: *Словарь библейского иврита*. М.: Текст.
- Graves, R., Patai, R. 2008: *Judeyskiye mify* [Jewish Myths]. Moscow: AST.
- Грейвс, Р., Патай, Р. 2008: *Иудейские мифы*. М.: АСТ МОСКВА.
- Gray, J., 2010: *The Book of Job*. Sheffield: Sheffield Phoenix Press.
- Hossfeld, F.-L., Zenger E., 2005: *Psalms 2. A Commentary on Psalms 51–100*. Minneapolis: Fortress Press.
- Janowski, B., 1999: Wild Beasts. *Dictionary of Deities and Demons in the Bible*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 897–898.
- Janowski, B., Neumann-Gorsolke, U., 1993: Das Tier als Exponent dämonischer Mächte. *Gefährten und Feinde des Menschen. Das Tier in der Lebenswelt des alten Israel*. Neukirchen-Vluyn, 278–282.
- Knight, G. A. F., 1983: *Psalms. Volume 2*. Louisville, Kentucky: Westminster John Knox Press.
- Koehler L., Baumgartner W., Stamm J. J., Hartmann B., Ben Hayyim Z., Kutscher E. Y., Reymond P. 1996: *The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament*. Leiden: Brill.
- Lange, J. P., Schaff, P., Moll, C. B., Briggs, C. A., Forsyth, J., Hammond, J. B. McCurdy J. F., Conant T. J., 2008: *A Commentary on the Holy Scriptures: Psalms*. Bellingham.
- Löw I., 1906: Aramäische Fischnamen// *Orientalische Studien* Th. Nöldeke gewidmet. Giessen, 549–570.
- Meyboom, P. G. P. 1995: *The Nile Mosaic of Palestrina: Early Evidence of Egyptian Religion in Italy*. Leiden; New York; Köln.
- Müller, H.-P., 1989: נֶפֶשׁ. *Theologisches Wörterbuch zum Alten Testament* 6, 987–991.
- Palkhan I. 2006: *Slovar' ivrita. Sovremennaya leksika*. М.: Zhivoy yazyk. [Dictionary of Hebrew. Modern Lexicon. Moscow: Living Language].

- Палхан И. 2006: *Словарь иврита. Современная лексика*. М.: Живой язык.
- Pikovsky I., Eyvazov N., 2023: *Psaltir': kniga zhizni. Kommentariy k tekstu Psalter [Book of Life. Commentary on the Text of the Synodal Bible]*. Moscow: Sretensky Monastery Publishing House.
- Пиковский И., Эйвазов Н., 2023: *Псалтирь: книга жизни. Комментарий к тексту Синодальной Библии*. М.: Издательство Сретенского монастыря.
- Ross, A. P., 2013: *A Commentary on the Psalms: Volume 2* (42–89). Grand Rapids: Kregel.
- Ross, A. P., 2016: *A Commentary on the Psalms: Volume 3* (90–150). Grand Rapids: Kregel.
- Tate, M. E., 1990: *Psalms 51–100. Word Biblical Commentary*. Dallas: Word Books.
- Uehlinger, C., 1999: Leviathan. *Dictionary of Deities and Demons in the Bible*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 511–515.
- Weiss, M., 1984: *The Bible from Within: The Method of Total Interpretation*. Jerusalem: Magnes Press.

А. В. Котова

Санкт-Петербургский гос. университет ветеринарной медицины
anastakot@gmail.com

ЖЕНСКИЙ ТРУД КАК ОБРАЗ СРАВНЕНИЯ В АНТИЧНОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ

Определяется роль, источники и место сравнений с образами женского труда в поэмах «Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Аргонавтика» Аполлония Родосского, «Энеида» Вергилия, «Аргонавтика» Валерия Флакка, «Фиваида» и «Ахиллеида» Стация. Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы. Женский труд не выступает в качестве образа сравнения в «Одиссее», «Фиваиде» и «Ахиллеиде». В остальных поэмах объектами сравнений, составляющими семантическую пару к образам женского труда, являются категории, индивидуальные для каждого произведения: «герои» в «Илиаде», «человек» в «Аргонавтике» Аполлония, «боги» в «Энеиде», «мифологические персонажи» в «Аргонавтике» Валерия Флакка. В аспекте субъектной организации речи рассматриваемые сравнения встречаются в речи персонажей только один раз — в песне Орфея в поэме Валерия Флакка, во всех остальных случаях они представлены в речи повествователя. Мастерство и трудолюбие женщины, занятой рукоделием, в эпических сравнениях противопоставляет мирную и военную жизнь, иллюстрирует поведение и эмоции персонажей, раскрывает их мотивы.

Важнейшим средством достижения авторской задачи являются интертекстуальные аллюзии.

Ключевые слова: «Илиада», «Одиссея», «Энеида», «Аргонавтика», «Фиваида», «Ахиллеида», мастерство, прядение, ткачество, сравнение.

A. V. Kotova

Saint-Petersburg State University of Veterinary Medicine
anastakot@gmail.com

Women's craftsmanship as a vehicle in Ancient Epic Poetry

This research examines the epics of Homer's *Iliad* and *Odyssey*, Apollonius Rhodius' *Argonautica*, Virgil's *Aeneid*, Valerius Flaccus' *Argonautica*, and Statius' *Thebaid* and *Achilleid*. The study determines the role of similes, their sources, place in the subjective organization of speech, and semantic categories of tenors related to vehicles of women's craftsmanship. The findings lead to the following conclusions. In Homer's epics, women's craftsmanship serves as a vehicle only in the "Iliad", where, in episodes of military action and funeral games, the tenors are heroes, both individually and as part of a group — Menelaus, Odysseus,

and Ajax, the Greek and Trojan armies (4.141–7; 12.433–5; 23.759–64). In Apollonius' *Argonautica*, Medea's feelings are depicted using two similes, where women's craftsmanship first illustrates the birth of love for Jason and then the heroine's anxiety and turmoil (3.291–8; 4.1062–7). The source of both similes is Homer's description of a working spinner (Il. 12.433–5). In the *Aeneid*, the Roman ideal of a woman who married only once (*uniuira*), along with her daily rhythm of life and work becomes a vehicle for a divine-level character. This imagery denotes the time when Vulcan rises before dawn to begin work on Aeneas' shield (8.407–15). Three similes where the motif of women's craftsmanship is used by Homer and Apollonius in different contexts became sources for this passage (Il. 12.433f; Arg. 3.291f; Arg. 4.1062f). In Valerius Flaccus' *Argonautica*, the tenor is the mythological character — the herdsman Argus, whose multitude of sleepless eyes are scattered throughout his head, as if a Lydian girl had embellished her web with purple spots (4.367–9). The simile alludes to the myth of the skilled Lydian weaver Arachne, narrated by Ovid in *Metamorphoses* (6.5–145). Unlike previous examples, where similes are used by the narrator, the passage from Valerius Flaccus' *Argonautica* is presented in the speech of a character, namely in Orpheus' song. In Statius' *Thebaid* and *Achilleid*, the skill and diligence of a woman engaged in needlework do not serve as a vehicle.

Keywords: *Iliad*, *Odyssey*, *Argonautica*, *Aeneid*, *Argonautica*, *Thebaid*, *Achilleid*, craftsmanship, spinning, weaving, simile.

На протяжении всей античности неотъемлемой частью стиля произведений героического эпоса были сравнения. В настоящей статье проводится анализ использования сравнений, в которых в качестве сопоставления выступает женский труд. Материалом исследования выбраны эпические поэмы «Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Аргонавтика» Аполлония Родосского, «Энеида» Вергилия, «Аргонавтика» Валерия Флакка, «Фиваида» и «Ахиллеида» Стация. Эти греческие и римские эпосы, основанные на мифологических сюжетах, представляют собой непрерывную традицию. Произведения рассматриваются отдельно в хронологическом порядке для определения роли и общего значения сравнений, их источников, категорий объектов сравнений, составляющих семантическую пару к образам женского труда, а также места в субъектной организации речи.

У Гомера в сравнениях эпизодически встречаются яркие картины женского труда.

Одно из самых необычных сравнений в «Илиаде» встречается в изображении Менелая, получившего ранение. Последова-

тельность событий, предшествующих эпизоду, обусловлена вмешательством богов. В третьей книге между греками и троянцами заключено перемирие, чтобы Менелай и Парис могли сразиться в поединке и решить, кому достанется Елена, положив, таким образом, конец войне. Поединок заканчивается без результата: когда Менелай близок к победе, появляется Афродита и под покровом темного облака уносит Париса, оставляя Менелая искать своего пропавшего соперника.

В четвертой книге поэмы Афина, действуя по приказу Зевса, убеждает троянца Пандара поразить стрелой Менелая¹. Хотя Афина позаботилась о том, чтобы защитить героя, стрела, пройдя сквозь его доспех и пояс, задела кожу под ними²; по ногам Менелая стекает кровь, и это дает повод для запоминающегося сравнения (4. 140–7):

αὐτίκα δ' ἔρρεεν αἶμα κελαϊνεφές ἐξ ὠτειλῆς.
ὥς δ' ὅτε τίς τ' ἐλέφαντα γυνὴ φοῖνικι μίηνῃ
Μηονίς ἢ Κείρα παρήϊον ἔμμεναι ἵππων:
κεῖται δ' ἐν θαλάμῳ, πολέες τέ μιν ἠρήσαντο
ἱππῆες φορέειν: βασιλῆϊ δὲ κεῖται ἄγαλμα,
ἀμφοτέρων κόσμος θ' ἵππῳ ἐλατῆρί τε κῦδος:
τοιοῖ τοι Μενέλαε μίανθην αἶματι μηροῖ
εὐφυέες κνήμαί τε ἰδὲ σφυρὰ κάλ' ὑπένερθε.

Быстро багряная кровь заструилась из раны Атрида.
Так, как слоновая кость, обогренная в пурпур женою,
Карскою или меонской, для пышных нащечников коням,
В доме лежит у владелицы: многие конники страстно
Жаждают обрести, но лежит драгоценная царская утварь,
Должная быть и коню украшеньем и коннику славой, —
Так у тебя, Менелай, обагрились пурпурной кровью
Бедрa крутые, красивые ноги и самые глезны.

(Пер. Н. И. Гнедича)

Стоит отметить, что это первый случай в поэме, когда на самом деле произошло кровопролитие и Менелай — первый

¹ Это нападение, являющееся нарушением соглашения о перемирии между греками и троянцами, заключенном обеими сторонами перед поединком, приводит к возобновлению боевых действий.

² Детальное исследование структуры поясного доспеха Менелая см.: Bennett 1997: 69–73.

пострадавший герой (Neal 2006: 46–48). Также это самое древнее свидетельство практики окрашивания слоновой кости в пурпурный цвет (Nuzzo 2012: 83) и единственное цветовое сравнение во всей «Илиаде» (Sfyrroeras 2014: 235)³.

Повествователь, описывая это событие, использует сравнение, в котором искусство меонийской женщины создает не только прекрасный образ для поля боя, но и, в буквальном смысле, эстетическую аналогию кровопролития. Среди поразительных особенностей этого сравнения — цветовой контраст, служащий фоном для ряда противоположностей: домашний интерьер и поле боя, артефакт и природа, человек и животное, а также женщина и мужчина (Sfyrroeras 2014: 236).

В структуре этого сравнения прослеживается четкая дихотомия: в первых двух стихах приводится описание искусной женской работы по созданию элемента конского убора, а в следующих трех говорится о прославленных царях, об их восхищении тонким мастерством и об их удовольствии от накопления редких и прекрасных предметов (Minchin 2001: 153). Этот образ, которому дополнительную силу придают связанные с ним детали изготовления и владения, создает, по мнению Дж. Кирка, эстетический и патетический эффект и отражает суть сравнения, подразумевая уникальную ценность Менелая для ахейцев (Kirk 1985: 346–347).

К. Стенли видит иной смысл в использовании сравнения, заимствованного из мира домашнего ремесла, для описания раны, которая символизирует разрыв семейной жизни Менелая и Елены⁴.

Другую точку зрения выдвигает Э. Минчин, по мнению которой намерение поэта состоит только в том, чтобы сравнить

³ Этот гомеровский пассаж является источником сравнений у римских эпиков в иллюстрации чувств юных персонажей, сопровождающихся чередованием румянца и бледности на их лицах: Вергилий использует его в описании Лавинии (*Aen.* 12.67–8).

⁴ Ссылка на слоновую кость может представлять собой ироническую трансформацию рогов дикого козла, послуживших материалом для лука Пандара, которым он нанес рану Менелая. В то же время элементы желанности, зависти, борьбы за приз и уважение, присутствующие в описании изделия из слоновой кости, связывают рану с объектом соперничества, которым является не столько личность Елены, сколько она как объект хвастливого обладания (Stanley 2014: 70).

визуальный эффект крови Менелая на бледной коже его бедер и голеней с яркой пурпурной краской, которой женщина из Малой Азии раскрашивает изделие из слоновой кости. Остальные повествовательные элементы сравнения выходят за рамки того, что необходимо с точки зрения основной сюжетной линии и, «строго говоря, бессмысленны» (Minchin 2001: 152).

К. Мултон отмечает, что этот пассаж изменяет наше представление о Менелее и, несмотря на его тесную связь с причиной войны и благоприятное изображение в третьей книге, сравнение, в котором спартанский царь сопоставляется с женской работой, имеет негероическую коннотацию и предвещает, что он не будет эффективным бойцом, играющим важную роль по мере развития битвы (Moulton 1977: 93)⁵.

Другое развернутое сравнение, в котором изображается женский труд, представлено в двенадцатой книге «Илиады», повествующей о трех нападениях троянцев на греческую стену. Первое из них, во главе с Асием, было безрезультатным. Вторая фаза атаки, организованная Сарпедоном и Главком, усиливает предыдущую, но и она заканчивается неудачей. Изображенная статичная сцена поддерживается сравнением, которое подчеркивает равновесное противостояние и непоколебимую решимость обеих сторон (12. 430–8):

πάντη δὴ πύργοι καὶ ἐπάλξεις αἵματι φωτῶν
ἐρράδατ' ἀμφοτέρωθεν ἀπὸ Τρώων καὶ Ἀχαιῶν.
ἀλλ' οὐδ' ὧς ἐδύναντο φόβον ποιῆσαι Ἀχαιῶν,
ἀλλ' ἔχον ὥς τε τάλαντα γυνὴ χερνῆτις ἀληθής,
ἥ τε σταθμὸν ἔχουσα καὶ εἴριον ἀμφὶς ἀνέλκει
435ἰσάζουσ', ἵνα παισὶν ἀεικέα μισθὸν ἄρῃται:
ὥς μὲν τῶν ἐπὶ ἴσα μάχῃ τέτατο πτόλεμός τε,
πρὶν γ' ὅτε δὴ Ζεὺς κῦδος ὑπέρτερον Ἑκτορι δῶκε
Πριαμίδῃ, δὲ πρῶτος ἐσῆλατο τεῖχος Ἀχαιῶν.

Башни, грудные забрала кругом человеческой кровью
Были обрызганы с каждой страны, от троян и ахейн.
Но ничто не могло уstrasшить ахейн; держались

⁵ Д. Фелтон рассматривает тоpos ранений в бедро в героическом эпосе и приходит к выводу, что у Гомера такие раны присущи почти исключительно главным персонажам и обычно свидетельствуют о серьезной потере персонального и группового статуса вовлеченных в это героев — мужественности, силы, лидерства, плодородия (Felton 2017: 242).

Ровно они, как весы у жены, рукодельницы честной,
 Если, держа коромысло и чаши заботно равняя,
 Весит волну, чтоб детям промыслить хоть скудную плату, —
 Так равновесно стояла и брань и сражение воинств
 Долго, доколе Кронид не украсил высокою славой
 Гектора: Гектор ворвался в твердыню ахейскую первый.

(Пер. Н. И. Гнедича)

В сравнении, расположенном в сцене сражения, акцент смещается на мирную жизнь, в которой женщины играют центральную роль, а прядение и ткачество являются важным направлением их деятельности. Как отмечали многие комментаторы, такие сравнения «близки» аудитории, поскольку напоминают о бытовой, а не героической реальности (Bakker 2001: 1)⁶.

У. Скотт отмечает композиционную функцию этого пассажа: «момент мира на фоне войны, битва, в которой обе стороны равны, — сравнение делает паузу более выразительной и с этого места повествование начинает двигаться в новом направлении с новыми темами» (Scott 1974: 108).

Другие образы женского труда связывают мир гомеровской жизни и героической смерти. В двадцать третьей книге «Илиады» рассказывается о погребении Патрокла и играх, которые греки устраивают в его память. Известно, что герои эпоса стремятся быть лучшими и война — это основная арена соперничества, но игры также отражают и составляют природу эпического героизма. Состязания позволяют героям соревноваться друг с другом за внимание и престиж, выявляют их боевые качества и характеры, а эмоциональный накал, который отличает поведение участников и зрителей, такой же, как и в описаниях сражений на поле боя.

Представляя картину состязания в беге, поэт использует развернутое сравнение, в котором ткачиха — опытная мастерица, перенявшая все навыки у Афины, — занимается своим

⁶ Отмеривание шерсти по весу засвидетельствовано в хозяйственных документах микенской эпохи (Kruglova 2024: 924). По-видимому, обычная процедура заключалась в том, чтобы в самом начале взвесить шерсть, необходимую для конкретного ткацкого изделия, и направить ее на следующий этап обработки (прядение) в виде отмеренной единицы (Barber 1991: 265).

ремеслом, и, вытягивая нить, прижимает челнок к груди так близко, как Одиссей «прижимает» Аякса в беге (23. 758–63)⁷:

τοῖσι δ' ἀπὸ νύσσης τέτατο δρόμος· ὧκα δ' ἔπειτα
ἔκφερ' Ὀυλιάδης· ἐπὶ δ' ὄρνυτο δῖος Ὀδυσσεὺς
ἄγχι μάλ', ὥς ὅτε τίς τε γυναικὸς εὐζώνοιο
στήθεός ἐστι κανών, ὃν τ' εὖ μάλα χερσὶ τανύσσει
πηνίον ἐξέλκουσα παρὲκ μίτον, ἀγρόθι δ' ἴσχει
στήθεος· ὧς Ὀδυσσεὺς θέεν ἐγγύθεν, <...>

Бег их сперва от черты начинался; и первый всех дальше
Быстрый умчался Аякс; но за ним Одиссей знаменитый
Близко бежал, как у женщины ткащей с пряжею ходит
Цевка у персей, которую ловко руками бросает,
Нить за уток пропуская, и близко пред персями держит, –
Так Одиссей за Аяксом близко бежал (Пер. Н. И. Гнедича)

Этот образ подчеркивает внутреннюю напряженность и конструктивное стремление соперников, а также баланс между ними⁸. Фраза εὖ μάλα (искусно) (7. 61) указывает на то, что ткачиха создает предмет высшей степени совершенства. Внимание к мастерству в этом сравнении не случайно и побуждает нас обратить внимание на тактику самого Одиссея. Он бежит прямо за Аяксом, так, что приземляется на его следы еще до того, как оседает пыль (23. 763–4). Х. Френкель предполагает, что выбор сравнения был обусловлен сходством между движением κανών на ткацком станке и движением ног бегунов, которые находятся так близко друг к другу, но никогда не встречаются (Fränkel 1921: 79). Повествователь придает равное значение двум источникам победы Одиссея в состязании: его собственному мастерству, подчеркнутому посредством сравнения с ткачихой, и божественной помощи Афины (Ready 2011: 158).

Таким образом, из двух гомеровских эпосов только в «Илиаде» мы находим сравнения, в которых персонажи сопоставляются с

⁷ О технической стороне этого сравнения см.: Kirk, Richardson 1985: 253; Blümner 1912: 148; Barber 1991: 112.

⁸ Это сравнение является одним из пяти в «Илиаде», обозначающих тупиковую ситуацию или напряженность борьбы (12. 432–8; 16. 212–5; 17. 389–95; 23. 711–3; 23. 759–64). Поразительно, что все эти сравнения заимствованы из ремесел, в двух из них образами сравнения является женский труд (Rood 2008: 36).

женским искусством или повседневной работой⁹. Поэт связывает сюжеты женского труда с определенным контекстом, а именно состязательным — военным или спортивным, когда исход наиболее значим; в них объектами сравнений являются мужские персонажи, как индивидуально, так и в составе группы — Менелай, Одиссей и Аякс, греческая и троянская армии.

Мотив женского труда, встречающийся в гомеровских сравнениях «Илиады», мы находим в произведениях эпических поэтов последующих эпох.

Аполлоний Родосский в «Аргонавтике», поэме о путешествии героев из поколения, предшествовавшего Троянской войне, с большим искусством изображает расцвет любви Медеи к Ясону и то, как это влияет на ее поступки и личность. В основе описания молодой девушки лежат два сравнения, образующие выразительную пару, в которых женский труд иллюстрирует колебания и смятение, вызванные ее страстным увлечением.

Первое сравнение находится в эпизоде встречи Медеи и Ясона и зарождения ее любовного чувства, которое происходит под внешним влиянием богов. Желая помочь герою добыть золотое руно, Гера просит Афродиту заставить Медею полюбить Ясона. Сама Гера сыграла свою роль, удерживая Медею во дворце ее отца Ээта, которого аргонавты просят об аудиенции. Ясона и его спутников принимают в царском дворце, но стандартная «сцена приема» прерывается вмешательством Эрота (З. 275–98).

⁹ В гомеровских поэмах большинство женских персонажей — рабыни, царицы, нимфы и богини — практикуют прядение и ткачество. Например, Елена изображает на гобелене битвы Троянской войны (*Il.* 3. 125–8), Пенелопа тклет саван своему свекру Лаэрту (*Od.* 2. 95–110), Калипсо (*Od.* 5. 62) и Цирцея (*Od.* 10. 226) сопровождают ткачество пением. Кроме того, в доме царя Алкиноя находятся пятьдесят рабынь, которые заняты домашними ремеслами, в том числе прядением и ткачеством (*Od.* 7. 103–11), прядет и сама царица феаков Арета (*Od.* 6. 53, 6. 305–7). Примечательно, что в пассаже из «Одиссеи» (*Od.* 7. 108–11) мастерство женщин в изготовлении тканей само выступает в качестве объекта сравнения и сопоставляется с типичным мужским занятием, которым славились феаки — мореплаванием и искусством в управлении кораблями. Важно отметить, что в гомеровских эпосах всегда подчеркивается сила индивидуального мастерства рабынь, которых выставляли в качестве даров (*Il.* 9. 121–32, *Od.* 24. 274–9) или призов на играх (*Il.* 23. 264–70).

Аполлоний тщательно и детально описывает, как бог спускается, выбирает стрелу, занимает позицию и стреляет в Медею. В своем анализе этого пассажа Д. Финни отмечает его важный эффект, который заключается в том, что эпическая история дипломатии и военных действий прерывается и сбивается с пути, превращаясь в эпическую историю любви. Гомеровская модель (Пандар, стреляющий в Менелая, в «Илиаде» 4. 105–26) демонстрирует обратное движение: эпическая история войны могла закончиться преждевременно, но выстрел Пандара возвращает ее в нужное русло (Feeney 1991: 81).

В «Аргонавтике» Медея, пораженная стрелой Эроса, охвачена любовью — мгновенно и страстно — и этот момент поэт отмечает сравнением (3. 291–8)¹⁰:

ὥς δὲ γυνὴ μαλερῶ περὶ κάρφεα χεύατο δαλῶ
 χερνῆτις, τῆπερ ταλασίη ἔργα μέμηλεν,
 ὥς κεν ὑπὸ ρόφιον νύκτωρ σέλας ἐντύναιτο,
 ἄγχι μάλ' ἐγρομένη: τὸ δ' ἀθέσφατον ἐξ ὀλίγοιο
 δαλοῦ ἀνεγρόμενον σὺν κάρφεα πάντ' ἀμαθύνει:
 τοῖος ὑπὸ κραδίῃ εἰλυμένος αἶθετο λάθρη
 οὖλος Ἑρώς: ἀπαλὰς δὲ μετετροπῆτο παρειὰς
 ἐς χλόον, ἄλλοτ' ἔρευθος, ἀκηδεῖησι νόοιο.

Так бывает, когда за прялкой женщина, сидя,
 Хворост подбросит сухой в очаг еще не потухший,
 Чтобы в ночь для себя домашний свет приготовить,
 Встанет слишком близко к огню. Вдруг огромное пламя
 От головни незаметной с хворостом все истребляет.
 Так, под сердцем Медеи таясь, любовь запылала
 Ей на погибель. Нежные щеки или бледнели,
 Иль покрывались румянцем, против воли рассудка.
 (Пер. Г. Ф. Церетели)

Поэт придает этому сравнению визуальную образность и эмоциональный контекст, сопоставляя воздействие на Медею с внезапным возгоранием тлеющего под пеплом огня, когда в

¹⁰ Г. Пейдж рассматривает сравнения как один из элементов поэтической техники Аполлония в создании психологических образов персонажей в ключевые моменты их жизни, связанные с инициацией (Page 2022).

него подбрасывают сухие ветки; разрушительный характер этого пламени несет предостерегающий аспект¹¹.

Сравнение образует пару с 4. 1060–7, где измученная гнетущей тревогой Медея, сердце которой трепещет от тоски, сравнивается с безутешной вдовой за работой:

<...>: τὴν δ' οὐτι μίνυνθά περ εὔνασεν ὕπνος,
ἀλλὰ οἱ ἐν στέρνοισι ἀχέων εἰλίσσετο θυμός.
οἷον ὅτε κλωστήρα γυνὴ ταλαεργὸς ἐλίσσει
ἐννυχίῃ: τῇ δ' ἄμφι κινύρεται ὄρφανὰ τέκνα
χρηροσύνη πόσιος: σταλάει δ' ὑπὸ δάκρυ παρειᾶς
μυωμένης, οἷη μιν ἐπὶ σμυγερῇ λάβεν αἶσα:
ὥς τῆς ἰκμαίνοντο παρηίδες: ἐν δέ οἱ ἦτορ
ὀξείης εἰλεῖτο πεπαρμένον ἄμφ' ὀδύνησιν.

Однако Медеи коснуться
Сон не сумел. В груди ее сердце тоской волновалось.
Так бывает, когда всю ночь несчастная пряжа
Крутит пряжу, сироты же дети вокруг нее плачут,
Дети вдовы, и слеза у нее по щекам струится,
Стоит ей только подумать, сколь тяжела ее доля.
Так орошались и щеки Медеи. Все время дрожало
Сердце у ней, глубоко пораженное острою скорбью.
(Пер. Г. Ф. Церетели)

Оба сравнения, описывающие деятельность пряжи, иллюстрируют в «Аргонавтике» эмоциональное состояние Медеи, но, как заметил Р. Хантер, «ни одно из них не предполагает счастливого исхода для нее» (Hunter 2008: 49). Источником обоих сравнений является пассаж из эпического описания битвы в «Илиаде» (II. 12. 433–5), с которым имеются смысловые и лексические переклички: «у Гомера пряжа γυνὴ χερνῆτις ἀληθῆς взвешивает шерсть ἀλλ' ἔχον ὥς τε τάλαντα <...> / ἥ τε σταθμὸν ἔχουσα καὶ εἴριον ἄμφις ἀνέλκει / ἰσάζουσ' (II. 12. 433–5), а у Аполлония мотает шерстяную нить τῇπερ ταλασῆια ἔργα μέμλεν (3. 292)» (Mostovaya 2020: 270–271). Во втором сравнении гомеровская модель расширяется: оплакивание потерянного мужа, с одной стороны, усиливает настроение

¹¹ Образ огня, скрытого под пеплом, Гомер использует в изображении Одиссея, укрывшегося от холода в груде опавших листьев (*Od.* 5. 487f). В последующей традиции Овидий повторил этот образ огня в описании чувств Медеи (*Met.* 7. 77–83).

подавленности и скорби, способствуя тематической насыщенности; с другой — создает намек на страх Медеи потерять защиту Ясона (Effe 2001: 154–155). Р. Хантер отмечает, что «как раз в тот момент, когда Медея официально должна быть отдана Ясону, бессмысленность этого брака подчеркивается фигурой женщины, потерявшей мужа» (Hunter 2008: 48).

Создавая акценты на некоторых аспектах гомеровского сравнения и придавая им тематическую функциональность, эмоциональный контекст и глубину, Аполлоний доказывает превосходство нового эпического стиля, отражающего интерес поэтов эллинистической эпохи к реалистичному изображению жизни простых людей (Effe 2001: 154–155).

В «Энеиде» Вергилия, где тонко переплетаются эпизоды и мотивы из произведений литературных предшественников, есть только одно сравнение с ремеслом, изображающее женщину, которая вынуждена зарабатывать на жизнь прядением (8. 407–15):

Inde ubi prima quies medio iam noctis abactae
 curriculo expulerat somnum, cum femina primum,
 cui tolerare colo vitam tenuique Minerva
 impositum, cinerem et sopitos suscitavit ignes,
 noctem addens operi, famulasque ad lumina longo
 exercet penso, castum ut servare cubile
 coniugis et possit parvos educere natos:
 haud secus Ignipotens nec tempore segnior illo
 mollibus e stratis opera ad fabrilis surgit.

Ночь прошла полпути, и часы покоя прогнали
 Сон с отдохнувших очей. В это время жены, которым
 Надобно хлеб добывать за станом Минервы и прялкой,
 Встав, раздувают огонь, в очаге под золою заснувший,
 И, удлинив дневные труды часами ночными,
 Новый урок служанкам дают, ибо ложе супруга
 Жаждают сберечь в чистоте и взрастить сыновей малолетних.
 Столь же бодро восстал в такую же раннюю пору
 С мягкого ложа и бог огнемощный, чтоб взяться за дело.
 (Пер. С. А. Ошерова)

Она встает рано, подкладывает дрова в печь и дает задание своим служанкам. Эта картина ритма человеческой жизни применена для обозначения времени, когда Вулкан встает за несколько часов до рассвета и отправляется в свою кузницу под

горой Этна, чтобы начать работу над щитом Энея с изображением сцен римской истории. Комментаторами давно отмечено, что перифразы, обозначающие время дня и ночи, являются традиционным приемом высокого эпического и трагического стиля; иногда, как здесь, время определяется в соответствии с предсказуемо регулярной социальной активностью (Eden 1975: 125).

Три эпических сравнения, в которых один и тот же мотив женского труда используется Гомером и Аполлонием в совершенно разных контекстах, внесли свой вклад в этот пассаж (Fordyce, Christie 1978: 251):

1. разжигание огня происходит от Аполлония Родосского (3. 291f), где поэт изобразил жгучую, разрушительную любовь Медеи к Ясону, подобную огню;

2. тяжелая участь женщины является повторяющимся мотивом вслед за «Аргонавтикой» (4. 1062f), где Медея уподобляется пряже с ее осиротевшими детьми, работающей в предрассветные часы в отчаянии и скорби;

3. идеи верности и благочестия можно проследить от поэм Гомера; тематическая общность поддерживается лексической параллелью ἀληθής (Hom. *Il.* 12. 433) — castum (Verg. *Aen.* 8. 412).

Важный результат такого сочетания состоит в том, что посредством словесных и тематических повторов, создавая сеть интертекстуальных аллюзий, Вергилий максимизирует поэтическую значимость сравнения. Он представляет римский идеал женщины (*uniuira*). Почетное обозначение *uniuira* в языческом римском контексте означает женщину и вдову, вышедшую замуж только один раз, которая добросовестно заботится о домашних делах, детях и супружеской постели, оставшейся пустой после смерти мужа (Revellio 2022: 219)¹².

Исследователи отмечают важный долг Вергилия перед Аполлонием и его современниками — реалистичное и человеческое описание обычных людей было разработано эллинистичес-

¹² Торжественную клятву не вступать в повторный брак дала Дидона после гибели своего мужа Сихея (4. 15–24). Законный брак (*coniugium*, 4. 172), как называет она свой союз с Энеем, поэт характеризует как супружескую неверность (*culpat*, 4. 172), в соответствии с римским культурным идеалом женского целомудрия, выраженным в термине «женщина, состоящая в браке с одним мужчиной».

кими писателями и, без сомнения, внесло свой вклад в более глубокую и всестороннюю гуманность Вергилия (Eden 1975: 126)¹³.

Эпический преемник Вергилия Валерий Флакк в своей «Аргонавтике» использует сравнение с ткачихой, помещая его в речь персонажа.

В четвертой книге поэмы аргонавты пересекают Босфор и Орфей исполняет песню о речной нимфе Ио, возлюбленной Юпитера, которую он сначала превращает в корову, а затем вынужденно отдает в дар Юноне, чтобы избежать ее подозрений. Получив телку, богиня поручает многоглазому Аргусу наблюдать за Ио.

Первое сравнение в песне Орфея выражает удовольствие Юноны от Аргуса как стража, множество бессонных глаз которого рассеяны по всей голове, как если бы лидийская девушка украсила свою паутину пурпурными крапинками (4. 367–9).

Сравнение дает отсылку к мифу, изложенному Овидием в «Метаморфозах» (6. 5–145), где главным персонажем является лидийская девушка Арахна, вызвавшая богиню Афину на состязание в мастерстве ткачества и в наказание за свое высокомерие превращенная в паука, который неустанно плетет паутину. Как Ио, так и Арахна становятся жертвами ревности и гнева богов, в обеих историях прослеживаются близкие смысловые и лексические параллели — акцент на любовных похождениях Юпитера, попытка самоубийства героини, в повествовании присутствуют речные нимфы, упоминаются паутина, пурпур и сияние красок (Kotova 2024: 280).

Считается, что искусство окрашивания было изобретено в Сардах, и с древнейших времен в Лидии производились разнообразные ткани различных цветов, включая фиолетовый (Forbes 1964: 12). Изображая тончайшее полотно ручной работы, Валерий Флакк может иметь в виду вкрапления фиолетовой краски или фиолетовые нити, вплетенные в узор из цветов, звезд или драгоценных камней (Murgatroyd 2009: 189). Эта экзотическая ткань представляет собой предмет искусства (Spaltenstein 2004:

¹³ Вергилий избегал большинства сравнений Гомера с профессиями и занятиями; все его сравнения из этой сферы являются сельскохозяйственными, за исключением сравнения с работающей вдовой, которое в основном является сентиментальным изображением несчастной женственности, часто встречающимся у Аполлония (Coffey 1961: 70–71).

297), как и окрашенный пурпуром нащечник из слоновой кости, созданный мастерицей¹⁴ в «Илиаде» 4. 141–7.

Современник Валерия Флакка Стаций в своих сравнениях образы женского труда не использует. Вместе с тем гомеровский пассаж, в котором цветовой контраст, создаваемый пурпуром и слоновой костью, переосмысливается в соответствии с эстетическими требованиями повествовательного момента, является источником сравнения в изображении Ахилла на Скиросе (*Achill.* 1. 307–10)¹⁵, а также находит место в аллюзиях в двух эпизодах «Фиваиды», где сочетание румянца и бледности отражено в описании дочерей царя Адраста (*Theb.* 1. 537) и в иллюстрации безысходного ужаса молодых людей в сражении у ворот Фив (*Theb.* 10. 566).

Обращает на себя внимание динамика использования сравнений с женским трудом в античном героическом эпосе от Гомера к Стацию: в «Илиаде» — 3, в «Одиссее» — 0, в «Аргонавтике» Аполлония Родосского — 2, в «Энеиде» — 1, в «Аргонавтике» Валерия Флакка — 1, в поэмах Стация — 0. Здесь стоит отметить, что эта статистика актуальна для произведений в том виде, каком они дошли до нас — «Энеида», римская «Аргонавтика» и «Ахиллеида» считаются незавершенными поэмами.

Проведенное исследование сравнений из античного героического эпоса, каждое из которых посвящено женскому мастерству, будь то искусство в создании предметов для мира мужчин, или прядение и ткачество в повседневной работе, позволяет сделать следующие выводы. Объектами сравнений, составляющими семантическую пару к образам женского труда, являются категории, индивидуальные для каждого произведения: «герои» у Гомера, «человек» у Аполлония, «боги» у Вергилия, «мифологические персонажи» у Валерия Флакка. Важно отметить инверсию гендерных ролей в использовании сравнений Гомером, Вергилием и Валерием Флакком, у которых образы

¹⁴ Примечательно, что мастерица из гомеровского пассажа, как и Арахна у Овидия, родом из Меонии, которая впоследствии стала называться Лидией.

¹⁵ О гомеровском сравнении (*Il.* 4. 141–5) в «Ахиллеиде» Стация см.: Sfyroeras 2014.

женского труда используются для характеристики персонажей мужского пола.

Рассматриваемые сравнения встречаются в монологах персонажей только один раз — в песне Орфея в поэме Валерия Флакка, в остальных случаях они представлены в речи повествователя.

В ходе истории греческой и римской литературы сравнение как типичный элемент эпоса продолжает накапливать интертекстуальные слои, поскольку эпические поэты осознанно определяют свое место в традиции, заимствуя и преобразуя сравнения из текстов своих предшественников (Ambühl 2022: 111–112). Такие процессы можно наблюдать, прослеживая определенный тип сравнений в эпической традиции. Мы предложили выделять тематически связанную группу, в которой эталоном для сравнения выступает женский труд.

Мастерство и трудолюбие женщины, занятой рукоделием, в эпических сравнениях воздействует на читателя, противопоставляя мирную и военную жизнь, иллюстрируя действия и эмоции персонажей, раскрывая их мотивы и аспекты повествования, которые делают эпическую историю и ее героев более сложными.

Литература

- Ambühl, A. 2022: Animal Similes in Roman Imperial Epic in Their Literary, Cultural, and Political Contexts. In: *Overcoming Dichotomies: Parables, Fables, and Similes in the Graeco-Roman World*. A. Oegema, J. Pater, M. Stoutjesdijk (eds.). Tübingen: Mohr Siebeck, 109–139.
- Bakker, E. 2001. Similes, Augment, and the Language of Immediacy. In: *Speaking Volumes: Orality and Literacy in the Greek and Roman World*. J. Watson (ed.). Leiden: Brill, 1–23.
- Barber, E. 1991: *Prehistoric Textiles. The Development of Cloth in the Neolithic and Bronze Ages with Special Reference to the Aegean*. Princeton: Princeton University Press.
- Bennett, M. J. 1997: *Belted Heroes and Bound Women: The Myth of the Homeric Warrior King*. Lanham [Md.]: Rowman & Littlefield Publishers.
- Blümner, H. 1912: *Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern*. Leipzig, Berlin: B.G. Teubner.
- Coffey, M. 1961: The Subject Matter of Vergil's Similes. *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 8.1, 63–75.

- Eden, P. T. 1975: *A Commentary on Virgil: Aeneid VIII*. Leiden: Brill.
- Effe, B. 2001: The Similes of Apollonius Rhodius. Intertextuality and Epic Convention. In: *A Companion to Apollonius Rhodius*. Th. Papanghelis, A. Rengakos (eds.). Leiden: Brill, 147–169.
- Feeney, D. C. 1991: *The Gods in Epic. Poets and Critics of the Classical Tradition*. Oxford: Clarendon Press.
- Felton, D. 2017: Thigh Wounds in Homer and Vergil Cultural Reality and Literary Metaphor. In: *Resemblance and Reality in Greek Thought: Essays in Honor of Peter M. Smith*. London: Routledge, 239–258.
- Forbes, R. J. 1964: *Studies in Ancient Technology*. Vol. IV. Leiden: Brill.
- Fordyce, C. J., Christie, J. D. 1978: *P. Vergili Maronis Aeneidos, Libri VII–VIII with a Commentary*. Oxford: Oxford University Press.
- Fränkel, H. F. 1921: *Die homerischen Gleichnisse*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Hunter, R. 2008: *On Coming After: Studies in Post-Classical Greek Literature and its Reception*. Berlin, New York: De Gruyter.
- Kirk, G. S. 1985: *The Iliad: A Commentary: Volume 1, Books 1–4*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kirk, G. S., Richardson, N. 1985: *The Iliad: A Commentary: Volume 6, Books 21–24*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kotova, A. V., Vaseva E. V. 2024: [Similes in Characters' Speeches in "Argonautica" by Valerius Flaccus: the Development of the Epic Tradition]. *Novyj filologicheskij vestnik [The New Philological Bulletin]* 1, 269–288.
- Котова, А. В., Васева Е. В. 2024: Сравнения в речи персонажей в «Аргонавтике» Валерия Флакка: развитие эпической традиции. *Новый филологический вестник* 1, 269–288.
- Kruglova, K. V. 2024: [The Gifts of Helen (Od. 4.130–35) and Mycenaean textile terminology]. *Indoeuropejskoe jazykoznanie i klassicheskaja filologija [Indo-European Linguistics and Classical Philology]* 28–1, 918–931.
- Круглова, К. В. 2024: Дары Елены (Od. 4.130–35) и текстильная терминология микенского времени. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 28-1, 918–931.
- Minchin, E. 2001: *Homer and the Resources of Memory: Some Applications of Cognitive Theory to the Iliad and the Odyssey*. New York: Oxford University Press.
- Mostovaya V. G. 2020: [The Simile in the "Argonautica" of Apollonius of Rhodes: Transformation of the Epic Tradition]. *Novyj filologicheskij vestnik [The New Philological Bulletin]* 2, 268–279.
- Мостовая, В. Г. 2020: Сравнения в «Аргонавтике» Аполлония Родосского: трансформация эпической традиции. *Новый филологический вестник* 2, 268–279.

- Moulton, C. 1977: *Similes in the Homeric Poems*. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Murgatroyd, P. 2009: *A Commentary on Book 4 of Valerius Flaccus' Argonautica*. Leiden; Boston: Brill.
- Neal, T. 2006: *The Wounded Hero: Non-fatal Injury in Homer's Iliad*. Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Oxford, Wien: Peter Lang.
- Nuzzo, G. 2012: *Publio Papinio Stazio, Achilleide*. Palermo: Palumbo.
- Page, G. 2022: *Natural Imagery, Intertext, and Initiation Ritual in The Argonautica of Apollonius Rhodius*. Doctoral Thesis. Roehampton University.
- Ready, J. L. 2011: *Character, Narrator, and Simile in the Iliad*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Revellio, M. 2022: *Zitate der "Aeneis" in den Briefen des Hieronymus: Eine digitale Intertextualitätsanalyse zur Untersuchung kultureller Transformationsprozesse*. Berlin, Boston: De Gruyter.
- Rood, N. J. 2008: Craft Similes and the Construction of Heroes in the Iliad. *Harvard Studies in Classical Philology* 104, 19–43.
- Scott, W. C. 1974: *The Oral Nature of the Homeric Simile*. Leiden: Brill.
- Sfyrroeras, P. 2014: Like Purple on Ivory: A Homeric Simile in Statius' Achilleid. In: *Flavian Poetry and Its Greek Past*. A. Augoustakis (ed.). Leiden: Brill, 235–248.
- Spaltenstein, F. 2004: *Commentaire des Argonautica de Valerius Flaccus (livres 3, 4 et 5)*. Bruxelles: Latomus.
- Stanley, K. 2014: *The Shield of Homer: Narrative Structure in the Illiad*. Princeton: Princeton University Press.

А. Д. Курилова
Первый МГМУ им. И. М. Сеченова. Москва, Россия.
akurilova@mail.ru

ТРАКТОВКА АНТИТЕЗЫ В МОСКОВСКОМ РУКОПИСНОМ РУКОВОДСТВЕ «ELOQUENTIA LIGATA ARTIFICIIS...» (1743–1744)

Статья посвящена своеобразию трактовки фигуры антитезы в учебном руководстве из Московской славяно-греко-латинской академии 1743–1744 гг., представляющем собой курс поэтики в сочетании с отдельными аспектами риторической теории. Отмечается, что поэтика в данном руководстве рассматривается не как самостоятельная область знания, а как первая ступень изучения риторики. Показано, что автор руководства выделяет несколько разновидностей антитезы, опираясь на логические категории противоположностей, и привлекает для иллюстрации преимущественно поэтические примеры из римской литературы. Важно отметить, что в других рукописных риториках этого времени примерами служили прозаические тексты античных и христианских авторов.

Ключевые слова: риторика, поэтика, образование в России XVIII века, латинский язык, риторические фигуры, антитеза.

A. D. Kurilova
I. M. Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russia.
akurilova@mail.ru

Interpretation of antithesis in the Moscow handwritten manual *Eloquentia Ligata Artificiis...* (1743–1744)

The article deals with the unique interpretation of the figure of antithesis in the textbook (1743–1744) from the Moscow Slavic-Greek-Latin Academy, which is a course in poetics combined with some aspects of rhetorical theory. It is noted that poetics in this manual is not considered as an independent field of knowledge, but as the first step in the study of rhetoric. It is shown that the author of the manual identifies several types of antithesis, relying on the logical categories of opposites, and uses mainly poetic examples from Roman literature for illustration. It is important to note that other manuscript rhetoric books of this time used prose texts of ancient and Christian authors as examples.

Keywords: rhetoric, poetics, education in Russia in the 18th century, Latin language, rhetorical figures, antithesis.

Рукописное руководство из Московской славяно-греко-латинской академии «*Eloquentia ligata artificiiis...*» (1743–1744) представляет собой курс поэтики, которая рассматривалась как первая ступень постижения мастерства красноречия. Название руководства («Красноречие, связанное с произведениями искусства...») ¹ прямо указывает на стремление соединить предмет поэтики и риторики. Некоторые разделы руководства освещают темы, которые могли рассматриваться как в курсе поэтики, так и в курсе риторики. В частности, к таким темам относится учение о тропах и фигурах, которое и в некоторых других российских риториках относилось к разделам, предваряющим основной курс (см. Kurilova 2023: 665).

В отличие от других учебных риторик XVIII века, в московском руководстве 1743–1744 гг. большинство примеров привлекается из поэтических, а не ораторских текстов. Эрудированность составителя риторики несомненна, хотя, полагаясь на память, он нередко допускает ошибки в цитируемых текстах. Рассмотрим характерные для данной риторики особенности изложения, связывающего риторическую теорию с поэтической речью, на примере одной из распространённых фигур — антитезы.

Антитеза (*antitheton*, *contrapositum*, *contentio*) определяется в руководстве, как фигура, в которой «слова (два или более) противостоят друг другу, когда одно слово утверждает, а другое отрицает»: *cum duae aut plures voces sibi opponuntur, hoc est quod una affirmat, altera negat*. Для антитезы в целом примером служит изречение: *Satius est honeste mori quam turpiter vivere* «Лучше умереть с честью, чем жить с позором» (*Eloquentia* 1743–1744: 24).

Автор выделяет несколько разновидностей противопоставлений (*opposita*):

1) **repugnantia** (противодействующие), т. е. не полностью противоположные, но в чём-то «конфликтующие» друг с другом (*non summe sibi opponuntur, tamen aliquo modo repugnant* — *Eloquentia* 1743–1744: 24). Например: *album et nigrum* «белое и чёрное», *amare et nocere* «любить и вредить», *vovebat per vulnera vitam* «благодаря ранам сохранил жизнь». Кроме вышеприве-

¹ Буквальный перевод, не совпадающий с библиографическим описанием рукописи, приведённым в списке литературы.

дённых кратких общезыковых примеров, ритор приводит цитаты из древних авторов.

Первый пример представляет собой изменённую строку из Марциала. В риторике: *Hunc et damna iuvant, sint ipsa pericula quamvis* «Ему на пользу и потери, пусть это и опасности». У Марциала в эпиграмме про рухнувший портик: *Nunc et damna iuvant, sunt ipsa pericula tanti* (Mart. I, XII) «Ныне и ущерб на пользу, эти опасности стоят многого». Очевидно, цитата приводилась по памяти, хотя несколько изменён смысл, сама фигура сохранена.

Следующий пример является неточной цитатой из Овидия. В нём изменения более значительны. У Овидия: *Ergo alii noceant miseris optentque timeri / Tinctaque mordaci spicula felle gerant / At tua supplicibus domus est assueta iuvandis / In quorum numero me, precor, esse velis* (Ovid., *Epist.*, III, 3, 105–108) «Пусть другие вредят несчастным и желают, чтоб их боялись, и разят острыми, смоченными в едкой желчи, твой же дом привычен к просителям, нуждающимся в помощи, к числу которых, молю, отнеси и меня». В риторике второе двустиише представляет собой точную цитату, а в первом, возможно, *lapsu memoriae*, смысл изменен: *Ergo alii noceant miseris obstantque timeri / Fictaque mordaci fulmina mente geram* (*Eloquentia* 1743–1744: 24) «Пусть другие вредят несчастным, оставаясь равнодушными к тому, что их боятся, а я бросаю молнии, созданные язвительным умом». В результате этого изменения образовалась антитеза, которой в оригинальном тексте не было. У Овидия противопоставление проведено между двумя двустиишиями, но не внутри первого.

Ещё один пример автор приписывает Марциалу, хотя это строки из Тибулла (любопытно, что другие примеры приводились без указания автора): *At vos exiguo pecori furesque lupique / Parcite: de magno est praeda petenda grege* (Tibull. I, 1) «А вы, воры и волки, пощадите маленькое стадо: добычу следует искать в большом стаде». Сомнительной кажется принадлежность противопоставления *exiguo — magno* к *gerupnantia*, т. е. к противопоставлениям, не содержащим противоположности.

2) **privantia** (исключающие), такой вид противопоставления, при котором *uno sublato aliud in eius locum sequatur* (*Eloquentia* 1743–1744: 24об.) «при устранении одного его место занимает другое», например, *videns caecus* «зрячий слепой», *lux*

tenebrae «свет тьмы». Для этого вида антитезы имеются примеры из Марциала и Цицерона. Строки из эпиграммы Марциала, в которых сталкиваются взаимоисключающие понятия *ebrius* «пьяный» и *sobrius* «трезвый», приведены точно: *Ebrius es nec enim faceres id sobrius (unquam)* (Mart. III, XVI) «Ты пьян, и никогда бы этого не сделал трезвым». В цитате из первой речи Цицерона против Катилины есть искажившая смысл неточность. В оригинальном тексте: *Quid expectas auctoritatem loquentium quorum voluntatem tacitorum perspicis?* (Cic. *I Catil.* VIII, 20) «зачем ждать, чтобы произнесли решение те, чью волю и в молчании ты видишь?». Противопоставлены взаимоисключающие слова *loquentes* (говорящие) и *taciti* (молчащие). В московской риторике антитеза сохранилась, однако слово *auctoritas* заменено на *taciturnitas*, из-за чего появилась ещё одна антитеза, но смысл фразы потерялся: *Quid expectas taciturnitatem loquentium quorum voluntatem tacitorum perspicis?* (*Eloquentia* 1743–1744: 24 (об)).

3) **contradictoria** (противоречия). К этой разновидности антитезы отнесены случаи, когда что-либо то утверждается, то отрицается. Иллюстрацией служит эпиграмма, составленная из двух разных эпиграмм Марциала. Ритор воспринимает их как единый текст, а во втором фрагменте меняет некоторые слова:

*Insequeris, fugio; fugis, insequor. haec mihi mens est.
Velle tuum nolo, Didime, nolle volo* (Mart.V, LXXXIII)
(Ты преследуешь, я убегаю; ты убегаешь, я преследую. Думаю так;
Не хочу, чтобы ты хотел, Дидим; хочу, чтобы не хотел).

*Saepe domi non es, cum sis, quoque saepe negari,
Vel tantum causis, vel tibi saepe vacas* (Mart. II, V)
Часто нет дома тебя, а коль дома ты, часто не примешь:
То по делам ты ушёл, то самому недосуг (пер. Ф. А. Петровского)

*Saepe domi non es, cum sis quoque, saepe vagaris,
Vel tantum causis, vel tibi saepe vagus* (*Eloquentia* 1743–1744: 24об.).

Contradictoria можно обнаружить только в первом двустишии. Вероятно, следующие две строки приведены просто как продолжение эпиграммы.

Следует отметить, что к Марциалу как источнику примеров прибегает и Феофан Прокопович. В его трактате ярким примером антитезы служит эпиграмма Марциала: *Difficilis facilis, iucundus acerbus es idem* — Mart.XII, XLVI (Procopovič 1982: 262).

4) **relata** (связанные), т. е. такие примеры, когда одно понятие связано с другим, как *dominus / servus* (хозяин / слуга), *creator / creatura* (творец / творение), *pater / filius* (отец / сын), *dux / miles* (вождь / воин). В качестве примера приведена несколько изменённая строка из «Буколик» Вергилия: *Quid domini facient, audent cum talia servi* (*Eloquentia* 1743–1744: 25) «Что же сделают хозяева, когда на такое осмеливаются слуги?». У Вергилия: *Quid domini faciant, audent cum talia fures* (Verg. *Ecl.* III. 16). Замена формы конъюнктива на форму будущего времени, почти не меняющая смысл, очевидно, связана с воспроизведением текста по памяти. Замена слова *fures* может также объясняться случайной ошибкой или тем, что пара *domini / fures* (хозяева / воры) не образует того рода антитезы, о котором идёт речь.

5) **paradoxa** (парадоксы), т. е. сочетания несовместимых понятий. Ритор не даёт литературных цитат, иллюстрирующих данную разновидность антитезы, но приводит целый ряд общеязыковых примеров: *bellum salutare* «приветствовать войну», *speciosum crimen* «великолепное преступление», *rex perniciosus* «губительный мир», *ignis friget* «огонь леденит», *frigus accendit* «мороз жжёт», *amara dulcedo* «горькая сладость», *venenum salutiferum* «спасительный яд».

Подводя итоги своему рассказу об антитезе, ритор сообщает, что существуют и другие разновидности противоположностей, о которых подробнее расскажет философия: *sunt et aliae oppositorum species, sed de his fusius philosophia docebit* (*Eloquentia* 1743–1744: 25).

Авторы других российских рукописных риторик XVIII века уделяют антитезе очень мало внимания, кратко определяя её как *oppositio* и ограничиваясь, как правило, одним или двумя прозаическими примерами, которые в разных руководствах совпадают. Так, примеры извлекались из речи Цицерона “Pro Plancio” (*Praecepta de arte rhetorica* 1761: 121об.); *Rhetorica* 1766: 18; Basilevicz 1756: 32 об.), сочинения Сенеки “De ira” (*Praecepta de arte rhetorica* 1761: 121 (об)–122; *Наставления* 1764: 38; Basilevicz 1756: 32об.), «Риторика к Гереннию» (*Наставления* 1764: 38), Посланий к Коринфянам (1 и 2 Кор. — Basilevicz 1756: 32об.); *Praecepta de arte rhetorica* 1761: 122). Свообразие трактовки автора московского руководства 1743–1744 гг. проявляется как в обращении к латинской поэзии, так и в привлечении логических понятий для дифференциации антитез.

Литература

- Basilevicz, Manuel 1756: *Opus artis oratoriae...* Smolensk college // Russian State Library. F. 733 (Smolen.), № 21.
- Basilevicz, Manuel 1756: *Opus artis oratoriae...* Смоленская коллегия // РГБ. Ф. 733 (Смолен.), № 21.
- Eloquentia 1743–1744: *Eloquentia ligata artificii in articulos divisa atque ad usum Roxolanae iuventuti in Mosquensi orthodoxa academia commodata* // Russian State Library. F. 341, № 2136.
- Eloquentia 1743–1744: *Eloquentia ligata artificii in articulos divisa atque ad usum Roxolanae iuventuti in Mosquensi orthodoxa academia commodata* (Красноречие, искусно разделённое на статьи, приносившее к пользованию российского юношества в Московской православной академии). РГБ. Ф. 341. № 2136.
- Kurilova, A. D. 2023: [Interpretation of irony in Latin handwritten rhetoric books composed in Russia in the 18th century]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]*. 27 (1), 664–671.
- Курилова, А. Д. 2023: Ирония в освещении российских рукописных риторик XVIII века на латинском языке. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 27 (1), 664–671.
- Nastavleniya 1764: *Nastavleniya po ritorike na primerakh iz latinskikh avtorov* [Instructions in rhetoric using the examples by Latin authors]. Vologda seminary. // Russian State Library. F. 122, № 14.
- Наставления 1764: Наставления по риторике на примерах из латинских авторов... Вологодская семинария. // РГБ (Великоустюжское собрание). Ф. 122, № 14.
- Praecepta de arte rhetorica 1761: *Praecepta de arte rhetorica ex auctoribus, qui genuinam dicendi rationem attigerunt...* Kolomna seminary // Russian State Library. F. 173.1, № 357, 85–193.
- Praecepta de arte rhetorica ex auctoribus, qui genuinam dicendi rationem attigerunt...* Коломенская семинария. 1761 // РГБ. Ф. 173.1, № 357, 85–193.
- Procopovič, Feofan 1982: *De arte rhetorica libri X* // Slavistische Forschungen. Köln; Wien, 1982.
- Rhetorica 1766: *Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam liber: Kurs lekcij po ritorike, chitannyh v Nizhegorodskoj seminarii* [A course of lectures on rhetoric, held at the Nizhny Novgorod Seminary]. 1766 // РГБ. Ф. 312, № 78.
- Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam liber: Курс лекций по риторике, читанных в Нижегородской семинарии*. 1766 // РГБ. Ф. 312, № 78.

М. А. Курышева

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

kuryшева@yandex.ru

**ПОЧЕРКИ ПИСЦОВ I И IV *РУКОПИСИ* BnF
SUPPLÉMENT GREC 607 И ПИСЦА ДОКУМЕНТА
ИМПЕРАТОРА ЛЬВА VI МУДРОГО**

Статья посвящена сравнению почерков древнейшей части греческой рукописи-конволюта BnF *Suppl. gr.* 607, содержащей античные и ранневизантийские полемологические тексты, с документом, изданным византийским императором Львом VI Мудрым в 893 или 908 г. В статье анализируется лист пергамена из архива афонского Протата, содержащий три византийских документа императоров Василия I, Льва VI и Романа I с Константином VII. В статье показано, что документ Льва VI, написанный на одной стороне этого листа, является оригиналом. Палеографическая близость почерков писца документа Льва VI с почерками двух писцов *Suppl. gr.* 607 позволяет подтвердить палеографическую датировку этой рукописи рубежом IX–X в. и окончательно отнести время ее создания ко времени правления Льва VI.

Ключевые слова: греческая палеография, греческие рукописи, античные военные трактаты, византийские акты, византийская императорская канцелярия, Лев VI Мудрый.

М. А. Kuryшева

Institute of World History, RAS, Moscow, Russia.

kuryшева@yandex.ru

**Handwritings of Scribes I and IV
of the Manuscript BnF *Supplément grec 607* and the Scribe of the
Document of Emperor Leo VI the Wise**

The paper is dedicated to the comparison of the handwriting of the oldest part of the Greek manuscript-convolution BnF *Suppl. gr.* 607, containing Ancient and early Byzantine polemical texts, with a document issued by the Byzantine emperor Leo VI the Wise in 893 or 908. The paper analyses a sheet of parchment from the archive of the Athonite Protaton, containing three Byzantine documents of the emperors Basil I, Leo VI and Romanos I with Constantine VII. The paper shows that the document of Leo VI, written on one side of this sheet, is the original. The palaeographic proximity of the handwritings of the scribe of the document of Leo VI with the handwritings of the two scribes I and IV of *Suppl. gr.* 607 allows us to

confirm the palaeographic dating of this manuscript to the 9th–10th century and finally to assign the time of its creation to the reign of Leo VI.

Keywords: Greek palaeography, Greek manuscripts, ancient military treatises, Byzantine Charters, Byzantine Imperial Chancellery, Leo VI the Wise.

Почерки четырех писцов «древнейшей части» конволюта BnF *Suppl. gr.* 607, содержащего сборник античных и ранне-византийских военных трактатов, были подробно исследованы и датированы нами по палеографическим и графико-орфографическим признакам 910–920 гг., т.е. не позже первой четверти X столетия (Kurysheva 2024). Тогда каких-либо датированных аналогий почеркам этой рукописи в византийском книжном письме мы не нашли, и в своей работе высказали осторожное предположение о датировке этой части рукописи периодом правления Льва VI Мудрого (886–912) (Kurysheva 2024: 962). Теперь в пользу этой более ранней датировки можно привести дополнительный и, как нам кажется, решающий аргумент. Нам удалось найти близкий почерк в документе времени правления императора Льва VI Мудрого. Этот документ — самый ранний из изданных актов греческого архива Протата на Афоне (AA VII. 45–56, 177–187, pl. I–IV).

Речь идет о «копии» первых трех древнейших сохранившихся в Протате документов, касающихся одних и тех же владений афонитов и подтверждения их прав последовательно сменившими друг друга византийскими императорами Македонской династии.

Документ представляет собой оборванный снизу и сверху пергаменный лист, на обеих сторонах которого написаны тексты трех греческих официальных документов. На одной стороне пергаменного листа находится текст акта Льва VI 893 или 908 г. Такие датировки можно получить, исходя из того, что документ имеет фиксированную дату «февраль, индикт 11» и из текста следует, что эта датировка индиктом относится ко времени правления императора Льва VI. В противоположность Ф. Дэльгеру (Dölger 1961: 424), Д. Папахрисанфу не без оснований считает, что дата этого документа должна быть 908 г. (AA VII. 51). Тем не менее, в данном случае нам для датировки почерка точная дата акта не столь уж важна: на этом примере можно в целом говорить о документальном почерке 893–908 гг.

На другой стороне этого же пергаменного листа другим почерком написан сначала сигиллий 883 г. императора Василия I Македонянина (867–886), который в тексте имеет датировку «июнь, индикт 1». А ниже сигиллия Василия I записан текст хрисовула 934 г. императора Романа I Лакапина (920–944) и Константина VII (913–920, 945–959), с датировкой «август, индикт 7».

Издательница этих актов Д. Папахрисанфу ошибочно сочла всю эту группу из трех документов на обеих сторонах пергаменного листа поздней «копией» и гадательно отнесла время изготовления этой «копии» к XII в. (со знаком вопроса). Она предположила, что все три акта были выполнены одним писцом, который «имитировал» почерк X в. (AA VII. 177). В издании отсчет ведется от хронологически самого раннего документа, поэтому получается, что «копия» начинается на *recto* листа с сигиллия Василия I (AA VII. Pl. I), затем идет написанный на *verso* акт Льва VI (AA VII. Pl. II–III), а после снова возвращается на *recto* листа и воспроизводит хрисовул Романа I с Константином VII (AA VII. Pl. IV). Получается, что акты расположены не в хронологическом порядке, а первый и третий по хронологии акты Василия I и Романа I с Константином VII оказываются написанными на одной стороне листа.

А. П. Каждан и Б. Л. Фонкич в своей рецензии на это издание сборника актов Протата также посчитали, что все три документа написаны одним почерком. Они совершенно верно определили, что этот «почерк типичен для писца-профессионала первой половины X в.» (Kazhdan, Fonkich 1978: 262), а не для писцов XII в., как считала Д. Папахрисанфу. Действительно, в этой «копии» нет никаких признаков почерков или стилей письма XII в., а напротив, в избытке имеются все элементы почерков первой половины X в. (Diller 1974).

Однако рецензенты, вслед за Д. Папахрисанфу, не различили в этом документе на разных сторонах работу двух писцов, посчитав, что нижней границей датировки этой «копии» X в. является дата самого позднего документа данной группы — 934 г. Они осторожно предположили, что вся «копия» была изготовлена после 934 г. «в Солуни, возможно, в канцелярии стратига», и что «для такого заключения достаточно сравнить их [документов, — М. К.] выработанный почерк с почерком написанных на самом Афоне документов № 4–6, 942–943 г.»

(Kazhdan, Fonkich 1978: 262). Можно согласиться с их заключением, что документ был написан не на Афоне, но его локализация в Солуни сейчас не видится обоснованной.

Палеографический анализ показывает, что *recto* (AA VII. Pl. I, IV) и *verso* (AA VII. Pl. II–III) этого документа написаны двумя разными писцами. На лицевой стороне листа одним писцом написан оригинальный документ императора Льва VI, а немного позднее на его обороте рукой другого писца первой половины X в. были приписаны копии сигиллия Василия I и следом за ним хрисовула Романа I с Константином VII (AA VII. Pl. I–IV.). Иными словами, стороны акта *recto* и *verso* нужно поменять местами по сравнению с изданием.

Для палеографического различения двух писцов *recto* и *verso* достаточно обратить внимание не только на общий облик письма (в акте Льва VI минускульное письмо имеет немного более «маюскульный» вид, чем стремящееся к беглому курсиву документальное письмо времени Романа I и Константина VII на обороте), но и на различное написание обоими писцами важных отдельных элементов, характерных для почерков первой половины X в., — «хвостов» букв ξ и ζ. Торжественный каллиграфичный почерк документа Льва VI имеет совсем иной спускающийся под строку и загнутый влево нижний элемент ξ (особенно это видно в лигатуре εξ), чем у писца времени Романа I и Константина VII, значимая буква ξ которого имеет классический для своего времени загнутый вправо нижний элемент. И это различие — не индивидуальные особенности писцов, а в обоих случаях усвоенные при обучении характерные приемы.

Можно уверенно предполагать, что написанный на лицевой стороне документа 893/908 г., касающийся получения прав собственности на землю афонскими монахами, является уникальным оригинальным документом Льва VI. Датировка этого акта — 893 или 908 г. — совпадает с периодом его правления.

В архаичном почерке писца этого акта Льва VI имеются такие минускульные формы букв ξ и ζ, которые постоянно использует IV писец «древнейшей части» *Suppl. gr.* 607 и которых в такой форме и в таком сочетании невозможно найти в книжном письме более позднего времени (Kuryшева 2024). По общему облику и отдельным элементам выработанный почерк этой копии можно считать ближайшей аналогией почерку I писца из *Suppl. gr.* 607. Также все четыре писца *Suppl. gr.* 607

и писец афонского акта (AA VII. 50, pl. II–III) сходным образом пропускают придыхания и ударения.

Оборот этого акта Льва VI некоторое время оставался пустым. Спустя примерно четверть века, для экономии места и дорогостоящего материала пергамена на обороте акта Льва VI Мудрого другим писцом были добавлены копии текстов двух других документов, касающихся спорных прав на то же имущество Протата, сначала сигиллий 883 г. Василия I, а следом — хрисовул 934 г. Романа I с Константином VII. Почерк этого другого писца, оставившего копии сигиллия 883 г. и хрисовула 934 г., прямо восходит к почерку писца-каллиграфа Арефы Кесарийского (ок. 860 – после 932 г.) диакона Стилиана. Написавший датированную 932 г. рукопись-сборник полемического содержания ГИМ *Влад. 231* + РГАДА Ф. 1607. *Da 12* диакон Стилиан входил в число лучших константинопольских писцов-профессионалов своего времени.

Что касается локализации почерков обоих писцов афонского документа, то они должны быть отнесены к кругу книжников и нотариев Константинополя. Не случайно, близкие почерки обнаруживаются в столичной рукописи с военными трактатами и выдержками из античных историков *Suppl. gr.* 607. Разумеется, писец с «константинопольским» почерком мог написать документ где угодно, но поскольку перед нами оригинал акта императора Льва VI, с большой долей вероятности следует полагать, что он был выпущен непосредственно в императорской канцелярии в столице Византийской империи.

Сокращения

AA VII – Papachryssanthou D. (Ed.) *Actes du Prôtaton*. Archives de l'Athos, VII. Paris: P. Lethielleux. 1975.

Литература

- Diller, Au. 1974: The Age of Some Early Greek Classical Manuscripts. *Serta Turyniana. Studies in Greek Literature and Palaeography in honor of Alexander Turyn*. Urbana: University of Illinois Press, 514–524.
- Dölger, F. 1961: Archivarbeit auf dem Athos. Über die Arbeitsbedingungen für die Herausgabe byzantinischer Kaiserurkunden. Dölger, F. *Παρασπορά. Aufsätze zur Geschichte, Kultur und Sprache des byzantinischen Reiches*. Ettal: Buch Kunstverlag, 1961. S. 410–429.

Kurysheva, M. A. 2024: [Dating of the “Oldest Part” of the Ms BnF, Supplément grec 607 with Ancient Military Treatises]. *Indoeuropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaja filologija* [*Indo-European Linguistics and Classical Philology*]. XXVIII. 1, 957–963.

Курышева, М. А. Датировка «древнейшей части» рукописи BnF, Supplément grec 607 с античными военными трактатами. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* XXVIII. 1, 957–963.

Kazhdan, A. P., Fonkich B. L. 1978: [Rec. on:] D. Papachryssanthou. *Actes du Prôtaton Paris, 1975* («Archives de l’Athos», VII), XIII + 320 p., XL pl. *Vizantijskij vremennik*. 39 (64), 261–262.
Каждан, А. П., Фонкич, Б. Л. 1978: [Рец. на:] D. Papachryssanthou. *Actes du Prôtaton Paris, 1975* («Archives de l’Athos», VII), XIII+320 p., XL pl. *Византийский временник*. 39 (64). 261–262.

И. А. Ладынин

Институт всеобщей истории РАН / МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

ladynin@mail.ru

КАНАЛЫ СЕСОСТРИСА: ЕЩЕ РАЗ О СЛЕДАХ СЮЖЕТА ПОРАЖЕНИЯ ЕГИПЕТСКОГО ЦАРЯ СКИФАМИ У ГЕРОДОТА*

В статье рассматривается сообщение Геродота о строительстве каналов великим египетским царем-завоевателем Сесострисом (Hdt. II. 108.2–4). Сравнение с подобным сообщением Диодора и традицией Помпея Трога о нашествии скифов на Египет позволяет предположить, что информаторы Геродота знали последний сюжет, в рамках которого каналы сыграли роль в отражении этого нашествия; однако как эта роль, так и в целом память о скифском нашествии были изъяты из их рассказа как бросающие тень на славу Сесостриса.

Ключевые слова: Египет, Сесострис, Геродот, Гекатей Абдерский, Помпей Трог, каналы, скифы, историческая традиция.

Ivan A. Ladynin

Institute of World History, Russian Academy of Sciences

/ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

ladynin@mail.ru

Sesostris' Canals: Once Again on the Story of Egyptian King Defeated by the Scythians Indicated in Herodotus' Narrative

The article deals with Herodotus' story about the building of numerous canals in Egypt by the great king-warrior Sesostris: "from this time Egypt, although a level land, could use no horses or carts, because there were so many canals going every which way", while the aim of this building was to provide the "Egyptians whose towns were not on the Nile, but inland from it" with good water instead of "brackish water from wells" (Hdt. II. 108.2–4). Both statements are improbable as most settlements in Egypt were on the Nile and canals not interfered with but provided for transport needs from the earliest time. Diodorus following Hecataeus of Abdera says that the king Sesoosis built canals exactly for the needs of transport, and at the same time they made it "very difficult for an enemy to invade", which went

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-00378 «Происхождение и состав позднеантичной и средневековой картины прошлого Ближнего Востока и Эгеиды в древнейший (доахеменидский) период», <https://rscf.ru/project/24-18-00378/>.

in one line with building the huge wall protecting the Delta from the east (Diod. I. 57.2–3). The tradition of Pompeius Trogus tells that the Scythian invasion into Egypt, which followed the defeat of the Egyptian king Vesosis by the Scythians, was stopped at the border of the country by the swamps (Iust. II.3.14; Oros. Hist. adv. pag. I. 14.3; Orosius following Justin's epitome) or by the flow of the Nile and the fortifications built by the king (Iord. Get. 47; Jordan following Trogus). Probably, the initial statement by Trogus was close to that of Diodorus and said that the Scythians were stopped by the canals and fortifications built by the Egyptian king, "canals" transforming in the tradition due to misunderstanding into "flow of the Nile" and "swamps". At the same time Hecataeus' and Diodorus' mention of the canals and fortifications protecting the Delta seems to be due to the suppressed story of the Scythian assault on Egypt (cf. Diod. II. 2.1, 43.4). Similar suppression can be suspected in Herodotus' story, as the improbable statements concerning Sesostris' canal building seem to have been intended to eliminate its connection with defensive measures and respectively with repulsion the Scythian assault. This means, however, that the story of the Scythians defeating the Egyptian king and advancing Egypt has already existed in Herodotus' time and been suppressed by his informers.

Keywords: Egypt, Sesostris, Herodotus, Hecataeus of Abdera, Pompeius Trogus, canals, Scythians, historical tradition.

В статье 2023 г. автор настоящей работы совместно с А. А. Немировским постарался обосновать вероятность того, что первоначальная версия сюжета о столкновении легендарного египетского царя-завоевателя, известного античным авторам, со скифами (Ivantchik 2005: 190–220) предполагала его поражение, будучи переосмыслением реминисценций о неудачном исходе хетто-египетского противостояния в XIII в. до н. э., причем уже версия Геродота о войне со скифами царя Сесостриса (Hdt. II. 103–104), хотя и не сообщала о поражении последнего, но представляла собой преобразование рассказа, содержавшего сведения об этом (Ladynin, Nemirovskiy 2023). В настоящей статье мы постараемся показать, что к такому выводу должен привести и анализ одного конкретного сообщения, содержащегося в «египетском логосе» Геродота.

Согласно рассказу «отца истории» о войнах Сесостриса, они завершились приводом в Египет множества пленных, которые

были заняты на тяжелых работах (Hdt. II. 108.2–4; пер. по Stratonovskiy 1993: 111)¹:

Они должны были перетаскивать огромные камни, которые при этом царе были приготовлены для [строительства] святилища Гефеста, и рыть все каналы, существующие и поныне в Египте. И таким образом они, не помышляя о том, сделали эту страну неудобной для езды верхом и на повозках. Ведь с этого времени по всему Египту, хотя он и представляет собой равнину, нельзя проехать ни верхом, ни на повозке. Причиной этому множество каналов, пересекающих страну в разных направлениях. А перерезал каналами свою страну этот царь вот ради чего. Все жители Египта, города которых лежали не на реке, а внутри страны, как только река отступала, страдали от недостатка воды и вынуждены были пить солоноватую воду, которую вычерпывали из колодцев. Поэтому-то Сесострис и перерезал Египет каналами.

Автор наиболее полного комментария к «египетскому логосу» А. Б. Ллойд справедливо связывает сообщение о сооружении при Сесострисе каналов с реминисценциями ирригационных работ, которые велись в Египте при царях XII династии, при том что реминисценции царей с именем «Сенусерт» были одной из основ для формирования синтетического образа царя Сесостриса (Lloyd 1988: 16–18, 30–31, 124–125; см. также: Prusakov 1999: 139–149; Ladynin 2017: 148–161). Вместе с тем в этом сообщении присутствуют серьезные несообразности. Первая из них состоит в утверждении, что проведение каналов затруднило сообщение по Египту: именно передвижение по воде с самого начала истории играло важнейшую роль в жизни египтян, так что расширение сети водных путей могло лишь

¹ τοὺς τέ οἱ λίθους τοὺς ἐπὶ τούτου τοῦ βασιλέως κομισθέντας ἐς τοῦ Ἡφαίστου τὸ ἱρόν, ἔόντας μεγάθει περιμήκειας, οὗτοι ἦσαν οἱ ἐλκύσαντες, καὶ τὰς διώρυχας τὰς νῦν ἐούσας ἐν Αἰγύπτῳ πάσας οὗτοι ἀναγκαζόμενοι ὤρυσσον, ἐποίουν τε οὐκ ἐκόντες Αἴγυπτον, τὸ πρὶν ἐούσαν ἵππασίμην καὶ ἁμαξευομένην πᾶσαν, ἐνδεᾶ τούτων. ἀπὸ γάρ τούτου τοῦ χρόνου Αἴγυπτος ἐοῦσα πεδιάς πᾶσα ἄνιππος καὶ ἀναμάζευτος γέγονε: αἵτιαι δὲ τούτων αἱ διώρυχες γεγόνασι ἐοῦσαι πολλαὶ καὶ παντοίους τρόπους ἔχουσαι. κατέταμνε δὲ τοῦδε εἵνεκα τὴν χώραν ὁ βασιλεὺς: ὅσοι τῶν Αἰγυπτίων μὴ ἐπὶ τῷ ποταμῷ ἔκτηντο τὰς πόλεις ἀλλ' ἀναμέσους, οὗτοι, ὅπως τε ἀπίοι ὁ ποταμός, σπανίζοντες ὕδατων πλατυτέροισι ἐχρέωντο τοῖσι πόμασι, ἐκ φρεάτων χρεώμενοι.

улучшить, а не ухудшить возможности сообщения (мы увидим, что именно об этом скажет далее и античная традиция). Вторая, может быть, несколько меньшая, несообразность — это утверждение, что ирригационная деятельность Сесостриса была связана с необходимостью обеспечить водой удаленные от Нила города: Геродот явно старается свести к этому объяснение строительства каналов Сесострисом, однако оно проблематично, учитывая хорошо известную концентрацию египетских поселений вблизи от русла Нила и его протоков в Дельте.

Второе известное нам в античной традиции целостное описание истории Египта — это I книга «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского, восходящая, как считается, к созданному в конце IV в. до н. э. при дворе сатрапа Птолемея труду Гекатея Абдерского (см. с отсылками к литературе Ladynin 2017: 221–222, прим. 1). Сообщение, аналогичное содержащемуся в труде Геродота, выглядит так (Diod. I. 57.2–3; пер. по Tsybenko 2022: 54)²:

По всей стране, от Мемфиса до моря, он (царь, именуемый Гекатеем и Диодором Сесоосис — И.Л.) соорудил множество отходящих от реки каналов для быстрой и легкой доставки собранного урожая, удобного сообщения населения всех местностей и [обеспечения] изобилия благ для приятной жизни. Однако величайшим свершением было то, что он укрепил страну и сделал ее неприступной для вражеских нападений. Прежде лучшая часть Египта почти вся была доступна для конницы и колесниц, но с тех пор, по причине множества отходящих от реки каналов, она стала весьма неудобна для вторжений.

Легко заметить сходство приведенного сообщения с Геродотовым: в обоих случаях речь идет о возникшем из-за строительства каналов неудобстве страны (согласно Гекатею и Диодору, Нижнего Египта «от Мемфиса до моря») для пере-

² κατὰ πᾶσαν δὲ τὴν χώραν τὴν ἀπὸ Μέμφεως ἐπὶ θάλατταν ὥρυξε πυκνὰς ἐκ τοῦ ποταμοῦ διώρυγας, ἵνα τὰς μὲν συγκομιδὰς τῶν καρπῶν ποιῶνται συντόμως καὶ ῥαδίως, ταῖς δὲ πρὸς ἀλλήλους τῶν λαῶν ἐπιμιξίας καὶ πᾶσι τοῖς τόποις ὑπάρχη ῥαστώνη καὶ πάντων τῶν πρὸς ἀπόλαυσιν πολλὴ δαψίλεια: τὸ δὲ μέγιστον, πρὸς τὰς τῶν πολεμίων ἐφόδους ὀχυρὰν καὶ δυσέμβολον ἐποίησε τὴν χώραν: τὸν γὰρ πρὸ τοῦ χρόνον ἡ κρατίστη τῆς Αἰγύπτου πᾶσα σχεδὸν ἱππασίμος οὔσα καὶ ταῖς συνωρίσιν εὐβάτος ἀπ' ἐκείνου τοῦ χρόνου διὰ τὸ πλῆθος τῶν ἐκ τοῦ ποταμοῦ διωρύχων δυσεφοδωτάτη γέγονεν.

движения верхом и на повозках. Однако если у Геродота оно предстает случайным следствием действий царя, мешающим, как можно понять, египтянам, то Гекатей и Диодор говорят о том, что оно стало препятствием (случайным или преднамеренным) для врагов Египта; напротив, целью царя при строительстве каналов было именно улучшение сообщения по стране для египтян. При этом далее (Diod. I.57.4) идет речь об укреплении от вторжений из Азии всей восточной границы Египта стенами «от Пелусия до Гелиополя», что представляется реминисценцией известного возведения укреплений на востоке Дельты в начале XII династии («Стены правителя» Аменемхета I; Burton 1972: 176; Ladynin 2017: 236). А во II книге Диодора говорится, что скифы в свое время подчинили земли до Фракии и до «египетской реки Нил» (Diod. II. 43.4), причем в дальнейшем ассирийский царь Нин овладел всей Азией между Танаисом и Нилом (id. 2.1), явно перехватив у них азиатскую часть их владений. Как нам уже доводилось говорить, в упоминании Нила в последних сообщениях просматриваются следы, очевидно, известного Диодору сюжета похода скифов на Египет, наиболее полно представленного в традиции Помпея Трога (см. далее); Диодор приводит их крайне стяженно, чтобы они не противоречили воспроизведенным в его I книге сведениям Гекатея, который этот сюжет игнорирует. Тем не менее, похоже, что Гекатей его тоже знал, поскольку известия об укреплении Дельты стенами с востока и в особенности каналами хорошо совместимы опять же с рассказом Трога о том, что предотвратило вторжение скифов в Египет (Ladynin 2021: 11, 15, 17–18).

Традиция, восходящая к историческому труду Помпея Трога, прямо сообщает, что попытка египетского царя-завоевателя покорить скифов закончилась его поражением, а затем скифы преследовали его вплоть до границ Египта («проскифская» традиция: Ivantchik 2005: 208–215). Там путь скифам преградили болота, согласно эпито́ме Юстина (Iust. II.3.14: *Scythas ab Aegypto paludes prohibuere*) и восходящему к ней (Hagendahl 1941) известию Павла Орозия (*Oros. Hist. adv. pag. I. 14.3: uniuersam quoque Aegyptum populauissent, ni paludibus impediti repellerentur*). Однако труд готского историка VI в. до н. э. Иордана, у которого в передаче этого сюжета скифы смешиваются с готами, восходит, видимо, не к эпито́ме Юстина, а соб-

ственно к труду Трога (Ivantchik 2005: 208, со ссылкой на Seel 1955: 10–14) через посредство Кассиодора (Skrzhinskaya 2013: 28, 31–40) и, видимо, передал его содержание более адекватно. Согласно ему, готский царь Танаузис настигнул бы и убил египетского царя Везосиса, «если бы не воспрепятствовало течение непереходимой реки Нила и укрепления, которые Везосис приказал некогда воздвигнуть для себя по причине набегов эфиопов» (Iord. Get. 47; пер. по Skrzhinskaya 2013: 69)³. Как видно, именно в версии Иордана препятствием для вторжения в Египет оказываются не болота, а просто течение Нила, что ближе к сведениям Гекатея и Диодора о препятствующих вторжению отведенных от Нила каналах Сесоосиса, а также возведенные царем укрепления, что прямо этим сведениям соответствует. Можно предположить, что изначальное известие Трога, а также его вероятный первоисточник IV в. до н.э. (Ladynin 2017: 259–262; 2021: 20–22) характеризовали препятствия на пути вторжения скифов в Египет в полном согласии со сведениями Гекатея и Диодора, но далее в ходе его трансляции оно изменилось из-за непонимания, каким образом подобным препятствием могли стать проложенные царем каналы. Соответственно, Юстин, а за ним Орозий свели это препятствие к «болотам» (очевидная характеристика влажного ландшафта Дельты), а Иордан удержал как представление о том, что этим препятствием был некий водный проток (но не каналы, а собственно Нил), так и упоминание в этом контексте укреплений.

Как видно, среди доступных нам источников известие об укреплении великим царем-завоевателем Египта (Дельты) против вторжения с максимальной адекватностью (однако вне контекста сюжета о войне этого царя со скифами) представлено

³ *et nisi Nili amnis intransmeabilis obstetissent fluenta vel munitiones, quas dudum sibi ob incursiones Aethiopum Vesosis fieri praecepisset.* Примечательно, что в арабской рецепции Орозия («Китаб Хурушийуш», «Хитат» Макризи) версии традиции Трога, представленные эпитомой Юстина и собственно Орозием, с одной стороны, и трудом Иордана — с другой, смешиваются: препятствием для вторжения врагов в Египет оказываются болота («Китаб Хурушийуш») или скопление ила (Макризи), но сами эти враги — не скифы, а готы (невольно думается о роли в трансляции сведений Орозия в арабскую традицию вестготского субстрата, на который наложилось мусульманское завоевание Испании): см. Banshchikova, Nemirovskiy 2025.

у Диодора, воспроизводившего труд Гекатея. С одной стороны, это известие, как уже сказано выше, должно восходить к реминисценциям реального строительства укреплений на востоке Дельты в начале XII династии; однако нам уже приходилось говорить (Ladynin 2021: 11, 20), что, с другой стороны, в IV в. до н. э., когда писал Гекатей и, видимо, появился первоисточник традиции Трога, эти реминисценции (собственно, дополняющий их мотив роли в предотвращении вторжения не только собственно укреплений, но и водных преград) актуализировался обстоятельствами персидских вторжений в Египет в 373 и 343–342 гг. до н. э. (Briant 1996: 671–674, 704–706; в связи с первым эпизодом Диодор, характерным образом, прямо подчеркнул расчет египтян как на естественные преграды, так и на укрепления, преграждающие путь в страну: Diod. XV.42.1). а также провалом вторжения Пердикки в 320 г. до н.э., в котором важную роль сыграли именно водные преграды (Anson 2015). В то же время мотив отражения врагов с помощью водных преград и укреплений Восточной Дельты находит аналогию и в свидетельствах надписей Рамсеса III из Мединет Абу об отпоре «народам моря» на его Году 8 именно в устьях Нила, где их встретили египетские корабли (надпись Года 8, сткк. 18–26; Epigraphical Survey 1930: pl. 46; Edgerton, Wilson 1936: 54–56), причем характерная фраза «Приказал я приготовить (я) устья Нила как стену сильную в боевых кораблях... (следует описание военных приготовлений)» (стк. 20: *di.i grg(i) r3-ḥ3wt mi sbty nḥt m ḥw ḥ3...*) порождает ассоциацию с воздвижением укреплений (Ladynin 2021: 23). Между тем именно этот эпизод, очевидно, и лег в основу представления о том, что противостояние со скифами (как мы говорили, реплика исторических войн египтян с хеттами) завершилось попыткой скифов вторгнуться в Египет (Ladynin, Nemirovskiy 2023: 44).

Таким образом, отмеченные нами несообразности в сообщении Геродота о каналах Сесостриса могут иметь следующее объяснение: очевидно, как Геродот, так и Гекатей, чьи сведения мы видим в передаче Диодора, восприняли данный сюжет у своих информаторов (египтян) в версиях, камуфлирующих его связь с сюжетом о попытке вторжения скифов в Египет в финале столкновения с ними великого египетского царя-завоевателя. Разумеется, целью этой манипуляции было создание образа этого царя, не омраченного никакими неудачами (в частности,

превосходящего в славе Дария I, также пытавшегося покорить скифов: Hdt. II. 110. 2–3; Diod. I. 58.4; Ivantchik 2005: 196–198, 204). Следы связи между этими двумя сюжетами остались заметнее в повествовании о Египте Диодора, причем он, очевидно, сознавал купирование последнего сюжета у Гекатея и согласовал с этим сведения своей II книги о завоеваниях скифов и Нина, искоренив из них прямые упоминания о продвижении скифов походом вплоть до Нила и оставив лишь изолированные от рассказа о Египте и о войне египтян со скифами общие сообщения, что скифы покорили земли вплоть до Нила, а затем ими владел Нин. У Геродота купирование данного сюжета, с одной стороны, оказалось более полным и не оставившим очевидных следов; с другой стороны, такими косвенными следами оказались отмеченные нами несообразности — утверждения о том, что каналы Сесостриса ухудшили сообщение по Египту, а не его доступность для завоевателей и что целью их сооружения было снабжение египтян пресной водой, а не облегчение им передвижения по стране и ее защита от врагов. Понятно, что эти несообразности вызваны замещением у Геродота тех следствия и причины сооружения каналов египетским царем, которые слишком явно ассоциированы с сюжетом о попытке вторжения скифов в Египет и были представлены в непреработанном виде у Гекатея и Диодора. Несомненно, что это замещение было проведено не самим Геродотом, а его египетскими информаторами, однако в таком случае остается думать, что уже они в середине V в. до н. э. знали сюжет о поражении царя Сесостриса скифами, но целенаправленно искореняли его из своих рассказов «отцу истории».

Литература

- Anson, E. M. 2015: Fortress Egypt: The Abortive Invasions of 320 and 306 B.C. In: C. Bearzot, F. Landucci (eds.). *Alexander's Legacy. Atti del Convegno. Università Cattolica del Sacro Cuore*. Milano: L'Erma di Bretschneider, 85–96.
- Banshchikova, A. A., Nemirovskiy, A. A. 2025: “The Book of Orosius the Spanish Man” in Maqrizi and Its Reports on the History of Ancient Egypt. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal “Istoriya”* [*The Journal of Education and Science “ISTORIYA” (“History”)*] (in print).

- Банщикова, А. А., Немировский, А. А. 2025: «Книга испанца Орозия» у Макризи и ее сообщения об истории древнего Египта. *Электронный научно-образовательный журнал «История»* (в печати).
- Briant, P. 1996: *Histoire de l'empire perse. De Cyrus à Alexandre*. Paris: Fayard.
- Burton, A. 1972: *Diodorus Siculus: Book I (Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain 29)*. Leiden: Brill.
- Edgerton, W. F., Wilson, J. A. 1936: *Historical Records of Ramses III: The Texts of Medinet Habu (Studies in Ancient Oriental Civilizations 12)*. Chicago: University of Chicago Press.
- Epigraphical Survey (ed.) 1930: *Earlier Historical Records of Ramses III (Medinet Habu 1 = Oriental Institute Publications 8)*. Chicago: University of Chicago Press.
- Hagendahl, H. 1941: *Orosius und Justinus. Ein Beitrag zur iustinischen Textgeschichte (Göteborgs Högskolas Årsskrift 47)*. Göteborg: Wettergren & Kerber.
- Ivantchik, A. I. 2005: [On the Eve of Colonization: The North Black Sea Area and the Nomads of the Steppes in the 8th–7th centuries B.C. in the Classical Narratives: Folklore, Fiction and History. (Pontus septentrionalis 3)]. Moscow; Berlin: Paleograf.
- Иванчик, А. И. 2005: *Накануне колонизации: Северное Причерноморье и степные кочевники VIII-VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история (Pontus septentrionalis 3)*. М.; Берлин: Палеограф.
- Ladynin, I. A. 2017: “*Snova pravit Egipet!*” *Nachalo ellinisticheskogo vremeni v kontseptsyakh i konstruktakh pozdneegipetskikh istoriografii i propagandy*. (Trudy Istoricheskogo fakul'teta MGU 84. Ser. II: Istoricheskie issledovaniya 40) [“Egypt Rules Again!” *The Start of the Hellenistic Period in the Concepts and Constructs of Late Egyptian Historiography and Propaganda*. (Works of the Faculty of History, M. V. Lomonosov Moscow State University 84. Series II. Historical Studies 40).]. Moscow; Saint Petersburg: RKhGA.
- Ладынин, И. А. 2017: «*Снова правит Египет!*» *Начало эллинистического времени в концепциях и конструктах позднеегипетских историографии и пропаганды*. (Труды Исторического факультета МГУ 84. Сер. II: Исторические исследования 40). М.; СПб.: РХГА.
- Ladynin, I. A. 2021: [From Maeotis to the Nile: the War between Egyptians and Scythians in the Traditions of Hecataeus of Abdera and Pompeius Trogus]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"* [The Journal of Education and Science “ISTORIYA” (“History”)]. Vol. 12/12.

- Ладынин, И. А. 2021: От Меотиды до Нила: война египтян со скифами в традициях Гекатея Абдерского и Помпея Трога. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. Т. 12/12.
- Ladynin, I. A., Nemirovskiy, A. A. 2023: [The origin and probable historical basis of the ancient tradition about the defeat of the legendary Egyptian conqueror-king by the Scythians]. In: *Scripta Antiqua: Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury* [*Scripta Antiqua: Ancient History, Philology, Arts and Material Culture*] 11. Moscow: Sobranie, 11–48.
- Ладынин, И. А., Немировский, А. А. Происхождение и вероятная историческая основа античной традиции о поражении легендарного египетского царя-завоевателя от скифов. В сб.: *Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры* 11. М.: Собрание, 11–48.
- Lloyd, A. B. 1988: *Herodotus, Book II. Commentary 99–188 (Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain 43/3)*. Leiden: Brill.
- Prusakov, D. B. 1999: *Priroda i chelovek v drevnem Egipte. (Sotsio-estestvennaya istoriya 14)* [*Nature and Man in Ancient Egypt. (Social and Natural History 14)*]. Moscow: Moskovskiy litsey.
- Прусаков, Д. Б. 1999: *Природа и человек в древнем Египте. (Социоестественная история 14)* М.: Московский лицей.
- Seel, O. 1955: *Die Praefatio des Pompeius Trogius (Erlanger Forschungen A, 3)*. Erlangen: Universitätsbibliothek.
- Skrzhinskaya, E. Ch. (transl., comm.) 2013: *Iordan. O proiskhozhdenii i deianiiakh getov ("Getika")* [*Iordanes. On the Origin and Deeds of the Getae ('Getica')*]. St. Petersburg.: Aleteia.
- Скржинская, Е. Ч. (пер., комм.) 2013: *Иордан. О происхождении и деяниях гетов («Гетика»)*. СПб.: Алетеия.
- Stratanovskiy, G. A. (transl., comm.) 1993: *Gerodot. Istoriya v devyati knigah [Herodotus. History in Nine Books]*. Moscow: Ladomir.
- Стратановский, Г. А. (пер., комм.). 1993: *История в девяти книгах*. М.: Ладомир.
- Tsybenko, O. P. (transl., comm.) 2022: *Diodor Sitsiliiskii. Istoricheskaya biblioteka [Diodorus Siculus. Library of History]* I. Moscow: Nauka.
- Цыбенко, О. П. (пер., комм.) 2022: *Диодор Сицилийский. Историческая библиотека I*. М.: Наука.

Н. Б. Ларионова

Московский государственный лингвистический университет. Москва, Россия
vorotapystou@yandex.ru

ГЛАЗНОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ ΛΕΥΚΩΜΑΤΑ И МЕТОДЫ ЕГО ВРАЧЕВАНИЯ В «ЧУДЕСАХ КИРА И ИОАННА»

Произведение «Чудеса святых Кира и Иоанна», составленное патриархом Иерусалимским Софронием (634–638), содержит богатый материал, иллюстрирующий медицинскую практику в период поздней Античности. Чудеса относятся к тому виду византийских агиографических памятников, в которых повествуется об особом типе христианских святых — ἀνάρτυροι (бессребренников) — христианских врачей или целителей, которые оказывали свою помощь на безвозмездной основе. В Чудесах также содержатся сведения о болезнях и методах их лечения. Важнейшая концепция Чудес заключается в убеждении, что святые Кир и Иоанн обладают чудотворной силой, при помощи которой они способны помогать больным людям, просящим их помощи в храме города Менуфис, близ Александрии. Однако, помимо наличия чисто чудесного элемента, в рассказах также содержатся сведения об определенных предписаниях, отражающих медицинские знания своей эпохи. В настоящей публикации предпринята попытка рассмотреть те рассказы о чудесах, в которых упоминается глазное заболевание λευκώματα (бельмо), с целью проанализировать симптомы болезни, а также средства, при помощи которых происходило исцеление. Это дает возможность выявить знания по офтальмологии, заключенные в этих повествованиях, а также помогает нащупать ту грань, которую Софроний устанавливает между чудом исцеления и медицинским врачеванием, основанном на знаниях своего времени.

Ключевые слова: античная медицина, византийская медицина, Византия, Кир и Иоанн, Асклепий, Исида, Софроний Иерусалимский.

N. B. Larionova

Moscow State Linguistic University, Russia.
vorotapystou@yandex.ru

Eye diseases λευκώματα and cure methods in the *Miracles of Cyrus and John*

The *Miracles of Saints Cyrus and John*, compiled by Patriarch Sophronius of Jerusalem (634–638), contains rich material illustrating medical practice in Late Antiquity. The *Miracles* belong to the type of Byzantine hagiographical monuments that narrate the stories of a special

type of Christian saints – ἀνάργυροι (Spineless Saints) — Christian healers or healers who rendered their assistance on a gratuitous basis and contain information about diseases and cures. The most important concept of Miracles is the belief that the miraculous power of St Cyrus and St John, could help sick people asking for their help in the temple of Menutis, near Alexandria. However, in addition to the presence of a purely miraculous element, the stories also contain information about certain prescriptions that reflect the medical knowledge of their era. The present publication attempts to examine those accounts of miracles that mention the eye disease λευκώματα (eyesore) in order to analyze the symptoms of the disease as well as the means by which healing took place. This makes it possible to identify the ophthalmological knowledge contained in these narratives, and also helps to discern the line that Sophronius draws between miracle healing and medical healing based on the knowledge of his time.

Keywords: Ancient medicine, Byzantine medicine, Byzantium, Cyrus and John, Asclepius, Isis, Sophronius of Jerusalem.

Сборник из семидесяти чудес, совершенных святыми Киром и Иоанном от их гробницы, находившейся в храме Евангелистов в городе Менуфис, близ Александрии, был составлен Софронием Иерусалимским между 610–615 гг. (Gasco 2006: 1). Основная цель этого сборника — возвеличить память мучеников и донести до христиан важные назидания, касающиеся вероучения и нравственности. Свт. Софроний являлся современником описываемых лиц, получивших исцеления, с которыми он либо познакомился во время своего пребывания в Египте, либо узнал о них от очевидцев. Последнее семидесятое чудо описывает исцеление от глазной болезни самого Софрония.

Почитание святых Кира и Иоанна возникло задолго до того, как святитель Софроний описал чудеса мучеников. Гробница святых Кира и Иоанна, а также мощи святых дев Феодотии, Феоктисты, Евдоксии и их матери Афанасии находились в храме святого Марка в Александрии (Gasco 2007: 29–30). Развитие почитания святых Кира и Иоанна связано с именем святителя Кирилла Александрийского (412–444), который стремился искоренить культы египетских божеств Исида и Сераписа. Святилища этих божеств, разрушенные в конце IV века, находились неподалеку от Александрии в городах Менуфис и Каноп (Bricault 2014: 97). Кирилл перенес святые мощи Кира и Иоанна из Александрии в церковь Евангелистов в Менуфис, поскольку «эти места весьма желали врачей, лечащих ради Бога». Примечательно замечание святителя Кирилла о том, что

местные жители, «хотя и христиане, но все же согрешали» (Cyrillus Alexandrinus 1864: 1101), что свидетельствует о живучести языческих обрядов, тайно совершавшихся в домах и на остатках языческих святилищ (Vedeshkin 2020: 3–4). Стремясь духовно преобразить окрестности церкви святых Евангелистов в Менуфисе, до того не имевшей собственной христианской святыни, святитель Кирилл переносит сюда мощи святых Кира и Иоанна, поместив их в гробнице внутри храма.

Не меньшую опасность для христианства в греко-римском мире представлял культ бога-врача и целителя Асклепия, который именовался «спасителем (Σωτήρ)» (Afonasin 2016: 264) и составлял конкуренцию образу Христа, а его последователи-врачи часто продолжали именоваться Ἀσκληπιάδαι. Именно против Асклепия, на наш взгляд, направил свое слово святитель Софроний, собрав в символическое число семьдесят чудеса Кира и Иоанна, чтобы затмить соответствующее число прославленных на весь греко-римский мир исцелений Асклепия. Рассказы об исцелениях (ἰάματα) Асклепия, собранные жрецами около 350 года до н. э., были выгравированы на четырех больших каменных плитах и установлены в его святилище в Эпидавре, чтобы убедить приходящих в целительной силе греческого бога и вдохновить их на получение собственного исцеления (Ehrenheim 2019: 101).

Важнейшей религиозной функцией египетских божеств Исида, Сераписа и греческого бога Асклепия было оказание помощи людям, страдавшим от болезней. Все эти божества связывает между собой процедура инкубации (от лат. incubare) — целительного сна, в который погружался человек, искавший исцеления. Обычно это происходило так: больной проходил предварительные обряды очищения, приносил жертвоприношение и подношения божествам перед тем как войти в абатон (ἄβατον) или ἐνκομιητέριον — помещения у храма, предназначенные для инкубации, — и ложился спать на шкуре жертвенного животного или на соломенной подстилке. Жрецы погружали больного в атмосферу надежды на исцеление, оказывая на него психологическое воздействие. Само исцеление совершалось во сне-видении (ὄνειρος, ὄναρ, ὕπνος, ὄραμα, φάντασμα, ὄπτασία, ὄρασις), во время которого божество либо совершало врачевание, либо давало предписания, при помощи каких средств можно вылечить (Petridou 2016: 437).

Частыми посетителями асклипионов (Ἀσκληπίων), которые одновременно соединяли в себе функцию святилища и своеобразных больниц, были люди, страдавшие от глазных заболеваний. Наиболее ранним свидетельством о врачебном воздействии на глаза является описание исцеления бога Плутоса в одноименной комедии Аристофана, которого в детстве ослепил Зевс. Плутос прошел все положенные стадии: очищение — купание в море, жертвоприношение — сожжение лепешек на жертвенном алтаре, сон на соломенной подстилке. Затем последовал приход Асклепия, который «взяв чистую льняную тряпочку, протер ему глаза (καθαρὸν ἡμιτύβιον λαβὼν τὰ βλέφαρα περιέψυσεν) и, свистом призвав двух гигантского размера змей (δύο δράκοντ' ἐκ τοῦ νεῶ ὑπερφυεῖς τὸ μέγεθος) из алтаря, заставил их вылизать ему веки (τὰ βλέφαρα περιέλειχον), после чего Плутос обрел зрение (Aristoph. *Plut.* 729–736, ср. Wilson 2007: 729–730).

Как и в Древней Греции, в Египте также было немало людей, страдавших глазными заболеваниями. В 1798 году ученый и один из первых египтологов, участник наполеоновской экспедиции в Египет, Денон (1747–1825) описал возникновение глазных опухолей, которые массово поразили армию Наполеона. «Дневная жара и прохладные ночи в тот сезон стали причиной распространения в армии офтальмии — заболевания, которое можно было бы предотвратить, если бы в походах следовали режиму отдыха после длительных переходов и утомления. В условиях повышенной влажности воздуха, когда выделяется пот, могут возникать отеки, которые поражают глаза или внутренние органы» (Denon 2004: 130).

Ежегодный разлив Нила также способствовал распространению глазных болезней. Загрязнённые воды могли попадать на продукты питания, когда местные жители готовили, чистили и мыли их. Также люди пили воду из реки и умывались этой же водой. Даже в современном Египте паразитарные заболевания глаз и пищеварительного тракта вызваны деятельностью бактерий и часто связаны с заражением нильской воды (Veiga 2009: 4).

Таким образом, совсем не удивительно, что из семидесяти чудес Кира и Иоанна девять посвящены врачеваниям глазных болезней. Несоблюдение гигиены, общая антисанитария, а также влажный воздух средиземноморского побережья часто становились причиной лихорадок и воспаления глаз, что особенно

ощущали на себе иностранцы, для которых египетский климат был непривычным.

В «Чудесах Кира и Иоанна» описано девять случаев, связанных с заболеваниями глаз, четыре из которых были вызваны λευκώματα — бельмом или белыми пятнами на глазах, которые образовывались из-за утолщения роговицы. Судя по количеству описанных случаев, можно предположить, что λευκώματα были довольно распространённым заболеванием глаз в Египте. Однако естественные причины возникновения болезней отодвинуты в рассказах на второй план, так как свт. Софроний убежден, что глазные болезни могут быть следствием духовной слепоты. Он ясно указывает на то, что святые Кир и Иоанн могли оказывать целительную помощь только тем, кто имел истинную веру — ортодоксию, не искаженную еретическими учениями. Однако, исцеление могло происходить и с помощью медицинских средств, которые были известны в древнем мире. Об этом свидетельствуют труды греческих врачей, таких как Гален, Диоскорид, Орибасий и других.

Во втором чуде рассказывается, что человек небольшого достатка родом из Александрии по имени Феодор «имел белые пятна, затемняющие оба глаза (ἐν ἀμφοτέροις ἔσχεν τὰ τοὺς ὀφθαλμοὺς ἀμαυροῦντα λευκώματα)». Узнав от врачей о неизлечимости своей болезни, он отправился к гробнице мучеников «вложив в себе самом надежду непостыдную, непоколебимую веру в них и в то, что от них бывает посещение, как все веруют». Недолгое время проведя в храме, он получил плод исцеления, который возрос не долготой времени, а простотой веры, за которую он получил воздаяние от мучеников. Они повелели ему пойти на свой источник и в нем умыть глаза водой. Будучи готовым выполнить любое повеление мучеников, он направился на источник, омыл глаза и, вытерев их салфеткой (φαικόλιον), обрел зрение. Вместе с каплями воды он «отбросил белые пятна с глаз (καὶ τῶν ὀφθαλμῶν ἀποβαλὼν τὰ λευκώματα)». Ворвавшись обратно в храм, он всем находящимся показал извергнутые из глаз некоей божественной силой остатки на салфетке, сделавшись примером веры и проповедуя величие произошедшего по вере исцеления (Marcos 1975: 2. 247).

Два случая, описанные в эпизодах 37 и 38, демонстрируют стремление свт. Софрония в качестве причины возникновения телесной слепоты представить предшествовавшее духовное ослеп-

ление. Иоанн и Стефан, главные герои этих рассказов, были еретиками–монофизитами, не желавшими отказаться от своих убеждений. Исцеление произошло, когда они обратились к истинной вере, оставили свои заблуждения и приняли причастие.

В 37 чуде иподиакон Иоанн, сторонник ереси Севира Антиохийского, «на обеих роговицах имел белые пятна, которые препятствовали проникновению света, так что невозможно было глазным роговицам нормально функционировать с белыми пятнами, *ибо что общего у света со тьмой* (2 Кор. 6, 14), как сказал боговдохновенный Павел: ведь нет света, когда приходит тьма, также и тьма не может принять сосуществование со светом, но так как у них противоположные природы, то и действие противоположное, поэтому те, кто имеет свет — или во тьме не видят, или свет для них не помрачается (*ἐν ἀμφοτέροις δὲ ταῖς κόραις ἔσχε λευκώματα καὶ τούτων τὸ φῶς ταῖς τῶν λευκωμάτων· εἰσβολαῖς ὑπεχώρησεν, ὥς μὴ δυνάμενον κόρας ὀφθαλμῶν συνοικεῖν τοῖς λευκώμασιν ποία γὰρ κοινωνία φωτὶ πρὸς σκότος*)» (Marcos 1975: 37. 330).

После года, проведенного в святилище, святые мученики явились ему во сне, причастили его, убедив отойти от ереси Феодосия и Севира. «На третий день он словно заново родился, увидев свет, который пришёл вслед за просветлением его души. Глаза его как будто никогда не болели (*τριταῖος τὸ φῶς τοῖς ὀμμασιν ἔβλεπεν, τῷ φωτισμῷ τῆς ψυχῆς κατὰ πόδας ἐπόμενον, καὶ γέγονεν ὥς γεγένητο*)» (Marcos 1975: 37. 331). Со временем он вернулся к своим прежним воззрениям. Мученики Кир и Иоанн снова явились ему, когда он находился в дороге, наградили его человеколюбивой пощечиной, и «он снова стал слепым (*τυφλὸς ὥς τὸ πρῶτον γενόμενος*)» (Marcos 1975: 37. 332). Осознав свою вину, Иоанн направился в святилище Кира и Иоанна. Находясь в храме, когда он услышал «слепые прозревают», тотчас прозрел, просветив душу верой. Но Иоанн не стал полностью здоровым, «неся на очах полезное порицание своего своенравия (*φέρων ἐν τοῖς ὀμμασι τῆς τοιαύτης ἀγνωμοσύνης τὸν ὠφέλιμον ἐλέγχον*)» (Marcos 1975: 37. 333).

Стефан в чуде 38 также страдал от белых пятен на глазах. Заболевание глаз, как и в предыдущей истории, было связано с его еретическими взглядами — «он имел белые пятна на глазах и был сторонником ереси..., страдая от лишения сладчайшего

света (κατὰ τοὺς ὀφθαλμοὺς ἔχων λευκώματα, καὶ τῆς τοῦ προβλόντος ὑπῆρχεν αἰρέσεως... ὡς φωτὸς γλυκυτάτου παθόντων τὴν στέρησιν)» (Marcos 1975: 38. 333). После четырех месяцев, проведенных в святилище, святые явились во сне Стефану и настаивали на принятии причастия, что означало присоединение к православию. Проснувшись, Стефан причастился и обрел зрение «τὴν ἀνάβλεψιν εὑρίσκειν» (Marcos 1975: 38. 334).

Однако, на вопрос слуги, останутся ли они членами православной Церкви после своего возвращения на родину, Стефан ответил отрицательно. В ту же ночь святые Кир и Иоанн наказали его за неблагодарность. Они явились ему во сне и повелели искупаться в бане. После этого он почувствовал себя плохо, «так как в течение многих суток бодрствовал, страдая от сильной бессонницы с болями (ὡς πολλὰ γρηγορῆσαι νυχθήμερα, καὶ τὴν πολλὴν ἀπνίαν σὺν ταῖς ὀδύναις ὀδύρεσθαι)» (Marcos 1975: 38. 334). Слепота к нему вернулась (ἡ τύφλωσις δὲ πάλιν αὐτὸν ἡ παλαιὰ διεδέξατο) (Marcos 1975: 38. 334).

Стефан осознал свою вину и раскаялся. Мученики повторно явились ему, стоя у алтаря и принося бескровную жертву, которую предложили и ему. Вскоре после этого Стефан, «как и прежде, смог увидеть свет, используя в качестве лекарства сок эндивия, то есть цикория (καὶ τὸ φῶς ὡς τὸ πρὶν ἐθεάσατο, σερίων ὁπῶ πρὸς θεραπείαν χρησάμενος)» (Marcos 1975: 38. 334), как повелели ему мученики.

В чуде 47 некий Патрикий «имел болезнь глаз, которая с каждым днем все усиливалась (πεσὼν εἰς ὀμμάτων ἀσθένειαν, ἐν ταύτῃ τὸ καθ' ἡμέραν προέκοπτε)». Однажды во сне к нему пришли мученики и «велели отправиться в баню и помазать глаза лабнеионом (εἰς τὸ λουτρὸν γὰρ τοῦτον ἵεναι κελεύουσιν, καὶ λαβνείῳ τὰς ὀψεις ἐγγρίεσθαι)», который должен был вернуть ему зрение. Проснувшись, он незамедлительно последовал их совету. Пойдя в баню, он помазал глаза средством, которое до смешивания с водой было очень едким. Вскоре после этого к нему вернулось зрение, так как лейкомы, которые его мучили, вытекли из глаз вместе со слезами (δακρύων δίκην καταγαγὼν τὰ λευκώματα) (Marcos 1975: 47. 353–354).

Во всех приведенных рассказах чудо излечения бельма на глазах было совершено мучениками в соответствии с медицинской практикой древних времен. Примечательно, что как в исцелении бога Плутоса, так и во втором чуде использовалась

салфетка, которой вытирали глаза (ἡμιτύβιον, φακίολιον). Во втором и 47-м чуде говорится о том, что нужно либо умыться, либо пойти в баню, чтобы получить исцеление. Промывание и вытирание салфеткой рекомендовали многие античные медики. Эпизод с богом Плутосом, которому протерли глаза чистой льняной салфеткой (καθαρὸν ἡμιτύβιον), наиболее ранний известный пример (Aristoph. *Plut.* 729 sq., ср. Wilson 2007: 729–730). Исцеление Плутоса также произошло с помощью промывания глаз: Асклепий заставил змей вылизать ему веки (τὰ βλέφαρα περιέλειχον), после чего Плутос обрел зрение (Aristoph. *Plut.* 735–736, ср. Wilson 2007). Медик I века н. э. Диоскорид Педаний (ок. 40–90) в книге «О веществах» писал: «Промой белые пятна (бельма) на глазах, и размягчится шершавость глаз (σμήχει δὲ τὰ ἐν ὀφθαλμοῖς λευκώματα καὶ τραχύτητας βλεφάρων τήκει)» (Wellmann 1914: 3. 84). В 46 чуде слепой Трибунос и слепой монах получили повеление умыться в Силоамской купели в Иерусалиме, что привело к их выздоровлению (Marcos 1975: 46. 351–353).

Помимо промывания древние медики часто рекомендовали умещение глаз мазями с весьма разнообразным терапевтическим составом. Так, Гален (129–216) писал, что «семя шалфея с медом используют для лечения бельма» (Kühn 1826: 12. 152). Орибасий (ок. 325–403), личный врач римского императора Юлиана, считал, что «бельмо быстрее всего лечится умещением содой, старательно растворенной в елее» (Raeder 1926: 6. 3). Неизвестный медик из медицинского сборника *Hippiatrica*, писал: «Приложи розовое оливковое масло с медом, яйцом и мягкой шерстью. Но сперва удали с глаз кровянистую слизь» (Норре 1924: 11. 8).

О том, что за болезнь поражала героев Чудес Кира и Иоанна, нам может подсказать уже упоминавшийся Диоскорид Педаний. Так, говоря про полезные свойства смирны, сока дерева, растущего в Аравии, он писал, что «она восполняет язвы на глазах, удаляет бельма (καθαίρει τὰ λευκώματα) и потемневшие роговицы, а также смывает трахомы (τραχώματα σμήχει)» (Wellmann 1907: 1. 64). В эпоху Античности, когда люди часто пользовались загрязнёнными водоёмами, одной из распространённых причин появления бельм на глазах было инфекционное заболевание под названием трахома. Эта болезнь вызывается хламидией под названием *Chlamydia trachomatis* и в запущенных случаях могла привести к полной слепоте, как это произо-

шло, например, в чуде 47 с Патрикием. Возбудитель трахомы обычно поражает оба глаза, вызывая их воспаление, когда поверхность глаза приобретает студенистый вид. В процессе развития болезни образуются и разрушаются фолликулы, что приводит к образованию рубцов и выделению гноя. На последней стадии прекращается процесс воспаления, и зарубцевавшиеся фолликулы могут быть удалены промыванием. Примечательно, что во втором чуде Феодор смог продемонстрировать свои леуκώματα (бельма), которые остались на салфетке.

Подводя итоги, отметим особую атмосферу, в которую святитель Софроний погружает своих героев. Болезни, которыми они поражены, являются следствием духовной немощи, оздоровление души предшествует чуду исцеления, а вера в чудотворную силу мучеников оказывается сильнее медицинских предписаний. Тем не менее, за этими нравоучительными рассказами мы видим естественные причины заболеваний, симптомы которых, а также методы их лечения были известны греческим медикам.

Библиография

- Afonasin, E. V., Afonasina, A. S. 2016: [Neo-Platonic Asclepius], *ΣΧΟΛΗ* 1 (10), 260–280.
- Афонасин, Е. В., Афонасина А. С. 2016: Неоплатонический Асклепий, *ΣΧΟΛΗ* 1 (10), 260–280.
- Bricault, L. 2014: Isis, Sarapis, Cyrus and John: Between Healing Gods and Thaumaturgical Saints. In.: *The Alexandrian Tradition: Interactions between Science, Religion, and Literature*, éd. L. A. Guichard, J. L. García Alonso, M. P. de Hoz. Berne; Berlin, 97–114.
- Cyrillus Alexandrinus, 1864: Fragmenta de translatione reliquiarum martyrum Cyri et Joannis (homilia diversa 18). In: *Patrologia Graeca* 77, 1100–1105.
- Denon, D. V. 2004: *Viagem ao Baixo e Alto Egypt*. Lisboa: Publicações Europa-América.
- Ehrenheim, H. 2019: Causal explanation of disease in the *iamata* of Epidauros, *Kernos* 32, 101–118.
- Gascou, J. 2007: Les origines du culte des saints Cyr et Jean, *Analecta Bollandiana* 2 (125), 241–281.
- Hoppe K., Oder E. 1924: *Corpus hippiatricorum Graecorum*, Leipzig: Teubner. 1.
- Kühn, C. G. 1826: *Claudii Galeni opera omnia*, Leipzig: Knobloch.

- Magoulias, H. J. 1964: The lives of the saints as sources of data for the history of Byzantine medicine in the sixth and seventh centuries, *Byzantinische Zeitschrift* 57, 127–150.
- Marcos, N. F. 1975: *Los Thaumata de Sofronio. Contribucion al Estudio de la Incubatio Cristiana*. Madrid: Instituto Antonio de Nebrija del CSIC.
- Petridou, G. 2016: Healing Shrines. In.: *A Companion to Science, Technology and Medicine in Ancient Greece and Rome*, ed. G. Irby, 1. 343–449.
- Raeder, J. 1926: *Oribasii synopsis ad Eustathium et libri ad Eunapium*, Leipzig: Teubner.
- Vedeshkin, M. A. 2020: [From healing gods to holy healers: transformation and continuities of ritual medicine space in Late Antiquity], *Electronic scientific and educational journal 'History'* 11. 4 (90), 1–18.
- Ведешкин, М. А. 2020: От богов-целителей к святым лекарям: трансформация и континуитет пространства ритуальной медицины в Поздней Античности, *Электронный научно-образовательный журнал "История"* 11. 4 (90), 1–18.
- Veiga, P. A. 2009: *Health and Medicine in Ancient Egypt: Magic and Science*. London: British Archaeological Reports.
- Wellmann, M. 1907: *Pedanii Dioscuridis Anazarbei de materia medica libri quinque*, Berlin: Weidmann.
- Wilson, N. G. 2007: *Aristophanis Fabulae*, II, Oxford: Oxford University Press.
- Wisniewski, R. 2013: Looking for Dreams and Talking with Martyrs. Internal Roots of Christian Incubation. *Studia Patristica* 63, 203–208.

Л. В. Луховицкий

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т. / НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия
lukhovitskiy@gmail.com

«ОБВИНИТЕЛИ ХРИСТИАН»: ИСТОРИЯ ОДНОГО ЕРЕСИОЛОГИЧЕСКОГО ТЕРМИНА¹

Статья посвящена эволюции значения слова *χρῑστῐανοκατήγορος* (буквально «обвинитель христиан»). В ранневизантийское время мы почти не обнаруживаем его следов, но после II Никейского Собора 787 г. оно становится техническим термином для обозначения иконоборцев. Главным признаком иконоборческого учения оказывалось не неприятие икон, а атака на собратьев по вере — обвинение в том, что сторонники иконопочитания исказили дух истинного христианства. «Деяния» Собора оказали большое влияние на богословскую и агиографическую литературу IX в., в которой *χρῑστῐανοκατήγορος* становится обозначением иконоборцев по умолчанию. Но начиная с X в. в самых популярных жанрах, агиографии и историографии, это обозначение проиграло в конкурентной борьбе более прямолинейным обозначениям, таким как *εἰκονομάχος*, *εἰκονοκλάστης*. В поздневизантийский период оно было переосмыслено как полемический ярлык для любых противников в любых внутрехристианских спорах, хотя отдельные писатели и полемисты могли использовать его одновременно в двух смыслах, узком и широком, рассчитывая на то, что эрудированный и проницательный читатель поймет намек и узнает за «обвинителями христиан» именно иконоборцев. Последнюю реинтерпретацию предложил Геннадий II Схолярй: вопреки всей византийской традиции, он использовал этот термин в отношении нехристиан — тех, кто обвинял христиан не в искажённом христианстве, а в самом факте их веры.

Ключевые слова. Византийская империя, иконоборчество, ересь, православие, средневековый греческий, терминология, историческая семантика.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10165, <https://rscf.ru/project/24-78-10165/> («Богословские памятники византийской литературы XI–XV вв.: проблемы языка, содержания и подлинности»).

L. V. Lukhovitskiy

Saint Tikhon's Orthodox University /

National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia.

lukhovitskiy@gmail.com

The “Accusers of Christians”: A History of a Heresiological Term

This article examines the historical semantics of the post-classical Greek word *χριστιανοκατήγορος* (literally, “an accuser of Christians”). While its existence in the early Byzantine period is doubtful — there is only one isolated occurrence, which had no impact on later tradition and may even be a 10th-century correction — after the Second Council of Nicaea (787), the term gained traction as a *terminus technicus* for the Iconoclasts. The rationale behind this designation was that the Iconoclasts accused the supporters of icon veneration of distorting true Christianity and lapsing into idolatry. The *Acts* of the Council were so influential that much of the theological and hagiographical literature inherited this usage. This remained true during the Iconophile interim (787–815), the second Iconoclasm (815–843), and the period of codification of cultural memory about Iconoclasm (mid-9th century). By contrast, by the mid-10th century, the term had become obsolete and was purged from historical and hagiographical texts — including the revisions of earlier texts that had originally employed it. Knowledge of its terminological usage was thereafter confined to small circles of theologians and experts in canon law who studied the *Acts* of 787. Nevertheless, due to its polemical force and intuitively discernible inner structure, the word remained in use as a vague designation for opponents in various intra-Christian controversies (e.g., the Union of the Churches, the doctrine of Divine energies advanced by Gregory Palamas). Some of the most astute authors engaged in sophisticated wordplay, allowing the word to be interpreted both as a reference to the Iconoclasts and as a general label for those who accuse their fellow Christians. In the case of Alexios I Komnenos (1081–1118), this strategy served to intimidate political opposition by implying that its members could be accused of Iconoclasm. For Theoktistos Studites (mid-14th century), such wordplay was a subtle nod to an attentive and erudite readership that might appreciate the double entendre. The final reinterpretation of the term came from Gennadios II Scholarios (15th century), who, in contrast to the entire Byzantine tradition, repurposed the word as a label for non-Christians — those who accused not Christians of practicing a distorted form of Christianity, but Christianity itself.

Keywords. Byzantine empire, Iconoclasm, heresy, Orthodoxy, Medieval Greek, terminology, historical semantics.

ВВЕДЕНИЕ: ХРИСТИАНСКИЕ ЕРЕСИ И ГРЕЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ

Особенности византийского религиозного сознания и перипетии церковно-политической истории Византии наложили отпечаток на лексику среднегреческого языка. Благодаря актам церковных соборов и ересиологическим компендиумам таких авторов как Епифаний Кипрский («Панарион», 70-е гг. IV в.), Герман Константинопольский («О ересьях и соборах», ок. 730 г.), Иоанн Дамаскин («О ересьях», 20-е–30-е гг. VIII в.), Евфимий Зигабен («Догматическое всеоружие», ок. 1111 г.) сохранились сотни слов для обозначения приверженцев разнообразных гетеродоксальных учений. Некоторые из них совсем просты и хорошо известны широкому читателю (например, образованные от имен собственных: «ариане» или «несториане»); некоторые экзотично звучат, но интуитивно понятны любому носителю греческого (например, *Θνητοφυῖται*, согласно Иоанну Дамаскину, учившие о смертности человеческой души) (Kotter 1981: 57)²; некоторые настолько странны, что для их интерпретации простого знания языка недостаточно (например, *Φουνδαῖαῖται* — сторонники дуалистического учения, которое обычно называется богомилством) (Migne 1864: 48). Все это разнообразие не дает увидеть лексикологическую лакуну: подобных обозначений в нашем распоряжении могло бы быть почти в два раза больше.

Если следовать византийским источникам, все «ереси», возникавшие с первых лет христианской проповеди, противостояли самотождественному неизменному «православию». С современной точки зрения это, естественно, не так: до тех пор, пока то или иное доктринальное противоречие не решено в пользу одной из противоборствующих из сторон (для простоты будем считать, что таких сторон только две, что, конечно же, не всегда соответствует действительности), мы имеем дело с двумя «православиями» (в смысле саморепрезентации) и двумя «ересьями» (в смысле именованного оппонента). Каждая из сторон изобретает уничижительные обозначения для противника, но избегает каких-либо уточнений для своего собственного «хрис-

² В дальнейшем нас не будет занимать вопрос о социальной реальности, стоявшей за подобными обозначениями. Весьма вероятно, что все это — искусственные конструкты, объединяющие при помощи общего ярлыка разнородные группы.

тианства», «православия» и «благочестия». Язык победителей усваивается последующей традицией, а обозначения, которые использовались в их адрес, напротив, выходят из употребления.

Важно отметить, что любое наименование, даже самое, на первый взгляд, невинное, таит в себе угрозу. Рассмотрим самый простой случай — обозначение учения по имени его основателя или самого яркого защитника: почему стороннику Ария обидно быть «арианином» и почему сторонники его противника Афанасия Александрийского не будут с гордостью носить имя «Афанасиане» (**Ἀθανασιανός* в греческом не зафиксировано) (Kaldellis 2024: 81–82)? Почему до нас дошли сотни контекстов со словом «Несториане» и только один со словом «Кириллиане»³, если Кирилл Александрийский прославлен как защитник православия и учитель церкви? Дело в том, что любое уточнение для самого общего термина «православный» подсказывает читателю, что возможны разные изводы православия: заявить «я — православный диофизит» значит признать, что диофизитство (учение о двух полноценных природах Христа) входит в «православие» как опциональный элемент, а не составляет его суть. Именно поэтому новоевропейские попытки восстановить паритет, называя победителей в византийских богословских спорах греческими (вернее, квазигреческими) словами искажает реальное положение дел: византийские источники не знают ни термина «иконодул» (**εἰκονοδοῦλος*), ни термина «диофелит» (**δυοθελίτης*), а случаи употребления терминов «диофизит» или «иконопочитатель» (*εἰκονολάτρης*, буквально «икonosлужитель») можно посчитать по пальцам (Lukhovitskiy 2013). Полемическая сила обозначений, восходящих к именам собственным, имела схожую природу: назвать противника «евтихианином» или «монтанистом» значило лишить приверженца соответствующего учения права на христианскую самоидентификацию, поскольку в самом слове *Χριστιανός* имплицитно присутствует имя *Χριστός*. Христианин уже и так определяет себя через имя

³ Само собой разумеется, контекст это крайне негативный: «Кириллиане» описываются их противниками как лстецы и обманщики (Schwartz 1927–1930: VII 81).

Христа, а Евтихий в имени «Евтихианин» (Εὐτυχιανιστής) или Арий в имени «арианин» (Ἀρειανός) встает на его место⁴.

Современный взгляд на то, чем была для византийцев ересь, глубоко ошибочен, поскольку мы рассуждаем о ересь в контексте внутрехристианских идеологических течений. Именно поэтому неподготовленный читатель удивляется, встретив на страницах византийского ересиологического трактата в качестве очередной ереси «манихейство» или «магометанство», т. е. ислам (Kotter 1981: 37, 60), который в современной (в том числе церковной) картине мира можно обсуждать только в контексте межрелигиозных отношений⁵. Объясняя эту особенность византийского религиозного сознания, приходится говорить, что византийские богословы воспринимали нехристианские религии как христианские ереси, тогда как вернее было бы сказать обратное — что они воспринимали ереси как нехристианские религии в том смысле, что приверженность гетеродоксальному учению автоматически извергала его носителей из сонма христиан.

Настоящая заметка посвящена сложному существительному «обвинитель христиан» (χριστιανοκατήγορος), полемическая сила которого имела иные основания. Как мы увидим, это слово, во-первых, несколько раз конструировалось византийскими писателями заново без какой-либо оглядки на прецедент, а во-вторых, пережило резкий взлет популярности в иконоборческий и ранний постиконоборческий период, став техническим термином для обозначения иконоборцев, однако, в конечном счете, не закрепилось в традиции, уступив место более прямолинейным обозначениям.

⁴ Можно привести десятки примеров из самых разных эпох. Мы ограничимся несколькими контекстами из Афанасия Александрийского (IV в.), в которых «ариане» представлены не течением внутри христианства, а группой, которая противопоставлена христианам: τὴν αἵρεσιν εἰσι χριστομάχοι καὶ οὐκέτι Χριστιανοί, ἀλλὰ μᾶλλον Ἀρειανοὶ καλοῦνται (Opitz 1935–1941: 86); τοὺς δὲ προειρημένους... αἱρετικούς ἀπέφηναν καὶ καθελόντες αὐτοὺς ὡς μὴ ὄντας ἀληθῶς Χριστιανούς, ἀλλ' Ἀρειανούς (ibid.: 236); ἀντὶ Χριστιανῶν λοιπὸν Ἀρειανούς ὀνομάζεσθαι τοῦτό τε τῆς ἀσεβείας ἔχειν τὸ γνῶρισμα (Metzler, Savvidis 1998: 111); Ἀρειανοὶ ὄντες οὐκ εἰσι Χριστιανοί (ibid.: 120).

⁵ Об исключениях, т. е. случаях, когда византийский писатель воспринимает иную религию как равновеликую христианству, только подтверждающих общее правило, см.: Kaldellis 2007; Kaldellis 2014: 101–126.

КОРПУС ИСТОЧНИКОВ

Онлайн корпус Thesaurus Linguae Graecae (Калифорнийский университет в Ирвайне) (далее — TLG) включает 100 вхождений *χριστιανοκατηγόρ-*, из них 13 — прилагательное *χριστιανοκατηγόρικος*, 1 — отвлеченное существительное *χριστιανοκατηγόρια*, остальные — *χριστιανοκατήγόρος*⁶. Естественно, эта статистика только подсказывает возможные направления исследования, но нуждается в уточнении, которое предполагает минимум два этапа: 1. элиминирование дублетов и несуществующих контекстов (например, таких случаев, когда искомое слово оказывается издательской эмендацией, а не оригинальным чтением): так, тексты, опубликованные под именем Германа Константинопольского (патриарх Константинопольский в 715–730 гг.), в действительности, представляют собой выдержки из «Деяний» II Никейского Собора 787 г. (Munitiz 1974: 172) и, соответственно, учтены в TLG дважды; 2. поиск дополнительных источников, не внесенных в базу TLG, в том числе таких, которые по определению не могут быть включены в нее, поскольку представляют собой паратексты — маргиналии⁷.

Количественные подсчеты затрудняются также и тем, что многие памятники византийской церковной литературы представляют собой текучие тексты, когда граница между разными редакциями, разными текстуальными вариантами одного текста и разными текстами не очевидна. Таковы, например, «Краткие рассказы о семи Вселенских соборах» (отсутствуют в TLG), дошедшие в массе немного различающихся между собой версий, которые вряд ли можно будет свести к общему архетипу в соответствии с привычными методами критики текста. Интересующая нас лексема присутствует в пяти из почти дюжины опубликованных вариантов (Munitiz 1974: 178, 180, 181, 182, 183; ср.: Giannouli 2021: 80).

Осложняет подсчеты также и то, что ересиологические компиляции регулярно обновлялись и обогащались новыми главами

⁶ Последнее обновление корпуса, учтенное в статье, относится к 31 марта 2025 г.

⁷ Например, Rigo 2021: 158; Sietis 2022: 132. В дальнейшем ссылки на источники, доступные в TLG, приводятся только в тех случаях, когда анализируются подробно; дополнительные источники всегда сопровождаются полной ссылкой и пометой «отсутствует в TLG».

без указания авторства. Так, патриарх Никифор Константинопольский (806–815 гг.) в одном из своих пространных богословско-полемиических трактатов дополнил список ересей, начатый Епифанием Кипрским и продолженный Иоанном Дамаскином, главой об иконоборцах, в которой использовал интересное нас слово. Не позднее XI в. эта глава в рукописной традиции стала регулярно присоединяться к сочинению Дамаскина и в некритических изданиях публиковалась под его именем (Kotter 1981: 4–5). Этот же текст с минимальными разночтениями, но уже под именем Епифания Кипрского мы встречаем в греческих рукописях (древнейшая *Vindobonensis historicus Graecus* 56, ок. 1000 г.), послуживших основой для славянской Ефремовской кормчей XII в. (Beneshevich 1907: 704).

В результате проведения этих двух операций и принятия неизбежно волюнтаристских решений (контексты из «Кратких рассказов...» я принимаю за один контекст), складывается корпус источников, использованный в настоящей работе. Он включает 92 контекста с VII по XV в., которые удобно распределить следующим образом:

1. до II Никейского собора 787 г. (доиконоборческий период) — 1 вхождение⁸.
2. от II Никейского собора до конца IX в. (иконоборчество и кодификация памяти об иконоборчестве) — 67 вхождений.
3. X–XV вв. (постиконоборческий период) — 24 вхождения.

ПЕРВОЕ РОЖДЕНИЕ?

Единственное доиконоборческое вхождение слова — это контекст из всемирной хроники в кодексе *Vaticanus graecus* 1941 (X в.), известной под условным обозначением «Пасхальная хроника». Хроника доведена до 628 г. и датируется, соответственно, 2-й четвертью VII в. Со ссылкой на Тертуллиана

⁸ Хронологическое распределение, предложенное TLG автоматически, действительности не соответствует: случай патриарха Германа был разобран выше; «Гомилия на Псалом 118», проиндексированная как Иоанн Златоуст (с пометой «Псевдо-»), не могла быть написана раньше IX в. (de Aldama 1965: 88–89, 103); приписанное Иоанну Дамаскину (умер до 754 г.) «Послание трех восточных патриархов императору Феофилу», в действительности, представляет собой позднюю переработку текста, созданного в 836 г. (Afinogenov 2008).

анонимный хронист сообщает, что император Тиберий известил сенат о Христе и христианском учении, а когда сенат не прислушался к его словам, «пригрозил обвинителям христиан смертью» (θάνατον ἡπειλήσεν τοῖς χριστιανοκατηγοροῖς) (Dindorf 1832: 430–431). Если обратиться к Тертуллиану, окажется, что греческий композит передает ничем не примечательное латинское словосочетание *accusatoribus Christianorum* (Deckers 1954: 95). Необязательность такого переводческого решения становится очевидна, если мы обратимся к другому, более раннему, переводу того же фрагмента, принадлежащему Евсевию Кесарийскому (2-я книга «Церковной истории», ок. 312–313 гг.), где сказано Χριστιανῶν κατηγοροῖς (Bardy 1952: 54). Словоупотребление анонимного автора хроники осталось изолированным явлением и не оказало влияния на последующую традицию. Возможно, перед нами даже ошибка копииста X в., который встретил в протографе словосочетание Χριστιανῶν κατηγοροῖς и под влиянием современного ему узуса превратил его в привычное ему по богословско-полемическим контекстам сложное слово χριστιανοκατηγοροῖς.

ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ

Интересующее нас слово вновь возникает в источниках почти через полтора столетия, причем его смысл коренным образом меняется: если в «Пасхальной хронике» суть обвинения, которое могут бросить язычники христианам, состоит в том, что те нарушают римские обычаи, то в VIII в. те, кому приписываются некие обвинения, обвиняют своих противников уже в неправильном христианстве.

Иконоборческая политика императоров Исаурийской династии Льва III (717–741 гг.) и Константина V (741–775 гг.) была пронизана пафосом очищения истинной христианской веры от элементов идолопоклонства, по их мнению, проникших в нее под видом почитания икон. Путем несложных логических процедур в случае с изображениями Христа почитание икон можно было свести не только к языческому суеверию, но и к христологическим ересям, осужденным вселенскими соборами — монофизитству (если Тот, Кто изображен на иконе — это Богочеловек, то неопикуемый Бог описывается вместе с описуемым человеком, что ведет к слиянию неслиянных природ) или

несторианству (если икона Христа — это икона Его человечества, то оно обретает особое лицо, что привносит дополнительную ипостась в Пресвятую Троицу). Поскольку почитание икон к началу VIII в. почти не было регламентировано (единственное исключение — 82-е правило Трулльского Собора 691–692 гг.), но достаточно широко распространено, иконоборческая мысль оформлялась не как обвинение, брошенное внешнему противнику, а как саморефлексия: это мы, а не кто-то другой, мы, христиане, сами не заметили того, что погрязли в суевериях и утратили чистоту апостольской веры.

Для уже очень скоро оформившегося лагеря противников эти слова, однако, звучали как обвинение. С их точки зрения, почитание икон было частью (а возможно, даже сутью) христианства, а, следовательно, те, кто отвергали его, могли быть с полным основанием названы «обвинителями христиан». Изобретение термина шло в несколько этапов. Перифрастическая конструкция *Χριστιανῶν ... κατήγοροι* была использована для обозначения иконоборцев в Синодальном послании Иоанна Синкелла об истоках иконоборчества. В такой форме это обозначение встречается в римском антииконоборческом флорилегии середины 70-х гг. VIII в., который послужил основой для коллекции в рукописи *Parisinus Graecus 1115* (1276 г.). Однако уже в «Деяниях» II Никейского Собора при цитировании этого же текста используется сложное слово *χριστιανοκατήγοροι* (Alexakis 1992: 134–136). Более того, именно оно, а не, казалось бы, более очевидные варианты *εἰκονομάχος* (нет примеров) или *εἰκονοκλάστης* (10 вхождений), становится в «Деяниях» техническим термином для обозначения иконоборцев (37 вхождений) — прежде всего, участников иконоборческого церковного собора 754 г. (Lamberz 2023: 385). Маловероятно, чтобы составители «Деяний», используя этот термин, имели в виду редкий и совершенно не подходящий по смыслу контекст из «Пасхальной хроники». Слово *χριστιανοκατήγορος* строится по самоочевидной модели и вполне могло изобретаться неоднократно. Греческий язык классической эпохи не знает сложных слов со вторым элементом *-κατήγορος*, но в византийской литературе VIII–IX в. мы фиксируем множество сходных образований, которые, однако, остались разовыми экспериментами и не получили широкого хождения: *ἀγιοκατήγορος* («Деяния» II Никейского Собора, патриарх Фотий), *θεοκατήγορος* (Феодор Студит),

ἱεροκατήγορος («Послание трех восточных патриархов императору Феофилу» Псевдо-Иоанна Дамаскина).

«Деяния» II Никейского Собора стали базовым иконопочитательским документом, к которому обращались писатели иконопочитательской интермедии (787–815 гг.), второго иконоборчества (815–843 гг.) и периода кодификации исторической памяти об иконоборчестве в патриаршество Мефодия (843–847 гг.), Игнатия (847–858 гг., 867–877 гг.) и Фотия (858–867 гг., 877–886 гг.). Весь IX в. — время активного использования слова *χριστιανοκατήγορος* как технического термина полемистами (патриарх Никифор, Феодор Студит, «Синодик в Неделю Православия») и агиографами, прославлявшими защитников иконопочитания (Мученичество Стефана Нового авторства Стефана Диакона; Жития патриарха Никифора, патриарха Тарасия и Григория Декаполита авторства Игнатия Диакона; Жития патриарха Германа, Никифора Мидикийского, императрицы Феодоры). В конце IX в. термин встречается в основном в сочинениях антифотианской направленности — Житии патриарха Игнатия и труде об истории соборов, известном как «*Synodicon Vetus*». Как правило, *χριστιανοκατήγορος* не требует какого бы то ни было пояснения. Это одно из самых частых обозначений иконоборцев по умолчанию: в зависимом от «Деяний» II Никейского Собора Житии Стефана Нового (807 или 809 г.) (Auzéry 1999: 102–120), термин *χριστιανοκατήγορος* встречается 7 раз, *εἰκονοκαύστης* — 9 раз, обозначения *εἰκονομάχος* и *εἰκονοκλάστης* не используются вовсе⁹.

Естественно, любые размышления о полемической силе того или иного обозначения могут быть только гипотетическими, но кажется, что терминологизация слова *χριστιανοκατήγορος* имела как сильные, так и слабые стороны. Обозначить иконоборцев как «обвинителей христиан» было удобно, потому что это позволяло назвать противника ничего не сказав о сути его учения, но при этом подчеркнув собственную христиан-

⁹ Единственное исключение — дометафрастовское Житие Андрея «в Суде», в котором интересующее нас слово использовано в антииконоборческом контексте, но относится к древним гонителям христиан, с которыми сравнивается император-иконоборец (τῶν ἑκπλαῖ ἀθέων Ἑλλήνων, καὶ χριστιανοκατηγόρων καὶ εἰδωλοατρῶν, καὶ τῶν διοκτῶν τῶν ἁγίων) (Van Hecke et al. 1870: 138F).

скую идентичность. Учение иконоборцев оказывалось при таком подходе лишено содержания и сводилось к немотивированной агрессии против «христиан». Вместе с тем, слишком общий характер определения мог стать и помехой: помнить, что «обвинитель христиан» — это именно иконоборец, а не какой-то другой еретик, мог только опытный читатель антииконоборческой литературы, а бросающаяся в глаза простота слова, возможность разложить его на составные части и вывести значение не заглядывая в словарь толкала византийских читателей реинтерпретировать его в менявшемся церковно-политическом контексте.

ВЫМЫВАНИЕ ТЕРМИНА

Терминологическое значение слова сохраняется в постиконоборческий период у немногочисленных канонистов, которые комментировали решения II Никейского Собора, таких как Алексей Аристен (XII в.) и Матфей Властарь (XIV в.). Богословы, цитировавшие «Деяния», естественным образом и сами перенимали их словоупотребление. В качестве примера можно привести гомилию на Торжество Православия, опубликованную одновременно под именами патриарха Германа II (XIII в.) и Нила, митрополита Родосского (конец XIV — начало XV в.), в которой не только цитируется фрагмент «Деяний» с интересующим нас словом, но и сам писатель использует его в том же смысле¹⁰. Цитаты из «Деяний» можно обнаружить у патриарха Антиохийского Петра III (середина XI в.) и церковного писателя Никиты Серрского (Иракийского) (начало XII в.). Терминологическое употребление знакомо и писателю начала XIII в. Николаю Месариту.

Но все эти контексты — лишь капля в море на фоне колоссального корпуса литературы об иконоборчестве, который обнаруживает полнейшую незаинтересованность в словоупотреблении II Никейского Собора. Слово *χριστιανokatήuopos* как технический термин не было принято ни историографией, ни

¹⁰ Вопрос истинного авторства не решен. По мнению издателя, исходный текст был создан Германом II, а Нил Родосский воспроизвел его с незначительными сокращениями в своей проповеди (Μονίου 2010: 42, 238, 145). Текст проиндексирован в TLG дважды, мы считали его как один контекст.

агиографией — двумя сверхжанрами, которые определяли культурную память византийцев. Молчание историков, писавших об иконоборчестве, почти единодушно: ни Продолжатель Феофана, ни Симеон Логофет, ни Иоанн Скилица, ни Иоанн Зонара, ни Константин Манассия, ни Феодор Скутариот, ни Ефрем Энийский интересующее нас слово не используют¹¹. Отношение агиографов еще более показательнее: все без исключения писатели, перерабатывавшие ранние жития защитников иконопочитания, в которых использовалось слово *χριστιανοκατήγορος*, в новые версии тех же легенд его не включали. Из трех житий Феодора Студита интересующее нас слово встречается только в самом раннем из сохранившихся, известном как Vita B (Migne 1860: 301), тогда как его последующие переработки используют для иконоборцев другие обозначения¹². Новые версии создавались в течение сравнительно небольшого промежутка времени в 1-й половине X в. (Krausmüller 2013), а значит, вымывание термина произошло очень быстро. Это наблюдение подтверждается и обращением к корпусу самого влиятельного агиографа конца X в. — Симеона Метафраста, который сознательно вымарывает слово *χριστιανοκατήγορος* из Мученичества Стефана Нового (в его версии иконоборцы дважды названы *εἰκονομάχοι*) (Lukhovitskiy 2016: 793–794). Минологий императора Василия II, известный по знаменитой иллюминированной рукописи Vaticanus Graecus 1613 (ок. 1000 г.), содержит памяти почти всех святых, жития которых мы упоминали в предыдущем разделе (патриархов Германа, Тарасия и Никифора, Григория Декаполита, Феодора Студита, императрицы Феодоры), но описывает иконоборцев исключительно при помощи слова *εἰκονομάχοι* (42 вхождения). Можно предположить, что слово *χριστιανοκατήγορος* проиграло в конкурентной борьбе другим обозначениям иконоборцев, потому что, во-первых, казалось потенциально слишком сложным для читателя, а

¹¹ Единственное исключение — хронист Михаил Глика, который все же упоминает «обвинителей христиан» (Bekker 1836: 505), возможно, опираясь на некий не известный нам источник (его хроника в целом имеет компилятивный характер).

¹² Vita B, в свою очередь, восходит к несохранившейся версии патриарха Мефодия середины IX в. (Krausmüller 2006) и, по моим наблюдениям, заимствовало терминологическое использование *χριστιανοκατήγορος* именно из него.

во-вторых, не позволяло добиться необходимого драматического накала. Обозначения, прямо указывавшие на акты поругания икон (εἰκονομάχοι, εἰκονοκλάται, εἰκονοκαῖται), помогали создать более яркие образы защитников иконопочитания, ведь спор с клеветником и лжесвидетелем никогда не будет столь же ярким как героическое противостояние тому, кто сжигает или разбивает иконы.

ПЕРЕСБОРКА

Вымывание слова χριστιανοκατήγορος из исторической и агиографической литературы привело к тому, что его терминологическое значение стали забывать и богословы, не знакомые со спецификой иконоборческой полемики. Однако, вместо того чтобы отказаться от его использования, они переосмыслили его, восстановив исходное, по их мнению, значение (как мы видели, никакого доиконаборческого значения у слова, скорее всего, не было, потому что оно было изобретено специально для нужд антииконаборческой полемики). В поздней Византии «обвинителем христиан» можно было назвать любого противника в церковно-политическом конфликте, вне зависимости от его отношения к иконам. Первый пример такой этимологизации мы видим в коллекции документов, связанных со скандалами из-за пребывания на Афоне семейств владетельных и безбородых юношей (начало XII в.)¹³. Когда афонские монахи покинули свои обители и отправились в поисках справедливости в столицу, это посеяло смуту в умах горожан. Призывая монахов вернуться на Святую Гору, собор митрополитов специально напоминал тем, кто распространял наветы «для осуждения святых отцов» (εἰς κατήγορίαν τῶν ἁγίων ὑερόντων), что «таковых Христова Церковь анафематствует как обвинителей христиан» (Meyer 1894: 177).

В Палеологовскую эпоху (1261–1453 гг.) новое словоупотребление становится нормой. Иоанн XI Векк (патриарх Константинопольский в 1275–1282 гг.) называет «обвинителем христиан» патриарха Фотия (а вернее, некоего усредненного противника унии с Римом): «Все богохульства, которые ты измышляешь против своих противников... уличают тебя в

¹³ Жанровая природа сочинения не вполне ясна, см. попытку прочесть его как «эпистолярный роман» (Mullett 2014: 176–177, 183–187).

преступлении обвинителей христиан и заставляют испытывать две несовместимые эмоции одновременно — гнев и печаль: первую, потому что ты с таким зверством беснуешься против братьев; вторую, потому что ты возвел такую хулу на благочестивых православных мужей» (πάνθ' ὅσα βλάσφημα κατὰ τῶν ἀντιλεγόντων συμπλάττη... τῷ τῶν Χριστιανοκατηγόρων σε καθυπάγει ἐγκλήματι, καὶ τὴν εἰς ἓν συνέλευσιν τῶν ἀσυνδύαστων παθῶν, ὀργῆς φημί καὶ τοῦ θρήνου, ἀρμοδιώτερον ἐπὶ σοῦ γινομένην δεικνύει· ἀρχῆς (согг. ὀργῆς) μὲν, οἷς τοσοῦτον θηριωδῶς κατὰ τῶν ἀδελφῶν ἐξεμάνης, θρῆνον (согг. θρήνου) δέ, οἷς τοσαῦτα εὐσεβῶν καὶ ὀρθοδόξων κατεψεύσω ἀνδρῶν) (Migne 1865: 752). В глазах Векка, «обвинитель христиан» — это не внешний противник, а тот, кто идет против своих братьев по вере, разрушая единство Церкви изнутри. Это прямо противоречит ересиологическому принципу иконоборческой эпохи: невозможно и вообразить, чтобы автор-иконопочитатель написал, что иконоборец-христианообвинитель выступает «против братьев», потому что это предполагало бы, что у иконопочитателей и иконоборцев есть хоть какие-то точки соприкосновения.

Сходное употребление мы встречаем и у Григория Паламы (XIV в.), который пишет так про своих противников, «обвинявших» его в многобожии и отвергавших учение о нетварных энергиях, причем в последнем случае «обвинители христиан» оказываются хуже монофизитов и монофелитов (Chrēstou 1962: 685). Авторы поздневизантийской эпохи как будто бы вглядываются в не вполне понятное им слово, разбирают его на элементы и с азартом используют риторические возможности, которые открывает перед ними его прозрачная внутренняя форма: противники Паламы — это «новоявленные обвинители» (καίνοι κατήγοροι) и «клеветники» (συκοφαντοῦντων), которые, на самом деле, «обличают самих себя» (αὐτοκατήγοροι) (Mantzarides 1966: 136). А Варлаам Калабрийский (1-я пол. XIV в.) чувствовал себя настолько свободно, что изобрел отвлеченное существительное χριστιανοκατηγορία («христианообвинительство») (Schirò 1954: 313).

Лучшим доказательством того, что связь слова χριστιανοκατήγορος с иконами в поздневизантийское время была разорвана, могут быть два контекста из Никиты Хониата. В речи против будущего патриарха Иоанна X Каматира, созданной еще в его бытность хартофилаксом Великой Церкви (1198 г.) (van

Dieten 1971: 106–115), Хониат использует слово *χριστιανοκατήγορος* в самом общем значении. Это клеветник (*συκοφάντα*), который «причисляет нас к неправославным» (*τοῖς μὴ ὀρθοδοξοῦσιν ἐντάττεις ἡμᾶς*) и, «измыслив против нас неслыханное и изобретя неприемлемое, нападает как на неблагочестивых» (*πλάσας περὶ ἡμῶν τὰ ἀνήκουστα καὶ λογοποιήσας τὰ ἀπαράδεκτα κατατρέχεις ὡς οὐκ εὐσεβῶν*), но в итоге «не сможет никого убедить склониться к своим невиданным выдумкам, состряпанным против христиан» (*οὔτε γὰρ ἂν πείσαις οὐδένα τοῖς ἐπιβεβουλευμένοις σου καινολογήμασι προσθέσθαι, ἃ συνείρεις κατὰ χριστιανῶν*), а напротив, «будет поднят на смех и ославлен как безумец, будучи сопричислен к обвинителям христиан» (*μᾶλλον μὲν οὖν καὶ προσόφλοις γέλωτά τε καὶ ἄνοιαν τοῖς τῶν χριστιανοκατηγόρων κύκλοις συλλαμβανόμενος*) (van Dieten 1972: 69–70). Хониат прекрасно знал о существовании такого слова, но когда ему потребовалось рассказать о покушении на иконы, причем со стороны того же самого Иоанна Каматира (в 1203 г. патриарх одобрил изъятие церковных сокровищ для выплаты долга крестоносцам) (van Dieten 1970: 60–64), говорить об «обвинителе христиан», с его точки зрения, уже не было никакого смысла. Если читателю иконоборческой и ранней постиконоборческой эпохи не нужно было объяснять, почему тот, кто назван «обвинителем», не только и не столько обвиняет, сколько сбивает и сжигает иконы, то поздневизантийского читателя такое употребление уже могло поставить в тупик.

НАМЕРЕННАЯ ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ: МЕЖДУ СКРЫТОЙ УГРОЗОЙ И ЭРУДИРОВАННОЙ ИГРОЙ

И все же самые тонкие полемисты умели сделать так, чтобы их высказывание было понято и теми, кто помнит терминологическое употребление слова, и теми, кто интерпретирует его, раскладывая на составные части.

В одном случае, о котором мне уже доводилось писать подробно (Lukhovitskiy 2023: 102–131), к этой полемической игре прибег император Алексей I Комнин (1081–1181), чтобы намекнуть лидеру оппозиции митрополиту Халкидонскому Льву, что выдвинутые против него обвинения в проступках канонического свойства могут перерасти в обвинение в ереси. Практика изъятия церковной собственности для покрытия военных

расходов, которой император злоупотреблял в 80-е гг. XI в., всколыхнула интерес к истории иконоборчества. У оппозиции были все основания обвинять в нем императорскую власть, но она избегала делать это прямо, опасаясь усугубления конфликта, и предпочитала говорить намеками. Император успел нанести удар первым, заявив, что Лев Халкидонский «явно показывает себя обвинителем христиан» (χριστιανοκατήγορος ἄντικρος ἀναφαίνεται), поскольку «несправедливо нападет на благочестивых как на нечестивцев» (ὡς ἀσεβοῦντων ἀδίκως κατατρέχει τῶν εὐσεβῶν) (Sakéllion 1878: 124) (текст отсутствует в TLG). Таким образом, власть, сама решившаяся на иконоборческие меры, играла на упреждение и показывала, что парадоксальным образом готова обвинить в иконоборчестве своих противников, выступавших в защиту икон.

Второй пример относится к царствованию Андроника II Палеолога (1282–1328 гг.). В 1309 г. патриарх Афанасий I вторично отрекся от кафедры. Его недоброжелатели устроили провокацию, подложив под его подставку для ног иконы Христа и Богородицы, а также крест и портрет императора и его сына. Заговор был раскрыт, патриарх избежал святотатства, но все же решил удалиться на покой, а перед этим составил прощальную речь. Рассказывая о коварстве своих недругов, он утверждал, что они «не побрезговали даже тем, чтобы оклеветать (συκοφαντῆσαι) его святую непорочную веру» (то есть их план состоял в том, чтобы обвинить Афанасия в поругании икон), и поэтому он «предает анафеме во имя Бога Вседержителя всех еретиков и всякого не раскаявшегося обвинителя христиан (χριστιανοκατηγόρῳ παντί)» (Talbot 1975: 286–288). Несмотря на то, что речь идет об иконах, перед нами типичный случай буквального понимания слова: враги Афанасия названы «обвинителями христиан» не из-за посягательства на иконы, а потому что они обвиняют своего брата по вере (показательно использования глагола συκοφαντῆσαι). Один из биографов Афанасия, Иосиф Калофет, предпочел воспроизвести в Житии речь своего героя дословно (Tsamēs 1980: 500), тогда как другой, Феоктист Студит, дополнил ее новыми смыслами. Писатель-интеллектуал, привыкший наводнять свои тексты скрытыми отсылками к самым редким образчикам византийской риторики (Talbot 2010), связал невзначай произнесенное его героем слово с историческим контекстом и напомнил проницательному чита-

телю о его терминологическом значении. По его словам, собор епископов «обличил христианообвинителей-иконоборцев как мерзких клеветников (τοὺς χριστιανοκατήγόρους εἰκονομάχους ὡς μαροὺς συκοφάντας) (Papadopoulos-Kerameus 1905: 38). Разумеется, в отличие от иконоборцев VIII–IX в., заговорщики не видели ничего предосудительного в почитании икон и не планировали обвинить в нем Афанасия. Ровно наоборот, как и абсолютное большинство византийцев XIV в., они были приверженцами иконопочитания и намеревались обвинить Афанасия в иконоборчестве, но, сами того не желая, допустили поругание иконы, став, в глазах, Феоктиста Студита «обвинителями христиан» в квадрате — и в терминологическом, и в бытовом смысле слова.

ЗАМЫКАНИЕ КРУГА

На излете византийской эры будущий патриарх Геннадий II Схоларий отправил пелопоннесскому архонту Мануилу Раулу Исису послание, в котором поддержал жестокую расправу над неким «нечестивцем» Ювеналием, вероятно, одним из приверженцев неоплатонического учения Георгия Гемиста Плифона (Medvedev 1997: 44–54). Живописуя глубину духовного падения Ювеналия, Схоларий пишет (перевод И. П. Медведева): «Был он обжора, пьяница, насмешник, кутила, плясун, блудник. Сперва был христианином, затем стал иудеем, далее справлял религиозные оргии совместно с еретиками Мухаммеда, позднее исповедовал автоматизм и, наконец, стал обличителем христианства, причем именно последнее явилось ядром всей его порочности и венцом всех его злодеяний (εἶτα χριστιανοκατήγορος, τοῦτο δὲ τὸ τῆς πονηρίας ἐπισημότερον καὶ ἡ τῶν κακῶν αὐτοῦ κορωνίς)» (Jugie, Petit, Sideridès 1935: 482; Medvedev 2002: 271). Можно ли предположить, что «обвинение», которое, по словам Схолария, обращал к христианам несчастный Ювеналий, сводилось к отказу от иконопочитания? Это было бы почти невероятно, ведь его проступки перечислены по нарастающей, а иудейство и мусульманство уже и сами по себе предполагают отказ от икон. Можно ли предположить, что Ювеналий обвинял некую группу христиан, с которыми отождествлял себя Схоларий, в неправильном христианстве? Вряд ли, ведь своим иудейством и мусульманством (не важно, что они были, скорее всего, вымышленными) он уже поставил себя вне христианской веры. Получается, он мог обвинить христиан

только и исключительно в самом христианстве. Слово *χριστιανοκατήγορος* совершило полный оборот и вернулось к исходной точке — значению из «Пасхальной хроники».

Литература

- Afinogenov, D. 2008: The new edition of *The Letter of the Three Patriarchs*: problems and achievements. *Βυζαντινά σμμεικτα*, 16, 9–33.
- Alexakis, A. 1992: Some remarks on the colophon of the codex Parisinus Graecus 1115. *Revue d'histoire des textes* 22, 131–143.
- Auzépy, M. F. 1999: *L'hagiographie et l'iconoclasme byzantin: Le cas de la Vie d'Étienne le Jeune*. Aldershot; Brookfield: Ashgate. (Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs. Vol. 5).
- Bardy, G. 1952: *Eusèbe de Césarée. Histoire ecclésiastique*. Vol. 1. Paris: Éditions du Cerf. (Sources chrétiennes. Vol. 31).
- Bekker, I. 1836: *Michaelis Glycae Annales*. Bonn: Weber. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae).
- Beneshevich, V. N. 1907: *Drevneslavianskaia kormchaia XIV titulov bez tolkovaniia* [Old Slavonic Nomocanon of Fourteen Titles without Interpretation]. Vol. 1. N 3. Saint Petersburg: The Imperial Academy of Sciences.
- Бенешевич, В. Н. 1907: *Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкования*. Т. 1. Вып. 3. Санкт-Петербург: Типография Императорской АН.
- Chrēstou, P. K. 1962: [Gregorios Palamas, Defense of the Holy Hesychasts]. In: *Grēgoriou tou Palama Syggrammata* [The Writings of Gregorios Palamas]. Vol. 1. Thessaloniki, 313–694.
- Χρήστου, Π. Κ. 1962: Γρηγορίου Παλαμά Ὑπὲρ τῶν ἱερῶς ἡσυχάζόντων. In: *Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ συγγράμματα*. Τ. 4. Θεσσαλονίκη, 313–694.
- de Aldama, J. A., 1965: *Repertorium pseudochrysostomicum*. Aubervilliers: Institut de Recherche et d'Histoire des Textes. (Documents, études et répertoires de l'Institut de Recherche et d'Histoire des Textes. Vol. 10).
- Dekkers, E. 1954: Tertuliani Apologia. In: *Tertulliani opera*. Vol. 1: *Opera catholica, Adversus Marcionem*. Turnhout: Brepols, 77–171. (Corpus Christianorum Series Latina. Vol. 1).
- Dindorf, L. A. 1832: *Chronicon Paschale*. Bonn: Weber. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae).
- Giannouli, A. 2021: The synoptic account of the seven Ecumenical Councils: Revisiting Hoeschel's version. In: W. Brandes (ed.), *Fontes Minores XIII*. Berlin; Boston: De Gruyter, 25–82.
- Jugie, M., Petit, L., Sideridès, X. A. 1935: *Oeuvres complètes de Georges (Gennadios) Scholarios*. Vol. 4. Paris: Maison de la bonne presse.

- Kaldellis, A. 2007: A Byzantine argument for the equivalence of all religions: Michael Attaleiates on ancient and modern Romans. *International Journal of the Classical Tradition* 14.1–2, 1–22
- Kaldellis, A. 2014: *A New Herodotos: Laonikos Chalkokondyles on the Ottoman Empire, the Fall of Byzantium, and the Emergence of the West*. Washington DC: Dumbarton Oaks Research Library and Collection. (Supplements to the Dumbarton Oaks Medieval Library).
- Kaldellis, A. 2024: *The New Roman Empire: A History of Byzantium*. Oxford: Oxford University Press.
- Kotter, P. B. 1981: *Die Schriften des Johannes von Damaskos*. Bd. 4: *Liber de haeresibus. Opera polemica*. Berlin; New York: De Gruyter. (Patristische Texte und Studien. Bd. 22).
- Krausmüller, D. 2006: Patriarch Methodius, the author of the lost first life of Theodore of Stoudios. *Symbolae Osloenses* 81, 144–150.
- Krausmüller, D. 2013: The vitae B, C and A of Theodore the Stoudite: Their interrelation, dates, authors and significance for the history of the Stoudios monastery in the tenth century. *Analecta Bollandiana* 131.2, 280–298.
- Lamberz, E. 2023: Die Narratio des Johannes Synkellos zu den Anfängen des Ikonoklasmus in den griechischen und lateinischen Fassungen der Akten des Nicaenum II. In: I. Grimm-Stadelmann, A. Riehle, R. Tocci, M. M. Vučetić (eds.), *Anekdotia Byzantina: Studien zur byzantinischen Geschichte und Kultur: Festschrift für Albrecht Berger anlässlich seines 65. Geburtstags*. Berlin, Boston: De Gruyter, 377–390. (Byzantinisches Archiv. Bd. 41).
- Lukhovitskiy, L. 2013: [Εἰκονολάτραι — orthodox or heretics?]. *Indoevropeskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* 17, 546–558.
Луховицкий, Л. В. 2013: Εἰκονολάτραι — православные или еретики? *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 17, 546–558.
- Lukhovitskiy, L. 2016: Recollection, reevaluation, distortion: Symeon Metaphrastes' narrative techniques in retelling the history of Iconoclasm. *Byzantinische Zeitschrift* 109.2, 785–808.
- Lukhovitskiy, L. 2023: *Slova i obrazy: Ikonoborchestvo glazami vizantiitsev VIII–XV vv. [Words and Images: Iconoclasm as seen by the Byzantines in 8th–XVth Centuries]*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Луховицкий, Л. В. 2023: Слова и образы: Иконоборчество глазами византийцев VIII–XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Mantzarides, G. I. 1966: [Gregorios Palamas, On Divine Energies]. In: *Grēgoriou tou Palama Syggrammata [The Writings of Gregorios Palamas]*. Vol. 2. Thessaloniki, 69–277.
Μαντζαρίδης, Γ. Ι. 1966: Γρηγορίου Παλαμά Περί Θείων Ἐνεργειῶν. In: *Γρηγορίου τοῦ Παλαμά συγγράμματα*. Τ. 2. Θεσσαλονίκη, 69–277.
- Medvedev, I. P. 1997: *Vizantiiskii gumanizm, XIV–XV vv. [Byzantine Humanism, 14th–15th Centuries]*. Saint Petersburg: Aleteia.

- Медведев, И. П. 1997: *Византийский гуманизм, XIV–XV вв.* Санкт-Петербург: Алетея.
- Medvedev, I. P. 2002: [Gennadios Scholarios as an ideologist of “Byzantine inquisition”] *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Antiquity and Middle Ages] 33, 264–279.
- Медведев, И. П. 2002: Геннадий Схолярый как идеолог «византийской инквизиции». *Античная древность и средние века* 33, 264–279.
- Metzler, K., Savvidis, K. 1998: *Athanasius, Werke. Bd. 1.1: Die dogmatischen Schriften. Pt. 2: Orationes I et II contra Arianos.* Berlin; New York: De Gruyter.
- Meyer, P. 1894: *Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster.* Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung.
- Migne, J.-P. 1860: Vita Theodori Studitae a Michaele Monacho. In: *Patrologiae cursus completus. Series Graeca.* Vol. 99. Paris, 233–328.
- Migne, J.-P. 1864: Euthymii Monachi Liber invectivus. In: *Patrologiae cursus completus. Series Graeca.* Vol. 131. Paris, 48–57.
- Migne, J.-P. 1865: Joannis Vecci Refutatio libri Photii de processione Spiritus Sancti. In: *Patrologiae cursus completus. Series Graeca.* Vol. 141. Paris, 727–864.
- Moniou, D. I. 2010: *Oi omilies Neilou mētropolitou Rodou: Mia proseggisē stēn ysterē vyzantinē ekklēsiastikē rētorikē* [The Orations of Neilos, Metropolitan of Rhodes: An Approach to Late Byzantine Church Rhetoric]. Athens: Kyriakidē.
- Μονιού Δ. Ί. 2010: *Οί όμιλίες Νείλου μητροπολίτου Ρόδου: Μία προσέγγιση στην ύστερη βυζαντινή έκκλησιαστική ρητορική.* Αθήνα: Κυριακίδη. (Βυζαντινή γραμματεία. Τ. 7).
- Mullett, M. 2014: In search of the monastic author: story-telling, anonymity and innovation in the 12th century. In: A. Pizzone (ed.), *The Author in Middle Byzantine Literature: Modes, Functions, and Identities.* Berlin; München; Boston: De Gruyter, 171–198. (Byzantinisches Archiv. Bd. 28).
- Munitiz, J. A. 1974: Synoptic Greek accounts of the Seventh Council. *Revue des études byzantines* 32, 147–186.
- Opitz, H. G. 1935–1941: *Athanasius, Werke. Bd. 2.1: Die “Apologien”.* Berlin: De Gruyter.
- Papadopoulos-Kerameus, A. 1905: *Zhitiia dvukh vselenskikh patriarkhov XIV v. sv. Afanasiia i Isidora I* [The Lives of Two Ecumenical Patriarchs of the 14th Century, St. Athanasios and Isidoros I]. Saint Petersburg: Kirshbaum.
- Παπαδόπουλο-Κεραμεύς, Α. 1905: *Жития двух вселенских патриархов XIV в. св. Афанасия и Исидора I.* СПб.: Киршбаум.
- Rigo, A. 2021: *Gregorio Palamas, Tomo aghioritico: La storia, il testo e la dottrina.* Leuven; Paris; Bristol: Peeters. (Bibliothèque de Byzantion. Vol. 26; Orientalia Lovaniensia Analecta. Vol. 298).

- Sakellion 1878: Documents inédits tirés de la bibliothèque de Patmos. 1: Décret d'Alexis Comnène portant déposition de Léon, métropolitain de Chalcédoine. *Bulletin de correspondance hellénique* 2, 102–128.
- Schirò, G. 1954: *Barlaam Calabro, Epistole greche: I primordi episodici e dottrinari delle lotte esicaste*. Palermo: Istituto Siciliano di studi bizantini e neoellenici. (Testi e Monumenti. T. 1).
- Schwartz, E. 1927–1930: *Concilium universale ephesinum*. 8 vols. Berlin; Leipzig: De Gruyter. (Acta Conciliorum Oecumenicorum. T. 1. Vol. 1.1–8).
- Sietis, N. 2022: Contro lo sciocco Nilo e i folli iconoclasti: le lotte di un patriarca nei margini della sua biblioteca. *Scripta* 15, 123–155.
- Talbot, A.-M. 1975: The Correspondence of Athanasius I, Patriarch of Constantinople: Letters to the Emperor Andronicus II, Members of the Imperial Family, and Officials. Washington DC: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies. (Corpus fontium historiae byzantinae. Vol. 7. Dumbarton Oaks Texts. Vol. 3).
- Talbot, A.-M. 2010: Intertextuality in the works of Theoktistos the Stoudite. In: A. Rhoby, E. Schiffer (eds.), *Imitatio – Aemulatio – Variatio: Akten des internationalen wissenschaftlichen Symposions zur byzantinischen Sprache und Literatur (Wien, 22.–25. Oktober 2008)*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 253–260. (Veröffentlichungen zur Byzanzforschung. Bd. 21; Denkschriften der philosophisch-historischen Klasse. Bd. 402).
- Tsamēs, D. G. 1980: *Iosēph Kalothetou Syggrammata* [The Writings of Joseph Kalothetos]. Thessaloniki: Center for Byzantine Research. Τζάμης, Δ. Γ. 1980: *Ἰωσήφ Καλοθέτου Συγγράμματα*. Θεσσαλονίκη: Κέντρον Βυζαντινῶν Ἑρευνῶν (Θεσσαλονικεῖς Βυζαντινοὶ συγγραφεῖς. T. 1).
- van Dieten, J. L. 1970: *Zur Überlieferung und Veröffentlichung der Panoplia dogmatike des Niketas Choniates*. Amsterdam: Hakkert. (Zetemata Byzantina. Bd. 3).
- van Dieten, J. L. 1971: *Niketas Choniates: Erläuterungen zu den Reden und Briefen nebst einer Biographie*. Berlin; New York: De Gruyter. (Supplementa Byzantina. Bd. 2).
- van Dieten, J. L. 1972: *Nicetae Choniatae Orationes et epistulae*. Berlin; New York: De Gruyter. (Corpus fontium historiae byzantinae. Vol. 3).
- Van Hecke, J., Bossue, B., de Buck, V., Tinnebroek, A. 1870: *Acta Sanctorum Octobris*. T. 8. Parisiis; Romae: Victor Palmé.

А. И. Любжин

Центр академического образования АНО ВО «РУМТ»/
Московский физико-технический институт, Москва, Россия. vultur@mail.ru

**MAGIS RERUM SCRIPTOR
QUAM POETA ET IMITATOR HAUD IMITANDUS**
**Силий Италик в оценке французской критической
и литературно-теоретической мысли XVII–XVIII вв.***

В статье рассматривается оценка эпической поэмы Силия Италика «Пуническая война» интеллектуальными кругами Франции в XVII–XVIII вв. Одним из ключевых суждений является реплика Ю. Ц. Скалигера, который весьма строго осудил поэму Силия. Но почему это суждение одержало верх, в то время как противоположное суждение А. Мюре, также выдающегося и авторитетного латиниста, влияния не оказало? В статье описывается процесс падения авторитета Силия в течение XVII–XVIII веков. Этот процесс был постепенным и неоднозначным. В XVII в. была на основе воззрений Аристотеля создана теоретическая база, которая позволила квалифицировать Силия как историка, а не поэта. В XVIII в. была предпринята неудачная попытка спасти репутацию Силия, которая не принесла успеха. В статье высказывается предположение, что падение репутации Силия связано с падением уровня гуманистической культуры как таковой.

Ключевые слова: Силий Италик, эпическая поэма, теория эпоса, литературная репутация.

A. I. Lyubzhin

Russian University of Metatechnologies / Moscow Institute of Physics and
Technology, Moscow, Russia. vultur@mail.ru

Magis rerum scriptor quam poeta et imitator haud imitandus

The article examines the evaluation of Silas Italicus' epic poem *The Punic War* by the intellectual circles of France in the 17th — 18th centuries. One of the key judgments is the remark of J. C. Scaliger, who condemned Silius' poem very harshly. But why did this judgment prevail, while the opposite judgement of A. Muret, also a prominent and authoritative Latinist, had no influence? The paper describes the process of the decline of Silius' authority during the seventeenth and eighteenth

* Работа подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда «Пуника» Силия Италика: перевод, исторические реалии, рецепция» (проект № 24-18-00445), реализуемого в Московском физико-техническом институте (национальный исследовательский университет).

centuries. This process was gradual and ambiguous. In the seventeenth century a theoretical basis was established on the basis of Aristotle's views, which allowed qualifying Silius as a historian rather than a poet. In the eighteenth century an unsuccessful attempt was made to salvage the reputation of Silius, which was not successful. The article suggests that the decline of Silius' reputation is related to the decline of humanist culture as such.

Keywords: Silius Italicus, epic poem, theory of epic poem, literary reputation.

1. К постановке вопроса

Силий Италик ныне не относится ни к числу самых известных, ни к числу популярных среди исследователей латинских авторов. Это отмечает в самом начале предисловия к своей книге о римском поэте М. фон Альбрехт, взявший эпиграфом к вступительной части знаменитое критическое суждение Ю. Ц. Скалигера, о котором ниже. Он продолжает: «Соответственно его образ схематичен: достаточно раскрыть первую попавшуюся историю литературы, чтобы найти в ней все те же суждения, передаваемые веками из рук в руки, которые перенял как критический девятнадцатый век, так и двадцатый с его разборчивым вкусом» (Albrecht 1964: 9). М. фон Альбрехт не считает это схематизированное неприятие — восходящее к Плинию Младшему¹ и Юлию Цезарю Скалигеру² — обоснованным.

¹ «Писал стихи с бóльшим тщанием, нежели талантом» (Epist. III, 7, 5). Интересна оценка суждения Плиния в контексте его литературных отзывов у Мишеля Мартена. Приведем резюме (Martin 1991: 29): «В сумме немало причин помогают показать, что Плиний не испытывал теплой симпатии к Силию, ни как к человеку, ни как к автору. Разница поколений, разница в политической позиции, литературная нечуткость с одной стороны, а с другой — потворство своим риторическим способностям искажают суждение Плиния и накладывают на него отпечаток исторического момента; Силий, как представляется, становится жертвой литературной моды, которой поддавался Плиний».

² «Перед тем как мы перейдем к Стацию, разделаемся с Силием. Его я в общем считаю последним из хороших поэтов. Да он и не поэт — ни силы, ни ритма, ни дыхания. До того он далек от какой-либо приятности, что менее приятного нет никого. Он весь вязнет, трепещет, колеблется; там, где проявляет отвагу, падает» (Scaliger 1586: 841). М. фон Альбрехт пишет: «Со времен “Поэтики” Скалигера стало хорошим тоном не иметь высокого мнения о Силии». Впрочем, Иоганн Август Эрнести, трезво судивший о мнении Скалигера, сам обошелся с Силием не лучше (ibid. 10).

Кеннет Огильви Матье также полагает, что роковую роль для репутации Силия сыграло упомянутое суждение Плиния Младшего, которое «практически стало эпитафией Силию» (Matier 1988: 14)³. Его апологетическая статья с большим количеством ссылок на английских противников Силия спорит с этой плиниевской мыслью.

Автор данной работы наряду с коллегами считает такое положение несправедливым. Ее целью является, однако, не дополнительная аргументация апологии, а попытка осмысления — каким образом Силия стали воспринимать так, как воспринимают, или — формулируя иначе — как и почему именно эти суждения Плиния и Скалигера сумели определить отношение потомства к римскому поэту?

Эта задача в силу своего объема может быть решена в несколько этапов. В качестве предмета первого исследования мы выберем Францию XVII–XVIII веков: век Людовика XIV и поколение энциклопедистов оказали на наши суждения влияние, которое трудно переоценить. Тем не менее наше исследование неизбежно будет выходить и за указанные хронологические рамки, и за географические границы: для рассмотрения фона XVI в. нам неизбежно предстоит немного затронуть Италию.

II. Фон XVI века

Рассматривая читательскую судьбу Силия в XV — начале XVII вв., Жан Сear пишет: «Первое издание вышло в Риме в 1471 г.; в тот же год и в том же месте Помпоний Лет выпускает еще одно. Текст был напечатан каких-нибудь 25 раз до 1600 г., а с 1600 по 1616 г. — выходят друг за другом вслед еще десяток изданий, в Лейдене, в Антверпене, в Лионе, в Женеве, в Париже. Это не значит, что произведение Силия Италика вызывает живое восхищение. Обыкновенное суждение о нем хорошо сформулировано следующими словами Пьетро Кринито: “Он создал свой труд с бóльшим тщанием (как говорят), нежели талантом”» (Céard 1992: 630). Отметим интересный пассаж в «Придвор-

³ Он также считает, что на репутацию Силия отрицательное влияние оказали Юлий Цезарь Скалигер, «вероятно, по большей части ответственный за ненависть (*odium*), с которой часто сталкивается поэт», и Иоганн Август Эрнести (Matier 1981: 141).

ном» Б. Кастильоне: в светском диалоге Цицерону и Вергилию как представителям высшей точки развития латинского языка противопоставляются Тацит и Силий (Castiglione 1854: 52). Вряд ли такой диалог был бы возможен, не пользуясь Силий популярностью.

По свидетельству Пьетро Бальди дель Риччо (Pietro Crinito, Petrus Crinitus, † 1507 г.), книги Силия были распространены («in manibus nunc versantur»; цит. по: Dausque 1618: F. d v., где, в отличие от других приведенных им свидетельств, ссылки нет).

Впрочем, уже в начале XVI в. зафиксировано такое прозвище, как «обезьяна Вергилия». Самое раннее упоминание, которое нам удалось обнаружить, — 1504 г. Германн фон дем Буше (Hermann von dem Busche, Hermannus Buschius Pasiphilus) пишет о клеветниках, называющих Силия «обезьяной Вергилия», и утверждает, что из ныне живущих занимающихся этим искусством нет никого, кто не захотел бы называться такой обезьяной Вергилия (Silius 1504: F. A ii v.). Титул «обезьяны Вергилия», впрочем, использовался и для Стация, и еще раньше⁴. Джильо Грегорио Джиральди († 1552 г.) пишет о Силии: «Среди прочего он описал Вторую Пуническую войну в семнадцати книгах, которые ныне читаются повсюду» (Giraldi 1580: 177).

Такова ситуация в начале и середине столетия. А как она меняется ко второй его половине?

Мы располагаем некоторыми свидетельствами, говорящими о том, что Силий читался в обществе и пользовался популярностью. В примечаниях Жана де Кора к документу Тулузского парламента Силий фигурирует как «превосходный поэт» в каталоге лиц, совершивших самоубийство (Coras 1565: F. 53 v.). Это скромное свидетельство тем интереснее, что высокая оценка Силия предстает в данном случае как некоторое фоновое знание, делающее из Силия *exemplum*. Как «превосходнейший поэт» (*poeta praestantissimus*) Силий характеризуется в словаре Шарля Этьенна (Estienne 1579: s. v. Silius Italicus).

⁴ «Стаций... все время силится подражать “Энеиде” Вергилия... так что небезосновательно был прозван “обезьяной Вергилия”» (Benvenuto da Imola 1887: 17–18). См. также P. Fausti Andrelini Forolinensis Poetae Laureati atque Oratoris Clarissimi Epistolae Prouerbiales & morales longe lepidissimae nec minus sententiosae. Ex secunda recognitione. Viennae Pannoniae... Mense Martii. 1520: F. Bb iii.

Таким образом, Скалигер со своей резкой оценкой идет на первый взгляд против течения. И среди латинистов первого ранга Скалигеру обнаруживается противовес: Марк-Антуан Мюре называет его «поэтом ... превосходным»⁵ («poëtam, meo quidem iudicio, praestantem», Muretus 1871: 130). И у одного, и у другого оценка не формулируется в виде отдельного произведения или хотя бы отдельной главы. В любом случае у просвещенной публики были два равно авторитетных противоположных суждения, и выбор был за ней. Но есть и важное свидетельство Пьера Ронсара, который пишет: «Как же ты хочешь, латинист, чтобы тебя читали, когда едва читают Стация, Лукана, Сенеку, Силия и Клавдиана, которые остаются только немymi тенями в классной комнате, с которыми говорят только два или три раза в жизни, пусть они и великие мастера на своем родном языке» (Ronsard 1858: 35; первая — частичная — публикация «Франсиады» — 1572 г). По своему пафосу оно противоположно суждению Скалигера: французский поэт совершенно не унижает авторов серебряной латыни; он лишь констатирует тот факт, что они требуют от читателя большего усилия, чем тот готов приложить. Вергилий и Овидий в списке не фигурируют; по-видимому, и сил они требуют меньше, и в культурном отношении важнее, так что по умолчанию они остаются вечными спутниками. К тому, каким образом слова Ронсара «подсвечивают» Скалигера, мы обратимся в конце.

III. XVII век

Клод Доск пишет: «Так поэт подражает⁶ пчелке, которая связана неким родством с поэзией, — та смертельно любит труд и кормится и размножается на пастбище труда; так и

⁵ Франсуа Модийус (Franciscus Modius Brugensis), ученый из числа оказавших важные услуги Силию, писал М.-А. Мюре: «Есть, кто считает Силия Италика, писавшего о Второй Пунической войне, последним из хороших поэтов и даже не поэтом (очевидный намек на Скалигера — А. Л.), найти можно и других, которые делают его не следующим непосредственно за Вергилием, но прямо равным ему. Я хотел бы, чтобы ты, Мюре, со своей громадной ученостью и основательностью суждения, разрешил эту тяжбу. Несомненно, обе стороны имеют что сказать в свою пользу и могут сослаться на авторитет людей, великих в словесности» (Modius 1584: 327).

⁶ В тексте *inuitatus*. Полагаю, опечатка, и читать следует *imitatus*.

Силий никогда не ослабляет деятельности, состязается с самими вещами, чтобы выразить их родным и подобающим словесным убором, состязается с прежними поэтами, состязается сам с собой. Великий предмет требует уст, которые будут звучать звонко; он обрел в лице Силия Италика уста воистину звонкие, воистину златые; и читатель разделит это мнение, если не отвергнет истину, будучи предубежден противным суждением» (Dausque 1618: F. c ii v.).⁷

Пьер де Сен-Ромюаль в своем общеисторическом обзоре характеризует Силия в традиционном ключе: «крупный латинский поэт» (Saint-Romuald 1642: F. Gg iii v.).

Иезуит Филипп де Бриэ в краткой справке о Силии пишет: «Он также нудно тщился подражать ему, почему и был назван обезьяной Вергилия (*Virgilij simia*)» (Briet 1664: 37)⁸. Переводчик Вергилия Жан-Реньо Сегре приводит это прозвище с тоном несогласия: «И если Силий — обезьяна Вергилия, как утверждают члены противной партии, также можно видеть, что он не говорит *Ordior arma* просто чтобы сказать: я воспеваю войну» (Segrais 1681: 2).

Влиятельный теоретик эпоса Рене ле Боссю счел, что Силий Италик — историк, а не поэт, и что одно это обстоятельство делает его эпос «неправильным»: «Начать с того, чтобы искать героя в истории и предпринять повествование о деянии, которое тот совершит, — значит отдалиться от наставлений Аристотеля и от гомеровской практики, испортить природу эпической басни... как это видно у Силия Италика, Лукана, Стация и у авторов приключений Геракла и Тезея, о которых говорит Аристотель. Они не создали общего, универсального и

⁷ Он приводит в подборке суждений о Силии адресованное ему письмо латиноязычного поэта из габсбургских Нидерландов Яна Лернута (Jan Leernout, лат. Janus Lernutius, † 1619 г.): «Я рад видеть Силия, исправленного твоими примечаниями, если он вышел из печати. Я получаю исключительное удовольствие от этого поэта-консуляра, из-за чистоты его латинской речи, которой восхищаюсь и которую люблю не в пример прочим его современникам, Лукану, Стацию, Марциалу, Персию и Юнию Аквинату, которым чужеземщина испортила стиль» (F. ð ij).

⁸ Еще более резко — «Обычно его называют обезьяной Вергилия, и на самом деле он отличается от того настолько, насколько животное непохоже на человека» (Briet 1663: 101).

безымянного плана, но сделали все в единичности. Как ведь возможно было писать подобно Силию, не имея в уме частного действия и имени Ганнибала»?⁹ Впрочем, Силий для Боссю — фигура не самая важная; в качестве привилегированного мальчика для битвы он выбрал Стация. Боссю мог повлиять на Буало, который высоко ценил его трактат (Boileau 1873: 317), и во всяком случае повлиял на Эндрю Майкла Рэмси, автора предисловия к фенелоновым «Приключениям Телемака», перепечатываемого в бесчисленных переизданиях знаменитого романа (об этом ниже).

Для автора великолепной энциклопедии репутаций Адриана Байе это историк, который захотел сыграть роль поэта (Baillet 1686: 388). Его тон на редкость (и вопреки жанру) недоброжелателен. Он считает, что высокая оценка Альфонсо Гарсиаса Матамороса († 1572) вызвана тем, что это его земляк: тогда бытовала (ныне не употребительная) версия об испанском происхождении Силия. Не обходится дело без ссылок на прозвище «обезьяна Вергилия» (389). «Но хотя Силий Италик — весьма дурной (*fort méchant*) поэт, не менее того он продолжает оставаться хорошим автором по чувству некоторых критиков, чьи свидетельства можно увидеть у г. Ганкия в сборнике о римской истории»¹⁰ (391).

«В остальном не следует воображать, что в число писателей, заслуживших одобрение всех веков, я хотел бы здесь включить и авторов, и на самом деле относящихся к древним,

⁹ Bossu 1675: 95; см. также 105 (нет разницы, идет ли речь о действительных событиях или о мифе, как у Стация), 15–16, 29. О влиятельности трактата свидетельствует то, что он переиздавался и был переведен на английский язык (Monsieur Bossu's treatise of the epick poem: containing many curious reflexions, very useful and necessary for the right understanding and judging of the excellencies of Homer and Virgil done into English from the French, with a new original preface upon the same subject, by W.J.; to which are added, An essay upon satyr, by Monsieur D'Acier; and A treatise upon pastorals, by Monsieur Fontanelle London: Printed for Tho. Bennet, 1695. Книга была переиздана: The second edition: with a discourse ... and some memoirs concerning the life of the author, not in the former edition. In two volumes. London: printed for J. Knapton, and H. Clements, 1719).

¹⁰ Со ссылкой: Martin[us] Hanckius De Scriptorib[us] Rerum Romanar[um] duab[us] part[ibus]. [Martini Hanckii De Romanarum Rerum scriptoribus liber. Lipsiae: Ch. Michaelis, 1669].

но получивших лишь посредственную оценку, таких, как Ликофрон, Нонн, Силий Италик, автор трагедий, приписываемых Сенеке, и многих других, с которыми не только можно сравнить, но и которым, на мой взгляд, с полным основанием можно предпочесть многих современных писателей» (Boileau 1873: 364). Независимо от того, насколько теоретические соображения Боссю повлияли на Буало, защитник древних руководствовался, вынося это суждение, и собственными стилистическими и — шире — эстетическими предпочтениями, по-видимому, аналогичными тем, которые сделали его гонителем Жана Шаплена; это отголосок войны классицизма против барокко. Но, как представляется, его ход мысли еще сложнее: из эпиков серебряной латыни отвержения заслуживает только Силий. У нас нет объяснения этому факту. При этом позиция по отношению к Силию представляется нам закономерной, а нуждающимся в объяснении — молчание по поводу Лукана и Стация.

Таким образом, мы видим, что оценка Скалигера победила не сразу: более благоприятные для Силия суждения издателей и критиков не единичны. Но самые влиятельные интеллектуалы в области словесности высказываются против него — и исходят при этом из иных оснований, нежели Скалигер. Под отвержение Силия подводится теоретическая база.

IV. XVIII век

Два важных для издательской и читательской судьбы Силия Италика события произошли в 1717 г.: во-первых, вышло важное и не утерявшее до сих пор значения издание Дракенборха¹¹. Высоко его оценивая, рецензент *Bibliothèque ancienne et moderne* пишет: «Публика будет желать увидеть какого-нибудь другого автора, получше Силия, объясненного примечаниями, как он их пишет» (Le Clerc 1718: 90). Но рецензия *Journal des sçavans* благоприятна и к издателю, и к поэту: «Впрочем, если он был ниже своего оригинала, для него весьма славно иметь возможность притязать на второе или третье место... С другой стороны, в его поэме, хотя она украшена искусными вымыс-

¹¹ Caji Silii Italici Punicorum libri septemdecim, cum excerptis Ex Francisci Modii Novantiquis Lectionibus, Et Casp. Barthii Adversariis, tum Danielis Heinsii, nunc primum editis, curante Arnoldo Drakenborch, Cujus etiam annotationes passim editae sunt. Trajecti ad Rhenum: Guil. Vande Water, 1717.

лами и иными поэтическими уборами, сохраняется историческая истина, что делает его полезным для прояснения многих событий этой войны... точность делает его в этом отношении... выше почти всех поэтов» (Journal 1717: 560–561).

Во-вторых, вышло каноническое издание «Приключений Телемака» с предисловием Рэмси. Там он повторяет мысли Боссю: «Действие эпоса должно быть единым. Эпическая поэма — не история, как “Фарсалия” Лукана и “Пуническая война” Силия Италика, ни полное жизнеописание героя, как “Ахиллеида” Стация: единство героя не создает единства действия. Человеческая жизнь полна неравенств. Он непрестанно меняет намерения, или по непостоянству страстей, или по непредвиденным случайностям в своей жизни. Кто хотел бы описать всего человека, создал бы лишь странную картину, контраст противоположных страстей без связи и без порядка. Потому эпос — не похвала Герою, которого выставляют за образец, но рассказ о действии великом и знатном, которое предлагают как пример» (Ramsay 1730: XI). Это беглое упоминание имело, однако же, одну особенность: роман Фенелона с предисловием Рэмси переиздавался многократно, и, полагаем, именно эта оценка попадалась на глаза массовому читателю чаще всего.

Перейдем к прогрессивным философам. Вольтер в эссе об эпических поэмах не посвящает отдельной главы Силию, но высказывает резкую оценку, основанную на теоретических соображениях Боссю, при этом находя оправдание для Лукана «Их (Гомера и Вергилия) слабые и чудовищные подражатели, Стаций и Силий Италик. Но мы не будем путать с ними Лукана, который встал на совершенно новый путь и чей свободный гений не позаимствовал у Гомера и Вергилия ни красот, ни недостатков» (Voltaire 1728: 43–44).

В пространной статье об эпической поэзии в «Энциклопедии» Дидро и д’Аламбера, написанной Луи де Жокуром и подписанной D. J., дается резкая характеристика Силия: «еще более слабый (чем Стаций — А. Л.) подражатель “Илиады” и “Энеиды”» (Jaucourt 1780–1: 333). Но за его же подписью в следующей статье содержится куда более лестная характеристика: «У исторических поэм есть действие, страсти и действующие лица, точно так же как у поэм, опирающихся на вымысел. Они обладают правом живо отмечать черты и делать их смелы-

ми и яркими... Тит Ливий, повествуя о Пунической войне, показал события в рассказе, а политические причины — в речах, которые он влагает в уста действующим лицам; Силий Италик, который является поэтом, рассказывает о том же, что и Тит Ливий, но он везде — живописец; он всегда старается показать сами предметы, в то время как историк зачастую довольствуется тем, что говорит о них и указывает на них» (Jaucourt 1780–2: 340–341). Возможно, неустойчивость позиции автора отражает неустойчивость самой репутации Силия, как она сложилась к тому времени.

В XXVII книге «Древней истории» («Des belles lettres») такой видный интеллектуал, как Шарль Роллен, дает характеристику Силия, умеренную, но с точки зрения творчества безоговорочно отрицательную: «Он не родился поэтом, и учеба не смогла полностью восполнить то, чего ему не хватало от природы. Кроме того, он начал писать стихи только после того, как долгое время занимался адвокатской практикой и был консулом, то есть в очень преклонном и слабеющем возрасте. Какие бы похвалы ни воздавал ему Марциал, он не пользуется большим уважением как поэт, но считают, что он превосходит всех поэтов своего времени чистотой языка» (далее подчеркивается ценность Силия как источника). (Rollin 1837: 435). Эта оценка относится к 30-м годам XVIII в.

Луи-Мэйоль Шодон, один из авторов адресованных широкой публике пособий, дает амбивалентные, но скорее отрицательные характеристики: «Холодность Силия Италика искупается интересными подробностями. Его поэма — картина, лишенная остроты и блестящего колорита, но в ней можно найти живописные места и происшествия» (Chaudon 1773: 83); в биографическом словаре можно прочесть следующее: «Силий известен своей латинской поэмой о Второй Пунической войне. Это произведение напоминает газету слабостью стихосложения и точностью и упорядоченностью в изложении фактов. Его главная заслуга в том, что он писал достаточно чисто и то тут, то там разбросал интересные детали. Его называют обезьяной Вергилия, но это довольно плохая обезьяна. Он постоянно напоминает образец выражениями и оборотами, которые заимствует у него, и почти никогда — талантом и гением» (Chaudon 1783: 105). В предшествующей версии, имеющей

слегка иное заглавие, статья намного короче и реплики об обзьяне нет (Chaudon 1766: 242).

Во второй половине столетия Лефевр (Lefevre 1781a) предпринимает героическую попытку спасти репутацию Силия. Он готовит его издание и перевод и пишет в предисловии так: «Один писатель, которого читают с удовольствием, говорил примерно пять лет тому назад: “Начинают расставаться с предвзвешенным, который был на предмет Силия Италика, и вероятно, что в дальнейшем этого поэта будут читать”» (v). Далее он ссылается на Шарля Лебо Старшего, который придавал Силию большое значение и много раз, как и он, оставлял его из-за испорченного текста. Не обходит он вниманием и Ю.-Ц. Скалигера: «человек резкий и желавший в свое время господствовать в литературе со своим деспотичным тоном, который всегда бесчестит достоинство, поставил Силию в вину все ошибки в латинском языке, сделанные переписчиками, и обрушился на него с бранью. Репутация Скалигера одержала верх, и его суждение долгое время оставалось безапелляционным. Так обычно следуют предвзвешенности, только повторяя услышанное. Вот почему в республике писем репутация долго остается неопределенной и упрочивается с трудом. Но время всему воздает свою цену...» (vii–viii)¹². Обстоятельства для Силия (в отличие от Вергилия) были неблагоприятны.

«Характер поэмы Силия заключается в ориентации на историю как на основу. В этом отношении Силий должен был вернуть поэзию к первоисточкам. Но он пишет не летописи. Факты, которые он собирает, чтобы нарисовать самую прекрасную картину древнего Рима, какая только нам осталась, облечены во все поэтические красоты. Интервалы между ними заполнены эпизодами, которые он с величайшим искусством связывает с действием. В этом отношении он даже намного

¹² В дальнейшем еще более враждебно: «Только резкий Скалигер мог произнести такое (что Силий не знал латыни — А. Л.) в припадках безумия, которое заставило его наговорить столько оскорблений в адрес Эразма и Кардана, бесконечно превосходивших его» (xxiii). Впрочем, неприязнь Лефевра вызывают не только его критики, но и соперники: «Не будут отрицать, что Силий избрал предмет бесконечно более интересный, чем у “Энеиды”, где речь идет всего лишь о беглеце, который похищает девушку во главе банды разбойников, водимых судьбами» (xlv). Вряд ли бы сам Силий одобрил такую апологию...

превосходит Вергилия, и если читать его внимательно, то невозможно отрицать, что он демонстрирует превосходные способности в этом отношении. Он меньше прибегает к вымыслу, чем Гомер и Вергилий, да и не должен этого делать, после своего начала. У него были факты, от которых он не мог отклониться в своем плане, потому что именно эти факты он намеревался изобразить. Так вот, я спрашиваю, не меньше ли заслуг у художника в том, чтобы идеально изобразить живую фигуру, чем в том, чтобы выполнить ее, законченную как ему угодно, в соответствии с воображением» (xliv–xlv). В изображении битвы со змеем Силий превосходит Овидия и Стация; «Может быть, сегодня у него найдут картины, которые сочтут утрированными. Да, без сомнения, великие идеи, столь родственные древним поэтам, должны показаться таковыми узким умам, скованным холодной монотонностью наших философов, которые хотят все мерить компасом» (lvi). «Если стих Силия в общем не имеет поступи вергилиева стиха, поэт щедро вознаградил за то читателя величиим и разнообразием картин. В этом отношении он ничуть не уступает Вергилию и почти всегда равен Гомеру». «Он сумел убечься от скачков и нелепостей Лукана». «На самом деле время от времени чувствуешь, как он сам себя стесняет, чтобы уберегаться от дурного вкуса своих современников, придерживаясь способа выражения Вергилия или Цицерона» (lviii). Силий подражал скорее Гомеру, чем Вергилию, и ему напрасно ставят в вину чрезмерное пристрастие к последнему; важно, хорошо ли воспользовался заимствующий заимствованным (lx).

В письме к Ж.-Б. д'Ансс де Виллуазону, предваряющему латинское издание, он ссылается на его просьбу довести дело с Силием, «желанным тебе и весьма многим», до конца. Мысль о неисправности текста как причине дурной славы сформулирована и здесь.

Лефевр не сумел убедить читателей в своей правоте. В рецензии *Mercure de France*, лестной для издателя («работа этого издателя заслуживает величайшего уважения»), поэту дана весьма нелестная характеристика: «Он, как говорили, — обезьяна Вергилия, но он всего лишь его обезьяна; он подражает только его формам, напоминает его в каждый миг выражениями и оборотами, но редко — талантом и гением» (Gaillard 1782: 165; 156). «Овидий в “Метаморфозах” подражает подроб-

ностям Вергилия, как Вергилий подражал гомеровым; но у Вергилия и Овидия, среди подражания, сохраняется собственная манера, а у Силия своей манеры нет, он — Вергилий, или он — ничто» (157). Но теоретические соображения Боссю не являются для него ориентиром: «Потому педанты не упускают возможности цитировать о. Боссю, который утверждает, по Аристотелю, что басня — основа эпоса. Мы же полагаем, что нет главного в эпосе, кроме рассказа, и что басня чаще вредит интересу, нежели ему служит; и это по крайней мере очень чувствуется в “Генриаде”» (160–161). Этот текст в переработанном виде воспроизводится в статье «Силий Италик» в методической энциклопедии Панкука¹³ (Gaillard 1791)¹⁴. Жан-Мари Бернар Клеман посвятил поэту и его издателю пространное эссе, в котором утверждает: «Двое или трое ученых и, может быть, столько же литераторов, отличающихся своеобразным вкусом, пожелали восстановить память о поэте Силии Италике; они утверждают, что общий предрассудок до сих пор препятствовал тому, чтобы историческая поэма о *Второй Пунической войне* нашла читателей, и что это произведение, следовательно, должно обладать такой же репутацией, как *Энеида*. Это одна из причудливых идей, которые время от времени расцветают в словесности и почти тотчас же исчезают... Скука одна лишила Силия кредита» (Clément 1785: 1–2). Чудесное не спасает: оно неприемлемо в истории, где нужна правда, и украшает труд воображения, но, поскольку Силий ничего не выдумал и не изобрел, он должен был бы воздержаться от чудесного, контрастирующего с изображаемыми им правдивыми событиями. Вся его заслуга в том, что он переложил стихами то, что уже существовало в прозе (24–25). Мотив его труда — во Франции эпоха похожа на ту, которая была в Риме при Силии, и может подсказать современным литераторам столь же дурной путь (25–26). Он резко полемизирует с неназванным «журналистом» (автором рецензии в «Меркурии») и нападает на его тезис о

¹³ Сам Шарль-Жозеф Панкук использует выражение «обезьяна Вергилия» в книге (Panckoucke 1743: 281).

¹⁴ Следующая переработка: *Mélanges académiques, poétiques, littéraires, philologiques, critiques et historiques*; Par M. Gaillard, de la classe d’histoire et de littérature ancienne de l’Institut. T. II. Paris: H. Agasse, 1806. 134–146.

басне, с теоретической точки зрения возвращаясь к Боссю. В самом подражании (как в подражании Вергилия Гомеру) нет ничего зазорного; но Силий как подражатель — «робкий и словоохотливый школьник» (59). Впрочем, когда он подражает Гомеру, а не Вергилию, он бывает и не столь несчастлив (72–73). Силий пренебрегает страстями и драматизмом, хотя есть и удачные места (78). Силий не распознал своего подлинного таланта — «выражать простые и приятные чувства» (86).

Отметим и такую позднюю оценку, скорее положительную: переводчик Вергилия Пьер-Франсуа Гио Дефонтен несколько видоизменяет прозвище: Силий у него — «искусная обезьяна Вергилия», «*le singe ingénieux de Virgile*» (Virgile 1796: 229).

Завершим наш обзор весьма резкими словами видного литературного критика конца столетия Жана-Франсуа Лагарпа: «Силий Италик... подражал Вергилию, как Дюше и Лафосс подражали Расину. Нам осталась от него поэма не эпическая, в семнадцати книгах... Он тщательно соблюдает последовательность событий в их подробностях от осады Сагунта вплоть до поражения Ганнибала и покорения Карфагена. С другой стороны, там вовсе нет изобретения и фабулы, разве только он несколько раз дает бессмысленно вмешаться Юноне с ее застарелой ненавистью к потомкам Энея и древней любовью к Карфагену. Но, поскольку это не производит ничего, кроме нескольких бесполезных речей, присутствие Юноны не препятствует тому, чтобы произведение было газетой в стихах. Слог считается довольно чистым, но он слаб и обычно не выше посредственности. Любители обнаружили лишь небольшое число достойных памяти стихов, да к тому же лучшие позаимствованы из прозы Тита Ливия. Силий владел одним из сельских домов Цицерона и еще одним возле Неаполя, где была могила Вергилия; это было проще, чем походить на того или другого». Впрочем, для него Стаций еще более скучен и его тяжелее читать, но жила у него сильнее (La Harpe 1825: 220–221).

Итак, мы сталкиваемся с усугубляющейся ситуацией для славы Силия. Как и в прошлом столетии, самые влиятельные интеллектуалы эпохи высказываются против него — или хотя бы, как Роллен, не в пользу его поэтического таланта. Есть отдельные голоса в его пользу; но героическая попытка Лефевра де Виллебрюна восстановить его репутацию не имеет успеха. Возможно — для таких заключений данные могут почерпаться

только в сравнении, а таким материалом мы не располагаем и потому ограничимся предположением, — падение репутации Силия заключалось не столько в том, что о нем стали думать хуже, а в том, что о нем стали думать меньше — и соответственно еще меньше читать.

V. Заключение

Итак, мы видим, что атака на репутацию Силия, которой, казалось бы, мало что угрожало в начале XVI в., шла тремя волнами; во второй половине XVI в. нападающим был Скалигер, в XVII столетии — Боссю и Буало, в XVIII в. — энциклопедисты и прежде всего Вольтер, а также — не замечая этого — ученик Фенелона Рэмси. Теоретическая база для отвержения поэзии Силия была разработана на втором этапе; это сделал, прежде всего, Боссю; применить критерии Буало к Силию возможно, но автору этих строк такие попытки неизвестны. И, наконец, XVIII век довольствуется теоретическими достижениями Боссю, практически не пытаясь продвинуться в этом направлении далее.

Размышляя над механизмом падения репутации выдающегося русского эпика М. М. Хераскова, автор этих строк пришел в свое время к выводу, что влиятельным для общества может быть только тот, кто говорит вещи, которые общество готово и желает услышать; лидер общественного мнения может идти только на полшага впереди (Любжин 2023: 320 слл.). Можно ли рассмотреть историю репутации Силия с этой точки зрения?

Суждение Скалигера оказывается весьма своевременным, о чем говорит нам Ронсар. Возможно, произнеси столь же авторитетное лицо эти слова на полстолетия раньше, они не были бы услышаны. Французская гуманистическая культура была более поверхностна, нежели итальянская, и — как он признается — во второй половине века читать сложную поэзию публике стало затруднительно. И публика нуждалась в оправдании. Из всех эпосов серебряной латыни Силийев был самым длинным — и потому повод для отказа от знакомства с ним был нужен более настоятельно. Разумеется, Скалигер не имел в виду ничего подобного; но его суждение пришлось ко двору, как мы полагаем, именно по этой причине.

XVII в. вряд ли уступал предшественнику по этому параметру (хотя уже тот факт, что трактат Скалигера написан на латыни, а сочинения Боссю и Буало — на французском, свиде-

тельствует о культурных переменах); но к следующему столетию процесс становится очевидным. Гуманистическая культура лидера эпохи — Вольтера — весьма поверхностна¹⁵. Эта поверхностность — свойство большинства как ведущих, так и ведомых — и сделала невозможным восстановление поэтической репутации Сиция.

Литература

- Albrecht, M. von. 1964: *Silius Italicus. Freiheit und Gebundenheit römischer Epik*. Amsterdam: Verlag P. Schippers.
- Arrest memorable du parlement de Tolose, contenant une histoire prodigieuse de nostre temps, avec cent belles & doctes annotations, de Monsieur maistre Iean de Coras, Conseiller en ladicte Cour, & Rapporteur du proces...* A Paris: 1565.
- Baillet, A. 1686: *Jugemens des Savans sur les principaux ouvrages des Auteurs*. T. IV, contenant les poètes. Seconde partie. Paris: A. Dezallier.
- Benevenuti de Rambaldis de Imola, 1887: *Comentum super Dantis Aldigherij Comediam Nunc primum integre in lucem editum...* T. IV. Florentiæ: Typis G. Barbèra.
- Boileau Despréaux, N. 1873: *Réflexions critiques sur quelques passages du rhéteur Longin. Œuvres complètes de Boileau, Accompagnées de notes historiques et littéraires et précédées d'une étude sur sa vie et ses ouvrages*. Par A. Ch. Gidel. T. III. Paris: 295–432.
- Briet, Philippe de. 1663: *Annales Mundi, seu Chronicon Vinuersale*. T. II. A Christo Nato ad annum eiusdem 1663. exeuntem. Autore Philippo Brietio Abbauillaeo, S. I. Sacerdote. Parisiis: Apud F. Muguet...
- Briet, Philippe de. 1664: *Acute dicta omnium veterum poetarum latinorum*. Opus editum ad usum Serenissimi Ducis Guisii. Cui præfixum Philippi Brietii Abbavillæi, Soc. Iesu Sacerdotis, de omnibus iisdem Poetis Syntagma. Rarisiis: Apud F. Muquet...

¹⁵ Голландский путешественник Йохан Меерман осмотрел в Петербурге библиотеку Вольтера; он характеризует ее так: «На деле она приносит мало чести прежнему обладателю. Нет в ней почти ни одного классического автора в оригинале, и едва ли не во всей библиотеке — ни одного порядочного издания, даже и собственных произведений Вольтера; свыше обычного — много переводов, несколько английских сочинений, ни одного немецкого; но всяческих безделиц число невыразимое» (Meerman 1805: 229). Там же он оценивает библиотеку другого властителя дум — Дидро — как «весьма малозначительную и купленную весьма дорого».

- Castiglione, B. 1854: *Il Cortegiano del Conte Baldessar Castiglione. Publicato per cura del Conte Carlo Baudi di Vesme, Senatore del Regno di Sardegna*. Firenze: Felice Le Monnier.
- Céard, J. 1992: Le jeune homme à la croisée des chemins: D'Aubigné et Silius Italicus. *Revue d'Histoire littéraire de la France*, 92e Année, No. 4 (Jul. — Aug.), 630–644.
- [Chaudon L. M. Grosley P.-J., Moysant F.] 1783: Silius Italicus. *Nouveau Dictionnaire historique; ou Histoire abrégée de tous les Hommes qui se sont fait un nom par des talents, des vertus, des forfaits, des erreurs, etc.* ... Par une Société de Gens-de-Lettres. Cinquième éd., revue, corrigée, & augmentée de deux volumes. T. VIII. Caen: G. Le Roy, 1783, 104–105.
- [Chaudon L. M.] 1766: *Nouveau Dictionnaire Historique-Portatif, Ou Histoire Abregée de tous les Hommes qui se sont fait un Nom par des Talens, des Vertus, des Forfaits, des Erreurs...* Par une Société de Gens-de-Lettres. T. IV. Amsterdam: M.-M. Rey.
- [Chaudon L.-M.] 1773: *Bibliothèque d'un homme de goût, ou, Avis sur le choix des meilleurs Livres écrits en notre Langue sur tous les genres de Sciences & de Littérature; Avec Les Jugemens que les Critiques les plus impartiaux ont porté sur les bons Ouvrages qui ont paru depuis le renouvellement des Lettres jusqu'en 1773*. Par L.M.D.V. Bibliothécaire de Mgr. le Duc de **. T. I. Amsterdam: Aux dépens de la Compagnie des Libraires.
- Clément, J.-M. B. de. 1785: Sur la Seconde Guerre Punique, Poème de Silius Italicus. *Essais de critique sur la littérature ancienne et moderne*, Par M. Clément. T. I. Amsterdam, Paris: Moutard, 1–90.
- Dausque, Cl. In C. Silii Italici viri consularis Punica, seu De bello Punico secundo libros XVII. Cl. Dausqueius Sanctomarius canon. Tornac. Parisiis: D. Douceur, 1618.
- Estienne, Ch. de. 1579: *Dictionarium historicum, ac poeticum omnia gentium, hominum, deorum, regionum, locorum, fluiorum ac montium antiqua recentioraque, ad sacras & profanas historias, poetarumque fabulas intelligendas necessaria, vocabula, optimo ordine complectens...* Ed. omnium postrema. Lugduni: Apud Herculem Gallum.
- Gaillard, G.-H. C. Silii Italici, de bello Punico secundo, Poema ad fidem veterum monumentorum castigatum, fragmento auctum. Operis integri editio princeps, curante Joan (sic! A. J.) Bapt. le Febvre de Villebrune. *Mercure de France Dédié au Roi, Par une Société de Gens de Lettres, Contenant Le Journal Politique des principaux événemens de toutes les Cours; les Pièces fugitives nouvelles en vers & en prose; l'Annonce & l'Analyse des Ouvrages nouveaux...* Samedi 2 Février 1782. Paris: Panckoucke, 154–165.

- Gaillard, G.-H. 1791: Silius Italicus. *Encyclopédie méthodique, ou par ordre de matières; Par une Société de Gens de Lettres...* Histoire, T. V. Paris: Chez Panckoucke..., 79–81.
- Giraldi, L. G. 1580: De historia poetarum tam Græcorum quam Latinorum dialogi decem. *Lilii Greg. Gyraldi Ferrariensis Operum quae extant omnium Tomus Secundus*. Basileae: Th. Guarinus, 1–376.
- Iulii Caesaris Scaligeri Viri Clarissimi, Poetices libri septem. Ed. tertia. [Genavae]: P. Santandreas, 1586.
- Jaucourt, L. de. 1780: Poème épique. *L'Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. Par une Société de Gens de Lettres. Mis en ordre & publié par M. Diderot, & quant à la Partie Mathématique, par M. d'Alembert. T. XXVI. Berne, Lausanne, 324–340.
- Jaucourt, L. de. Poème historique // *L'Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. Par une Société de Gens de Lettres. Mis en ordre & publié par M. Diderot, & quant à la Partie Mathématique, par M. d'Alembert. T. XXVI. Berne, Lausanne: 1780, 340–341.
- Journal des sçavans 1717: Caii Silius Italicus Punicorum Libri septemdecim. cum excerptis ex Francisci Modii Novantiquis Lectionibus, & Caspari Barthii Adversariis, tum Danielis Heinsii Crepundiis Silianis, & postumis Notis Nicolai Heinsii, nunc primum editis, curante Arnoldo Drakenborch, cujus etiam Adnotationes passim additæ sunt. Trajecti ad Rhenum. Apud Guillelmum Vande-Water... 1717... *Journal des sçavans*, Pour le Mois de Mai, 1717. T. LXI. Amsterdam, 550–561.
- La Harpe, J.-F. 1825: *Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne*, par J.-F. La Harpe T. 1. Anciens. Poésie. Paris: Chez Depelafol, Libraire...
- Le Bossu, R. 1675: *Traité du poème épique. Par le R. P. Le Bossu, Chanoine Régulier de Sainte Geneviève*. Paris: Michel le Petit.
- Le Clerc, J. C. 1718: Silius Italicus Punicorum Libri XVII. cum excerptis ex Francisci Modii Novantiquis Lectionibus & Caspari Barthii Adversariis, tum Dan. Heinsii Crepundiis Silianis & postumis Notis Nicol. Heinsii, nunc primum editis. Curante Arnoldo Drakenborch, cujus etiam Adnotationes passim additæ sunt. A Utrecht chez van de Water, M DCC XVII. in 4 pag. 940. *Bibliothèque ancienne et moderne: pour servir de suite aux Bibliothèques Universelle et Choisie*. Par Jean Le Clerc. T. IX. Pour l'année MDCCXVIII. P. I. A Amsterdam: David Mortier, 68–92.
- Lefebvre de Villebrune, J.-B. 1781: Epistola Lefebvre de Villebrune, J. B. d'Ansse de Villosion. *C. Silius Italicus de bello Punico secundo, Poëma Ad castigatum, fragmento auctum. Operis integri* Ed. princeps. Curante Joan. Bapt. Lefebvre de Villebrune. Parisiis: iii–vi.

- Lefebvre de Villebrune, J.-B. 1781: Préface. *Seconde guerre Punique, Poème de Silius Italicus, Corrigé sur quatre Manuscrits, & sur la précieuse Edition de Pomponius, donnée en 1471, inconnue de tous les Editeurs complétée par un long Fragment trouvé dans la Bibliothèque du Roi; & traduit Par M. Lefebvre de Villebrune.* T. I. Paris: 1781, v–lxx.
- Lyubzhin A. I. 2023: Russkij Gomer. Opyt o literaturnoj reputatsii. [Lyubzhin A. I. The Russian Homer. An experience of literary reputation. *Opuscula. Essays. Poems. Articles about Kheraskov.* Magadan: New Times., 239–326]
- Любжинъ, А. И. 2023: Русский Гомеръ. Опыт о литературной репутации. *Opuscula. Эссе. Стихотворения. Статьи о Херасковъ.* Магаданъ: Новое время, 239–326.
- Martin M. 1991: Peut-on encore lire Silius Italicus? *Vita Latina*, N°123, 25–38.
- Matier, K. O. 1981: Prejudice and the «Punica»: Silius Italicus — a Reassessment. *Acta Classica*, Vol. 24 , 141–151.
- Matier, K. O. Prejudice and the Punica Again: Silius Italicus and his Critics. *Akroterion* 33.1, 1988, 14–21.
- Meerman, Joh. 1805: *Eenige Berichten omtrent het Noorden en Noord-Oosten van Europa.* Deel III. Den Haag.
- Modius, Fr. Franc. 1584: Modii Brug. *Nouantiquae lectiones, tributae in epistolas centum...* Francofurti: Heredes A. Wecheli.
- Muret, Marc Antoine de. 1871: *Variae Lectiones. M. Antonii Mureti Scripta Selecta. V. I. Orationes. Praefationes.* Lipsiae: Teubner., 111–222.
- Panckoucke, Ch. Jos. 1743: *Essais sur les Philosophes, ou les égaremens de la raison sans la foy.* Amsterdam: Aux Dépens de la Compagnie.
- Ramsay, A.-M. 1730: *Discours de la poésie épique, et de l'excellence du poème de Télémaque.* Les aventures de Telemaque: fils d'Ulysse. Par feu Messire François de Salignac de La Mothe-Fénelon, Précepteur de Messeigneurs les Enfants de France, & depuis Archevêque-Duc de Cambrai, Prince du Saint Empire, &c. Nouvelle Edition... T. I. Paris: Chez la Veuve Delaulne..., IX–XXXIII.
- Rollin, Ch. 1837: Histoire ancienne des Égyptiens, des Carthaginois, des Assyriens, des Babyloniens, des Mèdes et des Perses, des Macédoniens, des Grecs. *Oeuvres complètes de Rollin: avec notes et éclaircissemens... Histoire ancienne.* T. III. Paris.
- Ronsard, P. de. 1858: Préface sur la Franciade Touchant le Poème heroïque // Œuvres complètes... Publiées sur les textes les plus anciens... Par M. Prosper Blanchemain. T. III. Paris: P. Jannet, 15–39.
- Saint-Romuald, P. de. 1642: *Trésor chronologique et historique. Contenant ce qui s'est passé de plus remarquable & curieux dans l'Estat tant sacré que profane, depuis le commencement du monde jusques à la naissance de Jesus Christ...* Paris : A. de Sommaville.

- Scaliger, J.-C. 1586: *Iulii Ceasaris Scaligeri Poetices libri septem*.
Ed. tertia. [Genève]: Apud Petrum Santandreanum.
- Segrais, J. R. 1681: *Traduction de l'Eneïde de Virgile*. Par M. de Segrais.
T. II. Paris: D. Thierry, Cl. Barbin.
- Silius Italicus. 1504: *Silius Italicus poeta insignis De secundo bello Punico*.
...Noviter et emaculate impressum cura et impensis Baccatarii
Martini Hebripolensis cum argumentis Hermanni Buschii in
singulos libros... [Lipsiae].
- Vergilius, p. Maro. 1796: *Œuvres de Virgile: traduites en françois, le texte
vis-à-vis la traduction, avec des remarques*. Par l'abbé Des
Fontaines. Nouv. Ed. T. II. Paris: P. Plassan.
- Voltaire, F.-M. Arouet de. *Essay sur la poésie épique*, Traduit de l'Anglois
de M. de Voltaire. Par M.*** Paris: Chaubert, 1728.

Е. А. Лютикова

МГУ им. М. В. Ломоносова / Институт языкознания РАН, Москва, Россия.

lyutikova2008@gmail.com

А. В. Сидельцев

Институт языкознания РАН, Москва, Россия. acidelcev@gmail.com

СИНТАКСИС ЧАСТНЫХ ВОПРОСОВ В ХЕТТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В данной статье мы исследуем синтаксис частных вопросов (т. е. вопросов с вопросительной группой) в хеттском языке. Мы показываем, что в описательном плане линейная позиция вопросительных групп в частновопросительных клаузах в хеттском распределена примерно поровну между начальной и предглагольной позициями. С точки зрения деривации мы демонстрируем, что позиция вопросительных групп в частновопросительных клаузах в хеттском языке не сводима к предполагавшейся в работе (Huggard 2015) позиции *in situ* и определяется двумя процессами: стандартным A' -передвижением вопросительной группы в операторную позицию левой периферии клаузы (ср. с образованием частных вопросов в европейских языках) и просодически мотивированными передвижениями, обеспечивающими предглагольную позицию фокусной составляющей (эвакуация нефокусного материала из предглагольной позиции и — реже — передвижение глагола в вершину предглагольного союза).

Ключевые слова: хеттский, синтаксис, вопросы, вопросительные группы, фокус.

Е. А. Lyutikova

Lomonosov MSU / Institute of Linguistics, RAS, Moscow, Russia.

lyutikova2008@gmail.com

A. V. Sideltsev

Institute of Linguistics, RAS, Moscow, Russia. acidelcev@gmail.com

Syntax of constituent questions in Hittite

The paper deals with the syntax of constituent questions in Hittite (i.e., questions employing *wh*-phrases). We follow the two existing accounts (Goedegebuure 2009) and Huggard (2011; 2015) that in linear terms *wh*-phrases can be either clause initial or preverbal. Yet, as different from Huggard (2011; 2015) we demonstrate that *wh*-phrases in Hittite cannot be

¹ Работа поддержана грантом РНФ №24-18-00199, реализуемым в Институте языкознания РАН.

construed *in situ*. More concretely, we rather derive these orders within a single mechanism by two processes: standard A'-movement of the *wh*-phrase into the operator position within the left periphery (cf. derivation of special questions in the languages of Europe) and prosodically conditioned movements that provide immediately preverbal position of the focused phrase (evacuating non-focused material out of the preverbal position and — more seldom — verb head-movement into the head of C_{prev}). We also confront different *wh*-elements in Hittite (indefinite and relative pronouns, question words) and derive their different distribution by their properties.

Keywords: Hittite, syntax, questions, *wh*-phrases, focus.

1. Введение

В этой статье на корпусном материале мы проводим количественное исследование частных вопросов в хеттском языке. Эта проблематика представляет интерес, по меньшей мере, в двух отношениях. С одной стороны, понимание строения частновопросительного² предложения помогает пролить свет на структуру клаузы в целом, идентифицировать те процессы, которые задействованы в ее синтаксической деривации, выявить соотношение линейной и иерархической структуры предложения. Это особенно важно при исследовании левовеящихся языков, для которых предлагаются конкурирующие модели клаузуальной структуры (см., в частности, обсуждение для хеттского в (Lyutikova, Sideltsev 2021)).

С другой стороны, поскольку в хеттском языке местоимения серии *kui*- используются не только как вопросительные, но и в качестве относительных и неопределенных, изучение функционирования этих местоимений позволяет прояснить вопрос о взаимосвязи линейной позиции, структурной позиции, клитического статуса и интерпретации этих местоимений. В частности, для хеттского языка важно определить, связан ли (не)-клитический статус местоимения с его функцией вопросительного / относительного / неопределенного и с ингерентным статусом фокуса. Ранее (Lyutikova, Sideltsev 2023; 2024) мы на

² Деление вопросов на общие и частные (англ. general (polar) / special (open, *wh*-) questions, нем. Entscheidungsfragen, geschlossene Fragen / offene Fragen etc.) в европейской лингвистической традиции восходит к стоикам; русскоязычные термины общий и частный (специальный) вопрос используются, например, в Русской грамматике (1980).

корпусном материале подтвердили корреляции между клитическим *vs.* ударным статусом и интерпретацией неопределенных местоимений, а также между клитическим *vs.* ударным статусом относительных местоимений и типом относительной клаузы (определенной *vs.* максимализирующей). Сравнение свойств вопросительных употреблений местоимений с ранее исследованными их же неопределенными и относительными употреблениями позволит дополнить эту картину.

Дальнейшее изложение организовано следующим образом. В разделе 2 мы приводим краткий обзор предшествующих исследований частновопросительных конструкций хеттского языка. В разделе 3 мы представляем собственную базу данных по частным вопросам, собранную на основе представительного корпуса хеттских текстов. В разделе 4 мы обсуждаем основные характеристики хеттских частных вопросов, выявленные путем анализа базы данных: структуру вопросительных групп, ударный статус вопросительного местоимения, позицию вопросительной группы в клаузе в зависимости от ее грамматической функции. Эти результаты становятся эмпирической основой для критики предшествующих моделей вопросительных клауз в хеттском языке и разработки собственного анализа. Затем в разделе 5 мы сравниваем вопросительные употребления местоимений с их же относительными и неопределенными употреблениями, которые мы далее для краткости называем просто местоимениями — все эти употребления фонологически одного класса местоимений (единая основа *kui-* с идентичной флексией, что лаконично передается английским термином *wh-pronouns*), которые, однако, различаются по дистрибуции в клаузе и просодически. Данные о позиции данного местоимения в разных употреблениях получают объяснение при опоре на предположение о передвижении операторных местоимений (вопросительных и относительных) в общую структурную позицию и при учете фокусного и клитического статуса местоимения: первый вызывает эвакуацию нефокусного материала из глагольной области, а второй — просодическую инверсию. Раздел 6 подводит итоги проведенного исследования.

2. Предшествующие исследования

В литературе представлен консенсус о том, что вопросительные местоимения (в отличие от неопределенных и части относительных) всегда ударные, как наиболее эксплицитно отмечают (Kloekhorst 2014; Huggard 2015).

При этом относительно позиции относительных местоимений в клаузе в имеющейся литературе нет единства мнений.

В своей статье, ставшей базовым собранием материала по вопросам в хеттском языке для всех последовавших исследований, Х. Хоффнер (Hoffner 1995: 101) пришел к выводу, что в хеттском вопросительные группы тяготеют к концу клаузы и максимально непосредственно предшествуют финитной форме глагола.

На основании анализа массива данных в работе Хоффнера М. Хаггард (Huggard 2011; 2015: 95–104) пришел к иному выводу, а именно, что вопросительные группы в хеттском языке находятся *in situ*, т.е. в той же позиции, что и невопросительные именные группы и наречия с той же синтаксической функцией. Так, субъектные вопросительные группы располагаются в начале клаузы, а объектные вопросительные группы и вопросительные адъюнкты, маркирующие обстоятельственные значения, — в непосредственно предглагольной позиции.

П. Худехебуре (Goedegebuure 2009), с одной стороны, приходит к сходным с (Huggard 2011; 2015) выводам о том, что позиция вопросительных групп в большинстве случаев совпадает с позицией невопросительных групп: субъектные вопросительные группы располагаются в начальной позиции в предложении, а объектные вопросительные группы — перед глаголом (Goedegebuure 2009: 947–8). Но, с другой стороны, в отличие от (Huggard 2011; 2015), она более детально анализирует материал и все же отмечает и относительно редкие в ее корпусе (в 93 случаях из 100 тождественном корпусу Хоффнера) случаи, отклоняющиеся от этой модели дистрибуции. Так, в одном случае из 7 субъектная вопросительная группа находится не в ожидаемой начальной позиции, а занимает непосредственно предглагольную позицию. Она также эксплицитно отмечает, что адвербиальные (в ее терминологии) вопросительные группы могут занимать как начальную, так и предглагольную позицию в клаузе (Goedegebuure 2009: 947, 948–9). Объединяя обе части

своего анализа, Худехебюре выделяет две позиции вопросительных групп в вопросительных предложениях, различающихся не грамматической функцией вопросительной группы (субъект — объект — обстоятельство), а типом фокуса: начальная позиция в том случае, если вопросительная группа выражает информационный фокус и непосредственно предглагольная, если вопросительная группа выражает контрастивный (а именно, противоречащий ожиданиям — *counterexpectant*) фокус. Также отмечается, что в ряде случаев вопросительные группы с функцией информационного фокуса находятся в той же позиции, что и соответствующие невопросительные именные группы (Goedegebuure 2009: 962). Эти позиции в работе Худехебюре не описываются в терминах передвижения, однако мы видим явный конфликт между наличием/отсутствием контраста и базовой/производной позицией вопросительной группы (в терминах, предполагающих передвижение: если вопросительная группа не перемещается, мы получаем контраст, а если вопросительная группа перемещается, — информационный фокус). Работа Худехебюре в целом представляет наиболее полное исследование вопросительных групп в хеттском языке и ценна тем, что разграничивает различные синтаксические функции вопросительных групп. Тем не менее, представляется, что ее анализ части употреблений вопросительных групп как противоречащего ожиданиям контрастивного фокуса (*counterexpectant*) представляется слишком тонким и не вполне выводимым из реально представленных контекстов хеттского языка.

А. В. Сидельцев (Sideltsev 2014) предпринял попытку показать, что вопросительные группы в хеттском не находятся *in situ*, но располагаются в выделенной проекции фокуса и попадают туда в результате синтаксического передвижения.

Х. Хоффнер и К. Мельчерт (Hoffner, Melchert 2024: 457) принимают результаты исследований Хаггарда (Huggard 2011; 2015) и Худехебюре (Goedegebuure 2009), которые они описывают как гомогенную точку зрения, не отмечая их по сути взаимоисключающий характер.

3. База данных по частным вопросам

В отличие от всех предшествовавших исследований частно-вопросительных предложений, основывающихся на коллекции

(Hoffner 1995), мы создали свою базу данных, включающую все те тексты, из которых отбирал материал Хоффнер, но при этом существенно превышающую его набор текстов.

База данных состоит из 13 440 клауз, она была создана на основании росписи следующих текстов:

ОН/OS 101 клауза

СТН 3 (Рассказ о Цальпе, КВо 22.2, + ех. А восстановлен по дубликатам) 62 клаузы,

СТН 9.5 (фрагменты дворцовой хроники, 5. КВо 8.42) 39 клауз.

ОН/MS 755 клауз

СТН 323.1 (Миф об исчезновении и возвращении Бога солнца, KUB 36.44+ ех. В, восстановлен и дополнен по новохеттскому дубликату VBoT 58) 211 клауз,

СТН 324 (Миф о Телипину: 1. KUB 17.10+, ех. А восстановлен и дополнен по дубликатам, 267 клауз; 2. IBoT 3.141, ех. В восстановлен и дополнен по дубликатам, один из которых записан новохеттским дуктом (А. KUB 33.4), 98 клауз; 3. KUB 33.10, ех. В восстановлен и дополнен по дубликатам, некоторые из которых новохеттские (А KUB 33.9, С KUB 33.12), 91 клауза),

СТН 331.1 (Миф о Боге грозы в Лихцине, КВо 23.4+) 88 клауз.

ОН/NS 2014 клауз

СТН 6 (Политическое завещание Хаттусили I, KUB 1.16+) 230 клауз (только хеттский),

СТН 8 (Дворцовая хроника, КВо 3.34, ех. А восстановлен и дополнен по дубликатам) 179 клауз,

СТН 16 (Легендарные рассказы о войнах с хурритами, KUB 31.4+ ех. А восстановлен и дополнен по дубликатам) 106 клауз,

СТН 19.II (Эдикт Телипину, хеттская версия, КВо 3.1+ ех. А восстановлен и дополнен по дубликатам) 260 клауз,

СТН 263 (Инструкции для стражей ворот, КВо 5.11(+), ех. А восстановлен и дополнен по дубликатам) 112 клауз,

СТН 311.2 (Нарам-син в Малой Азии, KUB 31.1+, ех. А восстановлен и дополнен по дубликатам) 85 клауз,

- СТН 321 (Миф об Иллуянке, ех. А КВо 3.7 восстановлен и дополнен по дубликатам) 128 клауз,
СТН 324 (Миф о Телипину, 7. KUB 33.8) 58 клауз,
СТН 325 (Миф об исчезновении и возвращении Бога грозы, ех. А КВо 26.124+ восстановлен и дополнен по дубликатам, все из которых записаны среднехеттским дуктом) 274 клаузы,
СТН 337.1 (фрагменты мифов, относящихся к богу Пирве, KUB 48.99) 17 клауз,
СТН 360 (Сказание об Аппу и его сыновьях, 1. KUB 24.8+, ех. А восстановлен и дополнен по дубликатам) 174 клаузы,
СТН 362 (Героические деяния Гурпаранцаха, 4. KUB 17.9) 44 клаузы,
СТН 414.1 (Строительный ритуал дворца, KUB 29.1+, ех. А восстановлен и дополнен по дубликатам) 224 клаузы,
СТН 457.7.1 (Путешествие души в подземный мир, KUB 43.60) 123 клаузы.

МН/MS 2247 клауз

- СТН 147 (Обличение Маддуватты, KUB 14.1+) 372 клаузы,
СТН 186 (царские письма вассалам, НКМ 37) 24 клаузы,
СТН 188 (письмо царю или царице, КВо 18.54) 42 клаузы,
СТН 190 (переписка должностных лиц: НКМ 52, 35 клауз; НКМ 55, 31 клауза; НКМ 56, 15 клауз; НКМ 58, 27 клауз; НКМ 63, 16 клауз; НКМ 66, 41 клауза; НКМ 68, 19 клауз; НКМ 71, 26 клауз),
СТН 200 (письмо от «префекта» царю, АВоТ 1. 60) 28 клауз,
СТН 209 (фрагменты писем на хеттском, ННСТО 1) 33 клаузы,
СТН 262 (Инструкции царским гвардейцам, IBoT 1.36) 440 клауз,
СТН 373 (Молитва Кантуцили Богу солнца, KUB 30.10) 102 клаузы,
СТН 374 (Молитва царя Богу солнца, KUB 30.11+, ех. А восстановлен и дополнен по дубликатам, один из которых записан новохеттским дуктом (ех. D КВо 53.8)) 114 клауз,
СТН 433.2 (Ритуал для бога-защитника охотничьей сумки, КВо 17.105+) 188 клауз,

- СТН 446 (Очищение дома и ритуал для подземных богов, KUB 7.41, ех. А, восстановлен и дополнен по преимущественно новохеттским дубликатам) 67 клауз,
СТН 571 (гадания по печени (SU) без сокращений, KBo 16.97+) 155 клауз,
СТН 581 (письма о гаданиях, KUB 31.101) 35 клауз,
СТН 764.I (хетто-лувийские заклинания, упоминающие триаду богов из Таурисы, KBo 9.127+, ех. А, восстановлен и дополнен по дубликатам) 37 клауз (только хеттский текст),
СТН 789 (Песнь освобождения: KBo 32.14, 177 клауз; KBo 32.16 (восстановлен и дополнен по дубликатам KBo 32.15, KBo 32.54(+)), 77 клауз; KBo 32.19 (KBo 32.22, KBo 32.24+), 64 клаузы (только хеттский текст),
СТН 820.4 (Благословения лабарне, KBo 21.22) 82 клаузы.

MH/NS 1692 клаузы

- СТН 264 (Инструкции жрецам и храмовому персоналу, KUB 13.4, ех. А восстановлен и дополнен по дубликатам) 412 клауз,
СТН 344 (Песнь Генезиса (Теогония), KUB 33.120+, ех. восстановлен и дополнен по дубликату) 296 клауз,
СТН 364 (Песнь серебра: 1. HFAC 12, 15 клауз; 2. KUB 33.115, ех. А, восстановлен и дополнен по дубликатам, 106 клауз; 4. KUB 17.4, ех. А, восстановлен и дополнен по дубликатам, 19 клауз),
СТН 372 (Гимн и молитва смертного Богу солнца, ех. А KUB 31.127 восстановлен и дополнен по дубликатам) 211 клауз,
СТН 390 (Ритуалы Айятарсы, Ваттити и Суссуманиги, KUB 7.1+, ех. А, восстановлен и дополнен по дубликатам, один из которых (В IBoT 3.107+) записан среднехеттским дуктом) 284 клаузы,
СТН 400.1 (Ритуал Ирийи очищения города, KUB 30.35+, ех. А, восстановлен и дополнен по дубликатам) 112 клауз,
СТН 401.1 (Ритуал Баниппи, KUB 30.36, ех. А, восстановлен и дополнен по дубликату) 62 клаузы,
СТН 427 (Вторая военная клятва, KBo 6.34+, ех. А, восстановлен и дополнен по дубликатам) 175 клауз.

NH/NS 6631 клауза

- СТН 40 (Деяния Суппилиумы I, IV. Египетский кризис, КВо 5.6+, ех. А, восстановлен и дополнен по дубликатам) 298 клауз,
- СТН 42 (Договор Суппилиумы I с Хукканой из Хаясы, ех. А КВо 5.3 восстановлен и дополнен по ех. В КВо 19.44+) 304 клаузы,
- СТН 61.II.1 (Полные анналы Мурсили II, Введение: KUB 19.29) 47 клауз,
- СТН 63 (Декрет Мурсили II сирийским противникам Туппи-Тешупа, КВо 3.3+, восстановлен и дополнен по дубликатам) 92 клаузы,
- СТН 68 (Договор Мурсили II из Хатти с Купанта-Курунтией из Миры-Кувалийи, КВо 4.3 + восстановлен и дополнен по дубликатам) 435 клауз,
- СТН 70 (Молитва Мурсили II о злодеяниях Тавананны, KUB 14.4) 120 клауз,
- СТН 81 (Апология Хаттусили III, KUB 1.1+, восстановлен и дополнен по дубликатам) 362 клаузы,
- СТН 105 (Договор Тудхалии IV с Саускамувой из Амурру) 181 клауза,
- СТН 106.I.1 (Договор Тудхалии IV с Курунтией из Тархунтассы, Во 86/299) 308 клауз,
- СТН 127 (письмо о голоде и доставке зерна, Во 2810) 14 клауз,
- СТН 171 (письмо Муваталли II Адад-нирари I: KUB 23.102) 26 клауз,
- СТН 176 (письмо Пудухепы Рамзесу II (?), KUB 21.38) 182 клаузы,
- СТН 181 (письмо Хаттусили III царю Аххиявы, KUB 14.3) 313 клауз,
- СТН 182 (письмо Тудхалии IV Таркаснави из Миры, KUB 19.55+) 94 клаузы,
- СТН 187 (фрагменты царских писем: КВо 18.2, 14 клауз; АТТ 35, 10 клауз),
- СТН 191 (письмо Муваталли II от Манапы-Тархунта из Сехи, KUB 19.5+) 42 клаузы,
- СТН 204 (письмо царя Алциямуве, BLMJ 1143, 12 клауз; Msk. 73.1097, 16 клауз),

- СТН 209 (фрагменты писем на хеттском: КВо 2.11, 24 клаузы; VSNF 12.129, 15 клауз; КВо 8.23, 15 клауз),
- СТН 255.1 (Инструкции Тудхалии IV для господ, принцев и придворных, ех. А KUB 21.42+, восстановлен и дополнен по дубликатам) 179 клауз,
- СТН 293 (свидетельские показания на судебных процессах, KUB 13.35+) 191 клауза,
- СТН 316 (аккадо-хеттская мудрость, КВо 12.70+) 37 клауз,
- СТН 341.III (Гильгамеш: 1. KUB 8.57+, ех. А восстановлен и дополнен по дубликатам, 221 клауза; 2. KUB 23.9(+), ех. А восстановлен и дополнен по дубликату, 35 клауз; 3. КВо 19.116(+), ех. А восстановлен и дополнен по дубликатам, 148 клауз),
- СТН 342 (Элькунирса и Асерту: 1. KUB 36.35, ех. А восстановлен и дополнен по дубликату, 86 клауз; 2. KUB 12.61, ех. А восстановлен и дополнен по дубликатам, 63 клаузы),
- СТН 345.I (Песнь об Улликумми (только хеттский текст): 1 табличка KUB 33.96+, ех. А восстановлен и дополнен по дубликатам, 253 клаузы; 2 табличка KUB 33.87+, ех. А восстановлен и дополнен по дубликатам, 169 клауз; 3 табличка КВо 26.65+, 301 клауза),
- СТН 346.I (Фрагменты мифа о Кумарби (только хеттский текст): 1. KUB 33.117, 55 клауз; 2. KUB 33.105, 22 клаузы; 3. KUB 33.99, 19 клауз; 4. KUB 36.25, 40 клауз; 5. KUB 33.118, 39 клауз),
- СТН 348.I (Песнь Хедамму (только хеттский текст), 1. КВо 26.72+ ех. А восстановлен и дополнен по дубликатам, 128 клауз; 4. КВо 19.109+, ех. А восстановлен и дополнен по дубликатам, 49 клауз; 5. КВо 19.112+, ех. А восстановлен и дополнен по дубликатам, 37 клауз; 6. KUB 43.65+, ех. А восстановлен и дополнен по дубликатам, 40 клауз),
- СТН 361.I (Повесть об охотнике Кесси и его прекрасной жене (только хеттский текст), KUB 33.121+, ех. А восстановлен и дополнен по дубликату) 94 клаузы,
- СТН 363 (Повесть о Боге солнца, корове и рыбаке, KUB 24.7) 169 клауз,
- СТН 378.3 (Вторая молитва против чумы, ех. А KUB 14.12) 40 клауз,

СТН 378.4 (Четвертая молитва против чумы, ех. А KUB 14.8
восстановлен и дополнен по дубликатам) 123 клаузы,
СТН 381 (Молитва собранию богов, KUB 6.45+, восстанов-
лен и дополнен по дубликатам) 223 клаузы,
СТН 383.1 (Молитва Солнечной богине города Аринна, KUB
21.19+) 164 клаузы,
СТН 387.1, 3, 5 (Молитва Мурсила III: KUB 31.66+, 112
клауз; НТ 7, 43 клаузы; Во 5827, 23 клаузы),
СТН 528 (инвентарные тексты и описания ритуалов, 22.
KUB 44.4+) 72 клаузы,
СТН 575 (гадания по змеям, IBoT 1.33) 223 клаузы,
СТН 583 (сны царя, KUB 15.5+) 209 клауз,
СТН 727 (Миф о луне, упавшей с неба, KUB 28.4, ех. А,
восстановлен и дополнен по дубликатам) 69 клауз,
СТН 781 (Фрагменты ритуала Аллаитураххи, KBo 12.118)
31клауза.

В базу данных, сформированную на основе приведенных
выше текстов, не были включены те контексты, которые не
признаются рядом исследователей вопросительными, а также
контексты, в которых вопросительная группа находится в
лакуне.

В результате росписи текстов мы получили 217 предло-
жений с вопросительными группами, корпус, существенно пре-
вышающий использующийся в предыдущих работах (так,
Худехебюре (Goedegebuure 2009) работала с 100 контекстами).

Корпус имеет следующую разметку:

номер контекста;

источник контекста;

периодизация текста, из которого взят конкретный
контекст, как по времени составления текста, так и по
времени дошедшей до нас его фиксации на письме (ОН/ОS,
ОН/MS, ОН/NS, МН/MS, МН/NS, NH/NS);

комментарий;

собственно контекст, с глоссированием и переводом;
поля, имеющие отношение к интерпретации контекста
в отношении вопросительной группы:

содержит ли контекст множественные вопросительные
группы,

вложена ли вопросительная группа в послеложную
группу,

- представлена ли вопросительная группа лишь
вопросительным словом (проформой) или
ветвящейся вопросительной группой,
в случае, если вопросительная группа представлена лишь
проформой, разбивает ли эта проформа другую
составляющую,
в случае, если в вопросе содержится вопросительная
группа, являются ли ее элементы контактно
расположенными с линейной точки зрения,
если ее элементы расположены с линейной точки зрения
неконтактно, какова их последовательность
(вопросительное слово предшествует или следует
за именной группой),
если ее элементы расположены с линейной точки зрения
контактно, какова их последовательность (если
вопросительное слово предшествует именной
группе, мы имеем прямой порядок слов,
если следует за именной группой, следует ли
вопросительное слово за словом, группой или
словом, равным группе),
каков порядковый номер вопросительной группы в
клаузе при отсчете от ее левого края,
является ли вопросительная группа строго предгла-
гольной;
поля, имеющие отношение к грамматической функции
вопросительной группы:
является ли вопросительная группа:
подлежащим,
прямым дополнением,
косвенным дополнением,
обстоятельством (именные группы и наречия места,
времени, образа действия),
обстоятельством причины (наречия и послеложные
группы со значением причины),
именным сказуемым;
поля, имеющие отношение к интерпретации контекста за
пределами вопросительной группы:
содержит ли контекст следующие элементы:
вакернагелевы энклитики,
коннекторы типа *ni*,

клитики $-(y)a/-(m)a$,
 вокативы,
 маркер отрицания,
 преверб,
 фокусную частицу $-pat$,
 неопределенное употребление вопросительного
 элемента;
 содержит ли контекст заглагольные составляющие:
 вопросительные группы,
 невопросительные составляющие.

4. Структура частновопросительных клауз

В этом разделе мы обсудим основные характеристики вопросительных местоимений в частновопросительных клаузах хеттского языка: структуру вопросительных групп, клитический статус вопросительного местоимения, синтаксические функции вопросительных групп и их позицию в составе вопросительной клаузы.

Из 217 клауз, в которых засвидетельствованы вопросительные местоимения, подавляющее большинство — 194 клаузы — содержат вопросительное местоимение без именной группы. Ветвящиеся вопросительные группы встречаются существенно реже (21 клауза); в (1) показаны некоторые примеры с вопросительными местоимениями *kui-* ‘какой’ и *maši-* ‘сколько’.

(1) а. подлежащее, *kui-* ‘какой’

NH/NS (CTH 345.1.1.A) KUB 33.96+ rev. iv 35–36

[[*kuiš*=w)]*a*=kan DINGIR–LUM *nutarriya-š*

who.NOM.SG.C=QUOT=LOCP бог быстрый–NOM.SG.C

aruni anda [ar-tari]

more.LOC.SG в стоять–3SG.PRS.MED

‘Какой быстро(растущий) бог стоит в море?’³ [35]⁴

б. прямое дополнение, *kui-* ‘какой’

MH/NS (CTH 372.A) KUB 36.79+ obv. ii 24–25

³ Контекст единодушно понимается как содержащий вопрос, см. (Hoffner 1998: 59; E. Rieken et al. (ed.), *hethiter.net*/: CTH 345.1.1 (TX 2009-08-31, TRde 2009-08-29)).

⁴ Здесь и далее номера в квадратных скобках обозначают номер примера в нашей базе данных.

nu=za [DUM]U-*annaza kuit* ŠA DINGIR=YA
 CONN=REFL детство.ABL какой.ACC.SG.N GEN бог=мой
d[uddumar] UL šaggahhi
 милость.ACC.SG.N NEG знать.1SG.PRS
 ‘**Какую милость моего бога** я не знаю с детства?’ [81]

с. косвенное дополнение, *kui-* ‘какой’
 NH/NS (CTH 42.A) KBo 5.3+ rev. iii 53’
n=aš kuedani uddanī BA.Ú[š]
 CONN=он какой.DAT.SG дело.DAT.SG умер
 ‘**Из-за чего** он умер?’, букв. ‘по какому делу/слову’ [13]

d. подлежащее, *maši-* ‘сколько’
 OH/NS (CTH 6) KUB 1.16+ rev. iii 44–45
ni mašiēš MU^{III.A} pā-er
 CONN сколько годы идти-3PL.PST
 ‘**Сколько лет** прошло?’ [186].

Легко видеть, что линейная структура вопросительных групп не отличается от линейной структуры обычных именных групп (например, с указательным местоимением *kā-* ‘этот’). В (1a) вопросительная группа содержит, помимо вопросительного местоимения, существительное и постпозитивное прилагательное; в (1b) — существительное и препозитивное генитивное зависимое. Внутри вопросительной группы возможно сочинение, ср. (2).

(2) вопросительная группа с сочинением (*wh* N N N)
 NH/NS (CTH 176) KUB 21.38 obv. i 17’
ANA DUMU.MUNUS=wa kuin NAM.RA^{MEŠ} GU^{MEŠ}
 к дочь=QUOT какой.ACC.SG.C пленные быки
UDU^{III.A} pe-ške-mi
 овцы давать-IPF-1SG.PRS
 ‘**Каких пленных, быков и овец** мне дать (как приданое) дочери?’ [146].

Обращает на себя внимание отсутствие инверсий внутри вопросительных групп: в отличие от неопределенных употреблений тех же групп (Lyutikova, Sideltsev 2024) и относительных употреблений тех же групп в составе определенных относительных клауз (Lyutikova, Sideltsev 2023), вопросительные группы всегда начинаются с вопросительного местоимения. Единственное исключение — пример (3), в котором

существительное располагается в препозиции к местоимению *kui*- ‘какой’.

(3) инвертированная вопросительная группа (порядок слов N — вопросительное местоимение)

NH/NS (CTH 187) KBo 18.24 obv. i 4–5

nu=*tta*

ḫatreššar

kue

CONN=ты.DAT.SG

сообщение.ACC.PL.N

какой.ACC.PL.N

ḫatre-ške-mi

писать-IPF-1SG.PRS

‘**Какие сообщения** мне тебе писать?’ [191].

Такое поведение вопросительных групп неслучайно и является следствием ударного (неклитического) статуса вопросительных местоимений. Как показано в (Lyutikova, Sideltsev 2023), клитический статус местоимения может быть определен на основании следующих особенностей его линейной позиции:

(i) местоимение не встречается в первой позиции в предложении, а также во второй позиции после так называемых «откладывающих» элементов; (ii) местоимение — вершина группы инвертирует с первым фонетическим словом своей группы или с более крупной подстрокой внутри своей группы; (iii) местоимение-проформа (не являющееся вершиной группы, а заменяющее всю группу целиком) разбивает следующую за ним составляющую или цепочку вершин. Практически полное отсутствие инверсий в вопросительной группе (признак (ii)) гармонирует с отсутствием других признаков клитического статуса вопросительного местоимения: одиночные вопросительные местоимения в вопросительных предложениях не «вклиниваются» внутрь других составляющих (признак (iii)), а первая позиция от начала клаузы или после откладывающих элементов (признак (i)) зафиксирована в 52% частновопросительных предложений в нашей базе (см. ниже).

Дополнительным подтверждением ударного статуса вопросительного местоимения является его способность выступать в качестве хоста для клитик второй позиции (4a-b). Кроме того, в присутствии клаузного коннектора *ni*, к которому клитизируются вакернагелевы клитики, но не союзные клитики =*ya* и =*ta*, последние клитизируются к следующему ударному

фонетическому слову; (4с) показывает, что таким словом может выступать вопросительное местоимение.

(4) а. клитики второй позиции клитизируются к вопросительному местоимению в первой позиции

NH/NS (CTH 106.1.1) Bo 86/299 obv. ii 26

kui-š=ma=an=kan ŠA DINGIR^{MES}

who-NOM.SG.C=но=он.ACC.SG.C=LOCP GEN боги

ḫazziwi^{III.A} ēp-zi

ритуал.ACC.PL.N братъ-3SG.PRS

‘Кто будет братъ ему (материалы) для ритуалов богов?’ [2]

б. клитики второй позиции клитизируются к вопросительному местоимению в первой позиции

NH/NS (CTH 42.A) KBo 5.3+ rev. iii 71’

kuwat=war=an parā UL pe[(šteni)]

почему=QUOT=он.ACC.SG.C вне NEG давать.2PL.PRS

‘Почему вы его не выдаете?’ [15]

с. клитика =ma клитизируется к вопросительному местоимению во второй позиции

MH/MS (CTH 571) KBo 16.97+ rev. 49

nu=za **kuwapi=ma** DINGIR^{MES} iya-mi

CONN=REFL где=но боги делать-1SG.PRS

‘Но где я должен почитать богов?’ [161]

Таким образом, вслед за (Kloekhorst 2014; Huggard 2015) мы заключаем, что все вопросительные местоимения в хеттском языке являются ударными⁵. Это мнение абсолютно доминирует в современной хеттологии и, в отличие от дискуссии о безударном характере неопределенных местоимений, не вызывает сомнений ни у кого из исследователей.

Обратимся теперь к обсуждению синтаксических функций вопросительных групп в составе вопросительного предложения. Распределение вопросительных групп по синтаксическим функциям неравномерно: наиболее часто встречаются вопросительные предложения причины с вопросительными место-

⁵ Пример (3) — единственное отклонение от этого обобщения — может быть объяснен не просодической инверсией, а расщеплением вопросительной группы (*А сообщения — какие мне тебе писать?*).

имениями *kuwat* ‘почему’ и *kuit* ‘почему’; тем не менее, все основные классы синтаксических позиций в клаузе доступны для вопросительных групп. Дистрибуция показана в таблице 1 и графически представлена на рис. 1 в виде диаграммы.

Таблица 1. Распределение вопросительных групп по синтаксическим позициям

Синтаксическая позиция	Количество примеров в корпусе	Примечание
подлежащее	24	из них 1 генитивное зависимое подлежащего
прямое дополнение	34	
непрямое дополнение	2	
косвенное дополнение	14	
обстоятельство времени, места, образа действия	33	
обстоятельство причины	89	
именное сказуемое	21	из них 1 генитивное зависимое именного сказуемого
Всего	217	



Рис. 1. Синтаксические позиции вопросительных групп в корпусе

В таблице 1 и на рисунке 1 обстоятельства причины выделены в отдельную группу, а не объединены с прочими обстоятельствами. Это сделано потому, что во многих языках засвидетельствовано особое поведение вопросительных местоимений со значением ‘почему’ (Sadock 1971, Rizzi 1990, Collins 1991, Ochi 2004, 2014, Ko 2005, Shlonsky, Soare 2011, Miyagawa 2017): в то время как другие вопросительные группы претерпевают открытое или скрытое передвижение из базовой в операторную позицию, местоимения со значением ‘почему’ могут порождаться непосредственно в операторной позиции (Спец, СР / Спец, ФоСР). Это подтверждается, например, невозможностью проинтерпретировать такие местоимения в зависимой клаузе (пример (5), (Collins 1991), а также отсутствием эффектов интервенции для таких местоимений в языках *wh-in-situ* (пример (6), (Ko 2005).

- (5) a. *Where did John said Mary left the bus?*
 1. ‘Где Джон сказал, что Мэри вышла из автобуса?’
 2. ‘Где, по словам Джона, Мэри вышла из автобуса?’
 b. *How come John said Mary left the bus?*
 1. ‘Почему Джон сказал, что Мэри вышла из автобуса?’
 *2. ‘Почему, по словам Джона, Мэри вышла из автобуса?’
- (6) a. **Hanako-sika dare-ni erab-are-nakat-ta no?*
 Ханакo-FOC кто-AGENT выбирать-PASS-NEG-PST Q
 Ожид.: ‘Кем был выбран только Ханакo?’
 b. *Hanako-sika naze erab-are-nakat-ta no?*
 Ханакo-FOC почему выбирать-PASS-NEG-PST Q
 ‘Почему был выбран только Ханакo?’

Для хеттского языка мы могли бы ожидать особого поведения местоимений *kuwat* ‘почему’ и *kuit* ‘почему’ в отношении употреблений в предложениях с маркированным фокусом и множественными вопросительными группами, а также различных линейных позиций для вопросительных местоимений причины и прочих обстоятельственных вопросительных местоимений. Линейные позиции вопросительных местоимений мы обсудим ниже; здесь мы отметим, что фокусное маркирование, по-видимому, не создает интервенции не только для вопросительных местоимений причины (7a), но и для других вопросительных местоимений (7b). Кроме примеров (7a-b), в

корпусе отсутствуют клаузы, включающие одновременно вопросительную и фокусную группу (имеется еще 3 примера с показателем фокуса *-pat* на самом вопросительном местоимении, ср. (8a)); имеется ровно один пример, который можно интерпретировать как клаузу с множественными вопросительными местоимениями (8b). Таким образом, особое структурное поведение вопросительных слов со значением причины на доступном материале не выявляется. Следует, однако, отметить, что *kuwat* ‘почему’ — единственное вопросительное местоимение, не имеющее относительных и неопределенных аналогов, и в этом отношении оно противопоставляется прочим вопросительным местоимениям.

(7) а. *kuwat* ‘почему’ в клаузе с фокусной составляющей NH/NS (СТН 127) Bo 2810 9’–10’

apeneššuwān INA UD.1^{KAM}=*pat*=*aš*=*ta* *kuwat*
 так в день.1=FOC=он.NOM.SG.C=ты.DAT.SG почему
 GAM–*an* *ēš*–*ta*
 вниз быть–3SG.PST

‘Почему оно (зерно) осталось у тебя хотя бы один день?’ [137]

б. *kuit* ‘что’ в клаузе с фокусной составляющей MH/NS (СТН 264.A) KUB 13.4 obv. i 21’

kī=*pat* *kuit*
 этот.NOM.SG.N=FOC что.NOM.SG.N
 ‘Что это?’ [171]

(8) а. показатель фокуса на вопросительном местоимении NH/NS (СТН 583) KUB 15.5+ obv. i 11–12

*aš*i=*wa*=*kan* AMA.AMA=KA *kuw*[a]*t*=*pat*
 этот.NOM.SG.C=QUOT=LOCP бабушка=твой почему=FOC
 ḥUL–*lu* *tiyan* *ḥar*–*zi*
 зло.ACC.SG.N ступить.PTCP.NOM.SG.N AUX–3SG.PRS

‘Почему эта твоя бабушка содеяла зло?’ [173]

б. множественные вопросительные слова NH/NS (СТН 171) KUB 23.102 obv. i 10

ŠEŠ–*tar* *kui*–*š* *kuedani* *ḥatre*–*ške*–*zzi*
 братство.ACC.SG.N кто.NOM.SG.C кто.DAT.SG писать–IPF–3SG.PRS
 ‘Кто называет кого братом?’, букв. ‘Кто пишет кому о братстве?’ [142]

Еще одной особенностью вопросительных местоимений причины является их способность выступать (с тем же значением) в послеложной конструкции с послелогом *šer* ‘из-за’ и *ḥanda* ‘относительно’ (9a-b). Такое поведение противоречит общим тенденциям послеложного управления в хеттском языке. Во-первых, если считать *kuwat* ‘почему’ вопросительным наречием, то мы не ожидаем его в позиции комплемента послелога, который обычно присоединяет именные зависимые (но ср., однако, с комбинацией *kuwapi* ‘где’ с направительным послелогом *andan* ‘в’ в (10)). Во-вторых, даже если считать *kuit* в примерах типа (9b) вопросительным местоимением-существительным ‘кто, что’, мы ожидали бы дативно-локативного управления со стороны послелога, а не формы именительного или винительного падежа. По всей видимости, в конструкциях вопросительного *kuwat* / *kuit* ‘почему’ с послелогом мы имеем дело с синтаксически некомпозиционными идиомами, то есть выражениями, синтаксическая структура которых не соответствует общим правилам деривации (ср. с англ. *by and large* ‘по большому счету’, где сочиняются предлог и прилагательное).

(9) а. *kuwat* ‘почему’ в составе послеложной группы

NH/NS (CTH 171) KUB 23.102 obv. i 13–14

[t]uk=ma šeš–tar **kuwatta** *šer* [ḥa]trā-mi

ты.DAT.SG=но братство.ACC.SG.N почему из_за писать-1SG.PRS

‘Но **почему** я должен называть тебя братом?’, букв. ‘**почему** я должен писать тебе о братстве?’ [143]

б. *kuit* ‘почему’ в составе послеложной группы

OH/NS (CTH 16.a.A) KUB 31.4+ obv. 16

karawar=šet **kuit** *ḥanda*

рог.NOM.SG.N=его.NOM.SG.N почему относительно

lipšan

треснуть.PTCP.NOM.SG.N

‘**Почему** его рог треснул?’ [182].

(10) *kuwapi* ‘где’ в составе послеложной группы

NH/NS (CTH 345.1.2.A) KUB 36.12+ obv. i 19’–20’

kuwap[(i=war=at)] **andan** *piddaiškanzi* 2 LÚ^{MEŠ}

куда= QUOT =они.NOM.PL.C в бежать.IPF.3PL.PRS 2 люди

ATḪŪTIM

братство.GEN.SG

‘**Куда** бегут мои два брата?’ [37]

Наконец, рассмотрим самый дискуссионный вопрос — о расположении вопросительных групп в клаузе. Напомним, что в то время как Хоффнер и Хаггард указывают на преимущественно предглагольную позицию вопросительных местоимений, Худехебюре выделяет две характерные позиции — начальную и предглагольную — и связывает их с разными типами фокуса. Предглагольная позиция также получает различную мотивацию у разных исследователей: в то время как Хоффнер и Худехебюре связывают эту позицию с фокусной, Хаггард предполагает, что она соответствует базовой позиции аргументов и адъюнктов в левовеетвящемся языке.

Как справедливо указывают Хаггард и Худехебюре, существенное количество клауз с вопросительными местоимениями не могут быть однозначно проинтерпретированы как клаузы с начальным или предглагольным расположением местоимения, поскольку содержат мало слов. Например, такими являются клаузы в примерах (11a-b). Кроме того, более длинные клаузы могут содержать заглагольные составляющие (11c) или не иметь глагола вообще (11d), что также делает невозможной бинарную классификацию начальных vs. предглагольных вопросительных групп.

(11) а. начальная и предглагольная позиция вопросительной группы
NH/NS (CTH 63.A) KBo 3.3+ obv. ii 43¹–44¹

kuēz=*wa*=*tta* [dammešhiškanzi]
что.ABL=QUOT=ты.ACC/DAT.SG вредить.IPF.3PL.PRS
‘Как [они вредят] тебе?’ [11]

б. вторая (после *nu*) и предглагольная позиция вопросительной группы

NH/NS (CTH 42.A) KBo 5.3+ rev. iii 53’
n=*aš* *kuedani* *uddanī* BA.Ú[š]
CONN=он какой.DAT.SG дело.DAT.SG умер
‘Из-за чего он умер?’, букв. ‘по какому делу’ [13]

в. начальная и предглагольная позиция вопросительной группы, заглагольные элементы

NH/NS (CTH 345.1.1.A) KUB 33.96+ rev. iii 27–28
[*kued*]*ani*=*wa*[*r*]=*an* *pehhi* *aši*
кто.DAT.SG=QUOT=он.ACC.SG.C давать.1SG.PRS этот.ACC.SG.C
DUMU-*an*
сын-ACC.SG.C
‘Кому мне отдать этого ребенка?’ [31]

d. отсутствие глагола

ОН/NS (CTH 6) KUB 1.16+ rev. iii 45

ŠA ^{LU}GAL.GAL-TIM

É=ZUNU **kuwapi**

GEN человек.великий.великий дом=их где

‘Где дома вельмож?’ [185]⁶

Вследствие этого мы вводим в таксономию большее количество классов линейных позиций вопросительной группы: (i) начальная (1+) не предглагольная, (ii) предглагольная не начальная, (iii) неразличимые начальная / предглагольная, (iv) не устанавливается из-за отсутствия глагола, (v) не устанавливается из-за фрагментарности клаузы, (vi) заглагольная. Распределение вопросительных местоимений разных синтаксических классов из таблицы 1 по выделенным позициям представлено в таблице 2.

Таблица 2. Линейные позиции вопросительных местоимений

	SU	DO	IO	OBL	ADV	PRED	KUT / KUWAT	всего
(i) начальная и не предглагольная	8	3	0	1	4	0	19	35
(ii) предглагольная и не начальная	4	13	0	3	8	1	44	72
(iii) неразличимые начальная / предглагольная	9	16	2	7	17	0	22	73
(iv) нет глагола	2	1	0	3	1	20	0	27
(v) фрагмент	1	0	0	0	2	0	4	7
(vi) заглагольная	0	1	0	0	1	0	0	2
всего	24	34	2	14	33	21	89	217

Из таблицы 2 видно, что субъектные вопросительные группы отличаются от прочих синтаксических типов: в то время как субъектные вопросительные группы тяготеют к начальной позиции и встречаются в ней вдвое чаще, чем в предглагольной, прочие типы вопросительных групп предпочитают предглагольную позицию, хотя обнаруживаются и в начальной позиции. Таким образом, на более широком материале подтверждается обобщение, полученное в работе П. Худехебюре на материале корпуса из 100 вопросительных клауз (таблица 3).

⁶ Множественное число в данном контексте маркируется только посесивным местоимением ‘их’ и редупликацией основы для ‘вельможа’.

Таблица 3. Линейные позиции вопросительных местоимений по Goedegebuure 2014.

	SU	DO+IO	OBL	ADV+KUWAT/ KUIT	всего
(i) начальная и не предглагольная	6	0	1	12	19
(ii) предглагольная и не начальная	1	5	2	27	35
всего	7	5	3	39	54

Линейная позиция вопросительных наречий причины (*kuwat* ‘почему’ и *kuit* ‘почему’) следует модели, характерной для вопросительных наречий места и времени и дополнений глагола с явным предпочтением предглагольной позиции и допустимой начальной позицией, различия между распределением по позициям вопросительных местоимений причины и других вопросительных групп статистически незначимы (критерий χ^2 , $p = 0.687$). Таким образом, особого поведения вопросительных слов со значением причины не наблюдается и в отношении доступных для них линейных позиций в клаузе.

Именное сказуемое в предложениях характеристики и идентификации, содержащие вопросительные группы, обычно не содержит глагола-связки (20 примеров из 21), однако также демонстрируют вариативность в отношении порядка слов: из 20 примеров такого типа в 13 случаях подлежащее предшествует вопросительному сказуемому (*Ты кто?*) и в 7 случаях следует за ним (*Кто ты?*), ср. (12a-b).

(12) а. вопросительное именное сказуемое после подлежащего
OH/NS (CTH 263) KBo 5.11+ rev. iv 24'

zik=za ***kui-š***

ты.NOM.SG=REFL кто.NOM.SG.C

‘Кто ты?’ [175]

б. вопросительное именное сказуемое перед подлежащим
NH/NS (CTH 348.I.8.A) KUB 33.86+ rev. iii 3'

kui-š=*za* MUNUS-*naš* *zik*

кто.NOM.SG.C=REFL женщина.GEN.PL ты.NOM.SG

‘Кто ты из женщин?’ или же альтернативно ‘что ты за женщина?’ [199]

Следует отметить также значительное количество примеров с заглагольными составляющими (11 клауз в корпусе). Хотя частотность заглагольных аргументов и адъюнктов в других типах клауз специально не оценивалась (но см., однако,

(Sideltsev 2014; 2015; Lyutikova, Sideltsev 2021), где приводятся обобщения о возможных заглагольных элементах), очевидно, что среди частных вопросов такая модель более популярна. Характерно, что за глаголом могут оставаться как дополнения при предглагольном вопросительном подлежащем (13a), так и подлежащие при предглагольном вопросительном дополнении (13b).

(13) а. заглагольное дополнение, прямой порядок слов SU-*wh* V DO MH/NS (CTH 344) rev. iii 10–11

kui-š=*wa*=[*n*]*naš*=*šta* [*har*]*nik*[-*zi*]
 кТО-NOM.SG.C=QUOT=мы.DAT.PL=LOCP уничтожить-3SG.PRS
^dIM-*an*

Тешуп-ACC.SG.C

‘Кто уничтожит Тешупа для нас?’ [73] вслед за Hoffner (1998: 44).

б. заглагольное подлежащее, обратный порядок слов DO-*wh* V SU OH/MS (CTH 323.1.B) KUB 36.44+ obv. i 5’

nu **kuit** *iē-zzi* ^dIM-*aš*
 CONN что.ACC.SG.N делать-3SG.PRS бог_грозы.NOM.SG.C

‘Что сделает Бог Грозы?’ [90]

Итак, мы описали структурные и позиционные характеристики вопросительных составляющих в нашем корпусе. Обратимся теперь к анализу частновопросительных предложений в хеттском языке и выясним, поддерживает ли наш материал какие-либо из высказывавшихся ранее гипотез.

«Нулевая гипотеза» принадлежит М. Хаггарду (Huggard 2011, 2015) и состоит в том, что вопросительные группы располагаются *in situ*, в позициях, соответствующих их синтаксической роли. Если это так, то мы ожидаем дефолтного порядка слов SU ADV (IO/OBL) DO (IO/OBL) V независимо от того, какой из аргументов или адъюнктов выражен вопросительной группой. Соответственно, подлежащее будет тяготеть к начальной позиции, а дополнения — к предглагольной. На первый взгляд, это как раз та тенденция, которая наблюдается и в корпусе Худехебюре, и в нашем корпусе. Тем не менее, имеется и материал, противоречащий «нулевой гипотезе». С одной стороны, вопросительные дополнения и наречия могут располагаться левее подлежащих, как в примерах (14a-b). С другой стороны, вопросительные подлежащие могут располагаться правее дополнений и наречий, как в примерах (15a-b). Кроме того, в

предложениях идентификации и характеристики с вопросительным именным сказуемым засвидетельствованы оба порядка (SU PRED-*wh* и PRED-*wh* SU), а значит, один из них должен быть производным⁷.

(14) а. DO-*wh* SU V

NH/NS (CTH 176) KUB 21.38 obv. i 45'

man aṣiya=ya kuit š[EŠ=YA *memišta*]
IRR тогда=и что.ACC.SG.N брат=мой сказать.3SG.PST
'Что сказал бы мой брат тогда?' [148]

б. ADV-*wh* SU V

NH/NS (CTH 68.D) KUB 6.41+ rev. iii 47'–48'

našma kinun GIM-an mPEŠ.TUR-aš [(i)ya-t
или сейчас как Масхуилува.NOM.SG.C делать-3SG.PST
'Или как поступил Масхуилува сейчас?' [4]

(15) а. DO SU-*wh* V

OH/NS (CTH 16.a.A) KUB 31.4+ obv. 12

[(KUR.KUR^{III.A})=m]a *ḫūman kui-š* *ḫar-zi*
страны=но весь.ACC.SG.N кто-NOM.SG.C иметь-3SG.PRS
'Кто обладает всеми странами?' [216]

б. DO ADV SU-*wh* V

OH/NS (8.A) KBo 3.34 obv. i 19

kūš arḫa kui-š peḫute-t
этот.ACC.PL.C прочь кто-NOM.SG.C приносить-3SG.PST
'Кто их увел?' [214]

Итак, по меньшей мере часть примеров не укладывается в модель Хаггарда и демонстрирует изменение базового порядка слов, то есть передвижение. Соответственно, на первый план выходят модели, предполагающие особый порядок слов в частновопросительном предложении: модель Хоффнера, в которой вопросительные группы передвигаются в предглагольную позицию, и модель Худехебюре, предусматривающая две фокусных позиции — начальную и предглагольную.

Если рассматривать расположение вопросительных групп в предглагольной позиции как следствие их передвижения, то оно не может происходить в синтаксисе, поскольку предпола-

⁷ Поскольку лишь один из нескольких альтернативных порядков может быть базовым, то есть полученным в соответствии с правилами фразовой структуры.

гает передвижение вправо / вниз. Во-первых, между глаголом и нижним дополнением при левостороннем ветвлении отсутствует структурная позиция, которая соответствовала бы цели передвижения. Во-вторых, даже если бы такая позиция существовала, нарушалось бы ограничение на передвижение, согласно которому след от передвижения должен быть связан передвинувшейся составляющей (см. аналогичную аргументацию для тюркских языков в (Lyutikova 2024)). Передвижение вопросительных групп в начальную позицию удовлетворяет ограничениям на передвижение, поскольку может быть ассоциировано со спецификатором какой-либо высокой функциональной проекции, обладающим структурным приоритетом над остальным материалом клаузы. Таким образом, из двух позиций для вопросительных и фокусных групп, идентифицируемых в работе Худехебюре, только одна может быть получена передвижением вопросительной группы. Для предглагольной позиции вопросительных и фокусных групп (единственная позиция в модели Хоффнера, вторая из фокусных позиций у Худехебюре) анализ через передвижение вопросительного местоимения неприменим.

Мы предлагаем возможное теоретическое решение, позволяющее не только синтаксически продеривировать две позиции вопросительных групп в хеттском материале, но и объяснить интерпретационные различия между начальным и предглагольным фокусом, отмечаемые у Худехебюре. Мы опираемся на модель хеттской клаузы с расщепленной левой периферией и выделенной предглагольной позицией, разработанную в (Lyutikova, Sideltsev 2019; 2021; Lyutikova, Sideltsev 2021; 2023). В соответствии с этой моделью мишенью передвижения вопросительных и относительных местоимений выступает позиция спецификатора предглагольного подчинительного союза (C_{PREV}) в области низкой левой периферии. В непосредственной предглагольной позиции располагаются вершины из области низких проекций клаузы: провербы, определенные классы наречий, отрицание, а также аргументы и адъюнкты глагола с узкой сферой действия, например, неопределенные местоимения в сфере действия отрицания, см. Sideltsev 2024).

- (16) $\underbrace{[\text{ForceP } C_{\text{INT}} [\text{MoodP } \text{IRR} [\text{TopP } \text{XP}_{\text{TOP}} [\text{FinP } \text{XP}_{\text{FOC}} [\text{FinP } \text{wh-XP } C_{\text{PREV}} [\text{TP } \dots [\text{NegP } \dots [\text{VP } \dots]]]]]]]]}_{\text{высокая левая периферия}} \underbrace{\phantom{[\text{FinP } \text{XP}_{\text{FOC}} [\text{FinP } \text{wh-XP } C_{\text{PREV}} [\text{TP } \dots [\text{NegP } \dots [\text{VP } \dots]]]]]]}_{\text{низкая левая периферия}} \underbrace{\phantom{[\text{TP } \dots [\text{NegP } \dots [\text{VP } \dots]]]]}_{\text{непосредственная предглагольная позиция}}$

Второй компонент анализа — гипотеза о просодической выделенности предглагольной позиции в хеттском языке. Поскольку хеттский язык относится к классу языков SOV, можно предположить, что по умолчанию основной рематический акцент клаузы располагается на знаменательной составляющей, непосредственно предшествующей глаголу (Kahnemuyiour 2009). Соответственно, при широком фокусе — в тетических предложениях и в предложениях с предикатным фокусом — акцентируется предглагольный аргумент: прямое или косвенное дополнение. При узком фокусе фокусный акцент смещается с дефолтной позиции и оформляет фокусируемую составляющую. Тем не менее, имеется тенденция к такой организации клаузы, при которой носитель узкого фокуса оказывается в предглагольной позиции, что может достигаться эвакуацией материала, расположенного между фокусируемой составляющей и глаголом, в вышестоящие проекции (Lyutikova 2024).

Мы полагаем, что позиция вопросительных групп в клаузе определяется двумя процессами, из которых первый является обязательным, а второй — факультативным. Первый процесс — это передвижение вопросительных групп из базовой позиции в позицию спецификатора предглагольного союза (Spec, C_{PREV}). Этот процесс помещает вопросительную группу в ее критериальную операторную позицию и является обязательным для интерпретации клаузы как вопросительной. За счет этого передвижения может нарушаться дефолтный порядок следования аргументов и адъюнктов, соответствующий грамматической иерархии: например, вопросительное дополнение или наречие может оказываться левее подлежащего, как в примерах (14a-b). Второй процесс — последующее передвижение нефокусного материала в топиальные позиции между зонами высокой и низкой левой периферии. Эвакуация нефокусного материала необязательна: она лишь создает гармоничную просодическую структуру вопросительной клаузы с предглагольным расположением составляющей — носителя фокусного акцента. За счет этого передвижения также происходят инверсии, нарушающие порядок следования аргументов и адъюнктов:

например, вопросительное подлежащее оказывается правее дополнений, как в примерах (15a-b).

Таким образом, наш анализ объясняет, с одной стороны, случаи начального и непредглагольного расположения вопросительных групп (как следствие их передвижения в область низкой левой периферии, в проекцию предглагольного союза), а с другой стороны — случаи предглагольного неначального расположения вопросительных групп (как следствие последующей эвакуации нефокусного материала из предглагольной позиции). Более того, естественную интерпретацию получает отмечаемое в работе П. Худехебюре распределение по начальной и предглагольной позициям вопросительных групп, соответствующих информационному и контрастивному фокусу: вопросы с начальными вопросительными группами нейтральны, а с предглагольными — контрастивны. В нашей модели деривация контрастивного фокуса, в отличие от информационного, связана с бóльшим количеством преобразований.

Наконец, появление аргументов и адьюнктов в постглагольной позиции при предглагольном расположении вопросительных групп также может быть объяснено как альтернативный способ деривации предглагольного положения спецификатора предглагольного союза. Можно предположить, что в этом случае сам глагол передвигается в вершину S_{PREV} и таким образом достигается предглагольное расположение вопросительной группы в S_{PREV} , S_{PREV} . Подобную деривацию для идентифицирующего фокуса в венгерском языке предлагает К. Киш (Kiss 1998: 247) (передвижение глагола в (17b) видно по позиции перфективного преверба, который оказывается справа от глагола после его передвижения в фокусную вершину).

(17) а. информационный фокус

Tegnap este be mutatam Pétert MARINAK.
 прошлый вечер PFV представить.PST.1SG Петер.ACC Мария.DAT
 ‘Прошлым вечером я представил Петера МАРИИ.’

б. идентифицирующий фокус

Tegnap este MARINAK_i mutatam_j be t_j
 прошлый вечер Мария.DAT представить.PST.1SG PFV
Pétert t_i.
 Петер.ACC
 ‘Это МАРИИ я представил Петера прошлым вечером.’

Таким образом, все разнообразие линейных позиций вопросительных групп в вопросительных клаузах хеттского языка можно объяснить при помощи двух процессов: стандартного А'-передвижения вопросительной группы в операторную позицию левой периферии клаузы (ср. с образованием частных вопросов в европейских языках) и просодически мотивированных передвижений, обеспечивающих предглагольную позицию фокусной составляющей (эвакуация нефокусного материала из предглагольной позиции и — реже — передвижение глагола в вершину предглагольного союза). Деривация различных типов частновопросительных клауз схематически показана в (18)-(20).

(18) деривация клаузы с непредглагольной вопросительной группой (=14a)

NH/NS (СТН 176) KUB 21.38 obv. i 45'

man apiya=ya kuit š[EŠ=YA *memišta*]
IRR тогда=и что.ACC.SG.N брат=мой сказать.3SG.PST
'Что сказал бы мой брат тогда?' [148]

ВЛП	ТОПИКИ	НЛП	ПРЕДГЛАГОЛЬНАЯ ОБЛАСТЬ	ГЛАГОЛ
		фокус <i>wh</i> -группы	аргументы и адъюнкты	
= <i>ya man</i>			š[EŠ=YA] <i>apiya kuit</i>	[<i>memišta</i>]
<i>man</i>		<i>apiya_i=ya kuit_j</i>	š[EŠ=YA] <i>t_i t_j</i>	[<i>memišta</i>]

(19) деривация клаузы с предглагольной вопросительной группой (=15a)

OH/NS (СТН 16.a.A) KUB 31.4+ obv. 12

[(KUR.KUR^{III.A})=*m*]a *hūman kui-š har-zi*
страны=но весь.ACC.SG.N кто-NOM.SG.C иметь-3SG.PRS
'Кто обладает всеми странами?' [216]

ВЛП	ТОПИКИ	НЛП	ПРЕДГЛАГОЛЬНАЯ ОБЛАСТЬ	ГЛАГОЛ
		фокус <i>wh</i> -группы	аргументы и адъюнкты	
= <i>ma</i>			<i>kuiš</i> KUR.KUR ^{III.A} <i>hūman harzi</i>	
= <i>ma</i>		<i>kuiš_i</i>	<i>t_i</i> KUR.KUR ^{III.A} <i>hūman harzi</i>	
	KUR.KUR ^{III.A} = <i>ma</i>	<i>kuiš_i</i>	<i>t_i t_j</i>	<i>harzi</i>
	<i>hūman_j</i>			

(20) деривация клаузы с предглагольной вопросительной группой и заглагольными аргументами
ОН/MS (СТН 323.1.В) KUB 36.44+ obv. i 5’
ni kuit iē-zzi ^dIM-aš
CONN что.ACC.SG.N делать-3SG.PRS бог_грозы.NOM.SG.C
‘Что сделает Бог Грозы?’ [90]

	ВЛП	ТОПИКИ	НЛП	ПРЕДГЛАГОЛЬНАЯ ОБЛАСТЬ	ГЛАГОЛ
			фокус <i>wh</i> -группы союз	аргументы и адъюнкты	
<i>ni</i>				^d IM-aš <i>kuit</i>	<i>iēzzi</i>
<i>ni</i>			<i>kuit</i> _i	^d IM-aš <i>t</i> _i	<i>iēzzi</i>
<i>ni</i>			<i>kuit</i> _i <i>iēzzi</i> _j	^d IM-aš <i>t</i> _i	<i>t</i> _j

5. Позиция вопросительных местоимений
в разных типах клауз

В этом разделе мы сопоставим позиции вопросительных, относительных и неопределенных местоимений, образованных от одной основы *kui-*, опираясь на базу частновопросительных клауз, представленную в этой статье, и на базу местоимений, образованных от одной основы *kui-*, разработанную ранее и включающую их относительные и неопределенные употребления (Lyutikova, Sideltsev 2023; Lyutikova, Sideltsev 2024). Мы покажем, что различие в распределении по линейным позициям вопросительных, относительных и неопределенных употреблений *kui*-местоимений в хеттском языке статистически значимо и может быть объяснено на основе трех параметров, отличающих разные употребления данных местоимений: (i) их расположения *in situ*, синтаксического передвижения в зону низкой левой периферии или эвакуации из глагольной области; (ii) их ингерентного или частотного фокального статуса и (iii) их клитического статуса. В таблице 4 суммированы значения параметров для вопросительных местоимений, относительных местоимений (по: Lyutikova, Sideltsev 2023) и неопределенных местоимений (по: Lyutikova, Sideltsev 2024).

Таблица 4. Свойства *kui*-местоимений в хеттском языке

	контекст употребления	передвижение	фокальный статус	клитический статус
Вопросительные	частновопросительные клаузы	Сpec, C _{prev}	Да	ударные
Относительные	определенные относительные клаузы	Сpec, C _{prev}	нет	клитические
	неопределенные (максимализирующие) относительные клаузы	Сpec, C _{prev}	нет	ударные
Неопределенные	узкая сфера действия (нереферентные в СД отрицания)	<i>in situ</i>	могут входить в предикатный фокус	клитические
	широкая сфера действия (нереферентные в СД высоких операторов, референтные)	<i>in situ</i> / эвакуация из vP	нет	клитические
	множественные партитивы	эвакуация из vP	нет	ударные

Представим теперь сравнительную описательную статистику для трех классов *kui*-местоимений. Поскольку количество употреблений вопросительных местоимений в корпусе существенно меньше, чем относительных и неопределенных, мы рассмотрим только относительные и неопределенные проформы, чтобы выборки были примерно одинакового размера. База частновопросительных клауз содержит 217 вхождений, в базе *kui*-местоимений содержится 310 клауз с относительным употреблением и 438 клауз с неопределенным употреблением.

Распределение данных местоимений в соответствии с позицией в клаузе показано в таблице 5. В отдельные столбцы выделены позиции после откладывающих элементов — коннекторов *ni* и *pašta*, условного союза, неклитического показателя ирреалиса, а также обращений. Они обозначены как *2ni* (вторая позиция в клаузе с откладывающим элементом в первой позиции), *3ni* (третья позиция в клаузе с откладывающим элементом в первой позиции) и т.п. При подсчете процентов такие позиции объединяются с предыдущими (*2ni* с первой, *3ni* со второй, *4ni* с третьей). Начиная с 4-й позиции все дальнейшие позиции суммируются в одной группе.

Таблица 5. Распределение *kui*-местоимений по позициям в клаузе

	1	2nu	2	3nu	3	4nu	4+	всего
Вопросительные	76	37	39	14	31	6	14	217
	52%		24,4%		17%		6,6%	100%
Относительные (проформы)	100	32	115	23	20	6	14	310
	42,6%		44,5%		8,4%		4,5%	100%
Неопределенные (проформы)	10	8	24	129	56	56	155	438
	4%		35%		25,6%		35,4%	100%

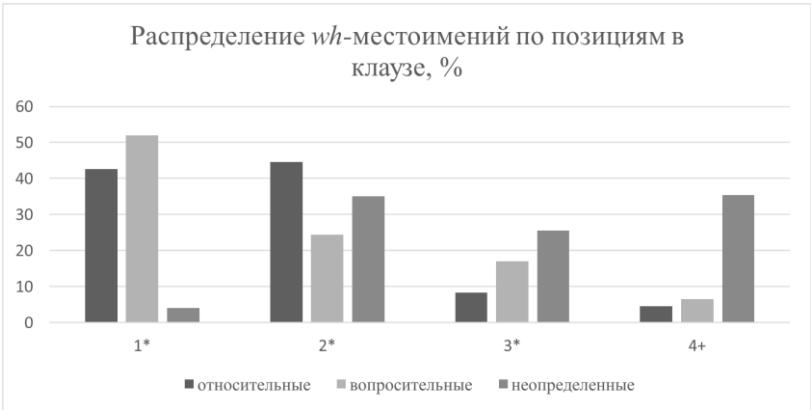


Рис. 2. Гистограмма распределения *kui*-местоимений по позициям в клаузе

Мы видим, что доля вопросительных местоимений последовательно убывает с увеличением номера позиции с начала клаузы. Относительные местоимения представлены в основном в первой и второй позициях, их доля в более удаленных от начала клаузы позициях существенно ниже, чем у вопросительных. Наконец, неопределенные местоимения редко встречаются в первой позиции и тяготеют к удаленным от начала клаузы позициям.

Рассмотрим теперь распределение *kui*-местоимений в отношении линейной позиции перед глаголом. Здесь можно выделить три типа: расположение в предглагольной неначальной позиции (истинная предглагольная позиция), расположение в предглагольной и одновременно начальной (1*) позиции (короткие клаузы из 2–3 слов) и расположение не в предглагольной позиции (между местоимением и глаголом расположено как минимум одно зависимое глагола). Данные представлены в таблице 6 и на рис. 3. Различия между тремя группами вопросительных местоимений статистически значимы (χ^2 , $p < 0.001$).

Таблица 6. Распределение *kui*-местоимений в отношении позиции глагола

	предглагольная	предглагольная / начальная	не предглагольная	всего
вопросительные	72 33%	73 34%	72 33%	217
относительные (проформы)	41 13%	76 25%	193 63%	310
неопределенные (проформы)	308 70%	15 4%	115 26%	438

Рис. 2. Гистограмма распределения *kui*-местоимений в отношении позиции глагола

На гистограмме виден наибольший контраст между относительными и неопределенными местоимениями: если для неопределенных местоимений предглагольная позиция является наиболее частотной, то для относительных — наиболее редкой позицией. Вопросительные местоимения встречаются в предглагольной и не предглагольной позиции практически одинаково часто.

Тяготение местоимений разных классов к разным линейным позициям в клаузе можно объяснить при опоре на их деривационную историю. Наибольший контраст наблюдается между поведением неопределенных и относительных местоимений. Неопределенные местоимения крайне редко встречаются как в первой, так и во второй позиции в клаузе и наиболее часто обнаруживаются в предглагольной позиции. Редкая первая позиция — это позиция неопределенных местоимений в множественных партитивах: они выдвигаются в топикальную пози-

цию и при этом являются ударными. Предглагольная позиция — это позиция *in situ* для неопределенных местоимений. Кроме того, поскольку все прочие типы неопределенных местоимений являются клитическими, просодические инверсии часто сдвигают неопределенные местоимения на одну или несколько позиций вправо.

Относительные местоимения, напротив, тяготеют к началу клаузы, что объясняется их передвижением в операторную позицию на левой периферии клаузы. Поскольку в нашем материале представлены как определенные, так и неопределенные (максимализирующие) относительные клаузы, в значительной доле случаев мы имеем дело с клитическим относительным местоимением и, следовательно, просодической инверсией. Первая позиция относительного местоимения — это позиция ударного местоимения в максимализирующих относительных клаузах без выдвижения фокусных и топиальных составляющих на левую периферию.

Наконец, вопросительные местоимения демонстрируют двойственную ориентацию: с одной стороны, более 50% частновопросительных клауз имеют вопросительное местоимение в начальной позиции; с другой же стороны, третья часть клауз содержит вопросительное местоимение в предглагольной позиции. Мы полагаем, что такое распределение отражает две характеристики вопросительных местоимений: их семантику оператора (что влечет необходимость передвижения в операторную позицию на левой периферии клаузы) и их ингерентный статус фокуса (что способствует дополнительным преобразованиям линейной структуры клаузы с целью добиться предглагольного положения фокальной составляющей). Наконец, ударность вопросительных местоимений исключает просодическую инверсию и сдвиг местоимения вправо. Этим объясняется разное распределение вопросительных и относительных местоимений между первой и второй позициями: у относительных местоимений наиболее частотна вторая позиция, а у вопросительных — первая. Напротив, неопределенные местоимения крайне редко встречаются как в первой, так и во второй позиции в клаузе и наиболее часто обнаруживаются в предглагольной позиции.

6. Выводы

Таким образом, в данной статье мы показали, что в описательном плане линейная позиция вопросительных групп в частновопросительных клаузах в хеттском распределена примерно поровну между начальной и предглагольной позициями. С точки зрения деривации мы продемонстрировали, что позиция вопросительных групп в частновопросительных клаузах в хеттском языке не сводима к предполагавшейся в работе (Huggard 2015) позиции *in situ* и определяется двумя процессами: стандартным передвижением вопросительной группы в операторную позицию левой периферии клаузы (ср. с образованием частных вопросов в европейских языках) и просодически мотивированными передвижениями, обеспечивающими предглагольную позицию фокусной составляющей (эвакуация нефокусного материала из предглагольной позиции и — реже — передвижение глагола в вершину предглагольного союза).

Литература

- Collins, Ch. 1991: Why and how come. *MIT Working Papers in Linguistics* 15, 31–45.
- Goedegebuure, P. 2009: Focus structure and Q-words questions in Hittite. *Linguistics* 47, 945–969.
- Hoffner, H. A. Jr. 1995: About Questions. In: T. van den Hout, J. de Roos (eds.), *Studio Historiae Ardens. Ancient Near Eastern Studies Presented to Philo H.J. Houwink ten Cate on his 65th Birthday*. Istanbul: Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut te Istanbul, 87–104.
- Hoffner, H. 1998. *Hittite Myths*. 2nd ed. (SBL WAW 2). Atlanta: Scholars Press.
- Hoffner, H., Melchert, C. 2024: *The Hittite grammar*. 2nd ed. The Winona Lake: Eisenbrawns.
- Huggard M. 2011: On Wh-(Non)-Movement and Internal Structures of the Hittite Preposed Relative Clause. In: S. W. Jamison, H. C. Melchert, and B. Vine (eds.), *Proceedings of the 22nd Annual UCLA Indo-European Conference*. Bremen: Hempen, 83–104.
- Huggard, M. 2015: *Wh-words in Hittite*. PhD Dissertation, University of California, Los Angeles.
- Kahnemuyipour, A. 2009: *The syntax of sentential stress*. Oxford: Oxford University Press.
- É. Kiss, K. 1998: Identificational focus versus information focus. *Language* 74, 245–273.

- Kloekhorst, A. 2014: *Accent in Hittite: A Study in Plene Spelling, Consonant Gradation, Clitics, and Metrics* (StBoT 56). Wiesbaden: Harrassowitz.
- Ko, H. 2005: Syntax of Why-in-situ: Merge into [Spec,CP] in the overt syntax. *Natural Language & Linguistic Theory* 23/4, 867–916.
- Lyutikova, E. A., 2024: Word order and positional phenomena in Turkic languages. *3rd International Conference Problems of Informatics, Electronics, and Radio Engineering (PIERE)*, IEEE Novosibirsk, 1770–1774.
- Lyutikova, E. A., Sideltsev, A. V. 2019: Khettskij porjadok slov i napravlenije vetvlenija. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Hittite word order and branching direction. *Indo-European linguistics and classical philology*] 23, 728–763.
- Лютикова Е. А., Сидельцев, А. В. 2019: Хеттский порядок слов и направление ветвления. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 23, 728–763.
- Lyutikova, E. A., Sideltsev, A. V. 2021: Skobochnyje paradoksy na granitse klauz v khettskom jazyke. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Bracketing paradoxes at clausal boundaries in Hittite. *Indo-European linguistics and classical philology*] 25/1, 809–846.
- Лютикова Е.А., Сидельцев, А.В. 2019: Скобочные парадоксы на границах клауз в хеттском языке. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 25/1, 809–846.
- Lyutikova, E. A., Sideltsev, A. V. 2023 *Hettskij sintaksis v nauchnom osveschenii* [Hittite syntax and linguistic theory]. Moscow.
- Лютикова, Е. А., Сидельцев, А. В. 2023: *Хеттский синтаксис в научном освещении*. М.: Буки-Веди.
- Lyutikova, E. A., Sideltsev, A. V. 2024: Markirovannyje i nemarkirovannyje neopredelennyje mestoimenija v khettskom jazyke. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Marked and non-marked indefinite pronouns in Hittite: cliticization, structural position, interpretation. *Indo-European linguistics and classical philology*] 28/2, 1056–1090.
- Лютикова Е. А., Сидельцев, А. В. 2024: Маркированные и немаркированные неопределенные местоимения в хеттском языке: клитический статус, структурная позиция, интерпретация. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 28/2, 1056–1090.
- Miyagawa, S. 2017: *Agreement beyond Phi*. Cambridge (Mass.): MIT Press.
- Ochi, M. 2004: How come and other adjunct wh-phrases: A cross-linguistic perspective. *Language and Linguistics* 5.1, 29–57.

- Ochi, M. 2014: Wh-adjuncts, Left Periphery, and Wh-in-situ. In: A. Li, A. Simpson (eds), *Chinese Syntax in a Cross-Linguistic Perspective* (Oxford Studies in Comparative Syntax). New York, online ed., Oxford Academic
<https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199945658.003.0015>,
accessed 21 Feb. 2025.
- Rizzi, L. 1990: *Relativized minimality*. The MIT Press.
- Russkaya grammatika 1980: Shvedova N. Yu. et al. (eds.), *Russkaya grammatika* [Grammar of the Russian language]. Moscow. Шведова Н. Ю. и др. (ред.), *Русская грамматика*. М.: Наука.
- Sadock, J.M. 1971: Queclaratives. In: *Papers from the seventh regional meeting of the Chicago linguistic society*, 223–232.
- Shlonsky, Ur, Gabriela Soare. 2011: Where's 'Why'? *Linguistic Inquiry* 42/4, 651–669.
- Sideltsev A. 2014a. Wh-in-situ in Hittite. In: E. Lyutikova, A. Zimmerling, M. Konoshenko (eds.), *Typology of Morphosyntactic parameters. Proceedings of the Conference Typology of Morphosyntactic parameters 15–17.10.2014*. Moscow: MGGU, 199–222.
- Sideltsev A. 2014b: Clause Internal and Clause Leftmost Verbs in Hittite. *Altorientalische Forschungen* 41/1, 80–111.
- Sideltsev, A. 2015: Hittite Clause Architecture. *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale* 109/1, 79–112.

СПИСОК АВТОРОВ

первой части тома

- Абузина Светлана Сергеевна, Санкт-Петербургский институт истории РАН, аспирант; Семинар греческой и латинской филологии Цюрихского университета, приглашенный исследователь. lana.abuzina@yandex.com
- Александров Борис Евгеньевич, канд. ист. наук, доцент кафедры истории Древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва. boris_alexandrov@icloud.com
- Алексеева Алина Алексеевна, преподаватель кафедры классической филологии, Московский гос. лингвистический университет a.alexiana@yandex.ru
- Анашкин Антон Владимирович, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Московский гос. лингвистический университет, Москва, Россия. miles-an@ Rambler.ru
- Антонец Екатерина Владимировна, доктор филол. наук, доцент кафедры классической филологии МГУ им. М. В. Ломоносова; evantonetz@yandex.ru
- Апенко Михаил Сергеевич, канд. ист. наук, мл. науч. сотр., Институт всеобщей истории mikhap97@live.com
- Арсеньев Михаил Николаевич, Отдел рукописей РНБ, археограф, Восточный факультет СПбГУ, аспирант. Санкт-Петербург, Россия. m.ars.rus@mail.ru
- Балаховская Александра Сергеевна, доктор филол. наук, вед. науч. сотр., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва, Россия, a.balakhovskaya@gmail.com
- Беликов Алексей Евгеньевич, канд. филол. наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, эксперт Лаборатории междисциплинарного анализа социума, культуры и истории (МАСКИ) ФПМИ Национального исследовательского университета «Московский физико-технический институт». belikov.smu@gmail.com
- Бехтер Анастасия Петровна, канд. ист. наук, СПб ИИ РАН, Санкт-Петербург, Россия. anabekhther@gmail.com
- Битнер Кирилл Андреевич, канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Отдел сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований, Институт лингвистических исследований РАН. kirvonbuettner@gmail.com,
- Богданов Иван Валерьевич, канд. ист. наук, вед. науч. сотр. Отдела Древнего Востока ИВР РАН. jwan.bgd@yandex.ru
- Бондарко Николай Александрович, доктор филол. наук, вед. н. сотр. ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия. n-bond@yandex.ru
- Братухин Александр Юрьевич, доктор филол. наук, проф. Кафедры мировой литературы и культуры ПГНИУ, Bratucho@yandex.ru

- Братухина Людмила Викторовна, канд. филол. наук, доцент кафедры мировой литературы и культуры, Пермский государственный национальный исследовательский университет Loli28@yandex.ru
- Бузурнюк Екатерина Николаевна, канд. филол. наук, научный сотрудник ИМЛИ РАН / доцент РАНХиГС, Москва, Россия. katerinabuz@gmail.com
- Васильев Андрей Владимирович, канд. ист. наук, доц. кафедры истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ, ст. преп. ЦСиГН Университета ИТМО, учитель истории 610-й классической гимназии Петроградского района. a.v.vasilyev@spbu.ru.
- Васильева Ирина Эдуардовна, канд. филол. наук, доц. Кафедры истории русской литературы СПбГУ. i.vasileva@spbu.ru
- Ведешкин Михаил Александрович, канд. ист. наук, ст. науч. сотр. ИВИ РАН, доцент ИОН РАНХиГС. Balatar@mail.ru
- Верлинский Александр Леонардович — доктор филол. наук, вед. н. сотр. ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия. verlinsky@mail.ru
- Виноградов Андрей Юрьевич, канд. ист. наук, доцент Высшей школы экономики и Московской духовной академии. auvinogradov@hse.ru
- Волошина Оксана Анатольевна, канд. филол. наук, доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; Университет МГУ-ППИ, Шэньчжэнь, Китай. oханав2005@mail.ru
- Выдрин Арсений Павлович, канд. филол. наук, с.н.с., Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, senjacom@gmail.com
- Гавриченко Александр Николаевич — канд. педагогических наук, доцент кафедры теории языкознания и немецкого языка Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, pr_nz@mail.ru
- Гвоздецкая Наталья Юрьевна, доктор филол. наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Российский гос. гуманитарный университет (РГГУ) / Сретенская духовная академия, профессор; Москва, Россия; ngvozdz@yandex.ru
- Гимадеев Ильяс Рустэмович, канд. филол. наук, доц. филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, МГУ имени М. В. Ломоносова / МАСКИ, МФТИ, Физтех eliasgimad@mail.ru
- Голикова Мария Сергеевна, канд. филос. наук, доц. кафедры классической филологии, Московский государственный лингвистический университет. golikofff@list.ru
- Гуськов Евгений Александрович, канд. ист. наук, доц. МГПУ, Москва, Россия. megistos@yandex.ru
- Двинятин Фёдор Никитич, канд. филол. наук, доц. филологического факультета СПбГУ. feodvin@yahoo.com

- Десницкая Евгения Алексеевна, канд. филос. наук, научный сотрудник ИВР РАН, khecari@yandex.ru
- Джаксон Татьяна Николаевна — доктор ист. наук, гл. науч. сотр., Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия. Tatjana.Jackson@gmail.com
- Джункова Катарина, канд. филол. наук, аспирант, Философский факультет Карлова университета, Прага, Чехия. katarina.dzunkova@seznam.cz
- Дзицойты Юрий Альбертович, канд. филол. наук, Юго-Осетинский государственный университет, Цхинвал, Южная Осетия / с. н. с Центра скифо-аланских исследований ВНИЦ РАН, dzicc@mail.ru
- Домосилецкая Марина Валентиновна, канд. филол. наук, с. н. с., Институт лингвистических исследований РАН, marinaling@mail.ru
- Драчёва Нина Владимировна, канд. филол. наук, доцент кафедры классической филологии ИВКА РГГУ, nvdrachiova@mail.ru
- Дудко П. А. Национальный медицинский исследовательский центр имени В. А. Алмазова, Санкт-Петербург, Россия. dudko_pa@almazovcentre.ru
- Егорова Софья Кондратьевна, канд. филол. наук, доцент, СПбГУ, Филологический факультет. s.egorova@spbu.ru
- Емельянов Владимир Владимирович, доктор филос. наук, проф. кафедры семитологии и гебраистики СПбГУ. banshur69@gmail.com
- Еселева Анастасия Александровна, канд. филол. наук, ст. научн. сотрудник ИЛИ РАН, eselana@mail.ru
- Желтов Александр Юрьевич, доктор филол. наук, проф. кафедры африканистики СПбГУ, a.zheltoy@spbu.ru
- Желтова Елена Владимировна, доктор филол. наук, проф. кафедры классической филологии СПбГУ, e.zheltova@spbu.ru
- Жугра Альвина Венедиктовна, канд. филол. наук, ведущий науч. сотр. Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия. ajugra@rambler.ru
- Забудская Яна Леонидовна, канд. филол. наук, доц. кафедры классической филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; доц. филологического факультета Совместного университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, КНР. yanazabud@mail.ru
- Зайцев Дмитрий Владимирович, доц. кафедры всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ст. науч. сотр. Лаборатории междисциплинарного анализа социума, культуры и истории (МАСКИ) ФПМИ Национального исследовательского университета «Московский физико-технический институт», dmitriyzaits@yandex.ru

- Захарченко Анна Олеговна, аспирант кафедры классической филологии МГУ / преподаватель МГЛУ им. Мориса Тореза. Москва. anna.zakharchenko.jim@gmail.com
- Зельченко Всеволод Владимирович, канд. филол. наук, ст. науч. сотрудник Института древних рукописей им. Месропа Маштоца (Матенадаран), Ереван, Армения; vsevolodzelcenko@gmail.com, v-zelchenko@yandex.ru
- Золян Сурен Тигранович, доктор филол. наук, проф. Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Калининград, Россия / Российско-Армянский университет, Ереван, Армения surenzolyan@gmail.com
- Ибрагимов Ильдар Ильбекович, канд. филол. наук, Институт лингвистических исследований РАН / СПбГУ, ibragimov.lectures@yandex.ru
- Иванов Сергей Валентинович — канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН. serge0ivanov@gmail.com
- Иванова Елена Юрьевна, доктор ф. наук, профессор, профессор СПбГУ. eli2403@yandex.ru
- Илюшечкина Екатерина Викторовна, канд. ист. наук, PhD phil. (Groningen), доцент кафедры Классической филологии ИВКА РГТУ, доцент кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета ИОН РАНХиГС ilyushechkinae@gmail.com
- Казанский Николай Николаевич, академик РАН, научный руководитель ИЛИ РАН. nkazansky@iling.spb.ru
- Каменев Д. М. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург. kamenev.daniel2000@gmail.com
- Каргальцев Алексей Витальевич, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры Истории религии и теологии, РГПУ им. А. И. Герцена, кандидат исторических наук, akargaltsev@herzen.spb.ru
- Карлова Ксения Федоровна, канд. ист. наук, ст. научный сотрудник Отдела истории и культуры древнего Востока ФГБУН «Институт востоковедения РАН». kseniadom87@mail.ru
- Кириллова Мария Николаевна, канд. ист. наук, н.с. отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН, доц. кафедры истории МГТУ им. Н. Э. Баумана; mnkirillowa@bmstu.ru
- Кисиlier Максим Львович, канд. филол. наук, доцент кафедры общего языкознания им. Л. А. Вербицкой СПбГУ, ст. науч. сотр. ИЛИ РАН. m.kisilier@spbu.ru, maxim@iling.spb.ru
- Климов Олег Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, зав.кафедрой истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ. o.klimov@spbu.ru
- Коровина Евгения Владимировна, м.н.с. Институт языкознания РАН / Северо-Восточный федеральный университет. jekorovina@gmail.com

- Короленков Антон Викторович, канд. ист. наук, доцент, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, sallust@list.ru
- Корсо Антонио (Corso Antonio), Dr. Prof., University of Cyprus. antoniocorso@hotmail.com
- Корчагин Алексей Олегович — канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры древних языков исторического факультета Московского Гос. Университета им. М. В. Ломоносова. megistos@mail.ru
- Котова Анастасия Викторовна, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета ветеринарной медицины anastakot@gmail.com
- Курилова Анна Дмитриевна, канд. филол. наук, доц. Института лингвистики и межкультурной коммуникации I-го МГМУ им. И. М. Сеченова, e-mail: akurilova@mail.ru,
- Курешева Марина Александровна, канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия. kurysheva@yandex.ru
- Ладынин Иван Андреевич — доктор ист. наук, доц. кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; проф. Школы исторических наук Нац. исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. ladinin@mail.ru
- Ларионова Наталья Богдановна, канд. культурологии, доц. кафедры классической филологии МГЛУ; старший преподаватель Института лингвистики и межкультурной коммуникации I-го МГМУ им. И. М. Сеченова
- Луховицкий Лев Всеволодович, канд. филол. наук, доцент, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». lukhovitskiy@gmail.com
- Любжин Алексей Игоревич, доктор филол. наук, эксперт Лаборатории междисциплинарного анализа социума, культуры и истории (МАСКИ) Национального исследовательского университета «Московский физико-технический институт». vultur@mail.ru
- Лютикова Екатерина Анатольевна, доктор филол. наук, МГУ им. М. В. Ломоносова / Институт языкознания РАН. Москва, Россия. lyutikova2008@gmail.com
- Сидельцев Андрей Владимирович, доктор филол. наук, Институт языкознания РАН, Москва, Россия. acidelev@gmail.com
- Фалилеев Александр Игоревич, доктор филол. наук, Институт лингвистических исследований РАН.

Научное издание
Учредитель Институт лингвистических исследований РАН

Индоевропейское языкознание и классическая филология XXIX (1) (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 16–18 июня 2025 г. / Гл. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2025. 1142 с.
(= Индоевропейское языкознание и классическая филология, 29 (1), 2025).

Indo-European linguistics and classical philology XXIX (1) (Joseph M. Tronsky memorial Conference). Proceedings of the International Conference, St. Petersburg, 16–18 June, 2025 / Edited by Nikolai N. Kazansky. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS, 2025. — 1142 p.
(= Indo-European Linguistics and Classical Philology, vol. 29 (1), 2025).

Свидетельство ПИ № ФС 77 - 60970, Выдано Роскомнадзором 05 марта 2015 г.
ISSN 2306-9015 Indoevropskoe âzykoznanie i klassičeskaâ filologîâ
ISSN 2658-6452 (электронная версия)

Подписано к печати 1 июня 2025 г.
Вышло в свет 20 июня 2025 г.
Распространяется бесплатно.
Формат 60х88 1/16
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 44. Тираж 500 экз. Заказ № ____.

Институт лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
Тел. (812) 328-16-12
e-mail: iliran@mail.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Поликона»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 13
9450922@gmail.com